МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5

ОРЕЛ – 2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексев А.П., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:
01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Коллектив авторов, 2012
© Орловский государственный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

С.А. Долгова
РОЛЬ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ . . . 7

А.В. Любавцев
УНИВЕРСИТЕТ КАК СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОНЯТИЕ МОБИЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СТРУКТУР . . . 11

Н.В. Сухорукова
ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ МОЛОКОМ И МОЛОЧНЫМИ ПРОДУКТАМИ . . . 15

А.Б. Таукенов
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ . . . 20

А.А. Тихомиров
РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ КАПИТАЛИЗИРУЕМОЙ ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА . . . 25

Е.А. Хованская
ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ БЮДЖЕТНЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ . . . 31

А.А. Цвырко
БЮДЖЕТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ И РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА . . . 35

И.А. Шартогашев
ГРАНИЦЫ МАЛОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РИСКОВ . . . 39

ИСТОРИЯ

В.И. Астрахан
ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В XIX в.: ДИНАМИКА, ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ . . . 42

М.Ю. Илюхин
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАСЕДАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (III – IV СОЗЫВЫ) . . . 46

Е.А. Кривец
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАВОЕВАНИЙ ЕГИПТА В СРЕДНИЕ ВЕКА . . . 54

А.В. Крыжан
МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1918-1924 гг. . . . 60

С.С. Минаков
ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОФИЦЕРОВ-СЕМЕНОВЦЕВ 1914 г. . . . 66

Э.А. Минакова
О «КЛЯТВЕННОМ ДОГОВОРЕ» КНЯЗЯ ИГОРЯ СТАРОГО С ВИЗАНТИЕЙ . . . 71

ФИЛОСОФИЯ

О.В. Беззубова
ВИЗУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В КУЛЬТУРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА 75

О.Б. Гладков
ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АРХАИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА . . . 80

И.В. Желтикова
ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ . . . 85

М.В. Жульков
ПОНЯТИЕ ЭНЕРГОСФЕРЫ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СФЕРНОМ ПОДХОДЕ . . . 94

В.В. Ким
КРИТЕРИИ ФАНАТИЗМА . . . 99

В.В. Лыткин
ПРОБЛЕМА ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ . . . 104

Н.А. Мартынова, С. Л. Мерцалова
КАРТИНА МИРА В РАМКАХ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА . . . 109

А.В. Римский, С.Н. Борисов
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ОТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА К МОДЕРНУ . . . 114

Е.В. Сальников
КОНЦЕПЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ . . . 123

Н.А. Чавкин
РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНННИЯ . . . 128

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

В.В. Винокуров
КОНЦЕПЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ РЕЛИГИИ РЕНЕ ЖИРАРА: ДВОЙНИК . . . 133

О.В. Давыденков
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕГО И ЕДИНИЧНОГО В ХРИСТОЛОГИИ УМЕРЕННОГО МОНОФИЗИТСТВА VI ВЕКА: СЕВИР АНТИОХИЙСКИЙ . . . 136
С.А. Панин
ИСТОРИЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ . . . 142
М.В. Устюжанина
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЛИГИИ ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ . . . 147
А.Б. Ярцев
СОВРЕМЕННОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОНЯТИЯ . . . 151

ФИЛОЛОГИЯ

Ж. Багана, А.А. Перкова
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭТИКЕТА В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ . . . 156
А.М. Белов
«ПРОБЛЕМА ФЕНИКСА»: ВЛИЯНИЕ КОНЕЧНОЙ ГРУППЫ СОГЛАСНЫХ НА ПОЗИЦИЮ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ . . . 160
Н.А. Бондарева
ТВОРЧЕСТВО В. БОРХЕРТА И ПОСЛЕВОЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА . . . 167
Е.С. Гаврилова
ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ КАК СРЕДСТВА НАРУШЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО КАЧЕСТВА РЕЧИ «ЛОГИЧНОСТЬ» В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗАЩИТИТЕЛЬНЫХ РЕЧАХ Ф.Н. ПЛЕВАКО (СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) . . . 171
В.В. Дергачев
«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИЦИЛИИ В 1822 г.» А.С. НОРОВА (К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЖАНРА ПУТЕШЕСТВИЯ) . . . 178
Е.Ф. Дудина
СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА Б.К. ЗАЙЦЕВА 1900-1921 ГОДОВ . . . 183
А.Э. Дудко
СОНЕТЫ Э.Б. БРАУНИНГ В ПЕРЕВОДАХ О.Н. ЧЮМИНОЙ . . . 189
Е.М. Криволапова
К ВОПРОСУ О ЖАНРООБРАЗУЮЩИХ ПРИЗНАКАХ ДНЕВНИКА . . . 198
А.Р. Лукинова
СТИХОТВОРЕНИЕ А.А. ФЕТА «ИСТРЕПАЛИСЯ СОСЕН МОХНАТЫЕ ВЕТВИ ОТ БУРИ, ...» В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТА 1860-х гг.. . . . 204
Е.В. Максимюк
КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ БЫТИЯ И МИРОВОСПРИЯТИЯ В РАССКАЗЕ А.И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ» . . . 209
С.С. Мартемьянова
КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАЖАНРАХ (АНАЛИЗ СТАТЬИ) . . . 217
Н.Е. Музалевский
РАННИЕ ПЬЕСЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО В ПИСЬМАХ П.В. АННЕНКОВА И И.С. ТУРГЕНЕВА . . . 221
Т.Б. Назарова, И.А. Кузнецова
КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО . . . 227
М.В. Орехова
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. ЗАЙЦЕВА . . . 233
А.И. Перелыгин
СПОСОБЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ . . . 237
М.А. Першина
ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА С АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ . . . 241
А.И. Салов
ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЩЕНИЯ ДЖОНА АПДАЙКА К ТЕМЕ ТЕРРОРИЗМА . . . 245
А.М. Таврина
ОБРАЗ ГЕРОЯ-ОБЫВАТЕЛЯ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ КОНЦА . . . 251
20-Х – НАЧАЛА 40-Х ГОДОВ XIX ВЕКА . . . 251
В.А. Телкова
СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР В ТРУДАХ МЕТОДИСТОВ БУСЛАЕВСКОЙ ШКОЛЫ . . . 258
Е.А. Усова
ВНУТРЕННИЙ МИР ГЕРОЯ В РОМАНЕ П.Б. ШЕЛЛИ «ЗАСТРОЦЦИ» . . . 267
М.А. Хазова
ЮРОДСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА: К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ТЕМЫ БЕЗУМИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА . . . 272

В.В. Чаркин
КОНЦЕПТ «ПОЭТ» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ С.Я. НАДСОНА 279
Д.А. Ягупова
ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ И ГЛАСНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ 285

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Н.Н. Антонова
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ САМООБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 291
И.Е. Бобкова
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КАРЬЕРЫ 294
О.А. Бондарева
НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС 299
В.В. Вахнина
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСОВ В ПЕРЕГОВОРАХ С ПРЕСТУПНИКАМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ 304
А.Ю. Грибов
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПЕДАГОГА-МАТЕМАТИКА П.А. НЕКРАСОВА. 309
Н.В. Егупова
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН» 313
Л.А. Ермакова, Н.Л. Хилкова, С.Н. Коношина
НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ХИМИИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА АГРАРНЫХ ВУЗОВ ПРИ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ 316
Н.В. Ефремичева
НАРОДНЫЙ КОСТЮМ КАК ОБЪЕКТ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ 324
Н.А. Ильина, О.В. Опрятова, Е.В. Кузнецова
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ОСНОВЕ СТАНДАРТОВ ИСО 9000 330
Н.А. Ильина, О.В. Опрятова, Е.В. Кузнецова
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОСТРОЕНИИ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ОРЛОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 337
Е.Н. Ковешникова, Е.А. Федоринова
ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА ЖИВОПИСИ С ЭЛЕМЕНТАМИ АРТ-ПЕДАГОГИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРОВ 342
Р.Н. Лаушкина
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ НА МУЗЫКУ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗНЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА 346
Л.А. Лукина
ПЕРВЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОРЛОВЩИНЕ: 1918-1922 гг.. 353
Н.Е. Лысенко
РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ. 358
М.В. Мартынова
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА УРОВНЕВУЮ СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ) 367
Е.В. Миронова
ПРИМЕНЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА ДЛЯ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА ПРИ УСТРОЙСТВЕ НА РАБОТУ 374
А.А. Павлов
АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАЩИХСЯ . . 378
А.С. Парфенов
ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ: ПРОБЛЕМЫ, АНАЛИЗ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ 385
А.А. Сергеев, Л.С. Макарова, Л.А. Одинцова
ЮМОР КАК ЭЛЕМЕНТ НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 389
Т.И. Смагина
ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 394
М.А. Соболева
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 399

А.С. Соколова
СИСТЕМА ПОДДЕРЖКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАРЬЕРЫ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ 404

Е.В. Соломина
МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ГЕОГРАФИИ 408

Н.В. Сычева
УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ И КРИТЕРИИ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПО ТЕМЕ «ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ УРАВНЕНИЯ». 417

Н.В. Тарасова, Л.И. Губарева
МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН 423

Е.Н. Чернышева
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ТЕОРИЙ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ 429

ПРАВО

Ю.В. Быстрова
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ 433

С.В. Васюков
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ 439

Н.С. Курышева, А.С. Архипов
ПРИНЦИП РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА 446

С.Г. Гонтарь
ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ – НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 454

В.И. Опрятов
ВНЕДРЕНИЕ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В ФГБОУ ВПО «ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» 457

С.А. Синенко
К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ 460

М.Н. Шишкина
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАЗУМНЫЙ СРОК 466

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ 475

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ 476

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ 477

С.А. ДОЛГОВА
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы, инвестиции и кредит» Орловского государственного аграрного университета
E-mail: s_a_dolgova@mail.ru
Тел. 8 910 306 58 33

РОЛЬ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается понятие политики в целом и в частности кредитной политики коммерческих банков. Определены функции кредитной политики, направления развития и указана ее роль в совершенствовании банковской деятельности.

Ключевые слова: ***банки, кредитная, политика, кредитоспособность, инвестиции, состоятельность, статус кво, рейтинг.***

Современный этап развития банковской системы характеризуется трансформацией условий функционирования коммерческих банков, вызванной структурными изменениями экономики России, ее интеграцией в мировое сообщество. В своей кредитной деятельности коммерческие банки активнее взаимодействуют со средой непосредственного окружения – расширяющимся и качественно изменяющимся кругом клиентов и партнеров. В связи с чем расширяется банковское кредитование, внедряются новые виды кредитных продуктов, форм и методов кредитования. Наряду с этим обостряется конкуренция на рынке кредитных продуктов и услуг, вследствие чего у банков возникает необходимость качественного совершенствования своей кредитной политики [1].

В современной российской банковской практике нет однозначного понимания дефиниции «кредитная политика». Политика (от греческого politike – искусство управления государством) трактуется в общем понимании как общественная деятельность [4].

Политика как сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями, определена в философском энциклопедическом словаре [10]. При этом подчеркивается, что политика – это особая специфическая форма общественной деятельности и как практические отношения, и как идеология – детерминирована движением экономических процессов и выступает как надстройка над экономическим базисом общества. Из чего следует вывод, что политика понимается одновременно и как деятельность (практические отношения), и как идеология, программа действий, концепция.

Кредитная политика – это лишь одна грань широкого спектра политики, проводимой банком в его деятельности. В отличие от различных видов экономической политики, кредитной политике присущи специфические черты. Прежде всего это то, что кредитная политика связана с управлением движения кредита во всех его формах и разновидностях. Именно поэтому кредитная политика – это политика как в области предоставления кредита, так и в области его получения, она включает в себя разработку научно обоснованной концепции организации кредитных отношений, постановку задач в области кредитования народного хозяйства и населения и проведения практических мер по их осуществлению[8].

Рассматривая функции в качестве специфического проявления сущности явлений, кредитная политика выполняет лишь одну, но важную функцию – функцию оптимизации кредитного процесса, действие которой направлено на реализацию стратегии развития банковской системы и достижение поставленных целей.

Роль кредитной политики заключается в определении приоритетных направлений развития и совершенствования банковской деятельности в процессе аккумуляции и инвестирования кредитных ресурсов, развитии кредитного процесса и повышении его эффективности.

Следует отметить, что не существует единой (одинаковой) кредитной политики для всех банков. Каждый конкретный банк определяет свою собственную политику, учитывая экономическую, политическую, социальную ситуацию в регионе его функционирования или принимая во внимание всю совокупность внешних и внутренних рисков, влияющих на работу конкретного банка.

Совокупный риск банка повышается, если он не имеет собственной кредитной политики, либо имеет кредитную политику невысокого качества или не смог довести ее основные положения до сведения конкретных исполнителей, что ставит под сомнение возможности ее реализации.

Экономические преобразования в российской

© С.А. Долгова

экономике ставят задачу улучшения функционирования кредитного механизма и выдвигают на первый план вопрос обоснования и использования экономических методов управления кредитом, что позволит предотвратить неоправданные кредитные вложения прежде всего с позиции народного хозяйства, ухудшение их структуры, обеспечит своевременный и полный возврат ссуд [7].

Достичь эффективности использования материальных и денежных ресурсов (кредитов) общества в сложившейся ситуации возможно путем организации кредитования с учетом методологически грамотно разработанной системы оценки кредитоспособности хозяйствующих субъектов с учетом специфики их функционирования, что и является ключевой задачей кредитной политики любого банка.

Существующие в банковской практике методики оценки кредитоспособности заемщика базируются на анализе финансового состояния клиента, т.е. на основе расчетов финансовых коэффициентов [5].

Методика оценки кредитоспособности заемщика, принятая в коммерческих банках России, основана на определении банками кредитоспособности предприятий, которая включает определение допустимого размера кредитов и сроков их погашения. Оценка проводится с помощью критериев, соответствие или несоответствие которым повышает или понижает вероятность возврата кредита. В связи с этим, целесообразно выделить два аспекта.

Первый аспект – определение кредитоспособности заемщика с позиций банка-кредитора.

Второй – заключается в определении соответствия требованиям кредитоспособности самим предприятием и проведении мероприятий по ее повышению. Эта сторона проблемы представляется крайне важной в современных условиях.

При этой методике анализ кредитоспособности предприятия-заемщика проводится в два этапа:

1 этап. Общий анализ кредитоспособности предприятия (расчет ряда показателей ликвидности, платежеспособности, финансовой устойчивости, оборачиваемости текущих активов и прибыльности);

2 этап. Рейтинговая оценка предприятия (определение классности заемщика на бальной основе).

На первом этапе рассчитываются показатели, характеризующие хозяйственно-финансовую деятельность заемщика. Разносторонность этих показателей усложняет выявление общих тенденций изменения финансового состояния организации, поэтому возникает необходимость объединить и систематизировать полученные данные. Эта задача решается на втором этапе оценки кредитоспособности, где используется рейтинговая оценка. Она позволяет определить финансовое положение организации с помощью синтезированного показателя – рейтинга, выраженного в баллах, и отнести организацию к определенному классу [6].

Рейтинговая оценка кредитоспособности включает:

– разработку системы оценочных показателей кредитоспособности;

– определение критериальных границ оценочных показателей;

– ранжирование оценочных показателей;

– оценку суммарной кредитоспособности.

Данная методика имеет определенные недостатки, к которым следует отнести:

1. наличие коэффициентов, дающих наиболее общую характеристику изучаемых явлений, при отсутствии анализа взаимного влияния показателей друг на друга и без анализа качества этих показателей. А этого недостаточно для полной оценки кредитоспособности, поскольку определяемые коэффициенты характеризуют сегодняшнее положение заемщика, сами по себе не могут отразить состояние предприятия в целом и достаточно субъективны. Они позволяют банкам принимать решение о выдаче кредита, но не дают информации о возможности его погашения в будущем;

2. информационная база, на основании которой проводится анализ заемщиков, предоставляется за прошедший и отчетный период. Вследствие чего данные носят статичный характер, и при обращении заемщика в банк определить тенденции изменения в его деятельности практически невозможно;

3. коэффициенты, используемые для анализа, не всегда могут дать объективную характеристику финансового состояния заемщика в связи с инфляцией, особенностями изменений в экономике, со спецификой деятельности заемщика в зависимости от отраслевой принадлежности. Кроме того, бухгалтерская отчетность предприятий может содержать недостоверную информацию, в результате чего определение финансового состояния заемщика может быть неточным;

4. за рамками анализа находится оценка движения и достаточности денежных средств у предприятий-заемщиков, что является негативным фактором, поскольку именно денежные средства служат первичным источником при погашении кредита.

Для сокращения кредитного риска банкам следует более эффективно оценивать качество заемщиков. Для этого, прежде всего, необходимо:

1. использовать зарубежный опыт прогнозирования финансового состояния заемщика в предстоящем периоде с тем, чтобы принимать обоснованное решение о предоставлении ссуд;

2. при оценке кредитоспособности учитывать предстоящие изменения конъюнктуры, в том числе наличие реальных условий поступления средств заемщику от реализации продукции;

3. оценивать состояние платежной дисциплины заемщика. Следует рассматривать неплатежи, в том числе суммы просроченных платежей – поставщикам, банку, финансовым органам – как самостоятельную группу, а не распределять их в различные виды кредиторской задолженности;

4. на основе бизнес-планов оценивать будущее финансовое состояние заемщика, т.е. осуществлять прогноз денежных потоков с учетом изменения объемов производства, уровня цен и платежеспособного спроса на производимую заемщиком продукцию;

5. соблюдение принципов кредитования. В зарубежных банках они рассматриваются как необходимое условие их целесообразной организации. Так, в изданном в Англии руководстве по банковским услугам отмечается, что ключевым словом, в котором сосредоточены требования при выдаче ссуд заемщикам, является термин “PARTS”, включающий в себя: Purpose – назначение, цель, Amount – сумма, размер, Repayment – оплата, возврат (долга и процентов), Term – срок, Security – обеспечение, залог.

Применяемые в банках методики анализа кредитоспособности универсальны для всех организаций, независимо от рода их деятельности. Однако направления деятельности организаций накладывает свои особенности на результаты анализа их кредитоспособности, поэтому каждому банку необходимо дополнять имеющуюся методику показателями, учитывающими все факторы производства и условия реализации продукции конкретного заемщика.

Основное внимание при оценке кредитоспособности банки уделяют текущему состоянию заемщика, что нецелесообразно, поскольку в этом случае банки не учитывают его развитие в будущем, с позиции возможности погашения кредита, поэтому принятие решения о выдаче кредита должно базироваться на оценке состоятельности заемщика, т.е. его оценки на всех временных этапах своего развития (прошлое, настоящее и будущее) [].

Банкам при принятии решения о кредитовании необходимо обращать внимание на «вероятность» сохранения заемщиком состоятельности в долгосрочной перспективе. Этот момент важен для банковской практики, поскольку невозврат кредита, то есть кредитный риск, еще не стал разовым явлением [2]. В связи с чем возникает необходимость оценки всей совокупности экономических и имущественных характеристик заемщика, свидетельствующих о его потенциале на перспективу.

Отсюда возникает понятие перспективной состоятельности и ее оценка. Основная цель – выяснить, способно ли предприятие своевременно возвратить кредит.

С учетом интервала времени (прошлое-будущее) состоятельность можно охарактеризовать как устойчивое, доходное функционирование заемщика как сегодня, так и в долгосрочной перспективе. В связи с чем необходимо рассматривать следующие направления деятельности потенциального заемщика:

1. Рыночную.
2. Производственную.
3. Финансовую.
4. Имущественную.

Исходя из этого, следует выделить основные направления проведения анализа состоятельности заемщика, на основе которого может быть принято решение о выдаче кредита (рис. 1).

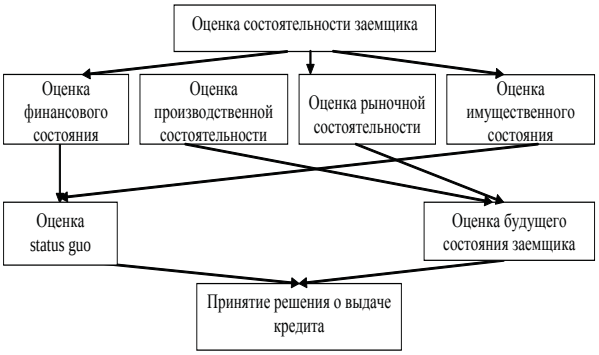


Рис. 1. Основные направления деятельности банка при принятии решения о выдаче кредита.

Основываясь на зарубежном опыте оценки кредитоспособности заемщика, в оценку состоятельности необходимо включать не только количественные финансовые и производственные показатели, но и следующие критерии:

– уровень и состояние менеджмента на предприятии;

– репутацию как руководителя предприятия, так и самого заемщика;

– уровень организации управления на предприятии;

– взаимоотношения заемщика с инфраструктурой и т.д.;

– место и роль отрасли в региональной экономике.

Кроме этого, методику оценки кредитоспособности банковских заемщиков необходимо разрабатывать с учетом всех аспектов направления деятельности заемщика и его специфических особенностей, что позволит коммерческим банкам:

1. снизить риск формируемого коммерческим банком кредитного портфеля в целом;

2. регулировать уровень риска портфеля ссуд еще на стадии его формирования с целью повышения его качества;

3. принимая на себя высокий риск, связанный с кредитованием отдельных заемщиков, обеспечивать высокую доходность кредитных операций при сохранении риска портфеля на допустимом для банка уровне;

4. более эффективно управлять своими кредитными ресурсами.

Из вышеизложенного следует, что кредитная политика является важнейшим инструментом достижения стратегических целей коммерческого банка. В связи с этим, в сущностном аспекте кредитную политику следует рассматривать как стратегию и тактику банка по привлечению ресурсов на возвратной основе и их инвестированию, а в прикладном – как детальный план, программу действий, от успешной реализации которой во многом зависят результаты деятельности банковского учреждения.

Библиографический список

1. *Гордеева Ю.П.* Эндогенные факторы кредитной политики коммерческого банка. Финансы и кредит. 2011. № 3. С. 28-34.
2. *Коробова Г.Г., Петров М.А.* Состоятельность банковского заемщика и ее оценка в условиях конкуренции. Банковские услуги. 2005. №7 8. С. 20-24.
3. *Новосельцева М.М.* Вопросы кредитной политики коммерческих банков в современных условиях. Банковские услуги. 2010. № 2. С. 11-17.
4. *Панова Г.С.* Кредитная политика коммерческого банка. М. : ИКЦ «ДИС», 1997. 464 с.
5. *Предтеченский А.Н.* Коэффициентный анализ в системе кредитных рейтингов заемщиков банка. Банковское дело. 2005. №4. С. 28-33.
6. *Предтеченский А.Н.* Коэффициентный анализ в системе кредитных рейтингов заемщиков банка. Банковское дело. 2005. №5. С. 38-45.
7. *Смулов А.М.* Проблемы кредитной политики и пути их решения // Банковское дело. 2009. № 2. С. 18-21.
8. *Тихомирова Е.В.* Кредитная политика банков в условиях инновационного роста российской экономики. Финансы и кредит. 2011. № 46. С. 41-49.
9. Финансово-кредитный словарь, т.2. 113 с.
10. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 507 с.

S.A. DOLGOVA

CREDIT POLICY ROLE IN DETERMINING PRIORITY OF BANKING

Describes the concept of policy in General and in particular credit policies of commercial banks. Defining the functions of the credit policy, direction and is its role in improving banking activities.

Key words: **Banks, credit policy, credit, investment, soundness, status guo, rating.**

А.В. ЛЮБАВЦЕВ
старший преподаватель Московского государственного университета приборостроения и информатики
E-mail: yand-man@yandex.ru
Тел. 8 910 747 63 40

УНИВЕРСИТЕТ КАК СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОНЯТИЕ МОБИЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СТРУКТУР

В статье рассмотрено понятие университетских мобильных структур как специфического способа организации учебной и научно-инновационной деятельности университета. Проведен сравнительный анализ и показаны отличия от научно-производственных комплексов и корпоративных университетов.

Ключевые слова: ***университет, корпоративный университет, научно-производственный комплекс, учебная, научная и инновационная деятельность.***

Одним из ключевых моментов стандартов третьего поколения, внедряемых в настоящее время в высшей школе, является стимулирование интеграционных процессов между образовательными и бизнес-структурами.

Данная задача формулировалась неоднократно, и в настоящее время можно констатировать два подхода к ее решению. Они различаются по виду инициирующей структуры. В одном случае в качестве системообразующего начала выступают образовательные структуры, а в другом – корпоративные образования. Оба подхода, на наш взгляд, обладают существенными недостатками, преодолеть которые позволили бы новые подходы к организационному строительству интегрированных структур в системе высшего образования. Развитие сетевых подходов к организационному строительству – характерная черта департаментизации во второй половине XX века. Сетевые и сетеподобные структуры более гибко реагируют на изменения внешней среды и позволяют быстрее реагировать, разрабатывая адекватные адаптационные стратегии.

Рассмотрим наиболее характерные примеры.

В качестве инициатора интеграции, системообразующего центра, может выступать один вуз. Так, Орловский государственный технический университет [2] является одним из первых вузов России, разработавшим и реализовавшим концепцию глубокой интеграции образования, науки и производства в форме учебно-научно-производственного комплекса, ставшего основой развития образования, экономики и социальной сферы региона. Этот статус был официально закреплен 25 ноября 2010 г., когда ОрелГТУ был переименован в федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс».

В качестве инициатора интеграции может выступать группа вузов и органы государственного регулирования. В Томской области образована интеграционная некоммерческая организация – Томская ассоциация научно-образовательных учреждений «Межведомственный научно-образовательный центр» (МНОЦ) [3]. Учредителями ассоциации стали все вузы, научно-исследовательские институты и Администрация Томской области. Главным органом управления МНОЦ является Совет МНОЦ, состоящий из руководителей учреждений учредителей ассоциации. Текущее управление осуществляется дирекцией МНОЦ. Уставными целями МНОЦ являются:

– разработка и апробация оптимальных механизмов экономического, правового и организационного взаимодействия науки, образования и производства для сохранения, развития и эффективного использования интеллектуального потенциала в интересах экономики и социальной сферы Российской Федерации и Томской области;

– представление и защита общих интересов участников Центра в федеральных и региональных органах государственной власти и управления;

– обеспечение реализации федеральной, межрегиональной и региональной научно-образовательной и научно-технической политики на основе согласования своей деятельности с федеральными министерствами и ведомствами и Администрацией Томской области.

Альтернативный подход – это инициатива со стороны предпринимательских структур. Существует два базовых подхода к созданию корпоративного университета – альянс с традиционными учебными заведениями или специализированными сервисными фирмами (чаще всего консалтинговыми) либо формирование самостоятельной структуры.

В России в качестве корпоративных университетов можно рассматривать образовательную

© А.В. Любавцев

Рис. 1. Университет как сетевая организация и понятие мобильных университетских структур.

деятельность в рамках Северстали, Газпрома и некоторых других достаточно крупных компаний.

Причины их формирования [1].

Во-первых, необходимость реализации новой бизнес-инициативы – слияния, поглощения компаний, введения в портфель новых видов бизнеса, новых продуктов и т.д.

Во-вторых – ассимиляция новых менеджеров в компании и удержание ценных кадров. Этот подход характерен для компаний с проблемой текучести кадров. Таким образом система позволяет определять потребность в обучении каждого сотрудника (если поставленная перед подразделением/сотрудником цель не достигнута, причиной может быть недостаток конкретных знаний или навыков), а также индивидуальные достижения до и после обучения, то есть эффективность образовательных программ.

Третьей причиной создания корпоративного университета можно назвать сохранение культурного наследия, укрепление и развитие ослабевшей корпоративной культуры. Введение в обучающие программы предметов, связанных с общечеловеческой культурой, с историей становления компании, развития и поддержания корпоративности имеет в виду решение основной задачи — приведение в соответствие целей и принципов корпорации с целями и ценностями отдельной личности.

При этом обращает на себя внимание, что все интегрированные образовательные формирования (сформированные как по инициативе университетов, так и по инициативе предпринимательских структур) в России, в подавляющем большинстве, – это крупные интегрированные, как правило, централизованные структуры, объединяющие в себе (обычно на основе перекрестного владения имуществом) всю совокупность звеньев инновационной цепочки, которые сформировались в наиболее трудный для учебных и научных организаций период постсоветской истории. Оживление экономики, возрастающий динамизм инновационных процессов ставит подобные образования перед сложной проблемой необходимости динамизации систем управления и формирования адекватной организационной структуры. Зарубежный опыт реформирования крупных многоуровневых интегрированных структур показывает, что одним из эффективных методов решения данных проблем является создание сетеподобных образований, взаимодействие которых осуществляется на договорной основе и мотивируется совпадением стратегических целей развития.

В качестве подобного сетеобразного организационного строения, существенно повышающего адаптационные характеристики системы в целом, могут выступить университетские мобильные структуры. В наиболее общем виде университет как сетевая организация и понятие мобильных университетских структур, а также ключевые институты их формирования представлены на рисунке 1.

Университетские мобильные структуры – это такая форма управления образовательной и инновационной деятельностью вуза, при которой в процессе взаимодействия с крупными хозяйствующими субъектами, группами субъектов определенного типа (например, отрасли), государственными или саморегулирующимися организациями, создается специализированное структурное подразделение, обладающее определенной самостоятельностью в выборе и формировании образовательных программ, методах привлечения и использования средств, при условии соответствия уставным целям вуза и хозяйствующего субъекта, а также нормативным документам в сфере образования.

Подобный подход к организационному строительству потребует существенных преобразований как в системе управления финансовыми потоками ВУЗов, так и в отношении функционирования системы качества. Они, с одной стороны, должны быть едиными, дабы не разрушать общее инновационно-образовательное пространство, а с другой – предоставлять достаточно широкие возможности как в отношении распоряжения финансовыми средствами, так и в отношении постановки целей и формулирования критериев их достижения. Основой организационного строительства должно стать, наряду с перекрестным владением собственностью, широкое использование договорных отношений, юридически оформленных по типу стратегического альянса, где в качестве предмета договора выступает, в первую очередь, согласование и единство целей. При этом на системообразующий вуз возлагаются обязанности по разработке «правил игры», то есть регламентов и процедур, по которым осуществляется взаимодействие между участниками сетеподобной инновационно-образовательной структуры. Предлагаемое организационное строение обеспечивает формирование квази-конкурентной среды, что особенно актуально при переходе на новый порядок финансирования образовательных программ.

Таким образом, в статье рассмотрено понятие университетских мобильных структур как специфического способа организации учебной и научно-инновационной деятельности вуза. Проведен сравнительный анализ и показаны отличия их от научно-производственных комплексов и корпоративных университетов.

Библиографический список

1. *Козак Н.* Корпоративный университет. Управление компанией (Издается в Украине) (№12, 2001) http://www.management.com.ua/hrm/hrm021.htm
2. http://gu-unpk.ru/
3. *Зинченко В.И., Рогов Г.М., Тюльков Г.И. и др*. Межведомственная программа «Совершенствование и апробация механизмов развития научно-образовательной сферы в условиях реформирования экономики на примере Томской области». Томск. 2002. 88 с.

A.V. LUBAVCEV

UNIVERSITY AS A NETWORK ORGANIZATION AND THE CONCEPT OF MOBILE UNIVERSITY STRUCTURES

The paper considers the concept of university mobile structures, as a specific way of organizing teaching and research and innovation activities of the university. A comparative analysis and shows differences from the research and production facilities and corporate universities.

Key words: ***university, corporate university, research and production complex, educational, scientific and innovation activity.***

Н.В. СУХОРУКОВА
кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы, инвестиции и кредит» Орловского государственного аграрного университета
E-mail: Suh19751975@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ МОЛОКОМ И МОЛОЧНЫМИ ПРОДУКТАМИ

В статье обсуждаются вопросы решения проблемы обеспечения населения Орловской области молоком и молочными продуктами. Установлено, что несмотря на преодоление дефицита продовольствия и наполнения рынка молочными продуктами, их потребление как по общему объему, так и в расчете на душу населения ниже рекомендуемых медицинских норм.

Ключевые слова: ***молоко, молочный подкомплекс, производство, потребление, обеспеченность.***

В современных условиях развития экономики одной из актуальных проблем, определяющей политику государства, является проблема удовлетворения потребностей населения в продовольствии. Важное место отводится производству продуктов питания растительного и животного происхождения, определяющих продовольственную безопасность страны.

Впервые термин «продовольственная безопасность» был использован в 1974 году на Всемирной конференции по проблемам продовольствия, организованной ФАО после роста мировых цен на зерно в 3 раза. О продовольственной безопасности в СССР впервые задумались во времена кризиса. В 1982 году была разработана Продовольственная программа СССР. В январе 2010 года Указом Президента РФ была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, направленная на надежное обеспечение населения страны продуктами питания, развитие агропромышленного комплекса, оперативное реагирование на внутренние и внешние угрозы стабильности продовольственного рынка, эффективное участие в международном сотрудничестве в сфере продовольственной безопасности [2].

Молочный подкомплекс АПК Орловской области включает в себя производство молока в общественном и индивидуальном секторе хозяйств, а также промышленную переработку на молочных заводах и в некоторых сельскохозяйственных предприятиях. Основной задачей молочного подкомплекса является производство молока и выработка молочных изделий – масла, сметаны, сыра, брынзы, сливок, сгущенного молока, кефира и других видов конечной продукции, идущей на непроизводственное потребление населению и вывоз за пределы области.

Развитие молочного подкомплекса обусловлено потребностью населения городов, поселков в молочных продуктах. Поскольку молоко является продуктом повседневного спроса, уровень обеспечения населения молочными продуктами является одним из важнейших показателей, характеризующих социально-экономическое развитие области. Это особенно важно, поскольку обеспеченность населения молочными продуктами обусловлена состоянием производства и переработки молока.

Проведенный анализ рынка молока и молочных продуктов в Орловской области показал, что с точки зрения физического наличия продуктов питания ситуация относительно удовлетворительная. При этом крайне несбалансирован и состав продуктов питания. Основная часть энергетической ценности рациона покрывается за счет продуктов растительного происхождения (таблица 1).

Таблица 1.

Структура энергетической ценности основных продуктов питания, потребленных населением (в % к итогу)

Показатели	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.
Энергетическая ценность потребленных продуктов питания – всего	100	100	100	100	100
в том числе: хлеб и хлебные продукты	38,7	38,2	37,1	36,3	35,5
картофель	6,1	5,9	5,3	4,9	4,7
овощи и бахчевые	2,7	2,4	2,4	2,4	2,6
фрукты, ягоды и виноград	2,5	2,7	3,1	3,3	3,3
сахар	10,7	11,4	10,7	11,1	10,4
мясо и мясопродукты	14,9	15,1	16,2	16,8	16,0
молоко и молокопродукты	10,4	10,3	10,6	10,8	12,4
яйца	1,08	1,8	1,9	1,8	1,8
маргарин и другие жиры	1,8	1,7	1,3	1,0	1,0
масло растительное	9,0	9,0	9,7	9,7	10,3
рыба и рыбопродукты	1,4	1,5	1,7	1,9	2,0

Таким образом, на фоне общего уменьшения потребления, более дешевые продукты растительного

© Н.В. Сухорукова

происхождения вытеснили в рационе населения продукты животного происхождения. По нашим расчетам, в стоимостной структуре потребления в 2010 г. животноводческая продукция составляла лишь 61,4 %. По калорийности в структуре среднесуточного рациона ее удельный вес всего 31,2 %, в том числе мясо и мясопродукты – 16%, яйца – 1,8 %, а молоко и молочные продукты – 12,4%. В стоимостной оценке по фактическим ценам рацион рядового гражданина был меньше рекомендуемого в среднем на 32,6 %, в том числе по животноводческой продукции – на 35,8 %. Эти проблемы носят как общенациональный, так и региональный характер. В то же время, в Орловской области наблюдается небольшое увеличение их удельного веса в структуре питания (с 10,4 в 2007 году до 12,4 в 2010 году). В результате структурных изменений в потреблении продуктов питания в 2000-2010 гг. повысилась пищевая и энергетическая ценность суточного рациона питания в домашних хозяйствах, в том числе в части содержания в рационе белка, жиров и углеводов.

Хуже ситуация в отношении платежеспособного спроса.

Однако реализация государственной социальной и экономической политики в области доходов населения обеспечила в период 2000-2010 гг. рост реально располагаемых денежных доходов населения как в Российской Федерации, так и в Орловской области. Как следствие возросла и покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения по всем продуктам питания [6].

Рост реальных денежных доходов и покупательной способности населения за последние десять лет обеспечил качественные структурные изменения в рационе питания в сторону увеличения потребления наиболее ценных продуктов питания: мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, рыбы и рыбопродуктов, масла растительного, овощей и бахчевых культур, фруктов и ягод. Эта тенденция подтверждается динамикой показателей среднедушевого потребления продуктов питания по данным балансов продовольственных ресурсов. В то же время в домашних хозяйствах несколько снизилось среднедушевое потребление хлебных продуктов и картофеля [4].

Следует отметить, что молоко и молочные продукты необходимы для питания человека во все периоды его жизни, особенно для питания детей. К сожалению, несмотря на увеличение объема их потребления, в настоящее время они остаются пока еще ниже рекомендуемых рациональных норм.

Вызывает тревогу тот факт, что в Орловской области эта негативная тенденция носит устойчивый характер. Обилие молока и молочных продуктов и их широкий ассортимент в торговой сети – от супермаркетов до обычных продовольственных магазинов и рынков – создает видимость благоденствия. Однако статистические данные опровергают эти представления: за последние 15 лет жители России стали на 30 % меньше потреблять высококачественных источников белка. По данным национального фонда защиты потребителей, в среднем по России один житель потребляет на 41 % меньше продовольствия, чем среднестатистический житель развитых стран, и лишь 63 % биологических норм, определенных Всемирной организацией здравоохранения [9].

В 90-х г.г. дефицит продовольствия был преодолен, рынок наполнен товарами, но их потребление по общему объему и в расчете на душу населения стало быстро снижаться (таблица 2).

Таблица 2.

Соотношение фактического потребления продуктов питания к рекомендуемым нормам на душу населения, %

	1990г.	2000г.	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.
Российская Федерация	100,0	55,7	60,9	61,7	62,4	63,2	63,5	59,6
Орловская область	113,4	59,6	53,2	52,7	50,8	53,0	54,4	53,8

Расчеты показали, что на протяжении последних десяти лет население Российской Федерации потребляло молока и молочных продуктов всего около 60 % от рекомендуемых медицинских норм (386 кг на душу населения в год), тогда как в 1990 году этот показатель соответствовал требуемому уровню. Такая же тенденция наблюдается и в Орловской области. Это объясняется влиянием не только объемов производства этой продукции, но и цен реализации, которые за последние годы постоянно растут при невысоком платежеспособном спросе населения.

Существует резкая дифференциация потребления по группам населения с разным уровнем доходов. Группа населения с наименьшими доходами в 2010 году потребляла молока и молокопродуктов в 1,9 раза меньше. Однако, социальная ориентация государственной политики в области доходов и занятости населения, включая осуществление мер, направленных на снижение уровня бедности, приоритетную адресную поддержку наиболее нуждающихся категорий граждан, не имеющих достаточных средств для организации здорового питания, развитие системы социального питания в учреждениях образования, здравоохранения и социальной защиты, обеспечили развитие положительных тенденций в сфере конечного потребления продуктов питания по различным социальным и до-

ходным группам населения [7].

Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума сократилась с 29,0 % от общей численности населения в 2000 году до 13,5 % в 2010 году. В 2010 году продолжилась положительная динамика по относительному сближению объемов среднедушевых располагаемых ресурсов домашних хозяйств в сельской и городской местности, начавшаяся в 2005 г. после предшествующей длительной тенденции увеличения разрыва в этих показателях [8].

На наш взгляд, основные риски в сфере конечного потребления продуктов питания населением связаны:

– с низким уровнем покупательной способности и спроса малообеспеченной части населения на продукты питания (несмотря на положительную тенденцию);

– со снижением покупательной способности денежных доходов населения на отдельные группы продуктов питания, что может привести в случае обострения ценовой ситуации к снижению уровня их потребления как у всего населения в целом, так и у отдельных социальных и доходных групп населения;

– с обесценением при высокой инфляции принятых ранее мер по повышению уровня заработной платы работников бюджетной сферы и пенсий, а также социальной помощи малообеспеченным категориям граждан;

– с относительно высокой по сравнению с развитыми странами долей расходов на питание в структуре потребительских расходов населения, что делает его особенно чувствительным к продовольственной инфляции;

– с недостаточным развитием системы социального питания, включая обеспечение горячим питанием обучающихся, воспитанников в образовательных учреждениях.

Указанные факторы в целом оказывают сдерживающее влияние на уровень потребления продуктов питания и экономическую доступность продовольствия для населения и требуют реализации мер по их преодолению в ближайшей и среднесрочной перспективах.

В условиях рыночных отношений рациональное функционирование региональных продовольственных рынков достигается при оптимальном обеспечении продовольственными товарами собственного производства. Аграрный потенциал Орловской области позволяет в полном объеме обеспечить внутренний спрос практически на все виды продовольственной продукции.

Исследование состояния продовольственного обеспечения конкретного региона позволяет оценить уровень его продовольственной безопасности, сравнить уровень продовольственной безопасности в отдельных регионах, определить проблемы для формулирования приоритетных направлений государственного регулирования агропродовольственного комплекса.

В литературе используют такие термины, как «самодостаточность», «самообеспеченность», «экономическая безопасность». По мнению П. Коссинского, наиболее целесообразно использовать термин «самообеспеченность», в частности продовольственная самообеспеченность, которая предусматривает поддержание определенного уровня продовольственного обеспечения населения, гарантирующее устойчивое экономическое развитие, социальную и политическую стабильность за счет собственных ресурсов [3].

Самообеспеченность региона потребительскими товарами противоречит рыночным принципам хозяйствования, условиям межрегионального и межгосударственного разделения труда, и, следовательно, имеет негативное влияние на эффективность функционирования региональной экономики, а также социально-экономическое развитие конкретного региона.

Уровень продовольственной самообеспеченности мы определяем как отношение объемов производства продуктов питания к внутреннему потреблению продовольствия. Он обуславливается платежеспособным спросом населения на продовольствие, уровнем развития агропромышленного комплекса и объемами товарных ресурсов. При этом учитывались производство и потребление пищевых продуктов, которые производились всеми аграрными товаропроизводителями: сельскохозяйственными организациями, хозяйствами населения, фермерскими хозяйствами [2].

Важнейшими факторами, определяющими ситуацию на рынке, являются спрос на товар и его предложение. При этом если спрос на товар при отражении уровня потребности в нем общества ограничивается покупательной способностью населения, то предложение того или иного товара на рынке зависит, прежде всего, от объемов его ресурсов.

В настоящее время рынок молока и молочных продуктов является одним из крупнейших рынков продовольствия и относится к числу сегментов, в котором продовольственные ресурсы формируются в основном за счет собственного производства. Он имеет весьма устойчивые традиции, его состояние оказывает существенное влияние на другие рынки продуктов питания (таблица 3).

Таблица 3.

Состояние рынка молока и молочных продуктов в РФ и Орловской области

Показатели	2000г.	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.
Производство молока на душу населения в год, кг							
Российская Федерация	223	215	218	225	228	230	225
Орловская область	385,6	353	324,9	296,8	308,5	311,3	296,4
Потребление молока и молочных продуктов на душу населения в год, кг							
Российская Федерация	215	235	236	241	244	245	230
Орловская область	229,9	205,4	203,4	195,9	204,2	209,8	207,7
Самообеспеченность, %							
Российская Федерация	88,5	83,4	82,8	83,1	83,3	83,2	80,2
Орловская область	116	131,1	121,8	116,3	116,9	117,2	112,9
Доля импорта в ресурсах рынка, %							
Российская Федерация	12,9	19	19,3	18,4	18,2	16,8	20,0
Орловская область	4,1	8,3	29,7	38,2	44,5	43,5	44

Анализ структуры формирования ресурсов молока и молочных продуктов в Орловской области показал, что их объем вплоть до 2007 г. имел устойчивую тенденцию к снижению. Однако, в 2010 г. производство молока увеличилось на 3,3 %. Основной причиной этого явилось увеличение продуктивности коров (в основном за счет сельскохозяйственных предприятий). Объем импорта этой группы товаров в 2010 г. увеличился по сравнению с 2000 г. почти в 10 раз, что привело к снижению его удельного веса в формировании ресурсов. В то же время ресурсы молока и молочных продуктов продолжают сокращаться. Такая ситуация во многом определяется состоянием и перспективами развития сырьевого потенциала.

Рынок молока и молочных продуктов (как в Российской Федерации, так и в Орловской области) не защищен от конкуренции с импортом. Причем предложение отстает от спроса, что ведет к постоянному увеличению ввоза молока. В 2009 году по сравнению с предыдущим годом доля импорта в молочных ресурсах сократилась с 18,2 до 16,8 %%. Однако в условиях засухи 2010 г. в связи со снижением объемов производства молока и ростом цен произошло увеличение доли импорта (особенно сухого молока) до 20 %. Аналогичные отрицательные тенденции прослеживаются и на региональном рынке молока Орловской области. С 2006 г. наблюдается резкое увеличение импортной зависимости (29,7 %), в то время как до этого периода данный показатель был существенно ниже общероссийского (в 2000г. только 4,1 % импортного молока продавалось на орловском рынке), в 2010 г. доля импорта составила 44 %. Это обусловлено в основном снижением объемов производства молока хозяйствами всех категорий [5].

В то же время степень самообеспеченности в области на протяжении рассматриваемого периода достаточно высокая в отличие от показателя по России в целом, где наблюдается отрицательная динамика – с 88,5 %в 2000 г. до 80,2 % в 2010 г. В Орловской области в 2010 г. объем производства молока превысил объем его потребления на 12,9 %. Однако такой высокий объем его потребления обусловлен снижением потребления молока населением, что нельзя расценить положительно.

Существенная разница между производством и потреблением молока и молочных продуктов также свидетельствует о низкой покупательной способности населения. Основная часть населения потребляет 207,7 кг данной продукции, что составляет 61 % от минимальных физиологических норм. В 2010 г. Орловская область производила молока больше, чем потребляла. Уровень самообеспеченности составлял 112,9, то есть 12,9 % продукции экспортировалось в другие регионы, притом, что внутренний потребительский рынок не был насыщен преимущественно из-за низкой платежеспособности потребителей. В области с 2006 г. наблюдается резкое увеличение импортной зависимости (30 %), в то время как до этого периода данный показатель был существенно ниже общероссийского.

Таким образом, для Орловской области в силу ряда объективных факторов (климатические условия, техническое состояние производства, ограниченность сырьевых ресурсов и т.д.) полная самообеспеченность регионов основными продуктами питания в настоящее время невозможна и нерациональна. В то же время, ориентация на импорт продовольственных товаров является нежелательной, так как это может привести к дальнейшему отставанию отечественного производства, усилению зависимости от других стран и одновременно не может гарантировать бесперебойное поступление продуктов питания. Оптимальным, на наш взгляд, было бы разумное сочетание самообеспеченности и импорта, дифференцированное по отдельным видам продуктов питания, с преобладанием самообеспеченности.

Орловская область имеет мощный потенциал для развития животноводства и наращивания объемов производства. Но на сегодня такой уровень производства невозможен как из-за отсутствия необходимых материальных и финансовых ресурсов, так и потому, что рост объемов приведет к перенасыщению внутреннего рынка (из-за низкой

платежеспособности населения), что поставит производителя животноводческой продукции в прямую зависимость от конъюнктуры внешних рынков, к чему на данном этапе он не готов.

На наш взгляд, для обеспечения продовольственной безопасности необходимо соблюдать следующие принципы:

Наличие. Продукты питания должны иметься в наличии в результате местного производства, использования запасов или импорта. Для обеспечения продовольственной безопасности на внутреннем рынке должно быть не менее 90 % молока и молочных продуктов в товарных ресурсах внутреннего рынка.

Стабильность. Наличие продуктов питания должно быть стабильным, так как они необходимы для удовлетворения потребностей людей в продуктах питания.

Эффективность использования. Он означает, что продукты питания должны соответствующим образом перерабатываться, храниться и консервироваться. Потребители должны быть уверены, что потребляемые ими продукты приемлемого качества и безопасны для здоровья.

Доступность. Продукты питания должны быть доступными как в отношении их физического наличия, так и в отношении покупательной способности населения.

Все это будет способствовать повышению уровня обеспеченности региона молоком и молочными продуктами и их потребления в пределах рекомендуемых норм питания.

Библиографический список

1. *Видякина Н.А., Сайбель Н.Ю.* Оценка продовольственной безопасности России. Экономический вестник РГУ. 2008. № 4 (2).
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120.
3. *Косинский П.* Роль продовольственного самообеспечения в повышении качества жизни населения. Проблемы современной экономики. № 17. – http: www. M-economy.ru / art/php3?artid=21366.
4. Потребление продуктов питания в России в 2000-2010 г.г. Экономика сельского хозяйства России. 2011. № 5
5. *Сухорукова Н. В.* Совершенствование экономических отношений в молочном подкомплексе АПК. Вестник Орел ГАУ. 2010. № 3.
6. *Ушачев И.* Основные положения доктрины продовольственной безопасности Российской федерации. АПК: экономика и управление. 2008. № 12.
7. *Ушачев И.* Обеспечение продовольственной безопасности в контексте глобального партнерства. АПК: экономика и управление. 2011. № 11.
8. http://council.gov.ru – официальный сайт Совета Федерации РФ.
9. www.gks.ru – официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.

N.V. SUKHORUKOVA

SECURITY OF ORYOL DAIRY PRODUCTS

This paper discusses solution of the problem of providing the population of the Oryol region's milk and dairy products. It is established that, despite overcoming food shortages and filling the market of a dairy products, their consumption of both total and per capita below the recommended medical standards.

Key words: **milk, milk subcomplex, production, consumption and security.**

А.Б. ТАУКЕНОВ
аспирант Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Тел. 8 903 960 18 22

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РОССИИ

Институциональный анализ реформирования электроэнергетики России и основных результатов реформ заставляет делать вывод о неоднозначности широко распространенного мнения об ошибочности предпринятых в стране кардинальных преобразований в отрасли. Ввиду ее масштабности, масштабности самих реформ необходимо оценить ситуацию не только с точки зрения экономической эффективности или инвестиционной привлекательности предприятий и объединений. В отрасли по-прежнему наблюдается множество проблем, решение которых при этом не является прерогативой реформаторов. Они касаются всего российского общества в целом.

Ключевые слова: ***институциональный анализ, экономическая эффективность, инвестиционная привлекательность, безопасность функционирования, социальная значимость.***

Начиная с 1977 года, вследствие кардинальных изменений во внутренних и внешних условиях функционирования мировой электроэнергетики она стала претерпевать серьезные сбои в работе, которые в отдельных случаях имели размеры локальных катастроф. Так, авария августа 2003 года на североамериканском континенте привела к тому, что около 10 мегаполисов США и Канады были парализованы. Многие тысячи людей оказались запертыми в вагонах метро, лифтах, прекратили работу системы вентиляции, водоснабжения и канализации. Отключение охранной сигнализации вызвало повсеместные грабежи. Непосредственный ущерб составил около 30 миллиардов долларов.

На экстренном совещании, которое было созвано в Москве в связи с этой аварией, руководство электроэнергетики России заверило, что в нашей стране такое невозможно. Невозможно только потому, что отрасль в стране строилась по-другому принципу. А именно, – она была создана как единая система, управляемая из единого центра.[1]

Советская энергосистема обоснованно считалась одной из самых надежных в мире. За все годы существования отрасли вплоть до начала нынешнего века не произошло ни одного глобального нарушения электроснабжения. Тем не менее, у нас в стране, как и во всем мире, началось кардинальное реформирование естественной монополии, играющей исключительную роль в обеспечении энергетической безопасности современных государств. Однако ломка системы и постепенный перевод предприятий отрасли на рыночные рельсы хозяйствования не замедлили сказаться на таком существенном показателе их работы, как надежность. Достаточно вспомнить аварию на Саяно-Шушенской ГЭС, унесшей десятки человеческих жизней.

Кажется, вполне закономерен вопрос: а насколько необходимы были реформы столь безукоризненно работавшей системы? Реформаторы либеральной волны однозначно заявляли, что без них обойтись было нельзя. При этом они ссылались на мировой опыт. Но главным аргументом служило то состояние отрасли, с которым она встретило новое тысячелетие. Физический и моральный износ активной части фондов достиг недопустимых пределов в 60 - 65 процентов, а в сельских распределительных сетях и того больше – свыше 75 процентов. И трудно было не согласиться с доводами реформаторов, что такое не могло произойти в течение одного-двух десятков лет.

Противники преобразований естественной монополии настаивают на том, что причиной паралича электроэнергетики страны стали именно реформы. Если система, столь хорошо зарекомендовавшая себя в советский период, в новых рыночных условиях начала терять свои преимущества и стала медленно продвигаться к тотальному развалу, то виноваты в этом именно реформы, их идейные вдохновители и практические исполнители. Вот такая недвусмысленная трактовка сложившейся в отрасли ситуации.

Несомненно, что каждая из противоборствующих сторон по-своему права. Вопрос, чья правота имеет больше прав на то, чтобы быть услышанной и воспринятой власть имущими для принятия тех или иных корректирующих решений, имеет свой готовый ответ. Так как противником реформ в

1 В.Платонов. Кризис электроэнергии в России на американский манер. Промышленные ведомости. 04.05.2005

© А.Б. Таукенов

электроэнергетике выступает подавляющее большинство населения страны, включая ученых и работников средств массовой информации, то его мнение по классической схеме устройства современных обществ и должно торжествовать. Но по большому счету все-таки прав тот, на чьей стороне правда. История знает множество примеров, когда мнению всех мог противостоять всего лишь один человек, чья позиция в конечном итоге оказывалась единственно верной. Когда безысходность в условиях катастрофического дефицита государственной казны заставила короля Франции Людовика XVI назначить генеральным контролером финансов Анна Робера Тюрго, последний предупреждал: меня будут ненавидеть и проклинать ближние Ваши и народ, будут требовать моей отставки, – но дайте поработать всего один год. Король, не выдержав всеобщей обструкции ученому, принявшемуся претворять в жизнь реформы, которые оказались непопулярными на всех уровнях французского общества конца восемнадцатого века, уволил его через девять месяцев. Но то, что он успел сделать за это время, в последующем дало свои благотворные плоды.

Пример приведен в качестве справки, без намека на какие-либо исторические параллели. Пока еще трудно говорить, что выбранный путь кардинальных преобразований в мировой электроэнергетике был единственно правильным. Практикой это не подтверждено. Но то, что в ситуации с реформированием отрасли в России не все так однозначно, не вызывает сомнений. Она кажется противоречивой только на первый поверхностный взгляд. Институциональные аспекты реформ естественной монополии еще плохо изучены, но именно с точки зрения институционального анализа происходящее в отрасли вполне объяснимо. По крайней мере, более или менее понятно массовое неприятие кардинальных преобразований. Причем это касается не только реформ в электроэнергетике, но и экономики страны в целом.

Простой поверхностный анализ состояния российского общества позволяет делать вывод о несогласованности неформальной и вновь принимаемой формальной норм социального устройства. Отрицательный поведенческий стереотип большинства во многом предопределяется инерцией действия институтов прежнего социально-экономического формата. И массовое сознание по-прежнему продолжает исходить из того представления нормы, которое формировалось в институциональной среде, все еще сохранившей более высокий уровень предпочтительности хотя бы по причине воздействия фактора пережитого опыта. В свою очередь норма, являясь квинтэссенцией общественно значимых ценностей, и становится критерием общественного выбора.

Такой подход соответствует типологии социального действия, предложенной М.Вебером. Он выделил четыре «идеальных типа» поведения.[2]

1. Целерациональное поведение, что есть продуманное использование условий и осознанный выбор средств достижения поставленной цели.

2. Ценностно-рациональное поведение, предполагающее целеполагание, исходя из веры в самодовлеющие ценности (религиозные, эстетические, идеологические).

3. Традиционное поведение, при котором цели средства заданы извне, и в основу поведения положены привычка или обычай.

4. Аффективное поведение, не предполагающее выделение целей и средств и продиктованное эмоциональным состоянием индивидуума, его непосредственными чувствами, ощущениями.

В непримиримом отношении к проводимым в электроэнергетике реформам сегодня в разной степени значимости проявляются второй, третий и четвертый типы поведенческих стереотипов. Понятно, что импорт рыночных институтов не может происходить безболезненно и одномоментно. Направление социально-экономического развития страны, заданное революцией в начале 20 века, до сих пор не потеряло свою инерционность и спустя двадцать лет по-прежнему продолжает быть действенным фактором развития новой российской рыночной экономики. И чем больше отрицательных моментов в практике реформирования электроэнергетики, тем дольше будет длиться стадия перехода в рыночную институциональную среду. А их, отрицательных моментов, накопилось действительно столь много, что массовое сознание вынуждено связывать торжество легитимности и справедливости только с идеологией социалистической экономики.

Вполне очевидно и то, что ценности, предопределяющие общественный выбор, символизируются, прежде всего, с отношениями собственности, которые были выработаны во времена, когда экономическая категория приобрела свои формы и содержание в институциональной среде, кардинально отличной от той, которую сегодня мы пытаемся создать. Не в последнюю очередь именно по этой причине в своем теоретическом обосновании отрицания реформ противники их во главу угла ставят проблемы собственности в естественных монополиях. По их мнению, государственная собственность в данной сфере экономики является основополагающей предпосылкой устойчивого эко-

2 Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1984. С.628-629.

номического развития как государства в целом, так и самих отраслей этих монополий. Знаменательно в этом отношении мнение доктора экономических наук, политического деятеля С.Ю. Глазьева, который считает, что «государственный сектор экономики – источник стабильности и генератор роста». В приложении к электроэнергетике тезис можно интерпретировать так: именно государство может гарантировать безопасное и бесперебойное обеспечение экономики и населения электроэнергией по тарифам, соответствующим платежеспособному спросу всех потребителей.

Практическим подтверждением подобной базовой установки противники реформ считают тот факт, что самоустранение государства от управления отраслью в начале 90-х годов обернулось утратой действенного контроля за обоснованностью издержек предприятий электроэнергетики, что вызвало безудержный рост тарифов. В свою очередь на фоне всеобщего упадка экономики это стало причиной тотальных взаимных неплатежей: к концу 90-х годов 80 процентов поставок энергии оплачивалось денежными суррогатами.[3] Как следствие, катастрофическая нехватка средств на поддержание в рабочем состоянии имеющегося оборудования, несвоевременная выдача заработной платы сотрудникам, огромная задолженность отрасли в бюджеты всех уровней. Целый ряд энергетических компаний оказался на грани банкротства, в том числе такие крупнейшие акционерные общества, как «Дальэнерго», «Кузбассэнерго», «Рязаньэнерго», «Кубаньэнерго».

Однако, с точки зрения институционального анализа надежность и высокая эффективность функционирования электроэнергетики были обнаружены именно в условиях административного управления вертикально-структурированным и отстающим в своем развитии народным хозяйством при соответствующей политической системе. В теории же рыночной экономики общепринято, что доминанта государственного управления чревата «провалами», которые неминуемы в связи с особенностями государства как организации. В рыночных условиях не подвергается сомнению то, что неопределенность отношений собственности вызывает неопределенность в принятии решений по ней. В этом заключается «трагедия доминанты общественной собственности», предполагающей нерациональное, вплоть до варварского, использования ресурсов, находящихся в открытом доступе,[4] что обусловлено несоответствием частных и общественных издержек их использования. То есть отсутствие четко выраженных прав собственности на ресурс в конечном итоге становится причиной возникновения отрицательных внешних эффектов.

Необходимо отметить и следующий момент. Ситуация, когда отношения собственности поставлены во главу угла в превалирующем критическом восприятии реформ, является своеобразием российских преобразований электроэнергетики. В большинстве развитых капиталистических стран вопросы собственности при реформировании отрасли даже не рассматривались. Дело в том, что на западе этот предмет свободен от идеологических наслоений. Там не важно, кому принадлежит собственность. Значение имеет в большей степени то, как распределение прав по ней может влиять на развитие предприятия, отрасли или экономики в целом. И если нет абсолютной уверенности в выгоде перераспределения прав собственности, то нет в этом никакой необходимости, так как процесс в таком случае может только увеличить транзакционные издержки.

Небезызвестно и то, что на сегодняшний день в российской электроэнергетике в сфере генерации контрольный пакет сохранен за государством, а распределительные сети и вовсе целиком остались в государственной собственности. Соглашаясь с этим, Глазьев, однако, заявляет, что все проблемы страны заключаются в том, что при де-факто существующей государственной собственности на монопольные образования правительство России не располагает необходимыми инструментами и ресурсами влияния на них, поскольку они отданы в полное ведение административных аппаратов. Без восстановления централизованного управления ими, считает экономист, невозможна реализация основных задач антикризисного управления, а действия правительства сведутся в лучшем случае к полезным, но фрагментарным мерам, эффект от которых может оказаться противоречивым и непредсказуемым.

В позиции экономиста оказались смешаны два понятия: институциональная среда и вопросы организации экономики в соответствующей институциональной среде. Глазьев абсолютно прав, когда говорит, что правительство России не располагает необходимыми инструментами и ресурсами влияния на естественные монополии, оказавшиеся в полном ведении административных аппаратов. Но это в большей степени относится к вопросам организации управления государственной собственностью в новых рыночных условиях. В этом отношении более активные меры по реформирова-

3 Ю.Липатов. Электроэнергетика России: вчера, сегодня, завтра. Российская Федерация. № 12. 2008.

4 Osrtom E. Governing the Commons. The Evaluation of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. P. 3-6.

нию отрасли, предпринятые в начале текущего века, можно считать запоздалой реакцией на то удручающее положение, которое сложилось за десять предшествующих лет пассивного переустройства отрасли. Достаточно сказать, что организационная несогласованность стала одной из причин того, что возникший временной лаг в реформировании электроэнергетики в сравнении с остальными отраслями экономики спровоцировал неизвестные до реформ конфронтационные формы взаимоотношений экономических субъектов. С одной стороны, потребитель услуг отрасли, задавленный проблемами переходного периода, никак не хотел воспринимать себя как участника рынка электроэнергии. Он был уверен в опережающем росте тарифов по сравнению с ростом цен на свою конечную продукцию и хотел видеть и производителей, и поставщиков электричества только в строгом подчинении государству, особенно в отношении тарифной политики. Производители и поставщики, наоборот, настаивали на повышении цен на электроэнергию, аргументируя это необходимостью поддержания мощностей и инфраструктур в функциональном состоянии и обеспечения дальнейшего развития предприятий. По их мнению, тарифы, периодически коррелируемые с инфляцией, не только не предусматривают устойчивое развитие отрасли, но и недостаточны даже для обеспечения простого воспроизводства основных фондов.

Весь этот период был отмечен недееспособностью вновь создаваемых системообразующих институтов, что низвело всю ситуацию в отрасли до состояния неуправляемости. Между тем известно, что устойчивость сложной саморазвивающейся системы во многом зависит от степени однородности ее важнейших элементов. Отсюда следует, что в условиях активного реформирования экономики страны в целом невозможно сохранение прежнего статуса естественной монополии, даже если она имела особую социальную значимость. То есть на современном этапе реформ отведение государству приоритетной роли в качестве особой организации, осуществляющей управление естественными монополиями через вертикально-интегрированные компании, – это не что иное как призыв к реставрации прежней институциональной среды. Целесообразность такого подхода вызывает большие сомнения. Предпочтительнее сегодня все-таки говорить о необходимости дальнейшего совершенствования системообразующих институтов, нежели призывать к новой революционной встряске. Подтверждением этого является то, что именно более активные действия в реформировании отрасли позволили решить множество организационных вопросов, что не замедлило сказаться на результатах функционирования электроэнергетики. В достаточно короткие сроки было покончено с практикой взаимозачетов по платежам за электроэнергию, на должный уровень поднята платежная дисциплина, проведена реструктуризация задолженности предприятий в бюджеты различных уровней и т.д.

Но многое пока остается непонятным и непрозрачным. Взять, к примеру, такую сторону функционирования предприятий и объединений отрасли, как наличие нормативно-правовой базы. По мнению некоторых исследователей, принятые в этой области законодательные и регламентирующие документы в большинстве своем априори вызывают отрицательное отношение к ним со стороны многочисленных потребителей электроэнергии. Недостатком регламентирующих правовых норм и бездействием существующих законов и подзаконных актов объясняется и пассивность высших управленческих структур в обеспечении государственных интересов в вопросах регулирования денежных потоков и материального стимулирования работы топ-менеджмента. Проблема сегодня, став основным общественным раздражителем, приобрела особенную остроту. Разнос, устроенный менеджменту высшего звена В.В.Путиным в конце прошлого года, при оптимистическом подходе можно считать серьезной заявкой на принятие кардинальных мер по исправлению ситуации в перспективе. По факту же на фоне тотального чиновничьего беспредела в электроэнергетике акт выглядел всего лишь как спонтанное проявление недовольства. То же самое можно сказать и о добровольно-принудительной отставке генерального директора МРСК Северного Кавказа М.Каитова. Это было больше похоже на исполнение им отведенной роли «козла отпущения».

Одним словом, подтверждается тезис Глазьева о непредсказуемости и фрагментарности мер, предпринимаемых правительством в стремлении повысить качественный уровень управления объединениями отрасли. И причина в данном случае не в сути реформ, а в рассогласованности исполнительной и законодательной ветвей власти в их дальнейшем продвижении. При такой ситуации вряд ли можно говорить об инвестиционной привлекательности электроэнергетики, на что в первую очередь и рассчитывали реформаторы, затевая реформы и этим оправдывая их необходимость. Пока происходит то, от чего должны были уйти: в качестве основного инвестора в отрасль по-прежнему выступает российское государство. Точнее, платят те самые налогоплательщики, которые и выказывают крайнюю форму недовольства качеством предоставляемых им услуг по обеспечению электроэнергией.

Библиографический список

1. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1984. С.628-629.
2. *Липатов Ю.* Электроэнергетика России: вчера, сегодня, завтра. Российская Федерация. № 12. 2008.
3. *Платонов. В.* Кризис электроэнергии в России на американский манер. Промышленные ведомости. 04.05.2005
4. *Osrtom E.* Governing the Commons. The Evaluation of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.

A.B. TAUKENOV

INSTITUTIONAL ASPECTS OF REFORMING OF RUSSIA ELECTRIC POWER INDUSTRY

The institutional analysis of reforms in Russia electric power industry and their primary results leads to conclusion about ambiguity of widespread opinion about their inaccuracy. Due to the big scale of branch at the same time to the big scale of transformations one has to estimate a situation not only from the point of view of economic efficiency or investment appeal. There are still too many unresolved problems of more wide range, and the decision of them is not the prerogatives of reformers. They concern all of the society.

Key words: ***the institutional analysis, economic efficiency, investment appeal, safety of functioning, the social importance.***

А.А. ТИХОМИРОВ
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: aleksey.a.tikhomirov@gmail.com
Тел. 8 960 645 64 96

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ КАПИТАЛИЗИРУЕМОЙ ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

В данной статье рассматриваются проблемы рисков управления формированием и развитием капитализируемой части человеческого потенциала. Определены этапы управления рисками, даны их системные характеристики, раскрыта трехмерность пространства риск-менеджмента. Предложен алгоритм отбора персонала для совместного инвестирования в человеческий капитал. С позиции систем определены границы функций совместного инвестирования в развитие человеческого капитала.На основе анализа тенденций для стимулирования адресной реализации человеческого капитала предложен метод проектов.

Ключевые слова: ***риск-менеджмент, человеческий потенциал, инвестиции, развитие, маркетинг человеческого капитала, система, мотивация, стимулирование, проектное управление.***

Заявления компаний о том, что сотрудники для них являются самым значимым ресурсом, в последнее время стали общим местом. Однако вызвано это не высокой оценкой вклада в развитие предприятия, а, в основном, тем значительным риском, который представляют для компании ее сотрудники. Наиболее ярко это выражено в тех сферах, для которых характерны значительные инвестиции в человеческий капитал и высокий уровень заработной платы сотрудников. Например, в инвестиционных компаниях и банках доля затрат на оплату труда в ежегодных расходах компании может достигать 65%.

При доминирующем у нас традиционном стиле менеджмента компания больше заботится о непосредственно принадлежащих ей активах и тщательно отслеживает те расходы, эффективность которых легко измерить. Стратегии управления рисками, связанными с человеческим капиталом, обычно сводятся к юридическим процедурам снижения рисков судебных издержек и избежания исков по поводу несоблюдения норм трудового права.

За гранью управления остаются риски потери репутации вследствие недобросовестных сделок, скрыты риски того, что не окажется определенного сотрудника, обладающего определенной квалификацией и готового работать на компанию, что также может привести к значительным убыткам, и многие другие, вызванные неэффективным управлением основным ресурсом развития предприятия – человеческим капиталом.

Для все большего числа компаний квалификация и лояльность сотрудников приобретают решающее значение. Особенно это касается тех предприятий, которые выбрали инновационный путь развития. Уход ценного сотрудника и увод с собой части своих коллег, провоцируя последующий отток нейтральных к компании специалистов, несет прямые финансовые потери, упущенную выгоду, «замороженные» проекты и т.д. Снижение вероятности возникновения неблагоприятного результата и минимизация возможных потерь, вызванных его реализацией, реализуются в процессе принятия и выполнения управленческих решений – управления рисками.

Концепция риск-менеджмента человеческого капитала заключается в том, чтобы применить к его управлению те же принципы, что и к управлению инвестициями.К особенностям можно отнести, с одной стороны, то, что ответственность распределяется очень широко, а с другой – мобильность человеческого капитала резко повышает уровень связанных с ними рисков. Это вызвано тем, что в отличие от физического человеческий капитал неотделим от самого человека, его нельзя купить или продать сам по себе. Поскольку работник, в конечном счете, является субъектом принятия решений, то поведение, направление развития и условия реализации его человеческого капитала не всегда предсказуемы.

Предлагаемая в данной работе «дорожная карта» позволяет внедрить риск-менеджмент человеческого капитала – осуществлять процесс с выявления и оценки рисков, а также выбор методов и инструментов управления для его минимизации.

Анализ негативного опыта управления человеческим капиталом говорит о том, что существуют

© А.А. Тихомиров

следующие группы рисков инвестиционной деятельности, связанные с:

– неспособностью реципиента к развитию;
– низкой эффективностью развития;
– реализацией в интересах инвестора.

Тот же опыт говорит, что прежде чем принять решение об управлении человеческим капиталом, необходимо провести окончательное уточнение стратегии развития предприятия и в соответствии с ней экспертно-аналитическим путем разработать модели компетенций для каждого реципиента инвестиций.

Разрабатывая модель компетенций, организация определяет для себя меру и состав базовых качеств, принимая во внимание, что они имеют разную чувствительность к развитию и обучению. Так, компетенции, сформированные в терминах знаний и навыков (так называемые поверхностные компетенции у Д.К. МакКлелланда), можно развить в некоторой степени, например, при помощи тренинга. Компетенции, имеющие в своей основе ценности и мотивы (глубинные компетенции у Д.К. МакКлелланда), изменить (развить) гораздо труднее. По этой причине рентабельнее подбирать людей, руководствуясь результатами оценки компетенций мотивов и ценностей, и обучать их навыкам и знаниям, необходимым для работы.

С целью нейтрализации рисков, связанных с неспособностью реципиента к развитию, с его знаниями, навыками, личностно-деловыми качествами, отражающими необходимый стандарт рабочего поведения, единый для всех должностей, в компании производится оценка трудового и инновационного поведения.

Оценка трудового поведения основывается на эффективности выполнения трудовых функций с учетом производственной специфики.

Для оценки инновационного поведения выделяются четыре типа[1], которые различаются отношением работника к инновациям и вовлеченностью в инновационную деятельность:

1. инновационная активность – уровень мотивации и квалификации работника достаточен для разработки и реализации новых идей, оригинальных и нестандартных решений поставленных задач; обладает рационализаторскими и изобретательскими способностями и использует их для совершенствования деятельности;

2. инновационная восприимчивость – уровень мотивации достаточен для решения инновационных задач, но требуется участие более квалифицированных коллег;

3. инновационная апатия – уровень мотивации не достаточен, хотя имеющаяся квалификация пригодна для решения инновационных задач;

4. отторжение инноваций – уровень мотивации и квалификации не достаточен для участия в инновационном процессе.

По результатам оценки эффективности трудовой деятельности и соответствия инновационного поведения работника инновационной стратегии предприятия исключаются работники, предопределяющие неэффективность инвестиций в развитие их человеческого капитала.

Дальнейшая процедура отбора заключается в определении потенциала работника, выявления наличия способностей к саморазвитию, креативных способностей, направленности работника.

Способности к саморазвитию. Развитие личности работника происходит тогда, когда разносторонний профессионализм дополняется целенаправленным саморазвитием. Способностями к саморазвитию, так же, как и мотивированностью на него, обладают далеко не все. Основу способности к саморазвитию составляют умения:

• видеть свои недостатки и ограничения;
• анализировать их причины в собственной деятельности;
• критически оценивать результаты своей работы, причем не только неудачи, но и особенно успехи.

Данные умения просты и понятны, но не все работники ими обладают в достаточной мере, а сформировать в трудоспособном возрасте сложно.

Из английского языка в русский успешно перекочевал и успел уже стать обыденным термин «креативность». Креативность – это способность творить, создавать, привносить что-то новое в этот мир. Среди первых исследователей креативности был Л. Терстоун, который обратил внимание на разницу между творческими способностями и способностями к обучению, на значение в творческой активности факторов неинтеллектуальных, в первую очередь темперамента. Концепция креативности как универсальной познавательной творческой способности приобрела популярность после выхода работ Дж. Гилфорда. В основе его концепции лежит принципиальное различие между двумя типами мыслительных операций: конвергенцией (процесс сближения, схождения (в разном смысле), компромисса, стабилизации) и дивергенцией. Гилфорд считал операцию дивергенции основой креативности, которую объяснял как «тип мышления, идущего в различных направлениях». Гилфорд выделил четыре основных параметра креативности: 1) оригинальность – способность продуцировать отдаленные ассоциации, необычные ответы; 2) семантическая гибкость – способность выявить основное свойство

объекта и предложить новое свойство его использования; 3) образная адаптивная гибкость – способность изменять форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые признаки и возможности для использования; 4) семантическая спонтанная гибкость – способность к продуцированию разнообразных идей в нерегламентированной ситуации.

Направленность личности – это установки, ставшие свойствами личности и проявляющиеся в таких формах, как влечение, желание, стремление, интерес, склонность, идеал, мировоззрение, убеждение, ориентирующих человека на определенные поведение и сферу деятельности.

Личная направленность – создается преобладанием мотивов собственного благополучия, стремлением к личному первенству, престижу. Такой человек чаще всего бывает занят самим собой, своими чувствами и переживаниями и мало реагирует на потребности окружающих его людей: игнорирует интересы сотрудников или работу, которую должен выполнять. В работе видит, прежде всего, возможность удовлетворить свои притязания вне зависимости от интересов других сотрудников.

Направленность на взаимные действия – имеет место тогда, когда поступки человека определяется потребностью в общении, стремлением поддерживать хорошие отношения с товарищами по работе, учебе. Такой человек проявляет интерес к совместной деятельности, хотя может и не способствовать успешному выполнению задания, нередко его действия даже затрудняют выполнение групповой задачи и его фактическая помощь может быть минимальной.

Деловая направленность – отражает преобладание мотивов порождаемых самой деятельностью, увлечение процессом деятельности, бескорыстное стремление к познанию, овладению новыми навыками и умениями. Обычно такой человек стремится к сотрудничеству и добивается наибольшей продуктивности группы, а поэтому старается доказать точку зрения, которую считает полезной для выполнения поставленной задачи.

Если рассматривать инновационную деятельность как систему, то объектом выступают и ее цели, и ее элементы, и ее связи. Для достижения максимально возможной эффективности объект деятельности должен быть имманентен ее субъекту, учитывать направленность личности. Наличие установки (направленности) индивида на определенную деятельность опосредует влияние всех внешних воздействий с целью обеспечения равновесности в среде. Учет направленности личности позволяет не столько прогнозировать реакцию на взаимодействие с внешней средой, сколько ее проектировать, оптимизирую управляющее воздействие, достигая максимальной эффективности инвестиций в человеческий капитал.

Завершается процесс отбора работников рейтинговой и экспертной оценкой их инвестиционной привлекательности.

Процедура отбора персонала позволяет обеспечить такие базовые принципы для дальнейшего инвестирования в человеческий потенциал, как принцип адресности и принцип сонаправленности векторов развития.

Принцип адресности[2] инвестиций в человеческий капитал. Инвестиции должны направляться в конкретного работника (группу), целенаправленно и концентрированно в элементы его (их) человеческого капитала, которые требуют развития для реализации запланированных инноваций.

Принцип сонаправленности векторов развития. Инвестиции направляются только в те направления, которые отвечают инновационной стратегии предприятия и обеспечивают ускорение процессов саморазвития работников.

Отбор персонала в соответствии с этими критериями обеспечивает привлекательность работников в качестве реципиентов, показывая потенциал эффективности инвестиций в их человеческий капитал, однако не устраняет такие угрозы, как недостаточно интенсивное развитие и реализация человеческого капитала работником в интересах инвестора, что снижает вероятность достижения действительных целей инвестиционной деятельности.

Следующим этапом снижения инвестиционных рисков является этап управления эффективностью развития человеческого капитала. Обеспечение управляемости инвестиционной деятельности находится в проблемном поле инструментальных институтов, закрепляющих систему взаимодействия, основанную на замкнутом принципе управления. Нейтрализация рисков (возмущающих действий) закладывается в целеполагание системы управления. По мере развития объекта управления (роста неопределенности и, как следствие, возмущающего действия) планирование от управляющего воздействия (при отборе и найме) переносит свои акценты на формирование требуемого состояния управляемой системы, т.е. на следствие воздействий на объект.

Анализ специальной литературы и личный опыт позволяют сделать вывод о бытующем устойчивом мнении, что основной угрозой экономическим мотивам инвестирования в человеческий капитал является низкая юридическая защищенность финансовых ресурсов инвесторов. До недавнего времени для защиты интересов инвесторов с

реципиентами выстраивались договорные отношения по возврату инвестированных в них средств в случае одностороннего расторжения трудовых отношений. Это позволяет нейтрализовать только угрозу потери денежных средств, да и то, без учета их стоимости, обеспечивает достаточную управляемость при низком уровне сложности и значимости для конечного результата работ (работник представляет собой простую систему), система управления воздействует на объект после факта отклонения от цели (разомкнутый контур с «компенсацией возмущения» [3]). Избежать потерь невозможно, но они и не так велики. Во всяком случае, не сопоставимы с издержками на модернизацию управления.

В процессе инвестиционной деятельности и объект инвестиций трансформируется в сложную динамическую систему, и управление должно приобрести черты замкнутого контура. Получающее все большее распространение совместное инвестирование в развитие человеческого потенциала полностью вписывается в проблемное поле неоклассической парадигмы – целеполагание и ответственность за интенсивность обучения делегируется реципиенту. Потребности в компенсации роста неопределенности реализуются формированием саморегулирующихся систем. К основной системе управления по возмущениям подключается еще и механизм оценки наилучших параметров – делегируется функция контроля, которая трансформирует объект управления в управляемый субъект. Другими словами, работник трансформируется из простой системы в сложную, саморегулирующуюся, где интересы инвестора полностью совпадают с его личными.Появляется механизм личной ответственности, который мобилизует все внутренние ресурсы работника на достижение наилучшего результата – качества и интенсивности собственного развития.

Таким образом, совместное инвестирование в развитие человеческого капитала,являясь вторым этапом реализации риск-менеджмента человеческого капитала, нейтрализует риски низкой эффективности его развития в максимально возможной степени.

Однако придание работнику статуса инвестора обеспечивает согласование интересов всех участников процесса в развитии человеческого капитала и совершенно не затрагивает их интересы в его реализации. Оставаясь в конечном итоге, собственно, единственным субъектом принятия решений, работник выбирает наилучший для себя(без учета мнения остальных инвесторов) вариант применения своего капитала.

В то же время, инвестиционный процесс сопровождается непрерывным развитием человеческого капитала, проявляющийся в изменениях трудового поведения. И чем сложнее управляемый объект, тем достоверность прогнозов о качестве его участия в трудовой деятельности ниже. Отсюда и риски теперь связаны не просто с неопределенностью, а с ее динамикой.

Эмпирическим путем противоречия интересов, особая острота которых проявилась на предприятиях среднего бизнеса, постепенно снимались через расширение измерения стратегического управления человеческим капиталом. Методы кадрового маркетинга, маркетинга человеческого капитала были постепенно «отформатированы» таким образом, что их применение обеспечивает восприятие и отношение к потенциальным и уже работающим сотрудникам как к «клиентам», а рабочее место в организации представляет собой продукт, который продается на рынке труда.

Такая постановка вопроса предполагает стимулирование инвесторами выбора носителем объекта реализации его человеческого капитала. Однако, и в этом, по мнению автора, правильном направлении есть риски снижения эффективности инвестиций.

В последнее время получило распространение построение индивидуальных моделей трудовой мотивации носителей человеческого капитала. Так модели Н.А. Тюленевой строятся на контент-анализе, методах рейтинговой оценки, SWOT-анализе и т.д, что дает возможность оценить роль отдельных факторов, влияющих на трудовую мотивацию. Предложенный ею обобщающий критерий измерения потребностей и их покрытия выражен пятикомпонентным показателем S(Ф). В формализованном виде это выглядит следующим образом:

Кпо = СИ – СП,

где Кпо – общий коэффициент покрытия потребностей,

СИ – совокупные источники покрытия потребностей,

СП – совокупные потребности.

Совокупные источники покрытия потребностей включают: источники стимулирования на корпоративном уровне, выплачиваемые обязательно (оклады, доплаты и компенсации, надбавки и премии) и дополнительно («компенсационный пакет»), устанавливаемые в соответствии с локальными корпоративными актами; источники стимулирования социальных выплат как обязательных, выплачиваемых из бюджетов либо внебюджетных фондов различных уровней, установленных федеральным законодательством или законодательством субъектов Российской Федерации.

В свою очередь, совокупные потребности определяются как сумма базовых и социальных потребностей:

СП = БП + СП,
где БП – базовые потребности,
СП – социальные потребности.

При несомненной перспективности идеи адресности подобная модель, на взгляд автора, практических перспектив не имеет – она статична, а динамика развития человеческого капитала детерминирует подвижность модели трудовой мотивации, что априори не позволяет говорить об оптимальности соблюдения интересов всех инвесторов.

Отличия «работника знаний» от простого работника заключаются в том, что он предлагает работодателю не свои способности к труду, а его результат, не рабочую силу, а потребительскую стоимость, воплощенную в том или ином инновационном продукте или новой производственной технологии. Любой намек на насилие, даже в мягкой форме, трансформирует субъекта человеческого капитала в объект управления, что, выхолащивая человеческий капитал, оставляет только рабочую силу.

Ненасильственная реализация принципа оптимальности реализуется на рынке человеческого капитала, где не только удовлетворяется потребность в человеческом капитале, но и определяются условия его реализации самим носителем.

Если рынок товаров и услуг ориентирует предприятия в технологической плоскости, рынок рабочей силы – в обеспечении соответствия организационной структуры технологиям, то рынок человеческого капитала ориентирует предприятие как комплекс на его соответствие целям предприятия.

На сегодняшний день одним из наиболее прогрессивных подходов к управлению реализацией человеческого капитала в интересах всех сторон инвестиционного процесса является управление проектами. Сам метод возник как средство достижения хозяйственных целей предприятий и учреждений. Информация об управлении проектами собрана в различных международных и национальных документах, некоторые из которых признаны стандартами управления проектами. Наиболее популярны «Свод знаний по управлению проектами» – PMBoK, впервые изданный Американским институтом управления проектами (PMI), и Международные требования к компетентности специалистов – ICB IPMA, издаваемые Международной ассоциацией управления проектами (IPMA).

Управление проектами (англ. projectmanagement) – в соответствии с определением PMBoK – область деятельности, в ходе которой определяются и достигаются четкие цели проекта при балансировании между объемом работ, ресурсами, временем, качеством и рисками. Основным отличием проектной деятельности является осязаемое (коммерческое) понимание миссии этого проекта. Система деятельности приобретает цели, опосредованные ясными функциями, исполнение которых она берет на себя. Теперь миссия constanta, а цели – производная миссии, ресурсов времени и т.д.

Так вот, структурой стандарта PMIPMBoK кроме всего прочего предусмотрена разработка миссии проекта, бюджет проекта и организационная структура проекта. Добровольное участие в проекте, а, тем более его авторство, удовлетворяет не только материальные потребности, но и социальные (по миссии проекта и уровню порученной ответственности удовлетворяются потребности личности), и духовные (по сложности решаемых задач).

Процедура инициации проекта предусматривает, с одной стороны, разработку устава проекта, что требует наличие человеческого капитала, а, с другой – его утверждение на основе рыночной оценки его целесообразности. Процедурой утверждения, по сути, дается рыночная оценка человеческого капитала и осуществляется выбор условий его реализации. Таким образом, участие в нем, обладая мощным потенциалом стимулирующего развития и адресной реализации человеческого капитала действия, завершает третий этап риск-менеджмента человеческого капитала, максимально возможно снижая риски его реализации.

Таким образом, процедуры отбора инвестиционной привлекательности, совместного инвестирования и участия в проектной деятельности образуют трехмерность пространства риск-менеджмента человеческого капитала.

Библиографический список

1. *Коркина Т.А.* Управление инвестициями в человеческий капитал угледобывающих предприятий. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. эконом. наук. Челябинск. 2010.

2. *Коркина Т.А.* Принципы управления инвестициями в человеческий капитал предприятия. Управление персоналом. 2009. № 17. С. 30-33.

3. *Могилевский В.Д.* Методология систем: вербальный подход. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999г. 251с.

A.A. TIKHOMIROV

RISK MANAGEMENT OF CAPITALIZED PART OF THE HUMAN POTENTIAL

This article discusses thechallenges of management risks of the formation and development of capitalized part of human potential. The stages of risk management are identified, their system view is given, risk management's three-dimensional space is disclosed. An algorithm forpersonnelselectionforcollective investment in human capital was suggested. From the systems standpoint the borders functions co-investment in human capital was defined. Based on the trends analysis for stimulating the targeted realization of human capital projects methodis proposed.

Key words: ***risk management, human potential, investment, development, human capital marketing, the system, motivation, promotion, project management.***

Е.А. ХОВАНСКАЯ
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
Тел. (4862) 76 12 25

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ БЮДЖЕТНЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ*

В статье рассматриваются условия создания хозяйственных обществ бюджетными научными и образовательными учреждениями в рамках Федерального закона от 2 августа 2009 г. N 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

Ключевые слова: ***хозяйственное общество, бюджетные научные и образовательные учреждения, Федеральный закон от 2 августа 2009 г. N 217-ФЗ, результаты интеллектуальной деятельности (РИД), бюджетный учет, учредитель, уставной капитал хозяйственного общества, государственная регистрация.***

Бюджетным учреждением признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий соответственно органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах [6].

Принятие Федерального закона от 2 августа 2009 г. N 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» (далее – Закон N 217-ФЗ) позволяет создавать (в том числе, совместно с другими лицами) хозяйственные общества без согласия федеральных органов исполнительной власти или государственных академий наук, в ведении которых они находятся. В целях практической реализации положений Федерального закона научному или образовательному учреждению, планирующему создать хозяйственное общество, необходимо осуществить следующие действия:

1. Провести в соответствии с Инструкцией по бюджетному учету, утвержденной приказом Минфина России от 30.12.2008 г. N 148н [2], бюджетный учет результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), права на которые в силу положений действующего законодательства или заключенного учреждением договора принадлежат научному или образовательному учреждению. При постановке РИД на бюджетный учет должна быть определена стоимость соответствующего РИД на основании затрат на его создание (приобретение).

Бюджетный учет исключительных прав на РИД (нематериальных активов), принадлежащих учреждению, проводится учреждением в соответствии с Инструкцией по бюджетному учету, утвержденной Приказом Минфина Российской Федерации от 30.12.2008 г. N 148н [2].

Объекты нематериальных активов принимаются к бюджетному учету по их первоначальной стоимости, при этом первоначальной стоимостью объектов нематериальных активов признается сумма фактических вложений в приобретение и создание объектов нематериальных активов, за исключением объектов, впервые вовлекаемых в экономический (хозяйственный) оборот, первоначальной стоимостью которых признается их рыночная стоимость на дату принятия к бюджетному учету. Рыночная стоимость определяется как сумма денежных средств, которая может быть получена в результате продажи указанных активов на дату принятия к бюджетному учету. Первоначальной стоимостью объектов нематериальных активов, полученных учреждением по договору дарения, признаются их рыночная стоимость на дату принятия к бюджетному учету, а также стоимость услуг,

*Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012 год (номер: 6.5355.2011, прикладные научные исследования).

© Е.А. Хованская

связанных с их доставкой, регистрацией и приведением их в состояние, пригодное для использования.

2. Провести оценку права использования РИД, которое будет являться вкладом в уставный капитал хозяйственного общества, а также оценку иного имущества, вносимого в уставный капитал хозяйственного общества. Денежная оценка права использования РИД, которое будет являться вкладом учреждения в уставный капитал хозяйственного общества, проводится учреждением самостоятельно или с привлечением независимого оценщика. Такая оценка не может быть ниже расходов, понесенных учреждением при приобретении, создании соответствующих результатов интеллектуальной деятельности и обеспечении условий для их использования в запланированных целях. При этом необходимо учитывать, что в случае, если научное или образовательное учреждение планирует оценить стоимость права использования РИД на сумму более пятисот тысяч рублей, должен быть привлечен независимый оценщик.

В случае, если учреждение планирует оценить стоимость права использования РИД на сумму более пятисот тысяч рублей, привлечение независимого оценщика является обязательным.

Денежная оценка права использования РИД, которое будет являться вкладом в уставный капитал хозяйственного общества, утверждается решением общего собрания учредителей (участников) хозяйственного общества, принимаемым всеми учредителями (участниками) хозяйственного общества единогласно.

3. Определить, будет ли научное или образовательное учреждение являться единственным учредителем хозяйственного общества либо будут привлечены соучредители. Доля (акции) соучредителей в уставном капитале хозяйственного общества должна быть оплачена денежными средствами не менее чем наполовину. Оставшаяся часть доли (акций) соучредителей в уставном капитале хозяйственного общества может быть оплачена исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, правом использования результатов интеллектуальной деятельности, материалами, оборудованием или иным имуществом, необходимыми для практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые либо право использования которых вносятся в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного общества.

4. Принять решение о создании хозяйственного общества или провести собрание учредителей, на котором будет принято решение о создании хозяйственного общества. В решении о создании хозяйственного общества должны быть отражены следующие вопросы: создание хозяйственного общества определенной организационно-правовой формы и с определенным названием; определение местонахождения общества; определение размера уставного капитала хозяйственного общества и размера доли каждого участника в уставном капитале хозяйственного общества; определение порядка оплаты долей участниками общества; утверждение устава хозяйственного общества; назначение единоличного исполнительного органа (если это не относится в соответствии с уставом хозяйственного общества к компетенции наблюдательного совета); формирование (при наличии в соответствии с уставом) коллегиального исполнительного органа и наблюдательного совета (совета директоров); осуществление государственной регистрации общества.

Выбор организационно-правовой формы, определение места нахождения и размера уставного капитала общества, а также подготовка учредительных документов по созданию хозяйственного общества осуществляется учреждением единолично или совместно с соучредителем (-ями) хозяйственного общества.

Принятие решений и рассмотрение документов для учреждения хозяйственного общества целесообразно отнести к компетенции ученого совета и (или) научно-технического совета учреждения. В таком решении целесообразно отразить предложения по:

– наименованию создаваемого хозяйственного общества с указанием его организационно-правовой формы;

– определению места нахождения хозяйственного общества;

– составу участников хозяйственного общества;

– размеру уставного капитала хозяйственного общества и размеру долей каждого участника в уставном капитале хозяйственного общества;

– составу имущества, вносимого учредителем (учредителями) в уставный капитал хозяйственного общества, включая сведения о предполагаемой оценке неденежных вкладов в уставный капитал хозяйственного общества;

– назначению единоличного исполнительного органа;

– формированию коллегиального исполнительного органа и наблюдательного совета (совета директоров).

5. Подать в территориальный орган Федеральной налоговой службы по месту нахождения создаваемого хозяйственного общества документы на государственную регистрацию.

Решение о создании хозяйственного общества принимается на собрании учредителей хозяйственного общества, на котором утверждается его устав. При наличии двух и более учредителей решение о создании общества оформляется протоколом общего собрания его учредителей.

Если учреждение является единственным учредителем создаваемого хозяйственного общества, решение о создании общества и об утверждении его устава принимается исключительно учреждением на основании соответствующего решения научного (научно-технического) совета учреждения и подписывается руководителем учреждения.

Решение о создании хозяйственного общества принимаются в соответствии с требованиями Федерального закона от 08.08.2001 г. N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и направляются на государственную регистрацию в территориальный орган Федеральной налоговой службы по месту нахождения создаваемого хозяйственного общества.

Созданное хозяйственное общество может быть признано малым или средним предприятием в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 года N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» с учетом изменений, внесенных статьей 4 Федерального закона, и пользоваться гарантиями и льготами, предоставляемыми данным хозяйствующим субъектам [4].

6. Уведомить Минобрнауки России о создании хозяйственного общества в течение семи дней с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о государственной регистрации хозяйственного общества;

7. Заключить лицензионный договор с созданным хозяйственным обществом и зарегистрировать лицензионный договор в Роспатенте (в том случае, если результат интеллектуальной деятельности, право на использование которого передается, подлежит государственной регистрации) [7].

Требования к содержанию лицензионного договора и к порядку его исполнения определяются в соответствии со статьями 1235 – 1237 ГК РФ. При этом учреждение вправе заключить с хозяйственным обществом лицензионный договор либо на условиях простой (неисключительной) лицензии либо на условиях исключительной лицензии в соответствии со статьей 1236 ГК РФ [1]. В содержании лицензионного договора должна быть указана денежная оценка права, вносимого в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного общества.

При наличии других (помимо бюджетного научного учреждения) участников создаваемого хозяйственного общества доля учреждения в уставном капитале акционерного общества должна составлять более чем двадцать пять процентов или в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью – более чем одну треть. При этом доля (акции) других лиц (участников) в уставном капитале хозяйственного общества должна быть оплачена денежными средствами не менее чем наполовину.

Оставшаяся часть доли (акций) других лиц (участников) в уставном капитале хозяйственного общества, не являющихся бюджетными учреждениями, может быть оплачена:

– исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности;

– правом использования результатов интеллектуальной деятельности;

– материалами, оборудованием или иным имуществом, необходимыми для практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые либо право использования которых вносятся в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного общества

Научные и образовательные учреждения вправе распоряжаться долями (акциями) в уставных капиталах созданных хозяйственных обществ только с предварительного согласия государственных органов или государственных академий наук, в ведении которых они находятся.

На сегодняшний день существует ряд проблем, одной из которых является проблема свободного доступа хозяйственных обществ к доходам от собственной интеллектуальной деятельности. В соответствии с положениями Закона бюджетные научные и образовательные учреждения имеют право самостоятельно распоряжаться дивидендами и доходами от участия в малых инновационных предприятиях. Однако в рамках действующего бюджетного законодательства РФ, согласно которому в перечне доходов бюджетных учреждений, полученных от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, не предусмотрены доходы от использования результатов интеллектуальной деятельности или от участия в коммерческих организациях (полученные денежные средства могут направляются только на правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности, выплату вознаграждения их авторам, осуществление уставной деятельности научных и образовательных учреждений).

Таким образом, появление Закона N 217-ФЗ [5], позволяющего вузам и научным учреждениям создавать на своей базе хозяйственные общества,

с одной стороны, стимулирует коммерциализацию научных разработок, с другой стороны, несогласованность отдельных положений вышеуказанного Закона с действующим законодательством РФ, а также недостаточный уровень стимулирующих процедур поддержки малых инновационных предприятий уменьшают целесообразность создания и эффективность функционирования малых инновационных предприятий на платформах бюджетных научных и образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 27.06.2012) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2012), статьи 1235-1237.
2. Инструкция по бюджетному учету, утвержденная приказом Минфина России от 30.12.2008 г. N 148н (зарегистрирован в Минюсте России 12.02.2009 г. N13309).
3. Федеральный закон Российской Федерации от 08.08.2001 г. N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».
4. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 года N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
5. Федеральный закон Российской Федерации от 2 августа 2009 г. N 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».
6. Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. N 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», статья 92.
7. http://www.gisn.ru/index.php/mipi-pri-vuzah/107-rekomendacii

E.A. KHOVANSKAYA

MAIN MECHANISMS OF CREATION BY THE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS ECONOMIC SOCIETIES

The article considers the conditions for the creation of the economic entities of budget scientific and educational institutions in the framework of the Federal law of August 2, 2009. N 217-FZ «On introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on matters of creation of budget scientific and educational institutions of the economic entities for the purposes of practical application (implementation) of the results of intellectual activity».

Key words: ***economic company, budgetary scientific and educational institutions, the Federal law of August 2, 2009. N 217-FZ, the results of intellectual activity), fiscal accounting, the founder, the share capital of a business company, state registration.***

А.А. ЦВЫРКО
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры «Финансы, инвестиции и кредит» Орловского государственного аграрного университета
E-mail: ser2508@rambler.ru
Тел. (4862) 76 11 28

БЮДЖЕТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ И РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются актуальные вопросы государственного финансирования сельскохозяйственных предприятий Орловской области. Приводятся статистические данные, отражающие современное состояние проблемы. На основании проведенных исследований выявлены основные направления государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и даны рекомендации по развитию производства.

Ключевые слова: ***государственное финансирование, федеральный бюджет, региональный бюджет, государственная поддержка, сельскохозяйственные предприятия, эффективность сельскохозяйственного производства.***

На сегодняшний день приоритетными направлениями социально-экономической политики государства являются создание условий, способствующих повышению уровня жизни населения на основе обеспечения высоких и устойчивых темпов экономического роста во всех отраслях экономики.

Важнейшую роль в формировании эффективной региональной экономики играет развитие АПК и его центрального звена – сельского хозяйства.

От интенсивности и эффективности работы АПК зависит характер социальных процессов, происходящих в регионах, устойчивость роста экономики, степень самодостаточности их развития.

В период 2005-2010гг. существенно изменились финансовые условия деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей Орловской области. Так, численность сельскохозяйственных организаций сокращается на 50% как за счет прибыльных, так и убыточных хозяйств. Как результат это отразилось на общем количестве среднегодовых работников, занятых в сельскохозяйственном производстве. За анализируемый период наблюдается увеличение выручки от реализации продукции на 56,4%, производительности труда, растет поголовье птицы и свиней.

Однако рост затрат на производство не окупается выручкой от реализации продукции, и как следствие, наблюдается снижение рентабельности деятельности и рост убыточности в 2008, 2009 годах.

Мировой опыт свидетельствует, что без реального участия государства в финансировании приоритетных направлений развития сельского хозяйства сложно рассчитывать на технико-технологическую модернизацию, выступающую решающим фактором обеспечения конкурентоспособности аграрной экономики [1].

Государственное регулирование экономики в условиях рыночного хозяйства представляет собой систему законодательных, исполнительных и контролирующих мер, осуществляемых государством в целях обеспечения социально-экономического развития страны.

В этих условиях ключевым моментом в формировании предпосылок для устойчивого развития сельскохозяйственных предприятий является расширение объёмов государственной финансовой поддержки отрасли [2].

Государственная поддержка является составной частью аграрной политики. Рыночные реалии хозяйствования выявили, что аграрный сектор экономики является самым уязвимым в силу своих специфических особенностей, которые при отсутствии государственного регулирующего воздействия приобретают необратимый характер.

В период 2008-2010 годов отмечен рост общего объёма государственного финансирования отраслей сельского хозяйства Орловской области. Наибольший удельный вес выделенных бюджетных средств приходится на федеральное финансирование – более 85% за весь анализируемый период.

Положительной тенденцией является увеличение доли участия бюджета области в поддержке сельского хозяйства с 12,8 до 15,1%.

На практике в целом по России сельскохозяйственные товаропроизводители платят в 2-3 раза больше налогов в федеральный бюджет, чем получают из него государственной помощи.

Аналогично складывается ситуация и по региональным бюджетам. Так по данным за 2010 г. в региональный бюджет Орловской области было

© А.А. Цвырко

перечислено сельскохозяйственными предприятиями 177205 тыс. руб., что в 1,5 раза больше, чем получено из него.

С реализацией Закона Орловской области «Об областной целевой программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы» [3] доля участия федерального бюджета в поддержке сельскохозяйственного производства имеет тенденцию к увеличению (табл. 1).

Таблица 1.

Финансирование сельского хозяйства Орловской области из бюджетов всех уровней

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. в % к 2008 г.
Получено бюджетных средств – всего, тыс. руб.	564284	641888	764316	135,4
в т.ч. из федерального бюджета	492087	554914	648886	131,8
из бюджета субъекта федерации	72197	86974	115430	159,8

Абсолютный рост объемов государственной поддержки сельского хозяйства позволит существенно улучшить финансовое состояние и стимулировать привлечение частных инвестиций в отрасль. Так как эффективность деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей с учетом субсидий в разы превышает уровень рентабельности без их учёта (табл. 2).

Таблица 2.

Рентабельность сельскохозяйственных организаций Орловской области

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	Отклонение (+,-) 2010 г к 2008 г.
Размер субсидий, тыс. руб.	564284	641888	764316	+ 200032
Уровень рентабельности с учетом субсидий, %	20,1	16,0	14,3	-5,8
Уровень рентабельности без учета субсидий, %	17,0	12,9	5,2	-11,8
Доля субсидий в выручке от реализации продукции, %	6,8	2,7	8,5	+1,7

Для дальнейшего устойчивого развития сельскохозяйственного производства в целях обеспечения продовольственной безопасности региона и полного удовлетворения населения необходимой продукцией за счет действенного использования собственных ресурсов система государственного регулирования и финансовой поддержки сельскохозяйственных предприятий должна осуществляться на основе реализации следующих принципов:

– рационального аграрного протекционизма;

– сочетания интересов государства, производителей и потребителей продуктов питания;

– гарантированной поддержки, её мотивационной направленности;

– гибкого дифференцированного подхода к финансово-кредитному обслуживанию сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Необходимость государственного регулирования сельского хозяйства вызвана специфическими особенностями сельскохозяйственной деятельности и его народнохозяйственным значением. При этом происходит воздействие государства на хозяйственную жизнь общества и связанные с ней социальные процессы, в ходе которого реализуется социально-экономическая и экологическая политика государства, предусматривающая комплексную поддержку развития всех сфер аграрного производства и сельских территорий [4].

Формирование развитого агропродовольственного рынка невозможно без применения широкого спектра мер государственного регулирования, адекватных рыночным условиям хозяйствования. Его границы определяются рамками действия объективных экономических законов и конкретными задачами в области надежного обеспечения потребностей региона в продовольствии на конкретный период [5].

Экономический механизм регулирования сельскохозяйственного рынка должен представлять собой оптимальное сочетание рыночного и государственного воздействия. Для этого необходимо восстановление контроля государства над ним в целях превращения его в систему, оптимально сочетающую в себе механизмы внутреннего (рыночного) саморегулирования и механизмы внешнего (государственного) регулирования [6]. Эти механизмы взаимосвязаны и переплетаются между собой и на различных этапах регулирования могут меняться [7].

Анализ современного состояния сельскохозяйственного рынка России и опыт высокоразвитых стран убедительно свидетельствуют о необходимости активного участи государства в его функционировании и регулировании. Для современного национального рынка характерно недостаточное влияние государства как с позиций повышения платежеспособного спроса населения, так и защиты доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей от местных и более крупных монополистов, посредников [8].

Увеличение объемов государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий позволит существенно изменить сложившуюся ситуацию в отрасли [9]. Для решения этой проблемы необходимо разработать реализуемые на практике направления государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Мы считаем, что приоритетами государственной поддержки и регулирования сельскохозяй-

ственного производства должны стать следующие направления:

1. Таможенно-тарифная политика. Должна стать стабилизационным механизмом, обеспечивающим, с одной стороны, выравнивание конкурентных условий на агропродовольственном рынке для отечественных товаропроизводителей, с другой стороны – источником пополнения федерального бюджета денежными средствами, в дальнейшем используемыми сельскохозяйственными организациями для внедрения инноваций.

2. Создание благоприятных экономических условий для эффективного функционирования отечественного сельскохозяйственного производства предполагает использование жесткой системы ценообразования на продукцию сельскохозяйственных организаций, учитывающую интересы производителей и потребителей, предоставление льгот вновь образованным сельскохозяйственным организациям, льготное налогообложение для низкорентабельных отраслей, использование квот на внутреннее производство сельскохозяйственной продукции, субсидирование 100 % ставки процентов по кредитам и жесткий государственный банковский контроль за ценообразованием на рынке банковских кредитов.

3. Выравнивание экономических условий в российских сельскохозяйственных организациях по отношению к зарубежным партнерам. Данное направление предусматривает прямую государственную поддержку сельского хозяйства ценовыми методами по тем позициям, по которым отечественный товаропроизводитель значительно отстает от зарубежных сельскохозяйственных организаций. Это направление предполагает прямое субсидирование, квотирование производимой сельскохозяйственной продукции и приобретаемых материально-технических ресурсов.

4. Рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения предполагает сохранение и возобновление почвенного плодородия хозяйствующими субъектами за счет мотивации рационального использования земель сельскохозяйственного назначения и значительных штрафных санкций, накладываемых контрольными органами на собственников земель.

5. Активная реализация социальной политики на селе предполагает создание на базе центральных усадеб крупнотоварных сельскохозяйственных организаций полномерной социальной инфраструктуры. Каждое сельское поселение и муниципальный округ на основе плана социально-экономического развития должно сформировать, своего рода кластер, т.е. иметь обязательную для нормальной жизни социально-бытовую, коммунальную и культурно-духовную инфраструктуру, обеспечивающую набор и качество услуг не ниже городского.

Следовательно, эффективное государственное регулирование аграрного сектора экономики возможно при активном участии государства во внешнеторговой деятельности и решении задач за счет оптимального использования имеющихся почвенно-климатических, трудовых и финансовых ресурсов и производственных фондов без нарушения социального и экологического равновесия [10].

Государственное регулирование аграрного сектора экономики на современном этапе характеризуется как целенаправленное воздействие органов управления на агропромышленное производство, социальную сферу и рыночные отношения с целью обеспечения населения необходимыми и доступными по цене продуктами питания, удовлетворяющими их потребности по объёму, ассортименту и качеству продукции.

Таким образом, приоритетные направления государственной поддержки и регулирования должны предусматривать комплексную финансовую и ресурсную помощь сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Библиографический список

1. *Цвырко А.А.* Государственное регулирование и поддержка сельского хозяйства за рубежом. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Вып. 2., ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011.

2. *Ремезков А.А.* Государственное регулирование экономики АПК. Политематический сетевой электронный Научный Журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. №24. С 120-122.

3. Закон Орловской области №731-ОЗ от 6 декабря 2007 года «Об областной целевой программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы».

4. *Нещадин А.* Опыт государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства за рубежом. Аграрное обозрение. 2011. №3. С. 42-48.

5. *Цвырко А.А* Государственное финансирование сельскохозяйственных предприятий Орловской области. Среднерусский вестник общественных наук. Орел, Издательский центр ОРАГС, №1, 2011.

6. *Бадина Н.А*. Государственное регулирование АПК на основе оценки уровня использования его потенциала: Автореф. дис. канд. экон. наук. Ижевск, 2009. 24 с.

7. *Цвырко А.А*. Финансовое обеспечение аграрного сектора экономики. Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. Вып. 1., ч. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011.

8. *Кошолкина А.А*. Развитие системы государственной поддержки АПК. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. №10. С. 11-14.

9. *Хлусов В.П.* Государственное регулирование агропромышленного рынка. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008. №6. С.14-17.

10. *Гордеев А.В.* Реализация Госпрограммы развития сельского хозяйства – залог продовольственной стабильности страны. АПК: экономика, управление. 2008. № 7. С. 5-9.

A.A. TSVYRKO

BUDGET FUNDING AND PROFITABILITY OF PRODUCTION

In article pressing questions of state financing of the agricultural enterprises of the Oryol region are considered. The statistical data reflecting a current state of a problem is cited. On the basis of the spent researches the basic directions of the state support agricultural producers are revealed and recommendations about manufacture development are made.

Key words: ***State financing, the federal budget, the regional budget, the state support, the agricultural enterprises, efficiency of an agricultural production.***

И.А. ШАРТОГАШЕВ
аспирант Московского государственного университета приборостроения и информатики
E-mail: yand-man@yandex.ru
Тел. 8 910 747 6340

ГРАНИЦЫ МАЛОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РИСКОВ

В работе уточнено понятие малого промышленного комплекса. На основе учета специфики малых промышленных комплексов представлен методический подход к инвестиционному планированию, ориентированный на количественную оценку инвестиционных рисков.

Ключевые слова: **промышленность, промышленный кластер, малый промышленный комплекс, инвестиции.**

Промышленные кластеры – характерная особенность любой хорошо развитой экономики, а формирование кластеров – существенная составляющая экономического развития. Категория кластеров сопряжена с общепринятым в российской экономической литературе понятием комплексов, прежде всего, территориально-производственных. Территориально-производственный комплекс (ТПК) представляет собой сочетание различных технологически связанных производств с общими объектами производственной и социальной инфраструктуры и включает в себя все отрасли производства, сосредоточенные на ограниченной территории, совместно использующие ее ресурсы и единую инфраструктуру. Именно использование единой производственной и сбытовой инфраструктуры дает возможность всем предприятиям, входящим в состав ТПК, получать экономию, а также создает возможности производственной кооперации. Таким образом, наличие внутриотраслевых и межотраслевых взаимодействий и получение эмерджентного эффекта от агломерации являются общими для кластеров и ТПК свойствами. И кластеры, и ТПК используют преимущества горизонтальной и вертикальной интеграции [1, 2].

Имея все признаки кластера, такие как: территориальная ограниченность, принадлежность к отрасли промышленности, значимость для развития территории, наличие независимых хозяйствующих субъектов и интеграционные связи между ними, группы промышленных предприятий в небольших провинциальных городах кластерами названы быть не могут. Вместе с тем, они обладают целым рядом характерных черт и могут быть идентифицированы как специфический объект исследования. Автором предлагается следующее определение понятия «малый промышленный комплекс» (МПК). МПК – это совокупность промышленных предприятий, расположенных на территории административно-территориальной единицы с численностью компактно проживающего населения менее 100 тыс. человек, доля иногородних работающих в которых не превышает 10 процентов среднесписочного состава и обладающая признаками территориального комплекса в виде общих объектов производственной и социальной инфраструктуры. [3]:

На наш взгляд, данный подход к определению малого промышленного комплекса является не совсем корректным, так как делается упор на территориальную ограниченность некой совокупности хозяйствующих субъектов, в то время как понятие комплекса предусматривает, прежде всего, взаимодействие между ними. В связи с этим представляется целесообразным сформулировать следующее определение малого промышленного комплекса. МПК – это совокупность промышленных предприятий, расположенных на территории административно-территориальной единицы с численностью компактно проживающего населения менее 100 тыс. человек, доля иногородних работающих в которых не превышает 10 процентов среднесписочного состава и обладающая признаками территориального комплекса в виде общих объектов производственной и социальной инфраструктуры. При этом, входящие в его состав хозяйствующие субъекты связаны единым технологическим циклом, или между ними имеют место бизнес-процессы, передаваемые в аутсорсинг. Формальной величиной отнесения предприятия к МПК может считаться то, что более 50% товарной продукции предприятия реализуется в рамках МПК, или данная продукция является сопутствующей в отношении основного кластерообразующего предприятия, осуществляющего реализацию продукции за пределы региона. Принцип определения границ малого промышленного комплекса проиллюстрирован на рисунке 1.

Характерными чертами МПК являются [3]:

– территориальная отдаленность от основных

© И.А. Шартогашев

потребителей продукции и, как следствие, значительная доля транспортных издержек в структуре себестоимости продукции;

– слабость развития местной инфраструктуры, в том числе финансовой, что создает сложности с доступом к кредитным ресурсам, так как в подобных регионах присутствуют, обычно, филиалы или дополнительные офисы центральных банков, не имеющие права на реализацию самостоятельной кредитной политики;

– доступ к трудовым ресурсам ограничивается как отсутствием широкой номенклатуры проживающих в границах административно-территориальной единицы, так и обычно более низким уровнем дохода, что существенно ограничивает возможность привлечения высококвалифицированных специалистов из центральных регионов, таким образом для МПК более характерна стратегия «выращивания» собственных кадров на основе переподготовки, карьерного роста и т.д.;

– более высокая лояльность работающих, связанная с ограниченностью количества рабочих мест и более высокими доходами, чем в агропромышленном комплексе, а также территориальная отдаленность, существенно снижающая мобильность рабочей силы;

– подавляющее большинство МПК сформированы до начала радикальной экономической реформы и сильно пострадали от разрыва хозяйственных кооперационных связей; как правило, выжить смогли лишь те МПК, которые реализовали готовую продукцию (не комплектующие) для оборонных и сырьевых отраслей, остальные были либо поглощены головными организациями, либо перестали существовать;

– основные средства большинства промышленных производств сильно устарели, а их модернизация затруднительная вследствие ограниченности доступа к финансовым ресурсам;

– ресурсы местных органов власти сильно ограничены, часто они не способны ни самостоятельно провести модернизацию существующих мощностей, ни создать условий для прихода стороннего стратегического инвестора.

Большинство характерных черт у МПК несут негативный контекст, однако, существует достаточно много динамично развивающихся малых промышленных комплексов, нашедших свою рыночную нишу, реализующих инновации и производящих конкурентоспособную продукцию не только в сырьевых отраслях.

Характерной чертой инвестиционного процесса в малых промышленных комплексах является высокая связанность реализуемых мероприятий для всех участников и их контрагентов. Низкий уровень диверсификации и масштабов деятельности, ограниченность количества участников на рынках продукции и ресурсов внутри региона приводят к тому, что анализ инвестиционных рисков требует не только особой тщательности, но и применения специфического инструментария.

Существуют различные методы анализа развития бизнес-систем в условиях неопределенности. Одним из таких методов является сценарный анализ, в рамках которого сравнивается эффективность функционирования предприятия или реализации проекта при различных параметрах внешней и внутренней среды. Анализ чувствительности [4, 5], то есть анализ состояния объекта при различных уровнях отклонения базовых параметров сценария, является обязательным элементом сценарного подхода к проектированию бизнес-систем. Для малых промышленных комплексов характерна высокая сопряженность факторов ведения бизнеса, поэтому в предлагаемой методике предпринята попытка учета нелинейного характера взаимодействия изменяющихся параметров при проведении анализа чувствительности как отдельных инвестиционных проектов, так и МПК в целом.

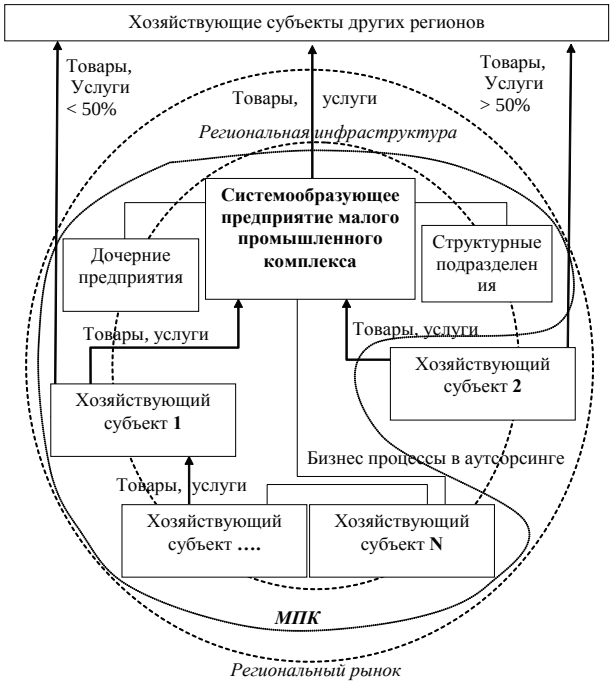


Рис. 1. Принцип определения границ малого промышленного комплекса

При анализе чувствительности инвестиционных проектов в малых промышленных комплексах факторы внешней и внутренней среды обычно взаимозависимы и изменяются не линейно. Однако составление модели, учитывающей все эти взаимодействия, на-

пример, по методу Монте-Карло, – достаточно сложный и дорогостоящий процесс, поэтому предлагается использовать поправочный коэффициент, учитывающий нелинейность влияния факторов на общую эффективность проекта по принципу автокорреляции. То есть, эксперт оценивает, насколько более сильное отклонение n-го фактора от базового сценария будет усиливать его негативное воздействие на эффективность проекта. Для простоты степень данного воздействия принимается одинаковой на всем диапазоне изменения данного фактора. В данном случае не рассматривается механизм данного воздействия, а просто дается оценка меры данного воздействия. Экспертное заключение формируется на основе опыта осуществления аналогичных проектов в рамках данного или других малых промышленных комплексов. Значение коэффициента может быть интерпретировано как соотношение тангенсов углов наклона прямых эффективности проекта при разных уровнях чувствительности. При формировании экспертного суждения могут быть использованы, например, данные об изменении объемов реализации и/или рентабельности производства у предприятий, взаимодействующих в рамках МПК, под действием некоего внешнего фактора. При этом представляется рациональным рассматривать как контур усиления негативной тенденции, что характерно для производств связанных единым технологическим циклом, так и контур устойчивости, который формируется при наличии в рамках МПК диверсифицированных производств и рынков сбыта.

При формировании экспертного суждения или расчете коэффициентов устойчивости малого промышленного комплекса особое значение приобретает оценка его границ. Именно по ограниченному числу контрагентов можно оценить и спрогнозировать влияние реализации тех или иных инвестиционных проектов на общую устойчивость МПК. При этом могут быть использованы как существующие индикаторы экономической устойчивости предприятий в составе малого промышленного комплекса, так и оценка вероятности возникновения неблагоприятной ситуации на основе составления плана движения денежных средств внутри МПК (на основе сведений о взаимных обязательствах), аналогичный методу выявления разрывов остатка наличности, использующегося для отдельных предприятий и проектов.

Таким образом, в работе уточнено понятие малого промышленного комплекса. На основе учета специфики малых промышленных комплексов представлен методический подход к инвестиционному планированию, ориентированный на количественную оценку инвестиционных рисков. Данный подход представляет собой модифицированный анализ чувствительности, учитывающий усиление (и ослабление) воздействия негативных факторов внешней среды на эффективность реализации инвестиционных проектов, связанный с взаимодействием участников малого промышленного комплекса.

Библиографический список

1. *Киселев А.Н.* Формирование промышленных кластеров. www.subcontract.ru
2. *Яровова В.В.* Развитие малого и среднего предпринимательства на основе формирования инновационных кластеров. Дисс. на соис. уч. степ. канд. эконом. наук. Орел. 2008. 183 с.
3. *Моногаров О.М.* Управление экономически устойчивым развитием малых промышленных комплексов. Автореф. дисс.на соис. уч. степ. канд. эконом. наук, Орел, 2011
4. *Дмитриев М. Н., Кошечкин С.А.* Количественный анализ риска инвестиционных проектов http://www.cfin.ru/finanalysis/quant_risk.shtm)
5. Анализ чувствительности http://www.financial-analysis.ru/methodses/metIASensitivityAnalysis.html

I.A. SHARTOGASHEV

THE BOUNDARIES OF A SMALL INDUSTRIAL COMPLEX AND SPECIFIC ASSESSMENT OF INVESTMENT RISKS

We clarified the concept of a small industrial complex. Based on consideration of the specific small industrial complexes presented a methodical approach to investment planning focused on quantitative assessment of investment risk.

Key words: **industry, industrial cluster, a small industrial complex investments.**

В.И. АСТРАХАН
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Орловского государственного университета
E-mail: vianostra@mail.ru
Тел. 8 910 206 91 30

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В XIX в.: ДИНАМИКА, ОСОБЕННОСТИ, УРОКИ

В статье характеризуется процесс совершенствования охраны российских императоров в XIX в. как специфической функции государства; выделяются особенности каждого из этапов становления единой организационно-правовой формы государственной охраны; формулируются уроки, извлеченные из систематизированного исторического опыта.

Ключевые слова: **императорская охрана, организационно-правовая форма государственной охраны, специальная служба, уроки истории.**

Личная охрана российских монархов, равно как и охрана их семей, а также мест постоянного и временного пребывания, на протяжении столетий была важнейшей функцией государства. Вместе с тем государственная охрана как организационно-правовая форма (единое общегосударственное ведомство с законодательно закрепленными полномочиями и компетенцией) сложилась далеко не сразу. Существуя длительное время как частная функция элитных подразделений (младшая дружина в Древней Руси, дворовые люди и слуги в период феодальной раздробленности, рынды и стрелецкие караулы на этапе новой централизации, опричная стража Ивана IV и т. п.), охрана государя лишь в середине XVII в. обрела фактическую законодательную основу (Соборное уложение 1649 г.), а более или менее подробную правовую регламентацию – во времена Петра I (Артикулы воинские 1715 г.). Эпоха дворцовых переворотов, продемонстрировавшая двойственную природу элитных частей (как правило, их руками и осуществлялась смена властителей), не породила, однако, требуемой организационно-правовой формы. И только в XIX в. путем создания и реформирования всё новых и новых подразделений и ведомств, ответственных за императорскую охрану, удалось прийти к результату, удовлетворявшему требованиям и вызовам времени.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась появлением новых дворцовых подразделений, но уже с доминирующей (или единственной) функцией государственной охраны. Так, 18 мая 1811 г. при лейб-гвардии Казачьем полку была сформирована Черноморская сотня, по которой вел свое старшинство *Собственный Его Императорского Величества конвой*. Казаки конвоя несли ночной караул в опочивальне императора, а также обычный караул в Зимнем дворце, неотступно сопровождали императора во всех поездках; от конвоя также выделялись охранные наряды для встречи и провода высочайших. В середине 1830-х гг. из состава конвоя для службы при дворе был выделен комнатный камер-казак, что положило начало практике существования телохранителей при особе царя (тенденция набора телохранителей из числа конвоя сохранилась вплоть до 1917 г.) [3, с. 10–38].

Полтора десятилетия спустя, Указом императора Николая I от 2 октября 1827 г. была учреждена *Рота дворцовых гренадер* из нижних чинов лейб-гвардии, «которые на отечественной войне оказали свое мужество». Рота (впоследствии реформированная в батальон) в основном выполняла торжественные церемониальные функции при дворе императора и была непременным участником всех празднований знаменательных событий. Помимо этих функций в обязанности дворцовых гренадер входили: несение караула в Зимнем дворце, наблюдение за коллекцией Эрмитажа и охрана личных покоев императорской семьи [5, с. 5–27].

Первый опыт учреждения общеимперского полицейского ведомства с доминирующей функцией государственной охраны связан с известными событиями на Сенатской площади. 27 июля 1826 г. приступило к работе *III отделение Собственной его императорского величества канцелярии*, инициатором создания которого выступил граф А.Х.Бенкендорф. Главной задачей Третьего отделения стало предупреждение «злоумышлений против особы государя императора». Чиновники отделения либо связанные с его деятельностью жандармские офицеры неотступно следовали за императором и другими представителями императорской семьи во всех их путешествиях [2, с. 101]. К началу деятельности III отделения относятся попытки создания секретной агентуры для *негласной охраны*

© В.И. Астрахан

«августейших особ». Но секретная охранная служба императора и членов его семьи в царствование Николая I в законченном виде так и не была создана.

До неудавшегося покушения на Александра II 4 апреля 1866 г. при дворе существовала лишь *Дворцовая стража* – подразделение, учрежденное 08.12.1861 г. и предназначавшееся для охраны императорских резиденций. До конца 1860-х гг. обязанности Дворцовой стражи не выходили за рамки обычной караульной службы. Личный состав стражи закреплялся не за конкретной императорской резиденцией, а только за той, в которой находился в данный момент император. Несколько позже самостоятельные команды Дворцовой стражи сформировались в каждой из императорских резиденций (например, в 1861 г. – в Петергофе и Царском Селе) [11, ф. 508].

Однако после покушения вопрос об организации охраны императора встал особенно остро. Так, уже 2 мая 1866 г. была создана *Охранная стража* – подразделение Третьего отделения Императорской канцелярии, призванное обеспечивать личную безопасности императора. Первоначальное наименование подразделения – «Охранительная команда». Сотрудники команды охраняли царя в штатском платье, только в исключительных случаях малая часть охраны могла быть одета в форменную одежду. Охранная стража функционировала на основании утвержденного Александром II Положения. Подразделение должно было действовать в глубокой тайне, сотрудники давали подписку о неразглашении. Охранная стража формировалась как специализированная служба с особым неофициальным статусом. Начальник охранной стражи подчинялся непосредственно управляющему Третьим отделением, хотя формально стража находилась в ведении коменданта Главной императорской квартиры [11, ф. 536]. Чины Охранной стражи должны были вести круглосуточное наружное наблюдение в местах пребывания императора, взаимодействуя при этом с Дворцовой стражей. Сотрудники Дворцовой стражи приняли активное участие в нейтрализации террориста А. К. Соловьева при следующем покушении на Александра II в 1879 году [10].

Последние годы правления Александра II сопровождались непрерывными попытками покушения на его жизнь (всего 8) членами террористической организации «Народная воля», вынесшей императору смертный приговор. Реакцией правительства на серию покушений явилось создание 12 февраля 1880 г. чрезвычайного органа – *Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия*. Комиссию возглавил министр внутренних дел, член Государственного совета генерал-адъютант М.Т. Лорис-Меликов. Целью деятельности комиссии являлось «прекращение покушений на государственный и общественный строй». 3 марта 1880 г. в ведение комиссии перешли Третье отделение Собственной Его Величества канцелярии и Отдельный корпус жандармов. Вскоре III Отделение было упразднено и его функции переданы *Департаменту государственной полиции МВД*, в состав которого вошла и Охранная стража [4, ф.102]. Однако все эти меры не возымели должного эффекта, и 1 марта 1881 г. года в ходе очередного покушения Александр II был смертельно ранен [6].

Осенью 1881 г. в составе дворцового ведомства были учреждены *Собственная Его Императорского Величества Охрана* и должность *Главного начальника Охраны* [9, с. 136]. Созданием Собственной ЕИВ Охраны открылся принципиально новый этап в развитии императорской охраны в России. Это была по сути автономная, подчинявшаяся лишь императору специальная служба империи, деятельность которой регламентировалась отдельно утвержденным (11.08.1881 г.) Положением [9, с. 137]. В соответствии с Положением, все ведомства и учреждения империи должны были немедленно исполнять требования Главного начальника охраны, «относящиеся до принятия мер к обеспечению безопасности особы Государя императора». Сведения о замышляемых посягательствах, собранные различными агентами, также должны были ему немедленно сообщаться. Положение действовало фактически до 1906 г., когда был утвержден новый нормативный акт, регламентировавший государственную охрану в Российской империи, – Положение о дворцовом коменданте.

В состав службы вошли Собственные Его Императорского Величества конвой и сводный пехотный полк, Дворцовая полиция, 1-й Железнодорожный полк (впоследствии – Железнодорожная инспекция), Рота дворцовых гренадер. О функциях конвоя и гренадерской роты упоминалось выше. Вкратце охарактеризуем другие их названных подразделений.

Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк – первоначально (1881 г.) был создан в ротном составе как подразделение Собственной ЕИВ охраны; в ноябре 1883 г. Сводногвардейская рота была развернута в батальон, который впоследствии был преобразован в сводный пехотный полк. В его задачу входило изыскание способов охраны царского семейства и их осуществление: наблюдение не только за помещениями дворца и районом царских прогулок, но и за дворцовой прислугой, всеми проживавшими и прохо-

дившими во дворец. Из состава полка выделялись особые присмотрщики и дневальные, обязанность которых заключалась в обходе и осмотре дворцовых помещений [7].

Дворцовая полиция – подразделение Собственной ЕИВ Охраны, образованное в сентябре 1884 г. на базе подразделений Дворцовой стражи. В 1880-е – 1890-е гг. Дворцовая полиция не только охраняла императорские резиденции, но и в случае необходимости сопровождала императора и лиц, близких ко двору. Чины Дворцовой полиции собирали оперативную информацию обо всех рабочих и прислуге, привлекавшихся для обслуживания дворца, организовывали охрану царя во время массовых и публичных мероприятий, принимали деятельное участие в противодействии политическому терроризм [11, ф. 508]. В контакте с Дворцовой полицией действовала так называемая *Заграничная агентура* (русская охранная агентура за границей) – структурное подразделение Департамента полиции, созданное в 1881 г. с целью выявления потенциальных террористов в среде революционных эмигрантов, а также охраны членов императорской семьи при посещении ими Европы. Чины Дворцовой полиции во время заграничных командировок тесно взаимодействовали с местными службами безопасности и даже формально передавались в распоряжение полиции данного государства [1].

Помимо основных структурных элементов Собственной ЕИВ Охраны необходимо упомянуть и *Охранную агентуру* – подразделение, созданное в декабре 1882 г. «в видах обеспечения безопасности высочайших их императорских величеств и государя наследника-цесаревича проездов по столице». Охранная агентура формально входила в структуру Секретного отделения петербургского Охранного отделения, но фактически находилась в подчинении столичного градоначальника. Агентура включала порядка 200 «местных» и «постовых» агентов, первые из которых занимались «наблюдением за домами в местностях высочайших проездов», собирая сведения «о движении населения в охраняемых районах», а вторые – несением постовой службы по маршрутам «высочайшего» движения [8].

Железнодорожная инспекция (Военная инспекция железных дорог, Инспекция императорских поездов) – подразделение Собственной ЕИВ Охраны, созданное 11.08.1881 г. Возглавлялась военным инспектором, которому был подчинен 1-й Железнодорожный батальон. В ведении Железнодорожной инспекции находилась техническая часть и организация поездок императорских поездов. В конце 1881 г. был выработан новый подход к организации системы охраны на железных дорогах: во время следования императорского поезда войска стягивались к железнодорожному полотну с таким расчетом, чтобы под их контролем находился буквально каждый сажень пути; постовые расставлялись в пределах прямой видимости друг от друга (50–150 м). Главной целью охраны являлось предотвращение минирования железнодорожного полотна. Одновременно в губерниях, по которым проходил литерный поезд, вводилось военное положение со всеми известными ограничениями. Впоследствии Железнодорожный батальон был развернут до численности полка [11, ф. 273].

Таким образом, именно *Охрана Его Императорского Величества как общеимперское ведомство может претендовать на роль первой в истории России организационно-правовой формы государственной охраны*. Основанием для такого вывода служит факт объединения в деятельности этого ведомства трех аспектов – функционального, организационного и правового.

Собственная ЕИВ Охрана как общеимперское учреждение просуществовала до 1906 г. Наименование должности руководителя службы со временем менялось: с мая 1894 г. – Дежурный при Его Императорском величестве генерал; с марта 1896 г. – Дворцовый комендант. Руководители Собственной охраны: П.А. Черевин (1881–1896), П.П. Гессе (1896–1905), С.С. Озеров (1905), П.Н. Енгалычев (1905)[1]. В 1906 г. функции охраны и всестороннего обеспечения безопасности императора и августейшей семьи были переданы *Управлению дворцового коменданта* [9].

Таким образом, процесс совершенствования российской императорской охраны в XIX в. включает по крайнем мере *три этапа*: от создания отдельных подразделений с частными охранными функциями (Собственный ЕИВ конвой, Рота дворцовых гренадер) через конкретизацию системы мер по обеспечению безопасности главы государства (доминирующие функции Третьего отделения Императорской канцелярии) к учреждению единой организационно-правовой формы – общеимперской спецслужбы в лице Охраны Его Императорского Величества (1881 г.), объединявшей несколько центральных подразделений и ведомств с дифференциацией возлагавшихся на них задач.

Из систематизированного опыта совершенствования государственной охраны в XIX в. можно извлечь некоторые *уроки*. Так, наличие только функционального аспекта государственной охраны, основанного на традиции, не может являться гаран-

1 История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охра-на. 1881–1917. Под общ. ред. Е.А. Мурова. М. : МедиаПресс, 2006.

тией обеспечения безопасности охраняемых лиц и сооружений. Это первый урок. Далее: разработка нормативной базы деятельности подразделений государственной охраны должна сопровождаться учетом всех сторон и специфических особенностей этой деятельности, причем в конкретном социально-политическом контексте. Это второй урок. И, наконец, запаздывание становления организационного аспекта института государственной охраны (создание общегосударственного единого органа исполнительной власти) приводит к крайне негативным для системы безопасности первых лиц государства последствиям. Это третий урок. Перечисленные уроки могли бы иметь значение для современного процесса развития отечественных органов государственной охраны.

Библиографический список

1. *Брачев В.С.* Заграничная агентура Департамента полиции. 1883–1917. СПб., 2001. 186 с.
2. Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917. Т. 2. СПб., 2001. 260 с.
3. *Галушкин Н.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. 1811–1861. Филадельфия, 1961. 320 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102 – «Департамент полиции Министерства внутренних дел».
5. *Гринев Л.* История Роты Дворцовых гренадер. СПб., 1912. 453 с.
6. *Дворжицкий А.И.* Первое марта 1881 г. Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. 123 с.
7. *Дулицкий С.* Охрана царской семьи и революция 1917 г. Дневник русского офицера. М., 1997. № 3. С. 48–54.
8. Инструкция чинам Отряда секретной охраны по охране Их Императорских Величеств во время высочайших путешествий и их пребываний вне мест постоянных резиденций. СПб., 1913.
9. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. Под общ. ред. Е. А. Мурова. М. : МедиаПресс, 2006. 464 с.
10. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.): Сборник документов. М., 2001. 520 с.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 508 «Дворцовая полиция Министерства императорского двора». Ф. 536 «Главное дворцовое управление». Ф. 273 «Инспекция Императорских поездов».

V. I. ASTRAKHAN

THE ORGANIZATION OF THE RUSSIAN EMPERORS' GUARDING IN THE XIXTH CENTURY: DYNAMICS, FEATURES, LESSONS

In this article the process of improvement of the Russian emperors' guarding in the XIXth century as a specific function of the state is characterized; the features of each stage of establishment of the state guarding single organizational-legal form are marked out; the lessons learned from systematized historical experience are formulated.

Key words: ***imperial guarding, organizational-legal form of the state guarding, special service, lessons of history.***

М.Ю. ИЛЮХИН
старший преподаватель кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета
E-mail: ilyukhin@yandex.ru
Тел. 8 910 747 15 24

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАСЕДАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (III – IV СОЗЫВЫ)

В работе освещаются взгляды депутатов Государственной Думы III и IV созывов на проблемы дальневосточной политики русского правительства в период с 1908 по 1917 гг. На основе изучения источников по методу критического анализа автор приходит к выводу, что политика царской России на Дальнем Востоке подвергалась разносторонней критике со стороны представителей различных думских фракций. Основания этой критики изложены в нижеследующей работе.

Ключевые слова: ***Государственная Дума, русская дальневосточная политика, Санкт-Петербургский договор 1881 года, Синьхайская революция, Северная Манчжурия, Халха.***

Рубеж XIX – XX вв. ознаменовался активизацией политики России на Дальнем Востоке. Как и другие великие державы, Российская империя приняла активное участие в «битве за концессии». Оказав ряд «дружеских услуг» Китаю [10, С.115, 116], Россия получила возможность строительства по территории Китая Китайско-Восточной железной дороги, прав на аренду южной части Ляодуна с портами Далянь (Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур) и сооружение южной ветки КВЖД [10, С.118, 126]. Усиление русских позиций в северо-восточном Китае находилось в полном противоречии с интересами Японии. Последняя, воодушевленная легкостью победы в японо-китайской войне 1894-1895 гг., ориентировалась на превращение Манчжурии в сферу своего влияния. Результатом обострения отношений двух держав стала неудачная для России война 1904 – 1905 гг. и заключение прелиминарного Портсмутского мирного договора. В последующий период русская и японская дипломатии вступили в переговорный процесс с целью разграничения интересов на Дальнем Востоке. Летом 1907 г. между сторонами были подписаны торговый договор, рыболовная и общеполитическая конвенция. Демонстрируя «дружественные чувства» к вчерашнему врагу, русская сторона рассматривала вопрос о преобразовании миссии в Токио в посольство.

В качественно новых условиях внутриполитической жизни России этот вопрос был вынесен на обсуждение Государственной Думы, имевшей право обсуждать смету МИД и рассматривать финансовую сторону его деятельности. Несмотря на то, что он носил исключительно «технический» характер, обсуждение его «подняло» ряд проблем, связанных с внешней политикой страны вообще, и на Дальнем Востоке, в частности.

Министр иностранных дел А.П. Извольский уверял депутатов Государственной Думы в том, что отношения с Японией вошли в нормальное русло, что с подписанием летом 1907 г. серии договоров и конвенций между Россией и Японией «создана целая сеть международных соглашений и интересов, создана политическая атмосфера, бесспорно благоприятная как специально для нас, так и для поддержания всеобщего мира» [2, Ст.115]. Позиция главы МИД понятна: через народных избранников он желал успокоить общественное мнение страны, пытаясь убедить, что вчерашний враг ныне превратился в «доброго соседа».

Однако большинство выступавших представителей думских фракций выразили озабоченность реальным состоянием русско-японских отношений. Так, лидер октябристов А.И. Гучков указывал на тревожные сообщения в прессе об активной экономической экспансии Японии в Манчжурии, что, по его словам, могло значительно усилить политическое влияние последней на Дальнем Востоке [2, Ст.102 - 105]. Глава фракции кадетов П.Н. Милюков выражал опасения насчет содержания в подписанных конвенциях неких тайных статей, которые, с одной стороны, «расширяют пределы прав» договаривающихся сторон, с другой, будучи недоступны общественному мнению, могут вести к началу новых внешнеполитических авантюр [2, Ст.120]. Беспартийный депутат гр. А.А.Уваров усматривал в статьях этих соглашений возможность открытия всего русского тихоокеанского побережья для экономической экспансии Японии [2, Ст.377]. Наконец, оратор фракции националистов С.И. Клеповский попросту возложил на министерство иностранных дел ответственность за неудачную войну, поскольку дипломаты не смогли вовремя предупредить прави-

© М.Ю. Илюхин

тельство о реальном военном потенциале Японии [2, Ст.105].

Таким образом, в начале 1908 г. абсолютное большинство Государственной Думы сохраняло настороженное отношение к Японии, рассматривая ее как главного, и отнюдь не «умиротворенного» соперника России на Дальнем Востоке. Уверения министра иностранных дел о том, что Япония не только готова, но уже реально соблюдает русские интересы в Северной Манчжурии [2, Ст.285], прозвучали для думцев неубедительно.

Взгляд на Японию как на потенциального противника России на Дальнем Востоке сохранялся и во время обсуждения в Государственной Думе вопроса о начале строительства Амурской железной дороги. И сторонники проекта, отстаивающие его стратегическую ценность, и противники, говорившие о его бессмысленности, сходились в одном: наиболее вероятным врагом на Дальнем Востоке следует считать Японию. Слова премьера П.А. Столыпина, говорившего о вечном мире с Японией как о высшем благе для России [2, Ст.1402], похоже, были восприняты как благое пожелание.

Докладчик комиссии государственной обороны, октябрист Н.В. Савич, заявил, что «в случае войны на Дальнем Востоке, наши руки в значительной степени будут связаны; мы не можем уже, как прежде, распоряжаться территорией Китая, мы не можем обратить эту дорогу в главную стратегическую связь нашу с дальневосточной окраиной» [2, Ст.897]. Говоря о возможной войне на Дальнем Востоке, он, разумеется, имел в виду войну с Японией – только в этом случае его слова о том, что нейтралитет Китая, несомненно, будет нарушен, имеют смысл. Точку зрения Савича поддержали умеренно-правые (В.А. Бобринский) [2, 962] и гр. Уваров [2, Ст.947-948]. О потенциальной возможности столкновения с Японией говорили и представители кадетской фракции Ф.И. Родичев [2, Ст.1397] и А.Ф. Бабянский [2, Ст.1443-1447].

Единственным оратором, который не рассматривал возможность вооруженного столкновения между Японией и Россией, был лидер фракции социал-демократов Н.С. Чхеидзе. Но не потому, что верил в «миролюбие» японцев, и не потому, что считал урегулированными все спорные вопросы между двумя державами. Чхеидзе полагал, что Япония уже укрепилась на Тихоокеанском побережье, рыбные промыслы уже в ее распоряжении. Следовательно, такое дорогостоящее «мероприятие», как война, ей просто ненужно [2, Ст.1479].

Итак, говоря о стратегическом значении Амурской дороги, или, напротив, о ее несостоятельности, ораторы неизбежно касались вопроса о перспективе войны с Японией. Конечно, эти заявления носили теоретический характер. Однако в случае, если бы Япония расценивалась как дружественная держава, вряд ли на нее «примеряли» бы стратегическую эффективность будущей дороги. И противники строительства, и сторонники указывали при этом на тот факт, что Япония уже активно проникает в русское Приморье, где японские экономические интересы отныне защищены рыболовной конвенцией 1907 г. Иными словами, именно Япония расценивалась как государство, непосредственно угрожающее и русским интересам, и русским владениям на Дальнем Востоке.

Значительно большим разнообразием отличались взгляды различных фракций Государственной Думы на перспективы взаимоотношений России с Китаем. Уже при обсуждении проекта Амурской железной дороги практически все выступавшие отмечали, что к настоящему времени Китай переживает период мощного национального подъема, вылившегося в стремление к модернизации. Конечно, депутаты Думы навряд ли были посвящены в содержание сообщений русского посла Д.Д. Покотилова о упорных слухах, распространяемых в Манчжурии о якобы готовящемся нападении китайцев на Россию с целью изгнания последней из Манчжурии, и даже завоевании русского Дальнего Востока [1, Л.8]. Однако о том, что китайская армия модернизируется, что Китай теперь уже не будет молча взирать на нарушение своего суверенитета, предупреждали октябрист Н.В. Савич [2, Ст.899], лидер крайних правых В.М. Пуришкевич [2, Ст.1130], причем последний рисовал в своем выступлении апокалипсические картины броска «желтого дракона» на Запад.

Позиция кадетов и прогрессистов в отношении Китая была более гибкой. С одной стороны, кадетские ораторы осознавали потенциальную опасность, исходящую от китайской колонизации русского Дальнего Востока, поскольку вслед за экономическим проникновением сюда вполне могло последовать проникновение политическое. С другой стороны, сам процесс «обновления» Китая, его «возрождения» они приветствовали. Лидер партии П.Н. Милюков призывал правительство «третировать (Китай – М.И.) как независимое государство, а не как…вассала, на которого можно накричать, как начальник ведомства может накричать на своего подчиненного» [5, Ст.3315].

2 марта 1910 г. в своей речи, посвященной внешней политике, Милюков отмечал, на Дальнем Востоке встает только одна основная проблема – определение политики по отношению к местному «больному человеку», т.е. Китаю. Путей решения

«китайской проблемы» только два: либо Россия будет и впредь придерживаться политики раздела Китая на сферы влияния, либо примкнет к странам, призывающим проводить в отношении Китая политику «открытых дверей». Первый путь, замечал Милюков, ведет к авантюрам, к международным осложнениям. Второй путь – «путь международного мира» [3, Ст.2776]. Однако, отказавшись от поддержки предложения госсекретаря США Нокса о нейтрализации железных дорог в Манчжурии, Россия продемонстрировала приверженность первому пути [3, Ст.2777]. Иными словами, «делая ставку на Японию», а не на развитие тесных дружественных отношений с возрождающимся Китаем, Россия, по мнению Милюкова, допускает серьезную ошибку [3, Ст.2785]. В этом пункте его мнение полностью совпадало с мнением другого видного деятеля кадетской партии, Н. Некрасова, высказанным в статье «Противоречия русской дальневосточной политики» [3, Ст.2786], на которую он ссылался, произнося свою речь 2 марта 1910 г.

«Рассеять ту неприязнь», которую русские «приобрели в Китае благодаря своей агрессивной политике в последние двадцать лет», призывали и социал-демократы [3, Ст.2816]. Критикуя политику царизма в отношении Китая, в частности, закон об ограничении китайской миграции в Приамурье и Приморье, социал-демократ И.П. Покровский вторил кадету Некрасову: «Бессильное вести колонизаторскую, разумную политику, даже такую политику, которую ухитряется вести Китай, русское правительство ничего не может придумать для охраны своих дальневосточных окраин, как все те же меры, которые оно практикует и внутри, – чисто полицейские меры»[3, Ст.2816].

После того, как Извольского сменил на посту министра иностранных дел С.Д. Сазонов, линия МИД России в отношении Китая не претерпела изменений. Россия по-прежнему придерживалась курса на закрепление уже существующих и реализацию мнимых, желаемых «прав». При этом сама идея сближения с Китаем в противовес экспансионистским устремлениям Японии не рассматривалась. Соответственно, думская оппозиция, в лице кадетов, продолжила критику курса МИД. Почву для возобновления этой критики дали события, связанные с продлением в 1911 г. действия русско-китайского договора 1881 г.[11, С.125-130.]

Учитывая, что Китай переживал период «национального возрождения», российская дипломатия обоснованно предполагала, что китайцы откажутся продлевать договор на прежних условиях, и потому нанесла «превентивный дипломатический удар», предъявив 3 февраля 1911 г. соответствующую ноту, в которой выразило требования России. Отказ Китая выполнить два пункта требований – об определении права беспошлинной торговли русскими и о праве русских купцов торговать чаем в Синьцзяне – обострил отношения между странами. Китай стал концентрировать войска в приграничных районах. Даже после того, как китайская сторона 11 марта 1911 г. согласилась принять все условия России, вопрос о продлении договора был далек от завершения.

Критикуя линию, проводимую министерством Сазонова в отношении Китая, лидер кадетов, ставший, из-за отсутствия «по болезни» министра иностранных дел фактически основным докладчиком по вопросам внешней политики, заявил, что, в связи с изменениями, происходящими в Китае, «надо думать не о сохранении буквы договора, а о приспособлении к новым реальным условиям»[4, Ст.3314], не «становиться на твердую, решительную защиту наших бумажных прав, чтобы быть в более выгодном положении при заключении нового договора»[4, Ст.3316]. Милюков утверждал, что эскалация напряженности вокруг продления договора на самом деле определяется желанием неких «безответственных кругов», заинтересованных высокопоставленных особ, вновь толкнуть страну на агрессивные действия в дальневосточном регионе. Он настойчиво повторял сказанное им в 1910 г.: для России более выгодным в данной ситуации было бы поддержать обновляющийся Китай, нежели, в союзе с Японией, пользоваться его слабостью для достижения целей, не имеющих перспективы.

Как агрессивную, враждебную по отношению к Китаю и бесперспективную оценил русскую политику и Покровский [4, Ст.3342]. Он считал, что такая политика на Дальнем Востоке в качестве одной из основных целей имеет повышение престижа внутри страны лишенного социальной опоры правительства [4, Ст.3343]. Националисты отказались участвовать в прениях по вопросам внешней политики [4, Ст.3343]. Октябристы выразили уверенность в том, что в ходе «пока дипломатического столкновения» с Китаем правительство руководствуется не частными, а исключительно государственными интересами, вследствие чего может рассчитывать на их поддержку [4, Ст.3343].

Таким образом, в ходе заседания 2 марта 1911 г. выяснилось, что политика русского правительства на Дальнем Востоке вообще и в отношении Китая в частности вызывает однозначное и безусловное одобрение со стороны правых и националистов по самому факту совершения действий, а не по их содержанию. Октябристы заняли аналогичную позицию, хотя и настаивали на том, что шаги правительства

следует разъяснять народному представительству. Кадеты и социалисты, напротив, осуждали правительственный курс как агрессивный, ведущий к авантюрам, способным втянуть страну в новую губительную войну на Дальнем Востоке. При этом и те, и другие отрицательно относились к сближению с Японией, полагая, что для японцев главной целью является окончательное вытеснение России с Дальнего Востока. И те, и другие усматривали в новой попытке проведения «сильной» политики на Дальнем Востоке влияние, во-первых, Германии, во-вторых – «безответственных дипломатов», связанных с придворными кругами. Но если кадеты критиковали правительственный курс за то, что он осуществляется вразрез с общенациональными интересами, то социалисты упирали на пагубность этого курса для народа России. Для кадетов была желанна ориентация на союз с Китаем, тогда как соглашение с Японией, ввиду антагонистических противоречий между Россией и Страной Восходящего Солнца, они считали неискренним.

Спустя полгода после этого думского заседания ситуация на Дальнем Востоке радикально изменилась. Позже, причем дважды, в 1912 и в 1913 гг., Милюков отмечал, что переход процесса «обновления Китая» с эволюционного на революционный путь явился совершенно неожиданным для всех [6, Ст.2237; 7, Ст.1053]. События там развивались стремительно. 24 сентября 1911 г. произошло восстание в Учане, ставшее прологом революции. 2 ноября премьер-министром Китайской империи был назначен Юань Шикай. Между тем провинции начали провозглашать независимость от Пекина. В результате началось противостояние проманьчжурского севера страны и антицински настроенного юга. 1 декабря 1911 г. провозгласила независимость Внешняя Монголия. Наконец, 12 февраля состоялось формальное отречение императора Пу И от власти, после чего в Китае была провозглашена республика.

Начавшаяся в Китае революция поставила перед русской дипломатией ряд вопросов. Во-первых, как относиться к революционному взрыву в стране, где Россия имеет свои политические и экономические интересы. И, во-вторых, как повести себя в отношении провозглашенной монгольской независимости, поскольку Внешняя Монголия, согласно русско-японскому соглашению 1910 г. вовлекалась в сферу русского влияния.

13 апреля 1912 г. глава МИД Сазонов выступил перед депутатами Государственной Думы. Он известил Думу, что, «не имея причин навязывать китайцам тот или иной строй», русское правительство придерживается нейтралитета по отношению к «происходящей там борьбе», «стремясь лишь к ограждению наших интересов»[6, Ст.2165]. При этом правительство однозначно и четко оговаривается, что, когда речь заходит об «общих с другими странами» интересах, например, о финансовой задолженности Китая, то оно, естественно, готово сотрудничать со своими европейскими, азиатскими и заокеанскими партнерами (под последними подразумевались Япония и США). Но как только речь заходит о собственных, «специальных» правах и интересах – Россия готова защищать их, и не потерпит вмешательства других стран[6, Ст.2167].

Особое внимание уделил Сазонов вопросу об отношении к провозгласившей независимость Монголии, которая обратилась за помощью к России. Упреждая выступления думских ораторов, он отметил, что общественное мнение страны разделилось – «с одной стороны, указывалось, что Россия должна взять Монголию под свой протекторат; с другой стороны, говорилось, что всякое наше участие в судьбе Монголии будет авантюрой, что Китай легко расправится с независимой Монголией, и нам придется или иметь с китайцами целый ряд затруднений.., или остаться зрителями такой расправы и принять на себя нравственную ответственность за нее»[6, Ст.2167].

Соответственно, основополагающие требования, предъявляемые Россией к Китаю, сводятся к следующим пунктам: 1) отказ от введения в Халхе китайской администрации, 2) отказ от расквартировывания там китайских войск, 3) отказ от колонизации земель Халхи китайцами. При этом Сазонов заявил, что ни о какой аннексии Внешней Монголии Россия не помышляет. Любое территориальное приобретение в Азии может быть оправдано только тогда, когда «оно действительно ценно, и нам необходимо». Но, с другой стороны, Россия и впредь, невзирая на внутренние изменения в Китае, будет продолжать ту же политику в отношении Монголии, не откажет ей в помощи при создании «начатков автономного управления».

Фракция кадетов как никогда лояльно отнеслась к позиции русской дипломатии на Дальнем Востоке. Милюков заявил, что никто не мог предвидеть того, что процесс «возрождения Китая» обретет характер революции. В связи с этим он предостерег от соблазна «воспользоваться временным ослаблением Китая» для усиления позиций России на Дальнем Востоке. Вот почему позиция министерства иностранных дел, озвученная Сазоновым, вызвала полное его одобрение[6, Ст.2238]. Что же касается русского посредничества в отношении монголо-китайских переговоров, то здесь Милюков также был вполне согласен с линией, проводимой мини-

стерством, однако указал, что с его точки зрения, «несколько неосторожно говорить о нашем участии как непременном условии соглашения», ибо это «слишком свяжет нас в будущем» [6, Ст.2238].

Правые, напротив, остались недовольны политикой МИДа. Националист С.А. Володимеров заявил, что «никогда…не мог представить более благоприятных условий, чтобы выпрямить ту длинную границу (русско-китайскую – М.И.), которая искусственно и неправильно создалась благодаря упущениям нашего министерства иностранных дел» [6, Ст.2253]. Политику «невмешательства», проводимую русским дипломатическим ведомством, Володимеров назвал «акафистом собственному бессилию» [6, Ст.2254].

Взгляды кадетов на дальневосточную политику России не претерпели изменений и в 1913 г., в составе IV Государственной Думы. Как и раньше, они были противниками «непоследовательных шагов», резких переходов от «решительных действий» к «уступчивости». Но при этом, в июньском выступлении 1913 г. Милюкова не обозначено однозначное отношение к действиям русских дипломатов по вопросу о независимости Монголии. С одной стороны, он призывал «не обманывать надежд, возложенных на Россию», а с другой – предостерегал от непродуманных шагов[7, Ст.1057]. В то же время, Милюков никак не прокомментировал русско-монгольское соглашение 21 октября 1912 г. В связи с этим создается впечатление, что лидер кадетов не считал своевременным признание монгольской независимости не только по соображениям, озвученным им в апреле 1912 г. (нежелательность установления русского протектората над Халхой, влекущего за собой финансовые расходы и дипломатические осложнения с Китаем), но и по причине возникновения у «безответственных сфер» желания аннексировать эту бывшую провинцию Китая, втянув, таким образом, Россию в новую дальневосточную авантюру[6, Ст. 2238 - 2240 ; 7, Ст.1057].

Главный оппонент Милюкова, член фракции социал-демократов А.И.Чхенкели, считал, что главной целью русской дипломатии на Дальнем Востоке на протяжении 1912 – 1913 гг. была дискредитация республиканского режима в Китае. Этой цели, по его мнению, было подчинено и упорное, «ничем не обоснованное» непризнание Китайской республики, и участие в «разорительном и унизительном займе для Китая»[7, Ст.1067], и вся политика, проводимая в Монголии и Манчжурии[7, Ст.1066]. Особенно ярко, утверждал Чхенкели, просматривалось это на «монгольском» примере.

Он сказал, что вопреки заявлениям Сазонова 13 апреля 1912 г. о невозможности и нежелании России признавать независимость «не готовой к самостоятельному политическому существованию» Монголии, 21 октября 1912 г. было подписан договор с монгольскими уполномоченными, по которому «северная Монголия совершенно отделилась от Китая, и над ней фактически утверждался протекторат России» [7, Ст.1066]. Такая непоследовательность со стороны русского МИДа, по словам Чхенкели, объяснялась стремлением достичь три цели: во-первых, показать китайцам, что провозглашение республики автоматически ведет к распаду Китая; во-вторых, для того, чтобы духовный лидер монголов, хутухта, став носителем политической власти, «удержал в своих руках господство над трудовым народом в Монголии»; наконец, в-третьих, подготовить аннексию изолированной от внешнего мира Северной Монголии. Причем последнее Чхенкели считал главным. Вот почему монголы, по его словам, довольно быстро поняв цели России, «прямо заявили, что они скорее предпочитают быть в неволе у китайцев, чем у русских»[7, Ст. 1067].

Между тем, в сентябре 1913 г. Россия официально признала правительство Юань Шикая, воздержавшись, однако, от признания Китайской республики. Этот факт позволил, по словам С.Д. Сазонова, приступить к решению вопросов, «возникших за время китайской революции»[8, Ст.343]. Важнейшим из этих вопросов министр считал монгольский.

Выступая перед Думой 10 мая 1914 г., министр впервые официально объяснил причины той «шаткости» и «непостоянства» русской позиции относительно признания монгольского хутухты сувереном. По его словам, Россия, имея в Монголии интересы и осознавая, что реальная власть принадлежит хутухте и его правительству, 21 октября 1912 г. заключила с ним договор, по которому за русскими подданными в Монголии сохранялись все права, которые ранее были гарантированы китайским правительством. Россия, со своей стороны, обязалась оказать хутухте поддержку «против попыток ввести во Внешней Монголии китайскую администрацию, расквартировать войска» и осуществлять китайскую колонизацию. При этом министр указал, что Россия особой нотой оговорила свое право определять, на какие области Монголии распространяются указанные гарантии[8, Ст.344].

Длительные переговоры с Китаем привели к подписанию 23 октября 1913 г. декларации, по которой Китай признавал Монгольское государство, находящееся под его формальным сюзеренитетом, но пользующееся широкой автономией, как в вопросах внутренней, так и внешней политики. Министр специально оговорился, что эти права Монголии

– это те самые права, которые Россия обозначила на переговорах в 1912 г., о мотивах их он сообщал Думе [8, Ст.344].

Тем не менее, правительство хутухты, по словам Сазонова, явно переоценив свои возможности, военную силу и политическое значение, несмотря на предостережения России, вознамерилось объединить под своей властью все земли, населенные монголами, в том числе те, на которые не распространялись гарантии, декларированные договором 21 октября 1912 г. Министр заявил, что Россия не может пойти навстречу этим необоснованным требованиям и «несбыточным мечтаниям, которые неизбежно должны рассеяться от соприкосновения с действительностью» [8, Ст.345]. В связи с этим он указал, что вопрос о внутренней автономии области Барги, которая, не будучи включена в границы государства хутухты, провозгласила выход из состава Китая и явочным порядком предалась под власть Урги, не выполняя при том распоряжений ургинского правительства и не платя налогов, должен быть предметом отдельного рассмотрения. Поскольку переговоры по этому поводу с правительством Китая к моменту произнесения речи министра продолжались, он позволил себе не раскрывать их содержания[8, Ст.345].

В отличие от своего выступления в 1912 г., Милюков на этот раз отнесся к речи руководителя дипломатического ведомства по политике на Дальнем Востоке более чем критически. Лидер фракции кадетов считал, что своей непоследовательностью русское правительство объективно спровоцировало режим хутухты на вынашивание тех «несбыточных надежд», о которых говорил министр. Поэтому, полагал он, министру не стоило бы так довольно резко и недипломатично высказываться о деятельности монгольского правительства [8, Ст.345].

«Еще в октябре 1913 г., – указывал Милюков, – мы считались с точкой зрения Монголии, которая не похожа на ту, которую мы склонны были защищать»[8, Ст.345]. Тогда Россия заявляла, что добиться от монголов согласия на признание их принадлежности Китаю невозможно. Но в то же время вопрос о статусе Монголии решался без участия самих монголов, «за их спиной». Понятно, что высказанные в декабре 1913 г. монгольским правительством желание и готовность принять участие в этих переговорах, с условием превращения их в трехсторонние, для России не должны были стать неожиданностью. Вот почему, считал Милюков, было бы неправильным говорить о том, что монгольское правительство безосновательно «переоценивает свои силы» и вынашивает «несбыточные надежды». Такое резко отрицательное отношение к монгольскому режиму, возникшее как бы «вдруг» «не может служить интересам нашей дружбы и сближения с Монголией»[8, Ст.369]. Таким образом, с точки зрения лидера кадетов, для столь оптимистичной оценки русской политики на Дальнем Востоке, которая вытекает из выступления министра иностранных дел, нет оснований. Напротив, эта политика непоследовательна, противоречива и, как следствие вышесказанного, на настоящий момент безрезультатна.

С данной оценкой был солидарен лидер фракции прогрессистов И.Н.Ефремов. Он отметил, что политика МИДа по отношению к Манчжурии и Монголии отмечена неясностью, колебаниями и неопределенностью: с одной стороны, говорил он, «мы сносимся с независимым правительством монгольским, принимаем его посольства», с другой – «ведем переговоры с Китаем и заключаем с ним соглашение по поводу Монголии»[8, Ст.416].

Напротив, с критикой положений речи Милюкова от фракции правых выступил Н.Е. Марков. В частности, он заявил, что министр иностранных дел не заслуживает упрека в том, что «затруднился назвать теперешнее правление Китая «республикой», обозначив его как «правительство Юань Шикая»[8, Ст.425]. Вместе с тем, действия самого министерства иностранных дел на Дальнем Востоке никаких комментариев со стороны Маркова 2-го не получили.

Ничего не сказал в этот раз о русской политике на Дальнем Востоке и выступавший от социал-демократической фракции Чхеидзе. Он заявил, что «министр иностранных дел…не дал никакого материала для прений; ведь все, что он сказал…было давно известно всем»[8, Ст.394], и посвятил свое выступление, в основном, критике позиции правых и кадетов по вопросам балканской политики.

Заседание 10 мая 1914 г. было последним предвоенным обсуждением сметы министерства иностранных дел. С началом Первой мировой войны проблемы дальневосточной политики в Думе практически не рассматривались, поскольку внимание депутатов Думы было полностью занято событиями в Европе и на Ближнем Востоке.

19 июля 1915 г., выступая перед Государственной Думой, министр иностранных дел Сазонов под бурные рукоплескания депутатов приветствовал посла Японии Ичиро Мотоно как представителя дружественной державы и констатировал, что «истекшие…десять лет доказали, что…нынешние наши фактически союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения»[9, Ст.25]. Другим, с энтузиазмом встреченным

аудиторией известием, было сообщение министра о подписании 25 мая в Кяхте русско-монголо-китайского соглашения об «окончательном решении» монгольской проблемы – предоставлении внешней Монголии статуса формально вассально зависимого от Китая, самостоятельного в вопросах внутреннего управления государства [9, Ст.26].

Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы относительно отношения различных фракций Государственных Дум III и IV созывов к политике царского правительства на Дальнем Востоке.

Всеми депутатами III, а затем и IV Государственных Дум осознавался тот факт, что позиции России на Дальнем Востоке подорваны в результате проигранной войны с Японией. Поэтому все они были противниками новых авантюр в этом регионе. Но в само понятие «авантюра» фракции, принадлежащие к различным полюсам политического спектра, вкладывали разный смысл. Для правых и националистов под «авантюрными» подразумевались любые начинания, если они не укладывались в канву их общеполитической концепции. Они требовали активного участия государства в организации обороны дальневосточных рубежей, защите интересов российских предпринимателей, хотя порой критиковали алчность дельцов, разместивших свои капиталы в Манчжурии и Монголии. В целом, для правых было характерно враждебное отношение к дальневосточным государствам – как к Японии, так и к Китаю. В Японии они видели не просто конкурента, а агрессивного соперника, целью которого является не только вытеснение России из Северной Манчжурии, но и захват всего русского Дальнего Востока. Впрочем, того же они ожидали и от Китая. Вот почему правые всячески поддерживали «решительные» меры русского МИДа в отношениях с этими странами и требовали таковых, когда им казалось, что дипломаты идут на уступки.

Правые и националисты отрицательно отнеслись к произошедшей в Китае Синьхайской революции. По вопросу об отношении к независимости Монголии единого мнения у них не было. Одни считали, что в сложившихся условиях наступил благоприятный момент для расширения пределов Российской империи за счет поглощения нового государства, другие ограничивались надеждой на установление над Монголией русского протектората.

Либеральная оппозиция в лице кадетов, напротив, все так называемые «решительные» меры квалифицировала как авантюристические, не обеспеченные реальной силой, а потому ведущие к новым поражениям. Агрессивные действия русской дипломатии, равно как и внезапные отступления, сдачу позиций, кадеты склонны были считать следствием воздействия «безответственных сфер», под которым подразумевались члены придворной «камарильи» и связанные с ними дельцы. Кадеты считали, что для упрочения позиций России на Дальнем Востоке необходимо искать сближения с Китаем, прекратить рассматривать его лишь как объект экономической, или, что еще хуже, территориальной экспансии. Напротив, союз с Японией они считали нежелательным, поскольку эта страна оставалась успешным конкурентом России на Дальнем Востоке. Основной ее целью кадеты считали вытеснение России из региона и окончательное закрепление за собой Манчжурии.

Приветствуя начало революции в Китае, кадеты довольно быстро разочаровались в политике республиканского правительства. Они обоснованно считали, что президент Юань Шикай в действительности установил в стране авторитарную диктатуру. Российское министерство иностранных дел критиковалось ими за непоследовательность политики в отношении независимой Монголии. В то же время они были противниками установления русского протектората над этой страной.

Позиция фракции союза 17-го Октября в целом совпадала с правительственной. В силу этого октябристы, как правило, воздерживались от участия в прениях по вопросам внешней политики на Дальнем Востоке.

Активно критиковали действия царской дипломатии на Дальнем Востоке социал-демократы. Однако в их оценках преобладал классовый подход, в результате чего вся политика министерства иностранных дел рассматривалась как империалистическая, агрессивная и не соответствующая интересам широких слоев трудящегося населения России. Одновременно ораторы социал-демократической партии уделяли большое внимание критике внешнеполитических взглядов как правонационалистического лагеря, так и думских либералов.

Библиографический список

1. АВПРИ. Ф. 188, Оп. 761, Д. 823.
2. Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., Государственная типография. 1908.
3. Государственная дума. Созыв III. Сессия III. Стенографические отчеты. СПб., Государственная типография. 1910.
4. Государственная Дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. Часть II. СПб., Государственная типография. 1910 - 1911.
5. Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографические отчеты. СПб., Государственная типография. 1911.
6. Государственная Дума. Созыв III. Сессия V. Стенографические отчеты. Государственная типография. Спб., 1911-1912.
7. Государственная Дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. Государственная типография. Спб., 1913.
8. Государственная Дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. Государственная типография. СПб., 1914
9. Государственная Дума. Созыв IV. Сессия IV . Стенографические отчеты. Государственная типография. СПб., 1915.
10. История дипломатии. Том II. Дипломатия в Новое время (1872 – 1919 гг.). ОГИЗ Государственное издательство политической литературы. М.- Л., 1945.
11. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689 – 1916) М., 2004.

M.U. ILYUKHIN

FAR EAST POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN MEETINGS OF THE STATE DUMA (III-IV CONVOCATIONS)

In this article the author highlights the views of members of the State Duma of the third and the fourth convocations about problems of Russian government in the Far East since 1908 to 1917.

The author, on basis of different sources with the method of critical analysis, concludes that the policy of the tsarist Russia in the Far East was subjected to comprehensive criticism from various Duma fractions.

Key words: ***State Duma, Russian far east policy, St.Petersburg's contract of 1881, Xinhai Revolyution, North Manchuria, Khalkha.***

Е.А. КРИВЕЦ
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН
E-mail: hel-helena@yandex.ru
Тел. (495) 679 99 80

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАВОЕВАНИЙ ЕГИПТА В СРЕДНИЕ ВЕКА

К XIV в. христианство в Египте приходит в упадок вследствие сильного давления на церковь со стороны мусульманских властей. Духовный и интеллектуальный, а затем уже и экономический кризис коптской церкви в средние века привел к исламизации коптского населения, разрушению церквей и монастырей, ликвидации богословской школы, угасанию монашества, общему упадку веры и нравов, низведению христианства на уровень одного из признаков национальной самоидентификации.

Ключевые слова: **копты, Египет, христианский, церковь, исламизация.**

В 640 г. арабы завоевывают Египет. Закончилось тысячелетнее господство греков. Национальная замкнутость египтян и недовольство византийским господством облегчили это завоевание Египта. Копты-монофизиты часто встречали арабов как освободителей. Церковный писатель яковит (ветвь монофизитов) XII в. Михаил Сириец пишет, что нашествие арабов явилось наказанием Божиим византийцам за их гонения на монофизитов: «Господь, видя злодеяния ромеев (т.е. византийцев), которые повсюду, где они властвовали, жестоко грабили наши церкви и наши монастыри и нас осуждали без жалости, вызвал с юга сынов Исмаила, чтобы спасти нас посредством их от рук ромеев»[1, с.100].

На первых порах арабы не притесняли коптов, держа в уме слова пророка Мухаммеда, который, по преданию, назвал коптов “благородными иностранцами с прекрасными характерами» [2, с.40-41]. Однако, уже в самое первое время, несмотря на веротерпимость арабского военачальника Амру и его благодарность населению за содействие в победе, египтяне были обременены податями, а переходы в ислам всячески поощрялись. Положение коптов до начала VIII в. было относительно терпимо: они имели доступ не только ко всем должностям, но и ко двору, имели множество школ.

Это был переломный момент для формирования коптского патриархата в Египте. Действительно, с этого времени коптская церковь обрела независимость и религиозную свободу – от греческих[1], но не от мусульманских властей. Радость египетских христиан была преждевременной.

Коптский монофизитский патриарх Вениамин тотчас же был вызван арабскими завоевателями из пустыни и с привилегиями водворен в Александрии на место изгнанных мелкитов. Но патриарху Вениамину пришлось созерцать печальную сторону этой победы. Коптское население, претерпевшее гонения и даже мученичество за отрицание богословия Халкидонского собора, стало переходить в ислам, и этим показало внутреннюю причину своего упорного сопротивления византийской ортодоксии. На первых порах этому способствовало то обстоятельство, что новообращенные мусульмане освобождались от подушного налога. И египтяне надеялись образовать свое национальное государство путем отказа от духовных принципов. «Плоть и кровь» оказались сильнее веры как интереса духовного. Новое завоевание Египта показало истинные духовные интересы коптов: они уже не хотели защищать свою религию, когда ущемлялись их экономические интересы.

Отход от церкви, а тем более разрыв с ней, это не только трудности, которые встают в церковном сознании. «Даже при самой слабой внутренней связи с Церковью душа не может не чувствовать, что Церковь есть великая тайна, что разрыв с нею означает разрыв с корнями нашей души». [3, с.361-362] «Церковь, – пишет известный историк философии В.Зеньковский, – как тело Христово, входит в историю, облекается в историческую плоть, живет в истории, связана с ходом истории, – и это неизбежно ведет к внутреннему самосжиманию Церкви, которая как бы распинается в истории силами не всегда внешними, но порой и внутренними. Путь Церкви через историю не может не быть трагическим потому, что самая задача Церкви заключается в том, чтобы освящать плоть истории, в которую она входит, как начало света и правды. История сопротивляется Церкви, не хочет ее света, ее правды, – и на этом пути вырастает столько же внешнего сопротивления церкви, сколько и внутреннего отравления ее членов.

1 Даже спустя более тысячи лет в середине XIX столетия египетские копты готовы были воссоединиться с русской православной церковью, но не в коем случае не с греческой. Культурологические и национально-политические размежевания между церквями были сильнее и глубже собственно религиозных.

© Е.А. Кривец

История внешне «сжимает» Церковь, давит на нее, а в то же время и изнутри влияет на нее».[3, с.363] «Индивидуальные психологические причины упадка или кризиса церковного сознания потому и получают свою силу и действенность, что мы живем не вне истории, что мы от нее зависим». [3, с.365]

Столицей арабского Египта стал город Фустат, построенный на месте крепости Вавилон. Арабы, не имевшие опыта в управлении комплексом оросительной системы, на чем основывалось богатство Египта, вынуждены были опереться на коптов, возглавивших финансовую администрацию.

В течение первого века арабской оккупации, пока ислам считался чисто арабской религией, завоеватели были равнодушны к коптам: им было разрешено строить и ремонтировать церкви, коптские монастыри были освобождены от налогов. В коптских летописях зафиксировано незначительное число мучеников по сравнению с эпохой распространения христианства.[4, с.43]

Притеснения начались с патриаршества Александра II (704-729), при котором Абу-эль-Азис изгнал коптский язык из официального употребления и наложил дань на монахов. Первый арабский документ Нильской долины относится к 709 г. К началу VIII столетия арабский стал официальным языком Египта.

В 750 г. к власти пришли Аббасиды (750-1258). Хотя копты и продолжали занимать ответственные посты, (вся финансовая система Египта по существу находилась в руках коптов [5,с.44]), новые законы, усложнили их положение. Теперь за неуплату налогов копты терпели строгое наказание, и это обстоятельство многих заставило принять ислам. Не раз им предписывалось носить одежду, отличную от одежды мусульман, и ездить только на ослах и мулах. Коптам запретили принимать монашеский постриг. Оставшихся монахов переписали и заставили носить железную цепь на правой руке. Тех, кто пытался убежать или не носили цепи, лишали глаз и языка. Наконец, всем, исповедовавшим христианство, было предписано принять ислам или покинуть страну.

В ответ на жесткое давление завоевателей копты не раз поднимали восстание. Только в период между 725 и 773 годами копты восставали шесть раз. Во время правления Аббасидов халиф аль Мамун возглавил огромную армию с боевыми слонами для подавления восстания египтян в 815 г. Новые восстания, часто вспыхивавшие в разных местах до половины IX в., только усиливали антагонизм. Копты скоро оправлялись от погромов, и, с подъемом материального благосостояния и национального чувства, нередко совершали вызывающие действия, которые влекли за собой новые репрессивные меры. Каждое такое неудачное выступление коптов только поднимало престиж завоевателей, после которого все большее количество коптов переходило в ислам.

Если говорить о положении коптов в IX-XI вв., то уступив сферы, связанные с государственным управлением, «зимми»[2] заняли ведущие места в торговле, банковском деле, медицине и других свободных профессиях. Это было свойственно периодам политического и социально-культурного подъемов мусульманских государств. «Положение любого из народов Писания, – писал немецкий исследователь Г.фон Грюнебаум, – особенно из высшего общества, было тем больше, чем увереннее сами мусульмане ощущали свою культурную и политическую стабильность. Отсюда – относительное возвышение зимми в духовной и государственной сферах IX-XI вв.» [6,с.73].

Однако гонения на христиан не прекращались, в особенности в начале XI в. при фатимидском халифе аль-Хакиме (996-1021), когда разрушению подверглись три тысячи коптских церквей и монастырей Египта, в результате чего часть коптов вынуждена была перейти в ислам. Принятие арабского в качестве рабочего языка местных административных органов во многом способствовало арабизации и исламизации населения. В X в. на службе в церкви стали использоваться два языка. В это же время на арабский язык было переведено Священное Писание [7, с.70].

Фатимидский период (909-1171) мусульманского Египта стал для христиан эпохой процветания. В конце XII в. коптский арабоязычный писатель Абу-ль-Макарим, чьи сочинения были изданы под именем армянского путешественника Абу-Салиха, в своей “Истории церквей и монастырей Египта в последние дни Фатимидского халифата” [8,с.160] пишет, что Фатимиды были почитателями коптов. Автор упоминает до 200 монастырей, действующих в их правление. Фатимиды принимали участие в христианских праздниках, назначали коптов на правительственные должности, разрешили перенести резиденцию коптского патриарха в Каир. Этот переезд символизировал, с одной стороны, объединение с правящей династией Фатимидов, с другой – все большее отдаление коптов от других восточных Церквей. Фатимиды, с их неопределенной родословной[3], симпатизировали коптам, потому что сами принадлежали к исламскому меньшинству – исмаилитам как ветви шиитов, которых египетские сунниты не считали истинными мусульманами.

2 «Зимми» – дословно «покровительствуемые», «люди Писания» – христиане и иудеи, как их называли арабы.

3 По утверждению самих Фатимидов, их род происходил от Али и дочери Мухаммеда Фатимы [цит. по 9,с.50], хотя первым халифом этой династии был иудей Убайдаллах. [10, с.114]

В период Фатимидского правления в Египте существовали благоприятные факторы для развития церковно-государственных отношений. Одним из таких факторов стала относительно спокойная межконфессиональная ситуация и терпимость к коптам. Несмотря на преобладающее благосклонное отношение Фатимидов к коптам, коптская церковь переживала довольно сложный период. Связано это было с вмешательством мусульманских властей в церковные вопросы, такие как назначение на патриарший престол, отношения с церквами в Нубии и Абиссинии, подчиненными Александрийскому патриархату. Высокопоставленные представители общины и клира провоцировали вовлечение египетских властей в споры вокруг церковной доктрины и процедуру рукоположения в духовный сан. Обращения за посредничеством к властям приводило к вмешательству властей в дела церкви. Поэтому «власти активно участвовали практически во всех сферах жизнедеятельности коптской церкви, обеспечивая себе немалый источник дохода» [12, с.16].

Со временем с иноверческой властью у коптской церкви сложилась традиция, по которой патриарх при вступлении в должность платил мусульманскому правителю (особенно это оформилось во времена Османской империи) крупную денежную сумму и, кроме того, каждый год платил дань (харач). Султаны постоянно повышали эти суммы, выбирая того кандидата, который больше заплатит. Добившийся титула патриарх, чтобы расплатиться с долгами, вынужден был продавать архиерейские должности. Началась безобразная симония – поставление в сан по мзде. Некоторые иерархи боролись с симонией, издавая законы, направленные на борьбу с взяточничеством и против вмешательства светских властей во внутрицерковные дела, но тщетно – иноверная власть тому покровительствовала.

Таким образом, управление Церковью не только попало под контроль антихристианской власти, но в ней водворился безобразный порок – симония, многократно анафематствованный Вселенскими соборами. Последствием этого стала деморализация и нравственное разложение большинства высшего духовенства, ослабление веры, отпадение многих тысяч православных в ислам. Коптскому патриарху пришлось молиться за султана и его воинство – то воинство, которое несло смерть христианским государствам и народам, разорение христианской церкви.

Возникает вопрос: какую же пользу принесло церкви это униженное состояние? Стоило ли ради жалких благ легального существования патриархии быть безмолвным свидетелем физической и духовной гибели тысячи христиан, разрушения храмов, неуклонного угасания православной веры на всем Востоке? Можно ли говорить, что такая политика спасла Церковь, когда от древних патриархов в Египте, Сирии и Палестине, имевших прежде десятки епархий, осталось лишь несколько приходов? Почему Церковь, по примеру древней, не ушла в катакомбы и не продолжила духовной борьбы с исламом, но предпочла сдаться в плен и тихо умирать в плену?

Не возьмемся с точностью ответить на все эти вопросы. Можно только отметить соответствие нравственного уровня, духовной ревности и горения древней Церкви с ее внешним положением. Та Церковь, которая почти три столетия подвизалась в катакомбах, претерпела гонения и мучения, искала лишь Христа и Царства Его, получила, наконец, признание со стороны земного царства и вышла совершать свое служение открыто. Но Церковь, ослабевшая духовно и нравственно, отказавшаяся от борьбы за веру, за свое христианское государство, Церковь, колебавшаяся между унией с ересью и признанием антихристианской власти, такая Церковь, конечно, оказалась неспособной отказаться от легального существования, уйти в катакомбы и вести какую-то духовную борьбу с иноверием. Она могла принять только тот минимум прав, который ей был предоставлен.

Отметим, что на временной оси эпоха порабощения коптской церкви исламом отстоит на семь веков от времен апостольской проповеди и возникновения первых христианских общин на этих землях. Христианство за это время прошло в этих народах период возрастания, зрелости. Не божественная истина Благовестия утратила свою силу, но люди оказались уже неспособны вместить ее, защищать ее и жить ею.

В XII в. более 60% населения Египта еще было христианским. С основанием Салах ад-Дином (Саладин) новой мусульманской династии Айюбидов (1171-1250), положение коптов изменилось. Айюбиды не питали симпатии к коптам, но и не сильно преследовали их. Саладин подтвердил традиционные религиозные права коптов. К этому периоду относятся войны крестоносцев с мусульманами, поэтому копты и другие восточные христиане должны были доказывать свою верность правящему режиму. Другая опасность, которая угрожала коптам, – это подчинение католической власти Римского папы. Поэтому сохранение мусульманской власти являлось главной гарантией защиты самостоятельности христианских церквей от притязаний Рима. На XIII столетие приходится короткий период христианского возрождения в области теологии, апологетики, канонического законодательства, церковной истории на арабском языке.

Социальное положение коптов часто было обусловлено личностью правителя: если он их поддерживал и уважал их религию, они играли значительную роль в общественной жизни. Даже несмотря на примеры жесточайшего обращения с коптами, они всегда были элитной прослойкой общества, чем и вызывали зависть и неприязнь у своих собратьев мусульман.

Опасаясь возможных связей коптов с крестоносцами династия Мамлюков(1250-1517гг.), придя к власти, оказывает настолько сильное давление на церковь, что христианство в Египте окончательно приходит в упадок. Особенного напряжения антагонизм достиг при султане Мухаммеде ан-Назире в XIV в.: в один день были разрушены несколько церквей, на что христиане ответили продолжительными поджогами. К XIV в. ислам занял господствующее положение среди египтян, и копты, египетские христиане, перестали быть большинством. При жестоком правителе Египта Эль-Махмуде-Муайяде (1412-1421) были возобновлены и усилены унизительные законы о платье (темно-голубой цвет, черные тюрбаны, деревянный крест 5 фн. веса на шее и т. д.). Переходы в ислам продолжались и при турецком владычестве (с 1517 г.), которое, в общем, было несколько мягче.

Арабам удалось то, чего не могли достигнуть другие завоеватели Египта, пишет русский востоковед Б.А.Тураев, – денационализация египтян [12, с.323]. И с этим его выводом трудно не согласиться. «Язык забылся, в качестве литературного языка стал использоваться арабский. Лучшие люди стали употреблять усилия, чтобы спасти нацию от поглощения исламом. До нас дошло довольно много произведений копто-арабских грамматиков X и следующих веков, пытавшихся дать пособия для понимания коптского языка, и, благодаря их стараниям, литературная деятельность на этом языке продолжалась до XIII века» [12, с.323].

В 1517 г. султан Селим I Грозный, подчинив Сирию, Палестину и Египет, подтвердил все права и привилегии православных и монофизитских церквей. Более того по обвинению в преследовании христиан Селим I казнил Каншу-Гаври – последнего правителя династии египетских мамлюков черкесского происхождения.

Давление на христианское население в средние века не носило характера чисто религиозных притеснений, а было проявлением обычного угнетения, осуществлялось скорее в виде налогового гнета. Религиозные столкновения происходили в случаях нарушения правил сосуществования мусульманской и христианской общин.

Османская администрация, как правило, не вмешивалась во внутрицерковную жизнь своих христианских подданных. «Турецкое правительство лишило само себя прав вмешиваться во внутреннее управление христианской церкви выдачей патриархам первых фирман (государственных грамот).

Источником права в мусульманском государстве являлась исключительно религиозная доктрина, в соответствии с которой каждая конфессиональная община в своей внутренней жизни должна была руководствоваться собственными религиозно-правовыми установлениями. Нормы шариата[4], основанные на Коране и Сунне, распространялись лишь на мусульман, а христиане судились «по Евангелию».

Мусульманская администрация не имела право вмешиваться, а лишь приводила соответствующие судебные решения в исполнение. Христианская община мусульманского мира обладала не только религиозной и культурной, но и судебной, и в определенной степени политико-административной свободой. Такую своеобразную церковно-политическую структуру в составе мусульманского государства называли «миллет»[5]. Миллет выступал как универсальный институт, сочетавший в себе социальные, гражданские и религиозные функции. Зародился он еще в первые века существования ислама, однако своего расцвета система миллетов как своеобразного мусульманского решения проблемы религиозных сообществ достигла только в Османской империи. Система миллетов оказалась весьма устойчивой и органичной для многонациональной и относительно веротерпимой мусульманской империи, каковой было османское государство в период своего наивысшего расцвета.

Отдельные случаи вмешательства турецких властей в дела христиан провоцировались обычно внутрицерковными раздорами, когда та или иная группировка сама прибегала к помощи Османской администрации для борьбы со своими противниками. Во время восстания арабов в 1881 г. коптам, как христианам, грозила большая опасность, от которой избавила их английская оккупация (1883 г.), встреченная ими очень сочувственно [13, с.7].

Но даже в благоприятные периоды положение христиан в Османской империи оставалось сложным. Принципы отношения к христианским общинам нигде не были зафиксированы в общей форме, а складывались лишь из суммы отдельных указов по

4 Даже спустя более тысячи лет в середине XIX столетия египетские копты готовы были воссоединиться с русской православной церковью, но не в коем случае не с греческой. Культурологические и национально-политические размежевания между церквями были сильнее и глубже собственно религиозных.

5 «Миллет» – с арабского «милля» – народ.

частным вопросам. Поэтому они часто нарушались центральной властью и местной администрацией. Церковным иерархам приходилось обращаться за подтверждением своих прав, ссылаясь на существовавшие в прошлом указы, – касалось ли это налогов или прав на ремонт и церковных зданий [7;14] Большой ущерб наносили многочисленные поборы местных правителей. В результате в XVIII в. обнищали и запустели немногие оставшиеся действующие храмы и монастыри Египта.

Как указывалось выше, во внутренние дела Церкви турки не вмешивались, но их внешние насилия над христианским населением и духовенством превзошли жестокости арабов. За все время существования Османской империи сотни тысяч христиан обращены в ислам, десятки епархий прекратили свое существование. Ислам уважал только силу, а христиане Османской империи были покоренные народом и с ним не церемонились. Численность коптов, т.е. всего населения Египта, во времена арабского завоевания составляла около 5-7 млн. человек. К 1900 г. христианского населения в Египте (коптов) осталось примерно 300-500 тысяч.[13; 15]

Духовный и интеллектуальный, а затем уже и экономический кризис коптской церкви привел к потере интереса к ней со стороны правящей элиты. Это привело к длительному, продолжавшемуся пять веков периоду застоя в церковно-государственных отношениях, отказу от проповеди Евангелия и отказу от защиты чад Церкви, совращаемых в ислам; признанию и благословению антихристианской исламской власти со всеми действиями; дальнейшей исламизации коптского населения; признанию власти султана над церковью в лице патриарха, которого султан назначает и смещает, а также может принудить к определенным действиям, противным христианской совести; противоканоническим порядкам в церкви, прежде всего симония, получившая силу обычая; разрушению церквей и монастырей; ликвидации богословской школы, угасанию монашества, общий упадок веры и нравов; низведению христианства на уровень одного из признаков национальной самоидентификации, бытовых особенностей и обрядов[6].

В результате резкого сокращения численности оставшегося христианского населения, а также духовного и интеллектуального кризиса коптской церкви к XIV в. обрывается ведение коптских хроник. До середины XIX столетия, в котором возобновляется ведение летописей, о коптах пишут лишь мусульманские авторы, путешественники и купцы.

6 Представление о христианстве как «то, чем мы, копты отличаемся от турок, итальянцев».

Библиографический список

1. *Кривов М.В.* Отношение сирийских монофизитов к арабскому завоеванию. Византийский временник. Т.55, ч.1, М., 1994, с.95-103.
2. *Kamil Jill.* Coptic Egypt, 1987, Cairo.
3. *Зеньковский В.В.* Апологетика, М., 2004
4. *Meinardus Otto F.A.* “Two Thousand Years of Coptic Christianity”, The American University in Cairo Press, 2000, 344 p.
5. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс, М., 1973.
6. *Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам: Очерк истории (600-1258),М., 1986.
7. *Шевченко А.Г.* Ислам и христианство, 2004, М., Наука.
8. *Evetts B.T.A.*(tras.) The Churches and Monasteries of Egypt and Some Neighbouring Countries attributed to Abu Salih the Armenian, Oxford, 1895.
9. *Массэ А.* Ислам, М., 1982.
10. *Бутми Н.А.* Каббала, ереси и тайные общества, СПб, 1914 г.
11. *Фурсова Е.Н.* Коптская церковь в системе государственно-религиозных отношений в Египте. Конец XVIII – начало XX вв., автореф. дисс.на соис. ст. к.и.н., СПб, 2004.
12. *Тураев Б.А.* Египетская литература. СПб.: журнал «Нева»; «Летний сад», 2000, с.317-332.
13. *Тураев Б.А.* Коптская литература http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php?title=%D0%9A%D0%BE%D0%BF%D1%82%D1%8B&printable=yes
14. Hall Patrick Theodore. Traditional Egyptian Christianity: A History of the Coptic Orthodox Church, Greensboro, N.C., 1999.
15. ле Бон Гюстав Цивилизация арабов, 1895г., кн.I, гл.2,5.

E.A. KRIVETS

SOCIO-POLITICAL AND RELIGION CONSEQUENCES OF THE CONQUESTS OF EGYPT IN THE MIDDLE AGES

Christianity in Egypt came to decline to XIV century as a result of strong Muslim pressure at the church. Spiritual and intellectual and after that economic crisis of Coptic church led to the islamization of Coptic population, the destruction of the monasteries and churches, the liquidation of the theological school, to common decline of faith and morals, the transformation of Christianity in a sign of national self-identification.

Key words: **copts, Christian, Egypt, church, islamization.**

А.В. КРЫЖАН
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Регионального открытого социального института
E-mail: kryjhan@mail.ru
Тел. 8 910 216 67 48

МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ В 1918-1924 гг.

В статье на примере Курской губернии анализируются материальные условия труда работников советских учреждений юстиции в первые постреволюционные годы. Материальные условия оказывают значительное воздействие на деятельность людей. Автор приходит к выводу, что при постоянном недостатке средств, способами мотивирования работников были идеологическое воздействие со стороны партийных комитетов, эксплуатация революционного энтузиазма, а также целевое распределение средств и строгая отчетность об их использовании.

Ключевые слова: ***материальные условия труда, заработная плата работников юстиции, Наркомюст, губернский отдел юстиции, уездные бюро юстиции.***

Переломные эпохи исторического развития, такие как первые годы после Октябрьской революции в России, неоднократно становились объектом глубокого и всестороннего научного анализа. Однако последнее время историческая наука все чаще рассматривает эти события как историческую сцену, на которой разыгрываются самые разнообразные сюжеты, возникающие в результате деятельности людей. Эта деятельность включает в себя все сферы человеческих отношений: быт, домашнее хозяйство, условия работы и множество других реалий повседневной человеческой жизни. Кроме того, в процессе этой деятельности не только формируются социальные связи, но и складываются новые нормы, ценностные ориентации и многообразные смыслы повседневных действий. И все это происходит «здесь и сейчас», в конкретных материальных условиях, которые оказывают немалое воздействие на людей. Данная статья посвящена рассмотрению материальной составляющей трудовой деятельности работников советских учреждений юстиции в первые постреволюционные годы. Проблема анализируется на примере Курской губернии, как типичного региона центрального Черноземья. Столь узкая локализация оправдана тем, что новые социальные отношения в советском государстве во многом складывались под влиянием именно местных властей, а не инициатив сверху.

Проблема содержания местных учреждений была достаточно острой для молодого большевистского государства, в том числе это касалось и учреждений юстиции. По свидетельству курского губернского комиссара, приведенному в докладе на в 2-м Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции в октябре 1918 г., частыми были случаи, когда «на местах ценой долгих усилий удается организовать суд на новых началах, а через месяц получаешь известие от уездного комиссара юстиции об оставлении служащими канцелярии и даже судьями своих мест, благодаря отсутствию средств»[8, с. 7].

Практически весь рассматриваемый период финансирование местных учреждений осуществлялось Народным комиссариатом юстиции через местные Советы рабочих и крестьянских депутатов. До июня 1918 г. административно-хозяйственный отдел НКЮ перечислял средства на счета как губернских, так и уездных Советов. Это подтверждается отношением административно-хозяйственного отдела в Курский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 21 февраля 1918 г. за № 1292: «Нарком юстиции уведомляет, что согласно установленным правилам НКЮ предоставляются необходимые суммы местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, работающим в контакте с ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Советом Народных комиссаров на судебные и следственные надобности. Советы должны предоставлять в Наркомат соответствующие сметы»[1, д. 23, л. 2]. Отвечая на запросы о размере кредитов на первое полугодие 1918 г., административно-хозяйственный отдел сообщал, что «кредиты на содержание судебных установлений по смете Народного комиссариата на период январь – апрель открыты в размере прошлогодних сметных исчислений на этот период. На содержание же личного состава судебных установлений Народным комиссариатом сделано распоряжение по местным казначействам отпускать на период январь – апрель суммы свыше открытого кредита. На период май – июнь

© А.В. Крыжан

кредиты будут открыты в распоряжение местного Совдепа по утверждении сметы Наркомата юстиции на 1918 г. особой комиссией при ВСНХ. На содержание Революционных трибуналов кредиты могут быть открыты в распоряжение местного Совдепа только по представлению в комиссариат юстиции подробно мотивированной сметы». Таким же образом осуществлялось и содержание комиссариатов юстиции[1, д. 23, л. 11–13]. Однако наличие механизма финансирования не означало его фактическое осуществление. Так, 7 июня 1918 г. съезд народных судей Щигровского уезда обратился в отдел личного состава и судоустройства Наркомюста: «Вследствие отношения Народного комиссариата от 17 мая с/г № 4271 об ассигновании по смете на 1-е полугодие 1918 г. на содержание местных судей Щигровского уезда 92500 руб., уездный съезд Народных мировых судей просит комиссариат юстиции сообщить, сделано ли распоряжение комиссариатом юстиции о переводе указанной суммы на местное казначейство, и если нет, то покорная просьба перевести эту сумму на Щигровское казначейство, по возможности в непродолжительном времени, т.к. служащие местных судебных учреждений не удовлетворяются содержанием в течение 2-х месяцев»[1, д. 23, л. 14].

Характерно, что в первой половине 1918 г. каждый уездный Совет обращался в Наркомат самостоятельно, минуя губернские органы. Архивные материалы свидетельствуют о подобных обращениях со стороны комиссаров юстиции Щигровского, Старооскольского, Дмитриевского и других уездов. Нарком юстиции Д.И. Курский телеграммой от 24 мая 1918 г. сообщил комиссару юстиции по Старооскольскому уезду, что «кредиты по смете комиссариата на январь – июнь 1918 г. будут открыты в распоряжение местного Совдепа»[1, д. 32, л. 13]. Однако уже 15 июня административно-хозяйственный отдел Наркомюста указал в своем отношении в Совет народных судей Щигровского округа, что «кредиты на содержание местных судебных установлений всей Курской губернии, по смете Наркомата юстиции на период январь – июнь 1918 г., открыты в распоряжение Курского губернского Совета»[1, д. 32, л. 15]. Смета предполагаемых расходов всех судебных учреждений в Курской губернии во втором полугодии 1918 г. составлена уже губернским комиссариатом. Согласно этой смете, общая сумма предполагаемых расходов в период с июля по декабрь составила 680 160 рублей[1, д. 32, л. 29–31].

Подобная централизация финансового обеспечения местных органов юстиции не решала, а скорее усугубляла проблему, так как комиссариат стал заложником бюрократизма, нарастающего во всех звеньях управленческого механизма. Приведем лишь некоторые факты. Заведующий бухгалтерским отделом Курского губернского комиссариата юстиции Паляничкин телеграммой от 7 октября 1918 г. за № 1878 сообщает в административно-хозяйственный отдел НКЮ, что «при выполнении данного мною сообщения о разассигновании кредита, назначенного в сентябре месяце, Курская казенная палата кредит … не разассигновала». В октябре 1918 г. губернский комиссар юстиции сообщает в бухгалтерию НКЮ об отсутствии сведений о кредите на очередной месяц[1. д. 32, л. 37–38]. Заведующий Курским губернским отделом юстиции в отчетном докладе за 1-е полугодие 1921 г. отмечает, что «несмотря на своевременно составленную отюстом, рассмотренную Губфинотделом и РКИ, утвержденную Губисполкомом смету расходов на 1921 г., НКЮ кредит в полном размере не открыл». Было недоассигновано 12 644 744 руб. [2, д. 42, л. 9–10].

Ситуацию не улучшило и то, что в июне 1922 г. СНК РСФСР принял решение отнести расходы по содержанию судебных учреждений на местные средства. Исключением стали заработная плата личного состава, канцелярские, хозяйственные и почтово-телеграфные расходы и путевое довольствие губернского отдела юстиции со всеми его подотделами, заработная плата и путевое довольствие личного состава особых сессий и революционных трибуналов. В связи с принятием этого постановления губернским отделам предписывалось в срочном порядке установить минимальную денежную потребность народных судов и следственных участков, а также необходимый штат канцелярии. Отделы юстиции должны были представить в губисполком смету доходов и расходов, которая отражала бы все необходимые расходы. В результате средства, находившиеся в распоряжении органов юстиции на местах, не увеличились, а количество отчетов и смет возросло.

Для обеспечения финансирования местных учреждений в распоряжение губернских исполкомов были переданы следующие налоги: промысловые, с промышленных садов и огородов, со строений, имущества, торговли, извоза. Что же касается установленных законом судебных пошлин, канцелярских и нотариальных сборов и штрафов, за счет которых можно было бы частично решить проблемы учреждений юстиции, то они по-прежнему перечислялись в государственный бюджет.

Таким образом, в исследуемый период механизм финансирования местных органов юстиции изменялся трижды (смотри схему).

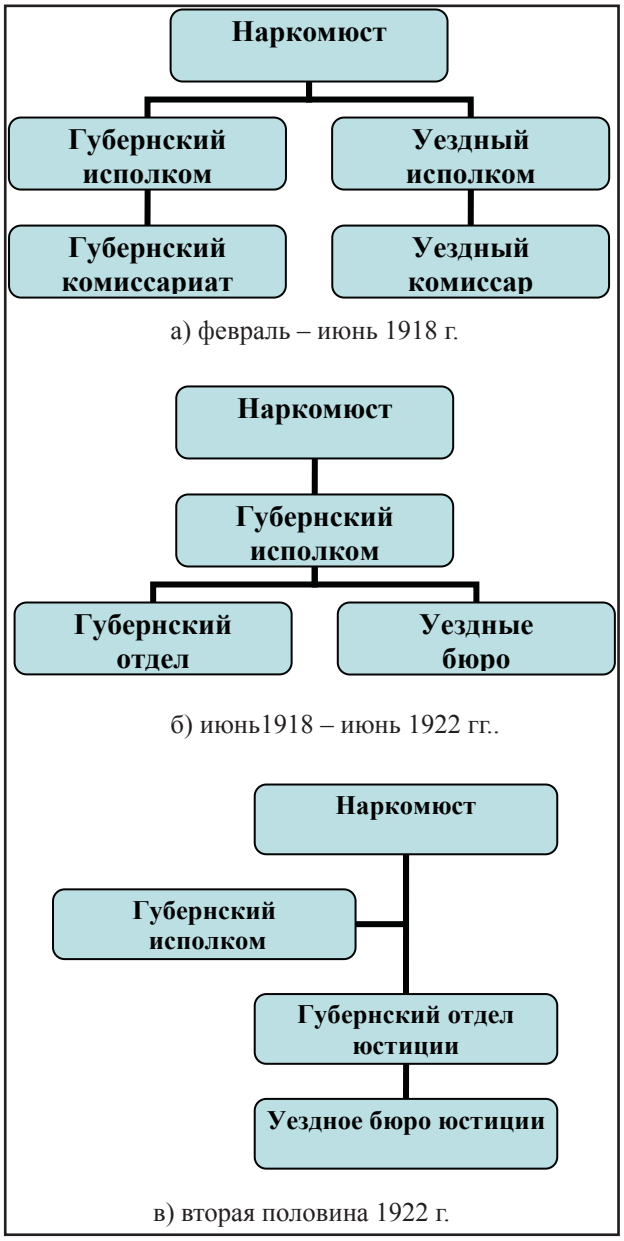


Схема. Изменение порядка финансирования комиссариатов юстиции в 1918–1922 гг.

Недостаток выделяемых средств, естественно, сказывался не только на работе учреждений, но и на зарплате сотрудников. В Известиях ВЦИК от 27 сентября 1918 г. за № 210 (474) был опубликован Декрет о заработной плате, согласно которому Курск был отнесен к 6-й районной норме. Это означало, что оклады для курских работников устанавливались в размере 70 % от аналогичных окладов в г. Москве[1, д. 32, л. 35–36]. В декабре 1918 г. тарифное отделение Наркомата труда сообщило Наркомату юстиции, что «Тарифная коллегия НКТ в заседании своем 13/XII постановила установить для г. Курска процентное понижение ставок к московским в 20 %»[1, д. 32, л. 39].

В Курском губернском отделе юстиции самыми низкооплачиваемыми были должности курьеров и рассыльных, чей оклад составлял 488 руб. в месяц. Далее следовали машинисты и корреспонденты, получавшие по 532 руб., помощники секретаря и делопроизводители с окладом в 576 руб. Заработная плата секретарей составляла 664 руб. в месяц, а заведующего отделом – 752 руб. Административно-хозяйственный подотдел имел в своем штате бухгалтера и кассира с зарплатой 664 руб. и 532 руб. соответственно[5, д. 1, л. 4].

Согласно приведенным выше данным за 1919 г., зарплата канцелярских служащих губернского отдела составляла 94 % от зарплаты заведующего. В подотделах зарплата самой низкооплачиваемой категории работников – курьеров и рассыльных – составляла 64 % от зарплаты руководителя, а зарплата секретарей – 88 %. При этом на 1918–1919 гг. приходится наибольшая активность в процессе становления советской судебной системы, и вся ответственность за реализацию этого процесса лежала персонально на руководителях местных органов юстиции. Отметим также, что к этому времени центральная власть уже осознала весьма важную роль суда в механизме советского государства. Столь очевидное несоответствие между масштабом ответственности и уровнем заработной платы можно объяснить тем, что, во-первых, руководители местных отделов юстиции были коммунистами, которых в этой системе поначалу было не так много, и они воспринимали свой труд не столько как профессиональную деятельность, сколько как партийный долг. Во-вторых, большинство новых ответственных работников до революции «были никем», и теперь их стимулировала сама престижность власти. Не будем забывать и о том, что в 1918–1919 гг. в обществе еще очень силен был дух революционного романтизма и идиллические ожидания новой жизни, ради которой можно было терпеть «временные трудности».

Однако, подобная ситуация привела к тому, что к 1921 г. органы юстиции стали испытывать явный недостаток в кадрах по сравнению с другими ведомствами. Революционный романтизм и партийная сознательность не позволяли содержать семьи, к тому же, в силу специфики деятельности, большевиков в системе юстиции, как уже отмечалось, было немного. Проблема заключалась не только в отсутствии квалифицированных управленцев, но и в нехватке судей и следователей, зарплаты которых были столь же незначительными.

В 1921 г. наметились явные изменения. Ведомости за первую половину года свидетель-

ствуют: жалование народных судей, следователей и консультантов в уездных бюро юстиции исчислялось в размере 4 125 руб., секретаря – 2 970 руб., т.е. 72 % от зарплаты народного судьи, а курьера – 1 419 руб., т.е. 34 %. В мае 1921 г. размер окладов ответственных работников был увеличен до 7 700 руб., а повышения зарплаты канцелярских служащих не произошло, поэтому их зарплаты стали составлять только 18–38 % от зарплат ответственных работников. В ноябре 1921 г. месячный оклад судьи исчислялся в сумме 1 141 140 руб., секретаря – 965 580 руб., курьера – 438 900 руб. [6, д. 62, л. 22]. Были повышены и заработные платы работников губернского отдела. В январе 1922 г. заведующий губернским отделом получил оклад в размере 1 674 000 руб., заведующие подотделами – 1 634 000 руб., секретари – 972 000 руб., курьеры – 504 000 руб. [6, д. 59, л. 34]. Таким образом, к началу 1922 г. размер заработной платы канцелярских работников составлял в среднем 30 % от зарплаты руководителей.

Показательно, что для уездных бюро была предусмотрена отдельная статья расходов на выплату сверхурочных и премиальных. Например, за 1921 г. Дмитриевскому бюро было переведено 1 038 618 руб. [7, д. 6, л. 16]. Согласно ведомостям Суджанского уезда, премиальные выплачивались только канцелярским служащим, и никогда не выплачивались ответственным работникам. Правда, размеры премиальных в течение года заметно урезались. Так, в январе – марте выплаты исчислялись в сумме, равной месячной заработной плате, в апреле премиальные сократились до 83 %, в июле – августе колебались от 50 до 75 % от начисляемой зарплаты. В сентябре – декабре премиальные уже не выплачивались. Всего в 1921 г. Суджанским бюро выплачено премиальных на сумму 1 111 957 руб. [6, д. 62, л. 23]. Регулярные выплаты канцелярским служащим были продиктованы стремлением привлечь на службу в органы юстиции квалифицированные кадры и сохранить имеющихся работников. Отсутствие компетентных работников на должностях секретарей, бухгалтеров и т.д., по мнению губернских работников юстиции, являлось одной из причин, препятствующих налаживанию работы уездных бюро.

С целью улучшения материального положения работников в декабре 1921 г. правительство начало введение 17-разрядной тарифной сетки. Высший, 17-й разряд присваивался заведующему губернским отделом юстиции, председателю Ревтрибунала, председателю губернского народного суда, губернскому прокурору; 16-й разряд – заведующему исправительно-трудовым отделом, членам Ревтрибунала, членам президиума губернского народного суда, следователям по важнейшим делам и помощникам губернских прокуроров в уезде; 15-й разряд – народным судьям, 14-й разряд – добавочным народным судьям и народным следователям.

Все указанные меры не смогли кардинальным образом решить проблему недостаточной оплаты труда юридических работников. По мере усложнения общественных отношений эти люди становились все более востребованными, тем более что высококвалифицированных юристов на местах было крайне мало. С началом нэпа увеличилась значимость нотариата, после реформы 1922 г. стали формироваться адвокатура и прокуратура. С выделением адвокатуры в самостоятельный институт у многих юристов возникли иллюзии о возможности повышения своего материального положения путем занятия адвокатской практикой. Так, в июне 1922 г. Председатель Совета народных судей Курского судебного округа обратился в губисполком с ходатайством об освобождении от должности, так как он предполагал начать работать адвокатом, что по закону было несовместимо со службой в государственных учреждениях. В заявлении он отмечает: «Причиной, вынуждающей меня, несмотря на то, что я работаю в должностях Народного судьи и Председателя Совнарсуда с 1918 года, все же перейти работать в другую область является материальная необеспеченность на настоящей должности – в то время как юристы менее меня опытные даже сейчас, до введения свободной адвокатуры, получают за свой труд юрисконсультов некоторых учреждений по 200 миллионов рублей в месяц» [4, д. 205, л. 99].

Однако иллюзии о возможности получения высоких гонораров развеялись довольно быстро. Адвокаты считались нетрудовым элементом, в связи с чем обязаны были приобретать облигации золотого займа и вносить платежный сбор, связанный с их приобретением. Кроме того, для занятия адвокатской практикой нужно было приобретать патент. Вследствие этого уже к началу 1924 г., согласно материалам 4-го Курского губернского съезда работников юстиции, в уездах ощущалась значительная нехватка правозащитников, «что объясняется невозможностью для уездных членов коллегии ввиду незначительности заработка выбирать установленный для них патент на личные промысловые занятия». На съезде также отмечалось, «что обязанность выбирать патент вредно отражается также и на идейно-нравственной стороне работы защитника, заставляет защитника в целях выработки средств на уплату патента быть менее разборчивым при принятии на себя

ведения того или иного дела и ставит его в положение ремесленника…»[3, д. 57, л. 65].

Недостаточное финансирование, несомненно, явилось одним из важных факторов, замедляющих процесс становления уездных органов юстиции. Раскроем вышеуказанное положение на примере Дмитриевского уездного бюро. В начале 1921 г. на содержание личного состава было переведено 538 654 руб. В конце июля перерасход средств по этой статье составил 13 048 руб. Очередной перевод денежной суммы был осуществлен губернским отделом юстиции 21 июля. Она была израсходована в течение июля – августа. Перерасход составил уже 105 199 руб. В сентябре уездному бюро был открыт кредит на сумму 145 000 руб., который был превышен на 90 406 руб. В октябре и декабре губюстом были открыты еще два кредита на общую сумму 1 500 000 руб., при этом выплаты за ноябрь не производились. В январе 1922 г. кредит на содержание личного состава исчислялся в сумме 55 500 000 руб. В течение месяца он был перерасходован на 20 234 000 руб., т.е. на 36 %[7, д. 6, л. 23–27].

Как свидетельствует приведенный выше пример, несмотря на достаточно регулярное перечисление денег, объемы финансирования деятельности уездных органов были явно недостаточными. Это объясняется, во-первых, как отмечалось выше, недополучением требуемых средств самим губернским отделом, а во-вторых, значительным уровнем инфляции. Например, в январе 1921 г. Дмитриевскому уездному бюро было перечислено 25 000 руб. на канцелярские расходы. Согласно счету, выданному 12 мая 1921 г., стоимость писчей бумаги составляла 25 руб. лист, перьев – 30 руб. штука[6, д. 55, л. 19, 21]. Полностью указанного финансирования хватило бы только на 1000 листов бумаги, в то время как в потребности бюро, как любого канцелярского учреждения, входили перья, чернила, копировальная и промокательная бумага и т.д. О недостатке бумаги в указанных учреждениях свидетельствуют и сами архивные фонды. Значительное количество документов (отчеты, справки, отношения, копии циркуляров и т.д.) написаны на обороте старых бланков судебных присутствий и других дореволюционных учреждений.

Об уровне инфляции можно судить по тому факту, что уже в январе 1922 г. бумага и перья стоили соответственно 800 руб. лист и 1000 руб. штука[6, д. 55, л. 133]. В июле 1921 г. губернский отдел юстиции открыл Дмитриевскому бюро кредит на канцелярские расходы в размере 10 000 руб. Учитывая приведенные выше цены на основные канцелярские принадлежности, во втором полугодии уездное бюро могло приобрести, например, только 10 перьев.

Аналогичное положение складывалось и в других уездах. В кратком докладе при вступлении в должность председатель Старооскольского убюста констатировал, что «в суде освещения никакого нет, бумаги пишущной, чернила, карандашей, перьев, обложек абсолютно нет, дров для отопления также нет»[5, д. 9, л. 29].

Слабое финансирование сказывалось не только на количественном недостатке работников юстиции, но и на качестве их подготовки. Потребность в грамотных юридических кадрах обусловила открытие в 1924 г. так называемых областных юридических курсов, которые давали юридическое образование лицам, уже работавшим в сфере юстиции, или привлекаемым партийным работникам. Курсы обычно работали в течение года, поэтому семьям выплачивалось содержание в размере месячного оклада курсанта по основному месту работы. Самому курсанту на период учебы предоставлялось жилье и питание. Все выплаты должны были производиться за счет бюджета направляющей стороны. Нехватка средств в местных бюджетах зачастую приводили к ситуациям, подобным той, что сложилась в курском губсуде в 1924 г. На областные юридические курсы в Воронеж были посланы четыре народных судьи и следователь. В июне курсанты написали Председателю губуда письмо, в котором сообщали, что «до апреля месяца мы как курсанты получали содержание, а с апреля месяца губсуд в содержании нам отказывает, мотивируя свой отказ тем, что губисполком не отпускает кредита. … Отказ в выдаче нам содержания ставит нас в безвыходное положение. Мы все семейные и один из нас Седин имеет на своем иждивении 10 душ семьи. Уехать на курсы, не обеспечив содержание своим семьям – значит оставить их на голодное существование»[4, д. 571, л. 155]. Здесь мы сталкиваемся с примером «революционной сознательности» – несмотря на сложную ситуацию курсанты не отказывались от учебы, они просили «товарища председателя войти с ходатайством перед губисполкомом о выдаче причитающихся нам содержаний на обеспечение наших семей за время пребывания нашего на курсах. Это обстоятельство даст нам полную возможность целиком направить все свои силы на получение требуемых от нас познаний, не заботясь об участи наших семей. И тем самым оправдать доверие, выраженное нам высшей инстанцией»[4, д. 571,

л. 155]. В ответ на запрос губфинотдел сообщил в Президиум губисполкома, что сами курсанты состоят на полном пансионе и удовлетворить ходатайство нельзя, поскольку «Губсудом никаких ссылок не сделано на законоположения, подтверждающие его ходатайство об отпуске средств на содержание курсантов»[4, д. 571, л. 157].

Подведем итоги. Централизованное финансирование местных учреждений осуществлялось регулярно, хотя и не в полном объеме. Несомненно, губернские отделы и уездные бюро ощущали постоянный недостаток средств, что сказывалось как на содержании самих учреждений, так и на материальном положении сотрудников и качестве их подготовки. Тем более, что служащие учреждений юстиции, в отличие от милиции, ВЧК или партийных органов, не получали никакого иного довольствия, кроме денежного [5, д. 29, л. 49]. В этих условиях возможным способом мотивирования работников могло стать идеологическое воздействие со стороны партийных комитетов, дисциплинарный контроль над членами РКП(б) и эксплуатация революционного энтузиазма той части служащих, которые были коммунистами или же были приверженцами большевистской идеологии.

Обеспечение функционирования губернских и уездных учреждений юстиции в условиях столь слабого финансирования стало возможным благодаря наличию четкой централизованной структуры управления, так как она предполагала целевое распределение средств, а также наличие строгой отчетности об их использовании.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А–353. Оп. 1.
2. ГАРФ. Ф. А–353. Оп.5.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р–166. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 1.
6. ГАКО. Ф. Р–451. Оп.1– Л.
7. ГАКО. Ф. Р–451. Оп. 2.
8. *Скитович В.В.* Очерки истории и теории советской административной юстиции. М., 1992. С. 7.

KRYJHAN A.V.

MATERIAL CONDITIONS OF LABOR ACTIVITY OF WORKERS LOCAL ESTABLISHMENTS OF THE SOVIET JUSTICE 1918-1924

In article on an example of Kursk province material working conditions of workers of the Soviet establishments of justice in the first post-revolutionary years are analyzed.

Material conditions have considerable influence on activity of people. The author comes to a conclusion that at a constant lack of means, ways of motivation of workers were ideological influence from party committees, operation of revolutionary enthusiasm, and also target distribution of means and the strict reporting about their use.

Key words: ***material working conditions, a salary of workers of justice, Narkomust, provincial department of justice, district bureaus of justice.***

С.С. МИНАКОВ
кандидат исторических наук, кафедра истории России Орловского государственного университета
E-mail: ssminakov@mail.ru
Тел. 8 910 747 11 47

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОФИЦЕРОВ-СЕМЕНОВЦЕВ 1914 г.

В статье исследуется имущественное положение офицеров л-гв. Семеновского полка, их бытовые условия, размеры жалованья, должностные и повседневные расходы, а также имущественная дифференцированность офицерского корпуса л-гв. Семеновского полка.

Ключевые слова: ***л-гв.Семеновский полк, жалованье, «стоимость жизни», жилищно-бытовые условия.***

В настоящее время, по сравнению с даже с последними десятилетиями XX в., не только значительно возрос интерес к истории российской императорской гвардии (это было и ранее), но появились достаточно серьезные исследования по этой проблематике С.В. Волкова, Г.С. Чувардина, Е.И. Чапкевича и др. [1, 2, 3, 4, 5] Авторы этих исследований рассматривают различные стороны истории российской гвардии, ее офицерского корпуса и в контексте военной истории России анализируют многообразные аспекты социокультурных ее характеристик, место императорской гвардии, ее офицерского корпуса в составе российской военной элиты и политической элиты в целом. Несомненно, и это признается, учитывается исследователями, каждый гвардейский полк имел свои традиции, культивировал их, подчеркивая свою «особость». Исходя из последнего положения, в настоящей статье я затрону лишь один частный вопрос об имущественном состоянии и, так сказать, «стоимости жизни», офицеров л-гв. Семеновского полка накануне первой мировой войны.

Анализируя социокультурное состояние офицерского корпуса л-г. Семеновского полка на 12 июля 1914 г., следует иметь в виду, что служба офицера в л-г. Семеновском полку считалась достаточно дорогой [6, с. 223]. Это было обусловлено не величиной абсолютных сумм, которые приходилось тратить офицеру-семеновцу для надлежащего выполнения требований, предъявляемых к нему службой и его статусом. «Дороговизна» службы была обусловлена противоречием между необходимыми денежными тратами и финансовыми возможностями офицеров, их имущественным состоянием, по сравнению с возможностями тех же офицеров-преображенцев [6, с. 223]. Офицеры-семеновцы июля 1914 г. были дифференцированы в имущественном отношении. Имущественное состояние офицера л-г. Семеновского полка (как и в других полках и частях гвардии) складывалось из двух составляющих: офицерского жалованья и доходов с имений, поместий или из иных источников частного происхождения. Ниже я сконцентрирую внимание лишь на имущественном положении и, в частности, жалованье офицерского состава л-г. Семеновского полка.

Жалованье командира л-г. Семеновского полка равнялось 3000 рублей в год [6, с. 172], т.е. 250 рублей в месяц; полковника – 2000 рублей в год, т.е. ок. 170 рублей в месяц; капитана – 1600 рублей в год, т.е. в месяц ок. 135 рублей; поручика – 1300 рублей в год, т.е. ок. 110 рублей в месяц. Жалованье подпоручика равнялось свыше 1000 рублям в год, т.е. 86 рублям в месяц [6, с. 179]. Для сравнения: жалованье вольнонаемного сотрудника (с высшим, университетским образованием) в архиве Морского министерства в 1913 г. составляло – 40-60 рублей, а младшего делопроизводителя 8 класса в 1916 г. – от 83 до 150 рублей (с учетом инфляции и соответствующего повышения жалованья в условиях войны) [7, с. 36].Офицерское жалованье значительно увеличилось во время войны. Ротный командир, со всеми добавками, получал в месяц около 250 рублей [6, с. 319]. Это было время, когда офицер мог жить на свое жалованье, не надеясь на денежную помощь из дома.

Чтобы представить «стоимость жизни» в Петербурге для офицера л-г. Семеновского полка, я приведу цены на некоторые товары, преимущественно, на продукты питания в России и в Петербурге, а также на иные товары, косвенно, так или иначе с ними связанные в первое десятилетие XX в. Итак, в первое пятнадцатилетие указанного столетия на рынке стоили:

Корова (весной в Вологде) – 32 рубля.
Корова (в Москве) – 45 рублей.
Бык (в Москве) – 45 рублей.
Лошадь (весной и летом в Вологде) – 50 рублей.
Лошадь (зимой и осенью в Вологде) – 40 рублей.
Лошадь (осенью в Москве) – 45 рублей.

© С.С. Минаков

Лошадь рабочая (в Москве) – 52 рубля [8, с. 322].
Дешевая верховая лошадь – 200 рублей [6, с. 298].
Фунт хлеба – 2-3 копейки [9, с. 150, 176].
Масло коровье (1 фунт, 1903 г.) – 30 копеек.
Солонина (1 фунт, 1903 г.) – 12 копеек.
Сотня яиц (1903 г.) – 1 рубль 50 копеек.
Сотня кочанов капусты (1903 г.) – 6 рублей.
Сотня огурцов (1903 г.) – 20 копеек.
Масло подсолнечное (1 пуд, 1903 г.) – 4 рубля 40 копеек.
Сало говяжье (1 пуд, 1903 г.) – 6 рублей 40 копеек.
Мед (1 пуд, 1903 г.) – 20 рублей.
Воск (1 пуд, 1903 г.) – 29 рублей.
Овчина (1903 г.) – 2 рубля 50 копеек.
Курица (1903 г.) – 50 копеек.
Утка (1903 г.) – 90 копеек.
Сахар (1 головка) – 5 рублей 65 копеек [8, с. 322].
Овсянка (2/3 фунта) – 3-4 копейки [9, с. 167, 176].
Овес (3/8 фунта) – 1/8 копейки.
Пшено (1/2 фунта) – 2,5 копейки.
Соль (1/4 фунта) – 1/8 копейки.
Овощи (1/2 фунта) – 2 копейки [9, с. 167, 176].
Лук (1/4 фунта)– 0,2 копейки [9, с. 178].
Чернослив – 6 рублей.
Изюм – 6 рублей.
Мускатные орехи – 41 рубль 28 копеек.
Перец – 16 рублей.
Имбирь – 16 рублей.
Дрова (1 сажень) – 4-5 рублей [9, с. 188].

Офицерские жизненные запросы предполагали, как и любого образованного человека, траты на писчие принадлежности, книги. Поэтому целесообразно указать, что

Бумага хлопчатая (1 пуд) стоила 10 рублей.
Бумага писчая (1 стопа) – 3 рубля.
Книга (художественная литература, русские классики) – 1-2 рубля [9, с. 178-179].

В богатом издании, например «Брокгауза-Ефрона», книги стоили дороже. Например, Ф. Шиллер. Собрание сочинений в 4-х томах (издательство «Брокгауза-Ефрона») в серии «Библиотека великих писателей» в 1904-1905 гг. стоило 20 рублей, а в переплете – 24 рубля, т.е. в среднем 5-6 рублей том; В. Шекспир. Собрание сочинений в 5-ти томах (издательство «Брокгауза-Ефрона») в серии «Библиотека великих писателей» в 1904-1905 гг. стоило 25 рублей и в переплете – 30 рублей, т.е. тоже 5-6 рублей за том. 1 дополнительный полутом Энциклопедического словаря «Брокгауза-Ефрона» в 1905 г. стоил 3 рубля [9, 178-179].

Завтрак в Офицерском собрании полка в осеннее-зимне-весеннее время: из 2-х блюд (мясо и рыба, мясо и зелень, мясо и омлет и т.п.) – 70 копеек; обед из 3-х блюд – 90 копеек. 1-2 рюмки водки перед завтраком или обедом – 20-40 копеек. Полбутылки (0,5 литра) легкого сухого красного (французского) вина – 45 копеек [6, с. 202]. В летнее время, когда полк выходил в лагеря, стоимость обеда была выше, но и сам обед был обильнее. Обычно он состоял из четырех блюд (суп, рыба или зелень, мясо, сладкое, кофе) и закуски. Все вместе стоило от 1 рубля 30 копеек до 1 рубля 40 копеек [6, с. 204]. В целом, расходы на завтраки и обеды, даже у офицера, ведшего самый скромный образ жизни, обыкновенно составляли 70-80 рублей в месяц [6, с.223]. Если к этому добавить ежемесячные взносы в Офицерское собрание на иные расходы, которые каждый офицер обязан был делать, а они равнялись примерно 40-50 рублям в месяц, то все это вместе составляло 130 рублей ежемесячно для молодого офицера в чине подпоручика или поручика [6, с. 23]. Жалованье же его, как отмечалось выше, было 86 рублей в месяц. Эти расходы были совершенно неподъемны и неженатому капитану гвардии, если бы он попытался жить лишь на свое жалованье. Они были весьма чувствительны и для полковника гвардии. Правда, уже в военной, фронтовой обстановке офицерские расходы на питание и продовольствие заметно снизились при увеличении суммы жалованья. В Офицерском собрании во фронтовой обстановке «за 60 рублей в месяц предоставлялось полное продовольствие. Утром кофе с хлебом и с консервированным молоком. Почти всегда к нему холодное мясо и ветчина. Если можно было достать, давали и масло. В 12 часов обед, суп и жаркое, в 5 часов чай, в 8 ужин» [6, с. 308, 319]. В состав других расходов офицера-семеновца входили: ежемесячные вычеты с каждого офицера по 5 рублей на полковой праздник (21 ноября) [6, с. 213]. В итоге получается 135 рублей.

Значительные денежные затраты приходилось делать офицеру-семеновцу на оплату жилья. «Помню, – рассказывал капитан Ю.В. Макаров, – что за нашу маленькую квартиру, всего из четырех комнат и кухни, правда, с красивым подъездом и со швейцаром, и с окнами, выходившими на Екатериненский канал, мы с женой платили 130 рублей в месяц» [6, с. 192-193]. В «офицерском доме» квартиры были дешевле. Самые маленькие, которые были предназначены для младших, неженатых, офицеров, состояли из большой передней (гостиной), двух светлых комнат, уборной, ванны с колонкой и большой кухни. Проживание в них, вместе с оплатой за электричество и дровяное отопление, стоило 25 рублей в месяц [6, с. 194]. «Квартира ротного командира» (капитана или штабс-капитана), предназначавшаяся для женатого офицера, состояла из 4-х больших комнат, двух уборных, ванны, кухни, маленькой комнаты для прислуги, с электрическим

освещением и отоплением стоили 45 рублей в месяц [6, с. 194]. «Штаб-офицерская квартира» (предназначенная для офицера в чине полковника) состояла из 6-ти больших светлых комнат с указанными выше удобствами, стоила ее жильцу 65 рублей в месяц [6, с. 194]. Вместе с ранее подсчитанными расходами в 135 рублей, все «жизненно необходимые» траты не женатого младшего офицера-семеновца в чине подпоручика, поручика, штабс-капитана должны были составить 160 рублей.

Расходы офицера гвардии, в данном случае л-г. Семеновского полка, значительно возрастали, если добавить к вышеуказанным денежные траты на развлечения и досуг. Пообедать в первоклассном ресторане с обыкновенным вином – стоило не менее 10-15 рублей [6, с. 227]. Тем, кто приезжал вечером, после обеденных часов, полагалось пить шампанское [6, с. 227]. Бутылка французского шампанского стоила – 5-7 рублей [6, с. 179]. Поэтому стоимость обеда возрастала до 20-27 рублей. Место в театре в двух первых рядах (дальше 5-го ряда для офицера лейб-гвардии сидеть было неприлично) – 2 рубля [6, с. 224]. Стоимость билета в железнодорожном вагоне 1-го класса (офицерам 1-й Гвардейской пехотной дивизии рекомендовалось ездить только в 1-м классе) – 36 копеек (из Красного Села в Петербург) [6, с. 226]. У ведущего «светскую жизнь» офицера расходы на извозчика в среднем составляли 30-40 рублей в месяц [6, с. 227]. Таким образом, даже если офицер позволит себе лишь раз в месяц сходить в ресторан и раз в месяц посетить театр, его ежемесячные расходы возрастут от 160 до 220-250 рублей. А у ведущего «светскую жизнь» – эти расходы завысят, как минимум, 300 рублей в месяц. Такое, разумеется мог позволить себе только богатый человек.

К богатым офицерам-семеновцам 1914 г. (сведения об офицерском составе полка даются по «Списку по старшинству» на 16 января 1914 г. [10, л. 19об-42об]) относились: Зыков [6, с. 236-237], Кавелин, Леонтьев [6, с. 236-237], Лялин-1, Лялин-2, Михайловский, Назимов-1, Назимов-2 [6, с. 235-236], Пронин [6, с. 235-236], Сиверс-1 [6, с. 236-237], Сиверс-2, Соллогуб, Тавилдаров, Штейн, Цвецинский [6, с. 235-236], Чебыкин [11, с. 322]. Итого, 16 человек, т.е. 21 %.

К лицам состоятельным, судя по их отцам (занимавшим достаточно высокие военные или административные, хорошо оплачиваемые должности или имевшим доходные поместья и пр.), можно отнести Баженова, Баланина, Бойе-аб-Геннеса, Бремера-1, Брока, Веселаго, Витте, фон Гревеница, Дирина, Зайцова-1, Зайцова-2, Иванова-Дивова-1, Иванова-Дивова-2, Казакова, Комарова-1, фон дер Лауница, Лобачевского, фон Миниха, Михно, Орлова, Поливанова, Рихтера, Рыльке, Спешнева, Тигерстедта, Тимрота-1, Тимрота-2, Унгерна фон Штернберга, фон Фольборта-1, Эссена-1, Эссена-2, Эттера, Якимовича-1, Якимовича-2 [10, л. 25об-30об]. Всего 34 офицеров, т.е. 42,5 %. Таким образом, богатых и состоятельных по происхождению офицеров-семеновцев 1914 г. было 52 человека, т.е. 65 %.

23 офицера (28,75%) были людьми небогатыми: А.В. Попов, В.М. Мельницкий-1, Н.М. Мельницкий-2, Гончаров, Подчертков-1, Нагорнов, Сморчевский, Бржозовский, Чуфаровский, Дренякин, Свешников, Пенхержевский-1, Пенхержевский-2, Азанчевский-Азанчеев, Азанчевский, Коновалов-1, Коновалов-2, Лемтюжников-1, Спешнев, Молчанов, Ермолин, фон Лампе, Лобановский, Давыдов [10, л. 29об-30об].

К условно «бедным» офицерам-семеновцам принадлежали 5 (6,25%): Андреев, П.А. Купреянов, Н.Н. Толстой-1, И.Н. Толстой-2. Однако это была относительная «бедность». Гвардейский офицер, офицер-семеновец просто был бы не в состоянии нести службу в полку, если бы ему не помогали деньгами из дома. А это было возможно при наличии хотя бы небольшого имения.

В имущественном отношении из прибывших в полк к августу 1914 г. офицеров к богатым относились: князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский [6, с. 235-236], А.А. Ватаци, И.С. Хвостов, И.В. Энгельгардт-2. Всего, 4 человека. К происходившим из состоятельных семей (чьи отцы занимали высокие военные или административные, хорошо оплачиваемые должности или имевшим доходные поместья и пр.) барон А.А. Типольт, А.П. Чистяков, И.С. Тимашев, Н.В. фон Фольборт-2, фон Штильберт, Молоствов, И.В. Энгельгардт-2, Ю.В. Макаров, Столица. Всего 9 офицеров. 3 офицера были людьми небогатыми: Фадеев, Фогт, Столица, Степанов-2. Таким образом, подавляющее большинство вновь прибывших офицеров были из богатых и состоятельных семей.

К богатым офицерам-семеновцам 1914 г. принадлежали 21 офицер (21,9%); к состоятельным – 43 офицера (44,8%); к небогатым – 27 офицеров (28,1); к бедным – 5 офицеров (5,2%). В целом же большинство офицеров полка (66,7%) принадлежало к богатым и состоятельным семьям. Их число, по сравнению с июлем 1914 г., возросло.

Разница в имущественном положении офицеров-семеновцев 1914 г. подчас была чрезвычайно велика. У полковника Назимова-1 в Петербурге было 2 собственных дома [6. с. 235-236]. Собственными домами в Петербурге владел и поручик Чебыкин [11, с. 322]. Князь Касаткин-Ростовский, возвратившийся в полк из отставки в начале августа 1914 г., считался крупным землевладельцем в Курской губернии.

К примеру, отец подпоручика Б.В. Энгельгардта-1 и прапорщика И.В. Энгельгардта-2, появившихся в полку в июле 1914 г., владел родовым имением в 2200 десятин, к которым приобрел еще 260 десятин. В последующие годы он приобрел в Бельском уезде в 1906 г. 3955 десятин 1064 сажени; в 1909 г. – 2140 десятин; в 1912 г. – 2005 десятин; в 1913 г. – 2871 десятину; в 1915 г. – 1890 десятин. В Духовщинском уезде имел 1997 десятин: приобрел в 1895 г. – 1054 десятины; в 1906 г. – 1713 десятин; в 1909 г. – 1283 десятины; в 1912 г. – 1147 десятин; в 1913 г. – 1064 десятины; в 1915 г. – 880 десятин. В Витебской губернии: 3700 десятин. В составе этих владений у него было еще 4 села и 3 имения [12, с. 432-433]. Таким образом, в целом отец указанных офицеров владел 24459 десятин земли. Иными словами, это был весьма крупный землевладелец. Поэтому их отцу было нетрудно оказывать материальную помощь двум сыновьям-гвардейцам, обеспечивая им возможность вести жизнь, подобающую офицеру императорской лейб-гвардии. Конечно же, на фоне братьев Энгельгардтов подпоручики братья Толстые, Купреянов, Тухачевский-1 были «бедными» офицерами. У их родителей было по одному поместью, часто заложенному-перезаложенному. «Прекрасное имение» Толстых в Новинках Тверской губернии, «способствует только лишь росту долгов, – вспоминал младший из братьев Толстых. Служба сыновей в гвардии – не по средствам» [13, с. 105]. Приходилось закладывать серебро «и как-то извернуться», «строевой лес за Волгой приходится продать за бесценок… [13, с. 104]. …Бюджет наш скромный, трещит и долго не выдержит. Еще два-три года, и кому-то из братьев придется выйти в отставку» [13, с. 105]. Не лучше была имущественная ситуация и у близкого друга подпоручиков Толстых, подпоручика П. Купреянова. «…Купреянову командир дал внеочередной отпуск, и он сегодня уезжает к себе в Княжево, – вспоминал младший из братьев Толстых. …Дела их очень расстроены, и боюсь, что ему придется выйти из полка…» [13, с. 140]. Лишь помощь отчима, которого за это благодарил подпоручик, помогла ему нести службу в гвардии [13, с. 193]. У «бедного» подпоручика М.Н. Тухачевского, появившегося в полку 12 июля 1914 г. [14], ситуация не лучше. В «справке», выданной Смоленским губернским предводителем дворянства 20 июня 1913 г. «потомственному дворянину Николаю Николаевичу Тухачевскому (отцу подпоручика)», указывалось, «что он состояния крайне бедного, обременен семейством, состоящим из 9 человек детей, жены и матери и никаких имеществ, как движимых, так и недвижимых или других средств существования не имеет…» [15, л. 1]. Единственный источник дополнительного финансирования его службы – доходы с имения его бабушки в с. Вражеском в Пензенской губернии.

Таким образом, в заключение можно отметить, что принадлежавшие, в основном, к старинному или «остзейскому» дворянству офицеры-семеновцы, были в своем большинстве людьми состоятельными. Многие могли позволить себе и достаточно «щедрый» образ жизни, хотя он был обусловлен, преимущественно, не размерами их жалованья, сравнительно небольшого, а наличием в их собственности значительной недвижимости, главным образом земельной собственности. Впрочем, меньшая часть офицеров-семеновцев ею не располагала. Служба в гвардии была для них достаточно дорогой и потому временной, до поступления в Академию генштаба, что и должно было открыть перед ними возможности для военной карьеры.

Библиографический список

1. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002.
2. *Чувардин Г.С.* Старая гвардия. Социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии» (1894 – 1914). Орел, 2002.
3. *Чувардин Г.С.*
4. *Чувардин Г.С.* Российская императорская гвардия в системе элиты Российской империи в эпоху правления императора Николая II. М., 2008.
5. *Чапкевич Е.И.* Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003.
6. *Макаров Ю.В.* Моя служба в Старой Гвардии.
7. *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.). Русское прошлое. Выпуск 4. СПб., 1993. - № 4.
8. *Покровский В.* Цена. Энциклопедический словарь «Брокгауза-Ефрона». СПб.: 1903. Т. 28.
9. *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.). Русское прошлое. Выпуск 5. СПб., 1994.
10. РГВИА. Ф. 2321. Оп. 1. Д. 230.
11. *Редигер А.А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999.
12. *Тихонова А.В.* Род Энгельгардтов в истории России XII – XX веков. Смоленск, 2001.

13. *Толстой С.Н.* Осужденный жить. Автобиографическая повесть. М., 1998.
14. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 26. Послужной список М.Н. Тухачевского (апрель 1919 г.)
15. РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 47.

S.S. MINAKOV

THE PROPERTY STATUS OF OFFICERS OF THE LIFE-GUARDS SEMENOVSKIY REGIMENT IN 1914

The property status of officers of the life-Guards Semenovskiy regiment, their living conditions, the size of salary, job and living expenses, as well as differentiation of the estate officer corps are investigate in article.

Key words: ***Life-Guards Semenovskiy regiment, salary, "the cost of living," living conditions.***

Э.А. МИНАКОВА
кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: minakovst@mail.ru
Тел. 43 46 46; 8 910 748 58 90

О «КЛЯТВЕННОМ ДОГОВОРЕ» КНЯЗЯ ИГОРЯ СТАРОГО С ВИЗАНТИЕЙ

В статье исследуются русско-византийские договоры первой половины X в., имевшем важное значение для политического становления Руси как государства. В контексте данного исследования выдвигается и обосновывается предположение о существовании, кроме договоров 907-го, 911-го и 944-го гг., еще одного русско-византийского договора, заключенного князем Игорем Старым до 941 г.

Ключевые слова: ***Русско-византийские договоры первой половины X в., князь Игорь Старый, летописи, «Кембриджский документ».***

Русско-византийские договоры X в., тексты которых, с большей или меньшей степенью сохранности дошедшие до нас в составе Повести временных лет, представляют собой уникальные и единственные древнейшие отечественные исторические источники по истории Руси дохристианского периода. Традиционно считается, что всех таких договоров было четыре: 907, 911, 944 и 972 гг. Следует, однако, заметить, что византийский историк конца X в. Лев Диакон свидетельствует о существовании «клятвенного договора» между Византией и князем Игорем Старым[1] [1, с. 32] до его похода на Константинополь в 941 г., т.е. о договоре до 941 г.: вспоминая о поражении флота отца Святослава, князя «Ингора», византийский император Иоанн Цимисхий упрекает последнего в том, что тот «презрел клятвенный договор» [2, с. 57] с императором и напал на Константинополь. Именно этот аспект внешнеполитической деятельности Игоря Старого и будет рассмотрен в настоящей статье в контексте анализа содержания договоров 907-го, 911-го и 944-го гг.

Большинство исследователей считают, что текст мирного договора 907 г., завершающий описание Олегова похода на Греков в Повести временных лет, представляет собой лишь краткое летописное изложение основных положений договора 911 г. [3, с. 84-180] Другие полагают, что в 907 г. был подписан самостоятельный или прелиминарный мирный договор [3, с. 84-180; 4, с. 65-66]. Сопоставим статьи трех договоров Руси с Византией, которые приводятся в Повести временных лет – 907-го, 911-го и 944-го гг.

Договор 907 г.: «*Да приходячи Русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже придут гости да емлют месячину на 6 месяць, хлеб, вино, мясо и рыбы и овощь*. И да творят им мовь, елико хотят. Придучи же домовь, в Русь, да емлют у царя вашего на путь брашно, *и якори, и ужища, и парусы, и елико им надобе* [5, с. 17].

В договоре 911 г. это положение отсутствует.

Договор 944 г.: «…Возмут месячное свое, съли слебное, а гостье месячное…. И отходящеи Руси отсюда взимають от нас, еже надобе, брашно на путь, *и еже надобе лодьям, яко же уставлено преже…*» [5, с. 24]. Как видим, в своей принципиальной основе это положение вновь появляется, хотя и с отсутствием некоторых деталей. Поскольку в договоре 911 г. это положение отсутствует, то возникает естественный вопрос: когда это «прежде» было установлено, в каком договоре? Надо полагать, что речь идет о договоре Руси с Византией, предшествовавшем договору 944 г. Но это был какой-то договор, заключенный между 911-м и 944-м гг.

Далее, в договоре 907 г. записано: «Аще приидуть Русь бес купли, да не взимают месячины: да запретить князь словом своим приходящим Руси зде, *да не творят пакости в селах* в стране нашей» [5, с. 17].

В договоре 911 г.: это положение отсутствует.

В договоре 944 г. записано: «Аще придуть Русь бес купли, да не взимають месячна. Да запретить князь слом своим и приходящим Руси сде, да не творять бещинья в селах, ни в стране нашей» [5, с. 24]. Иными словами, наблюдается текстуальное совпадение этих положений в договорах 907-го и 944-го гг.

В договоре 907 г. прописано: «Приходяще Русь да витают у святаго Мамы, и послеть царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть месячное свое, - первое от города Киева, и паки ис Чернигова, и ис Переаславля, и прочии гради» [5, с. 17].

В договоре 911 г.: это положение отсутствует.

1 Прозвание князя «Старый» условно. Такой эпитет князю Игорю присваивает митрополит Илларион в своем «Слове «О законе и благодати».

© Э.А. Минакова

В договоре 944 г. указывается: «И приходящим им, да витають у святаго Мамы, да послеть царство наше, да испишеть имяна ваша, тогда возмут месячное свое, *сълы слебное, а гостье месячное*, первое от города Киева, паки ис Чернигова и ис Переяславля и ис прочих городов» [5, с. 24]. Вновь наблюдается практически текстуальное совпадение одинаковых положений договоров 907-го и 944-го гг.

В тексте договора 907 г. предписывается: «И да входят в град одними вороты со царевым мужем, без оружьа, мужь 50, и да творят куплю, яко же им надобе, *не платяче мыта ни в чем же*» [5, с. 17].

В договоре 911 г.: это положение отсутствует.

В договоре 944 г. сказано: «Да входят в город однеми вороты со царевым мужем без оружья, муж 50, и да творят куплю, яко же им надобе, и паки да исходять» [5, с. 24]. И данные положения договоров 907-го и 944-го гг. практически текстуально повторяются.

Как это видно из сопоставления статей договоров 907, 911 и 944 гг., то, что летописец представляет как договор, заключенный Олегом Вещим в результате победоносного похода на Константинополь в 907 г., включенный в рассказ об этом походе, на самом деле является, в основном, почти текстуальным пересказом отдельных статей договора 944 г.

В то же время ни одна из статей «договора 907 г.» не находит отражения в договоре 911 г., хотя имеются некоторые различия в аналогичных положениях договоров «907 г.» и 944 г. В частности, последняя из цитированных для сравнения статей «договора 907 г.» завершается существенным положением, исчезающим в договоре 944 г.,: «*не платяче мыта ни в чем же*». Иными словами, по соглашению, предшествовавшему 944 г., русские послы и купцы не должны были платить никаких торговых «сборов». В 944 г., в силу отсутствия этой оговорки, они лишаются этого права. Напрашивается предположение, что *в каком-то договоре*, появившемся между Русью и Византией после 911 г., эта льгота была прописана. Учитывая приведенное выше указание на «клятвенный договор», заключенный князем Игорем Старым с Византией до 941 г., это положение могло быть как раз в этом «клятвенном договоре».

Кроме того, в первом из приведенных для сравнения положений, в отличие от текста договора 944 г. более детально расшифровываются права русских послов и купцов: «*Да приходячи Русь слюбное емлют, елико хотячи, а иже придут гости да емлют месячину на 6 месяць, хлеб, вино, мясо и рыбы и овощь. ... и якори, и ужища, и парусы, и елико им надобе»* [5, с. 17]. В тексте же договора 944 г. окончание фразы по смыслу такое же, но короче по форме *и еже надобе лодьям, яко же уставлено преже...*» [5, с. 24]. Особое внимание, как было уже отмечено выше, обращает на себя внимание ссылка – «*яко же уставлено преже*». Можно предположить, что это было установлено как раз в «клятвенном договоре» Игоря Старого, предшествовавшем его походу на Константинополь в 941 г.

Некоторые косвенные указания на существование «клятвенного договора» Игоря Старого с Византией до 941 г. содержатся в так называемом «Кембриджском документе» [6, с. 177-178; 7; 8]. Учитывая особенности этого источника, ослабляющие степень его достоверности, тем не менее, нельзя не признать, что в нем нашли отражение события, происходившие в хронологических пределах 940 – 941 гг. И хотя составитель этого документа говорит о «царе Руси Хлгу» [9, с. 98, 102] или «Халевгу» [7, с. XXX-XXXVI; 8, с. 827-828] (как расшифровывается это имя исследователями, «русском князе Олеге», скорее всего «Олеге Вещем», что противоречит летописной хронологии его жизни и деятельности), как предводителе русского похода на Константинополь, завершившегося сожжением его флота «греческим огнем», в самом этом событии без сомнения просматривается достоверно известный поход Игоря Старого 941 г.

В «Кембриджском документе» говорится, что «…злодей Романус (император византийский) послал большие дары Хлгу, царю Руси, подстрекнув его совершить злое дело» [6, с. 181-182]. Это событие не нашло отражения ни в византийских, ни в арабских, ни в древнерусских источниках. В Византии во времена Романа I Лакапина и Константина VII Багрянородного не знали князя Олега. Там знали «архонта Росии Ингора», его «сына Сфендослава» [10, с. 45], позднее узнали его жену «архонтиссу Росии Эльгу» [11, с. 360]. Все военно-дипломатические отношения с Русью для них были отношениями именно с этими политическими персонами. Поэтому, если то, о чем сообщает «Кебриджский документ» о договоренности императора Романа с русским князем имело место, то контрагентом договора был не Олег, а Игорь. Хазарский автор вряд ли располагал точной информацией о внешнеполитических акциях византийского императора и, в частности о том, с каким русским князем он вступил в антихазарские договорные отношения. У императора Романа I были активные взаимоотношения с князем Игорем, а не с Олегом. Однако, как уже отмечалось выше, достоверно известен лишь один русско-византийский договор между императором Романом I и князем Игорем Старым, традиционно датируемый 944 г. (хотя окончание текста этого

договора с его датировкой утрачено и не цитируется летописцем). Согласно свидетельству летописца, именно византийский император (точнее императоры-соправители) обратился к князю Игорю с предложением подписать мирный договор, а уже в ответ на это в Константинополь отправились русские послы. «Присла Роман и Костянтин, и Степан слы к Игореви, – написано в Повести временных лет, – построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мире. Посла муже своя к Роману. Роман же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велеша глаголати и псати обоих речи на харатье» [5, с. 23, 159]. Но эти обстоятельства, повторюсь, традиционно датируются 944 г., т.е. временем после похода 941 г. В хазарском же документе они предшествуют этому походу. Именно такого рода «презрел клятвенный договор» [2, с. 57] с императором князь Игорь Старый и напал на Константинополь.

Можно предложить два варианта расшифровки этого сообщения византийского историка, относящегося к концу X в. Либо он имел в виду «клятвенный договор», заключенный еще князем Олегом в 911 г., либо он вел речь о «клятвенном договоре» князя Игоря «944 г.». При рассмотрении первого варианта возникает вопрос: если Лев Диакон знал о договоре 911 г., то почему же он не знает князя Олега? Кроме того, договор Руси с Византией 911 г. хронологически столь далек от времени написания Львом Диаконом своей «Истории» (992 г.). К тому же, византийский историк упрекает именно князя Игоря, отца Святослава, в «клятвопреступлении», а не какого-либо другого князя или просто «русов». Поэтому предпочтительнее рассматривать второй вариант: князь Игорь Старый нарушил «клятвенный договор», заключенный им до 941 г.

Нам известен лишь один «клятвенный договор» князя Игоря с Византией, датируемый летописцем 944 г., в котором можно усмотреть намек, смутное воспоминание о неком договоре, предшествовавшем договору 944 г. В тексте договора сказано «обновити ветъхий мир, ненавидящего добра и враждолюбьца дьявола разоренный от мног лет…» [5, с. 23, 159]. Но в данной фразе ничего не говорится о том, что князь Игорь нарушил какой-то договор, скрепленный его клятвой. Речь идет лишь о многолетних военных действиях между византийцами и русью, предшествовавших заключению мира. Можно ли назвать враждебные действия с 941 по 944 многолетними? Но Лев Диакон все-таки утверждает, что походу князя Игоря на Константинополь 941 г. предшествовал нарушенный им «клятвенный договор» с византийским императором.

Проведенное выше сравнение ряда положений русско-византийских договоров «907», 911, 944 гг. позволяет предполагать, что, действительно, до 941 г. князь Игорь заключил какой-то клятвенный договор с Византией, смутные сведения о котором оказались и в «Кембриджском документе». Косвенным признаком того, что это был именно договор князя Игоря, предшествовавший событиям 941 г., является присутствие в договоре 944 г. статей «о Корсунской стране».

В одной из них говорится: «А о Корсуньстей стране. Елико же есть городов на той части, да не имать волости, князь руский, да воюеть на тех странах, и та страна не покаряется вам, и тогда, еще просить вой у нас князь руский да воюеть, да дам ему, елико ему будет требе» [5, с. 25, 161]. На мой взгляд, это переводится так: «А о Корсунской стране. Сколько имеется городов на той территории, да не имеет над ними власти князь русский, а если попытается военным путем их подчинить, то эта страна не должна ему повиноваться. При соблюдении этих условий князь русский может обратиться к нам за военной помощью, и тогда мы дадим ему, сколько ему потребуется». Из контекста данной статьи можно понять, что русский князь предпринимал попытку захватить города в «Корсунской стране» и подчинить их своей власти. При этом, однако, в статье просматривается готовность византийских властей помогать русскому князю вооруженной силой в его боевых действиях. Похоже, что косвенным образом с содержанием этой статьи смыкается третий эпизод, описанный в «Кембриджском документе»: «И пришел тот (Хлгу) ночью к городу Смкрии (Тьмутаракань? Керчь?), и захватил его обманным путем, так как не было там правителя Раб-Хашмоная» [6, с.]. Действия Хлгу можно рассматривать как следствие его договоренности с византийским императором Романом I. Если иметь в виду, что все это происходило незадолго до похода Игоря Старого на Константинополь в 941 г., то имелся в виду, скорее всего, именно Игорь Старый, заключивший «клятвенный договор» с византийским императором.

В другой статье Договора 944 г. имеется обязательство русского князя, также смыкающееся с указанной информацией из сообщения хазарского автора: «…А о сих, оже то, приходять чернии болгаре и воюють в стране Корсуньстей, и велим князю рускому, да их не пущаеть пакостять стране его» [5, с. 23, 161]. В «Кембриджском документе» говорится: «И стало это известно Булшици, он же Песах, и пошел тот в гневе на города Романуса и перебил всех от мужчин до женщин. И захватил он три города и, кроме того, много селений. Оттуда пошел он к городу Шуршун (Херсонес?) и воевал против него…. И вышли они из земли подобно червям… Исраеля

и умерло из них 90 человек… И избавил Песах хазар (?) от руки русов и поразил всех находившихся там мечом» [6, с. 182]. М.И. Артамонов считает, что «булшицы (балгиций, архонт, правитель) Песах», повидимому, обозначает князя черных или кубанских болгар, подвластных хазарам [9, с. 374]. Из текста данного эпизода следует, что в «городах» «Корсунской страны» находились русы, которые, видимо, и обороняли его, оказывая, таким образом, помощь византийцам. Судя же по рассказу автора «Кембриджского документа», русы, выполняя договорные обязательства, обороняли «корсунские города» от черных болгар до Игорева похода 941 г.

В Договоре же Олега с Византией в 911 г. вообще отсутствуют какие-либо военные обязательства русского князя в отношении Византии. Оговаривается лишь право русских воинов отправляться на службу византийскому императору [5, с. 19, 155]. Следовательно, все вышеприведенные данные указывают на то, что сам «клятвенный договор», предшествовавший Игореву походу 941 г. на Константинополь, заключил с византийским императором Романом I не князь Олег, а князь Игорь до 941 г.

Проведенный выше сравнительный анализ текстов русско-византийских договоров первой половины X в. позволяет предполагать, что ни отдельного похода князя Олега на Константинополь в 907 г., ни «договора 907 г.» с Византией, положенного в основу Олегова договора 911 г., не было. Зато был договор князя Игоря с Византией до 941 г., который, после нарушения его в 941 г., был восстановлен с некоторой редакцией в 944 г. Вопрос о предполагаемой дате этого «клятвенного договора» Игоря Старого будет рассмотрен в следующей статье.

Библиографический список

1. *Митрополит Илларион.* Слово «О законе и благодати» //Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1955.
2. *Лев Диакон.* История. М., 1988.
3. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X вв. М., 1980.
4. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в). СПб., 2000.
5. Повесть временных лет. СПб., 2007.
6. Кембриджский документ. Древняя Русь в свете зарубежных источников Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники. 2009.
7. *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
8. *Бартольд В.В.* Арабские известия о руссах. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
9. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX – XI вв. Смоленск, 1995.
10. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991.
11. Приемы киевской княгини Ольги в Константинополе императором Константином VII Багрянородным. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в). Приложение 1. СПб., 2000.
12. *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.

E.A. MINAKOVA

ON THE «SWORN TREATY» BY PRINCE IGOR OLD WITH BYZANTIUM

The Russian-Byzantine treaties of the first half of X century, which had a great significance for the political evolution of Russia as a state are investigate in article. The assumption about the existence, except for treaties 907-th, 911-th and 944-th years, another the Russian-Byzantine treaty, signed by Prince Igor Old to 941 are justify in this article.

Key words: ***Russian-Byzantine treaties of the first half of X century, Prince Igor the Old, the chronicle, "Cambridge Document".***

О.В. БЕЗЗУБОВА
кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета
E-mail: bezzubova_olga@mail.ru
Тел. 8 921 341 43 74

ВИЗУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В КУЛЬТУРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена возникновению нового междисциплинарного поля в культуральных исследованиях в XX в. Представлена краткая характеристика основных этапов становления «визуальных исследований», дан краткий обзор основных теоретических и методологических проблем, возникающих вследствие концептуализации нового объекта социогуманитарного знания – «визуальной культуры». Отдельное внимание уделено проблеме соотношения визуальных исследований и такой традиционной академической дисциплины, как история искусств.

Ключевые слова: ***визуальный поворот, визуальная культура, визуальные исследования, образ, новая история искусства, пикториальный поворот.***

Социогуманитарное знание XX в. характеризуется появлением ряда новых междисциплинарных областей, среди которых можно выделить «визуальные исследования» (visual studies). Формирование данной исследовательской области связано с введением в оборот (главным образом, в англо-американской академической среде) понятия «визуальная культура» (visual culture). Согласно общепринятому мнению, интерес к данной теме возрастает с начала 70-х гг. XX в., вследствие чего этот период часто характеризуется как «визуальный поворот», связываемый с появлением целого ряда исследований, по-новому интерпретирующих проблему изображения. Наиболее значимыми и влиятельными в этом отношении являются публикации таких авторов, как С. Альперс [3], М. Баксандалл [5], Н. Брайсон [7; 6], Т. Дж. Кларк [8], Г. Поллок [12] и др., чьи работы очерчивают новую проблемную область и ставят ряд важных методологических и дисциплинарных вопросов.

Можно утверждать, что феномен «визуального» традиционно являлся предметом интереса искусствознания. Однако, классическая теория и история искусства представляла собой иерархически организованную дисциплину, имеющую своим основанием представление об онтологически обоснованной эстетической ценности объекта. Данный подход в определенной степени был подвергнут пересмотру и в рамках самого искусствознания, в частности, представителями венской школы искусствознания, варбургской школой, иконологией Э. Панофского.

Показательно, что одним из первых исследований, к которому отсылают сторонники «визуальной культуры» как нового междисциплинарного направления, является книга Майкла Баксандалла «Живопись и опыт в Италии пятнадцатого столетия» [5], опубликованная в 1972 г. В 50-е гг. Баксандал был слушателем Х. Зедльмайера в Мюнхене, а затем длительное время сотрудничал с институтом Варбурга в качестве исследователя и лектора. Развивая проект А. Варбурга, сотрудники института придерживались междисциплинарного подхода к произведению искусства как части культурного контекста эпохи, привлекая для анализа обширный материал, часто выходящий за рамки интереса традиционного искусствознания и эстетики. В своей работе, посвященной искусству эпохи Возрождения, Баксандалл также придерживается междисциплинарного подхода и обращается к широкому контексту социальной и культурной истории. Кроме того, он предлагает новый аналитический концепт «period eye» («взгляд эпохи»), выражающий идею историко-культурной обусловленности видения как психического процесса.

Значимым этапом в формировании нового проблемного поля стала также книга С. Альперс «Искусство описания: голландское искусство в семнадцатом веке» [3], благодаря которой был введен в научный оборот сам термин «визуальная культура». Данная работа, несомненно, является одной из ключевых для разработки понятия визуальной культуры. В то же время Альперс неоднократно указывала [13, с. 26], что данное понятие она позаимствовала у М. Баксандалла (с которым ее связывало длительное сотрудничество), хотя и вкладывала в него совершенной иной смысл. Кроме того, Альперс неоднократно выражала при-

© О.В. Беззубова

знательность Варбургскому институту и лично Э. Гомбриху (на тот момент директору института), а свое понимание проблем визуальной культуры возводила к А. Риглю. Хотя концепт визуальной культуры не получил однозначного определения в работах С. Альперс и М. Баксандалла, он был с энтузиазмом воспринят последующими поколениями исследователей.

Принципиальным моментом концепции Альперс является оппозиция образ/текст, то есть различие между визуальной и вербальной практиками. Объясняя причины своего интереса к проблеме визуальной культуры, Альперс отмечала, что в исследовании, посвященном голландскому искусству, она столкнулась с необходимость рассматривать живопись как часть широкого культурного контекста, то есть сконцентрироваться на самом представлении о видении, а также устройствах для производства изображений (микроскоп, камера-обскура), визуальных техниках (практиках картографии, научного эксперимента) как культурных источниках художественной практики. Причем главным открытием стал тот факт, что в голландской культуре раннего Нового времени образ, противопоставляемый тексту, являлся центральным элементом формирования представления о мире. Это позволило отказаться от традиционной интерпретации произведений голландского искусства на основе морального дискурса и проанализировать визуальное как особый способ репрезентации знания.

С началом 70-х гг. XX в. также связывают появление такого значимого для формирования современной теории визуальной культуры направления, как «новая история искусства». Данным термином обозначают многочисленные исследования, ставившие своей целью интерпретацию художественных произведений с точки зрения их социальной функции. Историки современного искусствознания отмечают, что количество подобных публикаций значительно выросло после 1968 г., чем и обусловлена политическая ангажированность новой теории. В этот период историки искусства нового поколения начинают обращаться к философскому осмыслению идеологии, поэтому ключевыми авторами, оказавшими влияние на формирование нового направления, являются Р. Барт, М. Фуко, П. Бурдье, Ж. Лакан, Г. Дебор, а также представители так называемой «критической теории», в первую очередь В. Беньямин.

Проблемы, заявленные «новой историей искусства», во многом выходили за границы традиционного предмета искусствознания. Их решение предполагало введение новых методов, заимствованных, в первую очередь, у таких дисциплин, как семиотика, лингвистика (нельзя не отметить значение так называемого «лингвистического поворота» и его следствия – структурализма во всех областях социогуманитарного знания этого периода), социология, антропология (и особенно культурная антропология), психонанализ. Кроме того, «новая история искусств» и визуальная культура в целом начинают применяться в качестве критического метода в таких областях, как гендерные и особенно феминистские исследования, постколониальные исследования, исследования национальной и культурной идентичности и т.п. Полноценное описание этих областей невозможно без обращения к образной структуре культуры, осмысления образа как носителя идеологии, вследствие чего на данном этапе развития «новая история искусства» по сути представляла собой его социальную историю. При этом, данная проблемная область, в силу поставленных задач, требовала междисциплинарного подхода.

Поскольку «новая история искусств» рассматривалась как усовершенствование или даже альтернатива традиционному искусствознанию, в более узком смысле – истории искусств, то методологические основания новой дисциплины наиболее активно обсуждались в 80-90 гг. именно представителями данной научной области. Французский искусствовед Р. Мишель [9, с. 535] даже предлагает термин «не-история искусства» (non-histoire de l'art), для обозначения нового подхода, основанного на диалоге между философами, семиотиками и антропологами, открывая тем самым новые возможности интерпретации произведения искусства, переосмысление его значения в контексте современной культуры. При этом отвергаются представления об истории, как об объективной дисциплине (поскольку само понятие «исторической истины» трактуется как «разрушительное заблуждение») и традиция «знаточества» (connoisseurship), «наивного эмпиризма», на которой основывалась «классическая» история искусства [9, с. 534]. Активно обсуждался также вопрос об академическом статусе визуальных исследований и визуальной культуры и их возможном месте в системе социогуманитарных дисциплин и университетского образования.

Социальная направленность «новой истории искусства» привела к необходимости поиска новых методов, не свойственных традиционной истории искускусства. В качестве перспективной методологии стали рассматривать, в частности, семиотику как науку о знаках и значениях. Семиотический подход предполагал трактовку любого феномена культуры, в том числе произведения искусства, как непрерывного процесса означивания и по-

следующей интерпретации, считывания значений. Возможности применения данного подхода в визуальных исследованиях были во многом подготовлены самим развитием искусствознания в XX в., в частности, работами уже упоминавшихся А. Ригля и Э. Панофского, чей метод оказался созвучным основным положениям науки о знаках, восходящим к трудам Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса. Значительное влияние на формирование данного направления в рамках «новой истории искусств» оказал также М. Шапиро, поставивший вопрос о семиотике визуального, в частности, в работе «Некоторые проблемы семиотики визуального искусства» [2]. Отметим также, что применение семиотического подхода порождало и ряд новых проблем, в частности, вызванных тем, что так и не было выработано единого мнения относительно того, что является означающим, картина в целом или ее отдельные элементы, какие механизмы означивания применительно к визуальному образу можно выделить, возможно ли установить однозначную границу между семиотическим и миметическим и т.п. Значимыми дискуссионными вопросами в рамках семиотического направления также является проблема полисемичности образа, невозможность однозначной интерпретации визуальных знаков, значение исторического контекста, роль инстанций автора (адресанта) и зрителя (адресата) в процессе семиозиса. Однако, как отмечают Н. Брайсон и М. Бал, значение семиотических методов в искусствознании заключалось, в первую очередь, в их антипозитивистской направленности, заставившей пересмотреть ряд традиционных практик истории искусства как академической дисциплины [4, с. 174], что стало еще одним ударом по господствовавшим в традиционном искусствознании «метафизическим» концептам (таким как «стиль» и «художественная ценность») и привело к пониманию функции произведения как репрезентации социальных и идеологических смыслов. При этом под влиянием структуралистской концепции «смерти автора» центр исследовательского интереса оказался смещен к области исследования анонимных смыслопорождающих механизмов. В качестве примеров, иллюстрирующих новый подход к проблеме визуального, можно упомянуть работы Т. Дж. Кларка [8], Н. Брайсона [7], Г. Поллок [12], помимо использования семиотического и структуралистского методов также имеющих ярко выраженную социальную направленность.

Социальная и политическая ориентированность «новой истории искусств» с неизбежностью привела к необходимости расширения круга потенциальных предметов исследования, то есть к необходимости отказа от элитарной модели искусствознания, построенного на представлении о художественной (эстетической) ценности, тем самым поставив под вопрос само существование данной дисциплины, что вызвало обеспокоенность академического искусствознания и спровоцировало ряд дискуссий [9; 13].

Более того, под угрозой оказался и сам концепт произведения искусства как носителя особых онтологических характеристик. Как отмечает С. Бак-Морсс, «производство дискурса визуальной культуры влечет за собой уничтожение искусства, такого, каким мы его знали, поскольку в рамках подобного дискурса искусство больше не может претендовать на самостоятельное существование ни как практика, ни как феномен, ни как опыт, ни как дисциплина» [13, с. 29]. Таким образом, введение в научный оборот новых концептов для обозначения таких междисциплинарных областей, как «визуальные исследования» и «визуальная культура», было связано с необходимостью обозначить новое проблемное поле.

Основное отличие между искусствознанием и визуальной культурой виделось в том, что первая концентрировалась вокруг «ауратического» (в том смысле, которое придавал этому термину В. Беньямин [1, с. 26]) произведения искусства, тогда как вторая была ориентирована на все проявления визуального в культуре. Таким образом, для визуальных исследований характерно расширение (по сравнению с историей искусств) сферы внимания: в поле исследовательского интереса попадают все образы (а не только художественные, эстетически значимые), а также процессы их производства, трансляции, интерпретации и т.п. Кроме того, для визуальных исследований характерно иное, позаимствованное у современной философии представление о субъективности. По мнению некоторых экспертов [13, с. 40, с. 57.], предметом визуальных исследований является не объект, а субъект, рассмотренный во всем многообразии культурных значений. Субъективность же (также как и эстетическая ценность) утрачивает свои онтологические основания, рассматривается как результат воздействия различных, в первую очередь, властных стратегий. Соответственно визуальные исследования стали трактоваться в первую очередь как критическая теория (в противовес истории искусств, понимаемой как «знаточество», эрудиция), вскрывающая идеологическое содержание визуальной составляющей в культуре. В этом контексте все более пристальное внимание стали привлекать такие практики производства и трансляции образов, как кинематограф и фотография, телевидение и видеопродукция, печат-

ные иллюстрированные издания, новые цифровые технологии. Предметом исследовательского интереса становятся такие визуальные практики, как реклама, дизайн, мода, теле- и видео- продукция, цифровые технологии, техники модификации тела, иными словами, массовая культура в целом. При этом в центре внимания оказалась проблема технически воспроизводимых изображений и проблема их носителя – медиума.

Одним из основополагающих текстов современной медиа-теории считают эссе В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) [1]. В данной работе Беньямин, возможно, впервые указывает на ряд теоретических вопросов, стоящих перед современными культуральными исследованиями. В том числе, он отмечает не только самостоятельное место, занимаемое в культуре XIX - XX вв. техническими средствами репродукции, но и отмечает их способность оказывать влияние на чувственное восприятие человека. Обращаясь к кино и фотографии, он постулирует изменение всего характера визуальной культуры, а также ее функций. Кроме того, Беньямин осознает мощный идеологический потенциал, заложенный в новых медиа. Осмысление роли носителя – медиума и средств массовой коммуникации – медиа в визуальных исследования привело к постановке ряда новых вопросов и, в частности, проблемы «развоплощенного образа» (disembodied image), то есть образа, воспринимаемого и рассматриваемого независимо от его материального носителя.

В то же время, в полном соответствии с постструктуралистскими тенденциями современного философского дискурса, когда была осознана несостоятельность попыток построить социогуманитарное знание по образцу наук о языке и знаковых системах, проблема визуальной культуры приобретает новое направление, связанное с обращением к теме телесности, в том числе в социальном взаимодействии. В этот период на первый план визуальных исследований выходят такие проблемы и концепты, как «взгляд» (gaze), надзор (survellance), зрелище (spectacle), скопические режимы (scopic regimes), оптическое бессознательное (optical unconscious). Ключевыми авторами, по-прежнему, остаются М. Фуко, Ж. Лакан, Г. Дебор, но к данному списку следует добавить имена Ж. Деррида, Ж. Делеза, П. де Мана и др. Акцент смещается с выявления и интерпретации идеологических и культурных смыслов к проблеме видения как такого. Характерной чертой новой волны визуальных исследований становится обращение к проблеме невыразимого, отказ от трактовки образа как семиотической системы, осознание того, что визуальное не может быть полностью редуцировано к вербальному. Это направление представляет разительный контраст по отношению к доминировавшим в области визуальных исследований дисциплинарных парадигм – социальной истории, культурной антропологии, гендерных исследований, исследований политики идентичности и т.п. Поиск новых оснований для визуальной культуры получил именование «пикториального поворота» или «иконического поворота» и связан с именами таких (в первую очередь европейских) исследователей, как Х.-У. Гумбрехт, Ж. Диди-Юберман, Ж.-Л. Марьон, Х. Белтинг, а также У. Дж. Т. Митчелл, Дж. Элкинс, М. Джей и др. Центральными проблемами становятся проблемы видения, опыта, присутствия, фантазма, фасцинации. В качестве теоретического основания характерно обращение к традиции герменевтики (Х. Гадамер), феноменологии (Э. Гуссерль, Ж.- П. Сартр, М. Мерло-Понти), фундаментальной онтологии (М. Хайдеггер).

Таким образом, проблемное поле «визуальной культуры», начиная с 70-х гг. XX века, то есть периода концептуализации новой междисциплинарной области исследования, претерпевает ряд изменений. Отметим, что эти изменения в целом соответствуют тенденциям развития философской мысли XX в.

Первый этап (нач. 70-х гг.) связан с преодолением традиции классического искусствознания и отвержения онтологических оснований эстетической теории. Данный этап можно обозначить как обращение к проблемам социальной истории.

Второй этап (нач. 80-х гг.) связан с заимствованием новейших достижений наук о языке и литературоведения, семиотизацией визуальной культуры. Данный этап характеризуется преобладанием структуралистской установки, стремлением выявить анонимные смыслопорождающие структуры.

Третий этап (90-е гг.) – можно охарактеризовать как «пикториальный поворот». Он связан с появлением нового «онтологического запроса», попытками осмыслить образ как единое целое, отказавшись от противопоставления медиума и значения. В рамках данного периода особое внимание уделяется тому, что не может быть прочитано, ускользает от возможности семиотической интерпретации, тому, чему нельзя дать определение. Таким образом, это направление представляет контраст по отношению предшествующим этапам. В наиболее радикальном варианте сторонники данного направления полностью отрицают значимость семиотики, заявляя о возможности непосредственного доступа к реальному помимо языка. Как отмечает К. Мокси [11, с. 131-132], фокус современных исследований сместился в сторону осмысления «присутствия» визуального объекта, его

пониманию как «презентации», а не репрезентации. Важное значение вновь приобретает понятие «аура», непосредственность данности объекта во времени и пространстве. Для этого периода характерна также критика доминирования визуального опыта в европейской культуре Нового времени (так называемая «критика окулярцентризма»).

В заключение отметим, что несмотря на наличие указанных разнонаправленных тенденций, характеризующих формирование области визуальных исследований во второй половине XX в., в настоящее время в зарубежном гуманитарном знании представлены все перечисленные направления и проблемы. Отметим также, что само понятие «визуального» на данный момент остается непроясненным и нуждается в дальнейшей проработке.

Библиографический список

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15 – 65.
2. *Шапиро М.* Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средства создания знака-образа. Искусствометрия: Методы точных наук и семиотики. М.: ЛКИ, 2007. С. 136 – 163.
3. *Alpers S.* The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century. London: John Murray / University of Chicago, 1983. 302 p.
4. *Bal M., Bryson N.* Semiotics and Art History. The Art Bulletin. Vol. 73. - № 2 (Jun., 1991). Pp. 174 – 208.
5. *Baxandall M.* Painting and experience in fifteenth-century Italy. A primer in the social history of pictorial style. Oxford; New York: Oxford Univ. Press. 1989. 183 p.
6. *Bryson N.* Vision and Painting: the Logic of the Gaze. New Haven: Yale University Press, 1983. 192 p.
7. *Bryson N.* World and Image: French Painting of the Ancien Regime. New York: Cambridge University Press, 1981. 300 p.
8. *Clark T.J.* Image of the People: Gustave Courbet and the 1848 Revolution. Berkeley: University of California Press, 1999. 208 p.
9. Inter/disciplinarity. C. Ginzburg, J.D. Herbert. W.J.T. Mitchell, Th.H. Reese, E. Handler Spitz . The Art Bulletin. Vol. 77. № 4 (Dec., 1995). Pp. 534 – 552.
10. *Moxey K.* Semiotics and the Social History of Art. New Literary History. Vol. 22 - №4 (Autumn, 1991). Pp. 985 – 999.
11. *Moxey K.* Visual Studies and the Iconic Turn. Journal of Visual Culture. Vol. 7 (2). Pp. 131 – 146.
12. *Parker R., Pollock G.* Old Mistresses: Women, Art and Ideology. New York: Pantheon, 1981. 184 p.
13. Visual Culture Questionnaire. S. Alpers, Apter E., Armstrong C. , Buck-Morss S., Conley T., Crary J., Crow Th., Gunning T., Holly M.A., Jay M., Dacosta Kaufmann Th., Kolbowski S., Lavin S., Melville S., Molesworth H., Moxey Keith, Rodowick D.N., Waite G., Wood Ch. October. Vol.77 (Summer, 1996). Pp. 25 – 70.

O.V. BEZZUBOVA

VISUAL CULTURE AND VISUAL TURN IN CULTURAL STUDIES IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

The article deals with the emergence of new interdisciplinary research field in cultural studies of the XX century. The article presents a brief outline of the essential period in visual studies genesis, gives a brief survey of the essential theoretical and methodological issues connected with the conceptualization of the new research's object – visual culture. Particular attention is given to the problem of relation between visual studies and such traditional academic discipline as the history of art.

Key words: ***visual turn, visual culture, visual studies, image, new art history, pictorial turn.***

О.Б. ГЛАДКОВ
аспирант кафедры философии и истории Орловского государственого аграрного университета
E-mail: gladkoff.oleg2010@yandex.ru
Тел. 8 919 206 25 63

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АРХАИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

В статье исследуется традиционализм как одно из проявлений архаизации современного общественного сознания россиян вследствие социокультурного кризиса. Анализируются причины сохранения древних культов, верований, традиций, способов мышления в российском обществе. Рассматривается проблема модернизации традиционных обществ, необходимая для преодоления культурных барьеров и конфликтов с другими культурами.

Ключевые слова: ***традиционализм, традиция, традиционное общество, архаизация, аномия, социокультурный кризис.***

Цель данной статьи состоит в выявлении предпосылок и причин архаизации некоторых сторон жизни российского общества. Особое внимание при этом уделяется обсуждению феномена традиционализма.

Элементы давнего прошлого, традиции в частности, в различных формах присутствуют в жизни современного общества. В условиях социокультурного кризиса эти элементы выходят на авансцену общественной жизни. Так, например, и в наши дни традиции могут помочь осуществлению самоидентификации личности в социуме. Они помогают человеку идентифицировать себя с социальной группой, этнической или национальной общностью, а также чувствовать себя носителем определенной культуры.

Кризис идентичности, как известно, происходит в ситуации, когда общество переживает состояние аномии. Ввиду размытости ценностей и норм индивидуум в это время находится в ситуации неопределенности. Преодолеть эту неопределенность может помочь обращение к древним пластам культуры: традициям.

«В отечественной философской мысли можно выделить два понимания традиции. В одном понимании грань между традициями и новациями является условностью: они выглядят как две диалектические стороны (уходящего и приходящего) бесконечно эволюционирующего, модернизующегося порядка вещей. Во втором понимании традиции – это сложная структура, в которой динамический элемент внутренне связан с изначальным ядром»[1].

Отметим, что традиции сохраняются ввиду того, что они являются транслятором жизненного опыта предыдущих поколений последующим. Э. Гидденс утверждал, что «мнение о том, что традиции не подвластны переменам – это просто миф. Традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Если можно так выразиться, они все время изобретаются заново. Конечно, некоторые традиции, например те, что связаны с великими религиями мира, существуют уже много столетий» [5, с. 57]. Традиции по своему содержанию в большей мере пронизаны иррациональным, они апеллируют к трансцендентному. Традиции сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Индивидуумы, ведущие образ жизни согласно традициям, редко выступают за их рамки, слепо придерживаются определенных ограничений и запретов, и с ними трудно наладить конструктивный диалог представителям иных культур. Для этих граждан традиции являются важнейшей детерминантой их повседневной и общественной деятельности, мировоззрения, внедрение же инновационных технологий воспринимается ими как угроза. Характеризуя современную эпоху, Р. Генон писал, что «специфически современное мировоззрение действительно полностью тождественно мировоззрению антитрадиционному» [8, с. 17]. Российский мыслитель А.Г. Дугин также апеллирует к традициям. Далее он утверждает, что «именно холистский подход является осью традиционного мира, основой сакрального переживания бытия» [6, с. 57]. Основываясь на данных положениях, мы можем говорить, что для традиционалистов следование духу традиции – это и есть динамичное развитие социума. Но, на наш

1 Богданов, А.В. К пониманию традиции и традиционализма в западной и отечественной политико-философской мысли. Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. С. 96.

© О.Б. Гладков

взгляд, попытки сделать основой жизни социума традиции без учета специфики и уровня развития современного общества могут породить конфликты.

В условиях системного социокультурного кризиса существенным изменениям и трансформации подвержено также общественное сознание. Оно может стать ситуативным, фрагментарным и не способным адекватно воспринимать социальную реальность. Кроме этого, в общественном сознании может возникнуть инверсия, которая дезорганизует его рациональное начало. И в наши дни нарастает процесс иррационализации общественного сознания. Этот процесс проявляется в усилении религиозности, в следовании людей различным внеразумным рекомендациям, в вере в пророчества и т.п. В связи с этим мы утверждаем, что происходит архаизация, рассматриваемая как одна из форм иррационализации общественного сознания. Ч.К. Ламажаа пишет, что «особое значение проблема архаизации общества приобрела для России, пережившей крутые повороты вектора своего развития в течение века» [9, с. 45]. Действительно, Россия пережила драматические и трагические моменты в своем развитии. Переломными моментами послужили Февральская и Октябрьская революции 1917 г., распад СССР и последовавший за этим социокультурный кризис.

Несомненно, в кризисной ситуации активизируются различные деструктивные организации, группы, имеющие корыстные и сугубо прагматические цели. В монографии О.А. Кармадонова и В.В. Кобжицкого указывается, что «наиболее серьезной и драматичной формой социального кризиса являются общественные бедствия, представляющие собой глубокие и драматичные социальные потрясения, воздействующие на все сферы жизни общества. Для того чтобы диагностировать состояние социетального бедствия необходимо проанализировать состояние ключевых, витальных систем жизнедеятельности социума» [7, с. 31]. Одним из последствий социокультурного кризиса может стать архаизация. Усилившийся интерес граждан к протерелигиям, таким как анимизм, тотемизм, фетишизм, антропоморфизм, к забытым культам и обычаям прослеживается и сегодня. Архаизация в России затронула, можно сказать, все сферы жизни общества. И в этом случае возникает опасность деградации рационального в человеке, выступающего своеобразным фильтром при выборе способов постижения бытия, образа жизни и действий, моделей поведения. Итогом может стать активизация традиционных представлений, убеждений, взглядов и оценок в сознании россиян, которые впоследствии начнут определять их умонастроения.

Для выявления истинной причины этих проявлений кратко раскроем здесь содержание понятия архаизация. В узком смысле слова, архаизация – это возвращение к первоначалу, истокам. Разум в такой ситуации обращен к более упрощенным паттернам поведения, мышления и мироощущения. В частности, резкая вспышка агрессии, насилия будет способствовать реализации различных интересов противоборствующих групп. Рациональность для “архаического сознания” – это труднодостижимый идеал, поскольку господствующий синкретизм, обращенность в прошлое и древние нормы и ценности являются для него основополагающими. В широком смысле слова архаизация понимается как процесс и социальный феномен, обуславливающий тесную связь с прошлым, возврат к древним нормам, обычаям и ценностям, бросающий вызов динамично развивающимся обществам, а также изменяющий общественное сознание в сторону иррационализма, традиционализма и деструктивности. Российский философ А.С. Ахиезер указывает на то, что «архаизация является результатом следования субъекта культурным программам, сложившимся в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающих сегодня возросшей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает, таким образом, как форма регресса, как переход к программам деятельности доосевой культуры» [1, с. 90]. А.С. Ахиезер говорит также, что «архаизация связана с переходом к массовому социальному поведению, к массовой деятельности» [1, с. 93]. А.М. Поморцева в связи с этим пишет, что «архаизация сознания в переходные эпохи есть закономерный, не всегда осознаваемый ответ на вызовы цивилизационного процесса» [12, с. 47].

Альтернативой для кризисного сознания могут выступить архаические культы, древние религиозные верования, давние обычаи и традиции. В кризисной ситуации разуму трудно преодолевать “атаки” бессознательных импульсов, и они постепенно могут потеснить его. Иррационализированное сознание будет также стремиться найти некое первоначало, которое будет детерминировать его дальнейшую деятельность. Архаизация проявляет себя в полной мере в обществах, переживающих смуту, революции, безвластие, десекуляризационные процессы. Первобытные, архаические культы, по сути, – это очень древний пласт культуры, который может уживаться в современном мире, особенно в повседневной жизни человека. И в настоящее время различные религиозные организации, объединения, группы часто обращаются к архаическим

культам в своей деятельности. Указанное обстоятельство связано с усилившейся религиозностью в России. В связи с этим, А.В. Матецкая пишет о том, что «специфика постсекулярной эпохи заключается в том, что религия вновь выходит из своей изоляции и начинает все более активно вмешиваться в те сферы, которые ещё недавно считались полностью секулярными. (Следует отметить, что религия не только вновь демонстрирует претензии на социальное и культурное влияние, но и сама вынуждена учитывать влияние со стороны других институтов: в частности, осваивать новые методы привлечения сторонников, новые формы «работы» с паствой)» [11, с. 3]. «Именно к России термин «постсекулярное общество» применим почти без всяких оговорок. В отличие от Запада российское общество пережило радикальное изменение в отношении к религии» [11, с. 5]. Обновление и возрождение религиозных культов в России приобретает массовый характер. И, кроме того, религиозные организации активно стали использовать передовые технологии для общения со своими адептами, для проповедей и привлечения в свой стан новых последователей.

Одним из проявлений архаизации является традиционализм. Традиционализм можно понимать как систему взглядов, направление, признающее примат традиций, традиционного образа жизни, мысли и действия. Традиционализму не присущи плюрализм, динамика, инновации, зато для него характерны статика, культ предков, древние заповеди и каноны, чтимые людьми как святыни. В традиционном обществе сохраняются элементы архаического мировоззрения. В.Н. Финогентов отмечает, что «архаическое мировоззрение – это мировоззрение, которое было свойственно архаическому (древнему) обществу, просуществовавшему, по крайней мере, десятки тысяч лет» [14, с. 44]. В сознании россиян также прослеживаются черты архаического мировоззрения. Их актуализация способствует росту напряженности не только внутри российского общества, но и между представителями различных культур. Традиционализм многомерен, и его влияние на современную культуру может усилиться. Для характеристики современной эпохи наиболее адекватно понятие «неотрадиционализм». По сути, данное понятие отражает попытки и стремление некоторых индивидов, социальных групп, общностей возродить и дать «новую жизнь» древнейшим обычаям, культам, верованиям. Это детерминируется планомерной критикой современного общества, неспособностью многих наших современников к интеракции, диалогу с представителями иных социокультурных общностей.

Для современной России характерна апелляция к прошлому, его идеализация, вследствие этого идет неприятие существующей социально-политической ситуации в стране и нового общественного строя. Указанная тенденция порождает конфликты в российском обществе и открывает возможность для усиления позиций неотрадиционалистов. Их мировоззренческая позиция не принимает инновационного подхода к развитию. Неотрадиционалисты говорят, что традиция – это первооснова человеческого бытия и деятельности, что благодаря традиции осуществляется духовное и культурное возрождение, преемственность поколений. И в подтверждение данному суждению в статье С.А. Мадюковой и Ю.В. Попкова говорится, что «традиция приобретает также возрастающую значимость в установлении идентичности отдельного человека и конкретного локального сообщества, его социокультурного отличия от других подобных сообществ. А это отличие коренится, прежде всего, в истории, в прошлом. Именно через традицию чаще всего осуществляется обращение к прошлому» [10, с. 27]. Указанные авторы пишут, что «неотрадиционализм – это тоже процесс следования традиции, однако обладающий иными характеристиками. Уже этимология слова неотрадиционализм предполагает, помимо собственно традиции, также определенную новизну, новацию. Неотрадиционализм представляет собой процесс непрерывного воспроизводства традиции и ее видоизменения, адаптации к современным условиям» [10, с. 30].

Соотношение рационального и иррационального в неотрадиционалистских представлениях, конечно же, склоняется в пользу иррационального. Но здесь уже идет рациональный выбор соответствующих традиций, и они планомерно внедряются в сознание социальных групп, обществ. Разум служит лишь иррациональным импульсивным проявлениям сознания традиционалистов, которые осуществляют соответствующий образ жизни. Для индивидов, придерживающихся позиций традиционализма/неотрадиционализма, характерен традиционный тип социального действия. М. Вебер писал, что «чисто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию, находится на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием» [4, с. 628]. Нередко социальные действия индивидов, придерживающихся вышеуказанных позиций, могут нести фундаменталистский, иногда даже агрессивный характер. Ускоренное изменение современных обществ не может, на наш взгляд, принять в качестве основополагающей детерминанты неотрадиционалистские убеждения.

В настоящее время остро стоят вопросы о мо-

дернизации традиционных и посттрадиционных обществ и об их взаимодействии с современным постсекулярным информационным обществом. Резкие сдвиги в развитии мира ставят проблему взаимоотношения высокоразвитых стран и стран развивающихся. Обществам, где еще сохраняются пережитки феодализма, первобытнообщинного строя, власти традиций, трудно встать на путь модернизации и динамичного обновления культурных форм, сохраняя свою уникальность и идентичность. Усложнение мировых процессов влечет за собой новые горизонты, ориентиры, но в то же время, несет новые задачи и трудноразрешимые проблемы. Попытки традиционных и посттрадиционных обществ использовать изобретения, технологии Запада и при этом сохранить свой жизненный и культурный уклад, пропагандировать его в остальном мире, вызывают противодействие. В России веяния традиционализма идут по нарастающей шкале, вступают в конфликт с официальной наукой и способствуют десекуляризации российского общества.

«Современный тип социальной жизни сложился в результате разрыва с традиционными нерефлексивными способами организации общества, которые формируют у людей, находящихся под властью традиции, восприятие существующего положения вещей как естественного»[2]. Современное общество может быть охарактеризовано как общество потребления. Такая модель может вполне быть применима и к России. Л. Бевзенко пишет, что «потребление становится особой культурной формой. Супермаркеты объединяются с центрами проведения досуга, что превращает такие комплексы в места проведения семьей своего свободного времени. При этом стиль жизни оказывается основным механизмом внедрения, трансляции и закрепления потребительских установок, поскольку посредством стиля жизни обеспечивается габитуальное присутствие этой установки, ее воспроизводство в повседневных непрерывных практиках» [2, с. 78]. Общество потребления вносит значительные изменения как в деятельность социальных институтов, так и отдельных граждан. Меняется стиль, способ мышления, взаимоотношения внутри общества, способы взаимодействия между социальными группами. Наблюдается стирание культурных и этнических различий, преобладание массовой культуры ввиду того, что потребление носит общемировой характер. Локальные культуры постепенно вовлекаются в процесс потребления. Автохтонное население, являющееся носителем данной культуры которое задействовано в процессе потребления, будет воспринимать формы и образы массовой культуры, теряя при этом свое своеобразие. Традиционализм для таких обществ – это сохранение традиций, обычаев и устоев, на которых они зиждутся. Нередко эти общества вступают в конфликт с остальным миром. Для современного типа социальной жизни характерны открытость, диалог, сотрудничество, взаимодействие в различных областях и стремительное развитие. Попытки некоторых социальных групп апеллировать к традициям и акцентировать на них внимание вносят в общество противоречия. Такие попытки ведут общество назад, к прошлому и могут рассматриваться как демодернизационные процессы.

2 Сидоров, А.М. Воображаемое и реальное в посттрадиционном обществе. Культура на рубеже XX – XXI веков: глобализационные процессы. СПб.: Нестор-История. 2009. С. 158.

Библиографический список

1. *Ахиезер А.С.* Архаизация как категория общественных наук (на опыте России). Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 1. С. 90-93.
2. *Бевзенко Л.* Стили жизни переходного общества. К.: Институт социологии НАН Украины, 2008. 144 с.
3. *Богданов А.В.* К пониманию традиции и традиционализма в западной и отечественной политико-философской мысли. Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 3.
4. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.: Издательство “Весь Мир”, 2004. 120 с.
6. *Дугин А.Г.* Философия традиции. «Философия традиции». М., Арктогея-Центр, 2002. 624 с.
7. *Кармадонов О.А.* Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 175 с.
8. *Рене Генон* Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 17. 784 с. (Антология мысли).
9. *Ламажаа Ч.К.* Проблема архаизации общества. Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4.
10. *Мадюкова С.А., Попков Ю.В.* Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности. Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 27-30.

11. *Матецкая А.В.* Постсекулярная эпоха и российское общество. Культура и религия. 2011. № 3 03. С. 3-5.

12. *Поморцева А.М.* Цивилизационный разлом (вызов) и архаизация сознания человека (ответ). Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 61.

13. *Сидоров А.М.* Воображаемое и реальное в посттрадиционном обществе. Культура на рубеже XX – XXI веков: глобализационные процессы. СПб.: Нестор-История. 2009. 632 с.

14. *Финогентов В.Н.* Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 304 с.

O.B. GLADKOV

THE TRADITIONALISM AS A MANIFESTATION OF ARCHAISM SOCIAL CONSCIOUSNESS OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

In the article researches the traditionalism as one of the manifestations of the archaism of modern social consciousness of the Russians, because of socio-cultural crisis. The causes for the preservation of ancient cults, beliefs, traditions, ways of thinking in Russian society are analyzed. The problem of modernization of traditional societies, necessary to overcome cultural barriers and conflicts with other cultures is considered.

Key words: ***the traditionalism, a tradition, the traditional society, the arhaization, an anomie, the socio-cultural crisis.***

И.В. ЖЕЛТИКОВА
доцент кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета
E-mail: in_g@orel.ru
Тел. 8 961 622 26 90

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

В статье предлагается анализ российского общества и культуры рубежа XIX–XX веков. Автор исследует образы будущего, которые функционировали в это время. Выделяются наиболее распространенные в этот период образы, такие как: «новый социальный порядок», «новая духовность», «космос», «хаос», «торжество науки». Модели будущего рассматриваются в качестве описаний возможных миров, что позволяет указать на приоритеты в видении будущего российским обществом конца XIX начала XX века, раскрыть общий настрой по отношению к нему, оценить потенциал жизнеспособности культуры.

Ключевые слова: ***образ будущего, возможные миры, российская культура, социалистический идеал, либеральные ценности, новая духовность, космос, торжество науки, Л.Н. Толстой, П.А. Кропоткин, Д.С. Мережковский, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, Н.Ф. Федоров, А.А.Богданов, Н.А.Морозов, В.В. Розанов, А.И. Куприн, В.Я. Брюсов.***

В коллективном воображаемом [1] любого социума мы можем выделить комплекс идей, связанных с будущим. Эти идеи аккумулируют ожидания в области науки, техники, политики, экономики, культуры, религии, медицины и т.д. Можно сказать, что с позиции социального настоящего будущее представляется в виде картины завтрашнего дня, субъективно значимой для определенной группы. Такие представления, как правило, складываются в более или менее целостную модель, которую мы обозначим как «образ будущего». Данное понятие, на наш взгляд, целесообразно использовать для указания на умозрительную картину будущего, которая функционирует в рамках конкретного социума в определенный промежуток времени.

Зачастую, если речь идет о представлениях прошлого, образы будущего интересуют исследователей с позиции их прогностического потенциала, того, насколько представителям одного времени удавалось предвосхитить более поздние события. Или же, если речь идет об образах, формирующихся сейчас, ставится вопрос о проективных моделях, основной функцией которых является целенаправленная реализация будущего. Здесь предлагается несколько иной ракурс рассмотрения образов будущего, с учетом акцента их связей с социокультурной средой формирования.

Мы полагаем, что образы возможных событий коренятся именно в настоящем и конкретные их виды связаны с днем сегодняшним и вчерашним гораздо больше, нежели с тем, что может произойти. Поэтому представления о будущем могут служить одним из существенных параметров для характеристики интересующей нас социальной реальности. С этой позиции анализ образов будущего может быть полезен для обнаружения отношения современников к своему времени и обществу, раскрытия предельной полноты социального бытия. Для этого мы предлагаем рассмотреть образы будущего с позиции репрезентации ими возможных миров – состояний социума, альтернативных настоящему, но не противоречащих исходным условиям его бытия.

Основоположник семантики возможных миров Я. Хинтикка определяет их как «возможные направления развития событий» [2]. При этом он опирается на идеи Г.В. Лейбница о бесконечном множестве возможных миров, содержащихся в божественном разуме, и мысли И. Канта о релятивизме возможного по отношению к действительному. Концепт возможных миров в полной мере раскрывает свой потенциал по отношению к будущему. Будущее всегда являет множество альтернатив, его образует бесконечное количество возможных состояний, возможных миров. Такие возможные миры, запечатленные в образах будущего, не могут претендовать на реализацию во всей их совокупности, но именно в совокупности открывают границы мыслимого, а значит, и потенциально осуществимого в жизни. На это, в частности, указывает М.Н. Эпштейн, говоря, что «мыслимое возможно, поскольку его можно помыслить, и оно невозможно, поскольку его нельзя осуществить иначе, как в мысли» [3]. Возможность всегда богаче действительности, но вопрос в том, насколько одна действительность богаче возможностями, нежели другая. «Не все возможные миры равно важны для наших целей», [4] – замечает

© И.В. Желтикова

Хинтикка, и, соглашаясь с ним, мы хотим показать, как образы будущего, функционирующие в обществе, отражают приоритет в выборе возможного будущего. Анализ всего комплекса образов будущего послужит осмыслению предпочтений конкретной социокультурной среды в пользу тех или иных аттракторов.

В этой статье мы обратимся к прошлому России более чем вековой давности – рубежу XIX – XX веков и попытаемся проанализировать образы, в которых виделось будущее в этот период. Для рассмотрения вариантов будущего смена веков представляется нам оптимальным временем по нескольким причинам. Во-первых, календарная дата для европейского, исторически ориентированного сознания является поводом не только для подведения итогов прошедшего века, но и для активизации проектирования будущего. Во-вторых, в силу той же ментальной особенности на рубеже веков обостряется ощущение темпоральности, зависимости индивидуальной и общественной жизни от времени. Эта общеевропейская тенденция, безусловно, наблюдается и в России, где канун нового XX века инициировал размышления о будущем. Здесь мы не ставим себе целью выявить все образы будущего, присутствующие в российской культуре названного периода, или установить их иерархию. Мы попытаемся рассмотреть лишь те из них, которые нашли отражение в источниках разного вида и не связаны однозначно с какой-то одной социальной группой. Это должно помочь понять, как наши соотечественники кануна XX века относились к своему времени и культуре, обнаружить смысл ушедшей эпохи, ее нереализованные возможности и приоритеты в отношении к будущему.

Одним из самых востребованных в России рубежа веков был, пожалуй, образ **нового социального порядка.** По степени распространения в нем лидировали такие черты, как изменение государственного устройства в сторону конституализации правления, введения принципа выборности в институты государственного управления, изменение форм земельной собственности. К этой же группе можно отнести стремление к утверждению либеральных ценностей свободы слова, печати, собраний, изменению в сфере судопроизводства. Эти надежды на будущее мы встречаем в публицистических и философских произведениях, мемуарах и художественной литературе, политических проектах и партийных программах. Новый социальный порядок виделся в качестве будущего России практически всеми слоями населения, социальными и политическими группами. О нем писали члены правительства: С. Ю. Витте, П. Д. Святополк-Мирский, В.Н. Коковцев, П.А. Столыпин; философы и публицисты: Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л.Франк; будущий социальный строй нашел отражение в программах ведущих политических партий: РСДРП, Бунда, эсеров, кадетов; стал одной из популярнейших тем литературы.

К рубежу веков относится прочное утверждение социалистического и коммунистического идеала в качестве достижимой модели будущего. В зависимости от словоупотребления, идеи национализации промышленности, обобществления земельной собственности, введения уравнительного распределения, всеобщего бесплатного образования и медицинского обслуживания определялись различными авторами как «социалистические» (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, В.П. Воронцов, А.В. Пешехонов, П.Б. Струве М.И. Туган-Барановский, П.А. Кропоткин и др.) или «коммунистические» (Л.Д. Троцкий, Я. Новомирский, Л. Черный и др.). Примечательно, что названная модель обсуждалась как возможное будущее не только ее сторонниками, но и противниками. К критике социалистического образа будущего обращались Л.Н. Толстой, Л. Черный, А.А. Боровой, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, М.О. Гершензон, С.Н. Булгаков.

Другим распространенным вариантом будущего социального порядка был образ, связанный с анархическими идеями. Надежда на исчезновение в скором будущем государственной власти во всех ее проявлениях – от правительства до тюрем и бюрократического аппарата – объединяла политиков, философов, литераторов. Анархическими по существу являются идеи Л.Толстого, отрицающего участие в любых проявлениях государственной жизни: земских учреждениях, судопроизводстве, уплате налогов, работе на государственных предприятиях, исполнении воинской повинности и т.д. Как представляется писателю, само это «неделание» позволит государству исчезнуть в самом скором времени. «И потому на вопрос о том, какая будет жизнь без власти, без правительства? – пишет он в статье «Закон насилия и закон любви», – ответ может быть только одни – тот, что наверное не будет всего того зла, которое производит правительство: не будет земельной собственности, не будет податей,… не будет разделения народов,…не будет поглощения лучших сил народов на приготовление к войнам, не будет страха…» [5].

В этом же духе рисует будущее и теоретик русского анархизма П.А. Кропоткин, акцентируя внимание на экономической составляющей общества, «признающего за индивидуумом полную, ничем не

ограниченную свободу, … не допускающего никакого правительства, не употребляющим никакого принуждения, чтобы заставить человека работать» [6]. Анархическое общество будущего описывает в своих фантастических рассказах «Тост» (1906) и «Королевский парк» (1911) А.И. Куприн.

Общим во всех этих образах будущего была надежда на изменение отношений внутри государства, надежда на более совершенное государственное устройство, вплоть до его устранения. Это были позитивные образы, вдохновленные надеждой, а не страхом, образы, располагающиеся в модальности возможного, а порой и должного. В той или иной степени все картины будущего социального порядка создавались в противовес актуальному образу жизни России рубежа веков, их объединяло чувство необходимости и возможности перемен, наличия требуемых условий для их начала. Этот образ содержит картины будущего на ближайшие 10-20 лет.

Не менее распространенным был образ будущего, ориентированный на утверждение **новой духовности**. Так же как и предыдущий образ, он выстраивался в оппозиции к существующей ситуации. Перемены в сфере религии, общественной нравственности и индивидуальной морали представали в виде утверждения нового мировоззрения, которое приведет к кардинальным изменениям во всех сферах жизни. Три модели новой духовности мы встречаем в наиболее разработанном виде в проектах: «общего дела» Н.Ф. Федорова, «непротивления злу» Л.Н. Толстого и «нового религиозного сознания» З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского.

По мысли Федорова, изменить современные мировоззренческие установки способно осознание смерти как общего врага. Первоначально наиболее передовые люди: ученые, музейные работники, политики, религиозные деятели, даже военные – направят свою деятельность на разумную организацию природных явлений. Постепенно новая духовность охватит все человечество. Основная ее установка заключается в замене межполовой любви и любви родителей к детям на любовь детей к отцам. Именно осознание долга перед родителями конкретно, а шире – перед всеми предшествующими поколениями, должно инициировать новое отношение к природе, стремление к ее рационализации и устранению хаоса, крайним проявлением которого является смерть.

Новая духовность, в интерпретации Федорова, предполагает, что любовь из репродуктивной силы станет стимулом регенерации. Сознательное использование эротической энергии позволит успешно решать задачу воскрешения отцов. В достаточно отдаленной перспективе это приведет к абсолютному отказу от деторождения, в более приближенной – к положительному целомудрию как половому воздержанию. «Половой акт есть преступление (грех для признающих греховность), грех против самого знания и самого искусства, – пишет Федоров, – Человек в этом акте является орудием слепой силы; он не знает и не управляет ни тем, что предшествовало этому акту, ни тем, что последовало за ним» [7]. Рационализация мировоззренческих установок, очищение их от крайних проявлений эмоций должно будет способствовать прагматизации общественной жизни – отказу от роскоши и современной системы образования. Центром жизни нового общества Федоров видел кладбища, которые объединятся с музеями, библиотеками, научно-исследовательскими институтами. «Перенести школы к могилам отцов, к их общему памятнику, музею, значит пересоздать школы, – пишет Федоров. – Такое перенесение школ будет поворотом от города к полю…, кладбищенский музей будет расти, а запустением будут поражены жилища роскоши, которые будут превращаться в службы музея» [8]. Представления о будущем прочно связываются Федоровым с общечеловеческим проектом регулирования внешней и внутренней природы, базирующемся на новых духовных установках.

Л.Н. Толстой и его последователи связывали будущее с другой нравственной парадигмой – «непротивления злу». В работе «В чем моя вера» [9] Толстой подробно описывает духовный переворот, позволивший ему «понять истинный смысл» христианских заповедей. Их квинтэссенция заключается в требовании к каждому человеку раз и навсегда прекратить физическое участие во всяком зле, будь то зло ссоры, войны, любого насилия или зло государства. Толстой видит себя проводником истинного смысла Евангелия, защитником идеи самодостаточности добра, которое, не вступая в конфликт со злом, одним своим возрастанием в душах людей способно изменить мир. Он уверен, что подобный переворот совершится в скором времени с большинством его современников, что станет залогом переустройства жизни на принципах любви и нравственного самосовершенствования.

Отказ от насилия, в том числе как противодействия силе, видится Толстому единственно верным духовным ориентиром. При этом деятельная любовь понимается им в духовном плане, поскольку исключает какую-либо физическую помощь в сопротивлении властям, безнравственным людям, стихийным силам, кроме нравственного сочувствия и духовной поддержки. Как и Федоров, Толстой и его последователи, проповедуют целомудрие и воздержание от крайних эмоциональных проявлений,

надеясь, что «стоит людям стать на такую точку зрения, как карточный домик само собой завалится все, казавшееся таким величественным и могущественным – царство насилия» [10].

Сторонники нового религиозного сознания, и в первую очередь, конечно З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский, также ратовали за обновление духовных установок современного им общества, в частности предлагали свой проект преобразования христианства. Данная группа видела в будущем утверждение «Царства Третьего Завета», основанного на свободном общении человека-творца и Бога-творца. Возникновение Богочеловечества они связывали с единением Логоса и Космоса, первенством в Св. Троице такой ее «ипостаси», как дух-мать.

Двумя центральными пунктами нового мировоззрения Мережковский видел примат творчества и стремление к окончательной победе над смертью. Истинную творческую свободу человеку будущего даст непротиворечивое соединение в нем плоти и духа. Как и в двух предыдущих проектах новой духовности, в варианте Мережковского акцентируется вопрос пола. Личностью будущего он видит некое двуполое существо, сочетающее мужчину и женщину, обладающее лучшими качествами обоих: мужеством и мягкостью, умом и эмоциональностью, логикой и интуицией. Этот человек будущего в полной мере станет возможным только в Царстве Божьем, «в котором преображенные тела не имеют половых органов или сексуальных функций» [11]. В то же время Царство Божье трактуется сторонниками нового религиозного сознания не в мистической, а исторической перспективе, как реально достижимое состояние общества. Новая духовность позволит, по мнению Мережковского, осуществиться общественному преобразованию в духе анархизма. «Утверждение *новой религиозной безгосударственной общественности* и есть новое религиозное сознание...» [12].

Объединяет все эти картины будущего ощущение духовного застоя, пустоты, которое переживается русской культурой на рубеже XIX-XX веков. Однако неудовлетворенность религиозных потребностей, недостаток свободы, неясность творческих задач не привели современников к пессимизму в отношении к будущему. Эта ситуация послужила поводом к поиску новых ориентиров, которые в художественной сфере породили такие направления модернизма, как символизм, акмеизм, футуризм. Мировоззренческие поиски рубежа веков в целом следует признать продуктивными. Как выход из идейного тупика, предлагалось усилить духовную составляющую общественной жизни. Грядущие трансформации связывались с изменениями в отношении человека к самому себе, другим людям, природному миру. В нашем случае заметно стремление к утверждению универсального, можно даже сказать, тотального мировоззрения, по авторитетности сопоставимого с религией. Только такая духовная установка признается залогом позитивного будущего. Интересно и внимание к вопросам пола, обнаружившее себя в русской культуре на рубеже веков. Хотя согласие в необходимости изменений существующих отношений между мужчиной и женщиной и распадалось при более детальном рассмотрении на плюралистические варианты, в целом переосмысление традиционных отношений было начато.

Космический образ будущего был ориентирован на несколько более отдаленную перспективу, нежели два предыдущих проекта, но зато и касался не только России, но и всего мира. Центральной темой в нем предстает выход человечества за границы Земного шара. Конкретизация этих перспектив зависит от типа источников, отражающих картины будущего.

В работах ученых естествоиспытателей, таких как К.Э. Циолковский, Н.А. Умов, Н.Г. Холодный, В.И. Вернадский, А.И. Чижевский, мы встречаем размышления о практической стороне освоения космоса, о том, *как* человечеству оторваться от поверхности своей планеты, *каким образом* существовать в космическом пространстве и *с помощью чего* обустроить жизнь на иных планетах. Очевидно, что эти авторы уверены в скором выходе человечества в космос и стремятся уже на своем веку решить задачи, ожидающие человечество в будущем. Размышления естествоиспытателей – это по существу прогнозирование, опирающееся на данные физики, биологии, космологии, и во многих аспектах оправдавшее себя в реальном будущем.

У мыслителей, оперирующих скорее мыслительными абстракциями, нежели научными данными, таких как А.В. Сухово-Кобылин, Н.Ф. Федоров, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, выход в космос мыслился как преображение мира, движение к новому небу и новой земле, понимаемое в евангельском духе. Здесь будущее рисовалось как преобразование земной и космической природы, природы самого человека. В этот сидерический (звездный), в определении Сухово-Кобылина, этап своего становления человечество должно будет осмысленно и планомерно преобразовывать космос, а сам человек обретет способность к автономным полетам, в том числе и межзвездным. Этот образ вдохновляется уверенностью в приоритете интересов человека, в совершенстве его разума и духовных установок, в

том, что человек – не только царь природы Земли, но и всей Вселенной.

Наконец, наибольшей образностью отличаются картины будущего, создаваемые писателями-фантастами. На рубеже веков русская литература «осваивает» ближайшие к Земле планеты: Марс, Венеру, Луну; именно на них, как на экзотических территориях, разворачиваются традиционные приключенческие сюжеты. В романах П.П. Инфантьева и В.И. Крыжановской мы не встретим описания устройства межпланетных кораблей или самих космических перелетов, путешествие на другие планеты происходит здесь магическим путем, однако показательны сами попытки разработать идею выхода человека за границы земного пространства.

Действительным образом будущего космос предстает в произведениях, послуживших прологом отечественной научной фантастики: «Красная звезда» и «Инженер Менни» А.А. Богданова, серии рассказов «На границе неведомого» Н.А. Морозова. Так сложилось, что в литературном творчестве этих ученых тема космоса прочно соединена с идеями революционных открытий в науке и проектами социальных преобразований. Так у Богданова марсианская жизнь преподносится в качестве образца универсального светлого будущего. История Марса показывается как два идущих параллельно процесса: развития науки, позволяющей преобразовать природу, и роста самосознания и самоорганизации рабочего класса, приводящего в конечном итоге к установлению социального устройства, близкого к идеалу. Отдельная тема прозы Богданова и Морозова – описание научных открытий будущего, достижений в области техники, существенно улучшающих жизнь человека.

Интересно отметить, что даже в нарочито развлекательных романах «На другой планете» Инфантьева, «На соседней планете» Крыжановской встречи марсиан и землян не вызывают вражды, не заканчиваются взаимными столкновениями. Уже в самом начале отечественной космической фантастики космос предстает образом мирного будущего. Жители иных планет вызывают у рассказчика уважение (Богданов), удивление (Инфантьев), высокомерное пренебрежение (Крыжановская), но не страх. Это заметно отличает отечественную фантастику от западной и американской литературы, где в описании космоса утверждается модель «звездных войн», как это можно увидеть в книгах «Марс атакует» и «Война миров» Г. Уэллса.

Мы полагаем, что возникновение космической модели будущего было связано с изменением смыслового горизонта рассмотрения человечества широкими слоями общества. Если до середины XIX века понятие «человечество» было абстракцией, к которой обращались по преимуществу философы и политики, то с конца этого века понятие человечества входит в широкое употребление. Гораздо важнее, что политический контекст его использования стал заметно меняться, смещаясь в геополитическую сторону. Именно взгляд на человечество как на биологический вид в масштабе планеты, а на Землю как на единицу в масштабе космоса позволил допустить возможность выхода за границы привычной системы координат, поэтому в рамках космического будущего создаются не только образы полета человека в космос, но и варианты космической гармонизации природы планеты и природы самого человека.

В качестве самостоятельной темы размышлений о будущем нам представляется уместным выделить **тему хаоса** как ожидания разверзающейся бездны, страха перед потерей устойчивого, предсказуемого состояния общества, ощущения утраты определенности. В отличие от предыдущих образов, хаос отнюдь не доминирует в картинах будущего. Скорее этот тревожный мотив встречается в отдельных текстах, относящихся к различным типам источников. С позиции эмоциональной окрашенности, в ожиданиях хаоса можно различить негативный настрой, спектр которого колеблется от предчувствия опасности до ужаса перед концом всего, и относительно позитивный, в котором хаос выступает лишь преддверьем нового, еще неведомого состояния.

Ощущение угрозы мы встречаем, например, у одного из влиятельнейших государственных деятелей начала XX века П.Столыпина, который, по воспоминаниям его близких, предчувствовал надвигающуюся национальную катастрофу. При всем своем оптимистическом взгляде в будущее Л.Толстой опасался, что при современном подъеме патриотизма «настоящая, большая война всякую минуту может и должна начаться» [13].

Наиболее отчетливо ожидание внутри- и внешнеполитических потрясений, социальных беспорядков и разрушения социальных структур запечатлелось в эсхатологических образах. Так, в чистом виде эсхатологичны были ожидания раскольников Тираспольских хуторов Херсонской губернии в конце XIX века, о которых, в частности, пишет В.В.Розанов [14]. Такое, казалось бы, малозначительное с духовной точки зрения событие, как всеобщая перепись населения 1897 года, было расценена религиозной группой в качестве признака приближения конца света и Страшного суда. Этот вариант универсального религиозного ожидания отличало деятельное к нему отношение – массовые самоубийства.

Близки к религиозно-эсхатологическим были

и ожидания Вл.С. Соловьева, в конце жизни обратившегося к теме антихриста и апокалипсиса. Свои негативные предчувствия философ связывал с мировой войной и концом традиционного мира. Источником хаоса он видел милитаристский Восток, в первую очередь Японию. В стихотворении 1894 года «Панмонголизм» мы читаем: «О Русь, забудь былую славу: / Орел двуглавый сокрушен, / И желтым детям на забаву / Даны клочки твоих знамен…И третий Рим лежит во прахе, / А уж четвертому не быть». «Краткая повесть об антихристе» из последнего его произведения [15] начинается описанием нападения Японии на Китай, Россию, Европу, что служит прологом грядущего апокалипсиса.

Война, возможная в будущем, как сюжет пока только входила в литературу. Вполне оптимистичны и проникнуты духом «ура-патриотизма» романы А. Беломора «Крейсер “Русская надежда”» и «Роковая война 18??», написанные в конце 80-х гг. XIX века. В первом из них говорится о том, как в недалеком будущем Россия победоносно противостоит военной коалиции во главе с Англией, а славный крейсер успешно топит английские суда во всех частях мирового океана. В «Роковой войне 18??» основной агрессор Италия недальновидно посягает на российский Дальний Восток. Но Россия без особого труда побеждает итальянцев и их союзников: австрийцев, турок, – а в заключение еще захватывает Босфор и Константинополь. И совершенно иной образ войны-хаоса несет «Красный смех» (1904 г.) Л.Андреева как нарочито неотрефлексированное, экзистенциальное переживание всех грядущих войн XX века.

Страх перед наступающей неопределенностью нередко приобретал в литературе вид ожидания абстрактных социальных беспорядков. В «Творимой легенде» Ф.К. Сологуба, «Королевском парке» А.И. Куприна, «Республике Южного креста» и «В днях запустений» В.Я. Брюсова даны картины полного развала социального порядка. Бунты, погромы, драки, убийства, насилия, мародерство, массовые сумасшествия знаменуют собой не состояние переходного хаоса, подлежащего оформлению, а хаоса окончательного, хаоса как предвестника конца. В этих картинах будущего человек утрачивает свой облик, обнаруживая звероподобие, выливающееся во всеобщем разрушении.

Однако надвигающийся хаос внушал не только страх, но и надежду на обновление, изменение существующего течения жизни. Та же ожидаемая мировая война представлялась переходным временем, пережив которое, европейское человечество объединится и придет к более совершенному социальному порядку. С этой позиции изображает мировую войну, разруху и всемирный голод А. Оссендовский в романе «Грядущая борьба». Именно глобальный катаклизм приводит к краху мировое правительство и служит началом нового пути развития, предложенного группой гениев с острова «Побеждающей Мысли».

Тем более позитивно мог оцениваться хаос революции, признаваемой сторонниками социализма и анархизма неминуемым переходным этапом к новому социальному строю. «Хаос волен, хаос прав!» – выразил этот настрой В.И. Иванов. В монографии Б.Ф. Егорова «Российские утопии» хорошо проанализирована тема «мирового пожара», «очистительной огненной бури», активно осваиваемая отечественными поэтами начала XX века [16]. Автор показывает, как в первое десятилетие XX века огненный фон грядущих катастроф начинает наделяться положительным смыслом. К.Д. Бальмонт, Эллис (Л.Л.Кобылинский), В.И. Иванов, Ф.К. Сологуб, В.Я. Брюсов, А.А. Блок видят в нем пролог нового мира.

Можно заключить, что воссоздание будущего в образе хаоса, хотя и обозначилось достаточно четко на рубеже веков, сопровождающее этот образ чувство страха не было доминирующим отношением к будущему. За редким исключением даже те, кто предчувствовал надвигающуюся катастрофу, надеялись на положительное ее разрешение. Нам представляется, что смещение эмоциональной оценки образа хаоса в негативную сторону произойдет чуть позже, с началом Первой Мировой войны и приближением революций. Хотя и тогда останутся люди, жаждущие «мирового пожара».

Не были чужды России рубежа веков и просветительские идеи **торжества науки.** Может быть, надежда на ученого как социального преобразователя была в России чуть слабее, чем надежда на политического или духовного лидера, но она нашла воплощение в достаточно распространенном представлении о будущем, определяемом наукой. Интересно, что такой образ будущего был актуален не только и не столько для ученых. Утверждения о прямой зависимости будущей жизни от развития образования и науки мы встречаем в текстах философов, публицистов, литературных произведениях.

Как и в размышлениях о космическом будущем, в работах ученых-естествоиспытателей наука в свете будущего рассматривается с прагматической стороны. Главным образом, ученые размышляют о продуктивности развития в будущем тех или иных областей научного знания, прогнозируют появление в них определенных тенденций. Таковы, например, мысли Вернадского о значении для будущего человечества исследований руд урана, радия. «Учение

о радиоактивности… открыло горизонты возможностей, совершенно неожиданных и, казалось, навсегда для человечества закрытых, – пишет ученый. – Благодаря открытию явлений радиоактивности мы узнали новый негаданный источник энергии. <…> Попытки объяснить его вызвали следствия не менее крупного научного значения» [17]. И хотя здесь мы скорее имеем дело с размышлением о будущем науки, нежели о роли науки в будущем, сама интенция определяющего влияния науки на жизнь будущего задавалась, несомненно, учеными.

В более широком контексте рассматривает науку уже упоминаемый нами А.А. Богданов. Не только в литературных, но и в научных трудах он высказывал мысль о прямой взаимосвязи достижений науки с социальным прогрессом. В своих ранних научно-философских работах: «Познание с исторической точки зрения» и «Эмпириомонизм» – Богданов размышлял о корреляции научной теории с трудовыми отношениями в определенную эпоху. Подчиняясь общим закономерностям развития, наука выступает одним из двигателей социальной эволюции, преобразуя условия труда, его организацию, увеличивая степень осознанного участия людей в различных сферах жизни общества. Будучи предшественником системного подхода в науке, Богданов надеялся, что, может быть, не так скоро, как хотелось бы, но рано или поздно сама логика мирового развития приведет к освобождению труда, превращению его в свободный творческий процесс, что станет залогом счастливого общества.

Менее отдаленное будущее рисуют в своих рассказах электротехник-изобретатель В.Н. Чиколаев и инженер, популяризатор науки А.А. Родных, которых привлекают открытия в отдельных областях науки: электродинамике и туннелестроении соответственно. Ученые с воодушевлением ожидают серьезных улучшений быта людей от широкого введения в жизнь электричества, совершенствования средств передвижения.

Нельзя здесь оставить без упоминания и высказывания философов, ученых, общественных деятелей, относящиеся к проблеме школы вообще и высшего образования в частности. Такие мыслители, как С.Н. Трубецкой, В.В. Розанов, В.И. Вернадский, видели в сильной системе образования залог будущего развития. Если Вернадский делал акцент на значимости просвещения для государственной мощи, когда писал: «Каждая новая высшая школа увеличивает силу нации в научном творчестве, укрепляет национальную организацию в той области государственной жизни,… которая составляет основной элемент будущей мощи и силы государства» [18], то Трубецкой признавал за университетом прежде всего общественную миссию. Все авторы настаивали на необходимости для человека будущего не только практических, узкоспециальных знаний, но и широкого самостоятельного мировоззрения, что невозможно без автономных от власти и связанных с новейшими достижениями науки учебных заведений.

Но все же размышление о науке как социально преображающей силе – это удел философов и литераторов, именно они продуцировали целостные картины будущего, главной чертой которых являлось развитие науки. Мы уже писали здесь о проекте «общего дела» Н.Ф. Федорова, поэтому остается только напомнить, что «воскрешение отцов» виделось мыслителю отнюдь не мистически, а как результат развития науки. Первым шагом «общего дела» Федоров признавал победу над стихийными бедствиями: землетрясениями, ураганами, градом, засухой и проч., достигаемую в результате развития физики и метеорологии. Важнейшей предпосылкой регуляции природы выступало стирание различий между городом и деревней. На этом этапе, кроме проблемы голода, планировалось решить и проблему войны, т.к. человечество, объединившее свои усилия в развитии науки, не должно было иметь ни причин, ни времени враждовать. Второй этап «общего дела», имеющий целью непосредственное воскрешение предков, полагался возможным после очередных революционных открытий в науке, позволяющих воссоздавать тела, возвращая атомы, их составляющие, на исходные места. И уже как конечная перспектива мыслилось превращение Земли в огромный космический корабль, на котором «человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугою, экипажем» [19], направляющим движение этого космического тела.

Не менее грандиозную роль отводил науке в жизни будущего К.Э. Циолковский. Хотя нельзя сказать, что на рубеже XIX – XX веков его философская система уже сложилась в полной мере, однако в таких ранних произведениях (написанных до 1914 г.), как «Свободное пространство», «Воля вселенной», «Горе и гений», «Нирвана», мыслитель достаточно ясно выражает свое видение будущего. Признавая человечество одной из эволюционных ступеней мирового развития, Циолковский доказывает, что именно наука явится решающим фактором его грядущего совершенствования. Идеалом будущего для мыслителя выступали автотрофные существа, возникшие как гибриды животных и растений, чей бесстрастный разум направлен на познание последних тайн Вселенной, а автономность существования подразумевает отсутствие необходимости в обществе.

Характерно, что именно писатели поднимают

тему негативных последствий развития науки. Одни из них обращаются к проблеме гения и нравственности, персональной ответственности за последствия научных открытий, другие затрагивают более общую тему социальных последствий научных открытий.

В рассказе «Жидкое солнце» А.И. Куприн устами своих героев высказывает опасение относительно возможности военного использования открытий науки, выражает сомнение в доступности и полезности завоеваний науки для широких масс, не способных оторваться от полуживотного существования. Символично окончание романа: смелый эксперимент по «сжиганию солнечных лучей» завершается гигантской катастрофой. Неоконченный рассказ В.Я. Брюсова «Восстание машин» и ряд его нереализованных набросков рисуют печальную картину технического катаклизма будущего. Задолго до изобретения компьютеров писатель ставит проблему искусственного интеллекта, враждебного человеку. Угроза исходит от бытовых устройств: телефонов, осветительных приборов, дверных звонков и проч. Объединившись посредствам электрических проводов в подобие живого организма, техника вступает в борьбу за существование с человечеством. Фигура злодея будущего выводится в романе А. Оссендовского «Бриг „Ужас"». Безнравственный ученый, одержимый манией правителя Земли, похищает у коллеги плесень «пласмодий», используя ее как оружие в морской войне. Во всех этих произведениях наука играет в будущем не созидательную, а разрушительную роль. Так начинают развенчиваться просветительские идеи о том, что наука не может нести людям ничего, кроме пользы.

В целом же можно сказать, что образ будущего, связанный с торжеством науки, имеет в России рубежа веков амбивалентный характер. Но как надежды, так и опасения, связанные с наукой, в равной мере свидетельствуют о важности, которая отводится ей в будущем общественным сознанием. «Наш вех – XX век – есть век науки и знания, – пишет Вернадский. – С каждым годом, с каждым днем сила знания увеличивается во всех областях жизни, мысли, общественного, домашнего, государственного строительства… И нет сомнения, что великий исторический процесс только что начинается» [20].

В этой статье мы попытались выделить наиболее репрезентативные образы будущего, функционирующие в России в период последнего десятилетия XIX – первого десятилетия XX веков. В результате обозначилось пять альтернативных моделей, отражающих приоритет в выборе миров будущего: «новый социальный порядок», «новая духовность», «космос», «хаос», «торжество науки». В самой этой группе заметны лидирующие позиции двух отчасти противоположных образов – проекта социальных преобразований и идеи новой духовности. Так, образы будущего показывают специфику самосознания российского общества, в котором политика и нравственность оценивались как ведущие силы будущих трансформаций.

Исследуя эти пять обобщенных картин, можно уловить общий оптимистический настрой по отношению к будущему. Современники смены веков надеялись на позитивные реорганизации в государстве и религии, прогресс науки и нравственности, завоевание космоса. Уровень тревоги в отношении к будущему, на наш взгляд, был незначительным. Опасение вызывало социалистическое/анархическое движение, конец света, социальный хаос, некоторые научные открытия. Однако эти тревоги сопровождались достаточно заметной критикой, особенно в отношении к образам социальных преобразований и конца света.

Показательна массовость обращения к теме будущего. Литература, публицистика, наука и политика – вот сферы, буквально наводненные проектами будущего. Не последнюю роль в этом сыграло время рубежа веков, но следует отметить и то, что сами наши соотечественники были открыты будущему, смотрели на него с надеждой, увлеченно строили его возможные модели. Во всех рассмотренных образах от будущего ожидали обновления жизни, и ожидания эти были пронизаны радостным ощущением близости перемен. Образы будущего рубежа XIX–XX веков, безусловно, свидетельствуют о психологической готовности россиян к грядущим преобразованиям, желательности для них такой перспективы.

В целом можно констатировать положительную оценку нашими соотечественниками начала XX века своей культуры и общества. Это следует из оптимизма по отношению к будущему, надежды на грядущие изменения. Настоящее, хотя и не оценивалось как наилучшее из возможных состояний, содержало возможности для будущих изменений, во всяком случае, такие возможности виделись современниками. Несмотря на то, что большинство авторов сходилось в необходимости перемен, российское общество оценивалось как имеющее внутренний потенциал для таких перемен, для дальнейшего развития. Пять образов будущего, каждый со множеством внутренних вариантов, однозначно указывают на широкие возможности, которые признавали за своим обществом люди начала XX века.

Из приведенного выше анализа образов будущего видно, что представители различных социальных слоев, сторонники отличающихся мировоззренче-

ских позиций, независимо друг от друга и отнюдь не в полемике по общему вопросу, рисуют очевидно похожие картины будущего. Это наводит на мысль, о том, что названные модели не являются плодом исключительно субъективного творчества, будь то индивидуальный или социальный субъективизм. Скорее здесь можно говорить о субъективном выражении некого множества возможностей, которые объективно присутствовали в российском обществе кануна XX века.

Библиографический список

1. Термин К. Касториадиса, означающий «необусловленное творчество» в социально-исторической области. См.: Касториадис К. Воображаемое установление общества. Пер. с франц. М.: Гнозис; Логос, 2003. С. 9.
2. *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С.26.
3. *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. М.: Алетея, 2001. С. 89.
4. *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С.227.
5. *Толстой Л.Н.* ПСС: в 90 тт. Т. 37. М.: Худ.Лит., 1956.
6. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века: Избранные произведения. М.: Республика, 1994. С. 341.
7. *Федоров Н.Ф.* Сочинения. Сост., вступ. статья и прим. С.Г.Семеновой. М.: «Раритет», 1994. С. 155-156.
8. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: в 4-х томах. Том I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С.74.
9. *Толстой Л.Н.* ПСС: В 90 тт. Т. 23. М.: Худ.Лит., С. 304-465.
10. *Толстой Л.Н.* ПСС: В 90 тт. Т. 38. М.: Худ.Лит., С. 152.
11. *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С.435.
12. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. Больная Россия. Избранное. Л., 1991. С. 207
13. *Толстой Л.Н.* ПСС: В 90 тт. Т. 90. М.: Худ.Лит., С. 232.
14. Об этом см.: Розанов В.В. Русские могилы. Розанов В.В. Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С.192-253.
15. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Сочинения: В 2 т. 2-е изд – М.: Мысль, 1990. Т.2. С. 635–763.
16. *Егоров Б.Ф.* Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство, 2007. С.297-303.
17. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989. С.197-198,199.
18. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989. С.222.
19. *Федоров Н.Ф.* Сочинения. Сост., вступ. статья и прим. С.Г.Семеновой. М.: «Раритет», 1994. С.69.
20. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М.: Сов. Россия, 1989. С.220.

I.V. ZHELTIKOVA

PERSPECTIVES OF RUSSIA THROUGH THE IMAGES OF FUTURE AT THE EDGE OF XIX – XX CENTURIES

The article is devoted to the analysis of Russian society and culture of the ending of the 19th and the beginning of the 20th centuries. The author researches the images of future which were disseminated in this period. The article shows the most disseminated images of future such as «new social order», «new spirituality», «cosmos», «chaos», «triumph of science». The models of future are considered as the descriptions of possible worlds. Thanks to this fact the author can show the priorities of future vision of this period by Russian society. The images of future can evaluate the potential of cultural vitality.

Key words: ***image of future, possible worlds, Russian culture, new spirituality, cosmos, triumph of science, Liberal values, Socialist ideal, L.N. Tolstoy, P.A. Kropotkin, D.S. Merezhkovsky, V.I. Vernadsky, K. Tsiolkovsky, N.F. Fedorov, A.A. Bogdanov, N.A. Morozov, V.V. Rozanov, A. Kuprin, V. Bryusov.***

М.В. ЖУЛЬКОВ
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Ивановского государственного университета
E-mail: mzh1@mail.ru
Тел. 8 920 678 98 03

ПОНЯТИЕ ЭНЕРГОСФЕРЫ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СФЕРНОМ ПОДХОДЕ

В статье предложено использовать понятие энергосферы в целях развития сферного подхода. В этом случае удается соединить сферный и системный подходы и создать стройную систему сфер биосферы и ноосферы. Понятие энергосферы соединяет философские, научные, социальные и экономические аспекты энергии, ее производства и использования человеческим обществом.

Ключевые слова: ***биосфера, геосфера, информациосфера, ноосфера, система ноосферного общества, сферный подход, энергосфера.***

Анализ энергетических процессов в биосфере и ноосфере играет существенную роль в учении о переходе биосферы в ноосферу. Но в сферном подходе энергия как самостоятельное понятие не представлена. В данной статье автор предлагает ввести понятие энергосферы, что позволит анализировать проблемы поступления и преобразования энергии в сферном подходе, а также сделает этот подход более целостным и завершенным.

Из истории сферного подхода. Историю сферного подхода следует начать с античных времен. Древние греки рассматривали солнечную систему как совокупность сфер, в центре которых находилась Земля. Система Птолемея была прежде всего духовной системой, пытавшейся в то же время согласовать видимые движения планет. В этой системе Земля – центр воздействия небесных Иерархий: Земля – сфера действия иерархии человеческих душ, сфера Луны – сфера влияния ангелов, Солнца – архангелов, и т. д. [15, с. 241-249]. Следует отметить, что система иерархий известна в индуизме, каббале, христианстве. В христианство учение об иерархиях пришло, как известно, из орфизма и неоплатонизма через Дионисия Ареопагита, ученика ап. Павла. Система Птолемея изучалась в Европе долгие столетия, вплоть до эпохи Возрождения, пока не была заменена системой Коперника, полностью материалистической, описывающей движение планет вокруг Солнца.

В дальнейшем в рамках научного направления были выделены геосферы как концентрические оболочки нашей планеты [5, с. 281], среди них литосфера, гидросфера, атмосфера и тропосфера, позднее ионосфера [там же, с. 294]. Земная кора была определена как отдельная твердая оболочка планеты, под которой начинаются слои полужидкой и жидкой магмы.

К этим чисто физическим сферам добавились биосфера и ноосфера. Понятие биосферы было введено Э. Зюссом, но геологическую роль жизни исследовал В. И. Вернадский, наполнив понятие биосферы новым содержанием.

В дальнейшем В.И. Вернадский создал учение о переходе биосферы в ноосферу, сферу разума, используя понятие ноосферы, введенное Э. Леруа – французским математиком и философом. Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден [20] определяли ноосферу как продолжение биосферы, как сферу мысли и человеческого духа, находящуюся над биосферой. В отличие от этих ученых В. И. Вернадский понимал ноосферу как состояние, в которое переходит вся биосфера в результате действия научной мысли и труда организованного человечества [4, с. 20].

В современной геологии выделяют сферы внешние и внутренние. К внешним относят атмосферу, термосферу, ионосферу, стратосферу, тропосферу, гидросферу, магнитосферу. К внутренним геосферам относят литосферу (земную кору), мантию и ядро. Геосферы связаны между собой круговоротами вещества и энергии [9, с. 28].

В исследованиях советских и российских ученых и философов сферный подход получил дальнейшее развитие. Н.П. Антонов выделил следующие сферы: литосферу, гидросферу, атмосферу, биосферу, социосферу, техносферу, ноосферу. Сферный подход показывает историю развития планеты и ее поверхности, а также современную структуру биосферы и ноосферы: «Геосферы взаимодействуют между собой, взаимопроникают друг в друга, между ними нет абсолютных пространственно-временных границ, поэтому их нельзя четко отделить одну от другой. Качественно различаясь между собой, они представляют единое целое – поверхность Земли, заселенную растениями и животными, человеческим обществом» [1, с. 170].

© М.В. Жульков

Благодаря тесному взаимодействию геосфер, круговороту вещества, энергии и информации, взаимодействию с космосом, прежде всего солнечным излучением, наша планета развивается как сложная саморазвивающаяся и саморегулирующаяся динамическая система.

К настоящему времени сферный подход в ноосферологии обогатился и содержит следующие сферы: к существующим биосфере, ноосфере, атмосфере, литосфере и другим добавились психосфера, информациосфера, семиосфера, антропосфера, культуросфера, экосфера. Этот далеко не полный перечень показывает, что сферный подход сегодня насчитывает более десяти сфер. В связи с этим возникает необходимость их дальнейшего структурирования, классификации, понимания их взаимосвязи, создания системы сфер, которая отражала бы структуру и развитие ноосферы.

Понятие энергосферы. Энергия, наряду с пространством, временем и материей, является важнейшим аспектом окружающего нас мира. Энергия рассматривается как то, что связывает мир в одно целое и вносит изменения, является источником движения. Поэтому понятие энергии носит универсальный характер и является одним из основных в естествознании и всей культуре. С точки зрения синергетического подхода, самоорганизация системы происходит под действием потока энергии. Энергетические процессы определяют развитие космоса, жизнь планеты и биосферы. Ритмы солнечной активности влияют на всю совокупность земных процессов – от физических до психических и социальных [22].

Создавая учение о биосфере, рассматривая взаимодействие живого и косного вещества, В. И. Вернадский ввел понятия биогеохимической и культурной биогеохимической энергии.

«Сознание первостепенного значения энергетики охватило все мировоззрение натуралистов», – писал В. И. Вернадский [6, с. 99]. Сегодня такое понимание широко распространено ввиду базовой роли энергетики в экономике. Преобразование энергии является основным условием для существования биосферы, а, следовательно, и для ноосферы тоже. Биогеохимическая энергия является главным фактором эволюции биосферы [4, с. 53]. В.И. Вернадский выделил два основных принципа, известных как законы Вернадского – Бауэра, управляющих биогеохимической энергией: 1) геохимическая биогенная энергия стремится в биосфере к максимальному проявлению; 2) при эволюции видов выживают те организмы, которые своею жизнью увеличивают биогенную геохимическую энергию [2, с. 200].

В этих принципах речь идет об энергетической и вещественной мощности живого вещества, проявляющейся в биосфере и косном веществе. В результате успехов науки человечество стало геологическим фактором эволюции планеты [4, с. 27]. Производство и использование энергии за последние триста лет выросло в огромное число раз и стало сопоставимо с энергией геологических процессов.

В системе биосферы энергия играет главную роль (законы Вернадского – Бауэра), в ноосфере потоки энергии начинают управляться и направляться информационными потоками, но также играют важнейшую роль в ее эволюции. Производство небиосферной энергии является необходимым условием возрастания автотрофности человечества [3], а эта последняя является условием формирования ноосферы.

Автотрофность (независимость) человечества необходима также для решения задачи управления дальнейшим развитием биосферы, поставленной В. И. Вернадским научному сообществу [4, с. 44].

Экономика и культура человеческого общества находятся в зависимости от количества и качества используемой энергии. С.А. Подолинский использовал энергетический подход для определения эффективности экономической и социальной деятельности человека [18]. Этот подход находит продолжение и в наше время. Так, американский экономист Линдон Ларуш выдвинул концепцию физической экономики [14]. Создана концепция устойчивого развития [12], основанная на трудах П.Г. Кузнецова [13], на законе роста свободного времени и неубывающем росте энергетической мощности экономики. Л. Уайт отмечал, что культура движется вперед благодаря овладению новыми источниками энергии и эффективными способами ее использования [21].

В XIX в. было создано такое научно-философское течение, как энергетизм (В. Оствальд), рассматривающее энергию как источник духовной и материальной эволюции [17]. В настоящее время одна из синтетических общенаучных концепций – синергетика – изучает процессы самоорганизации в открытых системах под действием протекающих потоков энергии. Формируется энергоинформационный подход в науке, изучающий информационные, энергетические и физические процессы в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

В жизни современной техногенной цивилизации энергия, наряду с источниками сырья и финансами, играет ключевую роль. В настоящее время человечество строит информационное общество, но информация необходима для того, чтобы пользо-

ваться энергией – непосредственной действующей силой, преобразующей мир. Производство и потребление энергии – одна из глобальных проблем современности. Она находится в центре внимания мирового сообщества, национальных правительств, ученых разных стран и специальностей [7, 8, 12, 16]. Рассматривается влияние космоса и техногенной (а значит, и энергетической) деятельности человечества на климат Земли [10].

Названные объективные и субъективные причины позволяют ввести понятие энергосферы. В первом приближении энергосферу можно определить как сферу протекания энергетических процессов в космосе, на планете и в человеческом обществе или, в другом масштабе, в системе человек – общество – природа.

Энергосфера в системном подходе. Используя понятие ноосферы – сферы разума – можно говорить о ноосферном обществе, основанном на разумных научных и этических принципах, реализующем идеи коэволюции общества и природы, использующем небиосферные источники энергии, управляющем собственной эволюцией и эволюцией биосферы.

И.В. Дмитревская применила к организации ноосферы системный подход [11, с. 27-28]. Согласно этому подходу, любая система имеет три уровня организации: концептуальный (системообразующее свойство), структурный (системообразующее отношение) и субстратный (элементы системы). Основными характеристиками организованности биосферы являются потоки информации, энергии и вещества. Главную роль (концептуальную) в биосфере играет энергия. В ноосфере информация и энергия меняются местами: информация направляет потоки энергии, энергия структурирует вещество. Это и есть главный ноосферный закон [там же], он определяет движение, направленное от информации к веществу. Но есть и другое движение: от вещества к энергии и информации. Это семиотический закон (Д.Г. Смирнов), раскрывающий механизм порождения информации: в процессе функционирования общества энергия извлекается из вещества, информация – из энергии [19, с. 103]. Оба закона можно объединить в круговорот вещества, энергии и информации в ноосфере [там же, с. 105].

Для функционирования биосферы необходима энергия, для развития ноосферы – свободная культурная биогеохимическая энергия, определяемая научной мыслью организованного человечества [4, с. 128].

Основной ноосферный закон определяет характер циркуляции информации, энергии и вещества в ноосфере. Ноосфера, как отмечает И.В. Дмитревская, содержит как свои подсистемы, техносферу и социосферу [13, с. 29]. С нашей точки зрения, речь идет об объективном проявлении ноосферы. Субъективная ноосфера, соответствующая объективной составляющей, состоит из инфосферы (информациосферы) и семиосферы.

Введение понятия энергосферы позволяет применить системный подход к анализу системы сфер, используя при этом предложенную И.В. Дмитревской триаду: вещество – энергия – информация. Тогда для системы ноосферного общества выполняется следующая структура:

Ноосферное общество как система	Энергосфера – снабжает энергией всю систему
Инфосфера – концепт системы	
Социосфера – структура системы	
Техносфера – субстрат системы	

Как видим, основной ноосферный закон легко вписывается в системную организацию ноосферного общества. Энергосфера оживляет всю структуру ноосферного общества, снабжая энергией его подсистемы: техносферу, социосферу и инфосферу.

Для планеты в целом получим несколько иную структуру:

ноосфера	информация
биосфера	энергия
геосфера	вещество

В данном контексте геосфера понимается в узком смысле – как оболочка геологических процессов земной коры. В геосфере главную роль играют перемещения, круговороты атомов, изменения структуры вещества. Тем самым она служит субстратом, вещественной основой для развития биосферы и ноосферы. В биосфере главным фактором эволюции является энергия. В ноосфере – сфере разума – главным «действующим лицом» является информация и процессы мышления, познания и осознавания. Циркуляция вещества – энергии – информации через эти сферы обеспечивает целостность планетарного организма и его эволюцию.

Особенности энергосферы. Жизнь проявляется в движении, изменении, реагировании на внешние воздействия – все это энергетические проявления. Поэтому выделение энергосферы в объект самостоятельного изучения выведет на новую ступень научное и философское понимание как энергии, так и жизни.

Энергия, по Аристотелю, проявляется как совместное действие трех составляющих: возможности, цели и способности ее осуществить. Поэтому энергия должна пониматься прежде всего как смысловая сущность, пронизывающая все мироздание и соединяющая в одно целое физические и информационные сферы мира.

Энергосфера – это оболочка планеты, где происходят процессы поступления, накопления, преобразования, действия и утилизации различных энергий – от духовных, космических до физических, планетарных, частных видов энергии. Энергосфера объединяет все другие сферы, обеспечивая их функционирование, жизнедеятельность, развитие.

Энергосфера включает круговорот энергий различных видов – смысловых, психических и физических, тем самым составляя независимую область существования и исследования. Энергия связывает какую-либо систему с другими системами данного уровня, а также обеспечивает поступление энергии извне системы. Так, энергосфера планеты получает энергию из резервуара солнечной системы – от самого Солнца, а также планет и окружающих звезд. Энергосфера обеспечивает поступление космических и солнечных энергий в биосферу и ноосферу, в человеческое общество.

Одной из особенностей энергосферы является то, что ее субстанцией является субстанция самой энергии. Это коренным образом отличает ее от других сфер. Элемент субстанции энергосферы обладает тремя характеристиками энергии, общее действие которых и производит изменения.

Энергия обладает универсальностью и всеобщностью, соединяет в одно целое материальный и информационные миры, пронизывает все другие сферы мироздания. Энергия является основой существования биосферы и определяет структуру ноосферы и ноосферного общества. Энергосфера планеты является частью энергетического поля Солнечной системы и окружающего космоса.

Понятие энергосферы синтезирует философские, научные, социальные, экономические аспекты энергии, ее производства и использования человеческим обществом. Понятие энергосферы имеет значение и с точки зрения исследования нерешенных задач современного естествознания. Например, проблема рассеяния энергии, ее деградация в теплоту, последующая концентрация и преобразование в потенциальную и другие виды энергии может быть рассмотрена под этим новым углом зрения.

Введение понятия энергосферы имеет методологическое значение для развития сферного подхода, соединения его с системным подходом в анализе ноосферного развития, требует дальнейшей разработки и исследования.

Библиографический список

1. *Антонов Н.П.* Философия сознания и ноосферы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.
2. *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. М.: Наука, 1980. 210 с.
3. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Сост. Аксенов Г.П. М.: Современник, 1993. С. 462–520.
4. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
5. *Вернадский В.И.* Биосфера. М.: Наука, 1967. 376 с.
6. *Вернадский В.И.* Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.
7. *Гирусов Э.В.* Энергетика человечества в глобальном измерении. Век глобализации 2008 № 2, С. 66-76.
8. Глобальная энергетика и устойчивое развитие (Белая книга). Под ред. Бушуева В. В., Мастепанова А. М. М.: Изд. МЦУЭР, 2009. – 374 с.
9. *Данилова В.С.* Основные закономерности формирования ноосферы. М.: Academia, 2001. 176 с.
10. *Дмитриев А.Н.* Огненное пересоздание климата Земли. – Доступно на сайте: http://pulse.webservis.ru/ANDmitriev/Books/FireClimate/
11. *Дмитревская И. В.* // Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы (Часть 1). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 158 с.
12. *Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е.* Устойчивое развитие: Научные основы проектирования в системе природа-общество-человек: Учебник. Санкт-Петербург-Москва-Дубна, 2001. 616 с.
13. *Кузнецов П.Г.* Законы истории и социальное конструирование. Россия XXI: Общественно-политический и научный журнал. 1993. №6.
14. *Ларуш Л.* Экономика ноосферы. М., 2001.
15. *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 919 с.
16. *Одум Г., Одум Э.* Энергетический базис человека и природы. М.: Изд-во «Прогресс», 1978. 380 с.
17. *Оствальд В.* Философия природы. Под ред. Э. Л. Радлова ; пер. с нем. О. А. Давыдовой. СПб. : Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. 326 с.
18. *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Ноосфера, 1991. 82 с.
19. *Смирнов Д.Г.* Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.

20. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 221 с.
21. *Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре. Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 960 с.
22. *Чижевский А.Л.* Земное эхо солнечных бурь. 2-е изд. М., Мысль, 1976. 367 с.

M. V. ZHULKOV

THE CONCEPT OF ENERGYSPHERE IN SPHERE APPROACH

In the article it is offered to use concept ènergysphere for the development of the spheric approach. In this case it is possible to connect spheric, system and energy-information approaches and create harmonious system of the biosphere and noosphere. Concept ènergesphere combines the philosophical, scientific, social and economic aspects of energy, at its production and use of human society.

Key words: ***biosphere, geosphere, infosfera, energysphere, noosphere, the system of the noosphere society, sphere approach.***

В.В. КИМ
кандидат философских наук, доцент Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета
E-mail: vkv-viktory@mail.ru
Тел. 8 903 251 65 84, 8 909 864 76 18

КРИТЕРИИ ФАНАТИЗМА

В статье анализируются критерии фанатизма как социального и психологического феномена. Определены критерии отличия фанатизма от социальных чувств и явлений: дружбы, преданности, патриотизма, религиозных явлений и др.

Ключевые слова: ***фанатизм, критерий фанатизма, мера, социальное чувство, критическое мышление, диалог.***

Фанатизм – это многогранное социальное явление, известное с древности. Крайняя приверженность к объекту направляет поведение как индивидуального, так и коллективного субъекта. Фанатизм зачастую является элементом патриотизма и национализма, религии, науки, многих сфер жизнедеятельности общества, в которых возможна чрезмерность в упорствовании в достижении своих или коллективных целей. Данное явление может сформироваться в обществе при складывании определенных социальных и психологических факторов. Однако при всей кажущейся легкости применения понятия «фанатизм» к любым социальным явлениям, в социально-гуманитарном знании проблема исследования критериев фанатизма все еще актуальна. Мы можем увидеть фанатизм в политике, экономике, морали и многих других сферах социального бытия, но вопрос заключается в том, как мы будем отличать фанатизм от патриотизма, веры, дружбы, преданности и т.д.

Исследователи пытались ответить на данный вопрос, разграничив понятия, характеристики, сферу применения. Своим происхождением слово «фанатизм» обязано латинскому слову «fanum», которое переводится как «храм», «жертвенник». Первоначальная сфера употребления понятия – религиозная, и так продолжалось вплоть до XVII в., когда область применения понятия стала выходить за рамки религии, расширяться до общества в целом.

Авторы словарных статей, посвященных данному явлению, старались сконцентрировать внимание на особенных характеристиках. В многочисленных определениях фанатизма можно выделить два подхода к его объяснению. Автор концентрирует свое внимание на одной характеристике фанатизма (вера, страсть, страстная преданность, нетерпимость и т.п.) либо на их комплексе. Например, первый подход выражен в немецком энциклопедическом словаре Х. Мейера, «фанатизм» определяется как психопатическая форма поведения [12, 499]; В. Даль определял «фанатизм» как «изуверство», то есть «ложное, упорное верование, при ненависти к разномыслящим и готовности пострадать за это; … нетерпимость, заменитель веры» [4, 37]; в философском словаре Ж. Дидье «фанатизм» – страстная привязанность к какому-либо мнению [5]. При первом подходе возникает проблема разграничения фанатизма от явлений, столь похожих на него, однако и второй подход не решает этой проблемы.

Второй подход более продуктивен для анализа: рассматривается комплекс характеристик, составляющих сущность фанатизма. Например, фанатизм – это страстная преданность идее фикс, сопровождающаяся насилием, убежденностью и т.п. О фанатизме рассуждал Л.С.Франк в работе «Этика нигилизма». Он затрагивает некоторые аспекты фанатизма, проявляющиеся в обществе, и дает свое определение феномена. Под фанатизмом он понимает: «страстную преданность излюбленной идее, граничащую с idée fixe и доводящую человека, с одной стороны, до самопожертвования и величайших подвигов и, с другой стороны – до уродливого искажения всей жизненной перспективы и нетерпимого истребления всего несогласного с заданной идеей» [10, 83]. Его определение одно из наиболее полных, где рассматриваются не только эмоциональные и идеологические (направленность на идею) моменты, но и негативные и позитивные аспекты фанатизма.

Эмоционально-пристрастное описание фанатизма дает Н.А. Бердяев: фанатизм у него граничит с маниакальной одержимостью, коллективным психозом, во время которого у человека происходит «страшное сужение сознания, подавление и вытеснение многих существенных человеческих черт, всей сложности эмоциональной и интеллектуальной жизни человека» [2]. В центре феномена находится

© В.В. Ким

фанатическая вера, тождественная фактическому безверию. В работе «О фанатизме, ортодоксии и истине» он исследует основные характеристики фанатизма: страх, деление мира на две враждующие стороны, доминирование идеологии, подчинение жизни идее спасения, активные действия по воплощению своих идеалов и ценностей (преследование инакомыслящих), ортодоксальность, эгоцентризм [2]. Бердяев анализирует современные ему проявления фанатизма, акцентируя внимание на всех негативных проявлениях фанатизма.

«Энциклопедия социальных наук», изданная в 1930 гг. в США, рассматривает фанатизм как сочетание трех страстных компонентов: узость и непреклонность характера, бессердечность к боли, упрямая решимость в доказательстве идеи фикс людям. Особая их комбинация отличает фанатизм от умственных и эмоциональных состояний – энтузиазма, веры, преданности и им подобным – искажением которых он является и от которых отличается психологической структурой и социальными тенденциями [11, 90-92]. Для авторов энциклопедии фанатизм граничит с сумасшествием. Мы под фанатизмом будем понимать психосоциальный феномен, основанный на существовании в сознании человека особой веры (исступленной, измененной), направленной на определенный объект, который становится центром личностных ориентаций субъекта.

Французские просветители XVIII в. часто употребляли слова fanatique и fanatisme в своих трудах, вкладывая в них негативный, неодобрительный смысл. Такое отношение к фанатизму было связано с тем, что оно «затуманивало» разум человека, просветители боролись с религией и любыми религиозными крайностями, поэтому фанатизм воспринимался ими как естественное продолжение религии. Они исходили из примата рациональности, все, что нельзя было отнести к рациональному, подвергалось клеймению. Однако В. Клемперер упоминает об одном отрывке из произведения Ж.- Ж. Руссо, где он пишет о П. Бейле: «Бейль очень убедительно доказал, что фанатизм пагубнее атеизма – и это неоспоримо; но не менее верно и то, чего он не хотел высказать, именно, что фанатизм, хотя бы кровавый и жестокий, есть великая сильная страсть, возвышающая сердце человека, заставляющая его презирать смерть и дающая ему чудесную силу, и что, стоит его лучше направить, и тогда из него можно извлечь самые возвышенные добродетели…» [7]. Таким образом, Руссо начинает рассматривать фанатизм как добродетель, которая при правильном руководстве может принести пользу обществу. Теперь социальность фанатизма выходит на первый план, только в обществе возможны властные отношения: руководство и подчинение, общий интерес, находящийся в центре идеологии, становящиеся факторами производства фанатизма. Тот же социальный контекст выступает на первый план, когда В. Клемперер анализирует употребление слова «фанатический» во время правления А. Гитлера. Изначально негативный, уничижительный оттенок слова сменятся на иной – Третьему рейху нужны были беззаветно преданные люди, в итоге в государстве культивируется в прессе позитивное значение слова «фанатизм», включающий в себя характеристики: самоотверженность, упорство, сила и т.д. «Чем мрачнее вырисовывалась ситуация, тем чаще слышались заклинания о «фанатической вере в конечную победу», в фюрера, в народ или в фанатизм народа, эту якобы коренную немецкую добродетель» [7]. В. Клемперер считает, что во время Третьего рейха идет ослабление данного понятия (точнее его изначального негативного значения) в силу слабости политического режима, его искусственное изменение было предпринято для утверждения социально значимых целей.

Итак, в фанатизме как социально-психологическом феномене выделяется достаточно большое число характеристик, анализ их сочетания дает возможность сравнить фанатизм с другими социальными явлениями, найти критерии для отличия.

Аристотель, анализируя основные этические качества личности, говорит о том, что любое из них можно поместить в своеобразную шкалу между страстью, добродетелью и пороком. Есть добродетели и их противоположности – пороки, и те и другие являются результатом социального и психологического развития личности. Между крайностями – пороками находится мера, золотая середина. Аристотель писал, что «существуют три наклонности, две относятся к порокам – одна в силу избытка, другая в силу недостатка – и одна к добродетели – в силу обладания серединой; все эти [наклонности] в известном смысле противоположны друг другу, ибо крайние (akrai) противоположны и среднему, и друг другу, а средний – крайним» [ник.э] [1]. Таким образом, «отдельные добродетели существуют не сами по себе, а как выражение, продолжение и дополнение присущих всем им родовых признаков (все они суть середина, привычные состояния и т.д.): они представляют собой конкретные способы поведения добродетельных индивидов и имеют место в пространстве, которое образуется их совместной деятельностью» [3, 389].

Учение о середине или мере является одним из центральных в этике Аристотеля, именно мера может послужить критерием для разграничения фанатизма от схожих с ним социальных явлений.

Не случайно соблюдение меры, воздерживание человека от крайностей во всем (в поступках, эмоциях, чувствах и т.п.) становится характеристикой рационально мыслящей личности. Умеренность не совместима с фанатизмом, т.к. он всегда пристрастен, четко или интуитивно определяет свою позицию и всегда эмоционально настаивает на истинности своего предмета веры. Фанатик не может быть связан с чувством меры, поскольку психологически он склонен к аффектам, даже если представляет собой внешне невозмутимого человека. Умеренность в мыслях свойственна критически мыслящему человеку, способному воспринимать не только свою единственно правильную истину, но и другие мнения, фанатизм же не способен не только анализировать иное мнение, но даже слушать его.

Фанатизм, пользуясь терминологией Аристотеля, это крайность, крайность в поведении, крайность в чувствах, однако одной психологической склонности личности здесь недостаточно, для проявления фанатизма нужны социальные факторы. Сам Аристотель говорил, что люди крайностей «отодвигают» того, кто придерживается середины и того, кто придерживается противоположных взглядов, что содержит в себе потенции фанатизма. Еще одно состояние может быть близко к фанатизму – состояние одержимости: «ведь порывы ярости, любовные влечения и некоторые [другие] из таких [страстей] весьма заметно влияют на тело, а у некоторых вызывают даже помешательство» [1], при этом состоянии «допущено нарушение меры». Продолжая свою мысль, Аристотель говорит: «Ведь всякая чрезмерность и в безрассудстве, и в трусости, и в распущенности, и в злобности либо звероподобная, либо болезненная. … Что до безрассудных, то одни из них, будучи от природы неспособны рассчитывать (alogistoi) и живя только чувством, звероподобны (как, например, некоторые племена далеких варваров), а другие из-за болезней (например, эпилепсии и помешательства) имеют болезненный [склад души]» [1]. Крайность в страстях, состояние болезненной одержимости характерны для фанатизма, при котором не соблюдается чувство меры.

Фанатизм, нарушая «золотую середину», всегда чрезмерен, в связи с чем возникает вопрос – что же это – порок или добродетель? Здесь мы должны удалиться из области психологии, и вернуться в область социального. Фанатизм с момента своего появления начинает подвергаться оценкам со стороны наблюдающих. Порочность или добродетельность фанатизма, его оценка относительно тех социальных ситуаций, в которых он проявляется. Например, революционный фанатизм борцов за свободу считается добродетелью с точки зрения сторонников и пороком с точки зрения противников. Поскольку в обществе практически все ситуации не могут рассматриваться однозначно, то и оценка фанатизма будет зависеть от социально-культурного контекста эпохи, и сравниваться он будет с той самой мерой, которая принимается за эталон, за добродетель. «Обладание серединой похвально в чем бы то ни было, а крайности и не похвальны, и не правильны, но достойны [лишь] осуждения», писал Аристотель [1].

Еще одним критерием, отличающим фанатизм от похожих социальных явлений, может стать интенсивность социально-психологического состояния. Это оборотная сторона умеренности, чем выше уровень интенсивности, тем ближе мы к фанатизму. Преданность, патриотизм, дружба и другие социальные чувства могут быть присущи каждому человеку, однако от их индивидуального социально-психологического сочетания в каждом зависит интенсивность чувства. Человек, посвятивший свою жизнь (т.е. преданный) профессии, долгу, другому человеку, не способный критически мыслить, может быть идентифицирован как фанатик.

Способность критически мыслить также является критерием фанатизма, способность оставаться собой (сохранить свою личность), индивидуальность (не потеряться в массе), даже в некоторой степени нонконформизм, что совершенно не свойственно фанатику. Его личность подчинена идее, человеку, богу и растворена в этом. Способность к спору, к диалогу – характеристика критического мышления – отсутствует у фанатика, ведь спор и диалог подразумевают способность слышать другого, возможность принять иную точку зрения, а фанатик уверен в своей правоте, как говорит Бердяев, он ортодоксален и эгоцентричен, у него есть, что предложить другому, но другой ничего не может дать ему. Диалог не получается, поскольку для него нужны оба активных оппонента, желающих получить взаимную пользу, а не только «научить», «обратить в веру» и т.п. С. Поварнин, анализируя искусство спора, коснулся проблемы фанатизма и нетерпимости: «Обычно люди живут еще «звериным обычаем» в области мысли, то есть склонны считать человека, который держится других убеждений, или идиотом, или мерзавцем и во всяком случае настоящем «врагом». Это, конечно, признак или некультурного и невежественного, или же узкого ума» [8, 39]. «Уважать чужое убеждение, чужое верование, – писал он, – значит уважать искреннюю веру и убежденность в них человека, и право на них… «Святыня» для другого человека может казаться нам великим заблуждением, но раз это для него святыня, мы должны к ней относиться, как к человеческой святыне» [8, 40]. Критическое

мышление как способность личности и критерий фанатизма менее всего свойственен невежественному человеку, ведь «чем человек невежественней, чем разум его менее развит, тем более склонен он к такой уверенности и именно уверенности в тех вопросах, о которых имеет более смутное понятие» [8, 22], тогда он руководствуется во всех вопросах чувствами, а если это чувство фанатично, то человек еще более убежден в истинности своих суждений. Чем меньше навык мыслительной деятельности, чем меньше человек рефлексирует, тем быстрее он принимает на веру разные идеи (вплоть до самых парадоксальных), что вкупе со склонностью к крайностям может сформировать фанатизм в сознании.

Критическое мышление включает в себя и независимость суждений, его антидогматичность, независимое развитие личности от внешних и внутренних постулатов. Догматизм в утверждении идеи, веры сочетается с неспособностью услышать критику, ортодоксальностью, нетерпимостью. Любой человек в достижении целей своей идеологии (религиозной, политической) может стать догматиком, когда вера в идею становится центром всех личностных устремлений.

Фанатизм рассматривается как подчинение жизни человека чему-нибудь или кому-нибудь (идеологии, вере, другой личности). Труднее всего отличить фанатизм от религиозных феноменов (культ, поклонение, почитание и т.д.). В основе фанатизма находится вера, фанатичная вера во что-то (идею, идеологию и т.п.). Религия также основана на вере в сверхъестественное, в потусторонние силы и т.д. Но не каждый верующий человек становится фанатиком, и наоборот. Вера – это онтологическое основание фанатизма, но она может быть разной. Вера как чувство всегда направлена на объект, а в качестве объекта веры выступает идея, человек, общество, системы отношений. Религиозная вера будет далека от фанатизма, если она сочетается с умеренностью в чувствах и помыслах, способностью к диалогу, будет исходить из гуманизма.

Сравнение фанатизма со страстью не лишено оснований. Страсть рассматривается как крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь; сильно выраженное чувство, воодушевленность [9]. Фанатик страстен, одержим, при кажущемся внешнем спокойствии фанатик яростно отстаивает истины веры. При этом страсть как психологическая (эмоциональная) устойчивая характеристика (направленная на предмет) также является чертой фанатизма, вне его страсть имеет отношение к межличностным отношениям. Страсть, сопровождающая фанатизм, с одной стороны, фиксирует сознание на определенном предмете, с другой – делает сознание как эмоционально устойчивым, так и неустойчивым. Критерием, отличающим социальное чувство от фанатизма, тогда будет бесстрастность, хладнокровие, позволяющее адекватно мыслить.

Дружба и фанатизм – социальные явления, иногда сопровождающие друг друга. Согласно «Никомаховой этике» Аристотеля: дружба (дружественность) – это добродетель, в основе которой находится пожелание блага, приятного (для друга и для себя). Совершенная дружба возможна между равными добродетельными личностями. Аристотель различает кроме этого вида дружбы: дружбу ради удовольствия и дружбу ради пользы. Какой же вид дружбы близок к фанатизму? Или в основе фанатизма – эгоизм личности и неспособность дружить? Мне кажется, что дружба ради пользы и дружба ради удовольствия могут быть источником или сферой реализации фанатизма. И то и другое возможно, когда фанатик занимается поиском сторонников, с которыми создает дружественные (почти семейные) связи, есть и взаимная польза (спасение от одиночества), и удовольствие (совместное изучение идеи, совместное исповедование веры). Совершенная же дружба, исходя из описания Аристотеля, это союз людей, равных друг другу, приносящих пользу друг другу, ведущих диалог, в ней нет потенций фанатизма. Дружба ради удовольствия может стать фанатичной, когда она сопровождается ревностью, эгоизмом, желанием иметь пользу и удовольствие только для себя, такая дружба сродни одержимости. Однако среди фанатиков встречаются также и те, кто не нуждается в обществе и друзьях. Им интересен только свой внутренний мир, своя вера, свои чувства. Их эгоизм нарциссичен и потенциально содержит в себе опасность, так как данная сосредоточенность чревата неприятностями для родных и близких.

Фанатик – человек абсолютно преданный кому-то или чему-то, что подводит к необходимости сравнить преданность и фанатизм. Преданность как социальное чувство встречается у многих, однако это понятие особенно часто встречается на религиозных сайтах, в первую очередь, страницах нетрадиционных религиозных движений. Это качество, необходимое для неофитов нетрадиционных верований, оно входит в список: послушание, вера, любовь к группе и т.п. Преданность нужна ученикам, поскольку она защищает их от колебаний, ошибок, от сомнений. Дело в том, что преданность включает в себя и обязательность выступать на стороне того (чего), кому (чему) предан, готовность принимать все достоинства и недостатки, любовь, верность. И если преданность некритична, если человек «поглощен» объектом своей преданности, тогда это

фанатизм, не случайно появляется словосочетание «фанатичная преданность». Например, обряд сати (сутти) в Индии, вынуждающий жен сопровождать мужа в смерти, был культурной традицией, это ритуальное действие для женщин было продиктовано во многом фанатической преданностью мужу и традициям [6], однако те, кто желал избежать подобного обряда, с той же фанатической преданностью подвергались оскорблениям и убийствам. Преданность часто отождествляется с зависимостью, а абсолютная преданность – это абсолютная зависимость, фанатизм.

Патриотизм – социальное чувство, основанное на любви к родине. Оно играло большую роль в истории человечества (например, борьба русского и испанского народов против Наполеона), включая в себя и служение родине (от службы в армии до строительства экономических объектов), гордость, готовность жертвовать чем-либо. И вновь, как и в других социальных чувствах, критерием, удерживающим патриота от фанатизма, будет умеренность, критическое отношение к объекту своих чувств, готовность видеть и исправлять имеющиеся недостатки. Интересы родины, государства и народа часто становятся целью, во имя которых совершаются многие неоднозначные поступки, которые осуществляет экзальтированный фанатик-патриот.

Таким образом, основными критериями, отличающими фанатизм от похожих социальных чувств, являются умеренность (чувство меры), критическое мышление, готовность к диалогу, терпимость к инакомыслящим, бесстрастность, объективность. Дружба, преданность, патриотизм и другие социальные чувства могут стать сферой проявления фанатизма при отсутствии данных критериев у личности.

Библиографический список

1. *Аристотель.* Никомахова этика [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt*, свободный. - Загл. с экрана.*
2. *Бердяев Н.А.* О фанатизме, ортодоксии и истине [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.vehi.net/berdyaev/fanatizm. html*, свободный. - Загл. с экрана.*
3. *Гусейнов А.А.* Этические сочинения и этическая система Аристотеля // Аристотель Евдемова этика. М., 2005. С. 382-407.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.2. М., 1995.
5. *Дидье Жюлиа.* Философский словарь. Пер. с франц. М. Междунар. Отношения, 2000. – 544 с. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://terme.ru/dictionary/878/word/%D4 %C0%CD%C0%D2%C8%C7%CC*, свободный. - Загл. с экрана.*
6. Катастрофы сознания. Самоубийства религиозные, ритуальные, бытовые, способы самоубийств / сост. Т. Ревяко, Н. Трус. М.: Литература, 1997. 576 с. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://bibliotekar.ru/encSuicid/16.htm*, свободный. - Загл. с экрана.*
7. *Клемперер В.* Фанатический // Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/ Klemp/09.php*, свободный. - Загл. с экрана.*
8. *Поварнин С.И.* Искусство спора. О теории и практике спора. – М., 1993.
9. Страсть [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/s/strast.htm *, свободный. - Загл. с экрана.*
10. *Франк С.Л.* Этика нигилизма. // Франк С.Л. Сочинения. М.,1990. С.77-110.
11. Encyclopaedia of the Social Sciences. Vol. 6. N.Y., 1931.
12. *Meyer H.J.* Meyers Enzyklopädisches Lexikon. Band 8. Mannheim/Wien/Zürich, 1973.

V.V. KIM

CRITERION OF FANATICISM

In this article the author analyzes a criteria of fanaticism as a social and psychological phenomenon. The criteria of differences fanaticism from the social feelings and phenomenas: friendship, loyalty, patriotism, religious events, etc.

Key words: ***fanaticism, criterion of fanaticism, measure, social feeling, critical thinking, dialogue.***

В.В. ЛЫТКИН
кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой социальной антропологии и сервиса Института социальных отношений Калужского государственного университета им.К.Э.Циолковского
E-mail:lytkin@kaluga.ru;vlad-lytkin@ya.ru
Тел. 8(4842)53 00 33; 8 910 911 03 10

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

В статье анализируются культурно-исторические и мировоззренческие причины, которые привели к возникновению в России на рубеже XIX-XX веков оригинального философского учения – русского космизма. Рассматривается вопрос о преемственности во взглядах русских космистов. Кратко анализируются их основные философские представления и их влияние на последующую философскую и общекультурную традицию.

Ключевые слова: ***русский космизм, русская философия, социальная философия.***

Вопрос о том, как и почему именно в России на рубеже XIX-XX вв. идея космизма, имеющая богатейшую историко-культурную традицию, оформилась в стройную философскую теорию, нашедшую позднее воплощение в практических свершениях, является достаточно сложным, дискуссионным и требующим своего дальнейшего изучения. Космические философии в лице, прежде всего, “русского космизма” начинают складываться и оформляться, в основном, на рубеже XIX-XX веков. При этом они формируются как широкие мировоззренческие и более узкие общетеоретические предпосылки обоснования возможности, необходимости и закономерности освоения космического пространства, ракетостроения и космонавтики как отрасли науки и техники, важной составляющей части современной культуры. В наиболее завершенном виде этот процесс происходил в России, в рамках “русского космизма”.По нашему мнению, этот процесс носил глубоко закономерный и объективный характер.

Остановимся вначале более подробно на характеристике духовного развития русского общества конца XIX - начала XX вв. Это было время взрывообразного расцвета русской культуры. Не случайно этот период получил название «Серебряный век русской культуры».

Оценивая ситуацию, сложившуюся в это время в духовной жизни России, Н.А.Бердяев писал: “Когда я XIX в. в России народилась философская мысль, то она стала, по преимуществу, религиозной, моральной и социальной. Это значит, что центральной темой была тема о человеке, о судьбе человека в обществе и в истории” [1,С.118].

Эту тему можно проследить в творчестве Ф.М. Достоевского, создавшем своим гением образ “кающегося интеллигента”, внемлющего идеалам ортодоксального православия. Об этом писал Л.Н. Толстой. Об этом же можно говорить, отмечая традиции космизма 60-70-х гг. XIX в. в искусстве (Флавицкий, Поленов, Маковский). В музыке наиболее ярким представителями этой традиции был А. Рубинштейн. В эту эпоху идеи либерализма неуклонно расшатывали стан консерваторов. Наиболее характерный пример здесь личность Ивана Аксакова, горячего публициста, славянофила, поборника свободы слова и воинствующего националиста.

В то же время в России совершаются замечательные приобретения в области естествознания (Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, В.С. Ковалевский). В литературе блистают наряду с Ф.М. Достоевским такие титаны, как И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой. Но появляется и то, что позднее получит название “нигилизма”. Его первым и наиболее ярким провозвестником был, несомненно, Д.И. Писарев. Он оказал огромное влияние на формирование мировоззрения современников, прежде всего молодежи. К.Э. Циолковский вспоминал, что Писарев (его статьи) заставлял его «дрожать от радости и счастья», его он считал своим вторым «Я» [9,С.58]. Мощную литературно -пропагандистскую деятельность вел в то время Н.Г. Чернышевский, а из-за границы неустанно звонил “Колокол” А.И. Герцена.

Таким образом, на духовной и общественной сцене России появились совершенно новые лица – народники-разночинцы. Их наиболее яркие выразители в литературе: Некрасов, Успенский, в

© В.В. Лыткин

живописи – передвижники во главе с Крамским и его “Христом в пустыне”; в музыке – Бородин, Мусоргский. Тогда же начинается массовое “хождение в народ” в 1873 -1874 гг.

В философском осмыслении действительности наука той эпохи прочно становится на фундамент позитивизма, который отодвигал в область научно-непознаваемых ряд “проклятых” вопросов и доводил, в известных пределах, научное развитие до значительной высоты. Д.И. Менделеев в химии, А.Г. Столетов в физике, К.А. Тимирязев в ботанике, Ф.М. Бредихин в астрономии, Н.И. Лобачевский в математике, И.М. Сеченов и И.П. Павлов, вот лишь некоторые имена, давшие русскому естествознанию и его представителям мировую известность. Достаточно назвать только их, чтобы показать, какой значительной высоты достигла в конце XIX - начале XX вв. разработка естественных наук в России. В исторической науке поистине замечательным явлением стал В.С.Соловьев, В.О.Ключевский.В то же время, нарастание в среде интеллигенции ощущений неустроенности, неуверенности в будущем, порождало явления оккультного и мистического взгляда на жизнь. Это особенно ярко характеризуется появлением в России достаточно сильных теософских обществ. В 1903 г. появляется сборник “Проблемы идеализма”, в значительной степени развивавший идеи неокантианства. Истинным родоначальником этого нового направления в русской философии следует считать В.С. Соловьева. Его философия абсолютного индивидуализма и добра, абсолютной красоты утверждала идею всеединства в принципе софийности [3,С.624-625]. Это был, пожалуй, один из немногих истинно самобытных русских философов действительно титанического масштаба, стоявший на одном уровне с самыми замечательными философами в истории философии. По праву мы его относим и к раннему течению космизма [4,С.12]. В начале XX в. оформляется как самостоятельное течение мысли толстовство с мировоззренческим стержнем в виде непротивления злу насилием, а в литературе восходит гениальная звезда А.Чехова и удивительного символизма В.Брюсова.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. Россия вступила в новую историческую эпоху, а на ее общественной арене появились новые мощные силы, среди них – значительный по своему духовному потенциалу слой разночинной интеллигенции. Россия того времени – явление во многом уникальное и бесконечно интересное для исследователя. Вся она как бы соткана из противоречий. Противоречивая и бурная эпоха породила совершенно замечательную плеяду выдающихся мыслителей, действовавших в совершенно разных средах общественной жизни. “Серебряный век” России внес огромнейший вклад в сокровищницу человеческой цивилизации.

Где-то в середине XIX века, в пестром калейдоскопе всяческих теорий и философских систем, принимавших подчас форму мировоззрения той или иной группы русской интеллигенции, появляется и оформляется еще одна, связанная с пониманием закономерностей земной жизни как частных проявлений бытия космоса. Это направление философской мысли получило название “космизм”. Необходимо оговориться: космизм как явление общественного сознания и духовной жизни России был очень широко представлен в своей мировоззренческой базе. Элементы космизма мы можем найти у таких различных мыслителей, как Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, А.С. Хомяков и др. Явные элементы космизма мы видим в творчестве В.Ф. Одоевского.В учениях более поздних мыслителей эта идея принимает большую конкретность и стройность («космическая философия» К. Циолковского, учение о ноосфере В. Вернадского). Учение К.Э. Циолковского является и в настоящее время наиболее полно отражающим основные идеи космизма, в частности, он ярко подчеркивает идею антропокосмизма. В рамках космизма мирно уживались, дополняя и обогащая друг друга, различные мировоззренческие направления и философские течения. Одни из них угасали, так и не найдя дальнейшего развития, другие же, напротив, уже в наши дни существуют и укрепляют свои позиции.

Пожалуй, одну из первых попыток нарисовать мир будущего с точки зрения космизма предпринял В.Ф. Одоевский, замечательный писатель, философ, педагог, музыкальный критик. Его главной страстью были философия и литературная деятельность. Они счастливо соединялись, породив в 1837-1839 гг. незаконченный роман «4338-й год. Петербургские письма”, где яркие идеи космизма сопровождаются не менее интересными и значимыми для России предвидениями естественнонаучного характера. В этом произведении Одоевский высказывает идею о том, что космонавтика может стать средством разрешения проблем перенаселения Земли. В описываемый им период времени люди уже нашли “...способ сообщения с Луною – она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения. Эти экспедиции чрезвычайно опасны, опаснее, нежели прежние экспедиции вокруг света: на эти экспедиции единственно употребляется войско. Путешественники

берут с собой разные газы для составления воздуха, которого нет на Луне" [5,С.43].

Таким образом, по грандиозности замысла мы можем В.Одоевского по праву ставить рядом с Ж. Верном. В философском же отношении он нам интересен, прежде всего, своей идеей о возможности совершения космических путешествий. Уже на начальных стадиях оформления определилась характерная черта космизма, идея возможности достижения для человека космического пространства и различных объектов вселенной.

С середины XIX в. в русской культуре важное значение начинает приобретать религиозно-литературная тематика. Сложилось так, что в России не было философов того же уровня и гения, каким обладали писатели Л.Н.Толстой, Ф.М. Достоевский. Но в 80-е гг. XIX в., с началом выхода в свет журнала "Вопросы философии и психологии", происходило и нарастание потенциала религиозной философии. Особо отметим традицию философии всеединства. Датой ее возникновения можно условно считать 1874 г. – год защиты и опубликования В.С.Соловьевым магистерской диссертации "Кризис западной философии (против позитивистов)" [3,С.135-137]. В этой работе уже намечена основная проблематика философии всеединства, которая в дальнейшем углублялась и расширялась (и не только Соловьевым). В дальнейшем это вылилось у философа в его учение о Софии – единстве всего и всех со всем и во всем. В этом учении всякий мог найти что-то важное для себя и всякий же мог увидеть что-то неприемлемое. Все отдельные философские начала, все отдельные политические и нравственные принципы, нашедшие свое выражение в противоположных учениях, представляются недостаточными ввиду своей исключительности. Принимая одну из сторон всеединой истины за целое, мы обращаем ее в ложь, т.к. истина многолика и противоречива. Учение о Софии как всеобщем, всестороннем и мудром логосе – законе и начале, предельно космизировано во всех своих аспектах, ибо объединяет в единую систему едиными связями, прямыми и обратными, человека и космос. А это во многом созвучно другому учению, возникшему на русской почве и взявшему за свою основу идеи космизма.

Н.Ф. Федоров по праву считается автором одного из первых серьезных обобщающих трудов в области теории космизма. Н.Ф. Федоров начинает работать над «Философией общего дела» с 60-х гг. XIX в. Это мыслитель, одним из первых создавший стройную систему взглядов, в основе которой лежала космизированная идея "супраморализма", т.е. природорегуляции, воскрешения умерших поколений и расселения их в космосе. Тот факт, что уже в середине прошлого века Н.Ф.Федоров предпринял попытку создать некую более или менее стройную систему космизма, в которой идея единства Земли и вселенной является определяющей, показывает, что уже в то время существовала определенная общественная потребность представить земную жизнь как проявление жизни космоса. Весьма показательна оценка, данная его творчеству Н.А.Бердяевым: "Это был русский писатель всеобщего спасения. В нем достигло предельной остроты чувство ответственности всех за всех – каждый ответственен за весь мир и за всех людей, и каждый должен стремиться к спасению всех и всего" [1,С.228]. Н.Ф.Федоров интересен еще и тем, что является не только непосредственным предшественником К.Э. Циолковского, но и мыслителем, оказавшим, пожалуй, наибольшее влияние на творчество основоположника космонавтики в эпоху становления его мировоззрения. Не поняв основных моментов в творчестве Н.Ф.Федорова, нам трудно будет оценить некоторые идеи, присутствующие в работах К.Э. Циолковского, прежде всего, идею достижения счастья путем расселения в космическом пространства и овладения силами природы. Перед нами предстает достаточно ясно картина преемственности, традиционности взглядов русских космистов. Ее можно расширять и продолжать новыми оригинальными именами. Но важно то, что появление космизма в России было закономерным, было подготовлено всем ходом культурного развития страны на рубеже веков.

Специфическая заслуга «русского космизма» заключается в том, что он впервые попытался на высоком философском уровне осмыслить и объединить в себе различные, подчас, взаимно исключающие явления духовной культуры, так или иначе, в том или ином виде заключающие в себе идеи космизма. Более того, «русский космизм», в лице таких мыслителей, как К.Э. Циолковский, впервые попытался не только создать более или менее стройную философскую концепцию, но и предпринял попытку найти пути к ее претворению в жизнь. Именно К.Э. Циолковский, задавшись вопросом о возможности достижения счастья для всего человечества, сделал вывод о том, что это достижимо через познание законов, управляющих жизнью Вселенной, а значит, и жизнью человека. Отсюда же ученым был сделан вывод о том, что первый шаг к познанию космоса лежит в начале его непосредственного изучения. Иными словами, земная цивилизация должна стать космоцивилизацией (а затем и астроцивилизацией). Именно исходя из этих основополагающих идей, К.Э. Циолковский, в самом конце XIX века, приступает к разработке

математической теории космонавтики, а в 1926 году предлагает практический план реализации своих теоретических построений, План освоения космического пространства, состоящий из 16 пунктов [7].

Одна из важнейших проблем, поставленная представителями «русского космизма», – это усиление значимости гуманистического начала в системе "человек – космос". Для них основополагающим, начальным моментом всех событий и целью бытия является именно человек, его интересы и потребности, их удовлетворение. Вся система их исследования строится, исходя из интересов человечества и отдельной человеческой личности. Цели таких размышлений могут быть самые разнообразные. Так, у Н.Ф. Федорова в его работе "Философия общего дела" – это богословско-этическая утопия, целью которой является достижение человечеством всеобщего счастья через создание системы природорегулирования (влияния на природные процессы в нужную для человечества сторону) и индивидуальное совершенствование, через воскрешение всех предков и расселение их в космическом пространстве [6,С.5-6].

Философская система К.Э. Циолковского, являющаяся по своей сути социально-технократической утопией, ставит перед собою, в целом, аналогичные задачи. Этические идеалы (достижение счастья человеком и человечеством, а, через это, достижение счастья для всего космоса) являются для К.Э. Циолковского доминирующими во всем его творчестве. Он, подобно Н.Ф. Федорову, видит средства реализации своих идеалов в овладении природными силами, в способности, в конечном итоге, воздействовать на все процесса, происходящие во вселенной. В то же время, в отличие от Н.Ф. Федорова с его мистической идеей «воскрешения праотцов», К.Э. Циолковский предлагал для решения проблемы сугубо научные средства, а именно, реактивный летательный аппарат, при помощи которого можно будет освоить ближний космос, затем дальний, а вслед за этим осуществить дерзновенный план освоения и колонизации космического пространства.

И если конечный нравственный итог для обоих мыслителей представлялся похожим (достижение счастья для человека и человечества в масштабах вселенной), то пути этого достижения представлялись ими различно. Различно и понимание ими "счастья". У Н.Ф. Федорова исследование мировых пространств необходимо для "приготовления обитателей" для воскресших отцов [6,С.283]. Для К.Э. Циолковского нравственный идеал – достижение людьми технического, этического, личного, социального совершенства с целью овладения силами природы. Это, в свою очередь, по мнению К.Э. Циолковского, устраняет страдания (как явление нравственного порядка) и приводит к бесконечному прогрессу разума и человеческой цивилизации [8,Л.1-2]. Нет сомнения в том, что самые яркие и пионерские идеи "Космической философии" К.Э. Циолковского опирались на мощные традиции общечеловеческой культуры. Вдохновение приходило к ученому вместе с чтением замечательных книг Жюля Верна (его особенно отмечает К.Э. Циолковский в своих воспоминаниях), поразительных для современников спекуляций К. Фламмариона [2,С.23]. Именно здесь К.Э. Циолковский черпал из богатейшего источника вдохновения. Здесь он находил пищу для размышлений о космических межпланетных путешествиях.На новом, более высоком витке общественного развития К.Э. Циолковский возрождал самые замечательные идеи Ренессанса – прежде всего ярчайшие антропокосмические взгляды, согласно которым всеобщее счастье, т.е. счастье для всего космоса, возможно лишь по достижении счастья (т.е. бытия без горя и страданий) каждой личностью. Именно через счастье каждого (единичное) человека у Циолковского возможно достижение счастья для космоса в целом (всеобщее). Данное положение представляется глубоко гуманистическим и созвучным нашим дням. К.Э. Циолковский на первое место ставил прогресс человеческой личности, удовлетворение ее потребностей. Индивид не теряется у него на фоне титанической эволюции техники и преобразований, происходящих в обществе и вселенной.

Таким образом, мы с полным правом можем говорить о феномене «космической философии» К.Э. Циолковского в рамках «русского космизма», как явлении мировой культуры. «Космическая философия» К.Э. Циолковского является своеобразной «квинтэссенцией», энциклопедией "русского космизма". В ней сосредоточены и систематизированы все основные направления этого оригинального мировоззрения и его философского стержня. В "космической философии" К.Э. Циолковского есть, в том или ином виде, все основные идеи и положения, присутствующие в самых разнообразных течениях "русского космизма». «Космическую философию» можно по праву назвать философской систематикой идей «русского космизма». Более того, заслуга К.Э. Циолковского заключается в том, что он сумел разработать практические меры по претворению в жизнь своих теоретических построений. Он увидел в конкретном научно-техническом средстве (реактивный летательный аппарат) реальное средство для воплощения своих самых сме-

лых, фантастических, абстрактных теорий. Связав воедино нравственный и технический прогресс человечества, объединив в единую диалектическую систему человека и Вселенную, обосновав идею антропокосмизма, К.Э. Циолковский этим, по сути дела, встал у истоков антропного принципа в самом современном его понимании.

К.Э. Циолковский всем своим творчеством доказывает, что понятие «русский космизм» слишком узко и может служить лишь для определения локального исторического, историко-философского, национального культурного явления в мощном потоке всемирного культурного явления, которое можно условно определить как «антропокосмическое мировоззрение». Его элементы мы находим в разных исторических эпохах, у разных народов, в разных философских, этических, религиозных и культурных традициях. Мощнейший всплеск культуры «антропокосмического мировоззрения» мы наблюдаем в наше время, когда началось освоение ближнего космоса, когда началось реальное осуществление «Плана освоения космического пространства», начертанного рукой К.Э.Циолковского.

В этом контексте «русский космизм» представляется закономерным и объективным явлением русской и мировой культуры рубежа XIX-XX веков, одной из вершин вышеназванного всемирного потока, вершиной, на которой в философской форме было суммировано самое ценное в этом вопросе из всего предшествующего культурного развития цивилизации. Именно идеологи “русского космизма”, прежде всего К.Э.Циолковский, дали мощный импульс для последующего прогресса человечества, способствовали генерированию идей в принципиально-новых отраслях человеческого знания (не только теоретических, но и практических), кардинально изменив наши представления о месте и роли человека в системе “человек – космос”.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XXвека. О России и русской философской культуре. М., 1990.
2. *Гаврюшин Н.К., Тихонравов М.К.* 130 лет со дня рождения К.Фламмариона. Из истории авиации и космонавтики. Вып. 14. М., 1972.
3. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
4. *Лыткин В.В.* Социально – антропологические и философские проблемы русского космизма. Калуга: КГПУ им.К.Э.Циолковского.
5. *Одоевский В.Ф.* 4338-й год. Петербургские письма. М., 1926.
6. *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. Верный, 1906.
7. *Циолковский К.Э.* Исследование мировых пространств реактивными приборами. Калуга, 1926.
8. *Циолковский К.Э.* Конспект космической философии // Архив ГМИК им.К.Э.Циолковского. Ф.1. Оп.1. Д.171, Л.1, Л.1-2.
9. *Циолковский К.Э.* Черты из моей жизни. Калуга, Золотая аллея, 2007.

V.V. LYTKIN

THE PROBLEM OF REGULARITY OF RUSSIAN COSMISM AT THE TURN OF THE XIX – XX - TH CENTURIES

This article is analyzed the cultural-historical and ideological causes that had led to the emergence in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries the original philosophical teachings – Russian cosmism. Addresses the issue of continuity in the views of the Russian cosmism thinkers. Briefly examines the fundamental philosophical perceptions and their influence on later philosophical and common cultural tradition.

Key words: ***Russian cosmism, Russian philosophy, social philosophy.***

Н.А. МАРТЫНОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: natmart79@yandex.ru
Тел. 8 910 302 38 77

С. Л. МЕРЦАЛОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: mertsalova-in@mail.ru
Тел. 8 905 166 09 37

КАРТИНА МИРА В РАМКАХ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Данная статья посвящена рассмотрению понятия картины мира в рамках компетентностного подхода. Картина мира рассматривается как внутрикультурный опыт, необходимый для социализации человека. Компетентностный подход позволяет встроить понятие картины мира в современный образовательный процесс, рассматриваемый как передача внутрикультурного опыта.

Ключевые слова: ***картина мира, сознание, опыт, компетенции.***

Человек существует в очень сложном мире, состоящем из вещей, с которыми ему ежедневно приходится вступать во взаимодействие в процессе практического освоения мира с целью обеспечения собственной жизнедеятельности. История становления человека показывает, что практическое освоение мира с момента создания орудий производства есть одновременно и его осмысление. Поэтому окружающие человека вещи являются объектами не только практической, но и когнитивной деятельности, в результате которой в сознании закрепляются выявленные и осмысленные человеком в процессе практической деятельности различные признаки и свойства предметов, явлений и процессов. Одновременное развитие как практической, так и когнитивной деятельности человека приводит к становлению абстрактного мышления, являющегося прежде всего этапом образования в сознании таких обобщенных образов предметов и явлений, которые удерживают в своей форме существенные черты и свойства предметов, что позволяет этим формам фиксировать в сознании отраженные фрагменты объективного мира в виде идеальных сущностей – понятий и их связей. Осознание существующих в реальном мире закономерностей приводит к созданию символов и знаков, помогающих человеку ориентироваться в реальном мире вокруг него.

Реальный мир отражается в сознании человека в виде системы понятий, заключающих в себе обобщенные знания обо всем существующем и подлежащим осознанию, и предстает в мышлении индивидуума в виде картины мира (концептосферы), сформированной личностью в результате индивидуального опыта и ощущений, а также под влиянием коллективного опыта.

Целостная картина мира создается человеком в практике его разнообразных контактов с миром. В формировании образа мира участвуют все формы сознания – дотеоретический (обыденный), теоретический (научный, философский), внешнетеоретический (религиозно-мифологический и художественный). Тем самым, картина мира, структурированная определенным образом и отраженная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира. Картина мира, в идеальной форме повторяя сам мир, включает также и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, к самому себе как члену этого мира, к окружающим, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельное.

Картина мира – плод аналитической работы человеческого ума, сопутствующей любому соприкосновению человека с реальным миром, результат познавательной деятельности, которая невозможна без согласования с объективными закономерностями мира, отражаемыми сознанием. Картина мира в сознании человека является, по сути, идеальным образом внешнего мира. Субъект картины мира верит, что мир таков, каким он представлен в этой картине, несмотря на то, что отдельные компоненты картины мира являются ни чем иным как заблуждениями, предрассудками, суевериями. Человек формирует понятия об окружающей его действительности посредством мышления и благодаря органам зрения, слуха, обоняния, осязания, дающих мышлению возможность отразить вещи

© Н.А. Мартынова, С. Л. Мерцалова

и их признаки. Формирование понятий об окружающем мире связано с осознанием человеком своей собственной роли в мире окружающих его вещей, с постижением собственного «я». Поэтому картина мира постоянно изменяется, и у каждого поколения людей она своя, однако на каждом этапе своего развития она содержит понятия, разделяемые большинством. Как уже указывалось выше, картина мира представляет собой систему понятий, являющихся особой, свойственной только мыслящим существам, формой «... закрепления в сознании человека результатов успешного овладения в трудовом процессе каким-либо предметом или явлением» [2: 9]. Процесс формирования понятия проходит несколько ступеней. Одним из основных этапов является процесс отражения вещи (референта), в результате которого в сознании у человека формируется и сохраняется образ, который на начальном этапе и будет первым, пока элементарным, но необходимым, понятием о вещи. Первый образ всегда конкретен, т. е. связан с референтом. Картина мира не была бы достоверной и целостной, если бы отражала только вещи. В картине мира отражаются также и существующие в реальности отношения между вещами. Неизменные признаки вещи сохраняются в нашем сознании в форме понятия; понятие, а точнее ядерная часть его, в свою очередь, сохраняется неизменной, по крайней мере, до тех пор, пока составляющие ее существенные признаки предмета соответствуют общепринятому пониманию данной вещи, из чего, следуя аристоте-левской логике, вытекает утверждение о равенстве понятия самому себе. Человека окружают не только вещи. Он живет также в мире языка, необходимого во взаимоотношениях с себе подобными. В процессе общения люди обмениваются понятиями, ословленными (или означенными) в языке, в результате чего до определенной степени формируется мировоззрение индивидуумов, достигается взаимопонимание, возникают или разрешаются противоречия, формируются новые понятия.

Понятия могут быть сформированы как в результате познавательной деятельности человека, так и с помощью слов языка, т.е. при помощи объяснения. Формирование понятий в сознании индивидуума является процессом непрерывным. При этом понятие будет расширяться по мере накопления человеком жизненного опыта, благодаря способности человеческого ума к абстракции обобщения, его способности, сравнивая, с одной стороны, выявлять характерные черты или постоянные признаки отдельной вещи по отношению к другим вещам и, с другой стороны, выделять общие черты и признаки сходных между собой вещей.

Выделение признаков, постоянно характеризующих отдельные предметы, и признаков, интегрирующих предметы в классы, свидетельствует о переходе на новый уровень мышления – уровень абстракции или уровень понятийного сознания: «понятийное сознание или понятийное мышление» [2: 9] выдвигает человека на новый уровень познания природы и помогает человеку абстрагироваться от реального мира и создать его идеальный образ как систему понятий и отношений между ними. При этом понятия, как компоненты идеальной картины мира, требуют закрепления в материальной форме.

Картина мира, представленная в сознании человека в виде системы понятий, являясь сама по себе идеальной, находит свое материальное выражение в самых разных формах, в том числе, в языке. «Картина мира, отображенная в сознании человека – есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания...» [2: 15].

В определении картины мира доминирует конденсированный подход, так как понятие «картина мира» соотносится с обобщенным представлением человека о сущности окружающего его мира.

Лингвокультурология определяет картину мира как «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [1:104].

Ряд исследователей предпочитает говорить об «образе мира» как об отображении в психике человека предметного мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами [3:105]. «Образ мира» – это упорядоченная когнитивно-эмотивная (концептуальная) система, которая рассматривается как следствие «сознательной и бессознательной языковой речевой структуризации и отображений среды человека« [5:98]. Таким образом, понятия «картина мира» и «образ мира» являются равнозначными.

Целостная картина мира создается человеком в практике его разнообразных контактов с миром. В формировании образа мира участвуют все формы сознания – дотеоретический (обыденный), теоретический (научный, философский), внешнетеоретический (религиозно-мифологический и художественный). Тем самым, картина мира, структурированная определенным образом и отраженная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира. Картина мира, в идеальной форме повторяя сам мир, включает также и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, к самому себе как члену этого мира, к

окружающим, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельное.

Язык, являясь одним из строительных материалов, не только механически отображает картину мира, но и в известной степени откладывает на нее свой отпечаток, поскольку является неотъемлемой частью познавательной деятельности и действительности, человеческого опыта.

Другая точка зрения представлена в исследованиях Г.В.Колшанского. Исходя их того, что язык «лишь фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и действительность в этом мире»[2:32-33].

Зачастую в исследованиях языковая картина мира противопоставляется концептуальной картине мира. По мнению авторов коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» (1988), концептуальная картина мира шире языковой, так как в ее создании участвуют различные типы мышления; универсальна, поскольку не зависит от языка, тогда как языковая картина мира, извлекаемая путем анализа из значений слов, вариативна. Согласно авторам, языковая картина мира, во-первых, обозначает основные элементы концептуальной картины мира и, во-вторых, эксплицирует средствами языка концептуальную картину мира [4:5]. В состав языковой картины мира входят слова, синтаксические конструкции, средства связи между предложениями. Тем самым, авторы исходят из того, что язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом, отражение происходит в сознании.

Картина мира находит свое отражение в новом личностном подходе к образованию. Современный подход к образованию предполагает, что «содержание образования, как уже говорилось, являет собой педагогически адаптированный социальный опыт, осваиваемый учениками в собственной деятельности», то есть задача образования передать ученикам традиционный подход к членению мира. Эту задачу выполняет общекультурное содержание образования. По определению, которое в своем докладе «Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов» дает Хуторской Андрей Викторович, докт. пед. наук, академик Международной педагогической академии, общекультурное содержание образования включает основы изучаемых наук, искусств, отечественных и мировых традиций, технологий, других сфер человеческой деятельности, получивших отражение в учебных предметах и образовательных областях, и выражается в форме понятий, законов, принципов, методов, гипотез, теорий, обрядовых действий, текстовых, художественных и иных произведений, считающихся фундаментальными достижениями человечества.

Современный личностно-деятельностный подход помогает ученику не только теоретически овладеть богатством собственной культуры, но и использовать эти знания для решения конкретных задач или проблемных ситуаций. Введение понятия компетенций помогает решить эту проблему, ставшую уже типичной для нашего образования. Образовательная компетенция предполагает усвоение учеником не отдельных друг от друга знаний и умений, а овладение комплексной процедурой, в которой для каждого выделенного направления присутствует соответствующая совокупность образовательных компонентов, имеющих личностно-деятельностный характер. *Образовательная компетенция* – это совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально-значимой продуктивной деятельности.

В своем докладе А.В. Хуторской предлагает следующие компетенции.

1. Ценностно-смысловые компетенции. Это компетенции в сфере мировоззрения, связанные с ценностными ориентирами ученика, его способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. Данные компетенции обеспечивают механизм самоопределения ученика в ситуациях учебной и иной деятельности. От них зависит индивидуальная образовательная траектория ученика и программа его жизнедеятельности в целом.

2. Общекультурные компетенции. Круг вопросов, по отношению к которым ученик должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, это особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере, например, владение эффективными способами организации свободного времени. Сюда же относится опыт освоения учеником научной картины мира, расширяющейся до культурологического и всечеловеческого понимания мира.

3. Учебно-познавательные компетенции. Это совокупность компетенций ученика в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы логической, методологической, общеучебной деятельности, соотнесенной с реальными познаваемыми объектами. Сюда входят знания и умения организации целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки учебно-познавательной деятельности. По отношению к изучаемым объектам ученик овладевает креативными навыками продуктивной деятельности: добыванием знаний непосредственно из реальности, владением приемами действий в нестандартных ситуациях, эвристическими методами решения проблем. В рамках данных компетенций определяются требования соответствующей функциональной грамотности: умение отличать факты от домыслов, владение измерительными навыками, использование вероятностных, статистических и иных методов познания.

4. Информационные компетенции. При помощи реальных объектов (телевизор, магнитофон, телефон, факс, компьютер, принтер, модем, ко-пир) и информационных технологий (аудио- видеозапись, электронная почта, СМИ, Интернет) формируются умения самостоятельно искать, ана-лизировать и отбирать необходимую информацию, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее. Данные компетенции обеспечивают навыки деятельности ученика по отношению к информации, содержащейся в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире.

5. Коммуникативные компетенции. Включают знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе. Ученик должен уметь представить себя, написать письмо, анкету, заявление, задать вопрос, вести дискуссию и др. Для освоения данных компетенций в учебном процессе фиксируется необходимое и достаточное количество реальных объектов коммуникации и способов работы с ними для ученика каждой ступени обучения в рамках каждого изучаемого предмета или образовательной области.

6. Социально-трудовые компетенции означают владение знаниями и опытом в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя), в социально-трудовой сфере (права потребителя, покупателя, клиента, производителя), в сфере семейных отношений и обязанностей, в вопросах экономики и права, в области профессионального самоопределения. Сюда входят, на-пример, умения анализировать ситуацию на рынке труда, действовать в соответствии с личной и общественной выгодой, владеть этикой трудовых и гражданских взаимоотношений. Ученик овладевает минимально необходимыми для жизни в современном обществе навыками социальной активности и функциональной грамотности.

7. Компетенции личностного самосовершенствования направлены на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки. Реальным объектом в сфере данных компетенций выступает сам ученик. Он овладевает способами деятельности в собственных интересах и возможностях, что выражается в его непрерывном самопознании, развитии необходимых современному человеку личностных качеств, формировании психологической грамотности, культуры мышления и поведения. К данным компетенциям относятся правила личной гигиены, забота о собственном здоровье, половая грамотность, внутренняя экологическая культура. Сюда же входит комплекс качеств, связанных с основами безопасной жизнедеятельности личности.

Исходя из утверждения А.В. Хуторского, что компетенция есть качество взрослого человека, ставя своей целью постепенное формирование компетенции в образовательном процессе, мы позволяем следующему поколению овладеть богатством культурного наследия нации, избегая проблемы связи теоретического багажа и практического применения этих знаний при освоении социокультурной действительности.

Предложенные компетенции не предполагают радикальных изменений в традициях освоения внеязыковой реальности, но содержат ориентиры будущих стандартов, что позволит по-новому взглянуть и на систему образования, и на обучение в целом как процесс освоения мира.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, “Перемена”, 2002. 476 с.
2. *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура текста. М.: Наука, 1984. 175 с.
3. *Леонтьев А.А.* Психология общения. М.: Смысл, 1997. 365 с.
4. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, 1988.

5. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
6. *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции и образовательные стандар-ты. Интернет-журнал «Эйдос». 2002. 23 апреля. http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm . В надзаг: Центр дистанционного об-разования «Эйдос», e-mail: list@eidos.ru.

N.A. MARTYNOVA, S.L. MERTSALOVA

PICTURE OF WORLD IN FRAMEWORK OF COMPETENCE APPROACH

This article is devoted to consideration of concept of a picture of the world in framework of competence approach. The world picture is considered as the intracultural experience necessary for socialization of the person. The competence approach allows to build concept of a picture of the world into the modern educational process considered as transfer of intracultural experience.

Key words: ***a world picture, consciousness, experience, the competence.***

А.В. РИМСКИЙ
кандидат философских наук, ассистент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru
Тел. (4722) 30 11 17

С.Н. БОРИСОВ
кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и социальных наук Белгородского государственного института искусств и культуры
E-mail: SBorisov@bsu.du.ru
Тел. (4722) 54 23 49

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ОТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА К МОДЕРНУ

В статье исследуются основные формы религиозного экстремизма и механизм их культурно-религиозной трансформации в пространстве традиционализма и модерна, что позволило более исторично и критично взглянуть на феномены современной религиозности.

Ключевые слова: **религиозный экстремизм, насилие, традиционализм, модерн, сакральное.**

Если признать, что в современной гуманитарной мысли есть лакуны, то проблема религиозного экстремизма, безусловно, относится к ним. Эту проблему можно назвать «неудобной» не только теоретически, но и «политически». Второе связано с тем, что связь религии и насилия, с которыми соотносится современный религиозный экстремизм и терроризм, маргинальна в современной научной мысли, равно как и в политическом, и конфессиональном дискурсе, не по объему публикаций и публичного внимания, а по своему размещению на аксиологической шкале общественного мнения. «Возвышенный объект веры», содержание религий, религиозные принципы и ценности противятся сравнению с экстремизмом или террором. Практика вносит свои коррективы, и потому в научной аналитике и масс-медиа становятся возможными различные варианты соединения религии не только с насилием, но и конфликтами на этнической почве, как, например, в концепте «этнорелигиозный экстремизм».

Некая самоцензура философской и социально-гуманитарной мысли препятствует поиску истоков экстремизма в самой религиозности и максимум на что отваживается, так это на поиск «повреждения» содержания в «плохих» религиях – «нетрадиционных», «маргинальных», «тоталитарных», – словом, в любых *иных*, непривычных и незнакомых. Другая возможность, которую стоит рассматривать как соблазн, состоит в обращении к стереотипам дихотомии «Восток – Запад», с уже привычным номинированием в качестве «экстремистского», прежде всего, ислама или его «сектантских» версий. Наконец, более новым будет другая парадигма анализа борьбы «фундаменталистского Востока» (теперь и православного) против «секулярного Запада». Градации критичности и объективности подобного анализа отталкиваются от специфичности объекта, который во многом стал terra incognita для европоцентристского сознания. И речь не только о религии, ставшей внешним объектом для рационализированного мышления западного ученого, но также и о самом экстремизме.

Вместе с тем, тематизация экстремизма достаточно широко представлена в мировых дисциплинарных и междисциплинарных исследованиях различной направленности: философии, психологии, социологии, культурологии, юриспруденции, конфликтологии, политологии и др. Поскольку в большинстве случаев работы по экстремизму сопряжены с обращением к понятиям насилия и свободы, власти и нигилизма, то можно в той или иной степени «искать проблему» во всей истории философии и социально-гуманитарной мысли: от Сократа (жертвы «внутреннего религиозного экстремизма») и Платона (производителя интолерантного дискурса «философской религии») до революционного атеизма К. Маркса или экзистенциального нигилизма А. Камю. Проблемы экстремистского поведения и религиозного сознания, научной и философской рефлексии терроризма и насилия, тесно связанных с проблемой экстремизма, освещены

© А.В. Римский, С.Н. Борисов

в современных исследованиях А.И. Агрономова, Н.А. Грякалова, В.И. Красикова, А.П. Назаретяна, М.П. Одесского, В.В. Остроухова, Е.А. Тюгашева, Д.М. Фельдмана, Б. Хофмана. Следует отметить связь проблемы религиозного экстремизма с исследованиями так называемых «нетрадиционных религий» («деструктивных культов», «тоталитарных культов» в отечественной интолерантной номинации) и отметить тот вклад, который внесли, прежде всего, западные специалисты: А. Дик, А. Баркер, Д. Бекфорд, В. Брайн, Р. Вудноу, Дж. Ричардсон, Т. Роббинс, Д. Хесселгрэйв и др. «Новая религиозность», порой сопровождающаяся феноменами «религиозного экстремизма» или провоцирующая таковые со стороны традиционных конфессий, ее связь с современными контекстами и текущая религиозная ситуация в целом исследуются и отечественными религиоведами и философами: это работы Е.Г. Балагушкина, М.В. Воробьева, А.Ю. Григоренко, И.Р. Григулевича, П.С. Гуревича, А.П. Забияко, С.И.Иваненко, И.Я. Кантерова, Ю.А. Кимелева, Б.К. Кнорре, Е.Д. Мелешко, Л.Н. Митрохина, М. П.Мчедлова, В.Н. Назарова.

Преобладающий политико-правовой дискурс об экстремизме во многом является определяющим и для других дисциплин, так в собственно философских работах концепты «экстремизма» и «религиозного экстремизма» трактуются чаще всего только в плоскости социально-философской, политологической или встречаются в контексте других понятий и дискурсов, т.е. не рассматриваются на уровне философии религии и метафизики (онтологическом и экзистенциальном), а в пространстве социально-идеологической или политико-юридической феноменологии. Несмотря на определенную исследованность собственно проблемы экстремизма, систематических работ с целью философско-методологической интерпретации религиозного экстремизма, понимания его культурно-антропологических оснований и социокультурных трансформаций в концептуальном пространстве философской онтологии, философии религии и религиоведения фактически нет, что и определило нашу задачу – анализ культурно-исторических и антропологических форм религиозного экстремизма.

Сложный характер объекта исследования потребовал привлечения междисциплинарных, философско-религиоведческих и философско-антропологических методов, подходов и принципов исследования феномена религиозного экстремизма. Так понимание и интерпретация концептов «насилия», «экстремизма» и «религиозного экстремизма» в междисциплинарном поле обусловили применение эпистемологического потенциала различных социально-гуманитарных дисциплин (политологии, социологии, психологии, юриспруденции и т.д.) в их соотнесении с философией и религиоведением, диалектики логического и исторического, дискурс-анализа наличной научной и законотворческой литературы; знаково-символическая, коммуникативная и экзистенциальная природа религиозного экстремизма предполагала ориентацию на герменевтические и феноменологические принципы познания, деятельностный метод познания природы человека, культуры и религии; сравнительно-историческая, культурно-типологическая, культурно-антропологическая и культурно-семиотическая методология, принцип социально-исторической обусловленности религиозного сознания были важны и использовались в исследовании основных этапов и форм генезиса и эволюции религиозного экстремизма; проявления феноменов религиозного экстремизма в современных социокультурных контекстах, связанные с глобализацией, антропологическими рисками и социально-политическими угрозами, предполагали опору на системно-структурный, системно-функциональный, культурно-цивилизационный методы.

В нашем исследовании религиозного экстремизма мы отталкивались от предположения о взаимодополнительности смыслов и определений экстремизма в разных дисциплинах, а также о возможности выявления лакун в определении смыслового поля концептов «экстремизм» и «религиозный экстремизм» на основе сравнительного и междисциплинарного анализа, в том числе и философско-религиоведческого понимания проблемы.

В результате нами было установлено, что в современной литературе при определении и интерпретации экстремизма и религиозного экстремизма данные концепты ограничены сферой идеологии, политики и права (иногда отношениями в частной жизни); преобладает формально-логическое и формально-юридическое подведение их под категории «насилия» и «терроризма» и связь с этими формами *ненормативной, агрессивной деятельности* как отдельных индивидов, так и организованных групп, чаще всего маргинальных; устанавливается связь экстремизма с кризисными проявлениями в сфере экономики, политики, межэтнических и межконфессиональных отношений – наиболее типичное не только для словарных тезаурусов и нормативно-юридических документов, но и для научных социально-гуманитарных и философских исследований[2]. Это позволяет обосновать точку зрения, что и в культурно-коммуникативном, и в формально-логическом анализе очевидна «родовая первичность» экстремизма по отношению к терроризму, хотя по отношению к ним концепт «насилия»

является более всеобщим и «метафизичным», так как выводит рассмотрение экстремизма к онтологическим глубинам соотношения свободы и насилия.

Чаще всего исследователи говорят о трех основных формах проявления экстремизма: политическом, национальном и религиозном, что совпадает с подобным делением и в отношении терроризма. В последние десятилетия политический и этнический экстремизм стал «теснить» *религиозный экстремизм*, под которым понимают *нетерпимость* к представителям той же (внутриконфессиональный экстремизм) или других религий (межконфессиональный экстремизм). Религиозный экстремизм характеризуется приверженностью к крайним толкованиям вероучений и методов действий по распространению своих взглядов и реализации своих целей. Характерной чертой религиозного экстремизма выступает крайняя нетерпимость к инакомыслию, проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими, что, несомненно, представляет опасность для стабильного существования любого общества и государства. Однако, при квалификации тех или иных религиозных групп и религиозных субкультур в качестве «экстремистских» надо быть предельно осторожными, так как часто их необычность, инаковость провоцируется институциональными («традиционными») конфессиями, которые сами порой проявляют нетерпимость, переходящую в экстремизм.

При всех существующих различиях в формах проявления экстремизма и терроризма, в них можно выделить нечто общее. Это приверженность к крайним, радикальным взглядам, действиям, формам поведения, жизненным стратегиям; склонность к использованию силовых, насильственных методов и средств достижения цели. В своих крайних формах экстремизм, равно как и терроризм, – это поведение, направленное на превышение пределов допустимого, намеренное нанесение ущерба, разрушающее воздействие, угрожающее существованию человека, общества, природы. Деятельность личностей и социальных групп, выражающих радикальные взгляды, в определенной мере амбивалентна: она может стимулировать как общественное развитие, так и препятствовать новациям и нововведениям, а также с определенной долей вероятности трансформироваться в экстремизм и его крайнюю форму – терроризм. К плодотворным попыткам определения экстремизма посредством экспликации его мотивов стоит отнести существующее в литературе деление экстремизма на рациональный и иррациональный. Здесь, к сожалению, упускается момент связи иррационального экстремизма с религиозным сознанием и религией, которая, как известно, является формой (институализированной или субкультурной) социальной организации и сублимации иррационального[14].

Доминирующий взгляд на проблему экстремизма сфокусирован в преобладающей локализации высказываний об экстремизме в поле политико-правового дискурса. Более всего закон акцентирует тот факт, что экстремизм связан с угрозой насилия или насилием символическим. В этом моменте экстремизм соприкасается с терроризмом до их неразличимости. В других дефинициях экстремизм (как, например, посягание на неотъемлемые права и свободы человека) сближается с иными формами преступлений, не позволяющими выявить специфику самого экстремизма. Более интересными являются такие определения экстремизма, которые рассматривают его как возбуждение розни и пропаганду исключительности, фундированные в своей основе некой идеологией исключительности. Хотя при этом сама исключительность есть также отличие, инаковость, отличие как качество, специфичность, что само по себе не ведет к экстремизму. Очевидно, что речь идет об ***избыточной исключительности***, о такой «концентрации» отличий, которые грозят сообществу распадом или, если выражаться более конкретно, ***насилием***. Именно поэтому экстремизм расценивается как *угроза насилия*.

Отметим роль нормирования, регулирования и контроля со стороны политико-юридического дискурса в вопросах экстремизма и терроризма[10, с. 213-214]. При этом сам характер отношений с объектами носит избыточный характер. Очевиден не вполне нормальный характер охватываемых явлений. Если брать крайние их проявления, то экстремизм ставит «под удар», посягает на основу права как такового, легитимность. Именно экстремизм и особенно религиозный экстремизм, подобно катализатору химической реакции, выявляет внутреннюю не самодостаточность и ограниченность политико-юридического дискурса, а именно его необходимую связь с феноменами власти и легитимности, а тем самым насилия и свободы (прав человека).

Поэтому необходима более метафизичная трактовка экстремизма в политико-юридическом дискурсе, где прослеживается связь права с общественным договором и конвенцией по поводу реализации индивидуальных желаний, что позволяет предположить ситуацию экстремизма как выхода из этого «договора». Традицию как источник права в этом случае можно отождествлять с ритуалом и интерпретировать экстремизм как нарушение этого ритуала либо же отрицание сложившейся системы ритуалов вообще. Выход из ритуала, исключение

(или самоисключение – мнимая «свобода выбора») человека или социальной группы из религиозного ритуала характерны именно для религиозного экстремизма во всех его культурно-исторических формах.

При всей многообразности определений экстремизма в качестве своеобразных «родовых» его атрибутов можно назвать крайний характер действия (экстремистское действие здесь смешивается с экстремальным), подлежащее *исключению*. Поскольку радикальный характер взглядов или идеологии не может служить достаточным основанием, как мы уже выяснили, номинирование действий в качестве экстремистских становится довольно проблематичным, но проявляющаяся в этом неопределенность может быть важной характеристикой экстремизма как явления.

Из исходного утверждения об экстремизме можно вывести такие его существенные черты, как исключение и неопределенность. Эти же понятия использует, например, Дж. Агамбен для описания современного состояния политики в работе «Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь»: он проводит аналогии между изгоями тоталитаризма и homo sacer, «священным человеком», преступником-отщепенцем римского права, который не подлежал жертвоприношению, ритуальному убийству, но всякий мог его убить без угрозы наказания[1]. *Исключение* полагается в качестве фундаментального принципа существования политики, которое неизменно скрывается в противостоянии парных категорий «своих и чужих» (этнические оппозиции), «правого и левого» (политические оппозиции), «внешнего и внутреннего», «свободы и насилия» (метафизические оппозиции). Дж. Агамбен выводит нас на внутреннюю связь права и экстремизма через обращение к категории чрезвычайного положения[1] как приостановки действия права (или его отсутствия в ситуации прерывания «общественного договора» и возврата в «естественное состояние», особенно после терактов!), чрезвычайного положения как исключения. Вопрос в том, не является ли экстремизм своеобразным разоблачением права в его способности положительного определения явлений, его «провалом» в пространство чрезвычайного положения? Можно предположить, что экстремизм выступает как новая ипостась, воплощение **чрезвычайного положения** (кризиса) как «преддоговорного естественного состояния», которое одновременно есть основа «нормального» функционирования права.

1 Собственно, «естественное состояние» Гоббса, как «война всех против всех», взывающее к установлению «договорного ритуала», и есть чрезвычайное положение.

Вышесказанное позволяет выйти на осмысление онтологии религиозного экстремизма, которая, раскрываясь в соотношении права (нормы) и исключения, оказывается довольно оригинальной, многое объясняет в определениях экстремизма (в том числе и религиозного), который есть идеология и действия человека или группы *на грани* нормы и исключения, свободы и насилия, сакрального и профанного, религиозного фанатизма и свободы религии и совести.

Такое пограничное положение экстремизма позволяет установить четкую и даже сущностную связь между феноменом экстремизма и феноменом сакрального, что выводит нас к логике философско-религиоведческих интерпретаций.

Развивая интерпретативную идею Дж. Агамбена о статусе исключаемой фигуры, коей являлся homo sacer, мы выходим на противоречие, поскольку убийство «священного человека», посвященного богам, не может быть безнаказанным: убивший неизменно должен соприкоснуться с сакральным, что влечет за собой серьезные последствия. С другой стороны, жертвенный характер homo sacer предполагает возможность принесения в жертву, а не ее отрицание. Тем самым homo sacer есть своеобразный предельный символ, выявляющий *границы права светского* и *религиозного*, но также, по предположению Дж. Агамбена, позволяющий исследовать экзистенциальные модусы до разделения структур на сакральное и профанное. Безусловно, что такой анализ нуждается в обращении и пристальном внимании к категории сакрального в ее тесной связи с проблемой исключения и насилия.

Первым в религиоведении к проблеме сакрального обратился Уильям Робертсон Смит, исследователь семитской религии и мифологии, в работе «Лекции о религии семитов», в которой священное как характеристика религиозного чувства тесно соприкасается с феноменом табу[20]. Основными характеристиками священного называются его амбивалентность, то есть двойственность, проявляющаяся в его святости и нечистоте одновременно, способности быть как тем, так и другим. Продолжают эту исследовательскую парадигму книга М. Мосса «Социальные функции священного», посвященная проблеме сакрального и жертвоприношения, насилия в форме казни и жертвоприношения, которая есть не более, чем отправная точка, утверждающая обратное ситуации с homo sacer[12]. Здесь есть фиксация факта насилия (Мосс пишет о пролитии крови), объединяющего право и религию, о родстве объектов как претерпевающих насилие в обоих случаях. В самом общем виде Мосс определяет жертвоприношение как процедуру освящения,

изменения объектом своего статуса[2].

О принципиальной инаковости сакрального пишет и М. Элиаде. Еще более очевидно раскрывает амбивалентность сакрального родоначальник феноменологического религиоведения Р. Отто, утверждая, что «священное» в своих более ранних версиях не содержит в себе этических коннотаций, а только указание на нечто избыточное. Священное как благо в своих позитивных смыслах есть рационализация и искажение первоначального смысла («нуминозного» как предельных онтологических оснований религиозного опыта). Р. Жирар в своей работе «Насилие и священное», большое внимание уделяет мести как форме насилия, говоря о ней, как об эскалации насилия, его умножении [7]. Месть и жертвоприношение образуют взаимоисключающую пару, очерчивающую изначальное пространство реализации насилия. Если месть множит насилие в ответных актах, то жертвоприношение его ограничивает. В этой плоскости *экстремизм* довольно близко соприкасается с рассматриваемым феноменом, когда целый спектр чувств может *инициировать месть*. Возвращаясь к концепции Жирара и паре «жертвоприношение – месть», мы находим ее продолжение в возникновении права, которое приходит на смену жертвоприношению. Тем самым судебная система и даже шире право как таковое устраняет месть частную, заменяя ее *местью общественной*. Право изымает возможность насилия (мести) у всех, что равным образом можно истолковать как утверждение о равной виновности или невиновности всех, *о доступности каждого для чрезвычайного действия права*. И здесь Жирар близко подходит к идеям Агамбена о чрезвычайном положении, которые могут быть дополнены важным элементом, а именно необходимостью *сакрализации механизмов исключения*. Этот «элемент» должен «окутывать» существующие средства исключения насилия, поскольку сакральность есть признак эффективного функционирования системы (подмена объекта не распознается), а значит легальности, *законности насилия*, удерживающегося в рамках.

Говоря о «жертвенном кризисе», Жирар пишет о кризисе изначальном, *архетипе кризиса*, кризисе культуры как таковой. Так что в понимание экстремизма нужно внести существенные коррективы, поскольку он будет обусловлен не только логикой исключения или включения, но ими обоими. *Экстремист* – это не только тот, кто стремится к дистанции со «скверным» миром, но также тот, кто *движим желанием собственной особенности, поиском идентичности в пограничной ситуации чрезвычайного положения и кризиса*. Это можно трактовать как *самоисключение по религиозным мотивам*. Но также следует учитывать, что значительную роль в экстремистских проявлениях действительно играет мотив *ресентимента, зависти и мщения*. Религиозный экстремизм возникает не только на основе исключения, но также на почве *невозможности включения, интеграции в базовую культуру*, как следствие «обиды». В этом свете религиозный экстремизм *всегда вне* установленных связей между конфессиями. Он внеположен, противостоит сложившимся отношениям и не признает их. Часто в виде экстремистских предстают различные *новые религиозные объединения*, которые по определению не имеют устоявшихся связей с другими религиями. Однако более всего обращает на себя внимание *сложный характер экстремизма, выходящего за рамки нормы и права*, всеми силами стремящегося его освоить.

Поскольку в основе механизма исключения в режиме чрезвычайного положения и пограничной ситуации, сублимированных в жертвенном символизме, лежит *антиномичная логика исключающего включения*, то изменения может претерпевать не только специфический дискурс протоэкстремизма (гонений и чрезвычайного положения) и практики его репрезентации и сакрализации, но также сама практика исключения *избыточного насилия*, которое отождествляется нами с экстремизмом. Предполагаемой логикой ее движения будет развитие *от ритуала*, собственно жертвоприношения в ритуально-мифологических культурах, *к праву* с развитым механизмом *включающего исключения* чрезвычайного положения.

Такая концептуализация религиозного экстремизма предполагает исследование религии как культурно-исторических форм *антропологической рационализации* превращенных форм жизнедеятельности человека, в том числе связанных с насилием и экстремальным сознанием и поведением, что обуславливает обращение к идеям М. Вебера о рационализации как неотъемлемой части религиозности, в том числе сопряженной с радикализмом, избыточностью, экстремистскими потенциями [3]. Вебер ведет речь о «типах поведения» адептов религии, движимых идеей спасения. Религии «спасения», пользуясь понятием М. Вебера, исполь-

2 Это вполне согласуется с интерпретацией первого символического события религиозного экстремизма, наличного в «Ветхом Завете»: конфликт из-за жертвоприношения и ревность перед Богом между сынами Адама, как известно, закончились убийством «по религиозным мотивам» Авеля Каином. Столь же амбивалентен и символический образ Авраама, родоначальника многих ритуалов «авраамических религий», который не убоялся решиться на жертву Господу своего долгожданного первенца Исаака, за что и был вознагражден замещающим ритуалом принесения в жертву овна. Здесь уже с очевидностью феноменология «религиозной экстремальности» выводит нас в метафизику священного и насилия (жертвоприношения как священного насилия), священной нормы и свободы человека.

зуют принципиально иной механизм поглощения избыточности, в определенном смысле *освящая повседневность*, вводя в кризис, строго регламентированный, запрограммированный «сбой» механизма исключения насилия в пространство самой жизни, делая его, тем самым, все менее экстраординарным и давая некоторый простор свободе человека. Идея рационализации разоблачает суть исключения насилия, его нормирования и кодификации, т.е. основа остается все той же – исключение насилия из сообщества.

Обращаясь к древности, поиски оснований экстремизма выстраиваются в ряд форм, которые приобретает избыточность человека. Саму ее можно определять витально-биологически, то есть исходно как агрессию (наиболее очевидное в данном случае родственное явление) [11], «волю к жизни», переходящую в «волю к власти», в терминах Ницше [13]. Как некое влечение-желание в духе философии психоанализа (истоки такой трактовки мы найдем в «концепциях желания» З. Фрейда, Ж. Лакана, Ж. Делеза, Ф. Гваттари), как «возвышенное чувство господства» у Ницше или «жажду признания» в философии А. Кожева [9].

Несмотря на разность трактовок избыточности, формы религиозного экстремизма или явлений, ему предшествовавших, центрированы *сакрализованным ритуалом* магического действа, жертвоприношением типа мифологической фигуры «козла отпущения», являющегося сосредоточением избыточности. Магия по своей природе избыточна по отношению к культуре, и потому вытеснена ею на периферию, избыточна по отношению к самой телесности человека, преодолевая пороги его привычной и нормированной жизненной активности. Однако, главное в магическом действии – его коллективный характер, консолидирующий индивидуальные избыточности в единое. Но сама коллективность, изначально конструируемая в мифологических оппозициях речи-мифа (В.П. Римский) [16, 15], и есть порой скрытая цель. Обращение к мифам целого ряда исследователей (Мосс, Жирар, Кайуа и др.) с целью иллюстрации форм протоэкстремизма, форм избыточности, как мы их называем, фиксируют уже более позднее положение. В мифе есть уже некая упорядоченность жертвоприношения и самих кризисов. То, что было до этого, сложно представимая ситуация спонтанного и непредсказуемого проявления избыточности вне определенных форм и механизмов локализации. До-культура в мифах представлена как хаос. Упорядоченность мифа была согласована с самим существованием человека, вписанным в природные ритмы, и сообщества, избавленного от пароксизмов избыточности. Именно это и обеспечило стабильность этого периода человеческой истории.

Исторически переход от магических и мифологических религий (экстатических), удерживающих насилие и избыточность всецело путем нестабильного института жертвоприношения, сопряженного с ритуалами инициации, кодированными в мифе, исторически заканчивается (но в контексте культуры все еще длится до сих пор!) с переходом к монотеизму. Жертвенные кризисы становятся более редкими, а механизмы сублимации и рационализации избыточности более совершенными. Ритмичность бытия человека программировала циклы кризиса, устранение избыточности становилось плановым, период стабильного состояния сменялся разрывом обыденности, когда проявлялась избыточность в различной форме, в том числе и в форме праздника.

Переход от экстатической сублимации избыточности в мифе к «рационалистической» в монотеистических религиях – очень важный момент в исследовании форм, предшествовавших современному религиозному экстремизму. Исследуя связь между религиозной этикой и поведением людей, М. Вебер отталкивается и критикует одновременно идеи Ф. Ницше о ресентименте (чувстве зависти, обиды, вражды, желание мести), когда жажда власти рождает религиозное чувство. Он пишет о том, что неудовлетворенное чувство мести, затаенная обида может рождать определенные чувства, но мотивы религиозного поведения несколько иные.

Вина, страдание, действительно, есть чувства, следующие или сопровождающие, исследуемые нами феномены, такие как исключение, жертвоприношение, экстремизм. Проводимая нами параллель – прямая, речь идет о формах, предшествующих переходу к современному экстремизму, а страдание суть переживание, наполняющее эти формы. М. Вебер связывает этот переход с «рационализацией» религиозного поведения, формированием новой религиозности, имеющей внеродовой характер. Это особенно важно, поскольку религии сообществ, связанных родственными узами, были фундированы экстатическими и спонтанными пароксизмами избыточности. Стремление вытолкнуть ее во вне и локализовать на жертве, как мы уже отмечали, постоянно нарушалось. И им на смену приходит иной механизм ограничений, который работал не только для самого индивида, но и для *других*, вынужденных обращаться к носителю «просветленного страдания», *аскету*, чтобы сублимировать свою собственную избыточность [18].

Изначальный смысл самоистязаний и приобретения вины изменяет свой смысл и трансформируется в вину. Происходит своеобразная

интериоризация жертвы, носителем виновности становится не внешний, а *сам человек*. Институт жертвоприношения претерпевает столь же значительные изменения. Радикальная трансцендентность объекта избыточности заменяет *реальную жертву символической*[3]. Так избыточность кодируется в страдание и в чувство вины, когда оно переносится во внутренний план. Маг или священнослужитель, которые, по Веберу, приобретают функцию установления вины, тесно подходят *к сфере права*, поскольку установление виновности и само ее понимание принадлежат праву. Найти вину, усмотреть ее в другом – одна из функций священнослужителя, равно как и устранение вины, пусть и частичное, временное.

Очевидно, в Новое время практики сублимации и рационализации избыточности претерпевают изменение. Здесь энергия человека, его активность, ранее направленная на достижение трансцендентных целей, меняет свою локализацию. Противоречивость средневековой модели, расщеплявшей человека между миром земным и небесным, находит разрешение в *протестантской модели сакрализации повседневности* (труда, в частности). Такое положение не трансформировало избыточность в возвышенный мистицизм, а скорее в практическую деятельность, добавляя в нее новые смыслы, дополнительные инвестиции избыточности. Отсюда более строгая этика и регламентация жизни, предполагающая усиление ЗАКОНА как такового. Аскетизм средневековья сменяется земной аскезой. И это также в тот момент времени номинируется как избыточное, если угодно, как религиозный экстремизм. Достаточно вспомнить историю многих протестантских общин и движений того времени, которые с позиций современности видятся более чем экстремистскими, если не террористическими по духу и практике. Хотя и действия традиционного институционального католицизма также подпадают под номинацию религиозного экстремизма. Расцвет инквизиции, как католической, так и протестантской, падает именно на XVI-XVII века.

Однако в это время появляются и новые механизмы рационализации и сублимации насилия. Не последнее место в способах сублимации играет книга, по сравнению со средневековьем ее роль усиливается. Книга и письмо, как некий добавочный механизм, вклиниваются в вертикаль сублимационного механизма как посредник в вертикали «человек – Бог», что компенсирует отвергнутые или десакрализированные ритуалы и обряды. Новые практики более индивидуализированы, что появляется в них, так это перенос акцента с мистического опыта (рациональное как вспомогательное) на рациональный опыт (рождение эмпиризма и рационализма). Закон приобретает значение естественности, закон божественный тождественен закону природному. Именно об этом пишет М. Фуко в своем исследовании идеи безопасности в Новое время, обращая наше внимание на тот факт, что именно в Европе появляется феномен политического управления насилием [17, с. 74]. Это качественное изменение, по мысли Фуко, объединившее под названием концепции безопасности целый ряд практик, создает также инструменты локализации избыточности, инструменты нормирования. И хотя под нормой может пониматься различное, само нормирование остается локализацией, исключением определяемого избыточного.

Сам ранний капитализм можно считать избыточным, то есть экстремистским (экстремальным) по сути, с той лишь поправкой, что он был легитимирован. Возможно, сегодня, как никогда, становится явной эта сторона капитализма, когда вытесненная избыточность европейской цивилизации и наиболее экономически развитых стран реализуется на территории остального мира конфликтным, «экстремальным» способом: «миротворческими операциями» по поддержанию «демократии» и «принуждению к миру», «цветными революциями» и т.п. Но что более показательно, осуществляется поддержка религиозного экстремизма и террористических организаций, то есть вытесненная избыточность обретает адекватные ей формы вовне (энергия капитала конвертируется в энергию экстремистских движений, столь же глобальных, как и сам капитал).

Современный религиозный экстремизм следует рассматривать в контексте последнего витка глобализации, которая ведет к максимальной универсализации религии, освободившейся от традиционной специфики своих последователей, от особенностей той территории, которая религию исповедует. Это есть своеобразное *освобождение религии* и кристаллизация ее идей, максимальный градус ее трансцендирования. Следовательно, наблюдается все большая оторванность сфер профанного и сакрального друг от друга, повышение трансцендентности, вне-мирности религий, что провоцирует усиление их экстремистского потенциала. В частности, С. Жижек пишет о двух возможностях для религии в этой ситуации: играть терапевтическую или критическую (раз-

3 Отныне как сами экстремисты или предшествующие им протоформы, так и их оппоненты в риторике оказываются изъяты из объективного мира и предельно символизированы. Религиозно мотивированный экстремист ведет борьбу не с конкретным, реально существующим явлением или индивидом, группой, а с предельно идеализированными объектами, такими как *мировое зло, грех*.

рушительную) роль [6]. Терапевтическая роль сводится к оптимизации поведения человека, что есть дальнейшее развитие рационализации религиозного поведения, которое в известной мере дополняет прагматически ориентированное поведение. Критическая роль заключается в «выражении мнения несогласных» (С. Жижек). Религия становится пространством, объединяющим несогласных, по сути становясь *ересью*. И такая роль есть нечто совершенно специфичное для религии как таковой, для ее традиционной и исконной функции скрепления общества, поддержания ее системных оснований, выражающихся в правовых институтах, культурных нормах и т.д.

Вопрос в верности последнего утверждения для положения религиозного экстремизма в культурном пространстве современности и постсовременности. Относится ли это только к современным формам религиозного экстремизма, локальным, вытесненным на периферию «цивилизованного» мира, или это общая тенденция, общий принцип развития, как то обосновывал еще в свое время Гегель? Для С. Жижека ответ в том, что гегелевская логика отрицания действует и не утратила своей актуальности. Современная религиозность есть постсекулярность, довольно близко подошедшая к «подлинной» религиозности, хотя и скрываемая. Раскрываемый здесь механизм взаимодействия *мнимого атеистического* и *религиозного на деле* мира оказывается религиозным с обеих сторон. По мысли Жижека, этот факт скрывается в силу искренности веры «атеиста» (читай, человека западной цивилизации). Противостояние «Восток – Запад» здесь имманентно присутствует или подразумевается, равно как и деление на «толерантный Запад» и «экстремистский Восток» [6, с. 6]. И это видение лишь частичное – трактовка проблемы, взятая «для себя», которая фиксирует поверхностный смысл: религиозный экстремизм против секулярного и толерантного общества (Восток – Запад). Но скрытая изнанка ситуации состоит еще в одном значении, поскольку «в себе» существует смысл: постсекулярный мир против псевдорелигиозного экстремизма.

Первая позиция подозрительна в своей очевидности: противостояние богатого Севера и бедного Юга, секулярного Запада и религиозного Востока, толерантного постхристианства и радикального ислама. Второй вариант не столь явен, поскольку взятый «в себе» экстремизм включает также экстремизм самого «культурного» и «цивилизованного» Запада в форме «миротворческих операций» и «демократизации» остального мира, поддержкой «своих» экстремистов и террористов (достаточно вспомнить историю Аль-Каеды, которая начиналась как американский проект противостояния СССР в Афганистане). Но он не есть противостояние секулярного и религиозного, а скорее *особое состояние религиозного*. То есть истинный монотеизм, по Жижеку, лишен исключения и ненависти. Для нас это положение означает тот факт, что подлинная радикализация трансцендентного измерения религии ведет к абсолютной сублимации избыточности. Объект локализации избыточности, то, что раньше было жертвой, полагается совершенно вне-мирно, запредельно, и потому более эффективно, чем предыдущие механизмы сублимации и рационализации.

Религиозный экстремизм «в себе» толкает западную культуру и цивилизацию к отчаянному поиску механизма избыточности, инвестированной в сакральное. Тем более, что традиционные механизмы исчерпаны, война вытеснена на периферию «ойкумены», pax european. Все современные нам войны ведутся именно *вне*: Балканы, Кавказ, Ближний Восток, Африка – вот неполный перечень, где война надежно локализована. Вопрос в том, что осталось для Запада?

Альтернативой сложившейся конструкции сублимации избыточности будет подлинная религиозность, равная трансцендированию свободы человека. Переход от язычества к христианству, о котором говорил Э. Фромм и сейчас пишет С. Жижек, на уровне содержания есть переход от установления различий *к универсальности*. Весьма осторожно здесь можно использовать *концепты диалога* или *толерантности* относительно религии, как поиск некоего общего основания, а не терпимости в политико-идеологическом смысле. Из чувства универсальности рождается толерантность, но толерантность не как безразличие или даже обезличивание, а как *признание инаковости* и индивидуальности, т.е. культурно-онтологической универсализации свободы, а свободы религии и убеждений как ее проявления. Такой подход мы можем найти, например, в работах Л. Джуссани с его идеей «исходного опыта» как потребности каждого человека в счастье, добре, справедливости, что дает основание для диалога и возможность увидеть *другого*, а не вещь [4, 5, 19]. Именно овеществление или отчуждение человека в механизме потребления – один из негативных моментов локализации избыточности в современности. Вместе с желанием овеществляется сам человек.

Библиографический список

1. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
2. *Борисов С.Н., Римский А.В.* О социокультурных практиках противодействия терроризму. Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №14 (85). Вып. 13. Белгород, 2010. С. 203-209.
3. *Вебер М.* Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. Макс Вебер. М.: Юрист, 1994. 702 с.
4. *Джуссани Л.* Путь к истине является опытом. М., 2006.; Христиан. Россия: Центр по изучению религий, 2006. 156 с.
5. *Джуссани Л.* Религиозное чувство. Путь : В 3 кн. Пер. с итал. Е. Глинка. М.: Христиан. Россия : Центр по изучению религий, 2000. Кн. 1: Религиозное чувство. 2000. 192 с.
6. *Жижек С.* Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Издательство «Европа», 2009. 336с.
7. *Жирар Р.* Насилие и священное. Рене Жирар; Пер. с фр. Г. Дашевского. 2-е изд., испр. Москва: Новое Лит. Обозрение, 2010. 433с.
8. *Кожев А.В.* Идея смерти в философии Гегеля. Пер. с фр. И. Фомина. М.: Логос: Прогресс-Традиция, 1998. 207 с.
9. *Кожев А.В.* Понятие власти. Пер. с фр.: А. М. Руткевич. Москва : Праксис, 2007. 181 с.
10. *Кожемякин Е.А.* Дискурсный подход к изучению институциональной культуры: моногр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.
11. *Лоренц К.* Агрессия: (так называемое «зло»)Пер. с нем. Швейника Г. Ф. Москва: РИМИС, 2009. 349 с.
12. *Мосс М.* Социальные функции священного / Избранные произведения. Перевод с французского под общей редакцией Утехина И.В. СПб.: «Евразия», 2000. 448 с.
13. *Ницше Ф.* Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей (1884-1888). Под ред. Г. Рачинского, Я. Бермана. [М.] : ИЧП «Жанна», 1994. 362с.
14. *Римская О.Н.* Феноменология субкультурных религий: Дисс на соиск. уч. ст. к. филос. н. Тула, 2011. 172 с.
15. *Римский В.П.* Миф и религия: проблема генезиса и культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. 184с.
16. *Римский В.П.* К проблеме генезиса религии. Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1983. №1. С. 55-60;
17. *Фуко М.* Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. Пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. Санкт-Петербург : Наука, 2011. 543 с.
18. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. 2-е, переработанное издание. М.: Смысл, 1997. 505 с.
19. *Giussani L.* L'autocoscienza del cosmo. Milano: BUR, 2000.
20. *Robertson Smith W.* The Prophets of Israel. N.Y., 1882.

A.V. RIMSKIY, S.N. BORISOV

CULTURAL AND HISTORICAL FORMS OF THE RELIGIOUS EXTREMISM: FROM TRADITIONALISM TO MODERNITY

The article discusses the general forms of the religious extremism and the mechanism of their cultural and religious transformation in the context of traditionalism and modernity which enables the more historical and critical view on the phenomenon of the contemporary religiosity.

Key words: ***religious extremism, violence, traditionalism, modernity, sacral.***

Е.В. САЛЬНИКОВ
кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин и экономики Орловского юридического института МВД России
E-mail: esalnikov2005@yandex.ru
Тел. 8 910 263 71 13

КОНЦЕПЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается понимание экстремизма в рамках шизоанализа Ж. Делза и Ф. Гваттари, а также психоаналитической концепции человеческой деструктивности Э. Фромма. Экстремизм анализируется в формах фашизма, неофашизма и левого экстремизма. На основе сравнительного анализа делается вывод о недостатках концепции экстремизма в рамках психоаналитической философии.

Ключевые слова: ***психоаналитическая философия, экстремизм, фашизм, неофашизм, левый экстремизм, человеческая деструктивность, шизоанализ.***

Психоаналитическая философия в лице своих различных представителей претендовала на целостное понимание основ бытия человеческого общества. Соответственно поэтому такие значимые феномены современного бытия, как экстремизм и различные формы его объективации (фундаментализм, левый экстремизм, фашизм, национализм), не могли выпасть из поля зрения философов психоаналитиков. В этой связи для понимания сути экстремизма будет достаточно актуальной реконструкция идей двух наиболее значимых концепций экстремизма, выполненных в духе психоанализа, но с разных позиций. Это концепции шизоанализа Ж. Делеза и Ф. Гваттари, а также концепция человеческой деструктивности Э. Фромма.

Шизоаналитический подход к миру социальной жизни в его современном измерении позволили Ж. Делезу и Ф. Гваттари выразить новые грани феномена экстремизма. Сам термин «экстремизм» в работах Делеза и Гваттари не используется, но в философском сообществе второй половины двадцатого века за работой «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» закрепилась слава Манифеста 1968 г.

Делез и Гваттари творчески переосмысляют наследие как К. Маркса, так и З. Фрейда. Принимая в целом тезис Маркса об общественном производстве как основе социальной жизни, Гваттари и Делез утверждают первичность не потребности, а желания. Именно в этом положении происходит совмещение марксизма и психоаналитических моделей. Человек в этом случае оказывается желающей машиной, для уяснения сути которой необходимо поставить вопрос о природе желания. Классический психоанализ решает эту проблему, раскрывая механизм Эдипова комплекса, французские философы отрицают первичность Эдипова комплекса. Эдипов комплекс предполагает желающего субъекта, тогда как первичное желание – бессубъектно. Следовательно, оно шизофренично. Термин шизофрения используется в работе не в смысле психиатрического термина для обозначения болезненного отклонения психики от нормы, что одновременно означало бы негативную коннотацию. Напротив, у Делеза и Гваттари желающая машина есть производство, а значит постоянный процесс, движение, становление, но не ставшее, уже перестающее желать. Именно эта бессубъектность вечного становления и является определяющей чертой психики, получившей название шизофрения.

Производство желающей машины не только производство желающее, но еще и общественное. «Желание относится к порядку производства, – пишут французские философы, – а любое производство одновременно желающее и общественное» [1, с. 466]. Отталкиваясь от этого постулата, авторы протестуют против несостоятельного, на их взгляд, переноса Эдипова комплекса и всех психоаналитических построений на общество в целом. Речь идет, как можно себе представить, о противодействии построениям аналогичным, скажем, построениям Э. Фромма, где Эдипов комплекс определяет садомазохзистские тенденции в обществе и в конечном итоге болезнь всего общества. Господство Эдипа Делез и Гваттари связывают только с одним типом общества – современным капитализмом, – и это господство не сущностно, а вторично. В известном смысле, оно образовано капитализмом для собственных нужд. Эдипов комплекс, по мысли французских философов, представляет собой «плод двойной операции. В одном и том же движении подавляющее общественное производство замещает себя вытесняющей семьей, а последняя дает искаженный образ желающего производства в виде семейных инцестуозных влечений» [1, с. 191].

© Е.В. Сальников

Именно так и возникает трактовка начальника как отца со всей прилагающимся эдиповым багажом влчения-отторжения. На самом же деле мир гораздо более полон. Нет смысла видеть в детской игре в вагоновожатого проекцию отца и эдипов комплекс, когда более правильно будет предположить игру ребенка в вагоновожатого – процесс становления-без-ставшего шизофренической личности. Эдипов комплекс не позволяет спрашивать о самом желании, о материи этого желания. Эдип – это «метафизика психоанализа» [1, с. 12].

В этой связи отказ от Эдипа, деэдипизация бессознательного позволили бы достичь регионов подлинного бессознательного, без чего ряд проблем не только не может быть разрешен, но даже и поставлен. Авторы говорят о целой революции, которая «может осуществиться лишь благодаря критике Эдипа, путем разоблачения того незаконного использования синтезов бессознательного, которое проявляется в эдиповом психоанализе, так что в итоге будет обнаружено трансцендентальное бессознательное, определенное имманентностью своих критериев, и соответсвующая им практика, определяемая как шизоанализ» [1, с. 122].

Желающая машина, как исходный пункт, есть тело без органов. Никакой определенности, но становление как раз и предполагает постоянное превращение, Делез употребляет здесь термин «поля интенсивностей на теле без органов». Раса, культура и боги – вот первичные поля интенсивностей, то, в чем происходит определение как вечное становление желающей машины. «Именно расы и культуры обозначают области на этом теле, то есть зоны интенсивности, поля потенциалов. Внутри этих полей производятся феномены индивидуализации или сексуализации» [1, с. 139].

Важно понять, что именно благодаря наличию полей интенциальности происходит индивидуализация, а не наоборот. Не Я отождествляет себя с Жанной д'Арк, «нет Эго, которое отождествляет себя с расами, народами, лицами на сцене представления, есть имена собственные, которые отождествляют расы, народы и лица с областями, порогами или эффектами в производстве интенсивных количеств» [1, с. 141]. Шизофрения не есть ситуация, когда он (некто, субъект) выдает себя за Людовика XVIII, нет, в центре находится некая желающая машина, обретающая и теряющая свое я в вечном становлении.

Подобный подход органическим образом подводит к вопросу о том, как стало возможным современное капиталистическое общество. Делез и Гваттари предлагают три модели общественного устройства. Первичной Делез и Гваттари видят первобытную территориальную машину. Здесь возникает насыщенный содержанием термин территориальность, который будет во многом отражаться в дальнейшей логике социально-исторических построений философов, а именно в терминах детерриториализация и ретерриториализация. Речь идет не только о земле в прямом смысле, но и о метафоре определенности потоков кодификации, знаковых систем и производственной деятельности. Универсального кода, который позволил бы декодифицировать все остальные коды и превратить их в ничто, здесь еще нет. Существует множество локальных кодов, привязанных к земле.

Все меняется, когда на смену приходит варварская деспотическая машина. «Детали территориальной машины сохраняются, но теперь они – лишь рабочие элементы государственной машины» [1, с. 309]. Здесь нужно понять, что Делез и Гваттари не повторяют пошагово логику исторического материализма Маркса. Строя свою историю на производстве одновременно желающем и общественном, они вынуждены говорить о воплощении желания в территориальности, чему на смену приходит государство в деспотии. Отказ от чистоты способа производства не позволяет здесь говорить о феодализме, рабовладении и т.д. «Исходное государство не является просто одним из срезов. <…> Государственная институтция … не является ни одной из формаций, ни переходом от одной формации к другой» [1, с. 344]. Желающая территориальность заместилась желающим деспотом. Не случайно Делез и Гваттари говорят здесь об азиатском способе производства. «Деспотическое государство, которое проявляется в наиболее чистых условиях так называемого азиатского производства, обладает двумя взаимосвязанными аспектами – с одной стороны, оно заменяет территориальную машину, оно образует новое полное детерриторизованное тело; с другой стороны, оно поддерживает старые территориальности, объединяет их в качестве деталей или органов производства с новой машиной» [1, с. 312-313]. «Государство – это желание, которое переходит из головы деспота в сердца подданных, из интеллектуального закона на всю физическую систему, которая из него высвобождается или же из него выделяется» [1, с. 349].

Важность этой стадии тем выше, что она не ограничивается собой. Как Urstaat, она представлена в основании современных государств. Это исходное государства, а потому, когда Делез и Гваттари говорят о фашизме, они имеют в виду именно возвращение к Urstaat, ретерриториализацию. В этом смысле государство, представляющее в своей чистой форме, по мысли французских философов, империю, деспотию, это государство есть

начало, которое не является первичным, но есть начало как абстрактная сущность. Оно дает высшее единство первичным территориальным общественным машинам. Оно не декодирует пространство социального, а перекодирует его. Так тоталитарное государство фашистов есть корпоративное государство, не отменяющее прежней территориальности, но дарующее ей высший синтез.

Полную детерриторизацию и раскодирование предлагает капитализм. Он представляет собой уникальный в смысле постоянного расширения объект желания, ибо не может быть охвачен и исчерпан желанием, постоянно расширяя свои пределы. Так, раскодировав все в универсальном коде денег, он не может поставить преград на пути постоянно продолжающейся инвестиции желания в социальное поле. Эта третья форма завершает целостный образ трех типов общественной машины. Первая – это глубинная территориальная машина, которая занята кодированием потоков на полном теле земли. Вторая – это трансцендентная имперская машина, которая занята перекодированием потоков на полном теле деспота и его аппарата, Urstaat… Третья – это современная имманентная машина, которая занята раскодированием потоков на полном теле капитала-денег.

В концепции Делеза и Гваттари капиталистическое общество обозначено как цивилизация. «Цивилизация определяется раскодированием и детерриторизацией потоков в капиталистическом производстве. Для обеспечения этого универсального раскодирования все средства хороши – приватизация, которая распространяется на товары, средства производства, но также и на органы самого «частного человека»; абстракция не только денежных количеств, но и количеств труда; снятие ограничений в отношении капитала и рабочей силы, а также в отношении потока финансирования и потоков доходов или платежных средств; научная или техническая форма, приобретенная самими потоками кода; формирование парящих конфигураций на основании линий и точек без определимого тождества» [1, с. 386].

В этом отношении капитализм выступает в качестве предела всех обществ, ибо он осуществляет раскодирование потоков, которые другие общества кодировали и перекодировали. Однако эта предельность капитализма не абсолютна, а относительна в силу того, что он замещает коды аксиоматикой. Аксиоматика удерживает энергию потоков в связанном состоянии на теле капитала как детерриторизованного социума.

В этом отношении становится очевидной разница между шизофренией и капитализмом. Шизофрения тоже предполагает раскодирование, полагающее предел, но ее предел абсолютен. Исходя из этого, мы получаем основания для шизоанализа. Первая его задача состоит в разрушении, деструкции капиталистического мира театра. При этом разрушении очень велика опасность ретерриторизации, предлагаемой Urstaat, возникновения фашистского типа государства – правой революции. Важно не дать устойчивость, а отменить аксиоматику, чтобы дать полную шизофреническую свободу.

Однако шизоанализ не сводим только к негативной задаче разрушения всего и вся. Его позитивная задача заключается в том, чтобы открыть подлинную природу, формацию и функционирование желающей машины. Вторая позитивная задача состоит в становлении подлинной общественной машины, и здесь-то мы и сталкиваемся с революционным замыслом. Шизоанализ в своей позитивной задаче неизбежно приводит нас к вопросу о допустимости экстремизма и его оценке, коль скоро мир капитала должен быть устранен в шизоанализе. Можно ли в этом случае отождествить шизофреника и революционера?

И здесь прежде всего отметим, что Делез и Гваттари четко разграничивают правые экстремистские идеи и левый экстремизм. Фашизм (соответственно, неофашизм) не революция. Это контрреволюция, воссоздание и упрочение Urstaat. Левый экстремизм несет подлинную революцию как освобождение от капитализма. Однако шизофреник и революционер не тождественны.

«Между шизофреником и революционером вся разница в том, – пишут Делез и Гваттари, – что один ускользает, убегает, а другой умеет заставлять ускользать то, от чего он ускользает, прорывая трубу с нечистотами, устраивая потоп, освобождая поток, перекраивая шизу. Шизик – это не революционер, однако шизофренический процесс (шизик является всего лишь прерыванием этого процесса и его продолжением в пустоте) – это потенциал революции. Тем, кто говорит, что бегство трусливо, нужно ответить: есть ли что-то, что было бы ускользанием и не было бы одновременно общественным инвестированием»? [1, с. 537]

В целом суть революции сводится к тому, что она тоже порождается желанием. Следовательно, любая определенность этого желания, его закоснелость выражает собой подмену подлинности желания. Представляется, что Делез говорит здесь не столько о перманентной революции, хотя Троцкий и был достаточно популярен в левацкой среде. Высказываемые здесь идеи скорее ближе к Ситуационистскому интернационалу и его контркультурным практикам вкупе с «новой географией городов» и т.п.

Определенная несостоятельность подобной позиции видна невооруженным взглядом. Фашизм – это также разновидность революции, «консервативная революция. Серьезной критики разграничение между шизофреником и фашизмом, предлагаемое Делезом и Гваттари, не выдерживает, ибо в его основе лежит чисто аксиологическое положение о «хорошем и плохом насилии», и когда для одних фашизм «лишь ускользает», для других он «заставляет ускользать».

Серьезную попытку выявить свойственные экстремизму психически отклонения предпринимает Э.Фромм. В своей концепции человеческой деструктивности Э. Фромм на широком материале германского и итальянского фашизма предпринимает попытку психоаналитического анализа, в которой некрофилия, агрессивность и нетерпимость связываются воедино на базе психических отклонений личности.

Фромм проницательно подмечает, что вопрос о насилии на уровне личности становится вопросом об агрессии. Фромм выделяет два типа агрессивности: биологически адаптивную и биологически неадаптивную, злокачественную. Первая свойственна живому миру вообще, т.е. в равной мере человеку и животному. По мысли Фромма: «Биологически адаптивная агрессия – это реакция на угрозу витальным интересам индивида» [2, с. 164]. Эта агрессия носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу, при этом агрессия снимается устранением либо самой угрозы, либо ее причины. Такая агрессия представима в виде многообразия типов псевдоагрессии (т.е. агрессивных действий без злых намерений) или столь же вариабельной оборонительной агрессией – филогенетически запрограммированного механизма устранения угрозы витальным интересам.

В противовес этому злокачественная агрессивность вовсе не является защитой от нападения или угрозы. Эта агрессивность не заложена в филогенезе и свойственна только человеку, причем не каждому, а только определенному типу личности, определенному, что важно, психологически. Личностью, психологические структуры которой порождают злокачественную агрессию, является, по Фромму, некрофил. Некрофилия для него есть «страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения, а также исключительный интерес ко всему чисто механическому, небиологическому. Плюс к этому это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей» [2, с. 285].

Некрофил убежден, что единственный путь разрешения конфликтов и проблем есть насилие. В терминологии Фромма у подобных личностей «иметь» господствует над «быть». Их «иметь» значит умерщвлять, подчинять все своей власти вплоть до полного упразднения самости иного, что, по сути, означает его смерть. Указание на жажду власти у некрофила проясняет его садомазохистский характер.

Раскрытие садомазохизма дается в концепции анально-накопительного характера, в которой Фромм опять же старается дистанцироваться от фрейдовского либидо и говорит о значительном влиянии окружающего мира. Анально-накопительный характер в своей объективации в чувствах, мыслях и действиях демонстрирует гигантское стремление к порядку. По сути, сама власть воспринимается им как возможность насадить во всем норму, устранить грязь и хаос. Только его властная воля способна обратить мир из враждебного, иного, чужого, а потому – грязного, в свой, значит, чистый и упорядоченный. Для него смерть и разрушение обладают большей реальностью, чем жизнь и рост. Его творчество всегда укоренено и обращено в прошлое – четкое, упорядоченное и уж никак не связанное с хаосом возможностей будущего или неопределенностью настоящего.

Анальная личность уверенно чувствует себя в этом мире только при том условии, что она им владеет, распоряжается им, является его хозяйкой. Неудивительно поэтому, что подобная черта доминирует и у некрофила, в жизни которого господствует то, что было: учреждения, законы, собственность, традиции, владения. Здесь прошлое в силу своего бытия ближе всего к смерти. Для некрофила новое не имеет ценности, а перемены, обращенные в будущее, воспринимаются как преступление против «естественного, привычного хода вещей». Допустимы лишь те перемены, которые черпают свою жизненную силу из прошлого, насилие, вдохновляемое прошлым.

Таким образом, личностью, творящей насилие, становится некрофил, обладатель садомазохистского характера, анальный тип личности. В силу этого экстремист, как человек совершающий злокачественное насилие, должен принадлежать именно к данному психологическому типу.

Следует подчеркнуть, что рассуждая о доброкачественной агрессии, Фромм относит к ней насилие, поставленное на службу освобождения. Речь идет о различных вариантах революционно-освободительной борьбы, которая с точки зрения закона является тем же самым экстремизмом, только другого толка, и столь же наполняет мир на-

силием, сколь и деятельность некрофилов. Между тем, по Фромму, это насилие имеет право на бытие. Причина подобной разборчивости в ревизии Фрейда, предпринятой Фроммом. На место пола Фромм ставит достаточно метафизичное и спекулятивную сущность человека. Если Кант ясно видел трансцендентальность тезиса о человеческой свободе, то Фромм считает свободу биологической реакцией человеческого организма. Для него свобода является предпосылкой развертывания всех человеческих способностей личности, ее физического и психического здоровья и равновесия. Изъятие свободы – калечит личность. «Свобода, – пишет Э. Фромм, – является для человека жизненно важным биологическим фактором, который обусловливает беспрепятственное развитие человеческого организма, и потому опасность лишиться свободы вызывает такую же оборонительную агрессию, какую вызывает любая угроза витальным интересам личности» [2, с. 174].

Подобное утверждение способно ни много ни мало оправдать жесточайшее насилие, творимое во имя свободы. Фромм чувствует определенную слабость своей позиции и позволяет себе прибегнуть к оговорке. «Однако нельзя впадать в эйфорию, – замечает он, – по поводу допустимости истинно революционной наступательной активности; из того факта, что любая активность, вызванная потребностью защиты жизни, свободы или чести относится к нормальным механизмам функционирования организма, вовсе не следует, что можно оправдать разрушение жизни. Это остается личным делом каждого, делом религиозных, этических или политических убеждений, делом совести – оправдывать такую позицию или нет» [2, с. 174-175]. Вслед за этим Фромм высказывает абсолютно нелогичное для психоаналитика опасение в том, что освободительная доброкачественная деструктивность может вдруг обернуться своей противоположностью. Такой невероятный кульбит позволяет Фромму уйти от сложнейшей проблемы и сколько-то прикрыть слабость психоаналитической трактовки экстремизма.

Таким образом, проведенный анализ показывает общую проблему психоанализа. Не будучи способными утверждать единый психоаналитический портрет экстремиста, они прибегают к аксиологическим по своей основе разграничениям «хорошего (доброкачественного, правильного, допустимого)» и «плохого (злокачественного)» насилия. Реалии бытия современного общества опровергают эти идеи.

Библиографический список

1. *Делез Ж.., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Перевод с французского. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
2. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Перевод с немецкого. М.: Республика, 1994.

E.V.SALNIKOV

EXTREMISM CONCEPTS IN PSYCHOANALYTIC PHILOSOPHY

In article the understanding of extremism in frameworks schizoanalyse by Gilles Deleuze and Pierre-Félix Guattari , and also the psychoanalytic concept human destruction by E.Fromm is considered. The extremism is analyzed in forms of fascism, neo-fascism and the left extremism. On the basis of the comparative analysis becomes the conclusion about lacks of the concept of extremism in psychoanalytic philosophy.

Key words: ***psychoanalytic philosophy, extremism, fascism, neo-fascism, the left extremism, human destruction, schizoanalyse.***

Н.А. ЧАВКИН
аспирант кафедры социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
E-mail: sinekrasov@mail.ru
Тел. 8 916 730 89 14

РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНЯНИЯ

В статье рассматриваются две основные теории этносов Л.Н. Гумилёва и Ю.В. Бромлея, на основании чего даются определения этноса, народности, национального самосознания. Особое внимание уделяется понятию «традиция» и значению духовно-нравственных традиций для развития этнического самосознания.

Ключевые слова: ***этнос, народ, нация, этникос, этносоциальный организм, этническое самосознание, традиция, нравственная регуляция, духовно-нравственная традиция.***

Существуют самые различные, подчас диаметрально противоположные теории этноса.

Так, Л.Н. Гумилев утверждал, что «Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплиментарности, и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени. Каждый этнос в той или иной степени внутренне неоднороден: внутри него выделяются субэтносы, консорции и конвиксии, которые могут возникать и распадаться, причем ощущение единства этноса как целого у их членов не теряется [3, С. 540]. Эти коллективы людей, по мнению Гумилёва, поддерживают этническое единство: ни язык, ни культура, ни идеология, ни этнические связи, ни общность происхождения не создают этнос. Каждый этнос в своё время возник из нескольких компонентов, которые, сливаясь, образовали одну целостность со своей внутренней структурой и стереотипом поведения. Эта внутренняя структура этноса представляет собой нормы отношений между коллективом и конкретным индивидом. Эти нормы существуют во всех областях жизни и быта и воспринимаются данным этносом в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Поэтому для всех членов этноса эти нормы не тягостны.

Историческая судьба этноса, его этнографическая самобытность определяется способом ведения хозяйства и приспособлена к ландшафту его проживания. Л.Н. Гумилёв отстаивает идею о взаимодействии этноса и географической среды. В этом взаимодействии возможны два варианта: либо народ приспосабливается к природным условиям, либо он приспосабливает их для себя. Здесь немаловажную роль играют условия населяемой ими территории. Природные условия создают разные формы хозяйственной деятельности, а практика хозяйственной деятельности способствует формированию разных привычек.

Л.Н. Гумилев в своей теории этноса отождествляет передачу традиций от одного поколения к другому с поведенческими стереотипами, усвоенными на основе условных рефлексов. Л.Н. Гумилев убежден, что отсутствия традиции не достиг ни один этнос, иначе бы он просто перестал существовать, растворившись среди других.

Теория этноса Ю.В. Бромлея за исходный пункт берёт идею о том, что в этносе по-разному сочетаются, с одной стороны, так называемые этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая жизнь, этническое самосознание, закрепленное в этнониме – самоназвание этноса), а с другой стороны, такие, которые рассматриваются преимущественно в качестве условий формирования и бытия этнических элементов (природно-, географо-, территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.). Ю.В. Бромлей видит двойственную (дуалистическую) природу этноса и выводит два смысла этого понятия - узкий и широкий. Этнос в узком смысле он называет «этникос» (греческое прилагательное от «этнос»): он включает в себя перечисленные собственно этнические характеристики. Этнос в широком смысле назван им этносоциальным организмом и выглядит как сочетание собственно этнических элементов и условий его складывания и функционирования, то есть социально-экономические факторы.

Любой взрослый человек, где бы он ни находился, непременно относится к какому-либо этникосу: или к основному его ядру или к «периферийной» его части. Поэтому человечество в любой данный

© Н.А. Чавкин

момент представляет собой совокупность этникосов [1, С. 59].

Отсюда, понятие «национальность» включает принадлежность к определенной этнической единице, не только к нации, но также к народности и даже к так называемым национальным (этническим) группам, под которыми обычно понимаются те части этникоса, что находятся за пределами нации и народности. Другое значение слова «национальность» обозначает этнические общности, предшествующие нации (в первую очередь народности), притом понимаемые не только как этникосы, но и как этносоциальные образования.

Вычленяя этносы среди других общностей людей, нельзя не обратить внимание на наличие у племен, у народностей, у наций, у национальностей одного весьма наглядного и непременного внешнего признака: каждое из этих образований имеет свое самоназвание – собственное имя, по выражению Ю.В. Бромлея, этноним.

Этническое самосознание, как и любая форма общественного сознания, явление вторичное, производное от объективных факторов, ибо в сфере повседневного поведения этнические особенности бывают настолько своеобразными, что нередко воспринимаются представителями других народов как нечто странное и удивительное. В силу этого при разграничении этносов (народов) в повседневной практике, как правило, указывают на такие устойчивые и отчетливо внешне выраженные компоненты их культуры, как язык, религия, народное искусство, устное творчество, семейный быт, брачные обряды, обычаи, нормы поведения, привычки и т.п. К этим характеристикам относят также общепринятые формы вежливости и приветствия, походку, этикет в еде, ее состав, способ приготовления и времени ее приема, гигиенические привычки и многое другое. Все эти компоненты национального самосознания имеют у отдельных народов свои характерные черты – этническую окраску и, передаваясь из поколения в поколение, образуют так называемую этническую культуру, обладающую специфическим для нее стилем [2, С. 56].

Объективные факторы формирования этнического самосознания могут быть сведены к общности этнических черт и исторических судеб лишь в том случае, если иметь в виду этнос в узком смысле слова (этникос). Но в действительности наряду с «чисто» этническими (этнокультурными) общностями существуют и сложные этнические образования – этносоциальные организмы, обладающие определенной территориальной общностью. Именно поэтому, по мнению Ю.В. Бромлея, этническое самосознание опирается на представления «о родной земле», о характерных чертах территории основного расселения этноса. Отсюда и особое соотношение между этническими (национальными) чувствами и эмоциональным восприятием «родной природы» [1, С. 192].

Человек становится членом своего этноса, своей нации лишь при условии осознания в той или иной мере того, что он имеет с ней общность культуры, языка, черт психики, исторических судеб и т.п., т.е. всего, что относится к собственно этническим чертам нации и соответственно отражается в этническом самосознании [1, С. 198].

Поэтому в отечественной научной литературе большинство дефиниций этноса указывают на общность территории как на один из бязательных признаков нации. Сложившиеся этносы часто обладают общими чертами и при отсутствии единой для всех их частей территории, а соответственно также без экономической и политической целостности. К таким чертам, прежде всего, относятся характерные особенности культуры (в том числе языка) и психики этноса, его самосознание и самоназвание. Именно этот комплекс и составляет ядро собственно этнических свойств.

Таким образом, такие компоненты, служащие в качестве важнейших признаков общности, как «нация», «народ», «национальность», не вполне равнозначны в политическом отношении.

Термин «нация» происходит от латинского слова «рождаться» и восходит к первоначальному латинскому слову, в переводе означающему «род», «племя», «народ», т.е. имело преимущественно этническую окраску. В настоящее время термин «нация» зачастую служит для обозначения совокупности людей одного этнонима, живущих в пределах одного государства.

В отличие от наций, народности не обладают собственным промышленным производством, здесь невелика доля рабочего класса. Народность имеет слабые внутренние инфосвязи.

Термин «народ» обозначает совокупность людей, имеющих один этноним, и охватывает лиц, находящихся не только на территории одного государства, но и на общей (смежной) территории разных государств. Поэтому для обозначения людей одного этнонима, проживающих на отдаленных несмежных территориях, применительно к новому и новейшему времени чаще используется термин «национальность». Для первобытного общества примерно такую же роль выполняет слово «соплеменность», которым могут обозначаться не только члены племени, что находятся на территории его основного расселения, но и оказавшиеся за пределами таковой. Ю.В. Бромлей подчёркивает, что

следует четко разграничивать территориальную целостность, как условие возникновения этноса и как фактор его существования [2, С. 58].

Таким образом, этнос он определяет как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме).

Э.А. Орлова основной упор при характеристике этноса делает на соотношение понятия класс и этничность. В её трактовке класс означает горизонтальную солидарность среди людей, которые безотносительно к происхождению предков разделяют общее отношение к власти и привилегиям [4, С 149].

Исходя из этой трактовки, она излагает свое понимание категории этнос: «Категория «этнос» относится к людям, обладающим определенными идентификационными признаками, традиционно передаваемыми от поколения к поколению. Обычно к таким признакам относят расовую принадлежность, цвет кожи, географическое происхождение, язык, обычаи, религию. Они имеют идентификационное значение, даже если не признаются носителями, и в этом смысле носят объективный характер. Можно считать, что лица, разделяющие определенный набор подобных черт, составляют группу, разделяющую общую этническую базу, подобно тому, как социальный класс представляет собой группу лиц, занимающих общую позицию в системе материального неравенства» [4, С 149].

Мы рассматриваем нацию,, как живой социальный организм, включающий в себя комплекс социальных и этнических признаков (элементов), т.е. как социально-этническую общность. При определении нации как социально-этнического образования, социальное и этническое находятся в отношении диалектического взаимопроникновения. Этническое в нации социально по содержанию, а социальное этнично по форме. Появление этнического самосознания (включающего в себя и этноним) означает процесс становления этноса. Чтобы этносы достигли «зрелости», необходимо возникновение сопряженной с данным этносом социально-политической структуры, в первую очередь, национального государства, что связано с формированием национального сознания. Это, прежде всего, отношение к культурным и историческим ценностям своего народа, а также отношение людей к истории человечества, особенно своей страны, своего народа.

На основании анализа научных источников можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, этническое самосознание возникает и развивается на базе определенного творческого синтеза лингвистической и национальной культуры.

Во-вторых, обеспечение динамичного единства культуры, языка, национального самосознания можно рассматривать как фундаментальную основусуществования и функционирования этноса;

В-третьих, для введения общечеловеческих ценностей в социальную практику и экономическую жизнь необходимо сочетание в гармонии развития-этничности с движением за бережное отношение к этноэкологическому пространству.

Мы разделяем позицию Э.А. Орловой в определении понятия культурной традиции и её вывод о том, что под действием традиции в процессе социализации индивид осваивает стандартный этнично-специфичный опыт. Такая трактовка является одной из методологических предпосылок при разработке вопроса об этносоциально-ролевом подходе в этническом воспитании: культурная традиция представляет собой один из важнейших механизмов поддержания, сохранения устойчивости норм, ценностей, образцов этнической культуры, что важно для формирования молодого поколения этноса.

Мы основываемся на понимании этноса как особой социальной группы, обладающей общностью интересов, ценностей и норм поведения, сложившихся на основе единых условий и объективных характеристик жизнедеятельности людей. Этническая группа, с одной стороны, определяет объективную принадлежность человека к данному народу, предопределяется рождением, с другой – основывается на культурных связях индивида со своим народом и его традициями. Человек всегда осознаёт себя исторически и этнически определенным существом и признаёт этнические различия как социально значимые для своей жизнедеятельности.

Этническое самосознание тесным образом связано с этнической моралью, на которой основывается нравственный облик того или иного народа.

Без этого немыслимы ни коммуникация внутри этноса, ни манипуляции с его национальным самосознанием.

Нравственные традиции многочисленны. История этноса отбирает из них наиболее адекватные и приемлемые к социально-экономическим условиям его жизнедеятельности, поэтому одним из важнейших вопросов сохранения национального самосознания является проблема поддержания нравственных традиций, которые обеспечивают устойчивость и жизнеспособность нации.

Нравственная культура человечества – это пре-

жде всего мораль этносов.

Нравственное этническое воспитание основано на исторически сложившихся императивах того или другого этноса, которые призваны прививать подрастающим поколениям те или иные положительные образы поведения, уважение к другим народам, стремление перенимать у них лучшие черты, оказывать взаимопомощь и т.п. В каждом народе издавна вырабатывался свой самобытный нравственный уклад, своя духовно-нравственная культура, на основе чего формировались многочисленные обычаи и традиции, облагораживающие жизнь членов этноса. Национальные нравственные традиции проявлялись в отношении к природе, в удивительных народных ремеслах, в красоте одежды, в прославленных «законах» гостеприимства, в добрых обычаях хорошего тона и в правилах приличия.

Феномен нравственности многогранен и основан на накоплении информации о поведении людей, мотивов их поступков и т.д. Если главной функцией нравственности является регулятивная функция, то мораль («должное») представляет собой систему ценностных установок, (нравственное сознание), нравственных норм («сущее») и совокупность нравственных поступков (нравственное поведение), которые представляют собой диалектическое единство.

Чтобы показать роль этносов в нравственном прогрессе человечества, необходимо уточнить критерий нравственного прогресса. Наиболее общими критериями духовно-нравственного прогресса нации являются:

1. свобода, обеспечивающая движение к цивилизованным формам поведения людей и одновременное ограничение стереотипов, изживших свой смысл в новых условиях;

2. расширение сферы действия прогрессивных моральных норм на все большее число людей – от узких рамок родовой общины, затем социальной группы, сословия, класса до общества в целом;

3. усиление действенности нравственного сознания: расширение сферы действия моральной регуляции на все большее количество областей человеческой жизни, проникновение морали в ранее заповедные сферы международной политики и природно-преобразующей деятельности людей (экология, генетика, демография и пр.);

4. возрастание роли внутренних форм регулирования поведения: совести, нравственных чувств, потребностей и убеждений, и соответственно сокращение удельного веса внешних способов управления поступками людей (общественное мнение, юридические предписания).

При этом мы исходим из понимания того, что:

1. в качестве регулятора поведения людей эффективность нравственности стоит на первом месте;

2. в каждой нравственной системе удельный вес общечеловеческих норм всегда превалирует.

Мы склонны выделять три основные исторические формы нравственной регуляции поведения индивидов и социальных общностей:

1. посредством детально регламентированных правил-запретов и указаний, передаваемых человеку с помощью обычаев, обрядов, кодексов и инструкций, исполнение которых требует автоматизма и не нуждается в излишнем интеллектуализме. Такая форма регуляции поведения была доминирующей в условиях первобытнообщинного строя.

2. Позднее исторической формой управления поведением людей стали простые нормы нравственности и справедливости. Нормы предъявляют определенные требования к нравственным качествам человека и предполагают понимание причинно-сдедственных связей между намерениями и поступками. Известно около тысячи простых норм нравственности (трудолюбие, доброжелательность, скромность, честность и т.п.). Простые нормы нравственности служили основными регуляторами поведения и нравственных отношений в среде народных масс.

3. Высшей формой регуляции поведения представителей народных масс, соблюдения нравственных принципов является общественное мнение, которое духовно поощряет или наказывает.

Этническая система нравственного воспитания тесно связана с широко разветвленной практикой педагогического воздействия и не может ограничиваться сферой нравственности. Она включает в себя проблемы трудового, эстетического, нравственного, физического и т.п. воспитания, а также образования, обучения подрастающего поколения, но нравственные этнические традиции, нормы, обычаи, обряды всегда были ядром национальной культуры, вокруг которого строятся все меры воспитательного воздействия, формируя духовность этноса.

Библиографический список

1. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
2. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этносоциальный организм. //Вестник АН СССР, 1970. №8.
3. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история люден и история природы. М., 1993.
4. *Орлова Э.А.* Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.

N.A. CHAVKIN

THE ROLE OF SPIRITUAL AND MORAL TRADITIONS IN THE PROCESS FORMATION OF ETHNIC SAMOSOZNNIYA

In this paper, two main theories of ethnic groups LN Gumilev and Y. Bromley, on the basis of which contains definitions of ethnicity, nationality, national identity. Particular attention is paid to the notion of «tradition» and the value of spiritual and moral traditions for the development of ethnic identity.

Key words: ***ethnicity, nation, nation, Ethnikos, ethnosocial body, ethnic identity, tradition, moral regulation, spiritual and moral tradition.***

В.В. ВИНОКУРОВ
кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: relig@ philos.msu.ru

КОНЦЕПЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ РЕЛИГИИ РЕНЕ ЖИРАРА: ДВОЙНИК

Предлагаемая работа представляет третью. последнюю часть серии статей, посвященных основным понятиям динамической модели феноменологии религии Рене Жирара. В ней анализируется наиболее сложное понятие «Двойника» – Alter ego. В предыдущих частях рассматриваются понятия «ритуального кризиса» и понятие «близнеца» (Alter-idem).

Ключевые слова: ***религия, феноменология религии, ритуал, ритуальный кризис, жертвоприношение, священная сила, священное, святое, alter-idem, alter ego.***

К основным понятиям концепции религии французского антрополога Рене Жирара относятся: жертвенный (ритуальный) кризис, близнецы и двойник.

Жертвенный кризис. Генезис института жертвоприношения Жирар рассматривает как результат замещения институтом жертвоприношения более древнего, первобытного института «кровной мести». И тот и другой выражают идею справедливости. И тот и другой институты основаны на принципе «око за око, кровь за кровь». Но «око» и «кровь» в этих двух случаях разные. В первом случает это «кровь» врага, во втором – «кровь» жертвы. Жирар говорит о двойственной природе крови, одна природа – нечистая, другая – чистая, одна – яд, другая – лекарство, «нет ничего более несхожего, чем эти две капли крови, но нет и ничего более схожего» [3, 54]. Первая – «нечистая» (кровь врага), вторая – «чистая» (кровь жертвы). Механизм «жертвенного кризиса» запускается, если две разные «природы крови» смешиваются и становятся неразличимыми. Если понимать это не буквально, а метафорично, то можно сказать, что смешиваются два института: институт мести и институт жертвоприношения. Первый работает по принципу «зло порождает зло», ненависть – ненависть», «зависть – зависть», «преступление – преступление». Одна природа не может победить другую, поскольку это одна и та же природа. Так же как в алхимии «железо» не порождает «золота», а только железо.

Механизм института жертвоприношения основан на принципе «неравного воздаяния», а именно, на предложении замещения «врага», «преступника» жертвой, «виновного невинным», «худшего лучшим». Этот механизм, по мнению антрополога, способен остановить колесо кровной мести и положить конец институту насилия. «Кровь» жертвы насилия – это «яд», который будет разрушать общество, порождая в нем ненависть, желание мести и месть. Кровь «добровольной, невинной жертвы», не связанной с насилием, – это лекарство, которое останавливает вражду и полагает конец ненависти.

Ситуация «жертвенного кризиса» – это ситуация смешения «двух капель крови». Ее первое условие – невозможность жертвы. К ней приводит ситуация всеобщей ненависти, когда «нечистыми» являются все, «все запятнаны преступлением». Для характеристики подобного «зла», употребляется понятие «метафизического зла и метафизической вины», которая отличается от «этического зла и этической вины». Этическое зло и этическая вина определяются актом выбора, метафизическое зло этот выбор сделать не дает. Оно обретается в сфере, где такого выбора нет. В этой сфере правда и ложь утрачивают этическое различие, вопрос, «что есть правда?» трансформируется и ставится в зависимость от ответа на вопрос «кто прав?», последний доминирует и побеждает вопреки этическим, логическим и прагматическим аргументам. Всякое «Да» неизбежно порождает «Нет». Всякое «Нет» неизбежно усиливает «Да».

С логической точки зрения, эта проблема рассматривалась Людвигом Витгенштейном на протяжении всего периода его творчества как проблема отрицания и противоречия. Но в интересующем нас аспекте, он рассмотрел ее в «Дневниках» (1914–1916) и в «Замечаниях по основаниям математики» (1942). В «Дневниках» он рассматривает проблему отрицания. В связи с рассмотрением логического отрицания он вводит понятие «тень образа»: «Образ тоже должен отбрасывать свою тень на мир» [1, 64 (6.11.14)]. Здесь Витгенштейн рассматривает отношение, которое устанавливается между образом и миром не как отношение «отображения», а как от-

© В.В. Винокуров

ношение «проекции». Речь идет о проекции образа на мир, где проецируемым является образ, а мир выступает его проекцией. «Тень образа» Витгенштейн мыслит как тайну и проблему отрицания.

Самому же отрицанию, как он разъясняет позже в «Трактате», ничего не соответствует, оно часть логического символизма. Витгенштейн прекрасно понимает, что если отрицанию поставить в соответствие какой-либо предмет или отношение внутри мира, то в мир войдет противоречие. Противоречие не имеет условий истинности, согласно тезисам «Трактата». Тавтология истинна всегда, предложение – возможно, противоречие неистинно никогда. Между утверждением и отрицанием лежит граница мира. Если отрицанию будет что-то соответствовать, то «тень» станет частью мира, а не только образа, и в мире утвердится противоречие. Соответственно появятся и люди «о двух головах», которые видят не только то, что есть, но и то, чего нет. Шаг в сторону противоречия был сделан Витгенштейном в работе переходного периода, в «Замечаниях по основам математики».

В «Замечаниях» Витгенштейн сравнивает противоречие с памятником двуликому Янусу. «Противоречащее само себе предложение стояло бы подобно памятнику (с головой Януса), над предложениями логики» [2, 139 (59)]. Противоречие, – замечает он, – это такое предложение, отрицание которого лишь вновь утверждало бы его. «Оно – нечто, возвышающееся над всеми предложениями и, одновременно, смотрящее, как голова Януса, в обе стороны!» [Там же].

В «Замечаниях» он исследовал проблему противоречия в логике и математике. В этой связи он исследует логический «парадокс лжеца». «Если некто говорит: “Я всегда лгу”, значит, он лжет не всегда». Витгенштейн переписывает его в форме «Я всегда лгу!». Он замечает: «Можно также сказать: «я всегда лгу» не было, собственно говоря, *утверждением*. Это было скорее восклицанием» [2, 139 (58)]. Иллюстрируется это положение следующим продолжением: «Я всегда лгу!» «Это тоже была ложь». – Но тогда ты, значит, лжешь не всегда! – «Нет, все ложь!» [2, 138 (58)].

Здесь мы имеем дело сразу с двумя проблемами. Во-первых, у нас появляется бесконечный ряд, в котором утверждения и отрицания принимают форму восклицаний. Следовательно, во-вторых, появляется эмоциональная реакция. И ничто не мешает этим двум сюжетам развиваться рука об руку в этом ряду. Умножая члены ряда, усиливается и эмоциональный момент, в том смысле, что эмоциональный момент в этом диалоге будет нарастать, и логический диалог превратится сначала в неразрешимый спор, который плавно перейдет в ссору. Но для спорящих сторон он не утрачивает значение. В «Замечаниях» Витгенштейн исследовал проблему противоречия в логике и математике: «Противоречие можно понимать как знак богов, говорящий мне, что надо действовать, а не размышлять» [2, 138 (56)]. Спор – это не размышление, а действие, в котором эмоциональный момент захватывает власть над рациональным.

Но вместе с противоречием в мир входит и «Янус», который «возвышается» над всеми предложениями разума. Он единственное, согласно Витгенштейну, что остается незыблемым («памятником»), в этой ситуации. С одной стороны это постоянная, а с другой – крайне динамичная неуловимая реальность. Это проблема безумия и проблема смерти, которые Витгенштейн рассматривает в неразрывной связи. В более поздних «Замечаниях» он скажет: «Философ – тот, кто должен излечиться от многих недугов рассудка, прежде чем он сумеет прийти к понятиям здравого человеческого разумения. Если в жизни мы окружены смертью, то в здоровье разума мы окружены безумием». [2, 166 (53)].

С нашей точки зрения, именно этот момент, столь ясно (если здесь возможна какая-либо ясность) изложенный Витгенштейном, имеет ввиду Рене Жирар, вводя понятие «Двойник». И вполне понятным в контексте размышлений Витгенштейна становится обращение его к образу Диониса – богу безумия и безумному богу. Дионис готовит себе жертву, жертву безумию. Под «близнецами» Жирар рассматривает стороны, участвующие в споре, иными словами «близнец» – это Alter-idem (тот же самый другой, клон – clone). «Всеобщая ненависть» создает «близнецов», порождает клонов. Под «Двойником» Жирар рассматривает Alter ego – «Другое Я», «Тень», которая вводит сознание в морок, становясь необходимой частью «мира Я», втягивая его в бессознательное и безумие. Безумие нельзя победить, его можно только «изгнать».

Второе условие – единодушная ненависть, то есть объединение в ненависти к жертве. Тот, кто становится этой жертвой, вызывает к себе всеобщую ненависть, превращая ее в ненависть единодушную, по отношению к жертве. Жертвой же становится разум – тот, кто сопротивляется безумию. Именно человек, сохранивший разум перед лицом безумия, выбирается в качестве жертвы. Для Жирара – это последнее, учредительное насилие, восстанавливающее культурные институты. Образ Диониса амбивалентен – он страшен, но, одновременно, и почитаем.

Заключая наш анализ основных понятий концепции Рене Жирара, следует отметить, что понятие «Двойника» сближает его в целом рациональный

анализ с одним из основных образов религиозных культур, с образом «ангела» – «духа хранителя». В Библии о нем идет речь в книге «Исхода»: «Вот, Я посылаю пред тобою Ангела хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил» (Исх. 23:20). Священному Ангелу-хранителю принадлежали три функции – восхвалять Бога, быть Его посланцем и надзирать за обществом. В случае, если в последнем смешалось доброе с дурным и нет возможности разделить две разные «капли крови», то наказание неизбежно, но следствием будет восстановление культурного порядка.

Библиографический список

1. *Витгенштейн Л.* Дневники 1914 – 1916. (Под общей редакцией В.А. Суровцева). Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. С. 64 (6.11.14).
2. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. II. М.: Гнозис, 1994.
3. *Жирар Р*. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение. 2010. С. 54.

V.V. VINOKUROV

THE CONCEPTION OF THE DYNAMIC PHENOMENOLOGY OF RELIGION RENE GIRAR: ALTER EGO (PART THIRD)

Insisting work is third final part clauses, dedicated to the base concepts of the dynamic model of the phenomenology of religion. In it is considered it notion Alter ego. In previous parts are considered notions model of "ritual crisis" and "twins" (Alter-idem, competitor).

Key words: ***religion, phenomenology of religion, ritual, ritual crisis, sacrifice, holy force, numen, alter-idem, alter ego.***

О.В. ДАВЫДЕНКОВ
кандидат философских наук, зав. кафедрой Восточно-христианской филологии и Восточных Церквей ПСТГУ
E-mail: odavydenkov@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕГО И ЕДИНИЧНОГО В ХРИСТОЛОГИИ УМЕРЕННОГО МОНОФИЗИТСТВА VI ВЕКА: СЕВИР АНТИОХИЙСКИЙ

(к вопросу о философской проблематике христологических дискуссий эпохи Вселенских соборов)*

В статье рассматривается вопрос о соотношении общего и единичного в христологии виднейшего представителя т.н. умеренного монофизитства Севира Антиохийского, выявляются отличия его позиции от точки зрения по этому вопросу сторонников Халкидонского собора.

Ключевые слова: ***византийская философия и теология, христология, философско-догматическая система, умеренное монофизитство, халкидониты, Севир Антиохийский, соотношение общего и единичного.***

Предпосылки появления концепции «частная природа» в учении Севира

В истории христологических споров вопрос о соотношении общего и единичного впервые был поставлен Севиром Антиохийским в его ответе на «Апологию» Иоанна Грамматика[1]. Вместо продолжения малопродуктивного препирательства о количестве природ и ипостасей во Христе Севир фактически поставил вопрос о характере элементов ипостасного соединения: были ли они общими или частными? Грамматик считал соединившиеся во Христе природы общими, и в этом отношении он имел все основания полагать, что он выступает с позиций православного Предания. Действительно, большинство дохалкидонских авторов (свщмч. Ириней Лионский, свят. Афанасий Александрийский, свят. Григорий Нисский и др.), в том числе и свят. Кирилл Александрийский, учили об общем характере соединившихся во Христе природ [2, 140]. Сотериологическое основание такой позиции – стремление подчеркнуть универсальность совершившегося во Христе спасения – вполне очевидно[2].

Севир не принял предложенную Иоанном Грамматиком концепцию «воипостасная сущность»[3], предполагавшую отождествление понятий «сущность» и «природа» в христологии и, как следствие, утверждение общего характера соединившихся во Христе природ. Однако решительное неприятие позиции Грамматика само по себе еще не дает ответа на вопрос о том, как же сам Севир определял элементы ипостасного соединения, имеются ли основания утверждать, что Антиохийский Патриарх, в противоположность диофизитам, полагал, что соединившиеся природы являются не общими, а частными?

До последнего времени исследователи обходили вниманием этот важнейший момент севировой доктрины. В настоящее время имеются лишь три работы, в которых затрагивается данная тема. Так, В.М. Лурье замечает, что Севир в полемике с Иоанном Грамматиком утверждал частный характер элементов ипостасного соединения, не приводя, однако, ни текстов Севира, ни ссылок на какие-либо исследования [2, 139]. Кроме того, данный вопрос обсуждается двумя греческими исследователями. Сначала на концепцию частных сущностей как одну из важнейших философских предпосылок философско-догматической системы Севира было указано в анонимной статье «Вклад в межправославный диалог по поводу “православия” антихалкидонитов»[4].

Попытка более основательно проанализировать влияние концепции частных сущностей на формирование системы севирианской христологии предпринята иеромон. Лукой (Григориатисом) [9, 107–151], рассматривающим эту концепцию как одно из самых существенных отличий севирианской доктрины от диофизитской. Однако выводы греческого исследователя не могут быть признаны достаточно обоснованными. Прежде всего, это связано с тем, что иеромон. Лука пытается реконструировать систему Севира, основываясь главным образом на критике его доктрины диофизитскими полемистами VII–VIII вв., а не на текстах самого Севира. При этом труд «Против нечестивого

*Данная работа продолжает исследование проблемы, поднятой в статье «К вопросу о философской проблематике христологических дискуссий VI века: умеренное монофизитство», опубликованной в «Учёных записках ОГУ», серия «Гуманитарные и социальные науки», №4 (48), 2012.

© О.В. Давыденков

Грамматика», где собственно и содержится полемика Севира с Иоанном, не используется греческим ученым вовсе. В подтверждение своей точки зрения он приводит всего две цитаты из трудов Севира: греческий фрагмент, сохранившийся у Евстафия Монаха [9, 113][5], и отрывок из сирийской версии «Послания к Экумению» [9, 113–114][6]. Фактически аргументация греческого автора сводится к двум пунктам: Севир отрицает, что элементы ипостасного соединения являются общими сущностями, и называет эти элементы ипостасями. Однако оба эти аргумента не достигают цели.

Во-первых, в споре с Грамматиком Севир прямо отвергает лишь такое понимание общих природ, при котором ипостасное соединение мыслится как воплощение всей Троицы во всем человеческом роде, а такое понимание, безусловно, не принималось и диофизитами. Во-вторых, наименование элементов соединения ипостасями было вполне обычным в дохалкидонской христологии[7]. Таким образом, мнение греческого ученого может быть принято только в качестве гипотезы, требующей дополнительной проверки.

Диофизиты, говоря об общем характере человечества Христа, не имели в виду, что это человечество представляет собой некую идеальную реальность в платоническом смысле, по отношению к которой каждый человек должен мыслиться имманентным проявлением [3, 84]. «Вечный Сын, – писал Феодор Абу Курра,– хотя и воспринял общую вещь, которая является бестелесной, а именно сущность человеческую, тем не менее, это вовсе не является отрицанием воплощения и вочеловечения» [6, 1488A]. Утверждение общего характера человечества означало особое отношение Христа как человека ко всем остальным членам человеческого рода. Как человек, Христос относится ко всем прочим людям не как частное к частному, а как общее к частному. Поэтому Он не просто один из членов человеческого рода, а Второй Адам (1Кор. 15:45), Родоначальник нового преображенного человечества[8]. Исповедуя же общий характер божественной природы, сторонники Халкидона утверждали, что во Христе с человечеством соединилась не одна из божественных ипостасей, а вся полнота божественной природы, общая для трех божественных лиц [8, 232–234].

Поэтому единственным способом проверить выводы греческого исследователя представляется выяснение того, каким образом сам Севир мыслит отношение Христа, с одной стороны, к человеческому роду по человечеству, а с другой – к Отцу и Святому Духу по божеству.

«Ведь разве душа Павла, – вопрошает Севир своего оппонента, – участвующая (participans) в сущности разумной, обладающей способностями мышления и познания, считается сущностью всех разумных душ, поскольку и сами они таким же образом участвуют в том, что является общим сущности (id, quod commune est, substantiae), и [разве] поэтому мы полагаем, что все души природно соединены с телом Павла? И наоборот, [разве] мы полагаем, чтобы тело Павла, поскольку оно единородно и единосущно с другими человеческими телами и совершенно участвует в том, что является общим сущности, было сущностью всех этих тел, и [разве] считается вся человеческая плоть (omnem hominis carnem) пребывающей в сосложении с душой Павла? Безумие и очевидная глупость мыслить подобным образом» [5, 129][9].

После этих антропологических выкладок Севир переходит к обсуждению собственно христологической проблемы: «По причине того, что одаренная умом плоть воплощенного Бога Слова в том, что является общим сущности (quod commune est, substantiae), и в общем человечестве всех [людей] полностью и совершенно участвует (genericam omnium humanitatem plene et perfecte participat), мы не будем мыслить ее всей сущностью (totam substantiam) и человеческим родом, как это считалось бы согласно твоей невежественной болтливости, [т.е.] считалось бы, что вся сущность человечества (totam humanitatis substantiam) пребывает в Слове, и само Слово вообще воплощено во всем человечестве (toti humanitati)» [5, 129]. Таким образом, мысль о том, что индивидуализированная природа может быть в то же время и общей, представлялась Севиру абсурдной[10]. Он указывал на то, что человечество Христа представляет собой конкретную человеческую плоть, одушевленную разумной душой, и потому должно мыслиться только как ипостась, но никак не сущность. Ипостась же может только участвовать в общей сущности [5, 149]. Иными словами, для Севира отношение Христа к остальному человечеству принципиально не отличается от отношения к человеческому роду всякого другого человека[11].

Если человечество Христа для Севира, несомненно, представляет собой частную реальность, т.е. ипостась, то каким образом мыслит он соединившееся с человечеством божество? Для уяснения этого целесообразно обратиться к триадологии Антиохийского Патриарха. Следует отметить, что триадология, уже в силу характера самой тринитарной проблематики, позволяет лучше понять, каким образом тот или иной автор решает вопрос о соотношении общего и единичного.

В полемике с Иоанном Грамматиком Севир следующим образом объясняет свое понимание

того, каким образом божество Христа относится к Троице: «Итак, подобным же образом и Слово Божие, поскольку Оно есть одна ипостась и природно имеет в себе совершенным образом то, что является общим сущности (τὸ τοῦ κοινοῦ τῆς οὐσίας), т.е. божеству, и потому есть совершенный Бог, однако не все божество (tota divinitas), а также не сущность, охватывающая три ипостаси (substantia trium hypostasium comprehensiva); и опять-таки, в силу того, что в Отце и в Духе Святом природно пребывает то, что является общим сущности (quod commune est, substantiae), и так же, как Отец есть совершенный Бог, равным образом и Дух совершенный Бог, и соединяются по причине единосущия, мы не говорим, что вся сущность божества (totam divinitatis substantiam) соединена с этой [воспринятой] от Марии плотью, имеющей разумную душу» [5, 129].

На основании этого высказывания создается впечатление, что Севир, усвоив тройчную терминологию Каппадокийцев, понимал их триадологию не совсем так, как его оппоненты-диофизиты. Последние, исходя из каппадокийской триадологии, делали вывод о том, что через воплощение одного из божественных лиц с человечеством соединилась вся полнота созерцаемой в Троице божественной природы (сущности). Севир же прямо отвергает такую возможность. Достаточно сравнить его позицию с точкой зрения преп. Иоанна Дамаскина, который провозглашает соединение во Христе всей полноты божественной сущности со всей человеческой природой: «Мы исповедуем, что вся божественная природа совершенным образом находится в каждом из Лиц божества: все – в Отце, все – в Сыне, все – в Духе Святом… А также утверждаем, что и при вочеловечении одного из Лиц Святой Троицы божественная природа в одном из своих лиц вся и всецело соединилась во всей человеческой природой, а не часть с частью» [8, 230].

Задачи христологической полемики требовали от Севира регулярного обращения к вопросам триадологии. При рассмотрении его триадологических рассуждений достаточно четко вырисовываются два фактически параллельных ряда высказываний.

С одной стороны, Севир учил о «единой сущности божества (unius substantiae divinitatis), которая равным образом (aequaliter) и неизменно (immutabiliter) пребывает в трех ипостасях (in tribus hypostasibus est)» [5, 135]. Это высказывание вполне соответствует каппадокийскому триадологическому учению о единстве божественной сущности, без разделения пребывающей в трех единосущных ипостасях.

Однако, с другой стороны, он говорит о сущности как о начале, высшем единосущных ипостасей[12], рассматривает божественные ипостаси как пребывающие внутри божественной сущности[13], учит о всецелой божественной сущности, заключающей в себе три ипостаси[14], и, наконец, прямо отождествляет божественную сущность с самой Пресвятой Троицей (!)[15], что совершенно чуждо как для Великих каппадокийцев, так и для послехалкидонских диофизитов.

Л.Р. Уикхэм в своем исследовании отмечает одну особенность севирианской триадологии: в отличие от Каппадокийцев, мысль которых движется от троичности лиц к единству сущности, Севир исходит из идеи единосущия и затем переходит к утверждению «равенства и суверенности» божественных лиц [7, 366]. Таким образом, триадологический метод Севира внешне обнаруживает нечто общее с западной триадологической традицией [1, 46]. Однако это сходство все же является внешним. В западной традиции, восходящей к учению блж. Августина, божественные ипостаси мыслятся как система внутрисущностных отношений, что, конечно, несвойственно триадологии Севира. Тем не менее, замечание Л.Р. Уикхэма имеет существенное значение: размышления Севира свидетельствуют, что в его тринитарном учении сущность обладает некоторым первенством, и, возможно, не только логическим, в отношении ипостасей.

Если попытаться обобщить и систематизировать содержание триадологических высказываний Севира, то они могут быть сведены к трем следующим положениям:

1. общая божественная сущность пребывает в трех божественных Ипостасях, нет никаких оснований полагать, что Севир считал общую сущность божества некоторой абстракцией, усматриваемой только умозрительно;

2. три единосущные ипостаси в равной мере являются причастными общей божественной сущности;

3. сущность, присутствующая в каждой из ипостасей в качестве их общего содержания, нетождественна общей божественной сущности и не есть «все божество».

Ключом к пониманию севирианской триадологии является, вероятно, часто используемое Севиром понятие «то, что является общим сущности (τὸ τοῦ κοινοῦ τῆς οὐσίας; quod commune est, substantiae)». По мнению Севира, каждая ипостась, как божественная, так и человеческая, существует в силу своей причастности общей видовой сущности, но ни одна из ипостасей не причастна всей общей сущности. Таким образом, Севир устанавливает различие между понятиями «общая сущность» (tota substantia) и «общее сущности» (quod commune est,

substantiae). Общая видовая сущность присутствует во всех ипостасях одного вида, но ни в одной из них не пребывает всецело. Ипостаси же, со своей стороны, частным образом причаствуют общей сущности, т.е. не всей общей сущности, а только «общему сущности», тому, что в общей сущности доступно причастию. Также не вызывает сомнения и то, что Севир проводит различие и между «общим сущности» и ипостасью. Ипостась, по Севиру, «имеет в себе совершенным образом то, что является общим сущности» и, следовательно, является чем-то большим, чем «общее сущности». Таким образом, в учении Севира «общее сущности» лежит «на пересечении» общей сущности и ипостаси, являясь своего рода связующим звеном между общей видовой сущностью и ипостасями одного вида[16].

А. Грильмайер отмечает, что Севир неверно понял основную мысль Иоанна Грамматика, утверждавшего соединение во Христе двух общих природ. По А. Грильмайеру, последний говорил о integra essentia hominis в противоположность частной сущности, Севиру же казалось, что его оппонент имеет в виду natura universalis [4, 91][17]. С этим замечанием трудно согласиться, ибо в данном случае имело место не простое недопонимание, а вполне сознательное отвержение Севиром позиции оппонента. Для понятия «integra essentia», противопоставляемого понятию «частная сущность», в системе Севира не было места. С точки зрения Севира, если бы ипостась была способна причаствовать видовой сущности всецело, то она сама сделалась бы общей сущностью, объемлющей все множество индивидуумов определенного вида.

Таким образом, Севир был способен представить только две альтернативных возможности: либо божество и человечество представляют собой частные природы-ипостаси, либо они являются общими сущностями, и во втором случае воплощение должно мыслиться как реальное соединение всей Троицы со всем человеческим родом. Несомненно, сам Севир держался первого варианта, – природы суть частные, а термин «природа» должен употребляться в христологии и антропологии исключительно в узком значении ипостаси как частной сущности: «Также и сам Бог Слово, одна ипостась, поскольку соединил с собой единичную плоть, одушевленную разумной душой, участвует и в общей сущности человечества (communemque humanitatis substantiam participat), но не считается пребывающим в сосложении со всем человеческим родом (cum toto humanitatis genere compositus)» [5, 140].

Следовательно, Севир, в отличие от сторонников Халкидона, мыслил ипостасное соединение не как соединение двух общих природ, совершившееся в ипостаси Логоса, а как сочетание двух ипостасей, т.е. частных реальностей, – божественной ипостаси Слова и одной из человеческих ипостасей. При этом, стремясь к согласованию в своей системе триадологического и христологического уровней, он обнаруживал в своем тринитарном учении тенденции, позволяющие утверждать, что в произведениях Севира уже содержится неявная тритеистская тенденция, подобная той, которая позднее проявится у Иоанна Филопона [2, 263].

Примечания

1. Около 515 г. на Востоке появилась «Апология Халкидонского собора», принадлежавшая перу Иоанна Грамматика, стремившегося найти в христологии средний путь между халкидонским оросом и учением свят. Кирилла Александрийского и предпринявшего серьезную работу по уточнению философских понятий и упорядочению терминологии. В ответ на «Апологию» Севир написал обширный труд «Против нечестивого Грамматика», в котором его философско-догматическая система представлена в детально разработанном виде; см.: *Halleux A., de*. Le «synode néochalcédonien» d'Alexandrette (c. 515) et l'«Apologie pour Chalcédoine de Jean le Grammarien» // Revue d'Histoire Eccélsiastique. 1977. №72. P. 593–600; Moeller Ch. Le chalcédonisme et le Neo-chalcédonisme // Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart. Würzburg, 1951. Bd. 1. S. 672–674.

2. Иоанн Грамматик писал: «Итак, когда он (*свят. Кирилл Александрийский – О.Д.*) говорил "единая природа Бога Слова (unam naturam Dei Verbi)", он имел в виду единого из Троицы, ипостасное лицо Слова, которое единосущно Отцу, поскольку обладает той же сущностью Своего Родителя. Когда же он добавляет "воплощенная в плоть, одаренная душою и разумом (incarnatam carne anima menteque praedita)", он учит, что в Боге Слове есть то, что является общим всей человеческой сущности (id, quod commune est, totius substantiae hominum),… не считая [Его человечество] отдельным лицом (personam distinctam), но тем, что общим образом (communiter) является в каждом человеке, т.е. сущность (substantia)… Следовательно, в одном из лиц пресвятой Троицы Он через соединение установил спасение всех людей. Таким образом, в двух природах, т.е. сущностях познается (in duabus naturis, id est, substantiis agnoscitur) вочеловечившийся Бог Слово, имеющий в Себе как сущность божества, так и сущность человечества»; цит. по: *Severi Antiocheni*. Contra impium Grammaticum. 2. 17 // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. T. 112. Lovanii, 1938. P. 113. (Далее — Contra impium Grammaticum)

Ср. с другими словами Грамматика: «В Нем существует вся сущность человечества (πᾶσαν ἀνθρωπότητος οὐσίαν ἐνυπάρχειν αὐτῷ)»; см.: Doctrina Patrum de incarnatione Verbi / 2. Auf. Hrsg. von E. Chrysos. Aschendorff; Münster, 1981. P. 70.

3. Об этой концепции см.: Говорун С., диак. К истории термина ἐνυπόστατον «воипостасное» // Леонтий Византийский: сб. исслед. М., 2006. С. 655–665.

4. Статья опубликована в сборнике «Являются ли антихалкидониты православными?», изданном кинотом горы Афон; см.: ΕΙΝΑΙ ΟΙ ΑΝΤΙΧΑΛΚΙΔΟΝΙΟΙ ΟΡΞΟΔΟΞΟΙ; Κείμενα τῆς Ἱερᾶς Κοινότητος τοῦ Ἁγίου Ὄρους και ἄλλων ἁγιορειτῶν Πατέρων περί τοῦ διαλόγου Ὀρθοδόξων και Ἀντιχαλκιδονίων (Μονοφυσιτῶν). Ἅγιον Ὄρος: Ἱερὰ Μονὴ ὁσίου Γρηγορίου, 1995. Σ. 87–104.

5. Согласно Севиру, «говоря, что Эммануил из двух природ, мы не мыслим природы сущностями, являющими общность (τῆς κοινότητος) и охватывающими многие ипостаси (πολλῶν ὑποστάσεων), но единичную ипостась Логоса (μίαν ὑπόστασιν τοῦ Λόγου) и единичную плоть (μίαν σάρκα), одухотворенную разумной душой, из которых Он в одно непреложно соединяется и сослагается»; см.: Eustathii Monachi. Epistola ad Timotheum Scholasticum de duabus naturis adversus Severum // PG T. 86. I. Col. 920D.

6. В этом послании Севир советует: «Исповедуя Господа Иисуса Христа из двух природ, рассматривай сами ипостаси, из которых был составлен Эммануил, и их природное соединение и не переходи к общностям человечества; поскольку очевидно, что всецелое божество усматривается в Троице, а общее человечество ведет ум ко всему человеческому роду».

Иеромон. Лука приводят цитату по английскому переводу, но не дает ссылку. Английский перевод см.: Severus of Antioch. Letter 2. To Oecumenius the count // Patrologia Orientalis. T. 12. Fasc. 2. P. 191–192. (Далее — Letter 2. To Oecumenius)

7. Встречаются такие выражения и у свят. Кирилла; см.: Cyrilli Alexandrini. Apologia contra Theodoretum // PG T. 76. Col. 396C, 408BC; Id. Epistola 17 ad Nestorium de excommunicatione // PG T. 77. Col. 120C; Id. Explicatio duodecim capitum // PG T. 76. Col. 301A.

8. Такой была и точка зрения свят. Кирилла. А. Гарнак писал: «Кирилл решительно отвергает мысль о том, что во Христе мы имеем дело с человеческим индивидуумом, хотя он и усваивает Христу все составляющие части человеческого существа». А. Гарнак считает, что Христос в учении свят. Кирилла не должен быть человеческим индивидуумом для того, чтобы иметь возможность стать реальным Родоначальником нового человечества; см.: *Harnack A., von*. Lehrbuch der Dogmengeschichte. T. II. Tübingen, 1909. S. 351.

9. Ср.: «Исповедуя Эммануила в двух природах, считать элементы, из которых Он состоит, общими, охватывающими многие ипостаси (это то, что и считается свойством общего), есть вещь крайне гнусная и глупая»; см.: Letter 2. To Oecumenius. P. 15.

10. Ср.: «Называешь ли ты плоть, обладающую разумной душой, которую Бог Слово добровольно соединил с Собой ипостасно без всякого изменения, частной или общей, т.е. одной ипостасью, обладающей душой, или всецелой человеческой общностью? Очевидно, если ты желаешь дать разумный ответ, ты скажешь, что одно обладающее душой тело. Таким образом, мы говорим, что неизреченное соединение произошло из него и из Ипостаси Бога Слова: поскольку в природном соединение сочетались не всецелое божество и всецелое человечество, но частные ипостаси (special hypostases)»; см.: Letter 2. To Oecumenius. P. 16.

Эту особенность севирианства, его отличие от диофизитского понимания ипостасного соединения в полной мере осознавали последующие халкидонитские полемисты: «Севир сказал, что Христос есть единая природа, составившаяся из двух частных сущностей… (ἐκ δύο μερικῶν οὐσιῶν… ἀποτελεῖσθαι μίαν φύσιν τὸν Χριστὸν)»; см.: Anastasii Sinaitae. Viae dux. VI. 2 / Ed. K.-H. Uthemann. Turnhout; Leuven, 1981. P. 100.

11.Эта особенность христологии Севира находит полное одобрение со стороны В.Ч. Самуэля, рассуждающего о «собственном ипостасном или личном статусе» (own hypostatic or personal status) человечества Христа, о его «личном принципе» (personal principle). Вне зависимости от того, какой именно смысл вкладывает современный нехалкидонит в эти выражения, очевидно, что для него, как и для Севира, человечество Христа представляет собой только частную реальность, а сам Христос как человек есть лишь «один из членов человеческого рода» (one member of the human race); см.: Samuel V.C. Further Studies in the Christology of Severus of Antioch. // Ἐκκλησιαστικός Φάρος. 1976. Τ. 58. Σ. 290–291.

12. Contra impium Grammaticum. 2. 18. P. 133: «одна есть сущность божества, высшая всех единосущных ипостасей (una est supra omnes homogeneas hypostases substantia)».

13. Ibid. P. 132: «каждая из ипостасей в сущности божества пребывает (unamquamque ex hypostasibus in divinitatis substantia… esse) со своим собственным признаком».

14. Ibid. 2. 19. P. 135: «всецелая сущность, т.е. божество, заключающее в себе три ипостаси (totam substantiam, id est, divinitatem, trium hypostasium comprehensivam)».

15. Ibid. P. 136: «всецелая сущность божества, которая есть Пресвятая Троица (totam divinitatis substantiam, quae est sancta Trinitas)».

Размышления В.Ч. Самуэля свидетельствуют, что в триадологии современных нехалкидонитов, так же, как и их древних предшественников, понятие «ипостась (лицо)» содержательно не выводится за пределы понятия «сущность (природа)». Поэтому, с точки зрения индийского ученого, общая сущность применительно к божеству должна обозначать все три божественных лица (См.: Samuel V.C. The Council of Chalcedon Re-examined. Madras, 1977. P. 240). По этой же причине он оказыва-

ется не в состоянии понять, каким образом воплощение одного из божественных лиц привело к соединению с человечеством всей полноты божественной сущности; см.: Ibid. P. 258–259.

16. Т.А. Щукин высказывает предположение о том, что учение Севира о различении общей божественной сущности и общего сущности, которому причаствуют ипостаси Троицы, имеет явные параллели с учением Порфирия «об ипостаси Единого, которое одновременно и предшествует интеллектуальной триаде, и является ее элементом»; см.: Щукин Т.А. Севир Антиохийский // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия. Т. I. СПб., 2009. С. 630.

Для того чтобы убедиться, насколько взгляды Севира отличаются от учения диофизитов, следует сравнить его позицию, например, со следующим высказыванием свят. Софрония Иерусалимского: «Одно божество нераздельно и вполне наполняет три лица и в каждом их них находится вполне и совершенно (μιᾶς ἀμερίστως καὶ ἀνελλιπῶς τὰ τρία πρόσωπα πληρούσης θεότητος καὶ ἐν ἑκάστῳ οὔσης ὁλοτελως καὶ ὁλικως). Божество не допускает деления и в (каждом из) трех лиц (оно находится) вполне и совершенно, а следовательно, не по частям и не отчасти наполняет их, но в каждом (из них) оно находится полнейшим образом (ἐν τοῖς τρίσι προσώποις πληρωτικῶς καὶ ἐντελῶς, οὐ μεριστῶς ἤγουν ἐκ μέρους πληροῦσα, ἀλλ᾽ ἐν ἑκάστῳ πληρεστάτως ὑπάρχουσα), и, оставаясь единым, является в трех лицах»; см.: Sophronii Hierosalymitani. Epistola synodica ad Sergium // PG T. 87c. Col. 3157C.

17. У Севира см.: Contra impium Grammaticum. 2. 17. P. 128–129.

Библиографический список

1. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
2. *Лурье В.М.* Византийская философия. Формативный период. СПб., 2006.
3. *Мейендорф И.,* протопр. Иисус Христос в восточном православном богословии. М., 2000.
4. *Grillmeier A.* Le Christ dans la tradition chrétienne. T. II / 2. P., 1993.
5. *Severi Antiocheni.* Contra impium Grammaticum. Lib. I–II // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. T. 112. Lovanii, 1938.
6. *Theodori Abucurae.* Opuscula 2. Explanatio vocum, quibus philosophi utuntur, et confutation haeresis Acephalorum Severianorum // PG T. 97. Col. 1469C–1492D.
7. Severus of Antioch on the Trinity // Studia Patristica. № 24. P. 360–372
8. Ἰωάννου Δαμασκηνοῦ. Ἔκδοσις ἀκριβὴς τῆς Ὀρθοδόξου πίστεως. 3. 6. Θεσσαλονίκη, 1976.
9. ΛΟΥΚΑΣ (ΓΡΗΓΟΡΙΑΤΗΣ), ΙΕΡΟΜΟΝ. ΔΙΟΣΚΟΡΟΣ ΚΑΙ ΣΕΒΗΡΟΣ ΟΙ ΑΝΤΙΧΑΛΚΙΔΟΝΙΟΙ ΑΙΡΕΣΙΑΡΧΑΙ. ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ, 2003.

O.V. DAVYDENKOV

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN GENERAL AND PARTIAL SUBSTANCES IN THE CHRISTOLOGY OF MODERATE MONOPHYSITISM IN THE 6TH CENTURY: SEVERUS OF ANTIOCH

(CONCERNING THE PHILOSOPHICAL ISSUE OF CHRISTOLOGICAL DISCUSSIONS IN THE AGE OF ECUMENICAL COUNCILS)

The article considers how the question of correlation between general and special substances is solved in the Christology of Severus of Antioch, the most eminent theorist of the so called "moderate monophysitism". The author reveals the differences of Severus' approach to this question of that of the Chalcedonians.

Key words: ***Byzantine philosophy and theology, Christology, philosophical and dogmatic system, moderate monophysitism, Chalcedonians, Severus of Antioch, correlation between general and special substances.***

С.А. ПАНИН
аспирант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. Ломоносова
E-mail: antivirus-pro@mail.ru

ИСТОРИЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Вопросы, связанные с эзотерическими учениями и их историей, долгое время подвергались остракизму в академической науке. Этот процесс, затронувший различные области знания, не обошел стороной и историю философии. Между тем, исследования, в особенности – проведенные в последние десятилетия, показывают, что адекватное понимание ключевых событий в истории западной философии невозможно в рамках прежней парадигмы, исключавшей «эзотерическую философию» из общего массива историко-философского знания. Основная цель данной статьи – познакомить читателя с некоторыми исследованиями в области истории эзотерических учений, посвященными данному вопросу, и показать, каким образом обращение к истории эзотерических учений может помочь формированию более полной и точной картины истории философии.

Ключевые слова: ***эзотеризм, история философии, надконфессиональная синкретическая религиозная философия.***

Сегодня, когда речь заходит о такой теме, как история философии, как правило, у собеседника появляется некий стандартный список авторов, основанный на советской парадигме изучения истории философии. В рамках этой парадигмы философия рассматривалась как линейный процесс эволюции, направленный от первых натуралистов Древней Греции ко вполне конкретному итогу: созданию и торжеству некоторой строго определенной модели философии. Эта идеальная модель философии определялась вполне конкретным набором присущих ей компонентов: в идеале это должно было быть что-то, близкое к атеизму и диалектическому материализму. Все, что соответствовало этому образцу, считалось более прогрессивным, все, что не соответствовало – излагалось предельно кратко или вовсе исключалось. В соответствии с этим подходом, философия религиозная и иррационалистическая обыкновенно ставилась как минимум на второй план, а соответствующие философы оказывались либо полностью исключены из курса истории философии, либо о них упоминалось лишь вкратце. Исключение составляла средневековая религиозная философия, которая рассматривалась достаточно подробно. Но и рассмотрение этого предмета было неотделимо от критики схоластики, представляемой исключительно в негативном ключе. В целом, в рамках этой парадигмы, никакой религиозной философии после окончания Средневековья, по большому счету, не существовало, либо она была представлена единичными и незначительными всплесками мысли. Именно такая картина создается, если открыть оглавление типичного учебника по философии, написанного в подобном ключе. Например, в по-прежнему популярном учебнике Спиркина из католических философов XX в. в историко-философский раздел попал лишь Тейяр де Шарден. А ведь именно от выборки соответствующих авторов и глубины их рассмотрения, во многом, зависит конечная картина.

К счастью, в последние десятилетия в русскоязычных исследованиях ситуация в целом довольно существенно изменилась: многие пласты истории, связанные с религиозной философией, стали предметом пристального рассмотрения. Постепенно занимают подобающее им место в истории философии Бердяев, Соловьев, Толстой, Тейяр де Шарден, Маритен и многие другие религиозные мыслители. Процесс этот, однако, до настоящего времени затронул, в основном, христианских мыслителей. Даже арабская философия, как правило, обрывается где-то в Средневековье, несмотря на огромную значимость изучения мусульманской культуры в условиях современного мира. Однако одна область истории философии традиционно является наиболее явно табуированной внутри всего массива историко-философских знаний, несмотря на свою принципиальную значимость для понимания истории философии. Это табуирование является частью более общего процесса коллективного вытеснения определенных элементов культуры из общественного сознания. В данном случае имеется в виду тот пласт культурных феноменов, который современный голландский исследователь В. Ханеграаф на-

© С.А. Панин

зывает «пренебрегаемым измерением европейской культуры» [1, 30], то есть об эзотерических учениях. Между тем, влияние эзотерических учений на процесс развития философской мысли в Европе было и остается весьма существенным. В данной статье мы попытаемся дать обзор некоторых ключевых линий такого влияния и охарактеризовать их значение для понимания истории философии.

Джордано Бруно – человек, который традиционно считается классическим примером «свободомыслящего», защищавшего науку своего времени от церковной догматики. В советских философских словарях Бруно был охарактеризован как «борец против схоластической философии и римско-католической церкви, страстный пропагандист материалистического мировоззрения» [11, 56]. Исходя из такой характеристики, можно было бы сделать вывод, что Бруно был чужд любого рода эзотерическим учениям, однако это отнюдь не так. В вышедшей еще в 1964 г. книге «Джордано Бруно и герметическая традиция» Ф. Йейтс убедительно показывает, сколь велико было влияние, оказанное на Бруно ренессансным герметизмом. Впрочем, говоря об эпохе Возрождения, следует отметить, что интерес к эзотерическим учениям был присущ далеко не только Бруно. Напротив, такой интерес был общим местом, объединявшим интеллектуалов того времени, чьи учения выходили за рамки христианства. В явной форме такие философы, как, например, Фичино и Пико делла Мирандола, интересовались различными видами магии, активно защищали и популяризировали их [7, 79]. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, учитывая, что само понятие «Возрождение» подразумевает нацеленность на возрождение античной культуры, для которой магические практики являлись вполне обыденным явлением. Важно, однако, что с завершением эпохи Возрождения интерес к герметизму среди интеллектуалов не исчез, и философия продолжала развиваться в тесной связи с эзотерическими учениями.

Иммануил Кант – философ, которого обыкновенно принято считать критиком веры в разного рода сверхъестественные явления. В своей работе «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика» он, как указывают многие современные историки философии, «отверг с крайней резкостью заверения современного шведского философа Сведенборга о его способности общаться с душами умерших людей» [9, 521]. Кант понимается в данном случае как критик и идеологический противник Сведенборга. Это, однако, демонстрирует ограниченный подход к пониманию воззрений Канта, касающихся спиритизма. Между тем, в изданной еще в 1892 г. книге К. Дюпреля «Загадочность человеческого существа» раскрывается совершенно иная точка зрения на философию Канта, заслуживающая, по ряду причин, определенного внимания. Дюпрель, в частности, указывает, что в своих лекциях о метафизике Кант называл идеи Сведенборга «возвышенными» [6, 34], а это несомненный признак симпатии Канта к идеям Седенборга. Более того, Дюпрель идет дальше и заявляет: «Кант ничуть не сомневался в том, что учение о душе надобно строить на почве оккультических наук» [6, 35]. Характерно, между прочим, что критика Канта в «Грезах духовидца» направлена, в первую очередь, против тех людей, которые пытаются вывести мораль из веры в загробную жизнь, что противоречило воззрениями Канта на мораль. Основной же вывод Канта таков: «…сообразнее с человеческой природой и чистотой нравов основывать ожидания будущего мира на чувствах благородной души, чем, наоборот, ее благонравное поведение основывать на надежде на будущую жизнь» [8, 854]. Таким образом, критика спиритизма, предпринятая Кантом, здесь во многом носит частный характер. В то же время, он, даже в критических по отношению к спиритизму «Грезах духовидца», отмечает, что «не решается полностью отрицать всякую истинность различных рассказов о духах» [8, 838], а этот скептицизм Канта открывает пространство для самых различных интерпретаций. Более того, отрицая возможность экспериментального доказательства существования души, Кант отмечает, что сам он склонен признавать душу существующей – хотя он и полагал, что доказать существование души с помощью чисто рациональных аргументов невозможно. Кантовское учение о человеке и, в частности, конкретно кантовские представления о душе, оказались весьма востребованы самыми разными эзотерическими мыслителями первой половины XX в. Это относится, разумеется, далеко не только к Дюпрелю. Так, философия Канта оказывается одной из центральных тем в работе П.Д. Успенского «Tertium organum».

Георг Вильгельм Фридрих Гегель – еще один мыслитель, тесно связанный с историей эзотерических течений. В изданной в 2001 г. книге «Гегель и герметическая традиция» Г.А. Мэйги подробно рассматривает вопрос о связи между Гегелем и европейским герметизмом. Эта связь, по мнению автора, может быть прослежена как в плане источников гегелевской философии, так и в содержании учения Гегеля. Гегель постоянно ссылается на работы таких авторов, как Экхарт, Парацельс, Бруно и Бёме. Мэйги также показывает связь философии Гегеля с масонством и розенкрейцеровскими манифестами. Более того, он справедливо отмечает

то огромное влияние, которое оказало масонство на культуру Германии и, в частности, на немецкую философию того времени. «В последние четыре десятилетия XVIII в. большое количество известных людей в Германии связало себя с масонством, включая Бюргера, Клаудиуса, Фихте, Гете, Гердера, Клингера, Кнебеля, Лессинга, Новалиса, Райнхольда, Шеллинга и Шиллера» [2, 55]. Влияние эзотерических учений на образованных людей того времени было не только прямым, но и косвенным: через работы этих авторов масонские и розенкрейцеровские идеи транслировались в более широкие слои общества, где они, во многом, формировали общественное мнение.

Именно поэтому даже в тех ситуациях, когда прямой связи между определенным мыслителем и эзотерическими течениями не существует, уместно говорить о косвенном влиянии подобных идей. Так, в творчестве Г.С. Сковороды можно обнаружить явно масонские идеи и символы, хотя, насколько нам известно, сам Сковорода никогда не был масоном. Наиболее характерен в этом отношении пример другого российского философа, Вл. Соловьева, идеи которого во многих отношениях демонстрируют неожиданную, на первый взгляд, близость к идеям его современника, британского оккультиста А. Кроули, что было достаточно подробно рассмотрено нами в статье «Генезис, эволюция и современное состояние учения Телемы» [10, 58-59]. Такое сходство, конечно, не является следствием непосредственного влияния Кроули на Соловьева или Соловьева на Кроули. Речь в данном случае идет о том, что эти люди, будучи современниками и имея примерно одинаковый социальный статус, создавали свои учения в сходных социальных условиях.

Итак, учения Соловьева и Кроули во многом подобны по времени создания, источникам, содержанию и даже в том, что касается обстоятельств их появления. И, в то же время, одно из этих учений уже давно принято считать частью истории философии, а другое – в лучшем случае относится к сфере религии, а то и вовсе считается чем-то жутким, ужасным, неприемлемым для какого бы то ни было рассмотрения. Вопрос состоит в том, в чем причины такой разницы в оценках. Очевидно, отчасти это обусловлено весьма своеобразной репутацией Кроули, но разве не вели себя странно по меркам современников Диоген Синопский или Сократ, и разве не было у Сократа ничуть не менее дурной репутации? Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с двойными стандартами при оценке различных культурных феноменов. Важно, кроме того, что такого рода использование двойных стандартов имеет не частный, а более общий, принципиальный характер: в данном случае мы сталкиваемся с наглядным примером подавления пласта культуры, сопряженного с эзотерическим знанием. Этот страх перед «эзотерическим», отказ замечать его иррационален, хотя причины его вполне ясны. Главной из них является то, что в категорию «эзотерического» в Европе до определенного момента попадало знание, не связанное с мэйнстримом европейской культуры и даже противоречащее ему. Верно и обратное: тот факт, что это знание в определённый момент стало широко замечаемым, причём не в смысле «охоты на ведьм», может быть понятно как следствие того, что идеи, общепринятые в европейской культуре, приблизились к идеям, развивавшимся в эзотерической среде.

Между тем, возвращаясь к случаю Кроули, необходимо обратить внимание на следующее. Кроули и его учение целиком включены в контекст истории философии. Здесь необходимо пояснить, почему вообще может вестись речь о рассмотрении учения Кроули в качестве философии. Прежде всего, говоря об источниках учения Кроули, необходимо отметить, что его появление непосредственно связано с философией Шопенгауэра (концепция «воли» как внутренней сущности человека), также Беркли, Канта и ряда других авторов. Этого, однако, было бы недостаточно, если само по себе учение Кроули не удовлетворяло бы определению философии. Поэтому анализ в данном случае необходимо проводить не только с генетической точки зрения, но и с содержательной. Обратимся к определению философии, предлагаемому в словаре под редакцией А.П. Алексеева: «Философия – форма мировоззрения, и как таковая имеющая тот же предмет (всеобщее в системе мир – человек) и в основном тот же круг проблем, что и другие формы мировоззрения. Исходной проблемой в ней является проблема смысла жизни. Отличие философии от мифологической, религиозной и обыденной форм мировоззрения – в глубокой связи с наукой, а отличие от натуралистической формы, тоже входящей в науку как сферу культуры <…> в широком базисе, включающем не только весь комплекс частных (естественных, общественных и гуманитарных) наук, но и опыт художественного освоения действительности, повседневный опыт людей, вообще весь исторический опыт человечества» [4, 411]. Итак, философию, согласно этому определению, определяет тесная связь с наукой, а отличает от конкретных научных дисциплин то, что философия основывается на более широком базисе. Этому определению как нельзя лучше соответствует учение Кроули, который стремится построить свое учение на базе современных ему научных знаний,

развивая методологическую концепцию «научного иллюминизма». Учение, разработанное Кроули, кроме того, включает все элементы, присущие традиционным философским системам: не только гносеологию, но также онтологию, антропологию и аксиологию. В таких работах Кроули, как «Магия в теории и на практике» хорошо заметно, что Кроули не только высказывает определенные суждения относительно некоторых философских вопросов, но и стремится изложить их в рациональной, систематической форме. Вопрос состоит в следующем: если что-то включает все традиционные элементы философии и может быть органично включено в контекст истории философии, то почему мы не должны этого сделать?

Можно, конечно, предположить, что Кроули представляет собой лишь единичный пример, на основе которого нами делаются неправомерные обобщения. Это, однако, не так. Можно, например, вспомнить о той роли, которую сыграли эзотерические идеи в становлении философии Просвещения [3]. Связь западной философии и эзотеризма сохранялась с момента появления самой этой философии. Такие древнегреческие авторы, как Пифагор (здесь, между прочим, уместно вспомнить, что именно он ввел термин «философия»), Платон, Ямвлих, явным образом включены в контекст истории эзотерических учений. С другой стороны, следует отметить, что эта связь не прекратилась и до сих пор. Эзотеризм развивается, и это развитие происходит параллельно с развитием западной философии. Выше уже было отмечено, как эзотерические авторы включили в развиваемые ими концепции философию Канта и начали выстраивать свои системы с учетом основных достижений кантианства. Такую же привязку к истории философии можно наблюдать и в XX в., когда появление философии постмодерна привело к созданию особого типа постмодернистского эзотеризма, который иногда невозможно развести с философией. Это относится, например, к работам популярного автора Р.А. Уилсона, который представляется наиболее ярким примером авторов такого рода.

Для того чтобы включить философию, развивавшуюся в недрах эзотерических течений, в историю философии, следует, прежде всего, определить ее место в ряду общепризнанных к настоящему времени философских систем. Наиболее точно будет охарактеризовать ее, в соответствии с ее содержанием, как религиозную философию. Религиозная философия, как правило, базируется на определенном религиозном учении, принимая его догматы в качестве своих основных предпосылок. Для некоторых эзотерических течений это также справедливо, например, для еврейской каббалы, которая может быть рассмотрена как разновидной иудейской религиозной философии. В то же время, большинство направлений эзотерической мысли, особенно начиная с Нового времени, не ограничивается строгой привязкой к единственной религии. Часто эзотерические учения формулируют свою задачу как синтез различных религиозных систем. В этом случае необходимо говорить о религиозной философии, не привязанной к конкретной религиозной системе. Для такого рода религиозной философии был введен специальный термин – «надконфессиональная синкретическая религиозная философия». В учебниках по религиоведению этот термин начал использоваться еще 1990-х гг. Например, в учебнике «Основы религиоведения» под редакцией И.Н. Яблокова в рамках надконфессиональной религиозной философии рассматриваются учения Блаватской, Штайнера, Рерихов [13, 233]. Использование этого термина, однако, к настоящему времени, все еще не получило должного распространения. Кроме того, даже в тех случаях, когда подобные течения включаются номинально в категорию «философия», они продолжают рассматриваться как некоторая «вещь в себе», как будто они существуют независимо от всей остальной истории философии.

Между тем, как это было показано выше, на протяжении всей истории западной культуры то, что мы привыкли считать «философией», и то, что обычно называется «эзотерическими учениями», было подвержено непрерывному взаимному влиянию, развивалось в тесной связи друг с другом. В одно и то же время в них отмечаются сходные процессы, и нередко в истории эзотерики и истории философии можно обнаружить одни и те же имена. Все это подводит нас к постановке актуальной задачи в рамках истории философии: возвращению в нее специфического пласта «оккультной философии», т.е. философии, разрабатываемой в рамках эзотерических учений. Без такого возвращения невозможно создание целостной картины истории философии, а многие ее элементы будут попросту непонятны. Осознание подобной необходимости постепенно приходит к современным исследователям данного вопроса. В частности, Г.В. Гриненко в своем учебнике «История философии» [5] включает в список рассматриваемых тем каббалу, суфизм, учения Парацельса и Сведенборга. Это, вне всякого сомнения, является значительным прогрессом в данной области, однако многое ещё предстоит сделать, прежде чем удастся создать по-настоящему целостную картину истории европейской философии.

Библиографический список

1. *Hanegraaff W.* Beyond the Yates Paradigm: the Study of Western Esotericism between Counterculture and New Complexity // Aries, Vol. 1, Issue 1. Brill, 2001. Pp. 5-37.
2. *Magee G.* Hegel and the Hermetic Tradition. Cornell University Press, 2001.
3. *Yates F.* The Rosicrucian Enlightment. Routledge & Kegan Paul, 1972.
4. *Алексеев А.П.* (ред.). Краткий философский словарь. М.: Проспект, 2008.
5. *Гриненко Г.В*. История философии. М.: Юрайт, 2007.
6. *Дюпрель К*. Загадочность человеческого существа. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
7. *Йейтс Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
8. *Кант И.* Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика // Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007. Стр. 809-859.
9. *Кузнецов В.Н*. Европейская философия XVIII века. М.: Академический проект, 2006.
10. *Панин С*. Генезис, эволюция и современное состояние учения Телемы // Религиоведческие исследования, №1-2 (5-6)/2011. М., 2011. Стр. 55-67.
11. *Розенталь М. М., Юдин П.Ф.* Философский словарь. М.: Издательство политической литературы, 1963.
12. *Спиркин А.Г*. Философия: учебник. М.: Гарадрики, 2007.
13. *Яблоков И.Н*. (ред.). Основы религиоведения. М.: Высшая школа, 1994.

S.A. PANIN

HISTORY OF ESOTERICISM IN CONTEXT OF HISTORY OF PHILOSOPHY

Questions, related to history of esotericism and its history, were ostracized for a long time in European in circles of historians of philosophy. In the same time researches that were started in last decades of 20th century have definitely shown us an importance of this topic for study of history of philosophy. The main goal of this article is to show preferences that are closely related to integration of the history of philosophy with studies in history of philosophy. As examples for this proposition several main figures both from the history of philosophy and from the history of esotericism are analyzed to show that their works can be examined both as element of history of philosophy and as element of history of esotericism.

Key words: ***esotericism, history of philosophy, syncretic religious philosophy.***

М.В. УСТЮЖАНИНА
аспирант кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: angwen@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЛИГИИ ДРЕВНИХ КЕЛЬТОВ

Статья посвящена особенностям реконструкции кельтского язычества. Автор анализирует способы воссоздания древних верований в кельтском неоязычестве и указывает на их неполноту и несовершенство.

Ключевые слова: ***кельты, язычество, неоязычество, археология, фольклор, письменные источники, мифология.***

В современном мире продолжает сохраняться интерес к изучению кельтской культуры, различных её элементов, таких как язык, мифология, литература, танцы, и одним из выражений подобного интереса является возрождение кельтской религиозной традиции.

В первую очередь интерес ко «всему кельтскому» проявляют люди, которые относят себя к кельтским народностям – то есть к валлийцам, ирландцам, шотландцам, бретонцам и др. [6, 17] Географический ареал расселения древних кельтов – это Британские острова и территория современной Франции, Швейцарии, частично Австрии, Германии, Италии. Однако на территории континентальной Европы влияние Рима и германских племен привело к тому, что кельтская культура оказалась включенной в общеевропейскую и затерялась в ней. На территории же нынешнего Соединенного Королевства, и особенно острова Ирландия, кельтская культура сохранилась благодаря меньшему влиянию Рима и германских племён [1, 60].

Увлечение религией древних кельтов стоит в одном ряду с увлечением различными языческими верованиями, такими как асатру – религия древних скандинавов, родноверием в России, а также разнообразными эзотерическими течениями. Причины обращения к наследию предков коренятся в кризисе западной цивилизации, а потому увлечение язычеством охватывает весь западный мир. Немаловажную роль в обращении к традиционной культуре сыграла урбанизация, когда люди оказались оторваны от своих исторических корней, от традиционного уклада жизни. С одной стороны, это привело к появлению особой городской культуры (в противовес культуре деревенской, сельской). С другой стороны, на волне национализма, поднявшейся в XX в. в ответ на глобализацию, произошёл рост интереса и подъём традиционных, национальных культур.

Интерес к кельтской культуре и религии возник ещё в 19 в., на волне кельтомании, и именно тогда произошла романтизация образа кельта, или галла, которая так способствует сегодняшней популярности этой культуры. В дальнейшем возрождённая религия кельтов стала частью Нью-эйдж движения, которое характеризуется оккультной направленностью и синкретичностью. В отличие от, например, скандинавского язычества, которое реконструируется на основе письменных источников (в первую очередь это Старшая и Младшая Эдда), кельтское язычество реконструировать намного сложнее, так как породившая его культура была в основе своей бесписьменной. Отсутствие прямой наследуемой традиции, такой как в скандинавском язычестве, значительно затрудняет восстановление древней религии и приводит к широкой вариативности описания обрядов и пантеонов.

Зачастую реконструкция религии идёт с использованием приёмов аналогии, то есть характеристики и особенности одной религии переносятся на другую. Поскольку, как уже было сказано, образцовым примером реконструкции является религия древних скандинавов, то она, как наиболее полно восстановленная, нередко берется за основу при реконструкции более фрагментарно сохранившихся верований. Типичными чертами современных неоязыческих течений являются тяготение к природе, вера в магическую силу природных явлений, также некоторые черты, присущие анимизму и магии.

Данные о кельтской культуре и религии исследователи черпают из трёх основных источников: это археологические раскопки, свидетельства древних историков, преимущественно римских, и фольклор. Современные реконструкции опираются на косвенные источники при попытке восстановления кельтского язычества, однако данные, полученные с помощью подобных источников не отличаются достаточной надёжностью. Но существует много работ антропологов и этнографов, которые позволяют представить себе жизнь общества на ранней ступени развития, проанализировать весь корпус данных и вывести закономерности, на основании

© М.В. Устюжанина

которых и производится реконструкция.

При работе с археологическими источниками основное затруднение лежит в интерпретации полученных данных, так как сами по себе материальные находки не несут в себе достаточной информации. И именно здесь учёному следует быть осторожным, чтобы не увлечься в допущениях и не перейти к фантазированию и выдумыванию.

При работе с записями римских историков необходимо учитывать тот факт, что представленные в них сведения тяготеют к субъективности, ведь граждане Рима воспринимали галлов через призму собственного мироощущения, а кельтские религиозные воззрения и обряды рассматривали с точки зрения своей религии и мифологии [1,88]. Также следует отметить, что римские историки описывали более близкую им территориально Галлию, которая подпала под влияние средиземноморской культуры и потому несколько отличалась от Ирландии, которая сохранила в основе своей сельскую простоту кельтов.

Третий источник, которым пользуются реконструкторы языческих верований, – это мифология. Здесь основная задача – увидеть в каждом произведении все заложенные в него смыслы, и уметь отличить более поздние детали и смысловые слои от более ранних, исконных. Именно мифологический корпус саг даёт исследователю возможность увидеть кельтский мир «изнутри», не ограниченный чужой культурой и чужим мировосприятием, вне анализа и структуризации извне. Литературные источники в самом кельтском ареале в большинстве своём христианские, и лишь Ирландия даёт нам корпус дохристианских текстов.

Немаловажным фактором, затрудняющим реконструкцию древнего язычества, является то обстоятельство, что отдельные кельтские племена не воспринимали себя как часть единой кельтской культуры. Из этого следует, что пантеоны разнились от местности к местности, от племени к племени, сохраняя ключевых божеств, но внося различия в деталях.

Современные религиозные организации и обряды кельтского язычества не являются непосредственными преемниками древности, отсутствует непрерывная традиция. Они, скорее, представляют собой некую реставрацию того, что могло быть когда-то. Это в значительной мере определяет характер современных неоязыческих течений и рассматриваемого в данной работе кельтского неоязычества в частности.

Кельтская языческая традиция, как и многие другие, характеризуется многобожием, тесной связью с природными циклами. В кельтском обществе выделялась особая привилегированная группа людей, которые владели совокупностью сакральных знаний о мире [2,77]. Особое сословие состояло из бардов – поэтов и певцов, оватов – толкователей жертвоприношений и природных явлений, и друидов, которых римские историки ставят в один ряд с философами и теологами. Обучение бардовскому искусству занимало несколько лет, далеко не каждый допускался к нему. Знания передавались изустно, поэтому сейчас у современных исследователей нет надёжных письменных источников [4,40]. Единственный авторитетный источник знаний о кельтах в Галлии – труд Цезаря «Записки о галльской войне».

Исполнением непосредственно религиозных обрядов занимались друиды [1,89]. Как таковых культовых сооружений в современном понимании у кельтов не было, и обряды отправлялись в священных рощах. Однако Стюарт Пиготт пишет о священных оградах, а также о ритуальных шахтах [3]. Археологические находки свидетельствуют о том, что существовали огороженные капища, на которых и отправлялись обряды. Капища эти располагались преимущественно в лесу, представляли собой обнесённую оградой полянку в чаще, и носили название «неметон». Зачастую там также располагался родник или озерцо, которые являлись связующим звеном между этим миром и загробным. Вотивные предметы (дары богам, жертвоприношения) помещались в эти источники или же в ритуальные шахты. Для кельтов были характерны скульптурные изображения, вырезанные из дерева, которые символизировали божества и устанавливались в местах поклонения.

Кельтский календарь был тесно связан с культурой земледелия. В нём существует четыре основных праздника и ещё четыре менее значимых. Праздники делят год на четыре отрезка, а эти четыре отрезка потом ещё пополам. Ключевыми событиями календарного года были Самайн и Бельтайн (написание и произношение разнится от языка к языку). Эти даты известны любому современному человеку – Самайн знаменует окончание аграрного цикла и приход зимы и отмечается в ночь с 31 октября на 1 ноября. В христианской традиции он известен как день всех святых, в масс-культуре это Хэллоуин (праздник, в который открываются двери между мирами и нечисть может вредить людям). Самайн – это торжество зимы над летом и смерти над жизнью. Бельтайн – 1мая – Вальпургиева ночь. Бельтайн знаменует приход лета, расцвет жизненных сил природы, победу над тьмой и смертью. Фрезер в своём труде «Золотая ветвь» говорит о том, что ещё в 19 в. в сельской Англии широко от-

мечался May Day – Майский день, то самое 1 мая [5]. В цикл основных праздников также входят Имболк (1 февраля) и Ламмас (1 августа) – начало сбора урожая. Помимо этого отмечались дни весеннего и осеннего равноденствий.

Одним из центральных божеств в кельтской мифологии является Луг – бог света, связанный с солярным кругом. Кернуннос являлся мужской ипостасью бога плодородия, он «рогатый бог», и тесно связан с аграрным культом. Ключевой фигурой в кельтской мифологии является богиня Морриган – она несёт смерть и разрушение и забирает павших воинов с поля боя. Рианнон была покровительницей лошадей (несмотря на то, что кельты были связаны с культурой земледелия, воинское сословие было у них правящим классом, и в бой они ходили на колесницах, запряжённых лошадьми). Диан Кнехт считался богом врачевания. Большинство имён богов известно из корпуса ирландских мифов, а также валлийского мифологического цикла.

В результате урбанизации большинство поклонников неоязыческих религий обитает в городах. Однако язычество было характерно для аграрного общества, когда основная часть населения жила в непосредственной связи с землей и с аграрным циклом. Для древних людей праздники урожая имели намного больший смысл, чем для их потомков. В связи с этим акцент в религиозных практиках сместился с непосредственного почитания божеств и отправления ритуалов, призванных увеличить урожай и плодовитость скота, на обретение гармонии с миром и медитативные практики. Современный городской человек оторван от сельскохозяйственного мира, и в религиозных обрядах ищет скорее духовное просветление, чем практическую выгоду.

Реконструкция неоязычества проходит в среде людей, знакомых с основными мировыми религиями, что накладывает свой отпечаток. Как уже говорилось выше, из-за отсутствия достоверных источников реконструкция часто идёт по пути аналогии, попутно вбирая в себя то, что показалось актуальным и важным нашим современникам, которые являются частью движения Нью-эйдж, которое можно в самых общих чертах характеризовать как синкретическое.

Неодруидизм является попыткой реконструировать именно ту обрядовую и сакральную часть кельтской религии, которая исполнялась друидами. Религиозные воззрения основной массы населения носили более упрощенный характер. Друиды же помимо отправления обрядов являлись ещё и хранителями знаний, а в определённый период были фактическими правителями, чья власть превосходила королевскую.

На данный момент существуют официально признанные организации, например «Сеть друидов». Также есть «Древний орден друидов», «Орден бардов, оватов и друидов», «Секулярный орден друидов» и «Орден друидов Гланстонбери». 21 сентября 2010 г. Комиссия по делам благотворительных организаций приняла решение о том, что поклонение духам природы представляет собой религиозную деятельность. «Сеть друидов» получила права на такие же налоговые льготы, как и христианские церкви.

В рамках современного неоязычества, берущего начало в кельтской религии, помимо друидизма выделяется ещё викка (англ. Wicca). В сегодняшнем викканстве почитают вышеперечисленных божеств кельтской мифологии, а также Бригид – хранительницу домашнего очага, Керридвен – хранительницу котла, в котором в подземном мире готовились знание и вдохновение. Луг сейчас почитается в первую очередь как покровитель ремёсел, а как бога плодородия его чтят на празднике Ламмас, 1 августа.

Ключевой является идея связи с природой, включённость адепта в круговорот энергии и «силы» в природе, способность к магии, к изменению себя и окружающего мира через ритуалы и заклинания. Концепт «силы» является определяющим для виккан (последователей течения викка), и магическое взаимодействие в мире понимается как перераспределение «силы». От древних кельтских верований виккане переняли колесо года – календарь с основными аграрными праздниками, наименования божеств, и поклонение природе.

Современное переосмысление кельтской религии и культуры привнесло много нового в традиции и обряды. Из отрывочных знаний были воссозданы быт, религия, культура древних кельтов, однако эта реконструкция отличается большой неточностью и является преимущественно плодом творчества современных людей, которые мыслят себя потомками кельтов. В наше время друиды уделяют большое внимание Стоунхенджу, и проводят там обряды. Однако нет археологических доказательств, которые указывали бы на особое значение Стоунхенджа в магических практиках древних. Представляется, что большей значимостью обладали местные священные места – рощи, истоки рек, специальные шахты. Как уже было указано выше, викка не является в прямом смысле слова «наследницей» кельтской религии, а лишь вобрала в себя некоторые элементы.

Таким образом, исследователю следует учитывать вышеперечисленные факторы при работе с современными неоязыческими кельтскими течениями.

Библиографический список

1. *Аллен Стивен.* Кельты. Властители битв. М., 2010.
2. *Гюйонварх К.Ж. и Леру Ф.* Кельтская цивилизация. Спб-М., 2001.
3. *Пиготт Стюарт.* Друиды. Поэты, учёные, прорицатели. М., 2005.
4. *Подгаец А.М., Дубровина М.Б.* Кельты: что мы знаем о них? Пермь 1998.
5. *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980.
6. *Simon James.* The Atlantic Celts. Ancient people or modern invention? British museum press, 1999.

M.V. USTYUZHANINA

PECULIARITIES OF RECONSTRUCTING THE RELIGION OF ANCIENT CELTS

This article is dedicated to peculiarities if reconstructing pagan Celtic beliefs. Author analyses the methods to recreate ancient beliefs in Celtic neopaganism and points out their imperfection.

Key words: **celts, paganism, neopaganism, archaeology, folklore, written accounts, mythology.**

А.Б. ЯРЦЕВ
аспирант кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: tilindir@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОНЯТИЯ

В статье рассматривается история возникновения и распространения термина «неоязычество» за рубежом и в России. Рассматриваются основные определения понятия «неоязычество», выявляются принципиальные сходства и различия неоязыческих общин.

Ключевые слова: **неоязычество, язычество, родноверие, Новый Век.**

В отношении определения термина «неоязычество» в отечественной науке не сложилось устойчивого понимания. Одни исследователи данного феномена, скажем, д.филос.н. Е.Г. Балагушкин и С.М. Квасанкова, видят в неоязычестве одновременно как новые религиозные движения, основанные на возрождении древних верований и обрядов, богов-покровителей, так и современные традиционные направления, поддерживающие непрекращающуюся культовую и ритуальную традицию на протяжении многих веков [1, 14]. Другие, к примеру, антрополог В.А. Шнирельман и религиовед А.В. Гурко, подчеркивают искусственность неоязычества, прерванность традиции (в противоположность собственно «язычеству» волжских и северных народов России, во многом сохранивших архаический образ жизни – удмуртов, марийцев). Шнирельман заявляет, что неоязычество «*искусственно создается городской интеллигенцией из фрагментов древних локальных верований и обрядов с целью возрождения „национальной духовности"*» [10, 3], а Гурко определяет неоязычество как «*новую религию, сконструированную на основе политеистических верований в целях поиска новой этнической идентичности и/или для разработки новой идеологической системы*» [2, 44].

Можно, в целом, согласиться с определением религиоведа А.В. Гайдукова, понимающего неоязычество как «совокупность религиозных, парарелигиозных, общественно-политических и историко-культурных объединений и движений, обращающихся в своей деятельности к дохристианским верованиям и культам, обрядовым и магическим практикам, занимающихся их возрождением и реконструкцией» [3, 12]. При этом стоит отметить, что, кроме культового наполнения, неоязыческие организации и общины зачастую имеют и свои специфические социально-политические и идеологические представления и концепции. Более того, в силу его разноплановости неоязычество возможно рассматривать как своеобразную субкультуру, представляющую автономное образование внутри господствующей культуры.

Широкие масштабы распространения, которые получило неоязычество на просторах России и других стран, позволяют предположить о существенном влиянии этого феномена[1].

Религиоведческий анализ неоязычества представляется чрезвычайно важным уже потому, что однозначной трактовки относительно неоязычества в современном обществе в нашей стране не существует. Мнения разнятся от апологетических до хулительных. Так, политолог В. Прибыловский определяет неоязычество следующим образом: «*Самая политизированная квазирелигия. <...> Мифологизированная форма расовой, этнической и религиозной ксенофобии*» [4, 21], а заместитель начальника Центра криминальной информации Главного информационного центра МВД России полковник А.И. Хвыля-Олинтер высказывается о неоязыческих сообществах еще более определенно: «*Известно, что практически все из них являются антихристианскими. Многие проповедуют экстремистские идеи, некоторые возбуждают религиозную рознь. Вероучения таких организаций представляет собой нагромождение совершенно безумных идей, ничем неподкрепленных, резких нападок на православие и ислам, фрагментов из учений сект иной направленности*» [4, 25-26]. Наконец, известна позиция официальной РПЦ, неоднократно выраженная Патриархом Алексием II: «*Век нынешний, XXI, заставляет нас выносить на повестку дня такие вопросы, как необратимое искажение духовного сознания, ведущее к всеобщему падению нравственности, распространению неоязычества, терроризма и других губительных явлений современности*» [19]. В то же время сами неоязычники, разумеется, придерживаются противоположных взглядов и рассуждают о «*первостепенной значимости язычества для современной русской национальной культуры*» [5, 5]. Характерны такие высказывания: «*Современные национальные цен-*

© А.Б. Ярцев

ности для нашего народа должны стать первоочередными»; «*высшими ценностями являются Родная Земля, Природа и народ, его историческое и духовное наследие, его настоящее и будущее*» [8, 45].

Для правильного понимания явления неоязычества необходимо, прежде всего, разобраться с терминологией. Откуда взялось само понятие «язычество», и насколько уместно, научно и точно употребляется термин «неоязычество» в настоящее время? Язычество – термин теологический, возникающий в рамках дуальной оппозиции «теизм» (в конкретно-историческом приложении – христианство) – «нетеизм» (соотв., язычество), и обозначающий систему нетеистических верований различных народов. Корень «язык» здесь восходит к церковно-славянскому слову «языцы», т.е. «народы», «инородцы», что в данном случае осмысливается как иноверец, нехристь, придавая термину негативную окраску. Слово «язычник» встречается уже в Остромировом Евангелии (1056-1057 гг.). Длительное время в теологическом обиходе наряду с термином «язычество» активно использовалась калька «поганство» и «погане» (от лат. «paganus» – пуща, необжитая часть леса), и до сих пор это слово в оригинальном значении используется, к примеру, в украинском языке. К III-IV веку н.э. в вульгарной латыни утвердилось переносное понимание слово «paganus» в значении «сельский» или «провинциальный», и в уничижительном смысле стало использоваться христианами для дистанцирования от язычников и язычества, которое стали называть «religia pagana», то есть «деревенская вера», так как христианство в Риме первоначально было распространено главным образом в городах. Термин «paganus» встречается у Тертуллиана в его «О венке воина» и у историка и теолога Павла Орозия в восьмитомной «Истории против язычников».

По определению историка и этнографа С.А. Токарева, термин «язычество» не имеет собственного научного содержания и соответствует термину «племенные культы». Он писал: «*Об употреблении иного обозначения — «языческие религии», «идолопоклонство» и т.п. — нечего и говорить: им место разве лишь в церковно-миссионерской литературе, а никак не в научной*» [9, 24]. Действительно, в разное время под язычеством понималось множество различных верований – от магии и анимизма до тотемизма и политеизма.

При этом существенно отметить то, что неоязычники часто умышленно доводят до абсурда изначальную позицию теологов-христиан. Логика рассуждений такова: если под «язычеством» вы понимаете такую этно- и социоцентрическую позицию, когда некая группа считает, что все, не относящееся к их собственной культуре, лишено ценности, то да, мы с гордостью принимаем это – мы язычники, мы иноверцы и чужаки, и мы *гордимся* этим.

Если же говорить о сходствах между язычеством классическим и современным, то здесь уместно указать на очевидный факт. Язычество – не только комплекс верований, это и переплетенное с ними мировоззрение племени и этноса, этнорелигиозный комплекс. Языческие религии роднит общая основа обожествления природы, культа плодородия и тщательно проработанных ритуалов. Древним культурам, по отношению к которым применяют термин «язычество», была присуща мифологическая форма мышления и мировоззрения. В ней соединялись религиозный, познавательный, нравственный, эстетический и др. виды опыта, отражалась связь между человеком и природой, между человеком и общиной. Подобный синтез, во всяком случае, определенные попытки такового, осуществляются в подавляющем большинстве неоязыческих общин.

Важно еще и то, что многие элементы язычества в снятом виде вошли в содержание христианской обрядности. Так, архаическая семантика аграрных культов и ритуалов весеннего пробуждения природы переосмысливается в виде Пасхи, в структуру обрядности которой вводится ритуальное поедание окрашенного яйца (красный цвет – цвет крови – традиционно использовался как знак жизни для окрашивания лба раненых, рожениц и новорожденных с целью обратить их к жизни; яйцо же выступает как исконный символ космогенеза). Типичный для язычества аграрный праздник сбора плодов стал отмечаться как день Преображения Господня – Яблочный Спас. Разумеется, все это послужило отличной базой для распространения неоязычества. Интерес к дохристианской культуре основывался, кроме того, на различных научных и научно-популярных публикациях, среди которых первое место занимают «Язычество древних славян» и «Язычество Древней Руси» академика Б.А. Рыбакова [6; 7].

Термин «неоязычество» возник в конце XIX в. Авторство его точно установить, вероятнее всего, не удастся. Впрочем, есть несколько претендентов – одним из них является, как это ни парадоксально, знаменитый американский ученый и психолог религии У. Джемс. Так, в одном из писем, датированных 5 апреля 1868 г., он пишет: «*Есть и такие люди, которые готовы кричать от счастья и вопить во весь голос, если бы кто-то отправил их во времена Древней Греции, и они, я думаю, есть нео-язычники (neo-pagans) и поклонники Эллады сегодня*» [14, 211]. Примерно в то же время англий-

ский поэт и критик Джон Аддингтон Симондс в книге «Возрождение в Италии» в 1877 г. упоминает о «*неоязыческом (neopagan) импульсе классического Возрождения*» [15, 193]. Наконец, ирландский историк и политик Джастин Маккарти в своей работе «История нашего времени», увидевшей свет в 1880 г., при описании некоего политического деятеля утверждает, что голова того была занята «*... эстетством, неоязычеством (neo-paganism) и прочими подобными фантазиями*» [13, 542].

В середине XX в., вместе с распространением в США различных движений, относимых сейчас к т.н. «Новому Веку» (New Age), в различных контекстах стали появляться термины «pagan» и «neopagan». Впервые их употребили неизвестные члены «Ассоциации Изучения Ведьмовства» в анонимных изданиях 1964 и 1965 гг. Более широким использованием и популяризацией этих определений, по всей видимости, мы обязаны Оберону Зелл-Рейвенхарту, сооснователю «Первой Неоязыческой Церкви Всех Миров» [11, 295]. С 1967 г. он стал выпускать журнал «Зеленое яйцо» [16], в котором активно употреблял и тот и другой термин. С середины 70-х гг. термин «неоязычество» активно стал использоваться и англоговорящими (в первую очередь, американскими) академическими кругами, в основном для выделения из всего огромного комплекса НРД тех верований, которые исповедуют пантеизм и обожествляют природу, либо же занимаются реконструкцией различных аспектов реального исторического политеизма.

Для того, чтобы отмежеваться от «общего» неоязычества и других направлений своей религии, в середине 90-х гг. некоторые последователи германского неоязычества стали использовать самоназвания «Heathenism» (старо-англ. Нжреп, нехристианская вера) и «Theodism» (старо-англ. Юйodisc Gelйafa, вера племени). Впрочем, дальше неоязыческих кругов эти термины не вышли.

В настоящее время иногда употребляется термин «contemporary Paganism» («современное язычество»), под которым понимается все новые политеистические религиозные движения, – термин принадлежит авторскому коллективу международного журнала исследований язычества «Гранатовое дерево» [17].

Рядом с «неоязычеством» в работах американских и британских исследователей употребляются схожие понятия «nature religion» (или «nature worship» – поклонение природе) в более широком смысле, как объединяющий ряд движений краеугольный камень, «native religion» или «folk religion» («естественная» или «народная» религия) «ethnic religion» («этническая религия»), и др. Впрочем, нет никакой нужды пояснять, в чем состоит отличие данных понятий, давно известных и в отечественном религиоведении, от неоязычества – следует оставить смешение этих дефиниций на совести непрофессиональных переводчиков. Увы, подобные неточности вызывают размывание в определении сути того или иного мировоззренческо-религиозного течения.

В среде славянских неоязычников широко распространен термин «родноверие». Термин «родная вера» в России впервые использован в июне 1998 г. В. Казаковым (Калужская Славянская Община), в докладе на первом конгрессе WCER в Вильнюсе от одного из первых родноверческих объединений — ССО СРВ («Союз славянских общин славянской родной веры»). В 2001 г. И. Черкасов («волхв Велеслав», Москва, община «Родолюбие», объединение «Велесов круг») перефразировал термин «родная вера» в более четкое определение — «родноверие», который быстро стал общеупотребимым в контексте обозначения славянских неоязычников. Интересно, что родноверие, по мнению создателей «Битцевского обращения», декларации основных положений идеологии неоязыческого объединения КЯТ, составляет одну из ветвей «родственных по духу» родоплеменных природных мировоззрений индоевропейских народов. Именно отнесение «родноверия» к разряду индоевропейских верований дает возможность и в декларации своей веры, и в ее реконструкции апеллировать к древней религии Вед как корням славянской Традиции и именовать свою веру «ведической». Отсюда происходит открытость родноверов языческим представлениям других индоевропейских народов [18]. Именно родноверие стало самым распространенным неоязыческим движением в России, однако из нескольких сотен общин официально зарегистрировано лишь 8 [20].

Так же, как и в русском, в украинском неоязычестве существует два основных направления: нео-религия на основе родноверия – РУН-віра (зарегистрировано 49 общин), Ладовіра, Ягновіра; и традиционное родноверие: Объединение Родноверов Украины (22 общины), Собор Родной Украинской Веры (12 общин) и др.

Зарубежное неоязычество имеет множество различных форм – от квазикельтской Викки и скандинавского Асатру до «Неоязыческой Церкви Всех Миров» и глобальных экологических движений. Множество западных неоязыческих общин выпускают и распространяют различную печатную продукцию, будь то брошюры, журналы или книги, и теоретики этих общин имеют возможность широкого освещения своих воззрений. Многие неоязычники одновременно являются преподавателями различных колледжей и университетов, где имеют

удобные возможности для распространения и популяризации своих взглядов. Ведутся дискуссии относительно разделения неоязычества на два направления: «ранние» неоязычники первой половины XX в. (к примеру, Дж. Гарднер или А. Уоткинс) и поздние реконструкторы язычества конца XX в. (общины «Асатру», родноверы и т.д.).

Один из главных парадоксов неоязычества заключается в том, что данное явление распространяется отнюдь не по классическому канону любой религии (начальный этап, впоследствии сакрализируемый; создание "символа веры" и основных теоретических выкладок; популяризация таковых в массах; распространение и, наконец, формирование церкви со всеми атрибутами). Наоборот, можно говорить о том, как массовая популярность идей мифологического характера обусловила потребность в создании некоего подобия религиозного сознания и культа.

Явление неоязычества весьма значимо для современности. Сравнивая неоязыческие концепции на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье, можно обнаружить, что идейное содержание неоязыческих доктрин зиждется на ряде схожих идеологем: единства с природой, ощущения себя как часть Сущего, экологизма и толерантности. Ритуальные практики всех этих течений основаны на идентичных способах применения магии, эзотерических знаний и эклектичных техник (медитации, обратной энергетической связи, применении кристаллов, кармических методов, ченнелинга и т.д.).

Адепты ряда неоязыческих общин в своем стремлении к глобальному объединению через единство верований исповедуют абсолютную несопротивленческую толерантность, морально-этическую всеядность, что, по существу, превращает их в десоциализированную покорную массу, увлеченную в ирреальное пространство. Представители неоязычества регулярно участвуют в экологических и историко-культурных мероприятиях. Немаловажными являются реконструкция и возрождение традиционных лекарских секретов и методик, использование народной медицины и природных лекарств.

Эти характерные признаки неоязыческих верований фактически интегрирует их в глобальное движение «Нового Века» – «New Age», однако, существуют и свои существенные отличия.

В целом же феномен неоязычества еще мало изучен и зачастую находится в поле зрения не науки, а газетно-журнальной публицистики. В отечественном религиоведении до сих пор не существует целостного и четкого представления об истоках и особенностях детерминации неоязычества, факторах роста его популярности, связи с этнополитическими процессами в обществе и т.д.

В настоящее время сложилась такая ситуация, когда по сути неоязычество представляет собой современную субкультуру, которая удовлетворяет потребности определенных кругов наших современников и исполняет значимые функции в современном обществе, в объемлющей культуре.

Необходимо продолжать анализировать методы и подходы в изучении неоязычества: от описания и анализа феномена, выявления в нем того, что выходит за собственно религиозные рамки, через рассмотрение общины, мировоззрения и его собственно религиозных аспектов, к описанию и анализу «практик», видов деятельности, ради которых, возможно, многие и приходят в таковую общину, к выявлению тех элементов субкультуры, которые притягательны для многих людей: отношение к традиции и социальной мобильности, повышению своего общественного статуса, материального положения, потребность в общении, которое способствует этой мобильности, в ритуальном оформлении жизненных событий, отношение к культуре и социальной действительности.

Примечания

[1] Так, в работе Ф. Каротт указывается, что только в США существует от 3 до 5 млн. неоязычников. См.: Curott, Phyllis. The Book of Shadows: A Modern Woman's Journey Into the Wisdom of Witchcraft and the Magic of the Goddess. 1999. P. 482.

Библиографический список

1. *Балагушкин Е.Г., Квасанкова С.М.* Новые религиозные движения и секты. М., 1993.
2. *Гурко А.В.* Новые религии в Республике Беларусь: генезис, эволюция, последователи, Минск, 2006.
3. *Гайдуков А.В.* Идеология и практика славянского неоязычества. СПб., 2000.
4. *Куликов И.* Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера. Том. 3. Неоязычество. Часть 1. М., 2000.
5. Русский языческий манифест. М., 1997.
6. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
7. *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М., 1987.

8. *Сперанский Н*. Слово почитателям древней культуры. Троицк: Тровант, 1996.
9. *Токарев С.А*. Ранние формы религии. М., Политиздат, 1990.
10. *Шнирельман В.А*. Неоязычество и национализм: восточноевропейский ареал // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 114, М., 1998.
11. *Adler M.* Heretic's Heart: A Journey Through Spirit and Revolution. Beacon Press, 1996.
12. *Curott Ph.* The Book of Shadows: A Modern Woman's Journey Into the Wisdom of Witchcraft and the Magic of the Goddess. 1999.
13. *McCarthy J.* A history of our own times. 1880.
14. Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 1989, vol. 6.
15. *Symonds J.A.* Renaissance in Italy. 1877.
16. Журнал «Зеленое яйцо» (www.greeneggzine.com).
17. Международный журнал исследований язычества «Гранатовое дерево» (www.equinoxjournals.com/POM).
18. Содружество природной веры «Славия» (www.slavya.ru). http://www.slavya.ru/docs/bitc_obr.htm
19. Портал «Религия и СМИ» (www.religare.ru). http://www.religare.ru/2_10557.html
20. Портал «Религия и СМИ» (www.religare.ru). http://www.religare.ru/2_36302.html

A.B. YARTSEV

CONTEMPRORARY NEOPAGANISM: TO THE QUESTION OF ORIGIN OF THE CONCEPT

This article discusses the history of the emergence and spread of the term "neo-paganism" abroad and in Russia. Article considers the main definition of the term "neo-paganism," reveals fundamental similarities and differences between neo-pagan communities.

Key words: ***neo-paganism, paganism, rodnoverie, New Age.***

ФИЛОЛОГИЯ

Ж. БАГАНА
доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного университета
E-mail: baghana@bsu.edu.ru
Тел. (4722) 30 13 28

А.А. ПЕРКОВА
аспирант кафедры французского языка Белгородского государственного университета
E-mail: bsu-work@yandex.ru
Тел. 8 908 783 18 67

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЭТИКЕТА В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматривается процесс зарождения этикета и его дальнейшего развития на примерах стран Западной Европы и России.

Ключевые слова***: этикет, правила поведения, манеры, аристократия, придворный этикет.***

С древнейших времен люди, чтобы облегчить себе жизнь, были вынуждены соблюдать определенные правила и нормы поведения. Именно поэтому можно с уверенностью сказать, что этикет зародился одновременно с возникновением первобытного человеческого общества как необходимое условие его существования. На начальном этапе своего развития эти правила были едиными и регламентировали отношения во всех сферах жизни человека. Таким образом, этикет в тот период времени не был самостоятельной регулятивной системой, а лишь сосуществовал с правилами, выполнявшими контролирующую роль в общественной жизни первобытного коллектива.

Изначально, правила этикета не фиксировались в письменном виде, а были негласными. Хранителями подобных знаний первоначально были старейшины. Немного позже, с переходом общества на новый этап развития, нормы этикета выделяются в самостоятельные правила и закрепляются письменно, но не в форме специальных сводов правил, а в виде упоминаний в художественных произведениях.

Рассматривая далее развитие человеческого общества, можно обнаружить, что уже в древних египетских, римских рукописях, гомеровской «Одиссее» говорится о правилах поведения людей в различных жизненных ситуациях. В это время уже были строго регламентированы отношения как между различными сословиями: высшими и низшими, господами и рабами, так и внутри самого сословия: взаимоотношения старших и младших, мужчин и женщин.

Еще одним широко известным литературным памятником древних времен наряду с «Одиссеей» является «Эдда» – основное произведение германо-скандинавской мифологии, в котором содержатся не только подробное описание поведения за столом, но и правила произнесения тостов. Следовательно, здесь уже можно вести речь о зарождении речевого этикета как особой системы устойчивых формул в общении.

Вопросы воспитания и нравственности, вежливого и уважительного отношения к людям поднимались также и в трудах таких античных философов и поэтов, как Платон, Аристотель, Овидий и многих других выдающиеся людей той эпохи. Поэтому можно сказать, что основы этикета, являющегося частью европейской культуры, начали формироваться именно тогда.

В то же время, наряду с бытовым этикетом начинает свое развитие и этикет политический, соблюдением которого были особо известны Древний Египет, Древняя Греция и Древний Рим [1, с. 9].

По-иному предстает перед нами этикет Средневековья, когда он формируется и существует в своем классическом виде. С наступлением Средних веков многое в этикете было утеряно и забыто. Но несмотря на то, что практически повсеместно господствовали невежество и грубость нравов, все же находились люди, стремившиеся обратить внимание современников на нравственность, необходимость вести себя подобающим образом. В первую очередь такими людьми были лица духовного сословия, так как в период раннего Средневековья законодателем этикета являлась церковь. Опираясь на непререкаемый авторитет церкви и Священного писания, в своих проповедях и трактатах церковнослужители призывали к доброте, скромности и человечности. Позднее, с активным

© Ж. Багана, А.А. Перкова

развитием общественной жизни и расширяющимися международными контактами, появилась необходимость составления руководств по поведению. Первым из них, дошедшим до наших дней, был труд испанца Петруса Альфонса «Дисциплина клерикалис», появившийся в 1204 году. Первоначально он был адресован духовным лицам, а позднее стал руководством и общегражданских правил поведения.

Говоря о развитии этикета в Европе, необходимо отметить, что страной, которая по праву может быть названа родиной этикета, является Франция. Принято считать, что впервые слово этикет было использовано в своем прямом значении на одном из пышных и изысканных приемов у короля Людовика XIV, где гостям были предложены карточки с перечнем правил поведения. Таким образом, от французского названия карточки «этикетка» и произошло и само название «этикет» [2, с.18].

Не стоит забывать также и о роли Италии, известной миру трудами таких авторов, как Бальдассаре Кастильоне («Придворный», 1517) и Жиованни дела Каза («Галатео», или Книга хороших манер», 1558). Трактат «О придворном» представлен в виде диалогов, воссоздающих тип идеального придворного и картину изысканных обычаев и остроумных бесед итальянского общества времён Возрождения. В ней Кастильоне опирается как на античную, так и на ренессансную культурные традиции. Особенно часто он ссылается на Цицерона, Платона, Ксенофонта, Квинтилиана [3, с. 137-148]. «Галатео», или Книга хороших манер» – труд в традиции Кастильоне, представляющий собой руководство по хорошим манерам и комплиментам, изложенное в форме наставлений воспитателя своему ученику [4, с.473].

Весьма важной вехой в эпоху Средневековья был рыцарский этикет. Он был особенно сложен по причине наличия строгих правил рыцарской чести, которые должны были безукоризненно соблюдаться. Вот как об этом пишет историк А.Я. Гуревич: “Рыцарь именно исполняет свою роль, ни на минуту не забывая о зрителях, перед которыми он «играет», будь то король или его прямой сеньор, дама или такой же рыцарь, как и он сам”. Рыцарский этикет регламентировал каждый жест, даже на поле боя, где рыцарь был скован множеством предписаний: нельзя сражаться с хуже вооружённым противником, нельзя наносить удары в спину, нельзя первым обращаться с воинским донесением к королю и так далее [5].

Становление же этикета в Германии, к сожалению, происходило крайне медленно, так как вплоть до XV – XVI веков там практически повсеместно царили нравы, которые нельзя назвать иначе, как варварскими. Однако уже начало XVI века было ознаменовано появлением работы Эразма Роттердамского «Гражданство обычаев детских» – свода правил, обязанностей и норм поведения ребенка среди взрослых, сверстников в школе и дома. В книге содержатся правила благонравия, благочестия. В сборнике имелась и специальная глава «об игрании» [6, с. 17]. На основе этого сочинения были составлены последующие книги по этикету. Сначала это были книги о правилах поведения придворных. Затем появились и книги, предназначенные для более широкого круга читателей. Они содержали правила поведения за столом, учили правильно вести беседу, принимать гостей и т. д. Одной из таких книг стала изданная в Гамбурге в 1716 году «Книга о вежливом поведении и достойном обхождении как с высокими и почтенными персонами, так и с дамами, а также о том, каким образом дама может соблюсти вежливость по отношению к нам». Автором этой книги был Менантес (литературный псевдоним немецкого поэта и либреттиста Кристиана Фридриха Хунольда). О содержании произведения можно судить по его названию.

С наступлением эпохи Просвещения этикет перестал быть достоянием избранных. Стали появляться и расходиться большими тиражами книги о культурном поведении в обществе. В средних слоях зародилось стремление к демократизации норм поведения, подчинения их актуальным жизненным требованиям и целесообразности. Именно эта тенденция и по сей день играет немаловажную роль в формировании норм этикета, принятых в странах современной Европы [1, с. 19].

В России, не пережившей классического европейского средневековья, культура этикета, в привычном для нас понимании этого слова, распространялась значительно позднее, чем в Западной Европе, – в первой половине XVIII века.

Формы регламентации, которые предшествовали этикету, были подкреплены обычаями и нормами православной морали. Стандарты поведения находили отражение, прежде всего, в пословицах того времени, так как мудрость, называемая в то время народной, передавалась из уст в уста, потому что грамотой, а соответственно и письменностью, владели преимущественно монахи. Среди простого же народа это было большой редкостью. По мере становления государств, развития письменности, установления дипломатических отношений, правила и нормы поведения начинают фиксироваться в памяти культуры. Так первые сведения о правилах поведения, которые должны соблюдать дети феодальной знати, может быть найдено уже в «Поучении Владимира Мономаха».

Во второй половине XI века на Руси, наряду с различными сборниками изречений, афоризмов,

притч, появляются переводы средневековых повестей в большей степени нравоучительного содержания. Среди них особенно выделяется «Повесть об Акире Премудром» неизвестного автора, написанная в жанре наставлений сыну. В ней освещались вопросы нравственных взаимоотношений между родителями и детьми, между людьми, знакомыми и незнакомыми, и были представлены особенности этикета того времени [7, с. 194].

Еще с давних времен на Руси составлялись руководства морального характера, определяющие поведение человека в семье, в обществе, его взаимоотношения с другими людьми. Произведения, в которых излагались права и обязанности главы семьи и его домочадцев, получили название «Домострой» – свод правил поведении, получивший свою законченную форму к середине XVI века. Он охватывал практически все стороны жизни дворян, помещиков. Вплоть до первой четверти XVIII века в провинции жили по «Домострою [2, с.38-39].

Жизненный уклад России начал резко меняться эпоху правления Петра I (1672-1725). Он стал с огромным размахом вводить различные новшества в повседневную жизнь и быт российского дворянства, так как преследовал лишь одну цель – европеизацию всей жизни России. Молодые люди – отпрыски вельмож, высших чиновников и офицеров – получили возможность обучаться в учебных заведениях, где они овладевали светскими приличиями, учились танцам, фехтованию, искусству красноречия и т.д. Обучению юношества во многом способствовало создание специальных руководств и наставлений, где подробно разъяснялось, каким образом необходимо вести себя в обществе в тех или иных ситуациях. Ведущее место среди этих наставлений занимала книга под названием «Юности честное зерцало, или Показания к житейскому обхождению. Собрание от разных авторов», которая была напечатана в Санкт-Петербурге в 1717 году. Написана она была в форме 63 рассуждений и правил [8, с. 36-39]. Считается, что книга «Гражданство обычаев детских» (в русском переводе «Златая книжица о гожении нравов») под авторством Эразма Роттердамского была одним из первоисточников «Зерцала» [6, с. 27].

Еще одним многозначительным трудом, изданным в петровское время, был «Табель о рангах», содержавший требования к чиновникам в отношении их одежды, правила которой позднее стали распространятся и на их жен.

На смену петровскому пришел двор императорский. В это время в России воцарилось время невиданных до сих пор шика и роскоши, носивших скорее характер расточительства. В это же время усиливается влияние западноевропейской культуры, в особенности французской [2, с.52].

Каждым последующим правителем государства вводились какие-либо новшества в правила этикета двора. Однако все эти новые светские правила благовоспитанности в XVIII – XIX вв. внедрялись в основном среди высших слоев Петербурга и Москвы. В остальных слоях общества (среди мелких провинциальных дворян, купцов, разночинцев) они имели лишь подражательный характер [2, с. 59].

В 1775 году манифестом императрицы Екатерины II был обозначен особый разряд городского населения – мещане, иными словами «городские обыватели», которые не были отнесены к купечеству. Это были мелкие торговцы, служащие частных компаний, прислуга и т.п. Будучи вынужденными зарабатывать деньги наемным трудом, мещане стремились перейти из своего сословия в более статусное, стать богатыми. И этикет в этом случае был подобен лифту, посредством которого можно было подняться выше своего действительного положения в обществе.

Однако в это же время, как противоположность мещанину, в обществе активно проходит свое становление интеллигент – человек образованный, просвещенный, несущий в себе лучшие прогрессивные черты своей эпохи, наполненный идеалами и ценностями Просвещения [2, с. 62].

После отмены крепостного права в 1861 году многие сословные различия отошли на второй план. В это время этикет в прямом его понимании становится достоянием более широкого круга людей. Крестьяне в своей повседневной жизни тоже начинают руководствоваться определенными правилами, которые имели в своей основе патриархальные традиции.

Октябрьская революция 1917 года резко изменила представления о жизни. С этого момента хорошие манеры, благородство, вежливость, тактичность, владение иностранными языками стали считаться признаком буржуазного общества. Мужчины перестали быть галантными кавалерами, а женщины – прекрасными дамами. Все стали товарищами. Большая часть представителей интеллигенции была вынуждена уехать за границу [1, с. 17-18].

Для представителей современного российского общества также характерны положительные черты интеллигенции XIX в. с присущей ей сплоченностью духа, мировоззренческих взглядов, с нормами и правилами этикетного поведения в целом.

Этикет – это очень большая и важная часть общечеловеческой культуры, выработанной на протяжении многих веков жизни всеми народами в соответствии с их мировосприятием. Им задаются рамки, в пределах которых должна протекать жизнь

представителей общества. Отражение внутренней культуры проявляется, прежде всего, в манерах, а умение правильно вести себя в обществе, как известно, имеет очень большое значение: оно облегчает установление контактов, способствует достижению и сохранению взаимопонимания.

Библиографический список

1. *Энциклопедия этикета*. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 512 с.
2. *Андреев М.Л.* Бальдассаре Кастильоне и жанр трактата о правилах поведения. История литературы Италии. Том 2. Возрождение. Книга 2. Чинквеченто. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 350 с.
3. *Галатенко Ю.Н. Делла Каса Джованни.* Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2007. 473 с.
4. *Школа этикета*: поучения на всякий случай. Сост. Л.С.Лихачева. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. Изд-во, 1995. 318 с.
5. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Университетская книга, 1999. 352 с. (http://www.infanata.org/2007/02/08/gurevich_aja_izbrannye_trudy_v_2_t_t_2_srednevekovyjj_mir.html).
6. *Кошелева О. Е.* Гражданство обычаев детских: история изучения памятника и его роль в рус. культуре XVII в., в сб.: Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики. М., 1986. 230 с.
7. *Соловков И.А.* Антология педагогической мысли России XVIII в. М.: Просвещение, 1983. 480 с.
8. *Советский этикет.* Сост. Л.Г.Гринберг. 2- изд., перер. и доп. Л.: Знание, 1974. 220 с.

J. BAGHANA, A.A. PERKOVA

TO THE PROBLEM OF ETIQUETTE DEVELOPMENT IN RUSSIA AND WEST-EUROPEAN COUNTRIES

This article touches upon the etiquette rising process and it's further development in Russia and in west-European countries.

Key words***: etiquette, rules of conduct, manners, aristocracy, the ceremonial of the court.***

А.М. БЕЛОВ
доктор филологических наук, преподаватель кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: indogermanica@yandex.ru
Тел: (495) 931 24 38

«ПРОБЛЕМА ФЕНИКСА»: ВЛИЯНИЕ КОНЕЧНОЙ ГРУППЫ СОГЛАСНЫХ НА ПОЗИЦИЮ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ[1]

Работа посвящена почти неизвестной (как в отечественной, так и в зарубежной) эллинистике проблеме: возможно ли циркумфлексное ударение в древнегреческих словах, имеющих одновременно группу согласных на конце и долгий слогоноситель во втором от конца слоге (случаи типа ΦΟΙΝΙΞ или ΠΙΔΑΞ), если принять во внимание, что такая группа согласных способна ограничивать крайнюю позицию акута. Я имею целью – вопреки многовековой традиции – показать, что в древнегреческом языке слова с циркумфлексом при конечной группе согласных были фонологически невозможны.

Ключевые слова: ***акцентология, древнегреческий язык, моры, позиция ударения.***

1. Проблема

Традиционно в трактатах, описывающих позицию древнегреческого ударения, говорится исключительно о значении последнего долгого гласного для ограничения крайней позиции[2]. Первой, кто обратил внимание (современной) науки на значение консонантной группы в конце греческого слова, была Донка Стериади (Steriade 1982, Steriade 1988)[3]. До Стериади о значении консонатных групп говорили К. Гёттлинг, Ф. Мистели и Г.У. Смит (Göttling 1835, Misteli 1868, Smyth 1920, p. 39), однако их наблюдения остались без внимания даже таких крупных учёных, как Тронский или Аллен.

Д. Стериади говорит в первую очередь о том, что в сложных словах типа бахуврихи и 'synthetic compounds' ударение не может сдвигаться на третью от конца позицию, если в исходе слова располагается консонантная группа.

Ее примеры: πολυπῖδαξ, ποικιλοφόρμιγξ, ποικιλόθριξ, πολυάντραξ, φιλοκόλαξ, φιλοσπέλυγξ, φιλόρτυξ, λιπόθριξ при таких словах, как πολύναος, πολύβοτρος, ποικιλόφωνος, ποικιλόστολος, λιπόσαρκος, φιλόξενος (Steriade 1988).

Важно отметить, что тот же эффект ограничения крайней позиции наблюдается и не в словах-композитах (Καππάδοξ). Донка Стериади, справедливо возражая Ш. Балли и Ежи Куриловичу, говорившим о сдвиге ударения по аналогии (Bally 1945, Kurylowicz 1958), высказала мысль, что сдвиг ударения происходит под влиянием консонатной группы. Свои выводы исследовательница подкрепляет сверкой со словарём (Kretchmer & Locker 1944/1977) и мыслями о том, что в именительном падеже причастий настоящего времени и прилагательных на -ντ ударение занимает вторую от конца позицию точно так, как и в некоторых существительных 3-го склонения, упростивших группу согласных на конце: παιδευον (*παιδεῦοντ), χαρίεν (*χαριεντ), ср. ἱκέτις (*ἱκέτιδς). Эти же мысли повторяются и в новейшей оксфордской монографии по проблемам древнегреческой акцентуации (Probert 2006).

Однако в древнегреческом языке есть и группа вполне распространенных слов, в которых двойной согласный в исходе сочетается с долготой гласного во втором от конца слоге. Это слова типа ΦΟΙΝΙΞ 'финикиец' или ΚΗΡΥΞ 'глашатай'. Проблема очевидна: если группа согласных удерживает акут не далее 2-го от конца слога, то она же, по всей видимости, должна препятствовать циркумфлексу. Но традиция доносит до нас именно такое написание: φοῖνιξ! Однако Стериади, насколько можно понять, не оспаривает этого и принимает высказанное Балли и Куриловичем утверждение, что гласные верхнего подъема сокращаются перед группой согласных. По этой мысли, в словах типа κῆρυξ, φοῖνιξ исконно долгий последний гласный основы, сокращаясь, наделял второй от конца слог циркумфлексом. Помимо этого далее, в разделе об энклитиках (1988, p. 284)[4], Стериади трактует пример φοῖνιξ τις как пропериспомен с конечным тяжёлым слогом, тем самым явно давая понять, что речь идет именно о циркумфлексе.

Надо сказать, что большая часть высказанных Стериади идей убедительна; фонологическое объяснение второй позиции ударения явно выигрывает

© А.М. Белов

по сравнению с аналогическим хотя бы потому, что если для сложных слов ещё можно найти подходящую аналогию (ἱερολόγος?), то сделать это для слов типа Καππάδοξ крайне маловероятно[5]. Таким образом, мы могли бы предварительно согласиться с мыслью, что конечная группа согласных в греческом слове может вести себя так же, как долгий гласный. Это выглядит вполне убедительно и из типологических соображений: если тяжелый слог в греческом – это вокалическая двуморность, а двуморность – это факт фонологизации, то превращение силлабически двуморного слога в вокалически двуморную последовательность совершенно естественно для последнего слога того языка, где это превращение возможно и не в последнем слоге[6].

Однако упомянутая выше проблема циркумфлекса в контексте теории Стериади выглядит парадоксально; решение американской исследовательницы отнюдь не кажется правильным. В самом деле: если последний слог имеет две вокалические моры благодаря консонантной группе, то это совершенно исключает возможность появления циркумфлекса в таких словах, как κῆρυξ, φοῖνιξ, πῖδαξ. Но ясно и то, что теория сокращения гласного высокого тембра перед группой согласных если и может объяснить, почему вторая мора слога создаётся консонантом, а не слогоносителем (который исконно долог), то нисколько не спасает позиции циркумфлекса: если принимать идею Стериади, то в словах типа ΠΙΔΑΞ, ΚΗΡΥΞ, ΦΟΙΝΙΞ может быть только акут, тогда как она сама говорит о циркумфлексе. При этом совсем удивительно, что для слова ΠΙΔΑΞ ‘родник’ Стериади сама (p. 276) ясно говорит о том, что последний гласный в нём краток – при том, что он отнюдь не верхнего подъема. Так πίδαξ или πῖ δαξ?

Как можно объяснить это затруднение? Вероятно, возможен лишь один из двух ответов: либо теория Стериади несостоятельна, либо наши знания об акцентуации некоторых (не самых частотных) групп древнегреческих слов требуют серьезного пересмотра.

2. Исследование

С целью нахождения ответа на поставленый вопрос я провёл независимое от данных Донки Стериади исследование. В качестве источников информации помимо использованного и Стериади словаря (Kretchmer & Locker 1944/1977), представляющего собой обратно отсортированный список словаря Лиддела – Скотта – Джоунса (LSJ), был привлечён электронный корпус греческих текстов TLG-E и лемматизатор Perseus. Объектом исследования были слова, имеющие в исходе явную консонантную группу; для древнегреческого языка ионийско-аттического диалекта таковыми могут быть только слова, оканчивающиеся на -ξ, -ψ.

Результаты оказались следующими.

2.1. Слова с акутом. Из слов на -ψ, имеющих в последнем слоге заведомо не долгий гласный (примеры типа ἀρχίκλωψ сразу отбрасывались), обнаружилось 30 баритонированных слов, у которых перед последним слогом имеются как минимум ещё две моры Это или двусложные слова с первым (вокалически) двуморным слогом (μῆλοψ, λαῖλαψ[7]), или трёх- (или более) сложные слова.

Из слов на -ξ я нашёл как минимум 530 подходящих примеров. В действительности их несколько больше, так как очень многие из них представляют собой сложные слова со вторым элементом -φύλαξ, -θριξ, - αμπυξ, а это означает, что просодия интересующего нас последнего слога будет одинакова и в отобранном многоморном слове, и в неотобранном трёхморном (ἄθριξ).

Слова на -ξ принесли 3 исключения из правила крайней позиции для акута.

1. Слово πολύθριδαξ, единственный раз употреблённое латинским грамматиком IV в. Диомедом в своём сочинении *Ars grammatica* (p. 326 Keilius) в качестве пояснения к латинскому *lactucosus* букв. ‘изобильный салатом’. Надо сказать, что в этом случае мы имеем дело с явно сомнительным местом, так как для слова θρῖδαξ, отдельно приведенного там же, текст Диомеда даёт циркумфлекс над ι , что говорит нам о её долготе, тогда как словарь LSJ со ссылкой на других авторов указывает на краткость. Однако и это нам не может помочь, так как это слово, хотя и встречается 1 раз в поэтическом тексте (Epich. Fr.158.1 Kaibel), но расположено в такой позиции стиха, что не позволяет наверняка говорить ни о долготе, ни о краткости (1-й слог неповторяющейся строки кантики). Эти, а также высказанные ниже соображения, как кажется, не позволяют нам доверчиво отнестись к просодике этих слов в тексте Диомеда. Акцентуация этого слова, по всей видимости, есть плод размышления позднейших издателей над неакцентированным словом рукописи.

2. Слово εὔπιδαξ (‘богатый родниками’, ударение по LSJ). Встречается 1 раз в Палатинской антологии (6, 253) в первой строке эпиграмы Кринагора, но в форме им.п. мн.ч.: εὐπίδακες, поэтому ничего не доказывает. В именительном падеже единственного числа не засвидетельствовано нигде.

3. Слово πολύπαταξ (‘полный шума’). Встречается трижды: у лирика Пратина (1, 2: в аккузативе πολυπάταγα), в *Etymologicum Magnum* (280, 1: в косвенных падежах) и, что интересно, у

Хировоска (Theod. 1,377), который в этом месте открыто приписывает косвенным падежам этого слова пропароксютону, равно как и всем формам дублетного прилагательного 1-2 склонения πολυπάταγος. Однако ни из одного источника не следует, что существует именно форма πολύπαταξ с ударением на третьем от конца слоге. Вероятно, лексикографическая традиция просто перенесла по аналогии на восстановленную форму именительного падежа пропарокситонезу с дублетного прилагательного 1-2 склонения, тем более, что этому явно ничего не препятствовало.

Таким образом, мы действительно не видим ни одного убедительного примера, свидетельствующего о возможности пропарокситонезы в формах на двойной согласный.

Последнее даёт нам – в полном согласии с первой идеей Д. Стериади – неопровержимый факт, что консонантная группа в ионийско-аттическом диалекте древнегреческого языка сокращает крайнюю позицию акута, что, в свою очередь, подтверждает вокалическую двуморность конечного слога.

Этот факт интересным образом пересекается с тем, что в дорийском диалекте известные нам формы типа ἐδώκαν, ἐλέγον имеют ударение на предпоследнем слоге в том случае, где происходило отпадение последних согласных. Так, ἐδώκαν (< ἐδωκαντ) соответствует аттическому ἔδωσαν, (‘они дали’), а дорийская ἐλεγον (< ἐλεγοντ) – аттическому ἔλεγον (‘они говорили’). Сдвиг ударения хорошо мог бы быть объяснён тем, что до отпадения конечных согласных в дорийском конечная группа удерживала ударение от пропарокситонезы точно так же, как и в исследуемых аттических примерах. В пользу этой возможности высказывались Ф. Аренс и Ф. Мистели (Ahrens 1839–43, Misteli 1868, Probert 2006). См. в латинской монографии Генриха Аренса:

> Apparet etiam hic ultimam syllabam Doribus pro longa fuisse. Et fuit longa antiquissimis temporibus, priusquam extremum τ abiectum est, quod Latini seruabant, ἐλέγοντ, ἐλύσαντ, ἐφιλάχεντ. Itaque antiquissima lingua syllabis finalibus positione longis id tribuisse uidetur, ut neque antepenultimam acutum, neque penultimam circumflexo instrui liceret, cum Attica dialectum illo quidem abstineat, sed hoc admittat: ut καλαῦροψ. Deinde Dores in ἐστάσαν, ἐλέγον etc. antiquum accentum retinuisse uidentur, quamquam abiecto τ ultima correpta erat. (II, 28-29).
>
> Ясно, что также и здесь последний слог у дорийцев считался долгим. И он был долог в очень древнюю эпоху, прежде чем отпало конечное τ, которое сохранилось в латинском: ἐλέγοντ, ἐλύσαντ, ἐφιλάχεντ. Таким образом, в древности язык [дорийцев] имел то свойство, что последние слоги, долгие по положению, препятствовали постановке как акута на третьем от конца слоге, так и циркумфлекса на предпоследнем, тогда как аттический диалект воздерживался от этого правила, но позволял формы, вроде καλαῦροψ. Очевидно, что в дальнейшем дорийцы удержали [место] ударения в формах ἐστάσαν, ἐλέγον, хотя после отпадения τ последний [слог?] сократился.

Мы видим, что тонкая мысль Аренса, изящнейшим образом выраженная латинским текстом, вполне согласуется и с нашими наблюдениями о крайней позиции акута. Вызывает интерес и идея о сокращении позиции циркумфлекса, однако, как видно, Аренс оставлял действие этого правила только за дорийским, но не аттическим, диалектом. Впрочем, употреблённый термин correpta (’сокращённый’), связанный в классической традиции исключительно с гласными и, без сомнения, известный Аренсу именно в этом значении, оставляет подспудное впечатление, что долготу по положению (по крайней мере, в этом случае) учёный понимал именно как удлинение гласного, что вполне соответствует аттическому закону.

Теперь мы знаем, что положение вещей несколько другое. Посмотрим же на то, как ведут себя циркумфлектированные слова аттического диалекта и койне, заканчивающиеся на группу согласных.

2.2. Слова с циркумфлексом. О словах с циркумфлексом перед -ξ, -ψ наши лексикографические источники дают противоречивые сведения. С одной стороны, мы находим примеры типа φοῖνιξ, κῆρυξ, которые можно было бы объяснять сокращением гласного в именительном падеже, но с другой, имеются случаи типа μήλοψ, κήμιψ (: φλὲψ γεώδης ἐν πέτραις Hes.), κώμαξ, λάαξ, βήραξ, χλεύαξ, οἶσαξ, ψήφαξ, στώμιξ; для ряда слов имеется разнобой в ударении: χαῦναξ/χαύναξ, βώμοξ/βῶμοξ и, что неудивительно, φοῖνιξ / φοίνιξ. Так во всем корпусе TLG-E первая (циркумфлектированная) форма последнего слова встречается 717 раз, а вторая (акутированная) – 119[8]. Всё это явно указывает на разнобой и в самой традиции передачи слов такого типа.

Можно было бы возразить, что речь идёт о чередовании долготы конечного гласного. И действительно, для таких слов, как, например, χλεῦαξ (‘шутник’), LSJ дает циркумфлекс, добавляя при этом, что в косвенных падежах альфа удлиняется. Но ведь тогда это, во-первых, должно означать, что сокращению перед -ξ, -ψ подвергаются, надо полагать, все гласные, и, скажем, в слове ἀλώπηξ (‘лисица’) мы не должны ставить акут вопреки двухтысячелетней традиции. А во-вторых, слова на -αξ относятся к весьма продуктивным образованиям, и это значит, что альфа должна быть долгой

и в других случаях. Так, τρύφαξ, -ακος ('неженка', [ă]) : τρυφή ('изнеженность') = χλεύαξ : χλεύη ('шутка'). Сюда же можно было бы отнести и другие образования[9]. Во всех последних примерах ничего не известно о долготе последней альфы. Но даже если признать, что речь идёт всё же о различных (омографических) суффиксах, имеющих очень странную дистрибуцию (в трудных для ударения случаях возникает краткий), то это всё равно не отменяет предшествующие аргументы и не спасает от следующих возражений.

Рассмотрим такие примеры: слово μήλοψ ('подобный видом яблоку'), данное именно в таком виде в обоих словарях, имеет явно краткий омикрон; очевидно его образование от ὄψ, краткость засвидетельствована стихом Гомера (Od. 7, 104). Удлинения нет и не должно быть.

Слово φοῖνιξ ('финикийский, пурпурный'), о котором уже говорилось выше как субъекте сокращения гласного, имеет основу φοινι-, выступающую краткой в ряде стихов Гомера. Так в женском роде прилагательного φοινικόεσσα ('пурпурная') все 4 случая, когда попадается это слово (Il. 10, 133; Il. 23, 717; Od. 14, 500; Od. 21, 118), дают нам краткость. Долгота же засвидетельствована в формах Φοινίκην (Od. 4, 83; Od. 14, 291), Φοινίκων (Od. 15, 473) и φοιν-ικοπάρηιος ('краснощёкий': Od. 11, 124; Od. 23, 271). Различие долготы естественно связать с метром, что заставляет предполагать неустойчивость долготы -ι-.

Что касается основы κηρυ-, то здесь положение вещей совсем удручающее, так как практически ни у одного поэта до классической (включительно) эпохи мы её в чистом виде не находим. Во всех случаях υ располагается в III анкепсах строк: Aristoph. Thes. 336, Thes. 1163, Aesh. Supp. 221, Septem. 651. Есть два места Софокла, которые могли бы что- то прояснить, но текст испорчен: Софокл (Fr. 219a.80, 12; Fr. 314, 236). Наконец, единственный пример, где υ действительно выглядит долгим, – это во фрагменте ямбов Архилоха (Fr. 185, 1), но там в исходе строки стоит собственное имя Κηρύκιδη, что тоже заставляет проявить известную осторожность.

Теперь обратимся к нашим источникам. О сокращении долготы эксплицитно говорят нам такие авторитеты, как Геродиан (в реконструкции Ленца: De prosod. cath. 3, 1, 524; 3, 2, 9) и Хировоск (Theod. 223, 22). Из более древних грамматиков о том же имеется свидетельство Аристофана Византийского (Fr. 26).

Особенно интересно в этой связи свидетельство Хировоска, который, комментируя упомянутое место Геродиана (3, 1, 524), пишет следующее.

Δεῖ προσθεῖναι ἐν τῷ κανόνι τῷ λέγοντι,ὅτι ἡ παραλήγουσα τῆς περιττοσυλλάβου γενικῆς οὐ θέλει εἶναι μείζων τῆς ληγούσης τῆς ἰδίας εὐθείας, «χωρὶς εἰ μὴ χαρακτὴρ κωλύσηι...»· τοῦτο δὲ πρόσκειται διὰ τὰ εἰς ιξ καὶ τὰ εἰς υξ, οἷον διὰ τὸ Φοῖνιξ Φοίνικος καὶ κῆρυξ κήρυκος· ταῦτα γὰρ ἐν μὲν τῇ εὐθείᾳ συστέλλουσι τὸ δίχρονον, τουτέστι θέσει μακρὸν αὐτὸ ἔχουσιν, ἐν δε τῇ γενικῇ ἐκτεταμένον αὐτὸ ἔχουσι, τουτέστι φύσει μακρόν, καὶ ἰδοὺ εὑρίσκεται ἐπὶ τούτων ἡ παραλήγουσα τῆς περιττοσυλλάβου γενικῆς μείζων τῆς ληγούσης τῆς ἰδίας εὐθείας· τὸ γὰρ φύσει μακρὸν μειζόν ἐστι τοῦ θέσει μακροῦ.

Καὶ ἔστιν εἰπειν, ὅτι ὤφειλε καὶ ἡ εὐθεῖα ἐπὶ τούτων ἐκτεῖναι τὸ ι καὶ τὸ, λέγω δὴ ἐν τῇ Φοῖνιξ καὶ κῆρυξ καὶ τοῖς ὁμοίοις· ἀλλ΄ ἐπειδὴ τὸ ι καὶ τὸ υ πρὸ τοῦ ξ οὐδέποτε εὑρίσκονται φύσει μακρά, χωρὶς εί μὴ λόγῳ ἀρχούσης παρῳχημένων, οἷον πέρδιξ τέττιξ Βέβρυξ ὄνυξ πνίξω ἐρύξω ψύξω, τούτου χάριν συνεστάλη έν τῇ εὐθείᾳ τὸ ι καὶ τὸ υ διὰ τὴν ἐπιφορὰν τοῦ ξ, ἐν δὲ τῇ γενικῇ τῇ Φοίνικος καὶ κήρυκος ἀποστάντος τοῦ διπλοῦ ἐγένοντο τὰ δίχρονα φύσει μακρά. Πρόσκειται «χωρὶς εἰ μὴ λόγῳ ἀρχούσης παρῳιχημένων» διὰ τὸ ἰξεύω ἴξευον· τὸ μὲν γὰρ ἰξεύω θέσει μακρὸν ἔχει τὸ ι, τὸ δὲ ἴξευον φύσει μακρὸν τῷ λόγῳ τῆς ἀρχούσης τῶν παρῳιχημένων.

Необходимо добавить к нашему правилу, что предпоследний слог в родительном падеже неравносложных имён не любит быть большего размера, чем последний в именительном, если только этому не препятствует некая (грамматически) закреплённая особенность слова. Сюда относятся слова на -ιξ и на -υξ, как, например, Φοῖνιξ Φοίνικος, κῆρυξ κήρυκος. Дело в том, что они в именительном падеже сокращают гласную, т.е. делают её долгой по положению, а в родительном падеже сохраняют её удлинённой, т.е. долгой по природе, из-за чего получается, что у них предпоследний слог в неравносложном родительном падеже оказывается большим, чем последний в именительном: ведь долгий по природе больше, чем долгий по положению.

Но надо сказать, что на самом деле -ι-, -υ- в именительном падеже тоже должны были быть долгими: я имею в виду случаи Φοῖνιξ, κῆρυξ и подобные им. Но поскольку -ι-, -υ- перед -ξ никогда не бывают долгими по природе (кроме как в начале формы прошедшего времени, отличающейся количеством), – например, πέρδιξ τέττιξ Βέβρυξ ὄνυξ πνίξω ἐρύξω ψύξω, – то поэтому -ι- и -υ- сокращаются в начальной форме перед -ξ, а в родительном падеже слов Φοῖνιξ Φοίνικος, κῆρυξ κήρυκος они, восстановив своё двойное количество, становятся долгими по природе. Добавлено же «кроме как в начале формы прошедшего времени» для слов ἰξεύω ἴξευον: [глагол] ἰξεύω имеет -ι- долгой по положению, тогда как ἴξευον долгой по природе из-за удлинения в начальном слоге формы прошедшего времени.

Мы видим, что речь идёт о своего рода дополнительной дистрибуции, по которой [i:], [y:] не могут быть перед -ξ в последнем слоге. Имеется другая интересная цитата из грамматика Аркадия (158, 1), под именем которого сохранилась эпитома трактата Геродиана. Аркадий (или сам Геродиан), обсуждая вопрос об энклитиках, говорит о том, что облечённое ударение в словах φοίνιξ, κήρυξ, наоборот не ставится ввиду того, что эти слова имеют последний слог по положению долгим, а потому этот последний слог – как идущий после акута – не может принимать на себя ударение от энклитика. Правильное написание, по Аркадию, φοίνιξ ἐστί, κήρυξ ἐστίν:

πρόσκειται μὴ ἔχουσαν τὴν τελευταίαν θέσει μακράν διὰ τὸ φοίνιξ καὶ κήρυξ· τούτων γὰρ προηγουμένων οὐ γίνεται ἔγκλισις· φοίνιξ ἐστί, κήρυξ ἐστίν.

Мы видим, что грамматическая традиция также и в поздней античности испытывала явное затруднение с этими достаточно редкими, но тем не менее представительными словами. Они ко всему прочему оказываются противоречащими замеченному древними грамматиками эмпирическому правилу, которое запрещает краткость в начальной форме, соответствующую долготе в косвенной. Идея же краткости гласного в последнем слоге таких слов явно связана с традицией постановки в них циркумфлекса. Перед нами своего рода целый «пучок несоответствий», который однако может быть легко развязан одной (но весьма серьёзной) поправкой к ионийско-аттическим акцентными правилам. Мы должны пересмотреть правила трактовки последнего слога греческого слова.

3. Решение

Итак, в качестве решения предлагается следующее. Необходимо признать, что закрытый двумя согласными последний слог изначально трактовался древнегреческим ударением как вокалически двуморный, что не отличало его в этом статусе от слога, содержащего долгий гласный. Эта двуморность 1) удерживала крайнюю позицию акута на втором слоге, 2) препятствовала постановке циркумфлекса 3) и, вероятно, вызывало позиционное (нефонологическое) сокращение предшествующего (долгого) гласного. Последнее тем более вероятно, что в греческом языке действует и другой интересный акцентный закон, по которому ни в одном греческом слове невозможен циркумфлекс перед двойным согласным в последнем слоге: так, насколько я знаю, не существует ни одного односложного слова на -ξ, -ψ, которое бы имело циркумфлекс (за исключением, возможно, достаточно сомнительного, не очень доказательного Θρᾷξ ‘фракиец’)[10].

Таким образом мы становимся свидетелями интересного факта: за исключением последнего сомнительного примера, насколько позволяют нам судить источники, похоже, не существует вообще ни одного древнегреческого слова, в котором сочетались бы циркумфлекс и группа согласных на конце. Иными словами, вокалическая двуморность, обязанная группе конечных согласных, и циркумфлекс по правилам греческой акцентуации попросту исключают друг друга.

Особое положение последнего слога греческого слова может быть объяснено в терминах «разделения моры», предложенного группой английских фонологов (Broselow, Chen & Huffman 1997) и нашей оппозиции силлабических и вокалических мор в рамках Теории фонологической кратности (Белов 2010б, 2011 дисс.). Очевидно, что в один из относительно древних периодов истории греческого ударения действовало правило, по которому всякий силлабически двуморный последний слог становился и вокалически двуморным. При этом последний согласный слова не влиял на двуморность[11]. Поэтому, например, слово ἄνθρωπος имеет в нормальном случае последний слог одноморным (во всех смыслах). Если же последний слог содержит долгий слогоноситель или если он закрыт группой согласных, то он становится не только силлабически двуморным, но и вокалически двуморным, т.е. ведёт себя в рамках греческой фонологии как последовательность подряд идущих половинок. Эти «половинки» одинаковым образом оказывали влияние на позицию ударения вне зависимости от того, каким способом они получались. Поэтому все слова типа μήροψ, φοίνιξ, κήρυξ, θώραξ одинаково должны иметь (исконный) акут.

При этом последний гласный основы в этих примерах вёл себя по-разному. В первом слове с ним ничего не происходило; во втором и третьем он, вероятно, испытывал сокращение в тех случаях, когда был долог (если был), в последнем случае сокращался всегда, но это никак не отражалось на типе ударения в слове.

Дальнейшую историю этого явления можно представить так, что с течением времени правило перестало действовать и там, где долгий гласный разделял мору с согласным (θώραξ), «разделённая мора» была возвращена гласному; этот процесс, вероятно, закончился уже ко времени Аристофана Византийского. Какое-то время могли существовать одновременно и старая, и новая (с долготой) формы, но последние победили; при этом возникало немало спорных случаев, особенно для слов на гласные

верхнего подъёма, когда имелось колебание в выборе между восстановлением долгого гласного и постановкой циркумфлекса. Для последних слов победил циркумфлекс.

Что касается грамматиков, то расстановка диакритических знаков в относительно поздние времена (скажем, к эпохе Геродиана и тем более Хировоска) ориентировалась, надо полагать, более на написание, чем на произношение, которое уже заметно изменилось. Поэтому, если в случае с θώραξ можно было опереться на гомеровское θώρηξ, то для других слов это было невозможно; отсюда большая часть спорных случаев относится именно к тем «буквам», которые греки называли δίχρονα, т.е. A, и особенно I, Y.

В результате в грамматической традиции практически не было отражено влияние консонантной группы на позицию циркумфлекса. Что касается позиции акута, то здесь сдвиг ударения на один слог назад настолько укоренился в языке и получил столько продуктивных моделей (например, слов на -φυλαξ), что оказался необратим[12].

4. Следствия предлагаемой теории

Таким образом, мы имеем явное свидетельство тому, что вокалически двуморная последовательность в последнем слоге греческого языка могла в определённый период реализовываться не только долгим гласным. С чем связано прекращение действия этого закона? Я полагаю, что это органичное продолжение более древнего явления, вызвавшего отпадение конечных согласных.

Вспомним, какие согласные не отпадали: это σ и сонорные[13]. Что объединяет сонорные и [s] с просодической точки зрения? Главным образом, длительность (Златоустова, Потапова, Потапов & Трунин-Донской 1997, с. 81). Здесь уместно вспомнить, что античные грамматики относили σ к полугласным звукам (Dion.Thrax.1,1,5). Отсюда мы понимаем, что процесс моровой фонологизации последнего слога в древнегреческом языке тёк от согласных к гласным, причём те согласные, которые не имели достаточной длительности для того, чтобы явиться последней (вокалической!) морой, исключались из просодической структуры слова и со временем отпадали.

Этот процесс можно представить в виде последовательности следующих сменяющих друг друга этапов:

1. Все конечные согласные имели ритмическую значимость. Ограничение ударения в дорийском (и, видимо, везде).

2. Потеря ритмической значимости последних недлительных согласных. Ударение в дорийском стоит по аналогии.

3. Отпадение этих согласных. Ударение в дорийском сохраняется по аналогии. Ударение в ионийско-аттическом уже подчиняется новому правилу, которое, однако, есть почти точная копия второго: но на сей раз все конечные согласные исключаются из просодической структуры; при этом первый согласный группы такое значение сохраняет. Отсюда передвижение острого ударения на третий слог во всех аттических словах с кратким гласным, за исключением тех, которые оканчиваются на -ξ, -ψ. Дорийский же диалект сохраняет по аналогии старое положение вещей.

4. Наконец, и это правило перестаёт действовать. Только на сей раз конечные согласные уже не отпадают, вероятно, потому, что теперь уже начинают меняться законы самого ударения и оно от морового постепенно переходит к слоговому.

5. В результате уже в эллинистическое время мы имеем новые заимствования типа Ἰακώβ, Ναδαβ, Ξελιουδ (Septuag.) и, вероятно, уже складывающееся ударение принципиально иного типа.

Полученные здесь результаты будут иметь важное значение в дальнейшем, поскольку служат дополнительным аргументом в пользу структурного противопоставления окситонезы и баритонезы в древнегреческой акцентной системе: позиция баритонезы описывалась в терминах вокалических мор, тогда как окситонеза – в терминах доминантных и рецессивных морфем (Белов 2011 дисс.). Это, в частности, может означать, что древнегреческая окситонеза и баритонеза могут отражать принципиально различные явления и в индоевропейском праязыке. Этой немаловажной проблеме будет уделено внимание в следующих работах.

Примечание

1. Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант №08-04-00180а) и фонда по Грантам Президента РФ (МК-7004.2012.6).

2. См. об этом: Тронский 1962.

3. Здесь мне хотелось бы выразить глубокую признательность Донке Стериади за любезно предоставленные материалы своей диссертации, недоступной в нашей стране.

4. Проблеме энклитиков специально посвящена моя отдельная статья: Белов 2010а.

5. Что касается причастных форм, то здесь объяснение по аналогии гораздо более приемлемо: в принципе, можно было бы утверждать, что в словах типа παιδε῾υον при παιδεύων, παιδεύουσα, παιδεύοντος, παιδεύοντα ударение автоматически закрепляется на втором слоге от конца, становясь в возможных случаях циркумфлексом. Впрочем, насколько это объяснение более вероятно, мы будем говорить ниже.

6. Подробнее об этом: Белов 2011 (дисс.): Глава II.

7. Ударения сейчас здесь расставлены так, как это сделано в (Kretchmer & Locker 1944/1977).

8. Разумеется, с поправкой на текстологию отобранных для корпуса изданий.

9. ’άμβαξ, -ακος : ’άμβη (оба – ‘выступ, щель’), δέλφαξ, -ακος ‘свин, поросёнок’ : δελφύς ‘матка’ (ср. наше свиноматка) и т.д.

10. Этому закону посвящена моя статья (Белов 2010б).

11. То, что в генеративной традиции называется ‘was extrametrical’.

12. Последнее, надо сказать, явно свидетельствует о том, что греческий язык был в первую очередь слогосчитающим, а уже во вторую очередь моросчитающим, но не наоборот (как японский).

13. Правда ввиду непродуктивности образований на μ и λ в реальности мы имеем только слова на ν, ρ. Единственное слова на λ, ‘άλς, ‘άλός (‘морская соль’) приобрело сигматический номинатив и ушло из группы сонорных.

Библиографический список

1. *Белов А.М.* (2010а). Древнегреческие энклитики и их значение для праязыковой акцентной реконструкции. Вестник Читинского государственного университета №7, 2010.
2. *Белов А.М.* (2010б). Об одной закономерности в системе древнегреческого ударения. In: Индоевропейское языкознание и классическая филология. Спб, 2010.
3. *Белов А.М.* (2011, дисс). Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика). Дис... на соиск. докт. филол. н. М., 2011.
4. *Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В. & Трунин-Донской В.Н.* Общая и прикладная фонетика. М. 1997.
5. *Тронский И.М.* (1962). Древнегреческое ударение. М.-Л.
6. *Ahrens H.L.* (1839–43). De graecae linguae dialectis, 2 vols. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
7. *Bally Ch.* (1945). Manuel d’accentuation grecque. Berne.
8. *Broselow E., Chen S.-I. & Huffman M.* (1997). Syllable weight: Convergence of phonology and phonetics. Phonology 14, No.1: 47–82.
9. *Göttling K. W.* (1835). Allgemeine Lehre vom Accent der griechischen Sprache, Jena: Cröker.
10. *Kretchmer P. & Locker, E.* (1944/1977). Ruckläufiger Wörterbuch der griechichen Sprache, Göttingen: Vandenhock & Ruprecht.
11. *Kurylowicz J.* (1958). L’Accentuation des langues Indoeuropéennes. Krakow.
12. *Misteli F.* (1868). Ueber die accentuation des griechischen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 17: 81–134, 161–94.
13. *Probert Ph.* (2006). Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory. Oxford University Press.
14. *Smyth H. W.* (1920). Greek Grammar for Colleges. N.Y.: American Book Company.
15. *Steriade D.* (1982). Greek Prosodies and the Nature of Syllabification. PhD thesis. Cambridge (Mass.): MIT.
16. *Steriade D.* (1988). Greek accent: a case for preserving structure. Linguistic Inquiry 19, No.2: 271–314.

A.M. BELOV

THE ‘PHOINIX PROBLEM’: THE FINAL CONSONANT CLUSTERS AND THEIR INFLUENCE ON THE OLD GREEK ACCENT POSITION

This paper deals with an almost unknown problem of the Greek accentuation: what kind of accent (acute or circumflexed) Greek words like ΦΟΙΝΙΞ or ΠΙΔΑΞ would have, if it is proved, that the final consonant cluster /-ks/ or /-ps/ limits the position of the accent which therefore cannot exceed the 2nd syllable from the end. I try to argue, that there are NO undoubted Greek words which have at the same time circumflex and such kind of consonant cluster.

Key words: **acentology, Old Greek, morae, accent position.**

Н.А. БОНДАРЕВА
кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: ilin26@yandex.ru
Тел. 8 920 821 12 51

ТВОРЧЕСТВО В. БОРХЕРТА И ПОСЛЕВОЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ПРОЗА

Среди голода, руин и смерти родилось гуманистическое и одновременно нигилистическое мировоззрение писателей послевоенной Германии. В. Борхерт, будучи тяжело больным и не имея надежды на выздоровление, старался, как можно более полно выразить отношение к жизни в своих произведениях. Оттого лексика его текстов чрезвычайно скупа, но вместе с тем и особенно выразительна.

Ключевые слова: ***война, голод, смерть, изгнание, диссонанс, солдат, возвращение домой.***

Фашизм и развязанная им преступная война принесли Германии в конечном счёте неисчислимые бедствия и повергли её в состояние разрухи – не только материальной, но и духовной. Среди холода, руин, голода и смерти родилось нигилистическое и одновременно гуманистическое мировоззрение писателей, пришедших в Германию в «час ноль».

Критический взгляд на формирование послевоенного общества отразился в многочисленных произведениях таких авторов, как Ганс Эрих Носсак, Альфред Андерш, Вольфганг Кеппен, Генрих Белль, Гюнтер Грасс, Арно Шмидт, принадлежавших к молодому поколению послевоенных западногерманских писателей. Как отмечает И.М. Фрадкин, «они выступали из серо-зеленого потока возвращавшихся на родину солдат, и они не были особенно молоды, большинство разменяло четвертый десяток, их литературные дебюты были задержаны неблагоприятными историческими обстоятельствами. …Они пришли в литературу, неискушенные в вопросах художественной формы, без литературного образования и опыта, но переполненные опытом жизни и нетерпеливым желанием реализовать его в слове» [4, с. 33]. Далее он пишет: «Имя Вольфганга Борхерта, как его творчество и его исполненная символического смысла судьба, имели в последующие годы программное значение» [4, с. 47]. А.М. Стерио отмечает, «В. Борхерт, который может быть более открыто, чем другие, восстал против «массового человека», характеризует отношение многих молодых людей того поколения к послевоенной ситуации» [7, с. 34].

В. Борхерт родился 21 мая 1921 г. в Гамбурге. Уже в восемнадцатилетнем возрасте Борхерт попал под надзор гестапо. Когда началась война, Борхерта после кратковременной военной подготовки отправили на Восточный фронт. Здесь у него и началась так до конца и не диагностированная смертельная болезнь печени. В результате ранения в руку Борхерт попал в лазарет. Через некоторое время ему было предъявлено обвинение в самостреле. Обвинитель требовал смертного приговора, но смертную казнь заменили отправкой на фронт: Германии нужны были солдаты. Вскоре на него поступил очередной донос о том, что он своими ироническими высказываниями в адрес гитлеровского режима разлагал боевой дух солдат. И снова девять месяцев содержания в изоляторе, приговор к пяти месяцам тюрьмы, вновь передовая. К концу войны Борхерт попал во французский плен, бежал из плена и через всю Германию добрался пешком до Гамбурга. Несмотря на болезнь, Борхерт вернулся к своему любимому делу, работал в театре. Но уже спустя год молодой человек был прикован тяжелым недугом к постели.

21 января 1946 года появился первый из его коротких рассказов – «Die Hundeblume». Поздней осенью этого же года в течение восьми дней он создал пьесу «Draußen vor der Tür», а в декабре вышел сборник «Laterne, Nacht und Sterne», в который вошли его стихотворения, написанные с 1940 по 1945 гг. В 1947 году вышел первый прижизненный сборник прозы В. Борхерта «An diesem Dienstag». До самых последних дней, несмотря на боль и страдания, Борхерт работал. В. Борхерт умер в ноябре 1947 года, не дожив до премьеры своей ставшей всемирно известной пьесы один день.

В. Борхерт ярко проявил себя и как прозаик, и как поэт, и как драматург, и как публицист. Во всех жанрах, в которых он работал, он создал выдающиеся произведения, которые вошли в сокровищницу немецкой национальной литературы. За отведённую ему судьбой короткую творческую жизнь он сумел выработать свой неповторимый индивидуальный стиль, которым он заметно выделяется на фоне других немецких писателей.

Творческое наследие писателя проникнуто

© Н.А. Бондарева

криком-призывом сказать «нет» войне. В эссе «Вот наш манифест» он пишет: «Нам не нужны поэты с хорошей грамматикой. На хорошую грамматику терпения нет. Нам нужны поэты, чтобы писали жарко и хрипло, навзрыд» [1, с. 25]. Творчеству Борхерта свойственно пристрастие к символам, к гиперболе, стиравшим грань между действительным и фантастическим.

Наиболее известная драма Борхерта «Draußen vor der Tür» («На улице перед дверью») посвящена трагедии одинокого человека, вернувшегося с войны и не нашедшего пристанища. Эта тема, мучительная и актуальная, вобрала в себя судьбы миллионов немцев. Герой пьесы, израненный солдат Бекмен, вернувшись с войны домой и не обнаруживший дома, пытался, правда, безуспешно призвать к ответу тех своих бывших командиров, кто предал его и теперь пытался уйти от ответственности. Но никому из этих самодовольных практичных людей, занятых устройством новой жизни, нет никакого дела до Бекмана. Не найдя выхода, он кончает жизнь самоубийством.

Чтобы выразить диссонанс, «разорванность» времени, Борхерт использует в своей пьесе прежде всего гротеск, утрируя, совмещая противоречащие друг другу элементы, опровергая привычные представления об образе. Гротескной фигурой является сам главный герой в рваной шинели, дырявых сапогах и нелепых противогазных очках. У окружающих он вызывает чувство недоумения и раздражения. Сам Бекман воспринимается как «привидение», а его жалобы – как неумные и неуместные шутки. Он олицетворяет прошедшую войну, о которой никто не хочет вспоминать. Все заняты созданием собственной иллюзии благополучия. Бекман же играет роль шута: «Да здравствует цирк! Огромный цирк!» [1, с. 67]. Он ближе к истине, чем «разумная», обманчиво-мирная жизнь послевоенного времени.

Но пьеса не показывает подлинные действия и конфликты. Она изображает не правду окружающего мира, а правду субъективного сознания. Лишь Бекман – действующее лицо пьесы. Преобладает его монологическая речь: он не находит для себя равного собеседника. Важное место занимает второе «я» Бекмана – Другой. Он старается представить мир в радужном свете, убедить жить, как другие. Но Бекман не может уподобиться им, ибо они – «убийцы». Отчужденность от «других» настолько велика, что лишает обе стороны возможности взаимопонимания. Словесное выражение контактов героя с его антагонистами, в сущности, не носит характера подлинных диалогов. Их раздельные монологи скрещиваются уже за пределами пьесы. На протяжении всей пьесы Борхерт сознательно обращается к зрителю. Непосредственной апелляцией к зрительному залу, монологом с открытыми вопросами произведение и заканчивается.

Действие происходит как бы в полусне – полуяви, в неровном химерическом свете, при котором подчас неразличима грань между призрачным и реальным: в пьесе действует персонифицированная река Эльба, Бог выступает в образе беспомощного и слезливого старика, в которого никто больше не верит; появляется Смерть в лице похоронных дел мастера. Бекману, посмотревшему на мир без своих очков, является образ одноногого великана, он символизирует двойное чувство вины Бекмена: герой чувствует себя ответственным за смерть солдат на войне и видит в себе разрушителя семейных уз, стремящегося вытеснить другого, еще не забытого.

Это видение позволет двояко понимать название пьесы. Оставленный за дверью сам, Бекман может захлопнуть дверь перед другим: «Каждый день нас убивают, и каждый день мы совершаем убийство» [1, с. 28]. Неотступно преследуют героя сознание личной ответственности и повышенное чувство вины.

В образе унтер-офицера Бекмана, «одного из тех», отразилась личная биография и духовная драма Борхерта, а также всего поколения послевоенных лет. Черты обобщённости, общезначимости, присущие Бекману, характерны и для многих других героев прозы Борхерта. Бекман – «один из серого множества». О себе он говорит во множественном числе, от имени своего поколения, он обвиняет другое поколение – «отцов», в том, что они предали своих сыновей, воспитали их для войны и послали на войну. Бекман олицетворяет собой поколение людей, настолько травмированных войной, настолько чувствующих свою беспомощность перед грозной и жестокой силой, что их сознание не в силах постичь её. Отсюда их пассивность, их бездеятельность. Отсюда их мучительный внутренний конфликт, терзающий всегда, тяга к человеческой солидарности, стремление помочь собратьям и одновременно чувство одиночества и покинутости, унизительное сознание своего бессилия.

Сухость и точность языка неоднозначна, и по сути дела, выдаёт крайнее возмущение автора. Пафос отнюдь не служит для выражения восторга чем-то высоким, напротив, он «воспевает» все самое низкое, недостойное, мрачное.

В целом эта пьеса раскрывает, насколько сознание молодого поколения того времени было сконцентрировано на своем внутреннем «я». Из пьесы практически исключен исторический контекст, не показана историческая картина времени. То, что отец Бекмана был национал-социалистом и

антисемитом, упоминается лишь в связи с переживанием одиночества и оторванности от мира главным героем. Всеобщий протест против поколения «отцов» не приводит к каким-либо историческим размышлениям и выводам, а вливается в традицию детального изображения конфликта между новыми устремлениями молодого поколения и готовности приспосабливаться старого. Сознание собственной вины, сформированное войной, преобразуется постепенно в сознание жертвы, ощущение непонятности и отверженности.

В послевоенной литературе, которую четко характеризуют такие ключевые понятия, как голод, нужда, изгнание, бездомность, возвращение домой с войны или из заключения, главным персонажем является солдат, возвращающийся на родину. В драме В. Борхерта протагонист Бекман осознает, что он – аутсайдер, один из тех, кто своим возвращением вызывает чувство недоумения и раздражение самодовольных и практичных людей. Общество 50-х годов складывалось как мещанское и материалистическое. Если в довоенное время вступление в национал-социалистические ряды являлось реакцией протеста молодежи на бюргерское восприятие жизни, то после войны у думающей части общества пережитое вызвало шок и желание выяснить те вопросы, которых большинство не хотело касаться. В целом послевоенное общество формируется как своего рода «единство одной судьбы, где каждый из мимолетных типажей этого общества находит стабильность после денежной реформы» [4, с. 21].

Именно поэтому борхертовский Бекман вызвал всеобщую симпатию у ему подобных. И.М. Фрадкин отмечает, что «для Бекмана положение «на улице перед дверью» – это не просто некая обусловленная социально-историческими обстоятельствами поражения Германии бедственная ситуация, преодолимая в конкретных случаях с помощью личной энергии и изворотливости. …Это аутсайдерство не было лишь вынужденной ролью неудачника, оказавшегося слабым в борьбе за существование. В нем был заключен и высший нравственный смысл: неприятие общества, упрямо сохраняющего свой прежний, сформировавшийся в III империи духовный статус, и сознание собственной совиновности», т. е. «сознательно выбранная позиция» [8, с. 35].

Возврат на родину и поиски родного дома имеют символическое значение: солдат, возвращающийся домой с войны, в правоту которой он верил и которая закончилась поражением, психически травмирован и поэтому не готов вступить в мирную жизнь. Протагонист В. Борхерта осознает бесперспективность будущего и поэтому тоскует по дому и прошлому. Потерянный дом для него равен раю, который в довоенное время не был достаточно оценен. Протагонист вспоминает дом родителей, где тридцать лет царила определенная система и казалось, что ничто и никто не в силах ее разрушить или изменить. Об этом рассказ «Кухонные часы» («Die Küchenuhr») и драма «На улице перед дверью» («Draußen vor der Tür»).

Герой В. Борхерта Бекман поражен, когда на табличке у дверей дома родителей он прочитал чужую фамилию. До этого мгновения он надеялся, что война миновала этот дом, и был уверен, что в нем ничто не изменилось и продолжается прежняя жизнь. Бекман воспринимает дом как отдельное пространство, которое во время войны должно было существовать замкнуто и оторвано от тех исторических событий, которые происходили не только в Германии, но и в целом мире.

Топос дома в прозе и в драме В. Борхерта имеет статус интимности, так как он обозначает «свое место под солнцем в пространстве Вселенной». В творчестве В. Борхерта дом является символом уюта и покоя, точкой опоры, с которой человек мог бы начать или продолжить свою жизнь. Но для его протагониста дом недоступен, потому что герой его лишен. В. Борхерт показывает нам человека на городских улицах, по которым он бродит в поисках своего дома. Именно поэтому читатель в его прозе находит описание города и жизни в нем: («Гамбург» («Hamburg»), «Город» («Die Stadt»), «Эльба» («Die Elbe»), «Биллбрук» («Billbrook»), «По длинной – длинной улице» («Die lange lange Strasse lang») и т. д.), а дом изнутри остается скрытым и недоступным. Протагонист находится на улице, перед дверью, среди ему подобных – одиноких, бездомных, нищих и голодных. Поэтому «мотив замкнутой двери означает как проходящую замкнутость, так и отверженность» [5, с. 27]. Война как историческое событие является катастрофой, разрушившей прежние ценности и идеалы и создавшей в мире хаос. Физически и морально измученный и усталый на войне, протагонист стремится восстановить в своей жизни гармонию. В поисках дома, он начинает идентифицировать дом с городом и любимой женщиной. Для него родной Гамбург – «любимая между небом и адом, между лугом и долиной, между прудом и рекой, ангел между явью и сном, между туманом и ветром».

Борхерт не ставил вопросы о вине или ошибках Германии. Он писал, как бы выполняя обет, данный миллионам погибших сверстников, миллионам калек и одиноких, обездоленных бродяг, вернувшихся к разрушенным домам и могилам близких. Всё пережитое так или иначе вошло в написанные им произведения. Творчество Борхерта пришлось на один из самых тяжелых периодов истории немецкого народа.

Библиографический список

1. *Борхерт В.* Избранное. М.: Худ. лит., 1977. 302 с.
2. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
3. *Тресиндер Д.Ж.* Словарь символов. М.: Гранд, 1999. 732 с.
4. *Фрадкин И.М.* История литературы ФРГ. М.: 1980. 133 с.
5. *Bachelard G.* Poetik des Raumes. München, 1960. 120 S.
6. *Borchert W.* Das Gesamtwerk. Rohwolt, 1998. 354 S.
7. *Rudolf W.* Wolfgang Borchert. Werk und Wirkung. Bonn, 1984. 233 S.
8. *Rühmkorf P.* Wolfgang Borchert mit Selbstzeugnissen und Bilddokumentaren. Hamburg, 1993. 135 S.

N.A. BONDAREVA

V. BORHERT'S CREATIVITY AND POST-WAR GERMAN PROSE

Among hunger, ruins and death the humanistic and oneis temporary nigilistic outlook of writers of post-war Germany was born. V.Borhert, being seriously ill and without having hope of recover, tried, as more as possible full to express the relation to life in the products. That's why the lexicon of his texts is very avaricious, but at the same time especially expressive.

Key words: ***war, hunger, death, exile, discord, the soldier, returning home.***

Е.С. ГАВРИЛОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и истории Орёл ГАУ
E-mail: ka_bul82@mail.ru
Тел. 8 905 046 52 65

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ КАК СРЕДСТВА НАРУШЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО КАЧЕСТВА РЕЧИ «ЛОГИЧНОСТЬ» В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗАЩИТИТЕЛЬНЫХ РЕЧАХ Ф.Н. ПЛЕВАКО (СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Использование определённых средств убеждения, доказывания и аргументации в каждой отдельной речи обусловлено защитительной позицией адвоката по данному делу. В аспекте речевого воздействия иррациональные аргументы выполняют функцию аргументации. Данные детального риторико-логико-аргументативного анализа защитительных речей свидетельствуют, что только оптимальное сочетание в выступлении оратора всех указанных средств речевого воздействия способствует вынесению оправдательного вердикта по делу.

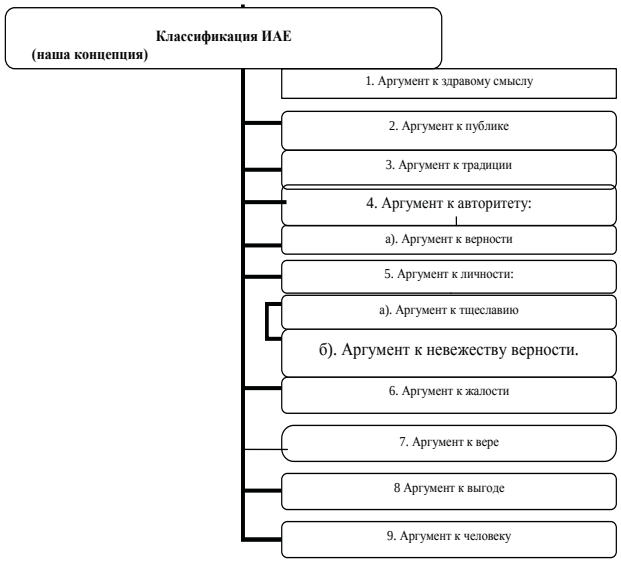
Ключевые слова: ***теория аргументации, аргумент, доказывание, убеждение.***

Объектом исследования аргументации является аргумент.

А.Д. Белова определяет аргумент как «текст, изменяющий модель мира реципиента таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия им решения» [1: 12].

В защитительных речах Ф.Н. Плевако кроме риторических единиц убеждения и логических единиц доказывания можно выделить иррациональные единицы аргументации, или иррациональные аргументы.

Мы в качестве объектов аргументативного воздействия в речах Ф.Н. Плевако обратились к двенадцати основным иррациональным аргументам, выделяемым большинством исследователей (далее – ИАЕ).



Номинацию и количество употребления ИАЕ иллюстрирует приведённая ниже таблица.

Таблица 1.

Номинация и количественный процентный показатель употребления иррациональных аргументов в защитительных речах Ф.Н. Плевако

Номинация ИАЕ	Количественные показатели	
Аргумент к здравому смыслу	49	24,38 %
Аргумент к публике	37	18,41 %
Аргумент к традиции (аргумент к опыту)	32	15,92 %
Аргумент к авторитету	28	13,93 %
Аргумент к личности	21	10,45 %
Аргумент к жалости	10	4,98 %
Аргумент к верности	10	4,98 %
Аргумент к тщеславию	7	3,48 %
Аргумент к выгоде	2	0,99 %
Аргумент к невежеству	2	0,99 %
Аргумент к вере	2	0,99 %
Аргумент к человеку	1	0,5 %
ИТОГО	201	100 %

1. В проанализированных речах Ф.Н. Плевако аргументы к здравому смыслу занимают ведущее место (49 ИАЕ; 24, 38 % от общего процента использования).

Аргумент к здравому смыслу – использование оратором апелляций к обыденному сознанию присяжных: «В полчаса научиться грамоте невозможно, следовательно, текст векселей не мог быть писан Замятиным без посторонней помощи или без того, чтобы он откуда-нибудь их списывал» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Замятиных, с.198).

© Е.С. Гаврилова

2. В проанализированных речах Ф.Н. Плевако аргументы к публике занимают второе место по общей частоте использования (37; 18, 41 %).

Аргумент к публике – обращение к присяжным и составу суда с целью воздействовать на их чувства: «Я верю, что вы не позволите укорениться в своей мысли убеждению, что после слышанного вами вчера нет надобности в дальнейшем разъяснении дела и нет возможности иными доводами, указанием иных обстоятельств, забытых или обойдённых моими противниками, поколебать цену их слов, подорвать кажущуюся основательность их соображений» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, с. 23) [8]

3. В проанализированных речах Ф.Н. Плевако аргументы к традиции занимают третье место по общей частоте использования (32; 15, 92 %).

Аргумент к традиции (аргумент к опыту) – апелляция к «анонимной, стихийно сложившейся системе образцов, норм, правил и т.п., которой руководствуется в своём поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей» [3: 108]: «Известна человеческая слабость к быстрым обобщениям: мы охотно спешим впечатление, полученное от одного ряда явлений, перенести на соседние, сходные с ними. Мы незаметно объединяем в одно целое группу независимых предметов и думаем о них, как об одном» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Максименко, с.288).

Аргументы к традиции наиболее частотны в речах по делам Замятиных и Максименко, где защитительная позиция оратора построена, в частности, также и на отсылках к типичности действий подсудимых.

Аргументы к традиции прежде всего отличает использование особой лексики, указывающей на обыденность действия: «Преступнику *свойственно* скрывать концы в воду» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Маруева, с.22), «*Обыкновенно* свидетель или забыл, что говорено прежде, если прежнее, по напоминании, ему кажется вероятнее позднего показания; или свидетель настаивает на позднем показании, утверждая, что следователь его не понял и он подписал неверно воспроизведённое показание» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Максименко, с. 297); «… но ошибки в диагнозе вообще возможны, а в таких болях, как женские немочи известного сорта, ошибки *далеко не редкость*» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Максименко, с. 299); «Нежелание жены уродовать труп вообще *естественно*» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Максименко, с.303).

В аргументах к традиции широко используются личное местоимение 1-го лица мн.ч. **мы** и его косвенные форма, что объясняется ссылками на общепринятую систему норм и правил: «*Мы* начинаем смотреть на всех подсудимых, привлечённых по одному делу, на всю скамью, как на одного человека. Преступление вызывает *в нас* негодование против всех. Улики, обрисовывающие одного подсудимого, мы переносим на остальных» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Максименко, с.288).

Довольно часто аргументы к традиции представлены односоставными предложениями (сложными предложениями, где односоставным, бессубъектным является главное или придаточное), где деятель не назван, а действие представлено как обобщённое. Сказуемое может быть выражено возвратным глаголом: «Напротив, при известных отношениях приличие наружно *соблюдается* тем строже, чем свободнее оно внутри» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Замятины, с.194); «Самая лживая клевета, пока *не обсудится, не обследуется*, может быть так же стройна, так же логична, как и добросовестное заявление о совершении преступления» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Маруеваа, с.17); «Таким путём *складываются* те пристрастные показания, существование которых во всяком процессе не редкость. Так *складываются* людьми, относительно хорошими, те односторонние мнения о людях почему-либо нежеланных и неприятных им» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Дмитриевой, с.260), кратким причастием в форме среднего рода: «Чтобы органы власти не впадали в невольные ошибки, тяжело отражающиеся на участи личностей, привлечённых к суду, им *предписано* проверять их окончательные выводы путём, исключающим ошибки в сторону осуждения невиновного почти до невозможности противного» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Максименко, с.305); кратким причастием в форме среднего рода: «В тюрьме *развито* широко учение об оговоре. Нам, ежедневно вращающимся с уголовными делами, сотни примеров приходят на память» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, с.39); «*Принято* давать веру такому свидетелю, который в тех частях своего показания, которые допускали проверку, оказался точным. Такому свидетелю верят уже во всём, и верят весьма основательно: он не только даёт материал для дела, но и отличается основательностью в сообщении материала» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Дмитриевой, с.257).

Думается, что обилие безличных предложений при использовании аргумента к традиции призвано подчеркнуть общую бессубъектность действия, названного глаголом. Безличным конструкциям в судебной речи свойственно одновременно отображать как типичность совершения деяния, так и его несоотнесённость с каким-либо конкретным субъектом.

Нередко при построении аргумента к традиции оратор вначале приводит обобщение, а потом, ссылаясь на него как на существующую тенденцию вообще, проводит аналогию с обстоятельствами дела: «*Молодой человек*, если полюбит *женщину*, то не задумывается жениться на ней, каково бы ни было её прошлое; *по-*

жилой же не скоро на это решится» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Замятиных, с.194). Именно так доказывает Ф.Н. Плевако тот факт, что истец У. Курбатов, интересы которого он представлял на суде, не думал жениться на ответчице М. Замятиной. «И *развратные девушки* родятся чистыми созданиями, и у них до поры потери чести богатый запас того целомудрия, которое то стыдом, то страхом, то отвращением спасает их от бездны падения… И это не только по отношению к *девушкам порядочного круга*, нет, это, кажется, общее правило. Куда бы мы ни спустились, хотя бы в вертеп разврата, и там сумели бы вырвать горькое признание, исповедь падения у несчастной жертвы греха, мы услыхали бы и в сотый раз убедились бы, что у порога гибели девушки стоит не её, а чужая порочная и развращённая воля. Сближение Максименко со своей будущей женой не нарушало господствующего права» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Максименко, с.293).

4. В проанализированных речах Ф.Н. Плевако аргументы к авторитету занимают четвёртое место по общей частоте использования (28; 13, 93 %).

Аргумент к авторитету – привлечение внимания слушателей к мнению великих людей, ссылка на источники и положения, признаваемые всеми [9].

5. В проанализированных речах Ф.Н. Плевако аргументы к личности занимают пятое место по общей частоте использования (21; 10, 45 %).

Аргумент к личности – «переключение внимания слушателей с проблемы истинности тезиса на свойства какой-либо личности, принимающей участие в обсуждении тезиса» (4: 148): «Но обвинение и тут ищет опоры для мрачных предположений о нравственных недостатках подсудимой» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Максименко, с.194).

Аргументы к личности не употреблены в речах по делу Дмитриевой и Первушиных, поскольку адвокату не нужно было искать упущений в речи прокурора и т.д.: все факты были доказаны и установлены. Ему важно было поменять акценты, *переубедить* присяжных. Вследствие этого речи отличает неиспользование аргументов к личности и активное использование аргументов к публике.

В качестве адресата при аргументе к личности у Ф.Н.Плевако могут выступать:

- прокурор: «…вряд ли прав прокурор, говоря, что Мария Алексеевна раскаивается в том, что вышла за него замуж…» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Замятиных, С.195);
- защитник второго подзащитного: «Обвинитель и защитник Дмитриевой, каждый посвоему, потрудились над обвинением Карицкого. Если прокурор *подробно* излагал, в ряду с прочими, улики против Карицкого, то защитник Дмитриевой *исключительно* собирал данные против него» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, с.23);
- сам подсудимый (в том случае, если адвокат выступает представителем гражданского истца и подсудимый является ответчиком): «… мне придется утверждать, что в таком важном вопросе Мария Алексеевна говорит неправду» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Замятиных, с.195).

6. В проанализированных речах Ф.Н. Плевако аргументы к жалости занимают шестое место по общей частоте использования (10; 4, 98 %).

Аргумент к жалости (состраданию) «проявляется в тех случаях, когда вместо реальной оценки конкретного поступка или действия прибегают к таким чувствам, как жалость, сострадание» [Кузнецов 2003: 244]: «чем он был раньше, чем стал теперь, и какой долгий, бесконечно долгий путь терзаний и ужасающих мучений прошёл он!» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Росковшенко, с. 247).

Аргументы к жалости не слишком характерны для риторического наследия Ф.Н. Плевако. В достаточной степени они присутствуют только в речи по делу Росковшенко (непоказательно их единичное употребление в миниречи и в речи по делу Маруева, в речи по делу Замятиных их использование составляет только 5, 8 % от общего числа). В речи по делу Росковшенко они занимают важное место, являются основой защитительной позиции, потому что при общей доказанности обвинения можно было уповать только на милость присяжных. На наш взгляд, данный вид иррациональных аргументов было целесообразно включить в должной мере и в речь по делу Маруева, где также налицо была доказанность основных улик. Однако адвокат в упомянутой выше речи основной упор сделал на несогласовании свидетельских показаний, ошибочности *трактовки* (а не самого наличия!) некоторых улик.

Аргументы к жалости легко вычленить из общего контекста благодаря использованию особой лексики: «Он не из тех фарисеев, которые на глазах света корчат добродетельные рожи, а за спиною совершают преступления.

Он тот мытарь, который с отвращением вступил на ужасную дорогу и пал под ударами жестокой судьбы; он до конца борется, борется для того, чтобы спасти свою честь» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Росковшенко, с.249); «Где есть человек, способный оценить по достоинству те *нравственные мучения*, то *состояние вечного гнета, вечного страха*, какие выносил Росковшенко с того рокового момента? Он думал, что раз прибегнув к подобному средству, он снимет с себя петлю, но ошибся» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Росковшенко, с.248).

Ф.Н. Плевако в своих защитительных речах призывал присяжных к состраданию не только к

тем, кого он защищал, но и к тем, кого он обвинял: «Без сомнения, Замятин теперь сознает свою ошибку и страдает в душе» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Замятиных, с.199). Это происходило в тех случаях, когда адвокат выступал поверенным гражданского истца, и ему было важно установить *совершение* преступного деяния, а не чью-либо виновность.

7. Аргумент к верности отличается тем, что «вместо обоснования тезиса как истинного склоняют к его принятию в силу верности, привязанности или уважения к данной фирме» [5: 244] (10; 4, 98 %): «Если вы спросите меня, убежден ли я в её невиновности, я не скажу: да, убежден. Я лгать не хочу. Но я не убеждён и в её виновности» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Максименко, с.306).

Личное местоимение «я», притяжательное местоимение «мой», их косвенные формы указывают на непосредственную соотносимость действия с конкретным субъектом – в данном случае с защитником Ф.Н. Плевако.

На наш взгляд, применительно к защитительным речам Ф.Н. Плевако примерный смысл аргумента к верности можно определить как его отсылку к себе самому. При общей спорности данного заключения, отметим, что большинство проанализированных нами речей Ф.Н. Плевако произносил уже будучи очень известным и уважаемым адвокатом, тогда, когда «прославился на всю Россию своим ораторским дарованием и долгие годы слыл московским златоустом. Его личность сделалась легендарной…» [7: 15]. По выражению Г. Резника, он был кумиром суда присяжных [6: 13], и поэтому подобные отсылки в общей схеме речевого воздействия и достижения нужного адвокату вердикта не выглядят нелогично. На наш взгляд, они вполне обоснованы. В любом случае, их неоднократное использование в речах не позволяет не упомянуть данный вид иррациональных аргументов в нашем исследовании.

Аргументы к верности отличает непременное использование личного местоимения 1-го лица ед. ч. **я**, его косвенных форм; притяжательного местоимения **мой**, его косвенных форм: «*По моему* мнению, этого нельзя ставить ей в вину» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Замятиных, с.195).

Употребление личных и притяжательных местоимений, а также их косвенных форм вполне объяснимо, поскольку в общем указывает на непосредственную соотносимость действия с конкретным субъектом – в данном случае, с говорящим.

8. Аргументы к тщеславию – разновидность аргументов к личности – в речах Ф.Н. Плевако употреблены весьма редко (7; 3, 48%).

Аргументы к тщеславию – «расточение неумеренных похвал оппонентам в надежде, что, тронутые комплиментами, они станут мягче» [2: 13]: «Я утверждаю, что довольная своим личным состоянием, она не могла дойти до такого положения, когда, прежде чем отдаться человеку, с ним условливаются о вознаграждении, заставляют его покупать любовь!» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Замятиных, с.195).

Данный вид иррациональных аргументов отличает особая лексика: «Но вы с *неустанным вниманием* следили за делом, вы сами давали вопросы, а, следовательно, следили и за интересующими вашу мысль ответами» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, с.39).

Аргумент к тщеславию может быть обращён не только к присяжным, но и к тому, кого Ф.Н. Плевако обвиняет: «Я уже указал, что Замятнина на такой высоте, которая не позволяет женщине падать до продажи своей любви и ласки» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Замятиных, с.195).

Данный аргумент к тщеславию, обращённый представителем гражданского истца к ответчице, выглядит нелогично только на первый взгляд. На самом деле, это своего рода риторический капкан: адвокат Замятиной, конечно же, не будет оспаривать слова Ф.Н. Плевако. Из этого необратимо следует, что У. Курбатов, гражданский истец по данному делу, не мог выписать в пользу М. Замятиной векселя на 100 000 рублей как благодарность за их отношения (именно на этой версии настаивала ответчица).

9. Аргументы к вере Ф.Н. Плевако употребляет очень редко (2; 0, 99%).

Аргумент к вере – отсылка к «глубоким, искренним, эмоционально насыщенным убеждениям в справедливости какого-то положения или концепции» [3: 129].

Мы понимаем под аргументом к вере апелляцию к набожности присяжных, к текстам Священного писания.

Данный вид иррациональный аргументов отличает особая лексика: «... защита есть исполнение *Божественного* требования, предъявленного к человеческим учреждениям» (Ф.Н. Плевако. Речь по делу Максименко, с.305). Эти слова, вероятно, произнесены Ф.Н. Плевако в ответ прокурору, говорящему о несомненной виновности Максименко и нецелесообразности её защиты.

10. Аргументы к выгоде Ф.Н. Плевако употребляет очень редко (2; 0, 99%). В обоих случаях использования – это аргументы с нетипичным значением (изменён адресат).

Аргумент к выгоде – агитация присяжных за

принятие решения, исходя из сиюминутной выгоды, без логического обоснования общей пользы [5: 243].

В первом случае – это аргумент к выгоде второго подсудимого по делу: «У подсудимой, которую он защищал, с вопросом о виновности Карицкого связывался вопрос жизни и смерти: перенося петлю на его голову, она этим снимала ее с себя» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, с.23); во втором – аргумент к антивыгоде подзащитного: «Росковшенко точно также не извлекал выгоды из своих преступлений. Пользовались другие: пользовались кредиторы, которые сознательно давали себя обманывать, чтобы только душу человеческую держать в залоге!» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Росковшенко, с.250).

11. Аргументы к невежеству Ф.Н. Плевако употребляет очень редко (2; 0, 99 %).

Аргумент к невежеству – ссылка на неосведомлённость оппонента: «Прокурор, по-видимому, забыл, что Устав гражданского судопроизводства давно разрешил выдачу справок из дел, кроме сведений, подлежащих тайне» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого, с.29).

Данный аргумент, по нашему мнению, является разновидностью аргумента к личности, поскольку также направлен на поиск различных претензий к речи противной стороны.

12. Иррациональный аргумент к человеку употреблён в проанализированных защитительных речах только однажды (0, 5%).

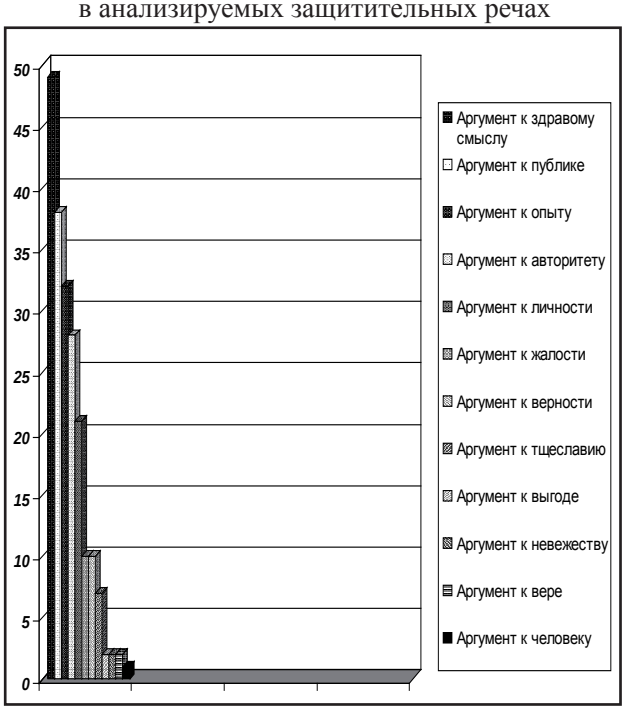
Аргумент к человеку – «спекуляция гуманистическими ценностями. Он фактически противопоставлен аргументу к массам. Рассуждение на тему светлых сторон человечества и человека, игра, направленная на использование возвышенных гуманистических ценностей в качестве отвлекающего манёвра» [4: 148-149]: «Что станете делать: человек создан таким образом, что ни корпоративные особенности, ни мундир не изменяют его, и публика усматривает его только с точки зрения человеческой природы» (Ф.Н.Плевако. Речь по делу Росковшенко, с.247).

Аргументы к выгоде, к невежеству, к человеку традиционно находятся на периферии использования по сравнению с остальными. Частотное употребление данных ИАЕ характеризует оратора самым нелицеприятным образом: он превращается в манипулятора, искусственно навязывает своё мнение, ничего не доказывая и ни в чём не убеждая своих слушателей.

Наглядно общий показатель преимущественного употребления всех рассмотренных иррациональных аргументов можно увидеть на итоговой диаграмме.

Диаграмма

Иллюстрация количественного состава и номинации простых аргументов в анализируемых защитительных речах



Анализируя иррационально-аргументативное своеобразие речей Ф.Н. Плевако (наряду с логическим и риторическим), следует отметить, что оно напрямую зависит от защитительной позиции, выбранной оратором при работе над данным делом [10].

Таблица 2.

Количественный показатель и номинация простых и сложных аргументов в каждой анализируемой защитительной речи

Речь / Название аргумента	Дмитриева	Максименко	Росковшенко	Замятины	Первушины	Маруев	Миниречь	Кострубо - Карицкий	ИТОГО
ПРОСТЫЕ АРГУМЕНТЫ									
Аргумент к здравому смыслу	1	14		16		3	1	14	49
Аргумент к публике	4	9	3	8	5	3		6	38
Аргумент к традиции (аргумент к опыту)	3	9	2	10	2	5		1	32
Аргумент к авторитету	1	5	5	6	3	6		2	28
Аргумент к личности		3	1	3		3		11	21
Аргумент к жалости			5	3		1	1		10
Аргумент к верности	1	1	1	1	1	3		2	10
Аргумент к тщеславию		1		4				2	7
Аргумент к выгоде			1					1	2
Аргумент к невежеству		1						1	2
Аргумент к вере	1	1							2
Аргумент к человеку			1						1
11 44 19 51 11 24 2 40 202 СЛОЖНЫЕ АРГУМЕНТЫ									
Аргумент к здравому смыслу / аргумент к публике	1	3		1		1		1	7
Аргумент к публике / аргумент к личности					1			5	6
Аргумент к публике / аргумент к жалости	1		2	1					4
Аргумент к личности/ аргумент к авторитету/		1				2			3
Аргумент к здравому смыслу / аргумент к верности		1				1		1	3
Аргумент к жалости/ аргумент к личности			2	1					3
Аргумент к авторитету/ аргумент к верности		3							3
Аргумент к здравому смыслу/ аргумент к традиции (опыту)				1				1	2
Аргумент к публике/ аргумент к верности	1			1					2
Аргумент к традиции (опыту) / аргумент к публике	1					1			2
Аргумент к здравому смыслу / аргумент к личности		2							2
Аргумент к публике / аргумент к тщеславию								2	2
Аргумент к традиции/ аргумент к человеку	1			1					2
Аргумент к здравому смыслу/ аргумент к авторитету						1			1
Аргумент к тщеславию/ аргумент к традиции				1					1
Аргумент к жалости / аргумент к верности			1						1
Аргумент к жалости / аргумент к выгоде			1						1
Аргумент к публике / аргумент к вере			1						1
Аргумент к публике / аргумент к авторитету	1								1
Аргумент к публике / аргумент к авторитету/ аргумент к традиции	1								1
Аргумент к традиции/ аргумент к жалости				1					1
Аргумент к публике / аргумент к авторитету/ аргумент к вере		1							1
Аргумент к публике / аргумент к человеку		1							1
Аргумент к авторитету/ аргумент к невежеству						1			1
Аргумент к личности/ аргумент к авторитету/ аргумент к верности						1			1
Аргумент к личности/ аргумент к выгоде								1	1
Аргумент к публике / аргумент к личности/ аргумент к традиции		1							1
Аргумент к публике / аргумент к личности/ аргумент к здравому смыслу				1					1
									56
ИТОГО	**18**	**57**	**26**	**60**	**11**	**32**	**2**	**51**	**257**

Библиографический список

1. *Белова А.Д.* Лингвистические аспекты аргументации. Киев: Астрея, 1997. 309 с.
2. *Власова Н.А.* Основные понятия и термины по риторике. Словарь – минимум. Орел: Отдел оперативной полиграфии Орловского областного комитета государственной статистики, 2000. 143 с.
3. *Ивин А.А.* Риторика: искусство убеждать. М: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 304 с.
4. *Коротец И.Д.* Риторика: экспресс – справочник для студентов вузов. Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2006. 240 с.
5. *Кузнецов И.Н.* Риторика. Минск: ТетраСистемс, 2003. 560 с.
6. *Резник Г.* Рыцарь правосудия. Ф.Н. Плевако. Избранные речи. М.; 1993
7. *Смолярчук В.И.* Фёдор Никифорович Плевако (1842-1908). Избранные речи. Сост. И.В. Потапчук. Тула: Автограф (Юридическое наследие), 2000. 368 с.: ил. С.7-16.
8. *Булгакова Е.С.* Иррационально-аргументативное своеобразие защитительных речей Ф.Н. Плевако (статья). Проблемы ономасиологии и теории номинации. Сборник материалов международной научной конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения д.ф.н. проф. И.С. Торопцева и 70-летию д.ф.н. проф. М.С. Зайчёнковой. 11-13 октября, 2007 г. В 2-х частях. Ч.II. Орёл, ОГУ, 2007. С.92-97
9. *Булгакова Е.С.* Классификация иррациональных аргументов в речах Ф.Н. Плевако. Риторика как предмет и средство обучения: Материалы XV Международной научной конференции (1-3 февраля 2011 г.). М.: МПГУ, 2011. 396 с. С.64-68.
10. *Булгакова Е.С.* Специфика реализации и нарушения коммуникативных качеств речи «выразительность» и «логичность» в адвокатских речах Ф.Н.Плевако. Русское слово в контексте культуры: Материалы конференции/ Отв. ред. д.п.н.,проф. Б.Г. Бобылев. – 8-9 июля 2008 г., ОрёлГТУ. Орёл:ООО «Издательскй дом «ОРЛИК» и К»,2008. 396 с. – ISBN 978-5-903804-08-5.-С.60-65
11. *Плевако Ф.Н.* Избранные речи. Сост. И.В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. 368 с.: ил. (Юридическое наследие).

E.S. GAVRILOVA

IRRATIONAL ARGUMENTS AS MEANS OF COMMUNICATIVE SPEECH QUALITY "CONSISTENCY" DEVIANCE IN THE ASPECT OF LINGUISTIC MANIPULATION IN F.N. PLEVAKO'S DEFENSIVE SPEECH (SEMANTIC ASPECT)

The use of certain persuaders, proof and argumentation in each particular speech is caused by the barrister's defensive position with regard to this case. In the aspect of linguistic manipulation the irrational arguments fulfill a function of argumentation. The data of the defensive speech detailed rhetorical-logical-reasoned analysis show that only the optimal combination of all the mentioned means of linguistic manipulation in orator's speech leads to the justificatory verdict.

Key words: ***argument, argumentation, communicative speech qualities "expressiveness" and "consistency", rhetorical-logical-reasoned analysis, linguistic manipulation.***

В.В. ДЕРГАЧЕВ
аспирант Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН, корреспондент газеты «Известия»
E-mail: v.dergachoff@gmail.com
Тел. 8 (964) 630 20 10

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИЦИЛИИ В 1822 г.» А.С. НОРОВА (К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЖАНРА *ПУТЕШЕСТВИЯ*)

В статье «Путешествие по Сицилии в 1822 г.» автор описывает особенности жанра и композиции малоисследованного труда выдающегося филолога, литератора, библиофила, министра Народного просвещения А.С. Норова. Анализируются как общие, характерные для жанра путешествия закономерности построения текста, так и его особенности, вызванные авторской позицией.

Ключевые слова: ***художественный текст, жанр путешествий, канон строения, время, пространство.***

В Отделе рукописей РГБ под № 201 хранится драгоценное собрание рукописей из коллекции А.С. Норова, подаренное им Румянцевскому музею. Это собрание свидетельствует о поистине энциклопедических культурных интересах и литературном вкусе коллекционера. Сама личность А.С. Норова очень интересна. Герой войны 1812 года, министр Народного просвещения, председатель Археографической комиссии, филолог, библиофил и писатель, он общался с культурной элитой своего времени, о чем осталось много свидетельств в его эпистолярном наследии.

Став в 17 лет добровольным участником Бородинского сражения, он получил тяжелое ранение в ногу, которую пришлось отнять. Оправившись от ранения, А.С. Норов посвятил себя изучению иностранных языков и литературному творчеству. Он много переводил, писал стихи, но излюбленным его жанром стал жанр путешествия[1]. Первой его книгой в жанре записок путешественника стало «Путешествие по Сицилии в 1822 г.», опубликованное в 1828 г. в популярной петербургской типографии Сытина.

«Путешествие по Сицилии» А.С. Норова полностью соответствует жанру, заявленному в названии. Этот жанр как некий канон строения определяет ожидания читателя и особенности формы текста.Индивидуальность рассматриваемого произведения состоит в том, что жанр путешествия, путевых записок, на который указывает сам автор во введении, на протяжении повествования имеет обширные элегические вкрапления, дополненные стихами, также принадлежащими перу А.С. Норова:

«Окруженный неизъяснимыми красотами Природы, которыя ежеминутно терялись уже въ тумане отдаленности, я старался напечатлеть ихъ въ своей памяти; не примечалъ происходившаго вокругъ меня – и не могъ отвести отъ нихъ глазъ… Солнце уже село, и Неаполь исчезалъ въ пурпуровыхъ сумеркахъ; но Везувий, страшилище сихъ береговъ, долго синелъ еще на отдаленномъ горизонте, озаряя оный изредка пуками молний…

И сумракъ ночи разстилалъ
Невидимыя крила;
Стражъ молчаливо управлялъ
Движениемъ кормила;
Лишь изредка своимъ шестомъ
Компасу прикасался…
Почили спутники кругомъ –
И жребий всехъ оберегался
Одною опытной рукой».[2]

Художественный текст есть всегда адресованное сообщение: это форма коммуникации «автор-читатель». Ожидания читателя всегда связаны с жанром произведения, который определяется автором и обусловливает типизированные принципы построения текста: «Сицилия есть одно из тех мест земного шара, которые сильно действуют на воображение. Многие гении древности обязаны ей своим вдохновением… Я останусь довольным, если книга моя пробудит в читателях те мечты, кои родила во мне земля сия»[3]. В.М. Гуминский выделил в произведениях, принадлежащих по жанру к путешествиям, очень важную составляющую: «Идея *свободы* пронизывает все уровни художественной структуры “путешествия” и закрепляется в его конструктивной основе как принцип свободного, бессюжетного повествования. С другой стороны, она

1 См.: А.С. Норов. Путешествие по Святой земле в 1835 г. СПб., 1838; А. С. Норов. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. СПб., 1840. Переизд.: М.: Индрик, 2008; А.С. Норов. Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1847; А. С. Норов. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на восток А. С. Норова. СПб., 1878.

2 Норов А.С. Путешествие по Сицилии в 1822 г. СПб., 1828.Ч. I. С. 51.

3 Там же. – С.V.

© В.В. Дергачев

подспудно разрушает замкнутость “путешествия” как автономного художественного текста и стремится вывести произведение за пределы литературного ряда как такового»[4].

Изображенный в художественном тексте мир соотносится с действительностью лишь опосредованно, отображает, преломляет, преобразует ее в соответствии с интенциями автора: «Высокие красоты природы погружаютъ меня скоро въ задумчивость, и часто, вместо того, чтобы прилеплять къ здешнему миру, возносятъ въ неизвестный, который. Будучи такъ непонятенъ разуму, близокъ сердцу и какъ будто бы знакомъ ему…»[5]. Граница между художественным и нехудожественным текстом становится здесь зыбкой: «Окруженный неизъяснимыми красотами природы, которыя ежеминутно терялись уже въ тумане отдаленности, я старался напечатлеть ихъ въ своей памяти; не примечалъ происходящаго вокругъ меня – и не могъ отвести отъ нихъ глазъ…»[6]. Вымысел иногда присутствует в чистом виде, иногда он соотносим с реальностью.

Художественный текст не только разворачивается во времени, но и сам создает модель пространственно-временных отношений, порождает тот или иной образ времени и пространства. «Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»[7].

Взаимодействие реального и воображаемого, размытость их границ обусловливают своеобразие временных отношений в тексте: «Такимъ образомъ, не смотря на гневъ Сциллы, вошли мы въ Мессинский проливъ и приближались къ городу. Я не упоминаю еще здесь о Харибде, ибо сие другое чудовище находится при выходе изъ канала въ Ионийское море.»[8]. Частично снимается характерное для этого жанра противопоставление «теперь–тогда»: для автора не существует жестких границ между прошлым, настоящим и будущим. «Предание, коего начало сокрыто в самых отдаленных веках, повествует, что гиганты были первыми обитателями Сицилии. Необыкновенной величины кости и даже скелеты, найденные, по уверению многих писателей, в некоторых местах сего острова…укоренили сие мнение, основанное на одном стихе Моисеевой книги бытия… Наконец, я скажу словами Фукидида: “Древнейшие обитатели некоторой части сей страны были Киклопы и Лестригоны”»[9]. Или: «Термини построен на развалинахъ *Гимерийскихъ термосъ* или *бань*, при устье реки того же имени. Горячия воды сего города, славившиеся въ древности, не потеряли своихъ целебныхъ свойствъ, и привлекаютъ туда болящихъ. Повествуютъ, что Геркулесъ, обтекая Сицилию и утомясь путемъ, остановился на этомъ месте, где услужливыя Нимфы источили изъ земли два теплые потока, для его бани»[10]

Художественный текст – это часть культуры и поэтому он связан с другими текстами, которые преобразуются или частично используются в нем, служат для выражения его смыслов. А.С. Норов, человек энциклопедически образованный, буквально пронизывает свое повествование реминисценциями из мировой классики. Так, во введении к «Путешествию на Сицилию» он приводит отрывок из «Одиссеи», доказывая утверждения Фукидида о древних мифологических обитателях острова: «Удрученные печалию, мы приплыли к к берегам грозных и своевольных киклопов». Сразу за ним следует диалог Улисса и Силена из Эврипида. Продолжают повествования отрывки из древнеримских мифов, отрывки из Энеиды, Силлия Италика и пр. Географические зарисовки сменяются стихотворениями, элегическими описаниями природы, вставными приключенческими новеллами. Автор воспринимает природу и памятники искусства Сицилии через многослойные культурные пласты: «Раскройте Фукидида, раскройте Цицерона, превозносящихъ сей самый Сегестъ (один из знатнейшихъ городовъ Греческихъ колоний), украшенный роскошными храмами Дианы, Венеры, Цереры, Энея, – сравните ихъ описания съ видимымъ вами зрелищемъ, и вы не скоро выйдете изъ задумчивости…»[11].

Иногда он апеллирует к вполне реалистическим зарисовкам, оставленными путешественниками по Сицилии. Так, испытывая невыносимую жажду и лютый зной в местечке Алькамо, А.С. Норов обращается к весьма натуралистическим зарисовкам некоего географа: «Я невольно вспомнилъ тогда, и призналъ совершенно истиными, жалобы Клуверия, на понесенные имъ труды въ его путешествии по Сицилии. Сей ученый Географъ обошелъ пешкомъ весь островъ – и вотъ какъ онъ говоритъ, простосердечнымъ своимъ слогомъ: “Медленное путешествие мое было чрезвычайно затруднительно; но тягость онаго превышаетъ всякое вероятие; тело мое весьма часто подвержено было голоду и жажде,

4 Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе. : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 Москва, 1979. С. 173.

5 Норов А.С. Путешествие по Сицилии в 1822 г. СПб., 1828. Ч. I. С. 53.

6 Там же. – С. 51.

7 Бахтин М.М.. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С.406.

8 Норов А.С. Путешествие по Сицилии. Ч. I. С. 243.

9 Там же. С.1, 3.

10 Там же. С. 226.

11 Там же. – С. 201–202.

и не имело покрыши даже по ночамъ. Дух мой смущался безпрестаннымъ опасениемъ, и даже жизнь моя подвергалась частымъ бедствиямъ; но все сие, съпомощию Всемогущаго Бога и по неизреченному его милосердию, я превозмогъ»[12]. Такого рода реалистические и даже, порой, натуралистические описания увиденных мест и зарисовки нравов встречаются в «Путешествии по Сицилии» повсеместно. Это подтверждает вывод В.М. Гуминского:«Нельзя, например, сказать, что "путешествия" в какой-то момент целиком "превратились" из документального жанра в художественный – ведь и в XIX, и в XX вв., когда это предполагаемое превращение уже явно было позади, в литературе "путешествий" по-прежнему рядом с литературными соседствуют "ученые" путешествия, другие формы, далекие от литературы как таковой»[13].

В Путешествии по Сицилии приводится набор интереснейших исторических источников, таких как, например, грамота Роджера, графа Калабрии и Сицилии, данная Агригентскому епископству после окончательного истребления сарацинов. За описанием конкретного события А. С. Норов часто делает философские обобщения: « "Все вышеозначенное писал я, Рогер, и все сие утверждено Папою Урбином 1099 г. октября 6-го в Бари". Это показывает всю силу Папского влияния на Сицилийских властителей, с той поры, как славный Роберт признал себя зависящим от Папы Николая II»[14]. Или же: «Архитектура Палермскихъ зданий не представляетъ особеннаго характера, но есть слитокъ вкуса Испанскаго съ Мавританскимъ; то же почти можно сказать и о характере нации, который, сверхъ природной своей оригинальности, носитъ отпечатокъ двухъ народовъ, долго владычествовавшихъ въ Сицилии»[15].

Членение временного континуума у А.С. Норова носит субъективный характер и связано с воспоминаниями, сменяющими друг друга в определенной последовательности.«Высокие красоты природы погружают меня скоро в задумчивость, и часто, вместо того, чтобы приносить к здешнему миру, возносят в неизвестный, который, будучи так непонятен разуму, близок сердцу и как будто бы знаком ему»[16]. На их основе повествователь переходит от «настоящего ныне существующих вещей» к «настоящему бывших вещей», хранящихся в памяти, но не утрачивающих своей реальности. Текст строится на взаимопереходах от форм прошедшего времени к формам настощего, при этом значения последних усложняются, а функции обогащаются. А.С. Норов не столько повествует об истории загадочного острова, сколько моделирует прошедшее. Формы настоящего времени совмещают признаки настоящего актуального и настоящего исторического. Таким образом, формы настоящего приобретают синкретизм семантики и полифункциональность. В тексте реализуется такой «семантический обертон», как отсутствие четких временных границ. В сочетании же с лексическими конкретизаторами со значением длительности или постоянства формы настоящего приобретают вневременное значение и утверждают победу памяти над временем. Употребление настоящего и регулярные переключения временных планов создают в тексте «Путешествия по Сицилии» эстетический эффект сосуществования событий и явлений, относящихся к разным темпоральным плоскостям; их характеристики в результате приобретают текучесть, подвижность, цикличность и накладываются друг на друга.«Вправо… стоит храм Согласия, в совершенной целостности – как памятник величия Агригента, который, высокими стенами своими (говорит Вергилий) далеко возвещал о себе, плывущим по Ливийскому морю»[17]. Взаимодействие и взаимопроникновение разных временных планов характерны и для синтаксической организации текста. Предикативные части, описывающие ситуации прошлого, сочетаются с частями, резко перемещающими действие в другой – более поздний– отрезок времени, при этом информация распределяется с учетом не только двух темпоральных планов, но и двух миров: мира реального и мира представлений, действительного и ирреального. В рамках такого повествования лексические единицы приобретают многозначность, а информация, заключающаяся в предложении, оказывается «многослойной», многоуровневой (в ней можно выделить бытовой уровень, мифологический и метафизический).

Сопоставление и взаимодействие разных временных планов делают повествование А.С. Норова предельно объемным и усиливают многомерность художественных образов и языковую игру в тексте. Для А.С. Норова характерно после описания увиденных им мест или событий делать свое философское заключение. Иногда оно касается важных онтологических тем. Так, после описания монастыря капуцинов и подземных галерей, наполненных мумифицированными трупами монахов, он делает такой вывод: «Мне кажется, что сей обрядъ – обнаруживать мертвецовъ, оскорбляетъ законъ Природы. Смерть есть великое таинство, изъ благоговения къ

12 Там же. С. 202–203.

13 Гуминский В.М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе. С. 172.

14 Норов А.С. Путешествие по Сицилии 1822 г. С. 122.

15 Там же. С. 65.

16 Там же. С. 52–53.

17 Там же. С. 125.

коему, принадлежащее ей не должно видеть света; по крайней мере таковое жилище усопшихъ не должно быть зрелищемъ для любопытныхъ, но единственно для размышляющихъ надъ смертию»[18]. Для русского дворянина XIXвека такой интерес и сакральное уважение к эсхатологической тематике были совершенно естественны. Недаром А.С. Норова так поразило «одно здание смерти», встреченное им в Северной Италии: «Посещая недавно, въ северной Италии, берега Требии, прославленные Аннибаломъ и Суворовымъ, я виделъ, на равнине битвы, скромную церковь, подъ сводами коей устроена весьма замечательная часовня, въ память храбрыхъ, падшихъ на той земле. Тамъ все стены, все украшения и все принадлежности, составлены изъ череповъ и костей убиенныхъ; даже лампады, въ которыхъ теплится неугасимый огонь передъ двумя приделами, суть черепы. Головы французовъ, Россиянъ, Германцевъ и, можетъ быть, Римлянъ и Карфагенцевъ, составляютъ въ ужасномъ смешении, одно здание смерти! а у входа, кружка для сборовъ, съ надписью: Perglianimidel Purgatorio! т.е. для душъ находящихся въ чистилище!»[19]. Такое обилие восклицательных предложений не характерно для манеры повествования А.С. Норова, из чего напрашивается вывод о том, что обилие материальных образов смерти потрясло путешественника. Это является подтверждением того вывода, к которому пришли два исследователя – Т.Б. Вилимбахова на материале изобразительного искусства, И.В. Дергачева – на материале анализа памятников русской письменности: в западноевропейском средневековом искусстве и письменности «драматизм смерти преобладает над назидательностью… Отсюда и различные представления о самом образе смерти в двух культурах. В европейской художественной культуре – это старуха с косой, то зловеще замершая над жертовй, то проносящаяся над землей на перепончатых крыльях летучей мыши, то скелет, то мертвец с остатками плоти на костях. В русских средневековых рукописях много говорится о необходимости постоянно помнить о смертном часе, дабы снискать жизнь вечную и миновать смертные муки, однако сама смерть в них не персонифицируется»[20].

Исторические факты оказываются нерелевантными для повествования, а вымысел и воображение побеждают реальность. Линейность времени сменяется последовательностью картин прошлого. Документальность наблюдений писателя сочетается с мифологемами. Такие принципы построения текста и его временная организация, преобразующие исходную жанровую форму, характерны уже для первого русского датированного путешествия – «Хожения игумена Даниила», что говорит о преемственности традиций произведения А.С. Норова и сближает его с лучшими мировыми образцами «духовного путешествия». Следует упомянуть, что в рукописной коллекции А.С. Норова, дарованной им Румянцевскому музею, находятся несколько ранних списков «Хожения игумена Даниила», а один из них он перевел на французский язык и дополнил подробными комментариями[21].

18 Там же. С. 82–83.

19 Там же. С. 83.

20 Дергачева И.В. Жанровое своеобразие русских синодиков и западноевропейские параллели // :Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: ИМЛИРАН, 2005. С. 100. См. также: Vilinbachova T. Humana fragilitas. I temidellamorte in Europa tra Duecento e Settecento. Clusone, 2000. P. 251–268.

21 См.: Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. Изд. Археографической комиссии под ред. А.С. Норова. СПб., 1864.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С.406.
2. *Гуминский В.М.* Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01. Москва, 1979. С. 172, 173.
3. *Гуминский В.М.* Открытие мира, или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 286 с.
4. *Дергачева И.В.* Жанровое своеобразие русских синодиков и западноевропейские параллели // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 100.
5. *Норов А.С.* Путешествие по Сицилии в 1822 г. Ч. I,II. – СПб., 1828. – Ч.I: 248; Ч. II: 250 с.
6. *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле в 1835 г. – СПб., 1838. – Переизд.: М.: Индрик, 2008. – 292 с.
7. *Норов А.С.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Служащее дополнением к Путешествию по Святой Земле. [В 2-х частях.] Части I–II. СПб.: Типогр. III Отдел. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1840. ЧастьI:378 с.;ЧастьII: 388 с.
8. *Норов А.С.* Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1847. 302 с. Переизд.: М.: Индрик, 2005. 328 с.
9. *Норов А.С.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на восток А. С. Норова. СПб., 1878.

10. Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. Изд. Археографической комиссии под ред. А.С. Норова. Переизд.:СПб., 1864.

11. *Vilinbachova T.* L'immaginedellamortenell'artedell'antica Russia // Humana fragilitas. I temidellamorte in Europa tra Duecento e Settecento. Clusone, 2000. P. 251–268.

V.V.DERGACHEV

«JOURNEY TO SICILY IN 1822» OF A.S.NOROV (TO THE QUESTION ABOUT THE FEATURES OF GENRE OF TRAVEL)

In «Journey to Sicily in 1822» the author describes the features of the genre and the composition of scantily explored work written by famous philologist, litterateur, bibliophile, Minister of Public education A.S. Norov. Analyzed as a general characteristic of the genre of travel patterns of text and its features, due to the author's position.

Key words: ***literary text, genre of travel, the canon of structure, time, space.***

Е.Ф. ДУДИНА
кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета
E-mail: L.Dudina-n@yandex.ru
Тел. 8(4862) 33 08 97

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА Б.К. ЗАЙЦЕВА 1900-1921 ГОДОВ

В статье представлены основные предпосылки, повлиявшие на становление художественного метода Б.К. Зайцева. Обозначены тенденции реализма и модернизма, проявившиеся в творчестве писателя 1900-1921 гг.

Ключевые слова: ***художественный метод, символизм, реализм, мистическое ощущение, двоемирие, интуитивный, «положительное всеединство», мотивика, пантеизм, историзм, психологизм.***

В начале XX века одной из универсальных тенденций, проявившихся на различных уровнях искусства, становится синтез, который дал о себе знать и на уровне переплетения различных направлений, течений, методов. Особенностью функционирования метода в данный исторический период становится как самостоятельное существование различных художественных методов: романтизма, символизма, реализма, неореализма, так и их взаимопроникновение, взаимообогащение. Не избежал подобного брожения и творческий метод Б.К. Зайцева.

Споры о своеобразии художественного метода писателя берут свое начало уже на рубеже XIX – XX вв. Неоднозначная оценка его метода дается и современными исследователями. Художественный метод писателя определяется как романтический (К. Мочульский, П. Грибановский), символический (А. Топорков, А. Горнфельд, Эллис, Л. Гуревич, Н. Коробка, Б. Михайловский, М. Миронова, О. Калениченко, Г. Воробьева), реалистический (О. Михайлов, Т. Прокопов). Б.К. Зайцева называют мистическим реалистом (П. Коган), импрессионистическим реалистом (В. Конорева, Л. Смирнова), духовным реалистом (А. Любомудров, М. Ветрова), неореалистом (А. Блок, Ю. Айхенвальд, Е. Колтоновская, Е. Воропаева, Е. Тюхова, А. Соколов, В. Захарова, А. Черников, М. Михайлова, И. Гращенкова, Ю. Драгунова, Ю. Камильянова, И. Полуэктова, У. Абишева, А. Ванюков, Л. Бараева, А. Яркова, Л. Аринина). Отдельные исследователи определяют метод писателя как реалистический, обогащенный романтическими тенденциями (И. Костылева, Н. Куделько).

Подобное расхождение критиков и ученых во взглядах подтверждает факт синтеза реализма и модернизма в художественном методе Б.К. Зайцева. Творчество настоящего художника всегда находится в процессе развития, поэтому факт эволюции творческого метода Б.К. Зайцева начала XX века неоспорим. В 1900-е годы преобладают модернистские тенденции, в 1910-е – реалистические, меняется степень соотношения модернистского и реалистического начал, которые не исчезают, а присутствуют в творчестве писателя в большей или меньшей степени.

Художественный метод Б.К. Зайцева определяется органическим соединением реального и ирреального, земного и небесного, приземленного, бытового и возвышенного, что становится возможным благодаря синтезу модернистских и реалистических тенденций.

С целью осмысления специфики индивидуального творческого метода писателя выявлены особенности символистской и реалистической эстетики в творчестве Б.К. Зайцева.

Первоначально на литературную деятельность писателя большое влияние оказали как отношения Б.К. Зайцева с представителями символистского течения, так и работа в издательствах модернистского направления.

Основным фактором, проявившимся во влиянии символизма на творчество Б.К. Зайцева, становится мистицизм. Мистическое мировидение писателя берет свои основы из литературной традиции, ему способствует пантеистическое мироощущение, увлечение философией А. Шопенгауэра, а позднее Вл. Соловьева, и как итог – тяготение к христианству.

По словам А.М. Любомудрова, «Зайцев – поэт Серебряного века, воспитанный философией и эстетикой Соловьева, тем не менее остался чужд религиозно-мистическим основам русского символизма» [13: 50]. Действительно, даже в начале века Б.К. Зайцев далек от символистского демонизма, однако мистическое ощущение бытия становится одной из составляющих мировосприятия писателя.

Формирование Б.К. Зайцева как прозаика происходило во многом под влиянием идей и произведений писателей, обратившихся к новым формам

© Е.Ф. Дудина

воплощения окружающей действительности: символическим, импрессионистическим, мифологическим, зачастую служащим для передачи мистического восприятия жизни.

Ведущее значение приобрела дружба с Л.Н. Андреевым, который повел начинающего писателя по литературному пути. В произведениях раннего Зайцева прослеживаются андреевские проблемы: зависимость человека от космических сил; трагическое одиночество человека среди людей; жизнь и смерть как формы существования космоса; господство Мировой Ночи, Рока, Судьбы и др.

Шопенгауэровско-Андреевское противопоставление Добра и Зла, выведенное на космический уровень, конфликт как проявление воли, борьба за существование, – все это присутствует у раннего Зайцева («В дороге» (1901), «Волки» (1902), «Мгла» (1904)). Жизнь воспринимается как трагедия и страдание, единственной реальностью является Смерть. Ведущая роль в жизни героев принадлежит безжалостному Року, Судьбе. Первые рассказы пронизаны страхом перед смертью, перед неизвестностью. Страх выступает основной настроенностью человеческого бытия.

Мистической сущностью у писателя обладает и природа, которая эквивалентна мирозданию. Природные стихии в рассказах Б.К. Зайцева не равнодушны, они отражают настроение героев, бунтуют против неустроенности мира. Пантеизм Б.К. Зайцева – это одно из ключевых звеньев в раскрытии проблемы бытия.

Мрачные философско-религиозные идеи А. Шопенгауэра в творчестве Б.К. Зайцева постепенно модифицируют под воздействием философии Вл. Соловьева.

Вл. Соловьев – создатель первой цельной мистико-символической системы, выдвинувший теорию «положительного всеединства», становится проводником Б.К. Зайцева к новой системе тем и образов. Следует указать на наличие у Б.К. Зайцева соловьевского двоемирия, преобладания интуитивного начала над рациональным, концепции «положительного всеединства», послужившей толчком к появлению трансформированных тем (например, тема любви) и образов (Света, Зари, Звезд, Неба и т.д.). Мрачный пантеизм начала 1900-х годов меняется на светлый пантеизм Вл. Соловьева.

Ощущение тайны, рациональной непостижимости бытия, свойственное периоду начала XX века и сближающее произведения Б.К. Зайцева с философией Вл. Соловьева и символизмом, оказало решающее воздействие на формирование художественного образа в его произведениях. В творчестве писателя 1900-х годов достаточно четко прослеживается деление мира на материальный и трансцендентный («Соседи» (1903), «Тихие зори» (1904), «Сон» (1904), «Океан» (1905), «Миф» (1906), «Черные ветры» (1906), «Гость» (1908), «Сны» (1909) и др.). Это проявляется на уровне образов, художественной формы, особенностях символики. Так, символами присутствия потустороннего мира здесь, на земле, становятся Церковь, лампада («Тихие зори» (1904)), балкон (некое подобие возвышения, отдаленности от земли); образы пустыни и ночи (как проводники в потусторонний мир) и др.

Неоднократно автор в рассказах «прочерчивает» своеобразную вертикаль между небом и землей, светом и тьмой, ночью и днем, водой и сушей. Расширение временных и вертикальных границ становится одним из приемов обозначения двойственности мира (так в рассказе «Черные ветры» (1906) события, происходящие в начале XX века, имеют временную соотнесенность со временем существования язычества и одновременно со временем существования христианства, образ Девы Марии расширяет пространственные границы до космических масштабов).

В ранних произведениях Б.К. Зайцева интуитивное познание зачастую превалирует над разумом. Писателю важно попытаться передать предчувствие героями некоего мистического пророчества, прозрения.

Часто персонажи зайцевских произведений предчувствуют свою гибель или гибель близких («Дальний край» (1912), «Голубая звезда» (1918)) или ждут чего-то неизвестного («Соседи» (1903), «Спокойствие» (1909), «Жемчуг» (1910)). Неожиданное ощущение тоски зачастую становится предвестником смерти. Предощущения усиливаются и на лексико-метафорическом уровне. Так, например, доктор Яшин из «Спокойствия» ощущает «черный, мертвенный сентябрь» [3: 156]. Предчувствие приходит к героям в виде снов («Голубая звезда» (1918)) или галлюцинаций («Спокойствие» (1909)). Катализатором предчувствия могут быть воспоминания или некий предмет («Жемчуг» (1910)).

Метафизический характер предчувствий помогает автору перенести вполне реалистический сюжет или бытовой предмет в чисто духовную плоскость. Интуитивное познание в произведениях Б.К. Зайцева помогает прийти к пониманию закономерностей жизни, обратиться к мистическому, культивируемому символизмом, становится основополагающим в постижении бытия.

Со второй половины 1900-х годов в произведениях писателя ярко прослеживается тяга к «положительному всеединству», проповедуемо-

му Вл. Соловьевым. У Б.К. Зайцева господствует именно соловьевская трактовка идей Красоты, Истины, Добра, образов Солнца, Неба, Луны, звезд и др. Природа гармонически вливается в человеческую жизнь, становясь проводником Божественной благодати и гармонии.

Солнце как отражение Красоты, символ счастья, источник жизни, материального земного начала присутствует в рассказах «Миф» (1906), «Молодые» (1906), «Полковник Розов» (1907) и др.

Наедине с лунным и звездным светом герои произведений Б.К. Зайцева чувствуют и постигают истину («Май» (1907), «Гость» (1908), «Жемчуг» (1910), «Мать и Катя» (1915), «Голубая звезда» (1918) и др.). Звезда выступает символом вселенской любви и красоты.

Человек в произведениях писателя, как и в философской трактовке Вл. Соловьева, является естественным посредником между Богом и материальным бытием, ему дано видеть красоту, воспринимать ее как великое благо и счастье, быть способным напитаться божественной благодатью.

Для Б.К. Зайцева, как и для Вл. Соловьева, смыслом и целью жизни является любовь. В творчестве Б.К. Зайцева тема любви в той или иной форме проходит практически через все его произведения: любовь счастливая как послание высших сил («Миф» (1906), «Молодые» (1906), «Мой вечер» (1909)); любовь греховная, в которой превалирует физическое влечение («Аграфена» (1908), «Лина» (1910)); любовь, сочетающая в себе земное и греховное («Актриса» (1911), «Сны» (1909), «Спокойствие» (1909), «Богиня» (1916)); любовь-жертва («Голубая звезда» (1918)); духовная любовь ко всему человечеству («Ласка» (1906), «Полковник Розов» (1907)); любовь детей к родителям («Полковник Розов» (1907)) и др.

Часто индивидуальная, земная любовь с ее пороками и страстями в произведениях писателя в конечном итоге становится частью великой космической любви, благословенной божественной благодатью. Стремясь соединить в женщине земное и небесное начала, Б.К. Зайцев пытается воплотить в своем творчестве идеи Вл. Соловьева и всепоглощающей любви и Вечной Женственности (Софии), разлитой во вселенной.

Символистское ощущение бытия в ранних произведениях Б.К. Зайцева проявляется в своеобразии мотивики и символической образности. Одно из центральных мест в творчестве писателя занимают мотивы одиночества и сна.

Герои его произведений очень часто не поняты социумом, не похожи на окружающих, реальный мир для них чужд («Соседи» (1903), «Тихие зори» (1904), «Океан» (1905), «Сны» (1909), «Спокойствие» (1909), «Мой вечер» (1909), «Смерть» (1910), «Земная печаль» (1915), «Голубая звезда» (1918) и др.). Герои зайцевских произведений замыкаются в своем внутреннем мире или находятся в некотором ограниченном пространстве, физически отделены от внешнего мира, уходят от него в мир грез, оказываются в разлуке с любимыми.

Одиночество в произведениях писателя становится важнейшим фактором познания, является проявлением в человеке начал Вечности, помогает освободиться от оков реального мира, вырваться за границы земного времени. Оно теснейшим образом связано с мотивами смерти и сна, также служащими способами избавления от земного бремени, но помогающими осознать законы Абсолюта.

Благодаря введению мотива сна писатель дает возможность героям своих произведений прикоснуться к потустороннему, трансцендентному, обретается возможность «реализации» мечты.

Соприкосновению с ирреальным способствуют вещие сны («Океан» (1905), «Аграфена (1908), «Смерть» (1910), «Голубая звезда» (1918) и др.). Сны позволяют уйти в мир грез, мечты, прикоснуться к идеальному («Сон» (1904), «Миф» (1906), «Май» (1907), «Сны» (1909), «Мой вечер» (1909), «Жемчуг» (1910) и др.).

Мотив сна у Б.К. Зайцева становится тем углубляющим смысл произведений символом, который если и не назван в тексте, но фиксируется в сознании читателя благодаря развитию действия, элементам поэтики. Сближая художественный метод писателя с символизмом, он помогает реализовать символистскую концепцию взаимодействия человека и Вечности, реального мира и потустороннего бытия, является отражением загадочного, сверхъестественного в жизни человека.

Одним из факторов типологического сближения произведений Б.К. Зайцева с творчеством символистов является интерес к обобщенно-символическим формам отражения действительности, сплетение пантеистической и христианской символики, зачастую служащие для усиления передачи мистического ощущения жизни.

На начальном этапе творчества у писателя превалирует пантеистическая символика, несущая отрицательно-медитативную нагрузку, отражающая страх перед неизвестностью, отчаяние, беззащитность и одиночество (ночь, тьма, пустыня, холод, снег, ветер, луна, звезды и др.). Постепенно данные образы становятся символами таинственного прозрения, то есть являются отражением потустороннего мира, но уже на трансцендентном уровне. Затем на первое место выходит «светлая»

пантеистическая символика (влияние Соловьева), сочетающаяся уже с предметными символами Церкви.

В 1910-е годы у писателя более ясно начинают проявляться христианские мотивы и элементы христианской символики (Храм, Церковь, Собор как дом Бога на земле, колокольный звон и т.д.).

Интерес к мистическому не мог не оказать свое воздействие на зайцевскую концепцию личности (связанные с ней проблемы героя, характера). В начале века произведения Б.К. Зайцева отличает отсутствие в них характера как такового. В 1910-е годы появляется персонаж, в котором при отсутствии ярко выраженной социальности присутствует глубокая индивидуальность, непохожесть на окружающих. Это проявляется в способности зайцевских героев к созерцательности, они воспринимают бытие на уровне интуиции. Сюжет произведения зачастую подается именно через ощущения персонажей («Завтра!» (1906), «Тихие зори» (1904), «Миф» (1906), «Сны» (1909) и др.).

Парадокс заключается в том, что при отсутствии ярко выраженной социальной принадлежности герои произведений писателя начала века несут в себе четко обозначенную авторскую идею. У них максимально развито чувство интуиции, они сверхчувственны к окружающему миру: людям, природе. Именно поэтически настроенная личность становится проводником божественного откровения. Наиболее ярко подобный образ предстает в лице Алексея Петровича Христофорова («Голубая звезда» (1918)).

Символистская условность, ярко выраженная преимущественно в произведениях Б.К. Зайцева 1900-х годов, к 1910-м годам становится «скрытой», оказывается на втором плане. Между тем внимание к конкретике, к закономерному и типичному заметно в творчестве писателя уже в 1900-е годы.

Несмотря на увлечение «новым» искусством, Б.К. Зайцев во многом является традиционалистом. В его произведениях прослеживаются пушкинские мотивы (например, пристрастие к эпиграфам), гоголевские (юмористическое начало), тургеневские (тяга к «земному», любовные мотивы) и др.

Тяготение к реализму проявляется не только во влиянии классической литературы, но и во взаимоотношениях с писателями-реалистами и в сотрудничестве с журналами реалистического направления.

Изображение усадебной жизни в творчестве Б.К. Зайцева становится продолжением усадебного мира, описанного в произведениях писателей-реалистов, творивших во второй половине XIX века.

Б.К. Зайцева интересует не только эстетическая сторона деревенского быта – поля, луга, красоты природы. Он обращается к будничной жизни крестьян. В рассказах «Деревня» (1904), «Священник Кронид» (1905), «Ласка» (1906), «Молодые» (1906), «Полковник Розов» (1907) и др. Б.К. Зайцев выступает бытописателем. Появляется попытка воссоздания интерьера деревенского дома, его интересуют детали, запахи, звуки, передающие сельскую жизнь. На страницах зайцевских произведений мы находим описание религиозных и языческих обрядов. Писатель вводит в повествование этнографические детали и обычаи, обращает внимание на рацион питания крестьян. Неоднократно наблюдается введение ярмарочного действа. Однако подобные детали не существуют у Б.К. Зайцева «в чистом виде», они служат попыткой обобщения, происходит переплетение символизма и реализма (например, обобщенно-символическое описание рождения молодого поколения в «деревне» (1904)).

Реалистическому восприятию жизни у Б.К. Зайцева соответствуют принципы изображения автором действительности. Писателю не чуждо внимание к историзму.

Ключевые изменения в восприятии действительности связаны с социально-политическими изменениями и катаклизмами порубежной России. Автор говорит о народных волнениях («Хлеб, люди и земля» (1905)), революционных событиях 1905 – 1907 гг. («Черные ветры» (1906), «Завтра!» (1906)), русско-японской войне («Хлеб, люди и земля» (1905)). Он описывает последствия первой мировой войны («Жизнь и смерть» (1915)) и революционных событий 1917 года («Улица святого Николая» (1921), «Уединение» (1921), «Белый свет» (1921)).

Историческое видение автора обнажается на разных уровнях художественной структуры. Персонажи (солдаты, крестьяне, голодающие интеллигенты, студенчество, нищие, умирающие дети и др.) становятся ключевыми при изображении исторического хода событий. Произведения Б.К. Зайцева часто несут автобиографический характер. Фрагментарность описания событий, напоминающая документалистику, помогает автору наиболее реалистично передать происходившие события. Введение религиозных мотивов (молитва, описание Храма, неоднократное упоминание Христа) способствует обнажению морально-нравственных устоев писателя. Соединение религии и исторически конкретных фактов является скрытым проявлением авторского отношения к происходящему.

Поскольку главным предметом литературы является человек и все, связанное с ним, постольку в центре внимания писателей оказываются характеры людей.

Благодаря вниманию к быту, детали, портретному описанию, использованию речевой харак-

теристики героев, пред нами вполне реальные «жизненные» персонажи, в некоторых случаях даже типы героев, характерные для русской действительности начала XX века. В период 1910-х годов Б.К. Зайцев еще не полностью, но все же приближается к созданию типичного героя. Перед нами «лишний человек» в рассказе «Бездомный» (1915), студенчество «Дальний край» (1912), актеры («Актриса» (1911), «Актерское счастье» (1913), «Вечерний час» (1913), «Дальний край» (1912). Появляется у Б.К. Зайцева тип «мещанина по духу» в рассказах «Мать и Катя» (1915), «Кассандра» (1915). Типы революционера (Степан) и интеллигента (Петя) из романа «Дальний край» (1912) и т.д.

Разумеется, подобные типы поставляла сама русская действительность, писатель изобразил героя своего времени, человека, рожденного в эпоху социально-экономических перемен и революционного движения в России. Типичный конфликт личности и общества перерастает в произведениях Б.К. Зайцева во внутренний конфликт человека, появляются зачатки психологизма.

Период 1910-х годов в творчестве писателя отмечен глубоким интересом к внутреннему миру человека. Герои его произведений поставлены в сложную психологическую ситуацию, находятся в борьбе между желанием обладания чем-либо и невозможностью осуществления своих целей («Актриса»(1911)). Они находятся в состоянии противоборства между греховностью своих поступков и четким осознанием безнравственности совершаемого («Грех» (1913)). Автор ведет своих героев по пути грехопадения, через мучительное раскаяние к осознанию великого Божественного блага («Дальний край» (1912), «Грех» (1913)) и т.д. Именно через преодоление внутреннего кризиса его герои приходят к вере.

Часто сама обстановка, окружение героев выступает сложным психологическим фоном, они оказывают непосредственное воздействие на внутренний мир человека. Важным эмоциональным потенциалом в плане психологического эффекта в произведениях писателя становится искусство (театр, музыка), способное вызвать душевные переживания, оно служит переоценке ценностей, меняет духовный мир человека. Очень важную роль в формировании характера и психологии в зайцевских произведениях отведено социуму. Зайцев прибегает к прямому (воспоминания, самоанализ, самохарактеристика, внутренние монологи и др.) и косвенному (портрет, пейзаж, цвет, деталь и др.) психологизму.

Сложное переплетение символистских и реалистических тенденций в творчестве писателя подтверждает факт индивидуальности его творческого метода. Произведения Б.К. Зайцева отражают суть нового, возникшего в начале XX века метода, – неореализма. Реалистические в сюжетном плане произведения осложняются символистскими деталями, образами. Обращаясь к внутреннему миру человека, к его психологии, автор доходит до мистических прозрений и интуитивных предсказаний.

В описании деталей полностью преобладает реалистический подход, при воссоздании художественного времени – модернистский, характеризующийся разорванностью мироощущения и спонтанностью мировосприятия.

Тяга к социальной проблематике сочетается у него с интересом к свободной творческой личности, наделенной способностью к чувственно-эмоциональным переживаниям. Бытовизм, подробности повседневного существования переходят в философию. За внешней реалистичностью и социологизацией скрываются глубокие философские проблемы: смысла жизни и смерти, назначение Добра, Красоты, суть Истины, взаимосвязь Космического и Божественного начала, значение веры в жизни человека.

Первоначальная тяга к одиночеству, безысходности, беспомощности перед Вечностью (символистские тенденции) сменяется верой в человечество, в Божественное начало в личности.

При преобладании на определенном этапе творчества той или иной тенденции, в нем сохраняются и гармонически взаимодействуют друг с другом тенденции совершенно противоположного направления. Как неореалист, Б.К. Зайцев, не отрекаясь от действительности, приводит читателя к обобщающим выводам и философским заключениям.

Хочется отметить, что изучение художественного метода Б.К. Зайцева 1900 – 1921 года является одним из этапов исследования не только эволюции творческого метода писателя, но и эволюции его творчества вообще, охватившего собой более полувека.

Библиографический список

1. *Зайцев Б.К.* Священник Кронид. Голубая звезда. Рассказы. Роман. Повесть. Главы из книги «Москва». Тула, 1989. С. 22 – 30.
2. *Зайцев Б.К.* Сочинения: В 3 т.; Сост. и подгот. текста Е. Воропаевой и А. Тархова; коммент. Е. Воропаевой. М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. Т. 2. 588 с.
3. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. Т. 1. 608 с.
4. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. М.: Русская книга, 1999. Т. 2. 544 с.
5. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствия. М.: Русская книга, 1999. Т. 3. 576 с.
6. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. Т.4. 624 с.
7. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. М.: Русская книга, 1999. Т. 5. 544 с.
8. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: В 5 т. Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. М.: Русская книга, 1999. Т. 6 (доп.). 555 с.
9. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: Усадьба Ланиных: Рассказы. Пьесы. Переводы. М: Русская книга, 2000. Т. 8 (доп.). 512 с.
10. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. Т. 9 (доп.). 560 с.
11. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: Письма 1901 – 1922 гг. Статьи. Рецензии. Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2001. Т. 10 (доп.). 384 с.
12. *Зайцев Б.К.* Собр. соч.: Письма 1923 – 1971 гг. Статьи. Воспоминания современников. Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2001. Т. 11 (доп.). 512 с.
13. *Любомудров А.М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Б.К. Зайцев. И.С. Шмелев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 272 с.

E.F. DUDINA

THE SPECIFIC FEATURE OF THE METHOD BK ZAITSEV 1900 - 1921 YEARS

The paper presents the main assumptions affecting the formation of artistic method BK Zaitsev. A tendency of realism and modernism, which appeared in the writer 1900-1921 years.

Key words: ***art technique, symbolism, realism, mystical feeling, dvoemirie, intuitive, "positive unity" motivika, pantheism, historicism, psychology.***

А.Э. ДУДКО
аспирант кафедры русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: gunner_33@mail.ru

СОНЕТЫ Э.Б. БРАУНИНГ В ПЕРЕВОДАХ О.Н. ЧЮМИНОЙ

В статье анализируются стихотворения Э. Браунинг, появившиеся в русском переводе в конце XIX века. Переводческая концепция О.Н. Чюминой, одной из первых обратившейся к творчеству известной английской поэтессы, отличается вольным обращением с формой оригинала, стремлением подверстать его традиции русского поэтического перевода.

Ключевые слова: ***Элизабет Барретт Браунинг, Ольга Николаевна Чюмина, поэтический перевод, сонет, русско-английские литературные связи, английская силлаботоника, ритм 6-стопного ямба, система рифмования.***

Произведения Элизабет Барретт Браунинг (Моултон) (1806–1861) появились в русских переводах сразу после смерти автора и произвели неизгладимое впечатление на русского читателя.[1] Но к концу XIX века мотивы критики социальной несправедливости и национального угнетения, характерные для творчества английской поэтессы, были уже не так актуальны в русской литературе, как проблемы женской эмансипации. Именно потому для подборки «Из английских поэтов» известная русская переводчица О.Н. Чюмина выбрала несколько сонетов Браунинг 30-40-х годов, в которых исследователи видят приметы цикличности, выраженной в манифестации «глубокой неудовлетворенности пассивным и по-женски преувеличенным подчиненным положением, в которое поэт вписывает себя» («…manifest a profound dissatisfaction with the passive and exaggeratedly ‘feminine’ subject position into which the poet has written herself»).[2]

Обращает внимание, что О.Н. Чюмина не сохраняет хронологический принцип публикаций оригинала: в начало подборки вынесены переводы композиционно связанных сонетов «The Prisoner» («Узник») и «Insufficiency» («Неудовлетворенность»)[3], затем в такой же связке, но с перестановкой – «Tears» («Слезы») и «Irreparableness» («Непоправимое»)[4]. Завершают цикл переводы сонетов, включенных Браунинг в последнее прижизненное издание, – «The Prospect» («Даль») и «Mountaineer and Poet» («Горец и поэт»)[5]. В такой последовательности ощущается влияние демократических традиций, выдвигавших во главу угла социальную или политическую позицию переводимого автора.[6] Но при этом сам выбор произведений, осуществленный переводчицей, больше свидетельствовал о суггестивной направленности[7] сонетов английской феминистки. Даже в вызывающем прямые ассоциации с одноименными стихотворениями А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова «Узнике»[8] прослеживаются черты сонетной метафизики Вордсворта и «описательной поэзии»[9]:

Счет времени веду годами я с тех пор,
Как видел я травы зеленой колыханье
И на устах моих природы всей дыханье
С моим сливалося. Теперь земли простор
Мне странным кажется, как дальних сфер сиянье,
Как мысль о небесах, туманящая взор,
Из-за дверей тюрьмы, закрытых на запор,
Природы музыка звучит на расстояньи –
Безумна и дика, и слуховой обман
В мозгу рождает грез несбыточных туман.
Помимо чувств, мечте – до боли напряженной –
Рисуются: река и лес завороженный,
И длинный ряд холмов, что солнцем осиян,
Божественной красой преображенный.[10]

Для того, чтобы усилить мотив свободолюбия, связанный в русской литературе с романтическими мироощущениями, переводчица изменяет хронотопический колорит оригинала («I count the dismal time by months and years…» [*Я считаю мрачное время по месяцам и годам...*]), делая особый акцент на тюремном антураже (двери тюрьмы, закрытые на запор, слуховой обман), которого в оригинале нет.[11]

Nature's lute
Sounds on behind this door so closely shut,
A strange, wild music to the prisoner's ears,
Dilated by the distance, till the brain
Grows dim with fancies which it feels too fine…
[*Звуки лютни*
природы за этой дверью, так плотно закрытой,
Странная, дикая музыка для ушей заключенного,
Расширенная расстоянием, пока в мозгу
Не гаснут фантазии, которые он воспринимает как прекрасные]

В таком контексте весьма показательными ока-

© А.Э. Дудко

зываются наблюдения Жозефа Филана, который видит в тематической направленности этого сонета «бесконечное повторение жеста, который потерял свою основу в опыте»: «This sense of frustration is indicated merely by the titles of some of the later sonnets: 'Discontent', 'Patience taught by Nature', 'Exaggeration', and, most strikingly, 'The Prisoner'. The last of these poems 'answers' in some respects the earlier sonnet 'Irreparableness', in which the poet explains the reasons behind her renunciation of the world. The 'nosegays' she had gathered in her wandering have decayed in her over-eager hands, and she cannot go '[back] straightway to the fields to gather more'. This voluntary renunciation has now been transformed into an involuntary imprisonment which exiles the poet from life and nature».[12] [*Это чувство разочарования кратко обозначено лишь названиями некоторых из поздних сонетов: «Недовольство», «Терпение, преподаваемое природой», «Преувеличение» и самое удивительное – «Узник». Последнее из этих стихотворений «отвечает» в некотором роде на ранний сонет «Непоправимость», в котором поэтесса объясняет причины своего отречения от мира. «Букетик цветов», который она собирала, блуждая, увял в ее нервных руках, и она не вернулась назад на поля, чтобы собрать ещё. Это добровольное отречение было преобразовано в ненамеренное «заключение», которое удаляет поэтессу от жизни и природы*].

Таким образом, можно говорить о том, что в своем переводе Чюмина произвела семантическую инверсию, преобразив определяющую для сонета Браунинг водсвортовскую формулу «И кто в тюрьме свой дом увидеть смог, / Тот не в тюрьме» («… the prison unto which we doom / Ourselves, no prison is») в лермонтовское «Отворите мне темницу, / Дайте мне сиянье дня...»[13]

Соответственно этому была трансформирована и форма сонета: 5-ст. ямб оригинала, вполне соответствующий романтической традиции перевода европейского сонета[14], Чюмина заменила более архаичным, но тоже имеющим в истории русской сонетианы определенную традицию 6-ст. ямбом с чередованием мужских и женских рифм, при этом нарушив композицию рифменных цепочек в катренах (aBBa BaaB вместо abba abba в оригинале) и секстинный строй в терцетах (ccDDcD вместо cdcdcd[15] в оригинале). Все это придало переводу избыточную усложненность и не способствовало (как можно было бы надеяться) увеличению точности в воспроизведении лексико-синтаксической структуры.[16] Такой способ перевода в современной теории называется адаптивным транскодированием («вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации»[17]).

Русский сонет в конце XIX века, по свидетельству специалистов, переживает «новый взлет популярности»: «Отчетливая тяга к возрождению изысканности в искусстве порождает увлечение стариной и античностью, при этом довольно избирательное. Общий рафинированный, камерный характер искусства символизма требовал утонченности, нередко – экстравагантности формы, в том числе и стихотворной техники. Сонет, как форма, связанная с классической поэзией, реконструируется и культивируется особенно охотно. Изящество его структуры отвечает установкам на изысканность поэзии».[18] При этом «приверженность к сонету могла служить и косвенным признаком той или иной эстетической ориентации».[19]

В области перевода сонет естественным образом остается лидером как в результате создания русской шекспирианы[20], так и за счет популярности этой жанровой формы.[21] Именно потому обращение О.Н. Чюминой к сонетам Браунинг можно считать следствием общих тенденций развития перевода в конце XIX века в России.

Название второго сонета интерпретировано Чюминой довольно свободно (сущ. неудовлетворенность соответствует англ. dissatisfaction, а не insufficiency – 'недостаточность, некомпетентность'). И это сразу же переводит кантианство Браунинг в систему агностического теизма, согласно которому, «для человеческой души невозможно познание как сверхчувственного, так и объективного мира и его закономерностей, достижимость истины и, следовательно, невозможно богопознание».[22] Именно потому в стилистике перевода и в его форме ощущается влияние «Невыразимого» В.А. Жуковского, ставшего «манифестом русского романтизма»[23]. Особенно отчетливо связь этих двух текстов проявляется в ритмике 6-ст. ямба с цезурой после 3 стопы и чередованием женских и мужских рифм. Ср.:

Что наш язык земной пред дивною природой? 1.11./13.1
С какой небрежною и легкою свободой 1.12/13.1
Она рассыпала повсюду красоту 1.12/13.0
И разновидное с единством согласила![24] 3.2/13.1
В.А. Жуковский («Невыразимое»)

Когда ищу в стихах для мысли выраженья – 1.11./13.1
Мне в пульсе чудится души моей биенье:

1.12/111.1

Как будто хочется освободиться ей, 1.12/31.1

Чтоб шире вылиться, светлее и полней…[25]

1.12/13.0

О.Н. Чюмина («Неудовлетворенность»)

Оба поэтических текста, несмотря на разницу в объеме и метрической композиции[26], обнаруживают удивительную схожесть ритмического профиля ударности, существенно отличающегося от среднестатистических данных по русской поэзии.[27] По наблюдениям М.Л. Гаспарова и К.Д. Тарановского, эволюция ритма в 6-ст. ямбе идет от рамочного, симметричного с опорой на I, IУ и УI стопы к естественному языковому расположению ударений с равновесием II и III стоп, тогда как у Жуковского и Чюминой проявляются тенденции асимметричного ритма с опорой на I, II, IУ и УI стопы.[28] Что это не простая случайность доказывает тот факт, что ритмическая каденция первого полустишия и у Жуковского, и у Чюминой имеет ярко выраженный нисходящий характер. Это походит на стремление воспроизвести неповторимый ритмический почерк Жуковского для нужд поэтического перевода.

В то же время сонет Браунинг имеет совершенно иные формальные показатели: написанный почти что правильным 5-ст. ямбом, он не имеет цезурного членения и строфически ориентирован на все ту же итальянскую модель.[29] В своем переводе Чюмина заменила ее на «шекспировскую», применив в 1 катрене смежную рифму и усилив сквозную рифмовку (AAbb AbAb CdCd AA[30] вместо abba abba cdcdcd в оригинале). Это естественным образом привело к нарушению принципа эквилинеарности, что и отмечено исследователями: «Стихотворение “Insufficiency”, подчеркивавшее осознание поэтессой неспособности в полной мере раскрыть собственные душевные переживания посредством поэзии, сохранило в переводе Чюминой свою идейную направленность, однако изменение порядка слов и, особенно, нарушение ряда наречий в сравнительной степени, показывавших творческие искания автора, приводило к смещению акцентов со стремления навстречу абсолютной гармонии к достижению “истинной гармонии свершенья” <…> Обращает на себя внимание и пропуск в русской интерпретации экспрессивного предложения, дававшего оценку окружающему миру: “…Oh, the world is weak!” […О, мир слаб!]».[31]

Справедливости ради следует отметить, что наиболее выразительные образы сонета Браунинг все же переданы в русском переводе композиционно и синтаксически довольно точно:

And something farther, fuller, higher, rehearse
Чтоб шире вылиться, светлее и полней,
To the individual, true, and the universe,
Достигнув истинной гармонии свершенья
In consummation of right harmony…
Пред человечеством и пред вселенной всей.
……..
The effluence of each is false to all,
И правда каждого – обман для остальных.
And what we best conceive we fail to speak.
Для выраженья чувств нам не дано свободы.
Wait, soul, until thine ashen garments fall,
Душа! Лишь сбросив гнет своих одежд земных,
And then resume thy broken strains, and seek
Ты звуки обретешь: вне рабства и стесненья
Fit peroration without let or thrall.
Найдя достойное для песни завершенье.

Трансформация художественного подтекста оригинала проводится Чюминой почти незаметно, но довольно последовательно: вместо пафоса творческого поиска, восходящего к вордсвортовскому «Praised the consummate harmony serene» («The excursion») [*Восхваляй законченную гармонию безмятежного («Прогулка»)*], в переводе отчетливо звучит мысль о недостижимости божественного прозрения на земле. И эти «неточности» в передаче отдельных поэтических формул опять-таки возвращают нас к Жуковскому с его шеллингианской установкой на «бесконечное в конечном» и возвращение к Богу при посредстве христианства[32]:

Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие Создателя в созданье –
Какой для них язык?.. Горе́ душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.[33]

Такая трактовка темы творчества, идущая вразрез с пушкинской традицией, выбрана Чюминой в качестве художественной основы для культивируемого ею принципа адаптивного транскодирования на уровне интертекстуальности.[34] Не случайно, что впечатление, которое производят ее переводы, оценивается специалистами как воспроизведение «общей тональности описания»[35], что полностью соответствует принципу воссоздания в переводе эстетического идеала оригинала, выдвинутому В.А. Жуковским в статье «О переводах вообще и в особенности о переводах стихов».[36]

Перевод О.Н. Чюминой сонета Браунинг «Tears» («Слезы») представляет собой еще более сложный пример подхода к передаче инонациональной художественной структуры. Вместо 5-ст. ямба оригинала опять используется 6-ст. ямб, но уже с симметричным ритмом[37], вместо несколько транс-

формированной итальянской модели abbaabX[38]b cdcdcd переводчица применяет совершенно ни на что не похожую форму 8-стишия на две рифмы (AbAAbAbb) и тернарное 6-стишие (CCdFFd). Наряду с неточностями при передаче концептуальных для текста Браунинг поэтических формул это создает эффект семантической перекодировки текста, переведение его в привычный для русского читателя стилистический пласт Нового Завета:

СЛЕЗЫ

Блаженны те из вас, кто скорбь души печальной
Слезами изливал! Скорбей легчайших нет,
С тех пор как совершен был грех первоначальный.
Что слезы? Плачут все: ребенок беспечальный
Под песню матери, едва увидев свет;
Невеста юная, надев убор венчальный;
Священные холмы увидевший поэт,
Слеза которого – безмолвный им привет.
Блаженны те из вас, кто слезы лил в кручине!
Когда, ослеплены слезами, как в пустыне
Встречаете кругом вы только ряд могил –
Вам стоит взор поднять, приученный тоскою,
И слезы по лицу польются вмиг рекою,
И вам откроется блеск солнца и светил.[39]

Заменив императив «Thank God, bless God…» [*Благодарите Бога, благословляйте Бога…*], «Thank God for grace…» [*Благодарите Бога за милость…*], восходящий к «The Book of Common Prayer» («Книга общей молитвы»), на евангельские макаризмы (так называемые заповеди блаженства[40]), придающие тексту специфическое звучание, Чюмина тем не менее сохраняет в перифрастической форме все основные образные концепты: Адам – «грех первоначальный», ребенок в кроватке – «ребенок беспечальный», свадьба и свадебный колокол – «Невеста юная, надев убор венчальный», оракул – «священные холмы» и т.д.[41]

Сонет «Irreparableness» относится к числу ранних сонетов Браунинг, что, очевидно, и отразилось на его форме: доминантный 5-ст. ямб в некоторых строчках перебивается случаями нарушения запрета переакцентуации («And gathered there the nósegay that you see / Si'nging within myself as bird or bee…», «But, now I look upon my flówers, decay…» и др.) и мужской рифмовки (see – bee – fátally – free), при этом система рифмования в терцетах отличается определенной изысканностью – dfgdfg.[42]

В переводе Чюминой все эти особенности нивелируются: 6-ст. ямб с симметричным ритмом, шекспировская модель с рудиментами итальянского сонета (сквозная рифмовка первых двух катренов) и чередованием женских и мужских рифм – aBaB BaBa CdCd FF.

НЕПОПРАВИМОЕ

Сегодня я в лугах весь день цветы рвала,
Струившие с зарей свое благоуханье,
И пело все во мне, как пташка иль пчела,
Летящая в поля, встречая дня сиянье.
Но чем скорей цветы постигло увяданье –
Тем крепче я, в руке сжимая их, несла,
И рвутся из души не песни, а рыданья...
Что скажете вы все, чья дружба мне мила?
Нарвать еще цветов? Идти ли снова в поле?
Пусть это делает кто может, но не я!
Устала я душой, во мне нет силы боле,
Цветами прежними полна рука моя,
Пускай же их букет, в ней умирая, вянет,
Пока и для меня день смерти не настанет.[43]

Романтическая парадигма человек-цветок[44], известная русскому читателю по переложению В.А. Жуковским[45] романса «Цветок» («La fleur») Шарля Мильвуа и одноименному стихотворению А.С. Пушкина[46], используется О.Н. Чюминой для усиления мотива усталости души, а не сердца, как в оригинале: «My heart is very tired – my strength is low – / My hands are full of blossoms plucked before, / Held dead within them till myself shall die» [*Мое сердце очень устало, моя сила ослаблена, / Мои руки полны цветов, сорванных раньше, / Останутся они мертвые [в моих руках], пока и я не умру*].[47] Отсюда и характерные семантические и стилистические трансформации, выдвигающие на первый план романтический подтекст неопределенности в духе пушкинского – «И жив ли тот, и та жива ли?.. / Или уже они увяли, / Как сей неведомый цветок?»[48] Этому же способствует разговорное «пускай», отсутствующее в оригинале и придающее переводу избыточную модальность, а также семантическая инверсия образов: «Если в подлиннике цветы вянут тем быстрее, чем крепче их сжимают в руках <…> то в переводе, напротив, увядание цветов становится поводом для того, чтобы крепче сжимать их».[49]

Сходным образом переведен О.Н. Чюминой и сонет «The Prospect», довольно однозначно озаглавленный как «Даль».[50] Количество семантических трансформаций здесь достигает той грани, за которой текст стихотворения уже может считаться переложением. Полностью измененная система рифмования (AbbAbAAb CddCff вместо abbaabba cdcdcd в оригинале), 6-ст. ямб вместо 5-стопного – все это сопровождается довольно большими семантическими сдвигами: Бог (Создатель) заменен Промыслом, мистическое разделение в страдании человеческих душ и божественного начала изменено на невнятное упоминание о жизни другой «за гробом», «окно души» – на метонимическое «стек-

ло» и т.д. Аллегория начала и конца человеческой жизни, представленная в сонете Браунинг в виде градационного движения от запотевающего от детского дыхания оконного стекла («To sigh the glass dim with their own breath's stain…») к призыву держать чистыми большие окна души («And keep thy soul's large window pure from wrong…»), осложнена доминирующим в переводе образным концептом «даль», маркирующим собой начало, середину и конец текста:

Подобье мы детей, когда они, вздыхая,
Капризно лбом прильнут к поверхности стекла,
Туманят гладь его, которая светла,
Даль неба и полей от взора закрывая...
С тех пор, как Промыслом разлучена была
С душою скорбною за гробом жизнь другая, -
Меж ней и взорами, преграду воздвигая,
Мешает **вдаль** смотреть печали нашей мгла.
О брат! О человек! Сдержи свои рыданья,
Будь мужествен, молчи. Души твоей стекло
Пусть дуновением не отуманит зло,
Чтоб взором ясным ты в конце существованья,
Мог видеть **издали**, когда блеснут они:
Предсмертных факелов священные огни.

Образуя в совокупности с другими пространственными определителями специфическую романтическую парадигму[51], этот концепт не только подменяет собой образную доминанту оригинала – «prospect»[52], но и приобретает дополнительные (избыточные для перевода) коннотации за счет метафорической символизации: выражение «печали нашей мгла» в контексте предшествующего «гладь его, которая светла», как минимум, вызывает у русского читателя ассоциации с пушкинским «печаль моя светла».

Наконец, последний сонет из подборки О.Н. Чюминой «Горец и поэт» представляет собой в определенной мере отказ от принципов предшествующих переводов, и прежде всего – на уровне формы. Это единственный случай эквиметрической передачи оригинала[53]: 5-ст. ямб передается в переводе практически без изменений за исключением того, что ритмические отклонения от схемы в тексте Браунинг нивелируются русской переводчицей. Правда при этом система рифмования подвергается обычной для Чюминой корректировке: вместо abbaX[54]bba cdcdcd в переводе сонета опять использован трансформированный шекспировский модуль – aBaBBaaB cDDcFF:

При знаменательном для переводчицы стремлении конкретизировать текст прототипа (Альпы, посох и т. д.), наблюдается и еще одна весьма важная особенность: ритмическая каденция перевода не только эквиритмична сонету Браунинг (что в определенной мере достигается использованием 5-стопника с цезурой после второй стопы[55]), но и воспроизводит синтаксическую структуру оригинала (тематическое разделение длинных синтаксических периодов анжамбманом на 9-й строке, ср.: «Into the air around him. Learn from hence…» и «Вздымается пред ним. Ты, к высоте…»), создавая архитектонический эффект эквилинеарности.

The simple goatherd who treads places high,
Случается порой: пастух простой
Beholding there his shadow (it is wist)
Меж Альпами и небом средь тумана,
Dilated to a giant's on the mist,
Увидев тень свою над высотой,
Esteems not his own stature larger by
Похожую на образ великана,
The apparent image; but more patiently
Не возгордясь и чужд самообмана,
Strikes his staff down beneath his clenching fist –
Еще сильней сжимает посох свой,
While the snow-mountains lift their amethyst
Меж тем как высь главою снеговой,
And sapphire crowns of splendour, far and nigh,
Сапфировой короной осияна,
Into the air around him. Learn from hence
Вздымается пред ним. Ты, к высоте
Meek morals, all ye poets that pursue
Стремящийся поэт, познай смиренно:
Your way still onward up to eminence!
Не ты велик - мир божий, постепенно
Ye are not great, because creation drew
Во всей его могучей красоте
Large revelations round your earliest sense,
Открывшийся тебе для постиженья,
Nor bright, because God's glory shines for you.
И ты – его же славы отраженье.

Обусловленная самим складом 5-стопной ямбической строки, образная система оригинала и перевода отличается емкостью и обилием поэтизмов, свидетельством чего может служить парафраз на ветхозаветную книгу Исайи, маркирующий собой коду сонета: «Arise, shine; for thy light is come, and the glory of the Lord is risen upon thee») [«Восстань, светись, [Иерусалим], ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою» (Исайя 60:1]. Следует отметить, что появление этого образа обусловлено не только описанием феномена удлинения теней в горах, но и христианской трактовкой символики огня и света: «… по существу нет какого-то особого адского огня, но все тот же огонь и жар бога, который составляет блаженство достойных, но мучительно жжет чуждых ему и холодных…»[56]. И хотя мотив

божественного света за счет пропуска «значимой конструкции «not <…> nor» («ни <…> ни»)»[57] у Чюминой элиминирован согласно общехристианской трактовке его как «мысленного» (умственного)[58], «совершенно трансцендентного видимому миру»[59], все же нельзя не отметить особую выразительность этого перевода, свидетельствующего о движении от принципов адекватности в сторону формального и функционального подобия.

Примечания

1. Речь прежде всего идет о стихотворении «Плач детей» («The Cry of the Children»), которое послужило основой для одноименного произведения Н.А. Некрасова и было переведено на русский язык в 60-70-х годах XIX века В.Д. Костомаровым, Д.Д. Минаевым и П.И .Вейнбергом.
2. Phelan J. The Nineteenth Century Sonnet. Palgrave-Macmillan, 2005. – P. 55.
3. См.: Poems by Elizabeth Barrett Browning: In 2 vol. – L., 1844. – V. 1. – P. 149-150.
4. Там же. – P. 127-128.
5. См.: Poems by Elizabeth Barrett Browning. – New York: Charles S. Francis, 1861. – V. 2. – P. 128,125.
6. Эта традиция берет начало от просветительской концепции 50-70-х годов, когда избирательный перевод использовался как «средство пропаганды передовых идей, позволявшее <…> обходить цензурные рогатки». Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Ред. Федоров А.В. Л.: Наука, 1985. С.195.
7. См.: «Суггестивная лирика (от лат. suggestio – внушение, намек, указание) – особый вид лирики, основанной не столько на логических предметно-понятийных связях, сколько на ассоциативном сочетании дополнительных смысловых и интонационных оттенков. Благодаря этому суггестивная лирика способна передать смутные, неуловимые душевные состояния, которые трудно выразить в стихе строго реалистическими средствами». Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С.290.
8. Как отмечают исследователи: «Для концепта «Поэт» в поэтическом дискурсе начала XIX века характерны следующие культурные смыслы – ‘избранность’, ‘одиночество’, ‘вдохновенность’, ‘сладкогласие’ (распространенные поэтические эпитеты – поэт мучительный и милый, страдалец вдохновенный; волшебник; певец любви; изгнанный певец; затерянный певец…)». См.: Чумак–Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI вв.: Автореферат дис. ... докт. филол. наук. – Белгород, 2009. – С.21. Можно определенно говорить, что концепт «узник» в русской лирике напрямую связывается с концептом «поэт». Эта традиция свободолюбивой романтической поэзии восходит к стихотворению В.А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу».
9. См.: «Описательная поэзия – термин, обозначающий жанр, охватывающий поэтические произведения обычно крупного размера, описывающие ландшафт». Т.Л. [Левит Т.] Описательная поэзия // Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т.8. Немецкий язык – Плутарх / Ком. Акад.; НИИ лит., искусства; Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П.И., Маца И.Л., Нусинов И. М., Фриче В.М.; Гл. ред. Луначарский А.В.; ученый секретарь Михайлова Е.Н. – М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. Стб.304.
10. Чюмина О.Н. Новые стихотворения. 1898-1904. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1905. С.189.
11. К числу трансформаций, проделанных Чюминой в переводе этого сонета, можно отнести амплификации, замены, лакуны и нарушение эквилинеарности.
12. Phelan J. The Nineteenth Century Sonnet. Palgrave-Macmillan, 2005. – P. 54.
13. В опубликованной недавно статье «О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг» перевод сонета «The Prisoner» интерпретируется как передача «чувств узника». Жаткин Д.Н., Ионова Е.Л. О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С.370.
14. См.: Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2 изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. С. 167.
15. Этот тип рифмовки в терцетах, по наблюдениям М.Л. Гаспарова, происходит от итальянского 6-строчного страмботто, а вся структура итальянского сонета – авва авва cdc dcd – была разработана стильновистами. См.: Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. – 2 изд. – М.: Фортуна Лимитед, 2003. – С.131. Английские исследователи прямо указывают: «…Elizabeth Barrett Browning revives the Petrarchan sonnet to forge a complex new dynamics between active and passive, subject and object, speaker and addressee». [*«Элизабет Браунинг возрождает сонет Петрарки, чтобы сформировать комплекс, состоящий из новой динамики отношений между активным и пас-*

сивным, субъектом и объектом, говорящим и адресатом»] Chapman A. Sonnet and Sonnet Sequence // A Companion to Victorian Poetry / edited by Richard Cronin, Alison Chapman and Antony H. Harrison. – Malden: Blackwell Publishers Ltd, 2002. P.108.

16. Трансформации при переводе «The Prisoner» отмечают в своей статье Д.Н. Жаткин и Е.Л. Ионова.

17. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. С. 48.

18. Вишневский К.Д. Разнообразие формы русского сонета // Russian verse theory / Ed.B.P. Scherr, D.S. Worth. – Columbus, Ohio, 1989. P.460.

19. Федотов О.И. Сонет. М.: РГГУ, 2011. С.80.

20. Переводами сонетов Шекспира во второй половине XIX века активно занимались Ив.Мамуна, Д.Аверкиев, Н. Гербель, К. Случевский, К. Фофанов, В. Брюсов, П. Быков, Т. Щепкина-Куперник, Ф. Червинский, Н. Холодковский, А. Федоров, Н. Брянский, В. Лихачев и др. профессиональные литераторы.

21. См. «Сонет – одна из самых популярных форм в европейской поэзии. Весьма широкое распространение сонет, как оригинальный, так и переводный, получил и на русской почве». Вишневский К.Д. Разнообразие формы русского сонета // Russian verse theory / Ed. B. P. Scherr, D. S. Worth. Columbus, Ohio, 1989. P.455.

22. Зеленков М.Ю. Мировые религии: история и современность: Учебное пособие. М.: Юридический институт МИИТа, 2003. – С.192.

23. Жилякова Э. Невыразимое (отрывок) // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 2000. Т. 2. Стихотворения 1815–1852 годов. С.538.

24. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 2000. Т. 2. Стихотворения 1815–1852 годов. С.129.

25. Чюмина О.Н. Новые стихотворения. 1898-1904. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1905. С.189-190.

26. Текст Жуковского представляет собой полиметрическую композицию, в составе которой доминирует 6-ст. ямб (64%), а на долю 4-ст. и 5-ст. ямба приходится 23% и 14% соответственно. В сонете Чюминой последняя строка, в нарушение канонов, написана 5-ст. ямбом.

27. Важным доказательством этого взаимодействия являются сравнительные данные ритмического профиля ударности в сонете «Узник». См. Таблицу №1 Приложения. На основании этих параметров можно с большой долей вероятности предположить, что переводы сонетов Браунинг выполнялись русской переводчицей в разное время.

28. См. Таблицу №1 Приложения. Обращает внимание, что ритмическая каденция этого размера в оригинальном творчестве Чюминой и других ее переводах обладает качественно иными параметрами.

29. Показательно, что в своих сонетах Браунинг использует самые разнообразные формы рифмовки в терцетах, но для перевода Чюминой были выбраны однотипные по форме тексты (за исключением сонета «Irreparableness»).

30. Думается, что совершенно не случайно заключительное двустишие перевода Чюминой коррелирует с началом на уровне значимой для нее философской формулы: выраженья – свершенья – завершенья.

31. Жаткин Д.Н., Ионова Е.Л. О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С.370.

32. См.: Шеллинг Ф. В. И. Философия откровения. Т. 2. СПб.: Наука, 2002. 480 с. (Сер. «Слово о сущем»)

33. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 2000. Т. 2. Стихотворения 1815-1852 годов. С.130.

34. Этот случай подверстывания перевода под уже существующую традицию можно было бы назвать архитекстуальностью, имея ввиду под этим не жанровую связь текстов (Ж. Женетт), а имагологический контекст.

35. Жаткин Д.Н., Ионова Е.Л. О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С.373.

36. Жуковский В.А. Эстетика и критика / Вступ. ст. Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича; сост. и примечания Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М.: Искусство. 1985. С.283-286. (История эстетики в памятниках и документах)

37. См. Таблицу №1 Приложения.

38. Холостая строка «The bride weeps, and before the oracle» стоит на месте рифменного компонента первой рифменной цепочки, что позволяет говорить о том, что в оригинале рифмовка в катренах этого сонета представляет собой четверостишия с кольцевой и перекрестной формами: abbaabab.

39. Чюмина О.Н. Новые стихотворения. 1898-1904. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1905. С.190-191.

40. Ср.: «Блаженны нищие духом... Блаженны плачущие... Блаженны кроткие... Блаженны алчущие и жаждущие справедливости... Блаженны милостивые...» (Матф., 5, 3-7 и далее).

41. Д.Н. Жаткин и Е.Л. Ионова справедливо отмечают в переводе этого сонета О.Н. Чюминой семантическую неразличимость «неудачной, непродуманной концовки». См.: Жаткин Д.Н., Ионова Е.Л. О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С.371.

42. Эта форма скользящей рифмовки на три созвучия называется «треугольной». См. Скоренко Тим. Учебник стихосложения // http://www.timskorenko.ru/poezia3.html

43. Чюмина О.Н. Новые стихотворения. 1898-1904. СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1905. С.191.

44. См.: «В творчестве всех поэтов получает развитие антропоморфный образ цветка: признак 'строение' обусловливает возможность метафорического переноса со строения цветка (венчик/стебель) на устройство человеческого тела (голова/туловище) - так актуализируется признак 'человек-цветок'». Молоткова А.И. Концепт «цветок» в языке и поэтической речи: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. С.155.

45. По наблюдениям М. Эпштейна: «У Жуковского многие явления природы выступают в качестве символов, знаменуют высокие состояния души; мотылек, лебедь, вообще «птичка», вообще «цветок» как воплощенное бессмертие, нездешность, порыв в запредельное». Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. С.211.

46. Связь этих текстов убедительно доказана в современном литературоведении: Заборов П.Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 116-117.

47. Д.Н. Жаткин и Е.Л. Ионова видят в сонете Браунинг «параллель между увяданием собранных цветов и невозможностью изменения, исправления ситуации, тяготящей лирическую героиню». Жаткин Д.Н., Ионова Е.Л. О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С.371.

48. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. С.137.

49. Жаткин Д.Н., Ионова Е.Л. О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С.371.

50. На неточность такого перевода названия указывает строчка из оригинала: «We miss the prospect which we are called unto» [*Нам не хватает перспективы [надежды], к которой мы призваны*].

51. Ср.: «Концепт даль является одним из наиболее характерных для носителей русской культуры, что объясняется типичными для России бескрайними просторами, созерцание которых порождает чувство тоски и безысходности». Григорук С.И. Концепт синего цвета в поэзии Георгия Иванова // Культура народов Причерноморья. 2002. Т.44. С.126.

52. Значимость этой трансформации особенно показательна в контексте наблюдений над тем фактом, что «экспликация концепта [пространства] в английской языковой картине мира представляется более точной и определенной, чем в русской». См.: Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол наук. М., 2003. С.201.

53. Среди переводов О.Н. Чюминой европейских сонетов это практически единственный пример использования 5-ст. ямба, если не считать перевод сонета Р.Э. Прутца «О городе старинном есть преданье…»

54. Холостая строка «The apparent image; but more patiently».

55. См. Таблицу №2 Приложения.

56. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т.1. С.37.

57. Жаткин Д.Н., Ионова Е.Л. О.Н. Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С.371.

58. Симеон . Слово 44 // Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Кн. 1. М.: изд-во Сибирская Благозвонница, 2011. С.202.

59. Игумен Иларион (Алфеев) преподобный Симеон Новый Богослов и Православное Предание. СПб.: Алетейя, 2001. (Византийская библиотека) С.281.

Приложение

Таблица 1.

Профиль ударности 6-ст. ямба

Периоды/стопы	I	II	III	IV	V	VI	Число стихов
1814–1820	90,7	68.5	68,7	94,9	39,4	100	4110
«Невыразимое»	78,6	89,3	28,6	100	17,9	100	28
1870–1900	89,1	71,6	69,9	93,7	37,6	100	6997
Чюмина (оригин. тв-во)	90,9	68,2	65,7	94,1	32,8	100	6587
«Узник»	84,6	69,2	76,9	92,3	38,5	100	13
«Неудовлетворенность»	85,7	85,7	35,7	78,6	35,7	100	14
«Слезы»	100	57,1	71,4	100	57,1	100	14
«Непоправимое»	100	64,3	85,7	92,9	57,1	100	14
«Даль»	92,9	78,6	57,1	85,7	57,1	100	14

Сравнительные данные по: Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха.

Таблица 2.

Профиль ударности 5-ст. ямба

Периоды/стопы	1	11	111	IV	V	Число стихов
1780–1850 (цез.)	86	75,2	95,3	39,3	100	9142
1815–1850 (б/ц)	86,1	76	84,4	55	100	13134
1830–1890 (б/ц)	82,8	73,7	84,6	53,8	100	78193
Mountaineer and poet	85,7	85,7	100	78,6	100	14
Горец и поэт	92,9	50,0	100	21,4	100	14

Сравнительные данные по: Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха.

A.E. DUDKO

SONNETS BY E.B. BROWNING IN O.N. CHUMINA'S TRANSLATIONS

This Article analyses poems by E. B. Browning which appeared in Russian translation in the late nineteenth century. O.N. Chumina's translational concept differs from the original one, she was one of the first to turn to the work of the famous English female writer, and we can oversee her desire to be adjusted to the tastes of the Russian reader.

Key words: ***Elizabeth Barrett Browning, Olga Nikolaevna Chumina, poetic translation, sonnet, English-Russian literary ties, English accentual-syllabic, rhythm of six iambic feet, rhyme system.***

Е.М. КРИВОЛАПОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Курского государственного университета, докторант ИНИОН РАН
E-mail: elena_vroblevska@mail.ru
Тел. 8 950 877 20 25

К ВОПРОСУ О ЖАНРООБРАЗУЮЩИХ ПРИЗНАКАХ ДНЕВНИКА

В статье поднимается проблема критериев дневниковости. Для сравнительного анализа привлекаются различные жанры автодокументальной литературы: мемуары, автобиография, исповедь. Автор статьи приходит к выводу, что главными жанрообразующими признаками дневника являются синхронность, автокоммуникативность, литературная необработанность текста, датировка записей.

Ключевые слова: ***дневник, жанровые критерии, мемуары, синхрония, диахрония, автокоммуникация.***

Реконструкция истории появления дневника как самостоятельного жанрового образования представляется весьма затруднительной по ряду объективных причин. Во-первых, из-за исключительной широты самого понятия «жанр», относящегося «к числу таких категорий, которые каждым новым поколением ученых подвергается если не переосмыслению, то обновлению» [12, с. 188]. В свое время Ю. Тынянов подчеркивал зависимость жанра от особенностей той или иной исторической эпохи. Само стремление жанра «соответствовать» времени позволяет говорить о его непостоянстве, подвижности в рамках той или иной системы, что в свою очередь приводит к «смещению» жанровых доминант и как следствие – невозможности «давать статистическое определение жанра, которое покрывало бы все его проявления» [18, с. 256]. В большей степени это относится к литературе с доминирующим документальным началом, внутри которой выделяются свои собственные жанры, в том числе и дневник. Несмотря на то, что статус их «в большинстве своем закреплен в справочных и учебных изданиях», исследователи отмечают отсутствие единой системы в выделении жанровых дефиниций [12, с. 188].

Согласно определению В.Е. Хализева, «литературные жанры – это группы произведений, выделяемые в рамках родов литературы. Каждый из них обладает определенным комплексом устойчивых свойств», кроме того, «жанры с трудом поддаются систематизации и классификации (в отличие от родов литературы), упорно сопротивляются им» [19, с. 319]. Дневник относится к числу таких жанров, которые в большей степени испытывают подобное «сопротивление» при попытках исследователей вывести единообразное определение с учетом «комплекса устойчивых свойств», осуществить классификацию образцов этого жанра. Так, М. Михеев, проведя исследование жанра дневника на примере более чем трехсот текстов, приходит к парадоксальному выводу: «…если подводить некий предварительный итог, нужно сказать, что формальных критериев “дневниковости” практически не существует. Дневником называют то, что таковым считает автор (или издатель) или же предпочитает называть читающая публика» [11, с. 159].

Но поскольку «статус» жанра все же существует, обратимся к некоторым определениям дневника, закрепленным в современных справочных изданиях, с целью выделениях критериев, по которым производилась идентификация этого жанра.

Так, в Большой Российской Энциклопедии находим: «Дневник – литературно-бытовой жанр, совокупность последовательно датированных записей (обычно одного лица), фиксирующих внешние события, поступки, мысли, чувства и наблюдения автора» [3, с. 141]. Далее речь идет об истории возникновения жанра и его разновидностях. Литературный энциклопедический словарь также выделяет среди главных жанрообразующих признаков дневника форму ведения от первого лица, датировку записей, помимо этого обращается внимание на предельную искренность, откровенность высказываний, достоверность, монологичность; кроме этого, подчеркивается неретроспективный характер дневника: «это всегда – фиксация “только что” случившегося» [10, с. 98].

«Литературная энциклопедии терминов и понятий» представляет следующее определение: «Дневник – периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи. Обычно то или иное произведение в форме дневниковых записей относится к какому-либо из известных жанров (роману, повести, репортажу), и “дневниковость” лишь придает ему дополнительную специфику». Далее речь идет собственно не о дневнике, а о «дневниковой форме

© Е.М. Криволапова

записей», которая характеризуется рядом особенностей: «1) периодичность, регулярность ведения записей; 2) связь записей с текущими, а не с давно прошедшими событиями и настроениями; 3) спонтанный характер записей (времени между событиями и записью прошло слишком мало, последствия еще не проявили себя, и автор не в состоянии оценить степень значительности происшедшего; 4) литературная необработанность записей; 5) безадресность или неопределенность адресата многих Д. (дневников – Е. К.); 6) интимный и поэтому искренний, частный и честный характер записей» [9, с. 232]. В статье оговаривается, что перечисленные особенности «могут быть реализованы в большей или меньшей степени в каждом дневнике». Закономерен вопрос: какие из приведенных особенностей являются основными, обязательными структурообразующими элементами жанра дневника, без которых он не может состояться, а какие факультативными? И тождественны ли понятия «дневник» и «дневниковая форма», которые постоянно перемежаются в приведенном определении жанра? Иными словами, перечисленные определения не предоставляют возможности говорить об автономности жанра, поскольку нейтрализуются критерии его разграничения с другими формами литературы non-fiction. Отсутствие таковых сформировало мнение о дневнике как о «диффузном» жанре и его контаминационной природе. Не случайно основной объем словарных статей о дневнике содержит материал о взаимодействии этого жанра с широким спектром самых разнообразных форм документалистики (мемуарами, автобиографиями, исповедями, письмами, литературой путешествий…), или посвящен выявлению признаков дневниковости в литературе в качестве «конструктивного элемента повествования».

Для установления критериев дневниковости сопоставим взгляды исследователей на природу жанра. Так, по мнению Т. Колядич, «мемуары и дневник выступают как равноправные разновидности мемуарного жанра. Кроме того, современное развитие дневника позволяет считать его значимой и в ряде случаев даже самостоятельной художественной формой». На основании того, что в «дневниковый текст вводятся записи мемуарного характера», «дневники можно также считать как бы своеобразными вариантами мемуаров» [8, с. 24-25]. М. Михеев считает, что к «дневниковым текстам» «нельзя не причислить и такие вполне традиционные, устоявшиеся литературные жанры, как – мемуары, афоризмы, исповеди». Основанием к этому он считает их ориентированность на реальный факт, а не на художественный вымысел [11, с. 8].

А.В. Подгорский в своем исследовании отстаивает особое место “дневника” в системе литературных жанров: «он рассматривается не как первичная форма мемуарной литературы, “форма без формы”, а как жанр во многом отличный от мемуаров, ибо автор дневника занят прежде всего настоящим, а мера присутствия памяти, воспоминания в подлинном дневнике зависит от того, насколько настоящее заставляет даиэриста обращаться к своему прошлому (далекому или недавнему)» [15, с.2]. Сопоставляя жанры дневника и мемуаров, исследователь «разводит» их по принципу синхронии/диахронии, выявляя при этом их специфические особенности: «”Мемуары” неразрывно связаны с процессом воспоминания, реконструкцией некогда бывшего, прошедшего, переписыванием и редактированием текста, чем и объясняется наличие в них фальсификаций и фактографических ошибок, отмечаемых и извиняемых комментаторами и исследователями», тогда как автор дневника всегда сосредоточен на настоящем. «Дневник – жанр не мемуарный; ставить его в один ряд с воспоминаниями, жизнеописанием, автобиографией, исповедью, зачастую использующими его элементы, не правомерно», – утверждает исследователь [15, с. 7]. Одним из доказательств полной самостоятельности жанра дневника он считает тот факт, что «“элементы дневника” могут быть и бывают составной частью едва ли не всякого прозаического жанра. При этом “дневник”, “отрывки из дневника”, “дневниковые записи” и даже “характер обыкновенного дневника” не удается ассимилировать ни одной структуре. Дневник также легко узнаваем, как, например, афоризм» [15, с. 6-7].

Стоит еще раз упомянуть, что в современной науке проблема взаимосвязи мемуарной литературы и дневника является одной из дискуссионнных. Сопоставление мемуаров и дневника как жанров позволяет выявить основной критерий дневниковости. При сравнении характерных признаков двух жанров возникает неизбежная временная оппозиция: подневные записи», ведущиеся синхронно, в одном случае, и воспоминания с последующим их осмыслением – в другом. «Синхронность/диахронность» является тем признаком, который позволяет перенести дневники и мемуары в две различные жанровые плоскости, имеющие соответственно и различные системы координат. Добавим, что в дневниках, в отличие от мемуаров, текст не воссоздается, а создается, что позволяет говорить о высокой степени достоверности фактического материала, представленного в документах этого жанра.

Чем значительнее временная дистанция, тем больше оснований усомниться в достоверности написанного, причем отнюдь не по вине автора с

его личными пристрастиями. В этом случае вполне естественна аберрация памяти, возникающая у пишущего мемуары по прошествии определенного периода времени. Дневник же, в котором временная дистанция сведена до минимума, предполагает в качестве основных жанровых признаков непосредственность, спонтанность, достоверность изложения. Самым существенным для автора является первичное, эмпирическое восприятие действительности. Текст создается «по горячим следам событий», поэтому стремление автора к объективному изложению событий не вызывает сомнений (если, конечно, автор не ставит своей целью мистификацию). Сведенная до минимума временная дистанция ставит автора дневника в положение объективного наблюдателя, разумеется, с учетом собственного «видения». Это качество, присущее всем документальным жанрам, нашло отражение в обобщенном их названии – «эго-текст или «эго-документ». Субъективность в дневнике прежде всего проявляется на уровне отбора фактов, производимого автором, и оценке событий «по горячим следам». «Единственным критерием значимости факта, события <…> становится личная заинтересованность или причастность автора к ним, тогда как значимость истинная, объективная определяется временем. Каждодневное писание, фиксация происходящего “по горячим следам” оберегает или избавляет от ошибок, но не позволяет вынести бесстрастное суждение…» [15, с. 8] Тем не менее, даже с этой поправкой дневник является своеобразным первоисточником, аутентичным документом своего времени. На эту особенность в свое время обратила внимание М.В. Нечкина: «Дневник, как правило, является более ценным первоисточником, нежели позднейшие мемуары» [13, с. 67].

Если говорить о последних, то «изначально жанр воспоминаний предполагал их публикацию спустя определенное время и после определенной подготовительной работы. <…> События воскрешаются спустя определенный промежуток времени, поэтому автору иногда необходимо провести необходимые уточнения» [8, с. 22]. В процессе работы над мемуарами, когда у пишущего невольно происходит «пересоздание» действительности и изменяется ракурс восприятия, реконструкция событий несомненно требует привлечения «подсобного» документального материала: дневников, записных книжек, писем, заметок. В этом случае для «позднейших» мемуаров все это будет являться хотя и необходимым, но все же «вторичным» материалом. В результате происходит то самое «смешение» понятий, какое имеется сейчас в современной науке о документалистике. В свою очередь, мемуары тоже могут выступать в качестве «вторичного» материала, как, например, в дневнике Е. Шварца, когда особые жизненные обстоятельства драматурга способствовали появлению особой формы записей [20].

В контексте проблемы разграничения жанров достаточно значимым представляется еще один критерий «дневниковости» – литературная необработанность записей, их «первообразность», поскольку последующая обработка дает исследователям повод говорить о переходе дневникового жанра в мемуарный. В этом плане показательна история дневника З. Гиппиус «Синяя книга. Петербургский дневник», где записи ведутся с 1 августа 1914 года по 6 ноября 1917. Известно, что в 1927 году Гиппиус, готовя дневник к печати, произвела правку своих записей и переписала текст начисто. Предполагается, что и последующие дневники писательницы «Черные тетради» и «Серый блокнот» также были подвергнуты предварительному авторскому редактированию. Предоставляя доказательства «вторичности» текстов З. Гиппиус, А.М. Новожилова, однако, не сомневается в жанровой природе документов и однозначно рассматривает их как литературные дневники [14].

Иного мнения придерживается Н.Н. Кознова, анализируя книгу З. Гиппиус «Серое с красным» (Дневник. 1940 – 1941 гг.): «Стоит заметить, что многие мемуары писательницы изданы под общим названием “дневник”, но далеко не всегда представляют собой действительно ежедневные записи». Дело в том, что «значительная часть вышеназванной книги восстановлена, по свидетельству самого автора, по кратким записям, сделанным несколько месяцев назад» [7, с. 138]. На том же основании, хотя и с некоторой оговоркой, исследовательница относит к мемуарным жанрам и «Окаянные дни» И.А. Бунина: «…с позиции композиционного построения, дневник – ведущая форма в структуре «Окаянных дней», с точки зрения содержательной – он был бы неполным без авторских комментариев и включений мемуарного характера, поэтому дневниковый текст в бунинской книге находится в равных смысловых соотношениях с мемуарным. Дневники и воспоминания не только дополняют, но и заметно усиливают смысловое значение друг друга» [7, с. 141].

В приведенном выше высказывании обращает на себя внимание обстоятельство, при котором авторские записи бесспорно можно назвать дневником. Это композиционное построение, которое обеспечивается с помощью структурообразующего элемента – датировки, или «обозначения дат». Эта «примета» жанра является еще одним критерием «дневниковости». Именно этот формальный признак в первую очередь заставляет взглянуть на

любой текст с точки зрения дневниковости и дает повод причислять к этому жанру другие разновидности документальных автотекстов. «Реальный» дневник должен быть структурирован – по числам, дням недели, месяцам, в крайнем случае, по годам. Все эти внешние атрибуты, как правило, присутствуют во многих дневниках, но иногда авторы обходятся и без них: это зависит от условий ведения, авторской установки. К примеру, З. Гиппиус всегда точно датировала каждую запись, даже если события описывались несколько дней спустя, С. Каблуков заранее «расписывал» тетрадь, которой надлежало стать дневником, по числам, дням недели, праздникам, и лишь затем методично, день за днем, заносил туда события и впечатления. А в дневнике Е.П. Казанович записи не всегда датированы и часто представляют собой сплошной текст. Если дневник не структурирован, но велся регулярно, в большинстве случаев он открывает возможность хронологической реконструкции и по записям можно установить не только реальное историческое время, но и проследить эволюцию взглядов автора. Так обстояло дело с ранними дневниками М.М. Пришвина.

Наличие датированных записей, формальный показатель «дневниковости» – возможно, не самый очевидный критерий в определении жанра, но, с другой стороны, структурированность дневника обеспечивает ему устойчивый, постоянный облик и вместе с тем облегчает работу автору в создании текста. Именно этим обстоятельством объясняет Д. Кин популярность обращения к этому жанру японцев, которые «всегда испытывали затруднения, когда дело касалось композиции»: «…У дневников есть уже готовая композиционная структура – течение времени. Твердая последовательность дней и месяцев освобождает от любой другой композиционной основы» [6, с. 10].

В качестве непременного, обязательного атрибута многие исследователи выделяют исповедальность, интимность. Иными словами, дневник возникает тогда, когда у человека появляется потребность в самовыражении, которая реализуется посредством исповедальности, позволяющей автору «выразить себя», раскрыть свою душу, поделиться сокровенным, покаяться, похвалиться, наконец. Но, по справедливому утверждению исследовательницы, «…жанру дневника писателя искренность задана, но не дана, ее надобно обрести, достичь» [16, с. 15]. И если субъективность в качестве определяющего критерия заложена в самом жанре дневника изначально, то исповедальность «обретается», «достигается» при определенных условиях. И первое из них – целеполагание автора: какими обстоятельствами вызвана потребность вести дневник и каковы исходные мотивы этой потребности.

Свою книгу «Дневник в России XIX-XX века – эго-текст, или пред-текст» М.Михеев начинает с прямого вопроса: «Для чего пишется большинство дневников?», оговариваясь, что под дневником он имеет в виду «не *литературный* дневник (то, что будет впоследствии почти обязательно опубликовано – как дневник *писателя*), <…> а прежде всего **то**, что в большинстве безымянных случаев пишется без расчета на аудиторию и не для потомков, **но** лишь для себя самого…» [11, с. 5] Вопрос этот первостепенен, так как ответ на него будет содержать указание на побудительные причины, вызвавшие к жизни дневник, а уж от них, в свою очередь, зависит и степень исповедальности.

Так, в первых дневниках С. Каблукова исповедальное начало полностью отсутствует, и это вполне согласуется с авторской задачей: запечатлеть и сохранить для потомков знаковые события своего времени, передать характеры уникальных личностей, предельно ясно выразить свое отношение к изображаемому. Дневники З. Гиппиус, А. Блока, В. Брюсова, М. Кузмина создавались с иной установкой: основным мотивом, помимо прочих, было стремление воссоздать и запечатлеть символистское мироощущение. Степень исповедальности в этом случае варьировалась от самых интимных откровений до явно выраженной криптографии. Характер же «исповедания» М. Пришвина, дневники которого представляют сложное, многоструктурное по своим установкам и задачам образование, не поддается однозначному определению. Здесь необходимо учитывать все артефакты, сопутствующие процессу создания дневников писателя. Применительно ко всему вышеизложенному уместно вспомнить высказывание Л.Я. Гинзбург: «И дело тут даже, собственно, не в том, чего хочет человек; скорее в том, какого именно самовыражения требует от него среда, время, конкретная ситуация, его собственные способности и возможности» [4, с. 21].

«Исповедальность» как один из главных жанрообразующих признаков дневника возвращает к другому, не менее важному, зафиксированному в справочных литературоведческих изданиях, – это форма ведения записей от первого лица, что, в свою очередь, неизбежно поднимает вопрос о дневнике как особой форме автокоммуникативного текста, где оппозиция автор/адресат имеет принципиальное значение. На это обратил внимание В.Н. Топоров, анализируя дневники Андрея Тургенева и Исикава Такубоку: дневник «не просто интимен (интимна и исповедь), но интимность его такова, что она не предполагает читателя: поначалу дневник был вне-

литературным жанром и, естественно, не предполагал не только читателя, но и “исповедника”, того, к кому обращена исповедь, даже если она тайная» [17, с. 84]. Способ коммуникации важен и как жанровый разграничительный признак для всей сферы автобиографических текстов. Уместно вспомнить и определение М.М. Бахтина, где под жанром понимается: «…устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками» [2, с. 165].

Лингвист А. Зализняк, выделяя основные признаки дневника, также опирается на положения М.М. Бахтина. Она исходит из того, «что категория *жанра* формируется *конвенциями отношений с адресатом*, которые принимает на себя пишущий в данном произведении» [5, с. 163]. Поэтому закономерно, что в качестве первого и главного признака дневника А. Зализняк выделяет тождество адресата и автора.

Рассматривая формы социальной коммуникации, ученые-социологи также считают способ коммуникации доминирующим жанрообразующим признаком: «…дневник сугубо личностен, инпровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мыслей («поток сознания»). Можно продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало» [1, с. 491].

Если обратиться к самому дневниковому тексту, то здесь, помимо внутренне присущих ему признаков, таких, как достоверность, информативность, спонтанность, следует особо отметить его принципиальную незавершенность, которую, однако, в то же самое время можно рассматривать и как завершенность. Парадоксальность этого положения связана с особенностями строения дневникового текста: с его «бессюжетностью», отсутствием смысловой завершенности, расщеплением единого повествования, дискретностью чувств, исторических фактов, событий личной жизни. Автор дневника волен в любой момент прекратить свои записи по причинам как субъективным, так и объективным, в том числе из-за собственной смерти. Тем не менее, в какой бы точке не остановилось «дневниковое время», повествование всегда будет восприниматься как некая законченная текстовая структура. Такая особенность дневника как жанра исключает возможность его рассмотрения по «законам», применимым к художественному произведению, так как «художественной литературе и дневникам присущи разные типы обобщения и познания … <…> И если в литературе, по меткому наблюдению Л.Я. Гинзбург, “образ возникает в движении от идеи к выражаемому личному”, «то в дневниках – при движении от данного единичного к обобщающей мысли…» [4, с. 32]

Возвращаясь к проблеме критериев «дневниковости», попытаемся выделить некоторые из них, расположив по принципу обязательной или возможной их реализации в тексте. Во-первых, это синхронность, которой определяется способ отражения действительности; во-вторых, автокоммуникативность, являющая тождество автора и адресата; в-третьих, необработанность материала, его «первообразность»; в-четвертых, датировка, выполняющая роль структурообразующего начала; в-пятых, интимность, искренность, правдивость записей. Что касается последнего критерия, то его наличие и реализация напрямую зависят от авторской интенции, которая в свою очередь определяется временем и личностью создателя дневника.

Библиографический список

1. *Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И.* Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: События в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В.4.т. СПб.: Норма, 2010. Т. 3. 552 с.
2. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. Собр соч.: В 7 т. Т. 5. Работы 1940 1960 гг. М.: Русские словари, 1996.
3. Большая Российская Энциклопедия: В 30 т. М. 2007. Т. 9.
4. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1977. 464 с.
5. *Зализняк А.А.* Дневник: к определению жанра. Новое литературное обозрение. 2010, № 106.
6. *Кин Д.* Странники в веках. Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 328 с.
7. *Кознова Н.Н.* Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров. Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2009, № 1.
8. *Колядич Т.М.* Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
10. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

11. *Михеев М.Ю.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX – XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 264 с.
12. *Местергази Е.Г.* О «документальных» жанрах. Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2007, № 2.
13. *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М.: Худож. лит., 1977.. – 735 с.
14. *Новожилова А.М.* Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра: автореф. дис. …канд. филол. наук. СПб., 2004.
15. *Подгорский А.В.* Жанр дневника в английской литературе эпохи Реставрации: автореф. дис. …д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.
16. *Рудзиевская С.В.* Дневник писателя в контексте культуры XX века. Филологические науки. 2002, № 2.
17. *Топоров В.Н.* Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку). Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск четвертый. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 301 с.
18. *Тынянов Ю.П.* Литературный факт. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
19. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.
20. *Шварц Е.Л.* Живу беспокойно…: Из дневников. Л.: Советсткий писатель, 1990. 752 с.

E.M. KRIVOLAPOVA

ON THE PROBLEM OF THE GENRE FORMING DIARY FEATURES

The author of the article raises the problem of the diary criteria. The different genres of autodocumentary literature are involved in the comparative analysis: memoirs, autobiography, confession. The author comes to the conclusion that the main genre forming features are synchronism, authorcommunication, literary rawness of the material, dating of papers.

Key words: ***diary, genre criteria, memoirs, synchrony, diachrony, authorcommunication.***

А.Р. ЛУКИНОВА
доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского городского психолого-педагогического университета
E-mail: allareinold@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ А.А. ФЕТА «ИСТРЕПАЛИСЯ СОСЕН МОХНАТЫЕ ВЕТВИ ОТ БУРИ, ...» В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПОЭТА 1860-х гг.

Статья представляет собой опыт анализа взаимоотношений природы и человека в произведениях А.А. Фета 1860-х гг. с позиций психопоэтики: рассматриваются соотношения личностных смыслов и их воплощение в художественной структуре стихотворений.

Ключевые слова: ***метафора, личностный смысл, психопоэтика, сила природы, свободная творческая личность.***

Известны два стихотворения А.А. Фета, написанные пятистопным анапестом, а значит, имеющие очень длинные строки: «Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури…» (конец 1860-х гг.) и «Памяти Н.Я. Данилевского» (1886). Постоянная забота Фета о содержательности формы стихотворения и уникальность пятистопного анапеста в его поэзии заставляют задуматься над тем, какой смысл несут различные элементы формальной структуры этих произведений.

С 1857 г. до середины 1870-х гг. А.А. Фет создал наименьшее количество оригинальных стихотворений, а написанные в эти годы произведения имеют общие черты. Так, сразу можно заметить, что большая часть стихотворений посвящена влиянию на человека различных природных явлений.

Особенно выделяется группа стихотворений о ночи и звездах. В одном из них, «На стоге сена ночью южной…» (1857), выражено осознание человеком необъятности вселенной и ощущение себя частью ее мира, возникшее при созерцании звезд. В стихотворении «Нельзя» (1858) эта мысль обогащается: ночью возможен интенсивный духовный поиск и работа самосовершенствования. Но у Фета это объясняется не мистическими свойствами ночи, а простыми причинами, «дотекстовой реальностью автора» [12, 11]: не отвлекают заботы о хлебе насущном и созерцание ночного неба определенным образом настраивает душу:

В движенье, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.

Нельзя с безбрежностью творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь, и мрак уединенья –
Единый путь до божества. [9, 299]

В стихотворении «Молчали листья, звезды рдели…» (1859) знаменательна мысль о пробуждении «силы во всем живом» [8, 197] под влиянием созерцания звезд. Звезды выступают преобладающим началом, гармонизирующим душу человека. Думается, этот, очевидно важный для поэта смысл, в терминологии психологов, исследовавших стихотворную речь с точки зрения психопоэтики, можно назвать «доминантным личностным смыслом» [6, 38]: он неоднократно акцентируется в стихотворениях 1857-66 гг., «разными языковыми маркерами» [6, 12], актуализируясь в ряде метафор.

В частности, благодатности для человека «думы молчаливой» [8, 212], которую «шлет» звезда, посвящено стихотворение «С какою негою желанья…» (1863); в известном философском стихотворении (предположительно 1864) «Измучен жизнью, коварством надежды …» «звёзд золотые ресницы» и «солнце мира» [8, 19] – единственное, что дает человеку силы жить. В следующем, «Как нежишь ты, серебряная ночь…» (1865), прямо говорится о том, что ночь «нежит» «в душе расцвет немой и тайной силы!» [8, 207]. Стихотворение о наступлении ночи «Ты видишь, за спиной косцов…» (1864) примыкает к группе «звездных». «Дыхание ночи» [8, 68] человек ощущает, не только видя темнеющее небо и последние солнечные лучи, но и вдыхая ароматы ночных трав и цветов, – так ночь захватывает его полностью и заставляет погрузиться в мир красоты и спокойствия.

Стихотворения из раздела «Море» можно разделить на две группы, отличающиеся по времени создания и по своим истокам. Первые написаны в 1854-1857 гг., то есть в более ранний период по сравнению с рассматриваемыми нами здесь произведениями, под впечатлением пребывания Фета на побережье Балтийского моря во время военной службы. И хронологически, и по своему смыслу,

© А.Р. Лукинова

и по поэтике они существенно отличаются от стихотворений, написанных в 1857-66 гг., и, думается, их анализ должен являться предметом особого исследования.

Остальные же созданы после 1859 г. (последнее из них датировано 17 февраля 1891 г.), и в их основе лежат впечатления о поездке поэта с сестрой Надеждой на Средиземное море в 1857 г. В этих произведениях видны черты философской лирики Фета 1860-х гг., отражающей проблему взаимоотношений человека и природы, и проявляется «доминантный личностный смысл» [6, 38], свойственный группе «звездных» стихотворений: море оказывается еще одной природной стихией, благодатно влияющей на человека.

Так, в стихотворении «Море и звёзды», написанном в декабре 1859 г., «море и звезды» – источник гармонии души:

Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилося горе,
Как будто бы звезды тебя победили. [8, 162]

В стихотворении «Вчера расстались мы с тобой…» (1864) уникальный «личностный смысл» многих произведениях Фета разных лет – «включенность в природу» [7, 80], когда «…человек обостренно воспринимает природу, и сам, отдаваясь ей, начинает жить как природа» [7, 81] – актуализируется соединением в едином настроении морской волны и души человека, погруженных в «лунный свет», а также земли и звезд. Это иной по сравнению с предыдущим смысл – речь идет не о влиянии природы на человека, а о совпадении состояния природы и человека, то есть о его «природности». Существенно отметить, что это одно из тех стихотворений Фета, в которых внимание заостряется на кратковременной фазе душевной жизни. Но не менее важно обратить внимание и на особенности поэтики изображения состояния душевной жизни человека, которые и формирует личностный смысл стихотворения.

Благодаря сравнению («а нынче, как моя душа, волна светла …»), одушевлению волны, рифме и тонкой оркестровке звукового оформления рифмующихся слов *душа-дыша* (возникновению сближения разнородных явлений путем создания «вертикальной синтагматики» [4, 52], которая встречается в русской поэзии, но никогда – в той форме, что у А.А. Фета, когда рифмующиеся слова относятся *к разным явлениям*), а также тому факту, что оба слова, *волна* и *душа,* женского рода, создается впечатление их единства и отнесенности всего последующего и к волне, и к душе человека одновременно:

А ныне – как моя душа,
Волна светла, – и, чуть дыша,
Легла у ног скалы *отвесной*;
И, в лунный свет погружена,
В ней и земля отражена,
И задрожал весь свод *небесный*. [9, 175]

В стихотворении А.А. Фета, посвященном лесу, «Солнце нижет лучами в *отвес*, …» (1863) передана мысль о мощи стихии леса, смыкающейся «у окраины ярких *небес*» со стихией неба и связанной еще с одним «гигантом» – солнцем. Рифма *отвес-небес* и, в предыдущем стихотворении, *отвесной-небесный* подчеркивает идею вертикали, связи земной природы, частью которой является человек, и мира вселенной и объединяет два стихотворения общим смыслом.

Лес, кроме того, показан подобным морю. Отсюда определенная лексика: *в этом море исчез, потонул* [8, 105] – имеющая не значение '*погибнуть',* а обратное – '*спастись*', так как соединено с восхищением перед лесом, с просьбой *«распахнуть объятья», «чтоб и мне было сладко вздохнуть»* и с основным определением леса – *душистая тень.* Поясним, что одно из ключевых слов в поэзии Фета – *душистый* – всегда несет позитивный смысл, а будучи определением какого-либо явления, выделяет его из общего ряда как наилучшее, указывает на способность «овладеть чувствами человека» [3, 142]. Таким образом, смысл стихотворения – спасение человека в обращении к мощной природной стихии.

Однако следует отметить особую роль звезд в системе доминирующих ценностных смыслов поэзии Фета (вспомним, например: море влияет на человека не само по себе, а – *«море и звезд*ы») – они в произведениях Фета в наибольшей степени соединяют спасительное, сильное и прекрасное начала мира. И в этом один из доминантных ценностных смыслов поэзии Фета.

Итак, во многих произведениях 1857-1866 гг. звучит мысль о преобладающем и спасительном влиянии стихий природы на жизнь человеческого духа, что создает единство лирики А.А. Фета 1960-х гг.

Но в стихотворении «Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури…», созданном в конце этого периода, предположительно, в конце 1869 года, находим иное – губительный всеохватывающий мрак осенней ночи:

Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури… [9, 126]

В первой строфе слова «огонь» и «звезда» даны

в ряду повторяющихся и близких по смыслу слов, частей слов, а также метафорических выражений, создающих впечатление катастрофичности такого состояния природы:

– «*ис*трепалися сосен мохнатые ветви»,
– «буря»,
– «*из*рыдалась осенняя ночь»,
– «ледяные слёзы»,
– «овдовевшая лазурь»,
– «*ни* огня на земле»,
– «*ни* звезды»,
– «*ни*кого»,
– «*ни*чего»,
– «*все* сорвать хочет ветер»,
– «*все* смыть хочет ливень ручьями».

К зрительным впечатлениям присоединяются слуховые («рыданья ночные») и осязательные («ледяные слезы»).

Слово «мрак» употребляется в нескольких значениях:

1. в прямом: ‘темнота дождливой осенней ночи’;
2. в переносном: ‘отчаяние из-за осознания безысходности’;
3. в символическом: ‘тяжесть жизни’.

Прямое значение слова «мрак» кажется всеобъемлющим, указывающим на источник той силы, которая заставляет человека видеть мир мрачным и овладевает его сознанием, доводя до отчаяния. Во второй строфе стихотворения, начинающейся с двух констатирующих коротких восклицательных предложений с повтором приставки *ни*, на первый взгляд, завершается описание непреодолимого влияния природы на человека, однако настораживает, что слова «Никого! Ничего!» явно не относятся к описанию явлений природы. Психологически точно передаётся тяжёлое состояние человека, на первый взгляд, близкое к тому, что психологи называют «осенней депрессией»:

*Ни*кого! *Ни*чего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.

Однако образ «*грубо-насмешливого*» маятника часов, который композиционно сближен с восклицаниями, констатирующими утрату, пустоту в предшествующей строке: «*Ни*кого!», «*Ни*чего!» – и с метафорой, имеющей тот же смысл, в последней строке первой строфы: «*…все смыть хочет ливень ручьями*», заставляет вспомнить мировую традицию создания образа *времени-текущей воды*, то есть времени, которое «смывает, стирает, сносит, уносит». Этот образ, по наблюдению Н.В. Павлович, будучи передан определенно у разных поэтов и писателей как «водоем», «река», «ручей», имеет «несколько общих смыслов, среди них: «гибельность», … «пагубность», … «безвозвратность»… У Рылеева: «Нет ничего уже, что было, Что есть, не будет ничего... Капли в ручьи собрались, в реки ручьи возросли» [5, 46]. Думается, фетовский «ливень ручьями», образ из жизни русской природы, имеет сходный символический смысл и входит в традиционную парадигму. Значит, изображение предельно мрачных природных явлений в этом стихотворении становится символическим выражением душевного кризиса, в результате которого у человека и возникает ощущение пустоты и бессмысленности существования.

Одной из причин такого кризиса, по утверждениям психологов, обычно является отделение от семьи, друзей [2, 46]. В своих воспоминаниях о 1869 годе А.А. Фет пишет: «Наступившая зима и лето, начавшееся смертью Нади, не переставали напоминать о смерти» [10, 195]. В письме Л.Н. Толстого А.А. Фету от 21 октября 1869 г. находим: «А у вас в семействе смерть за смертью» [10, 203], а в письме от 4 февраля 1870 г.: «Вы мне пишете: «Я один, один!» [10, 209]. Действительно, за один год уходят из жизни *пять* родственников, в том числе самые близкие Фету люди: сестра Надя, которая была его другом, занимая особое место в жизни Фета по сравнению с другими родственниками, и другой горячо любимый друг, брат жены поэта, литературный критик Василий Петрович Боткин.

Представляется важным тот факт, что между Фетом и Боткиным в 1860-е гг. происходит настолько интенсивная переписка, что, возможно, равной ей по количеству писем, по степени доверительности и необходимости для Фета не было в его жизни. Часть писем А.А. Фета В.П. Боткину опубликована, некоторые никогда не публиковались, но сохранились в архивах (в частности, в отделе рукописей РГБ), а многие утеряны, по утверждению самого поэта.

Так, например, 9 августа 1867 г. в одном из неопубликованных писем Фет пишет В.П. Боткину: «Тысячу раз спасибо за только что полученные письма твои через Степановку. Не хочу откладывать ни на минуту ответ. <…> Мы отправили письма на твое имя, и я никак не могу придумать, что с ними случилось. <…> кто … любит тебя как нежно преданный брат А. Фет.» [11, 3]. Этот отрывок, как и содержание других неопубликованных писем поэта, свидетельствуют о том, что между А.А. Фетом и В.П. Боткиным существовало постоянное общение, составлявшее важную часть жизни Фета, и с его исчезновением образовалась пустота.

Выход находится в творчестве, что соответствует психологической интерпретации подобных ситуаций, определяемых в психологии как кризисные: «Кризис – это поворотный пункт жизненного пути личности [2, 147] ». «В столкновении с внешними трудностями происходит движение не в себя, а от себя, движение, сосредоточивающее все душевные силы человека … на служении высшей ценности. Предельная точка этого движения – состояние полного самозабвения [2, 150]». Своеобразие фетовской передачи этой ситуации, возможно даже более, – его открытие в сфере психологии – состоит в фиксации «мига» «самозабвения», полностью изменяющего ход мыслей человека и навсегда отрывающего его от тяжёлого влияния окружающей атмосферы:

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная фея,

И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,…

«Фея», то есть творчество, в стихотворении связана с «речей благовонных созвучием». Красота поэзии и поэтическое вдохновение преодолевают отчаяние:

И, речей благовонных созвучием слух возлелея,

Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю!

Необходимо отметить, что в качестве детали, отражающей особенность, присущую именно поэтической системе А.А. Фета, в последней строфе стихотворения выделяется сочетание «речей благовонных созвучие». «Благовонный» – одно из ключевых слов поздней поэзии Фета: оно постепенно вытесняет подобное ему по значению и сочетаемости прилагательное «душистый», более характерное для ранних произведений. Появление старославянизма «благовонный», несомненно, в соответствии с культурной традицией, более возвышенно звучащего, к тому же, содержащего корень «благо» как иную семантическую составляющую по сравнению со словом «душистый», в этом стихотворении связано с новой по сравнению с ранними произведениями А.А. Фета позицией автора. Б.Я. Бухштаб писал о том, что «эпитеты Фета часто отличаются резкой вещественно-логической несовместимостью с определяемыми предметами» [1, 23], отмечая в сочетании «благовонные речи» как раз это характерное для поэзии Фета явление, когда «эпитеты … потеряли своё основное значение, приобретя широкое метафорическое значение, связанное с основным по схожести эмоционального впечатления» [1, 23]. В этом значении «благовонные речи» подспудно воспринимаются как воздействующие одновременно на разные чувства человека, захватывающие его.

Так осознание высшей ценности творческой энергии и искусства становится одним из концептуальных смыслов поздней поэзии Фета, который актуализируется с помощью поэтических средств, с особенной психологической силой воздействующих на читателя.

Характерная для поэзии А.А. Фета оптимистическая концовка этого стихотворения роднит его с пушкинскими произведениями. Человек, в сильнейшей степени испытывающий влияние природы и находящийся в кризисной ситуации, казалось бы, подчиненный общим законам жизни и смерти, может противостоять им, «оторваться от … рокового, тяжёлого бремени», будучи свыше наделён даром творчества.

Отличия от рассмотренных произведений 1857-1866 гг. очевидны: в них природные стихии преобладают над человеком, но всегда спасительно действуют на него помимо его воли. Здесь же в герое в последний момент просыпается внутренний протест:

Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!

Такой поворот лирического сюжета приводит к мысли о том, что мрак и отчаяние преодолевает все-таки не «фея», а «свободная душа», которая и есть настоящая «фея», что полностью согласуется с общим контекстом поздних произведений А.А. Фета, в которых преобладает мотив силы духа личности. В последней строке стихотворения звучит вызов человека мощным явлениям миропорядка, самому всесильному, все «смывающему» времени, подобный тому, что появляется в более поздних стихотворениях А.А. Фета: «Томительно-призывно и напрасно …» (1871), «Alter ego» (1878), «Не тем, Господь, могуч, непостижим …» (1879), «Смерти» (1884). Таким образом, мысль о победительной силе духа человека становится одним из звеньев системы концептуально важных личностных смыслов в поэзии позднего Фета, с которым связаны и новые формы стиха, особая, прежде редко встречавшаяся лексика, предельно субъективное осмысление обычных понятий, выражающееся в появлении слов-символов.

Но вместе с тем важно отметить, что преклонение перед силой и красотой природы никогда не уйдет из поэзии А.А. Фета, а мысль о самоценности природы будет звучать все сильнее: этому, например, посвящены поздние его шедевры «Угасшим звездам» (6 мая 1890 г.) и «Еще люблю, еще томлюсь…» (10 декабря 1890 г.). – Исчезнет только

мысль о природе как единственном источнике силы человека.

Таким образом, уникальный в лирике А.А. Фета регулярный пятистопный анапест стихотворения «Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури, …» с его длинными строками оказывается связанным с широтой содержания и важностью открытия, неожиданного для поэта в 1860-е гг.: то, что всегда спасало, то есть природа (понимаемая в том числе и как природа его собственного естества), может быть губительным, но человек в состоянии противопоставить ей силу своего творческого духа. Мысль о широком взгляде на жизнь и о возможностях личности звучит и в другом стихотворении А.А. Фета, написанном пятистопным анапестом, – «Памяти Н.Я. Данилевского».

Почему стихотворение «Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури, …» включено Фетом в раздел «Мелодии»? В этой связи важным представляется замечание авторов исследования «Звуковая метафора в поэтической речи»: «Анапест предполагает плавность, напевность, как все трехсложные размеры, ритм вальса» [4, 52] – в самом ритме стихотворения звучит мысль о красоте как об истине.

К концу 1860-х гг. у поэта, по мнению американской исследовательницы поэзии Фета Эмили Кленин, наконец-то появляется возможность прожить свою собственную жизнь: «He died in an attempt to take his own life» [13, 192] – укрепляется вера в силу человека, сумевшего изменить судьбу. С этого момента в поэзии Фета появляется новая, высшая власть надо всем, что он показывал раньше. Сходную догадку высказала американская исследовательница творчества А.А. Фета Э. Кленин: «Then, in old age, the poet finds his youthful voice, strengthened of course by the wisdom of his years» [13, 191].

Таким образом, можно выделить 1860-е гг. в поэзии А.А. Фета как особый период напряженного мировоззренческого поиска, связанного с поэтическим экспериментаторством, период появления новых мотивов и смыслов в поэзии и формирования философских представлений о непреложных ценностях. Постепенно определяется главная из них: свободная творческая личность.

Библиографический список

1. *Бухштаб Б.Я.* А.А.Фет. Полное собрание стихотворений. Л., Советский писатель, 1937. С.5-25.
2. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984. С.3-200.
3. *Лукинова А.Р.* Слово «душистый» в поэзии А.А. Фета//Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 2. С. 139-145.
4. *Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г.* Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб, 1996. 144с.
5. *Павлович Н.В.* Язык образов. М., 2004. 527 с.
6. *Пищальникова В.А.* Психопоэтика. Барнаул, 1999. 176 с.
7. *Скатов Н.Н.* Лирика А.А. Фета (истоки, метод, эволюция)//Русская литература. 1972. № 4. С. 75-92.
8. *Фет А.А.* Полное собрание стихотворений. Л., Советский писатель, 1937. 879 с.
9. *Фет А.А.* Стихотворения, поэмы. М., Правда, 1988. 480 с.
10. *Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848-1889. Ч. 1-2. – М, 1890.
11. *Фет А.А.* Письмо к В.П. Боткину. Отдел рукописей РГБ: Фет-Шеншин, картон № 3, единица хранения № 1.
12. *Эткинд А.* Филология, психология и политика Ефима Эткинда.Эткинд Е.Г. Психопоэтика. СПб, 2005. С.5-14.
13. *Klenin E.* The poetics by Afanasy Fet. Keln, Veimar, Viena, 2002. 409 p.

A.R. LUKINOVA

THE POEM BY A.A. FET «THE PINE SHAGGY BRANCHES BECAME SHABBY FROM THE STORM» AND THE OTHER WORKS WRITTEN IN 1860-S BY THIS POET

The article is an experiment of the psychological poetics analysis which is devoted to the person's relations with nature: the author considers correlations of the personal meanings and their realization in the fiction poems structure.

Key words: ***the metaphora, personal meaning, psychological poetics, the power of the nature, the free creative person.***

Е.В. МАКСИМЮК
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии
E-mail: Grechko_EV@mail.ru
Тел. 8 903 980 63 06

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ БЫТИЯ И МИРОВОСПРИЯТИЯ В РАССКАЗЕ А.И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»

Данная работа представляет собой попытку экспликации, моделирования и описания образов сознания. В ходе анализа выявляются имплицитные когнитивные структуры и их роль в общей концепции произведения. Посредством анализа и типизации способов мировидения героев реконструируется аксиологическая позиция автора произведения.

Ключевые слова: **экспликация, образ, сознание, репрезентация.**

А.Ф. Лосев в своей работе «Введение в общую теорию языковых моделей» определяет языковую модель как «упорядоченное множество языковых элементов, которое является единораздельным целым, содержащим в себе как принцип своего упорядочивания, так и расчлененность всех входящих в него элементов и их комбинаций. То есть, модель есть структура, перенесенная с одного субстрата на другой и воплощенная в нем реально-жизненно и технически точно [10, с. 28].

Таким образом, языковая единица (текст) является моделью в силу того, что в ней содержится специфическая конвенциональная интерпретация реального «объекта», ее форма является лишь символическим способом представления ее значения, а также в силу наличия общего ядра, означающего семиотическую передачу смысла значением (принципиальной потенциальности связей когнитивных признаков в пределах когнитивной структуры значения) [12, с.41].

Такие модельные свойства предопределены сущностью языкового знака и самого языка, дающего «…нам единственный пример системы, которая является семиотичной одновременно и по своей формальной структуре, и по своему функционированию», т.е. является системой с наиболее выраженным семиотическим характером [4, с.76].

В рамках теории ван Дейка и Кинча. модель – это специфический вид структурной организации знания в памяти, когнитивный коррелят ситуации, включающий личное знание, которым люди располагают относительно какой-либо ситуации как результатом накопленного в столкновениях с ситуациями подобного рода опыта. Такие ситуационные модели − принадлежность воспринимающего сознания и его порождение. Их функция – понимание, интерпретация и хранение знаний о мире, их структура – производна от структуры отображаемой ситуации, следовательно, не произвольна. Модели – база для понимания дискурса, которое также подчиняется правилами моделирования. Понятие модели здесь имеет двоякое значение, а принцип модельной деятельности пронизывают познание реального мира, его представление в структурах сознания и речи.

Для моделирования образов сознания идеи когнитивной лингвистики имеют принципиальное значение, поскольку здесь разработан необходимый методологический и терминологический аппарат. В рамках этого направления были введены и разработаны понятия, передающие автоматизацию ментальных операций, трансформацию человеческого опыта в компоненты сознания: *когнитивная модель* (концепт, образ), *фрейм* (ситуативная схема, связанная с конкретным концептом), *схема, сценарий, гештальт*, контекстуальное решение (модификация концептуального фрейма), *когниотип, образ − схема, ментальное пространство, когнитивная область* и др. Все они способствуют когнитивно-грамматическому и когнитивно-семантическому описанию речевых произведений в аспекте человек − мышление<−>язык − речь. [1, 2, 3, 6, 5, 7, 8, 9, 14, 13 и др.].

Данная статья посвящена экспликации и типизации корреляционных образов бытия и мировосприятия героев рассказа «Гранатовый браслет», анализу способов презентации, описанию их организации и интенциональных характеристик. Модели мировидения персонажей служат маркером и средством презентации образов сознания, присущих автору, поэтому, реконструируя образы сознания героев, мы занимаемся реконструкцией образов сознания автора по результатам его работы – речевому произведению.

© Е.В. Максимюк

Образ бытия и мировосприятия в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет» разворачивается ***как образ любви, образ контрастный, выстроенный на оппозиции истинных и ложных ценностей в рамках человеческого бытия.*** Процесс осознания и обретения счастья трактуется как детерминация и ***осознание приоритета чувственной материи над материальной.*** В образе Веры Николаевны Шеиной отражен уклад жизни и мировоззренческая позиция целого поколения. Он может быть определен как интенционально - социальный образ и способ бытия, характеризующийся «зацикленностью» на правилах этикета и поиске материальных благ. Отношение автора и его позиция к образу жизни его героини отражены в подборе предикативных конструкций – стилистически сниженных глаголов разговорного характера – *тратиться, обойтись, сводить концы с концами.* Их назначение – служить выделению семантического компонента – ***вынужденности.*** Истинные человеческие отношения и чувства – благотворительность, общение с друзьями представляются в этой парадигме значений как обязанность, в результате чего утрачивается их истинная аксиологическая значимость:

... Хорошо выходило, что именины совпали с дачным временем. В городе ***пришлось бы тратиться*** *на большой парадный обед, пожалуй, даже на бал, а здесь, на даче****, можно обойтись самыми небольшими расходами****. Князь Шеин, несмотря на свое видное положение в обществе, а может быть и благодаря ему,* ***едва сводил концы с концами****. Огромное родовое имение было почти расстроено его предками,* ***жить приходилось выше средств****: делать приемы, благотворить, хорошо одеваться, держать лошадей и т.д. ....всеми силами* ***старалась она помочь князю удержаться от полного разорения.*** *Она во многом незаметно для него,* ***отказывала себе и, насколько возможно, экономила в домашнем хозяйстве.***

В результате чего развивается «*предметный взгляд на мир*», зашоренность сознания и *духовная слепота*. В развитии дискурса событий наблюдается ***контаминация образов пути (жизни), судьбы (рока) счастья и любви.*** Человеческая душа может постепенно утратить самое себя и погибнуть, если человек не обрекает себя на вечный пусть странника, ищущего красоту, духовно сливающегося с ней и тем самым приближающегося к благу, к истине. Подобный путь был проделан Г. С. Желтковым:

*Восемь лет тому назад я увидел вас в цирке в ложе****,*** *и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто воплотилась вся красота земли...*

Образ жизни и восприятия мира Г.С. Желтковым (***эмоционально – фатумный***) контрастен первому образу светского сословия, ярким представителем которого является В. Шеина. Через развитие образа главной героини А.И. Куприн проводит актуализацию смысла о возможности обретения истинного счастья, прозрения, духовной эволюции и приобщения к истинным ценностям и благам. Понимание пути к спасению трактуется автором, прежде всего, как самопознание. Не случайно в идиостиле «Гранатового браслета» образ пути является одним из доминантных по смысловой нагруженности:

... по размякшему шоссе ***без конца тянулись*** *ломовые дроги,* ***перегруженные всяческими*** *домашними вещами: тюфяками, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами. Жалко, и грустно, и противно было глядеть сквозь мутную кисею дождя на этот жалкий скарб, казавшийся таким изношенным, грязным и нищенским.... Еще печальнее было видеть оставленные дачи с их внезапным простором, пустотой и оголенностью.*

Избыток перечислительных конструкций материальных предметов служит имплицитному внедрению ***смысла недостатка пространства для духовной деятельности***. Прямая характеризация осуществляется посредством оценочных определителей зрительного образа (*жалко, и грустно, и противно было глядеть*), который ***обращен не столько на внешнее, сколько на внутреннее содержание участников ситуации.*** Это один из самых характерных приемов представления когнитивного содержания образов своих героев и их внутреннего мира А.И. Куприна:

... То с утра до утра шел, не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи....

Повторяемость *(без конца тянулись, шел, не переставая)* ***знаменует круговорот жизни и протяженность описываемого состояния***, в котором увязают наши герои. Внешний физический фон их жизни представлен грязным, мелким и сырым – ***маркеры внешнего дискомфорта отражают дискомфорт внутренний,*** но обнаружение последнего происходит не сразу в связи с уже развившейся внутренней «слепотой». Пробуждение в тексте предсказывается уже в первом абзаце первой главы:

В середине августа перед рождением молодого месяца вдруг наступили отвратительные погоды, какие свойственны северному побережью Черного моря. По целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на

маяке ревела и днем и ночью, точно бешеный бык...

Образ жизни представлен через образ моря, застилающий его туман, знаменует внутреннюю слепоту, образ маяка, перпендикулярный горизонтальному образу бытия, призван рассеять мрак, таким образом прослеживается ***семантическое противопоставление контраста света и тьмы***. Любовь Желткова, как свет маяка, есть сигнал о существующей опасности гибели в море житейских забот высоких чувств человека и путь к спасению.

Образ носителя истинного содержания представлен автором в метафоризированном виде не только как возвышающаяся и возвышающая вертикаль, но и как динамика сознания в противовес статике бытия светского общества:

То задувал.... со стороны степи свирепый ураган, ***от него верхушки деревьев раскачивались, пригибаясь и выпрямляясь...***

Восемь лет он и его чувства присутствовали в жизни В. Шеиной, но все эти восемь лет они оставались, слепы и не видели *(пригибались, уворачиваясь от осознания)* присутствующей возле них содержательности. ***Они называли несчастным того, кто поистине являлся счастливым:***

.***Желтков****: Я буду счастлив тем, что к нему прикасались Ваши руки.*

Я умею теперь только ежеминутно желать Вам счастья, и радоваться, если вы счастливы.... Я не виноват, что Богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам.

Вера: ... *теперь не только этот несчастный будет смешон, но и я вместе с ним.*

Мне почему-то стало жаль этого несчастного...

Соотнесение понятия счастья и любви с разными когнитивными областями и актуализация разных (полярных) когнитивных признаков объясняет возможность трактовки состояния одного человека как счастливого и как несчастного одновременно. В сознании Веры Николаевны Шеиной наблюдается ***подмена понятий любви и дружбы****:*

Княгиня Вера, у которой прежняя страстная любовь к мужу давно перешла в чувство прочной, верной, истинной дружбы...

Сестры (Вера и Анна) были привязаны друг к другу теплой и заботливой дружбой.

Если мы сравним парадигму когнитивных признаков, соотносимых с понятием любви в трактовке ее Аносовым и Желтковым, для которых характерно эмоционально-фатумное восприятие мира, в соотнесении ее с образом жизни и характером отношений Веры Николаевны с мужем, а также с ее идеальным представлением о любви, то заметим, что ***сознание главной героини не в состоянии соотнести прообраз любви с реальностью:***

(Аносов) А где любовь-то? Любовь бескорыстная, самоотверженная, не ждущая награды, та, про которую, сказано: «сильна, как смерть»...

(Желтков) Во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская преданность. Ваш до смерти и после смерти покорный слуга.

(Желтков) Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей – вся моя жизнь заключена в ВАС...

(Аносов) Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире. Никакие жизненные удобства не должны ее касаться...

(Аносов) Если женщина любит – любовь заключает весь смысл ее жизни.

Вера Николаевна к Аносову: Неужели вы никогда не любили настоящей любовью? Знаете, такой любовью, которой....., ну, которой....., словом.... святой, чистой, вечной, неземной.

Куприн отражает затруднение Веры Николаевны в подборе семантических компонентов для выражения сути понятия настоящей любви, это связано с тем, что в действительности эти когнитивные признаки остаются не реализованными в парадигме отношений Шеиной с мужем. Однако, автор снимает ответственность с главной героини за действия в рамках социально-интенционального образа жизни:

(Аносов) Женщина не виновата в том, что любовь у людей приняла такие пошлые формы и снизошла просто до какого-то житейского удобства, до маленького развлечения. Разве каждая женщина в глубине своего сердца не мечтает о единой, всепрощающей, скромной и самоотверженной.

ср: (Желков) Семь лет безнадежной и вежливой любви дают мне на это право.

.... Я знаю, что не в силах разлюбить ее никогда... Что бы вы сделали, чтобы оборвать это чувство? Выслать меня в другой город? Все равно я буду любить Веру Николаевну там, как и здесь. Заключить меня в тюрьму? но и там я найду способ дать ей знать о моем существовании. Остается только одно – смерть. Если хотите, я приму ее, в какой угодно форме.

Оппозиция истинного и ложного находит свое выражение не только в прописывании аксиологических характеристик концепта счастья и любви в диалогах героев, но раскрывается и в описаниях психического феномена через его внешние проявления. Характер, эмоции, сознание человека экстериоризируются писателем во внешнем мире, во внешности героев, в результате чего наблюдатель может фиксировать их всесторонние проявления – внешний образ совмещается с внутренним:

Теперь она ходила по саду (Вера) и осторож-

но срезала ножницами цветы к обеденному столу. ***Розы были уже измельчавшие, редкие, точно выродившиеся. Зато пышно цвели своей холодной, высокомерной красотой георгины, пионы и астры, распространяя в чутком воздухе осенний, травянистый, грустный запах.***

Остальные цветы после своей роскошной любви и чрезмерного обильного материнства осыпали землю бесчисленными семенами будущей жизни.

ср. Внешность Веры*: Старшая, Вера, пошла в мать, красавицу англичанку, своей высокой гибкой фигурой,* ***нежным, но холодным и гордым лицом, прекрасными, но хотя, довольно большими руками и той очаровательной покатостью плеч, какую можно видеть на старинных миниатюрах.***

Вера жадно хотела детей, но почему-то они у нее не рождались...

Прием «всматривания» в человека используется А.И. Куприным для утверждения внутренних свойств и состояний своих героев. Автор склонен представлять своих героев как некий локус, в котором сосредоточены разные, часто противоречивые психические компоненты. В описании внешности Веры Николаевны это выражается в доминировании противительных конструкций, отражающих несоответствие внешнего и внутреннего содержания:

ср. Анна*: Она была на полголовы ниже сестры, несколько широкая в плечах,* ***живая и легкомысленная*** *насмешница. Лицо ее сильно монгольского типа с довольно заметными скулами, с узенькими глазами, которые она к тому же по близорукости щурила, с надменным выражением в маленьком чувственном рте – лицо это, однако, пленяло какой-то неуловимой и непонятной прелестью, которая заключалась, может быть, в глубокой женственности черт, может быть, в улыбке, может быть, в пикантной, задорно кокетливой мимике. Ее грациозная некрасивость возбуждала и привлекала внимание мужчин гораздо чаще и сильнее, чем аристократическая красота ее сестры.*

Анна вся состояла из веселой безалаберности и милых, иногда странных противоречий.

Вера же была строго проста, со всеми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно спокойна.

Внешность героев, манера поведения представлены в произведении своего рода символическим признаком внутреннего содержания, который просто словами выразить нельзя. Поэтому автор обращается к внешнему облику, стараясь показать во внешности лик личности. При этом для описания внешности сестер он использует разные стилистические регистры речи: изображение внешнего облика Веры осуществляется при помощи оценочно-дескриптивной лексики, не экспрессивной по своим функциональным возможностям, в противовес оценочно-экспрессивному представлению внешности ее сестры. Это два разных подхода в представлении информации – объективного и субъективного. «Оценочность денотативных оценочных значений устойчива, общепринята и поэтому представляется говорящим объективной. Это сфера аксиологических пресуппозиций: оценки, заключенные в денотативных значениях слов, как бы само собой разумеются. они бесспорны, но и тривиальны» [11, с.299]. Оценочно-экспрессивное описание наоборот выражает коннотативную релятивность значений. Субъективность представления служит аксиологизации авторской позиции, утверждающей приоритет осознания личностной индивидуальности и естественности над усредненной нормой общественной значимости, ассимилирующей истинное содержание человеческого существа. При этом собственно психологический метод изображения человека уступает место семиотическому.

Для сестер характерен не только контрастный внешний облик и манера поведения, но и разное восприятие жизни. Анне свойственно эмоционально-фатумное миросозерцание:

Я так давно не видела моря. И такой чудный воздух – дышишь, и сердце веселится. В Крыму, в Мисхоре, прошлым летом я сделала изумительное открытие. Знаешь, чем ***пахнет морская вода*** *во время прибоя? представь себе* ***– резедой.***

Я помню, также раз надо мной смеялись, когда я сказала, что в лунном свете есть какой-то розовый оттенок.

Восприятие жизни Анной перцептивно (в ее речи повсеместно присутствуют глаголы перцептивного восприятия) – эмоция преобладает над рациональностью, что дает ей возможность чувствовать, видеть и слышать мир, переживать единение с ним. Образы мира в сознании Анны представлены через сенсорные ощущения:

Когда я гляжу с такой высоты, у меня всегда как- ***то сладко и противно*** *щекочет внутри. .... Но ты* ***только посмотри****, какая красота, какая радость – просто* ***глаз не насытится.*** *Если бы ты знала, как я благодарна Богу за все чудеса, которые он для нас сделал.*

Анна Николаевна живет сердцем, ее сознание идентично губке, которая впитывает в себя живительную влагу, поступающую через внешние каналы восприятия. Внутренний же мир ее сестры оказывается закрытым для обновления посредством внешних источников. Оценка реальности Верой Николаевной рациональна, она не затрагивает ее сущности. Ей свойственно примечать только внеш-

ние денотативные признаки предмета, сигнификативное содержание остается закрытым для нее.

(Вера) ... у меня не так, как у тебя. Когда я вижу море после большого времени, оно меня и волнует, и радует, и поражает. Как будто я первый раз вижу огромное торжественное чудо. Но потом, когда привыкну к нему, оно начинает меня давить своей плоской пустотой. Я скучаю, глядя на него, и уж стараюсь больше не смотреть. Надоедает.

Вере Николаевне свойственно думать, а не чувствовать. Разница восприятия отражается и в характере используемых сестрами компаративных конструкций:

Анна объекты внешнего мира соотносит с когнитивными областями внутренней рефлексии (чувственно-эмоционального восприятия), сознанию Веры Николаевны свойственно соотнесение их с ценностной шкалой материальных ценностей. Аксиологизация безжизненных и смертоносных объектов символична – она передает сущность самого источника оценки – ***наблюдается изоморфность образов мира и человека:***

Я только думаю, что нам, северянам, никогда не понять прелести моря. Я люблю лес. Разве может он когда-нибудь прискучить? Сосны! А какие мхи! А мухоморы! точно из красного атласа и вышиты белым бисером. Тишина такая .... Прохлада .....

Возможность обретения счастья в рассказе «Гранатовый браслет» толкуется как самоопределение в парадигме ценностей человеческого бытия. На оппозиции истинного и ложного построены все отношения героев. Авторская позиция и ирония автора по поводу дезориентированности четы Шеиных раскрывается в рассказе Василия Львовича, который являет собой «аксиологический перевертыш» – истинное в нем представлено как ложное, а ложное как истинное:

... Телеграфисты увлекательны, но коварны. Для них доставляет неизъяснимое удовольствие обмануть своей гордой красотой и фальшивыми чувствами неопытную жертву и посмеяться над ней.

В действительности контекст дает нам обратную картину (см. портрет Веры Николаевны). Чувства Шеиных оказываются если не ложными, то, во всяком случае, не тем, чем они их представляют. Корреляция значений истинного и ложного, а также раскрытие содержания образа счастья в рамках образа семьи проводится Куприным в диалоге Веры Николаевны с Аносовым: *(Шеина): Разве можно назвать наш брак несчастным?* В формальном оформлении ответа Аносова имплицитно заключена пресуппозиция сомнения:

Аносов довольно долго молчал. Потом протянул неохотно: «Ну, хорошо...

скажем – исключение. Но вот в большинстве-то случаев, почему люди женятся?»

В общественном сознании уверенность ассоциируется с незамедлительностью ответа. Кванторное определение фазы умолчания, а также акцент на способе действия (*протянул),* усиленный определителем, характеризующим не только действие, но и эмоциональное отношение к нему индивида (*с неохотой)* – свидетельствует о том, что оцениваемый = квалифицируемый объект (брак Шеиных) по большинству критериев не соответствует парадигме когнитивных признаков, присущих счастливому браку, поэтому подведение его под указанное понятие является весьма затруднительным. Это отражено включением в дискурс ответа Аносова междометия НУ, наречного определителя ХОРОШО в функции междометия, пауз, графически выраженных многоточием. Дальнейшая вербализация наиболее типичных мотивировок брака у мужчин и женщин имеет своей целью показание несоответствия чувства, присутствующего в жизни Веры Николаевны, чувству, которое поистине является любовью и залогом обретения счастья:

мотивировка брака у женщин:

– общественное мнение: *стыдно оставаться в девушках;*

– социальное положение \ жизненные условия: *тяжело быть лишним ртом в семье;*

– стремление к социализации и самореализации: *желание быть хозяйкой, главной в доме;*

– физиологическая потребность: *прямо физическая потребность материнства.*

Мотивировка брака у женщин представлена Куприным как категория состояния, продиктованная не внутренним позывом, а внешним воздействием, или же реализуется как целенаправленная рациональная деятельностная пресуппозиция.

Мотивировка брака у мужчин:

– санитарно-эстетическая: *усталость от холостяцкой жизни, от беспорядка в комнатах, от трактирных обедов, от грязи, от окурков, разорванного и разрозненного белья и прочее, прочее...*

– экономическая: *чувствуешь, что семьей жить выгоднее, здоровее и экономнее.*

У мужчин мотивировка брака представлена в виде перечислительного градационного ряда, цель которого состоит в увеличении перлокутивного эффекта. Внешний образ жизни рождает потребность внесения изменений, однако, при этом внутренний, эмоциональный пласт сознания остается незадействованным.

Ср. (Аносов) *А где любовь-то? Любовь бескорыстная, самоотверженная, неждущая награ-*

ды? Та, про которую сказано – сильна, как смерть. Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость. Постой, постой, Вера, ты мне сейчас опять хочешь про своего Васю? Право же, я его люблю. Он хороший парень. Почем знать, может быть, будущее покажет его любовь в свете большой красоты. Но пойми, о какой любви я говорю. Любовь должна быть трагедией, величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться!

Мотивировки у любви нет и быть не может. В рамках образов сознания г-на Желткова любовь – вневременное, вечное, истинное, астральное, возвышающее переживание. Любовь – это счастье, великий дар, посланный нам свыше:

(Желтков) Я не виноват, что Богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к вам.

(Желтков) Это любовь, которой Богу было угодно за что- то меня вознаградить.

(Желтков Вере) Дай Бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу.

Перелом в сознании, переход от предметно-практического образа мышления к эмоционально-фатумному у Веры Николаевны происходит ***опосредованно – через предмет*** *(гранатовый браслет),* ***который по своим когнитивным признакам в большей степени принадлежит миру идей, чем миру вещей:***

По старинному преданию, сохранившемуся в нашей семье, он (зеленый гранат) имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам.

Лексемы *предание, дар, предвидение* образуют новую область локального состояния человека в рамках реального бытия:

...перед тем как встать из-за стола Вера Николаевна пересчитала гостей. Оказалось – тринадцать. Она была суеверна и подумала про себя: «Вот это нехорошо!»

Княгиня Вера никогда не читала газет, потому что, во-первых, они пачкали ей руки, а, во-вторых, она никогда не могла разобраться в том языке, которым нынче пишут. Но судьба заставила ее развернуть именно тот лист и натолкнуться на тот столбец, где было написано: «Загадочная смерть...»

Контраст состояний подчеркивается повтором отрицательного местоимения *«никогда не»*, посредством которого осуществляется референция прошлого (в котором аксиологизирован внешний комфорт и позиция «невмешательства») и настоящего, в котором ценностным мерилом становится осознание значимости чувственного начала в структуре образа мира. Вера Николаевна переживает личностно-смысловую трансформацию образа объекта (г-на Желткова и его чувств по отношению к ней), а через нее и трансформацию более широкого масштаба – мировоззренческого – образа счастья и образа любви: (портрет г-на Желткова после смерти глазами Веры Николаевны):

Глубокая влажность была в его закрытых глазах, и губы улыбались блаженно и беспечно, как будто он перед расставанием с жизнью узнал какую-то глубокую и сладкую тайну, разрешившую всю его жизнь.

Влажность в глазах и улыбка – внешние признаки проявления эмоции вариативно акцентируют внимание реципиента на когнитивном признаке временной недетерминированности трактовки автором чувственного восприятия. Адвербиальные определители образа действия (*блаженно и беспечно*) выступают в качестве маркера аксиологизированности состояния субъекта.

(Вера Николаевна) Почему я это предчувствовала? Именно этот трагический исход? И что это было: любовь или сумасшествие?

(Желтков) Я проверял себя – это не болезнь, не маниакальная идея – это любовь, которою Богу было угодно за что-то наградить меня.

Данные примеры свидетельствуют о существовании общих когнитивных признаков в рамках концептов любви и болезни. Репрезентация пересечения когнитивных областей любви и психического заболевания способствует актуализации когнитивного признака формы проявления чувства и раскрывает зависимость формы проявления от глубины переживания. Возможность дифференциации этих областей по внешним признакам проявления свидетельствует о присутствии симптоматичных эксплицитных маркеров (взгляд, жесты, мимика), способствующих распознанию имплицитного содержания (сути присутствия Веры Николаевны в жизни г-на Желткова, для которого образ возлюбленной составил весь смысл его жизни):

Я скажу, что он любил тебя, а вовсе не был сумасшедшим. Я не сводил с него глаз и видел каждое его движение, каждое изменение его лица. Для него не существовало жизни без тебя.

Выводы.

В рассказе «Гранатовый браслет» мы сталкиваемся с двумя контрастными образами бытия и типами мировидения:

1. социально-интенциональный, характерный для Веры Николаевны Шеиной;

2. эмоционально-фатумный, присущий Г.С. Желткову, Анне Николаевне и Аносову.

Контраст носит количественно-качественный характер. Разные корреляционные структуры образов счастья, любви и смысла жизни в рамках сознания героев рассказа «Гранатовый браслет» служат маркером и средством экспликации жизненной позиции автора. Последний посредством метода со- и противопоставления разных образов сознания утверждает истинность одних и нерелевантность других когнитивных составляющих ценности бытия. Особенно четко данная тенденция прослеживается в смысловом поле Веры Николаевны Шеиной, переживающей на протяжении рассказа трансформацию образов любви и образа счастья. В ходе анализа внутренних подсознательных образов (в результате внешнего воздействия событий на сознательный уровень рефлексии) обнаруживается, что когнитивные признаки счастья как материального достатка, высокого положения в обществе, оцениваемые сознанием Веры Николаевны как актуальные и ведущие в рамках образа счастья, в действительности оказываются «ложными ценностями», поскольку не затрагивают истинных человеческих чувств и эмоций.

В качестве маркирующих следует отметить следующие тактики и стратегии экспликации и аксиологизации жизненной позиции, использованные А.И. Куприным в «Гранатовом браслете»:

– создание суггестивного образа;

– контаминация смежных образов;

– передача внутреннего состояния через внешний образ (внешность и \ или пейзаж);

– концентрация внимания на деталях (намеренная фиксация внимания);

– соотнесение одного понятия с контрастными когнитивными признаками;

– соположение временных полюсов – мгновения и вечности – способствуют усилению драматического звучания дискурса произведения;

– использование временных показателей в качестве маркеров внутреннего эмоционального состояния человека (например, средством обозначения рубежа, грани: бой часов ассоциируется с уравниванием, совмещением, завершением круга, цикла);

– организация дискурса рассказа как пространственно-событийного континуума – нераздельное существование пространства, времени и человека, живого и неживого мира, в котором они создают, поддерживают и влияют друг на друга.

Через внешние контрастные образы автор акцентирует внимание на изменениях, произошедших в мироощущении главной героини (внешняя пространственная модель выступает в качестве проекции внутренней модели восприятия). Топонимы способствуют актуализации определенных ассоциативных полей, мнемонических ассоциаций, обеспечивают определенную интенсивность и последовательность восприятия.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография: Избр. труды в 2-х т. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. С. 648.
2. *Баранов А.Г.* Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета. 1993. 182 с.
3. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной семантики. Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1997. Т. 56. № 1. С. 11-21.
4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
5. *ван Дейк Т. А., Кинч, В*. Стратегии понимания связанного. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С.5-12.
6. *ван Дейк Т.А*. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
7. *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу. Вопросы языкознания. М., 1994. № 5. С. 126-139.
8. *Кравченко А.В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке. Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996. № 3. С. 3-24.
9. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. Вопросы языкознания. М. 1994. № 4. С. 34-47.
10. *Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. М.: Искусство, 1968. 294с.
11. *Мечковская Н.Б.* К характеристике аксиологических потенций слова: концепты ‘круг’, ‘колесо’ и их оценочно-экспрессивные дериваты. Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 299-307. М.: Языки русской культуры, 2000. 448с.
12. *Пищальникова В.А.* Общее языкознание. Барнаул: Изд-во ААЭП. 2001. 188с.
13. *Fauconnier G.* Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. London: Cambridge University Press, 1997.
14. *Talmy L.* How language structures space. Spatial orientation: theory, research, and application. N.Y.: Plenum Press, 1983. P. 225-282.

E.V. MAKSIMYUK

COGNITIVE AND SEMANTIC MODELING OF WORLD-VIEW AND HUMAN BEING PERCEPTION IN THE STORY "GARNET BRACELET" WRITTEN BY A.I. KUPRIN

This paper is an attempt to explore, to model and to describe consciousness images. Implicit cognitive structures and their role in the whole story conception are being discovered in the analyses flow. Reconstruction of the author's axiological position is made by analyzing and typifying of character world-view.

Key words: **exploration, image, consciousness, representation.**

С.С. МАРТЕМЬЯНОВА
аспирант кафедры английской филологии Орловского государственного университета
E-mail: vip.lana86@mail.ru
Тел. 8 920 089 42 90

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАЖАНРАХ (АНАЛИЗ СТАТЬИ)

Данная статья посвящена рассмотрению формирования и выражения оценки в немецком медиатексте. Категория оценочности, как неотъемлемый компонент любого медиатекста, представлена в реализации отношения субъекта оценки к описываемому событию, факту речи. Оценка – это также авторское средство скрытой манипуляции общественным мнением.

Ключевые слова: ***дискурс, медийный текст, категория оценочности, оценка, жанр, аналитические жанры, субъект/объект оценки.***

Введение. Одной из наиболее примечательных особенностей современных медиа традиционно является их нацеленность не столько на само сообщение, сколько на анализ, исследование, истолкование происходящих событий, процессов и ситуаций. В силу этого в некоторых медиа выработана достаточно эффективная система аналитических жанров. Эта система постоянно развивается, адаптируясь к тем задачам, которые встают перед аналитической журналистикой. Изменения в категориальном аппарате аналитических жанров открывают для медиа новые устойчивые типы текстов аналитических публикаций, целью которых является изучения положения дел или обсуждения проблем, их оценка [10].

В аналитических медиатекстах освещаются результаты и выводы исследования или оппонируются аргументы в пользу или против представленной точки зрения, оцениваются, интерпретируются данные, комментируются события. Так, медиа, ориентируя в действительности, сообщают оценку событий, происходящих или ожидаемых в обществе, наблюдаемых в настоящий момент, служат средством формирования мыслей, чувств и на их основе норм поведения [4]. Категория оценочности является основной общестилевой чертой текстов печатных медиа, она свойственна даже информационным жанрам для передачи эффективности сообщений. Оценка – неотъемлемый компонент любого медиатекста. Традиционно оценка понимается как общественно закреплённое отношение носителей языка к внеязыковому объекту и к фактам языка и речи [2]. В данной работе нами предпринята попытка проиллюстрировать специфику реализации категории оценочности в аналитических жанрах на основе анализа отдельной статьи, взятой из немецкоязычной газеты *Badische Zeitung*.

1. **Дискурсивное поле аналитических (медиа) жанров.** Оценочность в аналитических жанрах. Дискурсивное поле аналитических медиажанров исследуется и оценивается журналистом с целью определения степени ценности обнаруженного в общественной жизни. Что принесет пользу, а что вред, что способствует социальному прогрессу, а что ему вредит, что этично, а что неэтично – решение этих вопросов является целью журналистского анализа, для отражения которого и формируется собственно категория оценки [4]. Аналитические жанры призваны передать журналистскую выработку оценки, осуществляемую в диалоге с иными мнениями. Развертывание оценки осуществляется в ответ на соответствующий коммуникативный запрос адресата и в ответ на уже высказанное мнение о предмете речи, поскольку оценивание в журналистике происходит в условиях множественности мнений по обсуждаемым вопросам. При этом замысел, цель и учёт ответной реакции адресата, т.е. диалог с ним, определяют выбор стилистических средств для осуществления оценки предмета речи аналитического жанра. Для организации взаимодействия с целью выработки общего с адресатом мнения журналист подбирает те лексические и стилистические средства, которые наиболее полно отвечают его замыслу. Осуществляя согласование с адресатом оценки предмета речи соответственно логике аналитической жанровой модели журналист учитывает возможность противодействия коммуникативных действий и стремится на каждом из этапов сформировать общую с читателем смысловую платформу, стимулировать когнитивную активность читателя, создать эмоциональную атмосферу вокруг предмета речи [8]. Таким образом, оценка предмета речи представляет собой своего рода коммуникативную интенцию диалога автора и читателя, где смысло-

© С.С. Мартемьянова

вая позиция адресата раскрывается сообщениями о предмете оценки. Категория оценочности в газетных текстах выступает как особый вид рассуждения, включающий в себя оценку предмета речи, отражаемую в композиционно-стилистической специфике печатных текстов.

Специфическими целеустановками, организующими категорию оценочности в аналитических жанрах, являются; оценка того, что происходило, происходит, будет происходить, того, что наблюдается, и оценка чужих высказываний. Исходя из этого принято выделять следующие *виды оценочности* в аналитических жанрах:

- оценка и прогноз общественных изменений;
- оценка последовательности и причин социальных действий, ведущих к изменениям;
- оценка явления;
- оценка ситуации;
- оценка чужого высказывания.

Автор выстраивает стратегию оценивания этих объектов таким образом, чтобы выработать общее с адресатом мнение о рассматриваемом объекте. Исходя из этого, фактором, определяющим дифференциацию аналитических жанров, является коммуникативная целеустановка диалога автора и адресата.

Субъектом оценки выступает журналист, выразитель интересов той или иной социальной группы, поэтому основанием оценки становятся интересы этой группы, тем самым позиция и интересы «заказчика» органически включаются в оценочную базу и в известной степени предопределяют направленность оценивания идей, действий и явлений (ср. с мнением Н.Д. Арутюновой, которая подчеркивает особую роль говорящего, чьими интересами, взглядами (социальными, этическими, эстетическими) оценка обусловлена, «и только по отношению к нему оценочное высказывание может рассматриваться как истинное или ложное. Оно лишено параметра объективной истинности»[1]. При таком положении дел, безусловно, есть опасность того, что журналист может стать как субъектом социального ориентирования, так и субъектом манипуляции, а следовательно, жанровые модели могут использоваться не только для достижения социально ответственных целей в журналистике, но и в манипулятивных целях [6, с. 102], т.к. оценка является сильнейшим средством воздействия на ценностную картину социума, средством манипуляции общественным мнением. Положительная или отрицательная оценка чаще всего заложена в сообщении, но её присутствие в тексте незаметно, как правило, она исподволь внушается адресату. Адресат воспринимает заданную автором оценку на подсознательном, эмоциональном уровне. Ему может казаться, что он самостоятельно пришёл к данному оценочному выводу. Так формирование нужной оценки у адресата нередко играет огромную роль в идеологической ориентации последнего[2]. В соответствии с тем, как именно (положительно или отрицательно) читатель станет относиться к описываемому событию, он и будет действовать в современном мире.

В медиатексте оценка может быть выражена имплицитно, то есть она закладывается в сему слова, и эксплицитно, когда она присуща не конкретному слову, а его употреблению[3]. Имплицитные оценки в публицистике – это прежде всего оценочные метафоры, эвфемизмы, эллипсы, приёмы контраста при сравнении противоположных понятий. Наряду с ними существуют и такие языковые механизмы оценочности, как контекст, цитата, где оценка выражена эксплицитно.

2. Категоря оценочности на примере отдельной статьи. Перейдём непосредственно к рассмотрению практической реализации категории оценочности на примере статьи из немецкоязычной газеты *Badische Zeitung*[4].

В самом заглавии статьи *«Ihr Stuttgart-21-Zwist wird den Wahlsiegern zum Problem»* журналист в открытой форме оценивает сложившуюся ситуацию в сочетании с императивным «провоцирующим», эмоционально-экспрессивным характером лексических единиц.

В материале статьи журналист констатирует, оценивает, проводит анализ ситуации политического спора в вопросе о построении нового железнодорожного вокзала:

"Einig darin, dass wir uneins sind": Stuttgart 21 bleibt das Streitthema zwischen Grünen und Roten. Nun allerdings haben sie einen Weg gefunden, den ersten großen Koalitionskonflikt bis in den Sommer hinein zu verschieben.

Оценка ситуации о новостройке железнодорожного вокзала прослеживается в использовании журналистом эллиптических оборотов, слов и словосочетаний оценочного лексического пласта: повтора, оценочной метафоры, постановки риторического вопроса, ср.:

Allerdings hatte Bahnchef Rüdiger Grube

1 Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2004. с.151.

2 Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки. Вопр. языкознания. 1985. №3. С.13-24.

3 Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2004. с.154.

4 Прохоров Е.П. Искусство публицистики. М.,1984.

versichert, Stuttgart 21 werde, weil ohne Alternative, weitergebaut.

Offen bleibt, in welcher Form. Ob Volksabstimmung, Volksentscheid oder Volksbefragung: Man werde auf jeden Fall einen verfassungsgerechten Weg finden, so Kretschmann.

Volksabstimmung noch in diesem Jahr?

Оценочная оппозиция может создаваться в результате использования как собственно языковых антонимов, так и антонимов речевых, контекстуальных. В данном случае используется языковая антонимия в сочетании с речевой. Оценочное содержание создаётся за счет актуализации контекстуальных значений слов, а также в результате коннотативно-оценочных наслоений на семантику составляющих контраст лексем. В этом случае оценочность высказывания эксплицитно обусловлена за счёт антонимической ситуации и контекста. Приведём пример:

Das hohe Quorum möchten die Grünen zwar niedriger ansetzen.

Контраст построен на противопоставлении качества высокого уровня кворума с его низкой степенью работы.

Определение оценки ситуации может складываться при помощи приёма контраста противоположности, на основе сравнения противоположных понятий, признаков, составляющих единое целое и соответствующих единому образу. В этом случае антитеза превращается в сложную, развёрнутую: *„Wir sind uns einig darin, dass wir uneins sind“: Stuttgart 21 bleibt das Streitthema zwischen Grünen und Roten.*

Категория оценочности находит свою реализацию в статье в рамках способа изложения содержания, который складывается из таких логически последовательных действий, как констатация, обоснование, объяснение, доказательство, опровержение, выводы, сопровождаемые эмоциональной оценкой:

Rund 2,5 Millionen Baden-Württemberger müssten gegen den neuen Bahnhof stimmen, weit mehr, als bei der Landtagswahl für die Grünen gestimmt haben. Gleichwohl sagt Kretschmann: „Wir stehen Volksabstimmungen positiv gegenüber.“ Und in Umfragen war zuletzt eine Mehrheit im Land gegen das Projekt. Das hohe Quorum möchten die Grünen zwar niedriger ansetzen, brauchen zu dieser Verfassungsänderung aber eine Zweidrittelmehrheit im Landtag – also auch die Stimmen der Opposition. Kretschmann ist da eher unsicher: „Das ist die Frage, ob sich die CDU bewegt.“ Bei ähnlichen Vorstößen in der Vergangenheit hat sie das jedenfalls nicht getan. Es ist überdies unwahrscheinlich, dass ausgerechnet jene Partei, die sich am konsequentesten für Stuttgart 21 eingesetzt hat, es nun aus der Opposition heraus den Projektgegnern einfacher machen sollte.

Для категории оценочности характерно взаимопереплетение функций объяснения и убеждения, как умело завуалированного механизма манипулирования мнением читающего, что прослеживается в оценке рассуждения, которое передаётся довольно категоричным тоном:

Anders als alle bisherigen Koalitionsgesprächen dauerte die Verhandlung um Stuttgart 21 am Donnerstag weit länger als geplant. Ausgeräumt wurden die Gegensätze dabei nicht: Die SPD steht weiter hinter dem Bahnhofsneubau, die Grünen wollen ihn weiter verhindern. Der Dissens in der Sache ist geblieben, daran konnte auch die Gesprächsführung durch die beiden Chefs nichts ändern. „Das war unser schwierigster Punkt“, räumt der designierte Ministerpräsident Winfried Kretschmann (Grüne) ein, und sein künftiger Vize Nils Schmid von den Sozialdemokraten nickt: «Wir sind uns einig darin, dass wir uneins sind.»

Оценочность в отдельных случаях выступает на фоне утверждающей интонации рассуждения в сочетании с формами конъюнктива, для передачи не реализованных в настоящем времени действий, при сопровождении иронической интонации (средства выражения оценочной позиции журналиста):

Denn anders als unter Schwarz-Gelb sei künftig ja einer der beiden Regierungspartner gegen das Projekt. Ein von den Grünen mehrheitlich im Kabinett beschlossenes und dann vom Parlament abzulehnendes Ausstiegsgesetz als notwendige Basis des Volksentscheids wäre dadurch glaubwürdiger. Die Abstimmung selbst könne noch in diesem Jahr stattfinden. Sie wäre lediglich dann hinfällig, wenn sich die Bahn aus eigenen Stücken von Stuttgart 21 verabschieden würde. Allerdings hatte Bahnchef Rüdiger Grube versichert, Stuttgart 21 werde, weil ohne Alternative, weitergebaut.

Оценка конфликта журналистом происходит в условиях множественности мнений, что является также показательным фактором при рассмотрении категории оценочности:

«Das war unser schwierigster Punkt», räumt der designierte Ministerpräsident Winfried Kretschmann (Grüne) ein, und sein künftiger Vize Nils Schmid von den Sozialdemokraten nickt: „Wir sind uns einig darin, dass wir uneins sind.“

Allerdings hatte Bahnchef Rüdiger Grube versichert, Stuttgart 21 werde, weil ohne Alternative, weitergebaut.

Итог автор подводит в констатирующей форме рассуждения, ссылаясь на экстралингвистические

факторы, опираясь на сложившуюся ситуацию, мнение лидирующей партии, оценочные ориентиры представителей власти, с последующей оценкой ситуации в сочетании с прогнозом проведённых дебатов:

Es ist überdies unwahrscheinlich, dass ausgerechnet jene Partei, die sich am konsequentesten für Stuttgart 21 eingesetzt hat, es nun aus der Opposition heraus den Projektgegnern einfacher machen sollte. Allerdings hatte Bahnchef Rüdiger Grube versichert, Stuttgart 21 werde, weil ohne Alternative,weitergebaut.

3. Вывод. Таким образом, на основе анализа статьи была сделана попытка проиллюстрировать специфику реализации категории оценочности в медиатексте, которая нашла своё выражение путём осуществления передачи целого ряда оценочных смыслов. Автор учитывает важную интерпретирующую позицию адресата, что отражается в стиле и композиции статьи, в пространстве которой, а следовательно, и в ходе авторской мысли, адресат может легко ориентироваться. Успешная коммуникация обеспечивается путём использования арсенала оценочных регулятивов, способствующих формированию соответствующей экспрессивности, побудительностью, активизирующей мыслительную деятельность читателя.

Постоянная ориентация журналиста на оценку событий и явлений действительности делает неизбежным употребление оценочных средств, среди многообразия которых прослеживаются приёмы лёгкого воздействия на мнение адресата.

Механизм развертывания категории оценочности в аналитических медиажанрах предстаёт следующим образом: смысловая позиция адресата, презентируемая оценочными сообщениями о предмете оценки, вступает во взаимодействие с оценочно-исследовательской активностью адресата, отношением к предмету речи. В аналитических жанрах категория оценочности выражается характером отношения журналиста к совершенным или еще не совершенным действиям, объяснением оценки происходящего в действительности, выражается оценка свойствам и состояниям явлений и объектов, даётся оценка чужого высказывания – формы выражения и содержательного наполнения чужой речи, а также способ сообщения и интерпретация. Всё это позволяет утверждать, что категория оценочности присуща аналитическим медиажанрам и находит своё широкое применение в текстах печатных медиа.

Библиографический список

1. *Арутюнова Н.Д.* Жанры общения. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
2. *Арутюнова Н.Д.* Об объекте общей оценки. Вопр. языкознания. 1985. №3. С.13-24.
3. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Высшая школа, 1985. 279 с.
4. *Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2004. 276 с.
5. *Провоторов В.И.* Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка): Уч. пос. 2-е изд., испр. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. 140 с.
6. *Прохоров Е.П.* Искусство публицистики. М.,1984.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 252 с.
8. Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung: Theoretisch-methodische Grundlegung \ von einem Autorenkollektiv unter Leitung von Schmidt W. Leipzig, 1981. 275 S.
9. Badische Zeitung, April 07, 2011
10. *http: //www.badische-zeitung.de/ihr-stutlgart-21-zwist-wird-den-wahlsiegern-zum-problem*

S.S. MARTEMYANOVA

THE CATEGORY OF ESTIMATING IN ANALYTICAL MEDIAL GENRES (ARTICLE'S ANALYSIS)

This article is devoted to the considering of creation and expression of estimation in german medial text. The category of estimating as an essential component of any medial texts is presented in the realization of attitude of estimation's subject to the described event or to the fact of speech. Estimation is also considered as one of the author's means in hidden manipulation of social meaning.

Key words: **discourse, medial text, the category of estimating, estimation, genre, analytical genres, subject/object of estimation.**

Н.Е. МУЗАЛЕВСКИЙ
аспирант кафедры истории русской литературы и фольклора Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: nmuzalewsky@rambler.ru
Тел. 8 965 885 18 33

РАННИЕ ПЬЕСЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО В ПИСЬМАХ П.В. АННЕНКОВА И И.С. ТУРГЕНЕВА

В статье проанализирован эпистолярный диалог П.В. Анненкова и И.С. Тургенева о литературном своеобразии ранних пьес А.Н. Островского и успешном театральном дебюте. Письма прочитаны с учетом творческой индивидуальности корреспондентов на большом временном пространстве двухтомного издания «П.В. Анненков. Письма к И.С. Тургеневу». подготовленном и прокомментированном Н.Н. Мостовской.

Ключевые слова: ***драматургия, критика, эпистолярий, театр, традиция.***

В 2005 году вышло в свет двухтомное собрание писем П.В. Анненкова к И.С. Тургеневу [2]. Знакомство двух литераторов произошло в 1843 году в Петербурге в кружке Белинского. Однако искреннее дружеское общение началось почти десятилетием позже. Переписка продолжалась в течение тридцати лет с разной интенсивностью, но общение никогда не прерывалось. После смерти Тургенева Анненков стал его биографом, исследовавшим, прежде всего, путь духовного формирования писателя. В очерке «Молодость И.С. Тургенева (1840-1856)», написанном у свежей могилы писателя, Анненков рассказывает о времени до их сближения. Изложив некоторые биографические данные (обучение в Московском университете, отъезд за границу, конфликтные отношения с матерью Варварой Петровной, служба в канцелярии под началом В.И. Даля, светская среда, литературный круг общения), он сосредоточил свое внимание на духовной биографии Тургенева, раскрыв негармоничность внутренних состояний и этические несообразности, вызывавшие укоризны старших по возрасту: Белинского, Герцена и других. Молодость Тургенева, по мысли Анненкова, заканчивается романом «Рудин» в 1856 году. Это событие – появление первого романа Тургенева в печати – знаменует и серьезный перелом в творческом самосознании писателя как результат внутренней душевной работы: «Но зато с тех пор, как воссияла для Тургенева звезда самообразования и самовоспитания, он шел за ней неуклонно в течение 30 лет, поверяя себя каждодневно» [3, с. 378].

Своего рода продолжением истории душевной и духовной жизни Тургенева явилась следующая публикация Анненкова – «Шесть лет переписки с И.С. Тургеневым (1856-1862)», в которой он представил читателю письма друга, сопроводив их своими пояснениями и сообщениями о малоизвестных фактах и обстоятельствах литературной и культурно-общественной жизни.

Неравномерность хронологических рамок писем, опубликованных в двухтомнике, объяснима временем прямого общения писателя и критика. Первый том (1852-1874) содержит 188 писем, написанных за 22 года. В период с 1875 по 1883 годы (второй том) написано 160 писем. Материалы корреспонденций свидетельствуют о редкой постоянной предрасположенности Тургенева к литературному собрату, имеющей глубокие психологические и более широкого спектра жизненные корни. Составитель эпистолярия Наталья Николаевна Мостовская в своей статье «История одной дружбы. Переписка П.В. Анненкова с И.С. Тургеневым» [2, с. 284-298] подробно обосновывает такие отношения. Первые слова статьи посвящены литераторам, с которыми у писателя были напряженные отношения: «На черновой рукописи романа “Новь” содержится малоизвестная краткая запись Тургенева: “С кем я рассорился”. В ней упомянуты: “Краевский, Некрасов, Гончаров, Катков, Л.Н. Толстой, Фет, кн<язь> П<етр> Вяземский”. Здесь не названы Достоевский, очевидно потому, что Тургенев не был с ним близок, Герцен, с которым он спорил и расходился» [2, с. 284].

Нерушимую дружбу с Анненковым Н.Н. Мостовская объясняет так: «Был у Тургенева свой кодекс жизненной и гражданской морали, от которого он никуда не отступал. Органически не переносил он и суетную “публицистичность”, и многоликую, любующуюся собой пошлость, которая всегда “права”. Все эти качества были присущи и П.В. Анненкову, что сближало двух друзей на протяжении более сорока лет. А если учесть, что редкая взаимная привязанность, подлинная муж-

© Н.Е. Музалевский

ская дружба основывались на духовном родстве, общности культуры и воспитания (что не последнее), близости эстетических вкусов и литературных интересов, то совершенно очевидно, ни о каких размолвках и серьезных разногласиях между ними никогда не могло быть и речи» [2, с. 285]. Заметим, что отсутствие разногласий отнюдь не исключало *несогласие*, когда предметом обсуждения в переписке становились проблемы искусства и литературы, писательской судьбы и, конечно, житейские обстоятельства того и другого.

В предлагаемой статье мы остановимся только на письмах, имеющих отношение к Островскому. В именном указателе к двум томам писем Анненкова зарегистрировано 22 упоминания имени драматурга. По эпистолярному полю они разбросаны неравномерно, с годовым, а порой и большим интервалом. В комментариях к эпистолярию каждый случай обращения к имени драматурга имеет свои причины и объясняется с разной степенью полноты фактов.

Правомерны в характеристике переписки следующие вопросы: какие произведения Островского вызывают обоюдный интерес корреспондентов? Каково определение индивидуальности Островского-драматурга и его значения в современной литературно-театральной жизни? Поскольку первое письмо, где возникает имя Островского, датируется 1852 годом, а последнее 1878-м, то изменение критериев анализа неизбежно.

Письма к Тургеневу об Островском, относящиеся к его раннему творчеству, со всей очевидностью читаются как единый текст, где первые пьесы драматурга «трактуются» в первом приближении – с сомнениями, даже с недоумениями и, вместе с тем, несомненным признанием таланта. В статье «Молодость И.С. Тургенева» Анненкову уже присуща мысль о жизни и творчестве как о непрерывном движении. Великий труд по подготовке Собрания сочинений Пушкина и «Материалов для биографии» русского гения был всеопределяющим в формировании взглядов Анненкова на природу искусства (ars longa) и судьбу художника – человека (vita brevis est). И в какой-то степени рубежный для перехода Тургенева в зрелый период 1856 год для Анненкова был временем самоопределения.

Ранние пьесы Островского воспринимаются Анненковым и Тургеневым очень лично, с неподдельным интересом, тревожными вопросами и спорами в связи с появлением нового имени в литературно-журнальном и театральном окружении. О каких пьесах ведут диалог душевно доверяющие и уважающие мнение друг друга корреспонденты?

Самым бесспорным фактом успеха стало появление великой комедии Островского «Свои люди – сочтемся!» («Банкрут»)[1]. Были ли известны Тургеневу, сосланному в родное Спасское, негласные репрессии власти (пьеса послужила Николаю I поводом установить над Островским надзор) и знал ли о них Анненков – трудно сказать. С комедией он познакомился изустно. Вернувшись из добровольного деревенского заточения в Москву, он услышал пьесу в доме В.П. Боткина в исполнении Прова Садовского – даровитого актера и друга Островского. Запись Анненкова выразительно лаконична: «Потрясающее ее действие» [3, с. 499]. Напиши Анненков биографию А.В. Дружинина, которая была ему заказана Н.В. Гербелем [1, 27], мы имели бы ценнейшие суждения о первой комедии Островского, поскольку именно Дружинин совершенно безоговорочно высказывался об этой комедии как об уникальном явлении: «В Англии, Германии, Франции драматическое произведение с половиной достоинств новой комедии дало бы ее автору повсеместную европейскую славу» [5, с. 251].

По поводу статьи Тургенева о «Бедной невесте» Анненков пишет автору слова́ искреннего признания, оценивая рецензию как «поступок». Тургенев включит ее в Собрание сочинений по соображениям этического порядка. Что имел в виду Анненков, для которого слово «поступок» было семантически и этически знаковым? Скорее всего, упоминание Тургеневым в процессе рецензентской критики пьесы, заслуживающей всеобщего признания (комедии «Свои люди – сочтемся!»), бескомпромиссность тактичных суждений о «Бедной невесте» для острослова, не склонного к сантиментам, была достойна особой похвалы. Тургенев эти оттенки, конечно, воспринимал как приятную неожиданность: «Вы, иронический человек!» [11, с. 150]. Это свойство и эстетическая нацеленность восприятия проявились в обмене мнениями друзей о комедии «Не в свои сани не садись». Тургеневу читал эту комедию М.С. Щепкин, будучи у него в гостях в Спасском в 1853 году: «Прочел ее он отлично, и впечатление она произвела большое» [11, с. 154]. Анненков и Боткин видели комедию на сцене Александринского театра. Тургенев познакомился с текстом пьесы в классическом актерском прочтении.

Суждения Анненкова о комедии «Не в свои сани не садись» как о *новой* комедии подтверждают, что «Свои люди…» вошли в сознание и заслужили признание зрителя и читателя. Обсуждение комедии «Не в свои сани не садись» является ценным фактом, поскольку ответы Тургенева на письма Анненкова значительны. Моменты согласия и несогласия

принципиальны и оттеняют индивидуальные эстетические подходы и представления о своеобразии комедийного жанра. В письме Анненкова говорится о тех несомненных достоинствах Островского, в которые автор послания успел поверить до появления новой комедии: «От Островского можно было всего ожидать: и характеров и таланту» [2, с. 18]. Это определение будет подтверждаться оценкой большинства произведений в течение всей жизни драматурга.

Однако парадоксально звучит утверждение, что от Островского «менее всего» можно было ждать ума: «А между тем он им и взял – удивил меня и других, сказать по правде» [2, с. 18]. Сюжетная интрига традиционно, привычно должна была бы подчиниться определенной морали, утверждаемой счастливой развязкой, а поведение героев должно следовать общепринятому в их сословии этическому кодексу – как правило, строгой стандартной регламентации.

Однако события, происходящие в комедии, взаимоотношения между главными персонажами и всеми остальными лицами, включенными в действие, ненавязчиво утверждали высокие морально-нравственные и общественные принципы жизнеустройства. В поведении Русакова, отца Авдотьи, едва не оказавшейся жертвой заезжего вертопраха Вихорева, и участие в этой рискованной ситуации всех персонажей пьесы, на первый взгляд, утверждали как патриархальные заповеди жизни, так и факты их нарушения. Между тем, нравственный императив Русакова им самим оставлен в стороне, когда он, потрясенный горем дочери, потерявшей надежду на благословение, оказавшись в смертельной опасности, соглашается с ее желанием. Как опытный человек он пытается спасти ее, советуя сказать проходимцу о лишении приданого в случае устройства свадебного дела. Тем самым он разоблачает лихого кавалериста и инициирует счастливую развязку сюжета. Поэтому психологически, философски в финале торжествует, прежде всего, человеческое начало – Русаков поступается непререкаемостью отцовской воли и власти, понимая чувства дочери и жалея ее (в скобках заметим, что и Маша Миронова в «Капитанской дочке» Пушкина не мыслила связать судьбу с Гриневым без благословления родителей). Логичен вывод, что комедия «Не в свои сани не садись» не так уж безоговорочно вписывалась в славянофильские идеалы. Надо сказать, что в переписке Анненкова и Тургенева возникает слово «направления». То, что вопрос направлений является предметом обсуждения, говорит письмо Анненкова, в котором он несколько предостерегает Тургенева от некой вероломности Боткина: «Боткин находится еще в *направлениях*. Этого следует остерегаться» [2, с. 18]. Выделяя это слово курсивом, он касается иного содержания. Тургенев парирует: «пиэса чрезвычайно умна, показывает в авторе замечательный драматический талант, – но ведь и здесь отразилось то “*направление*”, против которого Вы так справедливо возражаете, или, говоря точнее – то стремление к *направлению*» [11, с. 154]. В письмах Тургенева из Спасского встречается оценка «Москвитянина» как лучшего журнала. Его переписка с С.Т. Аксаковым, активно публиковавшимся в журнале, говорит об известной толерантности в спорах этого времени. Тургенев писал Дружинину по поводу противопоставления пушкинского и гоголевского направления, исключая однозначность выбора: «Вы помните, что я, поклонник и малейший последователь Гоголя, толковал Вам когда-то о необходимости возвращения пушкинского элемента, в противовесие гоголевскому. Стремление к беспристрастию и к истине всецелой есть одно из немногих добрых качеств, за которые я благодарен природе, давшей мне их» [11, с. 223].

В письме о жанре комедии «Не в свои сани не садись» возникает интереснейшая историко-литературная ретроспектива. Во время чтения Щепкина у Тургенева возникла внезапная ассоциация: «у меня всё из головы не выходил “Piere de famille” (“Отец семейства”, *франц.* – Н.М.) и другие драмы Дидеро» [11, с. 154]. Поэтическое восприятие Тургенева и ответ Анненкова не допускают возможности каких-то догадок о сознательном подражании: «А об Островском вы мне сделали услугу, назвав Дидро. Это очень метко» [2, с. 20].

В сопоставлении Дидро и Островского возникло два понятия: «сентиментальность» и «естественность»: «У Островского нет сентиментальности, которая терзает Вас у Дидеро – но сентиментальность, славу богу, кажется, навсегда умерла» [11, с. 154], – пишет Тургенев. Сентиментальность указывает на некоторое морализирование – программный принцип, авторское кредо Дидро. Анненков почти соглашается с Тургеневым и высказывает надежду о будущем молодого драматурга: «Что далее будет – увидим. Ужасно приятно видеть жизненную прогулку всякого автора» [2, с. 20]. Естественность же – это приземленность, то, что, по мнению Тургенева, противоречит художественному совершенству: «С сильной начинкой естественности и морали – я не думаю, чтобы эта дорога вела к истинному художеству» [11, с. 154]. Для автора «Записок охотника» преднамеренность, тенденциозность стояли на пути истинности, объективности, то есть подлинной правды жизни.

Такую же индивидуальную трактовку имеет

понятие пошлости. Семейная ситуация: отец, дочь, ее судьба, проблема замужества – повтор некоторой сюжетно-композиционной жанровой схемы Дидро у Островского выявляет принципиальные отличия его как писателя-реалиста.

В 1857 году, в письме из Петербурга в Париж к Тургеневу и Л.Н. Толстому, Анненков сообщает о новой пьесе Островского «Доходное место»: «Вышла “Русская Беседа” с комедией Островского, которая чудесна» [2, с. 58]. По всей вероятности, Анненкову показался не очень убедительным в реалистической картине пьесы романтический мечтатель Жадов. Отсюда и ироническое восприятие данной жизненной ситуации, сомнения в правдоподобии её: «Начинается она пошлым изображением благородного человека, который глупо кокетничает своим образованием» [2, с. 58]. Заметим, что понятие пошлости, которое использует Анненков, далеко от своего вульгарного смысла, оно, скорее, приравнивается к обыденному изображению жизни. Как пишет Анненков, пьеса кончается «пошлым примирением его с дурацкой женой» [2, с. 58].

Стремление к доходному месту, возможности брать взятки – в этом сюжетный конфликт пьесы в восприятии Анненкова, который подводит его к гражданскому протестному обобщению: «Но между этими двумя пошлостями – картина роковой необходимости взяточничества, порождаемого землей нашей, как рождается на ней крапива под каждым забором» [2, с. 58]. Характерологически и сценически взяточничество в этой пьесе Островского выглядит вполне обыденно и даже невинно: «картина особенной физиономии взяточничества, идущего об руку с некоторого рода честностию, с добротою души, правилами, отчего она еще отвратительнее, – все это так глубоко, так великолепно, так сильно, что становится *документом.* Это история – точно сама земля наша дала голос!» [2, с. 58]. Вот так и объединяются в пьесе быт и бытие. В завязке действия пьесы Островского быт подается сценически щедро, а бытие проступает постепенно через обыкновенность. Горькая правда развязки семейной драмы, конечно, не менее обличительна, чем все иерархическое сообщество взяточников. В системе взглядов Анненкова понятие об идеале, идеальном герое было почти тургеневским.

«Пьеса “Доходное место” начата 8 ноября и окончена 20 декабря 1856 года <...> Материалами для “Доходного места” Островского в значительной степени послужили впечатления, полученные им во время его семилетней службы в суде» [9, с. 392]. Она напомнила читателям о комедии «Свои люди – сочтемся!» – такого мнения был и Н.Г. Чернышевский [9, с. 392].

1856 год знаменателен для Островского, Тургенева и других авторов журнала «Современник»[2] – это время доброго сотрудничества, доверия, дружеского расположения. Стала хрестоматийно-популярной редчайшая фотография сотрудников журнала «Современник», на которой мы узнаем Гончарова рядом с сидящим в центре Тургеневым, Дружинина, Григоровича, молодого, в военной форме, Л.Н. Толстого и Островского, который сидит вполоборота, повернувшись к литераторам. Возможно, именно короткое общение в «Современнике» дало право Островскому называть Толстого на «ты»: «Толстой сходился с людьми туго, и было удивительно, как легко перешли на “ты” с Островским. В литературной среде это “ты” было у Толстого первое» [7, с. 305].

В трогательном письме Тургенева к Островскому из Парижа, написанном в том самом 1856 году, упоминаются «москвитянинцы» Писемский и Ап. Григорьев. В письме также говорится о полном сочувствии, симпатиях и заинтересованности в них, при нескрываемом разногласии эстетических кредо: «Слышу я, что Писемский в Москве хандрит. Отчего он хандрит? Вы, кажется, имеете на него влияние – встряхните его. Что его роман? Поклонитесь от меня также Григорьеву. Так вышло – к крайней моей досаде, что не удалось мне увидать его в нынешнем году в Москве» [11, с. 231]. Тургенев завершает письмо весьма трогательно: «Прощайте, любезный А.Н. Будьте здоровы <…> и пишите. Пишите комедии, драмы, повести – и хоть одно письмо ко мне. Жму Вам дружески руку и остаюсь душевно Вас любящий Ив. Тургенев» [11, с. 231].

Существует и возрастает большой пласт исследовательских работ, анализирующих и круг писателей, первоначально вошедших в редакцию «Москвитянина», то есть славянофилов, а также труды, обновляющие изучение представителей так называемой эстетической критики [10]. Особенно ценны публикации в специальных сборниках произведений критиков[3].

О спорах с Григорьевым Тургенев пишет Островскому из Парижа в 1856 году: «Мы бы спорили с ним до упаду, но я чувствую, что мы бы очень тесно сошлись. Меня влечет к нему; он напоминает мне покойного Белинского» [11, с. 231].

Позднейшие письма 1860-х годов Анненкова к Тургеневу требуют каждый раз отдельного рассмотрения и введения их прочтения в общий контекст общественно-политической и литературной жизни. Какие-то пьесы Островского не принимаются, но признание его как выдающейся фигуры, создателя новой драматургии и русского национального театра высказываются без колебаний. Во время «кри-

тической бури» по поводу «Грозы» Островского, неожиданно поднявшейся после торжественного признания пьесы, Анненков дал сокрушительную отповедь, развязавшую эту скандальную ситуацию [4]. Не считая нужным выступать с какими-то доказательствами и опровержениями, он создал *сатирический* портрет почти водевильного персонажа, не понимающего ни искусства, ни этики и, понятно, Островского. Уже никакой «амбивалентности», присущей статьям Анненкова, «оговорочно-уклончивого» литературно-критического толкования, как заметил в свое время Б.Ф. Егоров, здесь уже не было [6, с. 252-253]. В недавнем сборнике «Русская трагедия. Пьеса А.Н. Островского “Гроза” в русской критике и литературоведении», собравшем статьи от современной Островскому критики до нашего времени, выступление Анненкова читается в самом положительном ряду.

Последние итоговые суждения Анненкова содержатся в его литературном эссе «Художник и простой человек. Из воспоминаний об А.Ф. Писемском», где даются доброжелательные оценки молодой редакции «Москвитянина», Островскому и Тургеневу, где мы находим исторически достоверную картину литературной жизни 1850-х годов.

В заключение обратимся ещё к одному моменту – перепечатке Тургеневым в последнем Собрании сочинений (1880) ранней рецензии на «Бедную невесту» (18..) [12, с. 387], содержащей нарекания в адрес автора пьесы. Тургенев объясняет эту републикацию в сноске: «Помещаю ее теперь скорее с целью некоторого самобичевания. <…> моя оценка “Бедной невесты” <…> оказывается неверной, хотя некоторые отдельные замечания, быть может, и не лишены справедливости» [12, с. 387]. Сегодня, попросту читая это объяснение, ощущаешь какую-то недосказанность. Ю.В. Лебедев в статье «И.С. Тургенев и А.Н. Островский в начале 1850-х годов» раскрывает сложный индивидуальный подтекст тургеневской рецензии: «И все же есть в таком объяснении доля авторского лукавства. Почему бы не указать читателям, какие именно “замечания” в его статье “не лишены справедливости”?» [8, с. 192]. Нам представляется, что статья Лебедева является значительной страницей в тургеневедении и прочтении Островского. Сопоставив произведения Тургенева тех же лет («Дневник лишнего человека», «Где тонко, там и рвется»), автор приходит к убедительному выводу о том, что два художника отдалены друг от друга в самом выборе идеала: «Тургенева прельщал идеальный смысл любви» [8, с. 196], а «Островский видит призвание женщины в семейной жизни, в воспитании детей» [8, с. 197]. Статья подкупает тонкой безупречной аргументацией.

Два тома писем П.В. Анненкова, письма И.С. Тургенева, как и все материалы эпистолярия русских классиков XIX века в целом, представляют собой богатейший фундамент для увлекательного повествования о жизни замечательных людей.

Примечания

1. Пьеса «Свои люди – сочтемся!» сразу получила известность и признание в литературных кругах. Островский читал комедию в 1849 году в доме М.П. Погодина в присутствии Гоголя, который положительно отозвался о пьесе. Известны суждения А.В. Дружинина, В.Ф. Одоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, которые ставили комедию четвертым «нумером» к шедеврам Фонвизина, Грибоедова и Гоголя.

2. Редактору журнала Некрасову была обещана пьеса «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», над которой Островский начал работать в 1855 г. Но ее история от рукописи до печати и сцены затянулась на много лет. Передача «Доходного места» в «Русскую Беседу», как писал Островский Некрасову, была вынужденной.

3. Нельзя не учитывать, что научно подготовленные издания трудов Ап. Григорьева, Анненкова, Хомякова несколько десятилетий осуществлялись Б.Ф. Егоровым. Их методологическая основа кратко может быть охарактеризована заглавием очень давней статьи ученого «”Эстетическая” критика без лака и дегтя» («Вопросы литературы», 1965, №5. С. 142-160). Таков же подход к изданию статей Ап. Григорьева. На наш взгляд, является событием репринтное издание сочинений Ап. Григорьева, подготовленное Александром Блоком и открывающееся его статьей «Судьба Аполлона Григорьева», написанной в 1915 году.

Библиографический список

1. *Алдонина Н.Б.* А.В. Дружинин (1824-1864). Малоизученные проблемы жизни и творчества. Самара: Изд-во СГПУ, 2005. 532 с.

2. *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Изд. подгот. Н.Н. Мостовская и Н.Г. Жекулин. Отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Наука, 2005. Кн. 1 (1852-1874). 534 с.

3. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 686 с.

4. *Анненков П.В.* «Гроза» Островского и критическая буря. Ответ критику «Грозы» в журнале «Наше время». Русская трагедия. Пьеса А.Н. Островского «Гроза» в русской критике и литературоведении: Сборник статей. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 141-161.

5. *Дружинин А.В.* Литературная критика. М.: Советская Россия, 1983. 384 с.
6. *Егоров Б.Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль.Л.: Советский писатель, 1980. 320 с.
7. *Лакшин В.Я.* А.Н. Островский. М.: Искусство, 1976. 528 с.
8. *Лебедев Ю.В.* И.С. Тургенев и А.Н. Островский в начале 1850-х годов.Щелыковские чтения 2006. В мире А.Н. Островского: Сборник статей. Кострома: Изд-во Авантитул, 2007. С. 191-198.
9. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 2. Пьесы 1856-1861. 408 с.
10. Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 1056 с.
11. *Тургенев И.С.* Собрание сочинений: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 12. Письма 1831-1883. 695 с.
12. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 8. 582 с.

N. E. MUZALEVSKY

A.N.OSTROVSKY'S EARLY PLAYS IN P.V.ANNENKOV AND I.S.TURGENEVA'S LETTERS

In the given article epistolary dialogue of P.V.Annenkov and I.S.Turgenev is about a literary originality of the early plays of A.N.Ostrovsky and his successful theatrical debut are analysed. Letters are read taking into the account creative individuality of the authors in the big time space of the two-volume edition «P.V.Annenkov. Letters to I.S.Turgenev» , prepared and commented on by N.N.Mostovsky.

Key words***: dramatic art, criticism, letter writing, theatre, tradition.***

Т.Б. НАЗАРОВА
доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания МГУ
E-mail: tamara_nazarova@mail.ru
Тел. 8-499-126-2539

И.А. КУЗНЕЦОВА
аспирант кафедры английского языкознания МГУ
E-mail: blazhnova_27@mail.ru
Тел.8 926-706-26-46

КОГНИТИВНОЕ КАРТИРОВАНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Когнитивное картирование позволяет выявлять ключевые термины методики преподавания английского языка как иностранного и обосновывать разные линии концептуального соподчинения с последующим отражением их многообразия в словарных статьях учебного двуязычного словаря, предназначенного для русскоязычных специалистов в рассматриваемой области знания.

Ключевые слова: ***термин, терминосистема, когнитивный подход, когнитивное картирование, методика, преподавание английского языка как иностранного.***

Терминоведение – наука, изучающая образование, состав и функционирование терминов, имеет прямое отношение к методологии когнитивной лингвистики и, шире, когнитивных наук. Как известно, термины обозначают понятия тех или иных специальных областей знания и представляют собой соотнесенные друг с другом специализированные лексические единицы: концептуализация через дефиницию позволяет адекватно воспринимать понятие, стоящее за тем или иным термином; разные линии категоризации раскрывают специфику внутрисистемных связей и соотношений.[1]

Исследование терминосистем и их выстраивание в соответствии с определенным набором параметров предполагает воспроизведение существующих между ними системных – концептуальных и иерархических – соотношений. В связи с этим аспектом терминоведческих и терминографических работ отечественные и зарубежные специалисты используют понятие когнитивного моделирования. Метод когнитивного моделирования предполагает разделение исходного терминологического аппарата на тематические группы с выделением базового понятия, объединяющего все составляющие группу понятия в одну категорию; в результате таких усилий намечается некая структура в организации и систематизации терминов исследуемой области знания.[2]

В докторской диссертации Ю. В. Данюшиной когнитивное картирование применялось к описанию англоязычного сетевого бизнес-дискурса. Сам метод, называемый Ю.В. Данюшиной «когнитивно-языковым картированием», определяется как «составление языковых карт актуальных знаний в определенной области посредством выделения основных тем (категориального семантического структурирования) соответствующих дискурсов и составления их тезаурусов».[3]

Осуществленный Ю.В. Данюшиной сложнейший научно-исследовательский проект включает несколько этапов: отбор корпуса текстов, посвященных изучаемому предмету; выявление ядерных топиков; выделение путем сплошной выборки терминов, которые в дальнейшем объединяются в составе словаря-тезауруса современной бизнес-лексики сетевого общения. Один из двух выделенных Ю.В. Данюшиной понятийных гиперсекторов включает следующие когнитивные поля: Management and Control; Career and Success; Economic Aspects of Politics and Society; Business Law; Business Theories and Education; Economics; IT, Communications and Networks, Internet and E-Business; Advertising and Marketing; Public Relations; Customer Care. Каждое из перечисленных полей распадается в свою очередь на термины, например: management, crisis management, financial management, logistics management, marketing management.

1 Динамика концептуализации и категоризации стала методологической опорой масштабного описания общеупотребительной и отраслевых бизнес-терминологий современного английского языка делового общения в работах филологов МГУ имени М.В. Ломоносова. См.: Назарова 2002, 2004, 2006, 2007, 2009; Преснухина 2005; Богородицкая 2010.

2 См., напр.: Тихонова, И.Б. Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы (на материале английской терминологии нефтепереработки). Автореф. дисс. … канд. филол. н. Уфа, 2010.

3 Данюшина, Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса. Дисс. … д. филол. н.– М., 2011. – С. 90.

© Т.Б. Назарова. И.А. Кузнецова

Метод когнитивного картирования, нашедший применение в разных областях знания, используется в предлагаемой статье для систематизации терминов методики преподавания английского языка как иностранного. Прежде всего целесообразно обратиться к авторитетным учебным курсам по интересующей нас проблематике и коротко остановиться на каждом из них в хронологическом порядке.

Книга *How to Teach English* (1998 г., издательство Лонгмэн) написана Джереми Хармером и предназначается для преподавателей английского языка. Оглавление, воспроизведенное ниже, дает ясную картину того, что охватывает развиваемая этим известным методистом система суждений.

1. How to Be a Good Teacher
2. How to Be a Good Learner
3. How to Manage Teaching and Learning
4. How to Describe Learning and Teaching
5. How to Describe Language
6. How to Teach Language
7. How to Teach Reading
8. How to Teach Writing
9. How to Teach Speaking
10. How to Teach Listening
11. How to Use Textbooks
12. How to Plan Lessons
13. What If?

По мере ознакомления с разными рубриками в составе оглавления мы получаем некоторое представление об опорных для автора понятиях: a good teacher – a good learner; teaching – learning; describing language – teaching language; teaching skills (reading, writing, speaking, listening); teaching materials (textbooks); lesson planning. Нет сомнений в том, что перечисленный набор значимых противопоставлений и соотношений может заинтересовать преподавателя современного английского языка, но он едва ли способен охватить всю картину происходящего в учебной аудитории и за ее пределами.

Рассматриваемая книга претерпела существенные преобразования к своему третьему изданию (Harmer 2001). Сказанное убедительно подтверждается новым вариантом оглавления:

Part 1 Language
Part 2 Learners and Teachers
Part 3 Theories, Methods and Techniques
Part 4 Managing Classes
Part 5 Focusing on Language
Part 6 Receptive and Productive Skills
Part 7 Design and Planning
Part 8 Evaluation
Part 9 Looking Further

Как видно из этого перечня, в учебном пособии Джереми Хармера появился новый раздел Language (Part 1); понятия learners и teachers объединены в одном подразделе (Part 2); выстроено некое соотношение ряда исходных ключевых понятий (Part 3); предпринята попытка разграничения навыков (Part 5) и умений (Part 6).

Следующая в хронологическом порядке коллективная монография *Methodology in Language Teaching* вышла под эгидой издательства Cambridge University Press в 2002 году; редакторами являются Джек Ричардс и Вилли Ренандья – авторитетные специалисты в области прикладной лингвистики. Книга включает полновесные статьи, посвященные широкому кругу самых актуальных проблем в преподавании современного английского языка. Воспроизведем названия только основных подразделов, каждый из которых включает от 3-х до 4-х необычайно интересных работ:

Section 1 Approaches to Teaching
Section 2 Lesson Planning and Classroom Management
Section 3 Classroom Dynamics
Section 4 Syllabus Design and Instructional Materials
Section 5 Task and Project Work
Section 6 Learning Strategies
Section 7 Teaching Grammar
Section 8 Teaching Pronunciation
Section 9 Teaching Speaking
Section 10 Teaching Listening
Section 11 Teaching Vocabulary
Section 12 Teaching Reading
Section 13 Teaching Writing
Section 14 Assessment
Section 15 Technologies in the Classroom
Section 16 Professional Development

Заслуженным успехом среди яреподавателей английского языка пользуется книга Джима Скривенера Learning Teaching (Macmillan Publishers Limited, 2-е издание, 2005). Учебный курс состоит из 17 глав и охватывает широчайший перечень тем. Примечательно то, что пользователь книги сразу же (в главах 1, 2 и 3) погружается автором в обстановку непосредственного обучения в аудитории. Приоритетным среди умений оказывается говорение (глава 7), другие умения упоминаются в последующих главах 8 и 9; весьма интересным представляется то обстоятельство, что навыки (лексические, грамматические и фонетические) рассматриваются после умений (в главах 11, 12 и 13).

Chapter 1 Classrooms at Work
Chapter 2 Starting Out
Chapter 3 Classroom Activities
Chapter 4 Who Are the Learners?
Chapter 5 Toolkit 1: Classroom Management
Chapter 6 Planning Lessons and Courses
Chapter 7 Speaking

Chapter 8 Receptive Skills: Listening and Reading
Chapter 9 Writing
Chapter 10 Language Analysis
Chapter 11 Lexis
Chapter 12 Grammar
Chapter 13 Phonology: the Sound of English
Chapter 14 Toolkit 2: Focusing on Language
Chapter 15 Teaching Different Classes
Chapter 16 Toolkit 3: Tools, Techniques, Activities
Chapter 17 Learning Teaching

В хронологическом порядке за книгой Джима Скривенера следует второе издание Англо-русского терминологического справочника по методике преподавания иностранных языков (Колесникова, Долгина 2008). Российские методисты успешно справились с задачей объяснения наиболее существенных понятий избранной отрасли знания с опорой на англо-русские соотношения. Структура книги заслуживает особого внимания со стороны специалистов, глубоко интересующихся актуальными проблемами процесса и системы преподавания иностранных языков в нашей стране и за рубежом.

1. Language teaching: methods and approaches —
Преподавание иностранных языков: методы и подходы
1.1. General concepts — Основные понятия
1.2. Language teaching approaches — Подходы к преподаванию иностранных языков
1.3. Language teaching methods: historical overview — Методы преподавания
1.4. Fringe / alternative methods – Нетрадиционные (альтернативные) методы преподавания иностранных языков
1.5. New developments in language teaching — Обзор современных зарубежных методов
2. Syllabus design and curriculum development — Разработка программ и стандартов
2.1. General concepts — Основные понятия
2.2. Syllabus design procedures — Технология разработки программ
2.3. Approaches to syllabus design — Подходы к разработке программ
2.4. Types of syllabus — Типы учебных программ
2.5. Forms of syllabus organisation — Организационные формы учебных программ
3. Teaching language skills — Обучение различным видам речевой деятельности
3.1. General concepts — Основные понятия
3.2. Teaching reading skills — Обучение чтению
3.3. Teaching listening skills — Обучение аудированию
3.4. Teaching speaking skills — Обучение говорению
3.5. Teaching writing skills — Обучение письменной речи
4. Language teaching / learning activities — Типология упражнений в обучении иностранному языку
4.1. General concepts — Основные понятия
4.2. Language teaching techniques — Приемы обучения иностранному языку
4.3. Practice activities — Подготовительные упражнения
4.4. Communicative activities — Коммуникативные упражнения
5. Classroom management — Образовательный процесс: основы управленияи организации
5.1. General concepts — Основные понятия
5.2. Lesson planning — Планирование урока
5.3. Managing the materials — Материалы на уроке иностранного языка
5.4. Classroom dynamics — Ход урока
6. Assessment and testing — Контроль в обучении иностранным языкам
6.1. General concepts — Основные понятия
6.2. Test types — Виды лингводидактических тестов
6.3. Testing techniques — Приемы контроля
6.4. Test validity and reliability — Валидность и надежность тестов

Кратко остановившись на содержании наиболее авторитетных учебных курсов и справочников по методике преподавания английского языка как иностранного, мы делаем следующий шаг и обращаемся к когнитивному картированию этой приоритетной для нас профессиональной сферы. Для демонстрации того, как это осуществляется на практике, прежде всего выделяем один из тематических разделов и обособляем тексты, относящиеся к нему, в виде корпуса. Наиболее интересным и к настоящему моменту недостаточно изученным является тематический блок, посвященный такому ключевому понятию англоязычной методики, как TEACHER (учитель). Среди рассмотренных выше учебных пособий на первый план выходит книга Джереми Хармера в двух изданиях. Следующие разделы имеют прямое отношение к названной проблематике: How to Be a Good Teacher (p. 1 – 6), Learners and Teachers (p. 56 – 67) и Teacher Development (p. 344 – 350).

Для первичного извлечения терминов методики преподавания английского языка и выделения тех, которые непосредственно связаны с понятием teacher, приведем несколько аутентичных отрывков:

1. In recent years, under the influence of humanistic and communicative theories, great emphasis has been placed on ‘learner-centred’ teaching, that is teaching which makes the learners’ needs and experience central to the educational process. In this framework, it is students’ needs which should drive the syllabus, not some imposed list; it is the students’ learning experiences and their responses to them which should be at the heart of a language course. The measure of a good lesson is the student activity taking place, not the performance of the teacher.

The physical manifestation of this trend is to be

found in classrooms where learners are given tasks to work on, and where, in the process of performing these tasks (with the teacher's help), real learning takes place. In these situations the teacher is no longer the giver of knowledge, the controller, and the authority, but rather a facilitator and a resource for the students to draw on. One writer has suggested that teachers in such learner-centred classrooms need special qualities including maturity, intuition, educational skills (to develop students' awareness of language and learning), an openness to student input, and a greater tolerance of uncertainty. These qualities, he suggests, are in marked contrast to more traditional teacher behaviour (Tudor 1993).

(Harmer 2001: 56 – 57)

2. Development may be brought about by breaking our own teaching rules or norms as a way of challenging what we have taken for granted. Many teachers transform their professional lives by entering in-service training programmes, by studying for higher teaching qualifications, or by getting a place on a postgraduate course such as an MA in Applied Linguistics or TESOL. Such training not only offers chances for promotion, but also adds to our knowledge of issues which a heavy teaching timetable often makes it difficult to consider. Apart from such formal training, however, there is a great deal we can do to ensure that we continue to develop and grow. Action research is the name given to a series of procedures teachers can engage in, either because they wish to improve aspects of their teaching, or because they wish to evaluate the success and/or appropriacy of certain activities and procedures.

(Harmer 2001: 344 – 345)

Как и следовало ожидать, в приведенных отрывках использовано немало понятий и терминов, ставших неотъемлемой частью метаязыка рассматриваемой области знания, например (в порядке их появления в образцах 1 и 2): humanistic and communicative theories, learner-centred teaching, teaching, learners' needs/students' needs, syllabus, language course, lesson, activity, teacher performance, teacher, classroom, learner, task, learning, awareness, input, teacher development, in-service training programmes, teaching qualifications, action research.

Вычленяем из предлагаемого перечня те термины, которые связаны с понятием teacher, также следуя порядку их появления в отрывках из книги Джереми Хармера: learner-centred teaching, teaching, learners' needs, syllabus, teacher performance, teacher, teacher development, in-service training programmes, teaching qualifications, action research. Такое перечисление понятий носит чисто формальный характер и является прежде всего точкой отсчета для предпринимаемых нами дальнейших шагов. Следующий прием систематизации материала – алфавитный – приводит к относительной упорядоченности списка терминов:

action research
in-service training programmes
learner-centred teaching
learners' needs
syllabus
teacher
teacher development
teacher performance
teaching
teaching qualifications

Алфавитное представление, позволяя формально упорядочить материал, тем не менее едва ли может содействовать адекватному пониманию и усвоению ключевых понятий методики преподавания. К осмысленному восприятию обособленного фрагмента этой сложнейшей профессиональной сферы может привести именно когнитивное картирование, или когнитивное моделирование, терминов с опорой на некоторую совокупность мыслительных процессов, важнейшим из которых будет последовательное разграничение понятий teacher и teaching с последующим размещением под каждым из них соответствующих терминологических единиц.

teacher	**teaching**
in-service education	learner needs
teaching qualifications	learner-centred approach
postgraduate course	syllabus
action research	
teacher development	
the good language teacher	

Следует разъяснить в связи с некоторыми неизбежными преобразованиями в ходе систематизации материала, что сочетание learner-centred teaching заменено на общепринятый видовой термин learner-centred approach; термин learners' needs, в более привычном виде learner needs, хотя и напрямую относится к понятию learner, помещен в правую колонку, так как является опорным для learner-centred approach. In-service training programmes входит в более общее понятие in-service education. Иначе говоря, монолексемные единицы и полилексемные сочетания извлекаются из развернутого произведения речи, их терминологический статус подтверждается с использованием критерия определяемости (и, как следует из предпринятых действий, заменой менее частотного более приемлемым в терминосистеме родовым или видовым термином), постепенно выявляются и выстраиваются линии соподчинения. Именно это отражено в приводимых ниже реорганизованных и расширенных левой и правой колонках:

teacher
pre-service education
teaching qualifications
in-service education
teacher development
continuous professional development
teachers associations
action research
teacher talking time – student talking time teacher appraisal
the good language teacher – the bad language teacher

teaching
teacher-centred approach
learner needs
learner-centred approach
national curriculum
curriculum
syllabus
types of syllabus (a priori syllabus, a posteriori syllabus, functional syllabus, notional syllabus, negotiated syllabus)
teaching language systems (pronunciation, grammar, vocabulary)
teaching skills (reading, writing, listening, speaking)
lesson planning
presentation, practice, production (PPP) task, teach, test (TTT)
classroom dynamics
classroom management
classroom interaction (grouping, whole class work, group work, pair work, solo work)
feedback
positive feedback
negative feedback
assessment
evaluation
testing

На следующем этапе когнитивного картирования предполагается преобразование перечня терминов в словник и собственно словарные статьи в составе учебного словаря для русскоязычных, изучающих методику преподавания английского языка как иностранного. Структура словарной статьи подсказана опытом работы над *Словарем общеупотребительной терминологии английского языка делового общения* (Назарова 2002, 2006): каждая статья содержит заголовочное слово, выделенное полужирным, его русский эквивалент (или эквиваленты), дефиницию на обоих языках и аутентичные словосочетания (и высказывания) с ключевым бизнес-термином, например:

income

money that you earn from your job or that you receive from investments

доход

денежные средства в виде заработной платы или прибыли от инвестиций

an annual/ a high/ a low/ a monthly/ a regular income; to earn a regular income; to receive an annual income of _ (state the amount)

Дальнейшее применение когнитивного подхода[4] позволило максимально усовершенствовать структуру словарного гнезда с учетом специфики ментальных процессов, связанных с заголовочным бизнес-термином:

income

money that you earn from your job or that you receive from investments

доход

денежные средства в виде заработной платы или прибыли от инвестиций

a regular income; to earn a regular income;

a monthly/ an annual income; to receive an annual income of _ (state the amount)

a high/ a low income

See also:

- gain
- profit
- revenue
- gross; net
- gross income; net income

Применив методику, разработанную на основе когнитивного моделирования бизнес-терминологии, к систематизации терминосистемы TEFL, получаем упорядоченные словарные статьи каждого из тщательно отобранных терминов в словнике, например:

teacher development *n*

the professional growth of teachers, particularly that which takes place after their pre-service training, as a result of gaining experience/knowledge, examining his or her teaching systematically

профессиональное развитие преподавателя

профессиональный рост преподавателя, в особенности тот, который следует за обучением в высшем учебном заведении и является итогом непрерывного наращивания знаний и опыта в сочетании с критическим анализом процесса и системы обучения

teacher development opportunities, teacher development programme, teacher development group, real teacher development

See also:

teacher education (pre-service and in-service)

- continuous professional development
- action research
- cooperative development
- collaborative development

Когнитивное картирование в сочетании с некоторыми приемами когнитивного моделирования представляет собой важнейший метод научно обоснованной систематизации терминов методики преподавания английского языка как иностранного для их планомерного усвоения и использования русскоязычными специалистами в ситуациях межкультурной коммуникации.

4 См.: Назарова Т.Б., Богородицкая В.А. Общеупотребительная терминология английского языка делового общения: когнитивный подход. Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе. Сборник научных трудов. Под ред. Л.А. Манерко. М.: Рязань, 2009. С. 208. 226.

Библиографический список

1. *Богородицкая В.А.* Общеупотребительная бизнес-терминология в современном аутентичном англоязычном дискурсе. Дисс. … канд. филол. н. М., 2010. 191 с.
2. *Данюшина Ю.В.* Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса. Дисс. … д. филол. н. М., 2011. 486 с.
3. *Кибрик А.А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Диссертация в виде доклада … д. филол. н.: 10.02.19. М., 2003. 90 с.
4. *Колесникова И.Л., Долгина О.А.* Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранного языка. М.: Дрофа, 2008. 431 с.
5. *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов**.** М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
6. *Кубрякова Е.С., Александрова О.В.* Виды пространств текста и дискурса. Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М., 1997. С. 186 – 197.
7. *Назарова Т.Б.* Английский язык делового общения. Курс лекций и практикум. 2-е издание. М.: АСТ/Астрель, 2009. 272 с. (на англ. яз.)
8. *Назарова Т.Б.* Словарный состав современного английского языка на продвинутом этапе обучения. М.: АСТ/Астрель, 2006. – 350 с. (на англ. яз.)
9. *Назарова Т.Б., Богородицкая В.А.* Общеупотребительная терминология английского языка делового общения: когнитивный подход. Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе. Сборник научных трудов. Под ред. Л.А. Манерко. М.: Рязань, 2009. С. 208 – 226.
10. *Преснухина И.А.* Деловое общение в свете диатопического варьирования современного английского языка. Дисс. … канд. филол. н. М., 2005. 221 с.
11. *Тихонова И.Б.* Когнитивное моделирование профессиональной терминосистемы (на материале английской терминологии нефтепереработки). Автореф. дисс. … канд. филол. н. Уфа, 2010. 22 с.
12. *Шанаева М.А.* Словарный состав английского языка делового общения: онтология и эвристика . Дисс. … канд. филол. н. М., 2000. 185 с.
13. *Harmer J.* How to Teach English. An introduction to the practice of English language teaching. Longman, 1998. 197 p.
14. *Harmer J.* The Practice of English Language Teaching. 3rd edition. – Pearson Education Limited, 2001. 386 p.
15. *Nazarova T.B.* Business English. A Course of Lectures and Practical Assignments. M.: AST/Astrel, 2004. 272 p.
16. *Nazarova T.B. et al.* Business English Vocabulary. A Special Course. M.: AST/Astrel, 2007. 320 p.
17. *Nazarova T.B.* Dictionary of General Business English Terminology. M.: AST/Astrel, 2002. 128 p.
18. Methodology in Language Teaching. Ed. by Jack C. Richards and Willy A. Renandya. Cambridge University Press, 2002. 422 p.
19. *Oxford Advanced* Learner's *Dictionary. – 7th edition. Oxford University Press, 2005. 1780 p.*
20. *Richards J., Schmidt R.* Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 3rd edition. – Pearson Education Limited, 2002. 595 p.
21. *Scrivener J.* Learning Teaching. Macmillan Books for Teachers. Macmillan Publishers Limited, 2005. 431 p.
22. *Thornbury S.* An A – Z of ELT. Macmillan Publishers Limited, 2006. 256 p.

T.B. NAZAROVA, I.A. KUZNETSOVA

THE METHOD OF COGNITIVE MAPPING IN SYSTEMATIZING THE TERMINOLOGY OF TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

The systematization of the TEFL terminology currently underway at the English Department of the Faculty of Philology (Moscow State University) centres on the cognitive approach and applies the method of cognitive mapping to the structuring of the entries in a learners' bilingual terminological dictionary.

Key words: ***term, system of terms, cognitive approach, cognitive mapping, methodology, teaching English as a foreign language (TEFL)***

М.В. ОРЕХОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного аграрного университета
E-mail: m.v.orehova@gmail.com
Тел. 8 910 304 34 22

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. ЗАЙЦЕВА

Статья посвящена роли фразеологии в публицистике Б. Зайцева. Фразеологические единицы анализируются с точки зрения частоты их употребления, соотнесенности с частями речи, значения в тексте. Фразеологические единицы рассматриваются как значимый элемент идиостиля Б. Зайцева и средство выражения авторской идеи.

Ключевые слова: ***фразеологическая единица, частеречная соотнесенность, общеграмматическое значение, синкретизм, идиостиль.***

Как известно, фразеологические единицы (далее – ФЕ) играют значительную роль в текстах художественных произведений различных жанров, придают им выразительность, яркость, образность. Велика роль фразеологии и в произведениях публицистики: оживляя текст, делая его экспрессивным, ФЕ при этом способствуют воплощению идеи автора, позволяют понять не только то, о чем он говорит прямо, но и то, о чем умалчивает.

Борис Константинович Зайцев входит в плеяду писателей-орловцев, получивших признание не только в своей стране, но и во всем литературном мире. Блестящий прозаик, которому свойственна уникальная лиричная языковая манера, он является автором и ряда публицистических произведений. В своих статьях он рассказывает о себе, о своем нелегком жизненном пути, о вынужденной эмиграции. Навсегда покинув Россию в 1922 году, писатель все свои произведения посвятил родине, людям, которые, как и он, оказались за границей или остались в новой стране, событиям, которые в этой стране происходили. Теме России посвящено и «Слово о Родине», небольшое публицистическое произведение, написанное в 1938 году к 950-летию Крещения Руси.

В этом очерке автор говорит о России, которая была до известных событий и которой не стало после них. Многие люди, патриоты своей Родины, оказались выброшены за ее пределы, и значительную их часть составили представители творческой интеллигенции, о которых говорит Б. Зайцев. Но невозможно за один день уничтожить великую державу с многовековой историей и культурой. Даже на чужбине талантливые люди добились признания, заставили иностранцев уважать себя, свою Родину и ее культуру и искусство. Об этом с гордостью говорит Б. Зайцев. Рассказывая о жизни на чужбине, писатель подчеркивает, что его ни на минуту не покидала мысль о России, он постоянно чувствовал тесную связь с нею, и эта идея становится понятной читателю «Слова о Родине» во многом благодаря языковым средствам, которые использует автор, в том числе ФЕ.

Исходя из широкого подхода к пониманию объема фразеологии, мы, используя прием сплошной выборки, выделили в очерке 36 употреблений ФЕ. Таким образом, степень фразеологической насыщенности текста составляет 7,2 ФЕ на страницу. Этот показатель значительно выше, чем в художественных произведениях Б. Зайцева (например, степень фразеологической насыщенности текста путевого очерка «Валаам» составляет 3,7 ФЕ/стр., повести «Голубая звезда» – 4,5, романа «Дальний край» – 5,9, рассказа «Авдотья-смерть» – 6,7). Следовательно, фразеология является весомым элементом публицистики Б. Зайцева и играет значительную роль в раскрытии идеи автора.

ФЕ, употребляющиеся в «Слове о Родине», соотносятся с разными частями речи: именем существительным, прилагательным, глаголом, наречием, служебными и модальными словами. Как видим, Б. Зайцев использует единицы, обладающие разным общеграмматическим значением, т.е. для воплощения идеи произведения ему необходима семантика разных частей речи.

Чаще других писатель использует ФЕ, соотносящиеся с наречием (9 ФЕ, 25 % всех фразеоупотреблений), тем самым уделяя значительное внимание обстоятельствам, в которых разворачиваются описываемые события. 5 адвербиальных ФЕ имеют значение времени. В их число входит ФЕ *за плечами* «в прошлом. О прожитом, пережитом,

© М.В. Орехова

испытанном» [4, с. 300], которая темпоральное значение приобретает в контексте: *«"Кое-что" **за плечами** и есть»* [2, с. 377]. Так автор говорит о русском искусстве, великом, мощном, многогранном. Для обозначения многовековых достижений он использует неопределенное местоимение «кое-что», которое помещает в кавычки. Таким образом Б. Зайцев подчеркивает, что, несмотря на попытки принизить русское искусство, его значение в мировой культуре трудно переоценить. При этом ФЕ *за плечами* с помощью своего компонентного состава призвана показать, что все достижения русского народа не случайны, они не дались творческим людям легко, а были выстраданы, прочувствованы, пропущены через себя. Именно поэтому они вызывают отклик в сердцах соотечественников и уважение у иностранцев: искренность, честность, открытость, присущая русским авторам, делает их творения понятными всему миру.

5 ФЕ (14 %) соотносятся с именами существительными. Среди субстантивных привлекает внимание стилистически окрашенная ФЕ *угол зрения* «определенный взгляд на те или иные явления, определенное понимание их» [4, с. 456], имеющая книжный характер: *«И на девятнадцатый век – иной **угол зрения**»* [2, с. 376]. Употребление книжной фразеологии свидетельствует об особом стиле автора, о стремлении к возвышенности, придает ему поэтический колорит. Не случайно Б. Зайцев использует эту ФЕ, когда говорит о классической русской литературе, о новом взгляде на нее. Изгнание заставило автора и его современников по-новому взглянуть на творения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова, и чтобы показать этот новый взгляд, подчеркнуть новое восприятие давно знакомых вещей, применяется книжная ФЕ. Рематическая позиция в предложении и выделение ФЕ с помощью знаков препинания также обращают внимание читателя на то, как сильно повлияла разлука с Родиной на жизнь и мироощущение Б. Зайцева.

2 ФЕ (6 %) имеют адъективный характер и выражают значение признака. С именем прилагательным соотносится ФЕ *с неба свалился* «неожиданно получен, найден» [4, с. 382], которая также используется для описания наследия выдающихся деятелей искусства XIX века: *«Сложно и путано историческое плетение, все-таки можно сказать: девятнадцатый русский век, со всей славой его, не **с неба свалился**»* [2, с. 376-377]. В этом случае с помощью ФЕ автор подчеркивает, что появление плеяды блестящих писателей было закономерно обусловлено всем ходом развития русской истории и культуры, стало блистательным итогом долгого пути, нередко сложного и запутанного. Внутренняя форма ФЕ создает яркий художественный образ, призванный усилить впечатление от сказанного.

2 раза употребляются в «Слове о Родине» и глагольные ФЕ. Редкое использование ФЕ, обозначающих действие, отвечает описательному характеру произведения, где наиболее значительное внимание уделено не событиям, а размышлениям, которые они вызвали. При этом ФЕ, которые были употреблены Б. Зайцевым, обозначают не действие, а состояние. Такова ФЕ *чувствовать себя* «испытывать те или иные психические ощущения» [1, с. 335], означающая моральное состояние изгнанников: «*В России мы некогда жили, дышали ее воздухом, любовались полями, лесами, водами, **чувствовали себя** в своем народе*» [2, с. 372]. В этом предложении ФЕ входит в состав однородных сказуемых, образующих градационный ряд. Компоненты этого ряда, выраженные глаголами, используются для называния физических действий, которые выполняли нынешние эмигранты во время жизни в России, ФЕ, завершающая эту синтаксическую фигуру, указывает на моральное состояние, которое вызывали эти действия. Большее внимание к эмоциональной стороне жизни, к чувствам и переживаниям героев, чем к действиям и событиям, является отличительной чертой идиостиля Б. Зайцева, присущей произведениям разных жанров. Как видим, эта черта проявляется и в публицистических произведениях, писатель остается верен самому себе, обращаясь и другому роду литературы.

Еще одной специфической чертой идиостиля Б. Зайцева является частотное употребление ФЕ, соотносящихся с незнаменательными частями речи. Так, в «Слове о Родине» по 6 раз (17 %) употребляются ФЕ, имеющие значение союза или частицы.

2 раза употребляет писатель пояснительный ФЕ-союз *то есть* [3, с. 800]: *«Так и у нас было с нашим, **то есть** России, богатством духовным»* [2, с. 376]. Благодаря использованию этого союза Б. Зайцев подчеркивает, что Россия – это прежде всего ее народ, и богатство России – это люди, живущие в ней, любящие ее и творящие во имя ее славы, способные во все времена во главу угла ставить прежде всего духовные ценности. Даже оказавшись вдали от Родины, писатель не отрывает себя от нее, говоря о себе, подразумевает Россию, и эта мысль выражается в том числе и с помощью средств фразеологии.

ФЕ-частица *как бы*, выражающая «приблизительное подобие, сходство» [3, с. 260] употребляется в тексте «Слова о Родине» 4 раза, например: *«Судьба поставили нас теперь именно **как бы** в сторонку»* [2, с. 373]. Использование данной ФЕ позволяет избежать категоричности, резких сравнений, смягчает эффект от слов писателя и образов,

которые он рисует, при этом не снижая их выразительности. Говоря о возможности наблюдать за жизнью в России со стороны, Б. Зайцев имеет в виду изгнание, невозможность вернуться на Родину и жить с ней одной жизнью. Но он не говорит об этом прямо, он говорит о судьбе, которая распорядилась так, не ропщет на нее, хотя и страдает в разлуке с Родиной.

В 5 случаях (14 %) Б. Зайцев прибегает к использованию ФЕ, соотносящихся с модальными словами, и во всех предложениях он употребляет ФЕ *может быть* «возможно, вероятно» [1, с. 181]. Эта ФЕ является наиболее употребительной не только в данном произведении, но и в ряде других (в романах «Дальний край», «Дом в Пасси», повестях «Голубая звезда», «Преподобный Сергий Радонежский» и т.д.). Столь частое употребление ФЕ *может быть* предопределено настроением, присущим произведениям Б. Зайцева, а также мировоззрением писателя, который с ее помощью показывает, что в мире все слишком зыбко, что человек ни в чем не может быть уверен, что ход событий не зависит от его желания. Семантика сомнения, неуверенности, которая выражается с помощью ФЕ, является ключевой для многих произведений Б. Зайцева. Но вместе с тем в «Слове о Родине» появляется и значение надежды: *«**Может быть**, не всегда ведь будет так, как сейчас»* [2, 377]. Конечно, автор не может быть уверен в том, что со временем ситуация в стране изменится, что он сможет вернуться на Родину, вновь увидеть Россию, которая вызывает бесконечную гордость и восхищение, но, пока он жив, он верит, что этот момент настанет, и надеется на лучшее, и эта мысль звучит в его произведении.

Наконец, уникальной чертой манеры Б. Зайцева является использование синкретичных ФЕ, которые в одном предложении выражают значение нескольких частей речи одновременно и благодаря этому способствуют увеличению семантического объема текста, создают несколько уровней его восприятия. Такая ФЕ в «Слове о Родине» используется 1 раз (3 %) и служит для описания отношения автора и других вынужденных эмигрантов к России, ее литературе, культуре в целом: *«Отношения **«со стороны»** нет»* [2, с. 376]. ФЕ *со стороны* [4, с. 427] в данном предложении совмещает значение двух частей речи. С одной стороны, она может восприниматься как адъективная, выступающая в роли определения к существительному «отношение», и в этом случае идентифицируется с помощью прилагательных «сторонний, внешний». В то же время ФЕ может быть заменена наречием «извне» и иметь значение признака действия или состояния. Благодаря возможности разного восприятия ФЕ писатель создает более объемный художественный образ, призванный подчеркнуть важную мысль: жизнь в отрыве от России, ее литературы, музыки, духа не разрывает тесной связи с ней, не делает ее чужой для изгнанников. Они даже на расстоянии воспринимают ее как Родину, единственную и бесконечно любимую.

«Слово о Родине» – произведение, в котором Б. Зайцев выражает свое отношение к России, с которой он, как и многие другие, вынужден был расстаться. На страницах «Слова о Родине» он раскрывает разные чувства. Читатель чувствует боль автора от разлуки с Родиной, от ощущения, что прежней России не будет уже никогда, но при этом понимает, что писатель не теряет надежды на то, что со временем жизнь может измениться. Находясь далеко от России, Б. Зайцев не теряет теснейшей духовной связи с ней, не перестает гордиться ее культурой, ее необыкновенной духовностью, неизменно ощущает себя частицей этой великой державы. Эти мысли становятся понятными читателю с помощью образов, которые рисует художник слова, и с помощью средств, которые он при этом использует, в том числе и с помощью фразеологии, играющей значительную роль в раскрытии идеи автора.

Библиографический список

1. *Быстрова Е.А.* Фразеологический словарь русского языка: Ок. 1000 единиц. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 416 с.

2. *Зайцев Б.К.* Слово о Родине. Дальний край. Повести. Рассказы. М.: Дрофа, 2003. 400 с. С. 372-378.

3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

4. Фразеологический словарь русского языка. Сост. Л.А. Войнова и др.; Под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2001. 512 с.

M.V. OREKHOVA

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE PUBLICIST WRITINGS OF BORIS ZAYTSEV

The article focuses on the role of phraseology in the publicist writings of Boris Zaytsev. The paper analyzes the frequency of use of phraseological units, their grammatical meaning and the role in the text. Phraseology is important element of Zaytsev's style and the way to express the author's idea.

Key words: **phraseological unit, grammatical meaning, syncretism, individual style.**

А.И. ПЕРЕЛЫГИН
аспирант кафедры французского языка Орловского государственного университета
E-mail: perelyguine@mail.ru
Тел. 8 920 282 17 02

СПОСОБЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Статья посвящена явлению грамматической интерференции при обучении иностранному языку. Обосновывается целесообразность использования диалингвального анализа и других методических приемов для прогнозирования нарушений грамматических норм иностранного языка под действием родного. Подчеркивается большое значение межъязыкового сопоставления при объяснении нового материала.

Ключевые слова: ***интерференция, языковая система, родной язык, диалингвальный анализ, сопоставительный анализ, грамматический дифференциальный признак.***

Вследствие расширения социально-экономических и культурных контактов возникает очевидная потребность в мультилингвальном высшем образовании. Процесс обучения разворачивается в условиях искусственного билингвизма, для которого характерно сосуществование двух языковых систем и их использование с определенной коммуникативной целью. Вне зависимости от специфики той или иной дидактической ситуации, на изучаемый иностранный язык (ИЯ) постоянно оказывает влияние родной язык (РЯ), являющийся неотъемлемой частью сознания.

Воздействие РЯ неоднозначно и далеко не всегда проявляется систематически, но достаточно часто провоцирует негативный эффект в результате неосознанного стихийного переноса лингвистического опыта, вследствие которого происходят отклонения от норм ИЯ под действием РЯ (или другого языка), т.е. интерференция [1, с. 89], которая может найти свою реализацию на всех уровнях языковой системы, но именно грамматическая интерференция вызывает наибольшее количество ошибок, поскольку взаимодействующие совокупности не всегда равнозначных грамматических признаков и категорий достаточно сложны и затрудняют порождение высказывания на ИЯ. Характер интерференции и степень ее интенсивности обусловлены различными факторами, в частности: конкретными обстоятельствами языковых контактов, структурой языков, возрастом учащихся.

Не акцентируя внимания на частных особенностях межъязыковых отношений, выделяют два основных аспекта грамматической интерференции: взаимодействие систем контактирующих языков и, как следствие, разрушение отдельных грамматических моделей [7, с. 12]. Многочисленные трудности при усвоении грамматики ИЯ обусловлены различным внутренним подразделением и функционированием категорий, присутствующих в обоих языках. Иными словами, происходит нарушение норм ИЯ вследствие неосознанного переноса грамматических навыков и речевых умений, сформированных родной языковой системой.

В ходе обучения ИЯ интерференция возникает очень часто, и преподавателю необходимо руководствоваться закономерностями актуализации лингвистических систем в сознании учащихся. Путь к преодолению интерферирующего влияния РЯ лежит через глубокое осознание всех особенностей родного и изучаемого языков в сравнительном плане. Анализ языковых фактов проводится со следующих позиций:

план выражения (инвентарь языковых элементов для актуализации того или иного грамматического значения);
план содержания (отсутствие грамматической категории или формы в одном из языков из-за отличий в их семантике);
план функционирования (использование единиц с тождественным значением не всегда единообразно).

В основе грамматической интерференции, как правило, лежат различия в плане выражения, когда присутствующие в обоих языках значения передаются разными лингвистическими средствами. Однако семантика языковых единиц и их функционирование еще в большей степени провоцируют нарушения норм ИЯ (порядок слов, согласование времен, специфические значения глагольных форм и др.)

Работа по предупреждению интерференции строится на принципах сознательности и активности, речевой направленности обучения, учета значения РЯ, т.е. обучение ИЯ основывается на теоретических сведениях, раскрывающих особенности функционирования изучаемого явления в компаративном плане. При этом обеспечивается постоянное

© А.И. Перелыгин

наличие устной практики для активизации знаний и умений с целью решения коммуникативных задач. Кроме того, существенное значение имеет РЯ, который представляет собой первооснову, на которую опирается обучаемый, осваивая новые иноязычные средства выражения мыслей и параллельно дифференцируя их.

Прогнозирование интерференции так или иначе связано со смысловым содержанием вызывающих ее смежных и специфических грамматических явлений. Смысл как мыслительная категория, заключающая в себе отношения элементов внешней действительности и сознания человека, имеет психологическую природу и преломляется в лингвистических значениях – способах ментального отражения реальности носителями данного языка [4, с. 217]. Грамматические категории характеризуются высокой ступенью абстракции, однако они заключают в себе еще более сложные сущности – понятийные категории, которые не связаны с конкретными языками и представляют собой межъязыковые универсалии. Изучение грамматического материала предполагает выявление общих свойств языков, потому что именно понятийные компоненты значений (концепты) выступают в качестве условия межъязыковой типологической соотнесенности. Лингвистические универсалии передаются различными способами в зависимости от специфики конкретной языковой структуры в виде определенной системы значений. Данный факт детерминирует необходимость оптимальной дидактической работы над семантико-функциональными грамматическими категориями ИЯ.

Как известно, изучение ИЯ происходит не посредством механического усвоения специфических грамматических элементов, а по линии коррекции уже имеющегося лингвистического опыта; студенты обращаются к системе РЯ, к тем грамматическим категориям, посредством которых преломляется в сознании объективная действительность. «Каждая единица иностранного языка как бы попадает в уже готовую "ячейку" означаемого и удобно размещается в ней вследствие фундаментальной общности означаемых знаковых систем разных языков мира» [3, с. 122]. Языковые универсалии очень важны в деле нейтрализации интерференции и, в большинстве случаев, касаются именно грамматического строя языка, поскольку определяют границы целесообразного контрастивно-типологического анализа явлений РЯ и ИЯ. Кроме того, языковые универсалии могут послужить базой для более глубокого осознания особенностей функционирования контактирующих грамматических систем на основе дифференциации языковых фактов.

Характеристики грамматической системы своеобразны и неповторимы в каждом языке, а лингвистические структуры РЯ чрезвычайно стабильны в мышлении человека, т.к. формируются уже в раннем возрасте, значительно позже испытывая воздействие иноязычных элементов. В целях прогнозирования интерференции большое значение имеют правила установления регулярных отношений межъязыковой корреспонденции, т.е. выявление единиц РЯ и ИЯ, совпадающих (схожих) хотя бы по одному параметру [8, с. 354]. Дифференцированный подход трактует межъязыковую корреспонденцию как отношение бинарного соответствия между конституентами контактирующих языков, устанавливаемое на всех уровнях лингвистической системы. Частными случаями межъязыковой корреспонденции являются: отношение тождества (идентичности во всех ситуациях) и отношение сходства (идентичности в определенной ситуации). Отношение сходства вытекает только из тождества формы (изоморфизм), тождества значения (эквивалентность) или тождества как формы, так и значения (конгруэнтность).

Корреспондирующие элементы – это единицы, обладающие полной или частичной взаимозаменяемостью в речи на обоих языках [5, с. 93]. Полная заменяемость предполагает отсутствие смешения языковых элементов, а частичная – его наличие, поэтому только изоморфные корреспондирующие элементы (а не эквивалентные) вызывают интерференцию.

Ситуацию изоморфности и неэквивалентности корреспондирующих элементов на синтаксическом уровне представить трудно, т.к. вряд ли удастся найти модель предложения, реализуемого в одинаковых для двух языков структурах, но имеющего разные значения. Например, выражения *Il neige*. и Идет снег. являются эквивалентными, но не изоморфными. Попытка установить изоморфные отношения между русским предложением и его французским эквивалентом приводит к интерференции: **La neige va.* (*Снег идет*) вместо *Il neige*. Эквивалентность является преимущественным типом отношений, наблюдаемых между корреспондирующими предложениями двух языков.

В качестве основных способов нейтрализации грамматической интерференции в современной методике обучения ИЯ используется диалингвальный анализ и системно-структурное межъязыковое сопоставление на основе дифференциальных признаков.

Диалингвальный анализ представляет собой многоступенчатую исследовательскую процедуру. На первом этапе происходит раздельное описание

систем контактирующих языков с единых теоретических и методологических позиций. При этом следует учитывать, что двуязычное описание есть нечто большее, чем механическая сумма лингвистических фактов, поскольку оно направлено на то, чтобы соотнести и приравнять друг к другу единицы этих языков. На втором этапе проводится конфронтативный анализ рассматриваемых систем, подсистем или моделей с целью определения сходств и различий. Третья стадия нацелена на осуществление лингвистического моделирования интерференции, т.е. описание вариантов потенциальной интерференции путем установления бинарных отношений между отдельными единицами и правилами их функционирования в обеих языковых системах на основе универсальных законов переноса навыков и межъязыковой идентификации.

Результатом такого рода работы является вероятностная модель грамматической интерференции, которая способствует определению преимущественного положения одного варианта реализации над другим. Например, употребление несуществующей во французском языке аналитической формы будущего времени: **Je serai travailler* (*я буду работать*). Дело в том, что в сознании грамматическая форма ИЯ Futur simple контактирует с оппозицией РЯ «будущее совершенное время/будущее несовершенное время», члены которой взаимно противопоставлены по видовому признаку. Грамматическая структура РЯ вносится в ИЯ и создается аналитическая форма будущего, которая вступает в отношение оппозиции по видовому признаку с формой Futur simple.

Французский язык	Futur simple	
Русский язык	Длительность как момент	Длительность как период
	Будущее совершенное	Будущее несовершенное
		область интерференции

В данном случае описание смежных явлений, для которых используются различные грамматические формы РЯ и ИЯ, позволило выявить так называемую «точку интерференции». Располагая качественной характеристикой грамматических явлений, представляется возможным составить соответствующую систему упражнений, направленных на предупреждение отрицательного влияния системы РЯ.

Наряду с описанным диалингвальным анализом при изучении интерференции может найти свое непосредственное применение метод сопоставительного анализа, который состоит из трех последовательных шагов:

– структурное описание языковых элементов с учетом форм, значения и дистрибуции;

– классификация грамматических явлений;

– сравнение соответствующих структур помодельно [6, с. 38-40].

Применение этого научного метода позволяет выделить общее и особенное в лингвистических явлениях, установить формальные грамматические признаки для вычленения функционально-структурных компонентов в рамках контактирующих языков с той или иной дидактической целью. В результате обнаруживаются не только общие компоненты лингвистических систем (языковые универсалии), но и присущие определенному языку специфические и уникальные элементы. Наиболее перспективным представляется сопоставление через описание дифференциальных признаков, лежащих в основе распределения компонентов значений между грамматическими формами РЯ и ИЯ [9, с. 71]. В самом деле, такие факты интерференции, как **le septième juin (седьмое июня), *Louis seizième (Людовик Шестнадцатый)* и др., говорят о том, что в сознании происходит перегруппировка компонентов значений, как результат замены дифференциального признака ИЯ нетождественным аналогом РЯ.

Таким образом, в роли соотносительной системы выступает совокупность дифференциальных признаков, детерминирующих структурные расхождения между ИЯ и РЯ, которые, сводятся к трем типам интерферентных явлений (в русском и французском языках):

– недодифференциация: неразличение дифференциального признака в ИЯ ввиду его отсутствия в РЯ (различение притяжательного детерминатива и местоимения; предпрошедшее и ближайшее будущее время и др.);

– сверхдифференциация: необоснованный перенос дифференциального признака из РЯ в ИЯ (противопоставление личного и возвратного поссесива, видовой признак в системе будущего времени и др.);

– реинтерпретация языковых фактов: неадекватная замена смежных дифференциальных признаков РЯ и ИЯ (род существительных, управление глаголов и др.).

Сопоставительный анализ на основе дифференциальных признаков является ценным источником информации о грамматических явлениях, наиболее подверженных интерференции вследствие различия формы, значения и употребления структур [2, с. 174]. Кроме того, устанавливается уровень трудности их усвоения, определяются потенциальные направления нарушений языковых норм и ра-

циональные формы предотвращения (исправления) ошибок, что способствует реализации положительного переноса (трансференции) – благоприятному воздействию одного лингвистического материала на другой, когда уровень качества овладения ИЯ значительно повышается.

Целесообразность органичной интеграции сопоставительного метода в процесс обучения ИЯ для предупреждения интерференции и всемерного использования положительного переноса подтверждают следующие факторы:

– неразрывная связь между языком, действительностью и сознанием, что находит отражение в формировании языковой картины мира;

– наличие навыков и умений речемыслительной деятельности на РЯ к началу овладения ИЯ;

– существование языковых компонентов, присущих лингвистическим системам большинства языков мира (языковых универсалий): утверждение, отрицание, субъект, объект, адресат, атрибуция, количество, единичность/множественность и др., что создает особый вид знаний, которые, будучи однажды приобретенными, способствуют оптимальному усвоению другого языка.

Данные диалингвального и сопоставительного анализа лежат в основе разнообразных методических приемов, направленных на закрепление грамматических навыков:

– межъязыковые сопоставления на лексическом материале (сочетаемость слов, значения лексических единиц);

– межъязыковые контрастирующие упражнения;

– перевод;

– дополнительный комментарий при объяснении материала, потенциально способного вызвать интерференцию;

– тщательный анализ ошибок.

Таким образом, обучение ИЯ целесообразно строить на сознательно-когнитивной основе с учетом роли лингвистических универсалий, отношений межъязыковой корреспонденции, а также с применением методов диалингвального и системно-структурного сопоставительного анализа дифференциальных признаков РЯ и ИЯ. Рациональное интегрирование в процесс обучения результатов вышеназванных методов исследования может послужить основой для разработки системы грамматических упражнений, направленных на дальнейшую сознательную дифференциацию схожих межъязыковых феноменов и, как следствие, нейтрализацию интерферирующего влияния со стороны грамматической системы РЯ.

Библиографический список

1. *Баранникова Л.И.* Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 87-98
2. *Вафеев Р.А.* Сопоставительное изучение языков и учет особенностей русского языка при обучении татарскому русскоязычных. Проблемы педагогической инноватики. Тобольск, 2005. С. 172-184.
3. *Вертоградская Э.А.* Раскрытие семантики иноязычных грамматических форм. Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1999. С. 118-125
4. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2001. 382 с.
5. *Карлинский А.Е.* Основы теоретического взаимодействия языков. Алма-Ата, 1990. 180 с.
6. *Ладо Р.* Лингвистика поверх границ культур. Контрастивная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 32-63
7. *Невмержицкий И.С.* Грамматическая интерференция в условиях искусственного билингвизма. Афтореф. дисс. канд. филол. наук, Киев, 1987. 28 с.
8. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
9. *Розенцвейг В.Ю., Уман Л.М.* К проблеме грамматической интерференции. Проблемы структурной лингвистики М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 60-75.

A.I. PERELYGIN

THE WAYS OF A GRAMMATICAL INTERFERENCE NEUTRALIZATION

The article is devoted to the phenomenon of a grammatical interference in the process of foreign language teaching. Using the interlinguistic analysis and other methods is proved to be reasonable in order to predict grammatical infringements in a foreign language under the influence of a mother tongue. A great importance of the comparative analysis is also emphasized.

Key words: ***interference, linguistic system, mother tongue, inter-linguistic analysis, comparative analysis, grammatical differential sign.***

М.А. ПЕРШИНА
аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета
E-mail: marja8362@mail.ru
Тел. 8 960 099 33 54

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА С АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

В статье рассматриваются типы интертекстуальных связей творчества Н.С. Лескова с английской и американской литературой на различных уровнях межтекстовых взаимодействий. Выделяются основные функции интертекста, в частности цитат и аллюзий, на примере творчества писателя. Исследуются стилистические особенности интертекстуальных включений в его произведениях.

Ключевые слова: ***Лесков, интертекстуальность, межтекстовые связи, цитата, аллюзия, тропы.***

В настоящее время в современных отечественных и зарубежных исследованиях все большее внимание уделяется проблеме интертекстуальных связей, которые определяют содержание и поэтику любого текста: от произведений художественной литературы до рекламных слоганов. Понятие интертекстуальности впервые было введено в 1967 году известным теоретиком постмодернизма Ю. Кристевой. Согласно ее определению, интертекстуальность есть «текстуальная интеракция, которая происходит внутри отдельного текста» [2, с. 98]. Каноническую формулировку интертекста, по мнению большинства теоретиков, дал Р. Барт, который отметил, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [1, с. 417]. Иными словами, интертекстуальные связи характеризуются тем, что отдельные тексты постоянно "вступают в диалог", "ссылаются" друг на друга.

Типология интертекстуальных взаимодействий стала объектом исследования П.Х. Торопа, который классифицирует межтекстовые связи принимая во внимание способ примыкания вторичного текста (метатекста) к первичному (прототексту) – утвердительный или полемический; уровень примыкания – явный или скрытый; а также фрагментарность или целостность примыкающего текста [4]. Более общая классификация различных типов взаимодействия текстов принадлежит Ж. Женетту, который выделяет интертекстуальность (как «соприсутствие в одном тексте двух или более текстов – цитата, аллюзия, реминисценция и т.д.), паратекстуальность (как отношение текста к своему заглавию, послесловию и эпиграфу), метатекстуальность (как комментирующую и часто критическую ссылку на свой предтекст), гипертекстуальность (как осмеяние или пародирование одним текстом другого) и архитекстуальность (или жанровую связь текстов) [6]. Дополняя классификацию Ж. Женетта, Н.А. Фатеева выделяет также иные модели и случаи интертекстуальности: интертекст как троп или стилистическая фигура, интермедиальные тропы, звуко-слоговой и морфемный типы интертекста, заимствование приема; а также поэтическую парадигму [5].

Произведения Н.С. Лескова, безусловно, отличаются сложностью, многослойностью значений, будучи пронизанными цитатами, аллюзиями и реминисценциями, часто открываясь эпиграфами из других текстов. Интертекстуальные связи творчества писателя с английской и американской литературой представлены большинством типов взаимодействия текстов.

Так, на уровне собственно интертекстуальности, образующей конструкции «текст в тексте», английская литература представлена в творчестве Н.С. Лескова цитатами и аллюзиями из произведений Дж. Байрона (его драмы «Манфред» и «Каин»), Дж. Галла («Внезапные размышления, произведенные вдруг при воззрении на какую-нибудь вещь»), О. Гольдсмита (роман «Венфильдский священник»), Д. Дефо (роман «Робинзон Крузо»),

© М.А. Першина

А. Редклиф («Сицилийский роман» – в русском переводе «Юлия, или подземелья замка Мадзини»), Дж. Свифт («Путешествия Гулливера»), В. Скотт (роман «Пертская красавица, или Валентинов день»), Л. Стерна (романы «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»), а также поэтов Р. Бернса, Дж. Макферсона («Поэмы Оссиана»), Т. Мура (поэма «Лалла Рук») и А. Поупа (философская поэма «Опыт о человеке»). Н.С. Лесков также цитирует известных современных ему писателей: Ч. Диккенса (его романы «Крошка Доррит», «Домби и сын»), Дж. Кавану (роман «Королева Мэб»), У. Теккерея (роман «Ярмарка тщеславия») и Э. Троллопа («роман «Попэнджой ли он?»). Позиции писателя по некоторым социальным и философским вопросам характеризуют интертекстуальные связи в его произведениях с работами известных английских историков и философов, как Г. Бокль, Ф. Бэкон, Т. Карлейль, Т. Маколей, Дж. Милль, Дж. Морлей, С. Смайлс и Г. Спенсер. Наиболее часто в качестве интертекста в произведениях Н.С. Лескова выступает творчество знаменитого английского поэта и драматурга У. Шекспира, в особенности его пьесы «Гамлет, принц датский», «Макбет», «Сон в летнюю ночь», «Король Лир», «Отелло» и другие. Американская литература в качестве интертекста в форме цитат и аллюзий в творчестве Н.С. Лескова представлена таким известными современниками писателя, как Ф. Брет-Гарт, Ф. Купер, Г. Лонгфелло и Э. По.

Данные цитаты и аллюзии чаще всего выполняют образотворческие функции, т.е. дают описание героям, отмечают их определенные черты, чувства и поступки, также они характеризуют сложившиеся ситуации и создают оригинальную атмосферу в произведении. Кроме того, цитаты и аллюзии отличаются по степени их атрибутированности к исходному тексту, а именно по тому, насколько явным является выделение интертекстуальной связи с точки зрения авторского и читательского восприятия текста. Так, наиболее часто фигурируют цитаты с точной атрибуцией и тождественным воспроизведением. Например, описывая главного героя рассказа «Павлин», Лесков цитирует давно ставшие афоризмом слова классика английской философии Ф. Бэкона и с горькой иронией сетует на царящую в обществе несправедливость по отношению к простым добрым людям: *Благородный и рассудительный, но всегда строгий к себе и честный Павлин, не будучи способен ни к какому коварству и предательству, не подозревал его в других и потому, имея ум свой чистым и светлым, являлся совершенно слепым. Глядя на него, можно было проверить всю истинность* ***слов Бэкона Веруламского*** *о людях, которые, вследствие преобладания философского настроения, делаются совами, видящими только во мраке своих умозаключений и слепотствующими при свете действия, а особенно лишенными способности видеть то, что всего яснее и очевиднее. Как* ***«сынове мира сего мудрее сынов света в роде своем»*** *и как Павлин в своем роде был сын света и слуга долга, то сынове мира его перемудрили и обокрали*[1]. Здесь однозначно указан автор воспроизведенного высказывания, а сам претекст заключен в кавычки. В свою очередь, прелюдией к рассказу «Тупейный художник» выступает «точечная» цитата с атрибуцией из рассказа Ф. Брет-Гарта «Разговор в спальном вагоне»: …***американский писатель Брет-Гарт рассказывает***, *что у них чрезвычайно прославился «художник», который* ***«работал над мертвыми»***. *Он придавал лицам почивших различные* ***«утешительные выражения»***, *свидетельствующие о более или менее счастливом состоянии их отлетевших душ… Слава художника … была огромна, но, к сожалению, художник погиб жертвою грубой толпы … за то, что усвоил* ***«выражение блаженного собеседования с богом»*** *лицу одного умершего фальшивого банкира, который обобрал весь город. Осчастливленные наследники плута таким заказом хотели выразить свою признательность усопшему родственнику, а художественному исполнителю это стоило жизни… Был в таком же необычайно художественном роде мастер и у нас на Руси* (VII, 220-221). Подобная прелюдия настраивает читателей на заведомо трагичный финал, предвещая кончину главного героя произведения.

Аллюзии, наоборот, чаще представлены без атрибуции. Как отмечает Н.А. Фатеева, «они по своей внутренней структуре построения межтекстового отношения лучше всего выполняют функцию открытия нового в старом. Открытие требует усилий со стороны читателя, что порождает дополнительный стилистический эффект» [5, с. 135-136]. Например, в рассказе «Белый орел» губернатор так описывает превосходную игру Ивана Петровича в предстоящем спектакле: *Никакого столбнякового ужаса, ни ломки, ни кривляний, но вы увидите лицо, которое знает то,* ***что не снилось мудрецам*** (VII, 16). Замечание героя отсылает читателя к известным словам Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира, который объясняет своему другу Горацио появление призрака своего убитого отца – *есть вещи на свете, которые не снились мудрецам*. В свою очередь, судьба сестер Ярославцевых

1 *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956-1958. Т. 5. С. 254. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте: римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

в романе «Некуда» сопоставляется с судьбой главного героя романа Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»: *Судьба их некоторым образом имела нечто трагическое и общее с судьбою* ***Тристама Шанди****. Когда они только что появились близнецами на свет, повивальная бабушка, растерявшись, взяла вместо пеленки пустой мешочек и обтерла им головки новорожденных. С той же минуты младенцы сделались совершенно глупыми и остались такими на целую жизнь* (II, 325). Однако следует отметить, что данная именная аллюзия, как и другие, представляющие собой имена собственные – имена героев произведений, даже являясь неатрибутированными, обладают повышенной узнаваемостью и без упоминания имени их автора.

На паратекстуальном уровне английская литература широко представлена в творчестве Н.С. Лескова в виде цитат-заглавий и эпиграфов. Как известно, заглавие является ключом к пониманию всего произведения. Писатель в готовом виде заимствует заглавные формулы, отсылающие к претексту, и наслаивает на них новый образный смысл. Так, например, героиня романа «Островитяне» Ида Норк читает племянникам ***«Self-Help»*** (англ. «Помощь себе») английского писателя-моралиста С. Смайлса – *книгу, убеждающую человека «самому себе помогать», благодаря чему тихо растут и вырастают в них и решимость, и воля, и воспитывается то, что далекий потомок, может быть, условится называть в человеке прямою добродетелью гражданина* (III, 192).

Эпиграфами к двум рассказам писателя являются цитаты из произведений известных английских философов. В частности, эпиграфом рассказа «Загон» взята цитата из сочинения «О компромиссе» английского историка, литературоведа и политического деятеля прогрессивного направления Дж. Морлея: *Disciplina arcani существует в полной силе: цель ее – предоставить ближним удобство мирно копаться в свиных корытах суеверий, предрассудков и низменных идеалов* (IX, 356). Подобное учение о тайне, положенное в основу данного рассказа, воплощает в себе идею изобличения глубокого застоя русского общества. Эпиграфом к другому рассказу «Продукт природы» предстает цитата из творчества английского философа и историка Т. Карлейля: *Сравнительно с народною толпою мало явлений заслуживает большего изучения. Она настоящий продукт природы: все прочее только гримасы, а здесь искренность и действительность. Смотри на народную толпу, если хочешь, с трепетом, но смотри внимательно: то, что она сделает, никому неизвестно, и еще менее ей самой* (IX, 340). Эпиграф раскрывает основную идею проникнутого чувством боли и сострадания к русскому народу рассказа, в основу которого легли воспоминания писателя о переселении крепостных крестьян.

На уровне метатекстуальности основным типом межтекстовых взаимосвязей произведений Н.С. Лескова с английской и американской литературой выступает интертекст-пересказ, который представляет собой эксплицитное высказывание о претексте. В частности, в рассказе «Интересные мужчины» автор передает сюжет рассказа Ф. Брет-Гарта «Счастье ревущего стана»: *Если вы читали у Брет-Гарта, как какие-то малопутящие люди в американской пустыне были со скуки заинтересованы рождением ребенка совершенно постороннею им женщиною, то вы не станете удивляться, что мы, офицеры, кутилы и тоже беспутники, все внимательно занялись тем, что бог дарует дитя нашей молоденькой полковнице* (VIII, 61). Пересказ в данном случае обращает внимание читателей на большую значимость предстоящего события для героев произведения. А обращение к книге «Коран, или Жизнь, характер и чувства Лаврентия Стерна» в повести «Смех и горе» передает позицию автора по вопросам философии и науки: *Я в вопросах этого рода редко иду путем умозаключений, хотя и люблю искусную и ловкую игру этим орудием, как, например, у Лаврентия Стерна, которого у нас, впрочем, невежды считают своим братом скотом, между тем как он в своем «Коране» приводит очень усердно и тончайшие фибры Левенхука, и песчинку, покрывающую сто двадцать пять орифисов, через которые мы дышим, и другое многое множество современных ему открытий в доказательство, что вещи и явления, которых мы не можем постигать нашим рассудком, вовсе не невозможны от этого* (III, 485).

На уровне архитекстуальности или жанровой соотнесенности текстов целый цикл святочных рассказов Н.С. Лескова связан с рождественскими повестями Ч. Диккенса «Рождественская песнь», «Колокола», «Гонимый человек» и другими.

Кроме того, интертекст может входить в состав тропа или стилистического оборота. В том случае интертекстуальная связь произведений становится особенно выразительной. Часто конструкцией, вводящей ссылку на претекст, является сравнение. Например, в повести «Смех и горе» генерал Перлов рассуждал о том, как бы ему всю Европу выпороть: *Разумеется, если ее дипломатическим путем к тому приглашать, она не дастся, а клич по земле русской кинуть… как* ***Бирманский лес с прутьями пойдем*** *и всех перепорем…*(III, 543). Здесь прове-

дена аналогия с событиями трагедии У. Шекспира «Макбет», когда воины Малькольма идут в бой, прикрываясь отрубленными ветвями Бирманского леса. Чаще всего центральным элементом сравнения выступают имена собственные, в которых концентрируется сюжет известного читателям претекста. В произведениях Н.С. Лескова в качестве сравнений выступают такие образы, как шекспировский Отелло: *…опять я,* ***как оный венецианский мавр****, рассказываю что-то…* («Колыванский муж») (VIII, 414); король Лир: *...думаю,* ***как король Лир*** *думал в своем помешательстве…*(«Смех и горе») (III, 487); леди Макбет: *Она, бедняга, даже ночью,* ***как леди Макбет****, по губернаторскому дому все ходила да стонала: «...Кровь на нас, кровь!..»* («Смех и горе») (III, 528); следопыт Ф. Купера: *…оставим пока в стороне все тропы и дороги, по которым Ахилла,* ***как американский следопыт****, будет выслеживать своего врага, учителя Варнавку…* («Соборяне») (IV, 23); Йорик Л. Стерна: …и, как герой **«Сентиментального путешествия» Стерна**, говорю: «Нет, это положительно лучше во Франции…» («Смех и горе») (III, 558) и другие. Иногда аналогия с прототипами задается метафорической номинацией: *…****наш медицинский Гамлет*** *всегда мрачен* (II, 76); *А* ***ты, Гамлет****, весь день молчал и то заговорил* (II, 233) (герой романа «Некуда» доктор Розанов сопоставляется с персонажем трагедии У. Шекспира); *…в таком райском житье прошли* ***для нашего Робинзона*** *целые четыре года* (I, 248); *Судьи утверждали, что* ***старогородский Робинзон*** *лжет* (I, 261) (герой рассказа «Котин доилец и Платонида» Ион Пизонский сравнивается с персонажем романа Д. Дефо).

Таким образом, межтекстовые связи творчества Н.С. Лескова с английской и американской литературой прослеживаются на уровне интертекстуальности, паратекстуальности, метатекстуальности и архитекстуальности. Англоязычная литература как претекст чаще всего представлена в произведениях писателя в виде цитат с атрибуцией и неатрибутированных именных аллюзий. Английская литература также представлена в творчестве Н.С. Лескова цитатами-заглавиями произведений и эпиграфами. На уровне метатекстуальности основным типом межтекстовых взаимосвязей выступает интертекст-пересказ, который представляет собой эксплицитное высказывание о претексте. С точки зрения жанровой соотнесенности цикл святочных рассказов Н.С. Лескова связан с рождественскими повестями английского писателя Ч. Диккенса. Кроме того, интертекст часто выступает в качестве тропов и стилистических оборотов. В частности, ключевым элементом сравнений выступают образы героев английского поэта и драматурга У. Шекспира, а также других английских и американских авторов. Интертекст выполняет различные важные функции в произведениях Н.С. Лескова, что доказывает значимость и серьезное влияние англоязычной литературы на творчество писателя.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман. Вестник Московского университета. 1995. №1. С. 97-124.
3. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1956 – 1958.
4. *Тороп П.Х.* Проблема интертекста. Труды по знаковым системам XIV. Текст в тексте. Ученые записки Тартуского госуниверситета. 1981. Вып. 567. С. 33-44.
5. *Фатеева Н.А*. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности.М.: КомКнига, 2007. 280 с.
6. *Genette G.* Palimpsestes: La litterature au second degre.P.: Seuil, 1982.467 p.

M.A. PERSHINA

TYPES OF THE INTERTEXTUAL RELATIONS BETWEEN THE WORKS OF N.S. LESKOV AND ENGLISH LITERATURE

The article is devoted to the classification of the types of the intertext on the different level of intertextual relations between the works of N.S. Leskov and British and American literature. It points out the main functions of the intertext (in particular quotations and allusions) and reveals its stylistic particularities in the writer's novels and short stories.

Key words: ***Leskov, intertextuality, intertextual relations, quotation, allusion, stylistic devices.***

А.И. САЛОВ
аспирант кафедры русской литературы XX-XXI вв. и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
E-mail: kitap_as@mail.ru
Тел. 8 909 237 86 36

ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЩЕНИЯ ДЖОНА АПДАЙКА К ТЕМЕ ТЕРРОРИЗМА

В статье рассматриваются художественные предпосылки обращения Джона Апдайка к теме терроризма. Отмечается преемственность в реализации писателем его ведущих тем в изображении личности, анализируется логика трансформации этих аспектов творчества и принципы их воплощения в новом для Апдайка тематическом контексте – человек в условиях терроризма.

Ключевые слова: ***литературный герой, тема, преемственность, автобиографизм, семья и взаимоотношения полов, отцы и дети, одиночество и отчужденность человека, жизнь и смерть, вера и религия, фанатизм, терроризм.***

Прозаическое наследие Джона Апдайка, признанного классика американской словесности XX века, отличает преемственность в реализации устоявшегося круга тем, их тесная и глубокая взаимосвязь. Тема терроризма в художественном мире писателя выглядит, на первый взгляд, неожиданной. Однако при ближайшем рассмотрении ее присутствие в общем контексте идейных поисков Апдайка представляется вполне закономерным: если не в момент возникновения темы терроризма в романе «Переворот» (*The Coup*, 1978), то на этапе ее углубления и детализация в эссе «11 сентября 2001 года» (*September 11, 2001*), рассказе «Многообразие религиозного опыта» (*Varieties of Religious Experience*, 2002) и романе «Террорист» (*Terrorist*, 2006).

Какие факторы определили внимание Апдайка к терроризму? Абсолютно ли нов при разработке этой темы подход писателя к изображению героя? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать, какие акценты расставляет Апдайк в аспекте темы личности, каковы общие характеристики апдайковских персонажей, исследовать основную проблематику творчества писателя, нашедшую отражение и в произведениях, затрагивающих тему терроризма.

Для Апдайка характерна устремленность к вечным темам: семья и взаимоотношения полов; одиночество и отчужденность человека; жизнь и смерть; вера и религия. Темы семьи и любви подробно реализуется писателем, в частности, в тетралогии о Кролике, романах «Кентавр» (*The Centaur*, 1963), «Ферма» (*Of the Farm*, 1965), «Супружеские пары» (*Couples*, 1968); «Давай поженимся» *(Marry Me*, 1977); «Россказни Роджера» (*Roger's Version*, 1986). В рамках темы семьи Апдайк отражает кризис института брака, утрату традиционных семейных ценностей, разрыв преемственности между поколениями, проблемы взаимоотношений мужчин и женщин, отцов и детей.

В романах писателя нет по-настоящему счастливых семей. Между супругами возникают постоянные трения (Джордж и Хэсси Колдуэлл в «Кентавре»), они обоюдно изменяют друг другу (Гарри и Дженис Энгстром в тетралогии о Кролике; Роджер и Эстер Ламберт в «Россказнях Роджера»). Союзы распадаются, заключаются новые: во втором браке состоит Роджер Ламберт, а также Джой Роббинсон из романа «Ферма». Отцы на время или навсегда уходят из семьи: раз за разом оставляет свою жену и сына Нельсона Гарри Энгстром («Кролик, беги»); без отца растет герой романа «Бразилия» (*Brazil*, 1994) Тристан. Все это накладывает серьезный отпечаток на взаимоотношения родителей и детей, разрушает их или превращает в формальность.

Между представителями разных поколений одной семьи постоянно увеличивается пропасть: эмоциональная, географическая. Джой Роббинсон («Ферма») приезжает с новой женой и ее сыном Ричардом на ферму к матери, где он долго не был, отделываясь дорогими безделушками в качестве подарков на праздники. При этом в Канаде живут и не видят его самого трое маленьких детей от первого брака. Так на фоне неурядиц в мире взрослых остро проявляется трагедия подрастающего поколения. В романе она сконцентрирована в образе маленького Ричарда, который то и дело шутит над самим собой, «пробуя избавляться от недетской серьезности, навязанной ему годами безотцовщины» [5, с. 762].

В разрыве между поколениями Апдайк прослеживает четкую преемственность: Роджер Ламберт не находит общий язык со своим двенадцатилетним

© А.И. Салов

сыном Ричи, и причина этого, очевидно, кроется в его собственном отце, который, как признается герой, «бросил мою мать и меня, менял одно место работы на другое, <…> понимание дружеской беседы сводилось [у отца – А.С.] к пересказу очередного скабрезного анекдота…» [3, с. 21]. Насилие в романах Апдайка, как справедливо замечает М. Банерджи, редко выражается в открытой физической форме [11, с. 15]. Гораздо чаще оно проявляется и травмирует личность на эмоциональном, духовном уровнях. Так, отсутствие должного взаимопонимания в кругу родных развивает боязнь ответственности у Гарри Энгстрома; страх перед конфликтами, постоянное самоедство – у Джоя Роббинсона; замкнутость и болезненное восприятие собственной персоны – у Питера Колдуэлла.

Разлад в отдельно взятых семьях сказывается и на разрыве социальных связей. Между директором богадельни Коннером («Ярмарка в богадельне» / *The Poorhouse Fair*, 1959) и его верным молодым помощником Бадди существует важнейшее различие: «механическое» поколение Бадди «так и не научилось смеяться, поколение Коннера – последнее, владеющее этим искусством» [6, с. 110].

Другая важнейшая тема в творчестве Апдайка – отношение человека к жизни и смерти – решается, как правило, на уровне противоречий между внешним укладом существования и внутренним состоянием героев. К этой теме писатель приходит уже в дебютном романе «Ярмарка в богадельне». Его герои, престарелые люди, неспособные ухаживать за собой самостоятельно, как никто другой заинтересованы в благах цивилизации, которые предположительно сделают их счастливыми. Однако, как замечает Н. Абиева, «этого совсем не достаточно: накормленные, живущие в чистоте и покое, старые люди безмерно страдают от страха близкой смерти» [1, с. 908].

Когда речь заходит об основных темах творчества Апдайка, некоторые американские литературоведы склонны полагать, что это «триумвират великих секретов» (подробнее об этом: Hunt, George W. John Updike and Three Great Secret Things. – Grand Rapids, Eerdmans, 1980 – 232p.). Этот триумвират составляют секс, религия и искусство. Апдайк, как подчеркивают многие западные исследователи (Р. Детвайлер, Д. Дж. Грайнер, Г.В. Хант, Дж. Ньюман и др.), традиционен в акцентах на «эротике, боли и скрытой борьбе» – все это переплетается в его творчестве «с жестким реализмом повседневной жизни» [9, с. 30]. Разумеется, эротические мотивы, характерные для большинства произведений Апдайка (тетралогия о Кролике, «Давай поженимся», «Россказни Роджера», «Бразилия», «Деревни» (*Villages*, 2004), не составляют все их содержание.

По поводу второй составляющей апдайковского «триумвирата» А. Аствацатуров замечает: «Стержнем, централизующей силой, сводящей все нюансы мировидения Джона Апдайка в единое целое, является религиозное чувство. Христианская вера, протестантская в своем основании, явственно ощущается в его текстах, причем во всех без исключения» [7, с. 6]. Но наиболее важной представляется мысль Апдайка о том, что в недрах религиозных доктрин может крыться обман. В романе «Кентавр» Венера, богохульствуя перед Хироном, срывая маски с богов, давая им уничижительные, «людские» характеристики («Синий чулок, болтливая сорока, грязная карга, от которой воняет самогонкой, разбойник с большой дороги…» [2, с. 505]), отражает острый тезис Апдайка: у красивых мифов бывает неприятная изнанка.

Наметив проблему не подкрепленной разумом веры еще в «Кентавре», Апдайк возвращается к ней неоднократно. Вот пример рассуждений из романа «Россказни Роджера»: «Недавняя история и, если уж на то пошло, сегодняшние фюреры и аятоллы, говорят, что <…> дьявол там, где нет места сомнению. Дьявол – то, что толкает людей строить лагеря смерти и кидать бомбы, взрываясь вместе с ними. Сомнение придает еде особый привкус, но убивает вера, слепая вера» [3, с. 99].

Так же, как и внимание к теме религии, представления Апдайка о подлинной индивидуальности во многом определились еще в раннем творчестве. В рассказе «Завтра, завтра, завтра и так далее» (*Tomorrow and Tomorrow So Forth*, 1955) учитель литературы Марк Проссер размышляет об эволюции Шекспира. По его мнению, мрачность центральных шекспировских трагедий сменяется оптимизмом более поздних пьес. Рассуждая о великом драматурге, апдайковский герой имеет в виду и себя самого, и личность вообще. Путь, который проделал Шекспир, от трагического осознания безразличия мира к человеческим чаяниям до принятия жизни должен, по мнению Апдайка, пройти каждый. Это подтверждают судьбы многих героев писателя (Питера и Джорджа Колдуэллов в «Кентавре»; Гарри Энгстрома в тетралогии о Кролике; Тристана в «Бразилии»), поступательная трансформация их мировоззрения и умудренный взгляд на действительность, завоеванный в сложных взаимоотношениях с миром и с самим собой.

«Личность в процессе постоянного преображения» [18, с. 176], – так определил наиболее привлекательную для читателей художественную доминанту в прозе Апдайка литературовед Эдвард

П. Варго. В одном из своих последних интервью эту мысль развивает сам Апдайк: «Писателя должны, прежде всего, интересовать не крупные политические кризисы, а маленький мирок, копошащийся в недрах Большого Города, мир экзистенциальных микрокризисов. Мои книги рассказывают о частных жизнях, и мой стиль представляет собой <…> попытку передать краски и частности обыденной жизни…» [10].

Индивидуальность нередко возводится Апдайком «к архетипической фигуре библейского Адама, первого человека, пережившего грехопадение» [13, с. 13]. Многие персонажи писателя заново проживают судьбу Адама, при этом некоторые занимают промежуточную позицию, не найдя сил преодолеть собственную греховность: это ситуация Гарри Энгстрома, Джоя Роббинсона, Роджера Ламберта и других.

Апдайк, начиная с первых романов, определяет для себя один из важнейших творческих ориентиров, сформулированный позднее в эссеистике: «Человеческая история буквально забита миллиардами сознаний, и каждое в отдельности – центр вселенной» [17, с. 40]. Следуя этому принципу на протяжении всего творчества, писатель создает многогранную картину жизни «среднего американца» и мироощущение своего поколения, что и дает основания исследователям называть его «чутким барометром американского темперамента» [8, с. 20]. Для Апдайка герои – прежде всего, жертвы времени, несущие на себе также бремя семейных проблем, внутренней дисгармонии, хотя писатель и не снимает с них ответственности за шаткость этических понятий.

Важной характеристикой творчества Апдайка является внимание к историческим фактам, размышлениям о принципах и движущих механизмах мироустройства. В одном из многочисленных эссе, ставя вопрос об актуальности собственной прозы, писатель заметил: «В моих книгах о повседневных занятиях самых обычных людей гораздо больше соотнесенности с современной историей, чем в учебниках и специальных исследованиях по данному предмету» [16, с. 501]. Поэтому нельзя не согласиться с Д. Дж. Грайнером, который считает, что социально ориентированная художественная проза Апдайка является «метафорой Америки середины века» [12, с. 192]. История в художественном мире Апдайка – катализатор социокультурных процессов, импульс, позволяющий углубить традиционную проблематику творчества писателя, заглянуть в будущее страны. Так, в романе «Ферма» находим примечательный диалог героев, поднимающий в середине шестидесятых годов XX века проблему перенаселенности земли, ставшую особенно актуальной в США к концу прошлого столетия: «К две тысячи сотому году, – сказал Ричард, – на каждого человека будет приходиться около квадратного ярда земли, считая пустыни и горы. – Знаю, сказала мать, и я внутренне шарахнулся от фанатизма, который зазвенел в ее голосе. – Я вижу, как это надвигается. Это видно даже в Олтоне – там люди уже стараются стать поугловатей, чтобы легче было втиснуться в свой жалкий квадратный ярд. А ведь человеку положено быть круглым» [5, с. 814].

Исследователи Элис и Кеннет Хэмильтоны, анализируя «реальный подтекст» творчества Апдайка, отмечают, в том числе, что автобиографический материал, часто воспроизведенный писателем до мельчайших деталей, не порабощает художественную мысль. То есть, Апдайк «изображает ситуации с позиции писателя, а не просто торгует сплетнями о себе, своих друзьях и родственниках» [13, с. 51]. В то же время нельзя отрицать существенную роль, которую играет автобиографизм в творчестве Апдайка. В этом отношении заслуживает внимания раздел *First Person Singular* («От первого лица») в книге эссеистики Апдайка *Assorted Prose* («Избранная проза», 1965). Факты, почерпнутые из этого раздела, помогают «заземлить» многие эпизоды романов и рассказов, определить их «историю» и «географию», жизненные прототипы. Так, воспоминания Апдайка об отце-учителе отсылают к герою его романа «Кентавр» Джорджу Колдуэллу, а информация о богадельне, располагавшейся недалеко от дома Апдайков в Шиллингтоне, – к выбору места действия «Ярмарки в богадельне».

Перечисленные акценты и принципы творческого подхода Джона Апдайка нашли воплощение в его романах «Переворот» и «Террорист», рассказе «Многообразие религиозного опыта» и эссе «11 сентября 2001 года», были по-новому интерпретированы в них в контексте разрабатываемой писателем темы терроризма.

Продолжая художественно осмысливать кризис института брака, утрату традиционных семейных ценностей и преемственной связи между поколениями, Апдайк вновь создает героев, изменяющих своим супругам (Джек Леви в «Террористе»); растущих без отцов, которые бросили своих женщин и детей (судьбы Хакима Эллелу в «Перевороте» и Ахмада Ашмави в «Террористе»). Традиционно у Апдайка разлад внутри семьи определяет многие жизненные неурядицы или душевные кризисы героев. Хаким Эллелу («Переворот»), не знавший родительской заботы, в свою очередь проявляет себя плохим семьянином и отцом; Ахмада Ашмави терзает болезненное восприятие собственной лич-

ности, Джека Леви – неотступный страх смерти (еще одна ведущая тема Апдайка). Симптоматично, что мысли о бренности существования посещают не только пожилого школьного наставника, но и юного Ахмада: условия терроризма, в которых они существуют, накладывают отпечаток на мировоззрение вне зависимости от жизненного опыта.

Семейные конфликты, в свою очередь, предопределяют сложность в социальных взаимоотношениях героев, кризис доверия младшего поколения к старшему. Поэтому в романе «Террорист» так долго ищет путь к сердцу восемнадцатилетнего Ахмада Джек Леви, перешагнувший шестидесятилетний рубеж. Герои Апдайка нередко чувствуют себя изгоями и в среде сверстников, особенно остро это проявляется как раз в ситуации Ахмада: цвет кожи этого мальчика, его трогательное отношение к исламу подчас становятся причиной конфликта, вызывают у одноклассников недоумение или насмешки. Это логично приводит Апдайка к другой существенной проблеме, затронутой им уже в ранних романах, – одиночеству и отчужденности личности, ее попыткам найти себя и обрести внутреннюю гармонию вне искренних человеческих взаимоотношений. При этом героями нередко овладевают навязчивые идеи, что для Хакима Эллелу и Ахмада Ашмави оборачивается уходом в религиозный фанатизм и подталкивает к терроризму.

Апдайк воспринимает любовь как важнейшую основу родственных отношений (подробнее об этом: Мулярчик, А. Послевоенные американские романисты. М.: Худож. лит., 1980. С. 230). Это чувство в его романах становится «решающим фактором, удерживающим семьи от окончательного распада» [14, с. 186]. Такой нравственный ориентир писателя объясняет, почему герой-повествователь «Переворота» Хаким Эллелу, имеющий нескольких жен и поначалу весьма неразборчивый в сексуальных связях, оказывается не лишенным преданности и получает в награду за все испытания и страдания скромное семейное счастье с одной из своих избранниц. По этой же причине герой рассказа «Многообразие религиозного опыта» Дэн Кэллог после терактов 11 сентября 2001 года находит в себе силы пересмотреть взгляды на жизнь и обрести, таким образом, утраченную близость с дочерью и внучками. Наконец, именно любовью объясняется потребность в материнской ласке, которую невольно испытывает Ахмад Ашмави во время подготовки к теракту, хотя в другое, «мирное» время его отношения с матерью были далеки от доверительных.

Внимание Апдайка к интимным отношениям героев – едва ли не единственной области, в которой они могут почувствовать себя по-настоящему свободными, – всегда позволяло писателю углублять другие идейные аспекты. Эта тенденция сохраняется в романе «Террорист», где общая атмосфера – предощущение зарождающейся катастрофы – оказывается закодированной в имени матери Ахмада – Тереза. Джек Леви, ставший с течением времени ее любовником, замечает: «Она была дикаркой, вне правил. Терри-бля. Священный Терр-ор» [4, с. 171].

В рамках одной из главных тем апдайковской прозы – темы веры и религии – обращение писателя к терроризму потребовало внимания и к мусульманской культуре: в «Перевороте», «Многообразии религиозного опыта», «Террористе» Апдайк активно цитирует священный Коран и подчеркивает особое мировоззрение героев, исповедующих ислам. Впервые наметив в «Кентавре» проблему не подкрепленной разумом веры, писатель в указанных произведениях демонстрирует, что грань между осмысленной религиозностью и фанатизмом может оказаться очень тонкой, если личность морально неустойчива, если герой ищет в области ярких метафор то, чего он лишен в реальности. Таким образом, проблема перехода от религиозности к фанатизму становится в романах «Переворот» и «Террорист» сюжетообразующей.

Многие персонажи Апдайка, как было указано ранее, заново проживают судьбу Адама и занимают промежуточную позицию в жизни, оказываясь не в состоянии преодолеть собственную греховную природу. В «Перевороте» и «Террористе» писатель впервые создает героев (Хаким Эллелу и Ахмад Ашмави), которые идут до конца, следуя путем искупления и смирения. Однако и те, и другие «в определенный момент ощущают отпадение от Бога, утрату связи с Абсолютом» [7, с. 6]. Даже при попытке глубокого обращения к возвышенным и непреходящим ценностям (в частности, религии) апдайковский герой оказывается заложником мирских желаний. Это иллюстрирует ситуация Ахмада Ашмави. Его фанатичную преданность императивам ислама, по справедливому замечанию Дж. Рэбана, корыстно используют террористы, преследующие приземленные цели обогащения [15, с. 10]. Но трагическое осознание безразличия мира и окружающей лжи не мешает Ахмаду принять их в конечном итоге как трудно преодолимую данность и глубже заглянуть внутрь себя в попытке обрести гармонию с обществом. Уместно предположить, что Апдайк в данном случае руководствуется желанием подкрепить важный тезис, озвученный еще в раннем рассказе «Завтра, завтра, завтра и так далее»: принятие жизни как итог нравственного взросления. Возможно, это решающий фактор, определяющий оптимистичный финал всех без исключения

произведений писателя, в которых поднимается тема терроризма.

В романе «Кентавр», одном из главных произведений Апдайка, ведущее место отводилось стоическим поискам подлинных ценностей во времена нарастающей духовно-нравственной апатии, обретению героями смысла собственной жизни, скованной комплексами и неуверенностью, во многом стереотипной, но все равно уникальной и поэтому драгоценной. Эти мотивы нашли частичное отражение и в анализируемых произведениях Апдайка: жажда обретения внутренней гармонии, цельности, поиск путей, способных внести перелом в общее однообразное, безвольное существование отличают, в частности, Хакима Эллелу («Переворот») и Ахмада Ашмави («Террорист»). Однако в случае этих героев жажда действий оборачивается активной конфронтацией с миром и приобретает опасные формы (религиозный фанатизм, терроризм). В таком художественном обрамлении новое, углубленное прочтение получает трагедия будничного существования обычного человека, которая, по словам Апдайка, уже в начале творческой карьеры выросла у него «в ведущую тему творчества» [цит. по: 8, с. 20].

Особое значение приобретает традиционное внимание писателя к историческому фону и автобиографическому материалу в художественном тексте. Неудивительно, что предпринятое Апдайком в 1973 году путешествие в Африку – страну с незнакомой культурой и «серьезным потенциалом к открытому проявлению насилия» – дает творческий импульс к созданию «Переворота» (подробнее об этом: Detweiler, Robert. John Updike / Robert Detweiler. – Boston: Twayne, 1984 – P. 5-6). Характерно также, что события 11 сентября 2001 года, свидетелем которых довелось стать Апдайку, послужили для него стимулом к созданию произведений, составивших в итоге канон размышлений на тему терроризма (эссе «11 сентября 2001 года», рассказ «Многообразие религиозного опыта» и роман «Террорист»). Теракты 9/11 стали отправной точкой рассуждений об ответственности за массовое насилие, которая лежит, в том числе, и на самих США; тернистом пути молодого поколения страны, представленном в образах Ахмада Ашмави и его одноклассников («Террорист»); о будущем американской нации.

Таким образом, идейно-тематический план, подход к изображению героя, особенностей его характера, личностных проблем и устремлений, ведущие творческие принципы Джона Апдайка в произведениях, затрагивающих тему терроризма, остаются во многом традиционными. Новыми при этом оказываются, в первую очередь, условия, в которые помещается герой. В качестве же основных предпосылок, способствовавших частичному обращению писателя к терроризму («Переворот») и полноценному возвращению к этой теме после трагедии 9/11 (малая проза, «Террорист»), можно выделить следующие:

– активное использование писателем автобиографического материала: впечатления от посещения Африки в 1973 году во многом подтолкнули Апдайка к идее романа «Переворот» и потребовали, соответственно, углубленного изучения Корана и проблемы религиозного экстремизма; наблюдение терактов 9/11, невольным свидетелем которых оказался писатель, и сделанные им выводы легли в основу эссе «11 сентября 2001 года», частично воплотились в рассказе «Многообразие религиозного опыта» и романе «Террорист»;

– пристальное внимание Апдайка к вопросам веры, ее возможным проявлениям (вплоть до крайней формы – фанатизма); обращение писателя к священным религиозным текстам (Библии и Корану), которое транслируется не столько в рамках диалога культур, сколько провозглашает оппозицию, в которую встают по отношению к Америке апдайковские герои-мусульмане (Хаким Эллелу в «Перевороте», Ахмад Ашмави в «Террористе»);

– последовательное, тщательное рассмотрение писателем социокультурных процессов в современном американском обществе. Это кризис института семьи; утрата преемственности между поколениями; социальная разобщенность; одиночество и отчужденность личности, тщетные попытки преодоления эмоциональной апатии или духовного кризиса посредством неполноценных суррогатов счастья (беспорядочный секс, бегство от проблем, фанатичная вера); культ потребления и невзыскательных удовольствий; снижение культурных запросов при растущем влиянии телевидения, Интернета. Насыщение художественного пространства особыми условиями терроризма помогает Апдайку наиболее остро высветить перечисленные проблемы;

– отражение писателем важных исторических процессов, накладывающих отпечаток на индивидуальное сознание и общественное устройство. Для Апдайка реальная история никогда не становится доминантой повествования. Она преобразуется в отдельные факты и свидетельства, определяющие пространственно-временной контур произведений и привносящие новое звучание в реализацию традиционных тем. Теракты 11 сентября 2001 года – импульс, позволивший писателю рассмотреть под новым углом зрения, художественно дополнить и укрупнить копившиеся годами и наиболее суще-

ственные в его представлении проблемы рядового американца и всей нации;

– внимание писателя к молодым героям, одержимым разного рода навязчивыми идеями. При этом прослеживается тенденция от попыток ненасильственного сопротивления среде (герой «Кентавра» Питер Колдуэлл мечтает вырваться из провинциального захолустья; Гарри Энгстром из романа «Кролик, беги» – сбежать от семейных неурядиц и ответственности; Дейл Колер в «Россказнях Роджера» – утвердиться в глазах университетской элиты, с помощью компьютера доказывая существование Бога) к открытой конфронтации героя с обществом (Хаким Эллелу в «Перевороте» стремится очиститься от негативного западного влияния через террор; Ахмад Ашмави в «Террористе» посредством религии приходит к активному отрицанию американских ценностей и становится оружием в руках террористов).

Библиографический список

1. *Абиева Н.А*. Олинджер и его обитатели: Предисловие. Апдайк, Дж. Кролик, беги: Романы, повести. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 901 – 924
2. *Апдайк Дж*. Кентавр. Кролик, беги: Романы, повести. Спб.: Азбука-классика, 2003. С. 481 – 758
3. *Апдайк Дж*. Россказни Роджера: Роман. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2005. 382с.
4. *Апдайк, Дж.* Террорист. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 319с.
5. *Апдайк Дж.* Ферма. Кролик, беги: Романы, повести. – Спб.: Азбука-классика, 2003. – С. 759 – 900
6. *Апдайк Дж.* Ярмарка в богадельне. Кролик, беги: Романы, повести. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 5 – 164
7. *Аствацатуров А*. Рассказы Джона Апдайка. Голубиные перья: Рассказы. Пер. с англ. СПб.: Мир книги, 2005. С. 5 – 20
8. *Денисова Т.Н*. Джон Апдайк. Писатели США. Краткие творческие биографии. Сост. и общ. редакция Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. М.: Радуга, 1990. С. 19 – 22
9. *Дрэббл М., Стрингер Дж.* Апдайк Джон. Путеводитель по английской литературе. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. С. 30
10. *Занганех Лайла Азам*. «Америка как клоака»: [Интервью Джона Апдайка журналу «Le Monde», Франция] inoСМИ.Ru. URL: http://www.inosmi.ru/world/20090128/246993.html. Проверено: 12.05.2011.
11. *Banerjee M.* Whiteness of a Different Color: Racial Profiling in John Updike's «Terrorist». Neohelicon. Budapest; Amsterdam, 2008. T.35, №2. P. 13 – 28
12. *Greiner D.J.* The Other John Updike: Poems/Short Stories/Prose/Play. Athens: Ohio University Press, 1981. 297p.
13. *Hamilton A.; Hamilton K.* The Elements of John Updike. Grand Rapids: Eerdmans, 1970. 267p.
14. *Plath J.* Conversations with John Updike. Jackson: University Press of Mississippi, 1994. 286p.
15. *Raban J.* The Good Soldier. New York review of books. New York, Vol. 53, №12. P. 8 – 11
16. *Updike J.* Picked-Up Pieces.N.Y.: Knopf, 1975. 545p.
17. *Updike J.* Self-Consciousness: Memoirs. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1989. 245p.
18. *Vargo Edward P.* Rainstorms and Fire: Ritual in the novels of John Updike. National University Publications, Kennikat Press, 1973. 229p.

A.I. SALOV

THE BACKGROUND OF JOHN UPDIKE'S TURNING TO THE THEME OF TERRORISM

The literary background of John Updike's turning to the theme of terrorism is studied in the article. The continuity of his work is under consideration: namely – in the realization of the writer's key motives and the depiction of the individual. The attention is drawn to the logic of their transformation and the principles of their existence in the new literary thematic context – man in the circumstances of terrorism.

Key words: ***literary character; theme; continuity; autobiographism; family and relations between sexes; fathers and sons; man's loneliness and alienation; life and death; faith and religion; fanaticism; terrorism.***

А.М. ТАВРИНА
аспирант кафедры литературы Вологодского государственного педагогического университета
E-mail: Umberta@inbox.ru
Тел. 8 951 738 84 25

ОБРАЗ ГЕРОЯ-ОБЫВАТЕЛЯ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ КОНЦА 20-Х – НАЧАЛА 40-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Романтики, занятые поиском возвышенных и сильных духом героев, сумели раскрыть в своих произведениях образ приземлённого человека – обывателя. Такие люди пагубно воздействовали на жизнь благородных романтических героев. В статье показано, что «синдром обывателя» охватил все слои общества рассматриваемого периода. Определены основные симптомы данной «болезни».

Ключевые слова: ***обыватель, филистер, бидермейер, герой-«автомат», героиня-«кукла».***

«Стандарт – определение неизбежное для этих людей и для их быта. Они стандартны и нищи духом удручающе», – говорил Н.Я. Берковский о той части общества, которая обладает ограниченным мышлением [1, с. 440]. В эпоху романтизма узость мышления ассоциировалась, как правило, с представителями определённых сословий. Буржуа во Франции, бюргер в Германии, мещанин в России… В переносном смысле так именовали человека с мелкими собственническими интересами, лишённого общественного кругозора. Немецкий романтик Гофман для обозначения данного типа людей использовал в своих произведениях понятие «филистер»[1]. «Хорошие люди» – так писатель иронично отзывается о филистерах, которые влачат унылые серые будни, забыв о высоких порывах души. Счастье «хороших людей» заключается в том, чтобы, надев колпак и закутавшись в халат[2], вести жизнь спокойную, размеренную. Филистеры принадлежали к культуре бидермейера[3]. Своё название она получает по псевдониму немецкого поэта Л. Эйхенродта – «Готлиб Бидермейер». Bieder переводится как «простодушный, легковерный, недалёкий, обывательски ограниченный». Готлиб Бидермейер – скромный учитель, сочиняющий сентиментальные стихи, в которых поэтизируются радости земного бытия.

Изначально культура бидермейера отражала мировоззрение такой социальной группы, как бюргерство[4]. Однако и в русской литературе данный феномен получает своё развитие[5].

В статье, посвящённой стихотворениям М.Ю. Лермонтова, В.Г. Белинский говорит о людях, которые «Не могут сметь / Свое суждение иметь». «Такие люди в Германии называются *филистерами,* и пока на русском языке не приищется для них учтивого выражения, будем называть их этим именем» [2, с. 4]. Тождественным «филистеру» является понятие «обыватель», которое мы вынесли в название статьи, как слово более привычное для русского слуха.

Романтики и обыватели находятся в отношении непримиримой борьбы. Первые страдают оттого, что отвергаются их духовные искания. Вторые опасаются вторжения в их уютный быт и привнесения в него тревоги и суеты.

Чем же отличается обыватель от возвышенных романтических героев? Филистеры – люди приземлённые. Им недоступны высокие порывы души. Поэтому обыватели склоняются к биологическому образу жизни. Забота о насыщении желудка является неотъемлемой частью их существования. Культ еды царит в доме старосветских помещиков из одноимённой повести Н.В. Гоголя. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна «очень любили покушать» [3, с. 14]. После любого занятия, будь то прогулка или послеобеденный отдых, а также перед каждым основным приёмом пищи следовало

1 В наше время привычным синонимом данного немецкого слова является «обыватель». Однако в ходе исторического развития значение слова «филистер» варьировалось. В переводе с немецкого «philister» буквально означает «филистимлянин». Филистимляне были врагами израильтян. Именно в борьбе с филистимлянами погиб библейский Самсон, преданный Далилой. Положительное значение данного слова отмечено в книге Клюге. В конце XVII века в Иене он связывалось с понятием силача Голиафа: «Если мужчина высок, то его именуют филистером, т. е. могучим, как дерево, грандиозным, как башня, – гигантским Голиафом». (Kluge Fr. Wortforschung und Wortgeschichte. Leipzig, 1912. S. 27).

2 По мнению Н.Я. Берковского, именно колпак и шлафрок являются неизменными атрибутами филистера (подробнее об этом см. Берковский Н.Я. О повестях Белкина. О русской литературе. Л.: Художественная литература, 1985.)

3 Термин применяем условно, так как данная культура получает своё название уже после смерти Гофмана.

4 О немецком бюргерстве и его культуре подробно см.: Пуришев Б.И. Немецкая бюргерская литература XII века. Уч. записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1959. Вып. IV.; Жирмунский В.М. Очерки по истории классической немецкой литературе. Л., 1972.

5 Подробнее об этом см.: Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000.

© А.М. Таврина

«чего-нибудь закусить». Разговоры за столом обычно ограничиваются предметами, касающимися еды:

– Мне кажется, как будто эта каша, – говаривал обыкновенно Афанасий Иванович, – немного пригорела; вам этого не кажется, Пульхерия Ивановна?

– Нет, Афанасий Иванович; вы положите побольше масла, тогда она не будет казаться пригорелою, или вот возьмите этого соусу с грибками и подлейте к ней.

– Пожалуй, – говорил Афанасий Иванович, подставляя свою тарелку, – попробуем, как оно будет [3, с. 15].

В некоторых случаях пища становилась даже болеутоляющим средством. Ночью Афанасий Иванович жалуется на боль в животе. Это неудивительно, если учесть количество пищи, съеденной им в течение дня. Пульхерия Ивановна советует супругу «чего-нибудь съесть». После употребления пищи ему действительно «как будто сделалось легче» [3, с. 16]. Видимо, герои следуют пословице «клин клином вышибают».

Обыватель игнорирует все внешние события, которые прямо его не касаются. Подобно устрице, он заключается в тесную «раковину», в которой ему хорошо. Обыватель равнодушен к важнейшим политическим событиям. Они запоминаются филистеру только благодаря изменениям, которые происходят в это время в их маленьком мирке (например, в излюбленной «гастрономической» сфере):

«Тётушка вмешалась в наш разговор:

– Что у вас там такое? <…> Что ты ей там напеваешь?

– Мы рассуждаем с кузиной о французской революции.

– Помню, помню, батюшка; это когда кофей и сахар вздорожали…» [4, с. 319].

Обыватели были противниками просвещения. Для них просвещение означало распространение вольнодумства, которое могло потревожить их маленький уютный мирок. Один из героев повести Н.А. Мельгунова «Кто же он?» (1831) собирается ставить в своём домашнем театре пьесу А.С. Грибоедова «Горе от ума». Родственники и знакомые Петра Андреевича не одобряют его выбор:

– <…> Какое оскорбление вкуса! Вопреки всем правилам, комедия в четырёх действиях! Не говорю уже о том, что она писана вольными стихами; сам Мольер…

– Вольные стихи ничего, <…> только бы в ней не было вольных мыслей! [5, с. 239]

Обыватели являлись самой невзыскательной частью читательской аудитории. Круг их чтения составляют в основном периодические издания официозного характера. Вспомним, как поручик Пирогов из повести Гоголя «Невский проспект» (1834) нашёл забвение от обиды, нанесённой ему немецкими ремесленниками: «По дороге он зашёл в кондитерскую, съел два слоёных пирожка, почитал кое-что из «Северной пчелы» и вышел уже не в столь гневном положении» [6, с.]. Высокие, классические произведения «изящной словесности» были скучны для обывателей, которые все функции литературы сводили к развлекательной. «Вот я дожила до 60 лет, а не могу понять, что утешного находят в книгах. В молодости я спросила однажды, какая лучшая в свете книга? Мне отвечали: «Россияда» сенатора Хераскова. Вот я и принялась ее читать; только такая, батюшка, скука взяла, что я и десяти страниц не прочла. <…> И уж не знаю, я ли глупа или что другое, только с тех пор, кроме газет, ничего не читаю, да и там только о приезжающих» [4, с. 318].

Представители каких социальных классов воспринимали окружающий мир сквозь призму обывательского сознания?

По мнению романтиков, носителем филистерской морали являлось, прежде всего, светское общество, то есть люди дворянского сословия. Именно приличия и законы высшего света формируют в человеке психологию обывателя. Светский обыватель игнорирует духовные ценности, концентрируя своё внимание на материальных благах. «Чины и деньги» – это заглавие повести Е.П. Ростопчиной вполне могло служить девизом аристократического общества того времени. «Светская львица» Клирмова желает составить для дочери выгодную партию. «Ну, уж я-то себе на уме – за выскочку не отдам! Ей партия – тот, кто знатен кто в чинах да в лентах, или тот, кому состояние дает в свете приличное положение» [7, с. 251]. Нравственные качества человека здесь в расчёт не берутся. Подобные взгляды характерны для большинства обывателей светских гостиных. Цель таких людей – удачное замужество (женитьба). А.А. Бестужев-Марлинский иронично называет их «охотники за браками». В повести «Испытание» (1830) Марлинский метко подмечает бездушность светских обывателей. В высшем обществе искажается понятие «душа». Оно обозначает количество крепостных душ, которыми владеет человек. Выбирая себе невесту, обыватель рассуждает: «Вот эта, правда, не очень красива и очень недалека, зато как одушевлена! чертовски одушевлена тремя тысячами душ, из которых ни одна не тает в ломбарде или двадцатилетнем банке, как большая часть наших приданных» [8, с. 87].

Высший свет не ждёт от человек искренности. Поэтому, как справедливо замечает В.Ф. Одоевский, в светском обществе «искусство лицемерия вошло

в правила воспитания» [9, с. 277]. Обыватель привык притворяться не только в светских гостиных, но и в семейном кругу. Одоевский с иронией именует семейный стол «свидетелем домашних тайн». За круглым семейным столом ропщут, сердятся, упрекают друг друга. «Послышится звонок, и всё исчезло! Эгоизм спрячется за дымчатое каньзу, на лице явится улыбка, и входящий в комнату <…> с умилением смотрит на дружеский кружок милого семейства» [10, с. 231].

Светские обыватели живут «строго сообразовано с принятыми приличиями». Они не пренебрегают мнением света. Поэтому обывателям чрезвычайно важно, «что станет говорить // Княгиня Марья Алексевна!» [11, с. 130]. Человек, восставший против законов светского общества, становится для них «persona non grata». Старая княгиня из повести Одоевского «Княжна Мими» (1834) «никогда не брала на себя неприятной обязанности вступаться за человека не в ладу с общим мнением» [10, с. 230].

Филистерской морали придерживались не только представители аристократического общества. Образ обывателей, принадлежащих к купеческому сословию, раскрыт в повести М.П. Погодина «Чёрная немочь» (1829). Марья Петровна и Семён Авдеевич знают только одну заботу – считать прибыль, которую им приносит торговля в лавке. По мнению Марьи Петровны, счастье человека заключается в обладании всевозможными материальными благами. Когда её сын впадает в уныние, купчиха по-своему старается утешить Гаврилу: «И шубу енотовую купила в семьсот рублей, и шапку бобровую, и сукна тонкого на сюртук; ничто не в помогу – такая-то *чёрная немочь* нашла на него» [12, с. 249]. Марья Петровна не догадывается, что Ганю тревожит отсутствие духовных потребностей в окружающих людях. Семён Авдеевич знает только одно «средство», помогающее рассеять тоску – женитьба. Безусловно, что Гаврила должен найти невесту порядочную, то есть ту, которая имеет порядочное приданое. Предлагая очередную невесту, сваха расписывает её достоинства: «Приданого поменьше, зато собою красавица, полная, румяная, здоровая, на фортепьяне так и рассыпается, что на твоих гуслях, и по-французскому умеет, бойка, резва…» [12, с. 253]. Но характер, увлечения, умственные способности и прочее совершенно не волнуют купца. «Полно, полно, Савишна, нам таких не надо, – прервал старик, – нам давай попроще да попрочнее» [12, с. 253]. «Попрочнее» на языке обывателя означает «побогаче».

Гаврила одержим страстью к науке, познанию окружающего мира. Его родителями эта страсть воспринимается как странность, душеная болезнь, «чёрная немочь». Семён Авдеевич не признаёт никаких наук, считая получение образования бесполезным делом. «О каких науках говорите вы, отец Фёдор? <…> Наше ли это дело купеческое? Разве без нас мало дураков, которые смотрят в яму и в ад с этими науками?» – таков ответ купца на просьбу священника разрешить Гавриле учиться [12, с. 274].

Как известно, для романтических личностей любовь являлась соединением двух родственных душ. Обывателям не знакомо понятие любовь. Для них существует только понятие удачная женитьба. Поэтому для Авакумовых женитьба сына означает торговую сделку, из которой каждая сторона извлечёт свою выгоду. Авакумовы получают пятьдесят тысяч приданого, а Куличёвы роднятся с семьёй богатого, знатного купца.

Сватовство в доме Куличёвых проходит в соответствии с обывательскими представлениями о нём. Хозяева и гости стараются щегольнуть своим богатством. Купцы толкуют «об упадке торговли, о новом канале, о понижении цены на хлеб, <…> о предстоящих банкротствах» [12, с. 272]. Создаётся впечатление, что присутствующие забыли, ради чего они собрались. Центром всеобщего внимания являются не молодые, а большой стол, «уставленный разными вареньями <…> и другими закусками» [12, с. 272].

Гаврила не понимает смысла своей вынужденной женитьбы. Зачем его богатому отцу полмиллиона, когда «лишние – и миллион, и рубль – равны»? «Деньги ради денег» – таков конечный смысл накоплений обывателя. Семён Авдеевич вкладывает деньги в предприятия, чтобы «получать двойной барыш», а затем «ворочать миллионами» [12, с. 275].

Семён Авдеевич не внял просьбам сына, который жаждал получить образование. Юноша добровольно покидает наш мир. В финале повести содержится намёк на раскаяние и возможное изменение обывательских взглядов Семёна Авдеевича: «Старик торговал по-прежнему, но и он стал задумываться чаще, а иногда на глазах его видели даже слёзы, которые утирал он украдкою от своих прикащиков» [12, с. 278].

В невежестве прозябают и представители низших слоёв общества. Энхен из повести В. Одоевского «Орлахская крестьянка» (1842), «образец немецкого трудолюбия и здоровья», не заботится о развитии своих умственных способностей [13, с. 279]. «Школьное учение ей не давалось; она едва знала грамоте и имела даже род отвращения от книг» [13, с. 294].

Мелочные обыватели встречаются не только среди столичных людей. Образ провинциальных филистеров раскрыт в повести В.Ф. Одоевского

«Сильфида» (1837). В провинциальном обществе, как и в светском, «странное не терпимо <…>: там не должны вы быть странны даже добродетелью и умом!» [14, с. 111]. Человек не должен выделяться из толпы.

Деревенские обыватели считают «хорошим человеком» того, кто живёт «как другие». Столичный житель Михаил Платонович, который приехал в деревню, чтобы рассеять свой сплин, пытается наладить отношения с соседями. Герой признаётся: «Одного они (соседи) не понимают во мне: как я, будучи прекраснейшим человеком, не пью пунша и не держу у себя псовой охоты» [15, с. 108].

Идеальный мирок обывателей заключается в сытом желудке, незамысловатых развлечениях и в обсуждении новостей из газеты «Московские ведомости». «С каким наслаждением я слушаю их невероятные суждения о единственном нумере «Московских ведомостей», получаемом на целый уезд; в этом нумере, для предосторожности обвернутом в обойную бумагу, читается по очереди все, от привода лошадей в столицу до ученых известий включительно; первые, разумеется, читаются с любопытством, а последние для смеха, – который я разделяю с ними от чистого сердца, хотя по другой причине; за то пользуюсь всеобщим уважением» – сообщает Михаил Платонович в письме к другу [15, с. 107]. Обыватели счастливы в своём невежестве, поскольку оно «никогда ещё не мешало пищеварению» [15, с. 108].

Михаил Платонович, желающий отдохнуть от светской жизни, с удивлением обнаруживает в деревне все пороки высшего света. Он отмечает, что низкие страсти сельских жителей сильней страстей аристократического общества, «а между тем предметы мельче» [15, с. 109]. Герой разочаровывается в окружающих его людях, которые заботятся только об удовлетворении собственных, «домашних» потребностей.

Жизнь среди обывателей пагубно воздействует на Михаила Платоновича. Его начинают привлекать филистерские наслаждения. «Мне очень хочется жениться на Катеньке, зажить степенным помещиком, поручить жене управление всеми делами, а самому по целым дням молчать и курить трубку. Ведь это рай, не правда ли?»[6] [15, с. 114]. Отец Катеньки Гаврила Софронович Реженский – типичный представитель филистерского мировоззрения. Все его интересы сосредоточены вокруг материальной стороны жизни. Михаил Платонович хочет поведать будущему тестю «о каком-то важном деле». «Я полагал, что он хочет завести поташный завод, о котором прежде поговаривал; думал я, что он хочет удивить меня и припасти для меня свадебный подарок, показав на опыте, что он может заниматься чем-нибудь дельным», – рассуждает помещик [15, с. 118]. Он согласился выдать дочь замуж за Михаила Платоновича, преследуя корыстные цели. Если столичный житель женится на Катеньке, Реженский, «надеясь на обоюдную пользу», прекратит тяжбу, которую он вёл с покойным дядей Михаила Платоновича.

Михаила Платоновича охватывает жажда познания. Он так увлечён каббалистическими книгами, которые достались ему в наследство от дяди, что оставляет свои филистерские мечты. «Мои разговоры с Катею, как ты легко можешь себе представить, не заставили меня забыть о моей солнечной вазе с водою»[7] [15, с. 115].

Обыватели вмешиваются в жизнь Михаила Платоновича. Они уничтожают прекрасный, неземной мир, в который погрузился герой. Бульонные ванны, ложка микстуры – универсальные средства, с помощью которых обыватель исцеляет любой недуг. Именно эти лекарства «спасают» героя, превращая его из восторженного мечтателя в ленивого филистера. Михаил Платонович полностью подчиняется законам обывательского существования: «Он сидел в халате, с трубкой в зубах; жена разливала чай» [15, с. 124]. Халат и трубка – детали, свидетельствующие о принадлежности героя к обитателям деревушки, прозябающим в мирке обыденности.

Герой привыкает к бездуховной жизни обывателя. Он «завёл псарную охоту, поташный завод, мастерски выиграл несколько тяжеб по землям», то есть сделался человеком «совершенно порядочным» и приличным по меркам филистеров [15, с. 126]. Михаил Платонович становится пошлым лентяем-сибаритом, который «крепко пьёт с соседями» и не даёт прохода горничным. Но зато в глазах обывателей «он теперь человек, как другие!» [15, с. 126].

В романтической эстетике герой-обыватель, лишённый глубоких чувств и страстей, отождествляется с существом неодушевлённым. Жизнь таких людей чётко распланирована, доведена до автоматизма. Поэтому в романтической литературе нередко возникают такие образы, как «механизмы, куклы, игрушки, подменившие собой человека, представ-

6 Вспомним, что даже самого Одоевского, «русского Фауста», напускавшего на себя образ «то ли учёного-чудака, то ли средневекового алхимика», порой одолевали вполне филистерские мечты. В декабре 1826 года в письме к А. Верстовскому он признаётся: «Я всё-таки сделал хотя одну, но большую новую вещь, т.е. женился, и теперь добиваюсь другой новой – ребёнка. Вообрази себе меня отцом семейства, целый день не вылезающего из халата, курящего трубку, едущего лимбуржский сыр и сочиняющего фуги…» [цит. по 16, с. 122].

7 Герой проводит эксперимент, о котором он прочитал в трудах мистиков.

ляющие его перед лицом мира» [17, с. 88]. Образы механизмов получили огромное распространение в западноевропейской литературе. Обращение к героям-автоматам характерно для творчества немецкого романтика Э.Т.А Гофмана (кукла Олимпия из новеллы «Песочный человек»). Подражание западноевропейскому романтизму отчетливо проявляется в русской литературе. Новелла А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения» (1828) повторяет сюжетные ходы повести Гофмана. Русский юноша с непривычным для своего отечества именем Алцест влюбляется в девушку, которую он видит в окне противоположного дома. Аделина, «девица красоты необыкновенной», оказывается искусно сделанной куклой. Её «сверхъестественная красота», равнодушие и хладнокровность[8] несколько смущают повествователя. Он сравнивает танцующую Аделину с «бездушною куклою, прыгающей на пружинах» [18, с. 111].

Алцест не только испытывает глубокие чувства к механической кукле, но и решает на ней жениться. А. Погорельский сомневается в том, что подобная история достоверна. Но отчего же нельзя влюбиться в говорящую куклу человеку, привыкшему вращаться в обществе среди бездушных, «деревянных» красавиц? «Взгляните на свет: сколько встретите вы кукол обоего пола, которые совершенно ничего иного не делают и делать не умеют, как только гуляют по улицам, пляшут на балах, приседают и улыбаются» [18, с. 117].

История любви человека к механической кукле воспринималась не только как фантазия, выдумка. Например, А.Ф. Вельтман вспоминает, как А.С. Пушкин во время кишиневской ссылки познакомился со странной девушкой. Вельтману казалось, что «она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства», то есть не живой человек, а механическая кукла [19, с. 234]. О своих наблюдениях за Пульхерией он сообщает: «Все движения, которые она делала, могли быть механическими движениями автомата. «Не автомат ли она?» <…> В походке было что-то странное, чего и выразить нельзя. <…> Прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою. Её лицо и руки так были изящны, что мне казались они натянутой лайкой» [19, с. 234].

В 1830 году в журнале «Галатея» была помещена любопытная заметка: «Г. Мельц в Бостоне изобрёл механическую собаку, которая так искусно подражает всем действиям учёного пуделя, что возбуждает удивление. Она служит, приносит вещи, положенные в известном отдалении, плавает, прыгает через палку и даже лает. Экземпляр такого диковинного пуделя стоит 200 долларов» [20, с. 481]. В том, что механическая собачка вполне способна заменить живое существо, нет ничего удивительного. Ведь в современном высшем обществе даже человека порой невозможно отличить от куклы. В вышеназванной повести «Песочный человек» любители светских чаепитий отметили, что Олимпия «вопреки всем приличиям, чаще чихала, чем зевала» [21, с. 259]. Чтобы доказать свою «человеческую» сущность «во время чаепития все невероятно зевали и никто не чихал» [21, с. 259]. Таким образом, подтверждением того, что ты живой человек, является частота зевания и чихания.

В русской романтической литературе к образу куклы, подменившей человека, обращается В.Ф. Одоевский. В «Сказке о том, как опасно девушкам толпою ходить по Невскому проспекту» (1833) он показывает нелепость современного женского воспитания. Румяную красавицу с горячим сердцем «заморские басурмане» наделяют наружностью искусственной, фальшивой. Новый облик героини вызывает жалость и отвращение. Перед нами кукла с желтоватым личиком[9], тоненькой шейкой. Фигуру героини чародей «затянул в узкий корсет, накинул на неё какую-то уродливую дымку» [22, с. 279].

В сердце бывшей красавицы чародей втиснул «множество романов мадам Жанлис, Честерфильдовы письма, несколько заплесневелых сентенций, канву, итальянские рулады, дюжину новых контрдансов, несколько выкладок нравственной арифметики» [22, с. 278]. Все эти «знания» бесполезны и не нужны для умственного развития человека. Они не способствуют расширению кругозора, но приводят к опустошению души.

Девушка-Кукла – существо с пустым сердцем, из которого чародеи «долго, долго <…> вытягивали, выдували» все человеческие чувства (кроме единственного – желания нравиться окружающим). Кукла не интересуется ни музыкой, ни книгами, ни искусством. Всё её внимание сосредоточено вокруг собственной персоны. Человеку, который её приобрёл, кукла заявляет: «Купил – так лелей, одевай, утешай! Что мне за дело до твоей души и до твоего хозяйства!» [22, с. 282]. Мир для куклы ограничивается «хрустальным колпаком», который оберегает её от пыли.

Речь героини бедна и однообразна. Об этом позаботился прилежный «волшебник»: «…Маленькими щипчиками разинул ей ротик, схватил язычок и повернул его так, чтобы он не мог порядочно выгово-

8 «На её лице ни одного раза не заметил и ни выражения восторга, ни движения любопытства – одним словом, никакой страсти» [18, с. 106].

9 «Окаянный басурманин» стёр с девушки «свежий славянский румянец».

рить ни одного русского слова» [22, с. 279]. Мысли и чувства красавицы искусственны так же, как и её внешний облик. Словарный запас Куклы состоит из примитивного набора напыщенных светских фраз. «Чувства почтения и преданности, с которыми честь имею быть, милостивый сударь, вам покорная ко услугам…» – твердит бездушный механизм [22, с. 280].

В «Той же сказке, только наизворот» (1833) кукла, благодаря индийскому мудрецу, духовно возрождается. Теперь бедной красавице, в которой затрепетало горячее сердце, приходится прислуживать «господину» Кивакелю.

Кивакель – «существо, которое назвать человеком было бы преступление». [23, с. 287] Внешний вид героя отвратителен: «раздавленная голова качалась беспрестанно, как бы в знак согласия; толстый язык шевелился между отвисшими губами, не произнося ни единого слова» [23, с. 288]. Туловище Кивакеля бесформенно, движения – искусственны.

Может быть, за безобразной оболочкой этого существа скрывается прекрасная душа? Кивакель наделён душой, но душой деревянной, «которая сквозилась в отверстия, занимавшие место глаз» [23, с. 288].

Жизнь Кивакеля пуста и бессмысленна. «Поэтическим наслаждением» для него является курение трубки, которое герой превращает в ежедневный ритуал. «…Каждое утро он <…> пересматривал восемьдесят чубуков, в стройном порядке перед ним разложенных; вынимал табачный картуз; с величайшим тщанием и сколь можно ровнее набивал все восемьдесят трубок; садился к окошку и молчал, ни о чём не думая, выкуривал все восемьдесят одну за другою: сорок до и сорок после обеда» [23, с. 299]. Второе «поэтическое» занятие Кивакеля – часами смотреть на лошадей. Каждый новый день жизни героя с точностью повторяет день предыдущий. Трубка, лошади, вопрос конюху[10], ответ которого остаётся неизменным… Жизнь Кивакеля доведена до полного автоматизма.

Итак, «синдром обывателя» охватил разные социальные классы: и дворянство, и купечество, и низшие слои общества. Даже среди сельских жителей встречались не только «естественные» люди, стремившиеся к гармонии с природой, но и мелочные обыватели. Симптомы данной «болезни» были одинаковы для всех сословий: «жизнь в материи»[11], эгоизм, лицемерие, презрение к научной и «изящной» деятельности. Филистеры способны воздействовать на слабого духом человека, навязывая ему свои вкусы и мораль (повесть В. Одоевского «Сильфида»). Жизнь обывателей настолько однообразна и отрегулирована, что превращает их в существо неодушевлённое – автомат. Поэтому романтики в своих произведениях нередко подменяют живого человека механизмом.

В «Той же сказке, только наизворот» В. Одоевский отмечает, что светские дамы рассердились на него за сравнение их с куклами. Однако если приглядеться повнимательнее, в светских гостиных столичных и провинциальных городов всегда найдутся и куклы, и кивакели, бессмысленно тратящие в увеселениях и никчёмных занятиях свою жизнь.

10 – Что лошади?
– Да ничего.
– Стоят ли на стойле? Не правда ли? – продолжал господин Кивакель.
– Стоят на стойле.
– Ну то-то же…
Тем заканчивался разговор... [23, с. 289].

11 Как оппозиция романтической «жизни в мечте».

Библиографический список

1. *Берковский Н.Я.* Э.-Т.-А. Гофман. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 510.
2. *Белинский В.Г.* Стихотворения М. Лермонтова. Отечественные записки. 1840. Т. XIII. № 11.
3. *Гоголь Н.В.* Старосветские помещики. Собрание сочинений: В 7 томах. Т. 2. М. : Художественная литература, 1976. С. 333.
4. *Одоевский В.Ф.* Косморама. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 319.
5. *Мельгунов Н.А.* Кто же он? Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 239.
6. *Гоголь Н.В.* Невский проспект. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 3. М. : Художественная литература, 1976. С. 352.
7. *Ростопчина Е.П.* Чины и деньги. Марьина роща: Московская романтическая повесть. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 251.
8. *Бестужев-Марлинский А.А.* Испытание. Русская романтическая повесть. М.: Советская Россия, 1980. С. 87.
9. *Одоевский В.Ф.* Княжна Зизи. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981. С. 277.
10. *Одоевский В.Ф.* Княжна Мими. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981. С. 231.

11. *Грибоедов А.С.* Горе от ума.Сочинения. М. : Художественная литература, 1988. С. 750.
12. *Погодин М.П.* Чёрная немочь. Русская романтическая повесть. М.: Советская Россия, 1980. С. 249.
13. *Одоевский В.Ф.* Орлахская крестьянка. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840 гг.) Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 279.
14. О светских обществах и хорошем тоне. Московский телеграф. 1825. Ч. 1.
15. *Одоевский В.Ф.* Сильфида. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1981. С. 108.
16. *Турьян М.А.* Странная моя судьба. О жизни В.Ф. Одоевского. М. : Книга, 1991. С. 398.
17. *Ванслов В.В.* Эстетика романтизма. М., 1966. С. 88.
18. *Погорельский А.* Пагубные последствия необузданного воображения. Русская и советская фантастика. М. Правда, 1989. С. 640.
19. *Вельтман А.Ф.* Воспоминания о Бессарабии. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1950. С. 234.
20. Галатея. 1830. № 31. С. 481.
21. *Гофман Э.-Т.-А.* Песочный человек. Избранные произведения: В 3 томах. Т. 1. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 590.
22. *Одоевский В.Ф.* Сказка о том, как опасно девушкам толпою ходить по Невскому проспекту. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840 гг.) Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 672.
23. *Одоевский В.Ф.* Та же сказка только наизворот. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820-1840 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 672.

A.M. TAVRINA

THE IMAGE OF THE HERO-MIDDLEBROW IN RUSSIAN ROMANTIC NOVELS IN THE LATE 20'S - EARLY 40-IES OF THE XIX CENTURY

Romantics, looking for the heroes of lofty and the strong spirit, were able to reveal the image of mundane man – midlebrow. These people adversely impacted on the lives of the noble romantic heroes. The article shows that «the middlebrow syndrome» has affected all sectors of society of the period under review. The main symptoms of this «disease» are identified.

Key words: ***middlebrow, philistines, biedermeier, hero-"machine", heroine-"doll".***

В.А. ТЕЛКОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Елецкого государственного университета им. И. Бунина
E-mail: podoksenov2006@rambler.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР В ТРУДАХ МЕТОДИСТОВ БУСЛАЕВСКОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена одному из видов грамматического разбора – синтаксическому разбору. В работе подробно анализируется содержание и методика проведения синтаксического разбора на основе учебных пособий, авторы которых были последователями Ф.И. Буслаева.

Ключевые слова: ***грамматический разбор, синтаксический разбор, простое предложение, сложное предложение, второстепенные члены, пунктуационные навыки.***

Главной опорой преподавания грамматики большинство сторонников Ф.И. Буслаева считали практические упражнения, среди которых ведущее место занимал грамматический разбор. «Грамматический разбор как прием обучения, – писал известный методист А.В. Текучев, – принадлежит к самым распространенным в старой школе методическим приемам обучения грамматике» [8, 21]. Это нашло отражение в таком программном документе, как «Учебный план преподавания русского языка и словесности» (1873) [9], где данный вид упражнений входил в обязательный список практических занятий с первого по четвертый класс.

Грамматический разбор, который в то время рассматривался как совокупность двух разборов – синтаксического и этимологического (в современной терминологии морфологического), включался во все учебные грамматики. Однако авторы этих грамматик зачастую по-разному интерпретировали то или иное языковое явление, из-за чего единого взгляда на содержание и методику проведения разбора не было. Стремясь минимизировать существующие противоречия, некоторые методисты сосредоточились на выработке общих принципов, которыми должны руководствоваться педагоги для правильной постановки грамматического разбора. Наиболее удачно, на наш взгляд, это получилось у П.Н. Полевого, который в своей книге «Методика преподавания русской грамматики» (1884) смог довольно ясно и четко сформулировать общие рекомендации для усовершенствования как синтаксического, так и этимологического разбора.

Автор «Методики» считал грамматический разбор полезным видом упражнения для лучшего усвоения теоретических сведений, но только при условии, «если он интересует учеников, если он требует с их стороны большего внимания и некоторой ловкости, если он доставляет им возможность выказать и сведения их, и некоторую сообразительность», в противном случае он превращается «в чисто механическое, очень скучное упражнение» и становится уже «не подспорьем, а помехой к приобретению грамматических сведений» [5, 63].

Любой разбор, по мнению П.Н. Полевого, должен строиться на основе двух важнейших принципов – последовательности и постепенности. Исходя из этих принципов, методистом была разработана целая система упражнений в синтаксическом разборе, согласно которой «сначала разбираются 1) предложения простые нераспространенные, состоящие из подлежащего и сказуемого <…> Заметим кстати, что подлежащим сначала должно являться только имя существительное, а сказуемым только глагол. Затем 2) в предложения простые, нераспространенные, состоящие из существительного подлежащего и глагола – сказуемого, вводится определение прилагательное, которое рассматривается в соответствии с подлежащим, в различных родах и числах. Затем уже – 3) в предложения простые нераспространенные, состоящие из подлежащего-существительного и сказуемого-глагола, вводится дополнение существительное. И только тогда уже, когда соотношение между этими четырьмя частями предложения вполне станет ясно ученику, когда он при помощи различных наведений и вопросов убедится в том, что определение может относиться только к подлежащему, а дополнение только к сказуемому, – можно допустить в предложение пятый член, именно: 4) в предложение простое нераспространенное, состоящее из подлежащего и сказуемого, вводится обстоятельственное слово – наречие, и ученик научается распознавать его при помощи отдельного ряда вопросов, не приложимых ни к определению, ни к дополнению» [5, 65]. Все эти упражнения направлены на прочное и сознательное усвоение состава простого предложения,

© В.А. Телкова

что в дальнейшем могло облегчить его анализ. Примечательно, что эффективность методических разработок П. Полевого косвенно подтвердил известный методист А.В. Текучев, утверждавший, что «положительные результаты грамматический разбор может дать лишь при обязательном условии соблюдения общепедагогического требования о постепенности перехода от легкого к более трудному. В целях соблюдения этого условия и следует грамматический разбор усложнять постепенно, переходя от частичного к полному разбору» [8, 6].

После того, как «все части простого предложения станут вполне понятны и знакомы ученику, и вместе взятые, и каждая порознь (в их взаимном соотношении)», П.Н. Полевой предлагает перейти к следующей серии упражнений «в замене частей предложения другими (кроме уже известных ученику) частями речи». В ходе такой работы «учитель может сначала давать ученикам предложения, в которых подлежащим может являться не существительное, а местоимение личное или вопросительное, а сказуемое может стоять не в изъявительном, а в повелительном или сослагательном наклонении. Точно так же и дополнение может быть выражаемо не существительным в косвенном падеже, а прилагательным (заменяющим существительное) или местоимением указательным, личным или определительным. В таком же смысле определение может быть выражаемо в новых примерах учителя не только прилагательным качественным, но и числительным, и притяжательным, и местоимениями» [5, 67]. Подобные упражнения, знакомящие учеников с разнообразными способами выражения членов предложения, являются, на наш взгляд, весьма продуктивными занятиями по предупреждению ошибок в анализе членов предложения, выраженных нетипичными для них частями речи.

Для правильной постановки грамматического разбора, кроме системы упражнений, автором «Методики» было предложено несколько «методических приемов». На начальном этапе, считал П.Н. Полевой, «когда ученики еще не вполне освоились с составом предложения, разбор должен быть непременно устным и его следует производить всем классом, выставляя предложения, крупно и четко написанные на классной доске». После усвоения учениками плана разбора и образца его «может быть допущен устный разбор, каждым учеником в отдельности, тех предложений, которые продиктованы учителем и записаны учениками в тетрадях». На следующем этапе устный разбор сменялся письменной формой, что повышало степень самостоятельности его выполнения. Завершалась работа составлением таблиц разбора, которые были призваны «не только в значительной степени облегчить, но даже и систематизировать труд ученика» [5, 63].

Приемам анализа сложного предложения, по сравнению с простым, П.Н. Полевой уделяет мало внимания, полагая, что они «должны оставаться теми же; разница должна неизбежно заключаться лишь в том, что ученику придется иметь дело с несколько более сложным грамматическим материалом» [5, 79]. Примечательно, что методист анализ сложного предложения тесно увязывает с формированием пунктуационных навыков, не без основания утверждая, что только «долгая практика разбора» поможет сознательно усвоить правило ученику, вследствие чего он «избежит возможности ставить в сложном предложении запятую наугад, и что еще хуже: – ставить ее механически» [5, 80].

К другому типу учебных пособий относятся руководства, ранее не попадавшие в поле зрения исследователей отечественного языкового образования, в которых предлагались конкретные рекомендации при выполнении грамматического разбора, что нашло отражение в их названиях, в частности «Как делать грамматический разбор» Г.Д. Рыбалка (Феллин, 1894), «Схема разбора грамматического» П. Бракенгеймера (1895), «Как делать синтаксический разбор» Н.М. Ярошенко (Кишинев, 1897). Появление подобных пособий было связано с практической деятельностью их авторов в качестве учителей русского языка, когда они на собственном опыте испытали, «насколько трудно вести грамматический разбор без определенного руководства, <…> которое заключало бы в себе перечень главнейших положений, на которых мог бы и должен был бы основываться производимый учеником грамматический разбор»[6, 4]. В результате каждый из вышеперечисленных педагогов с большей или меньшей степенью детализации разработал свою систему грамматического разбора, где особое место отводилось разбору синтаксическому.

В обстоятельном пособии Г.Д. Рыбалка «Как делать грамматический разбор» детально описывается методика проведения полного грамматического разбора. В предисловии, адресованном преподавателям, автор говорит о значении этого вида упражнений для успешного изучения грамматики. Вслед за Ф.И. Буслаевым он отмечает, «что знание теоретического курса грамматики еще не является гарантией того, что ученик понимает надлежащим образом различные формы выражения мысли; а потому лучшим способом прохождения начального курса грамматики, по моему мнению, следует считать способ практический, основанный на изучении форм языка путем грамматического разбора. <…> Как бы преподаватель не проходил с учениками

курс грамматики, грамматический разбор (точнее говоря логико-грамматический) является при прохождении этого курса альфой и омегой» [6, 3].

Грамматический разбор для автора пособия состоит из разбора этимологического и синтаксического. Последний понимается как «разбор по предложениям и по членам предложений» и соответственно заключается «в а) – указании характера предложения по составу (простое оно или сложное) и зависимости между отдельными частями его (простыми предложениями или сложными); в) – указании каждого предложения и его как главных, так и второстепенных членов и с) – указании грамматических форм, которыми выражены различные члены предложения» [6, 9]. При этом отмечается, что «разбор образца синтаксический обыкновенно соединяется с этимологическим, который производится за первым» [6, 10].

После того, как Г.Д. Рыбалка дал понятие о синтаксическом разборе и его общей схеме, следует целая серия тематических разборов, начиная с анализа простого нераспространенного предложения и заканчивая сложным, состоящим из нескольких простых предложений.

Завершается серия тематических разборов образцом полного «синтактическо-этимологического» анализа простого предложения. Учащимся предлагается разобрать предложение *Молодой стройный клен красиво раскинул свои легкие ветки*. Анализ начинается с общей характеристики предложения: «Что представляет этот пример? (предложение). Какое это предложение по числу выраженных в нем мыслей? – по числу выраженных в этом предложении мыслей – предложение это простое, так как в нем выражена одна мысль. По отношению к подлежащему данное предложение личное (почему?); по отношению к сказуемому – утвердительное (почему?); по отношению к главным членам предложения – полное (какие в этом отношении бывают еще предложения?); по отношению к второстепенным членам предложения – распространенное (чем распространенное предложение отличается от краткого?); и, наконец, по отношению к лицу говорящему – повествовательное, потому что оно не выражает ни вопроса, ни восклицания» [6, 38]. Особенность данного образца разбора заключается в том, что автор сопроводил каждый ответ вопросом (почему?), заставляющим ученика самостоятельно думать, рассуждать, доказывать, почему разбираемое явление квалифицируется именно таким образом, а не иначе. Это особенно важно для сознательного усвоения материала школьниками.

После общей характеристики простого предложения следует анализ его членов, каждый из которых определялся по вопросу. Интересно, что Г.Д. Рыбалка был одним из немногих педагогов того времени, кто предлагал начинать разбор не с подлежащего, а со сказуемого. О целесообразности именно такого порядка нахождения главных членов предложения довольно убедительно писал А.А. Дмитревский, чью точку зрения, судя по всему, вполне разделял автор пособия: «Буслаев сказал: сказуемое есть основной член предложения. – В таком случае и разбор начинайте со сказуемого. <…> Когда найдено сказуемое, подлежащее само напрашивается на язык. Напр. сказуемое «увидел» в предложении «осел увидел соловья» найдено. Тогда неизбежен вопрос: кто увидел? Осел – подлежащее, находимое так же легко, как и дополнение «соловья» на вопрос «кого увидел?» <…> А если вовсе нет подлежащего в предложении, то никто не станет напрасно предлагать целых два вопроса, остающихся без ответа, напр. «нет уж дней тех светлых боле». Если найдено сказуемое «нет», то никакой ученик не спросит «кто нет или что нет», а только «чего нет?» – Дней»[2, 22]. Подобная позиция близка и некоторым современным лингвистам, в частности проф. Р.А. Московкина считает, что «начиная анализ по членам предложения с вопроса кто? или что?, учащиеся нередко за подлежащее принимают прямое дополнение (случай широко известный учителям). Если же ученик вначале найдет сказуемое, которое есть в любом предложении, за исключением некоторых неполных и назывных предложений, и от него поставит вопросы кто? что? (на них отвечает большинство подлежащих), то точно найдет подлежащее или установит, что нет слова, отвечающего на поставленный вопрос» [4, 69].

Выделив грамматическую основу предложения, сначала сказуемое – раскинул, за ним подлежащее – клен, которое обнаруживается с помощью вопроса кто раскинул?, учащимся предлагается перейти к анализу второстепенных членов независимо от их позиции по отношению к главным. Далее следует разбор данных членов предложения как частей речи.

Анализ сложного предложения Г.Д. Рыбалка предлагал проводить по следующему плану:

«1. назвать пример;

2. указать, простое или сложное предложение оно из себя представляет и какое именно сложное предложение: сложноподчиненное или сложносочиненное, и почему;

3. если пример есть сложносочиненное предложение, то указать, из скольких равносильных предложений оно состоит и разобрать в синтаксическом отношении каждое из предложений;

4. если пример есть сложноподчиненное пред-

ложение, то, указав на то, что оно сложноподчиненное предложение, так как состоит из главного предложения (назвать главное предложение) и придаточного (или придаточных) и каких (или какого), следует указать потом степени придаточных предложений, определив значение каждого из них в предложении по вопросам; далее, – после определения того, какое предложение представляет из себя главное предложение по отношению к подлежащему, сказуемому и т.д., – надлежит сделать синтаксический разбор главного и придаточных предложений, определяя значение каждого из членов предложения по вопросам и отвечая на поставленный вопрос всеми уже разобранными членами предложения, и наконец, –

5. произвести этимологический разбор всех слов данного образца» [6, 51].

Представленный в пособии Г.Д. Рыбалка разбор сложного предложения, на наш взгляд, несовершенен. К числу его основных недостатков можно отнести неоправданно малый объем сведений, привлекаемых для анализа, отсутствие аргументации и четких критериев для правильной квалификации синтаксической конструкции, в частности простого и сложного предложения, слитного и сложносочиненного, главного и придаточного, и, наконец, игнорирование пунктуационного материала. Хотя, справедливости ради заметим, что эти же недостатки при анализе сложного предложения обнаруживаются в целом ряде учебных грамматик и пособий того времени.

Появившееся в 1895 году небольшое по объему (15 страниц) руководство П. Бракенгеймера также посвящено грамматическому разбору, который, по мнению автора, необходимо начинать с анализа предложения, поскольку «в предложении – сущность строения речи: к нему примыкают все явления языка. На предложении потому и естественно строить всю схему разбора грамматического» [1, 7].

В соответствии с установками, заложенными в трудах Ф.И. Буслаева, общая схема анализа предложения у П. Бракенгеймера выглядит так: «Начинать разбор грамматический предложения (данного) надо обозрением его со стороны целого; если оно сложное, необходимо вторым приемом выделить его слагаемые – с соответствующими их значению именами: главное (- ыя) указать, придаточное (- ыя), вводное (- ыя), оттенить при этом же одно придаточное, сообразно его роли, от другого – придаточное определительное, дополнительное, обстоятельственные (места, времени, способа, цели или причины), с отношением к слову уясняемому; отметить вид придаточного: полное оно или сокращенное. Расчленив таким образом сложную форму речи на ее слагаемые, надо каждое простое предложение разбирать отдельно» [1, 7].

При характеристике простого предложения предлагается «указать его состав, способ выражения, отношение к подлежащему, значение сказуемого, характер» [1, 9]. В последующем образце устного разбора, представляющим собой предполагаемый ответ школьника, каждый из названных признаков предложения детально анализируется. Воспроизведем образец разбора полностью, отметив при этом, насколько много внимания автор уделяет аргументированной, правильной и точной речи отвечающего. «Написав на доске предложение *Все предвещало быстрое наступление грозы*, ученик приступает к разбору: со стороны целого, или по внутреннему содержанию, говорит он, это предложение простое, потому что оно одно, без помощи других, ясно, точно и вполне определенно выражает известную мысль. По составу, продолжает разбирающий, оно (т.е. предложение: ученик намеренно не повторяет этого слова, чтобы и стилистическая в его ответе сторона была безукоризненною) – распространенное, потому что в нем есть второстепенные члены предложения; по способу выражения – полное, так как оба главные члена предложения стоят налицо. Отвечающий не говорит: «потому что подлежащее и сказуемое – налицо» или…два главных члена…; не говорит потому, что боится неточности: два не исключает третьего, четвертого и т.д.; лишь выражение – «оба главные члена» может быть принято исчерпывающим понятие – и о предложении, и его членах, главных и второстепенных. По отношению к подлежащему это предложение личное, ибо подлежащее в нем выражено грамматически, т.е. вполне определенным словом. При таком ответе не замечается, кажется, в разбирающем сбивчивости, смешения, например, предложения неполного (по составу) с безличным (по отношению к подлежащему). По значению сказуемого – утвердительное: при сказуемом нет отрицания; по характеру – повествовательное: тон речи обыкновенный, разговорный» [1, 9-10].

Завершается анализ простого предложения характеристикой его членов, или, в терминологии П. Бракенгеймера, почленным разбором. Правда, ни плана, ни образца такого разбора автор не представил, ограничившись лишь рекомендацией сначала выделять главные члены, затем второстепенные. Несмотря на это явное упущение, почленный разбор интересен тем, что он сопровождается графическим подчеркиванием главных членов и условным обозначением второстепенных (сокращенные названия членов предложения надписывались сверху разбираемого слова, над строкой). П. Бракенгеймер

подробно описывает, как это нужно делать: «Подлежащее подчеркивают горизонтальной линиею, сказуемое – двойною; каждый из второстепенных членов каждый из второстепенных членов сначала читается и потом уже, в зависимости от роли своей относительной, обозначается соответствующим именем, графическое же изображение его (данного второстепенного члена предложения) выводится стрелочкою, ведомою непрерывно от пресеченного слова, служащего обозначением имени данного второстепенного члена предложения, к тому слову, к которому относится последнее» [1, 8]. В результате при синтаксическом разборе приведенное предложение принимает такую форму:

Использование автором пособия графической записи и условных обозначений для оформления синтаксического разбора можно рассматривать как удачный новаторский методический прием, помогающий наглядно воспроизвести основные компоненты предложения и смысловые связи между ними.

Трудно сказать, сам ли П. Бракенгеймер ввел эти обозначения или же воспользовался уже известными на тот момент, но ясно одно – с этого времени стала формироваться система графических подчеркиваний синтаксических явлений, принятая в современной учебной литературе.

В традициях того времени разбору сложного предложения в пособии уделено немного внимания. Достаточно сказать, что анализ сложносочиненного предложения сводится лишь к выделению составляющих его предложений и определению их самостоятельности по «взаимному отношению друг к другу» [1, 13]. Анализ сложноподчиненного предложения отличается лишь тем, что здесь необходимо определить «по взаимному отношению предложений друг к другу» главное и придаточное, у последнего указать его вид. Но как школьник должен это делать, исходя из каких критериев, непонятно, поскольку какие-либо авторские рекомендации здесь отсутствуют. Между тем выяснение способов разграничения частей сложноподчиненного предложения и определения вида придаточного совершенно обязательный этап в анализе сложноподчиненного предложения, поскольку это важно не только для общей грамматической характеристики предложения, но и для правильной расстановки знаков препинания.

Материал, посвященный анализу сложного предложения, в пособии П. Бракенгеймера, как и в руководстве Г.Д. Рыбалка, изложен весьма кратко, поверхностно, неглубоко. Полагаем, что во многом это было связано с недостаточной разработанностью учения о сложном предложении и его основных разновидностях в большинстве школьных грамматик того времени.

Н.М. Ярошенко, в отличие от предыдущих руководств, построил свое пособие «Как делать синтаксический разбор» по-другому. Он отказался от теоретических сведений, методических указаний, образцов развернутых предполагаемых ответов. Синтаксический разбор в пособии представлен в вопросно-ответной форме. Вопросы – это схема разбора, ответы – образец.

Вопреки установившемуся в то время порядку начинать разбор с общей характеристики простого предложения, Н.М. Ярошенко сначала обращается к анализу членов предложения. Нам остается лишь догадываться, почему автор отступил от традиции. Возможно, он руководствовался теми же соображениями, что и известный методист нашего времени Р.А. Московкина, которая вполне разумно замечает: «Чтобы ответить на вопросы, какое предложение по наличию главных членов и способу их выражения, по наличию второстепенных членов предложения, представлены ли все необходимые члены предложения – необходимо произвести предварительный или попутный анализ членов предложения, что фактически ученик мысленно и делает. Поэтому целесообразно при синтаксическом анализе предложения вначале произвести разбор по членам предложения, а затем по составу предложения» [11, 6-7].

Н.М. Ярошенко, в отличие от предыдущих авторов, не только выделяет главные и второстепенные члены, но и перечисляет их основные структурные признаки, что способствует более четкой типологии каждого члена предложения. Более того, составитель впервые ввел в синтаксический разбор сведения о способах выражения членов предложения, что позволило ему отказаться от этимологического разбора.

Следующий этап синтаксического анализа – общая характеристика простого предложения – особого интереса не представляет, поскольку мало отличается от образцов в других пособиях. В основном Н.М. Ярошенко использовал ту же схему разбора и ту же терминологию, что и П. Бракенгейм.

Зато особого внимания заслуживает анализ сложного предложения (сложносочиненного и сложноподчиненного), так как его схема и содержание не совпадают ни с одним из ранее рассмотренных образцов. В частности анализ сложноподчиненного предложения *Когда в селах пустеет,* ***из лесов тихомолком по полям волк за волком отправляются все на добычу*** выглядит так: «Где главное предложение? Напечатанное жирным шрифтом;

Где придаточное предложение? Напечатанное нежирным шрифтом; Какое слово главного предложения поясняется придаточным предложением? Отправляются; Какой вопрос надо поставить при этих словах, чтобы на него ответило придаточное предложение? Когда; По форме полное оно или сокращенное? Полное; Если полное, то чем связано с главным (мест., нар., союзом)? Союзом «когда»; Какое придаточное предложение по значению? Временное; Можно ли его сократить и посредством чего? Нельзя; Если нельзя сократить, то почему? Потому что разные подлежащие в главном и придаточном предложении; придаточные; Отчего так поставлены знаки? Каждое придаточное предложение от другого придаточного и от главного отделяется запятой» [11, 9-10]. Предложенный Н.М. Ярошенко разбор сложноподчиненного предложения выглядит довольно логично и стройно. Последовательность вопросов такова, что обязывает учащихся к ряду операций при определении вида придаточного: выясняется, к чему относится придаточная часть, на какой вопрос отвечает, как связывается с главным предложением, какому второстепенному члену предложения соответствует. Значимость подобного порядка разбора заключается в том, что учащиеся при анализе должны были обращать внимание не только на сходство придаточного предложения с тем или иным членом главного, но и на структуру (строение) и значение придаточного предложения, что позволяло охарактеризовать изучаемую единицу, исходя не из одного, как было тогда принято, а из нескольких признаков.

Интересно, что последующий разбор сложносочиненного предложения автор пособия проводит в сопоставлении с типичным сложноподчиненным, что с методической точки зрения вполне оправданно, поскольку такой прием позволяет вычленить специфические признаки, присущие каждому типу сложного предложения.

В целом же схема анализа разных типов сложного предложения в руководстве Н.М. Ярошенко, в отличие от рассмотренных нами в предыдущих пособиях, значительно шире и содержательнее, за счет включения в нее сведений не только о структурных, но и о семантических свойствах сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Появление такой схемы имело и другие положительные стороны: во-первых, в своих основных чертах оформился тот порядок разбора разных типов сложного предложения, который просуществовал до 70-х годов прошлого века, а во-вторых, неотъемлемой частью разбора стала работа по формированию пунктуационных навыков.

Наряду с учебными пособиями, посвященными «разъяснению тайн проведения грамматического разбора» [7, 41], во второй половине XIX века появился целый ряд публикаций, где выражалось негативное отношение к этому виду практических занятий. Одной из первых можно назвать статью учителя А. Дмитрюкова «Мысли о преподавании русского языка», опубликованную в журнале «Филологические записки» в 1860 году. В ней автор высказал свои сомнения в необходимости «синтаксического или, так называемого, логического разбора, т.е. разбора предложения и составных его частей, в деле основательного изучения отечественного языка» [3, 143]. «Разбор предложений и затем частей речи, – писал А. Дмитрюков, – не составляет еще знания языка, – это не цель и далеко еще не все» [3, 143].

Педагог считал, что неправильно «придавать слишком много значения и важности грамматическому разбору, ставить его на первый план, а более важное отодвигать на задний, или проходить мимо <…>, но и отрицать изучение грамматических форм не нужно» [3, 144]. Исходя из этого предлагалось в первых двух классах изучать не сухие грамматические формы, а живую мысль, живое литературное слово путем анализа художественных произведений. Только в третьем классе, по мысли А. Дмитрюкова, можно было переходить к более подробному, основательному и систематическому изучению форм языка.

Из всех рассуждений автора о грамматическом разборе особенно ценно то, где он рекомендовал учителям обращать внимание учащихся на определенную связь между анализом грамматических форм и правильным построением речи. Мотивировалось это тем, что «логическая правильность выражения требует, чтобы грамматические части предложения находились между собою в известном отношении, гармонировали между собою, в противном случае в правильно построенной речи ничтожное, по-видимому изменение окончания одного, двух слов производит так называемую грамматическую бессмыслицу, отступления от общих законов построения языка, т.е. от согласования и управления слов» [3, 148]. Отсюда грамматический разбор, по справедливому мнению педагога, станет понятным и осмысленным для школьника только тогда, когда «он убедится и сознает важность строя речи, когда он увидит, что от несоблюдения строгого отношения между словами произойдет нескладица» [3, 149]. «Без этого, – заключает А. Дмитрюков, – разбор мало полезен в практике обучения отечественному языку» [3, 149].

Следующим, кто затронул проблему грамматического разбора, был известный филолог

И.И. Срезневский, который, будучи представителем академической науки, вместе с тем хорошо разбирался в вопросах современного русского литературного языка как предмета преподавания в средних учебных заведениях. Во многом это было связано с тем, что ученый с 1851 по 1857 год был инспектором школ и частных пансионов Петербурга, а с 1856 по 1859 год – членом ученого комитета при главном управлении училищ по русской словесности.

В появившейся в академическом журнале «Известия Отдела русского языка и словесности» основательной работе «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте» (1860) И.И. Срезневский среди прочих проблем школьного обучения родному языку коснулся и грамматического разбора.

Выступив против схоластической системы преподавания, ученый рассматривал грамматический разбор как порождение этой системы. По его мнению, разбор в том виде и в том объеме, в каком он применялся в школьной практике, является занятием ненужным, и даже вредным. «Что может выражать наречие? Какими родами слов можно выразить дополнение в предложении? Чем бывает в предложении имя существительное, местоимение, глагол, наречие? <…> Годы проходят над изучением таких сокровищ знания, годы мучится бедный невольник схоластики – к чему? Только и хорошего в исходе, что радость души мученика, когда все это мученье для него кончится, когда он сдаст свое последнее испытание, стерпит свою последнюю пытку. Годы истрачиваются, видимо, понапрасну, со вредом для ума учащихся» [7, 278].

На конкретных примерах И.И. Срезневский убедительно доказал, что разбор бесполезен «для достижения успехов в языке», поскольку не учит думать и выражать свои мысли правильно, ведь «касается он не мысли, а форм, в которые обрекается мысль, выражаемая словами», грамматически же правильно «можно сказать или написать самую отчаянную нелепость – и она подчинится логическому разбору гораздо легче, чем самая простая мысль, выраженная непринужденно, не по мерке этого разбора» [7, 293]. А между тем, «изучая язык, надобно изучать именно то, чего требует сама природа, то, что естественно увеличивает знание языка, т.е. постепенно навыкать все более вдумываться в средства, предлагаемые языком для выражения того, что языком может быть выражено, все более навыкать понимать выражаемое на нем, и выражаться понятно и верно, навыкать умом, дающим самому себе отчет, а не одною безотчетностью памяти» [7, 295].

Особенно вреден, по И.И. Срезневскому, логико-грамматический разбор, в начале обучения, поскольку он «заглушает в детях развивающееся чутье живой выразительности родного языка. Чтобы заставить дитя понимать внешний строй таких выражений, надобно отвлекать его постоянно от привычки глядеть на них чутьем» [7, 293]. Ученый предлагает «вести детей не по извилинам этого разбора, а простым путем наблюдений, чтобы дети, читая, действительно понимали то, что читают, и могли давать в этом отчет. Должно спрашивать, как именно они поняли то, что прочли. <…> Все, что не понято, должно быть объяснено, – так, чтобы сделалось понятным; на все ускользнувшее от внимания должно обратить его – именно с той стороны, с какой ускользнуло из виду. Никакие отличия предложений, подлежащих от сказуемых ничему тут не помогут» [7, 284].

Интересно, что, критикуя грамматический разбор за его формализм и слабую связь с живым языком, Срезневский не призывал отказаться от него вовсе. Более того, ученый говорил об уместности разбора, но «только тогда, когда дитя уже привыкло вникать в отдельный смысл каждого слова». Развивая эту мысль, Срезневский предложил свой оригинальный вариант разбора, где впервые появился термин «связная речь». Намечен был следующий порядок: 1) разбор связной речи на ее главные и второстепенные части в зависимости от содержания высказанной мысли; 2) определение подчинительной зависимости частей связной речи и способов связи между ее частями, что даст возможность подвести учащихся: а) к различению связных выражений по их внешней выразительности (типы предложений) и по их значению (смысловая зависимость между предложениями); б) к установлению способов соединения связи цельных выражений (периодов) в одно большое целое: в разговор и в такую речь, где приводятся слова не одного и того же лица [7, 284].

Именно такой разбор, по мысли ученого, может помочь детям освоить разные приемы выражения мыслей на родном языке, правильно, понятно располагать и соединять отдельные выражения и вместе с тем правильно отделять связи слов, как связи мыслей, посредством знаков препинания, при этом отпадала необходимость в разграничении собственно синтаксических понятий: определяющих слов, дополняющих, обстоятельственных и т.д.

В 1881 году в журнале «Филологические записки» была опубликована статья «Начатки науки о родном языке» В.П. Шереметевского, в которой автор высказал свои методические идеи о преподавании грамматики.

В.П. Шереметевский так же, как и Срезневский, критикуя современную ему школу за формализм,

настаивал на «изучении самого языка», в котором неразрывно связаны внешняя и внутренняя сторона, «форма» и «содержание». Под «формальной стороной» языка педагог понимал его грамматические формы, «формы слов» и их сочетаний. Но «изучать одну формальную сторону родного языка, помимо его реальной стороны – значит молотить обмолоченную солому. Только совместное, параллельное изучение и формы, и содержания, – изучение, проводимое через весь курс среднего учебного заведения, – ведет к сознательному пониманию и изучению родного языка» [10, 3].

Из теоретических установок В.П. Шереметевского следует его отрицательное отношение к грамматическому разбору, который он вслед за И.И. Срезневским называл «разбирательством». В определении готовых форм слов по их окончаниям, в разборе по частям речи, по членам предложения педагог видит «бесцельный анализ форм, в которых выразилось всем понятное содержание и с которым оно так тесно сливается, что из-за содержания не видно формы, не видно соответствия между первым и последней» [10, 3]. Если такой разбор необходим при обучении чужому языку, где учащийся не может понять содержания, не изучив форм, то на уроках родного языка он представляет искусственное, скучное и мало полезное занятие. «Сделается хоть на волос понятнее и яснее и без того вполне понятная и ясная русская фраза вроде: Бог сотворил небо и землю, после разбора синтаксического, по которому окажется, что Бог – подлежащее, сотворил – сказуемое, небо – дополнение и т.д. <…> Содержание фразы, несмотря даже на то, что вы загромоздили ее столькими грамматическими терминами, попрежнему будет понятно само по себе, а разбор ее останется сам по себе и покажется учащимся чем-то лишним, ненужным» [10, 21]. Заниматься таким формальным разбором, по меткому замечанию В.П. Шереметевского, значит «разглядывать орех в скорлупе»[10, 21].

Грамматическому разбору методист противопоставляет «корнесловный анализ», который должен вестись с трех сторон: а) с собственно этимологической (формы слова, б) фонетической (звуковой состав слова и его произношение) и в) стилистической (прямое и переносное значение слов). В отличие от формального грамматического анализа, корнесловный анализ, по мысли В.П. Шереметевского, позволит учащимся узнать язык как «внутренне-единое целое с закономерной связью элементов, с единой жизнью и закономерным историческим развитием» [10, 3].

В итоге, анализ учебной литературы, посвященной грамматическому разбору в целом и синтаксическому в частности, показал, что единства в его постановке не было. Это проявилось, во-первых, в разном объеме теоретических сведений, с которыми должны быть знакомы учащиеся, во-вторых, в использовании эклектичной терминологии, заимствованной из разных грамматик, в-третьих, в отсутствии единого порядка и образца анализа. Но были и положительные моменты, в частности, во всех рассмотренных нами образцах разборы строились на основе принципа преемственности и последовательности, синтаксические явления рассматривались в тесной связи с морфологическими признаками, в качестве примеров использовались разные по структуре конструкции, позволяющие школьникам сравнивать, сопоставлять и устанавливать их специфические признаки, впервые появились графические схемы анализа, положившие начало современной системе графических обозначений, синтаксический разбор не обособлялся от работы по пунктуации.

Однако при всех перечисленных достоинствах разбор оставался формальным, предполагающим знание основных грамматических форм словоизменения без установления их смысловой и стилистической функции в предложении. Это вызвало критическое отношение к нему со стороны некоторой части педагогов, предложивших свои альтернативные варианты разбора, которые, несмотря на авторитет их авторов, широкого распространения в школьной практике не нашли, но тем не менее способствовали дальнейшему совершенствованию содержания и методики преподавания традиционного грамматического разбора.

Библиографический список

1. *Бракенгеймер П.* Схема разбора грамматического. Одесса, 1895. С.7 (16)
2. *Дмитревский А.А*. Практические заметки о русском синтаксисе. Филологические записки. 1877. Вып. IV. С.22 (С. 15-37)
3. *Дмитрюков А.* Мысли о преподавании русского языка. ФЗ. 1860. Вып. II. С.143 (142- 156)
4. *Московкина Р.А*. Методы изучения синтаксиса в школе. Краснодар: Кубан. Гос. ун-т, 1978. С.69 (107с.)
5. *Полевой П.Н.* Методика преподавания русской грамматики в младших классах средних учебных заведений. СПб.: Д.Д. Полубояринов, 1884. С. 63(86с.)
6. *Рыбалка Г.Д.* Как делать грамматический разбор. г. Феллин, тип. А.И. Тэллассена, 1894. С.4 (52с.)

7. *Срезневский И.И.* Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. ИОРЯС. 1860-1861. Т.9. С. 278(С. 273-312)
8. *Текучев А.В.* Грамматический разбор в школе. М.: изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963. С.21 (395с.)
9. Учебный план преподавания русского языка и словесности. ЖМНП. Ч.CLXVII. 1873. С.11-22
10. *Шереметевский В.П.* Начатки науки о родном языке. Филологические записки. 1881 №3. С.6
11. *Ярошенко Н.М.* Как делать синтаксический разбор. Кишинев: тип. А. Попова, 1897. С.6-7.

V.A. TELKOVA

SYNTACTIC ANALYSIS IN THE WORKS OF METHODOLOGISTS OF BUSLAEV'S SCHOOL

The article is devoted to one of the types of grammatical analysis, i.e. to syntactic analysis. The content and the methods of syntactic analysis are minutely studied in the article on the basis of educational supplies whose authors were the followers of F.I. Buslaev.

Key words**: grammatical analysis, syntactic analysis, a simple sentence, a composite sentence, secondary parts of a sentence, punctuation skills.**

Е.А. УСОВА
аспирант кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы рловского государственного университета
E-mail: sakura40988@mail.ru
Тел. 8 929 061 91 89

ВНУТРЕННИЙ МИР ГЕРОЯ В РОМАНЕ П.Б. ШЕЛЛИ «ЗАСТРОЦЦИ»

В статье рассматривается вопрос о психологизме П. Б. Шелли в его романе «Застроцци». На примере образа Верецци, положительного героя этого произведения, автор показывает, что Шелли, обнаруживая глубокое проникновение во внутренний мир человека, в ряде случаев выходит за рамки общепринятых канонов готического романа.

Ключевые слова: ***Шелли, «Застроцци», готический роман, психологизм, романтический герой.***

Первый роман Шелли «Застроцци» отмечен не только чертами подражания готической литературе того времени, но и стремлением выйти за рамки устоявшихся канонов, найти собственную манеру повествования. Самым заметным результатом этой тенденции явился, на наш взгляд, намечающийся здесь психологизм при обрисовке персонажей романа. Наиболее четко он прослеживается в изображении положительных героев, хотя они не несут в произведении такой же высокой идейной нагрузки, как отрицательные. Положительные герои, скорее, играют второстепенную роль и служат основой для раскрытия характеров Матильды и Застроцци.

По традиции, принятой в готических романах, автор вводит в свое произведение любовную пару, которую какой-нибудь человек или сама судьба постоянно пытаются разлучить, в данном случае это Верецци и Джулия.

Джулия представляет собой некий идеал, символ чистоты и непорочности, в котором абсолютно отсутствуют отрицательные качества. Шелли не наделяет эту героиню никакими сомнениями, ибо не связывает с ее образом решение каких-то проблем. Отсюда и относительно малое внимание к ней со стороны автора, вследствие чего читатель воспринимает Джулию не как реального живого человека, а как некий идеальный образ.

Намного больше внимания Шелли уделяет другому положительному персонажу – Верецци. Он очень похож на героя романа Анны Радклифф «Итальянец» Винченцо Вивальди, которого некоторые исследователи характеризуют как образ романтический[1]. Но так как многие ученые тесно связывают творчество этой писательницы с сентиментализмом[2], то утверждение о романтической природе данного персонажа не может носить столь категоричный характер. Образ Винченцо Вивальди скорее можно охарактеризовать как переходный от сентименталистского к романтическому: писательница наделила своего героя многими характерными для сентиментализма чертами, которые затем будут заимствованы романтиками. Это же утверждение применимо и к образу Верецци у Шелли.

Делая героем своего произведения не англичанина, а итальянца, к тому же знатного происхождения (Верецци – барон), автор отдает дань традиции готического романа. Этим же можно объяснить и отсутствие в произведении каких-либо иных данных о внешней стороне его жизни. Автор не дает подробного описания внешности героя: какие-то сведения можно почерпнуть лишь из обрывочных фраз других персонажей. Например, о том, что он старше Верецци, мы узнаем из слов Застроцци: «Вернитесь в ваши покои, юный глупец, – это самое подходящее для вас место, чтобы поразмышлять и пожалеть о той дерзости, что вы позволили себе по отношению к человеку настолько старше вас»[3].

Однако в противовес недомолвкам, касающимся внешних характеристик героя, Шелли уделяет много внимания внутренним качествам Верецци, его переживаниям, эмоциональному состоянию. Он наблюдателен, у него острый ум. Когда после болезни ему пытаются внушить, что плен был лишь плодом воображения, Верецци понимает, что это не так, но считает за лучшее какое-то время делать вид, будто поверил в этот обман. В таких местах

1 См., напрмер: Соловьева Н. А. У истоков английского романтизма. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 95-105.

2 См.: Вершинин И. В. , Ладыгин М. Б. К вопросу о своеобразии английского предромантизма. Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Сборник научных трудов. Под ред. Н.П. Михальской. М.: МГПИ имени В. И. Ленина, 1979. Вып. 3. 196 с. С. 3-18.; Ладыгин М. Б. Романтический роман. Пособие по спецкурсу. М.: МГПИ имени В. И. Ленина, 1981. 126 с.; Елистратова А. А. Готический роман. // История английской литературы: В 3-х тт. Т. 1: вып. 2. М.- Л.: Издательство академии наук СССР , 1945. С. 588-613.

3 P. B. Shelley. Zastrozzi. // The prose works of Percy Bysshe Shelley. Edited, prefaced and annotated by Richard Herne Shepherd: In two volumes. Vol. I. London: Chatto & Windus, 1897. P. 51. Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте. .

© Е.А. Усова

романа возникает ощущение, что автор увлекается играми разума, рисуя людей, пытающихся заманить друг друга в ловушку, его герои строят логические умозаключения, как в детективах. Шелли, кажется, пробует себя в разных ролях, выступая то как логик (в играх разума), то как психолог (в играх чувств), причем не одновременно, а попеременно в разных частях романа. Это, скорее всего, происходит потому, что данное произведение является для писателя ученическим, и писатель пытается понять, на что он способен.

Как уже было сказано, Шелли – блестящий психолог, он весьма тонко, с помощью небольших деталей, показывает, как чувство уверенности Верецци в реальности происходившего с ним в пещере нарастает. Сначала, когда герой только оправляется от болезни, он не уверен в правдивости своих ощущений. Затем, когда ему запрещают связаться с Джулией и следят за каждым его шагом во время прогулок, он начинает понимать, что его обманывают. Конечно, эти попытки Шелли логически выстроить единую нить развития чувств своего героя еще не вполне ему удаются: их движение, нарастание, изменение происходят в романе не равномерно, а скорее, рывками, этапами. Но для первого произведения писателя это уже является большим достижением.

Последним штрихом в психологическом развертывании сомнений героя становится встреча с Застроцци, после которой Верецци убеждается, что «...все страдания, перенесенные им в этом страшном обиталище горя, не были плодом его воображения и что сейчас он во власти своего злейшего врага» [11]. В этой встрече автор, как тонкий психолог, проецирует внутренний мир героев на их внешние проявления. Так, несмотря на все старания, Застроцци не может до конца скрыть свою ненависть к Верецци, она просто сочится из его глаз. «Взгляд Застроцци был устремлен на него с выражением слишком красноречивым, чтобы его не понять; и, с трудом скрывая обуревавшее его сердце злорадство, он выразил надежду, что вечерняя прохлада не повредила здоровью Верецци» [11] и дальше: «Застроцци побледнел от гнева, его губы дрожали, глаза метали мстительные взгляды…») [11]. Создается впечатление, что автор собрал в это произведение все художественные приемы, которые знал, как бы пытаясь их опробовать, научиться использовать.

Как было уже сказано, Верецци присущи черты романтического героя. Самая яркая из них – это его связь с природой, он очень близок к ней: любит быть наедине с природой, бродить в раздумьях один по берегу реки или в лесу и любоваться пейзажами. Эту привычку он не оставляет, даже находясь в плену.

Верецци, как истинный романтик, видит в людях только положительные качества. Так, он не замечает в Матильде «те темные стороны ее характера, которые, если они проявлялись, не могли пробудить ничего, кроме мерзкого чувства отвращения…» [29] Герой считает, что единственным её недостатком является лишь любовь к нему, которую она не может победить. И все же в его мыслях Матильда не может затмить образ Джулии, хотя бы потому, что Верецци, как чистокровный дворянин и человек воспитанный в лучших традициях высшего света, не может принять тех нарушений приличий, которые делает героиня. Но и он не идеален: чувства Матильды льстят его тщеславию.

Верецци весьма решительный человек (при побеге он пытается убить Бернардо, нацелив на него нож), но в то же время он и милосерден. Жестокость к врагам и милосердие к друзьям и несчастным – черты романтика. Встретившись с Клодин, он всеми силами пытается ей помочь. Верецци очень открытый человек, он искренне возмущен предательством Матильды, когда узнает в незнакомце, посетившем её, Застроцци. Первое его желание – высказать ей все. Верецци похож на героя Радклиф: такой же порывистый и честный, он сначала действует и говорит, а потом думает. Хотя, когда первый пыл проходит, и чувства уступают силе разума, он действует вполне рационально.

Верецци постоянно сомневается в своих предчувствиях. Он не может поверить, что Матильда злодейка, что близкий ему человек может быть злым. Верецци хочется, чтобы она оказалась жертвой, а не преступницей, поэтому он не хочет напрасно обвинять ее и решает притвориться, что ничего не произошло.

Можно сказать, что у Верецци сильно развита интуиция. Во-первых, это выражается в его предчувствиях. Во-вторых, у него постоянно возникает чувство недоверия и отвращения к Матильде, хотя с помощью доводов разума Верецци пытается убедить себя, что не прав, и она не виновата. «Мысль, что она невиновна, успокаивала его; ибо в душе он страстно желал исправить ту несправедливость, которую он допустил по отношению к ней: и хотя он не мог подавить в себе гадких мыслей и невыразимого отвращения к ней, которые часто помимо воли наполняли его душу, он старался превозмочь их, как пустую игру воображения и воздать ее достоинствам дань уважения, которую они заслуживают» [37]. Одни чувства в душе Верецци тут же сменяются другими.

Как видим, Шелли на протяжении всего романа четко показывает, что происходит в душе у героя, замечая все изменения в его психологическом со-

стоянии. Так, Верецци во время плена тревожат больше не физические страдания, а моральные. «Его лишили всего, но сильнейшей пыткой для него были мысли, в которых он сравнивал настоящее с прошлым» [5]. При пленении Верецци жаждет, чтобы все это оказалось лишь страшным сном. Застроцци пытается подавить волю пленника, и ему это удается: «Он теперь только чуть вздрагивал, когда скользкая ящерица переползала через его обнаженное неподвижное тело. Крупные земляные черви, копошившиеся в его длинных спутанных волосах, уже не вызывали в нем чувства ужаса» [6]. Верецци утрачивает интерес ко всему окружающему, теряет счет дням. Шелли очень подробно описывает плен и его последствия: состояние героя, его мысли.

Следующий эпизод, в котором автор проявляет себя как психолог, это болезнь Верецци из-за мнимой смерти его возлюбленной. Герой беззаветно любит Джулию. Известие о ее смерти почти доводит его до помешательства. Верецци, как человек романтического склада, думает, что первая любовь – это судьба, это на всю жизнь. Но Матильда уверена в обратном: видя в любви Верецци к Джулии только слепую страсть, она надеется победить ее собственными чувствами. «Когда она думала о событиях этого дня, сердце ее колотилось от смутного, но приятного волнения. Она думала, что если Верецци выздоровеет, в чем она теперь почти не сомневалась, она сможет легко стереть в его сердце юношескую страсть, которой оно было одержимо прежде; сможет убедить его в том, что глупо предполагать, будто первая привязанность должна длиться вечно; и что неослабным старанием угодить ему – нежным, тихим вниманием, деятельным сочувствием сумеет, наконец, достигнуть той цели, ради которой ее грудь так долго и так жарко дышала страстью» [45].

Но Шелли в своем произведении изображает живых людей, а не идеализированных персонажей. Его герои подвержены различным чувствам, в них борется зло и добро, им свойственно забывать свои привязанности, и даже самые сильные их чувства способны остывать. Так и у Верецци. Со временем он начинает больше интересоваться Матильдой. Конечно, совесть не дает ему отдаться этому новому чувству со всей полнотой: «И все же, вновь приходя в себя от недолгого чувства восхищения ее чарующими речами, он думал о Джулии. И когда он вспоминал ее воздушную фигуру, ее сдержанность и скромность, ее непритворную искренность, его пронизывала сильнейшая и глубочайшая боль раскаяния и сожаления о том, что он позволил себе хотя бы на мгновение увлечься Матильдой» [62].

Матильда и Застроцци играют на благородстве Верецци. Когда Матильда спасает его от разыгранного покушения, чувство благодарности и его благородство пересиливают все остальное, даже любовь к Джулии. «...он чувствовал, что теперь не мог бы противиться ей ни в чем, даже если бы она потребовала, чтобы он отказался от жалких остатков своего счастья» [75]. Верецци силой разума заставляет себя поверить в любовь к Матильде, но в глубине души все же чувствует, что это не так. «...он внушил себе, что должен любить Матильду, хотя во глубине души что-то неподвластное разуму говорило, что это невозможно» [77].

Автор показывает, как разум Верецци угасает под наплывом новых чувств, которые заставляют его забыть прошлое и, стирая в памяти прежнюю любовь, бросают его в объятия Матильды. «Его чувства охватило Летейское оцепенение; и когда, лишенный сил, он лежал перед Матильдой, поток полнейшего забвения в его помутившемся сознании поглотил все события его прежней жизни. В самых страстных выражениях он признался ей в бесконечной любви» [79].

То, что с ним происходит потом, похоже на безумие. Герой и героиня находятся, как в тумане. Автор сам называет страсть, охватившую их, безумной. «Вне себя от страсти, она прижала Верецци к своей взволнованной груди, и ее чувства, охваченные восторгом безумной любви, закружились в бурном, невыразимом наслаждении. В груди Верецци также загорелось новое острое ощущение; он с жаром ответил на ее объятие и в порыве сильнейших чувств прижал ее к себе» [80]. Важно отметить, что Шелли называет чувства между Джулий и Верецци любовью, а между Верецци и Матильдой страстью. «Но обожание, с которым он теперь смотрел на Матильду, было непохоже на то чистое и нежное чувство, которым отличалась его любовь к Джулии: та любовь, которая, как он полагал, закончится только вместе с его жизнью, была стерта искусством другого человека» [80].

Автор называет церемонию венчания Матильды и ее возлюбленого фатальной, так как она отрезает все пути к отступлению. Верецци уже никогда не сможет быть с Джулией. Эта церемония приближает трагедию. «Не думал Верецци о том, что этот день станет началом его будущих несчастий; не думал о том, что среди роз достигнутого разрешенного сладострастия могут взойти сожаление, отвращение и отчаяние, которые разрушат планы на будущее, казавшиеся ему, забывшему Джулию, столь прекрасными, столь волнующими» [81]. Автор снова упоминает о будущей трагедии. Он постоянно подчеркивает, что Верецци счастлив лишь потому, что стер из своей памяти все воспоминания о Джулии.

Однако чувства героя, казалось бы, навсегда, забытые, вспыхивают с новой силой, когда он видит ту, которую покинул. Верецци осознает весь ужас своего положения. Он предал любовь к своей избраннице, нарушил все обещания, которые ей приносил. Но теперь, после новой брачной клятвы верности – на этот раз Матильде – его чувства были противоречивы вдвойне. Верецци не может решить, которую из двух клятв нужно сдержать. Чувства героев в этот момент обострены до предела. Верецци находится на перепутье, его поступки и чувства зависят от того, под чье влияние он попадет. Как только из вида пропадает облик Джулии, его чувства снова смываются водами Леты, и любовь к Матильде побеждает вновь. «Верецци заразился; все данные им клятвы в верности другой были мгновенно забыты и рассеялись, как легкое облако; его чувства охватило Летейское оцепенение; он забыл Джулию или вспоминал о ней, как о неясном видении, плывущем в его воображении скорее как бесплотное существо иного мира, которому он может там поклоняться в будущем, чем как очаровательная, близкая по духу женщина, которой он давал клятвы в вечной верности» [91-92]. Чувства всех главных героев в романе предельно гиперболизированы, причем очень часто их описания повторяются, что производит впечатление некоторой назойливой избыточности.

На протяжении всего произведения автор умело использует различные приемы психологической характеристики. Так, несмотря на то, что Верецци подавляет свои истинные чувства и отдается любви к Матильде, то есть с помощью разума контролирует свои чувства, его тело противится этому. Оно бессознательно пытается убить Матильду. «...все его существо корчилось в страшных судорогах – его остекленевшие глаза, вышедшие из орбит, дико вращались: охваченный внезапным безумием, он выхватил из-за пояса кинжал и со свирепым видом занес его…» [93]. В его мыслях подсознательно всплывает укоризненный взгляд той, которую он предал. Джулия приходит к нему в тот момент, когда герой дает клятву вечной верности другой. Это окончательно подрывает Верецци, он становится безумным. «Им овладело безумие – самое жестокое безумие! Он занес кинжал над Джулией, но она бросилась вперед и чуть слышно, нежным голосом умоляла его пощадить себя, пощадить ее, ибо все еще может быть хорошо» [94].

Кульминация всего произведения – это сцена убийства в доме Матильды. Она прописана автором с явным трагизмом (в духе Шекспира). Шелли подробно описывает все чувства героев. Верецци не выдерживает осознания своего предательства и кончает с собой. Его смерть служит катализатором, и Матильда, отринув все сомнения, превращается в настоящую злодейку. Образ героини в этот момент, описанный автором, поистине ужасен: «Матильда силой привела Джулию в чувство. Та устремила вверх взгляд, полный робости и страха, и увидела разъяренную Матильду, сотрясаемую лютой страстью, и занесенный над ней окровавленный нож, угрожающий мгновенной смертью» [95].

Убийство Джулии происходит с особой жестокостью. В этот момент Матильда похожа на маньяка, коим она, в общем-то, и является. Её исступленная любовь-страсть к Верецци, убивающая в ней все положительные чувства, заканчивается убийством соперницы. Нормальный человек, увидев кровь из нанесенной им раны, обычно бывает поражен тем, что пытается совершить, и останавливается. Матильда же полна мести и идет до конца в своем кровавом намерении. «Заново взбешенная этой слабой попыткой избежать ее насилия, яростная Матильда схватила Джулию за распущенные волосы и, с дьявольской силой повернув ее спиной, стала наносить удар за ударом; снова и снова, с радостным злорадством погружала она кинжал по самую рукоятку в ее тело, пока полностью не уничтожила последние остатки ее жизни» [95-96]. Мы понимаем, что в этот момент Матильда находится во власти чувств и не может себя контролировать. Глубокий психологизм пронизывает данную сцену.

Как видим, уже в своем первом романе автор концентрирует свое внимание на внутреннем состоянии героев, а не на внешних данных. Он глубоко проникает в их психику, выискивая самые скрытые струны их души, самые потаенные страсти и желания. Конечно, Шелли еще не смог на должном уровне описать переходы от одного чувства к другому, выстроить их в логическую цепочку, но уже здесь он использовал множество приемов и методов, характерных для его последующего творчества.

Библиографический список

1. *Вершинин И.В., Ладыгин М.Б.* К вопросу о своеобразии английского предромантизма. Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Сборник научных трудов. Под ред. Н. П. Михальской. М.: МГПИ имени В.И. Ленина, 1979. Вып. 3. 196 с. С. 3-18.

2. *Ладыгин М.Б.* Романтический роман. Пособие по спецкурсу. М.: МГПИ имени В. И. Ленина, 1981. 126 с.

3. *Елистратова А.А*. Готический роман. История английской литературы. Т. 1: вып.2. М. – Л.: Издательство академии наук СССР, 1945. С 588-613.

4. Соловьева Н.А. У истоков английского романтизма. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 95-105.
5. Shelley P.B. Zastrozzi. The prose works of Percy Bysshe Shelley. Edited, prefaced and annotated by Richard Herne Shepherd: In two volumes. Vol. I. London: Chatto & Windus, 1897.

E. A. USOVA

THE INWARD HERO IN THE P.B. SHELLEY'S NOVEL «ZASTROZZI»

The article explores P. B. Shelley's psychologism in Zastrozzi. Taking Verezzi as the positive character of his work the author demonstrates that in some cases Shelley, by penetrating deep into a human being's inner world, gets beyond a gothic romance conventional framework.

Key words: ***Shelley, Zastrozzi, Gothic romance, psychologism, romantic hero***

М.А. ХАЗОВА
аспирант кафедры русской литературы XX – XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
E-mail: hazova_2013@mail.ru
Тел. 8 953 470 97 36

ЮРОДСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА: К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ТЕМЫ БЕЗУМИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена феномену юродства в изображении И.А. Бунина. Автор подчеркивает значимость поставленной темы для всего творчества писателя, пытающегося разобраться в проблемах России и всего русского народа. В связи с тем, что изображение юродивых обусловлено религиозно-нравственными исканиями писателя, статья также затрагивает проблему веры и безверия Бунина.

Ключевые слова: ***безумие, «живая жизнь», феномен юродства, христианская традиция, Бог живых и Бог мертвых.***

Многие писатели XIX – начала XX века пытались разобраться в загадочной душе простого русского народа. В предреволюционные годы проблема русского народа и русской деревни звучит особенно остро. На рубеже веков автор пытается переосмыслить прошлое России и понять, что ждет ее в будущем. И. А. Бунин не склонен идеализировать русского человека, видя в нем не только простоту, мудрость, одухотворенность, но и косность, необразованность, жестокость и глупость.

Юродство как неотъемлемая часть русской старины и русского народа находит отражение во многих произведениях писателя, таких, как «Над городом» (1900), «Птицы небесные» (1909), «Деревня» (1909-1910), «Суходол» (1911), «Всходы новые» (1913), «Иоанн Рыдалец» (1913), «Аглая» (1916), «Исход» (1918), «Слава» (1924), «Божье древо» (1927), «Дурочка» (1940), «Полуденный жар» (1947) и др. В древнерусской литературе юродивые изображаются в христианской традиции, однако писатели XX века, в том числе и И. А. Бунин, переосмысливают феномен юродства.

В настоящее время существует ряд обстоятельных исследований, посвященных вопросам юродства и «блаженства» (И.А. Есаулов «Юродство и шутовство в русской литературе»[8], Н.И. Злыгостева ««Странный человек» в русской литературе»[9], С. Иванов «Похабство, буйство и блаженство»[10], И. Рынкова «Феномен юродства: проявления и особенности»[15] и др.). Представление о юродивых как о безумных в русской литературе берет свое начало из житийной литературы и реализуется в соответствии с христианской средневековой традицией. Восточной церкви был известен широкий круг юродивых. Первым русским юродивым следует считать Исаакия Печерского, о котором рассказывается в Киево-Печерском патерике. Средневековые русские источники упоминают около пятидесяти имен отечественных юродивых; некоторые из них были канонизированы. К числу почитаемых русских юродивых относятся Авраамий Смоленский, Прокопий Устюжский, Максим Московский, Василий Блаженный Московский, Николай Псковский Салос, Михаил Клопский и другие. В их аскетическом подвиге отчетливо опознаются те черты, которые характерны для юродивых: внешнее безумие, дар прорицания, обличение грешников и т.д.

Впоследствии тема безумия стала одной из ключевых, знаковых тем для русской литературы. Образы юродивых встречаем у всех крупных авторов XIX века: в произведениях А.С. Пушкина (Николка из «Бориса Годунова», прототипом был Иван Большой Колпак), Ф.М. Достоевского (Семен Яковлевич в «Бесах», прототипом которого стал знаменитый юродивый Иван Яковлевич Корейша, Маркел и юродивая – мать Смердякова из «Братьев Карамазовых») и многих других. Важно отметить, что понятие «юродство» в светской литературе часто понимается не в его исходном значении, а переосмысливается авторами в соответствии со сверхзадачей произведения. Иногда юродство прямо приравнивается к святости и не имеет примеров буйства, дерзких поступков и агрессивного поведения, но сохраняет другие черты, которые говорят о героях как о юродивых.

Во многом изображение юродивых обусловлено религиозно-нравственными исканиями писателя. Вопрос веры и безверия Бунина – один из самых сложных вопросов в буниноведении и однозначно не решен до сих пор (И. В. Мотеюнайте[14], Р.М. Балановский[6], О.А. Бердникова[7], Т.А. Кошемчук[11], О. В. Лазарева[12]). Достоверно можно лишь отметить, что, будучи рожденным в эпоху крушения всех религиозных основ, Бунин пережи-

© М.А. Хазова

вает кризис веры и на всем протяжении жизненного пути остается в сомнениях и духовных метаниях. Сомнению подвергает он и святой подвиг юродивого, сотни лет почитаемого русским народом. Не желая идеализировать, Бунин рассматривает их не столько с позиции вечного и духовного, сколько с позиции земного и реального. Среди многочисленных образов, созданных писателем, особое место занимают лжеюродивые, получившие резко негативную оценку Бунина.

При создании отрицательных образов (к которым можно отнести таких героев, как Макарка («Деревня»), Дроня, Кличина, Юшка из «Суходола», Мужик Борода, Кирюша Борисоглебский, Кирюша Тульский, Ксенофонт, Феодосий Хамовнический, Петруша Устюжский, Иван Степанович Лихачев, Ванюша Кувырок, Федя Золотарь, Данилушка Коломенский из «Славы») автор скрупулёзно выписывает все черты настоящего юродивого.

Все перечисленные выше юродивые Бунина так же, как и герои древнерусской литературы, не являются сумасшедшими в прямом смысле этого слова и добровольно надевают личину безумия. Однако мотивы, побуждающие на такой поступок истинного юродивого и юродивых Бунина, разнятся. Подлинный юродивый принимает на себя личину безумия, чтобы скрыть свою святость, уйти от мирской жизни и пострадать за Христа, в шутливой и парадоксальной форме духовно наставить мирского человека на истинный путь, путь к Богу, в то время как юродивые Бунина надевают маску с целью обогащения или насыщения плоти. Юродивыми становятся пьяницы, бывшие каторжники, воры, «провиненые монахи»[2, с. 178] или просто предприимчивые люди, решившие воспользоваться легковерностью русского народа.

Портретной характеристикой писатель подчеркивает близость своих героев юродивым – отказ от материальных благ, простота в обиходе и одежде. Так, Тихон Ильич впервые видит странника Макарку «в лаптях, скуфье и засаленном подряснике» [2, с. 50], «не в меру оборванным» [2, с. 176] предстает перед читателем и Дроня (хотя тот факт, что перед нами пьяница, наталкивает на мысль не о добровольном, а о вынужденном отказе от хорошей одежды). Благодаря страшному и пугающему виду («сальные волосы, босой, <…> в лохмотьях» [4, с. 166]), Федя Золотарь также приобретает уважение и почитание местных жителей. Многие из «блаженных» надевают на себя женскую юбку или рубаху, отращивают длинные волосы или стригут клоками с целью привлечь к себе внимание окружающих и прослыть за юродивых.

Особое значение мошенники придают мелким деталям, несущим в себе тайный религиозный смысл или выбивающимся из нормы. Так, Мужик Борода подпоясывается «детским розовым пояском»[4, с. 165], Федя Золотарь носит «на голове железный таган ножками вверх»[4, с. 166] как символ царской короны, неотъемлемым атрибутом Макарки становится «высокая палка, выкрашенная медянкой, с крестом на верхнем конце и с копьем на нижнем»[2, с. 50]. Бунин с горечью показывает, что лишь один незначительный предмет обихода, например, таинственная сумочка «на серенькой поддевочке»[4, с. 167] Кирюши Тульского, в которую, по словам ее обладателя, «смертному лучше и не заглядывать»[4, с. 167], способна породить в народе страх и поклонение.

Из древнерусской литературы известно, что истинные юродивые пренебрегали одеждой даже в самые жестокие морозы и пресекали любые попытки богатых или благочестивых людей позаботиться о них (рвали одежду или не принимали дар, затаптывали новые сапоги в грязь). И. Бунин показывает, с какой легкостью юродивые избавляются от рваной одежды сразу после того, как это становится им невыгодно. Макар, еще будучи странником, снимает с себя бродяжью одежду и с радостью идет в услужение к Тихону Ильичу в надежде легким трудом (а именно воровством) нажить себе капитал. Когда он снова появляется в доме своего благодетеля в качестве юродивого, у читателя не возникает сомнения, что перед ним человек, который не раз еще снимет подрясник и предаст крест ради еще большей выгоды. Кирюша Борисоглебский также с легкостью снимает нищенскую одежду, накопив достаточную сумму на приобретение собственного домика.

Пытаясь походить на истинных юродивых, герои Бунина перенимают и идею о странных поступках, заключающих в себе символический смысл. Так, Дроня, например, шел к дому с задумчивым видом и как бы случайно стукался головой в стену, после чего отскакивал с «радостным лицом», Федя Золотарь рылся каждый день в нечистотах, по причине чего народ готов был с радостью целовать его палку, Ксенофонт пил чай с лампадным маслом, а Ванюша Кувырок ходил колесом. Особенно прославились ненормальными действиями Данилушка Коломенский, бившийся в «буйнейшей пляске над гробом»[4, с. 170], и Кирюша Борисоглебский, на протяжении трех лет врывавшийся в церковь со страшным коровьим ревом. Разумеется, все эти странности невозможно объяснить с точки зрения христианского благочестия, хотя по закону жанра после смерти юродивого тайна неадекватных поступков должна быть раскрыта.

Все исследователи подвига юродства выделяют

такую черту, как дар предсказания, характерную и для героев И. Бунина. В древнерусской литературе способность предсказывать предоставляется юродивым, прошедшим аскетический путь и усмирившим не только свою плоть, но и гордыню. Такой человек ощущает себя гостем в этом мире и всеми помыслами обращается к христианским идеалам, к вечности. Находясь в пограничном состоянии, он приобщается к высшему божественному разуму, позволяющему раскрыть тайны не только мирского, но и потустороннего мира. В отличие от древнерусских авторов, Бунин иронизирует по поводу неожиданного появления потусторонних способностей у юродивых, показывая, что они связаны исключительно с жаждой наживы. Так, обыкновенный дворник, не имеющий никакого отношения к Богу и святости, становится юродивым и обретает дар предсказания: «Феодосию тоже однажды надоело быть обыкновенным дворником, и он тоже однажды разулся, возложил на себя вериги, то есть попросту собачьей цепью обмотался, прихватил в подручные некоего бродячего Петрушу и пошел пророчествовать»[4, с. 167]. После совершения кражи и последовавшего за ней позорного изгнания совершенно неожиданно дар обретает и Макарка, с легкостью предсказывая всем в округе смерть.

Для большей достоверности лжеюродивые следуют иносказательному принципу пророчества, когда странный жест, пословицы, поговорки, песни или не по ситуации сказанное слово приобретают сакральный смысл. Так, Кирюша Борисоглебский выбирает пророчество через жесты: «посует пальцем в кулак – к свадьбе, сложит крестом ручки – к покойнику»[4, с. 167]. Макарка вместе со своим слепым попутчиком, напевая старинные песни на древнем церковном языке, грозят всем грешникам Божьим судом и вечным огнем. Особое внимание Бунин обращает на искусственно созданный голос певцов, призванный внушать страх к неумолимому пророчеству юродивого: «Слепой, сумрачно шевеля поднятыми бровями, смело запивался мерзким гнусавым тенором. Макарка, остро блестя неподвижными глазами, гудел свирепым басом. Выходило что-то не в меру громкое, грубо-стройное, древнецерковное, властное и грозящее»[2, с. 51]. После окончания песни юродивый просит угощения, при этом, не доигрывая карающую роль до конца, выдает свое истинное лицо: «И вдруг оборвал (песню – М.Х.), – в лад со слепым, – крякнул и просто, своим обычным дерзким тоном, приказал: «Пожалуйте, купец, рюмочкой погреться»»[2, с. 51]. Обладая артистическими талантами и смекалкой, юродивый не ограничивается одним видом предсказания и наравне с песнями использует символические предметы, получить которые означает верную смерть: дает в руки кусочек ладана, щепотку пыли или преподносит фотографию с изображением умершего человека.

Многие юродивые, объявляя себя предсказателями, не считают нужным играть роль, чтобы мошенничество не казалось столь явным, так как понимают непоколебимую веру русского народа в таинственное и непознанное. Мужика Бороду просят найти краденое, но, убедившись в его бессилии, выгоняют из дома, однако слава юродивого с тех пор упрочивается с каждым днем. Впоследствии он не считает нужным как-то пророчествовать или рассказывать что-либо божественное, так как уже то обстоятельство, что он выпивает много чая, убеждает людей в его святости. Юродивый Феодосий также уверен в своей безнаказанности, поэтому, в отличие от Макарки, делая предсказания, не стремится изменить голос или внешность. В отношении героя Бунин замечает: «Пророчествовал он крайне бездарно и, главное, вид имел самый не пророческий: обыкновенный лысый мужик лет сорока с превеселыми и нахальными глазами»[4, с. 167]. Сатирически Бунин изображает и предсказания Тимоши Кличинского из «Суходола». Все помыслы юродивого занимает удовлетворение плоти, о чем свидетельствует и портретная характеристика героя: «маленький, женоподобно-жирный, с большими грудями, с лицом косого младенца, одуревшего и задыхающегося от полноты…»[2, с. 177]. При входе в дом Тимоша придает лицу тревожное выражение («узенькие глазки его смотрели так, точно из воды выскочил он или спасся от неминуемой гибели»[2, с. 177]) после чего начинает пророчествовать, произнося всего одно слово:

– Бяда! – бормотал он, задыхаясь. – Бяда...[2, с. 177]

После исполнения этого ритуала, получив свое угощение, юродивый больше не видит смысла пророчествовать: «Его успокаивали, кормили, ждали от него чего-то. Но он молчал, сопел и жадно чавкал»[2, с. 177]. Примечателен тот факт, что, не получив предсказания, барышня продолжает верить в святость юродивого и ждать его нового прихода.

В рассказе «Слава» И. А. Бунин высказывает мысль о причине, побудившей его изобразить лжеюродивых. Автор ставит своей целью не просто сатирически изобразить мошенников и лжецов, а выяснить природу этого явления. Критике подвергается весь русский народ, годами верующий в юродивых, темные силы и неумолимую волю рока: «… мы, русичи, исконные поклонники плутов и выродков и что эта наша истинно замечательная особенность, наша «бабская охота ко пророкам лживым»

есть предмет, достойный величайшего внимания»[4, с. 168]. В связи с этим любопытно рассмотреть реакцию Тихона Ильича («Деревня») на пророчества Макарки. Умный, расчетливый герой с первого взгляда определил юродивого как «прожжённого»[2, с. 50] человека. Кроме того, зная предысторию его жизни, не мог стать легковерной жертвой. Однако, когда Макарка вручает ему картинку, предвещающую скорую гибель от грозы, Тихон Ильич «почувствовал внезапный холод под ложечкой»[2, с. 51-52] и на время «опешил»[2, с. 52].

Образы истинных юродивых возникают в произведениях «Всходы новые» (Вася), «Деревня» (Аким), «Исход» (Анюта), «Божье древо» (Дурочка). Всех этих героев сближает с истинными юродивыми безумие, хотя в данном случае сумасшествие –это не подвиг, не личина, надеваемая ради Христа, а действительно болезнь, от которой невозможно отказаться. Некоторые черты также позволяют рассматривать героев Бунина с точки зрения подвига юродивого. Так, автор замечает, что юродивый Вася, сын попа, имеет «блаженно-радостное»[3, с. 114] выражение лица. Странница Анюта из рассказа «Исход» совершает неадекватные поступки, непонятные мирскому человеку. Увидев работника, она высовывается в окошко, хлопает в ладоши и кричит что-то «тупо, косноязычно и восторженно»[4, с. 13]. В разговоре об умершем князе Анюта упоминает о смерти, обесценивающей все материальное, в том числе и деньги: «В голова себе много положил? Понял теперь, что у тебя в головах, глупый?»[4, с. 18]. Кроме того, героиня, в отличие от нормальных мирских людей, воспринимает смерть не как страдание и горе, а как великую радость, дарующую смертному покой и умиротворение. Аким также имеет черты, роднящие его с юродивым: взгляд дурачка, попеременно становящийся «ястребиным»[2, с. 85] и пугающим, пренебрежение заботой о плоти (питается очень скудно, одет бедно), в некотором смысле и поклонение Богу (читает вечернюю молитву).

И все же, несмотря на перечисленные приметы истинных юродивых, писатель не только лишает своих героев ореола святости, но и осуждает за пьянство, жадность, жестокость и безнравственный образ жизни. Так, юродивый Вася, несмотря на божественный вид, оказывается пьяницей, а Аким – грубым и недовольным жизнью человеком, за пятиалтынный продавшим право обладания собственной женой. Женщины-юродивые изображаются с точки зрения земной, а не божественной жизни. Дурочка из «Божьего древа» не только выходит замуж, что само по себе не характерно для юродивых, стремящихся отойти от мирской жизни и прийти к Богу, но и, прожив в браке лишь несколько сезонов, уходит от мужа к вольной, легкой жизни, в которой любовники кормили ее «жамками»[4, с. 360], а не простой мужицкой пищей. Анюта также живет мирской жизнью и вместо любви к Богу через всю жизнь проносит любовь к князю. Примечательно, что в ее рассказе слышится ревность по отношению к сопернице и горечь от сознания своей убогости, помешавшей князю рассмотреть ее «ангельскую-архангельскую»[4, с. 18] душу. Кроме того, рассуждая о ничтожности денег и всего материального, юродивая в то же время сожалеет о том, что князь так и не одарил ее деньгами, которые смогли бы прикрыть ее наготу. Таким образом, автор обращает внимание на мирочувствование героев, основанное на тяготении к мирским соблазнам.

Среди всех юродивых И. А. Бунина можно выделить третью группу героев (Васька («Над городом»), Глаша («Полуденный жар»), Иоанн Рыдалец («Иоанн Рыдалец»)) действительно являющихся сумасшедшими, но не несущих своими образами резкой негативной окраски. Несмотря на то, что среди этих героев нет безнравственных и порочных личностей, всецело назвать их истинно юродивыми и положительными героями нельзя.

В экспозиции произведения «Над городом» объектом внимания рассказчика становятся дети, взбирающиеся на колокольню. Их взорам открывается великолепная панорама весеннего города. Глазами детей мы видим радостный и живой мир: «Хорошо глядеть на все это сверху – видеть у себя под ногами верхушку березы! С высоты все кажется красивее, меньше; двор после весенних дождей стал бел, опрятен, между его высохшими плитами пробивается первая травка, а верхушка березы закудрявилась легкими, прозрачными кружевами зелени, необыкновенно нежной и свежей. И как тепло! Выйдет солнце из-за облака – чувствуешь на лице горячую ласку света. Воробьи на березе задорно зачиликают в этом блеске ...»[1, с. 200]. Природа, так любовно, восторженно и поэтично изображенная писателем, становится символом жизни, гармонии, красоты, одухотворенности и божественности этого мира.

Появление юродивого, выполняющего, казалось бы, почтенную и важную миссию звонаря, диссонирует с общей картиной вселенской радости и вызывает у детей только жалость. В рассказе автор противопоставляет мир детей, принимающих Бога через любовь и красоту, и мир взрослых, не замечающих этой красоты, не умеющих оторваться от земных забот и приблизиться к высшему началу. Рассказчик, размышляя о сменяющихся поколениях, приходит к выводу, что никто из них так и не смог открыть той божественной радости, которой

прониклись дети: «А матери и отцы их, уже сгорбленные и пригнутые к земле страданиями и близостью смерти, плетутся с желтыми восковыми свечами в руках пред алтарь бога, который всегда казался им жестоким и карающим, требующим вечных покаянных слез и вздохов...»[1, с. 203] В конце рассказа повествователь мысленно взбирается на колокольню и забирает у юродивого, являющего собой символ мертвого мира, почетную миссию звонаря, чтобы рассказать миру о том, что «Бог не есть бог мертвых, но живых!»[1, с. 203]

В связи с этим важно рассмотреть понятие «живая жизнь», впервые встречающееся в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского. Для И.А. Бунина с этим выражением связано философское понимание категорий жизни и смерти. Осознавая важность данного понятия, Ю.В. Мальцев отводит в своей книге «Иван Бунин» целую главу для его трактовки. С одной стороны, исследователь обращает внимание на то, что «Бунину были знакомы упоение жизнью и жажда полноты бытия, но даже в минуты экстаза и счастья его никогда не покидало тревожное сознание неизбежности смерти и мука непостижимости смысла бытия»[13, с. 204]. В то же время, по мнению Мальцева, это утверждение не говорит об отрицании «живой жизни». Бунин действительно признает, что неизбежная смерть в конечном итоге побеждает «живую жизнь», и это закономерно, «ужасным ему кажется не преобладание страдания над радостью (эти чередования тени и света для него и есть жизнь), а утеря самой способности упиваться радостью и страдать, утеря их еще при жизни <…> или вместе с жизнью»[13, с. 218].

В соотношении с этим становится понятно, почему юродивая Глаша никогда не сможет в восприятии Бунина стать положительной героиней, несущей в мир духовный свет и божественную мудрость. Ее Бог – это также карающий Бог мертвых, заставляющий бояться бесов, а по полям вместо очарования природы видеть «страх и жар»[5, с. 331]. Карающими в рассказе выглядят даже ангелы, которых, по мысли юродивой, также нужно не только почитать, но и бояться: «…проснулась и вся трясусь, плачу, рыдаю, а на меня ангелы крыльями дуют со всех сторон, ничего не видать, темь, погреб, а я вижу, как они белеются, вихрем округ меня... У, дурак, дурак! – ласково и восторженно сказала она грубым голосом и захохотала диким, блаженным хохотом. – А ты говоришь: не бояться! Как же не бояться?»[5, с. 331] Символично, что во сне юродивую пытаются живой похоронить в поле архиереи и священники, и лишь случай спасает ее от верной гибели.

В рассказе «Иоанн Рыдалец» образ юродивого выстроен по всем канонам древнерусской литературы. Во-первых, автор подчеркивает, что изначально герой мечтал отдать себя в услужение Богу, и лишь просьба родителей удержала его от этого шага. Однако и впоследствии жизнь свою он провел благочестиво, читая священное писание. В древнерусской литературе подчеркивается, что юродивым мог стать лишь святой человек, уже доказавший свое благочестие. Иоанн Рыдалец долгое время вел аскетическую жизнь и, лишь послужив Богу, смог стать юродивым, что еще раз подчеркивает святость героя. Традиционным является также одеяние юродивого: «Был он худой, жиленый, ходил в одной длинной рубахе из веретья, подпоясывался обрывком, за пазухой носил мышей, в руке – железный лом и ни летом, ни зимой не надевал ни шапки, ни обуви»[3, с. 129]. Из всех юродивых Бунина – это единственный герой, не побоявшийся выступать против самого князя и других высокопоставленных особ даже после жестоких экзекуций: «объявился странным, пошел по деревням, всюду с лаем и оскаленными зубами кидаясь на господ, на начальников и в слезах вопя: «Дай мне удовольствие!»[3, с. 129].

Важно отметить, что Бунин, перечисляя все заслуги юродивого, не ставил себе целью возвеличить героя. Писателя в большей степени интересует, что именно заставляет людей помнить о подвиге юродивого. В древнерусской литературе юродивый своими наставлениями и ненормальными поступками возвращал к Богу отступников. В «Иоанне Рыдальце» юродивого боятся и с благоговением и страхом слышат слова, которыми он когда-то повергал в ужас всю округу. Получается, что сам подвиг юродивого остался незамеченным и вместо возрождения души снова возродил Бога мертвых. Примечательно, что житие святого помнят лишь «старухи, доживающие свой долгий век в княжеской мертвой усадьбе»[3, с. 128]. Поведение корнета и дамы в трауре над могилой блаженного еще раз доказало, что неординарные поступки Иоанна Рыдальца не привели к возрождению душ. Подвиг юродивого не вызывает у корнета ответного чувства, однако возникает страх перед карающим юродивым. Дама останавливает свой взгляд на страшных словах пророка Михея, вызывающих в ее душе трепет и тоску. Бунин иронизирует по поводу сладких слез дамы, вызванных словами о неряшливости юродивого, посвятившего себя Богу: «И она сладко плачет, стоя на коленях, опершись одной рукой, в перчатке, на тонкий зонтик, а другой – голубой, прозрачной, в кольцах – прижимая к глазам батистовый платочек»[3, с. 130]. Таким образом, Иоанн Рыдалец так же, как и другие герои, становится символом Бога мертвых, так как, несмотря

на свою святость, запомнился людям карающим пророком, призванным подвергнуть наказанию грешников.

Особняком в творчестве И.А. Бунина стоит рассказ «Птицы небесные», повествующий о юродивом, выделяющемся из общей массы.

Главный герой произведения также выписан в соответствии с христианской средневековой традицией, однако автор не следует строгому канону, по которому писались подобные образы в житийной литературе. Нищий Лука, встречающийся студенту на дороге, на первый взгляд, кажется ему шарлатаном и дурачком, желающим обогатиться за его счет, но при более близком знакомстве предстает перед ним мудрым и рассудительным человеком с чистой и светлой душой. Как и все юродивые, он крайне беден и довольствуется лишь «старым зипунишкой»[1, с. 341]. В то же время его характеризует аккуратность (вся одежда тщательно заплатана) и бережливость (имеет трое портков и рубахи). На вопрос студента о том, не мерзнет ли он в такой худой одежде, нищий, не жалуясь на свою судьбу, честно и прямо рассказывает, что без валенок он мерзнет, однако свою одежду считает справной. В отличие от истинного юродивого, он берет у студента деньги, но в то же время не проявляет к ним должной радости. Примечателен тот факт, что, несмотря на свою бедность и болезнь, Лука все же радуется жизни и, в отличие от традиционного юродивого, не спешит попасть в рай и даже сомневается в его существовании:

– В рай, значит, спешишь попасть? – сказал студент, трогая ухо и поворачиваясь от ветра.

– Зачем в рай? Это еще дело темное – не то есть он, рай-то, не то нет. А мне и тут не плохо[1, с. 343].

И действительно, он наслаждается всеми моментами счастья, что дает ему жизнь, не впадая в уныние и сохраняя спокойное выражение лица: любуется, например, дымом, поднимающимся из труб дома «в чистое зеленое небо ровными фиолетовыми столбами»[1, с. 340].

Такое отношение героя к жизни студенту кажется странным: с одной стороны, аскетическая жизнь старца, а с другой – сомнение в рае. И все же, по заверениям самого юродивого, он искренне верит в Бога. Ключом к пониманию смысла произведения является разговор о смерти и о птицах небесных (слова вынесены автором в название):

– Живешь, как птицы небесные?

– А что ж птицы небесные? Птицы – звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся[1, с. 344].

Этот рассказ соотносится с рассказом «Над городом», где также возникают образы птиц. Голуби являются в рассказе символом божественного мира живых, достигнуть их высоты – значит, приобрести крылья, прикоснуться к красоте и гармонии: «Птицы любят высоту, – и мы стремились к ней. Матери говорили, что мы растем, когда видим во сне, что летаем, – и на колокольне мы росли, чувствовали за своими плечами крылья...»[1, с. 201]. Исходя из этого Старец Лука, живущий, как «птицы небесные», является в творчестве И. А. Бунина единственным положительным героем среди юродивых, так как «не утрачивает способность упиваться радостью бытия и страдать»[13, с. 218], верит не в Бога мертвых, а в Бога живых.

Таким образом, тема безумия как «юродства» частотна в творчестве И.А. Бунина, что связано с попыткой писателя через осмысление прошлого приблизиться к пониманию настоящего и будущего России. При изображении юродивых автор лишь частично идет вслед за христианской традицией, во многом переосмысливая ее. Герои обладают чертами, характерными для истинных юродивых, однако, обобщая все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что понимание истинной святости и истинного юродства И.А. Буниным не совпадает с религиозными представлениями церкви. В произведениях писателя можно выделить несколько типов юродивых: 1.) Во-первых, лжепророков и мошенников, обогащающихся за счет легковерности русского народа; 2.) Во-вторых, действительно безумных героев, имеющих некоторые схожие черты с традиционными юродивыми, однако порочных в своей основе и потому осуждаемых автором, 3.) В-третьих, действительно юродивых, не имеющих каких-либо пороков и даже отвечающих стандартам, по которым строился образ в древнерусской литературе, и все же в сознании автора приобретающих отрицательную оценку, так как являются символом мертвого, а не живого мира. С позиции Бунина, люди в поклонении перед Богом мертвых забывают о Боге живых, подарившем уже в этом мире красоту, гармонию и счастье. В связи с этим юродивые, не принимающие «живую жизнь», становятся карателями и не выполняют своего главного предназначения – преображать души людей. Особняком в системе образов юродивых стоит герой из рассказа «Птицы небесные», лишь частично сохраняющий схожесть с традиционными юродивыми, так как несмотря на то, что ведет аскетичный образ жизни, не ставит своей целью попасть в потусторонний мир и наслаждается радостями земного одухотворенного и прекрасного мира живых, а не мертвых.

Библиографический список

1. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9-ти т. Т.2. М.: Художественная литература, 1965. 527с.
2. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9-ти т. Т.3. М.: Художественная литература, 1965. 503с.
3. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9-ти т. Т.4. М.: Художественная литература, 1966. 499с.
4. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9-ти т. Т.5. М.: Художественная литература, 1966. 543с.
5. *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9-ти т. Т.7. М.: Художественная литература, 1966. 399с.
6. *Балановский Р.М.* Религиозно-философские искания И. Бунина в цикле путевых поэм «Тень птицы»// Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А. Бунина. Орел, 2010. Вып.2. С. 39 – 44.
7. *Бердникова О.А.* Путь к Назарету (евангельские мотивы в поэзии и прозе И.А. Бунина). Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А. Бунина. Орел, 2010. Вып.2. С. 5 – 11.
8. *Есаулов И.А.* Юродство и шутовство в русской литературе. Литературное обозрение. 1998. №3. С.108– 112.
9. *Злыгостева Н.И.* «Странный человек» в русской литературе.Литература в школе. 1990. №6. С. 29 – 35.
10. *Иванов С.* Похабство, буйство и блаженство. Родина. 1996. №1. С. 101 – 105.
11. *Кошемчук Т.А.* Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009. 278с.
12. *Лазарева О.В.* И.А. Бунин и И.Г. Прыжов: проблема восприятия юродства (на материале рассказа «Слава»)// Творческое наследие И.А. Бунина: традиции и новаторство. Материалы международной научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения И.А. Бунина. 22-24 сентября 2005 года. Орел: ПФ Картуш, 2005. С. 53 – 57.
13. *Мальцев Ю.В.* Иван Бунин. 1870-1953. М: Посев, 1994. 432с.
14. *Мотеюнайте И.В*. Восприятие юродства русской литературой XIX– XX вв. Автореферат. … д.ф.н. – Великий Новгород, 2007// [Электронный ресурс]:[сайт].*Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/vospriyatie-yurodstva-russkoi-literaturoi-xix-xx-vv, свободный. - Загл. с экрана.*
15. *Рынкова И.* Феномен юродства: проявления и особенности// Народное творчество. 2006. №4. С. 12 – 14.

M.A. KHAZOVA

FEEBLE-MINDEDNESS IN BUNIN'S WORKS: TO THE QUESTION OF MADNESS THEME REALIZATION IN RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the phenomenon of feeble-mindedness, depicted by I.A. Bunin. The author underlines importance of this theme for all Bunin's works, where the writer tries to understand problems in Russia and problems of the whole Russian nation. As the representation of the "God's fools" is connected with writer's religio-moral search, the article also touches upon the problem of Bunin's faith and lack of faith.

Key words: ***madness, «live life», phenomenon of feeble-mindedness, Christian tradition, god of the living and of the dead's.***

В.В. ЧАРКИН
аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
Тел. 8 910 305 00 43

КОНЦЕПТ «ПОЭТ» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ С.Я. НАДСОНА

Статья посвящена изучению философской лирики С.Я. Надсона, посвященной проблемам поэтического творчества. Определяются доминанты отношения поэта конца XIX века к проблеме взаимодействия искусства и действительности.

Ключевые слова: **неоромантизм, литературная традиция, лирика Надсона, концепт, система образов, композиция.**

Современное литературоведение находится в постоянном поиске новых универсальных способов анализа литературного произведения. Одним из достижений последних лет стало введение в научный обиход понятия «концепт», восходящего к дискурсивной интеллектуальной практике 1970-е годов [4: 44] и отмеченного именами И.Р. Гальперина[2], Д.С. Лихачева[8], Ю.М. Лотмана[9], Ю.С. Степанова и других выдающихся ученых. Концептуальный подход к анализу текста предполагает взаимодействие структурно-смыслового и коммуникативного уровней, направленное на исследование имплицитно выраженного в содержательно-концептуальной сфере замысла автора. [2:27-28]

«Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, – отмечает Ю.С. Степанов. – И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее. <...> Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека»[15: 43].

В творчестве любого автора сложившийся в культуре концепт, как совокупность исторически закрепленных за тем или иным понятием ассоциативных значений, образующих «объем смыслов», приобретает индивидуальные черты, которые определяются традицией, мировоззрением творца и его творческими установками. В этой системе координат концептуальным оказывается и само понятие «творчество» («поэтическое творчество»), что позволяет, с одной стороны, установить универсальность и традиционность стремлений самых разных авторов определить значение своего творчества для мира, а с другой – раскрыть тот комплекс мыслей и чувств, которые неизбежно рождает акт вдохновения.

Еще в самом начале своей творческой деятельности С.Я. Надсон размышлял над тем, что такое поэтический дар и каково его предназначение. В раннем стихотворении «Я чувствую и силы, и стремленье…» он вступает в поэтический диалог с литературными предшественниками и умышленно обращается к пушкинскому пониманию назначения поэта, осмысливая его с позиций эпохи 1880-1890-х годов, которую еще в начале XX века назвали «эпохой поэтического безвременья»[13:270]:

Я чувствую и силы, и стремление
Служить другим, бороться и любить… [11:5].

Поэт не оспаривает того, что творчество – это особенное состояние души, которое выделяет поэта от обычных людей. Но в то же время для него поэтический дар не просто имеет божественное происхождение, а воспринимается лирическим героем как дитя, «рожденное в раздумье роковом», свойство, приносящее духовные страдания, потому что душа поэта более восприимчива к миру и его трагедиям.

В стихотворении возникает традиционный романтический мотив трагического непонимания. И вина за это возложена не на творца, который готов принести себя в жертву народу, а на общество, которое не испытывает потребности в поэте-трибуне:

Но кто поймет, что не пустые звуки
Звенят в стихе неопытном моем, –
Что каждый стих – дитя глубокой муки…[11:5]

В стихотворении «Я чувствую и силы, и стремленья…» обнаруживается пересечение нескольких мотивных комплексов, которые определяются концептом «поэт». Первый – страдание – связан с традицией определения поэтического дара как мучительного для творца. Второй включает атрибутивные характеристики поэзии: «песня», «звуки». Объединяющим для них становится мотив вдохновения, выводящий проблематику стихотворения на

© В.В. Чаркин

особый концептуальный уровень, на что указывает использование Надсоном закавыченной цитаты:

Что каждый миг «святого вдохновенья»
Мне стоит слез, невидных для людей… [11:5].

Для понимания творческой концепции поэта нам представляется необходимым рассмотреть особенности использования этого мотива в русской поэзии.

Семантическое поле концепта «вдохновение» отражено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля: «Вдохновение, вдохнуть, см. вдыхать»[3:173], что, на первый взгляд, полностью лишает его всякого поэтического ореола и связи с творчеством. В словарной статье «Вдыхать» В. Даль уточняет: «Вдохновлять, вдохновить кого, воодушевлять, оживлять, восхищать, воспламенять, пробуждать духом и делать способным к высшим проявлениям духовных сил. Бог вдохновил пророков. Вдохновенный певец. -ся, смотря по смыслу речи, вдохновлять самого себя, или / быть вдохновляему. Вдохновение ср. действие того, кто вдохновляеть; / духовное внушение, состояние вдохновенного; / высшее духовное состояние и настроение; восторженность, сосредоточенье и необычайное проявление умственных сил. / Наитие, внушение, ниспосланное свыше…»[3:174]

Главное в подобном, весьма пространном определении, что значение слова «вдохновение» В. Даль связывает с Божественным началом. В христианской традиции вдохновение – один из даров Духа Святого. В 1 Книге Царств сказано: «И иде оттуду в Наваф (иже) в Раме: и бысть и на нем Дух Божий, и идяше идый и прорицая…» (23-24; 1 Царств)

Именно такое понимание вдохновения легло в основу статьи Г.Р. Державина «Рассуждения о лирической поэзии или об оде»: «Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар неба, луч божества. Поэт, в полном упоении чувств своих, разгорался свышним оным пламенем или, простое сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поёт, что ему велит его сердце. Не разгорячась и не чувствуя себя восхищённым, и приниматься он за лиру не должен.

Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра…»[5:536]

В русской поэзии «вдохновенье» в сочетании с эпитетом «святое» впервые появилось в творчестве В.А. Жуковского в ходе поэтической полемики между В.Л. Пушкиным и П.А. Вяземским об отношении к критике новой поэзии шишковистами. В послании «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» (1814), характеризуя творчество собрата по перу, Василий Андреевич использует традиционные для романтической поэзии формулы, характеризующие творчество: поэзия – «блаженство с неба», поэты – «чада Феба», у поэта «пламенная душа».

Друг Пушкин; счастлив, кто поэт;
Его блаженство прямо с неба;
Он им не делится с толпой:
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли с пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
К ногам холодных повергать,
И на коленях ожидать
От недостойных одобренья?[6:221]

Следует отметить и то, что во втором варианте перевода элегии Томаса Грея «Сельское кладбище» («Elegy Written in a Country Church-yard») Жуковский прямо вводит сочетание слов «вдохновение святое», которых нет в тексте английского поэта:

The struggling pangs of conscious truth to hide,
To quench the blushes of ingenuous shame,
Or heap the shrine of Luxury and Pride
With incense kindled at the Muse's flame[17:157-158].

При этом пафос этого фрагмента элегии В.А. Жуковский полностью сохраняет: так же, как и Т. Грей, он призывает служить высокому искусству, не опускаясь до лжи, не прославляя роскошь и гордыню:

Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитах
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласом поэзии славя могучий разврат и фортуну[6:398].

Вильгельм Кюхельбекер в стихотворении «Вопросы» (1832), предъявляя высокие требования к поэзии, утверждает:

Должно ли ведать гнев враждебных лет,
Душа души, святое вдохновенье,
Должно ли опадать в одно мгновенье,
Как в осень сорванный со стебля цвет?[7:239]

Несколько в ином ключе, но то же самое о сущности поэзии и любви как основе творчества писал Н.М. Языков в стихотворении «Весенняя ночь»:

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви![16:299]

В стихотворении Е.П. Ростопчиной «Три поры

жизни» есть строки, прямо указывающие на то, что истинная поэзия должна быть свободна от всего наносного, бытового, мелочного:

Но светлая мечта Поэзии сменила
Тщеславья гордого опасно-сладкий сон.
Воскресло, ожило святое вдохновенье!..
Дышу свободнее…[14:67]

Н.А. Некрасов в стихотворении 1838 года «Смерти» («Не приходи в часы волнений...») использует эту устойчивую формулу для того, чтобы высказаться о силе поэзии, которая способна победить смерть:

И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе…[12:188]

В лирике Л.А. Мея («О Господи, пошли долготерпенье!..») «святое вдохновение», дарованное Богом, противопоставлено подцензурному творчеству:

Неволю мысль цензуре в угожденье,
Неволю дух – напрасно! Не сойдет
Ко мне твое святое вдохновенье[10:65].

Таким образом, в разных литературных контекстах – от серьезного и патетичного (Державин, Жуковский, Кюхельбекер, Некрасов) до ироничного (Мей) и игрового (Языков) – семантика словосочетания «святое вдохновенье» остается неизменной. Можно утверждать, что в романтической поэзии и поэзии «чистого искусства» сложилось устойчивое представление о вдохновении как Божественном даре.

Сам же С.Я. Надсон еще раз обратился к этому романтическому концепту в поэме «Иуда», описывая страдания Христа. При этом здесь он уже не использует кавычки:

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый
Христос моленья воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах его лица,
И он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца. [11:20]

Надсон уравнивает поэтический дар с мессианским, подчеркивает Божественность его происхождения. Так концепт «поэзия» приобретает в лирике С.Я. Надсона устойчивую семантику, определяемую отношением автора к собственному творчеству.

Более конкретное выражение концепт «поэт» получает в стихотворении «Слово». Произведение отличается типичной для творчества Надсона двухчастной композицией. Первая – размышления о призвании поэта, который должен нести народу истину, учить честности, воспитывать потребность в идеале, безвозвратно утраченном. Но поэт отказывает себе в роли глашатая и трибуна, испытывая сомнения в своем таланте, неуверенность в силе поэтического слова.

Начало стихотворения построено на возвышенной, торжественной интонации, но она не является оптимистической, так как здесь преобладают глагольные формы условного наклонения: «беспощадно б…клеймил», «Я б поднял всех на бой», «Я б знамя света развернул», «Гремел бы смелый голос мой» и т.д.

Первая часть стихотворения наполнена пушкинско-лермонтовской символикой («О, если б огненное слово я в дар от музы получил…», «Я б знамя света развернул…», «стремленье к истине вдохнул…», «слезой бы прожигал…», «гремел бы смелый голос мой, звуча огнем негодованья…»), но уже в ее конце возникает нетрадиционный для романтизма образ-деталь «правдивой слезы». Подобное проявление эмоций в русской поэзии начала XIX века выражалось иначе: как правило, семантически слово «слезы» было связано с темой любви («Поцелуями прежде считал…», «Нищий», «Отчего», «Благодарность» М.Ю. Лермонтова). Определенную смысловую окрашенность придавал слову «слезы» и сопутствующий ему в романтической поэзии эпитет «горькие».

На новаторском образе «правдивой слезы» Надсон строит антитезу второй части, в которой констатирует бессилие художника. Здесь все основывается на отрицании:

Мне ***не*** *дано такого слова…*
Бессилен слабый голос мой,
Моя душа к борьбе готова,
Но нет в ***ней*** *силы молодой…*
В груди – бесплодное рыданье,
В устах – мучительный упрек,
И давит сердце мне сознанье,
Что я – я раб, а ***не*** *пророк!* [11:25]

Философский мотив свободы, напрямую отсылающий к пушкинскому стихотворению «Узник», реализован Надсоном в лирическом произведении, в котором почти вся система образов тождественна прототипу:

Сижу за решеткой в <u>темнице</u> сырой… «Узник»
Мрачна моя <u>тюрьма</u>… «Слово»
Вскормленный в неволе <u>орел</u> молодой… «Узник»
Клялись мы, – как <u>орлы</u>, могучи и сильны «Слово»
Мой грустный <u>товарищ</u>, махая крылом… «Узник»

Со мной товарищ мой, мой брат… «Слово»

В образной структуре этих текстов имеются и расхождения: товарищ у Надсона – это реальный человек, владевший мечом-словом, который «за каждую слезу ударом отомщал…» Оппозиция лира-меч, слово-дело здесь работает примерно на тех же правах, что и у Пушкина. Но в отличие от предшественника, Надсон дает иное толкование судьбы поэта-борца: если у Пушкина побег из тюрьмы предполагает полное освобождение, то для лирического героя Надсона побег невозможен, тюрьма для него – могила, в которой «угасли навсегда» «и песен чудный дар, и молодость, и сила». И хотя лирический герой не сломлен неведомыми врагами («враги безжалостно нас бросили в тюрьму» и, очевидно, требуют «слагать… льстивый гимн»), он пророчески предвидит, что слава и понимание к нему придут после «гибели на пути, в бою с гнетущим злом».

Поэтическая программа С.Я. Надсона изложена в стихотворении достаточно подробно. По мнению автора, поэзия должна бороться с пороками мира, с духовной тьмой, с человеческим безразличием и себялюбием. Он убежден, что только поэтическое слово способно разбудить сердца и души людей, способно рождать сильные чувства, эмоции, напомнить о «святом, забытом идеале», о возвышенных духовных устремлениях.

Стремление поэта к правде, к духовной чистоте, нравственным началам С.Я. Надсон противопоставляет бессмысленному и бесполезному существованию толпы, которая полностью утратила былые идеалы, не способна сопротивляться и мечтать. Именно потому поэт оказывается единственным честным и неравнодушным началом в мире, готовым бороться за свои идеалы и свою мечту.

Вторая часть стихотворения еще более трагична. Лирический герой Надсона упрекает себя за бессилие, за «слабый голос». Творец, готовый к борьбе и служению, растрачивает свой дар на пустые мелочи и «мучительные упреки», потому что он человек своего времени, своей эпохи, которая даже поэта-пророка превращает в раба.

Почти все исследователи отмечали крайнюю эклектичность и двойственность мировосприятия Надсона. Достаточно зримо это проявляется и в тематической группе, связанной с концептом «поэт». Так, в стихотворении «Поэт» С.Я. Надсон предлагает собственную формулу творчества, прямо противоположную идеологическим выкладкам близких ему революционеров-демократов.

В противоположность Н.А. Некрасову считавшему, что творец, наделенный поэтическим даром, не имеет права разменивать свои способности на воспевание красот природы и интимных чувств, Надсон убежден, что любая поэзия имеет право на существование. Поэт-трибун, выражающий в своих стихах чувство протеста, говорящий народу страшную правду, служащий «отчизне дорогой», не может не вызывать восторга и уважения в душе лирического героя. Но при этом Надсон утверждает, что поэзия – это дар особенной силы и страсти, предназначение которого – давать людям надежду, увековечивать память павших, поддерживать разочаровавшихся в борьбе, утративших надежды на достижение светлого будущего.

Место поэта-трибуна, с точки зрения С.Я. Надсона, – быть впереди тех, кто еще не утратил веру в революционное преобразование мира. Именно такой творец имеет право на гордое звание Поэта:

Пусть он ведет нас в бой с неправдою и тьмою,
В суровый, грозный бой за истину и свет, –
И упадем тогда мы ниц перед тобою,
И скажем мы тебе с восторгом: «Ты – поэт!»
[11:26]

Но рядом с поэзией гражданского звучания возможна и лирика «чистого искусства». Гармония природы, «тихое журчание ручья», «мир фантазии», живой смех, звуки, «красота, любовь, забвенье и покой» способны вызвать настоящее чувство наслаждения. По силе своего воздействия на человека высокая лирика не менее значима, чем гордые строки о необходимости борьбы. Настоящая поэзия, идущая из глубины души, тоже достойна уважения и имеет право на существование:

Пусть насладимся мы без дум и размышленья,
И снова проживем мечтами юных лет, –
И мы благословим тогда твои творенья,
И скажем мы тебе с восторгом: «Ты – поэт!»
[11:27]

Таким образом, для С.Я. Надсона настоящая поэзия, созданная честным творцом, не испугавшимся открыть сокровенные тайны своего сердца, должна быть частью культурной и духовной жизни общества.

В стихотворении «Певец, восстань! Мы ждем тебя – восстань!..», содержащем откровенный призыв к действию, «речь уже прямо идет о народном гневе, который растет во время предгрозовой тишины, растет, «как буря в океане», и о врагах, которые пока еще беспечны и сильны, но чей пир – «безумцев пир на пышущем вулкане». Страна «готовится к решительному бою», и поэт должен звать к борьбе…»[1:195]

Диалог с Н.А. Некрасовым намечается и в сти-

хотворении «Музе». Оно так же лаконично по форме, как и некрасовский шедевр, и муза в нем тоже уподоблена женщине.

Долой с чела венец лавровый, –
Сорви и брось его к ногам:
Терн обагренный, терн суровый
Один идет к твоим ногам… [11:108]

Муза Надсона не возвышенна и прекрасна, а истерзана и поругана. Образ лаврового венка – символа победы, вдохновения, творчества – заменяет венец терновый, который в сознании людей неизменно ассоциируется с образом Христа и его страданиями на кресте.

Надсон считает, что его поэзия – это поэзия страданий, суровая и обагренная кровью. Это творчество, которое приносится в жертву всего человечества, потому что предназначено нести новую идею, пока не до конца принимаемую, но необходимую для гуманистического усовершенствования мира. Таким образом, образ музы у Надсона еще трагичнее, чем некрасовский, потому что она всегда страдающая и жертвенная.

По своему смыслу со стихотворением «Музе» перекликается и стихотворение «Я понял, почему уста…» В нем изображается поэт, который измучен страшным миром, вызывающим в душе человека только скорбь и протест. Боль за происходящее вокруг настолько сильна, что даже истинный творец не может выразить ее в своем слове.

Размышление С.Я. Надсона над предназначением поэта вылилось во вдохновенные строки стихотворений «Поэзия», «Томясь и страдая во мраке ненастья», «Милый друг, – я знаю, я…», «Верь, – говорят они, мучительны сомненья!», «Муза!». Все они объединены единым пафосом и концептуальными основаниями. Поэт для С.Я. Надсона – творец, избравший себе тяжелый и тернистый путь служения людям. Он приносит свое вдохновение, свои духовные силы пустому миру в надежде, что будущие поколения поймут и оценят его жертву. И в этом проявляется неоромантическая концепция творческой личности, способной противостоять обстоятельствам.

Библиографический список

1. *Бялый Г.А.* Чехов и русский реализм: Очерки. Л.: Сов. писатель, 1981.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
4. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке. Вопросы филологии. 2001. № 1. С.35-47.
5. *Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т.VII. СПб., 1878.
6. *Жуковский В.А.* Стихотворения. Собр. соч.: В 4 т. Т.1. М.-Л.: Художественная литература, 1959.
7. *Кюхельбекер В.К.* Избр. произведения: В 2 т. Т.1. Стихотворения. М.-Л.: Сов. писатель, 1967. (Б-ка поэта, БС).
8. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка. Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. М.: Наука, 1993. Т.52. №1. С.3-9.
9. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
10. *Мей Л.А.* Избр. произведения. М.-Л.: Сов. писатель, 1972. (Б-ка поэта, БС).
11. *Надсон С.Я.* Полн. собр. соч.: В 2 т. Т.1. Стихотворения.– Пг.: Изд. А.Ф. Маркса, 1917.
12. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т.1 М.-Л.: Наука, 1981.
13. *Розанов И. Н.* Отзвуки Лермонтова. Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 237-289.
14. *Ростопчина Е.П.* Поэты 1840-1850-х годов. - Л.: Сов. писатель, 1972. (Б-ка поэта, БС).
15. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004.
16. *Языков Н.М.* Полн. собр. стихотворений. М.;Л.: Сов. писатель, 1964. (Б-ка поэта, БС).
17. *Gray T.* Elegy Written in a Country Church-yard. An Anthology of English and American Verse. M.: Прогресс, 1972.

V.V. CHARKIN

CONCEPT "POET" AS THE WAY OF EXPRESSION OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN S.Y.NADSON'S LYRICS

The article explores philosophical lyrics by S.Y.Nadson which is devoted to the problems of poetic creativity. Dominants of the poet's attitude to the problem of interaction between art and reality in the end of the XIX century are determined.

Key words: **newromanticism, literary tradition, Nadson's lyrics, concept, system of images, composition.**

Д.А. ЯГУПОВА
главный специалист отдела по взаимодействию со средствами массовой информации администрации города Орла, член Союза журналистов России
E-mail: dina_yag@mail.ru
Тел.: 8 920 286 64 04

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ И ГЛАСНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ

В статье рассматриваются вопросы открытости правосудия, основные принципы и способы доступа к информации о деятельности судов, в том числе в рамках Федерального закона от 22.12.2008 N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». В статье также рассматриваются вопросы гласности судопроизводства, порядок фото- и видеосъемки в судебном заседании.

Ключевые слова: ***открытость правосудия, гласность судопроизводства, доступ к информации о деятельности судов, порядок фото- и видеосъемки в судебном заседании.***

Формирование демократических институтов подразумевает прозрачность судебной системы, что является объективным критерием независимости «третьей власти». И на прессу, как на единственный, по сути, публичный механизм распространения информации, ложится серьезная гражданская ответственность по донесению этого «послания» до общества.

В своем Послании Федеральному Собранию РФ в ноябре 2008 года Президент России Д.А. Медведев обратил внимание судов на информационную открытость и в частности на то, что граждане должны получать достоверные сведения о функционировании судебной системы.

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в своих выступлениях особо подчеркивает, что «существенная роль в предупреждении коррупционных проявлений и одновременно в формировании объективного образа российской судебной системы принадлежит средствам массовой информации. Их деятельность направлена на то, чтобы довести до общества правду о работе судов»[1].

Правосудие должно быть открытым не только для участников судебного процесса, но и для общества в целом.

Именно поэтому вопросы открытости и доступности правосудия в последнее время широко обсуждаются как юридической общественностью, так и представителями масс-медиа, которые непосредственно заинтересованы в оперативном получении информации по поводу того или иного дела, рассматриваемого в суде. Более того, и хозяйствующие субъекты, предприниматели, и простые граждане – те, кто нечасто сталкивается с проблемами юридического характера, – проявляют все больший интерес к вопросам судопроизводства, поскольку начинают понимать, что наиболее эффективный механизм защиты их прав и свобод – это суд.

Сегодня открытость правосудия давно уже не является частным делом судей, а стала направлением государственной политики. На VI Всероссийском съезде судей Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал, что для судебной системы излишняя закрытость чрезвычайно вредна, поскольку создает информационный вакуум, который и порождает ложные стереотипы в отношении работы судов. В этой связи огромную значимость приобретают такие демократические инструменты, как прозрачность, доступность правосудия, а также своевременное информирование общественности о ходе того или иного разбирательства. Поэтому не случайно в судах первой инстанции всё больше внимания уделяется развитию института пресс-секретарей, суды стараются не только оперативно реагировать на запросы СМИ, но и непосредственно воздействовать на состояние информационного поля, создают собственные Интернет-сайты. Активность в этом направлении продиктована сложившимися новыми историческими, экономическими и политическими реалиями.

Говоря об открытости правосудия, нет нужды лишний раз доказывать, насколько важно соблюдение этого принципа в повседневной жизни российских судов. Обеспечивая открытость своей деятельности, суд не только реализует конституционное право граждан на получение объективной информации, способствует построению гражданского общества, но и существенно укрепляет авторитет судебной власти, улучшает качество судейской работы[2].

1 июля 2010 года – важная для российской судеб-

1 http://www.vsrf.ru/

2 http://www.kadis.ru/daily/dayjust.phtml?cm=1&id=36684/

© Д.А. Ягупова

ной системы и средств массовой информации дата. В этот день вступил в силу Федеральный закон от 22 декабря 2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Подавляющее большинство экспертов полагают, что это событие ознаменовало собой новый этап взаимоотношений российских судов со средствами массовой информации, а также повлияло на жизнь российского общества в целом. Это стало большим шагом вперед к открытости правосудия.

Недоступность информации о судах вынуждала как граждан, так и представителей СМИ ориентироваться не на первоисточники, каковыми могут и должны являться тексты судебных актов, а на мнение заинтересованных сторон.

1 июля каждый заинтересованный человек получил доступ к базам данных судебных решений: в соответствии с Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» тексты судебных актов стали публиковаться на официальных сайтах судов[3].

Основными принципами обеспечения доступа к информации о деятельности судов в рамках Федерального закона от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (далее Закон № 262-ФЗ) являются:

1. открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

2. достоверность информации о деятельности судов и своевременность ее предоставления;

3. свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности судов любым законным способом;

4. соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, права организаций на защиту их деловой репутации; соблюдение прав и законных интересов участников судебного процесса при предоставлении информации о деятельности судов;

5. невмешательство в осуществление правосудия при предоставлении информации о деятельности судов[4].

Законом № 262-ФЗ доступ к информации о деятельности судов ограничивается, если указанная информация отнесена в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну.

Доступ к информации о деятельности судов обеспечивается следующими способами:

1. присутствие граждан (физических лиц), в том числе представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления, в открытом судебном заседании;

2. обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в средствах массовой информации;

3. размещение информации о деятельности судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

4. размещение информации о деятельности судов в занимаемых судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества помещениях;

5. ознакомление пользователей информацией с информацией о деятельности судов, находящейся в архивных фондах;

6. предоставление пользователям информацией по их запросу информации о деятельности судов[5].

Информация о деятельности судов может предоставляться в устной форме и в виде документированной информации, в том числе в виде электронного документа.

Основными требованиями при обеспечении доступа к информации о деятельности судов являются:

1) достоверность предоставляемой информации о деятельности судов;

2) соблюдение сроков и порядка предоставления информации о деятельности судов;

3) изъятие из предоставляемой информации о деятельности судов сведений, доступ к которым ограничен.

Информация о деятельности судов не предоставляется в случаях, если:

1) содержание запроса не позволяет установить запрашиваемую информацию о деятельности судов;

2) в запросе не указаны почтовый адрес, адрес электронной почты или номер факса для направления ответа на запрос либо номер телефона, по которому можно связаться с направившим запрос пользователем информацией;

3) запрашиваемая информация не относится к деятельности суда, Судебного департамента, органа Судебного департамента, органа судейского со-

3 От редакции. Тема номера: время сотрудничать. Судья 2011; 1:10.

4 Федеральный закон от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»// СПС «Консультант плюс».

5 Федеральный закон от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»// СПС «Консультант плюс».

общества, в которые поступил запрос;

4) запрашиваемая информация относится к информации ограниченного доступа;

5) запрашиваемая информация является вмешательством в осуществление правосудия;

6) предоставление запрашиваемой информации не позволяет обеспечивать безопасность участников судебного разбирательства;

7) запрашиваемая информация ранее предоставлялась пользователю информацией;

8) в запросе ставится вопрос о толковании нормы права, разъяснении ее применения или правовой оценке судебных актов, выработке правовой позиции по запросу, проведении анализа судебной практики или выполнении по запросу иной аналитической работы, непосредственно не связанной с защитой прав направившего запрос пользователя информацией.

Суды, Судебный департамент, органы Судебного департамента, органы судейского сообщества имеют право не предоставлять информацию о деятельности судов по запросу, если эта информация опубликована в средствах массовой информации или размещена на официальных сайтах судов, Судебного департамента, органов Судебного департамента[6].

В соответствии с Законом № 262-ФЗ на официальном сайте суда представлены:

1) общая информация о суде:

а) наименование суда, почтовый адрес, адрес электронной почты, номер телефона, по которому можно получить информацию справочного характера;

б) организационная структура суда, а также структурные подразделения аппарата суда;

в) компетенция суда;

г) перечень законов, регламентирующих деятельность суда;

д) регламент суда и иные акты, регулирующие вопросы внутренней деятельности суда;

е) фамилии, имена и отчества председателя суда, заместителей председателя суда, судей, основания наделения полномочиями председателя суда, заместителей председателя суда, судей;

2) информация, связанная с рассмотрением дел в суде:

а) требования, предъявляемые к форме и содержанию документов, используемых при обращении в суд, и (или) образцы этих документов, порядок представления указанных документов в суд;

б) сведения о находящихся в суде делах: регистрационные номера дел, их наименования или предмет спора, информация о прохождении дел в суде, а также сведения о вынесении судебных актов по результатам рассмотрения дел (назначено к слушанию с указанием даты, времени и места проведения судебного заседания, рассмотрено, отложено, приостановлено, прекращено, заключено мировое соглашение, заявление оставлено без рассмотрения, иное с учетом особенностей соответствующего судопроизводства);

3) сведения о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказания услуг для нужд суда в соответствии с законодательством РФ.

Размещение информации в сети Интернет осуществляется в сроки, обеспечивающие своевременность реализации и защиты пользователями информации своих прав и законных интересов.

В условиях информационной открытости и уровень правой культуры наших граждан, и их доверие к суду, безусловно, будет только расти. Открытость подразумевает и высказывание позиции суда по тому или иному делу. И журналисты, получив информацию из первых уст, не будут домысливать то, чего не было, искажать информацию.

«Разбирательство дел во всех судах открытое» – так сформулирован принцип открытости судебного процесса в Конституции РФ (ст. 123) и действующих процессуальных кодексах.

Открытость судопроизводства означает гласное, публичное и непосредственное исследование судом всех доказательств по делу. Особенно это важно в уголовном судопроизводстве.

Открытость означает также возможность свободного, за исключением предусмотренных законом случаев, участия в судебном разбирательстве не только участников судебного процесса, но других лиц в качестве наблюдателей. Такое участие является формой общественного контроля за соблюдением принципов правосудия, соблюдением не только судебных процедур, но и их содержания.

Большей частью информацию о деятельности судов и судебной системы в целом население получает через различные средства массовой информации, а не посредством личного присутствия в зале судебного заседания. Такое положение возлагает на журналистов величайшую ответственность за объективность и достоверность информации о работе судов, так как любая предвзятость, односторонность и уж тем более злой умысел, формирует в людях недоверие к правосудию, подрывает веру граждан в справедливость[7].

Взаимодействие органов правосудия со средствами массовой информации является одним из

6 Федеральный закон от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»// СПС «Консультант плюс».

7 http://www.ekboblsud.ru/

условий реализации принципа гласности. В соответствии с принципом гласности предусматривается возможность через средства массовой информации освещать ход судебного разбирательства. Несмотря на это, Конституция РФ допускает ограничения гласности при судебном разбирательстве, если иные нравственные интересы имеют более существенное значение. В этом случае формирование судейского усмотрения при ограничении права на гласное судебное разбирательство предусматривает широкие возможности суда при их обосновании с позиции морали.

Как отмечает председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев, запрет на присутствие журналистов (а, следовательно, на аудио-, видеозапись) в судебном заседании в каждом конкретном случае должен быть мотивирован судом со ссылкой на особые обстоятельства, не допускающие публичность, и игнорирование которых способно отрицательно отразиться на интересах правосудия[8]. Такими обстоятельствами могут быть признаны отказ подсудимого давать показания перед телекамерой, возражения потерпевших и свидетелей против видеосъемки, например, исходя из интересов своей безопасности. При этом степень состоятельности подобных возражений определяет суд.

Тем не менее, у журналистов получение информации о происходящих судебных процессах и деятельности суда вызывает трудности. Усугубляет ситуацию то, что сами журналисты иногда не имеют четкого представления о соответствующих своих правах и обязанностях.

В соответствии с процессуальным правом в открытом заседании особыми правами по сравнению с обычным гражданином журналист не пользуется. Но у него не может быть и меньше прав, чем у другого гражданина. Например, чтобы пройти в зал заседаний, нет необходимости предъявлять редакционное удостоверение.

Однако в соответствии с нормами массово-информационного права, основанными на положениях Конституции РФ, у журналистов есть дополнительные права как находиться в суде, как и в любом другом государственном органе, организации, общественном объединении, так и получать из них информацию на приоритетной основе.

Прежде необходимо понимать, кого закон относит к категории «журналистов». Под журналистом понимается «лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного СМИ, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию»[9]. Из этого следует, что профессиональный статус журналиста распространяется как на штатных сотрудников редакций, так и на внештатных, в том числе на не связанных договорными отношениями с редакцией внештатных авторов и корреспондентов при выполнении ими ее поручений[10].

Посещая открытые судебные заседания, журналист, как и любой присутствующий, вправе вести письменную запись и стенограмму процесса, а также фиксировать ход процесса иным письменным способом (например, делать рисунки). Ему разрешается вести звукозапись, если это не создает препятствий для судебного разбирательства. Указанная оговорка, видимо, применима в тех случаях, когда запись ведется, условно говоря, не «для памяти», а «для ретрансляции» по радио, телевидению и т.п. Во втором случае диктофона «на коленях» присутствующего в зале недостаточно, желательно применение выносных микрофонов, перемещение журналиста по залу, что может отвлекать участников рассмотрения дела, создавать трудности в поддержании надлежащего порядка на заседании. Как представляется, в первом случае специального разрешения судьи, рассматривающего дело, для проведения звукозаписи не требуется[11].

Однако такое разрешение необходимо иметь для кино- и фотосъемки, производства видеозаписи, трансляции заседания по радио и ТВ. Об этом говорится в статье 11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации («Лица, присутствующие в открытом судебном заседании, имеют право делать заметки по ходу заседания, фиксировать его с помощью средств звукозаписи. Кино- и фотосъемка, видеозапись, а также трансляция судебного заседания арбитражного суда по радио и телевидению допускается с разрешения судьи – председательствующего в судебном заседании»)[12].

В статье 241 Уголовно-процессуального кодекса РФ указано:

1. Разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей.

8 http://www.vsrf.ru

9 Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 11.07.2011) «О средствах массовой информации» // СПС «Консультант плюс».

10 Рихтер А.Г. Нормы информационного права и гласность судопроизводства. В кн.: Проблемы транспарентности правосудия: Монография. Ред.-сост. Е.Б. Абросимова, С.Л. Чижков]. М.: ЛексЭст, 2005. С. 130.

11 Рихтер А.Г. Нормы информационного права и гласность судопроизводства. В кн.: Проблемы транспарентности правосудия: [монография]/[ред.-сост. Е.Б. Абросимова, С.Л. Чижков. М.: ЛексЭст, 2005. С. 131.

12 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.06.2012) // СПС «Консультант плюс».

2. Закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, когда:

1) разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны;

2) рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет;

3) рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлениях может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство;

4) этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц.

5. Лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись. Проведение фотографирования, видеозаписи и (или) киносъемки допускается с разрешения председательствующего в судебном заседании[13].

В статье 10 Гражданско-процессуального кодекса РФ указано:

1. Разбирательство дел во всех судах открытое.

2. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается и при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина.

4. О разбирательстве дела в закрытом судебном заседании в отношении всего или части судебного разбирательства суд выносит мотивированное определение.

7. Лица, участвующие в деле, и граждане, присутствующие в открытом судебном заседании, имеют право в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. Фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного заседания по радио и телевидению допускаются с разрешения суда.

8. Решения судов объявляются публично, за исключением случаев, если такое объявление решений затрагивает права и законные интересы несовершеннолетних[14].

Разрешение на фото- и видеосъемку следует получать по следующим причинам.

Первая заключается в том, что, заметив видео- и фотоаппаратуру в зале суда, участники процесса зачастую меняют свое поведение: позируют либо, наоборот, начинают стесняться, вести себя скованно.

Вторая причина состоит в том, что фотовспышки, движение камер, производимый при съемке шум видеоаппаратуры — все это отвлекает участников от хода процесса, сбивает их с мысли. В любом случае страдает нормальный порядок разбирательства, что мешает объективному отправлению правосудия.

Поэтому для того чтобы удалить камеры из зала заседаний, судье, рассматривающему дело, достаточно возражения любой из сторон. Но даже если стороны не возражают, судья может наложить запрет, исходя из собственного представления о нецелесообразности съемки в силу создания при ее проведении помех для судебного разбирательства.

Третьей, неформальной причиной запрета на проведение записи может послужить и то, что объективная фиксация происходящего записывающей аппаратурой может указать и на ошибки самого судьи, показать его недостаточный профессионализм[15].

Таким образом, правосудие в Российской Федерации основано на принципах открытости и гласности судопроизводства. Эти принципы являются не самоцелью, а средством формирования позитивного общественного мнения о деятельности судебной системы, повышения уровня доверия населения к правосудию. Одновременно данные принципы выступают в качестве правовой основы для взаимодействия судов и средств массовой информации. Несмотря на специфику целей и задач, методов работы, суды и средства массовой информации действуют в одном информационном пространстве, что обязывает их вырабатывать соответствующие формы взаимодействия.

13 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.07.2012) // СПС «Консультант плюс».

14 «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 14.06.2012) // СПС «Консультант плюс».

15 Рихтер А.Г. Нормы информационного права и гласность судопроизводства. В кн.: Проблемы транспарентности правосудия. Монография. Ред.-сост. Е.Б. Абросимова, С.Л. Чижков. М.: ЛексЭст, 2005. С. 131-132.

Библиографический список

1. От редакции. Тема номера: время сотрудничать. Судья 2011; 1:10.
2. Проблемы транспарентности правосудия. Монография. Ред.-сост. Е.Б. Абросимова, С.Л. Чижков. М.: ЛексЭст, 2005. 328 с.
3. *Рихтер А.Г.* Нормы информационного права и гласность судопроизводства. В кн.: Проблемы транспарентности правосудия. Монография. Ред.-сост. Е.Б. Абросимова, С.Л. Чижков. М.: ЛексЭст, 2005. С. 130-132.
4. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.06.2012) // СПС «Консультант плюс».
5. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 14.06.2012) // СПС «Консультант плюс».
6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.07.2012) // СПС «Консультант плюс».
7. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 11.07.2011) «О средствах массовой информации» // СПС «Консультант плюс»
8. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 11.07.2011) «О средствах массовой информации» // СПС «Консультант плюс».
9. Конституция РФ // СПС «Консультант плюс»
10. Федеральный закон от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»// СПС «Консультант плюс».
11. http://www.ekboblsud.ru/
12. http://www.kadis.ru/daily/dayjust.phtml?cm=1&id=36684/
13. http://www.vsrf.ru/

D.A. YAGUPOVA

INFORMATION OPENNESS AND PUBLICITY OF JUSTICE

In article questions of openness of justice, the basic principles and ways of access to information on an activity of the courts, including within the Federal law from 22.12.2008 N 262-FZ «About ensuring access to information on an activity of the courts in the Russian Federation» are considered. In article questions of publicity of legal proceedings, an order photo and video filming in a court session also are considered.

Key words: ***openness of justice, publicity of legal proceedings, access to information on an activity of the courts, an order photo and video filming in a court session.***

Н.Н. АНТОНОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Московского гуманитарного педагогического института
E-mail: n73@mail.ru
Тел. 8 916 956 05 63

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ САМООБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье рассматриваются такие актуальные аспекты самообразования педагога высшей школы, как самообразование педагога в процессе общения со студентами, возможности использования социальных сетей в образовательном процессе, педагогическая рефлексия.

Ключевые слова: ***самообразование, рефлексия, социальные сети, диалог культур.***

На современном этапе развития общества и науки становится очевидным тот факт, что самообразование должно являться необходимым компонентом жизнедеятельности любого современного человека. Парадигма «Образование на всю жизнь» ещё в конце XX века сменилась парадигмой «Образование через всю жизнь», что в определенной мере способствовало обострению противоречий в образовательном пространстве высших учебных заведений, к числу которых можно отнести противоречие между эпизодической централизованной переподготовкой и повышением квалификации и необходимостью постоянного самосовершенствования профессионального развития педагога.

В настоящее время педагог, даже прекрасно знающий свой предмет и в совершенстве владеющий методикой его преподавания, должен постоянно обновлять свои знания по преподаваемому предмету и в смежных научных областях, а также хорошо ориентироваться в различных сферах общественной жизни: в политике, в экономике, в современной культуре и т.д.

Учитывая значимость самообразования в педагогической сфере, многие исследователи данного феномена рассматривали различные аспекты самообразования педагога. Прежде всего, это мотивы, к которым относятся регулярная потребность в новой информации по преподаваемой дисциплине; желание творчества; изменения, происходящие в жизни общества; профессиональная конкуренция; материальное стимулирование; профессиональный интерес и др.; функции (экстенсивная, ориентировочная, компенсаторная, саморазвития, методологическая, коммуникативная, сотворческая, омолаживания, психологическая, геронтологическая) [2]. Рядом авторов выделяются различные этапы самообразования – установочный, обучающий, практический, этап теоретического осмысления, анализа и обобщения накопленных педагогических фактов, итогово-контрольный этап; формы (индивидуальная или групповая, традиционная или дистанционная и др.); источники (методическая, научно-популярная, публицистическая, художественная литература, Интернет, видео- и аудиоинформация на различных носителях, курсы повышения квалификации, семинары и конференции): а также направления самообразования (психолого-педагогическое, методическое, правовое, эстетическое, экономическое, историческое, иностранные языки, политическое, охрана здоровья и др.). [1]

Но в то же время такой аспект самообразования, как самообразование преподавателя в процессе общения со студентами с последующей рефлексией, практически ускользнул от внимания исследователей. Но ведь самообразование направлено не только на расширение и углубление профессиональных и методических знаний и умений, на совершенствование уровня предметной подготовки, овладение современными технологиями и т.п. Самообразование преподавателя должно быть также направлено на повышение собственной компетенции в области педагогической психологии, межличностного общения, на теоретическую разработку и эмпирическую апробацию разнообразных форм занятий, учебных материалов для студентов, способствующих, в том числе, повышению познавательного интереса студентов, их самораскрытию и самореализации. Все эти аспекты невозможны без успешного педагогического общения, когда педагог не просто взаимодействует с обучающимися, передавая им определенный объем знаний, формируя те или иные компетенции, а целенаправленно занимается самообразованием в процессе общения. И в данный контекст самообразования идеально вписывается такая функция педагогического общения, как функция приобщения организатора общения к ценностям партнера.

В настоящее время у студентов вольно или не-

© Н.Н. Антонова

вольно формируются иные механизмы восприятия информации, её осознания, переработки и интериоризации, нежели те, которые были характерны для студенческой аудитории ещё несколько лет назад. Сегодня большинство студентов при подготовке к занятиям пользуются не книгами или другими бумажными носителями информации, а Интернетом и электронными источниками, что особенно заметно при работе со студенческой аудиторией, обучающейся на дневном отделении.

Из этого вытекает необходимость трансформации дидактических подходов, причем как в части структурирования содержания образования (о чем свидетельствуют и новые стандарты высшего профессионального образования), так и в части его презентации студенческой аудитории.

Поэтому, отвечая на вопрос – чему же может научиться преподаватель у своих студентов, очевидным ответом будет – владению информационными и коммуникационными технологиями. Конечно, на современном этапе развития образования к уровню информационной и компьютерной культуры преподавателя вуза предъявляются высокие требования – в настоящее время большинство преподавателей используют Интернет для поиска и переработки информации, готовят компьютерные презентации к занятиям, пересылают задания и проверяют студенческие работы по электронной почте и т.д.

Использование Интернета и компьютера в обучении позволяет значительно повысить его эффективность. Применение на занятиях компьютерных презентаций позволяет экономить время, что особенно существенно в свете сокращения числа часов на аудиторные занятия, сделать процесс обучения более наглядным вне зависимости от преподаваемой дисциплины и специальности, получаемой студентом. Преимущества использования презентаций увеличиваются в том случае, если преподаватель до занятия или после него пересылает готовую презентацию на электронную почту группы. Рассмотрим достоинства того и другого способа. При предварительной пересылке презентации в том случае, если студенты распечатывают её к занятию, у них появляется возможность по ходу лекции дополнять распечатанные конспекты, тем самым имея к концу занятия полную версию, со всеми необходимыми комментариями и пояснениями. Недостатком такого способа является то, что некоторые студенты, получив презентацию до занятия, не считают нужным работать на лекции или вообще пропускают её, полагая, что наличие презентации гарантирует полную информацию по теме, что в большинстве случаев является ошибочным. Если же пересылка презентации происходит после занятия, то в ряде случаев это не способствует экономии времени, а наоборот увеличивает его, поскольку многие студенты, по их словам, не могут одновременно смотреть и записывать материал, а если они не смогут записать сразу, то потом «не поймут, что к чему относится».

Апробировав на практике тот и другой способ подачи информации, преподаватель может выявить предпочтения той аудитории, с которой он работает, чтобы затем, совершенствуя свою систему преподавания, более грамотно и более эффективно выстраивать занятия. Следовательно, в ходе самообразования педагог, повышая уровень собственной операционной готовности к использованию компьютерных технологий, не может обойтись без взаимодействия со студентами по данным вопросам.

Не менее актуальным нам представляется такой аспект самообразования преподавателя, как возможность использования социальных сетей в образовательных целях. Не секрет, что большинство представителей молодого поколения являются активными пользователями социальных сетей, в то время как представители преподавательского корпуса, особенно преподаватели старшего поколения, даже не всегда знают, что представляют собой социальные сети. Однако зависание студентов в социальных сетях невольно формирует у них не только иные механизмы взаимодействия, переход с реального общения в виртуальное не может не сопровождаться и трансформацией сознания в целом.

Педагогу, который хочет идти в ногу со временем, чувствовать свою аудиторию, необходимо вхождение в молодежное социальное подпространство, что должно обеспечить лучшее понимание взглядов, привычек, поведенческих проявлений и интересов студенческой аудитории. Молодежный менталитет во многом отличается от менталитета старшего поколения, к которому в своем большинстве принадлежат преподаватели. Но именно молодежный менталитет лучше отражает стремительные изменения социума, поскольку обладает большей мобильностью и минимальным количеством штампов.

В целях лучшего соответствия современным социальным реалиям, преподавателям необходимо переосмыслить собственный профессиональный и личный опыт, отказаться от навешивания ярлыков и устаревших стереотипов. Сегодня идеи диалога культур и эпох (М. Бахтин, Ю. Лотман, В. Библер и др.) актуальны как никогда раньше. В основе классической системы образования, существовавшей долгое время, лежал императив подготовки человека знающего, в то время как сейчас мир нуждается не просто в знающем человеке, а в человеке, по-

нимающем других людей, другие культуры. Любой диалог предполагает наличие общего проблемного поля, вне которого невозможны ни он сам, ни достигаемое в его рамках понимание. Всё это может успешно вписаться в микроформат вузовского педагогического взаимодействия.

Несомненно, потребность в общении между преподавателем и студентами детерминируется образовательными потребностями, но не ограничивается ими. Так, например, результаты опросов, проводившихся нами среди первокурсников, свидетельствуют о желании студентов видеть преподавателей в числе своих друзей в социальных сетях, виртуально общаться с ними по разным вопросам, в том числе о хобби, интересах, политических взглядах и др.

Интернет-общение в социальных сетях обладает как плюсами, так и минусами. Но если говорить о возможности самообразования в данном контексте, то несомненным плюсом является большая раскрепощенность молодежной аудитории в виртуальном общении по сравнению с общением личным. Некоторые студенты, с трудом связывающие слова на занятиях, не способные раскрыться на семинарах, оказываются интересными собеседниками в интернет-переписке, без боязни высказывают собственное мнение по разным вопросам, в том числе и учебным. Следовательно, преподаватель, занимаясь самообразованием, не может игнорировать такой его аспект.

Однако зачастую преподаватель вуза, стесняясь своей некомпетентности и/или имея определенные стереотипы в отношении социальных сетей, не пользуется ими, а порой негативно относится к тем, кто является их активными пользователями, отрицая все положительные стороны данного явления.

Также необходимо затронуть и такой аспект Интернет-общения, как соблюдение принципа герменевтичности, предполагающего адекватное понимание смысловой сущности использованных слов и выражений. Ведь человек, вступая впервые в виртуальное взаимодействие, может быть просто неверно истолкован, равно как порой не может понять тот сленг, который используется в Интернете. Это также должно являться дополнительным стимулом для самообразования педагога, а не поводом для лишнего морализаторства.

Для того чтобы успешно заниматься самообразованием, необходима гибкость и нешаблонность мышления, самокритичность. Формированию данных качеств также может способствовать взаимодействие со студентами. Трудности взаимопонимания между педагогами и студентами велики и очевидны, поскольку обусловлены как возрастными различиями, принадлежностью к разным социальным группам, так и особенностями индивидуального жизненного и образовательного опыта.

Ключевая идея самообразования педагога в процессе взаимодействия со студентами заключается в обязательной рефлексии, которая предполагает всестороннее осмысление процесса и результатов данного взаимодействия, различных сопутствующих феноменов, соотнесение их с собственным педагогическим опытом, формирование собственного видения образовательных проблем и механизмов их решения. Именно рефлексия может помочь преподавателю осуществить ретроспективный анализ своего студенческого прошлого, сформировать способность встать на позицию студента.

Самообразование – это процесс постоянной творческой работы над собой, это деятельность по постижению культуры и приобщению к ней, совершенствование своей личности, целостная система формирования своего духовного Я. И в этом процессе нельзя забывать о тех возможностях, которые предоставляет в данном контексте взаимодействие со студентами, способствующее взаимообогащению как обучающихся, так и преподавателей.

Библиографиченский список

1. *Голушко Т.К.* Специфика самообразования преподавателя вуза в сфере информационно-компьютерных технологий. / Голушко Т.К. [электронный ресурс] – Режим доступа. – http://ukrdeti.com/firstforum/m7.html
2. *Князева М.Л.* Ключ к самосозиданию. М. : Мол. гвардия, 1990. 253 с.

N.N. ANTONOVA

SOME ACTUAL ASPECTS OF SELF-EDUCATION TEACHER OF HIGH SCHOOL

In this paper discusses such important aspects of self-education teacher of high school, as a self-educator in the process of communicating with students, the possibility of using social media in education, pedagogical reflection.

Key words: ***self-education, pedagogical reflection, social media, dialogue of cultures.***

И.Е. БОБКОВА
адъюнкт кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, психолог ГУВД
E-mail: vikavahnina@mail.ru
Тел. 8 903 217 18 90

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ КАРЬЕРЫ

В данной статье рассмотрены основные положения компетентностного подхода в контексте анализа управленческой деятельности руководителей структурных подразделений ОВД на первом этапе развития карьеры. Представлены эмпирические данные, отражающие анализ мнений сотрудников и вновь назначенных руководителей ОВД относительно значимости личностных качеств, способствующих эффективной реализации управленческой деятельности.

Ключевые слова: ***руководитель, компетентность, компетенция, профессионально важные качества, управленческая деятельность, первый этап управленческой карьеры.***

Одним из главных факторов успешности деятельности подразделений МВД является эффективное руководство. В частности, от развития и совершенствования управленческого потенциала руководителей структурных подразделений территориальных органов внутренних дел зависит успешность в решении оперативно-служебных задач, кадровая стабильность в подразделениях, формирование у сотрудников положительной мотивации деятельности, благоприятный социально-психологический климат в коллективах.

В настоящее время нами была предпринята попытка провести психологический анализ управленческой деятельности руководителей структурных подразделений территориальных органов внутренних дел, выявить ряд качеств личности, способствующих успешной реализации профессиональной деятельности на первом этапе развития управленческой карьеры, дифференцировать понятия «профессионально важные качества», «компетентность», «компетенция».

В психологии проблемы компетентностного подхода исследовали В.И. Байденко, Л.И. Берестова, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.А. Петровская, Дж. Равен, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской и многие другие.

В последнее время все шире стали обсуждаться теоретико-методологические проблемы компетентностного подхода. Ученые дискутируют о тождественности понятий «компетентность» и «компетенция», некоторые авторы по определенным критериям дифференцируют ПВК и компетенции.

В частности, А.М. Столяренко [8] отмечает, что реализация управленческих функций предполагает способность руководителя осуществлять следующие виды деятельности:

а) познавательную деятельность;

б) деятельность по принятию решений;

в) деятельность по организации использования управленческих решений.

Также «к специфике управления органами правопорядка можно отнести экстремальность деятельности личного состава и управления им. Экстремальные ситуации заставляют принимать руководителя органа правопорядка ответственные решения в условиях действия стрессогенных факторов: дефицита времени, недостатка информации, опасности, повышенной ответственности за жизнь и здоровье граждан, сотрудников» [8 с. 198].

По мнению Гладилина А.П., «руководство – это, прежде всего, глубокое знание людей, умелый подбор и продуманная расстановка кадров, умение их эффективно использовать. Руководство – это самый сложный вид управленческой деятельности, раскрывающий свое содержание в органической связи с людьми» [2, с. 35].

Гайворонская И.Б. определяет управленческую деятельность «как совокупность выработанных историческим опытом, научным познанием и талантом людей навыков, умений, способов, средств, целесообразных поступков и действий человека в сфере управления» [0, с. 36].

Таким образом, деятельность руководителя подразделений органов внутренних дел является полиаспектной, эмоционально насыщенной, требует от субъекта труда развитой волевой, коммуникатив-

© И.Е. Бобкова

ной, морально-этической составляющей личности.

В контексте рассмотрения особенностей начала управленческой карьеры руководителей подразделений ОВД следует выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются руководители на первом этапе развития карьеры: неустойчивость самооценки, невысокий уровень самопознания в области успешности реализации управленческих функций; трудности взаимодействия с коллегами с позиции «руководитель-подчиненный», «руководитель – вышестоящий начальник»; проблемы противодействия стрессовым факторам, связанным с расширением спектра персональной ответственности, значительным увеличением объема информации, дефицитом временного ресурса для доказательства своей управленческой компетентности и др.; трудности принятия управленческих решений; недостаточно развитая способность оказывать формирующее влияние на социально-психологическую атмосферу в коллективе; множественная подчиненность и противоречивость требований вышестоящего руководства.

По мнению Дж. Равена, который назвал компетенции «мотивированными способностями», готовность к деятельности включает аспекты сформированного внутреннего побуждения к выполнению работы, и определяет компетентность как феномен, который «состоит из большого числа компонентов, многие из которых относительно независимы друг от друга, некоторые компоненты относятся скорее к когнитивной сфере, другие – к эмоциональной, эти компоненты могут заменять друг друга в качестве составляющих эффективного поведения» [9, с. 253].

А.К. Маркова, исследуя в контексте психологии труда методологические проблемы компетентности, выделяет специальную, социальную, личностную и специальные виды профессиональной компетенции [6].

И.А. Зимняя с соавторами выделяет 5 составляющих компетентности:

1. Готовность к проявлению личностных свойств в деятельности и поведении субъекта труда.

2. Знание о деятельности (способы, средства выполнения необходимых действий).

3. Опыт в реализации определенной деятельности.

4. Ценностно-смысловой компонент, отражающий личностную значимость для субъекта труда содержания и успешности деятельности.

5. Эмоционально-волевая регуляция как способность действовать адекватно социальным и профессиональным ситуациям.

А.В. Хуторской приводит наименование основных ключевых компетенций: ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая, личностная (или компетенция личностного совершенствования) [11].

Обобщая данные исследований относительно того, что человек есть субъект общения, познания, труда (Б.Г. Ананьев); человек проявляется в системе отношений к обществу, другим людям, к себе, к труду (В.Н. Мясищев); компетентность человека имеет вектор акмеологического развития (Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач); профессионализм включает компетентности (А.К. Маркова), И.А. Зимняя [4, с. 22-23] определяет три основные группы компетентностей:

– компетентности, относящиеся к человеку как к личности, как к субъекту жизнедеятельности;

– компетентности, относящиеся к процессу взаимодействия человека с другими людьми;

– компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах.

В контексте рассмотрения структуры профессиональной компетентности руководителя ОВД И.О. Котенев [5, с. 45-46] выделяет следующие ее составляющие:

1. юридическая (правовая) компетентность;

2. организационно-управленческая компетентность;

3. социальная компетентность (общественные процессы, институты, тенденции развития);

4. инновационная компетентность (готовность работать в условиях реформирования, внедрять достижения науки и техники в деятельность органов внутренних дел);

5. профессионально-психологическая компетентность:

- социально-психологическая;
- межличностная;
- психолого-педагогическая;
- психотехнологическая (переговорная, конфликтная);
- самоменеджмент и саморазвитие;
- управленческая концепция;
- принятие решений (индивидуальных, коллективных);
- командообразование.

Управленческая деятельность будет эффективна тогда, когда руководители обладают необходимыми личностными качествами, знаниями, умениями и навыками для успешной реализации своих полномочий. Профессионально-важные качества (ПВК) – это индивидуальные свойства субъекта деятельности, которые необходимы и достаточны для нормальной реализации определенных функций. Иными слова-

ми, мы определяем ПВК как некий базовый уровень развития профессионализма в любой сфере.

По мнению Э.Ф. Зеера и В.Д. Шадрикова, ПВК являются центральной подструктурой личности специалиста, которая во многом определяет эффективность деятельности [3] .

В.Е. Петров определяет ПВК руководителя ОВД как «индивидуальные качества, влияющие на эффективность деятельности, успешность ее освоения, имеющие значимые с ней корреляции, оценка которых возможна средствами современной психодиагностики» [7 с. 25].

Рассматривая вопросы развития ПВК руководителей, необходимо принимать во внимание такие особенности, как возраст, индивидуально-личностные особенности, специфику деятельности подразделения, социально-психологические особенности коллектива. Г.А. Туманов отмечает, что «умелого руководителя отличает не только соответствие его психологических и профессиональных качеств содержанию осуществляемых им управленческих воздействий, но и определенные, в каждом данном случае эффективные, стиль и манера их выражения вовне» [10, с. 23] .

В рамках проведения круглого стола «Проблемы компетенций в психологии и управлении персоналом» [0] ученые анализировали проблему компетентностного подхода. В частности А.В. Булгаков считает, что компетенции и ПВК неравнозначные понятия, компетенции, отмечает ученый, – это стандарты рабочего поведения. Сфера применения – конкретное рабочее место в конкретной организации. ПВК – качества эффективного работника. Сфера применения – в любой деятельности.

В.Н. Абрамова отождествляет понятие ПВК и компетенции и предлагает использовать термин «трудовые компетенции», подразумевая, что «это наличие у работника профессиональных знаний, умений и навыков (профессиональной компетентности) в комплексе с его профессионально важными личностными качествами и профессиональнозначимыми индивидуальными психофизиологическими особенностями».

Я.Ю. Епутаев считает целесообразным различать термины «компетенция», «компетентность», «профессионально важные качества». По мнению ученого, профессионально важные качества – это любые свойства человека, значимые для успешной деятельности в определенной профессии. При этом не учитываются особенности корпоративной культуры организации, тогда как компетенции в большей степени зависят от условий деятельности конкретной организации, т.е. обращает внимание на то, что компетентный сотрудник способен выполнять работу в соответствии с определенными стандартами, не только обладает необходимыми знаниями и навыками, но и способен их применять.

В.А. Жильцов утверждает, что ПВК являются составляющими компетенции.

В основе тезиса, предложенного А.Б. Леоновой, утверждение о том, что ПВК и компетенции имеют существенные различия, причем ПВК – это требования, которые предъявляются к профессионалу (включая устойчивые личностные качества), тогда как в понятии компетенции подчеркивается необходимость формирования знаний, умений и навыков.

О.Г. Носкова обращает внимание на необходимость при использовании понятия «компетенции» уточнять, что понимается под названным термином (обязанности и права субъекта труда, нормативно-организационно заданные; возможность и готовности выполнять трудовые обязанности, то есть опыт и квалификацию субъекта труда; и то и другое вместе).

“Компетенция” – более широкое понятие, чем ПВК, отмечает Е.А. Чумакова, включающее профессиональную задачу, наилучший способ ее решения (модель поведения) и необходимые качества, навыки и знания для решения (собственно ПВК).

Дифференцируя понятия ПВК и компетенции, А.А. Щеколдина отмечает, что ПВК более научно ориентированное понятие, а термин «компетенции» носит более практический характер.

Нам наиболее близка точка зрения Т.Ю. Базарова, который рассматривает компетенции как требования успешной деятельности, сформулированные в терминах интегральных качеств индивидуального или коллективного субъекта. Эти качества, как правило, сочетают в себе знания, профессиональные навыки и индивидуально-типические или организационно-культурные характеристики, необходимые для успешной работы (в определенной профессии, на определенной должности, в конкретной компании). Компетентность – это совокупность ряда личностных характеристик, свойств, способностей, навыков и особенностей мотивации, которыми должен обладать человек для успешной работы в рамках заданных компетенций (типов задач) конкретной должности или компании в целом. Понятие ПВК, считает Т.Ю. Базаров, применимо к профессиональной деятельности в целом, как если бы речь шла о руководителе (или любом другом профессионале) вообще. И в этом отношении оно носит весьма абстрактный характер, полезный с точки зрения первичного освоения новой для субъекта профессиональной деятельности.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать ПВК как базовый уровень качеств, необходимых и

достаточных для реализации той или иной деятельности, тогда как компетенции представляют собой некий набор способностей, знаний, индивидуально-личностных особенностей, способствующих более эффективному освоению и реализации деятельности конкретного вида деятельности в конкретной организации. Компетенции являются составляющими компетентности.

Управленческая компетентность нами понимается как комплекс личностных ресурсов руководителя, развитие необходимых компетенций для эффективной реализации управленческой деятельности.

В структуре управленческой компетентности мы предлагаем выделить следующие компетенции:

• Аутопсихологические (самооценка, самопознание).

• Регулятивные (саморегуляция поведения, целеполагание в деятельности, самоконтроль, принятие решений, саморазвитие).

• Когнитивные (широкий спектр профессиональных знаний, высокий уровень оперативного мышления, отражающий способность руководителя в условиях ограниченного времени анализировать различные ситуации оперативно-служебной деятельности, принимать рациональные с профессиональной точки зрения решения).

• Коммуникативные (способность устанавливать и поддерживать конструктивные взаимоотношения с коллегами в рамках решения служебных вопросов, способность убеждать, ставить задачи подчиненным, оказывать формирующее влияние на благоприятный социально-психологический климат в подразделении).

• Эмоционально-волевые (эмпатия, целеустремленность, ответственность, мотивация достижения).

В рамках социально-психологического исследования сотрудникам ОВД (всего 200 человек, срок службы в ОВД от 1 года до 15 и более лет) и начинающим руководителям структурных подразделений отделов и управлений МВД России (всего 137 руководителей) было предложено проранжировать личностные качества и поведенческие особенности, способствующие эффективной реализации деятельности руководителей структурных подразделений территориальных органов МВД.

Представленный в таблице сравнительный анализ составляющих управленческой компетентности позволяет сделать вывод, что сотрудники хотят видеть руководителя, обладающего развитыми коммуникативными компетенциями, способного вникать в проблемы подчиненных, анализировать различные ситуации оперативно-служебной деятельности.

Вместе с тем, начинающие руководители представляют более успешным того начальника (командира), который обладает широким спектром профессиональных знаний, способностью планировать деятельность, проявлять личностную и профессиональную активность. Недостаточно важной руководителям представляется способность анализировать деятельность и признавать свои ошибки, так же мало задумываются руководители на первом этапе развития карьеры о саморегуляции поведения.

Значимость управленческих качеств по мнению сотрудников	**Значимость управленческих качеств по мнению начинающих руководителей**
Способность строить конструктивные взаимоотношения с коллегами	Широкий спектр профессиональных знаний
Способность к эмпатии [1]	Способность к эффективному планированию и целеполаганию
Высокий уровень оперативного мышления	Активная личностная и профессиональная позиция
Широкий спектр профессиональных знаний	Способность строить конструктивные взаимоотношения с коллегами
Способность сплотить коллектив	Способность ставить задачи подчиненным
Оказание практической помощи подчиненным	Высокий уровень оперативного мышления
Способность к эффективному планированию и целеполаганию	Ответственность
Активная личностная и профессиональная позиция	Способность к эмпатии
Способность к саморегуляции поведения	Способность организовать эффективный контроль деятельности
Адекватная самооценка	Способность сплотить коллектив
Способность видеть и признавать свои ошибки	Последовательность в реализации принятых решений
Способность ставить задачи подчиненным	Оказание практической помощи подчиненным
Способность организовать эффективный контроль деятельности	Инициативность
ответственность	Адекватная самооценка
Последовательность в реализации принятых решений	Способность видеть и признавать свои ошибки
Инициативность	Способность к саморегуляции поведения

1 респондентам было разъяснено, что данная способность отражает сочувствие, сопереживание.

Таким образом, определяется объективная необходимость проводить психологическую работу с руководителями ОВД на первом этапе управленческой карьеры, направленную на развитие и совершенствование управленческой компетентности, снижающую риск негативных личностных и социально-психологических проявлений в поведении руководителей и функционировании коллективов.

Библиографический список

1. *Гайворонская И.Б.* Психологическое прогнозирование эффективности управленческой деятельности руководителей ОВД/ Дисс. к. пс. н. СПб. 2008.
2. *Гладилин А.П.* Профессиональная культура и имидж руководителя органов внутренних дел (философско-культурологический аспект). М.: Академия управления МВД России, 1998, с 35.
3. *Зеер Э.Ф.* Психология личностно ориентированного профессионального образования. Екатеринбург, 2000.
4. *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Труды методологического семинара «Россия в болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы» М., 2004.
5. *Котенёв И.О., Портнягина Н.Ю., Тюнис Л.Ю.* Психологическое обеспечение работы с резервом руководящих кадров органов внутренних дел: Научно-методическое пособие. М.: Академия управления МВД России, 2007.
6. *Маркова А.К.* Психологический анализ профессиональной компетентности учителя// Советская педагогика. 1990. №8.
7. *Петров В.Е.* Психологическая диагностика профессионально важных качеств руководителей органов внутренних дел на основе компьютерных технологий: дис. к. пс. н. М.: Академия управления МВД России, 2001.
8. Прикладная юридическая психология/Под ред. А.М. Столяренко.- М.: 2001.
9. *Равен Джон.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.
10. *Туманов Г.А.* О психологии управления в системе органов внутренних дел: Лекция. – М., Высшая школа МВД СССР, 1970.
11. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на отделении философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002 г. www. eidos.ru/news/compet/htm/http://www.ht.ru/cms/inf/765

I.E. BOBKOVA

KOMPETENTNOSTNY APPROACH IN PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF HEADS OF STRUCTURAL DIVISIONS OF TERRITORIAL LAW-ENFORCEMENT BODIES AT THE FIRST STAGE OF DEVELOPMENT OF CAREER

In this article basic provisions of a kompetentnostny approach in a context of the analysis of administrative activity of heads of structural divisions of Department of Internal Affairs at the first stage of development of career are considered. The empirical data reflecting the analysis of opinions of employees and again appointed heads of Department of Internal Affairs concerning the importance of personal qualities, promoting effective realization of administrative activity are presented.

Key words: ***head, competence, competence, professionally important qualities, administrative activity, first stage of administrative career.***

О.А. БОНДАРЕВА
старший преподаватель кафедры общественных наук Московского института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
E-mail: lambrador@orel.ru
Тел. 8 919 269 04 64

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

Новое поколение российских образовательных стандартов создано на основе базовых принципов Болонского процесса с ориентацией на результаты обучения, выраженные в формате компетенций. Компетентностный подход в условиях реализации ФГОС предполагает глубокие системные преобразования, затрагивающие преподавание, содержание, образовательные технологии, связи высшего образования с другими уровнями профессионального образования, введение модульной структуры учебных планов, системы зачетных единиц, формирование новой системы оценочных средств с переходом от оценки знаний к оценке компетенций.

Ключевые слова: ***компетенции, анализ стандартов ВПО, образовательные модели, результаты обучения.***

В 2011/2012 учебном году российские вузы перешли на реализацию образовательных программ высшего профессионального образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования (далее – ФГОС ВПО). Их разработка осуществлялась в соответствии с Комплексом мероприятий по реализации приоритетных направлений развития системы образования Российской Федерации на период до 2010 г. в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005-2010 годы.

Краткая характеристика основных отличий ФГОС ВПО от государственных образовательных стандартов первого (1997 г.) и второго (2000 г.) поколений (далее – ГОС ВПО) [8].

Новое поколение российских образовательных стандартов создано на основе базовых принципов Болонского процесса: с ориентацией на результаты обучения, выраженные в формате компетенций, и с учетом трудозатрат в кредитных (зачетных) единицах. Обязательным условием разработки стандартов было участие в этом процессе профессиональных объединений работодателей, а где это возможно – использование новых профессиональных стандартов для формулирования требуемых компетенций выпускников.

Но самым большим новшеством для отечественной образовательной практики стал «рамочный» характер стандартов нового поколения. На протяжении почти всего XX столетия образовательный процесс в СССР велся по так называемым «типовым» учебным планам и программам дисциплин, единым на всем пространстве бывшего Союза.

Различия в учебных планах вузов не превышали 10–12%. В свою очередь, и предшественники ФГОС ВПО, ГОС ВПО первого (1997 г.) и второго (2000 г.) поколений в наиболее важном для вузов разделе 4. «Требования к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы» содержали (за отдельными исключениями) жесткий перечень дисциплин, практик и форм отчетности, отступать от которых вуз не имел права. Мало того, ГОС ВПО контролировали объем (выраженный в академических часах) и содержание каждой из дисциплин, закрепленное в перечне указываемых после ее названия «дидактических единиц» – основных разделов учебного курса. И все же доля самостоятельности вуза при создании учебного плана (за счет так называемых «региональных» и «вузовских» компонентов образовательной программы и курсов по выбору студента) в 1990–2000-х гг. постепенно росла и составляла в ГОС ВПО первого поколения 15–20%, второго поколения – около 30%.

В новом поколении стандартов предусмотрено дальнейшее расширение свободы вузов. ФГОС ВПО определяет в качестве базовой (обязательной) по набору дисциплин (модулей) лишь половину (50%) образовательной программы бакалавра (для программы магистра так называемая «вариативная часть» составляет более 70%). Мало того, даже в «обязательной» части программы (за исключением нескольких позиций в цикле гуманитарных и социально-экономических дисциплин) на первое место поставлены не жестко закрепленные учебные

© О.А. Бондарева

курсы, а требования к формируемым у студента в результате изучения соответствующего цикла дисциплин компетенций. Содержательное наполнение второй (вариативной, или профильной) половины образовательной программы становится прерогативой вуза, в помощь которому учебно-методическими объединениями или иными компетентными группами экспертов должны быть созданы ориентировочные (рекомендованные) «примерные основные образовательные программы» по конкретным направлениям подготовки.

Предполагается, что подобный принцип построения стандарта позволит вузам разрабатывать новые образовательные программы с учетом потребностей местного (регионального) рынка труда, научных и образовательных традиций, собственных методических наработок («инноваций») и т.п. А это, в свою очередь, приведет к разнообразию и даже к конкуренции образовательных программ на территории Российской Федерации. Здесь же заложена и возможность создания программ, совместимых с европейскими.

Однако, подобная «свобода» в формировании собственных образовательных программ для многих российских вузов является новой и непривычной. Необходимость самостоятельного определения 50 и более процентов содержания основной образовательной программы нередко вызывает тревогу и наталкивается на отсутствие в вузах необходимого опыта. Понятны и сомнения руководителей вузов и преподавателей в том, что в новых непростых экономических условиях они окажутся способными создавать действительно современные образовательные программы – конкурентоспособные, привлекательные как для работодателей, так и для абитуриентов.

Вот почему одним из ключевых моментов реализации реформы ВПО в России становится обучение учебно-методического персонала и преподавателей российских вузов созданию основанных на компетентностном подходе и представленных в кредитно-модульном формате образовательных программ, учитывающих, с одной стороны, потребности российского и международного рынков труда, а с другой стороны, формирующиеся в настоящее время методические наработки и требования единого европейского образовательного пространства.

Исходя из этого, в рамках Болонского процесса было решено перенести акценты с содержания образования на **результаты обучения** [1-5].

Образовательные модели разных стран путем перехода на многоуровневую систему подготовки (бакалавр–магистр–доктор PhD), сопоставимые классификаторы образовательных программ и профессиональных квалификаций (базирующиеся на единой Европейской рамке квалификаций, ЕРК) и выдачу взаимно признаваемых документов об образовании предполагается сделать **прозрачными**, т.е. понятными для всех заинтересованных сторон. Суть договоренностей можно сформулировать следующим образом: из документов об образовании, выданных в любой стране – участнице Болонского процесса, должно быть ясно, чему именно и в какой степени (с какой глубиной) научился выпускник, какие профессиональные действия он способен совершать и на какие рабочие места может быть принят.

Результаты обучения предполагается описывать с помощью **компетенций**, представляющих собой **динамичную совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств,** которую студент может продемонстрировать после завершения образовательной программы (или ее части). В отличие от традиционных для российского образования комплексов так называемых «ЗУНов» – знаний, умений и навыков, – которые ранее оценивались (как в совокупности, так и по отдельности) в процессе обучения и по его завершению, компетенции **имеют комплексный характер** и включают, кроме знаниевой компоненты, **поведенческий аспект**, то есть систему социальных, нравственных и профессиональных ориентиров, позволяющих выпускнику «правильно» (разумно, продуктивно, приемлемо для окружающих и т.п.) вести себя в различных ситуациях – профессиональных и внепрофессиональных.

В ходе обучения компетенции формируются благодаря изучению различных дисциплин, прохождению практик, участию в коллоквиумах и студенческих научных конференциях, работе в коллективных студенческих научно-исследовательских и творческих проектах, в ходе самостоятельной работы студента, при индивидуальной работе студента с преподавателями и научным руководителем выпускной квалификационной работы, прочих видов образовательной деятельности. Следует подчеркнуть, что формирование компетенций редко бывает связано лишь с освоением теоретических курсов, преподносимых студенту в лекционной (аудиторной) форме. Как правило, компетенции вырабатываются благодаря сочетанию различных форм и технологий обучения – когда услышанное на лекции анализируется на семинарских занятиях, проверяется в процессе текущего контроля успеваемости, отрабатывается на практике и т.п. – и могут быть оценены в полной мере лишь после завершения всех видов учебной работы.

Как правило, образовательные программы,

нацеленные на формирование компетенций, имеют **модульную структуру** и представляют собой не просто перечни теоретических дисциплин и практических курсов, но сопоставимые по объему (трудозатратам студентов на их освоение) группы **модулей.** По определению, данному в ФГОС ВПО нового поколения, **модуль** – совокупность частей учебной дисциплины (курса) или учебных дисциплин (курсов), имеющая определенную логическую завершенность по отношению к установленным целям и результатам воспитания, обучения, то есть отвечающая за выработку той или иной компетенции или группы компетенций.

Содержание модулей и сам их набор могут быть различны в аналогичных (ведущих к получению одной и той же квалификации) образовательных программах вузов. Это зависит от существующих в учебных заведениях традиций обучения, научных школ, региональной и государственной образовательной политики и т.п. Однако если те или иные модули ведут к формированию сопоставимых (тождественных или сходных) компетенций и занимают у студента примерно одинаковый объем трудозатрат, то различие в наполнении модулей перестает быть существенным как для выпускников, так и для работодателей. А потому разные вузы после проведения взаимной экспертной оценки программ могут на основе заключенных друг с другом соглашений взаимно перезачитывать своим студентам модули, освоенные в вузе-партнере. Тем самым закладываются основы для **академической мобильности бакалавров** и преподавателей, которая представляет собой одно из базовых условий создания единого образовательного пространства в Европе.

Для того, чтобы стало возможным соотносить объемы трудозатрат на освоение отдельных модулей или целых учебных программ, реализуемых в образовательных учреждениях разных стран, предложено ввести единую систему условных **кредитных единиц,** не зависящих от форм обучения (в «кредит» могут входить аудиторные теоретические занятия, практические работы, самостоятельная работа студента, а также мероприятия текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации)**.**

Из имеющихся на сегодня различных вариантов кредитных систем наиболее перспективной признана ECTS – **Европейская система перевода и накопления кредитов** (European Credit Transfer System) [6].

В рамках данной системы один кредит условно равен 25–30 рабочим часам полной учебной работы студентов. Кредиты начисляются студенту после успешной сдачи им (положительная оценка) итогового испытания по дисциплине (зачета, экзамена и т.д.), количество начисляемых кредитов по дисциплине (модулю) не зависит от оценки. Трудоемкость одного года учебной программы оценивается в 60 кредитов (30 кредитов в семестр или 20 в триместр), программы в целом – 180–240 (бакалавриат) и 60–120 (магистратура) кредитов.

Заметим, что в соответствии с европейским подходом, 60 кредитов – это нагрузка типичного бакалавра в течение одного учебного года. Что касается точного количества часов работы студента, которое требуется для достижения некоторого заданного результата, то это зависит как от профессиональных компетенций студента, так и от стиля и методов обучения, ресурсов вуза, учебного плана и т.д.

Таким образом, **«болонские» образовательные программы** характеризуются следующими важнейшими **признаками:**

а) компетентностным подходом (ориентация на результаты обучения, выраженные в форме компетенций);

б) модульным построением;

в) объемом учебной нагрузки, исчисляемым в кредитах ECTS.

Необходимо особо подчеркнуть, что **все три характеристики (компетенции–модули–кредиты) тесно связаны между собой**, и построить образовательную программу, механически применяя только одну из этих характеристик (например – компетентностный или модульный подход) совершенно бессмысленно.

В таком варианте может произойти разрушение прежнего порядка обучения без его замены новым полноценным порядком, что не может не иметь негативных для системы образования последствий.

Обратим внимание читателей на то, что и *российское законодательство в области высшего профессионального образования* не оставляло без внимания вопрос о необходимости формирования общекультурных (универсальных) компетенций у обладателей диплома ВПО.

В качестве важнейшей задачи российской образовательной системы законодательно определено воспитание образованной личности в духовно-нравственной сфере.

Федеральный закон РФ «Об образовании» среди необходимых свойств образованного человека называет здоровье, гражданственность, трудолюбие, уважение к правам и свободам человека, любовь к Родине, окружающей природе, семье, интегрированность в современное общество, нацеленность на его совершенствование, интеграцию в национальную мировую культуру.

Федеральный закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» дополни-

тельно называет такие качества, как: «гражданская позиция» и «способность к труду и жизни в условиях жизни современной цивилизации и демократии»; самостоятельность, инициативность; творческие способности.

Концепция модернизации российского образования на период до 2010г. предусматривает необходимость формирования таких качеств личности, как нравственность, предприимчивость, самостоятельность в принятии ответственных решений в ситуации выбора, умение прогнозировать их возможные последствия, способность к сотрудничеству, обладание чувством ответственности за судьбу страны, мобильность, динамизм, конструктивность.

Таким образом, для всей системы высшего профессионального образования воспитание личности, реализуемое в формировании универсальных компетенций, обозначено как одна из основных целей образования.

В каждом ФГОС ВПО нового поколения определен *перечень общекультурных компетенций*, которые можно подразделить на две группы: *воспитание личности* (соответствуют социально-личностным компетенциям в терминологии TUNING) и *формирование интеллектуальных навыков и качеств* (соответствуют инструментальным компетенциям в терминологии TUNING).

Например, практически во всех ФГОС ВПО для образовательных программ *бакалавриата* группа *общекультурных компетенций* включает: способность к письменной и устной коммуникации на родном языке; знание второго языка; навыки работы с компьютером; навыки управления информацией; исследовательские навыки. В эту группу включены также такие социально-личностные компетенции, как толерантность; следование этическим нормам в отношении других людей и в отношении природы (принципы биоэтики); способность учиться, переоценивать свой социальный опыт, способность к критике и самокритике; креативность, способность к системному мышлению; адаптивность и коммуникабельность, навыки делового общения; настойчивость в достижении цели; забота о качестве выполняемой работы; соблюдение норм здорового образа жизни; способность работать самостоятельно и в команде.

Наряду с формированием общекультурных компетенций цель высшего профессионального образования – дать выпускнику *профессиональные компетенции для возможности ведения конкретной профессиональной деятельности*. Среди профессиональных компетенций можно выделить *«общепрофессиональные»* компетенции (общие, например, для смежных направлений подготовки или укрупненных групп специальностей) и более узкие профессиональные компетенции, связанные с определенным видом деятельности.

В российской системе образования для каждого направления и уровня подготовки ВПО образования было очень важно выявить набор базовых и наиболее значимых для соответствующих образовательных программ компетенций, образующих основу для обеспечения качества подготовки и единства образовательного пространства страны. Эту задачу выполнили Учебно-методические объединения вузов при тесном взаимодействии с работодателями (на основе консультаций, социологических опросов работодателей и выпускников последних лет). Такие компетенции указаны во ФГОС и утверждены Министерством образования и науки Российской Федерации.

Каждый вуз в соответствии с потребностями регионального рынка труда, своими научными школами и материально-технической базой, определяет особенности подготовки внутри общего направления или специальности – профили или специализации. Этим особенностям подготовки соответствует и своя группа компетенций – *«профильные» («специализированные»),* которые формируются вузами самостоятельно, совместно с социальными партнерами и работодателями.

Таким образом, *в наборе компетенций отражается иерархия целей и уровней образования*.

При проектировании и реализации ООП на основе ФГОС ВПО вузам необходимо учесть следующее.

Требования к результатам освоения образовательной программы выпускником российского вуза в государственных образовательных стандартах первого и второго поколения регламентировались в терминах «знания», «умения», «навыки» (так называемый ЗУНовский подход).

ЗУНовский подход к формированию учебного процесса структурирует образовательные программы по отдельным слабо интегрированным между собой дисциплинам (предметам). Разделенное же изучение дисциплин ведет к раздельному существованию в сознании осваиваемых ЗУНов. Знания и умения, усваиваемые при изучении отдельных предметов, – это только исходные элементы. С их помощью в практической деятельности можно решать лишь относительно простые задачи. Решение сложных задач требует интеграции частных знаний и умений в сложные психологические образования. Такие интегративные образования и были определены, как *компетенции*. Предметное структурирование содержания образовательных программ противоречит деятельностному определению их целей. Но с

другой стороны, уйти от этого принципа разделения содержания образования невозможно, поскольку такое разделение отражает реальную структуру научного знания. Чтобы разрешить противоречие между деятельностным определением целей образования и предметным структурированием его содержания, нужно структурировать образовательные программы одновременно по двум принципам: *предметному и деятельностному*. Методические рекомендации по разработке и реализации ООП ВПО на основе деятельностно-компетентностного подхода разработаны специалистами МГУ имени М.В.Ломоносова совместно с Институтом инновационной образовательной деятельности РАО [7].

Компетентностный подход предполагает глубокие системные преобразования, затрагивающие преподавание, содержание, образовательные технологии, связи высшего образования с другими уровнями профессионального образования, введение модульной структуры учебных планов, системы зачетных единиц, формирование новой системы оценочных средств с переходом от оценки знаний к оценке компетенций.

Ответ на вопрос о том, *какими должны быть структура и содержание программ высшего профессионального образования для того, чтобы в их рамках формировались компетенции,* обеспечивающие выпускнику возможность быть эффективным и мобильным субъектом трудовой деятельности, требует совместной работы большого коллектива преподавателей. Процесс проектирования ООП обуславливает создание различных групп для решения возникающих на его этапах задач, связанных с интеграцией блоков дисциплин (модулей), выделением взаимосвязей образовательной и профессиональной подготовки и др. Поэтому для успешной его реализации в создаваемые группы обязательно должны входить специалисты, владеющие общей методологией развития образовательных систем, специалисты в разных областях предметного знания (гуманитарного, естественнонаучного), управленцы.

Библиографический список

1. http://www.eua.be/publications/bologna-handbook
2. http://tuning.unideusto.org
3. http://portobologna.up.pt
4. *Байденко В.И.* Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы. 4-е изд., стереотип. М., 2003.
5. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе / Под ред. К.Пурсиайнена и С.А. Медведева. М., 2005.
6. Руководство по использованию системы кредитов ECTS доступное в Интернете по адресу: http://europa.eu.int/comm/education/socrates ects.html
7. *Афанасьева Т.П., Караваева Е.В., Канукоева А.Ш., Лазарев В.С., Немова Т.В.* Методические рекомендации по разработке и реализации на основе деятельностно-компетентностного подхода образовательных программ ВПО, ориентированных на ФГОС третьего поколения. М.: Изд. МГУ, 2007, 96 с.
8. Переход российских вузов на уровневую систему подготовки кадров в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами: нормативно-методические аспекты / В.А. Богословский, Е.В. Караваева, Е.Н. Ковтун и др. М.: Университетская книга, 2010. 249 с.

O.A. BONDARENKO

LEGAL FRAMEWORK AND METHODOLOGICAL ENSURE THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE BS UNDER IMPLEMENTATION OF FGOS

A new generation of Russian educational standards established by the basic principles of the Bologna process, with a focus on learning outcomes, expressed in the format of competencies. Competence-based approach in the implementation of FGOS suggests deep systemic changes affecting teaching, content, educational technology, higher education due to other levels of professional education, the introduction of the modular structure of the curriculum, the credit system, the formation of a new system of assessment tools with the transition from knowledge assessment to assess competencies.

Key words: ***competence standards VPO analysis, educational models, learning outcomes.***

В.В. ВАХНИНА
кандидат педагогических наук, доцент Академии управления МВД России
E-mail: vikavahnina@mail.ru
Тел. 8 903 217 18 90

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСОВ В ПЕРЕГОВОРАХ С ПРЕСТУПНИКАМИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье автор рассматривает проблему возникновения и профилактики кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуации захвата заложников. Выделяются различные ситуации криминального характера, которые могут сопровождаться захватом заложников. В статье рассматриваются различные виды кризисов и пути их преодоления. Автор достаточно подробно излагает свое понимание данной проблемы, исследуя кризисы переговорной деятельности по различным основаниям.

Ключевые слова: ***переговорная деятельность, кризис переговоров, профилактика кризиса переговоров, антикризисное управление, захват заложников, переговоры с преступниками, криминальные ситуации.***

Профилактика и преодоление кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел, по нашему мнению, предусматривает изучение особенностей кризисов переговорной деятельности в различных криминальных ситуациях, использование новых моделей переговоров, новых адаптационных возможностей, формирование переговорной компетентности (подготовленности) и готовности сотрудников ОВД, что обеспечит эффективное использование методов позитивного разрешения кризисных ситуаций**.**

Проблема переговоров с преступниками должна рассматриваться в широком контексте, т.к. переговоры являются составной частью тех усилий, которые предпринимает государство, общество в целях обеспечения прав и интересов личности, укрепления законности и правопорядка, общественной безопасности, предупреждения социальных конфликтов и причин, их порождающих. Актуальность проблемы ведения переговоров с преступниками определяется в первую очередь количеством жертв, материальным и моральным ущербом, к которому приводят кризисы переговорной деятельности, влекущие за собой нередко срыв переговоров как пути мирного разрешения криминальных ситуаций: захвата заложников, похищения людей. Растет организованность, профессионализм преступников, усложняется противодействие им.

Возникновение различных криминальных ситуаций, в частности, ситуация захвата заложников, в течение последних лет стала получать все большее распространение. Так, за последние 5 лет в нашей стране отмечается тенденция увеличения числа захвата заложников террористами, а также похищение людей с целью выкупа, шантажа и по другим преступным намерениям.

Акции захвата заложников, совершаемые в Северо-Кавказском регионе, имеют определенные отличительные особенности: наличие тесной взаимосвязи между уголовными и политическими целями. Акции по захвату заложников проводятся не только с целью получения финансовых и материально-технических средств, а также вооружения для своих уголовных потребностей и политического экстремизма. Другой особенностью является наличие крайне выраженной жестокости по отношению к заложникам. Так, при захватах заложников в г. Буденновске Ставропольского края (июнь 1995 г.) и г. Кизляр Республики Дагестан (январь 1996 г.) мирное население использовалось в качестве «живого щита». Яркими примерами могут служить захват заложников в театральном центре на Дубровке (октябрь 2002 г.), в школе №1 г.Беслана Северной Осетии (сентябрь 2004 г.), которые показали крайнюю жестокость террористов, умение их лидеров проанализировать предыдущие террористические акты, сделать соответствующие выводы и спрогнозировать развитие событий – действия властей, заложников и их родственников при подготовке планируемого нападения.

Важно отметить особую ситуацию, которая сложилась в г. Пенза (2007–2008 гг), сформировался т.н. «Бековский феномен», когда субъективно люди не ощущают себя заложниками, а объективно выступают именно в качестве заложников. Религиозные секты или культы, образовавшиеся в этом городе, подобно террористическим группам требуют соблюдения определенных обязательств от своих членов: запрещают поддерживать отношения с посторонними, объединены в общину, формируют взаимозависимость и ощущение принадлежности к новой вере, навязывают «специфическую» идеологию, создают

© В.В. Вахнина

культ террористической (религиозной) группы.

Известны случаи тайного проникновения преступников или открытого захвата судна, его пассажиров и экипажа в качестве заложников. Мотивами этих преступлений могут быть идейные позиции, месть кому-либо, корысть. Так, 3 октября 1985 года преступниками было захвачено итальянское пассажирское судно «Акилле Лауро», совершавшее круиз по Средиземному морю, большой резонанс в мире получил захват в порту Трабзон (Турция) 16 января 1996 года группой преступников из 12 человек пассажирского парома «Аврасия». В момент нападения на борту парома находились 40 человек экипажа и более 150 пассажиров – граждан России, Турции, Украины, Грузии, Киргизии, Иордании. Важно отметить, что захваты заложников стали совершаться не только по политическим мотивам, но и в целях вымогательства крупных денежных сумм, получения социальных благ, т.е. захват заложников – это попытка методами силового воздействия получить те материальные блага, которые невозможно получить другим способом. Например, захват 18 июля 1990 года группой преступников Сомалийского национального движения вблизи сомалийских берегов в Аденском заливе Красного моря рыболовецкого траулера «Кафф», работавшего по контракту советско-французской компании. Много подобных захватов в этом регионе имело место в 2007–2008 гг. Каждый из случаев захвата преступниками заложников сопряжен с созданием угрозы для жизни и здоровья людей, посягает на их личную свободу и неприкосновенность, а также на общественную безопасность.

Анализ совершенных с 70-х г. и по настоящее время захватов заложников, похищения людей показывает, что тактика действий преступников резко изменяется, совершенствуются методы и средства преступных действий, возрастает их опасность. Необходимы научно обоснованные рекомендации по профилактике и преодолению кризиса переговорного процесса в криминальных ситуациях на основе рефлексивного управления ходом переговоров с помощью различных приемов психологического воздействия.

Переговоры с преступниками в кризисных ситуациях стали привычным явлением социальной и правовой деятельности, характерной чертой современного общества, одним из основных направлений правоохранительной деятельности.

Проблема переговоров с преступниками как юридико-психологический феномен требует углубленного научного изучения, теоретических исследований, анализа и обобщения практического опыта, разработки необходимых рекомендаций, подготовки специалистов соответствующего профиля. Механизмы, технологии государственного реагирования на потенциальные или свершившиеся преступления террористического характера позволяют разработать стратегические и практические модели переговоров, определить перспективы освобождения заложников. Например, выработка гибких принципов ведения переговорного процесса об освобождении заложников: минимизация жертв и ущерба, частичные уступки (выполнение требований о предоставлении денежных и транспортных средств), невыполнение требований политического характера (изменения политического строя, беспрепятственное освобождение их или сообщников). Анализ мотивационно-ценностной основы преступлений террористического характера имеет существенный практический смысл для разрешения конфликтных ситуаций, предупреждения и диагностики террористической угрозы. Таким образом, необходимо для предотвращения и борьбы с акциями захвата заложников выработать комплекс мероприятий, который включал бы различные меры, в том числе и психологического характера. Например, проводить специальную профессионально-психологическую подготовку сотрудников, осуществляющих переговорный процесс в ситуациях, связанных с захватами заложников. Успешность решения задач, стоящих перед органами внутренних дел в «ситуации заложника», во многом зависит от эффективности переговорного процесса. В практике деятельности правоохранительных органов в «ситуации заложника» эффективно используются переговоры с преступниками, основной целью которых является сохранение жизни и здоровья заложников.

Профилактика и преодоление кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел предусматривает изучение особенностей кризисов переговорной деятельности в различных криминальных ситуациях, использование новых моделей переговоров, новых адаптационных возможностей, формирование переговорной компетентности (подготовленности) и готовности сотрудников ОВД, что обеспечит эффективное использование методов позитивного разрешения кризисных ситуаций.

Криминальные ситуации нами понимаются как ситуации, связанные с возможным применением по фактам противоправных действий правонарушителей норм статей Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых ведутся переговоры с преступниками: захват заложников (ст. 206 УК РФ), похищение человека (ст.126 УК РФ) и незаконное лишение свободы людей (ст. 127 УК РФ); терроризм

(ст. 205 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ); угон воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ); массовые беспорядки (ст.212УКРФ); дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ); хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ); бандитизм (ст.209УКРФ); невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ); организация незаконного вооруженного формирования и участие в нем (ст. 208 УК РФ) и других ситуациях.

Криминальные ситуации являются кризисными по своей сути и проявляются в остро конфликтном противостоянии сторон, вызванном сознательными и планируемыми (захват заложников в политических целях) или спонтанными (захват случайного заложника преследуемым преступником) действиями криминальных элементов или (значительно реже) спровоцированное непрофессиональными действиями сотрудников органов внутренних дел. Переговорная деятельность выступает одним из путей оптимального выхода из ситуации.

Кризис переговорной деятельности в криминальных ситуациях – это «кризис кризиса», когда все или одна из сторон переговорного процесса субъективно не видят приемлемого выхода из ситуации или рассматривают насильственные действия как единственный выход. Кризис может характеризоваться усилением конфликтных действий, в том числе связанных с демонстрацией силы. Предметом кризиса являются определенные противоречия: идеологические, религиозные, национальные интересы, социальные, материальные. Кризисная ситуация характеризуется внезапностью, неожиданностью, быстротой развития событий, их непредсказуемостью и плохой управляемостью.

Таким образом, кризис – резкое, внезапное ухудшение отношений сторон в криминальной ситуации: резкое изменение; поворотный момент; крутой перелом; тяжелое переходное состояние, характеризующееся недостаточностью имеющихся возможностей для поддержания взаимодействия сторон на оптимальном уровне. Кризис – это крайнее обострение противоречий, тупиковое состояние в переговорной деятельности, объективное явление в переговорной деятельности. Кризис возникает при невозможности преодоления различных препятствий и проблем, формирования неадекватной оценки событий на основе предыдущего жизненного опыта и индивидуально-личностных особенностей. Выделяются кризисы собственно психологические, связанные с личностными изменениями, а также кризисы, источниками которых являются внешние стимулы – экстремальные ситуации (захват заложников, похищение людей). Кризис детерминирует двойная мотивация: внешние причины, независящие от человека, и внутренние причины. Кризисы могут быть инициированы как внутренними переменными (рефлексия, актуализация потребности в самореализации, дифференциация Я-концепции), так и внешними, связанными с резким изменением социальной ситуации, трансформацией статусного места, потерей близких людей. В процессе кризиса происходит присвоение, интериоризация жизненных событий, нейтральные первоначально объекты (предметы, люди, ситуации) становятся значимыми, приобретают личностный смысл. Благодаря мотивирующей составляющей вырабатывается индивидуальное отношение к данному объекту, т.е. особую значимость приобретает рефлексивная составляющая.

В основе кризиса может быть: объективно неразрешимый конфликт позиций и интересов (в этом случае переговорная деятельность теряет смысл); конфликт позиций и интересов, который субъективно воспринимается одной из сторон или обеими сторонами как неразрешимый, но имеет объективные предпосылки для разрешения (в этом случае переговорная деятельность может быть продолжена и способна привести к преодолению кризиса); эмоционально-психологическое состояние одной из сторон (как правило, представителей криминала), которое выступает негативной доминантой, приведшей к кризису переговоров (в этом случае психологическая составляющая в управлении кризисной ситуацией начинает играть доминирующую роль, и могут представиться возможности для коррекции ситуации психологическими средствами и дальнейшего продолжения переговорной деятельности); непрофессиональные или несогласованные действия отдельных правоохранительных структур (например, необоснованное демонстративное выдвижение специальных подразделений на исходные для штурма позиции в ходе переговоров), провоцирующие кризис переговоров.

Изучение кризисных ситуаций в переговорной деятельности способствует выделению отдельной области задач исследования, отражающих специфику кризиса – кризисному урегулированию (кризисному управлению). Кризисное урегулирование – это действия двух сторон, пытающихся реализовать свои несовместимые с другой стороной цели: получить преимущество, предотвратить или ускорить столкновение, т.е. реализовать собственные цели при наличии ограничения.

Антикризисное управление является способом

ведения конкурентной борьбы, управление кризисами, «переломными» ситуациями; технологией создания переломных ситуаций, удержание контроля над ними и, на выходе, достижение результата. Управление в кризисных ситуациях включает комплекс мероприятий, способствующих выводу из кризиса, либо использующихся в условиях уже наступившего кризиса, которое реализуется двумя основными механизмами: обеспечение готовности к неблагоприятным событиям и реализация комплекса мер, направленных на снижение последствий уже наступившей кризисной ситуации. Необходимы научно обоснованные рекомендации по профилактике и преодолению кризиса переговорного процесса в криминальных ситуациях на основе рефлексивного управления ходом переговоров с помощью различных приемов психологического воздействия.

Типологически кризисы переговорной деятельности в криминальных ситуациях с позиции взаимодействия сторон можно разделить на две группы: общие и локальные. Общие кризисы – это различные варианты тупикового состояния во взаимодействии двух главных совокупных субъектов, определяющих характер развития и разрешения ситуации: правоохранительных органов и криминальных элементов. Локальные кризисы, которые могут выступать как элемент или предпосылка общего кризиса, выражаются в кризисе отношений: внутри группы лиц, захвативших заложников; между лицами, захватившими заложников, и заложниками; среди самих заложников; среди представителей различных подразделений и служб правоохранительных органов, задействованных в ситуации; между представителями правоохранительных органов и гражданами, вовлеченными в ситуацию. Кризисы также могут быть предсказуемыми и неожиданными. Предсказуемые кризисы наступают как этап развития, они могут прогнозироваться и вызываться объективными причинами. Неожиданные кризисы часто являются результатом ошибок в управлении.

Кризис – это особое тупиковое состояние, возникающее в конфликтной ситуации, преодоление которого осуществляется в процессе переговоров. Необходимо наличие группы психологических условий и технологий для профилактики и разрешения кризисов. Пути профилактики и преодоления кризиса должны носить системный характер. Создание целостной системы психологического обеспечения позитивного выхода из кризиса позволит повышать эффективность переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Переговоры – сложное психологическое явление, состоящее из умения находить взаимоприемлемые решения с другими людьми путем обмена информацией и принятия согласованных решений:

- один из основных способов разрешения или урегулирования конфликтов и решения проблем межличностного, межведомственного, международного характера;
- диалог сторон в целях достижения соглашения; взаимное общение с целью достижения совместного решения;
- метод разрешения (урегулирования) конфликтных интересов путем нахождения компромиссов, которые для обеих сторон не являются полностью неприемлемыми.

Знание психологических основ поведения в переговорном процессе конфликтующих сторон, психологических механизмов их взаимодействия – одно из условий успешного управления этим процессом.

Переговоры целесообразны, когда стороны понимают, что проблема может быть решена только совместно.

Переговоры с преступниками – основанный на законе и нормах нравственности один из ненасильственных способов борьбы с преступностью, представляющий собой в ряде криминальных ситуаций диалог с преступниками (преступными группами, организациями, сообществами) с целью склонения их путем психологического воздействия к соглашению об отказе от дальнейшей преступной деятельности, активному содействию в раскрытии и расследовании преступлений, розыску и задержанию преступников, устранению причиненного вреда, получению оперативной и криминалистически значимой информации.

Цель переговоров с преступниками – правомерное психологическое воздействие в целях позитивного изменения поведения лиц, совершающих преступные действия.

Переговоры – новое направление в деятельности государственных органов, в том числе органов внутренних дел, по борьбе с преступностью, включенное в единую систему национальной безопасности.

Переговоры дополняют, а не заменяют другие формы и методы борьбы с преступностью, предусмотренные законом, в т.ч. применение мер процессуального принуждения, а также физической силы, специальных средств и оружия.

Несмотря на большую практическую значимость, проблема профилактики преодоления кризисов переговорной деятельности в ситуациях захвата заложников разработана явно недостаточно: нет научных исследований, охватывающих все ее стороны. В подавляющем большинстве публикаций рассматриваются лишь отдельные аспекты этой проблемы.

Библиографический список

1. *Вахнина В.В.* Организация психологического обеспечения переговорного процесса сотрудников органов внутренних дел. М., 2010.
2. Психология управления. Под общ. ред. Черненилова В.И. М., 2011.
3. *Вахнина В.В.* Психология переговоров с преступниками в ситуации захвата заложников. М., 2011.
4. Конституция Российской Федерации. Ст. 2 от 12 декабря 1993 г. С.3.
5. *Вахнина В.В., Касперович Ю.Г., Марьин М.И.* Профессионально-психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к ведению переговоров в ситуации захвата заложников. М., 2010.

V.V. VAHNINA

THE PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PREVENTIVE MAINTENANCE AND OVERCOMING OF CRISES IN NEGOTIATIONS WITH CRIMINALS OF POLICE OFFICERS

In article the author contemplates a problem of occurrence and preventive maintenance of crises of trunk-call activity of employees of law-enforcement bodies in a situation of capture of hostages. Various situations of criminal character which can be accompanied by capture of hostages are allocated. In article various kinds of crises and a way of their overcoming are considered. The author in detail enough states the understanding of the given problem, investigating crises of trunk-call activity on the various bases.

Key words: **trunk-call activity, crisis of negotiations, preventive maintenance of crisis of negotiations, anti-recessionary management, capture of hostages, negotiations with criminals, criminal situations.**

А.Ю. ГРИБОВ
аспирант кафедры математического анализа и элементарной математики Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина
E-mail: alexgr31@mail.ru
Тел. 8 920 242 27 86

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПЕДАГОГА-МАТЕМАТИКА П.А. НЕКРАСОВА

Павел Алексеевич Некрасов – известный до Октябрьской революции 1917 г. русский математик, философ, социолог и педагог. Его имя в раннее советское время было ошельмовано, а затем незаслуженно предано забвению в отечественной науке. Между тем, он имел оригинальные педагогические взгляды, на формирование которых большое влияние оказало его мировоззрение. В статье предложена попытка реконструировать мировоззренческие взгляды П.А.Некрасова.

Ключевые слова: ***мировоззренческие взгляды П.А.Некрасова, история математического образования.***

На развитие отечественного образования большое влияние в разные времена оказывали математики. Одним из таких ярких представителей XIX – начала XX вв. был Павел Алексеевич Некрасов. Он принимал активное участие в жизни московских учебных заведений в качестве попечителя учебного округа и ректора Московского университета. Труды комиссий и групп, возглавляемых П.А. Некрасовым, оказали большое влияние на работу Комиссии по вопросу об улучшениях в средней школе, созванную в 1900 г. министром Н.П.Боголеповым [9, с. 23-26]. Свои педагогические взгляды он высказывал на I и II Всероссийских съездах преподавателей математики и в различных публикациях, поэтому изучение их эволюции представляет большой интерес.

Несомненно, на формирование педагогических взглядов ученого среди прочих факторов оказывало влияние его мировоззрение. И в этом плане личность П.А. Некрасова представляет особый интерес. Дело в том, что обычно математики редко обозначают свои мировоззренческие позиции, раскрывают свои философские взгляды, обходя стороной эти вопросы в математических трудах. Найти источники, позволяющие реконструировать мировоззренческие взгляды учёного, удаётся крайне редко. И такой уникальный случай представляют нам опубликованные до революции труды П.А. Некрасова, его высказывания и воспоминания современников.

П.А.Некрасов родился 1(13) февраля 1853 года в с. Житово Рязанской губернии в семье священника. Жизнь этого человека была сложна и противоречива. Он рано осиротел и воспитывался за казенный счет [3, с. 7]. Интересен тот факт, что П.А.Некрасов получил среднее образование в Рязанской духовной семинарии. Это учебное заведение оказало на его жизнь, мировоззрение, интересы очень большое влияние. В этой семинарии изучались следующие дисциплины: богословие, философия, пиитика (поэтика), французский и греческий языки, математика, физика, архитектура, живопись.

После окончания семинарии Павел Алексеевич поступил в Московский университет на физико-математический факультет. На вступительных экзаменах, а позже и в годы обучения, к нему относились предвзято (как к выпускнику семинарии, а не гимназии). Несмотря на это, П.А.Некрасов с честью преодолевал трудности учения, а впоследствии получил признание не только как математик, но и как философ и педагог.

В Московском университете у него были очень известные и талантливые учителя. Физику преподавал А.Г.Столетов, астрономию – Ф.А.Бредихин, философию – В.С.Соловьев, психологию – М.М. Троицкий [3, с. 9].

В 1878 году он окончил Московский университет со степенью кандидата наук и был оставлен на кафедре чистой математики своим учителем Н.В.Бугаевым для подготовки к профессорскому званию.

В 1883 году Некрасов защитил магистерскую диссертацию на тему «Исследование уравнений вида $u^m - pu^n - q = 0$», за которую Академия наук присудила ему в декабре 1884 года премию им. В.Я. Буняковского! В 1886 году защитил докторскую, посвящённую исследованию ряда Лагранжа. Почти сразу после окончания университета стал преподавать в Московском реальном училище имени Воскресенского, очень известном тогда учебном заведении, а после защиты докторской диссертации – в университете. В 1891 году он был назначен деканом физико-математического факультета, сменив на этом посту Н.В.Бугаева.

90-е годы XIX столетия считаются наиболее активными в исследовании интересовавших его математических проблем. Основное внимание было сосредоточено именно на математике.

© А.Ю. Грибов

Некрасову в этой области принадлежат большие заслуги. В «Математическом сборнике» опубликованы 53 статьи, написанные им одним или же в соавторстве. Среди них можно выделить следующие: «Истолкование второй теоремы Чебышёва», «Общий основной метод производящих функций в приложении к исчислению вероятностей и к законам массовых явлений», «К основам закона больших чисел, способа наименьших квадратов и статистики», «Аналитическое исследование одного случая движения тяжёлого твёрдого тела около неподвижной точки», «Циклические уравнения, их связь со способами наименьших квадратов и применение к астрономии». П.А.Некрасов обнаружил ошибку у Фукса, который находил аналитическое продолжение функции с помощью предельного круга, но для доказательства этой ошибки использовал несколько громоздкие объяснения. Позже более сжато и доступно ошибочность этого метода показал профессор Варшавского университета В.А.Анисимов [5, с. 66-67].

В 1893 году Некрасов был избран ректором университета. Этот пост он занимал 4 года.

Его организационно-педагогическая деятельность в 1890-х была особенно многогранна. В эти годы он «был членом комиссии по преобразованию средней школы, состоял секретарем Московского педагогического общества; вице-президентом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; был директором учебного отдела Музея прикладных знаний в Москве», принимал непосредственное участие в строительстве больничного храма – Церкви святого Божия Архистратига Михаила.

В 1897 году Некрасов стал попечителем Московского учебного округа. Находясь на этом посту, он уделял много внимания вопросам, которые касались намечавшихся реформ в образовании. Работа комиссий и групп по преобразованию средней школы, которую возглавил учёный, была организована на очень высоком уровне. За каждой подгруппой был закреплён определённый круг вопросов.

В 1905 году Павел Алексеевич стал тайным советником и переехал в Петербург. В 1908 году он вышел в отставку, но не перестал заниматься насущными для него вопросами.

Умер Некрасов 20 декабря 1924 года и был похоронен на Дорогомиловском кладбище, позже перезахоронен на Востряковском [11].

Во время службы попечителем он много размышлял на философские темы, о чём свидетельствуют его многочисленные публикации: «Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности» (1903), «Московская философско-математическая школа и её основатели» (1904), «Логика мудрых людей и мораль (ответ В.А.Гольцеву)» (1904) и др.

У Некрасова были оригинальные точки зрения практически по каждому вопросу. Он отмечал различие между наукой о природе и наукой о духе: «… между наукой о природе и наукой о духе относительно их методов существует значительная разница … для природоведения имеет место опыт, наблюдение отдельных случаев и анализ отдельных вещей как ближайшей задачи ибо в природе единичное является прообразом (типом) для общего правила. … В науке же о духе сам человек служит историческим существом и предметом исследования; с человеком же трудно провести опыт, и поэтому здесь наблюдение принуждено исходить из материала внутреннего сознания бытия» [1, с. 36].

Самой известной его философской работой является «Московская философско-математическая школа и её основатели», в которой изложены основные идеи этой школы. Хотя она и написана очень сложным языком, однако всё её содержание можно свести к трём ведущим идеям:

1. применение теории вероятностей к изучению социальных явлений;
2. психика человека относится к факторам социального процесса;
3. необходимо изменить программу собирания статистических данных [2, с. 52].

Для объяснения всех жизненных явлений Некрасов выделяет всеобщий метод, основанный на синтезе анализа изменений и психоаритмологической логики мерных суждений, которая основана на теории вероятностей.

Развивая аритмологические идеи своего учителя Н.В.Бугаева [4, с. 100-129], он утверждал, что «во многих мировых явлениях проявляется непредельный аритмологизм, с чем необходимо считаться реформаторам социальной жизни, делая выбор между предельно аритмологической реформой и реформой непредельно аритмологической» [1, с. 36].

Некрасов пишет: «Истинный рационализм чужд поклонениям кумира. Он есть строгое осмысленное разумное отношение ко всем ценностям и благоговейное почтение к источнику всех, Божественному разуму» [6, с. 65]. Говоря, что мир познаваем, в то же время отмечал сложность его познания.

Павел Алексеевич пытался буквально во всём применять математику. Он сумел даже математически доказать, «что свобода воли человека есть одно из необходимых условий познания закономерностей социальных явлений» [3, с. 50].

Вообще, Московская философско-математическая школа использовала математику не только для объяснения материального, но и духовного мира.

У Некрасова были свои взгляды и на устройство государства. Он утверждал, что нужно охранять национальный язык. Очень важно, по его мнению, защищать интересы государства. Необходимо применять статистику, чтобы оценивать состояние жизни в нашей стране, нужно правильно организовать народное образование и уметь управлять им.

После того как П.А.Некрасов вышел в отставку, он больше стал уделять внимания педагогическим вопросам. Именно тогда были написаны такие работы: «О необходимых отделах математики для экономических наук» (1913), «Промежуточная лицейская ступень между средней и высшей школами» (1913), «Средняя школа, математика и научная подготовка учителей» (1916) и др.

Павел Алексеевич имел особое представление о методологическом и педагогическом назначении теории вероятностей. Вместе с В.Г. Алексеевым он начал добиваться включения теории вероятностей, которая трактовалась ими в идеалистическом духе, в курс гимназий. Совершенно противоположную точку зрения имел петербургский академик А.А.Марков. Полемика между учёными длилась около 15 лет после критической статьи, которую Павел Алексеевич написал по поводу теоремы Чебышева (учителя Маркова), касающейся закона больших чисел. Споры между двумя математиками сопровождались большим количеством нелицеприятных писем друг другу.

Эта дискуссия затрагивала не только чисто математические интересы. Математика – это лишь вершина айсберга. На самом деле их спор касался места и роли науки в жизни общества и человека. Павел Алексеевич был глубоко верующим, православным человеком, а Марков – воинствующим атеистом (правда, он стал таким не сразу), следовавшим принципам «французской рационалистической традиции» [10, с. 68]. Некрасов верил, «что идеи, свойственные детерминизму, атеизму и марксизму, изживут себя, и критиковал эту концепцию в смысле христианства и свободы воли» [10, с. 68]. В его книгах переплетались философия, математика и теология. Важно заметить, что Марков видел в лице Некрасова сильного оппонента, иначе он не стал бы с ним вступать в дискуссию, тем более на многие годы.

Один из вопросов, которым активно занимался П.А.Некрасов, касался преобразования средней школы. Он утверждал, что надо бороться с излишним применением популярных методов, иначе это понизит уровень преподавания. В гимназии должна быть введена точная логика, которая начинается с 4-го класса и доводится до конца. В школе, кроме основного образования, должно быть и дополнительное. Некрасов утверждал, что необходимы изменения, касающиеся подготовки преподавателей и воспитателей средней школы [7, с. 3-9].

П.А.Некрасов развил идею Н.В.Бугаева о создании промежуточной лицейской ступени между средней и высшей школой [4, с. 157].

Обучение в лицее, полагал П.А.Некрасов, должно начинаться с 16 лет и продолжаться два года. Ученики, прошедшие через данный этап, будут готовы и к жизни, и к обучению в вузе. Это промежуточное звено, по его мнению, поднимет не только общую культуру в стране и повысит уровень образованности в целом, но и поможет сблизить среднюю и высшую школу.

П.А.Некрасов выделял в этой ступени 4 отделения: A, B, C, D, где A и B – философские классы, а C и D – математические. Причём каждый из философских и математических классов должен заниматься по своей программе. В частности, в C необходимо больше уделять внимания математическому анализу и аналитической геометрии, а в D – математической теории вероятностей с законом больших чисел, математической статистике или взаимоотношений и графическому исчислению, представляющему собой задание функциональной зависимости между величинами с помощью чертежа, таблиц и т.д.

Профессор отметил несколько проблем, касающихся организации данной ступени. Он задался вопросом, кто будет преподавать этим ученикам, ведь на этой стадии предполагается изучение элементов науки высшей школы. Занятия было предложено проводить учителям средних учебных заведений. Для них предлагалось ввести дополнительные курсы, чтобы познакомить их, прежде всего, с методикой преподавания разделов науки высшей школы.

Некрасовым были предложены и учебные пособия для лицейской ступени по математике, в частности, для классов группы D. Этот перечень был представлен на II Всероссийском съезде преподавателей математики.

Но возник ещё один вопрос: как будут связаны между собой лицейское звено и высшая школа? По этому поводу учёным были высказаны следующие соображения:

– «класс A готовит в факультеты историко-филологический, юридический (отдел чистого права) и в духовные академии;

– класс B готовит в факультеты историко-филологический (кроме отдела древней классической филологии), юридический (отдел чистого права);

– класс C готовит в факультеты физико-математический и медицинский, а также в политехнические институты и инженерные училища (отделы механический, строительный, электротехнический и путей сообщения);

– класс D готовит в факультеты физико-математический, медицинский, а также политехнические институты и реальные училища (отделы горный, путей сообщения, экономический, мелиорационный, химико-технический)» [8, с. 47].

Стоит заметить, что Павел Алексеевич предложил несколько изменить и первую ступень в средней школе. Обучение, по его мнению, должно начинаться с 9 лет (раньше начиналось с 10 лет) и продолжаться в течение 7 лет, после чего начиналась лицейская ступень обучения. При этом предполагалось и изменение рабочих программ: нужно удалить из курса средней школы много лишнего материала и не заострять внимания на мелочах [8, с. 39-53].

Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что во взглядах на государство проявлялся неподдельный патриотизм П.А.Некрасова. Он выступал поборником укрепления и защиты национальных интересов своей страны, был ревностным сторонником развития народного образования.

Такой исключительно одаренной и разносторонней является личность П.А. Некрасова. Его имя известно и в математике, и в философии, и в педагогике.

Библиографический список

1. *Алексеев В.Г.* Математика, как основание критики научно-философского мировоззрения. Юрьев, 1903. С. 36.
2. *Годин А.Е.* Развитие идей Московской философско-математической школы. М.: Красный свет, 2006. С. 52.
3. *Колягин Ю.М.* Математики-педагоги России. Забытые имена. Книга 3. Павел Алексеевич Некрасов Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», ООО «Картуш-ПФ», 2008. 113с.
4. *Колягин Ю.М., Саввина О.А.* Математики-педагоги России. Забытые имена. Книга 4. Николай Васильевич Бугаев. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2009. 276с.
5. *Колягин Ю.М., Саввина О.А.* Профессор из крепостных (к 150-летию со дня рождения Василия Афанасьевича Анисимова). Математика в школе. 2010. №7. С. 64–67.
6. *Некрасов П.А.* Московская философско-математическая школа и ее основатели. М., 1904. С. 65.
7. *Некрасов П.А.* Основы общественных и естественных наук в средней школе. СПб., 1906. С. 3-9.
8. *Некрасов П.А.* Промежуточная лицейская ступень между средней и высшей школой. Труды XIII Съезда естествоиспытателей и врачей. Т. V. Труды по секции педагогических вопросов. Первый полутом. Тифлис, 1915. С. 39-53.
9. *Саввина О.А.* Исторические очерки о преподавании высшей математики в средних учебных заведениях России. Часть 2 (вторая половина XIX – первые семнадцать лет XX вв.): Монография. Елец: ЕГУ, 2002. 246с.
10. Loren Graham and Jean-Michel Kantor. Naming Infinity. A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity. L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. P. 68 Сайт американской компании FINDAGRAVE. RU [электронный ресурс] // www.findagrave.ru/obj.php?i=5847.

A.U.GRIBOV

THE WORLD OUTLOOK OF TEACHER MATHEMATICIAN NEKRASOV P.A.

Pavel Alekseevich Nekrasov is Known before the October revolution 1917 as russian mathematician, philosopher, sociologist and teacher. His name was disparaged at early soviet time, and then he was undeserved dedicated oblivion in science. Hower he had an original pedagogical glances, or shaping wich big influence has rendered his world outlook. In the article is offered attempt to reconstruct glances of Nekrasov P.A.

Key words: ***history of the mathematical formation, the world outlook of Nekrasov P.A.***

Н.В. ЕГУПОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства Орловского государственного университета
Тел. 8 910 302 41 75

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ГРАФИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН»

В статье рассмотрены теоретические и практические вопросы формирования профессионального самоопределения студентов специальности «графический дизайн». Раскрыты современные методы обучения студентов данной специальности. Приводятся методические рекомендации по выполнению учебных заданий студентов творческих специальностей. Рассмотрены методы и методика проведения аудиторных занятий со студентами старших курсов.

Ключевые слова: ***дизайн, профессия, специалист, художник, культура, методика.***

Изучая опыт различных дизайнерских школ России и зарубежных стран, а также ведущих вузов страны в области подготовки художников – дизайнеров можно сделать вывод, что в сфере развития данной специальности практически отсутствуют методики и практики работы, направленные на формирование профессионального самоопределения студентов. Система подготовки специалистов в области художественного проектирования редко связана с системой социально-психологических, учебно-образовательных, производственных характеристик и подразумевает только ценностное отношение к профессионально-художественной деятельности, знаниям и практическим умениям.

Для того чтобы разработать свою методику, направленную на формирование профессиональной культуры личности художника-дизайнера, необходимо изучить уже имеющийся опыт работы и преподавания в этой области.

Термин «дизайн», прижившийся в нашей стране относительно недавно, в переводе с английского означает «рисование». До внедрения этого термина проектирование вещей называлось «художественным конструированием», а теория создания вещей – «технической эстетикой».

Слово «дизайн» породило и производные понятия: «дизайнер» – художник-конструктор, «дизайн-форма» – внешняя форма предмета и т. д. Профессия художника-дизайнера требует универсальных знаний, навыков, умений, научно-исследовательских, проектно-графических, творчески-ремесленных. Умений, позволяющих самому провести предпроектное исследование, проделать художественно-образные зондажи проектных предложений, превратить в графически оформленную систему проектные размышления и поиски.

Владея профессионально-теоретическими знаниями в области развития художественного проектирования, студент наилучшим образом может подойти к вопросу решения стилевых, художественных и культурных задач, предъявляемых в проектировании. Ориентируясь в историческом аспекте поставленной проектной задачи, учащимся представится больше времени и возможностей для выполнения эргономических, экономических, художественных задач проектной деятельности. Опираясь на опыт знаменитых художников-проектировщиков, ведущих дизайнерских школ, студенту проще осознать процесс эволюции дизайнерской мысли, сформулировать свои интересы и предпочтения в этом виде деятельности. Профессионализм любого специалиста проявляется не только в создании чего-то нового, но и в бережном отношении к истории, традициям, культуре. Перенимая опыт мастеров, художник осваивает технологии, художественные и эстетические ценности, необходимые для его профессиональной деятельности.

На современном этапе развития общества доминирующим вопросом подготовки специалистов в различных областях деятельности выступает проблема формирования профессионального самоопределения студентов. Воспитание профессионала определяют ориентиры высшего образования.

Проектная сфера деятельности художников-проектировщиков формирует уровень знаний и умений в области визуально-изобразительных средств (графика, чертеж), логико-сематических средств (символика, стилизация), образного и логического моделирования (эвристика, интуиция, ассоциация, анализ), формирует нормы ограничения проектной деятельности, формирует уровни профессиональной компетентности (межпредметные знания), а также организационно-управленческую деятельность (профессиональная и моральная этика).

© Н.В. Егупова

Учебно-образовательная сфера деятельности художника-дизайнера направлена на формирование художественных способностей, профессиональных знаний, формирование возможностей к самоопределению и самообразованию.

Критериями и показателями сформированной профессионально-компетентной культуры личности художника дизайнера являются ценностное отношение к проектной деятельности, профессиональные знания умения и навыки в области проектирования, креативность личности, эмоционально- коммуникативные критерии, личностно-профессиональное самосовершенствование.

Профессия дизайнера сочетает в себе познавательную, преобразовательную, ценностно-ориентированную, эстетическую, коммуникативную деятельность. Особое внимание в подготовке художников дизайнеров уделяется развитию индивидуального профессионального почерка выпускника. Из этого следует, что профессиональная культура дизайнера зависит от содержания и организации образовательного процесса в вузе.

В процессе формирования эмоционально-коммуникативной культуры личности художника развиваются эмоционально-окрашенные, личностно-развивающиеся и личностно-значимые отношения, призванные содействовать раскрытию творческого и профессионального потенциала художника-дизайнера.

Проблема подготовки специалистов в области художественного профессионального образования пережила структурные изменения. Изменились потребности общества в специфике выпускаемых вузами специалистах. Экономика и развитие общества требуют теперь высоко-профессиональных, конкурентоспособных, компетентных, ответственных, творчески мыслящих, стремящихся к систематическому обновлению знаний и коммуникативных отношений специалистов в различных сферах и отраслях хозяйства. Большой поток продукции, поступающий на российский рынок, диктует условия к развитию отечественной индустрии и хозяйства, только высокопрофессиональные специалисты могут быстро ориентироваться и разрабатывать свои новые проекты и идеи, способные продвигать развитие отечественной экономики. Трансформация общества, рост накопленных новых знаний, появление современных информационных технологий в различных сферах деятельности, в том числе и художественно-проектной, предъявляют новые профессиональные требования к выпускникам, которые заключаются в новых знаниях и воспитании новых качеств личности.

Одна из главных проблем общества – дефицит квалифицированных специалистов в областях дизайна. Поэтому перед высшей школой встала задача подготовки кадров в данной области художественного образования. В соответствии с этой задачей возникает необходимость в создании новых методик и технологий преподавания основных специальных дисциплин, направленных на развитие и формирование профессионально культурной личности будущих специалистов. Разрабатывая методики и средства обучения, необходимые для подготовки художников-дизайнеров, нельзя не согласиться с тем, что программа и структура подготовки данных специалистов должна в корне отличаться от системы обучения в традиционных художественных вузах. В то же время, очевидно, что в учебные планы должны входить предметы, относящиеся к инженерным и технологическим специальностям, культуре речи, естественным наукам, психологии, к компьютерным технологиям и художественным дисциплинам. Вопрос о том, как их использовать, как преподавать, – это вопрос самый важный и весьма трудный в процессе всего обучения студентов.

Качественные изменения в области художественного образования в России, в частности, дизайна отразились на взаимосвязи практики и науки с вузовской подготовкой специалистов. Наряду с выполнением главной функции воспроизводства кадров вузы все более активно включаются в процессы развития профессиональной проектной культуры, распространяющей свое влияние и на другие сферы проектной деятельности.

В связи с этим особое внимание в учебных заданиях уделяется композиционному формообразованию, поощряется раскованность в работе с формой, применяется метод кратковременных заданий, где разрешается не ориентироваться на реально существующую технологию, чтобы не сковывать фантазию студентов, и т.д. Повышению уровня художественного моделирования способствует и постепенное изменение курса архитектурной композиции в русле обучения работе с формами промышленного характера, главным образом машиностроительными.

В результате курс «Проектирование» стал ориентироваться на воспитание проектировщика-стилиста, в совершенстве владеющего навыками преобразования формы прототипа.

Художественно-проектная деятельность является основой в формировании профессионального самоопределения студентов, профессиональной культуры дизайнеров, так как содержание его труда – это создание своеобразной социально-производственной системы, реализующей потребности общества в предметно-пространственной

среде жизнедеятельности личности.

Профессиональные умения в области эмоционально-коммуникативной деятельности художника-дизайнера представляют собой умения, отражающие коммуникативную, аффективную, регулятивную и рефлексивную составляющую профессионального поведения художника. К ним относятся следующие умения: адекватно выразить и передать необходимые эстетические эмоции; использовать диапазон интонации речи, смену ритмических рисунков, динамику; жестом изобразить пульсацию и характер того или иного произведения; уметь заинтриговать слушателей своими мыслями, чувствами; очаровать, внушить доверие и симпатию; уловить изменения состояние слушателя по незначительным признакам; сопереживать, сочувствовать; оперативно уметь управлять своим психическим состоянием; снимать напряжение, волнение; поддерживать эмоциональную стабильность; держаться уверенно, свободно и естественно; определять границы своих собственных знаний и умений; уметь находить способы и средства решения возникших художественно-коммуникативных проблем.

Формирование профессионального самоопределения студентов – процесс, требующий системы и непрерывности. Он включает в себя различные этапы: осознание сущности профессионального мастерства дизайнера, постижение путей и средств развития профессиональной позиции, воспитание эмоциональной культуры и культуры профессионального общения, формирования основ профессионального взаимодействия в заданных ситуациях. В связи с этим изучение основ эмоционально-коммуникативной культуры должно осуществляться в самых различных формах учебной деятельности: теоретических занятиях, образовательных практикумах в рамках воспитательной и внеурочной работы со студентами.

Библиографический список

1. *Арнхейм Р*. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
2. *Аронов В.Р.* Художник и предметное творчество. М.: Советский художник, 1987.
3. Архитектура Запада. Модернизм и постмодернизм, критика концепций. М.: Стройиздат, 1987.
4. Архитектура и эмоциональный мир человека (Забельшанский Б.А., Минервин Г.Б. и др.). М.: Стройиздат, 1985.
5. *Барташевич А.А., Богуш В.Д.* Конструирование мебели: Учебник. Мн.: Выш.шк., 1988.
6. *Беляева Е.Л.* Архитектурно-пространственная среда города как объект -зрительного восприятия. М., 1977.
7. *Величковский Б.М., Зинченко В.П.* Психология восприятия. М.: Изд. Московского университета., 1973.
8. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
9. *Гинзбург М.Я.* Стиль и эпоха. М., 1924.
10. *Глазычев В.* О дизайне. М.: Искусство, 1970.
11. *Зинченко В., Мунипов В.* Эргономические основы организации труда. М.: Экономика, 1974.

N.V. EGUPOVA

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION STUDENTES OF THE SPECIALITY "GRAFIC DISIGN"

Theoretical and practical questions studentes' professional self-determination of the speciality «grafic disign» are looked through in the article. Modern methodes of students' studing(training) this speciality are disclosed. Methodical recommendations in practic of educational tasks of students creative specialities are adduced. Methods and metodology of the condacting fieldworks with the studentes of the seniour courses.

Key words: ***a disign, a profession, a specialist painter, a culture, a methodology.***

Л.А. ЕРМАКОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры химии Орловского государственного аграрного университета
E-mail: konoshina2011@yandex.ru
Тел. 8 980 362 69 11

Н.Л. ХИЛКОВА
кандидат химических наук, доцент кафедры химии Орловского государственного аграрного университета
E-mail: hilkova59@rambler.ru
Тел. 8 910 209 82 72

С.Н. КОНОШИНА
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры химии Орловского государственного аграрного университета
E-mail: konoshina2011@yandex.ru
Тел. 8 915 502 24 03

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ХИМИИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА АГРАРНЫХ ВУЗОВ ПРИ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время приоритетным направлением в модернизации высшего профессионального образования является повышение его качества в соответствии с востребованностью выпускников вуза на рынке труда. И основную роль в повышении качества образования можно отвести интегративному подходу в обучении как условию формирования профессиональной компетентности студентов вуза.

Ключевые слова: ***компетенции, компетентность, интегративный подход, интеграция, двухуровневая система образования, модернизация учебного процесса, активные формы обучения.***

Одним из приоритетов государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования является повышение качества профессионального образования, что проявляется в первую очередь в уровне востребованности выпускников учреждений профессионального образования на рынке труда. В целях модернизации образования и приведения содержания и структуры профессионального образования в соответствие с требованиями современного общества принятая на 2011-2015 годы Федеральная целевая программа развития образования ставит перед собой следующие задачи:

– модернизация дошкольного и общего образования как института социального развития;

– приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с актуальными потребностями рынка труда;

– развитие системы оценки качества образования и востребованности образовательных услуг.

В условиях современной системы аграрного образования с учетом новых требований общества и современных направлений развития высшей школы создается необходимость проектирования такой модели обучения студентов, которая интегрировала бы разные учебные дисциплины с целью более качественного формирования профессиональных компетенций студентов. Этого требует и Государственный образовательный стандарт высшей школы. Поэтому мы попытались модернизировать химическое образование в аграрном вузе посредством интегративного подхода к преподаванию учебных дисциплин. Нами была выдвинута следующая педагогическая гипотеза: интеграция содержания учебных дисциплин и интегративный подход в их преподавании позволит модернизировать химическое образование в аграрном вузе и сформировать профессиональные компетенции студентов на более высоком качественном уровне.

Целью нашего дальнейшего исследования явилось теоретическое обоснование и экспериментальная проверка эффективности интегративного подхода в преподавании химии в аграрных вузах и его влияние на формирование профессиональных компетенций студентов.

Объектом исследования явился образователь-

© Л.А. Ермакова, Н.Л. Хилкова, С.Н. Коношина

ный процесс. Исследования проводили на базе кафедры химии Орловского государственного аграрного университета со студентами специальности 110401 «Зоотехния».

Для реализации цели были поставлены следующие задачи.

1. Провести анализ литературных источников по данной проблеме исследования.

2. Разработать модель формирования профессиональной компетентности студентов специальности «Зоотехния» на основе интегративного подхода в преподавании химии.

3. Постановка педагогического эксперимента для выявления эффективности предложенной модели путем внедрения в учебный процесс вуза.

4. Представить критериальную систему и диагностический аппарат оценки эффективности педагогической модели формирования профессиональных компетенций на основе интегративного подхода в преподавании.

5. Провести анализ полученных результатов.

6. Сделать выводы об эффективности или неэффективности интегративного подхода в преподавании и реальном применении его в образовательном процессе аграрного вуза с целью модернизации процесса обучения.

7. Дать рекомендации для преподавателей аграрных вузов с целью модернизации учебного процесса посредством интегративного подхода в обучении при формировании профессиональных компетенций.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют философские и педагогические идеи Ю.К. Бабанского, Н.Е. Кузнецовой, М.С. Пак и других.

В соответствии с гипотезой, целью и задачами исследования на различных этапах применялась система взаимосвязанных методов. В ходе поискового эксперимента осуществлялся анализ философской, психолого-педагогической и методической литературы по проблеме исследования, анализировался и обобщался опыт других вузов. Это позволило выявить уровень разработанности проблемы.

Вопросами интегративного подхода к преподаванию в высшей школе уделяется не так много внимания, как хотелось бы. Считается, что интегративный подход в преподавании – это приоритет педагогических вузов. Но в настоящее время в литературе встречаются исследования, в которых интегративный подход в преподавании находит довольно широкое практическое применение.

Так, И.И. Неботова, Б.Ф. Курдюков [13] предлагают интегрировать разнопрофильные специальности и разноуровневые квалификации в рамках интеграции их содержательной части и совмещения по времени их реализаций посредством наложения содержания подготовки ВПО по специальности «Адаптивная физическая культура» на содержание подготовки СПО по специальности «Лечебное дело». И.Е. Коновалов [10] выявляет факторы, позволяющие интегрировать физическую культуру, спорт и профессиональное музыкальное образование. Н. Зеленко [6] подчеркивает значимость интегративного подхода в методической подготовке учителя технологии в педагогической высшей школе и раскрывает множественные формы интеграции – понятийную, практико- деятельную, мировоззренческую и другие. А.Д. Абашина, Т.В. Бондарева [1] применяют интегративный подход в формировании личностно-профессиональной компетенции будущих специалистов социальной сферы. И. Новачек, М. Поваляева, Р. Чумичева [14] усматривают интегративные процессы в самом образовательном стандарте технического университета, например, «Этика делового общения», «Психология и педагогика» и другие. Эти же авторы предлагают интегрировать различные педагогические технологии с учетом лучшей проникающей способности и считают важным показателем наличия интегративных связей речь студента, его словарный запас, технику и тактику аргументирования. М.А. Шаталов и Н.Е. Кузнецова [20] рассматривают проблемно-интегративный подход к обучению и выделяют три основных принципа организации и функционирования процесса обучения химии в условиях проблемно-интегративного подхода: принцип межпредметной интеграции; принцип единства внутри- и межпредметной интеграции знаний и способов действий; принцип горизонтальной и вертикальной динамики и координации познавательной деятельности студентов. Л. Пиджоян [15] указывает на интеграцию как возможность углубления взаимосвязей между дисциплинами, отраслями знаний, научных знаний с практикой, обеспечивая тем самым целостность учебного процесса на примере интегративного подхода к профессиональной подготовке учителя музыки. Е.А. Аршанский, О.В. Розновская [3] считают социально практическим обоснованием использование интегративного подхода в обучении химии целостность человеческого феномена, единую систему деятельности человека, единство науки и научного познания… Т.Н. Литвинова, Н.К. Выскубова, С.А. Овчинникова, Е.Г. Кириллова, Т.А. Слинькова [12] отмечают приоритетное значение системного и интегративного подходов и применяют их при построении вариативного курса общей химии, интегрируя этот учебный предмет с медико-биологическими дисциплинами.

Следует отметить, что вопросам интегративного подхода в преподавании дисциплин высшей

школы уделяется достаточно внимания, но никто из исследователей не рассматривает проблему интегративного подхода в обучении в аграрных вузах.

Модернизации образовательного процесса в вузе также посвящено немалое количество работ. Л.М. Иванова [7] высказывает мнение о том, что модернизации образовательного процесса в вузе необходимы педагогические условия и определенные средства на примере изучения иноязычной лексики. В трудах Е.В. Бондаревской, С.В. Кульневич, А.М. Новиковой, Т.И. Шамовой [4,5] представлены различные аспекты концепции модернизации образования. Такие ученые, как С.Л. Красинский, Н.П. Гальцова, В.К. Пашков [11] раскрывают специфику организации учебного процесса на факультете заочного обучения в негосударственном предпринимательском вузе в условиях модернизации.

По вопросу формирования профессиональной компетентности студентов в вузе существуют следующие мнения. Прежде всего, нужно различать понятия «компетенция» и «компетентность». Компетентность – новообразование субъекта деятельности, формирующееся в процессе профессиональной подготовки, представляющее собой системное проявление знаний, умений, способностей и личностных качеств, позволяющее успешно решать функциональные задачи, составляющие сущность профессиональной деятельности. Компетенция – это способность применять знания, умения, навыки и практический опыт для успешной трудовой деятельности.

А.Д. Абашина и Т.В. Бондарева [1], проведя глубокий анализ соответствующей литературы, считают, что «формирование профессиональной компетентности специалиста… – это процесс педагогического воздействия на субъекта, осваивающего профессию, результатом которого является компетентность как интегральная характеристика профессиональных и личностных качеств, отражающих уровень знаний, умений и опыт, достаточные для осуществления функций специалиста согласно стандартам, а также его этическая позиция». На наш взгляд, такое определение формирования профессиональной компетенции отражает все стороны этого сложного процесса.

Много работ посвящено формированию и совершенствованию профессиональной компетентности будущего учителя (В.И.Ревякина [16]). В этой связи исследователи используют понятие компетентностного подхода.

Компетентностный подход в образовании – это попытка привести образование в соответствие с потребностями рынка, так считает Л.В.Касихина [8] и берет за основу компетентности – чувство собственной успешности и полезности, осознание человеком способности эффективно взаимодействовать с окружающими.

А.А. Темербекова [17] одной из форм реализации компетентностного подхода в условиях вуза видит производственную практику студентов, которая включает закрепление, расширение и углубление теоретических и практических знаний, приобретение профессиональных умений, навыков и опыта. Для обучения практическим навыкам Л.В.Касихина [8] считает очень удобным использование модульно-компетентностного подхода как фактор качественной подготовки специалистов. Г.Г. Шарабарина [19] рекомендует реализацию компетентностного подхода посредством метода проекта. Главную роль в формировании компетентного специалиста Т.А.Архипова [2] отводит развивающему обучению.

Таким образом, проанализировав состояние проблемы нашего исследования на настоящем уровне развития образовательного процесса в вузе, мы пришли к следующим выводам.

1. Интегративный подход в преподавании учебных дисциплин в вузах находит свое отражение, но его реализация в аграрных вузах практически не исследована.

2. Интегративный подход как фактор формирования профессиональной компетентности студента-агрария также не исследован.

3. Модернизация образовательного процесса в аграрном вузе на основе интегративного подхода как фактор формирования профессиональной компетентности исследователями не рассмотрена.

Поэтому считаем целесообразным предложить для обучения в аграрном вузе педагогическую модель модернизации образовательного процесса на основе интегративного подхода к преподаванию химии в качестве формирующего компонента профессиональной компетентности. (Рис.1)

Итак, в предложенной модели формирования профессиональной компетентности на основе интегративного подхода в обучении студентов следует подробнее остановиться на следующих компонентах.

Интегративный подход. По вопросам интегративного подхода в преподавании учебных дисциплин естественно-научного и гуманитарного цикла работали Л.В. Загрекова, Е.Е. Минченков, Ф.П. Соколова, Н.М. Верзилин, Д.П. Ерыгин, В.П. Гаркунов, М.С. Пак, Н.Е. Кузнецова, Л.А. Хахичева и др [18]. Интеграция (от лат) – восстановление, восполнение, объединение частей в целое (integer – целый), взаимопроникновение, взаимодействие, взаимовидение. Проблему интеграции в науке прежде всего связывают с именем Б.М. Кедрова.

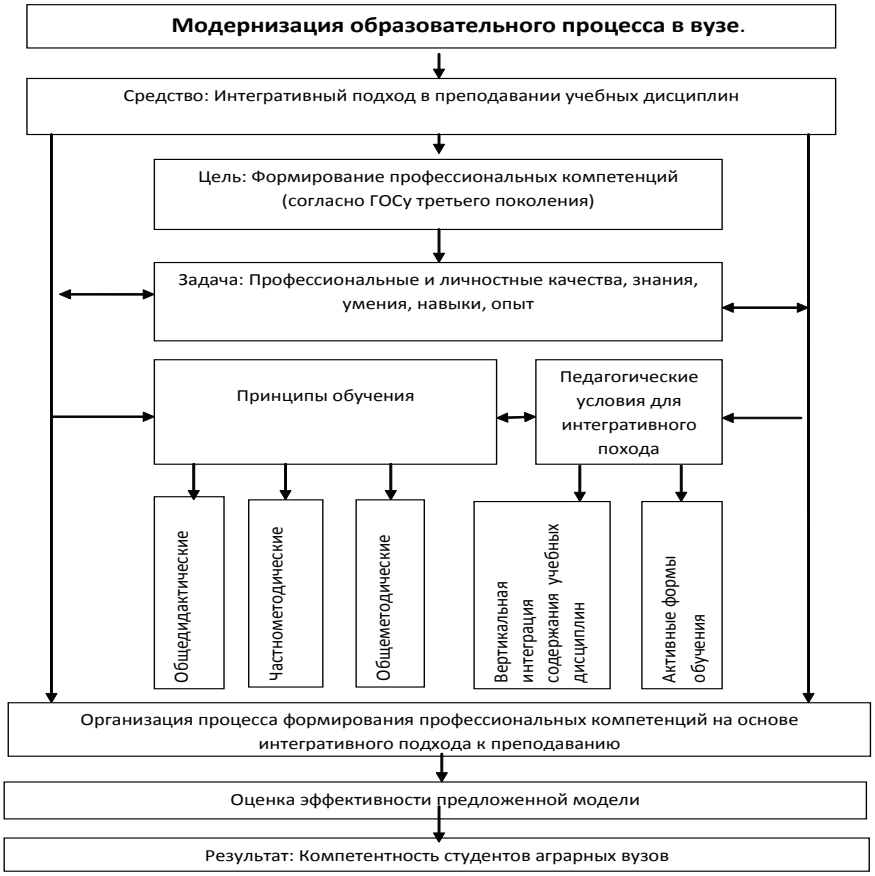


Рис.1. Модель формирования профессиональной компетентности на основе интегративного похода в обучении студентов.

«Интеграция наук, – пишет академик Б.М. Кедров, – есть конкретное выражение синтеза наук как междисциплинарного связывания» [9]. Исходные рубежи научной интеграции знаний объективно были заложены в самой дифференциации наук о связях отдельных отраслей знаний , превращающих их в единую научную систему.

Исходя из принципа историзма, Б.М. Кедров показал, как эволюция проблемы взаимодействия наук, начиная в эпоху Возрождения с движения «от разобщенности наук, к из связанности между собой, хотя эта связанность первоначально и выступала как простое их соположение, … привела к проникновению сюда идеи развития и всеобщей связи наук … путем обнаружения органических переходов между различными науками.

Сначала такие переходы выявились между смежными и вообще близкими между собой науками …, затем все более и более удаленными».

Профессиональная компетентность студентов складывается из формируемых в процессе обучения профессиональных компетенций. Согласно ГОСу третьего поколения студенты должны овладеть следующими профессиональными компетенциями:

– готовность использовать современные информационные технологии,

– способность к обоснованию принятия конкретных технологических решений с учетом особенностей биологии животных,

– способность проводить зоотехническую оценку животных, основанную на знании их биологических особенностей,

– способность прогнозировать последствия изменений в кормлении, разведении и содержании животных,

– способность использовать достижения науки в оценке качества кормов и продукции, в стандартизации и сертификации племенных животных,

– способность применять современные методы исследований в области животноводства.

Следующим компонентом в модели являются «Основные принципы обучения», которые лежат в основе построения интегративного подхода, являются общедидактические, общеметодические и частнометодические принципы. В своем исследовании мы опирались на следующие общеди-

дактические принципы – научности, доступности, сознательности, систематичности, последовательности, преемственности, наглядности, активности;

– общеметодические – принцип дифференцированного подхода, принцип управления процессом обучения, принцип вычленения конкретных ориентиров, принцип комплексного подхода к мотивации обучения студентов;

– частнометодические – принцип параллельного обучения, принцип коммуникативной направленности, принцип экспериментальности, принцип научно-исследовательских изысканий, принцип профессиональной направленности.

Особая роль в исследовании отводилась компоненту «педагогические условия». Под педагогическими условиями понимается «совокупность внешних и внутренних обстоятельств образовательного процесса», от реализации которых зависит процесс формирования профессиональных компетенций студентов. Педагогические условия – это необходимая составляющая часть процесса профессиональной подготовки студентов.

В своем исследовании мы выделили, на наш взгляд, два основных педагогических условия:

1. интегративный подход и интеграция содержания учебных дисциплин,

2. активные формы обучения, необходимые для осуществления намеченного эксперимента.

Интеграция содержания учебных дисциплин осуществлялась на понятийно-значимом уровне с учетом профессиональной направленности (табл 1.)

Для внедрения интегративного подхода в учебный процесс нами были использованы активные формы обучения, так как именно они позволяют подчинить процесс обучения управляющему воздействию преподавателя, обеспечить активное участие студентов в учебном процессе и установить контроль за ходом эксперимента, усвоением интегративных понятий и формированием профессиональных компетенций.

Предпочтение было отдано в ходе исследования имитационным методам активного обучения, в которых учебно-профессионально-познавательная деятельность студентов построена на имитации профессиональной деятельности. Это такие имитационные методы активного обучения, как деловая игра, педагогические задачи, частично-поисковая лабораторная работа, ситуация инсценирования различной деятельности и другие.

Таблица 1.

Интеграция содержания на понятийно-значимом уровне.

Учебная дисциплина	**↔Разделы учебной дисциплины**	**↔Интегрируемые понятия**	**↔ Специальные учебные дисциплины и их понятия**
1	**2**	**3**	**4**
Неорганическая и аналитическая химия	Химия элементов и их соединений	Химические элементы, макро- и микроэлементы	Кормление сельскохозяйственных животных: минеральный состав кормов. Зоогигиена: концентрация вредных газов (аммиак, сероводород, углекислый газ и т.д.) и пыли в животноводческих помещениях.
	Растворы	Растворы, концентрация, pH (водородный показатель)	Кормление сельскохозяйственных животных: кислотность и влажность кормов. Зоогигиена: концентрация вредных газов (аммиак, сероводород, углекислый газ и т.д.) и пыли в животноводческих помещениях.
	Химическая кинетика	Скорость химических реакций и факторы, на нее влияющие	Зоогигиена: температурный режим в животноводческих помещениях, продуктивность животных, расход кормов.
	Качественный анализ. Количественный анализ.	Качественный анализ, катионы и анионы	Кормление сельскохозяйственных животных: зоотехнический анализ кормов.
Органическая химия	Классы органических соединений	Белки, жиры, углеводы.	Кормление сельскохозяйственных животных: биологически активные вещества и добавки.
Биохимия	Обмен веществ	Метаболиты, ферменты	Физиологические основы продуктов жизнедеятельности.

Компонент модели «Организация процесса формирования компетенций на основе интегративного подхода к преподаванию» – это непосредственное внедрение в учебный процесс активных форм обучения. В качестве примера – данная научно-исследовательская лабораторная работа, проводимая на занятии по органической химии:

«Измерение массовой доли свободных форм водорастворимых витаминов в премиксах, витаминных добавках, концентратах и смесях методом капиллярного электрофореза с использованием системы капиллярного электрофореза «Капель-105».

Интегрируемые понятия:

Химические: водорастворимые витамины, электрофорез, хроматография, растворы,	↔	Специальные: корма, премиксы, витаминные добавки, концентраты

Цель данной работы:

а) выполнить измерения массовой доли водорастворимых витаминов: B_1 (тиамин), B_2 (рибофлавин), B_3 (пантотеновая кислота), B_c (фолиевая кислота), С (аскорбиновая кислота), B_6 (пиридоксин), B_5 в двух формах (никотинамид и никотиновая кислота) методом капиллярного электрофореза в премиксах, витаминных добавках, концентратах и смесях;

б) сформировать следующие профессиональные компетенции:

1. способность использовать достижения науки в оценке качества кормов и продукции животноводства;
2. готовность использовать современные информационные технологии;
3. способность применять современные методы исследований в области животноводства;
4. готовность к участию в проведении научных исследований, обработке и анализу результатов исследования.

Место проведения исследований:

Инновационный научно-исследовательский испытательный центр Орловского государственного аграрного университета.

Проведение измерений

Извлечение витаминов

Навеску (в случае витаминных концентратов – 0,2 г, при работе с премиксами – 1 г) помещают в плоскодонную колбу вместимостью 50 см^3, добавляют 25 см^3 экстрагирующего раствора и ставят в перемешивающее устройство при комнатной температуре на 15 мин.

Часть полученной вытяжки переносят в центрифужную пробирку и центрифугируют в течение 5 минут, 5000-6000 об/мин, раствор над осадком отбирают в чистую пробирку.

В зависимости от состава анализируемой пробы и требований к точности измерений могут быть использованы два варианта метода капиллярного электрофореза – метод капиллярного зонного электрофореза (далее – КЗЭ) и метод мицеллярной электрокинетической хроматографии (далее – МЭКХ).

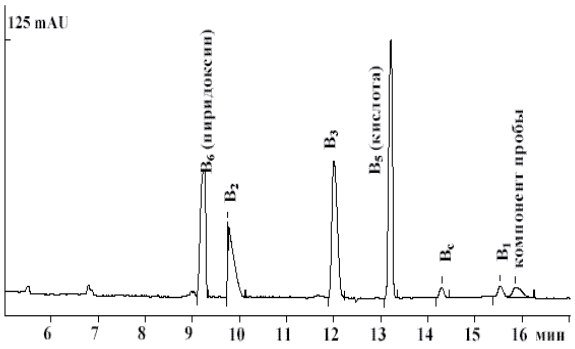


Рис. 1. Электрофореграмма экстракта премикса.

Для каждого раствора полученной вытяжки регистрируют не менее двух электрофореграмм в тех же условиях анализа, при которых была проведена градуировка

Полученные электрофореграммы используют для расчета концентрации соответствующего витамина с использованием градуировочной зависимости.

При оформлении работы в теоретической части студенты кратко характеризуют исследуемые образцы кормов, описывают методику проведения эксперимента, обрабатывают полученные результаты и делают выводы о количественном содержании витаминов в исследованных образцах для заключения о соответствии прилагаемой характеристике образца.

Проведение поисковой лабораторной работы или работы, основанной на имитационно-профессиональной деятельности, возможно при следующих условиях:

– наличие материально-технической базы;

– владение студентами начальных навыков работы в лаборатории;

– информационное и учебно-методическое обеспечение, позволяющее студенту самостоятельно выбрать и изучить методику проведения эксперимента.

По окончании педагогического исследования студентам были предложены следующие характеристики владения отдельными профессиональными компетенциями:

– полностью понимаю, могу объяснить и использовать на практике («отлично»);

– хорошо разбираюсь, могу попробовать применить на практике («хорошо»);

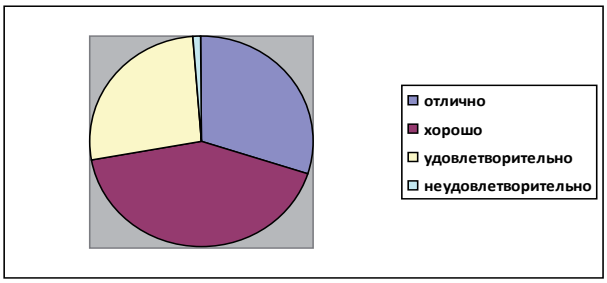
– имею общее понятие, затрудняюсь применить на практике («удовлетворительно»);

– не представляю, что это такое, как это реально использовать («неудовлетворительно»).

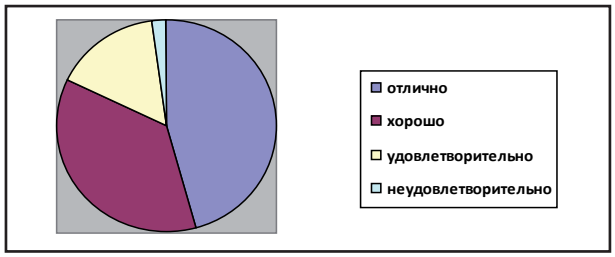
Обобщение и систематизация результатов проведенного анонимного анкетирования представлено в диаграмме, отражая эффективность предложенной модели.

Диаграмма 1.

Эффективность применения модели на формирование профессиональных компетенций среди студентов контрольной (А) и опытной (Б) групп.



А)



Б)

Таким образом, в результате нашего исследования была подтверждена выдвинутая гипотеза: интеграция содержания учебных дисциплин и интегративный подход в их преподавании позволяет модернизировать химическое образование в аграрных вузах, формировать профессиональные компетенции студентов на более высоком качественном уровне. Поэтому преподавателям химии аграрных вузов рекомендуем разработать и внедрить в учебный процесс рабочие программы и учебно-методические комплексы на основе интегративного подхода с целью повышения качества химического образования, формирования профессиональных компетенций и компетентности студентов как средство модернизации процесса обучения.

При изучении химических дисциплин в аграрном вузе считаем целесообразным:

– широко использовать активные формы обучения;

– выполнение студентами курсовых и дипломных работ при совместном научном руководстве преподавателей кафедры химии и выпускающих кафедр;

– вовлечение студентов в работу студенческих научных кружков, где объектами исследования могут служить корма, питьевая вода, молоко и др;

– горизонтальное интегрирование дисциплин и совместное их изучение по времени;

– вертикальное интегрирование дисциплин с опорой на уже имеющиеся компетенции студентов;

– интегрирование знаний с практикой.

Библиографический список

1. *Абашина А.Д., Бондарева Т.В.* Интегративный подход в формировании личностно-профессиональной компетентности будущих специалистов социальной сферы. Вестник Московского Университета. Серия 20 Педагогическое образование. 2009. №1. С.93-101.

2. *Архипова Т.В*. Роль развивающего обучения в формировании компетентного специалиста. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Информация и образование: границы коммуникаций» (INFO'10) Республика Алтай, 9-12 августа 2010 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://info-alt.ru, *свободный. - Загл. с экрана.*

3. *Аршанский Е.Я., Розновская О.В.* Интегративный подход к изучению периодического закона. Химия в школе. 2008. №1. С. 33-39.

4. *Бондаревская Е.В.* Теория и практика личностно ориентированного образования. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2000. 352с.

5. *Бондаревская Е.В.* Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. С.В. Кульневич. М-Ростовн/д, 1999. С.217.

6. *Зеленко Н.* Методическая подготовка учителя технологии (интегративный подход). Высшее образование в России. 2006. №4. С.132-134.

7. *Иванова Л.М.* Педагогические условия и средства модернизации образовательного процесса в вузе. Дисс. … канд пед.наук:13.00.01:Б.м., 0 200 с. РГБ ОД, 61:03-13/2002-9.

8. *Касихина Л.В.* Модульно-компетентностный подход в организации учебно-практической деятельности как фактор качественной подготовки специалистов. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Информация и образование: границы коммуникаций» (INFO'10) Республика Алтай, 9-12 августа 2010 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://info-alt.ru, *свободный. - Загл. с экрана.*

9. *Кедров Б.М.* Предмет и взаимосвязь естественных наук. 20-ое изд. М.: Наука,1967. 253с.

10. *Коновалов И.Е.* Основные факторы интеграции физической культуры, спорта и профессионального музыкального образования. Образование и общество. 2010. №3(62). С.44-48.

11. *Красинский С.Л. Гальцова Н.П.* Пашков, В.К. Модернизация образовательного процесса на факультете заочного обучения в негосударственном предпринимательском вузе. Мат. 1 Межрег. науч-практ. конф. Горно-Алтайск. Август 2009. Горно-Алтайск. 2009. С. 59-61.

12. *Литвинова Т.Н., Выскубова Н.К., Овчинникова С.А., Кириллова Е.Г., Слинькова Т.А.* Модернизация системы обучения общей химии студентов медицинского вуза. Современные наукоемкие технологии. 2004. №2. С.104-106.

13. *Неботова И.И., Курдюков Б.Ф.* Интегративный подход к обучению по непрофильным специальностям: педагогический потенциал. Образование и общество. 2010. №3(62). С.42-44.

14. *Новачек И., Поваляева М., Чумичева Р.* Педагогическая интеграция в техническом университете. Высшее образование в России. 2004. №4. С.164-166.

15. *Пиджоян Л.* Интегративный подход к профессиональной подготовке учителя музыки. Вестник высшей школы «Alma mater». 2006. №11. С.58-60.

16. *Ревякина В.И.* Исследовательская деятельность – основа профессионального саморазвития. Материалы III Международной научно-практической конференции «Информация и образование: границы коммуникаций» (INFO'11) Республика Алтай, 8-12 августа 2011 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://info-alt.ru, *свободный. - Загл. с экрана.*

17. *Темербекова А.А.* Формирование профессиональной компетенции будущего специалиста посредством производственной практики. Материалы III Международной научно-практической конференции «Информация и образование: границы коммуникаций» (INFO'11) Республика Алтай, 8-12 августа 2011 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://info-alt.ru, *свободный. - Загл. с экрана.*

18. *Хахичева Л.А.* Интеграция химико-экономических знаний учащихся в средней школе: Дисс. … канд. пед. наук. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. 2000. 190 с.

19. *Шарабарина Г.Г.* Реализация компетентностного подхода посредством технологии метода проекта. // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Информация и образование: границы коммуникаций» (INFO'10) Республика Алтай, 9-12 августа 2010 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://info-alt.ru, *свободный. - Загл. с экрана.*

20. *Шаталова М.А., Кузнецова Н.Е.* Проблемно-интегративный подход и методика его реализации в обучении химии. Химия в школе. 1999. №3. С.25-35.

L.A. ERMAKOVA, N.L. HILKOVA, S.N. KONOSHINA

THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS ON A BASIS OF INTEGRATIVE APPROACH IN TEACHING OF CHEMISTRY AS ONE OF MODERNIZATION CONDITIONS PROCESS OF AGRARIAN UNIVERSITIES AT A TWO-LEVEL EDUCATION SYSTEM

Nowadays the priority area of the modernization of the Higher Professional Education is the rise of its quality according to the demand of the alumni in the labour market. The main role in the rise of the educational quality may be given to the integrative approach to the process of education as the condition of shaping of the professional competence of the alumni.

Key words: ***competence, competency, integrative approach, integration, split-level educational system, modernization of the process of education, active educational forms.***

Н.В. ЕФРЕМИЧЕВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры ДПИ и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: efremicheva@mail.ru
Тел. 8 920 827 12 77

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ КАК ОБЪЕКТ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье определены понятия «материальная» и «духовная» культура, выделены функции народного костюма, подробно рассмотрена традиционная крестьянская одежда Орловской губернии.

Ключевые слова: ***материальная культура, духовная культура народный костюм, традиции, южнорусский комплекс, Орловская губерния.***

Понятие «материальная культура» охватывает практически все **объекты и процессы** жизнедеятельности человека, отражая определенный социально-экономический уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, все, что создано человеком и что им используется.

Духовная культура – это совокупность нематериальных компонентов: знаний, эстетических ценностей, норм поведения, она показывает межличностные отношения, мировоззрение, нравственность, культовые традиции и обряды, она направлена на совершенствование духовной жизни общества и человека.

Как объект материальной и духовной культуры, народный костюм – явление настолько многоплановое и уникальное, что может рассматриваться в контексте различных научных, культурологических, искусствоведческих и пр. исследований, открывая большие возможности, как для теоретического осмысления, так и для практического воплощения.

Одежда содержит информацию о возрасте и социальном статусе владельца, о его половой принадлежности, месте проживания (этносе) и жизненном укладе, профессии и обычаях, религиозных представлениях и эпохе, воплощая целостную модель, интегрирующую универсалии традиционной картины мира.

Народный костюм наряду с языковой культурой, устным народным творчеством, обрядовыми традициями образует единую знаковую систему, отражая определенный образ жизни. Рассмотрение народной одежды в качестве своеобразного языка культуры впервые предложил П.Г. Богатырев, представив структуру народного костюма как особый вид семиотической системы. Он показал, что традиционная одежда может быть знаком, приобретая при этом значение, выходящее за пределы обыденного представления. Исследователь выделил практическую, утилитарную, эстетическую, эротическую, магическую, возрастную, социально-половую (функция костюма замужней женщины) и тесно связанную с ней моральную функции, а также функцию праздничного костюма, обрядовую, профессиональную, функцию сословия, функции, указывающие на род занятий, вероисповедание и региональную функцию [1, 358].

В исследованиях отдельных авторов [2] отмечается, что народный костюм способствует взаимодействию и адаптации культур, представляя собой своеобразный социокод, который фиксирует определенные характеристики конкретной культуры и, вместе с тем, является посредником между типами культур различных хронологических периодов и разных этносов, осуществляя коммуникацию, трансляцию и усвоение определенной, значимой для данной культуры информации.

Народный костюм, как объект сохранения и развития этнокультурных традиций и статичный предмет традиционно-бытового назначения, подробнейшим образом изучался в XVIII, XIX и XX в.в. Совершенно новое направление, в котором шло развитие и использование традиций народной одежды на протяжении всего XX в., состояло в выявлении его художественных достоинств как объекта искусства. Российские и зарубежные художники, дизайнеры, модельеры обращались к традиционному костюму народов России с целью использования его в соответствии с существовавшими в тот или иной период социальными и художественными тенденциями.

Рис. 1. Молодая женщина в праздничном костюме Орловской губернии. Начало XX в.

Несмотря на динамизм со-

© Н.В. Ефремичева

циальных процессов, их унификацию, усиление роли общечеловеческих ценностей происходит усиление значимости этнического самосознания, повышение внимания к материальным и духовным ценностям, созданным народной культурой. Вполне закономерно стремление каждого народа сохранить неповторимость своей культуры, запечатлеть ее особенности, в том числе и в одежде.

Русский народный костюм на протяжении длительного времени (18 – середина 19 в.в.) был относительно стабилен. Вместе с тем, в течение двух с половиной столетий шел непрерывный процесс развития традиционной одежды: менялся состав входивших в него предметов, их форма, покрой, материал и цвет, изменялась манера ношения. В русской женской одежде вплоть до XX в. четко выделялись четыре типа: южнорусский комплекс – с поневой, северорусский комплекс – с сарафаном, с юбкой и с платьем-кубельком. Наиболее распространенными являлись первые два.

Южнорусский комплекс одежды более архаичный. Он был характерен для Орловской, Курской, Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Калужской губерний. В каждой из них, несмотря на общий строй, комплекс с поневой имел существенные различия.

Костюм крестьянки Орловской губернии традиционно состоял из рубахи, понёвы, передника и головного убора (рис.1).

Основной частью любого русского крестьянского костюма являлась рубаха, крой, материал и декор которой соответствовали определённому назначению. До второй половины XIX века женские и мужские рубахи выполнялись из льняного или конопляного (посконного) холста домашнего изготовления – чаще всего белого. Женские рубахи могли быть «цельными», из длинных прямых полотнищ от ворота до подола и «составными», делящимися на две части: верхнюю – «стан» и нижнюю – «подстава», есть рубахи с прямыми или косыми поликами (вставки на плечах), рубахи на кокетке. Разнообразны они и по форме рукава: с ластовицей (вставка под мышкой) или без нее, прямые или сужающиеся у кисти, пышные у плеч или у запястья, собранные у кисти на манжет или на узкую обшивку.

По назначению женские рубахи делились на будничные (домашние, рабочие), ритуальные, праздничные, кроме того, различались рубахи девичьи, женские и старушечьи. Ритуальные рубахи – свадебные, печальные, погребальные долго сохраняли древние черты. Это было связано с традиционностью обряда и значительностью происходящего события. Чаще всего такие рубахи были туникообразного покроя, они состояли из цельных полотнищ холста, перегнутых на плечах пополам. К ним же пришивались наверху и рукава из прямых полотнищ. На сгибе вырезали отверстия для ворота. Нужно отметить, что свадебные рубахи, как и весь свадебный костюм, надевали только один раз в жизни и часто передавали по наследству от матери к дочери.

На праздничных рубахах грудной вырез, рукава и подол имели сложный декор, многоцветную многоярусную композицию создавали вышивка, ткачество, нашивки из лент, ярких тканей и кружев. Яркость декора и количество цветов определялись возрастом женщин. Девичьи рубахи, являвшиеся нередко единственной комнатной и выходной одеждой, могли быть украшены сложным, но не ярким орнаментом. Самую яркую и нарядную рубаху носили только молодые женщины, недавно вышедшие замуж. Такой рубахе свойственны яркая броскость и намеренная сложность декора с преобладанием красного цвета. Эту рубаху молодая женщина носила до рождения первого ребёнка. В дальнейшем количество отделки с годами постепенно уменьшалось, а в костюме пожилых женщин её почти не оставалось.

Кроме нарядных рубах для семейных торжеств, существовали ещё и специальные рубахи для трудовых праздников – первого и последнего дня уборки урожая (покосные или пожневные рубахи). Узоры по подолу у таких рубах нередко были шириной до метра.

С середины XIX века для праздничных рубах стали больше использовать покупные фабричные ткани – кумач, ситец, коленкор, штоф и другие тонкие белые или яркие ткани. Что касается кроя праздничных и повседневных рубах, то для Орловской губернии характерны рубахи с прямыми поликами, распространённые повсеместно. Прямые полики представляют собой прямоугольные плечевые вставки из кумача, холста или другой ткани, которые соединяли наверху переднее и заднее полотнища рубахи. Рубахи с косыми поликами на территории Орловской губернии встречались очень редко.

У ворота полики и основные полотнища собирались под узкую обшивку или стойку. С другой стороны к поликам пришивалась средняя часть рукава. Позднее рукава и полики стали выкраиваться вместе, появилась безполиковая рубаха. Полики, как и рукава, украшались вышивкой, нашивками из лент и тесьмы.

В конце XIX века, под влиянием города, в деревнях появились рубахи с кокеткой и кофты. Выполнялись они обычно из ярких фабричных тканей. Ткачество и вышивка уступили место на-

Рис. 2. Праздничная понёва, начало XIX.в

шивкам из лент, тесьмы, блёсток и галуна.

Понёва (Рис. 2) (панёва, понява) – поясная одежда замужних женщин, надеваемая поверх рубахи. Этимология названия не совсем ясна, так как под ним подразумевали и ткань, и нижнюю рубаху, а современное значение утвердилось в конце XVI века.

Понёва – один из древнейших элементов русского народного костюма, изготавливалась из тонкой шерстяной ткани, которая часто называлась «волосенью». Особенно любимы были поневы из тонкой овечьей шерсти. Цвета – темно-синий, иногда черный или красный, непременно с рисунком в клетку различных размеров или полоску. Созданную в одном из уездов Орловской губернии поневную ткань в мелкую бело-желто-черную клетку по красному фону называли «цыганкой». Столь необычна была и ткань с очень широкими и короткими, как бы сплюснутыми клетками. Орловские поневы, как по крою, так и по декору и по способу ношения, следует считать более древними, чем поневы средних и восточных губерний. Поневы украшали во всех губерниях, но нигде декор не имел столь выраженный характер.

По крою, первоначально, понева состояла из трёх прямоугольных орнаментированных полотнищ, соединённых двумя швами и собранных на шнурок («вздёржку») – её называют «распашной». Позже появилась понёва «с прошвой» – четвёртое полотнище из одноцветной, часто не домотканой, а покупной ткани. Понёва сшивалась полностью и становилась похожей на юбку, при этом «прошва» помещалась обычно спереди и была закрыта передником. Благодаря влиянию украинского народа, проживающему на территории Орловской губернии, в крестьянской среде появилась понева, которая по своему крою напоминает украинскую плахту, называвшуюся на Орловщине «снованка» или «колышка». Встречаются в ряде уездов и поневы без прошвы в виде юбки, чаще всего такие поневы шили из пяти и более полотнищ, которые собирались по талии на шнурок. Постепенно получили распространение гофрированные юбки, которые укладывались мелкими вертикальными складочками – «гранками», перевязывались в нескольких местах и хранились под прессом.

В Орловской губернии «распашную» понёву носили с «подтыком» т.е. подворачивали спереди за пояс одну или обе полы поневы, так что сзади образовывался «кулёк», при этом была видна изнанка понёвы и более заметной становилась нижняя часть рубахи, украшенная вышивкой и кружевом.

Рис. 3. Замужние женщины в праздничных костюмах. 1908г. Орловская губерния.

Основной орнамент на понёвах – клетка и полоска, яркие у молодых, более тёмные у пожилых женщин. Праздничные понёвы украшались разноцветной вышивкой, позументом, кружевом, бисером, шнуром и блёстками, повседневные – не столь нарядные, тёмно-синие, серые, чёрные со скромной отделкой по швам и подолу. Понёва была только крестьянской одеждой, её никогда не носили в городах.

В некоторых уездах Орловской губернии понёва заменялась прямым либо косоклинным сарафаном. Наиболее ранние сарафаны выполнялись из домотканого шерстяного полотна чёрного или тёмно-синего цвета, подол отделывали красным сукном, украшали золотой тесьмой, лентами, кружевом и блёстками. Такие сарафаны носили название «шугай» или «полушугай». В конце XIX начале XX века сарафаны выполнялись, как правило, из набивного ситца, кумача или пестряди.

Передник («занавеска», «завеса», «запон») – был самый декоративной, богато украшенной частью женского русского костюма. «Завеса» закрывала женскую фигуру спереди. Обычно её выполняли из домотканого холста и орнаментировали тканым узором, вышивкой, цветными декоративными вставками, шёлковыми лентами и бисером. Край «завесы» оформляли белым или цветным кружевом, зубцами, бахромой из шерстяных или шёлковых нитей, оборкой из кумача разной ширины. В костюмах девочек и девушек передник был единственным дополнением к рубахе. (Рис.3)

Осенью и весной поверх рубахи, поневы и передника носили плечевую (нагрудную) одежду – «навершник».

Важной составной частью костюма были головные уборы, строго делившиеся на женские и девичьи. Девичьи – в форме повязки или венка – оставляли волосы открытыми. Делали повязки из

тканей, тесьмы, лент, украшали бисером, блестками, крашеными перьями. Женские головные уборы всегда полностью закрывали волосы.

«Сорока с кичкой».

Среди множества форм и видов женских народных головных уборов «сорока с кичкой» является наиболее древним и сложным. Развитие и распространение кичкообразных головных уборов у русских приходится на время расселения восточных славян на территории северной части Восточной Европы.

Рис. 4. Женский головной убор. Орловская губ. Шерсть, холст, позумент, тесьма, блестки. Конец XIX - начало XX века.

Кичка («кика») – элемент, налобная часть головного убора замужней женщины. Название старославянского происхождения, восходит к «кыка» – волосы. Твердое основание кички (в качестве жесткой основы чаще всего использовали лубяной обруч) обтягивалось кумачом, ситцем или бархатом. Она (кичка) имела весьма разнообразную форму – круглую (в Орловской губернии), лопатообразную, в виде копыта или острых рогов, высотой до 22 см и др. Позже кичка выполнялась из холста с прокладкой и последующей простежкой суровыми нитками. Для удобства при надевании кичку прочно объединяли с мягкой шапочкой «повойником».

«Сорока» надевалась поверх «кички». Она представляет собой мягкий чехол. По материалу и форме «сорока» имела множество вариантов, соответствующих форме «кички» и характерным признакам данной местности. В Орловской губернии встречаются сороки с «мохрами», а также сороки, сшитые из холста, украшенные лентами, металлической бахромой, пуговицами, бисером и пушками. У старушек и вдов «сорока» была белой, с небольшой вышивкой шерстью, иногда с добавлением блесток. У молодых будничная «сорока» выполнялась из крашенины, пестряди, ситца и других цветных тканей. Праздничная «сорока» у молодых была преимущественно красной – из кумача, штофа или бархата с золотной вышивкой по очелью (Рис.4).

Праздничная «сорока» дополнялась множеством различных деталей, число которых нередко доходило до 10–20 и весила до 5 кг. Чаще всего это были позатыльник (позатылень) – прямоугольная полоса ткани с украшением из бисера, пуговиц, позумента, блесток в сочетании с шелковыми лентами, прикрывающая затылок и частично шею; налобник – из перышек селезня и поднизь из бисера, спускающаяся с очелья на лоб; пушки – круглые шары из белого пуха или цветной шерсти и заушники (наушники) – шерстяные или бисерные кисти, спускающиеся около ушей от головного убора; опушки и розетки из цветных лент и др. Эти дополнения к основной шапочке «сороке» плотно закрывали шею, виски, лоб и уши женщины, полностью скрывая ее волосы. У пожилых женщин и старушек количество украшений на их «сороках» было минимальным. Менялся также рисунок орнамента. Он становился проще и строже. Скромная праздничная «сорока» имела узкую полосу золотной вышивки, идущую только по краю очелья. Более нарядную «бодрую сороку» украшал широкий сверкающий узор, закрывающий всю переднюю часть очелья.

В некоторых районах южных губерний вышитое очелье дополнялось золотным узором на «хвосте» (задней части «сороки») и макушке. Такие «сороки» назывались «золотыми». «Золотые сороки» носились без платка, другие же могли дополняться платком.

Наряду с золотной вышивкой в декоративном украшении «сорок» широко применялся цветной бисер. В середине и второй половине XIX века на юге России предпочтение стали отдавать зеленому прозрачному стеклянному бисеру. «Бодрая сорока» со сверкающей золотной вышивкой дополнялась тогда шелестящей переливающейся «поднизью», спускающейся на лоб небольшой пышной кружевной оборкой. Сзади волосы и шею прикрывал широкий позатыльник в виде сетки из крупного цветного бисера, на зеленом прозрачном фоне которого всегда был геометрический узор из красных, желтых, голубых и белых ромбов. Такой позатыльник назывался «бороною». Бисерные позатыльники нередко дополнялись еще и длинными бисерными цветными «рясами», пряди которых спускались почти до талии. Назывались такие украшения «висюльками» или «снизками». Все украшения южнорусских «сорок», группируясь около сверкающего золотого очелья, каждый раз создавали сложные ритмические и цветовые композиции, придавая праздничному головному убору индивидуальный декоративный настрой. «Сорока» была логичным завершением яркого многоцветного праздничного костюма молодой женщины, где чаще всего преобладал красный цвет.

К концу 19 века постепенно стиралась разница между девичьим и женским головными уборами, а самое большое распространение получили платки. Появление платков связано с развитием текстильных мануфактур. Особенным спросом пользовались набивные и гладкоокрашенные платки. В праздничные дни надевали платки, украшенные ручной

вышивкой. Платки меньшего размера повязывали на голову, стягивая концы сзади, а большие – шали – накидывали на плечи.

Праздничный наряд девушки или молодой женщины дополняли шейные («жерелка») и погрудные («гайтан») украшения, поясные подвески и серьги, выполненные из бисера, монист, бусин, птичьих перышек, шариков-пушков. Богатые крестьянки носили ожерелья из янтаря, жемчуга, кораллов, гранатов. Популярны у девушек были вплетаемые в косу косники, снизанные из бисера. Обязательным элементом костюма был плетеный или тканый пояс, служивший одновременно оберегом.

Уникальные образцы женских костюмов, сохранившиеся до наших дней в частных коллекциях и музейных собраниях, поражают воображение роскошью декора и разнообразием форм, свидетельствуя об истинном мастерстве русских рукодельниц.

Рис. 5. Костюм мужской. Орловская губ. Холст, пестрядь, вышивка «гладь», конец XIX–начало XX века.

Мужской костюм, получивший распространение практически во всех губерниях европейской части России, по сравнению с женским был значительно проще и однороднее. Социальные и возрастные отличия в нем были выражены значительно сильнее, чем региональные и этнические. В состав мужского крестьянского костюма входили: рубаха, порты (штаны), пояс и головной убор (Рис.5).

Рубахи, практически повсеместно, мужчины носили прямые туникообразные, а затем косоворотки, выкроенные с воротником или без него, разрез ворота находился сбоку, чаще всего слева. Надевали рубахи навыпуск поверх нешироких штанов, обязательно подвязывали поясом. Шили рубахи из конопляного или льняного домотканого холста, единственным украшением повседневных рубах были ластовицы красного цвета. Такие рубахи обычно шили на подкладке – «подоплеке», которую делали из грубого холста в форме прямоугольника или клина около 30 см, пришивая к полочке и спинке. У праздничных рубах ворот, подол и низ рукавов украшали вышивкой, которая чередовалась с тканым узором, такие рубахи были изготовлены из более тонкого домотканого холста. Повсеместно особое внимание уделялось свадебным рубахам, которые шили из некрашеного холста или пестряди, а позднее – из покупного ситца или кумача. Свадебную рубаху в подарок жениху шила и вышивала обязательно невеста. Декор на таких рубахах располагался по вороту, поликам, низу рукава и по подолу, по краю пришивали кружево ручного вязания шириной до 5 см красного или белого цвета.

Штаны (порты) шились обычно неширокими, с двумя вставками между штанинами, которые иногда называют «калошами». В Рязанской губернии повседневные штаны шили из грубого белого холста – «тяжевины», в котором основа была из пеньки, а уток льняной.

Спереди и сзади вшивали по клину, которые выкраивались из одного полотнища. Сшитые друг с другом клинья образовывали ширинку. Верх штанов собирали на «гашнике» – шнуре из суровых ниток. В Вологодской губернии существовало несколько вариантов кроя штанов. В одном из них к краям каждой штанины пришивали по большому «треугольному отрезку» – косой стороной и острым углом вниз – и лишь затем сшивали средний шов. В лесостепных губерниях чаще использовался простой старорусский покрой, когда каждая штанина выкраивалась из цельного перегнутого полотнища, соединяясь с другой вставкой – ширинкой. Пояс также собирали на «гашнике».

Праздничные штаны шили из пестрядинного или покупного полотна, особенно нарядными считались штаны из полотна в полоску. В некоторых губерниях использовали плис или домотканое, шерстяное полотно.

Пояс играл немаловажную роль в мужской одежде. Его использовали не только для подпоясывания нательной, домашней и верхней одежды, но и в качестве оберега. Мужчинам, так же как и женщинам, нельзя было выходить из дома без креста и без пояса. Это относилось даже к самым маленьким деревенским ребятишкам, бегавшим в одних рубашках, но обязательно с пояском. Узкие будничные пояса чаще плели из бумажных ниток, но иногда к ним добавляли шерстяную пряжу. Праздничные пояса были широкими, их украшали металлическими нитками, бисером, блестками и яркими «махорчиками». Девушки дарили своим суженым нарядные пояса, где были вышиты имена, молитвы и целые изречения По народным представлениям «пояса преумножали силу мужчин», а красный пояс, подаренный женой мужу, охранял его «от лихого ока, наговора и чужих жен».

Мужские **головные уборы** были очень разнообразны как по форме, так и по материалу. Их внешний вид зависел не только от времени года, но и от материального состояния семьи. В северных губерниях были распространены валяные шапки. В летнюю прохладную погоду использовали самодельные валяные шляпы, сделанные из коричневой

или белой шерсти. В лесостепной зоне носили также шляпы из белого или серого войлока. В числе самых популярных были поярковые шляпы с высоким «туловом» и маленькими полями. Носили летом и картузы, которые появились в конце XIX века. Картуз был двух видов: войлочный самодельный и покупной. Покупной – с большим лаковым козырьком – носила только молодежь. В Рязанской губернии, кроме всего прочего, носили шлык – летний головной убор, сделанный из собранной вверху полоски белого холста. По праздникам богатые крестьяне носили гречневик (трешневик) или черепенник – головной убор из шерстяной ткани, форма которого напоминала высокий усеченный конус или цилиндр. Их делали с небольшими полями, называвшимися «крылышками».

Зимой носили шапки-ушанки из овчины. Были и так называемые «вязеневые» шапки, подбитые ватой или куделью, с околышем, вязанным из шерсти. Предметом гордости деревенских щеголей были суконные или плисовые шляпы с опушкой из меха. В северо-восточных губерниях одним из самых распространенных зимних головных уборов был малахай (треух) с длинными ушами, сделанный из белой, серой или черной овчины. Головной убор являлся важной деталью, особенно в костюме жениха. Во многих селах жених в продолжение всей свадьбы сидел в шапке, даже если это было в летнюю пору.

Простой по крою, сдержанный по декору и удивительно практичный мужской костюм является примером того рационального подхода к одежде, которым отличались крестьяне различных губерний, расположенных в европейской части России.

Фундаментальные исследования в области изучения народной одежды практически всех регионов России позволили констатировать сохранение традиционности в характере одежды XIX – первой половины XX в.в. у многих этносов, что объяснялось определенной консервативностью жизненного уклада крестьянства, устойчивостью связанных с ним обычаев. Вместе с тем, в результате социальных, промышленных и культурных воздействий этнические особенности в бытовой одежде почти исчезли к 1920 - 1930-м г.г. В праздничном костюме преемственность и традиционность продолжали существовать до 1960-х гг., а в обрядовом комплексе сохранялись вплоть до конца XX в. Именно этот тип костюмов был всегда тесно связан с религиозными представлениями у каждого народа, обладая определенной семиотической функцией. Следовательно, до конца XX в. сохранялась одежда, использовавшаяся по специальному назначению в традиционной культуре у значительного числа российских народов.

В заключение можно отметить, что народный костюм, создававшийся на протяжении многих веков, является неотъемлемой частью материальной и духовной культуры народа. Изучение образцов народного творчества убеждает, насколько органично в народном костюме соединены функциональные, конструктивные, семиотические и эстетические качества. Именно благодаря такому соединению были созданы предельно целесообразные вещи. Искусство народа формировалось в течение длительной истории, сохраняло все самое ценное и оправданное жизнью, убирало все случайное.

Библиографический список

1. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
2. *Калашникова Н.М.* Народный костюм (семиотические функции). М.: Сварог и К., 2002. 374с.
3. Народные мастера. Традиции. Школы. Под ред. М.А. Некрасовой. М.: Изобраз. искусство, 1985. 96 с., ил.

N.V. EFREMICHEVA

FOLK COSTUME AS A SUBJECT MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

In this article the concept of «material» and «spiritual» culture, highlighted features of the national costume, detail the traditional peasant clothing Orel.

Key words: ***material culture and spiritual culture of folk costumes, traditions, South-Russian complex, Orel province***

Н.А. ИЛЬИНА
кандидат педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Орловского государственного университета
E-mail: CMKOGU@mail.ru
Тел. (4862)74 09 36

О.В. ОПРЯТОВА
директор Центра менеджмента качества, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета
E-mail: CMKOGU@mail.ru
Тел. (4862)74 09 36

Е.В. КУЗНЕЦОВА
зам. директора Центра менеджмента качества, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета
E-mail: CMKOGU@mail.ru
Тел. (4862)74 09 36

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ОСНОВЕ СТАНДАРТОВ ИСО 9000*

В статье рассмотрены проблемы внедрения инноваций в деятельность вуза для совершенствования качества предоставляемых образовательных услуг и обеспечения непрерывного развития вуза. Систему менеджмента качества следует рассматривать в качестве инновационной структуры, построенной в соответствии с принципами, заложенными в международных стандартах серии ИСО 9000.

Ключевые слова: ***инновация, система менеджмента качества, международные стандарты серии ИСО 9000, принципы менеджмента качества.***

Современные условия развития экономики страны диктуют новые требования к высшим учебным заведениям. Помимо основной функции по подготовке высококвалифицированных специалистов на рынке труда, вузы обязаны формировать и совершенствовать инновационные структуры, способные обеспечить высокое качество предоставляемых образовательных услуг. К таковым структурам относится и система менеджмента качества, призванная обеспечить непрерывное развитие вуза на основе обеспечения гарантий качества предлагаемого образования и внедрения в существующую традиционную систему образования наиболее перспективных форм и методов обучения.

Система менеджмента качества вуза строится в соответствии с требованиями международных стандартов серии ИСО 9000 [1]. Среди основных требований стандарта ИСО 9001:2000 выделяется «постоянное улучшение качества продукции», подразумевающее, что вуз должен отслеживать качество своей продукции и своевременно вносить в него нововведения, способствующие его усовершенствованию [2].

В ГОСТ Р ИСО 9004-2001 утверждается, что высшее руководство должно определить и обеспечивать наличие ресурсов и механизмов, содействующих инновационным постоянным улучшениям [3].

Итак, стандарты качества серии ИСО 9000 определяют необходимость внедрения постоянных инноваций в деятельность вуза для совершенствования качества предоставляемых образовательных услуг.

Под инновацией подразумевается объект, внедренный в производство в результате проведенного научного исследования или сделанного открытия, качественно отличный от предшествующего аналога.

Инновация – введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях [4].

* Работа выполнена в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», прикладные научные исследования, №8.4136.2011

© Н.А. Ильина, О.В. Опрятова, Е.В. Кузнецова

Внедряя инновационную составляющую, позволяющую адаптироваться к рыночным условиям, ведущие университеты России на основе положений стандарта ИСО 9001:2000 стремятся развивать внутривузовскую систему менеджмента качества, сохраняя при этом традиционные академические ценности. В российской практике образования применительно к инновационным образовательным учреждениям высшего профессионального образования появился новый термин — «академический инновационный университет».

Рассмотрим систему менеджмента качества образовательных услуг на основе требований международного стандарта ИСО 9001:2000 применительно к ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет».

Система менеджмента качества ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» представляет собой совокупность организационной структуры, методик, процессов и ресурсов, необходимых для осуществления общего руководства качеством образования в университете.

Методологической основой для построения и улучшения системы менеджмента качества в Орловском государственном университете являются восемь принципов менеджмента качества: ориентация на потребителя; лидерство руководителя; вовлечение работников; процессный подход; системный подход к менеджменту; постоянное улучшение; принятие решений, основанное на фактах; эффективные решения, основанные на анализе данных и информации; взаимовыгодные отношения с поставщиками.

Функционирование и развитие образовательного учреждения высшего профессионального образования, согласно первому принципу, зависит от потребителей, поэтому вуз должен понимать их текущие и будущие потребности, выполнять их требования и стремиться превзойти их ожидания.

В качестве потребителей образовательных услуг выступают, в первую очередь, абитуриенты и их родители, а также студенты, обучающиеся в Орловском государственном университете. С целью удовлетворения возникающих потребностей в новых направлениях подготовки в университете выбрана политика расширения спектра специальностей, отвечающих потребностям рынка, современным тенденциям развития образования, инновационным народосберегающим технологиям. В университете реализуется более 100 основных образовательных программ по направлениям подготовки и специальностям высшего профессионального образования. К инновационным образовательным программам относятся программы двухступенчатой подготовки кадров через систему бакалавриата и магистратуры.

С целью внедрения новшеств в образовательный процесс в университете осуществляется постоянное взаимодействие с потребителями образовательных услуг. В том числе, проводится периодическое исследование предпочтений абитуриентов, осуществление консультационной работы, совершенствование и создание новых форм допрофессиональной подготовки, рекламно-информационное взаимодействие со школами, лицеями, гимназиями, средними профессиональными учебными заведениями и другими учреждениями г. Орла, Орловской, Белгородской, Брянской, Курской и других областей.

Сложившаяся в Орловском государственном университете система допрофессиональной подготовки старшеклассников и выпускников школ представляет большие возможности для выбора траекторий довузовской подготовки в зависимости от успешности обучения в образовательном учреждении, помогает сделать мотивированный выбор будущей профессии, а вузу позволяет найти и подготовить «своего» абитуриента в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.

Большое внимание уделяется личности обучаемого. Студент воспринимается не просто как продукт образовательной деятельности вуза, но и как главное лицо в выборе, предпочтении новых направлений, специальностей, дисциплин университета. В этих целях в Орловском государственном университете внедряется кредитно-модульная технология организации учебного процесса, предполагающая выбор индивидуальных образовательных траекторий для каждого обучающегося.

Другими потребителями образовательных услуг являются предприятия, которые выступают в качестве промежуточных потребителей образовательных услуг. При внедрении инноваций именно их мнение учитывается в первую очередь, поскольку они формируют организованный спрос на услуги и предъявляют его на рынке.

Важнейшим потребителем продукции Орловского государственного университета являются предприятия малого предпринимательства, образовательные учреждения начального и среднего образования, медицинские учреждения, государственные бюджетные и внебюджетные учреждения и организации. Перечень специальностей и направлений подготовки, на которые университет объявляет набор студентов, согласовывается с администрацией области (Управлением общего и профессионального образования), Департаментом Федеральной государственной службы занятости населения по Орловской области.

Эффективное удовлетворение потребностей в

образовательных услугах со стороны данных потребителей является целевым ориентиром и главным критерием эффективности внедрения инноваций в систему менеджмента качества университета [5].

Второй принцип менеджмента качества – лидерство руководства – предполагает, что руководители высшего звена вуза (ректор, проректоры) своим личным примером должны демонстрировать приверженность качеству.

Действительно, успех вуза зависит от того, насколько эффективно действует его руководство, грамотно определяет стратегические цели развития и мотивирует персонал на их достижение.

В Орловском государственном университете ректор осуществляет руководство деятельностью университета и несет ответственность за функционирование и совершенствование системы менеджмента качества.

Представитель руководства по качеству и уполномоченные по качеству в структурных подразделениях (проректор по учебной работе, деканы факультетов, директора институтов) организуют доведение Политики в области качества до каждого работающего; осуществляют разработку планов и программ по системе качества, контролируют устранение выявленных несоответствий, дают указания и распоряжения всему персоналу по вопросам обеспечения качества, поддерживают связи с внешними организациями по вопросам обеспечения качества, контролируют сроки разработки и внедрения документов по системе менеджмента качества и корректирующих мероприятий.

Третий принцип менеджмента качества – вовлечение сотрудников – означает, что работники всех уровней составляют основу вуза, и их полное вовлечение дает возможность вузу с выгодой использовать их способности.

Персонал Орловского государственного университета несет ответственность за качество услуг в соответствии с должностными инструкциями, положениями, документами системы менеджмента качества, соблюдение обязательств в области качества и требований системы менеджмента качества.

В университете создана структура уполномоченных по качеству – работников университета, на которых возложены обязанности по организации функционирования и улучшения системы менеджмента качества в подразделениях. С целью вовлечения сотрудников университета в процесс внедрения инноваций в систему менеджмента качества уполномоченные по качеству проводят обсуждение и выработку сотрудниками подразделения целей подразделения в области качества, измерение качества продукции, анализ деятельности подразделения и поиск мер по ее улучшению.

Профессорско-преподавательский состав вуза стремится максимально использовать в образовательном процессе современные методы и технологии проблемного обучения, направленные на развитие творческого мышления обучаемых, формирование навыков самостоятельной и командной работы и иных компетенций инновационной деятельности.

Важнейший принцип построения системы менеджмента качества в университете – процессный подход – гласит, что желаемый результат достигается эффективнее, когда деятельностью и соответствующими ресурсами управляют как процессом. Это означает, что вся деятельность университета может быть рассмотрена как система основных и вспомогательных процессов, конечными целями выполнения которых является создание продуктов или услуг, представляющих ценность для внешних или внутренних потребителей.

В Орловском государственном университете система процессов представлена в виде карты процессов и имеет следующий вид (рисунок 1).

Центром менеджмента качества совместно со структурными подразделениями осуществляется описание основных и вспомогательных процессов в виде документационных процедур. Предстоит большая работа по дальнейшему их описанию, апробированию и внедрению в систему менеджмента качества университета.

Системный подход – следующий принцип менеджмента качества – непосредственно связан с процессным подходом и является его логическим продолжением. Он гласит, что выявление, понимание и менеджмент взаимосвязанных процессов как системы содействуют результативности и эффективности вуза при достижении его целей. В системном подходе основополагающим понятием является понятие системы как совокупности взаимосвязанных элементов, ориентированных на достижение единой цели.

Основным целевым ориентиром системы менеджмента качества является миссия высшего учебного заведения. Миссия представляет собой заявление университета о своем предназначении, роли и ответственности перед личностью, обществом и государством. Миссия Орловского государственного университета – удовлетворение образовательных потребностей личности, общества и государства в качественном высшем и послевузовском профессиональном образовании на базе традиций отечественной высшей школы, инноваций в сфере науки и высшего образования, единства научной, учебной и воспитательной деятельности.

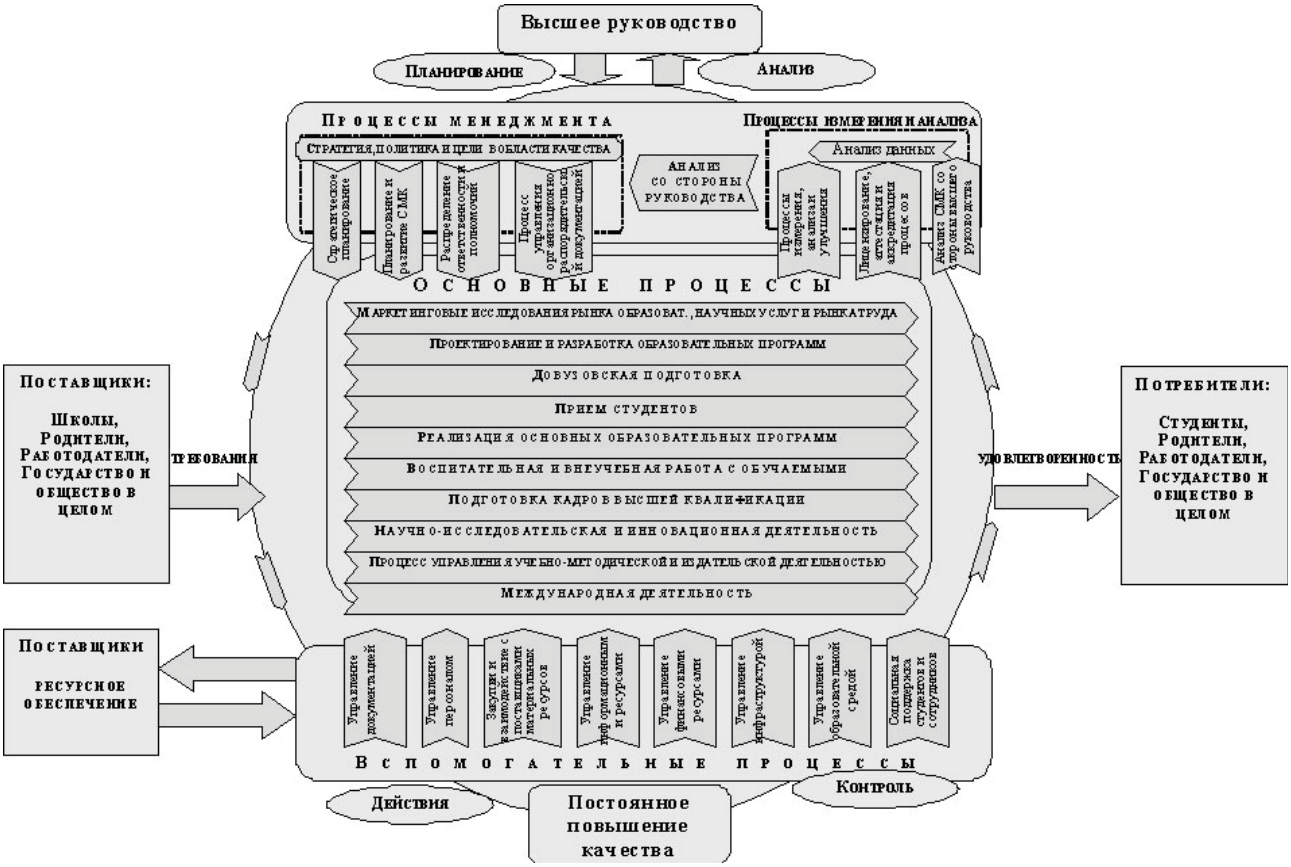


Рис. 1. Карта процессов Орловского государственного университета.

Исходя из миссии университета формируются его главные стратегические направления. Главная стратегическая цель Орловского государственного университета в области качества – создание системы качества образования и управления университетом на основе принципов Всеобщего менеджмента качества и типовой модели системы качества образовательного учреждения Российской Федерации.

Стратегические задачи обозначены в Политике в области качества. Для решения этих задач в университете создана эффективная система управления, базирующаяся на принципах стратегического менеджмента и менеджмента качества, охватывающая процессы образовательной, научной, инновационной, финансово-экономической и социально-хозяйственной деятельности, опирающаяся на широкое использование информационных технологий.

Одним из основополагающих документов системы качества Орловского государственного университета является «Руководство по качеству». «Руководство по качеству» содержит описание системы менеджмента качества Орловского государственного университета, ее структуры и процедур, устанавливает требования, Политику и цели в области качества, документацию с целью демонстрации возможностей предоставлять образовательные услуги, достижения удовлетворенности потребителей выполнением их требований посредством применения системы, ее непрерывного улучшения и предотвращения несоответствий.

Реализация документов высших уровней осуществляется в документированных процедурах, положениях, инструкциях.

В целом, иерархию документации системы менеджмента качества университета можно представить в виде пяти уровней (рисунок 2).

Цель функционирования системы менеджмента качества, провозглашенная в Политике в области качества, едина для всего персонала Орловского государственного университета.

Рис. 2. Иерархия документации системы менеджмента качества Орловского государственного университета [6]

Следующий принцип менеджмента качества – постоянное улучшение – следует рассматривать как неизменную цель, которую должен ставить перед собой любой вуз. Этот принцип непосредственно связан с внедрением инноваций в деятельность вуза и, в том числе, в систему менеджмента качества.

Важнейшим улучшением внутривузовской системы качества Орловского государственного университета можно назвать процесс перехода от внешнего контроля к внутреннему на всех уровнях:

– от контроля преподавателя к самоконтролю студентов;

– от внешнего контроля кафедры к самоконтролю и самооценке преподавателями процесса и результата своей деятельности;

– от внешнего контроля ректората за деятельностью факультета к внутреннему контролю и оценке своей деятельности и ее результатов педагогическим коллективом факультета.

Основная задача в работе со студентами – создание условий для воспитания у студентов ответственности за процесс и результат своего учебного труда, за высокий уровень качества своего образования через включение студентов в деятельность по самооценке уровня своей подготовки, анализ качества педагогического процесса, выработку и реализацию программ улучшений качества подготовки специалиста в вузе.

Важнейшая задача в работе с преподавателями по совершенствованию образовательного процесса – стимулирование преподавателей к систематическому научно обоснованному самоанализу процесса и результата своей деятельности, сотрудничество со студентами в вопросах выработки мер по повышению качества педагогического процесса, стимулирование преподавателей к внедрению инноваций в учебный процесс.

Самоанализ деятельности кафедр и факультетов на основе критериев качества, выявление проблем и выработка управленческих решений по повышению качества всего образовательного процесса или его компонентов – стратегическая задача в работе заведующих кафедрами, деканатов и ректората.

Сочетание оценки, внутренней и внешней, самоконтроля и контроля, самоуправления и управления – основной принцип совершенствования системы качества подготовки специалистов в Орловском государственном университете.

Реализация принципа принятия решений, основанного на фактах и данных, требует, прежде всего, измерения и сбора достоверных и точных данных, относящихся к поставленной задаче. В Орловском государственном университете база данных внутривузовской системы качества строится на объективных и субъективных источниках и показателях:

К объективным можно отнести:

– результаты вступительных испытаний, промежуточной и итоговой аттестации студентов;

– отчеты председателей Государственной аттестационной комиссии;

– результаты текущего контроля за учебной и самостоятельной работой студентов;

– результаты экзаменационных сессий;

– показатели трудоустройства выпускников;

– результаты анализа тематики и уровня выполнения курсовых работ;

– уровень практической подготовки студентов (по результатам практик) и др.

К субъективным:

– результаты социологических опросов (например: «Педагогический процесс в вузе глазами студентов», «Преподаватель глазами студентов», «Качество учебного процесса глазами преподавателя», «Самооценка студентами уровня своей теоретической и практической подготовки» и т.д.);

– результаты психологических обследований абитуриентов, студентов и выпускников;

– самооценку студентами и преподавателями уровня своей учебной и профессиональной компетенции и др.

Важнейшей задачей вуза в деле обеспечения качества подготовки специалистов является постоянный мониторинг процессов, происходящих в вузе. Для выполнения этой задачи в университете созданы и функционируют общественные организации по контролю качества образования: экспертный совет по вопросам качества содержания образования в ОГУ, комиссии по циклам дисциплин ГСЭ, ЕН, психолого-педагогической подготовке, комиссия по контролю качества организации учебного процесса, комиссия Ученого совета по качеству подготовки специалистов и др.

Реализация принципа «взаимовыгодные отношения с партнерами (поставщиками)» требует четких и открытых связей и отношений, обмена информацией и планов на будущее между вузом и потребителем. Стандарт ИСО 9001 - 2000 определяет требования к системе менеджмента качества Орловского государственного университета, которая «должна обеспечить условия доказательства способности университета (поставщика) проектировать и поставлять продукцию, соответствующую требованиям потребителей».

Понятие «качество высшего профессионального образования» определить однозначно весьма сложно. Особенностью образования является более сложная, чем для продуктов, структура потребления. В качестве потребителей результатов образовательного процесса выступают как сами студенты, так и их семьи, предприятия, на которых они будут работать, и, наконец, общество и государство в целом, которые будут эффективно (или неэффективно) использовать их потенциал. В связи с этим качество образования можно определить как: «совокупность свойств и характеристик образовательного процесса, которые придают ему способность удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности в знаниях и навыках отдельных граждан, предприятий и организаций, общества и государства» [7].

Основными критериями качества образования можно считать такие характеристики выпускника, ,как знания, умения, навыки, уровень общей культуры и компетенции, соответствующие требованиям:

1. системы образования (ФГОС ВПО, вузовских стандартов);
2. внешних пользователей (общество, профессиональные ассоциации, работодатели);
3. личности самого выпускника и его ближайшего окружения.

Модель системы качества образования в университете определяет, каким должен быть результат качественного высшего профессионального образования и какие средства и приемы необходимы для его достижения.

Качественное высшее профессиональное образование позволяет выпускнику вуза быть востребованным со стороны работодателей и общества, конкурентоспособным и успешным в выбранной сфере профессиональной деятельности. Другим элементом модели является определение подходов к приобретению выпускником заявленных характеристик.

Соблюдение рассмотренных выше принципов системы менеджмента качества осуществляется в Орловском государственном университете в результате разработки, внедрения, эффективного функционирования и эволюционного развития системы менеджмента, направленной на постоянное улучшение деятельности в целях удовлетворения запросов всех заинтересованных сторон.

С целью реализации принципа непрерывного улучшения системы менеджмента качества в Орловском государственном университете осуществляется ряд мероприятий:

1. осуществлять постоянный мониторинг рынка образовательных услуг,
2. совершенствовать систему мониторинга качества подготовки бакалавров, специалистов, магистров, аспирантов, докторантов и других категорий обучающихся в Орловском государственном университете;
3. проводить соответствующий анализ и разрабатывать предложения по постоянному улучшению качества оказываемых образовательных услуг;
4. обеспечивать сотрудничество преподавателей, студентов и абитуриентов в образовательной сфере с целью совершенствования систем менеджмента качества;
5. повышать ответственность и мотивацию сотрудников университета на всех уровнях управления по управлению качеством образовательных услуг;
6. внедрять инновационные методы обучения в образовательный процесс, повышать степень самоконтроля в деятельности студентов;
7. совершенствовать материально-техническую базу предоставления образовательных услуг университета.

Реализация поставленных задач позволит эффективно внедрять инновации в систему менеджмента качества Орловского государственного университета, обеспечивать опережающее удовлетворение потребностей внешних и внутренних клиентов университета.

Библиографический список

1. ИСО 9000:2000. Система менеджмента качества. Основные принципы и словарь;
2. ИСО 9001:2000. Система менеджмента качества. Требования; ИСО 9004:2000. Система менеджмента качества. Руководящие указания по улучшению качества
3. ИСО 9001:2000 Системы менеджмента качества. Требования.

4. ГОСТ Р ИСО 9004–2001. Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности (постановление Госстандарта России от 15 авг. 2001 г. № 334-ст, с изм. от 7 июля 2003 г.). М. : Госстандарт России, 2004. 46 с.

5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // (Проект). URL: http:// www.economy.gov.ru

6. *Свирщевская Л.А.* Опыт разработки и внедрения системы менеджмента качества в Новосибирском кооперативном техникуме // http://safbd.ru/magazine/article/opyt-razrabotki-i-vnedreniya-sistemy-menedzhmenta-kachestva-v-novosibirskom

7. ИСО_ТР 10013_2001 Рекомендации по документированию систем менеджмента качества

8. *Багаутдинова Н.Г.* Концепция управления качеством образования и возможности ее реализации в системе подготовки инженерных кадров высшей квалификации. Российское предпринимательство. 2004. №3 (51). с.25.

N.A. ILYINA, O.V. OPRYATOVA, E.V. KUZNETSOVA

USING OF AN INNOVATIVE APPROACH IN FORMATION OF QUALITY MANAGEMENT SYSTEM OF THE ORYOL STATE UNIVERSITY ON THE BASIS OF ISO 9000 STANDARDS

The article is devoted to the problems of introduction of innovations in higher education institution activity to improve the quality of provided educational services and ensuring continuous development of higher education institution.

The quality management system should be considered as the innovative structure constructed according to principles laid down in the international standards ISO 9000.

Key words: ***innovation, quality management system, the international standards ISO 9000, quality management principles.***

Н.А. ИЛЬИНА
кандидат педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Орловского государственного университета
E-mail: CMKOGU@mail.ru
Тел. (4862)74 09 36

О.В. ОПРЯТОВА
директор Центра менеджмента качества, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета
E-mail: CMKOGU@mail.ru
Тел. (4862)74 09 36

Е.В. КУЗНЕЦОВА
зам. директора Центра менеджмента качества, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета
E-mail: CMKOGU@mail.ru
Тел. (4862)74 09 36

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОСТРОЕНИИ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ОРЛОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

В статье рассмотрено содержание инновационных технологий, используемых в Орловском государственном университете при построении системы менеджмента качества, показаны результаты их использования.

Ключевые слова: ***инновация, инновационные технологии, система менеджмента качества, аудит, балльно-рейтинговая система.***

Реализация стратегических задач в развитии образования привнесла большие изменения в систему образования и способствовала принятию единого для всех уровней Закона об образовании, предусматривающего: демократический характер управления образованием и расширение полномочий образовательных учреждений; развитие национальной модели, обеспечивающей равный доступ к качественному образованию на всех уровнях; использование новых технологий и создание эффективной системы мониторинга и оценки.

Современное российское образование построено на принципе вариативности, который дает возможность педагогическим коллективам образовательных учреждений выбирать и конструировать образовательный процесс по любой модели, включая авторские. В этом направлении идет работа по формированию системы менеджмента качества (СМК) в образовательном учреждении. На сегодняшний день любой вуз имеет возможность выбора модели СМК от типовой до разработанной непосредственно в вузе, работающем в инновационном режиме.

Исследованием и разработкой инновационных методов занимается инноватика – область знаний, охватывающая вопросы методологии и организации инновационной деятельности.

Термины «инновация», «инновационные технологии» широко используются во всех сферах жизни общества. Однако анализ литературы показал, что отсутствует единая трактовка этих понятий.

Рассматривая термин «инновация», А.М. Мухамедьяров обращает внимание, что его можно трактовать двояко. Как материальный продукт «инновации (нововведения) отождествляются с новшествами (новыми изделиями, материалами, процессами, методами и т. д.)», а как процесс они рассматриваются, как «изменения, направленные на разработку, освоение, распространение и использование новшеств». Во втором значении «новшества трактуются как результат процесса нововведений (инновационного процесса), развивающегося во времени и имеющего четко выраженные стадии и этапы».

В понимании Азгальдова Г.Г., Костина А.В., инновация – это нововведение в области техники,

* Работа выполнена в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», прикладные научные исследования, №8.4136.2011

© Н.А. Ильина, О.В. Опрятова, Е.В. Кузнецова

технологии, организации труда или управления, основанное на использовании достижений науки и передового опыта, обеспечивающее качественное повышение эффективности производственной системы или качества продукции.

В определении понятия, предложенном А.В. Суриным и О.П. Молчановой, «инновация (нововведение)» – это конечный результат творческой деятельности, получивший воплощение в виде новой или усовершенствованной продукции либо технологии, практически применимых и способных удовлетворить определенные потребности».

По мнению С.Д. Ильенковой, «инновацию нужно рассматривать неразрывно с инновационным процессом. Инновации присущи в равной мере три свойства: научно-техническая новизна, производственная применимость, коммерческая реализация».

Из вышесказанного следует, что новшество будет признано инновацией, если оно обладает определенными признаками:

– является конечным результатом научной и научно-технической деятельности людей;

– основывается на созданных в процессе научной и научно-технической деятельности объектах интеллектуальной собственности;

– представляется в виде дошедшего до потребителя нового или усовершенствованного продукта, услуги, технологии или организационно-экономической формы;

– удовлетворяет рыночному спросу;

– приносит социально-экономический эффект организации-инноватору, потребителю и обществу в целом (возможно создание внешнего мультипликативного эффекта).

Мотивационным механизмом развития образовательного учреждения по инновационному типу, в первую очередь, является рыночная конкуренция. В условиях рынка вузы поставлены в жесткие условия, связанные с набором качественного контингента будущих студентов. Поэтому вузы, первыми освоившие эффективные инновации, получают весомое преимущество перед конкурентами.

Среди основных побудительных причин внедрения инноваций можно выделить:

– повышение конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг;

– повышение имиджа вуза;

– привлечение хорошо подготовленных абитуриентов.

Конкурентоспособность вуза означает способность его в определенный период времени соответствовать запросам и требованиям рынка, прежде всего это связано с удовлетворенностью родителей, студентов, работодателей качеством знаний и умений выпускников.

Внедрение инноваций в управлении Орловским государственным университетом (ОГУ) вызывает много трудностей, среди них:

– наблюдается устаревание нормативной, организационно-распорядительной документации в вузе;

– осуществляется постоянное обновление, совершенствование информационных систем;

– информационные системы не приводят к желаемому результату;

– заметно снижается мотивация как у студентов, так и преподавательского состава;

– неэффективна система контроля знаний студентов;

– формируется конкурентная среда на рынке образовательных услуг.

В каждом вузе, в том числе и в ОГУ, существуют конфликты между текущими задачами и задачами стратегическими. Эти конфликты порождают барьеры на пути внедрения инноваций. К примеру, в настоящее время отмечается проблема недостаточного информирования и ограниченного применения инновационных технологий в формировании, внедрении и управлении СМК.

Кроме того, в ОГУ существуют определенные проблемы восприятия нововведений персоналом:

– наличие внутренних барьеров между подразделениями, отсутствие понимания общих целей организации, разрыв доверия между разными уровнями персонала;

– дисбаланс ответственности и полномочий;

– качество понимается только как качество организации учебного процесса и качество знаний студентов и не принимается во внимание качество ресурсов, управленческих решений;

– система управления документами при внедрении инноваций приводит к увеличению времени на написание, согласование, оформление документов;

– отсутствие мотивации персонала к внедрению инноваций;

– нежелание выявлять и показывать проблемы;

– проблемы обучения персонала принципам внедрения инноваций.

Радикальный путь решения проблем внедрения новшеств – разработка и реализации в вузе так называемой «инновационной политики» в области качества. Под этим термином понимается совокупность целей, принципов, правил, задач, реализация которых позволяет получить искомый результат организационного развития ОГУ. Реализовать инновационную политику в области качества позволят

инновационные технологии.

Остановимся на трактовке понятия «инновационная технология».

Инновационные технологии – технологии, в которых используются новаторские идеи в науке, промышленности, искусстве или образовании.

Инновационные технологии – наборы методов и средств, поддерживающих этапы реализации нововведения.

Под инновационными технологиями также понимают процессуально структурированную совокупность приемов и методов, направленных на изучение, актуализацию и оптимизацию инновационной деятельности, в результате которой создаются и материализуются нововведения, вызывающие качественные изменения в различных сферах жизнедеятельности, ориентированные на рациональное использование материальных, экономических и социальных ресурсов.

Инновационная технология должна удовлетворять некоторым основным методологическим требованиям (критериям технологичности). Перечислим основные из них.

Концептуальность. Каждая образовательная технология должна опираться на определенную научную концепцию, включающую философское, психологическое, дидактическое и социально-педагогическое обоснование достижения образовательных целей.

Системность. Инновационная технология должна обладать всеми признаками системы: логикой процесса, взаимосвязью всех его частей, целостностью.

Управляемость. Управляемость предполагает возможность диагностического целеполагания, планирования, проектирования СМК (системы менеджмента качества), поэтапной диагностики, варьирования средствами и методами с целью коррекции результатов.

Эффективность. Современные инновационные технологии существуют в конкурентных условиях и должны быть эффективными по результатам и оптимальными по затратам, гарантировать достижение определенного стандарта обучения.

Воспроизводимость. Воспроизводимость подразумевает возможность применения (повторения, воспроизведения) инновационной технологии в других однотипных образовательных учреждениях, другими субъектами.

Результативность. Инновационная технология должна давать более высокий качественный результат в сравнение с традиционными технологиями.

В нашем вузе используются следующие инновационные технологии в области качества:

– балльно-рейтинговая система;
– тренинги (подготовка кадров и инкубация малых предприятий);
– аудит;
– «мозговой штурм»;
– конференции;
– дискуссии.

Кратко остановимся на их описании. Рейтинг (rating) – дословно с английского – оценка, определение класса или разряда, некоторая численная характеристика какого-либо качественного понятия; «накопленная оценка», «оценка, учитывающая предысторию».

В вузовской практике рейтинг – это некоторая числовая величина, выраженная, как правило, по многобалльной шкале и интегрально характеризующая успеваемость и знания студента по одному или нескольким предметам в течение определенного периода обучения. В нашем вузе балльно-рейтинговая в качестве эксперимента была внедрена в 2009 году, сейчас по ней занимаются студенты с 1 по 4 курс включительно.

На сегодняшний день мы наблюдаем следующие положительные результаты от ее внедрения:

– повысилась заинтересованность студентов в получении знаний в течение всего учебного семестра;
– значительно активизируется самостоятельная работа студентов (за счет учета текущей успеваемости), тем самым, способствуя качеству усвоения знаний;
– рейтинговая система несет воспитательный момент, способствуя развитию инициативы студента, самостоятельности, соревновательности в получении знаний;
– чтобы набрать достаточное количество баллов студенты стараются выполнить более сложные учебные задания, за которые выставляется максимальное количество баллов;
– повысилась заинтересованность в научной работе, за которую студенты имеют возможность получить бонусные баллы.

Еще одна инновационная технология, которая широко используется в нашем вузе, – это аудит. Слово аудит само по себе означает проверку, ревизию. Проверка означает, что существует некий эталон, по отношению к которому осуществляется проверка. Обычно таким эталоном для СМК служат международные стандарты серии ИСО 9000.

Внутренние аудиты (проверки) являются высшей формой контроля руководством системы менеджмента качества деятельности университета. Они проводятся для того, чтобы определить соответствие деятельности и результатов в области

качества тому, что было запланировано, заявлено требованиями ИСО 9001:2000. Результаты внутренних проверок служат основой входных данных для анализа со стороны руководства и позволяют университету декларировать свое соответствие ИСО 9000.

Все в мире имеет свойство изменяться и устаревать, в том числе и система менеджмента качества (СМК) университета. Для того чтобы поддерживать СМК в рабочем состоянии и постоянно повышать эффективность ее функционирования ,проводятся внутренние проверки (далее – проверки). Организация, координация, руководство системой проверок возложено на представителя руководства по качеству университета (проректора по учебной работе), директора центра менеджмента качества и уполномоченных по качеству в структурных подразделениях (деканов факультета, директоров институтов). В структуру СМК университета входит также группа внутреннего аудита, основной целью которой является проведение на плановой основе периодических внутренних проверок соответствия системы СМК ОГУ требованиям стандарта ИСО 9001.

Внутренние проверки на факультете (институте) проводятся со следующими целями:

– оценка эффективности функционирования СМК подразделения и определение возможностей и путей ее улучшения;

– выявление несоответствий в СМК (процедурах, процессах, продукции) установленным требованиям;

– определение всех причин выявленных несоответствий (основных, дополнительных, сопутствующих);

– проверка и оценка эффективности корректирующих мероприятий по результатам предыдущих проверок.

Аудит на факультете (институте) осуществляется Комиссией по контролю качества в структурном подразделении на основании документированной процедуры СМК – ДСМК ОГУ 1.07.01-2007 «Внутренние аудиты (проверки) СМК» и Положения «О комиссии по качеству в структурных подразделениях» – П ОГУ 1.03.04-2011.

Проведение внутренних аудитов дало следующие положительные результаты:

– проблемы отслеживаются раньше, чем они внесут серьезные негативные последствия для жизнедеятельности данного структурного подразделения вуза;

– руководитель структурного подразделения получает полную картину организации учебно-воспитательного процесса, в том числе узкие места;

– обеспечивается обратная связь для корректирующих действий и совершенствования системы управления качеством в вузе;

– аудиты легче переносятся сотрудниками, так как их проверяют коллеги по работе, а не вышестоящие органы.

При обсуждении вопросов формирования и внедрения СМК в вузе широко используется дискуссия – один из методов проблемного обучения. Необходимость в ней возникает тогда, когда необходимо дать простой и однозначный ответ на вопрос, при этом предполагаются альтернативные ответы. Например, ее использовали при разработке положения о балльно-рейтинговой системе, где предлагались различные варианты системы оценивания студентов.

Один из вариантов технологии использования дискуссии:

– постановка проблемы;

– формирование микрогрупп по 5-7 человек из числа руководителей структурных подразделений (факультетов, институтов, кафедр), а также опытных преподавателей;

– обсуждение проблемы в микрогруппах;

– представление результатов обсуждения перед всей группой;

– продолжение обсуждения и подведение итогов.

«Мозговой штурм» ставит своей целью сбор как можно большего количества идей, освобождение учащихся от инерции мышления, активизацию творческого мышления, преодоление привычного хода мыслей при решении поставленной проблемы. «Мозговой штурм» позволяет существенно увеличить эффективность генерирования новых идей в учебной группе.

Основные принципы и правила этого метода - абсолютный запрет критики предложенных участниками идей, а также поощрение всевозможных реплик и даже шуток. Этот метод используется, когда необходимо ответить на сложный вопрос, требующий нестандартного решения. Например, этот метод был использован при поиске наиболее эффективных форм организации самостоятельной работы со студентами.

Тренинг как инновационная технология используется в системе повышения квалификации, а также при организации бизнес-инкубаторов.

«В 1991 году Комиссия по трудовым ресурсам Великобритании (Manpower Services Commission, MSC) предложила следующее рабочее определение: «Тренинг – это запланированный заранее процесс, цель которого изменить отношение, знания или поведение участников с помощью обучающего

опыта, и направленный на развитие навыков выполнения определенной деятельности или нескольких видов деятельности. Цель тренинга в рабочей ситуации состоит в том, чтобы развивать способности личности и удовлетворять текущие и будущие потребности организации»

Одной из форм проведения тренинга в ОГУ является бизнес-инкубатор.

По российскому законодательству, бизнес-инкубатор – это организация, решающая задачи поддержки малых, вновь созданных предприятий и начинающих предпринимателей, которые хотят, но не имеют возможности начать свое дело, связанные с оказанием им помощи в создании жизнеспособных коммерчески выгодных продуктов и эффективных производств на базе их идей.

В нашем университете бизнес-инкубатор позволяет не только привлечь студентов, желающих заняться предпринимательской деятельностью, но и разрешить противоречия, касающиеся формирования и отработки умений и навыков будущих специалистов.

Таким образом, целенаправленное использование инновационных технологий в ОГУ способствует: повышению эффективности обучения студентов за счет изменения уровня их индивидуализации и дифференциации, использования дополнительных мотивационных рычагов; организации новых форм взаимодействия в процессе обучения и изменения содержания и характера деятельности преподавателя и студента; повышению уровня активности как преподавателей, так и студентов, развитию способности альтернативного мышления, формированию умения разрабатывать стратегию поиска решений образовательных задач; возможности прогнозирования результатов реализации принятых решений; повышению результативности деятельности органов управления вуза, преподавателей и студентов.

Библиографический список

1. *Азгальдов Г.Г., Костин А.В.* К вопросу о термине инновация. Original article: http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin_doklad_2009-2_about-innovation.htm
2. ДСМК ОГУ 1.07.01-2007 «Внутренние аудиты (проверки) СМК»
3. Инновационный менеджмент. Под ред. С. Д. Ильенковой/ М.: Юнити, 1997. 311 с.
4. ИСО 9000:2000. Система менеджмента качества. Основные принципы и словарь.
5. ИСО 9001:2000 Системы менеджмента качества. Требования.
6. ИСО 9001:2000. Система менеджмента качества. Требования; ИСО 9004:2000. Система менеджмента качества. Руководящие указания по улучшению качества
7. *Мухамедьяров А.М.* Инновационный менеджмент. Издательство: Инфра-М. 2010. 176 с.
8. Положения «О комиссии по качеству в структурных подразделениях». П ОГУ 1.03.04-2011.
9. *Сурин А.В., Молчанова О.П.* Инновационный менеджмент. Издательство: Инфра-М, 2008. 368 с.

N.A. ILYINA, O.V. OPRYATOVA, E.V. KUZNETSOVA

USE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN CREATION OF QUALITY MANAGEMENT SYSTEM IN ORYOL STATE UNIVERSITY

The article contents the composition of innovative technologies used at the Oryol state university during construction of the quality management system, the results of their use are shown.

Key words: ***innovation, innovative technologies, quality management system, audit, mark and rating system.***

Е.Н. КОВЕШНИКОВА
доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой дизайна Госуниверситета-УНПК
E-mail: design_97@mail.ru
Тел. (4862) 73 43 59

Е.А. ФЕДОРИНОВА
старший преподаватель кафедры дизайна Госуниверситета-УНПК
E-mail: irss_1970@mail.ru
Тел. 8 (4862) 48 33 06

ПРЕПОДАВАНИЕ КУРСА ЖИВОПИСИ С ЭЛЕМЕНТАМИ АРТ-ПЕДАГОГИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ДИЗАЙНЕРОВ

В статье представлен опыт использования элементов арт-педагогики в процессе преподавания курса живописи при профессиональной подготовке студентов-дизайнеров. Показаны психолого-педагогические и методические основы данной технологии, позволяющей осуществлять индивидуально-дифференцируемый подход в обучении, способствующей повышению мотивации студентов, развитию их творческих способностей; позволяющей педагогу высшей школы находить новые пути творческой самореализации в профессии.

Ключевые слова: ***арт-педагогика, творчество, личность, развитие, индивидуальный подход в обучении.***

Задачи модернизации системы образования в сегодняшней России предусматривают внедрение современных обучающих методов и технологий в процесс подготовки профессиональных кадров.

Система вузовской подготовки, как никакая другая, отличаясь академичностью и консерватизмом, не всегда успевает за потребностями общества и государства, испытывает дефицит инновационных подходов и образовательных практик. В то же время, ситуация непрерывных личностных и социокультурных изменений, в которых находятся и студенты, и преподаватели, предъявляет требования к гуманизации образовательного процесса.

Развитие творческих способностей студентов-дизайнеров является как профессионально-образовательной, так и гуманитарной задачей. С одной стороны, выполняя сугубо утилитарную функцию, дизайнер формирует материально-пространственную среду индивида и социума. При этом особые требования к его подготовке в этой связи предъявляются в части усвоенных и используемых в практике способов решения дизайнерских задач. С другой стороны, социально-культурная функция дизайна предполагает интенсивное развитие мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционального, творческого компонентов личности будущих специалистов

В системе подготовки дизайнеров в техническом ВУЗе формирование и развитие творческой личности приобретает особую значимость, поскольку этого требует сама жизнь. Мы можем констатировать, что сегодняшнее студенчество дифференцируется как по уровню исходной подготовки, наличию необходимых базовых знаний, умений и навыков (далее ЗУН) будущего дизайнера, так и по ряду индивидуальных и социально-психологических характеристик.

Использование приемов арт-педагогики в процессе преподавания курса живописи позволяет в данных условиях осуществлять индивидуально-дифференцированный подход в обучении студентов-дизайнеров. Что и определяет актуальность заявленной темы.

Под арт-педагогикой мы понимаем формы, методы и средства искусства, позволяющие в процессе обучения создавать условия для развития личности, выражения внутреннего мира, развития творческих способностей.

Опыт преподавательской деятельности позволяет условно выделить среди студентов-дизайнеров две «полярные» группы:

1. Студенты с высоким уровнем художественных навыков, стремящиеся к творческому самовыражению и самореализации.

2. Студенты с недостаточно высокими художественными навыками, которые необходимо совершенствовать в процессе обучения в ВУЗе.

В то же время нужно одновременно развивать способности видеть задачу с разных точек зрения, мыслить «по-дизайнерски».

Для первой группы студентов использование приемов арт-педагогики позволяет лучше понимать и чувствовать личностные мотивы, интересы, склонности и формирует умение адекватно их преломлять, учитывать в процессе создания дизайнерских проектов.

Студент, владеющий навыками самовыражения,

© Е.Н. Ковешникова, Е.А. Федоринова

достаточно хорошо осознает, насколько его личные интересы, предпочтения будут созвучны идее творческого замысла, задаче, которая ставится перед ним как перед дизайнером.

Приемы и методы арт-педагогики позволяют развивать у студентов с высокими художественными способностями и навыками такие составляющие творческих способностей, как оригинальность (выход за рамки очевидно предполагаемых, известных подходов и решений) и разработанность (точность, детализированность составленного проекта, соответствие его «местности», учет всех условий – от идеи до воплощения). Это более сложные по структуре и более глубокие (по сравнению с беглостью и гибкостью) составляющие творческих способностей.

Для второй группы студентов использование приемов арт-педагогики позволяет отрабатывать, оттачивать художественные навыки в достаточно разнообразных формах, что способствует поддержанию учебной мотивации на достаточно высоком уровне. И в то же время – развивать способности к творческому решению учебных задач за счет развития таких компонентов творческих способностей, как беглость (количество подходов, возможных решений) и гибкость (количество качественно разнообразных способов решения поставленной задачи).

Таким образом, использование элементов арт-педагогики в преподавании курса живописи позволяет не только обучать и обеспечивать хороший уровень учебной мотивации у студентов-дизайнеров с изначально различным уровнем подготовки, но и развивать их творческие способности в той степени, которая им доступна. Что и определяет актуальность проводимой работы.

Следует отметить, что говоря об актуальности использования методов арт-педагогики в плане личностного развития студентов, мы не затрагиваем психотерапевтический аспект воздействия. Результат творческой деятельности студентов не интерпретируется с психоаналитической или какой-либо другой теоретической позиции психологии. Это не является ни целью, ни задачей проводимой работы. В большей степени уделяется внимание самому процессу создания творческого продукта, развитию у студентов различных сторон творческого мышления и отработке в процессе этого необходимых художественно-графических навыков.

Академическая живопись – важнейшая учебная дисциплина в системе подготовки дизайнеров - специалистов. Назначение этого курса – дать профессиональные знания и навыки будущему дизайнеру, развить его творческие способности в области живописи, подготовить к самостоятельной творческой работе.

Живопись, как основа изобразительного искусства, является ведущей специальной дисциплиной во всем процессе художественного обучения дизайнеров.

Основополагающими принципами курса живописи являются: необходимость связи профессионального обучения с художественно-творческой деятельностью; единство обучения основам изобразительной грамоты и формирования профессиональных навыков; единство теории и практики. Неотъемлемой частью профессиональной подготовки дизайнеров является краткосрочные изображения в живописи, такие как: этюды, зарисовки и наброски.

Курс живописи включает практические занятия, на которых раскрываются основные закономерности восприятия цвета и его свойств, построения живописного изображения, вопросы колорита, методики работы над художественным произведением с применением различных живописных техник.

Материал курса конкретизируется и углубляется в установочных беседах непосредственно перед началом нового учебного задания и в процессе выполнения практических работ. Объяснения сопровождаются демонстрацией методических наглядных пособий, лучших студенческих работ из фондов кафедры, а также репродукциями произведений мастеров.

Разработка оптимальных и эффективных систем упражнений является актуальной задачей профессиональной подготовки студентов-дизайнеров.

Основным видом изучения живописи в предлагаемом курсе является работа над краткосрочным изображением. При этом решается весь комплекс задач, связанных с изучением натуры и методов её изображения. Процесс выполнения задания включает следующие этапы: а) разработка фор-эскизов постановки в карандаше и цвете; б) выполнение этюда в цвете; в) работа над подготовительным рисунком и цветовым решением образа данной натурной постановки.

Актуальность обучения студентов–дизайнеров краткосрочным изображениям определяется спецификой их будущей профессиональной деятельности.

Систематические занятия набросками, зарисовками и этюдами развивают профессиональную наблюдательность, способствуют целостному восприятию предметов, приобретению изобразительных навыков, активизируют мыслительные процессы и художественно-творческую деятельность.

Наряду с приобретением профессиональной грамоты будущему дизайнеру необходимо овладеть приёмами быстрого и уверенного изображения на-

туры. Такими видами живописного изображения натуры являются быстрые, лаконичные этюды и наброски, в самых общих чертах характеризующие цвет и форму предметов. Задача быстрых этюдов, набросков – лаконично и выразительно передавать характерные особенности изображаемого предмета, создавать общий живописный его образ.

Живописный набросок выполняется непосредственно кистью без предварительного рисунка карандашом. Основной живописный материал для такой работы – акварель. Она обладает большими выразительными возможностями, удобна и оперативна, позволяет использовать разнообразные технические приёмы и методы выполнения наброска.

Методической особенностью разработанного курса, позволяющей решить задачу развития творческих способностей студентов, является включение в занятия приемов и методов арт-педагогики. Задачи и функции арт-педагогики отличаются от традиционных программ художественного образования тем, что не имеют конечной цели научения индивида. Методы и приемы арт-педагогики развивают и усиливают внимание к чувствам, предоставляют возможность для самопознания и самовыражения; позволяют использовать дополнительные способы коммуникации, открывают новые возможности коллективного творчества, развивают воображение и творческое мышление.

Основными принципами арт-педагогики, реализуемыми в данной программе, являются:

– принцип самовыражения и спонтанности, который предполагает авторам свободу во время выполнения творческих заданий.

– принцип уникальности предполагает отсутствие заданного образца в предлагаемых творческих заданиях. Любой результат – это продукт индивидуального и коллективного опыта, обладает самоценностью независимо от содержания, формы и эстетических стандартов.

– принцип сотворчества реализуется в совместной творческой деятельности и работает на самореализацию личности в результате работы коллектива, команды, обеспечивая достижение как индивидуальных, так и групповых целей.

Таким образом, развитие и модернизация высшего образования в современных социально-экономических условиях приобретают все большую значимость. При этом значимый акцент делается на инновационную деятельность в условиях вариативности образовательных систем, овладение современными технологиями и разнообразными образовательно-воспитательными стратегиями.

Основная тенденция изменений проявляется в направленности на гуманистические ценности, развитие общей и коммуникативной культуры, личностный рост и актуализацию каждого участника образовательного процесса. Представленный в данной статье опыт использования арт-педагогических технологий в системе высшего образования, на наш взгляд, отвечает современным требованиям. Эффективность представленной технологии подтверждается заинтересованностью студентов в изучении предлагаемого материала и освоении соответствующих умений и навыков; в качестве и индивидуальности их творческих работ и проектов, представляемых на итоговых и промежуточных просмотрах. Еще одним несомненным достоинством данной технологии является личностная заинтересованность и вовлеченность преподавателя, а также возможность для его творческой самореализации.

Можно предположить, что дальнейшие научно-практические исследования в области применения арт-педагогических технологий, интеграция их с другими педагогическими концепциями приведут к созданию такой гуманистической методологии, которая бы гармонично сочетала достижения науки и опыт искусства, интеллектуальную и эмоциональную сферы человеческой деятельности.

Библиографический список

1. *Барышников В.Л.* Живопись. Теоретические основы. М. 2010.120с.
2. *Виппер Б.* Проблемы и развитие натюрморта. СПб., 2005. 384 с
3. *Голубева О.Л.* Основы композиции. М.: Искусство, 2004. 121 с.
4. Живопись: уч. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.П. Бесчастнов и др. М. 2007 223 с.
5. *Иттен И.* Искусство цвета. М. 2007. 96 с.
6. *Киплик Д.И.* Техника живописи, М. 2008. 504с.
7. *Копытин А.И.* - Теория и практика арт-терапии. СПб. 2002. 336 с.
8. *Миронова Л.Н.* Цвет в изобразительном искусстве. Минск, 2002. 150 с.
9. *Оклендер В*. Окна в мир ребенка. СПб, 2010. 336 с.

E.N.KOVESHNIKOVA, E.A.FEDORINOVA

TEACHING OF A COURSE OF PAINTING WITH ELEMENTS OF ART PEDAGOGICS IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING OF DESIGNERS

The summary: In article experience of use of elements of art pedagogics in the course of teaching of a course of painting is presented, at vocational training of students-designers. Psihologo-pedagogical and methodical bases of the given technology are shown, allowing to carry out the individually-differentiated approach in the training, motivation of students promoting increase, development of their creative abilities; the higher school allowing the teacher to find new ways of creative self-realization to trades.

Key words: ***art pedagogics, creativity, the person, development, an individual approach in training.***

Р.Н. ЛАУШКИНА
аспирант кафедры эстетического воспитания Московского педагогического государственного университета, старший преподаватель кафедры хорового дирижирования Орловского государственного института искусств и культуры
E-mail: laushkina.r@yandex.ru
Тел. 8 920 806 16 22

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ НА МУЗЫКУ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗНЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА

В статье рассматриваются вопросы развития эмоциональной отзывчивости на музыку детей старшего дошкольного возраста на основе взаимосвязи разных видов искусства. Раскрываются особенности влияния произведений живописи и литературы на процесс осмысления ребенком сложного абстрактного содержания музыки. Выделяются подходы к толкованию значения эмоциональной отзывчивости на музыку, анализируется роль межпредметных тематических связей в развитии данного качества. Особое внимание уделяется описанию методики, направленной на развитие эмоциональной отзывчивости на музыку у старших дошкольников. Подробно освещаются содержание и результаты проведения с детьми экспериментальной работы. Статья будет интересна педагогам детских садов.

Ключевые слова: ***эмоциональная отзывчивость на музыку, эмоции, взаимосвязь разных видов искусства, качество личности, способность, межпредметные связи, игровая деятельность, творчество.***

Музыкальное воспитание детей старшего дошкольного возраста осуществляется эффективно в том случае, если оно основывается на развитии определенных способностей, обеспечивающих не только приобщение ребенка к музыке, но и его увлеченность процессом музыкального переживания. Одна из таких способностей – эмоциональная отзывчивость на музыку – активно изучается сегодня в научных исследованиях, рассматривающих различные аспекты формирования музыкальной культуры детской личности. Мы считаем, что развитие эмоциональной отзывчивости на музыку играет важнейшую роль в музыкальном воспитании дошкольников. В данной статье нами отражены наиболее оптимальные условия развития эмоциональной отзывчивости на музыку детей старшего дошкольного возраста средствами взаимосвязи разных видов искусства.

В современной педагогике эмоциональная отзывчивость на музыку рассматривается как важнейшая музыкальная способность, тесно связанная с развитием у ребенка эмоциональной отзывчивости в жизни, с воспитанием у него таких качеств, как доброта, милосердие, сочувствие, любовь к другому человеку. Кроме того, эмоциональная отзывчивость на музыку выступает главным признаком музыкальности – комплекса специальных способностей, необходимых для занятий музыкальной деятельностью (Б.М. Теплов, Н.А. Ветлугина, О.П. Радынова, К.В. Тарасова, и др.).

Основу эмоциональной отзывчивости на музыку составляют эмоции, принадлежащие к разряду эстетических. Данные эмоции оказывают непосредственное влияние на работу человеческого сознания, поэтому их часто называют эмоциями, просветленные разумом, или суть умными эмоциями. Побудительная сторона этих эмоций находит выражение в эмоциональной отзывчивости на музыку, которая рассматривается нами как значимое качество личности ребенка, проявляющееся в его способности эмоционально-осознанно переживать содержание музыкального произведения.

Благоприятным условием, влияющим на развитие у детей эмоциональной отзывчивости на музыку, является музыкальный опыт, который можно эффективно обогащать посредством взаимосвязи разных видов искусства.

Известно, что отдельный вид искусства отражает специфику и содержание лишь одного способа художественного освоения мира с присущим ему предметным носителем образности. Взаимосвязь разных видов искусства дает возможность воссоздать в полной мере художественную картину мира как целостную систему образных представлений человека об окружающей действительности. Так, изобразительные искусства помогают представить бесконечное богатство конкретных форм существования материального мира и бытия предметных явлений природы. Искусства слова и музыки раскрывают внешнее через внутреннее, материальное

© Р.Н. Лаушкина

через духовное. Их языки выражают эмоциональные и мыслительные процессы и лишь опосредованно могут изображать.

Среди многообразия видов искусства нами выделяются музыка и литература – искусства произнесения, а также живопись и пластика – искусства «немые», с образами, зрительно выявленными (по классификации Б.В.Асафьева). Взаимосвязь между данными видами искусства осуществляется на основе отражения действительности в художественно-образной форме, эмоциональности и интонационного родства художественных образов, соответствия средств их воплощения.

Музыка из всех видов искусства отличается своей спецификой. Ей свойственна абстрактность, бессюжетность. Отсутствие в музыке чисто информирующей функции заставляет ребенка подсознательно стремиться к расшифровке таинственной и многозначной для него сущности. Е.В. Назайкинский связывает понимание музыкального произведения с проявлением особого рода способности, которая позволяет человеку «угадать», определить через сферу эмоций и чувств взятое из действительности жизненное явление [4]. Важнейшим фактором развития такой способности у детей дошкольного возраста является двигательный опыт, выступающий в синкретическом единстве с опытом интонационно-музыкальным и опирающийся на речь, игру, танец – синтетические виды искусства.

Образ музыки воспринимается детьми как образ движения. Через движение ребенок не просто получает информацию о характере музыкального переживания, но и погружается в определенное этим характером эмоциональное состояние. Под воздействием музыки у детей возникают эмоционально-двигательные реакции, которые делятся на четыре типа: сосредоточение (неподвижность позы, оцепенение), двигательные реакции (подражательные и неподражательные), вокализации (вскрики, возгласы, подпевание) и собственно эмоциональные реакции (улыбка, смех). Внутреннее «проигрывание» музыки и рождение движений, воспроизводящих ее характер, пробуждает у дошкольников эмоциональную отзывчивость на музыку, которая может довольно успешно развиваться благодаря использованию разнообразных форм исполнительской интерпретации – активных жестов, пластического интонирования, свободного «дирижирования» и т.д. Выполнение детьми движений, основанных на отражении слышимой в музыке интонации и внутреннем ощущении ее звучания, помогает не только усилить музыкально-эмоциональное воздействие, но и развить представления о средствах музыкальной выразительности, элементах музыкальной речи. Большую роль при этом играет приобретение дошкольниками навыков и умений согласовывать движения с музыкой, ее характером и настроением. Кроме того, эффективное действие может оказать употребление педагогом образных слов, пояснений, ярких сравнений, стихотворных текстов.

В научных работах по педагогике нередко говорится о том, что общение детей с музыкой должно подразумевать эмоциональную осознанность её содержания, понимание основной идеи музыкального произведения, осмысление его художественной формы, более глубокое сопереживание образам. Неслучайно Л.С. Выготский считает, что восприятие произведений искусства является «эмоционально – аффективными актами мысли» [1]. Все это дает нам основание утверждать, что проявления эмоциональной отзывчивости на музыку невозможны без участия мышления, без осознания и понимания того, что детьми воспринимается.

К старшему дошкольному возрасту эмоциональная сфера ребенка значительно обогащается, и это имеет большое значение для развития его эмоциональной отзывчивости на музыку. Но следует иметь в виду то, что абсолютизация эмоционального часто приводит к отрицанию осознания музыкальных явлений, а абсолютизация сознательного, наоборот, – к отрицанию эстетического начала.

Единство эмоционального и рационального – это неотъемлемый атрибут музыкального восприятия. Для того чтобы ребенок смог лучше понять и эмоционально пережить содержание музыкального произведения, педагогу необходимо включать в музыкальные занятия слушание сказок и художественных рассказов, драматизированные игры, лепку, рисование и т.д.

В некоторых теоретических положениях по музыкальной педагогике указывается на то, что процесс воспитания у детей эмоциональной отзывчивости на музыку требует тщательного внимания к анализу отдельных средств музыкальной выразительности. Неслучайно Б.М. Теплов отмечал, что эмоциональная отзывчивость на музыку предполагает тонкое, дифференцированное «слышание» музыки, восприятие «самой» звуковой ткани произведения [6]. Действительно, каждое из средств музыкальной выразительности несет в себе определенную информацию, которая необходима ребенку для понимания смысла музыки. При этом следует отметить то, что выяснение выразительной роли отдельных музыкальных средств должно проводиться педагогом не изолированно, «а в их взаимосвязях» для того, чтобы раскрыть воспринимаемый образ более разносторонне и глубоко, сохранив целостность, эмоциональность восприятия.

Доказано, что наиболее сильную эмоциональную отзывчивость вызывает у дошкольника тот музыкальный образ, который становится для него конкретным и понятным благодаря сочетанию средств музыкальной выразительности с поэтическим словом (в песне), сюжетом (в программной музыке), действием (драматизированной игре, танце). Весьма полезно рассматривать в процессе слушания музыки репродукции картин, однако совсем нежелательно использовать их для иллюстрирования музыкальных произведений. Важно, чтобы внимание ребенка было направлено непосредственно на музыку – искусство, преимущественно, выразительное, а не изобразительное, и эта специфика должна быть детям донесена.

Известный исследователь в области современной дошкольной педагогики О.П. Радынова отмечает то, что языки музыки, живописи, художественного слова постигаются по основанию, которое представляет собой эмоцию, переживание, чувственный образ. Осваивая семантику произведений разных видов искусства, дошкольник в результате понимает заложенный в них выразительный смысл, который во многом раскрывается благодаря накоплению жизненного и музыкального опыта [5].

Воздействие одного искусства для познания другого – эффективное средство развития у детей эмоциональной отзывчивости на музыку. Так, наглядная и смысловая конкретность произведений живописи и литературы, оказывая непосредственное влияние на работу сознания ребенка, помогают ему ярче представить многогранное образное содержание музыки.

Искусство объединяет в себе различные формы человеческого познания и общественной деятельности, которая имеет множество разновидностей, необходимых для художественно-образного воплощения всей окружающей действительности. А.Н. Леонтьев считает, что искусство – это деятельность, отвечающая задаче открытия, выражения и коммуникации личностного смысла действительности [3]. М.С. Каган объединяет в структуру искусства четыре вида деятельности – познавательный, ценностно-ориентационный, преобразовательный и коммуникативный. В результате их совпадения образуется пятый вид – художественная деятельность, формирующаяся как одна из самых ранних, имеющая синкретический характер, который активно раскрывается именно в дошкольный период, когда искусство детей, будучи одновременно познанием, оценкой, преобразованием действительности и формой общения, предшествует «чисто» познавательной и «чисто» ценностной деятельностям человека [2].

Возраст от 3 до 7 лет – эстетический период жизни детей, отличающийся господством синкретической игровой деятельности. В это время игра является основным видом активности дошкольника. В игре ребенок может успешно осваивать социальный опыт, а также воспроизводить, творчески комбинировать явления окружающей жизни.

Игра имеет родственную связь с искусством. Именно в играх воссоздаются социальные взаимоотношения между людьми вне условий их утилитарной деятельности. Это и определяет родство игры и искусства, которое своими особыми художественными средствами интерпретирует многие стороны человеческого бытия. В дошкольном возрасте происходит замещение развернутых форм игровой деятельности из жизни взрослых разнообразными формами искусства. Таким образом, в процессе игр ребенок получает возможность не просто проникнуть в сущность человеческих взаимоотношений, но и почерпнуть духовный опыт многих поколений, заключенный в произведениях разных видов искусства.

Выражение детьми собственных переживаний через игру оказывает положительное влияние на развитие их эмоциональной отзывчивости на музыку. Дело в том, что участие в играх помогает дошкольникам «дочувствовать» то, что ими было уже пережито во время восприятия музыкального произведения. Кроме того, в играх у ребенка активизируется творческий поиск средств подражания тому или иному образу, что, в свою очередь, усиливает проявления у детей интереса к музыке и другим видам искусства, потребности в художественном творчестве.

В дошкольном возрасте из общей синкретической игры постепенно образуются самостоятельные виды детского творчества: рисование, драматизация, сочинение. Каждый из этих видов не существует отдельно от остальных, а впитывает и вбирает в себя элементы других видов. Поэтому на музыкальных занятиях весьма целесообразно обращаться к опыту синкретической деятельности дошкольников, а также к образам зрительного, моторного и тактильного восприятия как к средствам развития у них эмоциональной отзывчивости на музыку.

В игровой, изобразительной деятельности, словесном творчестве дети, как правило, передают те события и объекты, которые их впечатляют, эмоционально захватывают. При воспроизведении ребенком услышанного в процессе чтения сказки, в рисовании, ролевой игре впервые проявляются элементы творческого воображения.

Активное воспитание художественно-творческих навыков способствует развитию у дошкольников эмоциональной отзывчивости на музыку. Подчеркивая взаимообратимость путей развития

от способности к действию и от действия к способности, заметим, что проявления эмоциональной отзывчивости на музыку располагают ребенка к дальнейшему творчеству, к ожиданию и радостному удовлетворению результатами своей деятельности. Занятия творчеством стимулирует у детей работу воображения на основе их прежнего опыта, так как этот опыт представляет собой материал, из которого возникают фантазии. Чем старше дошкольник, тем богаче становится его творческий и эмоциональный опыт, который уже намного полнее отражается и в играх, и в различных видах художественной деятельности, и в характере возникающих в воображении ребенка образов (музыкальных, литературных, графических).

При занятиях детским творчеством необходимо, во-первых, раскрыть индивидуальность каждого ребенка, его специфических методов преобразования действительности, во-вторых, стимулировать проявления у детей самостоятельности и активности в овладении ими новым образцом на основе уже накопленного опыта.

Игры, рисование, лепка, театрализованная, конструктивная и музыкальная деятельность эффективно влияют как на формирование творческих способностей ребенка, так и на развитие его эмоциональной отзывчивости к специфическим воздействиям разных видов искусства. Общение с музыкой, произведениями живописи и литературы непосредственно вызывает у дошкольника разнообразные эстетические переживания: радость, эмоциональную отзывчивость, волнение, восхищение, особую заинтересованность. Однако в отдельных случаях ценность таких переживаний настолько возрастает, что переходит в «способность-потребность» воплощать их в художественной форме. Для создания выразительного образа, который действительно воплотил бы в себе ценности эстетического переживания, ребенку необходимо целенаправленно преобразовывать собственный индивидуальный опыт, то есть занять позицию художника-творца по отношению к материалу того или другого вида искусства, найти соответствующие своему замыслу цветовые, языковые, музыкальные средства. Примерами применения определенных выразительных средств, необходимых для творческого воплощения того или иного образа, могут служить произведения разных видов искусства. Их использование на музыкальных занятиях помогает стимулировать у дошкольников эмоциональную отзывчивость на музыку. Одним из важнейших условий развития данной способности у детей старшего дошкольного возраста является *обогащение музыкального опыта на основе взаимосвязи разных видов искусства*.

Для того чтобы более широко раскрыть возможности взаимосвязи разных видов искусства в развитии эмоциональной отзывчивости на музыку у старших дошкольников, рассмотрим вопрос о межпредметных связях и тематическом подходе к их использованию в процессе музыкальных занятий.

Данные научной литературы свидетельствуют о существовании двух различных позиций к разработке тематического подхода. Одна из них предлагает группировку музыкального материала по темам, направленным на изучение особенностей музыкального языка как специфической формы отражения окружающей действительности. При этом особое внимание уделяется использованию на музыкальных занятиях произведений живописи и литературы во взаимосвязи с музыкой – объектом познания, процесс которого призван содействовать эмоциональному соотнесению явлений искусства с субъективным миром художественных переживаний ребенка. Другая позиция к разработке тематизма основывается на взаимодействии музыки и различных форм отражения окружающей действительности. В данном случае формулировка тем отражает ту или иную грань жизненного опыта ребенка и всего общества в целом.

Нередко встречаются критические замечания об использовании тематизма. В них показано, что тематическая направленность учебного материала не может дать ребенку всю полноту лично важной для него информации, так как для этого необходимо осознание музыкального искусства в конкретном историко-культурном контексте.

На наш взгляд, использование межпредметных тематических связей помогает детям не только осознать художественно-эстетические закономерности музыкального искусства, но и понять взаимосвязь музыки с другими видами искусства. При этом важно отметить, что общие темы, затрагиваемые в разных видах искусства, позволяют каждому из них раскрыть отдельную грань какого-либо явления или процесса, а в целом и всю рассматриваемую в комплексе проблему.

Большая роль при использовании межпредметных тематических связей принадлежит комплексному подходу, который предполагает осмысление всех видов деятельности дошкольников так, чтобы один вид деятельности обогащал другой, и каждое занятие музыкой являлось неотъемлемым звеном целостного процесса музыкального воспитания. Кроме того, комплексность помогает значительно усилить переживание эмоционально-смыслового содержания музыкального произведения и тем самым способствует развитию эмоциональной от-

зывчивости на музыку у старших дошкольников. Поэтому в качестве второго условия развития эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста выступает *организация комплексных музыкальных занятий, включающих в себя различные виды художественно -эстетической деятельности детей (музыкальной, изобразительной, художественно-речевой, музыкально-игровой)*.

Обращение к взаимосвязи разных видов искусства предоставляет широкие возможности для поиска специальных методов и приемов, направленных на развитие эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста. В дошкольной и школьной педагогике спектр используемых методов достаточно обширен. Остановимся подробнее на методах, которые станут основой для нашей дальнейшей работы.

Метод сравнения углубляет осознание отдельных элементов музыкального языка (регистров, жанров, формы, тембров, высоты звуков и т.д.), позволяет лучше услышать и понять особенности музыкального произведения, что, на наш взгляд, чрезвычайно важно для развития эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста.

На музыкальных занятиях метод сравнения выступает в самых различных модификациях. Так, в программе «Музыкальные шедевры» О.П. Радыновой довольно широко используется *метод контрастных сопоставлений*, который, по словам автора, помогает активизировать у детей эмоциональную отзывчивость на музыку. Исследователем предлагаются различные типы контрастных сопоставлений – контрастные произведения одного жанра, пьесы с одинаковыми названиями, контрастные произведения в пределах одного настроения, сравнение близких и различных по содержанию произведений разных видов искусства [4].

Метод зрительной наглядности способствует обогащению музыкального опыта дошкольников зрительными ассоциациями и конкретными образами. Применение зрительной наглядности на музыкальных занятиях (просмотр репродукций картин, рисунков, иллюстраций) помогает детям проникнуть в эмоционально-образное содержание музыки, а также активизирует их собственно музыкальную деятельность. При использовании зрительной наглядности необходимо учитывать два существенных момента – конкретную роль наглядного материала, которую он должен выполнять в усвоении, и отношение содержания данного наглядного материала к содержанию материала, подлежащего усвоению. Однако следует иметь в виду, что акцент на зрительную наглядность, подчеркивание в музыкальном произведении звукоизобразительных элементов, как бы доступных для восприятия старших дошкольников, нередко уводит их от осознания сущности самой музыки. Поэтому, применяя зрительную наглядность с целью развития у детей эмоциональной отзывчивости на музыку, важно соблюдать гармонию во взаимосвязи *метода зрительной наглядности* с наглядно-слуховым и практическим методами.

Метод моделирования эмоционально-образного содержания музыки основывается на применении изобразительно-выразительных средств живописи и литературы с целью конкретизации эмоционально-образного содержания музыки. В качестве зрительных моделей используются репродукции картин известных художников. При их подборе учитывается цветовое решение каждой картины, так как оно относится к средству, передающему определенное настроение: теплые тона (пурпурный, красный, оранжевый, золотистый, желтый) воспринимаются как активные, возбуждающие; холодные тона (фиолетовый, синий, зеленый, белый) – как спокойные, умиротворяющие; яркое контрастное сочетание цветов вызывает чувство сильной радости, создает атмосферу праздника. Сюжеты картин подбираются в соответствии с жизненным опытом детей, понятными им ситуациями и чувствами. Наглядно-слуховым материалом выступают отрывки из поэм и стихотворения русских поэтов, образцы устного народного творчества. Таким образом, моделирование ребенком эмоционально-образного содержания музыкального произведения как бы «обрастает» моделями средств разных видов искусства, образуя при этом качественно новую модель, опирающуюся на взаимосвязь музыки, живописи и литературы.

Метод размышления детей о музыке предлагает разрешение поставленных вопросов в форме кратких бесед, построенных по типу ситуаций целенаправленного общения, в которых обязательно должны присутствовать три неразрывно связанных между собой момента:

- четко сформированная педагогом задача;
- ее совместное с детьми решение;
- окончательный вывод, который должны самостоятельно осознать дети.

В основе *метода размышления о музыке* лежит столкновение различных мнений, которое приводит ребенка к открытию новых или пониманию известных истин, например, о соотношении средств выразительности и изобразительности, о различных гранях интонации, о композиционных закономерностях музыкальной формы.

Ценным для нашего исследования является *метод содержательного освоения музыки*, включаю-

щий в себя несколько этапов:

- накопление музыкально-слуховых впечатлений;
- постепенное внедрение в сознание слушателей основных соотношений звуковых элементов, организующих музыкальное движение;
- воспроизведение музыки как способ активного обогащения музыкально-слухового тезауруса, воспитания музыкального сознания;
- творчество как высший вид самодеятельности, помогающий овладению музыкальным материалом.

Метод творческих заданий характеризуется общими интересами как для ребенка, так и для педагога, то есть, и воспитатель, и воспитуемые в процессе творческой деятельности имеют роли «соавторов». При этом педагогу важно уметь угадывать и превращать в тему творчества доминирующие образы детской фантазии, а также искать вместе с дошкольниками средства их реализации.

В исследовании мы обращались к различным видам творческих заданий, таким как: песенные импровизации, вокализация тем инструментальных сочинений с использованием текста русской народной песни, «озвучивание» произведений изобразительного искусства, импровизации на детских музыкальных инструментах, создание рисунков о музыке, сочинение сказок о музыкальных персонажах, инсценирование музыкальных произведений, создание музыкально-игровых композиций.

Все вышеперечисленные методы были использованы нами при *разработке специальной методики развития эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста на основе использования средств взаимосвязи между разными видами искусства*. Данная методика включала в себя три этапа. *Эмоционально-ориентирующий (поисковый) этап* способствовал введению детей в мир эмоций, формированию у них представлений о чувствах, легко узнаваемых в жизни и искусстве, стимулировал возникновение адекватных переживаний, вызванных общением с разнохарактерными произведениями музыки, живописи и литературы. *Эмоционально-смысловой этап* был направлен на постижение детьми интонационных, выразительно-изобразительных возможностей музыкального языка, ознакомление со средствами музыкальной выразительности и поиски адекватных средств передачи музыкально-эстетических эмоций. *Эмоционально-творческий этап* активизировал проявления эмоциональной отзывчивости на музыку в музыкально-игровой деятельности; обеспечивал самостоятельный творческий поиск детьми средств и способов эмоционально-образного выражения в рисунке, пластике движений, мимике, жестах, песне, драматизации.

Разработанная методика была успешно апробирована в ходе экспериментальной работы. В этой работе приняло участие 47 детей старшего дошкольного возраста ДОУ №5 г. Орла.

По результатам анализа эксперимента следует отметить, что обогащение опыта музыкального восприятия на основе взаимосвязи разных видов искусства существенно повлияло на динамику развития эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста.

Эффективность методики проведения комплексных занятий с применением специально отобранных методов и приемов, направленных на развитие эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста, была полностью подтверждена.

Доказаны возможности использования взаимосвязи разных видов искусства как средства развития эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста.

Таким образом, подтвердилась эффективность педагогических условий, обеспечивающих развитие эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста.

Экспериментальная работа показала, что реализация выявленных педагогических условий и применение методики, разработанной на основе использования взаимосвязи разных видов искусства, способствует развитию эмоциональной отзывчивости на музыку у детей старшего дошкольного возраста.

Библиографический список

1. *Выготский Л.С.* Психология искусства. Ростов/н/Дону: Феникс, 1998. 479с.
2. *Каган М.С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. С.120-126.
3. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения в 2-х томах, т.II. Под. ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1983. С.237.
4. *Назайкинский Е.В.* Пространственные компоненты в восприятии музыки. О психологии музыкального восприятия. М: Музыка, 1972. С. 181.
5. *Радынова О.А.* Музыкальные шедевры. Авторская программа и методические рекомендации. М.: Издательство «ГНОМ и Д», 2000.С. 8, 17.
6. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. М.-Л.: Издательство АПН РСФСР, 1947. С. 14-17; 37.

R.N. LAUSHKINA

THE PEDAGOGICAL CONDITION OF DEVELOPMENT THE EMOTIONAL RESPONSIVENESSON MUSIC OF ELDER CHILDREN UNDER SCHOOL AGE BY DIFFERENT KINDS OF ART

The questions of the development of emotional responsiveness on music of elder children under school age on the basis of intercommunication of different kinds of art are examined in the article. The peculiarities of the influence of the works of painting and literature on the process understanding of the child the complicated abstract sense of music are explained. Different kinds of approaches of interpretation of meaning the emotional responsiveness on music are given. The role of inter-subjects thematic connections in the development of the given quality is analyzed. The main attention is paid to the description of the methodic directing for the development of the emotional responsiveness on music of elder children under school age. The substance and results carrying out the experimental work with children is given. The article will be of great interest for teachers of kindergartens.

Key words: ***emotional responsiveness on music, emotions, the intercommunication of different kinds of art, the quality of personality, the ability, the inter-subjects connections, game activities, the creation.***

Л.А. ЛУКИНА
старший преподаватель кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Орловского государственного университета
E-mail: lukina.larisa.orel @yandex.ru
Тел. (4862) 74 50 86

ПЕРВЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОРЛОВЩИНЕ: 1918-1922 гг.

В статье рассматривается история становления высшего образования на Орловщине на примере первых высших учебных заведений: Орловского пролетарского университета и Орловского государственного университета; анализируются предпосылки их создания, подходы к организации учебного процесса, причины прекращения их деятельности.

Ключевые слова: ***уровень грамотности; высшее образование; учебные планы; учебные программы; педагогические кадры.***

В последние годы в связи с реформой высшего образования большой интерес вызывает история становления и развития высшей школы. Обратимся к истокам высшего образования на Орловщине.

В конце XIX – начале XX вв. Орловская губерния, занимавшая значительную территорию, включавшая 12 уездов (Орловский, Болховский, Брянский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Кромской, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Севский, Трубчевский), имела слабо развитую промышленностью и крайне отсталое сельское хозяйство. Неблагополучным было и положение с народным образованием.

Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 год), преобладающим сословием не только в уездах, но и в городах Орловской губернии являлись крестьяне. Так, в уездах крестьяне составляли 96,47%, в городах – 45,18%. В связи с этим закономерно низок был процент грамотного населения. Грамотных мужчин в губернии в 1897 году было 281797, женщин – 78980, что составляло лишь 17,6% всего населения губернии.

Наивысший процент грамотных зафиксирован среди духовенства (83% мужчин) и дворянства (80%). Меньше всего грамотных было среди сельского сословия (24,95%), при этом грамотных женщин – 3%.

Среди лиц, имевших высшее образование, преобладали дворяне. Большинство лиц со средним образованием было из духовного сословия. [1, с.12].

Накануне революции 1917 года в Орловской губернии функционировали учебные заведения разных типов: духовные училища, высшие начальные училища, министерские училища, частные учебные заведения, церковно-приходские школы, школы грамоты, воскресные школы, еврейские хедеры. Однако в губернии не было ни одного высшего учебного заведения, поэтому в 1918 году новая власть, испытывавшая острую нужду в квалифицированных кадрах, решает открыть в Орле пролетарский университет с широкой целевой аудиторией.

Организаторы не предъявляли никаких требований к образовательному уровню будущих слушателей. Это было обусловлено не только отмеченным выше объективным положением с состоянием грамотности в губернии, но имело и идеологическое обоснование. Так, в проекте будущего учебного заведения отмечалось, что «в виду однобокости и тенденциозности сообщенных ему (слушателю – Л.Л.) по тем или иным предметам, кроме, конечно, специальных, формально-отмеченных и к жизни обыденной имеющих крайне сомнительную ценность (например, для жизни массового большинства высшая математика и филологические тонкости) средне-образованный человек почти ничем не отличается от жаждущего истинных знаний: и там и тут сырой материал, только в первом случае он загрязнен ложной постановкой школьного дела, а во втором натуральный, глубоко восприимчивый» (стиль и пунктуация документа сохранены) [2] .

Таким образом, в университет поступали в основном трудовые слои общества, не имеющие необходимой учебной подготовки. Это закономерно привело к открытию при университете в декабре 1918 года подготовительного отделения, в задачи которого входило дать слушателям базовые знания, что позволило бы им в дальнейшем воспринимать университетские дисциплины хотя бы на элементарном уровне.

В Пролетарском университете функционировали агрономическое, биологическое, гуманитарное,

© Л.А. Лукина

естественно-математическое, медицинское, механическое и техническое отделения. Проводилась также большая просветительская работа и вне университета: была организована лекторская коллегия для чтения лекций на заводах, фабриках, в учреждениях с целью повысить общий культурный уровень населения.

Однако Орловский пролетарский университет просуществовал совсем недолго: на заседании коллегии Орловского губернского комиссариата по просвещению от 19 марта 1920 года было вынесено Постановление о реорганизации этого учебного заведения и формировании на его базе государственного университета и народного университета.[3;4].

Предложение о создании в Орле государственного университета прозвучало в июне 1919 года на Губернском съезде советов народного образования. В резолюции съезда сказано: «Принимая во внимание, что стоящие перед Рабоче-крестьянским Правительством грандиозные задачи в области культурного строительства требуют как можно большего количества высококвалифицированных работников по всем отраслям жизни, эта задача может быть разрешена на местах лучше, чем в перегруженных и голодающих центрах, Орловский Губернский Совет Народного образования признает желательным образование в Орле Государственного университета, надеясь, что ученые силы могут быть в него привлечены в достаточной степени и из центра и с мест и что он сможет обслуживать не только Орловскую губернию, но и прилегающие к ней районы». [5].

В Фонде 484, Д. 1 Государственного архива Орловской области сохранилась выписка из протокола заседания Коллегии высших учебных заведений народного Комиссариата по просвещению от 23 июня 1919 года. Документ содержит сведения о проекте открытия в Орле государственного университета. Председатель Коллегии М.Н. Покровский сообщил о ходатайстве Орловского отдела народного образования и сотрудников Пролетарского университета об открытии в городе Орле государственного университета. Решение принималось непросто. Некоторые члены Коллегии склонялись к признанию большей целесообразности учреждения в Орле техникума, апеллируя к неудачному опыту открытия университетов в ряде городов близ Москвы, которые вынуждены были приостановить свою деятельность ввиду недостатка материальных средств, квалифицированных преподавателей, крайне низкого уровня подготовки студентов.

В качестве аргумента в пользу открытия Орловского государственного университета делегаты из Орла подчеркивали, что «идея создания университета в Орле восходит ко временам Императрицы Екатерины II. Орел далеко отстоит от университетских городов, между тем жажда знания у местного населения велика» [6]. Кроме того, в качестве существенного довода приводился опыт существования Пролетарского университета, где проблема кадрового состава решалась путем привлечения профессуры из других городов.

Свидетельством того, что предложение делегации из Орла оказалось убедительным, явилось Постановление Коллегии о признании необходимым учреждения в Орле Государственного университета, о чем была немедленно направлена телеграмма в Президиум Орловского Пролетарского университета [7].

Одной из первостепенных задач для вновь созданного высшего учебного заведения закономерно явилось создание необходимой материально-технической базы: библиотеки, физической и химической лабораторий, астрономической обсерватории, метеорологической станции. Для решения этой задачи предпринимались огромные усилия. Несмотря на трудное время, сотрудников университета часто направляли в командировки в Наркомпрос, в университетские города для сбора учебных материалов: учебно-методической и научной литературы, приборов и инструментов, предметов оборудования, различных коллекций.

Для создания физической лаборатории были использованы приборы и оборудование физических лабораторий бывшего Кадетского корпуса, бывшей Алексеевской гимназии, а также зачатки физической лаборатории Пролетарского университета.

В молодом советском государстве шел поиск новаторских подходов к решению проблем организации высшего образования. Этот процесс не обошел стороной и Орловщину. В частности, обсуждался вопрос о присоединении Тургеневского музея к Орловскому государственному университету на правах учебно-вспомогательного учреждения. В качестве аргументов в пользу такого предложения выдвигался тот факт, что в музее имелась богатая библиотека, бесценная для историко-литературных и историко-культурных занятий, а также необходимость детального изучения тургеневского наследия в Орловском университете, на родине писателя, для чего предполагалось организовать работу Тургеневского семинария.

Представляется интересным предложение ректора Орловского государственного университета Н.И. Конрада прочитать цикл лекций на тему «Введение в изучение наук в университете. Основы академической жизни», который был призван дать студентам представление о такой струк-

туре, как высшее учебное заведение. Курс состоял из двух разделов. Первый раздел – «Университет. Его история, смысл и цели» – предполагал изучение следующих тем: «Античный университет», «Средневековый университет», «Университет в эпоху возрождения и реформации», «Университет в XIX веке», «Профессора и студенты в современном университете», «Сущность академизма». Второй раздел – «Конструкция Орловского государственного университета» – знакомил слушателей с устройством их alma mater.

В Государственном архиве Орловской области сохранилась объяснительная записка к проекту Государственного университета, где отмечается, что Университет понимается как высшее учебное заведение, имеющее своей задачей изучение и преподавание наук преимущественно философского характера, «т.е. служащих выработке научно обоснованного мировоззрения. Университет допускает в свои программы науки утилитарного значения постольку, поскольку они находятся в тесной зависимости от наук философских и вызываются объективной потребностью современности» [8].

Коллектив вуза приступил к разработке учебных планов и программ. При составлении этих основополагающих для учебного заведения документов были изучены и приняты к сведению программы ведущих отечественных университетов (при этом учитывались изменившиеся социально-экономические условия), соблюдались указания Наркомпроса, отражались региональные особенности, был использован опыт Пролетарского университета.

Учебный план было признано целесообразным распределить по двум основным областям знания, осуществляя обучение по гуманитарному и естественно-научному циклам. Такое распределение было обосновано, в частности, тем, что «научно разработанное мировоззрение слагается из двух главных, связанных между собой и друг друга обосновывающих, но в значительной степени по исследуемому объекту отличающихся друг от друга элементов: учение о человеке и учение о природе» [9].

Руководство университета считало необходимым осуществить дифференцированный подход к организации подготовки специалистов. В связи с этим комиссия по созданию в Орле государственного университета составила несколько объяснительных записок к проектам различных факультетов с учетом их специфики. В частности, в объяснительной записке к проекту факультета естественно-математических наук отмечается, что университет в Орле «будет призван давать сведущих научно образованных специалистов в разных областях утилитарных знаний. Желая поэтому сохранить основной характер Университета как храма чистой науки, с другой же – удовлетворить насущную потребность в научно подготовленных специалистах, проект объединяет дисциплины различного характера под общим названием факультета Естественно-математических наук, включая сюда и такие стремящиеся к автономии группы, как науки медицинские, фармацевтические и др.» [10].

В качестве аргумента в пользу такого объединения были выдвинуты методологические и чисто технические обоснования. «По методологическим основаниям объединение удобно по той причине, что в этом случае преподавание и изучение естественных наук в широком смысле этого слова будет строго координировано между различными отдельными группами и может вестись по единому общему методу, выдвинутому современной оценкой естественных наук в ряду наук вообще. Технически объединение удобно на том основании, что многие из них предполагают значительное число предметов общими для всех групп». [11].

В рамках естественно-математического факультета предполагалось открытие следующих отделений: естественных наук; медицинского; химико-фармацевтического; математического.

Программа этих отделений предполагала изучение следующих дисциплин.

1. Отделение естественных наук: биология, физиология, геология, минералогия, общая ботаника, зоология, география;

2. химико-фармацевтическое отделение: основы химии, фармацевтическая химия, химический анализ;

3. медицинское отделение: сравнительная анатомия, анатомия человека, практическая анатомия;

4. математическое отделение: физика, введение в анализ, астрономия и метеорология, история развития физико-математических знаний.

Авторы проекта гуманитарного факультета считали, что в область гуманитарных наук должно входить все то, что в широком смысле этого слова относится к человеку, к проявлениям его творчества во всех областях духовной и материальной культуры.

Область гуманитарных наук была разделена на три основные группы.

1. Творчество в области филологии (языка и литературы) с дополнительным изучением процесса исторического и культурного развития. Предполагалось, что данное направление будет развиваться в рамках историко-филологического отделения.

2. Творчество в области социальных форм

и правовых отношений (социально-правовое отделение).

3. Творчество в области создания экономических ценностей (экономическое отделение).

Внутри каждого отделения рекомендовалось создавать так называемые подотделы, которые должны были давать законченную специализацию. Так, в рамках историко-филологического отделения предполагалось обучение в следующих подотделах: языкознания; литературы; истории и истории культуры; философии.

Социально-правовое отделение, основной задачей которого декларировалось «исследование форм и принципов межчеловеческого общения», предусматривало организацию двух подотделов: социологического и правового.

Экономическая наука, согласно проекту, выделялась в особую группу по двум причинам: «во-первых, потому что современная действительность ясно указывала на огромную роль экономического факультета в культуре и истории человечества, во-вторых, потому что очередной проблемой культуры в настоящее время является философское значение экономического принципа (теория экономического материализма)» [12].

Учебные планы предполагали изучение широкого круга дисциплин. Так, в протоколе заседания Совета филологического отделения Орловского государственного университета от 13 декабря 1921 года приведен учебный план отделения языка и литературы, который включает такие дисциплины, как психология, элементы психологии народов, греческий автор, латинский автор, история русской литературы XIX века, история России, история искусств, античная история, история западно-европейской литературы, история Западной Европы [13].

В 1921 году вышло Постановление Совнаркома, которое устанавливало общий научный минимум, обязательный для преподавания во всех высших школах РСФСР. В связи с этим в программу преподавания в Орловском государственном университете были введены следующие предметы: Развитие общественных форм, Исторический материализм, Пролетарская революция, Политический строй РСФСР, План электрификации РСФСР и др.

Таким образом, сохранившиеся архивные документы отражают революционный дух эпохи, романтический подъем, творческий посыл, свойственные как студентам с их тягой к знаниям, так и преподавателям, с энтузиазмом взявшимся за дело обучения вчера еще неграмотного населения.

Однако объективных препятствий на пути становления высшего образования в первые годы Советской власти в регионах, в том числе на Орловщине, было слишком много для того, чтобы молодое учебное заведение сразу стало университетом в полном смысле этого слова. Красноречивы строки из письма известного специалиста в области истории, философии, культуры, религии, эстетики Матвея Исаевича Кагана, преподававшего в Орловском государственном университете историю философии, который в 1920 году писал М.М. Бахтину: «Мне не совсем ясно, что произошло у вас с Орловским университетом и почему положение Ваше стало там вдруг так плохо. Вообще, мне кажется, что вы слишком требовательны к русскому провинциальному Университету. Конечно, Орловский университет – авантюра, это ясно было с самого начала и не могло быть иначе; но, уверяю Вас, что авантюрой по существу являются все без исключения русские провинциальные Университеты, и это совершенно неизбежно, ибо настоящих академиков в России не хватает и на столичные Университеты <…> . Нечто похожее на академическую среду можно было найти только в столицах, но теперь и там ее нет. Так же печально дело обстоит и с аудиторией; если вам удалось составить хотя бы маленький кружок основательных слушателей, то лучшего в России при современных условиях и желать нельзя». [14, с. 67].

Всего спустя два года – в 1921 году Отдел Высших учебных заведений Главпрофобра включил Орловский государственный университет в число университетов, намеченных к закрытию, и вскоре данное высшее учебное заведение было закрыто. Завершился начальный этап становления высшего образования на Орловщине, уроки которого были учтены впоследствии.

Библиографический список

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXIX. Орловская губерния. М.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел /под ред. Н.А. Тройницкого, 1903. // Государственный архив Орловской области (ГАОО).

2. ГАОО.(Ф. 486, Д.3, Л.1 (об.).

3. ГАОО. Ф. 486. Д. 36. Л.1.

4. ГАОО. Путеводитель, тр. 174 /Документальные материалы, раскрывающие деятельность пролетарского университета за 1918-1920 годы).

5. ГАОО. Ф.484, Д.1, Л.51.

6. ГАОО, Ф.1087, Д. 55. Л. 3.
7. ГАОО, Ф.485, Д. 1. Л. 91.
8. ГАОО. Ф. 1087, д.55. л. 6.
9. ГАОО. Ф. 484. Д. 1. Л. 73.
10. ГАОО. Ф.484. Д.1. Л.75.
11. ГАОО. Ф.484. Д.1. Л.75.
12. ГАОО.Ф.1087. Д.55. Л. 9.
13. ГАОО. Ф.484, Д.8, Л. 2.
14. Диалог. Карнавал. Хронотоп. Научный журнал. 1992. №1. Витебск.

L.A. LUKINA

THE ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION IN THE ORYOL REGION

The article is devoted to the history and development of the higher education in the Oryol region by example of the first higher educational establishments: Oryol Proletarian University and Oryol State University. The main issues being analysed are the preconditions of foundation of these two universities, organization of the studying process, grounds on which the functioning of the universtities was ceased.

Key words: ***literacy rate, higher education, curriculum, syllabus, teaching staff.***

Н.Е. ЛЫСЕНКО
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Орёл ГАУ
E-mail: n.lysenko@inbox.ru
Тел. 8 910 205 28 50, 8 953 618 83 68

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ УЧЕБНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются понятия «информационная компетенция», «коммуникативная компетенция», «учебные Интернет-ресурсы», раскрывается их взаимосвязь, излагаются результаты экспериментальной методики по формированию информационной компетенции при обучении русскому и иностранному языкам.

Ключевые слова: ***информационная компетенция, коммуникативная компетенция, учебные Интернет-ресурсы, умения поиска учебной информации, умения перевода, умения самообразования.***

Согласно образовательным стандартам нового поколения, информационная компетенция вошла в перечень базовых компетенций, которые обеспечат готовность выпускника вуза быть конкурентоспособным и востребованным на рынке труда современного информационного общества. Развитие информационной культуры является одной из задач современного образования. В результате изучения русского и иностранного языков студент должен знать основные ресурсы, с помощью которых можно эффективно восполнить имеющиеся пробелы в языковом образовании (типы словарей, справочников, компьютерных программ, информационных сайтов сети Интернет, текстовых редакторов и т.д.) и владеть ими. В области чтения понимать основное содержание блогов, веб-сайтов; в области письма поддерживать контакты при помощи электронной почты, выполнять письменное оформление презентаций. Повышенный уровень речевой компетенции в разделе «Аудирование и чтение» предполагает понимание нелинейных текстов (таблиц, схем, графиков, диаграмм, карт, гипертекстов, социальный Интернет, чаты), поиск информации с целью продолжения образования, в том числе и сети Интернет.

При изучении иностранного языка в условиях отсутствия естественной языковой среды формирование информационной компетенции становится особенно актуальным. С точки зрения Е.Н. Соловоовой [5, С.22], информационную компетенцию можно определить как совокупность готовности и потребности работать с современными источниками информации в профессиональной и бытовой сферах деятельности, что предполагает формирование следующих умений:

1. находить нужную информацию с помощью различных источников, включая современные мультимедийные средства и сеть Интернет:
   – пользоваться электронной почтой;
   – работать с двуязычными электронными каталогами в библиотеках;
2. определять степень достоверности / новизны / важности информации;
3. обрабатывать информацию в соответствии с ситуацией и поставленными задачами;
4. архивировать и сохранять информацию;
5. использовать информацию для широкого спектра задач (создание презентаций, блогов, онлайн дневников, видеороликов).

Несомненно, информационная и коммуникативная компетенции соотносятся между собой. Каким образом? Коммуникативная компетенция рассматривается как ведущая и стержневая, т.к. именно она лежит в основе развития информационной компетенции. Развитие коммуникативных умений происходит в тесной связи с информационными умениями, готовностью к решению проблем одновременно на родном и на иностранном языке в единой логике. Как уровень знаний не всегда соотносим с уровнем практических умений, так и уровень умений не всегда однозначно синонимичен уровню компетенции. В основе любой компетенции лежат знания, умение их использовать, но компетенция отличается от умений тем, что всегда сопряжена с психологической готовностью к сотрудничеству и взаимодействию в процессе решения различных проблем, с наличием определенных морально-этических установок и качеств личности.

Согласно образовательному стандарту, к коммуникативным умениям выпускника вуза относится создание текстов разных функциональных типов, принятых в современной бытовой и профессиональной сферах устной и письменной коммуникации на родном и иностранном языках. Среди информационных умений наиболее важны умения

© Н.Е. Лысенко

обработки и оценки информации. Без них собранная информация будет представлять собой громоздкий и бессмысленный груз. Это сложные, комплексные умения, которыми не все студенты обладают в достаточной мере и которые нужно целенаправленно формировать. Так, одним из условий формирования коммуникативных умений Е.Н. Соловова считает создание эффективной системы многоуровневого языкового контроля. Для диагностики уровня развития информационных умений, в частности, готовности, потребности и способности работать с информацией, Е.Н. Соловова предлагает ответить на ряд вопросов:

вы знаете, как / можете / реально пробовали / хотите научиться:

– не выходя из дома, узнать репертуар театров / расписание движения поездов, самолетов, автобусов в нужном вам направлении / условия проживания и оплаты в России и за рубежом и т.д.;

– самостоятельно найти нужную информацию в сети Интернет, даже если у вас нет точного адреса сайта;

– найти информацию о получении научных грантов, стажировок, международных стипендий и проверить степень достоверности этой информации;

– найти информацию о постоянных или временных рабочих вакансиях, устраивающих вас в настоящий момент;

– защитить свои авторские права и т.д.

Следует отметить, что в настоящее время умение быстро находить в Интернете нужную информацию ценится высоко и всячески поощряется. Например, компания Яндекс проводит специальные соревнования – Открытый кубок России по поиску в Интернете. Д. Рябов рассматривает информационные умения в контексте информационного поведения личности [4, С.111] и анализирует поведение по следующим показателям:

– выбор источника информации;

– регулярность обращения к нему;

– объем времени, затрачиваемый на потребление информации;

– действия, обусловленные влиянием полученной информации.

Интенсивность потребления информации зависит от ее ценностного содержания. Э.С. Матосов [3, С.121] рассматривает информационно-коммуникационную компетенцию в четырех аспектах:

1. в аспекте познавательной деятельности,
2. в аспекте коммуникативной деятельности,
3. в технологическом аспекте,
4. в сфере социальной деятельности.

Информационная компетенция в сфере познавательной деятельности включает знание основных этапов системно-структурного анализа, владение основными интеллектуальными операциями анализа, синтеза, обобщения, выявления причинно-следственных связей. Компетенция в сфере коммуникативной деятельности включает знание современных средств коммуникации и каналов связи; владение основными средствами телекоммуникаций (электронная почта, чат, форум, ICQ, видео-веб-конференции, социальные сервисы), знание этических норм общения. Технологическая компетенция включает знание автоматизированных технологий информационной деятельности, умение выявлять основные этапы и операции в технологии решения задачи. Автор акцентирует внимание на таких характеристиках информационно-коммуникационной компетенции, как уважение прав других, ответственность за достоверность информации в социальной сфере.

П.В. Сысоев**,** М.Н. Евстигнеев [6] считают, что уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции учащихся зависит не только от умения общаться на иностранном языке при личном присутствии участников общения, но и от умения общаться посредством сервисов и служб сети Интернет. Информационные умения, по мнению авторов, включают:

– коммуникативно-когнитивные умения осуществлять поиск и отбор информации, производить её обобщение, классификацию, анализ и синтез;

– коммуникативные умения представлять и обсуждать результаты работы в ресурсах сети Интернет;

– умения использовать ресурсы сети Интернет и социальные сервисы Веб 2.0 для образования с целью знакомства с культурно-историческим наследием стран, выступая в качестве представителей родной культуры.

Однако наличие доступа к сети Интернет не является гарантом быстрого и качественного языкового образования. Как показывает практика, обучаемые зачастую не могут найти актуальную научную информацию в англоязычном Интернете, не различают источников научной и научно-популярной литературы, некорректно редактируют текст и т.д. Поиск англоязычной информации занимает много времени. Более того, методически неграмотное построение работы обучающихся в сети Интернет ведет к формированию ложных стереотипов о культуре страны изучаемого языка, расизма, ксенофобии. Поэтому П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев подчеркивают необходимость создания учебных Интернет-ресурсов, под которыми понимают «текстовые, аудио-и-визуальные материалы по

различной тематике, направленные на формирование иноязычной коммуникативной компетенции и развитие коммуникативно-когнитивных умений обучающихся осуществлять поиск, отбор, классификацию, анализ и обобщение информации» [6, С.42]. Учебные Интернет-ресурсы создаются для учебных целей. Основным отличием между учебными Интернет-ресурсами на бумажном носителе и размещаемыми в сети Интернет является работа с ссылками на Интернет-сайты. М.А. Бовтенко описывает компьютерную лингводидактику, которая является «областью лингводидактики, изучающей теорию и практику использования компьютеров в обучении языку» [1, С.7]. Ученый проводит тщательный анализ дидактического материала, в зависимости от этапа работы выделяя презентационные, тренировочные, тренировочно-контролирующие, контролирующие и комплексные компьютерные учебные материалы. М.А. Бовтенко описывает несколько типов программ, эффективность которых для изучения языка доказана практически:

– обучающие программы, в которых студент выполняет упражнения;

– «офисные программы», предназначенные для работы с документацией (текстовые процессоры, базы данных, электронные таблицы);

– библиотечные программы, позволяющие работать с информацией (библиотечные каталоги, программы просмотра данных);

– «домашние» программы (игры);

– программы для самостоятельного изучения языка (self-study package);

– программы, предназначенные для практического использования без акцента на изучение языка (программа деловой переписки Lingua write);

– инструментальные программы, позволяющие преподавателю создавать компьютерные дидактические материалы, ориентированные на конкретные группы обучающихся;

– комплексные программы (редактор текста со встроенной программой проверки орфографии; справочные программы по языку – словари и энциклопедии).

Среди учебных компьютерных материалов автор выделяет:

– компьютерные пособия на основе существующих учебных пособий и комплексов – печатных аудио / видеокурсов;

– учебные комплекты, компонентом которых является компьютерный учебный материал или программа;

– печатные пособия, включающие задания с использованием материалов компьютерных программ и ресурсов Интернета;

– печатные учебные пособия, включающие поиск в Интернете;

– печатные комплексы открытого типа, в структуру которых входит веб-сайт, на котором обновляется содержание учебного курса.

В англоязычной литературе описано пять видов учебных Интернет-ресурсов: хотлист (hotlist), мультимедиа скрэпбук (multimedia scrapbook), трежа хант (treasure hunt), сабджект сэмпла (subject sampler), вебквест (webquest) [6, С.49). Hotlist – список Интернет-сайтов с текстовым материалом по изучаемой теме. Multimedia scrapbook – мультимедийный черновик – содержит коллекцию мультимедийных ресурсов, ссылки как на текстовые сайты, так и на фото, аудиофайлы, видеоклипы, графическую информацию, анимационные виртуальные туры. Treasure hunt – охота за сокровищами – содержит ссылки на различные сайты с фактическим материалом по изучаемой теме. Каждая из ссылок включает вопросы по содержанию сайта на целостное понимание темы, кроме того, subject sampler – ссылки на текстовые и мультимедийные материалы сети (фотографии, аудио-видео-клипы, графическая информация). После изучения каждого аспекта темы обучающимся необходимо ответить на вопросы, касающиеся социально-заостренных и дискуссионных тем. Обучающимся необходимо не просто ознакомиться с представленным материалом, но и выразить и аргументировать свою точку зрения по тому или иному вопросу. Webquest – «Интернет-проект» – самый сложный тип учебных Интернет-ресурсов, включающий сценарий организации проектной деятельности по любой теме с использованием ресурсов сети Интернет. Он содержит компоненты четырех указанных выше Интернет-ресурсов и предполагает проведение проекта с участием всех студентов.

Информационная компетенция предполагает знание и соблюдение правил этикета коммуникаций: этикет работы в компьтерных сетях, этикет пользования электронной почтой, этикет телеконференций. В настоящее время появился специальный термин для обозначения правил сетевого этикета – нетикет [2, С.190]: netiquette – производное от net – сеть и фр. etiquette – этикет. Широкая общественность Интернета активно поддерживает правила сетевого этикета. Пользователи сети, нарушающие нетикет, могут получать по электронной почте предупреждения, указывающие на ошибки в их поведении. По сравнению с речевым этикетом в нем есть свои особенности. Например, работая на компьютере, не надо «лазить» по чужим каталогам, это так же неприлично, как читать чужие письма. Если на вашей веб-странице размещается

много графической информации, видеоматериалов, предусмотрите возможность выбора пользователем режима упрощенного просмотра страницы. Адрес страницы должен быть максимально короток и понятен. Следует указывать дату последнего обновления страницы, что важно для её посетителя. При электронной переписке не следует злоупотреблять заглавными буквами. Считается, что слова, написанные в верхнем регистре, соответствуют крику в повседневном общении. Для выделения слова лучше поставить перед ним и за ним символы (звездочки), вынести его в отдельную строку. Общее количество символов в каждой строке не должно превышать семидесяти, т.к. именно такое количество символов умещается на экране стандартного монитора в текстовом режиме и позволит избежать некрасивого переноса слов. В электронной почте краткость более уместна, чем излишняя литературность и эмоциональность. От размера сообщения зависит скорость его пересылки. Отвечать на электронное письмо принято сразу по его прочтении, если время не позволяет, это можно сделать и позже, но обязательно в тот же день. В неофициальных письмах можно использовать англоязычные акронимы-аббревиатуры, например: TNX (thanks) – спасибо, 4U (for you) – для вас, ASAP (as soon as possible) – как можно быстрее. Используя данные сокращения, вы должны быть уверены, что получатель письма знаком с ними. При пересылке русскоязычных сообщений за границу их следует писать латинскими буквами с соблюдением принятой транскрипции русских слов, например: Mihail Alekseevich.

При обмене мнениями в международных телеконференциях следует учитывать культурные традиции стран. Так, дата 03.02.03 в России будет прочитана как 3 февраля 2003 г., а в США – как 2 марта 2003 г. Не следует включать в свои сообщения цитаты, непонятные другим участникам общения, в противном случае их следует объяснить. Если возможность общаться с участниками телеконференции отсутствует, следует отменить подписку на телеконференцию.

В 2010-2011 гг. на основе изученного теоретического материала и практического опыта была разработана анкета и проведено анкетирование студентов, магистрантов и аспирантов неязыкового вуза с целью выявления уровеня сформированности информационной компетенции при изучении русского и иностранного языков. Анкета включала следующие вопросы:

1. Какими Интернет-ресурсами, обучающими программами на русском и английском языках вы пользуетесь при изучении языковых предметов, специальности и написания магистерской / кандидатской диссертации?

2. Какую поисковую систему вы предпочитаете и почему?

3. Как вы оцениваете качество информации в Интернете?

4. Какие Интернет-ресурсы вы предпочитаете: веб-сайт, блог, видеоролик, форум / чат / телеконференция и т.д.? Почему?

5. Пользовались ли вы когда-либо электронными библиотеками?

6. Какие предложения по использованию Интернет-ресурсов для обучения языку вы бы внесли?

В анкетировании приняли участие:

– 93 студента 1-3 курсов;
– 68 магистрантов;
– 22 аспиранта.

Полученные в результате проведенного анкетирования данные были проанализированы и систематизированы. Магистранты в основном используют Интернет-ресурсы для поиска информации по теме магистерской диссертации. Сайты www.language.ru, www.economist.ru, www.prompt.ru, большой экономический словарь с информацией по теме специальности оказались наиболее востребованными (65%). Количество популярных обучающих языковых программ оказалось незначительным: переводчик Google, словари word.reference.com, словари Яндекс (35%). Критерии качества оценки информации следующие: популярность источника, интересность и доступность информации (72%); надежность источника, например, сайт известного журнала (16%), отсутствие рекламы (12%). Обучаемые обращают внимание на такую функцию антивирусной программы, как фильтрация сайтов для ребенка. Отмечают, что 70% запрашиваемой информации повторяется. Наиболее востребованная поисковая система – Яндекс (доступность, скорость предъявления, качество информации) (63%); на II месте Google – за достоверность информации и отсутствие рекламы (37%). Магистранты отдают предпочтение форуму как наиболее интересной форме общения, т.к. в нем высказывается множество мнений по разным вопросам (35%); сайту, т.к. в нем удобно искать информацию (65%). Обучаемыми были внесены следующие предложения: 1) увеличить количество ссылок на сайты англоязычных литературных источников (55%); 2) проводить он-лайн конференции с магистрантами на русском и иностранном языках для обмена опытом (20%); 3) проводить занятия по Skype (15%); 4) расширять формы и методы дистанционного обучения (10%).

В качестве учебных Интернет-ресурсов аспиранты отмечают русскоязычный «Портал аспиран-

тов», в котором представлена информация и ссылки на литературу для аспирантов. Среди англоязычных ресурсов им наиболее известны сайт центрального университета Огайо, посвященный биологическим наукам (ohioline.osu.edu), венгерский Интернет-журнал о проблемах экологии ecology.uni-corvinus.hu (5%); журнал для экономистов economist.ru (48%). Тем не менее вместо узкоспециальной научной литературы аспиранты часто обращаются к научно-популярной литературе, например, Википедии (47%). Для перевода используют программы PROMPT Professional 9.0 (65%) и ABBY Lingvo 12 (35%). Типичными ошибками при использовании таких программ являются пунктуационные и речевые ошибки в переводах текстов. Аспиранты считают, что научные статьи необходимо «выкладывать» на сайт для обмена научной информацией. Они подчеркивают необходимость использования программных продуктов на иностранном языке для совершенствования языковых знаний.

Студенты первого курса отвечали более детально. При переводе текстов первокурсники используют Интернет-словарь ABBYLingvo (17%), Интернет-переводчики: www.multitran.ru (23%), www.translate.ru (60%). Среди электронных энциклопедий популярны lingvisto (30%), википедия.ru (70%). Студенты используют обучающие сайты, где можно найти online-уроки, форумы: Study.ru (22%), My-English.org (словари, помощники запоминания) (10%), www.native-english.ru (теория и практическое использование английского языка) (30%). Ресурсы www.learn-english.ru, homeenglish.ru включают разговорный курс, но требуют скачивания (15%). Сайты www.engspace.narod.ru, www.enhome.ru (грамматика, видеоуроки, словарь, книги, раздел «общение с носителями языка») более полезны в обучении, но менее популярны (12%). Сайт http://abc-english-grammar.com содержит комплекс, доступный для скачивания (1%), www.langled.com – упражнения, тексты, аудиокниги (2%). На сайте www.engblog.ru опубликованы статьи об английском языке, разбираются интересные варианты использования английских слов (5%). Ресурс study.ru включает форум по изучению английского языка. Сайт English.language.ru помогает изучать английский через тесты, игры, содержит полезную информацию по страноведению на русском языке (2,5%). На ресурсах LearnWords, LingualLeo.ru, www.langled.com размещена реклама обучающих программ, требуется регистрация пользователя, многие ссылки не работают (0,5%).

Для изучения **русского языка** используют сайты: www.gramota.ru (справочно-информационный портал: проверка орфографии, онлайн словари, конкурсы) (57%), www.russian on-line.ru, vseslova.ru (несколько толковых словарей) (10%), slovari.yandex.ru (14%), academic.ru (10%), www.gramma.ru – сайт посвящен культуре письменной речи; www.educentral.ru – российский образовательный портал (7%). Сайт project-modelino.com предназначен для иностранцев, желающих изучить русский язык (1%), rulinguistic – учебно-методический ресурс; russianedu – изучение русского языка как иностранного; на сайте urokirus.com/online/ размещены статьи о русском языке и его истории (1%).

Студенты отмечают, что качественную, отобранную специалистами информацию можно найти в специальных тематических каталогах Интернета: Yahoo Directory, About.com, Яндекс Каталог (12%). Негативной стороной таких каталогов является малое количество инфоресурсов и большой процент устаревшей информации. Качественная информация также представлена на сайтах, указанных в учебных изданиях (25%), Интернет-библиотеках (20%). Отмечают, что необходимо обращать внимание на дату информации (15%). «Не стоит доверять информации, содержащейся на сайтах с доменами третьего и более уровня. Стоит доверять сайтам, чье название схоже с запрашиваемой тематикой. Обычно они располагаются на доменах второго уровня: ru, org, com» (1%). В анкетах у студентов встречаются следующие формулировки: «информацию нужно тщательно выбирать» (9%), «однозначно к качеству информации в Интернете относиться нельзя, т.к. она имеет свой срок годности» (8%), «смотрю информацию по нескольким сайтам» (10%).

Более привычной для студентов является поисковая система Яндекс (44%), среди «плюсов» которой отмечены удобная стартовая страница, ненавязчивая реклама, новости, почта, счет, развлечения; Google предоставляет больше возможностей для обработки и скачивания информации (35%). Студенты знакомы с другими поисковыми системами Mail.ru, Rambler, Bing, Yahoo!, но менее активно используют их (21%). В 28% работ обучаемых был представлен сравнительный анализ поисковых систем: «Каждая поисковая система мне нравится по-своему. Google и Яндекс обладают самыми большими базами по русскому Интернету. Для поиска графических изображений в Яндекс отводится отдельный раздел. Rambler является для меня самым привычным. На Rambler есть специальная форма для поиска файлов. Mail содержит обновленную базу файлов-поисковиков»; «Существует много поисковых систем: Mail.ru, Rambler, Bing, Yahoo! и другие. Яндекс, на мой взгляд, самая надежная система. Она входит в «десятку» самых востребо-

ванных систем в мире. Слоган Яндекс – «найдется все!». Каждый выбирает поисковую систему, наиболее удобную для себя»; «Вот наиболее известные поисковые системы: Yandex – 54, 8267%; Rambler – 21, 7645%; Google – 15, 6207%; Mail – 4,5466%; Aport – 1, 5788%. Каждая поисковая система имеет свои преимущества. При поиске некоммерческой информации удобнее использовать Google, коммерческой – Yandex, Rambler. Мне нравится поисковая система Google из-за высокой скорости поиска и при внесении ключевых слов не требуется использования кавычек, заглавных букв». «Различия между Яндексом и Гуглом состоят в алгоритме поиска. Яндекс учитывает сайты, которые содержат уникальную и достоверную информацию. Сайты, которые имеют дубликаты статей, будут располагаться ниже в поисковой выдаче. Таким образом формируется ТИЦ – тематический индекс цитирования. Соответственно, сайты с оригинальным контентом лучше ранжируются. В Гугле большую роль играют обратные ссылки, т.е. ссылки со сторонних сайтов. При поиске мне важна актуальность, надежность и правильность данных». Также были ответы типа: «Не хватает времени освоить новую поисковую систему» (13%); «привык пользоваться одной поисковой системой» (12%), «яндекс, гугл, реже – мэйл» (37)%, «рамблер, бинг, яндекс» (10%).

Наиболее интересной формой предъявления информации являются сайты (55%), видеоролики (20%), т.к. в них удобная и запоминающаяся подача информации, визуально лаконична, есть полезные ссылки; сайты, построенные на wiki-движке из-за структурированной информации (1%). Блоги предпочитают 10% опрошенных, т.к. «в блогах идет постоянное обновление информации в хронологическом порядке, что позволяет следить за новостями»; картинки, на которые наложен текст (5%), тематические форумы (9%).

Популярными социальными сетями являются «vkontakte» (35%) с приложениями словарей, переводчиков, тематическими группами для изучения языка; «Одноклассники» (21%), социальная сеть Linguanet (5%), ICQ с I-Bot/переводчиком (32%). Для более интенсивной практики имеют страничку в международном «Twitter» 4% студентов, в сети Facebook 3% обучаемых: «здесь диалог интересен тем, что никто на 100% не владеет английским языком, мы узнаем отличия языка в разных странах». Встречаются ответы такого плана: «Иностранный язык в сети я не использую, т.к. нет друзей за рубежом, но хотела бы».

Проведенный анализ результатов анкетирования позволяет сделать следующие выводы:

1. 1.1. Основные поисковые системы, которыми пользуются студенты, магистранты, аспиранты, – Яндекс, Google.

1.2. Только 28% обучаемых знакомы с правилами поиска информации и отличиями между поисковыми системами.

1.3. 65% магистрантов и 47% аспирантов испытывают затруднения при поиске иноязычной научной информации в Интернете.

2. Обучаемые оценивают информацию преимущественно по 2-3 критериям: дате размещения информации, отсутствию рекламы, статусу источника.

3. Предпочтения в оформлении информации зависят от возраста аудитории: студенты младших курсов предпочитают сайты, видеоролики, картинки; аспиранты и магистранты – блоги, порталы, форумы, телеконференции.

4. При обучении языковым дисциплинам обучаемые пользуются преимущественно сетевыми словарями и переводчиками.

Таким образом, проведенное анкетирование подтверждает необходимость в постоянной и последовательной работе по формированию информационной компетенции как среди студентов, так и среди аспирантов, магистрантов. Для совершенствования умений поиска и обработки информации в Интернете была разработана методика развития информационной компетенции обучающихся, которая позволяет решать следующие задачи:

1. Сокращает время поиска учебной информации при выборе нужной для выполнения задачи поисковой системы и использования правил поиска информации.

2. Позволяет производить комплексный анализ качества учебной информации в Интернете.

3. Ликвидирует пробелы в знании русского и английского языков путем использования учебных Интернет-сайтов.

4. Расширяет знания Интернет-ресурсов по специальности и вырабатывает умение редактировать текст, создавать презентации.

Методика развития информационной компетенции

I. Развитие умений поиска информации

1.1. Как быстро найти нужную информацию в Интернете? Ознакомьтесь с правилами поиска информации на сайте www.google.ru/support/bin/static (searchguides). Найдите дополнительную информацию и отличия в правилах поиска информации на русском и английском языках в других поисковых системах. Запишите правила в таблицу.

Правила поиска информации/ Поисковая система/ Информация на русском и английском языках	Yandex	Google	Rambler	Google Scholar	Mail
Ключевая фраза: Автомобилестроение в России/Automobile industry in the USA					

1.2. Согласитесь или опровергните утверждения.

Google – широкий выбор Интернет-сайтов для учебных и академических целей

Google Scholar (www.scholar.google.com) – сайты академической направленности

Yandex – самая популярная российская поисковая система

Mail – поисковая система для общего поиска

Rambler – поисковая система для общего поиска

Alta Vista – традиционный поиск

Yahoo! – тематический поиск

Найдите дополнительные отличия между поисковыми системами Yandex, Google, Google Scholar, Rambler, Mail, другими поисковыми системами. Для этого выберите интересующую вас учебную тему и введите ключевое слово в поисковую систему. Сравните результаты поиска. Какая поисковая система предложит наибольшее количество материала для учебных целей? Какая наиболее полезна и почему?

1.3. Используя различные поисковые системы и правила поиска информации, найдите ответы на следующие вопросы. Укажите, в какой поисковой системе вы нашли ответ, сколько попыток предприняли. Заполните таблицу.

Вопрос	Поисковая система	Ключевое слово/фраза	Количество попыток	Ответ
Сколько комнат в Букингемском дворце?				
When was Great Fire in Britain?				

II. Развитие умений оценки информации

2.1. Является ли выбранная информация качественной? По каким критериям вы ее оцениваете? Заполните таблицу «Критерии оценки информации».

Содержание сайта **Надежность информации**	Для кого предназначен данный сайт? Какая цель Интернет-страницы? Какую информацию содержит? Какова ценность данного источника по сравнению с другими источниками? Насколько полная информация, представленная на сайте? Каков критерий отбора ссылок, представленных на сайте? Позволяет ли информация сайтов, на которые выводят ссылки, создать целостное впечатление по изучаемому вопросу? Есть ли доступ к мультимедийным ресурсам? Насколько доступна информация по манере изложения? В чем ценность информации данного сайта?
Источник и данные **Актуальность информации**	Кто является автором данного сайта? Насколько авторитетны разработчики сайта? Насколько разработчики владеют информацией по данной проблеме? Кто является спонсором сайта, как это отражается на его содержании? Когда была размещена информация на сайте? Текст оригинальный или адаптированный? Когда было выполнено последнее обновление? Насколько свежими являются ссылки? Есть ли ненадежные или нерабочие ссылки? Есть ли контактная информация для связи с разработчиком сайта?
Структура сайта	Как выглядит графический дизайн сайта? Насколько иконки выражают содержание? Соответствует ли написание текста правилам правописания и грамматики? Насколько этот сайт используем? Есть ли прямые ссылки на поисковые системы? Не перенасыщен ли сайт мультимедийными ресурсами?

Проанализируйте информацию на сайтах www.wunderland.com www.eslgold.com/listening/links. html по критериям, обозначенным в таблице. Найдите примеры сайтов с качественной и некачественной информацией по специальности. Обоснуйте свое мнение.

III. Развитие умений перевода

3.1. Какие сетевыми словарями по русскому и иностранным языкам вы пользуетесь? Заполните таблицу.

Тип словаря	Русско-английский	Англо-русский	Англо-английский	Терминологический	Словарь синонимов	Другие словари
Сайт						

Зайдите на сайты www.multitran.ru, www.onelook.com, http://word.web.info/WW2, www.lingvo.ru, http//www.multilex.ru/online.htm, www.lingvoda.ru, www.gramota.ru. К какому типу относятся эти словари? Результаты запишите в таблицу.

3.2. Переведите два отрывка текста с английского языка на русский и наоборот при помощи переводчиков Google, Yandex, www.translator.ru, www.prompt.ru, других переводчиков. Заполните таблицу.

Тип переводчика	Google	Yandex	Prompt	Translator	Другие сетевые переводчики	Ваша оценка качества перевода
Исходный отрывок текста на русском языке						
Исходный отрывок текста на английском языке						

3.3. Какими сетевыми энциклопедиями вы пользуетесь? Заполните таблицу и найдите отличия между ними.

Энциклопедия/ Вопрос	Wiki	www.infoplease.com	Lingvisto	Другие энциклопедии (укажите)	Энциклопедия по специальности (укажите)	Ваша оценка
Что такое инновации?						
Combines						

IV. Развитие умений самообразования

4.1. Изучите содержание сайтов www.ello.org, www.talkenglish.com, http://voanews.com/specialenglish, www.npr.org, www.classicfairytales.com, www.educentral.ru, www.gramota.ru, http://sharedtalk.com, www.fepo.ru, www.toefl.ru, www.subwaynavigator.com, www.linguawrite.ru. Выберите сайты, развивающие различные аспекты языка. Найдите сайты на русском и английском языках, которые содержат информацию по специальности. Заполните таблицу.

Аспект языка	Фонетика (произношение, речевой слух)	Правописание	Словарный запас	Специальность	Практика общения	Оценка своих знаний
Адрес сайта						

Методика развития информационной компетенции была апробирована на студентах экспериментальной группы, в которую вошли обучающиеся 1-3 курсов экономического факультета (178 человек). В контрольную группу были включены студенты 2 курса факультета агротехники и строительства (10 человек), студенты факультативных курсов (5 человек), магистранты (48 человек), аспиранты (15 человек). Эксперимент проводился в течение 2010-2011 г.г. на базе ОГАУ. Испытуемые выполняли предложенные задания самостоятельно.

Затем для оценки эффективности методики обучаемым предлагалось найти в Интернете актуальную информацию по специальности на английском языке, перевести ее на русский язык, отредактировать (проверить правописание и стилистику), принять участие в Интернет-конференции, провести презентацию на английском языке в группе. Студенты экспериментальной группы затратили на 1/3 меньше времени на поиск информации по специальности, выполнили стилистически и орфографически верный перевод, отправили доклад на Интернет-конференцию, провели презентацию в группе. Разница в количестве затраченного времени по сравнению со студентами контрольной группы составила 15% за счет использования правил поиска и критериев оценки информации, сетевых словарей. Таким образом, предложенная методика развития информационной компетенции позволяет повысить информационную компетенцию учащихся на 15%.

Библиографический список

1. *Бовтенко М.А.* Компьютерная лингводидактика. М.: Флинта: Наука, 2005. 216 с.
2. *Кузнецов И.Н.* Современный этикет. М.: Дашков и К, 2009. 496 с.
3. *Матосов Э.С.* Формирование ИКТ-компетенций в непрофильном вузе. Информатика и образование. 2009. № 5. С. 121.
4. *Рябов Д.А.* Аудитория как объект информационного и образовательного воздействия средств телекоммуникации. Информатика и образование. 2009. № 3. С. 111.
5. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс. М.: Астрель, 2008. 271 с.
6. *Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.* Методика обучения иностранным языкам с использованием новых информационно-комуникационных Интернет-технологий. Ростов н/Д: Феликс; М.: Глосса-Пресс, 2010. 182 с.

N.E. LYSENKO

FORMATION OF STUDENTS' INFORMATION COMPETENCE BY MEANS OF EDUCATIVE INTERNET-RESOURCES IN ENGLISH AND RUSSIAN

The issues of information and communicative competences, educative Internet-resources are considered in the article. The methodology to develop information competence enables students to evaluate the quality of information appropriate for language studies.

Key words: ***information competence, communicative competence, educative Internet-resources, skills to search educative information, skills to translate, skills to self-educate.***

М.В. МАРТЫНОВА
преподаватель кафедры социальной работы и психолого-педагогических наук Орловского государственного института искусств и культуры
E-mail: mariya19852704@yandex.ru
Тел. 8 920 287 50 87

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ РАБОТНИКОВ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА УРОВНЕВУЮ СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ)

В статье анализируются изменения, происходящие в сфере подготовки работников системы социальной защиты населения в связи с переходом на уровневую систему высшего профессионального образования. Рассматриваются вопросы формирования социально-культурной компетентности студентов направления подготовки «Социальная работа» (на примере Орловского государственного института искусств и культуры).

Ключевые слова: ***компетентность, компетенции, компетентностный подход, система социальной защиты населения, социально-культурная деятельность.***

В контексте идущей интеграции российских вузов в европейскую систему высшего профессионального образования актуален и востребован компетентностный поход к подготовке работников различных профессий.

Основолагающие идеи данного подхода широко представлены в научной литературе и основываются преимущественно на использовании в системе образования понятий компетентности и компетенций, а также их соотношении.

Сущность компетентностного подхода отражена не только в научно-исследовательской и научно-попоулярной литературе. Переход России на уровневую систему профессионального образования потребовал пересмотра некоторых нормативно-правовых документов и утверждения новых, которые обозначили ведущую роль требований не к конкретным знаниям, а к компетенциям работников и востребованности их личностных качеств.

В соответствии с подписанным Россией Болонским соглашением, с 2010 года в деятельность вузов внедрены стандарты профессионального образования нового поколения.

Этот процесс коснулся и Орловского государственного института искусств и культуры, в том числе направления подготовки «Социальная работа».

ФГБОУ «Орловский государственный институт искусств и культуры» с сентября 2011 г. осуществляет обучение студентов по направлению «Социальная работа» (профиль подготовки «Социальная работа с молодежью») с присвоением квалификации (степени) выпускнику – «Бакалавр». Подготовка ведется на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению 040400 «Социальная работа» и Учебного плана соответствующего направления.

Одновременно продолжено обучение студентов на основе образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 040101 «Социальная работа» с присвоением квалификации «Специалист».

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 «Социальная работа» (квалификация (степень) «бакалавр») определяет не только область, объекты и виды профессиональной деятельности выпускника, профессиональные задачи в соответствии с видами профессиональной деятельности, но и содержит требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата. Данные требования предусматривают владение выпускником общекультурными (ОК) и профессиональными (ПК) компетенциями, причем в системе профессиональных компетенций выделены следующие их группы: социально-технологические, исследовательские, организационно-управленческие и социально-проектные.

Основная образовательная программа бакалавриата предусматривает изучение учебных циклов. Поскольку каждый учебный цикл образовательного стандарта имеет базовую (обязательную) часть и ва-

© М.В. Мартынова

риативную (профильную), устанавливаемую вузом, которая дает возможность расширения и (или) углубления знаний, умений и навыков, определяемых содержанием базовых (обязательных) дисциплин (модулей) и позволяет студенту получить углубленные знания и навыки для успешной профессиональной деятельности и (или) для продолжения профессионального образования в магистратуре, в систему компетенций, определяющих профессиональную компетентность будущего работника социальной сферы, правомерно включить и специальные компетенции, необходимые для выполнения определенной профессиональной деятельности. Их содержание (содержание их инструментальной основы) определяется государственными квалификационными характеристиками и разрабатывается для сотрудников каждого из отделов, отделений. Это знания и навыки, определяющие профессиональные обязанности, уровень владения ими, способность применения их на практике отдельными категориями сотрудников.

Таким образом, система общекультурных, профессиональных и специальных компетенций определяет сущность профессиональной компетентности выпускника высшего профессионального заведения.

Студенту-выпускнику направления подготовки «Социальная работа» в профессиональной деятельности зачастую требуются не только знания в области теории, методики социальной работы, нормативно-правовой базы, психолого-педагогических и возрастных особенностей различных категорий населения, но и знание форм, методов, средств социально-культурной деятельности, специфики их педагогического влияния на личность клиента и определенный практический опыт в планировании программ, разработке сценариев социокультурных мероприятий, умений активизировать клиента на совместную, а также самостоятельную творческую деятельность (например, в рамках работы клубов по интересам, музыкальных и литературных гостиных и др.), т.е. необходима социально-культурная компетентность, что обусловлено спецификой социальной работы как многообразной и многовариативной практикоориентированной деятельности, направленной не только на оказание необходимой психолого-педагогической, социально-экономической, социально-бытовой и другой помощи, но и на организацию досуга людей, удовлетворение их социально-культурных потребностей.

Социально-культурная компетентность выпукников высших профессиональных учебных заведений направления подготовки «Социальная работа» формируется на протяжении всего периода обучения. Особую специфику этот процесс приобретает в вузах искусств и культуры, в частности, в Орловском государственном институте искусств и культуры.

Специальные социально-культурные компетенции формируются в процессе изучения студентами дисциплин, относящихся ко всем циклам образовательного стандарта.

Организация учебно-воспитательного процесса в вузе культуры характеризуется определенной спецификой, что создает возможности для применения нетрадиционных методов обучения, использования творческого подхода к различным их формам. К таким методам можно отнести тренинги личностного роста, рефлексивные игры, групповые дискуссии, конкурсы профессионального мастерства, обеспечивающие диалогический, интерактивный характер обучающего воздействия /6, С.36-37/.

Особое место в формировании социально-культурной компетентности выпускников направления подготовки «Социальная работа» принадлежит дисциплинам творческого характера, в том числе дисциплинам вузовского компонента.

В учебном плане по направлению подготовки «Социальная работа» Орловского государственного института искусств и культуры присутствуют дисциплины, ранее представленные в Учебном плане специальности «Социальная работа»: «Культурно-воспитательная работа с детьми и молодежью», «Игровая деятельность как социальная технология работы с детьми и молодежью», которые относятся к обязательным дисциплинам профессионального цикла вариативной части; «Сценарно-режиссерские основы работы с молодежью» – к дисциплинам по выбору вариативной части.

Наряду с вышеперечисленными, учебный план по направлению «Социальная работа» включает ряд новых дисциплин, отражающих сущность социально-культурной подготовки выпускников: «Организация досуговой деятельности молодежи», «Методика организации зрелищно-игрового досуга детей и молодежи», «Организация социально-культурной анимации и рекреации детей и молодежи», относящихся к блоку дисциплин по выбору вариативной части.

В связи с преобладанием компетентностного подхода в современном образовании, конечным результатом освоения данных дисциплин является уровень сформированности не только общекультурных (ОК) и профессинальных компетенций (ПК), представленных в образовательном стандарте направления подготовки «Социальная работа», но и специальных компетенций.

Так, например, освоение дисциплины «Игровая деятельность как социальная технология работы с детьми и молодежью» (4 зач.ед.), относящейся к третьему блоку профессионального цикла вариативной (профильной) части стандарта, предполагает владение следующими специальными социально-культурными компетенциями:

– готовностью использовать игровую деятельность как социальную технологию в работе с детскими и молодёжными коллективами;

– способностью использовать игровые формы в интеллектуальном, эстетическом, нравственном и патриотическом развитии личности детей и молодёжи;

– способностью грамотно провести игру или другой вид развлечения, применяя способы вовлечения в игру;

– готовностью к использованию умений и навыков по организации игр и конкурсов с детьми и молодёжью на закрытых и открытых площадках;

– способностью к импровизации, принятию решения и использованию технологии игровой деятельности с детьми и молодёжью в неординарных условиях современной социокультурной ситуации.

Дисциплина «Методика организации зрелищно-игрового досуга детей и молодежи» (3 зач.ед.), относящаяся к дисциплинам по выбору третьего блока профессионального цикла, ориентирована на овладение студентами направления подготовки «Социальная работа» следующими специальными социально-культурными компетенциями:

– использование в профессиональной деятельности знания в области теории, организации и методического обеспечения зрелищно-игрового досуга детей и молодежи;

– готовность к разработке и реализации зрелищно-игровых досуговых технологий, учитывающих специфику социокультурного развития общества (сценарное мастерство, специфика постановки, выразительные средства);

– готовность к предоставлению зрелищно-игровых досуговых услуг отдельным лицам и социальным группам;

– готовность решать проблемы клиента путем привлечения специалистов в сфере досуга, мобилизации собственных сил, физических, психических и социальных ресурсов клиента.

Курс «Сценарно-режиссерские основы работы с молодежью» (4 зач.ед.), относящийся к дисциплинам по выбору третьего блока профессионального цикла, способствует формированию следующих специальных социально-культурных компетенций:

– владение навыками написания сценария и постановки культурно-досуговых и шоу-программ для молодёжи;

– способность находить организационно-управленческие решения и нести за них ответственность;

– способность находить новаторские решения в организации и подготовке различных программ для молодёжи;

– умение использовать различные технические средства в декорационном и музыкальном оформлении;

– способность к руководству отделом досуговой деятельности для молодёжи в любом социально-культурном учреждении.

Формирование и развитие социально-культурной компетентности студентов направления подготовки «Социальная работа» осуществляется не только в условиях учебного процесса в вузе. Профессиональное становление студентов в области социально-культурной деятельности происходит также в ходе прохождения ими различных видов практик. Организация практической деятельности студентов предполагает не только «закрепление и углубление теоретических знаний, моделирование практической деятельности и формирование практической компетентности в сфере будущей профессиональной деятельности», но и целенаправленное включение в социально-культурную работу.

Атмосфера творчества, присутствующая в вузе искусств и культуры, содействует формированию креативной личности и побуждает студентов к активному участию в социально-культурной деятельности не только в рамках освоения учебных дисциплин, но и в процессе прохождения различных видов практик. Студенты выпускных курсов во время прохождения производственной и преддипломной видов практик часто принимают участие в праздновании учреждениями социальной защиты населения различных дат: Нового года, Дня защитника Отечества, Международного женского дня и др. Они организуют для пожилых людей, детей с ограниченными возможностями жизнедеятельности, детей, оставшихся без попечения родителей, многодетных семей и других категорий конкурсно-игровые программы, концертные номера с привлечением самих клиентов учреждений к активной творческой деятельности. Эта работа находит поддержку со стороны руководства, специалистов учреждений и всегда остается востребованной.

Уровень профессионального становления студента, в том числе, в области социально-культурной деятельности, можно оценить не только по результатам учебной и практической деятельности, но и на конкурсе профессионального мастерства, ежегодно проводимом (с 2004 г.) среди выпускников

– специалистов по социальной работе в Орловском государственном институте искусств и культуры. В ходе этого конкурса студентам предоставляется возможность презентовать свои творческие способности, а также умения и навыки в области социально-культурной деятельности, сформированные в течение всего периода обучения в вузе. Особого внимания заслуживает конкурс «Твори добро», в котором команды инсценируют полученную проблемную ситуацию, решают ее в творческой форме. Здесь оценивается не только грамотность и профессиональное решение ситуации, но и артистизм исполнения ролей, степень художественного самовыражения.

Профессиональному становлению студентов направления «Социальная работа» в области социально-культурной деятельности способствует также участие в межвузовских предметных олимпиадах по социальной работе: в конкурсах «Визитка» – презентация команды в творческой форме, где основными критериями оценки для жюри является проявление творческого начала, связь с будущей профессиональной деятельностью, эстетика и коммуникативность выступления; «Социальная акция» – конкурс, который проводится в форме интерактивной игры и предполагает разработку авторского проекта акции, направленной на получение обратной связи с целью привлечения аудитории к актуальным социальным проблемам своего региона.

В условиях интеграции России в Болонский процесс возрастает возможность мобильности студенчества в сфере высшего профессионального образования, увеличивается количество стажировок и обучающихся по программам обмена с зарубежными университетами и программам включенного обучения. Эта деятельность активно развивается в Орловском государственном институте искусств и культуры. Студенты направления подготовки «Социальная работа», проявлявшие интерес к учебной и творческой деятельности, знающие иностранный язык (французский), проходили стажировку в социальных центрах Франции (г. Реймс). Там они не только изучали тенденции и принципы социальной работы, систему подготовки работников данной сферы, особенности социальной работы с молодежью, но и участвовали в деятельности одного из наиболее распространенных типов социальных учреждений – Maison de Quartier Cemey-Europe, занимающегося анимационной деятельностью, организацией досуга детей и молодежи, а также взрослого населения, в том числе семей /6, С.78-79/.

Студенты и преподаватели направления подготовки «Социальная работа» принимают активное участие в мероприятиях, проводимых органами социальной защиты города (благотворительных марафонах, социальных акциях, КВН социальных работников, конференциях по социальной проблематике и т.д.).

Кафедра координирует научные исследования студентов, проводит ежегодные научно-практические конференции, в которых участвуют и студенты других вузов города. Студенты направления подготовки «Социальная работа» участвуют в общероссийских конкурсах дипломных работ, социальных проектов, получая призовые места. Студенты кафедры неоднократно являлись призерами олимпиад по социальной работе, проходящих на базе Орловского государственного университета, молодежных фестивалей социальной интернет-рекламы.

Таким образом, по окончании вуза выпускник направления подготовки «Социальная работа», участвующий на протяжении всего периода обучения в различных формах и видах учебной, научной и творческой деятельности, должен обладать развитыми организаторскими способностями (включающими такие качества, как целеустремленность, решительность, творческий подход и т.д.), развитыми коммуникативными способностями (умением входить в контакт, налаживать взаимоотношения, развитостью каналов вербального и невербального общения, профессиональной компетентностью и т.д.); хорошо развитыми аналитическими способностями, умением получать и обрабатывать нужную информацию, оценивать, сравнивать и усваивать ее; высоким уровнем понятийного мышления (умением правильно и понятно изъясняться), ораторскими способностями (грамотным выражением мысли); умением вести переговоры, способностью убеждать; умением слушать; хорошо развитой образной и словесно-логической памятью; высоким уровнем развития переключения и распределения внимания (способностью быстро переводить внимание с одного предмета на другой, а также удерживать в центре внимания одновременно несколько объектов или совершать несколько действий); способностью влиять на окружающих, на развитие ситуаций; управлять собой.

Помимо этого, для работы в сфере социальной защиты населения необходимы такие личностные качества, интересы и склонности, как: креативность, целеустремленность, действенность; требовательность; оригинальность, находчивость, разносторонность; инициативность; стремление к постоянному личностному росту; энергичность, эрудированность, способность к планированию, развитая интуиция; критичность; уверенность в себе и в принимаемых решениях.

В настоящее время сложно говорить о профессионализме специалиста по социальной работе без наличия творческого компонента в его деятельности. Здесь подразумевается, прежде всего, использование им ресурсов творческой деятельности как особого приоритетного инструмента в работе с людьми (Милютина Н.Р.), нуждающихся в том или ином виде социальной помощи.

Творчество является высшей формой активности и самостоятельной деятельности человека и общества. Оно содержит элемент нового, предполагает оригинальную и продуктивную деятельность, способность к разрешению проблемных ситуаций, продуктивное воображение в сочетании с критическим отношением к достигнутому результату. Творческая деятельность направлена на изменение действительности и самореализацию личности в процессе создания материальных и духовных ценностей, новых, более прогрессивных форм управления, воспитания. Творчество непрерывно расширяет возможности человека, создавая условия для его профессионального и личностного развития /5, С.30/. Данная деятельность основывается, прежде всего, на использовании различных форм, средств и методов социально-культурной работы с населением и определяется уровнем сформированности социально-культурной компетентности выпускника направления подготовки «Социальная работа».

На основе теоретического анализа научной литературы, а также результатов практических исследований нами были выделены следующие **критерии сформированности социально-культурной компетентности** выпускников Орловского государственного института искусств и культуры направления подготовки «Социальная работа».

1. Знание теоретических основ социально-культурной деятельности, где основными показателями выступают:

– знание теории и методологии социально-культурной деятельности;

– знание истоков формирования и развития теории социально-культурной деятельности.

– знание технологий социально-культурной деятельности.

2. Владение практическими основами социально-культурной деятельности, где основными показателями являются:

– владение навыками написания сценариев, адресованных различным категориям клиентов учреждений системы социальной защиты населения;

– сформированность умений реального воплощения их в жизнь;

– владение навыками организации различных форм культурно-досуговых программ;

– уверенность при отборе и планировании социально-культурных мероприятий;

– собственный подход в организации и осуществлении системы социально-культурной деятельности;

– умение оценивать эффективность социально-культурных мероприятий на основе выделенных критериев.

3. Единство теоретических знаний и практических действий в области социально-культурной деятельности, где основным показателем является согласованность действий специалиста, отсутствие в его действиях противоречия между теоретическими основами социально-культурной деятельности и реальной практической работой.

4. Способность предвидеть логику событий, где показателями являются:

– знание множества вариантов действий при осуществлении планирования, разработки, организации и реализации системы социально-культурных мероприятий;

– умение находить новые решения в области социально-культурной работы при невысокой эффективности ранее существующей системы мероприятий в области социально-культурной деятельности.

Оценка выделенных критериев будет осуществляться по трем уровням: высокий, средний и низкий.

Основным показателем компетентности, на наш взгляд, является владение современными социально-культурными технологиями, представленными как совокупность педагогических профессиональных умений и навыков, навыков педагогического воздействия в работе с группой.

Выпускники направления подготовки «Социальная работа» Орловского государственного института искусств и культуры по окончании вуза могут работать в учреждениях различного типа:

- в международных, федеральных и региональных фондах социальной помощи;
- в учреждениях социальной защиты населения;
- в службах по работе с персоналом;
- в консультационных центрах;
- в больницах и клиниках;
- в образовательных и культурно-досуговых учреждениях.

В любом из вышеперечисленных типов учреждений деятельность работника направлена на социально-педагогическое, психолого-педагогическое, информационное, организационно-методическое содействие развитию личности в процессе производства,

интерпретации, сохранения и распространения культурных ценностей.

Выпускник направления подготовки «Социальная работа» обеспечивает полноценную реализацию не только социозащитных, но и функции социально-культурной деятельности, важнейшими из которых являются:

• культуроохранная функция – изучение, сохранение, восстановление и использование культурного наследия в процессе возвышения духовных потребностей и интересов разных групп населения;

• культуротворческая функция – создание и обогащение культурных ценностей, творческого развития детей, подростков и взрослых; деятельное участие в организации свободного времени населения;

• социоорганизационная функция – создание благоприятной культурной среды, стимулирование инновационных движений в социокультурной сфере; разработка и реализация федеральных, региональных, муниципальных и иных целевых социально-культурных программ и технологий; организация деятельности центров, способствующих культурному развитию населения; содействие расширению и углублению работы структур дополнительного образования, развитию народного творчества; руководство учреждениями, организациями и объединениями социально-культурной сферы;

• социопедагогическая функция – проведение массовой информационно-просветительной и воспитательной работы по месту жительства; популяризация здорового образа жизни; вовлечение людей в процесс непрерывного образования, социально-культурного творчества и рекреативно-развлекательного досуга; социально-культурная поддержка людей с особенностями физического развития, участие в деятельности по социальной и социокультурной реабилитации и адаптации лиц с отклоняющимся поведением; помощь в семейном воспитании детей.

Таким образом, можно говорить о том, что выпускники Орловского государственного института искусств и культуры направления подготовки «Социальная работа» осваивают не только необходимые общекультурные и профессиональные компетенции, предполагающие владение различными теоретическими и практическими знаниями и умениями работы с населением, предусмотренные Государственным образовательным стандартом (как и выпускники данного направления других вузов), но и навыки организации и осуществления социально-культурной деятельности с различными категориями клиентов. Это расширяет возможности профессиональной сферы их деятельности и способствует более успешной реализации себя как профессионала данной области.

Библиографический список

1. *Алехина Л.Л.* Современные особенности рестандартизации высшего профессионального образования. Вестник ОрелГИЭТ. 2010 г. №4 (14). С.131-134

2. *Игнатьева Е.А*. Общекультурные компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в высшей школе [Электронный ресурс] / Е.А. Игнатьева // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов / Ресурс доступа:http://www.jurnal.org/articles/2011/

3. *Лабейкин А.А*. Теоретико-методологические основы деятельности учреждений культуры в социальной защите личности. Монография. Ч.I. М.: МГУКИ, 2000. 178 с.

4. *Лабейкин А.А*. Теоретико-методологические основы деятельности учреждений культуры в социальной защите личности. Монография. Ч.II. М.: МГУКИ, 2000. 128 с.

5. *Милютина Н.Р.* Перспективы развития специализации «Художественно-творческие технологии в социальной работе» в ВГПУ. Художественно-творческие методы и технологии в социальной работе: сб. науч. статей по итогам Междунар. науч.-практ. конф. г. Волгоград, 17-18 окт. 2005 г. под ред. Т.Ю. Андрущенко, Н.Р. Милютиной. Волгоград: Перемена, 2006. С.29-34

6. Подготовка специалистов социальной работы в творческом вузе: сборник научных статей / науч. ред. и сост. Э.А. Финогеева. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры; ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2009. 115 с., ил.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 «Социальная работа» (квалификация (степень) «бакалавр»)

M.V.MARTYNOVA

THE FORMATION OF SOCIAL-CULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS, FUTURE WORKERS OF SOCIAL PROTECTION SYSTEM, IN THE CONDITIONS OF TRANSITION TO THE LEVEL SYSTEM OF HIGHER VOCATIONAL EDUCATION (AS EXEMPLIFIED BY THE OREL STATE INSTITUTE OF ARTS AND CULTURES)

In the article the changes are analysed which take place by preparation of workers of social protection system in the conditions of transition to the level system of higher vocational education. The questions are taken up which touch on the formation of social-cultural competence of students, future social workers (as exemplified by the Orel state institute of arts and cultures).

Key words: ***the competence, competencies, the competence-based approach, social protection system, social-cultural activity.***

Е.В. МИРОНОВА
старший преподаватель факультета агротехники и энергообеспечения Орловского государственного аграрного университета
E-mail: allella77@mail.ru
Тел. 8 953 811 82 23

ПРИМЕНЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА ДЛЯ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА ПРИ УСТРОЙСТВЕ НА РАБОТУ

В статье рассматриваются вопросы приоритетного образования в современных условиях обучения студентов, приобретение ими компетенций для последующего устройства на работу по специальности. Психологические и профессиональные аспекты приема на работу студентов, решаемые за счет применения кейс-методик как в процессе получения знаний, так и при приеме на работу.

Ключевые слова: ***компетенции, преподавательская деятельность, кейс-метод, подбор персонала, карьерный рост, ступени отбора.***

При приеме на работу потенциальный кандидат сталкивается со службой приема кадров, основной задачей которой служит подбор таких кадров, чтобы организация могла достигнуть ожидаемого результата. Таким образом, идет первичный отбор человеческих ресурсов для данной организации. Этот отбор бывает достаточно сложным, а иногда и не совсем объективным, так как присутствует вероятность «человеческого фактора». Для успешного развития компании необходимо должное внимание уделять кадровому планированию. В зависимости от величины и характера деятельности критерии и методы отбора персонала несколько отличаются, например, для мелких и средних компаний большое значение имеют межличностные отношения, мотивация деятельности и способность персонала принимать квалифицированные решения.

Исходя из уже работающих сотрудников, успешно справляющихся со своими обязанностями, выделяют эталон того работника, который необходим на предприятии, и к нему предъявляется ряд требований. Требования должны быть оправданными для определенного рабочего места на данном предприятии, и их набор не должен быть слишком большим и не слишком малым. Например, при слишком больших требованиях количество кандидатов будет минимальным, а при минимальных требованиях будут сложности при отборе кандидатуры из-за большого количества претендентов. Большинство организаций при приеме на работу обращают внимание на базовое образование и, конечно, отдают предпочтение высшей степени, нежели низшей, но при этом параллельно рассматриваются и уже заслуженные успехи и «примеряются» на предлагаемое рабочее место.

Немаловажное значение работодатели уделяют и опыту предыдущей работы и его рабочим способностям. Наибольшее предпочтение отдается претендентам с опытом подобной работы, причем долгое время работы в одной компании считается положительной характеристикой претендента.

Отбор персонала зависит от ценности необходимого сотрудника, то есть работника низкой квалификации достаточно легко найти или выучить силами самой фирмы, что же качается высококвалифицированных специалистов, способных дать фирме новые разработки, конструкции или продукцию, то для этих специалистов при приеме на работу, проводят многократные собеседования, тесты, деловые игры.

К дорогостоящим управленцам современные работодатели предъявляют следующие требования:

– высшее образование, желательно экономическое, но возможно и техническое, обязательное знание программ управления персоналом и оптимизации работы предприятия; желательно свободное владение персональным компьютером;

– опыт работы по специальности от трех до пяти лет, допустим стаж работы на другой управленческой должности, важно, чтобы человек владел технологией процесса администрирования;

– усвоение целей организации для создания и поддержания ее рейтинга и престижа, способность сформировать наиболее эффективную производственную структуру и добиться максимальных результатов в работе;

– готовность за высокую заработную плату работать ненормированный рабочий день; планирование карьерного роста и профессионального развития;

– коммуникабельность, честность, порядочность, деловитость (в зависимости от необходимости подбираются авторитарные или демократичные сотрудники) [5].

© Е.В. Миронова

Как правило, до принятия организацией решения о приеме на работу кандидат должен пройти несколько ступеней отбора:

– предварительную отборочную беседу;
– заполнение бланка заявления;
– беседу по найму (интервью);
– тестирование; профессиональное испытание;
– проверку рекомендаций и послужного списка;
– медицинский осмотр;
– принятие решения.

На первой ступени предварительной отборочной беседы происходит оценка уровня образования, личностных качеств, внешнего вида потенциального работника.

На второй ступени заполнения бланка заявления происходит запрос информации о прошлой работе и возможны некоторые стандартные вопросы.

Третья ступень – беседа по найму (интервью) – наиболее важная ступень, так как исследования показали, что в фирмах США, например, более 90% претендентов принимаются по итогам беседы. По результатам беседы можно судить о квалификации претендента, его умственном потенциале, об отношении к будущей работе, а так же увидеть его реакцию на так называемые «непредвиденные вопросы».

Ступень четвертая – тестирование, профессиональное испытание дает возможность выявить сильные и слабые стороны рабочей деятельности тестируемого. На этой ступени очень важны профессиональные навыки, опыт теоретический и практический, творческий потенциал и индивидуальный стиль работы.

Эти четыре ступени являются самыми важными, они полностью раскрывают потенциал будущего работника и показывают перспективы дальнейшего производственного роста потенциального работника. Все эти испытания могут дать испытуемому возможность получения желаемой должности и стать очередной маленькой ступенькой его карьерного роста. Очень важно для человека при устройстве на работу иметь хороший багаж знаний и навыков, который дается ему в образовательных учреждениях. Образовательные учреждения нацелены на то, чтобы их студенты-выпускники стали высококвалифицированными работниками развитых компаний с хорошими перспективами развития и карьерного роста.

Задачи современных высших образовательных учреждений – сформировать у студентов базу знаний, умений и навыков, а также сформировать и способ получения этой базы знаний, развить творческий потенциал студента, любознательность, найти мотивацию к обучению. Все это приводит к выводу о необходимости включения в работу преподавателя активных форм обучения, в результате которых должно выработаться активное участие в процессе получения знаний и самого студента. На это должна быть направлена обучающая деятельность современного преподавателя вуза: не просто давать знания, а учить студента находить эти знания, самостоятельно работать с литературой, делать выводы, отделять главную информацию от второстепенной, анализировать и использовать полученные знания и умения. Преподаватель за счет мотивации должен организовать активную работу студентов по обучаемой дисциплине.

При устройстве на работу многие российские фирмы сейчас используют популярный во всем мире метод кейсов. То есть, наряду с собеседованием при приеме на работу человеку предлагают ответить на некоторые тест – вопросы в рамках будущих должностных компетенций. Это могут быть, например, некоторые рабочие моменты, которые могут возникнуть в процессе будущей работы, и тестируемый, при ответе на тест-вопросы, показывает свою профессиональную пригодность к данной работе, а также багаж приобретенных знаний и навыков.

Но тесты наряду с профильными могут быть и психологические – то есть основной целью в данном случае будет выявление психологических особенностей человека, его коммуникабельность, структурированность мышления, скорость мыслительных процессов, а также степень открытости или зажатости, скорость принятия решений в нестандартных условиях. При длительной работе с тестом, после собеседования тест покажет и поведенческие свойства человека, например, как он себя ведет при длительной монотонной работе, его движения, темперамент, степень самоконтроля. Таким образом, с помощью кейс-метода раскрываются не только производственные способности и навыки, но и психологические особенности данного человека, и задача кейс-методов, применяемых в рамах учебной программы вуза, научить студентов самостоятельному глубокому мышлению наряду с профессиональными качествами, которые также должны быть на высоком уровне, и правильная поведенческая тактика студента, при которой студент, а в будущем и работник какой-либо компании, будет себя уверенно вести, приводить достоверные доводы и убеждать в своей правоте.

При работе с кейсами развивается и память человека, развивается его мыслительная деятельность, так как из всего объема информации нужно выделить только то, что применимо для данной предложенной ситуации. Кейсы заставляют студента делать выводы на основе предложенной ситуации

после ее разбора с профессиональной точки зрения.

Все методики обучения, представленные в вузе, должны решать следующую задачу: сделать из бывшего школьника, а ныне студента, профессионала в выбранной области специалитета, а также психологически подготовить студента к работе по выбранному профилю на перспективной фирме или компании. При этом студент должен обладать достаточными данными в выбранной области работы, быть убедительным при приеме на работу и в процессе дальнейшей работы в фирме или компании. Правильное восприятие рабочей обстановки, а также поведенческая стратегия закладываются у студента еще в процессе обучения, и задача преподавательского состава вуза правильно рассмотреть и развить положительные личностные стороны студента, индивидуальность мышления, креативность и профессиональные навыки. Важным аспектом преподавательской работы также служит и индивидуальный подход в процессе обучения к каждому студенту, так как у кого-то из студентов более развиты лидерские качества, и он умеет заставить аудиторию себя слушать, а у кого-то эти качества присутствуют в меньшей степени, и человек не всегда может отстоять свою точку зрения, хотя, при этом, имеет идеи более прогрессивные или креативные. При приеме на работу учитываться будут и личностные свойства человека, даже его позитивный настрой и доверительное отношение к компании, а этого можно добиться только в том случае, если студент научится правильному поведению в процессе приема и дальнейшей работы в компании. Это важные умения, так как в формировании новых российских компаний человеческому фактору в коллективе уделяется очень большое внимание. И еще. В последнее время многие специалисты при приеме персонала в фирму считают, что проще научить работника профессиональным обязанностям, нежели привить такие качества, как вежливость, приветливость, хозяйственность, аккуратность и пр. Все вышесказанное позволяет оценить тот вклад, который вносит кейс-метод в развитие как профессиональных, так и личностных свойств человека, позволяет их продемонстрировать, измерить и оценить личностные качества, что очень важно в дальнейшей работе молодого специалиста.

В работе любой компании очень важны правильно подобранные кадры, так как от этих людей будут зависеть дальнейшие перспективы роста и развития данной компании. Поэтому подбору кадров сейчас уделяется огромное значение, в несколько этапов компании производят «отсев», и в итоге остаются только те люди, которые максимально отвечают требованием компании. При этом претенденты раскрывают свои знания и умения, которые в дальнейшем пригодятся на рабочем месте. Основная цель отбора – выявить, какой кандидат наилучшим образом выполнит предложенную работу. И в большинстве случаев отдают предпочтение кандидату, имеющему наилучшую квалификацию для выполнения предлагаемой работы, при этом положительные факторы – это образование, опыт предыдущих работ, профессиональные и личностные качества.

В нынешних условиях подбор персонала поднялся на новый уровень, уровень поиска новых талантов. Квалифицированные сотрудники и во время кризиса знают себе цену и могут выбирать между компаниями. Поэтому задача нынешней образовательной системы – научить студента быть профессиональным, образованным, креативным, убедительным в своих суждениях и доводах. Кейс-метод в процессе обучения – очень эффективный помощник в достижении этой цели, использование его в вузах дает хорошие результаты.

Библиографический список

1. *Базаров Т.Ю.* Управление персоналом. М.: ЮНИТИ, 2000.
2. *Бляхман Л.С.* Введение в менеджмент. СПб.:Издательство С-Петербургского университета экономики и финансов , 1994.
3. *Борисова Е.А.* Оценка и аттестация персонала. СПб.: Питер, 2003,
4. *ВиханскийО.С., Наумов А.И.,* Практикум по курсу «Менеджмент». Под. Ред. А.И. Наумова., М.: Экономистъ, 2004. 288 с.
5. Журнал «Работа и зарплата» [Электронный ресурс] http://www.zarplata.ru Режим доступа: http:// http://www.zarplata.ru/a-id-403.html Автор: Н.Каруленко. Источник: «Работа и зарплата», 21-10-2003, «Критерии подбора персонала».
6. Журнал «Управление персоналом» [Электронный ресурс]www.top-personal.ru Режим доступа: http://www.klerk.ru/boss/articles/222575/
7. *Шутов И.* Источник: «Управление персоналом», 2011, № 9. «Кейс-метод как одна из методик оценки персонала».
8. Как подбирать сотрудников и их учить. За рубежом, 1993 , № 33

9. *Кибанов А.Я., Захаров Д.К.* Формирование системы управления персоналом. М.: ГАУ, 1999.
10. *Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М.:«Дело», 1992.
11. *Михайлова Е.И.* Кейс и кейс-метод: общие понятия. Маркетинг, №1, 1999.
12. *Нессонов Г.Г.* Управление персоналом коммерческой организации. Учебное пособие. М.:«Триада» , 1997.
13. *Одегов Ю.Г., Карташова Л.В.* Управление персоналом, оценка эффективности. М.: Издательство «Экзамен», 2004.
14. *Поляков В.А.* Технология карьеры. М.:«Дело ЛТД» , 1995.
15. *Силин А.Н.* Управление персоналом . Учебник по кадровому менеджменту. Тюмень:ТГУ , 1994.
16. *Смолянинова О.Г.* Информационные технологии и методика Case Study в профессиональном обучении студентов педагогического вуза: Труды II Всероссийской научно-методической конференции «Образование XXI века: инновационные технологии диагностика и управление в целях информатизации и гуманизации», Красноярск, май 2000 г.
17. *Смолянинова О.Г.* Инновационные технологии обучения студентов на основе метода Case Study: М. - сборник «Инновации в российском образовании», ВПО, 2000.
18. *Сорокина Н.П.* Оценка деятельности персонала. Справочник кадровика. 2000. №1.
19. *Травин В.В., Дятлов В.А.* Основы кадрового менеджмента. М.:«Дело».
20. *Шамхалов Ф.И.* Американский менеджмент . Теория и практика. М.:«Наука».

E.V.MIRONOVA

APPLICATION OF A CASE STUDY FOR A PERSONNEL ESTIMATION AT EMPLOYMENT

In article questions of priority formation in modern conditions of training of students, acquisition by them competence for the subsequent employment on a speciality are considered. Psychological and professional aspects of employment of students solved at the expense of application of cases-techniques both in the course of noegenesis, and at employment.

Key words: ***the competence, teaching activity, a case-method, personnel selection, career growth, selection steps.***

А.А. ПАВЛОВ
кандидат педагогических наук, доцент кафедры экологии и общей биологии Орловского государственного университета
Тел. 8 919 264 10 99

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАЩИХСЯ

В статье рассматриваются вопросы акмеологического подхода к формированию компетентности экологической безопасности и развитию экологической культуры учащихся, приводятся различные варианты понятий «компетенция» и «компетентность». Анализируются результаты исследования разработанной автором трехступенчатой системы формирования экологической культуры и безопасности молодёжи, изменение мотивации и компетентности учащихся в ходе эксперимента.

Ключевые слова: ***компетентностный подход, компетенции, компетентности, акмеологический подход, экологическая безопасность, экологическая культура.***

Экологические проблемы возникали на протяжении всей истории человечества, оказывая существенное влияние на её ход. Так, в истории взаимоотношений человеческого общества и природы выделяются: кризис собирательства и примитивной охоты (40-50 тыс. лет назад), кризис охотничьего хозяйства (5-10 тыс. лет назад), кризис древнего земледельчества и скотоводства (4-5 тыс. лет назад), промышленный кризис (с XVII - XVIII вв**.** до середины XX в.**)**.

Однако в настоящее время речь идет о выживании человечества, поэтому современный период развития цивилизации характеризуют как глобальный экологический кризис [Образование для решения экологических проблем, 2000]. Деградирует природный генофонд, снижаются регуляторные функции, устойчивость и интенсивность биопродукционного процесса. Создается реальная угроза потери устойчивости биосферы, а, следовательно, и реальная угроза для развития цивилизации. Совокупность этих изменений и причин, их обусловливающих, составляет экологическую проблему, ставшую в конце XX в. одной из основных общечеловеческих, глобальных проблем современности.

Современные проблемы коррелируют поведение человека и повышают требования к образованности и компетентности молодого поколения. Образование, являясь одним из важнейших социальных институтов, в значительной мере определяющих личностное, гражданское, профессиональное становление и безопасность человека, в последнее десятилетие претерпевает значительные изменения. В связи с этим необходимы не только реформы но и новые парадигмы, которые позволят каждому построить свою жизнь в обществе, опираясь на знания, опыт и культуру. На современном этапе цель образования заключается в том, чтобы дать возможность всем проявить свои таланты и творческий потенциал, а именно: обеспечение равенства шансов всех граждан на образование; подготовка к жизни в современном обществе; адаптация на рынке труда и развитие личности учащегося, т.е. развитие компетенций и компетентности молодого поколения.

Анализ исследований по проблеме компетенций / компетентности (И. Хомский, Р. Уайт, Дж. Равен, А.А. Деркач, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.И. Байденко, В.А. Болтов, А.Н. Дахин, В.В. Сериков, Г.К. Селевко, А.В. Хуторской и др.) позволяет разобраться в этих понятиях.

Латинский глагол «competere» означает «требовать», «соответствовать», «быть годным», прилагательное «competens» – «соответствующий», «способный». «Компетентный (лат. competens, competentis – надлежащий, способный) – знающий, сведущий в определенной области; имеющий право по своим знаниям или полномочиям делать или решать что-либо, судить о чем-либо» [Словарь иностранных слов, 1986, с. 241]. В английском языке, откуда понятие заимствовано отечественной психолого-педагогической наукой, «competence» – «способность», «компетенция».

В отечественной педагогике и психологии исследователи компетентностного подхода опираются на деятельностный подход к обучению, а также предшествующие наработки в теоретических представлениях о содержании образования, но к настоящему времени не сложилось однозначного определения терминов «компетенция» и «компетентность». Многие исследователи не разделяют эти понятия и приводят их в синонимичном смысле. Отмечается неполная адекватность перевода

© А.А. Павлов

английского термина «competence», который в педагогическом смысле употребляется преимущественно во множественном числе, дублирование данным понятием обще-учебных умений, которые традиционно рассматривались в качестве одного из образовательных результатов, предлагается использовать в данном качестве термины «способности», «метаумения» [Дахин, 2004].

По мнению ряда исследователей, в педагогике и дидактике из двух значений слова «компетенция» более применимо то, в котором выделяются знания и опыт деятельности в определенной сфере [Ермаков, 2009]. Как отмечает В.Л. Бозаджиев, определение компетенции должно учитывать: ее интегральный характер; наличие реальной ситуации, в которой скрытая ранее потенциальная компетенция может быть «употреблена», то есть может стать актуальной; общую способность и готовность субъекта к самостоятельной успешной деятельности; роль знаний, умений и навыков, опыта, ценностей и склонностей, приобретенных в процессе обучения [Бозаджиев, 2004]. При этом подчеркивается, что компетенция – ситуативная категория. Она не может рассматриваться вне конкретных, реальных (а не воображаемых, представляемых) условий деятельности [Зеер, 2004, с. 6].

Концептуальной группой проекта «Стандарт общего образования» сформулировано следующее рабочее определение: компетенция – готовность ученика использовать усвоенные знания, учебные умения и навыки, а также способы деятельности в жизни для решения практических и теоретических задач [Образовательный стандарт основной школы, 2002]. В другом документе, отражающем стратегию модернизации содержания общего образования, «способность к осуществлению практических деятельностей, требующих наличия понятийной системы и, следовательно, понимания, соответствующего типа мышления, позволяющего оперативно решать возникающие проблемы и задачи» определяется уже как компетентность [Образовательный процесс в начальной, основной и старшей школе, 2001, с. 231].

Наиболее простым среди различных определений компетентности является следующее: компетентность – это умение, опыт в той или иной области [Казакова, 2004]. Чаще всего под этим термином понимают сложное интегрированное качество личности, обусловливающее возможность осуществлять некоторую деятельность в областях социальной практики. Причем речь идет не об отдельных знаниях или умениях и даже не о совокупности отдельных процедур деятельности, а о свойстве, позволяющем человеку осуществлять деятельность целиком [Ермаков, 2009]. Определения других авторов не противоречат представленному выше, в различной степени дополняя его. Например, В. Ландшеер под компетентностью понимает углубленное знание, состояние адекватного выполнения задачи, способность к актуальному выполнению деятельности [Ландшеер, 1988]. П.В. Симонов пишет о потенциальной готовности решать задачи со знанием дела, хотя не раскрывает содержания данной готовности [Симонов, 1995].

По мнению Г. К. Селевко, под образовательной компетентностью следует понимать интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности к деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые приобретены в процессе обучения и социализации и ориентированы на самостоятельное и успешное участие в деятельности [Селевко, 2004].

Анализируя соотношение понятий «компетенция» и «компетентность», А.В. Хуторской отмечает, что компетенция имеет нормативный характер, задает требование, общее качество, стандартизованное для многих индивидов, вводимое в качестве общей нормы. Компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность же – качество личности, определяющее успешность выполнения того или иного вида деятельности. Компетенции отражаются в «минимумах» (обязательный минимум содержания основных образовательных программ), компетентности – в «требованиях» (требования к уровню подготовки выпускников) [Хуторской, 2001],

По мнению И.А. Зимней, компетенции – некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлениях [Зимняя, 2004, с. 23]. В.В. Лебедев дает следующие определения: компетенция – система, состоящая из понятийного аппарата и действий, отражающая некоторые объекты и позволяющая субъекту взаимодействовать с ними в определенных контекстах; компетентность – субъектный опыт человека, эффективно реализуемый посредством интериоризированных компетенций в определенных контекстах. При этом под объектами могут пониматься идентичность, ценности и убеждения личности, ее качества, состояния, стратегии,

мотивация и т.д., а взаимодействие обозначает процесс, в котором субъект и объект взаимозаменяют, дополняют друг друга [Лебедев, 2007],

Компетентность ученика предполагает проявление по отношению к компетенции целого спектра его личностных качеств, включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую [Стратегия модернизации содержания общего образования, 2001]. То есть компетентность предполагает наличие минимального опыта применения компетенции, всегда личностно окрашена качествами конкретного ученика.

Знания, умения, навыки, опыт, ценности, установки, смыслы, приобретенные в ходе обучения, выступают как сущностные признаки компетентности и одновременно как потенциальная компетенция, но компетентности они еще не определяют. О компетентности субъекта можно судить тогда, когда компетенция потенциальная становится компетенцией в действии. В зависимости от проявления в действии умений, навыков и других качеств, являющихся основой компетентности, от их употребления в реальной ситуации, в которой оказывается носитель компетенции, можно судить о компетентности субъекта. Быть компетентным – означает умение мобилизовать в данной ситуации полученные знания и опыт. Компетентность как качество личности одновременно тесно связывает применение знаний, умений и поведенческих отношений, настроенных на условия конкретной деятельности.

Отличие зачастую синонимически используемых понятий «компетенция» и «компетентность» следует проводить как общее и особенное (индивидуальное), потенциальное и актуальное. Компетенция – некоторое отчужденное, наперед заданное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, а компетентность – уже состоявшееся его личностное качество (совокупность качеств), владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности, минимальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере [Ермаков, 2009].

Применительно к изучению психологических особенностей компетентности как целостного образования необходимо отметить, что они не является простой суммой знаний, умений, личностных качеств и способов поведения. Присущая человеку акмеологическая компетентность как атрибут его зрелости, эффективности и состоятельности как субъекта различных классов взаимодействия, представляет собой новое психологическое образование, позволяющее иначе решать профессиональные, социальные и личные проблемы, где каждый из ее компонентов является частью интегрального целого. Характеристики психологических особенностей компетентности не вытекают непосредственно из характеристик обозначенных выше компонентов, хотя их уровень развития и характер связи между ними влияют на уровень индивидуальной компетентности. В образовании акмеологический подход предполагает включение в содержание образования целостного опыта разрешения проблем жизнедеятельности и формирование ключевых компетенций за счет освоения «примерки» социальных ролей и выполнения разнообразных функций.

Как системное образование, психологические особенности компетентности имеют определенную структуру, включающую, по мнению исследователей, знаниевый, личностный и поведенческий элемент. Акмеологический подход направлен на выявление характера, этапов, движущих сил развития как целостной личности, так и ее характеристик в системном поле продвижения по пути самоосуществления.

В центре акмеологических исследований стоит проблема факторов, детерминирующих прогрессивное развитие человека как субъекта жизнедеятельности. Развитие компетентности в акмеологии связывается с расширением субъектного пространства человека как субъекта деятельности.

Акмеологичность сегодня рассматривается в качестве признака «вершинности» в самореализации и самосовершенствовании, умножения творческих ресурсов субъекта. А сам человек понимается как субъект самоосуществления.

С нашей точки зрения, компетентность, взятая в совокупности ее видов, обеспечивает развитие акмеологической культуры личности, позволяя не только использовать различные закономерности (в том числе и психологические) в повышении качества деятельности, но переводит личность на иной уровень функционирования. Компетентность экологической безопасности является жизненно важной структурой, обеспечивающей личную безопасность человека как живой системы.

В настоящее время общество оказалось перед выбором: либо сохранить существующий способ взаимодействия с природой, что неминуемо может привести к экологической катастрофе, либо сохранить биосферу, пригодную для жизни, но для этого необходимо изменить сложившийся тип деятельности. Последнее возможно при условии коренной перестройки мировоззрения людей, ломки ценностей в области как материальной, так и духовной культуры и формирования новой *экологической культуры*.

В научной литературе обычно выделяют две стороны в системе экологической культуры: материальную (все формы взаимодействия общества с природой и результаты этого взаимодействия) и духовную (экологические знания, умения, убеждения, навыки) [Гирусов, 1989].

По мнению многих авторов (И.П.Сафронов, В.А. Ситаров, В.В. Пустовойтов и др.), структура экологической культуры представляет собой систему диалектически взаимосвязанных трёх компонентов:

– экологических отношений,
– экологического сознания,
– экологической деятельности.

В содержании *экологических отношений* выделяют два структурных элемента – социально-экологические отношения, которые складываются между людьми в искусственной среде их обитания и косвенно воздействуют на естественную среду обитания людей и реально-практические отношения. К последним, в свою очередь, относятся: во-первых, отношения человека непосредственно к естественной среде обитания, во-вторых, отношения в материально-производственных сферах человеческой жизнедеятельности, связанных с процессом присвоения человеком природных сил, энергии и вещества и в-третьих, отношения человека к естественным условиям своего существования как общественного существа.

Экологическое сознание – сознание экоцентрическое, преодолевающее антропоцентрическую мировоззренческую модель. Оно связано с нашим осознанием бесперспективности и, более того, гибельности ориентации на господство преобразовательного типа, технократического стиля мышления, основанного на агрессивном отношении к природе. Центральным звеном здесь выступает развитый план экологического мышления, которое требует отказа от эгоистических потребительских установок, ориентированных на узколичностные либо узкогрупповые интересы, на достижение сиюминутных целей и материальных выгод, когда не принимаются во внимание не только качество природной среды и благополучие будущих поколений, но и элементарная обеспеченность ближнего. Важной составляющей этого типа мышления является его обращение к глубокому, серьезному осмыслению экологической ситуации в мире, необходимости привлечения для экологических нужд достижений научно-технической революции, в том числе наивысших технологий.

Экологическая деятельность характеризуется как интегративное понятие, охватывающее различные виды человеческой деятельности как в материальной, так и в идеальной сферах, связанные с познанием, освоением, преобразованием и сохранением природной среды.

С педагогических позиций, содержание экологической культуры личности, по мнению Б.Т. Лихачева, строится на следующих основаниях. Одной составляющей являются собственно экологические и связанные взаимодействующие с ними знания, которые выступают базисом, фундаментом адекватного отношения человека к экологическим проблемам. Другой фундаментальной содержательной составляющей частью экологической культуры, формирующей нравственно-эстетическое отношение к действительности, является эмоционально – эстетическая культура. И наконец, экологическая культура личности немыслима вне ее деятельностно-практического отношения к действительности [Лихачев, 1997].

В экологическом образовании схема, описывающая результативность образования и социализации личности, будет иметь вид: экологическая грамотность – экологическая образованность – экологическая компетентность – экологическая культура – экологический менталитет.

Начальной ступенью формирования экологической культуры личности является экологическая грамотность [Контакт: Бюллетень ЮНЕ СКОЛОНЕП..., 1981, 1983], которая описывается четырьмя компонентами:

1. понимание природы как среды обитания человечества, его «дома»;
2. естественнонаучные знания о взаимодействии природы и общества;
3. организационные и иные умения природоохранной деятельности;
4. умения и навыки обращения с приборами, фиксирующими состояние природной среды.

Грамотность предусматривает, в основном, осведомленность и инструментальную вооруженность природоохранной деятельности. Мотивационно-ценностный компонент формируется извне в виде социальных норм, требований, запретов, которые необходимо выполнять.

Н.Ф. Казакова, опираясь на результаты исследований Э.Ф. Зеера, который выделяет три уровня образованности (грамотность, функциональная грамотность, компетентность) [Зеер, 1998], разделяет экологическую грамотность и функциональную экологическую грамотность [Казакова, 2004]. Грамотность характеризуется способностью использовать элементарные способы деятельности. Экологическая грамотность (познание и оценка экологической реальности, предвидение последствий хозяйственной деятельности человека для

окружающей среды, определение способов рационального управления природопользованием) – одна из современных сложных форм грамотности (наряду, например, с компьютерной).

Функциональная грамотность характеризуется степенью овладения средствами познания, включает в себя способность решать стандартные жизненные задачи на основе прикладных знаний в различных сферах жизнедеятельности. Функциональная экологическая грамотность должна быть дополнена рядом признаков: готовность к повышению уровня образованности на основе осознанного выбора образовательных программ; способность к выбору форм досуговой деятельности в природе, профессии экологического профиля; выполнение своих обязанностей и зашита своих прав в области охраны окружающей среды.

В отличие от грамотности экологическая образованность, по мнению ряда исследователей (С.В. Алексеев, И.Д. Зверев, А.Н. Захлебный, И.Т. Суравегина, В.М., Назаренко И.Н. Пономарева и др.), – результат системного экологического образования, который включает: экоцентрический тип мышления; ответственность за сохранение окружающей среды; интерес к экологическим проблемам; знания, умения, навыки, необходимые для их выявления, исследования и решения; понимание ценности жизни во всех ее проявлениях; практический опыт деятельности по улучшению состояния окружающей среды [Ермаков, Суравегина, 2002].

Следующей необходимой стадией становления экологической культуры личности является экологическая компетентность. Если грамотность – освоение знаний, умений и навыков, образованность дополняется опытом творческого применения полученных знаний и умений, а также опытом эмоционально-ценностного отношения к действительности, то сущностная черта компетентности – понимание смыслов, социальной и личностной значимости экологической деятельности для решения экологических проблем. Экологическая же культура характеризуется воспроизводством и приумножением этих смыслов в процессе жизнедеятельности.

В ходе нашего исследования реализовывалась система формирования экологической культуры и безопасности учащихся. Особенностью предлагаемой системы является неразрывность образования и воспитания на уроках, во внеклассной и внешкольной работе, которая достигается путем опоры на основные функции экологического сознания – просветительную, развивающую, воспитательную, организующую и прогностическую; при развитии экологических отношений и в ходе экологической деятельности. Эффективная реализация функций экологического сознания, отношений и деятельности ведет к формированию у школьников экологической культуры, одним из этапов развития которой является компетентность. В соответствии с этим нами предлагается трехступенчатый путь решения задач («лесная модель»). На каждой ступени предусматривается тесное общение с живыми объектами («погружение ребенка в природу»). Для упорядочения этой работы при школах создаются биологические комплексы и учебные экосистемы леса и водоема. Одним из основных условий формирования компетентности учащихся является развитие их познавательного интереса. Общение и работа с живыми объектами на уроках, во внеурочной и практической работе позволяет формировать познавательный интерес, компетентность и воспитанность учащихся. Различные формы профессионально ориентированной деятельности (исследовательская, педагогическая и другие) совершенствуют их компетентность и культуру.

Первой ступенью экологического образования и воспитания в рассматриваемой модели является экологический всеобуч (реализация просветительной функции). Здесь учитель выявляет экологические понятия и планирует пути их изучения на каждом уроке. Форм экологического всеобуча много. Они обеспечивают главную задачу первой ступени: учащиеся должны иметь прочные *знания* о живых организмах, сообществах, а также об экологических понятиях и закономерностях. В ходе занятий на этой ступени постепенно формируется грамотность, функциональная грамотность, компетентность, развивается интеллектуальная сфера личности школьника, закладываются экологические отношения.

Второй ступенью является внеклассная краеведческая работа с большой степенью самостоятельности (реализация развивающей, воспитательной и прогностической функций). На этой ступени продолжается постепенное углубление и развитие грамотности, функциональной грамотности, компетентности, экологических отношений; закладываются основы экологического сознания.

Особое место на первой и второй ступени уделяется формированию творческих групп и развитию личности учащихся. Развивается эмоционально-мотивационная сфера личности.

Третья ступень экологического образования и воспитания – практическая работа, т.е. применение экологических знаний и умений на практике в конкретных делах (реализация организующей функции), т.к. формируемые взгляды и убеждения учащихся должны пройти проверку практикой в

целостной спланированной круглогодичной деятельности в рамках экологического объединения школьников. Работа экологического объединения проводится по нескольким направлениям – секторам, что позволяет учащимся выбрать практическое дело, наиболее соответствующее его темпераменту, характеру, умственным и физическим данным. А значит, развитию его творческих способностей, компетентности и культуры в целом.

Составные части трехступенчатой системы формирования экологической культуры и безопасности многообразны и взаимодействуют друг с другом.

Проведенное в рамках акмеологического подхода исследование показало, что к существенным факторам формирования компетенций экологической безопасности в рамках трёхступенчатой системы можно отнести мотивацию, готовность к деятельности, акцентуации характера и уровень социально-психологической адаптации. За время исследования в экспериментальных группах значимо возросла доля учащихся с практическим типом мотивации (на 8%), а в контрольных группах значимо возросла доля учащихся с прагматическим типом мотивации (на 9%). Уровень готовности к деятельности значимо повысился в экспериментальных группах и мало изменился в контрольных. Подростки, девушки и юноши экспериментальных групп обладают устойчивым характером, средней (адекватной) самооценкой и средним уровнем лжи, и мы можем предполагать, что данные характеристики будут способствовать высокому уровню их адаптации к изменяющимся условиям социальной среды. У учащихся экспериментальных групп преобладают демонстративный и эмотивный типы, которые предполагают легкость в установлении и поддержании контактов, хорошую приспособляемость к другим людям. Это способствует высокой адаптивности подростков к условиям социальной среды, легкости в общении с окружающими людьми.

Уровень социально-психологической адаптации учащихся экспериментальных групп 15-16 лет выше, чем учащихся филолого-гуманитарных и общеобразовательных классов. Превышение наблюдается по параметрам: «адаптивность», «принятие себя», «принятие других», «эмоциональный комфорт», «стремление к доминированию», «уход от проблем» (здесь фактические значения ниже, но это говорит в пользу высокой адаптивности). Причем параметр «адаптивность» значимо различает все три группы. У экспериментальных групп уровень адаптивности очень высок (90%) и существенно отличается от адаптивности учащихся филолого-гуманитарных и общеобразовательных классов.

Библиографический список

1. *Бозаджиев В.Л.* К понятию компетенции в контексте высшего образования. – http://www.rsvpu.ru/news/confl/1.
2. *Ермаков Д.С., Зверев И.Д., Суравегина И.Т.* Глобальные проблемы – глобальные решения. Ролевая игра. Биология в школе. 2002. №3. С. 32-39.
3. *Дахин А.* Компетенция и компетентность: сколько их у российского школьника. Народное образование. 2004. № 4. С. 136-144.
4. *Делор Ж.* Образование: необходимая утопия. Педагогика. 1998. № 5. С.32-47.
5. *Захлебный А.Н., Дзятковская Е.Н.* Экологическая компетенция – новый планируемый результат экологического образования. Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. 2007. № 3. С. 3-8.
6. *Зеер Э.Ф.* Саморегулируемое учение как психолого-дидактическая технология формирования компетенции у обучаемых. Психологическая наука и образование. 2004. № 3, С. 5-11.
7. *Зимняя И.Л.* Компетентность человека - новое качество результата образования. Проблемы качества образования. М.; Уфа, 2003.
8. *Казакова Н.Ф.* Формирование компетенции старшеклассников в сфере экологического образования:дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Ижевск, 2004. 186 с
9. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2001 г. №1756. М.: ЦГЛ, АПК и ПРО, 2004. - 24 с.
10. Контакт: Бюллетень ЮНЕСКО/ЮНЕЛ по образованию в области окружающей среды. 1981. Т. VI. № 1; 1983. Т. VIII. №№ 1-3.
11. *Ландшеер В.* Концепция «минимальной компетенции». Перспективы: Вопросы образования. 1988. № 1. С. 32.
12. *Лебедев В.В.* Структурирование компетенций – перспективное направление в решении проблем образования. Школьные технологии. 2007. №2. С. 97-103. практика..СПб.: Питер, 2001. 639с.
13. *Селезнева Е.В.* Сущностная характеристика акмеологической культуры личности // Мир психологии. 2004. № 1. С. 166 - 174.
14. *Симонов П.В., Ершов П.М.* Темперамент, характер, личность. М.: Наука, 1984. С. 64-72.

15. Словарь иностранных слов. Под ред. И.В. Лехииа и Ф.Н. Петрова. М., 1954.-853 с.

16. Стратегия модернизации содержания общего образования: Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. Под ред. А.А. Пинского. М.: «Мир книги», 2001. 95с.

17. *Хуторской А.В.* Современная дидактика. Теория, методология,

18. *Лихачев Б.Т.* Структура экологической культуры личности и педагогические основы ее формирования. Экологическое образование в России: Теоретические аспекты: Под ред. А. Н. Захлебного, Л. П. Симоновой-Салеевой. М.: Изд-во «Тобол», 1997. С. 68-81.

19. Национальная доктрина образования Российской Федерации. Утверждена Постановлением Правительства России 4 октября 2000.

20. Образование для решения экологических проблем. Программа развития АсЭкО. Вести СоЭС. 2000. № 3. С. 3-6.

21. Обязательный минимум содержания среднего (полного) общего образования. - http://www.edu.ru/db~mo/mo/Data/d_99/prn56-l .htm.

22. *Селевко Г.* Компетентности и их классификация. Народное образование. 2004. № 4. С. 138-

A.A.PAVLOV

ACMEOLOGICAL APPROACH TO DEVELOPING THE COMPETENCE OF ENVIRONMENTAL SAFETY OF STUDENTS

In this paper, acmeologic approach towards environmental security and competence development of ecological culture of students are given various options for the concepts of "competence" and "competence." The results of the study developed by the author of a three-stage formation of ecological culture and youth safety, changes in motivation and competence of students in the course of the experiment.

Key words: ***competency approach, competencies, competency, acmeological approach, environmental safety, ecological culture.***

А.С. ПАРФЕНОВ
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Орловского государственного аграрного университета
Тел. 8 960 650 91 22

ОБРАЗ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ: ПРОБЛЕМЫ, АНАЛИЗ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

В статье рассматривается проблема здоровья студентов, которая является важной не только для самих студентов, но и для общества в целом. В статье описан образ жизни студентов как особый набор потребностей и соответствующих занятий. Автор статьи приходит к заключению, что здоровье студентов должно находиться под строгим контролем общественных, медицинских, образовательных учреждений и организаций.

Ключевые слова: ***мотивация, здоровье, организация, спорт, двигательная активность, здоровый образ жизни, физическая культура.***

Здоровье студентов в настоящее время является одной из важных проблем не только самих студентов, но и общества. Ведь заболеваемость среди населения России, да и студентов, является высокой [1,2,4]. Их здоровье в наибольшей степени зависит от образа жизни, а образ жизни есть не что иное как определенный способ интеграции потребностей и соответствующей деятельности, сопровождающийся переживаниями и действиями. Все это вызывает беспокойство у работников здравоохранения, образования и физической культуры [3, 5, 6].

Так что же собой представляет студент в ОГАУ с точки зрения социологического исследования и врачебно-педагогического наблюдения? Для понятия этого вопроса были изучены литературные источники, проведены анонимное анкетирование и собеседование, изучена медико-педагогическая документация кафедры и проанализированы результаты собственного врачебно-педагогического обследования студентов.

В 2008 - 2009 гг. было обследовано 1030 студентов на базе кафедры физического воспитания ОГАУ. Юношей было 529 (51,36 *%),* девушек – 498 (48,35 *%),* трое (0,29%) респондентов I не указали свою половую принадлежность. По возрасту распределились: 16 лет – 1 (0,09 *%)* студент; 17 лет – 144 (13,98 %), 18 лет – 256 (24,85 %), 19 лет – I 257 (24,95 %), 20 лет – 209 (20,29 %); 21 – 25 лет -157 (15,24 %), 6 (0,6 %) респондентов оставили графу незаполненной.

На первом курсе учатся 283 (27,48 %) обследованных, втором – 269 (26,12 %), третьем – 316 I (30,68 %), четвертом – 143 (13,88 %), пятом – 3 (0,29 %), а 16 (1,55 %) не ответили на поставленный вопрос.

Большинство обследованных являются выходцами из служащих и рабочих семей (39,5 % и 37,685 %) и в большинстве своем не замужем и не женаты (95,44 %).

Основная масса студентов до поступления в вуз проживала в России (93,3%), остальные приехали из Украины, Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Белоруссии.

Одним из отрицательных последствий в развитии современного студента является пристрастие I его к вредным привычкам. Они у него многообразны. Среди обследованных курят 19,22 % (из них девушек – 7,15 *%),* бросили курить 8,6 %. Алкогольные напитки употребляют 6 % студентов, по праздникам и семейным торжествам – 66,8 %, 3–4 раза в месяц – 4,9 %. Не ответили на поставленный вопрос 0,3 %.

Среди вредных привычек можно также выделить: читают по ночам (34,47 %) и во время еды (19,42 %), любят плотно покушать (76,7 %), страдают ленью (2,42 %), любят долго поспать (1,74 %), часто и долго смотреть телевизор (0,58 %), проводят время за компьютером (0,48 %). Бороться с вредными привычками стараются 38,16 % респондентов.

На «отлично» учатся 16,6 % студентов, на «отлично» и «хорошо» – 42 %, «хорошо» и «удовлетворительно» – 30,7 %, «удовлетворительно» – 6,4 %. У некоторых из них бывают «завалы» – 3,8 %. Не ответили на поставленный вопрос 0,5 %.

Физической культурой больше половины студентов (52,5 %) занимаются в основном учебном отделении, значительно меньше (7,1 %) – в подготовительном, в специальном медицинском – 39,7 %. На поставленный вопрос не ответили 0,7 % респондентов.

Режима питания придерживаются только 26,9 % студентов, а 62,1 % – не соблюдают, графу оставили не заполненной – 11%. Как считают сами студенты, полноценно питаются только 49,8 %. Принимают пищу 3–4 раза в день 79,44 % респондентов, 2 раза – 17,48 %, 1 раз – 1,65 *%.* Не ответили на поставленный вопрос

© А.С. Парфенов

1,43 %. Жидкую пищу (борщ, суп) 1 раз в день принимают 69,9 % студентов, 2 раза – 15,83 %, 3 раза – 7,3 %, а 6,97 % оставили графу пустой. Завтракают 80,1 % студентов, обедают 83,8 %, ужинают 21,3%.

К занятиям физической культурой большинство студентов относится положительно (88,34%). Посещают занятия; по физической культуре с охотой 66,86 % студентов, без желания 27,84 %. Не ответили на поставленный вопрос 5,3 %. Занятия не пропускают 35,9 % обследованных, иногда – 11,75 %, редко – 35,5 %. Часто не посещают занятия только 6,55 %, а у 10,3 % нет ответа на поставленный вопрос.

Интересны мнения студентов в отношении частоты занятий физической культурой в неделю. Так, 65,13 % студентов считают, что в неделю необходимо проводить две пары, а 18,26 % – три-четыре. Некоторые из них рекомендуют вводить одну пару в неделю (12,51 %) и даже ни одной (1,1 %). Нет ответа на этот вопрос только у 3 %.

Большинство студентов считают, что занятия по физической культуре лучше проводить совместно – юношей с девушками (71,5%), меньшая часть – раздельно (23,6 %), 2,3 % написали, что «не имеет значения», а 2,6 % не ответили на поставленный вопрос.

Кроме основных занятий по физической культуре, 27,8 % студентов посещают еще 20 спортивных секций как в стенах университета, так и в других спортивных организациях города. Так, секцию плавания посещают 109 (10,6 %) студентов, теннис – 90 (8,7%), волейбол – 67 (6,5 %), фитнес – 64 (6,2 %), аэробику – 47 (4,6%), стрельбу – 40 (3,9 %), баскетбол – 38 (3,7 %), легкую и тяжелую атлетику – 32 (3,1 %), тренажерный зал – 30 (2,9 %), шейпинг – 28 (2,7 %). Довольно значительная часть студентов (15,34%) посещает и платные спортивно-оздоровительные секции.

В выходные дни двигательная активность студентов, по их мнению, является активной у 166 (16,1 %), высокой у 86 (8,35 %), нормальной у 32 (3,1 %), средней у 66 (6,4 %), а низкой у 38 (3,7 %). Остальные в этих графах записали, что занимаются бегом (3,1 %), танцами (3,2 %), утренней зарядкой (0,5 %), футболом (1,7 %), ходьбой (24,4 %) и другими видами: физических нагрузок. Не ответили на поставленный вопрос 283 (27,4 %) обследованных..

Сами студенты считают, что 40,87 % из них достаточно хорошо заняты физической нагрузкой, 31,93 % — не совсем, а 24,2 % отметили, что недостаточно. Не заполнили графу по данному вопросу 3 %. Спортом увлекаются 28,2 % студентов, а спортивный разряд имеют только 18,93 %.

Проведенный анализ мнений студентов в отношении своего состояния здоровья и физического развития показал, что о своем физическом развитии знают только 39,42 % студентов, приблизительно 48,25 %. Что касается физической подготовленности, то о ней знают 23,1 % обследованных, приблизительно 46,5 %. Однако одни студенты все же хотят знать об уровнях своей умственной работоспособности (18,35 %), а другие – о физической подготовленности (16,8 %), третьи – о состоянии здоровья и телосложении (39,25 % и 19,81 %). Полученные знания во время занятий физической культурой дают возможность студентам овладеть такими навыками и умениями, которые будут способствовать самостоятельному выполнению вне учебного времени физических упражнений и других оздоровительных мероприятий.

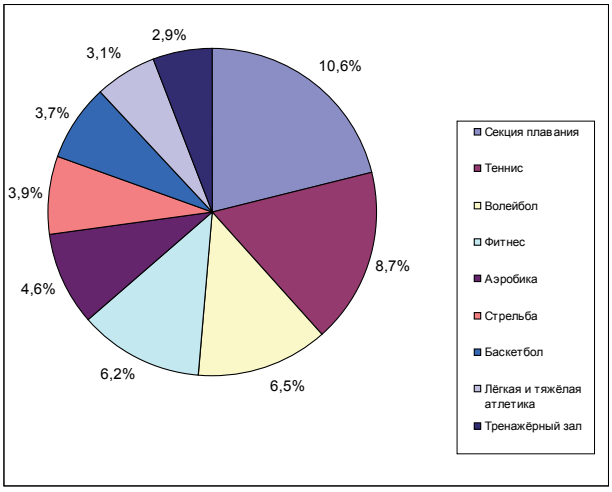


Рис.1. Структура посещения студентов спортивных секций как в стенах вузах, так и в других спортивных организациях города.

В то же время путь повышения интереса студентов к занятиям ФСД включает улучшение преподавателем качества занятий, возможность выбора вида спорта, оборудованную спортивную базу, реклама занятий: по физической культуре. А для этого необходимо использовать такие формы физической активности:

– массовые спортивные и физкультурно-оздоровительные мероприятия;
– активный отдых: прогулки, игры, купание;
– секционные занятия по виду спорта;
– самостоятельные занятия;
– клубные формы по физкультурным интересам.

За время учебы в университете у 38 % обследованных студентов повысился интерес к занятиям физической культурой, у 50,53 % остался без изменений, у 10,21 % он снизился. У 2,14 % графа по этому вопросу была незаполненной. Однако 79,7 % обследованных студентов считают физическую культуру необходимым элементом общей культуры личности, а еще 14,3 % колеблются в этом вопросе.

Как показало анонимное анкетирование, обследуемые студенты активно участвуют и в расшире-

нии своего кругозора в современной жизни, и в повышении своей интеллектуальной культуры. Так, среди них:

– постоянно читают газеты – 40,3 %, изредка – 39,3 %;

– постоянно слушают радио – 77,5 %, изредка – 15,5 %;

– постоянно читают художественную литературу –55,4 %, изредка – 9,6 %.

Тематика их интересов разнообразна – от политики, истории, науки, спорта до обычных житейских дел.

С удовольствием они посещают дискотеки (63,2 %), гуляют в парках, бывают в шумных компаниях, занимаются любимым делом. Он также с большим удовольствием сидит дома и ходит в культурно-воспитательный центр (66,2%), часть из них (13,8 %) участвуют в художественной самодеятельности.

Обследуемые студенты имеют и свои увлечения (хобби) – таких 607 (58,9 %). Самыми частыми увлечениями у них были занятия спортом (19,1%), компьютером (14,2 %), музыкой (10 %), чтение книг (7,2 %), рисование и рукоделие (по 5,2 %), танцы (5,1 %), любят возиться с автомобилями и мотоциклами (4,8 %). В отдельных случаях они занимаются рыбалкой, коллекционированием. А 26 (4,3%) студентов записали, что у них имеется много увлечений.

Перед обследованными студентами был поставлен вопрос: как они относятся к своему здоровью? Большинство из них (72,53 %) ответили – разумно. Не обращают внимание на свое состояние здоровья 16,59 % обследованных, постоянно беспокоятся о нем только 10,49 %, не заполнили графу 0,39 % респондентов. Следует отметить, что прошли лечение в стационарных условиях 62,43 % студентов, а оперативному вмешательству подвергались 26,21 %. Однако больными себя не считают около 62 % студентов.

Как показал наш опыт наблюдения и общение со студентами, – они завышают свое мнение в отношении состояния здоровья. Об этом свидетельствуют результаты обследования врачебно-педагогической комиссией студентов первого курса на протяжении 2005 - 2008 гг. на кафедре физического воспитания и спорта (табл1).

Таблица 1.

Заболеваемость студентов-первокурсников ОГАУ в динамике

№ п/п	Число заболеваний или дефектов	Годы обследования							
		2005		2006		2007		2008	
		абсол. число	%	абсол. число	%	абсол. число	%	абсол. число	%
1.	Одно	260	38,9	337	38,7	430	33,9	207	27,1
2.	Два	158	23,6	235	27,7	323	25,4	173	22,7
3.	Три	45	6,7	81	9,3	156	12,3	120	15,7
4.	Четыре	12	1,8	22	6,0	76	6,0	69	9,0
5.	Пять	2	0,3	3	0,5	2,3	1.8	-	-
6.	Шесть	-	-	-	-	9	0,7	-	-
7.	Признаны здоровыми	192	28,7	193	22,2	253	19,9	145	19,0
		669	100	871	100	1270	100	764	100

Как видно из таблицы, число студентов с одним заболеванием или дефектом в развитии на протяжении последних 9 лет с каждым годом уменьшалось, в то время как число студентов с двумя и более заболеваниями увеличивалось. Число же студентов, признанных врачебно-педагогической комиссией здоровыми, с каждым годом сокращалось.

Нами также был проведен сравнительный анализ структуры заболеваемости по этим годам. Выяснилось, что самой распространенной паталогией среди систем организма студентов были заболевания и нарушения опорно-двигательнго аппарата, органов зрения, уха, горла, носа и внутренних органов. В то же время среди нозологических заболеваний чаще всего встречались сколиоз, плоскостопие, миопия, хронический тонзиллит, гайморит и вазомоторный ринит, вегетососудистая дистония, реже – пролапс митрального клапана, гиперплазия щитовидной железы, гипотрофия.

Подводя итог рассматриваемой социально-педагогической диагностики в алгоритме формирования физической культуры личности студента, можно выделить в виде выводов следующие положения:

1. Здоровье студентов в настоящее время является одной из важных проблем не только в их жизнедеятельности, но и в обществе. Если в целом состояние здоровья населения привлекает внимание исследователей, то студенты с их заботами и проблемами остались наедине с собой.

2. Проведенные исследования показали, что обследуемые студенты по состоянию здоровья в большинстве своем являются нездоровыми и нуждаются в поддержке, помощи и разработке для них социальной, медицинской, физической реабилитации и рекреации со стороны ведомств здравоохранения, образования, физической культуры, молодежных и научных организаций, а в высшем учебном заведении при этом необходимо комплексное сотрудничество кафедры физического воспитания, здравпункта, культурно-воспитательного центра, профкома и деканатов.

3. Наиболее распространенной патологией среди них были заболевания и нарушения опорно-двигательного аппарата, органов зрения, горла, носа и внутренних органов. Своевременное выявление и устранение отрицательных факторов, которые ухудшают физическое, психическое и социальное здоровье студентов, даст возможность улучшить интеллектуальное состояние общества и тем самым интеллект нации в целом. Этому же будет способствовать создание и формирование условий здоровой среды обитания в высшем учебном заведении; проведение контроля за состоянием окружающей территории, комбината питания, санузлов, учебных помещений, мест отдыха и других объектов.

4. Алгоритм оздоровления в пространстве вуза должен включать в первую очередь научно-методическое и медико-биологическое обеспечение работы по рациональной организации образовательного процесса студентов в области физического воспитания и спорта, а именно: использование средств физической культуры, ее методов и форм занятий, естественных факторов природы, а также гигиеническое и валеологическое воспитание и образование студентов на всех курсах обучения.

5. В условиях ОГАУ необходимо предусмотреть обязательное проведение ежегодных врачебно-педагогических обследований студентов, только что поступивших на первый курс, на базе кафедры физического воспитания с привлечением врачей разных специальностей, а также биологов, психологов, социологов и студентов старших курсов. Все это даст возможность рационально распределить первокурсников в группы для занятий физической культурой в учебные отделения — основное, подготовительное, специальное медицинское, спортивное и послужит в дальнейшем на последующих курсах основой алгоритма динамического мониторинга за ними.

6. Особое место в комплексной программе оздоровления студентов должна занимать аналитическая модель, построенная на основании проведенной теоретической и исследовательской работы, – «Комплексная авторская программа здоровья студента». Эта программа должна включать формирование, укрепление и сохранение здоровья студента и в то же время отражать формирование физической культуры его личности.

Библиографический список

1. *Виленский М.Я.* Основы здорового образа жизни студентов. Учеб. пос. М.: МНЗПУ, 1995. 90 с.
2. *Зайцев В.П.* Формирование оздоровительной культуры студентов в специальном учебном отделении. Монография. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2003. 232 с.
3. *Кучма В.Р.* Школы, содействующие укреплению здоровья: Европейский проект ВОЗ в Российской Федерации. М.: ГУ НЦЗД РАМН, 2002. 15 с.
4. *Латышевская Н.И.* Тендерные различия в состоянии здоровья и качества жизни студентов. Гигиена и санитария. 2004. - № 1. С 51 - 54.

A.S. PARFENOV

THE WAY OF LIFE AND HEALTH OF STUDENTS: PROBLEMS, ANALYSIS, EXPERIENCE, RECOMMENDATIONS IN OREL SAU

The article touches upon the problem of students' health, which is of great importance not only for the students themselves but for the whole society. The students way of life as a special means of fusion of wants and corresponding activities is described in the article. The author of the article arrives to the conclusion that the students' health should be under strict control of social, medical, educational, youth establishments and organizations.

Key words: **motivation, health, organization, sport, motor activity, healthy lifsttyle, physical education.**

А.А. СЕРГЕЕВ
кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Волгоградского государственного университета
E-mail:anan69@yandex.ru
Тел.8 906 175 33 72

Л.С. МАКАРОВА
магистрант 6 курса направления «Социология» Волгоградского государственного университета
E-mail:antizai@yandex.ru
Тел. 8 906 406 01 47

Л.А. ОДИНЦОВА
соискатель кафедры психологии Волгоградского государственного университета
E-mail:placebo1917@yandex.ru
Тел.8 917 845 20 26

ЮМОР КАК ЭЛЕМЕНТ НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются основные формы неформальной коммуникации и роль ее в социальном взаимодействии, особое внимание уделяется юмору как сатирическому элементу неформальной коммуникации. Приведено описание и освещены основные результаты исследования чувства юмора как элемента неформальной коммуникации в организации.

Ключевые слова: ***социальное взаимодействие, сатирический элемент неформальной коммуникации, чувство юмора.***

Термин «коммуникация» (лат. communicatio от communicare) в переводе на русский язык означает связь, сообщение. В широком смысле коммуникация имеет два значения: установление связи одного места с другим и передача информации от одного человека другому.

Одна из первых попыток определения коммуникации, с учетом человеческого фактора и взаимодействия участников акта коммуникации (в противовес механической тенденции коммуникации), принадлежит английскому литературному критику И.А.Ричардсу: «коммуникация имеет место, когда одно человеческое сознание так действует на окружающую его среду, что это влияние испытывает другое человеческое сознание, и в этом другое сознании возникает опыт, который подобен опыту в первом сознании, и вызван в какой-то мере этим первым опытом» [3].

В начале 30-ых годов появляется работа Карла Ясперса «Философия», в которой автор, по-видимому впервые, начинает обсуждать коммуникацию как первичную реальность. Ясперс утверждал, что теперь реально для людей то, что можно сообщить другому, – точнее, «то сообщение, что объединяет меня с ним, служит средством единения» [4]. Появление такого представления о коммуникации привело к тому, что данная тематика с середины XX века становится одной из наиболее обсуждаемых в научной среде.

Специфика коммуникации как формы социального взаимодействия заключается в обмене информацией. С этой позиции социальная коммуникация представляет собой форму социального взаимодействия. Неформальная коммуникация как форма социальной «завязана» на личных, нерегламентированных, порой доверительных отношениях, которые в целом способствуют удовлетворению потребностей людей в общении. К основным особенностям неформальной коммуникации можно отнести большую скорость передачи информации, большой объем аудитории, меньшая (хотя и не всегда!) достоверность передаваемых сообщений.

Как указывает С.С. Андрейкин, изучение неформальных коммуникаций связано с «новым этапом в изучении коммуникаций – школой человеческих отношений (Э. Мэйо, Ф. Ротлисбергер, У. Диксон, Д. МакГрегор и др.)» [1]. Стоит также отметить представителей школы социальных систем и социотехнической концепции организации (Г. Саймон, Дж. Вудворд). Значительный вклад в изучение неформальных коммуникаций внесли отечественные представители науки (А.А. Богданов, Н.А. Витке, А.К. Гастев, П.М. Керженцев, И.В.Макарова).

Проведя обзор теоретических изысканий по

© А.А. Сергеев, Л.С. Макарова, Л.А. Одинцова

проблеме неформальной коммуникации, отметим авторов, изучающих различные стороны данного процесса. Неформальные элементы общественного мнения (слухи, сплетни, байки) рассматриваются в работах Дмитриева А.В., Дубина Б.В., Егорова А.В., Назаретян А.П., Николаева В.Г., Почепцова В.В. и др. Среди зарубежных авторов стоит отметить Зиммеля Г., Смелзера Н., Шибутани Т., Энтони С.И др. Исследованием сатирических элементов неформальной коммуникации (юмор, афоризмы, анекдоты, частушки) занимались такие авторы, как Бутенко И.А., Дмитриев А.В. и др. Фальсифицирующие элементы неформальной коммуникации (ложь, обман, наговоры, клевета, поклеп) исследуются в работах Дмитриева А.В., Доценко Е.Л. и др. Изучение фольклорно-ментальных элементов неформальной коммуникации (куда относят мифы, легенды, поверья и др.) можно обнаружить в исследованиях Дубина Б.В., Зобова Р.А., Ивушкина Е.Б. и др.

В рамках нашего исследования остановимся более подробно на сатирическом элементе неформальной коммуникации, а именно на юморе.

Под юмором подразумевается широкое понятие, которое относится ко всем словам и действиям людей, воспринимающимся как забавные и обычно вызывающие смех у других, а также к психическим процессам, которые участвуют в генерации и восприятии такого забавного стимула, и к эмоциональной реакции, связанной с получением удовольствия от него. Являясь, по сути, социальным явлением, юмор имеет место буквально в любой ситуации общения. Понятие «чувство юмора» возникло в XIX в. и в своем первоначальном значении имело эстетическую коннотацию, обозначая способность воспринимать и понимать юмор, затем чувство юмора как черта характера приобрело социально-желательный смысл и стало рассматриваться как неотъемлемая составляющая эффективного лидерства.

Во всех типах межличностных взаимодействий юмор выполняет различные функции. Из-за своей двусмысленности и возможности взять свои слова обратно юмор, как и вежливость, может быть полезной тактикой для защиты своей и чужой репутации и поэтому играет важную роль в облегчении социальных взаимодействий. Люди также используют юмор для поддержания своего статуса в групповой иерархии. Юмор может являться способом укрепления сплоченности и чувства групповой идентичности, может помочь членам группы поддерживать хорошие отношения, служа средством снятия стресса, когда начинает нарастать переутомление. Одной из важных функций юмора является функция социального исследования – нам всегда необходима информация для достижения наших целей во взаимодействии с другими людьми – юмор является приемлемым и безопасным способом получения такой информации. К.Винтон установила, что юмор способствует установлению связей между работниками и таким образом облегчает решение рабочих задач [6].

Как важный навык неформальной коммуникации, юмор будет потенциально полезен для реальных и потенциальных лидеров. Более того, юмор может быть представлен как особый тип межличностной компетентности, без которого стать лидером в группе сложнее.

Целью нашего исследования было раскрытие специфики чувства юмора у лидеров как элемента неформальной коммуникации в зависимости от преобладающего у них типа лидера.

Теоретико-методологической базой нашего исследования послужили работы таких ученых как К.Берд и Т.В Бендас. К. Берд в 1940 году обнаружил 79 черт, выявленных в 20 исследованиях, и только четыре из них были общими для пяти или более исследователей (экстраверсия, интеллект, юмор, инициатива) [2]. Т.В. Бендас при выделении блока качеств, которые характеризуют эмоционально-волевую сферу человека, развитие силы «Я» и в целом могут быть определены как энергетический потенциал лидера, выделяла следующие качества: 1) оптимизм и чувство юмора; 2) эмоциональный самоконтроль; 3) сила духа и стойкость перед лицом трудностей, настойчивость в их преодолении; 4) сила убеждений и умение отстаивать свое мнение; 5) уверенность в себе; 6) активность; 7) склонность к риску. Также ей было установлено, что имплицитная модель лидера у профессиональных психологов обнаруживает большое сходство по значимым для лидера качествам. Самыми значимыми для лидера считались: а) уверенность в себе; б) организаторские способности; в) эмоционально-волевые качества (инициативность, активность, настойчивость, социальная смелость); г) чувство юмора; д) знание того, что нужно делать в конкретной ситуации; е) честолюбие.

Для определения доминирующего стиля в проявлении чувства юмора мы использовали опросник Рода Мартина на стили юмора (HSQ) [5]. Опросник содержит 16 утверждений, согласие или несогласие с которым испытуемые выражают в баллах, где 1 – абсолютно несогласен, 7 – полностью согласен. Далее производится подсчет баллов в соответствии с ключом по 4 шкалам, отражающим 4 стиля юмора. Максимальный балл определяет доминирующий стиль юмора у респондента.

Шкала 1. Аффилиативный юмор относится к склонности рассказывать забавные истории, шутки и добродушно подшучивать, чтобы развлечь других, установить отношения и ослабить напряжение в межличностных отношениях (например, «Я люблю смешить людей»). Предполагается, что это по сути своей невраждебное, терпимое использование юмора, которое помогает утвердиться себе и другим и, возможно, повышает межличностную сплоченность.

Шкала 2. Самоутверждающий юмор относится к тенденции сохранять юмористический взгляд на жизнь, даже когда другие не разделяют этот взгляд, часто испытывать веселость от несоответствий жизни, придерживаться юмористической точки зрения даже перед лицом стресса или тяжелой ситуации и использовать юмор для совладания.

Шкала 3. Агрессивный юмор – это склонность использовать юмор для критики других или манипулирования ими, как это бывает при сарказме, поддразнивании, насмешках, высмеивании или унижающем юморе, а также использовании потенциально оскорбительных (например, расистских или сексистских) форм юмора (например, «Если кто-то допускает ошибку, я часто поддразниваю этого человека). Агрессивный юмор также включает навязчивые шутки, даже когда это неуместно. Этот тип юмора рассматривается как способ возвышения себя, пренебрегая взаимоотношениями с другими.

Шкала 4. Самоуничижительный юмор предполагает использование чрезмерно унижающего себя юмора, попытки развлечь других, делая или говоря что-то забавное в ущерб своей репутации, и смех с другими при насмешках и унижения с их стороны (например, «Я часто стараюсь понравиться людям или заставить их больше принимать меня, рассказывая что-нибудь смешное о своих слабостях, ошибках или промахах»). Этот вид юмора используется для заискивания перед другими. Он также включает использование юмора как форму защитного отрицания, позволяющего скрывать отрицательные чувства или избегать конструктивного решения проблем. Этот стиль юмора рассматривается как попытка привлечь к себе внимание и получить одобрение других за счет собственной репутации.

В исследовании нами были выделены три типа лидеров – деловой, социоэмоциональный и лидер смешанного типа. Деловой лидер осуществляет организационную и руководящую деятельность, ориентирован на дело, задачу. Социоэмоциональный лидер ориентирован на организацию межличностных отношений и взаимоотношений, на вопросы социально-психологического климата, на предупреждение конфликтов в коллективе. Лидер смешанного типа имеет средние показатели по критериям вышеозначенных лидеров. Для определения типа лидера мы применили методику Р. Бейлза – Ц. Шнейера (модификация Т. В. Бендас) «Определение типа лидерского поведения» [2].

Выборка составила 42 человека, лидеров в 19 коллективах.

В нашем исследовании было выявлено, что среди мужчин подавляющее количество лидеров делового типа – 44,4%, поровну распределились социоэмоциональный и смешанный тип – по 27,8%. Подавляющее количество женщин являются лидерами социоэмоционального типа – 54,2%, 29,2% пришлось на долю смешанного типа, деловой тип остался в меньшинстве – 16,7%.

Таблица 1 иллюстрирует распределение преобладающего стиля юмора и типа лидера. Высокое значение хи-квадарата Пирсона – 20.231 и р-значимость, равная 0,003, свидетельствуют о наличии сильной взаимосвязи между переменными. Как следует из нашей таблицы, деловому типу лидера будет соответствовать агрессивный стиль юмора, социоэмоциональному – самоутверждающий и аффилиативный тип юмора.

Для выявления взаимосвязи между преобладающим стилем юмора и типом лидера мы провели корреляционный анализ, результаты которого представлены в табл.2. Интерпретация полученных данных дает нам следующие интересные результаты: выявлена сильная отрицательная взаимосвязь между социоэмоциональным типом лидера и агрессивным стилем юмора, между деловым типом лидера и аффилиативным и самоуничижающим стилем юмора; выявлена сильная положительная корреляция между социоэмоциональным стилем и аффилиативным стилем, деловым и агрессивным стилем.

Таким образом, обобщая полученные результаты, мы можем сделать следующие выводы:

– выявлена сильная отрицательная взаимосвязь между социоэмоциональным типом лидера и агрессивным стилем юмора, между деловым типом лидера и аффилиативным и самоуничижающим стилем юмора;

– выявлена сильная положительная корреляция между социоэмоциональным стилем и аффилиативным стилем, деловым и агрессивным стилем.

Таблица 1.

Результаты кросстабуляционного анализа для взаимосвязи типа лидера и преобладающего стиля юмора

			Тип лидера			Всего
			деловой	социо-эмоциональный	смешанный	
Преобладающий стиль юмора	Агрессивный	Кол-во	7	0	1	8
		%	87,5%	,0%	12,5%	100,0%
	Аффилиативный	Кол-во	3	9	6	18
		%	16,7%	50,0%	33,3%	100,0%
	Самоуничижающий	Кол-во	0	2	3	5
		%	,0%	40,0%	60,0%	100,0%
	Самоутверждаюший	Кол-во	2	7	2	11
		%	18,2%	63,6%	18,2%	100,0%
Всего		Кол-во	12	18	12	42
		%	28,6%	42,9%	28,6%	100,0%

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа для выявления взаимосвязи выраженности типа лидера и выраженности стиля юмора

		Агрессивный стиль	Аффилиативный стиль	Самоуничижающий стиль	Самоутверждающий стиль
Социо-эмоциональный стиль	Корреляция Пирсона	-,397**	,479**	,236	,187
	р-значимость	,009	,001	,132	,235
	Кол-во респондентов	42	42	42	42
Деловой стиль	Корреляция Пирсона	,413**	-,538**	-,394**	-,255
	р-значимость	,007	,000	,010	,103
	Кол-во респондентов	42	42	42	42

Библиографический список

1. *Андрейкин С.С.* Прецедентный анализ неформальных коммуникаций в корпоративном управлении: дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. н.: 22.00.08. М., 2008. 159 с.
2. *Бендас Т.В.* Психология лидерства: Учебное пособие. СПб., Питер, 2009. 448 с.
3. *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
4. *Jaspers K.* Philosophie.Bd.2.B.,1932.
5. *Martin R.A.* Sense of humor. In S.J. Lopez & C. R. Snyder (Eds.), Positive psychological assessment: A handbook of models and measures (pp. 313-326). 2003.
6. *Vinton K.L.* Humor in the workplace. It is more than telling jokes. Small Group Behavior, 20(2), 151-166, 1989.

A.A.SERGEEV, L.S.MAKAROVA, L.A.ODINTSOVA

RESEARCH OF SENSE OF HUMOUR AT AS ELEMENT OF INFORMAL COMMUNICATIONS

In article the basic forms of informal communications and its role in social interaction are analyzed, the special attention is given to humour as to a satirical element of informal communications. The description is resulted and the basic results of research of sense of humour as element of informal communications in the organisation are shined.

Key words: **Social interaction, satirical element of informal communications, sense of humour.**

Т.И. СМАГИНА
старший преподаватель кафедры французского языка факультета иностранных языков Орловского государственного университета
E-mail: smagina.tat@mail.ru
Тел.: (4862) 75 21 60 (раб.); 8 910 301 83 92

ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются некоторые подходы к проблеме педагогического проектирования, предлагаются и анализируются понятия: «проектирование», «педагогическое проектирование», «модель», «моделирование», «педагогическое моделирование» применительно к построению модели готовности бакалавра к развивающему обучению младших школьников иностранному языку.

Ключевые слова: ***проектирование, педагогическое проектирование, модель, моделирование, педагогическое моделирование.***

Вхождение России в европейское образовательное пространство ориентирует ученых на исследование инновационных путей реформирования отечественной высшей школы. Введение системы уровневой подготовки специалиста в области педагогического образования вызывает необходимость обоснования новых концептуальных подходов, целей, задач профессиональной подготовки, и, следовательно, разработки моделей готовности бакалавра к профессиональной деятельности. Для систематизации достаточно разрозненных идей теории профессионально-педагогической готовности требуется четкая и обоснованная формулировка понятийного аппарата.

В контексте исследуемой нами проблемы формирования готовности студентов-бакалавров к развивающему обучению младших школьников иностранному языку, а значит, построения соответствующей модели готовности, представляется необходимым рассмотреть прежде всего такие понятия, как «проектирование», «моделирование», «модель». Известно, что эти понятия приобрели общенаучный характер. Однако каждая наука вырабатывает собственный, характерный для нее понятийный аппарат. В связи с этим мы придаем важное значение отработке системы указанных понятий в плане их использования в педагогических науках, и, в частности, для проектирования разрабатываемой нами модели.

В энциклопедическом словаре понятие «проектирование» трактуется как процесс создания проекта – прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния; понятие «проект» (от латинского projectus, буквально – брошенный вперед) имеет следующие значения: 1) совокупность документов (расчетов, чертежей и др.) для создания какого-либо сооружения или изделия; 2) предварительный текст какого-либо документа; 3) замысел, план [10: 1065].

В словаре русского языка С.И. Ожегова проект – это: 1) разработанный план сооружения, какого-нибудь механизма, устройства; 2) предварительный текст какого-нибудь документа; 3) замысел, план. Проектировать: 1) составлять проект; 2) предполагать, намечать; 3) чертить или производить проекцию [9: 608].

Таким образом, термин «проектирование» имеет разные значения: с одной стороны, это способ создания чего-либо; с другой – это специфический вид деятельности, направленный на создание проекта, процесс создания проекта; с третьей – это научно-практический метод изучения и преобразования действительности.

Проектирование становится самостоятельным предметом науки с конца 80-х – начала 90-х годов XX века. Во второй половине 90-х годов идея стандартизации образования способствовала активизации проектной деятельности в сфере обучения и воспитания. Исследования ученых в этот период, особенно В.П. Беспалько, способствуют тому, что педагогическое проектирование получает статус самостоятельного вида педагогической деятельности.

В современной науке педагогическое проектирование часто рассматривается как целенаправленная деятельность педагога по созданию проекта, который представляет собой инновационную модель педагогической системы, ориентированную на массовое использование.

В рамках педагогического проектирования в качестве самостоятельного направления выделяют дидактическое проектирование, которое связано с созданием разнообразных проектов процесса

© Т.И. Смагина

обучения. Р.И. Кузьминов [8: 66] дает определение дидактического проектирования как сложной многоступенчатой деятельности педагога, которая связана с созданием моделей дидактических систем и процессов их осуществления различного уровня и совершается как ряд последовательных этапов, приближая разработку замысла от общей идеи к точно описанным действиям. Объектами дидактического проектирования являются дидактические системы, дидактические процессы и дидактические ситуации.

Проектирование становится самостоятельным предметом науки, однако мнения ученых в определении этого понятия неоднозначны. Педагогическое проектирование рассматривается в качестве процесса выращивания новейших форм общности педагогов, учащихся, нового содержания и технологий образования, способов педагогической деятельности и мышления (В.А. Болотов, И.Ф. Исаев); как содержательное, организационно-методическое, материально-техническое и социально-психологическое оформление замысла и реализации целостного решения педагогической задачи, осуществляемой на эмпирико-интуитивном, опытно-логическом и научном уровнях (В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов); как особый способ познания и преобразования действительности (И.А. Колесникова); как многошаговое планирование, как деятельность по определению условий реализации определенной педагогической системы (В.П.Беспалько); как деятельность, целью которой является разработка новых, не существующих в практике образовательных систем и видов педагогической деятельности; и др.

Проектирование в педагогике состоит в том, чтобы создавать предположительные варианты предстоящей деятельности и прогнозировать ее результат. Отсюда следует, что проектирование неразрывно связано с понятием «деятельность». Если рассматривать его с этих позиций, то главным в такой деятельности оказывается генерация, проработка и интеграция комбинаторных проектных идей и решений. Результатом деятельности проектирования выступает совокупность разработанных, обоснованных и логично выстроенных идей [8: 20].

Сама проектировочная деятельность педагога имеет сложную структуру. Исследователи (М.В. Кларин, Р.И. Кузьминов, В.В. Сериков и др.) в ее структуру вводят такие компоненты, как определение замысла, анализ ситуации, диагностика проблемы, структурирование процесса, поиск педагогических средств, реализация проекта, его экспертная оценка, корректировка.

В педагогическом проектировании понятия «проектирование» и «моделирование» близки по смысловому наполнению.

В философском словаре [11: 267] «моделирование (от французского modèle – образец, прообраз) – воспроизведение характеристик некоторого объекта на другом объекте, специально созданном для их изучения. Этот последний называется моделью».

И.А. Колесникова отмечает, что «моделирование широко используется в проектировании для представления и преобразования объектов, явлений или процессов, которых еще нет в реальности или они по каким-то причинам недоступны. Модель позволяет оперировать с ними, определяя устойчивые свойства, выделять отдельные сущностные аспекты проектируемых объектов, явлений и процессов и подвергать их более скрупулезному логическому анализу.

В рамках проектирования модель позволяет:

– создавать образы объектов или явлений;

– имитировать реальные процессы будущей деятельности;

– проигрывать, сравнивать и оценивать возможные результаты проектирования;

– делать обоснованный выбор одного из альтернативных вариантов решения проблем» [6: 29]. По мнению И.А. Колесниковой, моделирование можно считать частью проектирования, поскольку в круг проектных процедур входит создание моделей будущих объектов, процессов и явлений.

Многие ученые признают моделирование как метод познания интересующих нас качеств объекта через модели [1, 4, 12, 14 и др.]. Оно неразрывно связано с процессами абстрагирования и идеализации, посредством которых происходит выделение тех сторон моделируемого объекта, которые отражаются в модели. Моделирование как метод познания (явлений, процессов, систем) используется в любой сфере деятельности и имеет свои специфические особенности:

– позволяет изучить процесс до его осуществления. При этом становится возможным выявить отрицательные последствия и ликвидировать или ослабить их до реального проявления;

– позволяет более целостно изучить процесс, т.к. возможно увидеть не только элементы, но и связи между ними, рассмотреть ситуацию с разных сторон.

Исследование показало, что в науке существует несколько подходов к трактовке понятия «модель». Т.А. Черникова [13: 45] приходит к выводу, что это зависит от того, какое свойство или функция выделены в наибольшей степени, например: выделение специфического свойства – аналогии модели с оригиналом; выделение специфической функции модели в познании – функции эвристического заменителя оригинала; систематизация и упрощение

самого объекта, например, педагогического явления. Так, например, Т.В. Иванова [5] под моделью понимает изображение, схему, описание какого-либо объекта или их системы, которая упрощает структуру оригинала. Н.В. Кузьмина [7] – искусственно созданное для изучения явление (предмет, процесс, ситуация и т.д.) аналогичное другому явлению (предмету, процессу, ситуации и т.д.), исследование которого затруднено или вовсе невозможно. Модель в исследовании А.Н. Дахина [3: 23] понимается как искусственно созданный объект в виде схемы, физических конструкций, знаковой формы или формулы, который, будучи подобным исследуемому объекту (или явлению), отображает и воспроизводит в более простом и огрубленном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами этого объекта.

Существование различных подходов к понятию «модель» можно объяснить различными причинами. С одной стороны, это наличие в науке огромного количества классов моделей, а также различных способов моделирования объектов. Следствием этого является широкая вариативность определений данного понятия. С другой стороны, понятие «модель» в философском, педагогическом, историческом и других контекстах имеет разные значения, свои смысловые оттенки, что и вызывает сложность на контекстуальном, содержательном уровне.

Итак, в рамках проведенного анализа нам представляется правомерным рассматривать модель как идеализированный объект, целевой идеал; моделирование как метод познания интересующих нас качеств объекта через модель, а проектирование как способ создания моделей.

Построить модель – значит провести материализованное или мысленное имитирование реально существующей системы путем создания специальных аналогов, в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы. Воспроизведение характеристик некоторого объекта на другом объекте (модели), специально созданном для их изучения, называется моделированием. При моделировании прибегают к изучению и разработке вспомогательной системы: а) находящейся в некотором объективном соответствии с предметом познания, б) способной замещать его в определенных отношениях и в) дающей, в конечном счете, информацию о самом моделируемом объекте.

«Педагогическое моделирование — это разработка общей идеи создания педагогических систем, процессов или ситуаций и основных путей их использования (идея комплексного подхода к обучению; идея развивающего обучения; идея включения учащихся в разнообразные виды деятельности; идея сочетания индивидуального подхода и индивидуальных форм деятельности с включением в разнообразные формы коллективных отношений; идея оптимизации учебного процесса и т.п.). Создаваемая при этом модель есть предвосхищение будущего, опережающее отражение действительности. Иначе говоря, педагогическая модель – это целевой идеал» [8: 26].

Изучение и обобщение подходов к трактовке дефиниций, значимых при построении модели, позволило нам обосновать собственную трактовку рассматриваемых понятий, которые войдут в понятийно-категориальный аппарат нашего исследования. Таким образом, при построении модели готовности бакалавра к развивающему обучению младших школьников иностранному языку будем рассматривать:

- педагогическую модель как идеализированный педагогический объект, целевой идеал, опережающий отражение реальной действительности;
- педагогическое моделирование как метод познания интересующих нас качеств идеализированного педагогического объекта (т.е. разработанного целевого идеала) через описательное представление этого объекта (т.е. идеальную модель);
- педагогическое проектирование как способ создания педагогических (дидактических) моделей, как оформление замысла, как деятельность по конкретизации педагогической модели, определению условий ее реализации и доведение ее до уровня практического воплощения.

Данные понятия, взятые в отдельности, являются абстракциями. Мы сможем наполнить их конкретным содержанием, если продолжаем работать с ними впоследствии, проникая в их сущность за счет анализа и синтеза, уточнений и дополнений, выявляя и прослеживая при этом связи, отражающие объективную реальность.

Проектирование модели готовности специалиста как научного объекта требует учета того, что существует проблема соотношения между пониманием эмпирической реальности и теоретическими конструкциями. Если реальные явления и процессы подчиняются закону причинности, то теория конструируется по принципам логической непротиворечивости. Следовательно, само по себе исследование конкретных причин тех или иных явлений еще не дает нам общего понимания этих явлений, так как сталкивает нас с огромным разнообразием фактов и тенденций. Поэтому и необходимы некоторые идеальные понятия, которые на основе абстракции, схематизации, идеализации и др. абстрагируются от многочисленных деталей реальности и выстраивают логическую связь

между отдельными признаками и чертами. Таким образом, структура готовности специалиста, элементы которой находятся во взаимодействии друг с другом, показывает, каким должен быть изучаемый объект (готовность), если бы он отвечал логически непротиворечивой схеме. Взаимодействия между элементами соотносятся с методологическими и дидактическими принципами, элементы образуют определенную целостность, единство, а значит систему. При моделировании сложноорганизованных объектов используется системный подход к анализу их сущности, структуры, функционированию.

Понимание сущности исследуемых понятий позволяет рассматривать модель готовности бакалавра к развивающему обучению младших школьников иностранному языку как идеализированный педагогический объект, целевой идеал, опережающий отражение реальной действительности, а также дает возможность в этом сложноорганизованном объекте выделить такие основные структурные элементы, как:

– цели проектирования;

– субъекты, обеспечивающие достижение этих целей;

– их деятельность, направленная на достижение целей;

– отношения субъектов друг с другом, возникающие в процессе достижения целей;

– освоенную субъектами среду;

– управление, обеспечивающее единство компонентов рассматриваемой профессиональной готовности.

Системный подход к моделированию является наиболее эффективным способом повышения степени валидности модели. Помимо системного подхода эффективность педагогического моделирования определяют теории и гипотезы, основывающиеся на методологических и дидактических принципах. В науке принято считать, что эффективность моделирования выражается в том, насколько разработанная модель соответствует реальной действительности, в ее прогностической адекватности и валидности.

«Для определения степени эффективности моделирования введено специальное понятие – *педагогическая валидность* (выделено А.Н.Д.), которое близко по содержанию понятиям достоверности, адекватности, но не тождественно им. Педагогическую валидность обосновывают комплексно: концептуально, критериально и количественно, т.к. в педагогике моделируются, как правило, многомерные и многофакторные явления. Валидность отличается от достоверности наличием критериальной базы, позволяющей определить степень эффективности моделирования. Адекватность модели иногда характеризует простые, не всегда строгие «ожидания» к ней со стороны автора. В отличие от вышеперечисленных понятий валидность содержит определенный изоморфизм между структурными элементами модели и формализованными критериями соответствия этих элементов конкретным частям реального явления» [3: 24].

Понятие «изоморфизм» характеризует соответствие между структурами объектов. Изоморфизм связан не со всеми, а лишь с некоторыми фиксированными в познавательном акте свойствами и отношениями сравниваемых объектов, которые в других своих отношениях и свойствах могут отличаться. В теории познания эти понятия (наряду с понятием «гомоморфизм») плодотворно применяются при анализе сходства (соответствия) между образом и предметом, теорией и объектом, при анализе преобразования информации и тесно связаны с понятиями «модель», «сигнал», «образ», «адекватность» [11: 155].

Подход к педагогическому моделированию как методу познания интересующих нас качеств идеализированного педагогического объекта (т.е. в нашем случае разработанного целевого идеала готовности бакалавра к развивающему обучению младших школьников иностранному языку) через описательное представление этого объекта (т.е. идеальную модель) позволил нам определить основные задачи, которые предстоит решить в ходе дальнейшего исследования, т.е.:

– сформулировать определение понятия «готовность бакалавра – будущего учителя к реализации развивающего обучения младших школьников иностранному языку», характеризующее ее как системное образование;

– определить цель системы формирования готовности;

– определить системообразующие этапы процесса формирования профессиональной готовности студентов к развивающему обучению младших школьников и их содержательную наполняемость;

– выявить на каждом этапе процесса формирования готовности будущих учителей к развивающему обучению младших школьников доминирующие виды деятельности студентов;

– определить принципы построения системы формирования готовности бакалавра – будущего учителя к развивающему обучению младших школьников;

– выявить функции процесса формирования готовности будущего учителя к развивающему обучению младших школьников;

– определить комплекс результативно-целевых

ориентиров процесса формирования готовности бакалавров – будущих учителей к реализации развивающего обучения младших школьников иностранному языку.

Комплекс уточненных понятий в контексте данного исследования будет способствовать не только обоснованию понятийно-категориального аппарата, обеспечению валидности проектируемой модели, но и выявлению и дальнейшему исследованию основных дидактических условий эффективности проектируемой нами модели, таких как: понимание дидактической модели как целостности, характеризуемой этапами целеполагания, планирования, реализации, контроля, оценки. Дидактическая модель включает компоненты готовности, критериальные показатели и уровни сформированности готовности; позволяет управлять процессом формирования готовности, прогнозировать, диагностировать результаты формирования готовности студентов-бакалавров к развивающему обучению младших школьников иностранному языку.

Библиографический список

1. *Баженов Л.Б., Бирюков Б.В., Штофф В.А*. Моделирование. Философская энциклопедия. Т.З. М., 1964.
2. *Беспалько В.П.* Проектирование педагогических систем. Проектирование в образовании: проблемы, поиски, решения: Сб. М.: Институт педагогических инноваций РАО, 1994. С. 28-29.
3. *Дахин А.Н.* Моделирование компетентности участников открытого общего образования: автореф. дисс. … док. пед. наук. Новосибирск, 2010. 44 с.
4. *Загвязинский В.И.* Педагогическое творчество учителя. М.: Педагогика, 1987. 160 с.
5. *Иванова Т.В.* Педагогические основы культурологической подготовки будущего учителя: дисс. … док. пед. наук. Волгоград, 2002. 536 с.
6. *Колесникова И.А.* Педагогическое проектирование: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.П. Горчакова-Сибирская; Под ред. И. А. Колесниковой. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.
7. *Кузьмина Н.В.* Методы исследования педагогической деятельности. Л.: ЛГУ, 1970. 115 с.
8. *Кузьминов Р.И.* Формирование готовности студентов к дидактическому проектированию в процессе профессионально-педагогической подготовки в вузе: дисс. … канд. пед. наук. Ставрополь, 2004. 170 с.
9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов. Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
10. Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1986. 1600 с.
11. Философский словарь. под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
12. *Фридман Л.М.* Наглядность и моделирование в обучении. М.: Знание, 1984. 78 с.
13. *Черникова Т.А*. Формирование у будущих учителей готовности к реализации деятельностного подхода к обучению учащихся: дисс. … канд. пед. наук. Бирск, 2000. 219 с.
14. *Штофф В.А.* Моделирование и философия. М.: Наука, 1966. 300 с.

T.I. SMAGINA

CONCEPTUAL AND CATEGORICAL APPARATUS OF BUILDING THE MODEL OF BACHELOR'S READINESS FOR DEVELOPING TEACHING OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN A FOREIGN LANGUAGE

The article touches upon some approaches to the problem of pedagogical projecting. Such notions as "projecting", "pedagogical projecting", a "model", "modeling", "pedagogical modeling" are analyzed in relation to building the model of bachelor's readiness for developing teaching of primary school children a foreign language.

Key words: ***projecting, pedagogical projecting, a model, modeling, pedagogical modeling.***

М.А. СОБОЛЕВА
старший преподаватель кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета
Тел. 8 (4862) 76 12 25

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

В статье рассматривается роль учебного курса «Правоведение. Юридические основы деятельности врача» в контексте факторов повышения уровня правовой культуры студентов медицинского института в процессе научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: ***право, правовая культура, научно-исследовательская деятельность, формы обучения, методы обучения.***

Формирование правовой культуры у студентов медицинского института должно осуществляться в процессе профессиональной подготовки. В статье 54 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» прямо указано на то, что сертификат специалиста может выдаваться только врачу, обладающему надлежащими знаниями «по теории и практике избранной специальности, а также вопросам законодательства в области охраны здоровья граждан».

Методика формирования правовой культуры студентов медицинского института в образовательно-научной деятельности включает:

• коррекцию содержания подготовки в соответствии с особенностями сферы здравоохранения;

• проектирование процесса формирования правовой культуры студентов медицинского института на основе сочетания традиционных и нетрадиционных педагогических форм образования;

• использование личностно-ориентированных технологий (структурно-логические, интеграционные, игровые, тренинговые, информационно-компьютерные, диалоговые);

• актуализацию ценностно-ориентированного критерия правовой культуры в процессе изучения специальных дисциплин для выработки личностного отношения студента к окружающей правовой действительности;

• составление и решение ситуационных задач, кейсов, индивидуальных портфолио;

• использование в опытно-экспериментальной работе юридических проблемных задач, содержание которых посвящено практическому применению юридических знаний при изучении и решении правовых проблем, требующих от студента проявления исследовательских качеств правового мышления;

• использование разнообразных форм участия студентов в научно-исследовательской работе: научная конференция, выставка научных проектов, конкурс научных работ, проектов, научный кружок, олимпиада по специальности, студенческий кружок.

Формирование правовой культуры студентов медицинского института требует подчинить учебный процесс в вузе не только задаче информационного насыщения, сколько формированию культуры правового мышления студентов, развитию интеллектуального потенциала личности, т.е. превратить учебный процесс в научно-педагогический.

Одним из направлений эффективной правовой подготовки студентов медицинского института является внедрение в образовательный процесс курса «Правоведение. Юридические основы деятельности врача». Основной целью данного курса является овладение студентами знаниями в области права, выработка позитивного отношения к нему, рассмотрение права как социальной реальности, выработанной человеческой цивилизацией и наполненной идеями гуманизма, добра и справедливости, формирование у будущих специалистов системы здравоохранения правовой культуры, позволяющей аргументированно принимать правомерные решения при осуществлении профессиональной медицинской деятельности.

Курс «Правоведение. Юридические основы деятельности врача» призван способствовать выработке умения понимать законы и другие нормативные правовые акты; обеспечивать соблюдение законодательства; принимать решения и совершать иные юридические действия в точном соответствии с законом; анализировать законодательство и практику его применения, ориентироваться в специальной литературе.

* Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012 год (номер: 6.4506.2011, прикладные научные исследования).

© М.А. Соболева

В процессе преподавания данного курса должны применяться все известные формы и методы обучения.

Формы обучения – это виды учебных занятий, отличающихся друг от друга дидактическими целями, продолжительностью, содержанием деятельности преподавателя и учащихся.

Методы обучения – это «способы работы учителя и учащихся, при помощи которых достигается овладение знаниями, умениями и навыками, формируется мировоззрение учащихся, развиваются их способности» [7].

В педагогике методы обучения классифицируются по различным основаниям.

По характеру познавательной деятельности методы обучения делятся на объяснительно-иллюстрированные, репродуктивные, эвристические, методы проблемного изложения знаний и исследовательские методы [4, 3].

По источнику учебной информации выделяют словесные методы (рассказ, беседа, лекция); наглядные (показ, демонстрация); практические методы (Е.Я. Голант, И.Т. Огородников, СИ. Перовский).

Ю.К. Бабанский сгруппировал методы обучения в зависимости от основных компонентов деятельности преподавателя в три большие группы:

1. методы организации и осуществления учебной деятельности (словесные, наглядные, практические, репродуктивные и проблемные, индуктивные и дедуктивные, самостоятельная работа под руководством преподавателя);

2. методы стимулирования и мотивации студентов (методы формирования интереса: познавательные игры, анализ жизненных ситуаций, создание ситуации успеха; методы формирования долга и ответственности в учении: разъяснение общественной и личностной значимости учения, предъявление педагогических требований);

3. методы контроля и самоконтроля (устный и письменный контроль, лабораторные и практические работы, фронтальный, текущий и итоговый контроль) [1].

В процессе формирования правовой культуры мы считаем необходимым использовать классификацию методов обучения, в основе которой лежит структура правовой культуры личности. По этому критерию мы выделяем три группы методов обучения:

I группа – методы формирования когнитивного компонента правовой культуры (лекция, объяснение, рассказ, беседа);

II группа – методы формирования мотивационно-ценностного компонента правовой культуры (разъяснение общественной и личностной значимости учения, педагогическое требование, одобрение, похвала и др.);

III группа – методы формирования поведенческого компонента правовой культуры (решение ситуационных задач, деловые игры, анализ конкретных ситуаций).

Разнообразие методов создает у студентов интерес к самой учебно-познавательной деятельности, что особенно важно для выработки мотивированного отношения к учебным занятиям по праву.

В традиционно сложившейся практике преподавания в высших учебных заведениях большое место занимают информационно-развивающие методы (лекция, объяснение, рассказ, беседа), в которых преподаватель играет более активную роль, чем студенты, что недопустимо в процессе правового обучения, где ведущую роль должны занимать технологии, способствующие самостоятельному осмыслению сущности права и формированию потребности в соблюдении его установок.

Поэтому в практике преподавания дисциплины «Правоведение. Юридические основы деятельности врача» необходимо применять инновационные методы чтения лекций. Среди них можно выделить проблемную лекцию, лекцию-консультацию, лекцию-пресс-конференцию, лекцию-беседу, лекцию-дискуссию, лекцию-провокацию и др.

Например, большой интерес вызывают у студентов лекции с запланированными ошибками (лекции-провокации). Этот способ чтения лекции способствует активизации познавательной деятельности обучающихся на занятиях, позволяет повысить контролирующую функцию лекционных занятий. Во вступительной части лекции преподаватель объявляет тему занятия и сообщает о наличии ошибок в излагаемом материале. Слушатели по ходу проведения лекции должны будут выявить запланированные ошибки и отметить их в конспекте. За 15-20 мин. до окончания лекции осуществляется изложение выявленных слушателями ошибок с подробным их анализом и обоснованием верного ответа. В конце лекции уточняется правильное понимание материала, причем правильные ответы рекомендуется подчеркивать или обводить.

Для более успешного усвоения студентами правовых знаний при изложении лекционного материала преподаватель должен учитывать специфику аудитории, которая не подготовлена к восприятию специальных юридических терминов и правовой информации. Поэтому материал должен излагаться в доступной форме, быть подкреплен примерами из практики, только тогда это вызовет живой интерес к праву, и, следовательно, будет способствовать усвоению лекционного материала.

Результирующим компонентом правовой культуры студентов медицинского института является деятельностный, предполагающий способность принимать правомерные решения, а также использование юридических механизмов защиты своих прав и законных интересов. Формированию данного компонента правовой культуры способствуют семинарские занятия. Семинар (от лат. seminarium – рассадник знаний) – один из основных элементов учебного процесса. Семинарские занятия способствуют углублению и закреплению знаний, полученных на лекциях, развитию навыков поиска, обобщения и изложения учебного материала, а также развитию профессионального мышления и культуры студентов, способствуют формированию умения аргументированно отстаивать свою точку зрения, отвечать на вопросы слушателей, слушать других, задавать вопросы.

Как показывает практика правового обучения, при проведении семинарских занятий необходимо сочетать обсуждение теоретических вопросов с решением юридических задач (казусов), причем основную часть занятия должно занимать решение задач. Оно должно быть письменным, содержать поставленные вопросы и развернутые ответы на них со ссылками на действующие нормативно-правовые акты.

Как один из методических приемов семинарского занятия в правовом обучении весьма результативна так называемая технология ПОПС-формулы. ПОПС-формула используется при организации споров, дискуссий. Ее суть заключается в следующем. Студент высказывает:

П – позицию (объясняет, в чем заключается его точка зрения: «Я считаю, что ...»),

О – обоснование (не просто объясняет свою позицию, но и доказывает, начиная фразой: «Потому что...»),

П – пример (при разъяснении своей позиции пользуется конкретными примерами: «Я могу подтвердить это тем, что...»),

С – следствие (делает вывод в результате обсуждения определенной проблемы: «В этой связи...»).

Таким образом, с помощью данной технологии студенты учатся формулировать и аргументированно отстаивать свою точку зрения.

На основе правовых знаний необходимо сформировать у студентов убеждение в строгом соблюдении предписаний законов. По мнению А.В. Мицкевича и А.С. Павлова, важно, чтобы учащиеся не просто заучили правовые нормы, а проделали умственную работу, осмыслили их, включили бы эти знания в уже имеющуюся систему знаний, определили свое внутреннее отношение к ним.

Одним из эффективных средств активизации мыслительной деятельности студентов, развитию их творческих способностей является проблемное обучение. Главным условием проблемного обучения является включение обучающихся в практическую деятельность, игру, труд, в процессе которой возникают потребности в овладении чем-либо.

Под проблемным обучением понимается такая организация учебных занятий, которая предполагает создание под руководством преподавателя проблемных ситуаций и активную самостоятельную деятельность обучающихся по их разрешению, в результате чего происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и развитие мыслительных способностей [6].

М.М. Левина рассматривает проблемное обучение как общедидактическую характеристику системы методов, технологию обучения. Проблемными могут быть и лекции, и семинары. Проблемность может быть свойственна изложению нового учебного материала, контролю за усвоением знаний и умений студентов, системе заданий для самостоятельной работы [2].

На наш взгляд, формирование когнитивного компонента правовой культуры будет более эффективным на основе проблемного обучения.

Основные функции проблемного обучения следующие:

- усвоение учениками системы знаний и способов умственной и практической деятельности;
- развитие интеллекта учащихся, т.е. их познавательной самостоятельности и творческих способностей;
- формирование диалектико-материалистического мышления;
- формирование всесторонней и гармонично развитой личности;
- воспитание навыков творческого усвоения знаний;
- воспитание навыков творческого применения знаний;
- формирование и накопление опыта творческой деятельности;
- формирование мотивов учения, социальных, нравственных и познавательных потребностей [5].

Формированию поведенческого компонента правовой культуры будет способствовать организация разнообразных типов практикумов: практикумы по решению юридических казусов, практикумы, в основе которых лежит работа с юридическими документами, и т.п.

Одним из видов практикумов является практикум, разработанный на основе методики использования учебно-правовых ситуаций. Учебно-правовая

ситуация — это методический прием, ставящий учащихся в конкретные юридические обстоятельства, побуждающий их моделировать варианты правомерного поведения с учетом заданных условий. Практически все темы курса «Правоведение. Юридические основы деятельности врача» включают в себя поведенческие моменты, поэтому преподаватель может сам решить, на каких занятиях он будет использовать прием «учебная ситуация».

Для того, чтобы сформировать у студентов навыки работы с людьми, юридическими лицами при разрешении разного рода жизненных ситуаций в условиях, наиболее приближенных к их будущей практической деятельности, рекомендуется использовать разного рода дидактические игры, разыгрывание ролей.

Специалист сферы здравоохранения должен уметь надлежащим образом оформлять официальные медицинские документы, вести первичную медицинскую документацию, подготавливать документы, необходимые для реализации права на занятие медицинской деятельностью. Формированию данных умений будут способствовать семинары-практикумы по решению юридических казусов, практикумы по работе с официальными документами.

Можно предложить студентам подготовить научные сообщения по законодательству в сфере здравоохранения. При этом они могут обосновать свои предложения и замечания по действующему законодательству. Знакомство с судебной практикой по делам о правонарушениях в медицине позволит будущим специалистам юридически грамотно оценивать различные случаи ненадлежащего оказания помощи больному, иным профессиональным правонарушениям медицинского персонала и определять возможные правовые последствия таких деяний, пути их профилактики. Как показывает практика, большой интерес вызывают у студентов «круглые столы», диспуты по проблемам эвтаназии, врачебной тайны, донорства, трансплантации органов или тканей человека и т.д.

Второй по значению формой учебного процесса является самостоятельная работа. Роль этого вида учебной деятельности особенно возрастает в настоящее время, когда перед высшими учебными заведениями поставлена задача формирования у студентов потребности к постоянному самообразованию, предполагающему способность к самостоятельной познавательной деятельности.

В рамках изучения курса «Правоведение. Юридические основы деятельности врача» можно использовать следующие виды внеаудиторной самостоятельной работы: работа над терминами, выполнение тестовых заданий, решение ситуационных задач с опорой на действующие нормативно-правовые акты.

Продолжением и углублением учебного процесса является научная работа студентов, которая организуется непосредственно на кафедрах и научных подразделениях высшего учебного заведения с целью обеспечения единства учебного, научного и воспитательного процесса.

Включение студентов в научно-исследовательскую деятельность в рамках высшего учебного заведения способствует углублению, обобщению, систематизации их знаний; развитию научно-практических компетенций студентов, формированию и развитию научного потенциала кафедр, созданию на их базе высоко конкурентных научно-образовательных материалов по предметным дисциплинам и, как следствие, подготовке конкурентоспособных выпускников, способных стать полноценным научным и трудовым потенциалом страны [8, с. 3-5].

Научно-исследовательская работа студентов в рамках медицинского института может осуществляться в таких организационных формах, как:

- учебно-исследовательская работа студентов в рамках выполнения учебных программ (курсовые, дипломные проекты). Студенческий реферат по правоведению также является одним из средств повышения познавательной активности. Он содержит элемент исследований и предполагает творческую самостоятельность в процессе работы и изложения избранной темы, критическое осмысление материала. Дипломная работа предполагает достаточную теоретическую разработку темы с анализом нормативно-правовых документов, литературных и других источников по исследуемому вопросу;
- научно-исследовательские работы студентов вне планов высшего учебного заведения (научные кружки, научные студенческие общества, научные лаборатории, участие в студенческих научных и научно-практических конференциях, конкурсах дипломных и курсовых работ, публикации и т.д.).

В системе подготовки высококвалифицированных специалистов сферы здравоохранения важную роль играет оптимальное сочетание учебной, научной и практической подготовки студентов. Наиболее эффективным средством практического воплощения этого комплекса в учебном процессе является научно-исследовательская работа, внедренная в учебный процесс.

Формами подведения результатов научно-исследовательской работы студентов могут стать конкурс докладов, участие в предметных олимпиадах, проведение круглых столов, встречи с

учёными. Теоретические основы студенческих научно-исследовательских работ выносятся на обсуждение в виде научных статей и докладов на научно-методические или научно-практические конференции и семинары. Результаты научно-исследовательской деятельности оформляются в виде доклада, реферата, статьи в сборниках научных работ или в других изданиях.

Таким образом, в процессе учебно-исследовательской деятельности происходит формирование личностных свойств и качеств студента с высоким уровнем правовой культуры.

Библиографический список

1. *Бабанский Ю.К.* Методы обучения обучающихся в средних профессионально-технических учебных заведениях: Методические рекомендации. М.: Изд. Госпрофобра СССР, 1982. 40 с.
2. *Левина М.М.* Основы технологии обучения профессиональной педагогической деятельности. Минск, 1996.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Наука, 1973. 250с.
4. *Лернер И.Я.* Дидактическая система методов обучения. М.: Знание, 1981. 132 с.
5. *Махмутов М.И.* Проблемное обучение. Учебное пособие. М., 1986. 465 с.
6. *Никитина Н.Н., Железнякова О.М., Петухов М.А.* Основы профессионально-педагогической деятельности: Учеб. пособие для студ. учреждений сред. проф. образования. М.: Мастерство, 2002. 288 с.
7. Педагогический словарь// Коджаспирова Г.М. Изд.: Academia, 2005 г. 176 с.
8. *Худоренко Е.А.* Интеграция науки и образования в рамках высшего учебного заведения (на примере развития научно-исследовательской деятельности студентов). Экономика, статистика и информатика. № 1-2. 2009.

M.A. SOBOLEVA

FORMATION OF LEGAL CULTURE OF THE STUDENTS OF THE MEDICAL INSTITUTE IN THE PROCESS OF TEACHING AND RESEARCH ACTIVITIES

The article examines the role of the training course «Law. Legal bases of activity of the doctor in the context of the factors of raising the level of legal culture of the students of the medical Institute in the process of teaching and research activities.

Key words: ***law, legal culture, educational and research activities, forms of training, training methods.***

А.С. СОКОЛОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и технологии обучения в высшей школе Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М.Сеченова
E-mail- alex8_S@mail.ru

СИСТЕМА ПОДДЕРЖКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАРЬЕРЫ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

В статье анализируется опыт зарубежных стран (США) в области организации поддержки развития карьеры для различных групп населения. Инструментом реализации такой поддержки становится «консультирование для карьеры», которое воплощается в образовательных программах разнообразного содержания с учётом потребностей конкретных групп населения. Автор выделяет базовые аспекты содержания образовательных программ в области поддержки развития карьеры для различных целевых групп, которые могут быть реализованы в России.

Ключевые слова: ***карьера, консультирование по проблемам развития карьеры, целевая группа, образовательные программы в области поддержки развития карьеры, содержание образования для карьеры.***

Динамичное развитие профессиональных сред и российского рынка труда формируют повышенные требования к уровню адаптированности индивида в процессе осуществления своей профессиональной деятельности, поэтому для российской педагогической действительности становится актуальным теоретическое осмысление зарубежного опыта и создание дидактических средств, с помощью которых в процессе профессиональной подготовки можно вооружить индивида необходимыми знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими его готовность управлять развитием своей карьеры.

В отечественной системе профессионального образования существовала многолетняя практика составления квалификационных характеристик специалиста, в которых закреплялись требования к знаниям, умениям и навыкам выпускников различных специальностей, где помимо знаниевой парадигмы присутствовали термины «готовность», «способность», «ответственность», «понимание» и «мировоззрение», расширяющие тесные рамки такой парадигмы. В то же время, сами принципы разработки модели специалиста подвергались критическому анализу и совершенствовались. В России была разработана Концепция модернизации российского образования до 2010 года, где определялось, что развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, развитым чувством ответственности за судьбу страны. Подчёркивалось, что новая парадигма российского образования должна быть ориентирована на совершенствование профессиональных и надпрофессиональных умений и навыков, их закрепление и интеграцию в компетенции.

В этой связи естественен возрастающий интерес к специальной области теоретических знаний и практической деятельности – «консультированию для карьеры («career counseling») [1]. Консультирование для карьеры как развитая система педагогической деятельности участвует в формировании адаптационных способностей и навыков, позволяющих индивиду эффективно использовать свой потенциал и осознанно формировать свою карьеру. Консультирование для карьеры представлено большим разнообразием образовательных услуг, которые поддерживают развитие человека в процессе создания и реализации своей карьеры.

Значимым представляется обращение к американскому опыту, где консультирование для карьеры, возникшее в начале двадцатого века, прошло содержательный эволюционный путь и в настоящее время стало частью национальной политики в социальной и образовательной сфере США. Консультирование для карьеры как система включает теоретические разработки, накопленный опыт работы с различными категориями населения и решения наиболее характерных проблем развития карьеры, сеть различных организаций, осуществляющих научные исследования, ведущих практическую работу. Консультирование для карьеры основано на психолого-педагогических приёмах работы с различными категориями населения и способно со-

© А.С. Соколова

действовать комплексному решению таких задач, как реализация потенциала индивида в постоянно меняющихся социально-экономических условиях, осуществление качественного процесса обучения, результатом которого становится овладение новыми эффективными моделями поведения, мышления и эмоционального отношения, стимулирование развития самостоятельности и ответственности индивида. Далее мы рассмотрим дифференцированный подход к практике организации консультирования для карьеры в США.

Различные группы населения современного американского общества сталкиваются с различными проблемами профессионального плана, носящими как общий для всех групп, так и весьма специфический характер. Для удобства обозначения определённых групп населения, которым могут быть предназначены те или иные профессиональные консультационные программы или услуги, было введено понятие “целевая группа”. Такими целевыми группами в США прежде всего являются:

1. женщины, вступающие вновь или повторно на рынок рабочей силы. Самыми общими проблемами, предлагаемыми для проработки в этой целевой группе, являются: совмещение работы с уходом за домом, семейными обязанностями; вхождение и функционирование на рынке рабочей силы с преимущественным доминированием мужчин; необходимость в дополнительном образовании и переобучении;

2. пенсионеры, сталкивающиеся с проблемами смены образа жизни и перехода с рабочего режима на свободный режим, ограничения доходов, роста цен, возрастающих расходов на медицинское обслуживание и лекарства, а также с проблемами взаимодействия с различными социальными службами;

3. военные ветераны, вновь адаптирующиеся к жизни в гражданском обществе;

4. работники физического труда, так называемые «голубые воротнички», которые разочарованы монотонной однообразной работой;

5. необъединённая молодёжь с проблемами ухода из школы и прекращением образования, молодежной безработицы;

6. бывшие заключенные, для которых становится актуальным восстановление социальных взаимоотношений, поиск работы и сохранение рабочего места;

7. национальные меньшинства, сталкивающиеся с проблемой вхождения в полиэтнический социум и соответствия существующим экономическим тенденциям и направлениям, с необходимостью основательного обучения и использования существующих образовательных возможностей.

Целевые группы могут формироваться или классифицироваться на основании социально-экономического статуса, возраста, пола, этнического принципа, географического положения. Возраст является основным детерминантом при определении того или иного этапа в профессиональной жизни человека и является также стержнеобразующим началом при формировании целевой группы. Различия пола выступают скорее как дополняющий детерминант к категории возраста, хотя в некоторых случаях становятся определяющими. Современные тенденции развития общества таковы, что перед мужчинами и женщинами в настоящее время ставятся практически одинаковые задачи профессионального развития, однако исторически сложившиеся модели, существующие в культуре, диктуют необходимость коррекции проблем профессионального развития мужчин и женщин, основанной, скорее всего, на факторах биологического развития. Социально-экономический статус является достаточно точным показателем для определения числа и сложности проблем, а также доступности и качества ресурсов для решения этих проблем. В основном, уровень профессиональной и образовательной подготовки напрямую зависит от социально-экономического статуса. Этническая принадлежность часто служит показателем специфических историко-культурных влияний, что позволяет быстро выявлять круг проблем и возможные источники для их разрешения. Естественно, что в данном контексте речь идет о профессиональных проблемах и косвенно к ним относящихся. Географическое положение также может служить индикатором обсуждаемой проблематики и источников её разрешения. Определяющим фактором могут быть особые условия жизни: хроническая болезнь, многодетность, безработный супруг, тюремное заключение в прошлом или случаи чрезвычайной внешней привлекательности или, наоборот, внешние недостатки.

Существование целевых групп не означает, однако, что услуги (индивидуальные и групповые) консультантов предназначены преимущественно для них. В поле зрения консультирования для карьеры по-прежнему остаются и традиционные категории населения: учащиеся старших и выпускных классов, студенческая молодежь колледжей и университетов, просто взрослые, испытывающие те или иные сложности профессионального плана. Как уже говорилось выше, к услугам консультанта прибегают в течение всей жизни, по крайней мере, профессиональной жизни, поэтому любой человек может обратиться за его помощью. Образовательные программы в области поддержки формирования

и развития карьеры реализуются в различного рода образовательных, социальных, коммерческих учреждениях.

Новая группа лиц, заинтересованная услугами профессиональных консультантов и, в особенности, проводимыми ими тренингами по различным проблемам, вошла в список уже существующих целевых групп населения`: всё большее количество менеджеров среднего и высшего звена предпочитают принимать участие в групповых консультационных тренингах, где им предоставляется возможность встретиться с ежедневными и типичными проблемами своей работы в более абстрагированной форме. Поскольку в любой консультационной программе очень значим коммуникационный элемент, то возможность совместного обсуждения, обмен соображениями, концепциями, идеями по волнующей проблематике весьма ценится этой группой лиц. Подобные консультационные тренинги все чаще стали включаться в программы повышения квалификации менеджеров всех звеньев.

Представляется целесообразным выделить базовые аспекты содержания образовательных программ в области поддержки формирования и развития карьеры для различных групп населения [2]. Данные программы призваны помочь ассимилировать и интегрировать знание и опыт, относящиеся к области:

– самопонимания,

– понимания мира работы и тех факторов, которые влияют на его постоянное изменение,

– понимание роли свободного времени в своей жизни,

– понимание необходимости учитывать множество факторов при формировании своей карьеры,

– понимание необходимости самореализации в работе и в свободном времени.

Кроме того, данные образовательные программы позволяют обозначить те адаптационные навыки, которые представляются особо важными при формировании содержания образовательных программ:

– навыки коммуникации,

– навыки по повышению продуктивности работы, выработка личного набора ценностей,

– базовое понимание основ экономической системы, которое приводит к эффективному функционированию в ней,

– навыки по принятию решений в области своей карьеры,

– навыки по самоисследованию,

– навыки по поиску, получению, сохранению работы,

– навыки по борьбе со стереотипами, которые ограничивают свободу выбора образовательных возможностей или профессии,

– навыки по гуманизации работы,

– навыки по эффективному использованию свободного времени.

В дальнейшем содержание образовательных программ в области поддержки формирования и развития карьеры для различных групп населения формируется с учётом проблематики в конкретной целевой группе. Изучение опыта работы по созданию образовательных программ в области поддержки формирования и развития карьеры для различных групп населения в США актуально в связи с возможностями организации подобных программ для различных групп населения в современной России. Дифференцированные подходы, существующие в практике организации системы поддержки формирования и развития карьеры для различных групп населения, подтверждают важность учёта конкретных потребностей целевых групп для достижения максимальной эффективности при решении проблем, связанных с формированием и развитием карьеры. Процесс формирования дифференцированного подхода к практике организации системы поддержки развития карьеры различных групп населения в России неизбежно будет проходить под воздействием социально-экономических и культурных факторов. Развитие подобной системы должно происходить не “сверху”, от теоретических концепций, а «снизу», от самой динамично развивающейся жизни и потребностей развития карьеры различных групп населения России.

Библиографический список

1. *Gysbers N.C., Moore E.J.* Career counseling: skills and techniques for practioners. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice – Hall, 1987. 192p.

2. *Harvey R.* Career development. – Eden Prairie, MN: Paradigm, 1992. 206p.

A.S. SOKOLOVA

THE SYSTEM OF SUPPORT OF CAREER FORMATION AND DEVELOPMENT FOR DIFFERENT POPULATION GROUPS: FOREIGN EXPERIENCE AND THE POSSIBILITIES TO USE IT IN RUSSIA

This article analyses foreign experience (US) in the field of the organization of career development support for different population groups. To attain this goal career counseling is practiced, which can be implemented in a broad range of educational programs with varying content according to career demands of concrete population groups. The author singles out basic aspects of the content of career education programs for different target groups, which can be used in Russia.

Key words: ***career, career counseling, target group, education programs for career development support, career education content.***

Е.В. СОЛОМИНА
аспирант кафедры географии Орловского государственного университета
Тел. 8 920 086 61 69

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ГЕОГРАФИИ

В статье приведены сведения о методике изучения топонимических данных в школьном курсе географии. Рассмотрены происхождения географических названий, значение и важность внедрения топонимических сведений в учебных процесс.

Ключевые слова: ***топоним, топонимика, происхождение географических названий, гидронимы, ойконимы.***

Одним из факторов успешного усвоения географической номенклатуры является изучение происхождения и смыслового значения географических названий. Географические названия – обязательный элемент географии. Топонимика – наука, изучающая географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Топонимика является интегральной научной дисциплиной, которая находится на стыке трёх областей знаний: географии, истории и лингвистики.

Географические названия – свидетельства исторических условий эпох, когда они возникали, формировались, распространялись в тех или иных странах, областях, краях. Историки, археологи, этнографы все чаще обращаются к помощи топонимики. Ведь она связана с исторической географией. По географическим названиям судят о прошлых миграциях населения, о контактах разных наций между собой, о древних ареалах этносов. В свою очередь, без знания конкретных исторических ситуаций, совпадающих со временем зарождения топонимов, трудно правильно понять их первичное содержание.

Происхождение названия, его этимология характеризуют объект на каком-то определенном историческом этапе и дают информацию об этом этапе. Изменения географических названий демонстрируют изменения, происходящие во времени. Очевидно, что указанные особенности позволяют рассматривать изучение топонимики в школьном курсе географии как реализацию одного из аспектов исторического подхода. Топонимы – наша память о языке, об истории и географии.

«Природа страны и история народа, отражаясь в духе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка», – писал К.Д. Ушинский.

Топоним – имя собственное, название любого географического объекта. Слово это греческого происхождения, сложное, состоит из двух слов: топос – «место» и онома – «имя», то есть топонимика – наука об именах, названиях мест.

О значении и важности внедрения топонимических сведений в учебный процесс писали многие известные географы: Э.М. Мурзаев, В.А. Жучкевич, В.П. Максаковский, Е.М. Поспелов.

Важное образовательное и воспитательное значение изучения топонимов нашло отражение в проекте образовательного стандарта основного общего образования по географии. Согласно требованиям указанного документа, основная нагрузка по реализации исторического и экологического подхода к преподаванию регионального курса географии, топонимики ложится на географию своей области.

Учебный процесс включает в себя три основные функции: обучающую, воспитательную, развивающую.

Большие возможности для их формирования на уроках географии и во внеклассной работе заключает в себе работа с топонимами. Географические названия таят и мудрость народа, и исторические предания, и хитроумные загадки. Знакомясь с топонимами, учащиеся могут представить себе, как многообразна и интересна наука топонимика, как увлекательна работа, связанная с разгадкой происхождения знакомых с детства названий. Как часто именно с удивительных рассказов о происхождении топонимов начинается увлечённость будущего историка, лингвиста, географа.

В.А. Сухомлинский писал: «Школа становится подлинным очагом культуры лишь тогда, когда в ней царят четыре культа: культ Родины, культ человека, культ книги и культ родного слова». Родина для человека начинается с того села, с того города, где он родился, от тех ручьёв и речек, для которых народ придумал так много чудесных, поэтических названий. Обращение учителя к таким названиям позволит не только расширить кругозор ребят, углубить их знания, пробудить интерес к языку, но

© Е.В. Соломина

и воспитывать патриотические чувства, любовь к родному краю, что сегодня особенно важно.

Изучение топонимики в курсе географии средней школы возможно практически на всех уроках. При изучении географии материков и океанов в 7 классе мы можем говорить о географических названиях материков, частей света, океанов, рек, озёр, водопадов, горных вершин и крупнейших городов мира. В курсе географии России в 8-9 классах возможно изучение топонимики как России, так и своего региона. Особое внимание географическим названиям их истории, происхождению надо уделить при изучении природы России в 8 классе.

Основной целью изучения топонимики в школьном курсе географии является использование топонимов в географическом краеведении.

Топонимика – важнейший элемент краеведческой работы. Она служит прекрасным средством стимулирования интереса к изучению прошлого и настоящего края путем поиска связей между географическими условиями местности и отражением их в географических названиях. Топонимический материал вызывает большой интерес у учащихся основной школы: дети постоянно задают вопрос о происхождении географических названий. Проведенный опрос среди учеников 6 класса показал, что 90% детей хотели бы узнать больше об истории своего села, о его названии, об особенностях языка. Таким образом, материал топонимики дает широкие возможности для развития познавательного интереса учащихся, а следовательно, и их мышления. Кроме положительного влияния на развитие познавательного интереса, как отмечает Е.М. Поспелов, использование топонимики способствует повышению уровня общей грамотности и культуры речи учащихся, так как правила написания и произношения географических названий также входят в ведение топонимики.

В 8 классе возможно введение в учебный план школы за счёт часов компонента образовательного учреждения курса «География Орловской области» или же спецкурса по топонимике родного края.

Наиболее целесообразно начинать изучение топонимики своей местности с уроков физической географии в 6 классе. Изучение краеведческого материала в «Начальном курсе физической географии» играет важную роль. Начальный курс – это первый этап физико-географического образования учащихся, азбука нового предмета географии. Знания о своей местности в данном курсе обеспечивают конкретность, доступность и наглядность. Традиционно краеведческие знания в курсе географии 6 класса распределялись по отдельным темам. Орловская региональная программа по географии с модулем краеведческой направленности рекомендует выделить на краеведение 14 часов из общего количества времени, отводимого на преподавание «Начального курса физической географии».

Для повышения познавательной активности учащихся можно на уроках географии впервые использовать топонимы – местные названия географических объектов (населенных пунктов, рек, озер, прудов и т.д.), которые наиболее близки, доходчивы и понятны ученику.

При знакомстве с физической картой Орловской области на уроке рассматриваются вопросы географического положения территории, здесь же учитель может ввести основные понятия и термины (топонимика, топоним, микротопоним), раскрывается роль географических названий в нашей жизни, особенности формирования географических названий области. Здесь же учитель поясняет, что все топонимы делятся на следующие классы:

– ойконимы – название населенных пунктов;
– гидронимы – название рек;
– оронимы – название горных вершин;
– годонимы – название улиц.

Учитель знакомит обучающихся с происхождением названия нашего областного центра. Для активизации познавательной деятельности учащихся целесообразно привести и легенду о происхождении названия города и его этимологию.

Происхождение названия Орёл связывают с легендой о событиях, произошедших при основании нового города Московского государства в 1566 году. По велению Царя Ивана Грозного началось строительство города-крепости для охраны южных границ Московского государства от набегов крымских татар. Когда стали рубить дуб, росший на берегу, у слияния двух рек Оки и Орлика, с вершины дерева слетел орёл. «А вот и хозяин», – сказал один из мужиков. Иван Васильевич и повелел назвать город именем гордой птицы.

На самом деле название города, а первоначально – реки, скорее всего, связано с тюркским словом «айыр» – «угол», или «айырлы» – «угловатый». Это слово обозначает то же самое, что и термин, принятый у русского народа, – «угол» в смысле «междуречье, место у двух сходящихся рек». Это разветвление вполне может быть названо углом, если смотреть на него вверх по течению. Именно в таком месте – при слиянии рек Орел и Ока и стоит город. Со временем, когда город стал разрастаться, увеличиваться, река как бы «отдала» ему свое название, превратившись в Орлик.

На последующих уроках учащиеся знакомятся с главными источниками и материалами для изучения топонимики.

Изучая тему «Воды суши. Реки, озёра своей местности» следует уделить внимание гидронимам.

Большинство ученых считают, что сначала на территории России появились гидронимы – названия рек, поскольку в древности они выполняли роль почти единственных путей сообщения. В связи со своей древностью названия рек, а также озер не всегда имеют точное объяснение. Выделяются разные версии их происхождения.

Часто названия рек связаны с характером течения и берегов. Например, Вытебеть, приток реки Жиздра, протекает по территории национального парка «Орловское Полесье». Название реки обозначает два понятия: «выть» – земельный участок, доля, и «беть» – склон горы.

Ещё интересней этимология названия реки Жиздра. Писатель Абрамов в романе «Анты» повествует, что в первые столетия нашей эры река носила имя Жи су, что на языке наших прародителей куран, а потом утов и антов означает «короткая речка». Жиздрой ее прозвали готты, это случилось после 386 года.

Река Неручь (приток Зуши) – «большой ручей», орл., воронежск. (Даль); Большой ручей, малая речка.

Эта же особенность рельефа местности предопределила и происхождение названия реки Ливенка: она впадает слева в Сосну, а левый берег Сосны – возвышенный. Гидроним содержит усложненный корень лив- (от лить), ливень, ливмя (наречие), лива 'низкое топкое, заливаемое водой место, ливинка 'низкое заливаемое место среди кустов', ливка 'лужа во время оттепели', ливня 'топкое место на берегу', ливый 'пологий, сточный', 'отлогий, покатый' и др.

В качестве опережающего задания учащимся можно поручить подобрать материал по этимологии названия реки Ока. Это задание вполне по силам учащимся и 6 и 8 класса, т.к. материала достаточно и школьной библиотеке и в Интернете. Ответ на этот вопрос может выглядеть таким образом: «Река Ока известна тем, что является самым крупным притоком Волги. Существуют несколько версий происхождения названия реки: в переводе со славянского «ока» означает «око», то есть «глаз»; с тюркского языка оно переводится как «стрела». А вот на литовском языке созвучное слово «ака» означает «источник».

Согласно историческим изысканиям, самое вероятное происхождение этого названия имеет начало от финно-угорских народов. Проживавшие на ее берегах финно-угорские племена и дали название этой реке – «Йокки», что в переводе с их языка означало «река».

Проходило много лет, потом столетий – и финно-угорская народность начала постепенно вымирать. Но на берега реки Йокки пришло несколько славянских племен. С ними-то и объединились остатки племен, которые и передали славянам название реки.

На протяжении истекших с тех пор столетий название реки изменилось в своем звучании под влиянием русского языка. А его значение осталось достаточно близким к первоначальному источнику, чтобы ученые могли принять эту версию за наиболее достоверную из всех существующих.

Оку можно отнести к разряду тех знаменитых рек России, которые являются гордостью страны и украшают природный ландшафт своим присутствием.

Большое количество гидронимов Орловщины связано с названиями животных и растений. Например, река Бо́льшая Черна́ва в Краснозоренском районе, левый приток реки Сосны. Гидроним происходит от слова *чернолесье* – лиственный лес. Река получила название по местности, в которой течет.

Многочисленные гидронимы отражают величину и форму озер – Долгое. Кривое, Круглое, Большое, Узкое.

Изучая тему «Население и хозяйственная деятельность», мы можем говорить об ойконимах – названиях населённых пунктов.

При изучении топонимов прежде всего следует выяснить те основания и принципы, на которых строятся географические названия. В самой глубокой основе здесь лежит, во-первых, необходимость обозначения отдельных природных объектов с целью ориентировки на местности; во-вторых, всюду и всегда имеется необходимость отметить объекты, важные в хозяйственном отношении. Позже возникли топонимы, произошедшие от личных имен. Многие природные объекты часто носят названия по внешним признакам, приметам промысловохозяйственного порядка. Населенные пункты обозначают названия, происшедшие от близлежащего природного объекта.

На территории Орловской области разместилось большое количество сел, деревень, поселков. Многие из них раскинулись в живописных местах – по берегам рек Оки, Зуши, Сосны, Неручи. Многие села привлекают красотой русской природы, близостью лесных массивов, заливными лугами и пастбищами, множеством озер, заводей по обширным поймам рек. Может быть, именно поэтому целый ряд населенных пунктов при своем основании получали названия по озерам, урочищам, рекам, ручьям, на которых (или близ которых) они располагались. Например, Бортное (село в

Залегощенском районе) получило название лесного урочища, поросшего хвойными лесами. Гремучий – родник, ключ с быстрым течением воды. Гремучие ключи – лесное урочище в окрестностях с.Гремячий Колодезь Ливенского района. Название д. Дубы Новодеревеньковского района произошло от слова дубрава (дубовая роща). Медвежье – урочища, сохранившие память об обитавших в прошлом бурых медведях. Медвежье – лесное урочище и деревня в Краснозоренском районе.

Названия поселений, получивших свои названия как производные от имен или фамилий своих основателей или владельцев, дети могут назвать сами. На территории каждого района имеются такие поселения. Это многочисленные Ивановки, Александровки, Алексеевки, Марьевки, Васильевки и другие. Такие названия дают нам представление об именах и фамилиях первых жителей. Дмитровск-Орловский назван в честь Дмитрия Кантемиру, молдавского господаря, которому Пётр I подарил землю недалеко от реки Неруссы. Название города Болхов произошло от личного имени Болхов. «Болх» – по родословным преданиям, родоначальник князей Болховских.

На вопрос: «Назовите населённые пункты Орловской области, своего района, связанные с религиозной темой или носящие имена Библейских святых» учащиеся также легко отвечают. Учащиеся Краснозоренского района могут назвать Покровское, Успенье, жители Орловского района – с. Никольское, Знаменка, Троицкое, Мценского – Спасское. Есть Вознесеновки, Архангельские, Казанские и другие села и деревни.

Большое количество географических названий восходит к именам рек. Гидронимы, как правило, гораздо древнее названий городов, сёл, деревень. Направления древних передвижений обычно определялось водными путями. Близость воды являлась одним из важнейших условий выбора места для поселения. Естественно поэтому, что сначала появлялось название реки или озера, а затем от него образовывалось именование города или деревни.

Ли́вны – город, районный центр. Точное описание местности, где расположен город, дает уроженец его С.Н.Булгаков: «Ливны – небольшой (12 тысяч) город Орловской губернии, расположенный на высоком берегу реки Сосны, со впадающей в нее речкой Ливенкой» (Булгаков С. Н. Моя родина). Об основании города сообщается в указе царя Федора Иоанновича от 1 марта 1586 года, где он еще не имеет собственного имени: «А быти на Ливнах город ставити воеводе князю Володимеру Васильевичу Колцову Мосальскому».

Первично – название реки (гидроним), которое вначале имело форму именительного падежа множественного числа – Ливны. Этот вариант гидронима впервые зафиксирован в документе 1571 г.: «на Сосне усть Ливенъ». Во второй половине XVI в. существовала уже Усть-Ливенская сторожа, одна из 73 «сторож» на южнорусских рубежах. Неоднократно отмечается этот вариант названия и в памятниках письменности XVII в. Множественное число гидронима вызвано тем, что левый приток Быстрой Сосны воспринимался вначале как состоящий из двух водотоков – Ливны Полевой и Ливны Лесной, которая «пала блиско города в Полевую Ливну, а Полевая Ливна пала в Сосну под городом под Ливнами» («Книга Большому чертежу»).

Рассказывая о происхождении названия Залегощь, можно прочесть «Былину о Залегощи», написанную местной жительницей А. Зубовой.

На земле вятичей за рекой Легощь
Вырастал родной наш край –Залегощь.
Нету богаче и краше
Русской землюшки нашей.
В те далекие времена
Разливалась река Легощь.
Не сироткой была она,
Охраняла её Залегощь.
Постепенно росли дома,
Незаметно поселок рос.
Проходили лето-зима,
Закалял наш люд не мороз.
Закаляла любовь к земле
К родниковой святой воде.
К небу мирному и полям,
Так трудился наш предок сам.
Тридцать пятый, голодный год,
Центром Залегощь прослыла.
Поднимал эту землю народ.
Хоть и слабой она была.
Люди видеть хотели свет,
Появилось здесь и кино.
Появился сельский совет,
Всё, о чём мечталось давно.
Жить да жить бы, да не тужить,
Красотой этой дорожить.
Всем спокойной бы жизни, сна,
Но в 41-м пришла война.
В тот тяжелый памятный год
Защищал нашу землю народ.
Стала плакать, гудеть земля,
Проливаться кровь на поля.
Но не вздрогнул родной солдат,
Стойко он защищал наш край.
Ведь боец так любовью богат,
За любовь и попал он в рай.
Гордый, славный, желанный, родной

Отбиваем поклон земной.
Всем защитникам нашей земли,
Что родной наш край сберегли.
Предстаёт наш чудесный край
На картинках во всей красе.
Этот наш благородный рай
Воспеваем мы в песнях все.

Эта былина может стать прекрасным материалом для развития воспитательного аспекта урока. Здесь и гражданское, и патриотическое воспитание.

Учитель дает задание учащимся класса на физической карте Орловской области найти названия населенных пунктов, начинающихся со слов Старое, Новое, Большое, Малое: Старые-Старополево; Новые-Петровка, Синец, Новогнездилово, Новодмитровка, Новомихайловка, Новополево и др.; Большие – Куликовка Каменка, Чернава, Чернь, Озерки, Пруды, Сотниково, Юрьево; Малое-Куликовка. Эти села имеют родственную связь. Старые и Большие основаны раньше, а Новые и Малые, как правило, отпочковались от них позже.

За годы Советской власти на территории области появилось географические названия, являющиеся символом революционных преобразований социалистического строя, – Красный Октябрь в Новодеревеньковском районе, Красная Звезда Орловского района, Красная Заря.

Работу с названиями населенных пунктов Орловской области можно построить как урок-путешествие, как урок-исследование, как практическую работу с атласом Орловской области. Урок «История нашего края в названиях» возможно провести как интегрированный урок истории и географии или же русского языка и географии. Основные задачи таких уроков:

– знакомство с новыми лингвистическими понятиями;

– связать новые понятия с имеющимися знаниями по географии, истории и

– русского языка;

– пробудить интерес к такой области науки о языке, как топонимика;

– способствовать воспитанию бережного отношения к культурному наследию, каким являются географические названия.

Методы проведения таких уроков самые разнообразные:

– словесный, наглядный, эвристический, исследовательский;

– стимулирование мотивации учения:

– создание ситуации эмоциально-нравственных переживаний; познавательная игра;

– методы контроля и самоконтроля: фронтальный опрос, письменные работы, создание газеты.

Работа учащихся на уроке сопровождается практическими занятиями, где учащиеся работают с картами и атласами, литературными источниками. Учащимся даются опережающие задания по темам творческих работ. Эти задания содержат поисковый характер, нацеливают учащихся на сбор и обработку местного краеведческого материала, тем самым учащиеся привлекаются к поисково-исследовательской работе.

Профильное обучение, основная задача которого заключается в создании «системы специализированной подготовки (профильного обучения) в старших классах общеобразовательной школы, ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда». Модель общеобразовательного учреждения (школы) с профильным обучением на старшей ступени предусматривает возможность разнообразных комбинаций учебных предметов, именно это и обеспечивает гибкую систему профильного обучения. Эта система включает в себя изучение базовых общеобразовательных предметов, профильных и элективных курсов. Элективы реализуются за счет школьного компонента учебного плана. Одним из элективных курсов для предпрофильной подготовки учащихся основной школы является электив по географии «Топонимика малой родины». Построение и содержание курса определяется его общеобразовательным значением, возрастными особенностями познавательных возможностей учащихся, а также наличием опорных знаний и умений, сформированных на уроках географии. Этот курс включает в себя материалы, опирающиеся на местную топонимику (географические названия городов, сел, поселков нашей области). Эти названия неразрывно связаны с природными особенностями и историческим прошлым края или области, с именами выдающихся земляков. Система работы с местным топонимическим материалом вызывает неизменный интерес учащихся, их стремление расширить свои познания в краеведении, добавить к ним знания лингвистического характера. Мотивация изучения родного края определяется главной целью обучения и воспитания в школе – формирование всесторонне развитой личности, обладающей основами языковой культуры и истории родного края. В ходе изучения топонимики своей малой родины учащиеся готовят проекты по темам:

– Топонимика, отражающая героическое прошлое Орловской области.

– Географические названия Орловского литературного края.

– - История одной улицы.

– Топонимы, получившие имя по гидрониму.
– Их именами названы улицы нашего города.

Изучение топонимики возможно и во внеурочное время за счет организации работы географических кружков «Топонимика родного края», «О чём говорит карта», «Прикоснёмся к истокам» и др. Программа таких кружков очень разнообразная, может быть рассчитана как на годичное, так и на двухгодичное изучение.

Главной задачей кружковых занятий по данной теме является расширение объема сведений учащихся о культуре родного края, получение ими сведений о топонимике, истории географических названий края; формирование умений по сбору этнографических материалов. Приобщая учащихся к активному познанию своей «малой Родины», важно постараться подкрепить полученные теоретические сведения живыми примерами из современной практики и из лучших достижений прошлого, показать различные аспекты изучения географических названий, их роль в жизни общества, а также пути изучения географических названий, их роль в жизни общества, а также пути и способы создания новых названий. Работа кружка должна быть тесно связана с уроками географии, истории и русского языка. Для чего необходимо выявить лингвистические, исторические и географические компоненты в топонимике, изучать исторические события, происходившие на изучаемых территориях как в прошлом, так и в настоящее время. Изучение темы необходимо вести с учетом возраста, интересов учащихся и их познаний в области исторического краеведения, учитывая возраст учащихся, сбор сведений направляется в первую очередь на внешние, видимые пласты народной культуры.

Формами и методами проводимой работы является использование традиционных методов работы: объяснение и закрепление материала, использование и работа с источниками, научной и краеведческой литературой, географическими и историческими картами, фондами музеев. Для развития самостоятельности мышления, инициативы, творческой активности учащихся, пробуждения у них большого интереса большая часть занятий проводится в форме практикумов, исторических игр, научных конференций.

Знания по топонимике необходимы и при прокладке туристических маршрутов. При подготовке маршрута особенное значение имеет понимание и учет географических особенностей местности, рельефа и типовых для района погодных условий и явлений. Но не стоит забывать о топонимике района, о названиях географических объектов и смысле, заложенном в них. Краеведы давно признали топонимику обязательным элементом природоведения. И это не случайно. Изучая край, необходимо обращаться к географическим названиям, которые могут рассказать много интересного о прошлом и настоящем изучаемой местности. Коренные названия подчас могут дать гораздо больше информации, чем весьма подробная топографическая карта. Имена географических объектов формировались с прикладной точки зрения – возможности использования лугов и склонов горных хребтов для выпаса скота.

Можно порекомендовать туристам, готовящимся к очередному путешествию, знакомиться с соответствующей литературой о топонимике района.

Топонимику можно широко использовать и во внеклассной работе, в частности, при организации и проведении топонимических лекций, бесед, диспутов, конференций, вечеров, викторин, экскурсий, экспедиций, походов. Главной целью почти всех этих мероприятий является выяснение происхождения географических названий.

Учащиеся с большим желанием принимают участие в подготовке и проведении классного часа по теме «Улицы г.Орла». Подготовка данного мероприятия занимает определённое время, т.к. необходима практически исследовательская работа, связанная с историей родного города. Классный час можно провести в виде устного журнала, состоящего из нескольких страниц. Рассказ учащихся-экскурсоводов сопровождается показом компьютерной презентации.

Страница «О чём говорят улицы моего города?»

И как родина начинается «с той самой березки, что во поле, под ветром склоняясь, растет», так история родного города может начаться с названий его улиц и площадей и пытливого вопроса ребенка: «А почему?» Это тем более актуально, что мы приближаемся к важной дате – 450-летию города Орла. А что мы знаем о своем городе? О чем могут поведать названия его переулков и улиц? Почему Пролетарская гора называется Пролетарской? Посадская улица – Посадской, почему у нас четыре Курские улицы? Вопросы можно задавать бесконечно. Ответить на них в табличках невозможно, но проинформировать горожан о том, что жизнь в Орле началась не сегодня и даже не вчера, – вполне по силам. А любознательные пойдут дальше. Походив по улицам Орла, всегда можно понять, каков он, этот народ, живущий в этом городе, на этой земле. Особенно о многом расскажут названия улиц и площадей. Улицы похожи на каменную летопись, где рядом мы можем увидеть дома разных веков и десятилетий. Надо только научиться читать эту летопись. Помогут нам в этом памятники, около

которых мы сегодня остановимся.

Итак, в путь: от дома к дому, с улицы на улицу, от памятника к памятнику.

Если мы посмотрим на прежние и существующие названия улиц города Орла, то обнаружим удивительные вещи. В Орле было 20 Пеньевских переулков и Пеньевская улица, 18 Московских переулков, 10 Выгонных, 6 Новосильских. У наших предков не было фантазии? Они стремились к простоте? Так или иначе, но все географические названия возникли и развивались исторически. И формирование их тесно связано с историей общественного, экономического, культурного развития края. И в этом смысле топонимический материал имеет огромное значение, так как названия всегда так или иначе характеризуют общество, их дающее.

Страница « Прошлое в названии улиц Орла».

В Орле особенно много переименований улиц и площадей было в 20-е годы прошлого столетия. Орловцы прощались с прошлым и утверждали новое, революционное. Левашевская гора, названная так нашими земляками в честь орловского генерал-губернатора, по инициативе которого в Орле был построен водопровод и который не вписался в новую историю своим происхождением, превратилась в Пролетарскую. Большая Болховская улица, обозначавшая географическое направление, определила идеологический путь и стала Ленинской. Садовую переименовали в ул. Максима Горького, Садово-Монастырскую – в ул. 8 Марта. Мало кто помнит, что Торговые ряды, расположенные сегодня на ул. Гостиной, когда-то «имели прописку» на ул. Сталина.

Страница «По названию церквей и сословий».

При царском правительстве помещики, капиталисты, крупные торговцы не жалели денег на возведение церквей. По их названию именовали и улицы: Воскресенская, Воскресенский переулок, Смоленская, Георгиевская, Борисоглебская, Покровская, Введенская, Крестительская, Средне-Монастырская и Нижне-Монастырская.

Название некоторых улиц города Орла указывает на сословие их обитателей: Большая Дворянская, Верхне- и Нижне-Дворянские, Большая и Малая Мещанские, Прядильная, Кузнечная и другие. Были и такие улицы, как Подострожная, Заострожная, Институтская, Пожарная, Пороховая, Гостиная, Казарменная.

Страница «Комсомольская улица».

Одной из старейших улиц нашего города является Комсомольская, называвшаяся вначале Кромской. В Комсомольскую она была переименована в мае 1924 года. Теперь здесь пролегает автомагистраль, соединяющая Москву с Симферополем. На этой улице находится здание, в котором до революции помещалось реальное училище. В нем в 1894-1896гг. учился один из видных революционеров-ленинцев – Иосиф Федорович Дубровинский. На углу Комсомольской улицы и Володарского переулка стоит дом, в котором до революции была чайная. В 1896 году здесь перед рабочими с речью выступал другой революционер-орловец, ставший потом известным исследователем Заполярья, – Владимир Александрович Русанов.

В этом же районе имеется другая старинная улица – Карачевская (в наше время улица Сакко и Ванцетти).

Страница «Улица Московская».

Московская улица (в далекие времена она носила название Посольской – по ней ездили русские послы в Крымское ханство и ханские послы в Москву) находилась во второй части города. Разделение Орла на три части произошло в начале XVIII века. Заводской район тогда назывался Кромским или Средним; часть города на правом берегу Оки (теперь Железнодорожный район) именовалась Московской. Третья часть, расположенная на левом берегу Орлика, носила название Заорлицкой.

Вдоль Московской улицы росли вековые дубы. Постройки постепенно вытесняли их. В XVIII веке за теперешним сквером Танкистов стояли прядильни, а там, где он сейчас находится, в XIX веке были купеческие лавки. Здесь торговали снедью и старьем. Для развлечения простого народа на Ильинке (так называлось это место) устраивались балаганы. Здесь же в начале 90-х годов давал свои спектакли народный театр, просуществовавший лишь несколько лет: местным властям не понравилось его демократическое направление.

Страница «Улица Ленина».

В Советском районе старейшей является улица, носящая в настоящее время имя великого Ленина. В старину она называлась Большой Дворянской. Возникла улица на месте бывшего леса. Особенно усиленно она стала застраиваться с 1779 года, когда Орел стал губернским городом. Большая Дворянская становится главной улицей Орла. Здесь сосредоточивается основная торговля ,и поэтому купцы добиваются ее переименования в Болховскую, что и произошло в феврале 1784 года. Годом раньше в конце Болховской улицы (здесь теперь площадь Ленина) построили здания, в котором помещались различные губернские учреждения.

Страница «Интернациональные улицы».

В названиях улиц нашли свое отражение и такие события, как казнь американскими империалистами двух борцов за свободу – Сакко и Ванцетти. Их именем названа Карачевская улица.

В память о французском авиаполке «Нормандия-Неман», сражавшемся с гитлеровцами в орловском небе, улица 1-я Песковская носит теперь имя этого полка.

Страница «Курские улицы».

В современном Орле четыре Курских улицы. Все они находятся в исторической 2-й Московской, или Заокской части города, которая в советское время стала Железнодорожным районом. Изначально тут проходила дорога, ведущая в город Курск. Именно по этим улицам со стороны Курска осуществлялся основной грузопоток в район Орловской хлебной пристани, действовавшей до появления в Орле железной дороги. Приезжие не вникали в точность названий и называли все эти параллельные друг другу улицы Курскими. Так же их стало именовать и местное население. Такой тип названия улиц был очень распространен в старом Орле. Та же причина лежат в названиях Московской, Карачевской, Болховской и Кромской (сейчас Ленинская и Комсомольская).

Страница «Заключение».

История орловских названий не может оставить равнодушным человека, любящего свой город. Многие из названий объясняют исторический фон, на котором складывались биографии выдающихся российских деятелей. Кроме того, здесь, на этих улицах, площадях и берегах рек по воле авторов – знаменитых отечественных писателей – развертывались события в целом ряде литературных произведений, вошедших в золотой фонд мировой классической литературы, и еще не все страницы истории орловских улиц прочитаны до конца. А это значит, что нам с вами ещё не раз предстоит испытать радость новых открытий.

Прошлое всегда с нами. В нём истоки современности. К.Н. Рерих писал о невеждах, которые скажут: «Что нам до наших истлевших праотцев? наоборот, культурный человек знает, что, погружаясь в исследования выражения чувств, он научается той убедительности, которая близка всем векам и народам. Человек, изучающий водохранилища, прежде всего заботится об их истоках. Так же точно желающий прикоснуться к душе народа должен искать истоки. Должен искать их не надменно и предубежденно, а со всей откровенностью и радостью сердца».

Террор против исторической топонимики нашей страны разорвал звенья в цепи времени: прошлое – настоящее – будущее. Ныне она восстанавливается, возрождается, как Феникс из еще не остывшего пепла.

Топонимы – это мост между прошлым и настоящим. Как много, оказывается, могут рассказать топонимы о жизни наших предков. Топонимика позволяет создавать рисунок прошлого. Нельзя допустить, чтобы пропали эти названия. Поэтому надо сохранить топонимы, так как они содержат в себе сведения о жизни наших предков. «Сохранить топонимы не только важно, но и нужно. Ведь многие объекты сельской местности и их названия исчезают, а это значит, что исчезает наша история, наши корни, опустошается наша память», – пишет Г.П. Смолицкая в книге «Занимательная топонимика». Чтобы сохранить топонимы, надо сначала их исследовать и изучить, – что и необходимо делать ежедневно на уроках и во внеурочное время.

Библиографический список

1. Закон РФ «О наименованиях географических объектов» (редакция, действующая с 1 января 2009 года)
2. http://www.orel-story.ru – Орёл знакомый и незнакомый.
3. http://www.orelcity.ru/news.php?id=1860 –Красная строка. В. Матвеев. Е. Годлевская, Вспомни имя своё.
4. http://www. fictionbook.in – «История с географией, или Жизнь и приключения географических названий», Э. Вартаньян.
5. http://www.club-krilya.ru – География в названиях Э.М. Мурзаев;
6. http://www.uraltropa.ru – Значение топонимики при планировании маршрутов, Р.Л.Катаев;
7. http://www.modernlib.ru – История географических названий Руси, А. Лаптев;
8. Программа по географии с модулем краеведческой направленности «Реализация краеведения в «начальном курсе физической географии» 6 класс»для общеобразовательных учреждений Орловской области, автор-составитель Данилова Г.М.
9. Словарь современных географических названий. Екатеринбург: У-Фактория. Под общей редакцией акад. В. М. Котлякова. 2006
10. *Географические названия мира: Топонимический словарь. М: АСТ. Поспелов Е.М. 2001.*
11. Сердце отдаю детям. Сухомлинский В.А.». Киев, 1972.
12. Русская ономастика и ономастика России. Е.С. Отин. М.: Школа-Пресс, 1994.
13. Изучение географии Орловской области в школе. Учебно-методическое пособие для учителей географии под редакцией к.п.н. Тихого В.И.

E.V.SOLOMINA

THE METHODS OF TEACHING TOPONYMIC DATA IN SCHOOL GEOGRAPHY COURSE

The information about the methods of teaching toponymic data in geography course at school is given in this article.

The origin of the geographical names and their meanings, and the importance of introduction of toponymic data into the educational process are regarded here.

Key words: **toponym, toponymics, the origin of the geographic names, hydronyms, oikonyms.**

Н.В. СЫЧЕВА
аспирант Брянского государственного университета
E-mail: Nadegda_P_11@mail.ru
Тел. 8 960 558 02 93

УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ И КРИТЕРИИ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПО ТЕМЕ «ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ УРАВНЕНИЯ»

В статье представлены три вида поисковой деятельности студентов (аналитическая, ориентировочная, рефлексивная), для каждого из которых выделены критерии, позволяющие определить уровень их сформированности. Раскрыты результаты эксперимента по оценке эффективности разработанного методического обеспечения для формирования самостоятельной поисковой деятельности студентов.

Ключевые слова: ***самостоятельная поисковая деятельность, уровни сформированности, критерии оценки.***

Тема «Дифференциальные уравнения» рассматривается в курсе «Высшей математики» для студентов технических направлений бакалавриата.

Под самостоятельной поисковой деятельностью студентов технических направлений бакалавриата мы понимаем вид учебной деятельности студентов, совершаемый в условиях неопределенности и предполагающий проявление обучающимися активных умственных действий, направленных на достижение поставленных учебных целей, завершающийся значимыми для обучающихся результатами.

Из этого определения следует, что выделяемые критерии должны быть связаны с условиями неопределенности выполняемой учебной деятельности (в нашем случае – с решением задач). В свою очередь, условия неопределённости требуют активных умственных действий студентов, а при их разрешении обеспечивают значимый для студентов результат (в нашем случае – успешность решения задачи).

Любая самостоятельная деятельность может быть успешной, если субъект владеет приемами анализа ситуации, целеполагания, планирования, прогнозирования и самоконтроля.

Проанализировав процесс решения задачи, мы выделили три ситуации, в которых субъект оказывается в условиях неопределенности, влияющих на успешность решения математических задач.

Первая ситуация связана с анализом условия задачи, вторая – с составлением плана решения задачи, третья – с анализом полученных результатов и процесса осуществленной деятельности.

На основании выявленных ситуаций неопределённости, возникающих при решении задач, и учитывая цель деятельности в каждой из ситуаций, нами были выделены три вида поисковой деятельности студентов: аналитическая, ориентировочная, рефлексивная.

Если целью поиска является способ организации анализа математического текста, то такую поисковую деятельность мы называем *аналитической* поисковой деятельностью. Если цель поиска связана со способом организации своей деятельности по конструированию ориентиров выполнения математической деятельности, то – *ориентировочной* поисковой деятельностью, а если цель поиска – способ организации анализа результатов и процесса собственной деятельности, то *рефлексивной* поисковой деятельностью [2].

Поэтому при выделении уровней сформированности самостоятельной поисковой деятельности студентов мы учитывали указанные виды поисковой деятельности и определяли критерии их достижения, опираясь на сущность каждого из видов.

Традиционно для оценки степени сформированности самостоятельной поисковой деятельности студентов выделяют три уровня: низкий, средний, высокий.

Поскольку мы рассматриваем три вида поисковой деятельности, то для каждого из видов была выделена группа критериев, отражающих достигнутый уровень сформированности рассматриваемого вида поисковой деятельности.

Рассмотрим каждый из видов поисковой деятельности и представим критерии оценки уровня их сформированности.

Для оценки уровня сформированности аналитической поисковой деятельности мы выделяем следующие критерии:

1. наличие сформулированной цели анализа текста (поскольку цель является исходной точкой планирования дальнейших действий; от точности

© Н.В. Сычева

и конкретности её формулировки зависит результат деятельности);

2. выделение главной идеи анализируемого текста (поскольку правильно выделенная идея – это один из самых важных показателей понимания, так как для выделения идеи необходимо осознать её в общем потоке текста, абстрагироваться от конкретного воплощения, оценить степень её значимости);

3. отделение в анализируемом тексте новой информации от уже известной и/или понятной от непонятной (поскольку это позволяет акцентировать внимание на новой информации и/или аргументировать затруднительные моменты).

Для оценки уровня сформированности ориентировочной поисковой деятельности мы выделяем следующие критерии:

1. выделение этапов осуществления деятельности (поскольку позволяет судить о правильности планирования деятельности);

2. выделение последовательности действий, необходимых для реализации каждого из этапов деятельности (поскольку по полноте представленных действий можно судить о том, насколько детально субъект ориентируется в процессе деятельности);

3. определение цели каждого из этапов и указание назначения каждого из действий (поскольку выделенные цели и назначения позволяют судить о степени ориентации в обосновании субъектом данного вида деятельности).

Для оценки уровня сформированности рефлексивной поисковой деятельности мы выделяем следующие критерии:

1. выявление затруднений, установление их причин и предложение путей их разрешения (поскольку позволяет установить конкретизировано ли субъектом затруднение, зафиксированы ли признаки ситуации, его породившей, предприняты ли попытки построения и реализации плана выхода из затруднения);

2. выделение использованных приемов и способов поисковой деятельности (поскольку фиксация использованных методов и средств говорит о том, что они осознаны субъектом, а следовательно, входят в его опыт поисковой деятельности);

3. самооценка уровня собственной деятельности (поскольку поиск путей совершенствования собственного опыта тесно связан с умением адекватно осуществлять самооценку произведенной деятельности).

Конкретизация выделенных критериев применительно к работе с прикладными задачами представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Критерии оценки самостоятельной поисковой деятельности студентов при решении прикладных задач

Вид поисковой деятельности	**Критерий оценки**	**Конкретизация критерия применительно к решению прикладных задач**
Аналитическая поисковая деятельность	1) отделение в анализируемом тексте новой информации от уже известной и/или понятной от непонятной; 2) наличие сформулирован-ной цели анализа текста; 3) выделение главной идеи анализируемого текста;	1) наличие выделенных условий и требований задачи; 2) определение вида задачи; 3) выделение главной идеи решения задачи;
Ориентировочная поисковая деятельность	1) выделение этапов осуществления деятельности; 2) выделение последователь-ности действий, необходимых для реализации каждого из этапов деятельности; 3) определение цели каждого из этапов и указание назначения каждого из действий;	1) выделение этапов решения задачи; 2) выделение последователь-ности действий, необходимых для осуществления каждого из этапов решения; 3) определение цели каждого из этапов решения и указание назначения каждого из действий;
Рефлексивная поисковая деятельность	1) выявление затруднений, установление их причин и предложение путей их разрешения; 2) выделение использованных приемов и способов поисковой деятельности; 3) самооценка уровня собственной деятельности;	1) выявление возникавших в процессе решения затруднений, установление их причин и указание путей их разрешения; 2) наличие зафиксированных приемов и способов действий, использованных при решении задачи; 3) наличие самооценки математического и поискового уровней самостоятельной деятельности;

Распределение студентов по уровням сформированности самостоятельной поисковой деятельности осуществлялось путем оценки полученных ими результатов при выполнении специальных проверочных работ в соответствии с выделенными критериями с точки зрения их (результатов) полноты и правильности.

В таблице 2 указана степень проявления каждого из выделенных критериев, соответствующая определенному уровню сформированности рефлексивной поисковой деятельности. Аналогично осуществляется и разбиение на уровни сформированности аналитической и ориентировочной поисковой деятельности.

Для экспериментальной проверки выделенных уровней сформированности самостоятельной поисковой деятельности студентов и критериев их достижения предлагались специально разработанные проверочные работы и бланки для ответов на них.

Бланк ответов содержал задания, нацеленные на проявление показателей сформированности поисковой деятельности, заложенные в выделенных критериях.

Всего было проведено пять проверочных работ. Первая и последняя работа выполнялись как в контрольной, так и в экспериментальной группах. Вторая, третья и четвёртая проверочные работы предназначались только для студентов экспериментальной группы. Такое распределение проверочных работ по группам связано с назначением каждой из них.

Цель первой проверочной работы связана с установлением исходного уровня сформированности самостоятельной поисковой деятельности студентов контрольной и экспериментальной групп.

По результатам второй, третьей и четвёртой работ исследовалась динамика развития уровня самостоятельной поисковой деятельности студентов экспериментальной группы. В каждой из этих работ замерялись уровни каждого из видов самостоятельной поисковой деятельности студентов при работе с разным математическим содержанием. Так, в качестве математического содержания второй проверочной работы выступали дифференциальные уравнения первого и второго порядков, а в третьей и четвертой – прикладные геометрические и физические задачи соответственно.

Пятая проверочная работа была итоговой и носила комплексный характер. Каждый вариант данной работы содержал по три задания: в первом задании предлагалось определить вид дифференциального уравнения первого порядка и выделить его составные элементы, которые позволяют отнести рассматриваемое уравнение к указанному виду; во втором и третьем задании предлагались прикладные задачи (геометрическая и физическая соответственно), решение которых необходимо было представить в специальном бланке ответов, позволяющем оценить степень выраженности каждого из критериев сформированности самостоятельной поисковой деятельности студентов.

Так, для того чтобы оценить уровень сформированности аналитической поисковой деятельности, студентам предлагалось не только проанализировать условие задачи и составить краткую запись, но и определить вид рассматриваемой задачи и сформулировать основную идею ее решения.

Критерии оценки ориентировочной поисковой деятельности студентов в бланке мы отражаем путем приглашения студентов к выделению этапов решения задачи и определению цели каждого из них, а также последовательности действий, необходимых для осуществления каждого из этапов, и указания назначения этих действий.

Таблица 2.

Уровни сформированности рефлексивной поисковой деятельности

Уровень Критерий оценки	**Низкий**	**Средний**	**Высокий**
Выявление возникавших в процессе решения затруднений, установление их причин и указание путей их разрешения.	Затруднения не выявлены или не соответствуют математическому решению.	Затруднения выявлены, и они соответствуют математическому решению; причины успешного разре-шения затруднений не установлены.	Затруднения выявлены, и они соответствуют пути их решения; если затруднений не возникало, то выявлены причины успешного решения задачи.
Наличие зафиксированных приемов и способов действий, использованных при решении задачи.	Использованные приёмы и новые способы действий не зафиксированы.	Не все использованные приёмы и способы действий перечислены.	Перечислены приёмы (способы действий), которые были использованы при работе над задачей.
Наличие самооценки математического и поискового уровней самостоятельной деятельности.	Неадекватно оценены один или оба уровня самостоятельной деятельности.	Неадекватно оценён один из уровней (математической или поисковой) самостоятельной деятельности.	Адекватно оценены уровни собственной математической и поисковой деятельности.

Оценить уровень рефлексивной поисковой деятельности студентов можно, предложив им сформулировать вопросы, над которыми они долго размышляли и нашли на них ответ, и тех, которые так и остались нерешенными; выделить те действия, которые могут им пригодиться при работе с другими математическими заданиями; а также ответить на вопрос «Почему Вам удалось (не удалось) преодолеть свои затруднения? (Почему Вам удалось обойтись без затруднений?)» и осуществить самооценку результатов математической и поисковой деятельности.

Таким образом, на основании полученных экспериментальных данных мы имели возможность провести сравнение уровней сформированности каждого из видов самостоятельной поисковой деятельности студентов в двух направлениях: 1) межгрупповом; 2) персональном.

Межгрупповое сравнение уровней каждого из видов самостоятельной поисковой деятельности студентов проводилось на основании результатов первой и пятой проверочных работ. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Статистическая обработка полученных результатов была произведена по критерию χ^2 Пирсона [1, с. 267]. Эмпирические значения критерия для всех видов самостоятельной поисковой деятельности студентов превышали критические, что дало возможность сделать вывод о том, что расхождение между результатами, полученными студентами контрольной и экспериментальной групп, являются существенными на уровне значимости α=0,05.

Сравнение персональных уровней самостоятельной поисковой деятельности студентов производилось по результатам первой, второй, третьей и четвёртой проверочных работ. Результаты каждой последующей проверочной работы сравнивались с результатами предыдущей, и оценивался сдвиг уровня сформированности каждого из видов самостоятельной поисковой деятельности студентов. Сдвиг считался положительным, если студент перешел с более низкого уровня на более высокий, в противном случае – отрицательным. Если студент остался на прежнем уровне, то сдвиг считался нулевым. Полученные результаты представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 3.

Распределение студентов экспериментальной и контрольной групп по уровням сформированности различных видов самостоятельной поисковой деятельности

		Аналитическая поисковая деятельность			**Ориентировочная поисковая деятельность**			**Рефлексивная поисковая деятельность**		
Уровень		Н	С	В	Н	С	В	Н	С	В
Проверочная работа №1	ЭГ (43чел)	28 (65%)	14 (32,5%)	1 (2,5%)	24 (56%)	17 (39,5%)	2 (4,5%)	29 (67,5%)	14 (32,5%)	0 (0%)
	КГ (42чел)	23 (55%)	16 (38%)	3 (7%)	27 (64%)	14 (33,5%)	1 (2,5%)	32 (76%)	9 (21,5%)	1 (2,5%)
Проверочная работа №5	ЭГ (43чел)	6 (14%)	23 (53%)	14 (33%)	7 (16%)	25 (58%)	11 (26%)	8 (19%)	27 (62%)	8 (19%)
	КГ (42чел)	20 (48%)	17 (40%)	5 (12%)	25 (59%)	15 (36%)	2 (5%)	29 (69%)	12 (29%)	1 (2%)

Н – низкий уровень, С – средний уровень, В – высокий уровень

Таблица 4.

Распределение студентов экспериментальной группы по уровням сформированности различных видов самостоятельной поисковой деятельности

	Аналитическая поисковая деятельность			**Ориентировочная поисковая деятельность**			**Рефлексивная поисковая деятельность**		
Уровень	Н	С	В	Н	С	В	Н	С	В
Проверочная работа №1	28 (65%)	14 (32,5%)	1 (2,5%)	24 (56%)	17 (39,5%)	2 (4,5%)	29 (67,5%)	14 (32,5%)	0 (0%)
Проверочная работа №2	21 (49%)	18 (42%)	4 (9%)	20 (47%)	20 (47%)	3 (6%)	24 (56%)	17 (40%)	2 (4%)
Проверочная работа №3	15 (35%)	21 (49%)	7 (16%)	18 (42%)	19 (44%)	6 (14%)	20 (47%)	18 (42%)	5 (11%)
Проверочная работа №4	10 (23%)	22 (51%)	11 (26%)	12 (28%)	22 (51%)	9 (21%)	13 (30%)	24 (56%)	6 (14%)

Н – низкий уровень, С – средний уровень, В – высокий уровень

Таблица 5.

Оценка сдвигов уровней сформированности различных видов самостоятельной поисковой деятельности студентов экспериментальной группы

	Сдвиг №1 (от №1 к №2)			**Сдвиг №2 (от №2 к №3)**			**Сдвиг №2 (от №3 к №4)**			**Сдвиг №4 (от №1 к №4)**		
	+	0	-	+	0	-	+	0	-	+	0	-
Аналитическая поисковая деятель-ность	10 (23%)	33 (77%)	0 (0%)	10 (23%)	32 (75%)	1 (2%)	10 (23%)	32 (75%)	1 (2%)	25 (58%)	18 (42%)	0 (0%)
Ориентировочная поисковая деятельность	5 (12%)	38 (88%)	0 (0%)	6 (36%)	36 (84%)	1 (2%)	10 (23%)	32 (75%)	1 (2%)	19 (44%)	24 (56%)	0 (0%)
Рефлексивная поисковая деятельность	7 (16%)	36 (84%)	0 (0%)	8 (19%)	34 (79%)	1 (2%)	8 (19%)	35 (81%)	1 (2%)	20 (47%)	23 (53%)	0 (0%)

«+» – положительный сдвиг, «–» – отрицательный сдвиг, «0» – нулевой сдвиг

Сравнив результаты 1 и 2, 2 и 3, 3 и 4 проверочных работ по критерию χ^2 Пирсона, было установлено, что в большинстве случаев различия между уровнями сформированности самостоятельной поисковой деятельности не являются существенными. Действительно, наивно было бы предполагать, что за одно обучающее занятие удастся существенно повысить уровень поисковой деятельности студентов. Но оценив результаты даже 1 и 3 проверочных работ по тому же критерию, уже обнаруживается существенное повышение уровней каждого из видов самостоятельной поисковой деятельности студентов.

Для статистической оценки сдвигов уровней сформированности самостоятельной поисковой деятельности студентов экспериментальной группы был применен критерий знаков, который показал, что для аналитической поисковой деятельности преобладание положительных сдвигов можно считать достоверным уже с первого сдвига. В то время как для ориентировочной и рефлексивной поисковой деятельности положительные сдвиги можно считать достоверными лишь с третьего сдвига.

Объяснить данный факт можно тем, что при традиционном обучении формированию аналитической поисковой деятельности уделяется больше внимания, чем ориентировочной и рефлексивной; многим студентам уже были ранее знакомы некоторые приёмы и способы осуществления аналитической поисковой деятельности, а целенаправленное обучение привело к их актуализации, поэтому тенденция к положительным сдвигам проявилась раньше.

В то время как приемами и способами осуществления ориентировочной и рефлексивной поисковой деятельности большинство студентов не владели, поэтому при целенаправленном обучении сначала происходило их постепенное освоение, что привело к тому, что тенденция к положительным сдвигам проявилась позднее.

Если же положительным сдвигом считать тот случай, когда в следующей проверочной работе студент набрал большее количество баллов, чем в предыдущей, то различия между результатами двух «соседних» проверочных работ уже являются достоверно значимыми (по критерию χ^2 Пирсона), начиная с первого сдвига.

Таким образом, проведенный эксперимент показал, что

1. систематическое привлечение студентов к использованию во время учебных занятий по математике приемов и способов осуществления самостоятельной поисковой деятельности способствует повышению уровня её сформированности;

2. выделенные нами уровни сформированности самостоятельной поисковой деятельности студентов и критерии их достижения соответствуют действительности, а также могут быть применимы не только при установлении уровня самостоятельной поисковой деятельности студентов по результатам работы с прикладной задачей, сводящейся к дифференциальному уравнению, но и по результатам работы с задачами, в основе которых лежит другая математическая модель (функция, интеграл, и др.).

Библиографический список

1. *Афанасьев В.В*. Теория вероятностей: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Математика». М.: ВЛАДОС, 2007. 350 с.
2. *Сычева Н.В.* Структура и виды заданий, способствующих организации поисковой деятельности студентов технических специальностей при решении прикладных задач. // Математика и ее приложения. Экономическое прогнозирование: модели и методы: материалы международной научно-практической конференции. Воронеж: ООО «ВЦНТИ», 2011. С. 139-144.

N.V. SYCHEVA

THE LEVELS OF INDEPENDENT SEARCH ACTIVITY OF STUDENT AND THE CRITERIA OF THEIR DEVELOPMENT IN SOLUTING TASKS ON THE SUBJECT «DIFFERENTIAL EQUATIONS»

The article deals with three types of students independent search activity (analytical, orientative, reflexive), and the criteria to determine the level of their development. There are also given the results of the experiment to assess the efficiency of the workbooks for developing independent search activity of the students.

Key words: **independent search activity, levels of development, assessment criteria.**

Н.В. ТАРАСОВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: programmirpvanie@inbox.ru

Л.И. ГУБАРЕВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Орловского государственного университета
E-mail: gubareva16@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Для формирования у студентов профессиональных компетенций в курсе общеобразовательных дисциплин автор предлагает использовать такие средства обучения, как система взаимодополняющих элементарных задач, проведение самостоятельного творческого исследования; компьютерное моделирование. В статье подробно описывается методика применения каждого из предложенных средств в процессе изучения теории вероятностей в экономическом вузе.

Ключевые слова: ***экономическое образование, профессиональные компетенции, экономико-математическое моделирование, случайные явления, средства обучения, дидактические требования.***

В современной системе образования центральное место занимает формирование у студентов общекультурных и профессиональных компетенций в процессе изучения всех дисциплин. В Федеральном Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования формирование профессиональных компетенций расчетной, исследовательской и прогнозно-аналитической деятельности предлагается осуществлять в профессиональном цикле, однако методологические основы решаемых в этой области задач тесно взаимосвязаны с материалом математического и естественнонаучного цикла, например, экономико-математическое моделирование [1-5].

Формирования у студентов навыков осуществления всех этапов моделирования стохастических процессов возможно только при реализации определенной методической модели обучения. Так, на занятиях по теории вероятностей необходимо рассматривать такие прикладные задачи, в которых цель решения не формулируется априорно, а требуется самостоятельно осуществить этап формализации, т.е. провести тщательный анализ имеющихся данных, выявить аномалии и закономерности в их распределении, обосновать причины их возникновения, определить характерную область использования и т.д. Демонстрация возможностей комплексного применения стохастических методов в режиме «свободного творческого поиска» доказывает студентам целесообразность применения этих методов для решения различных экономических проблем, стимулирует их познавательную активность. Очевидно, что решение подобных задач требует активизации максимального объема умений и навыков, характеризующих все этапы моделирования, многие из которых, в случае прикладных задач с определенной целью решения, использовать не требуется, например, сбор, обработка и преобразование данных.

Обучение студентов решению прикладных задач, включающему все этапы моделирования стохастических процессов, затруднено в связи с тем, что реализация таких этапов, как качественный анализ, сбор и представление информации, требует существенных временных затрат. В действительности время практических занятий ограничено учебным расписанием. Обычно на практические занятия по высшей математике отводится 2 часа в неделю. Если решение одной задачи будет продолжаться несколько учебных пар, то каждый раз преподавателю придется напоминать студентам основные моменты предыдущего занятия, а времени на закрепление навыков оперирования основными понятиями и теоремами теории вероятностей останется недостаточно. Если решение подобных задач перенести только на последние занятия, то на начальном этапе обучения будет отсутствовать необходимая мотивация изучаемого материала, а «разбудить» активность обучаемых в конце изучения дисциплины станет практически невозможно.

© Н.В. Тарасова, Л.И. Губарева

Таким образом, несмотря на преимущества использования прикладных вероятностно-статистических задач с целью формирования профессиональных компетенций студентов, возникает проблема их включения в процесс изучения теории вероятностей при подготовке специалистов сферы экономики в вузе.

Для решения этой проблемы мы предлагаем использовать специальную методическую модель, включающую в себя следующие средства обучения.

1. Навыки осуществления основных этапов моделирования экономико-статистических процессов и явлений на практических занятиях по теории вероятностей формируются у студентов постепенно посредством *системы взаимодополняющих элементарных задач*, при решении которых используются теоретические знания по определенной теме и реализуются только некоторые из этапов моделирования случайных явлений.

2. Решение прикладных задач, предполагающих проведение всех этапов математического моделирования, выполняется преимущественно в ходе самостоятельной работы студентов, а именно при проведении ими *самостоятельного зачетного исследования*.

3. Повышение оперативности и точности решения прикладных задач происходит посредством обучения *компьютерному моделированию* экономико-статистических проблем на взаимосвязанных практических занятиях по дисциплине «Информационные технологии».

Опишем более подробно методику реализации каждого из предложенных средств в процессе обучении теории вероятностей в экономическом вузе.

Так, на первых практических занятиях по математической статистике рассматриваются элементарные задачи, при решении которых формируются представления о стохастических закономерностях, их проявлениях в окружающей экономической действительности и частично реализуются некоторые этапы моделирования.

Например, построить частотное распределение потребления электроэнергии в вашей семье за два года. При решении задачи необходимо выполнить сбор, представление статистических данных и зафиксировать проявляющиеся в них закономерности. Или на основании данных, полученных в предыдущей задаче, определить ожидаемую среднюю величину оплаты за потребление электроэнергии в следующем месяце. В этой задаче студентам требуется провести формализацию условия, вычислить некоторые статистические характеристики и выбрать оптимальное с экономической точки зрения решение.

Количество элементарных задач, предлагаемых для классной и домашней работы студентов, должно обеспечивать необходимый уровень базовых знаний, умений и навыков реализации соответствующих этапов моделирования, а формулировка заданий – демонстрировать проявление вероятностных закономерностей в различных экономических явлениях и процессах, подтверждая положение о профессиональной значимости изучаемых методов.

Кроме того, условие элементарных взаимодополняющих задач должно отвечать *требованиям* к содержанию прикладных задач.

1. Источник задачи и конечные цели, которые преследует ее решение, должны лежать вне математики. Рассмотрим задачу следующего содержания: данные о суточной выработке работников промышленного предприятия за отчетный период представлены в таблице 1. Определите основные статистические характеристики данного показателя.

В такой формулировке задачу нельзя назвать прикладной, т.к. цель ее решения – ответ на конкретный математический вопрос. Для решения подобной задачи не требуется самостоятельного выбора необходимого математического аппарата и экономической интерпретации полученного результата.

Изменим исходное содержание задачи так, чтобы оно соответствовало указанному требованию: на основании данных о деятельности работников за отчетный период (представленных в таблице 1), администрация рассматривает вопрос о сокращении одного из сотрудников. Какое решение следует принять администрации?

Цель решения данной задачи – поиск значения экономического показателя, в зависимости от которого будет формулироваться обоснованный вывод и приниматься то или иное управленческое решение.

Таблица1.

Суточная выработка в ед. изделия

	1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*	*средний*
Работник1	420	250	100	140	200	320	180	250	180	150	340	420	235,8
Работник2	200	195	180	186	197	187	190	200	205	203	210	200	200,25

Для получения ответа студенту необходимо самостоятельно определить, какие средние характеристики необходимо вычислить и выбрать из них ту, которая показывает более объективный результат.

2. Задача с практическим содержанием должна быть полноценной в математическом отношении, не растворяясь в профессиональных терминах.

Пример. Торговая фирма приобрела 50 акций 6 компаний: Камаз, ЛУКойл-Пангепаснефтегаз, ЛУКойл- Уралнефтегаз, Уникомбанк, Норильский никель, Нефтехимбанк.

Через неделю акции КАМАЗа» поднялись на 4,03 % , «ЛУКойл-лагепаснефтгаз» поднялись на 3,88 % , «ЛУКойл-Уралнефтегаз « тоже поднялись на 3,8а /о, а акции остальных трех компаний упали: «Уникомбанка « упали на 17,65 % , «Норильский никель « – на 8,8 % , «Нефтехимбанк « – на 8,0 %. Какова вероятность того, что фирма приобрела только те акции, которые поднялись в цене?

При решении данной задачи студенты тратят много усилий на уяснение содержания, в то время как ценность ее в математическом отношении невелика. Поэтому мы не рекомендуем использовать подобные задачи на практических занятиях по теории вероятностей.

3. Данные, которые используются в задаче, должны подтверждать реальность описываемой в условии ситуации и, по возможности, давать обучаемым полезные сведения. Это требование отражает познавательную ценность и оказывает воспитывающее влияние на студентов.

Пример. На основании данных о возрастном составе безработных по Российской Федерации, зарегистрированных в службе занятости (см. табл. 2), определить, у лиц какого возраста наибольший риск стать безработными?

Таблица2.

Распределение безработного населения Российской Федерации по возрастному составу

Пол / *Возраст*	*Мужчины*	*Женщины*
Моложе 20 лет	7,7	11,2
20-24лет	17,0	18,5
25-29лет	11,9	11,7
30-49лет	50,9	49,5
50-54лет	4,2	4,0
55-59лет	5,7	3,8
старше 60 лет	2,6	1,3
Итого	100	100

Решение задачи показывает, что наибольший риск стать безработным существует для лиц в возрасте от 30 до 49 лет выше. В процессе краткого обсуждения результата решения задачи студенты получают полезную, с экономической и социально-политической точек зрения, информацию.

4. Используемый в задаче нематематический материал должен соответствовать уровню профессиональных знаний студентов. В противном случае необходимо предварительно определить употребляемые термины.

Пример. В страховой компании 10 тыс. клиентов. Страховой взнос каждого клиента составляет 500 руб. При наступлении страхового случая, вероятность которого по имеющимся данным и оценкам экспертов можно считать равной $p = 0,005$, страховая компания обязана выплатить клиенту страховую сумму размером 50 тыс. руб. На какую прибыль может рассчитывать страховая компания с надежностью 0,95?

При решении данной задачи необходимо предварительно разъяснить студентам понятия *страховой взнос, страховой случай, страховая сумма* и определить формулу для расчета величины прибыли.

5. Целесообразно пользоваться техническими вычислительными средствами (микрокалькуляторами или ПК), так как трудоемкую работу по расчету различных статистик, параметров, характеристик, построение графиков оперативно выполняет компьютер, а студентам остается выбрать метод решения и интерпретировать полученный результат.

Например, при исследовании взаимосвязей между экономическими показателями удобно использовать табличный редактор EXCEL, а именно для расчета величины коэффициента корреляции – статистическую функцию КОРРЕЛ, для поиска уравнения линии регрессии – параметры линейного тренда на точечной диаграмме.

6. Прикладные задачи должны быть органической составной частью системы задач и упражнений по основному курсу математики.

Например, вычисление доходности и риска портфеля инвестиций, состоящего из нескольких активов, целесообразно проводить при изучении дискретных случайных величин, а не выделять в отдельный раздел «Математические модели оценки риска при формировании портфеля инвестиций».

На этапе построения стохастической модели наиболее важными оказываются статистические подходы и формируемые при их изучении навыки сбора, группировки и графического представления статистических данных, а также анализ полученной информации со статистической и экономической точек зрения.

Отмеченные навыки формируются у студентов при исследовании простейших, понятных им экономических показателей таких, как: величина дохода некоторого предприятия или актива, размер зарплаты сотрудников фирмы, антропометрические признаки, величина расходов на различные группы товаров и т.д. Значения анализируемых экономических показателей студенты получают при проведении статистических экспериментов сначала под руководством преподавателя, а затем самостоятельно в ходе выполнения домашнего задания.

Описание изменчивости экономико-статистических данных в виде таблиц и диаграмм, вычисление их средних характеристик, знакомство с конкретными проявлениями закона больших чисел в страховой, финансовой и рекламной деятельности, в сфере потребления товаров и услуг и в процессе контроля качества изделий выполняет сразу несколько функций:

– формирует навыки сбора, обработки и анализа статистической информации;

– выявляет сущность стохастической зависимости;

– демонстрирует проявление вероятностных закономерностей в окружающем мире, в том числе – в экономических явлениях и процессах;

– подтверждает необходимость применения вероятностно-статистических методов для исследования большинства экономических процессов;

– способствует пониманию смысла основных вероятностно-статистические понятий (статистическая совокупность, относительная и накопленная частота, мода, медиана, размах и др.);

– формирует первичные статистические представления и эмпирический уровень экономического мышления.

В экономически ориентированных учебных задачах по теме «Случайные события» используются результаты, полученные студентами при решении задач по теме «Вариационные ряды», или указывается источник данных значений вероятностей.

Например, *статистика запросов банка* показывает, что вероятность невозврата кредита физическим лицом равна 0,2. В этом случае студентам становится понятно реальное происхождение поставленной в задаче проблемы и используемых числовых данных, создаются предпосылки углубленного исследования рассмотренного ранее экономического процесса без повторного расчета его числовых характеристик. Это приводит к активизации познавательного интереса к новому материалу, закреплению полученных ранее знаний в ходе их использования для решения новых задач.

Или в ходе исследования статистических данных об уровне образования безработных мужчин и женщин, приведенных преподавателем на основании сведений биржи труда по Орловской области, студентами получено следующее распределение относительных частот, описывающее структуру безработного населения по уровню образования (табл. 3).

Таблица 3.

Распределение безработного населения Орловской области по уровню образования

Пол / Образование	Мужчины	Женщины
Высшее образование	0,1463	0,3036
Среднетехническое образование	0,3902	0,2261905
Общее среднее образование	0,3171	0,3511905
Не имеют среднего образования	0,1463	0,1190476
Итого	1	1

На занятии по теме «Полная вероятность. Формула Байеса» эти данные, используются студентами при решении следующих задач:

Задача 1. На основании данных, полученных в ходе обследования населения по вопросам занятости, представленных в таблице 3, определить, лица с каким уровнем образования, с высшим или с общим средним, подвержены наибольшему риску стать безработным, если из 250 безработных оказалось 82 мужчин и 168 женщин.

Изучение раздела «Случайные величины» и связанных с ними законов распределения позволяет рассматривать прикладные задачи более высокого уровня математической сложности, усиливает значение интерпретации полученного результата, выбора оптимального экономического решения. Такие задачи являются более полноценными с точки зрения прикладной направленности, поскольку в процессе их решения реализуются практически все этапы моделирования. Демонстрируя возможности теоретико-вероятностного аппарата, постепенно углубляясь в решение определенной проблемы, преподаватель создает благоприятную почву для формирования прочных навыков системного использования полученных теоретических знаний.

Например, провести анализ доходности и степени риска портфеля инвестиций, исходные данные которого приведены в таблице 4. Определить структуры $\vec{\Pi}^*$, $\vec{\Pi}^{**}$, $\vec{\Pi}^{***}$ портфеля инвестиций, оценить их ожидаемую среднюю доходность $M(\xi_\Sigma)$ и степень риска R_Σ.

Таблица 4.

Характеристики акций, входящих в ПИ

Фирмы	*Конъюнктура рынка*				*Доля вложенного капитала*
	неблагоприятная		*благоприятная*		
	Доходность акции	*Вероятность*	*Доходность акции*	*Вероятность*	
$Ф_1$	0,15	0,4	0,20	0,6	0,2
$Ф_2$	0,25	0,1	0,40	0,9	0,3
$Ф_3$	0	0,3	0,80	0,7	0,5

Для решения поставленной задачи студентам необходимо знание числовых характеристик дискретной случайной величины, их свойств и экономический смысл, а также таких экономических понятий, как: рисковый актив, доходность актива, структура ПИ и понимание вероятностной (многовариантной) сущности формирования структуры ПИ.

Однако практика проведения практических занятий показывает, что студенты справляются с поставленной задачей легче, если на занятиях по предыдущим темам рассматриваются взаимосвязанные с ней элементарные задачи.

Так, на занятии по теме «Сумма и произведение независимых событий» студентам предлагается следующая задача: инвестор приобрёл акции трёх компаний. Вероятность получения ожидаемого дохода в случае благоприятной конъюнктуры рынка соответственно равны: для акций компании А – p_1, для акций компании В – p_2, для акций компании С – p_3.

а) указать возможные варианты рыночной ситуации и дать их анализ;

б) вычислить вероятность того, что конъюнктура рынка будет благоприятной хотя бы для одной фирмы;

в) вычислить вероятность того, что не более, чем одна акция принесет ожидаемый доход.

$p_1 = 0,7$ $p_2 = 0,4$ $p_3 = 0,9$

Подобные задачи формируют у студентов навыки построения полной группы событий, вычисления вероятностей возможного исхода и их комбинации, необходимые для решения типовой задачи. Определенные варианты рыночной ситуации можно использовать при построении закона распределения доходности акций, формирующих анализируемый портфель инвестиций.

Значения доходности акций рассматриваются в качестве одного из примеров экономических показателей, характеризующихся случайной величиной; экономический смысл и свойства случайных величин используются для оценки доходности и риска портфеля инвестиций.

На практических занятиях по теме «Случайные величины» решается следующая задача: инвестору предлагается вложить свой капитал в акции различных финансовых компаний S_1,S_2,S_3, доходы U_i от реализации которых являются случайными величинами и описываются следующими законами распределения.

Ui1	5	2	8	4
pi1	0,4	0,2	0,2	0,2

U_{i2}	2	3	4	12
p_{i2}	0,4	0,2	0,2	0,2

Ui3	8	5	3	10
pi3	0,4	0,2	0,2	0,2

Требуется определить: вложение средств в акции какой из представленных финансовых компаний наиболее выгодно для инвестора?

При решении рассмотренной задачи у студентов закрепляются не только абстрактные теоретико-вероятностные понятия и алгоритм их вычисления, но и их экономический смысл, что способствует формированию системности экономического мышления. Качественное обоснование полученных количественных результатов, с точки зрения их экономической рациональности, и принятие объективного решения влияет на развитие практичности и перспективности экономического мышления.

Целесообразность формирования портфеля инвестиций может быть продемонстрирована студентам на следующем примере: инвестор имеет возможность составить портфель из четырех независимых активов A_1, A_2, A_3, A_4, уровни доходности и риски ($R \sim \sigma(\xi)$)которых даны в таблице 5.

Таблица 5.

Характеристики активов

A_N	*1*	*2*	*3*	*4*
$M(x_N)$	3	5	8	10
$R(x_N)$	2	4	6	8

Как изменяется ожидаемый средний уровень доходности и совокупный риск пакета инвестиций при составлении его из различного числа активов (К от 1 до 4), если капитал распределяется между ними равномерно. Определите оптимальный состав портфеля инвестиций.

Изучение математических моделей формирования оптимального портфеля инвестиций продолжается на лабораторных занятиях по курсу «Компьютерные технологии» с использованием для определения оптимальной структуры и числовых

характеристик ПИ средства «Поиск решения» табличного редактора Excel, поскольку к настоящему времени, вместе с задачами линейного программирования, это один из наиболее изученных классов оптимизационных задач, для которых разработано большое число эффективных алгоритмов.

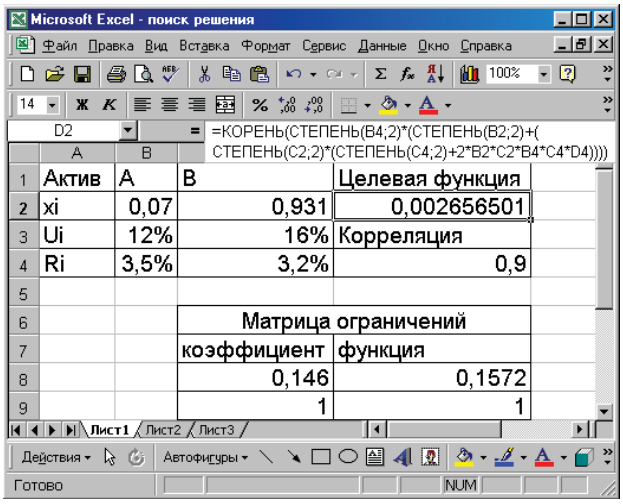


Рис. 1. Оформление в таблице Excel.

Общая схема использования средства *Поиск Решения* приводится студентам на лекциях по компьютерным технологиям, а на практических занятиях рассматривается задача, аналогичная следующей: сформировать ПИ минимального риска из активов А и В (см. таблицу рис 1.) при условии, что обеспечивается доходность ПИ не меньше 14,6%.

Решение подобных взаимодополняющих математических задач является методологически обоснованным переходом, позволяющим студентам в дальнейшем успешно изучать такие дисциплины, как: «Математическое моделирование экономических процессов», «Исследование операций в экономике», «Маркетинг» и т.д., а также на более высоком содержательном уровне выполнять курсовые и дипломные работы.

Связи экономических и вероятностно-статистических понятий и категорий, осуществляемые в процессе моделирования случайных экономических явлений, активизируют познавательный интерес к изучению теории вероятностей, а также обеспечивают более глубокое познание структуры и законов функционирования соответствующих экономических объектов, что, безусловно, способствует формированию профессиональных компетенций.

Библиографический список

1. *Замков О.О.* Математические методы в экономике. Под общ. ред. А.В. Сидоровича. 5-е изд., испр. М. : Дело и Сервис, 2009. 384 с. (Учебники МГУ им. М. В. Ломоносова).
2. *Колемаев В.А., Соловьев В.И., Гатауллин Т.М., Малыхин В.И. и др.* Математические методы и модели исследования операций. Под ред. В. А. Колемаева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 592 с.
3. *Малыхин В.И.* Финансовая математика.:2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2003. 237 с
4. *Соловьев В.И.* Стохастические модели математической экономики и финансовой математики.: Учебное пособие для вузов. Под ред. В. А. Колемаева. М.: ГУУ, 2001. 92 с.
5. *Федосеев В.В., Эриашвили Н.Д.* Экономико-математические методы и модели в маркетинге.: Учеб. пособие для вузув. Под ред. В.В. Федосеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 159с.

N.V. TARASOVA, L.I.GUBAREVA

METHODICAL MODEL OF FORMING PROFESSIONAL COMPETENCES DURING STUDY GENERAL EDUCATIONAL DISCIPLINES

To form the students' professional competences in general subjects the author offers to use such educational means as the system of interralated elementary problems, self-creative research, computer modelling. The article describes the method to apply these means while studying the theory of probability at the institute of economy.

Key words: ***economic education, professional competences, economic-mathematical modelling, chance phenomena, stohastic methods, means of education, interralated elementary problems, didactic needs.***

Е.Н. ЧЕРНЫШЕВА
преподаватель кафедры хорового дирижирования Орловского государственного института искусств и культуры
E-mail: lena.chernysheva @list.ru
Тел. 8 915 504 12 41

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ТЕОРИЙ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется содержание понятия «ценности», рассматривается процесс становления и развития ценностных теорий, раскрывается их роль, иерархия и значение в жизни человека, исследуется взаимосвязь индивидуальных и общественных ценностей.

Ключевые слова: ***понятие «ценность», теории ценностей, аксиологическая проблематика, сознание, ценностные ориентиры.***

Переломный характер современной эпохи, проблемы динамичного и двойственного по своим последствиям научно-технического прогресса, коренные социальные и культурные перемены, сопровождающиеся ломкой старых норм и образа жизни, переоценкой ценностей и идеалов, привычных убеждений и представлений и, наконец, поисками новой системы жизненных установок и нравственных ценностей, – все это реальности современной России. От того, насколько людям удастся разобраться в этих проблемах и найти правильные пути их решения и трансляции подрастающему поколению, зависит будущее нашей страны. И хотя человек с древнейших времен погружен в размышления по поводу этих вопросов, быстро меняющаяся жизнь и окружающий мир наполняют их новым содержанием, заставляют нас обращаться к ним снова и снова, искать ответы, соответствующие запросам сегодняшнего дня.

Ориентация на гуманистический характер образования, провозглашение приоритета общечеловеческих ценностей, свободного развития личности вызывает непреходящий интерес исследователей к проблеме ценностей. Вопрос о ценностях относится к числу «вечных», его трактовка на протяжении многих лет была затруднена в силу многогранности этого понятия.

В философском словаре под редакцией И.Т.Фролова ценности определяются как свойство предмета или явления, и внимание акцентируется на их значимости для человека: «Ценности – специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительные или отрицательные стороны для человека и общества… Внешне ценности выступают как свойства предмета или явления, однако они присущи ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому, что он вовлечен в сферу общественного бытия человека и стал носителем определенных социальных отношений. По отношению к человеку ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям»[12].

Первоначальное становление понятия «ценности» происходит в философии Древней Греции. Сократ, Платон и Аристотель подняли проблему ценностного подхода к личности, заложили основы воспитания гражданина на принципах добродетели и морали, раскрыли сущность ценности в познавательной деятельности.

Зародившись в античной философии, ценностное мировоззрение развивалось и в последующие эпохи, но в самостоятельный раздел философии –аксиологию, выделилось во второй половине XIX века. Большое влияние на формирование аксиологии как науки оказала философия И. Канта. В работе «Критика практического разума» он доказывает, что представление личности о ценности своего существования основано на особом чувстве моральной ценности. Кант считал моральный закон абсолютным и превосходящим любые разумные соображения выгоды и удовольствия.

Возведение понятия ценности в ранг философской категории принято связывать с философией Германа Лотце. Аксиология (от axio – ценность, logos – слово, учение) – один из самых молодых разделов философии. По его теории, ценности подразделяются на нравственные, эстетические и религиозные. Разрабатывая аксиологическую проблематику, философ относит к ценностям «благое, прекрасное, справедливое и другие проявления бытия», обращенные «к нашим чувствам, но совершенно независимые от нашего произвола» [7].

© Е.Н. Чернышева

Теорию Лотце, обосновавшую самостоятельность мира ценностей, наиболее последовательно развивали неокантианцы, в особенности В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Неокантианцы разграничили научное знание на знание о природе и знание о культуре. В. Виндельбанд разрабатывал теорию ценностей, полагая, что непосредственно переживаясь человеком, ценности служат основанием его поступков. Он утверждал, что и в истории, и в человеке содержится нечто «непознанное, неизреченное и неопределимое», а мотивация человеческого действия возникает из рассогласования между ценностями и реальностью [2]. Эти идеи развивал Г. Риккерт. Согласно Г. Риккерту, культура представляет собой особую реальность, и от природы ее отличает понятие ценности. Под последними же он понимал смыслы, скрывающиеся за бытием и являющиеся трансцендентными по отношению к индивидуальному сознанию. Г. Риккерт стремился систематизировать ценности культуры и привести их в соответствие с разными науками и областями познания [10].

Неокантианские теории ценностей определили направленность исследований В. Франкла. Мир ценностей он делит на три вида ценностей, позволяющих сделать жизнь человека наполненной смыслом: 1) ценности творчества, реализующиеся в продуктивных творческих действиях, в труде; 2) ценности переживания, проявляющиеся в благоговении перед природой, произведениями искусства, в любви; 3) ценности отношения, выражающиеся в отношении человека к своей судьбе, к критическим жизненным обстоятельствам, ограничивающим нашу жизнь и во многих случаях не подлежащим изменению. Между этими категориями существует определенная иерархия, обусловленная возможностями, которыми объективно располагает человек. Но даже тогда, когда у человека практически не остается реальных возможностей, ценности отношения, по мысли В. Франкла, остаются всегда доступными для него. В свете такого строения мира ценностей «становится очевидным, что человеческое существование по сути своей никогда не может быть бессмысленным. Жизнь человека полна смысла до самого его конца – до самого его последнего вздоха» [13].

Американский философ Джон Дьюи изменяет представление о характере ценности, дает возможность рассматривать ее как эмпирическое явление. Согласно Дьюи, ценность рождается в ситуации и не может существовать как свойство предметов или явлений независимо от той деятельности людей, в которую вовлечены эти предметы.

Феноменологические концепции в аксиологии, решая проблемы природы и сущности ценности, рассматривают ее как феномен и характеризуют ценности через человеческое переживание в процессе восприятия. Э. Гуссерль утверждает: «Восприятие – это такой модус сознания, в котором то, что в нем осознано, обнаруживается как оно само. Оно обнаруживает себя, как бы говоря: «вот я само», изначально, совершенно, непосредственно, оно само. Восприятие как сознание «самого предмета» [5].

М. Шелер, разрабатывая теорию ценности, обращается к исследованию предметного составляющего ценности, которое может существовать и потенциально содержать в себе ценность независимо от субъекта и его сознания. Теория М. Шеллера доказывает объективность ценностей и их независимость от человеческого бытия: «Ценности не могут быть созданы или уничтожены. Они существуют независимо от всех организаций определенных духовных сущностей» [11].

Мир ценностей бесконечно разнообразен, проблема всегда волновала ученых, поэтому история западноевропейской философии включает в себя различные теории ценностей, их педагогические интерпретации.

Проблема ценности являлась определяющей и в отечественной философии. Аксиологическая проблематика разрабатывалась такими представителями русской философии к.XIX н.XX веков, как Н.А. Бердяев, М.М. Бахтин Н.О. Лосский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев и др. В русской философии этого времени отразились характерные для России черты: ориентация на идеи нравственного совершенствования, добра, справедливости, служения Отечеству, стремление к абсолютным ценностям.

Н.О. Лосский в своих книгах «Ценность и бытие» и «Условия абсолютного добра» обосновывает главенствование религиозных ценностей и определяет ценность как нечто всепроникающее, определяющее смысл мира в целом и конкретной личности. Он показывает, что философская идея Абсолютной полноты Божественного бытия имеет первостепенное значение для понимания проблемы ценности. Согласно Лосскому, задача аксиологии «состоит в установлении существования абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма, т.е. учения, утверждающего, что все ценности относительны и субъективны» [8].

Определяя значение рефлексии в восприятии ценностей, М. Бахтин подчеркивает важность личной ответственности человека за свой поступок, который философ называет «поступком мысли». Он пишет: «поступок… в самом своем свершении как-то знает, как-то имеет единое и единственное

бытие жизни, ориентируется в нем, причем весь – и в своей содержательной стороне, и в своей действительной единственной фактичности…»[1].

В советское время возрождение интереса к аксиологической проблематике связано с В.П. Тугариновым. В работе «Теория ценностей в марксизме» он дает определение ценности – «суть те предметы, явления или свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и прочее) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала». Из этого определения следует, что ценности личности определяются ценностями того общества или класса, к которому человек принадлежит. Ценности могут быть реально существующими, а также мыслимыми, нормативными, идеальными.

Отстаивал идею доминирования общественного мнения над отдельной личностью и основоположник социологической теории ценностей Эмиль Дюркгейм. В работе «Ценностные и реальные суждения» немецкий социолог исследует дихотомию индивидуальных-общественных ценностей. Он указывает на противоречие между системой индивидуальных и общественных ценностей: «существует огромная разница между тем, как в действительности оцениваются ценности обыкновенным индивидом, и той шкалой человеческих ценностей, на которой в принципе должны основываться наши суждения» [6]. Это противоречие Дюркгейм разрешает за счет доминирования над системой ценностей человека общественного сознания в форме общественного мнения. Существование системы ценностей социолог связывает с необходимостью регуляции социальной жизни, определения значимости того или иного явления для общества. Выделяя другую природу нравственных, религиозных, эстетических ценностей, Дюркгейм приходит к ключевому понятию немецкой идеалистической философии – идеалу и признает реальность мира идеалов [3].

Продолжателем структурно-функционального подхода в социологии XX века стал американский социолог-теоретик Т. Парсонс. Он выделяет структуру общества, выделяя экономику, политику, культуру и социетальный уровень организации. Каждая из подсистем выполняет определенную функцию. Культура выполняет функцию трансляции системы ценностей и идеалов, воспроизводство образца. Социетальный уровень организации осуществляет интеграцию членов общества. Культурный и социетальный уровень общества неразрывно связан с системой ценностей. Общество как социальную систему Парсонс анализирует с точки зрения параметров ценностей, норм, коллективов и ролей. При этом ведущую роль в структуре имеют ценности: «Ценности занимают ведущее место в том, что касается выполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца, так как они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами определенных обязательств» [9]. На массовом уровне ценности выступают в виде коллективных представлений относительно оценки восприятия окружающего мира, желаемом типе социальной системы. Т. Парсонс приходит к выводу, что для организации общества необходимо существование системы общественных ценностей, «ценностного консенсуса» по поводу системы общественных ориентаций. Таким образом, ценности не только составляют основу социокультурного образца, транслируемого культурой, но и играют важнейшую роль в интеграции общества, выступают в качестве ориентиров в его развитии [3].

Анализ имеющихся аксиологических концепций показал, что понятие «ценность» предстает как многоуровневое образование со сложной структурой (что дает широкое возможности их педагогической интерпретации) и используется различными исследователями в нескольких значениях:

1. ценность как оценка, как критерий для определения значимости познаваемого предмета;
2. ценность как нормативный идеал относится к сфере должного и выполняет функцию образца, в соответствии с которым человек оценивает свое отношение к миру, к людям, к себе. Нормативные идеалы входят в структуру ценностного сознания, компонентами которого являются значения и смыслы;
3. ценность как реальный предмет, который служит для удовлетворения определенных потребностей и интересов людей;
4. ценность как регулятор человеческого поведения;
5. ценности как цель человеческой деятельности и поступков, как осознанные смыслы жизни;

Подводя итог в определении понятия «ценность», можно согласиться с Г.П. Выжлецовым, что «принятые в литературе различные определения ценностей как значимого или должного, нормы и идеала, как предмета всякого интереса, предпочтения или оценки, на самом деле не противоречат друг другу, поскольку входят на разных уровнях в целостную структуру ценности и проявляются соответствующим образом в зависимости от ситуации [4].

Итак, на основании вышесказанного мы делаем вывод, что ценности – это стержневое об-

разование личности, определяющее систему профессионально-ценностных ориентаций, отношение к окружающему миру и моделирующие содержание и характер профессиональной деятельности. Актуальной задачей российской высшей школы является формирование ценностных ориентаций, соответствующих времени, опирающихся на компетентностную парадигму, помогающих адаптироваться в социальной сфере и позволяющих преодолевать жизненные препятствия. Несмотря на существующие разночтения, на основе теоретического анализа аксиологических учений, мы получили представление о роли и значении ценностей в жизни человека, его профессиональной деятельности в русле философской научной традиции.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* К философии поступка.//Человек в мире слова. М.: Изд-во Росс, открытого ун-та,1995. С.42.
2. *Виндельбанд В.* История новой философии в связи с общей культурой и отдельными науками. т.2-М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000. С.379.
3. *Волосков И.В.* Система ценностей российского студенчества: монография/ И.В. Волосков-М.: Университетская книга, 2009. С.14.
4. *Выжлецов Г.П.* Духовные ценности и судьба России// Социально-политический журнал. №3, 1994. С.18.
5. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т.1.Феноменология внутреннего сознания времени. М.,1994. С.120.
6. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и назначение./ Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С.289.
7. *Каган М.С.* Философская теория ценностей. СПб: ТОО ТК «Петрополис»,1997. С. 98.
8. *Лосский Л.О.* Ценность и бытие. М.: Республика, 1994. С.288.
9. *Парсонс Т.* Системы современного общества. М.,1998. С.18.
10. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение и исторические науки. СПб: Наука, 2007.С.25.
11. *Столович Л.Н.* Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика,1994. С.218.
12. Философский словарь. Под редакцией И.Т. Фролова. Издание пятое. М.: изд-во Политической литературы, 1987.С.534.
13. *Франкл В*. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С.174.

E.N. CHERNYSHEVA

PEDAGOGICAL ANALYSIS OF VALUE THEORIES IN WESTERN AND RUSSIAN PHILOSOPHY

This article analyzes the concept of "value", deals with the process of formation and development of value theories, reveals their role, importance and the hierarchy in human life, examines the correlation between individual and social values.

Key words: ***the concept of "value", value theory, axiological perspective, consciousness, values.***

Ю.В. БЫСТРОВА
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета
E-mail: zukova57@mail.ru
Тел. 8 910 301 54 42

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматриваются вопросы основных подходов к определению криминальной экономики, структуры теневой экономике, истории становления данного явления, проблемы противодействия теневой экономике как на территории РФ, так и за ее пределами.

Ключевые слова: **криминальная экономика, теневая экономика, нелегальная экономика, легальная экономика, легализация теневого бизнеса.**

В последние годы весьма актуальной стала проблема борьбы с экономическими преступлениями, которые захлестнули наше общество. Как известно, экономическая преступность возникает там и тогда, когда есть возможность конкурировать с легальной экономикой при производстве наиболее доходных товаров и услуг. Вполне очевидно, что экономическая преступность отражает состояние легальной экономики: чем оно хуже, тем более доходно и более активно проявляет себя организованная экономическая преступность.

Все чаще проводятся научные и практические конференции по борьбе с экономической преступностью, защищаются докторские и кандидатские диссертации, которые направлены на «раскриминализирование» данной сферы. Все это и обуславливает актуальность выбранной темы.

В современном обществе существует достаточно большое количество неразрешенных проблем. Одной из таких проблем является экономическая преступность, которая затрагивает одновременно несколько аспектов развития современного общества: экономический, юридический, социальный. С экономической точки зрения экономическая преступность наносит серьезный урон по экономической безопасности любого государства, разрушая основы становления и функционирования рынка. С юридической точки зрения данные деяния требуют юридической оценки и уголовно-правовой квалификации содеянного, оценки ущерба и т. д. В социальном плане данные противоправные действия наносят урон конкретному человеку путем лишения его каких-либо благ. Проблемы, охватывающие общество, как правило, становятся весьма актуальными и рассматриваются в науке.

Ученые пытаются разрешить главную проблему – изыскать научные способы решения задач, диктуемых жизнью. К сожалению, в экономической и юридической науке многие проблемы раскрыты не в полном объеме. Единого общепринятого понятия криминальной экономики не сформулировано. Тем не менее, наукой и практикой выработан ряд критериев отнесения экономических явлений к теневой сфере:

– осуществление экономической деятельности вне официального контроля, регламентации, с сокрытием, маскировкой ее значимых параметров от правоохранительных и контролирующих органов;

– получение экономической выгоды в форме незаконного присвоения экономических благ. Однако, на сегодняшний день проблемы криминальной экономики оказывают огромное влияние и резонанс общественного мнения во всех сферах жизнедеятельности общества.

Как правило, многие ученые экономисты, юристы и социологи отождествляют понятия «теневой» и «криминальной» экономики [1,с.18]. Однако существует и другая точка зрения – теневая экономика – это часть криминальной экономики. По мнению В.В. Колесникова[2,с.47], криминальная экономика включает две подсистемы: первая – криминализированная экономика – представлена легальными предпринимательскими структурами и их субъектами, официально действующими в национальной системе хозяйствования, которая непосредственно связана с проникновением криминальных отношений в сферу легальной экономической системы. Вторая подсистема – «нелегальная экономика» или «собственно криминальная экономика» – представлена нелегальными бизнес-структурами, деятельность которых вообще запрещена государством и является монопольной сферой деятельности криминальных структур. Для этой подсистемы характерно использование криминальными организациями ряда типичных противозаконных методов из арсенала уголовного мира (рэкет, шантаж, вымогательство и др.) как внеэкономических инструментов ведения конкурентной борьбы, в том числе и в сфере легальной экономики.

© Ю.В. Быстрова

«Теневая» экономика достаточно специфична для исследования, это связано с тем, что теоретически определить это понятие возможно всесторонне, а практически информация является конфиденциальной и разглашению не подлежит. Следовательно, рассматривая теневую или криминальную экономику, необходимо показать ее влияние на экономические процессы: формирование доходов и расходов, организация торговли, распределение инвестиций и т. д. Проблема Российской Федерации заключается в том, что влияние данного феномена в нашем государстве настолько велико, что представляет опасность для экономической безопасности страны.

В науке выделяют два подхода к определению «теневой» экономики:

Теоретический – теневую экономику рассматривает как экономическую категорию, отражающую сложную систему экономических отношений [3,с.40]. Операционный – определяет теневую экономику через измерение ее масштабов. Этот подход используется при решении прикладных, статистических задач, формулировании рекомендаций по совершенствованию законодательства и корректировке социально-экономической политики.

Важнейшей тенденцией развития теневой экономики является ее криминализация. В связи с этим в системе экономических отношений можно выделить самостоятельный сектор криминальной экономики. Сущность концепция криминальной экономики заключается в исследовании причин, механизмов экономических общественно опасных явлений, а также предупреждение и пресечение общественно опасной активности лиц, их совершающих.

Впервые понятие «криминальная» экономика ввел А.А.Крылов, определив его как: «Криминальная экономика – это сложная система незаконных социально-экономических отношений и материально-вещественных процессов по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Криминальную экономику он определяет также как организованную корыстную ненасильственную преступность» [4,с.36].

Впоследствии изучением данного понятия занимались А. Нестеров и А. Вакурин, которые определили его как: «…криминальная экономика – это специфический экономический уклад, способ хозяйствования, который призван обеспечивать определенную, относительно небольшую по численности группу лиц сверхдоходами, доходами от преступной деятельности, доходами от использования «прорех» в законодательстве» [5,с.40]. Это понятие, по их мнению, охватывает деяния в экономической сфере, то есть экономические правонарушения и преступления. В экономической и юридической литературе встречается также термин «криминальная квазиэкономика», которая определяется как непродуктивный сектор экономической деятельности, связанный с незаконным перераспределением доходов и имущества граждан путем грабежа, разбоя, кражи, вымогательства[6, с.5].

Таким образом, имеет место понимание криминальной экономики исключительно с формально-правовых позиций, имеющих значение для юридических процессов и явлений. С этих позиций, можно сделать вывод о том, что в состав криминальной экономики включается вся теневая экономика.

Зарождение и развитие «теневой» экономики в России можно отнести к 60-70-м гг. 20 века. Именно в это время наблюдается рост потребности населения и в ответ на эту потребность – спекуляция, которая является первоначальной формой нелегального бизнеса. Основными причинами развития спекуляции выступали – высокие и стабильные доходы населения против низкой наполняемости товарами потребительского рынка.

В начале 80-х гг. роль, масштаб и значимость «теневой» экономики резко возросла. Появились организованные преступные группы, тесно связанные с «теневым» сектором экономики. Отрасли, ориентированные на оказание услуг, оказались полностью во власти «теневого» бизнеса. Теперь произвести ремонт жилья, автомобиля можно было просто по договоренности, не составляя никаких документов и не отчисляя налогов.

В конце 80-х годов начались межнациональные конфликты, что вызвало резкий спрос на оружие. Как следствие этого стало расти незаконное производство и торговля оружия.

Экономические реформы 1991 года привели к полному развалу потребительского рынка. «Черный» рынок укрепил свое влияние в торговле алкоголем, табаком, в оказании услуг на ремонт автомобилей, строительство жилья. С 1992 года наблюдался захват позиций по всему спектру товаров и услуг.

Ослабление на протяжении последних лет правоприменительной деятельности в области экономических преступлений также сказалось на росте «теневой» экономики. В эти годы преступность стала иметь более корыстную направленность

Начиная с 1992 года, в связи с активизацией экономической жизни в России, были выровнены диспропорции между экономическими возможностями страны, уровнем доходов населения и ценами на потребительские товары, сузило базу «теневой» экономики. Однако, вступление стран СНГ в мировое сообщество также способствует росту и поддержи

«теневой» экономики. Процессы разгосударствления и приватизации, бесспорно, усугубят криминогенную обстановку в экономической сфере и будут стимулировать подкуп должностных лиц, сокрытие доходов.

Рассматривая проблемы «криминальной» экономики, имеющиеся на сегодняшней день, можно сказать, что данный институт прогрессирует, имея различные формы выражения. Теневая экономическая деятельность в сфере малого бизнеса разнородна. И чтобы искоренить данный институт ,необходимо действовать по нескольким направлениям: с одной стороны, бороться с «грязным» капиталом, привлекая правоохранительные органы, с другой стороны, необходимо принять законодательные меры по «легализации» теневого бизнеса, что позволит стабилизировать экономику страны, а также частично решить проблему сокращения экономической базы организованной преступности, которая использует различные формы малого предпринимательства.

В 1992 г. государство начало с того, что фактически ликвидировало накопления граждан, параллельно шла криминализация финансового сектора. В том же году Центробанк России распределял в условиях высокой инфляции кредиты под высокий процент, и те, кто имел возможность взять эти кредиты, получили колоссальные доходы. В 1993 г. развернулась приватизация снизу, когда всем было разрешено хватать государственное имущество по принципу «кто первый». В результате в экономике возобладали стереотипы расхищения. Как следствие этого, началась легализация криминальной деятельности. Денежная политика 1994 г. привела к тому, что большая часть хозяйственных расчетов постепенно трансформировалась и перешла в «теневой» сектор.

На сегодняшний день, в сложившихся условиях высокого уровня налогообложения, предприниматели выбирают, как правило, один из трех алгоритмов поведения.

1. Бросить «дело», свернуть производство, вывести капитал за границу.

2. Пытаться получить те или налоговые льготы. При этом за получение прямых налоговых льгот чиновникам соответствующих уровней «надо платить», так что основа для коррупции налицо, о фактах которой упоминалось выше.

3. Уклониться от уплаты налогов, применить наличные расчеты, уйти в «тень». В этом случае создается почва для криминализации экономических отношений: злоупотреблений государственных чиновников, с одной стороны, развития рэкета и бандитизма – с другой [7,с.19].

В настоящее время российская налоговая система несовершенна, именно поэтому и дает возможность роста «теневой» экономики. Существует несколько способов уклонения от налога:

– Сокрытие объектов налогообложения: ведение финансово-хозяйственной деятельности без необходимой регистрации, постановки на учет в Государственной налоговой инспекции или лицензии, в том числе с использованием подложных документов и документов фальшивых фирм; неотражение финансово-хозяйственных сделок в бухгалтерском учете; уничтожение бухгалтерских документов после совершения сделки; ведение финансово-хозяйственной деятельности через счета других организаций или структурных подразделений без проводки по бухгалтерским счетам и др.

– Занижение объектов налогообложения: внесение в бухгалтерские документы искаженных данных; отнесение части выручки на ненадлежащие бухгалтерские счета; создание неучтенных излишков продукции путем увеличения нормы убыли, необоснованного списания.

– Сокрытие средств от уплаты налогов при наличии недоимки по налогам или с целью неуплаты текущих налогов: создание искусственной дебиторской задолженности, отпуск товаров без предоплаты, в том числе на реализацию, с намерением не возвращать выручку на счета фирм; перечисление выручки на счета зависимых структур, не уполномочивая их уплачивать соответствующие налоги и др.

– Неправомерное использование льгот: введение основного вида деятельности под видом льготированного, включение в основной штат неработающих пенсионеров-инвалидов и др. [8. с. 85].

В процессе познания криминальной экономической деятельности ключевое значение имеет выявление ее структуры.

Процесс последовательной смены отдельных стадий, необходимых для осуществления и постоянного возобновления криминальной экономической деятельности, обозначается понятием «криминальный экономический цикл».

Структура криминального экономического цикла может быть представлена на схеме.

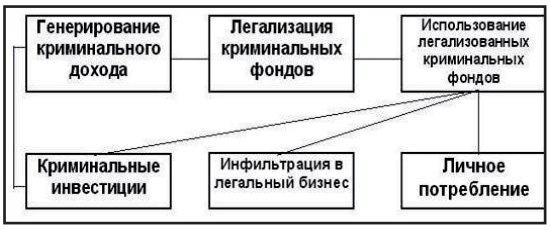


Рис. 1. Структура криминального экономического цикла.

Генерирование криминального дохода – это фаза криминального экономического цикла, содержанием которой является извлечение дохода в результате преступной (общественно опасной) экономической деятельности, совершение преступлений в сфере экономики.

Легализация криминальных фондов – это фаза криминального экономического цикла, содержанием которой являются финансовые операции, направленные на придание преступно полученным средствам видимости полученных законным путем.

Криминальные инвестиции – использование легализованных преступно полученных средств для возобновления, расширения криминального предприятия.

Инфильтрация в легальный бизнес – фаза криминального экономического цикла, содержанием которой являются прямые и портфельные инвестиции в организации легального бизнеса.

Рассмотренный шаблон криминальной экономической деятельности универсален и может быть адаптирован для исследования любой конкретной криминальной модели.

Если рассматривать структуру криминальной экономики, то в ней можно выделить две подструктуры. Первая – «криминализированная экономика» – представлена легальными предпринимательскими структурами и их субъектами, официально действующими в национальной системе хозяйствования. Криминализированная экономика непосредственно связана с проникновением криминальных отношений в сферу легальной экономической системы. Здесь легальными криминализированными предпринимательскими структурами и бизнесменами применяются, наряду с законными, противозаконные (не связанные с насилием) методы получения прибыли и присвоения экономических благ. Иными словами, экономические преступления здесь используются в рамках и под прикрытием законной предпринимательской деятельности легальными структурами в качестве своеобразного (противоправного) инструмента в экономической борьбе.

Вторая – «нелегальная экономика» или «собственно криминальная экономика» – представлена нелегальными бизнес-структурами, деятельность которых вообще запрещена государством. Нелегальная экономика является монопольной сферой деятельности криминальных структур. Она принципиально не может существовать (как явление) в легальной (официальной) хозяйственной системе и присуща только криминальной экономике [9. с.6.]. По содержанию (с позиций права) – это преступная экономическая деятельность, по форме - нелегальная, по последствиям – социально деструктивная, паразитирующая, в основном, на человеческих пороках: наркобизнес, порнобизнес, бизнес на проституции, на захвате заложников, на торговле опасными для жизни и здоровья людей товарами, бизнес на подпольной торговле оружием, радиоактивными материалами, трансплантатами человеческих органов и т.д. Для этой подсистемы характерно использование криминальными организациями ряда известных из арсенала уголовного мира «типичных» противозаконных методов (рэкета, шантажа, вымогательства и др.) как внеэкономических инструментов ведения конкурентной борьбы в том числе и в сфере легальной экономики [10. с. 10].

Вместе с тем, ассоциировать криминальную экономику с легальной экономикой, официально действующей системой хозяйствования было бы серьезным заблуждением. Первую нельзя в строгом смысле назвать экономикой (хозяйством). Она не являет собой некую четко структурированную иерархическую хозяйственную систему, но вместе с тем впитала в себя ее отдельные черты, формально заимствовав ряд сегментов. Криминальной экономике присущи такие характеристики, как фрагментарность существующих в ее рамках секторов и отраслей, дискретность и, как правило, короткий срок функционирования отдельных бизнес-структур [11. с. 88], сфер и видов экономической деятельности, наличие переходных структур, сочетающих криминальные и легальные виды экономической деятельности, высокая динамика горизонтального перетока капиталов и др.

В настоящее время в науке и органах государственной власти предлагается несколько путей выхода из теневой экономики:

– радикально-либеральный, реализуемый с конца 1991-начала 1992 г. и связанный с целевыми установками на сверхвысокие темпы первоначального накопления капитала. Итоги данного подхода мы уже имеем: небывалые масштабы «теневой» составляющей российской экономики и образование мощных финансово-производственных кланов, сплетенных с высшими эшелонами власти – с одной стороны; подавление нормальной предпринимательской деятельности, прежде всего малого бизнеса, – с другой. Не случайно у некоторых государственных служащих и политиков стали появляться предложения по поводу проведения полной легализации всей «теневой» экономики. Надо отметить, что такие веяния однозначно не получат общественной поддержки, в том числе со стороны «теневиков», у которых уже четко налажен их бизнес, сотрудничество с организованными преступными сообществами.

– репрессивный подход возник как своеобразная реакция на социальные негативы описанного либерального. Его сущность заключается в том, что расширяется и усиливается значение государственных служб и подразделений полиции, ФСБ, налоговой инспекции, налоговой полиции и Министерства финансов РФ; формируется система тотального контроля за счет ужесточения законодательства, направленного против «теневой» экономики, усиление мер наказания. В качестве попыток реализации репрессивного подхода можно рассматривать принятие законов, таких как: «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемым физическими лицами доходам», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Существует мнение о том, что предлагаемый вариант легализации теневого капитала возможен, но нереалистичен, так как предприниматели, занятые в «теневой» экономике, не захотят выходить из нее. Однако, необходимо принять во внимание, что данная категория предпринимателей постоянно находится и под угрозой государства, и под угрозой криминальных элементов. Экономические последствия этих поборов для предпринимателей те же самые, что и результаты жесткого налогового прессинга, однако соответствующие средства выплачиваются государственным и частным рэкетирам, а значит, налицо состав преступления и как следствие этого постоянное беспокойство. Это психологическая составляющая. Если же рассматривать экономические факторы, надо отметить, что любая сфера, в том числе и «теневая», имеет свои пределы поглощения капитала, и раньше или позже «теневики» – хозяйственники оказываются перед необходимостью выхода за границы занятой площади. Программа интеграции теневого капитала с легальным – лишь одна, но обязательная составляющая курса в экономической политике, суть которого выражается в полном поощрении отечественного товаропроизводителя.

Таким образом, легализация теневых капиталов, которые впоследствии будут направляться в легальную экономику, – едва ли не единственный источник крупномасштабного инвестирования в народное хозяйство. Карательные меры к теневикам – предпринимателям приведут, несомненно, к потере для страны огромных денежных средств, Заставить эти средства работать для общего дела и оставить их на территории нашего государства – цель реформирования и борьбы с криминальной экономикой.

Всеобъемлющим понятием криминальной экономики можно считать определение А.А. Крылова: «Криминальная экономика – это сложная система незаконных социально-экономических отношений и материально-вещественных процессов по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг».

В процессе исторического развития криминальная экономика набирает темпы развития и характеризуется все новыми формами проявления, чтобы бороться с ней на высоком уровне, необходимо осознавать все экономические процессы, происходящие в государстве на сегодняшний день.

В структуре криминальной экономики выделяют две подсистемы: криминализированная экономика и нелегальная экономика, которые имеют свои грани отличия.

Для борьбы с криминальной экономикой необходимо разработать систему реформирования национальной экономики и усовершенствовать меры противодействия по борьбе с теневой экономикой.

Библиографический список

1. *Быстрова Ю.В*. Теневая экономика: этапы становления и пути преодоления. Предпринимательство как стратегический ресурс и внутренний источник инновационного развития национальной экономики: международная научно-практическая конференция (Орел, 23 декабря 2009): материалы и доклады в 2-х частях./ под общ. ред. Л.И. Лыгиной. Орел, Издательство ОрелГИЭТ, 2009. 264 с. С.18.

2. *Егоршин В.М.* Преступность в сфере экономической деятельности. В.М. Егоршин, В.В. Колесников. СПб.: Фонд “Университет”, 2000. 396 с. С.47.

3. *Бекряшев А.К., Белозеров И.П.* Проект «Электронный учебник «Теневая экономика и экономическая преступность».

4. *Крылов А.А.* Социально-экономические основы деятельности милиции в обществе рыночного типа. Автореф. дис. д.э.н. 05.13.10. М.: Академия МВД России, 1993. с. 36.

5. *Нестеров А., Вакурин А*. Криминализация экономики и проблемы безопасности. Вопросы экономики. 1995, № 1.

6. *Бокун Н., Кулибаба И.* Теневая экономика: понятие, классификации, информационное обеспечение. - Вопросы статистики. 1997. № 7. с. 5.

7. *Макаров Д.* Экономические и правовые аспекты «теневой» экономики в России// Вопросы экономики №3,

1998 – с.19-27

8. *Тимофеев Л.М.* «Теневая Россия: экономико-социальное исследование». Москва 2000 г. С.85-89.

9. *Афанасьев В.С.* Организованная преступность в современной России (опыт социологического анализа); СПб. филиал Ин-та социологии РАН. СПб., 1994. С. 5.

10. Основы борьбы с организованной преступностью. Монография/ Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: «ИНФРА-М», 1996. С. 10.

11. *Тимофеев Л.Я.* Наркобизнес как экономическая отрасль (теоретический подход)// Вопросы экономики. 1999. № 1. С.88-104.

Y.V .BYSTROVA

PROBLEMS OF COUNTERACTION OF CRIMINAL ECONOMY

In article questions of the main approaches to definition of criminal economy, structure of shadow economy, history of formation of this phenomenon, a problem of counteraction of shadow economy both in the territory of the Russian Federation, and beyond its limits are considered.

Key words: **criminal economy, shadow economy, illegal economy, legal economy, legalization of shadow business.**

С.В. ВАСЮКОВ
доцент кафедры гражданского процесса, предпринимательского и трудового права Орловского государственного университета
E-mail: s.vasukov@mail.ru
Тел. 8 953 6140107

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ

В статье на основании существующих подходов к изучению личности преступника, сложившихся в криминологической науке, предложена классификация лиц, совершающих преступления в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт. Дается криминологическая характеристика субъектов данной категории преступлений, исходя из анализа социально-демографических признаков, социального статуса личности и ее нравственно-психологических свойств.

Ключевые слова: ***личность преступника, банковские карты, безналичные расчеты, криминогенная мотивация, мошенничество, профилактика.***

Необходимость использования сведений о личности субъектов преступлений возникает при криминологическом анализе любого вида преступности, исследовании ее причин, при научной разработке и обосновании организации борьбы с преступностью и по предупреждению преступлений, образующих соответствующий вид преступности. В работах известных криминологов отмечается, что личность преступника является основным и важнейшим компонентом механизма преступного поведения, поскольку в каждом конкретном случае сама личность принимает решение о совершении преступления. [2;С.251, 9; С.82-84]

Представления об основных чертах личности преступника были изучены еще в период развития советской криминологии. К числу криминологов, подготовивших наиболее фундаментальные работы по проблемам личности преступника, следует отнести Ю.М. Антоняна, П.С. Дагель, А.И. Долгову, А.П. Закалюк, К.Е. Игошева, В.Н., Кудрявцева, Н.С. Лейкину, А.Б. Сахарова и др. Результаты исследований указанных авторов позволили не только определить понятие личности преступника, но и в значительной степени способствовали укреплению методологической базы, на основе которой в настоящее время осуществляется изучение личности преступников, совершивших общественно опасные деяния в разных сферах общественной жизни.

Рассматривая понятие личности преступника, следует отметить, что принято различать три основных уровня личности преступников:

• обобщенный – общее понятие личности преступника;

• особенный – различные категории (типы) преступников;

• индивидуальный – личность конкретного преступника.

Каждый из указанных уровней изучения личности преступника имеет собственное криминологическое назначение, хотя и различается по объему и содержанию учитываемых признаков, степени обобщения.

Сложившееся в криминологической науке общее понятие личности преступника в большей степени носит теоретический характер и служит научной основой для выработки общеконцептуальных положений криминологической науки.

В современной криминологической науке под личностью преступника понимается совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями на преступное поведение. [14; С. 36]

Общее понятие личности преступника не включает всего многообразия особенностей не только конкретного преступника, но и оставляет за своими свойствами специфику различных категорий и типов преступников, характеризуясь отражением только совокупности тех признаков, которые присущи всем нарушителям уголовного закона.

В одной из своих работ Г.А. Аванесов обращает внимание на то, что человек, совершивший преступление, продолжает оставаться личностью,[1; С.32] личность преступника раскрывается через сущность лица, а также определенный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, нравственный и духовный мир, взятые во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными фактами, лежащими в основе преступного поведения. В этой связи личность рассматриваемого преступника должна исследоваться

© С.В. Васюков

по следующей схеме: «человек – личность человека –личность преступника». В данном случае «личностью преступника» является характеристика лица, действующего в сфере безналичных расчетов, опосредованных банковскими картами.

В научной литературе по философии и психологии под понятием «человек» принято понимать неразрывное единство разных сторон его личностных характеристик: социальной и биологической. Категорию же «личность» принято рассматривать как целостное образование, сущность которого составляет социальное качество. Сущность человека проявляется в его личности как совокупности социальных отношений. Во-первых, человек в обществе ощущает себя именно как личность, и, во-вторых, личность человека представляет собой индивидуальное бытие общественных отношений.

Таким образом, личность человека – это «социальное лицо человека», то, кем он становится в процессе социального развития, формирования и деятельности в обществе. Сам факт рождения человека не констатирует его как личность, ее формирование представляет собой длительный процесс. Личностные качества приобретаются в процессе общественной деятельности, иначе говоря, путем социализации [9; С.83].

По мнению В. Ермакова и Н. Крюковой, любое преступление в большинстве случаев определяется теми личностными чертами и качествами человека, которые были сформированы в процессе воспитания в конкретной жизненной ситуации [8; С.15-17].

Рассматривая личность любого типа преступника, нельзя обойти вопрос о роли биологических особенностей в формировании его социальных характеристик, что весьма важно, ибо данный вопрос имеет непосредственный выход на практику.

Сегодня криминология стоит на позициях, согласно которым личность, ее психика являются, образно говоря, ареной, на которой происходит взаимодействие социальных и биологических факторов. Человек совершает преступление будучи таким, каков он есть. И, конечно, социальная характеристика его личности весьма значима. Одни люди импульсивны, сильны, жестоки, другие тщательно взвешивают свои поступки и слабы. Личность преступника формируется под влиянием как биологических исходных, так и социально приобретенных качеств и черт характера, носящих негативный, явно криминогенный оттенок. Поэтому при употреблении понятия «личность преступника» следует иметь в виду, именно социальные характеристики человека, совершившего преступление. Биологические начала человека, очевидно, несут в себе криминогенный потенциал, однако их влияние на формирование личности преступника происходит не прямо, а опосредованно. Другими словами, биологически исходные данные могут носить негативный характер, способствовать или тормозить правильное формироване личности, ее социализацию, но при этом они не формируют сами по себе личность преступника, а влияют на формирование социального лица личности.

Осуществляя «личностный подход» в исследованиях преступности, необходимо помнить о том, что личностные особенности – не первопричина преступления, потому что они формируются и конкретизируются средой обитания, условиями жизни. Зависимость «личность – преступление» всегда дополняется зависимостью «среда – личность» [8; С.40].

Понимание и учет этих обстоятельств в борьбе с преступностью позволяет максимально повышать предупредительно-профилактическую деятельность, обоснованность оценки состояния и тенденции преступности и соответственно обеспечить программно-целевой подход к разработке и реализации соответствующих направлений профилактической и уголовной политики [1; С.250, 6; С.7-12].

Важно и то, что личностные свойства, обусловившие совершение преступления, не исчезают и после его совершения. В дальнейшем они претерпевают лишь изменения, но в любом случае представляют криминологический интерес.

В настоящей статье осветим некоторые результаты изучения такого типа преступного поведения, который характерен для лица, совершающего преступления в сфере обращения банковских карт.

Однако прежде чем приступить к непосредственному изложению, представляется уместным остановиться на некоторых положениях развития учения о личности преступника. Наиболее распространенной является криминологическая характеристика личности преступника, которая включает в себя следующие основные группы признаков: социально-демографические и уголовно-правовые; социальные проявления в различных сферах общественной жизни; нравственные свойства и психологические особенности [11; С.11, 12; С.17; 9].

Данная точка зрения (с незначительными оговорками) разделяется большинством криминологов. Так, В.Н. Кудрявцев названные признаки объединяет в три группы: социально-демографическая и правовая характеристика личности; нравственно-психологическая характеристика; социальное поведение личности [11; С.21].

А.Б. Сахаров предлагает четырехзвенную структуру: социально-демографические признаки,

уголовно-правовые характеристики; социальные роли и социальные статусы; нравственные свойства; психологические особенности [12; С.17].

Близких позиций придерживаются и другие ученые [10; С.24].

В настоящей статье автор предлагает криминологическую характеристику субъектов преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, исходя из анализа социально-демографических признаков, социального статуса личности и ее нравственно-психологических свойств, поскольку они предлагаются в качестве обязательных почти всеми авторами.

Итак, классификация преступников – это распределение их по группам, исходя из определенных критериев.

Особое значение приобретает классификация преступников по характеру и содержанию мотивации преступного поведения. Столь же значима и классификация, исходя из глубины и стойкости этой мотивации и взаимодействующих с ней криминогенных убеждений и ценностных ориентаций. Оба эти варианта классификации исходят из оценки с различных сторон степени общественной опасности личности.

Традиционно по глубине и стойкости криминогенной мотивации и взаимосвязанных с ней убеждений, ценностных ориентаций, определяющих направленность личности, в выделенных выше группах преступников следует различать:

а) лиц, впервые совершивших преступления в результате случайного стечения обстоятельств и в противоречии с общей характеристикой всего предшествующего поведения («случайные преступники»);

б) лиц, впервые совершивших преступления, не устояв перед воздействием неблагоприятных внешних условий формирования и жизнедеятельности личности, но в целом характеризуемых (например, в трудовом коллективе, в быту), помимо этого преступления, больше положительно, чем отрицательно, но допускавших аморальные поступки (ситуационные преступники);

в) лиц, совершивших преступление впервые, но допускавших раньше правонарушения и в целом характеризуемых преимущественно отрицательно (неустойчивые преступники);

г) лиц, неоднократно совершавших преступления, в том числе и ранее судимых (злостные преступники);

д) особо опасных преступников.

Несколько преобразуя общую классификацию преступников, можно выделить следующие типы лиц, совершающих преступления в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт:

– лица, устойчиво ориентированные на совершение преступлений в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, готовые не только использовать, но и создавать необходимые обстановку и условия, убежденные в предпочтительности этого варианта поведения любому другому;

– лица, ориентированные на совершение преступлений в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, и готовые для этого использовать сложившуюся обстановку и условия, но обычно не склонные к активным действиям по их созданию;

– лица, втянутые в совершение преступлений в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, в силу неблагоприятной ситуации и в результате того, что попали в среду активных носителей антиобщественных взглядов.

Исследуя личности субъектов, автор остановился на методе научного анализа уголовных дел и результатах интервьюирования сотрудников органов внутренних дел. Данные методы являются наиболее предпочтительными.

Особенностью рассматриваемой категории преступлений является и то, что лица, их совершающие, являются хорошо осведомленными о специфике различных сфер банковской и финансово-кредитной деятельности и умело используют недостатки, просчеты в ее организации, а зачастую и свое служебное положение для достижения корыстных интересов.

Жизненный опыт, профессиональные навыки, служебное положение, психологические качества этих лиц оказывают существенное влияние на выбор способов хищения и мошеннических действий с банковскими картами, в том числе путем создания условий, способствующих совершению преступления. Перечисленные качества оказывают непосредственное влияние и на поведение этих лиц в случае привлечения их к уголовной ответственности. Обладая глубокими и обширными познаниями в рассматриваемой сфере экономики, гражданского, коммерческого права, зная особенности технологического процесса, документооборота, преступники выдвигают версии, которые трудно опровергнуть без привлечения специалистов в определенных отраслях знаний.

В то же время, практика свидетельствует, что нередко организаторами крупных хищений путем мошенничества становятся лица, не обладающие

высоким образовательным и профессиональным уровнем, но являющиеся лидерами организованных преступных группировок, так как они обладают организационными способностями и возможностями вербовки необходимых помощников, консультантов, специалистов, исполнителей и других соучастников.

Личность преступника, совершающего преступления в этой сфере, отличается рядом характерных особенностей. Данные уголовной статистики и материалов уголовных дел свидетельствуют о том, что среди преступников достаточно высок удельный вес мужчин – около 78%. Доля женщин среди лиц, совершивших хищения и мошенничества с банковскими картами, значительно ниже и составляет всего около 22%, и в отличие от обычного мошенничества (где они выполняют роли организаторов и непосредственных исполнителей) их роль чаще всего сводится к оказанию содействия при совершении преступлений (например, помощи в обналичивании денежных средств). Вместе с тем указанный показатель значительно выше среднестатистического показателя удельного веса преступниц женского пола в целом, который в последние годы колеблется от 12 до 15%. [13; С.35] Отчасти, сложившаяся ситуация связана с изменяющейся социальной ролью женщины. Гиперэмансипация постепенно приводит к тому, что слабая половина человечества активнее участвует в общественной и политической жизни страны, осваивает новые профессии, занимается бизнесом, забывая при этом свое основное предназначение – быть матерью, хранительницей домашнего очага.

Наиболее криминогенной возрастной категорией являются лица 26-39 лет: их доля в структуре преступности доходит до 54%, далее следует возрастная группа осужденных за данное деяние: 39-50 (около 26%), от 18 до 26 лет (около 18%), 50 и старше (2%). Интересно заметить, что структура организованных форм мошенничества, исходя из возрастных категорий лиц его совершивших, обнаруживает, в общем, схожие тенденции с составом данного деяния в целом. Преобладание в структуре организованного мошенничества более зрелого контингента преступников обуславливается наличием жизненного опыта, свидетельствующего о способности лица максимально использовать свои физические и интеллектуальные возможности для обеспечения результативности и скрытности осуществления преступной деятельности. Весьма неблагоприятные прогнозы олицетворяет собой группа лиц в возрасте до 29 лет. Практически это молодые, но уже вполне профессиональные преступники, связавшие повышение уровня своего материального благосостояния, да и положение в обществе в целом, с криминалом.

Определенный интерес вызывают данные о социальном и имущественном положении мошенников. Эти сведения показывают, в каких социальных слоях и группах, в каких сферах общественной жизни и производства распространены рассматриваемые посягательства; ориентируют на поиск и выявление криминогенных факторов, специфических для различных профессиональных и иных групп населения, для различных отраслей хозяйства, видов производства и т.п.

Поскольку изучаемый вид преступного поведения требует наличия определенного уровня интеллектуального развития, зачастую, наличия специальных знаний, особой технической и психологической подготовки (способность убедить, войти в доверие), особый криминологический интерес вызывает уровень образования участников преступных групп.

Динамика статистических данных, характеризующих структуру осужденных за мошеннические действия по уровню образования, не обнаруживает каких-либо существенных тенденций. Так изучение материалов уголовных дел показало, что около 34% мошенников имели среднее общее образование, 25% – среднее специальное, 27% – высшее и неоконченное высшее, 14 % – неполное среднее. В ходе проведенного исследования мы выяснили, что отдельные лица (около 2%) имели даже по два высших образования.

Следует согласиться с мнением о том, что современные мошенники в сфере безналичных расчетов – это своеобразные интеллектуалы преступного мира. Они являются хорошими специалистами в своем деле, нередко представителями интеллигенции, а также хорошими знатоками практической психологии, умеющими «играть» на человеческих слабостях, в частности на алчности, стремлении некоторых людей к обогащению неправомерным или аморальным путем [3; С.23].

В системе факторов, оказывающих существенное влияние на развитие личности преступника, особое место занимает его образовательно-культурный уровень. Следует отметить, что у мошенников он несколько выше, чем у других категорий корыстных и корыстно-насильственных преступников. Судя по материалам уголовных дел, образовательный уровень влияет и на распределение криминальных функций, внутригрупповые роли. Как показало наше исследование, лица, обладавшие более высоким образовательно-культурным уровнем, значительно чаще занимали лидирующее положе-

ние в самих мошеннических преступных формированиях, подчиняя себе других членов. При этом следует отметить, что наличие интеллектуальных способностей у руководителей подобного рода организованных групп и преступных сообществ (как и у других участников) превалирует над необходимостью обладания физическими данными.

Развернутую характеристику осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, по роду занятий можно изобразить следующим образом: трудоспособные без определенных занятий (49,3%), государственные и муниципальные служащие (3,7 %), служащие коммерческих или иных организаций (10,3%), частные предприниматели (2,5%), учащиеся и студенты (2,9%), рабочие (21,8%), лица прочих занятий (9,5%). Следует также заметить, что среди преступников (около 10 %) достаточно высок удельный вес лиц – иностранных граждан, в основном прибывших на территорию РФ из стран СНГ.

Напротив, в некоторых случаях уже имеющиеся навыки и привычки, приобретенные человеком в процессе его допреступной деятельности (в процессе учебы, работы, занятий спортом и т. д.), определяют, при возникновении определенных обстоятельств, его криминальный путь и оказывают влияние на выбираемые им способ и механизм преступного поведения.

Немаловажную роль в определении характера поведения играет также семейное положение человека. Анализ материалов судебно-следственной практики показывает, что 45% мошенников, совершивших уголовно наказуемые деяния в составе организованной группы или преступного сообщества, в браке не состояли. В законных отношениях находились 55% участников мошеннических организованных структур, из них на долю сильного пола пришлось 75%.

Немаловажное криминологическое значение играет и установление уголовно-правовых признаков мошенника, что дает возможность правильно решать вопрос об ответственности и наказании, раскрывать причины и условия, способствующие совершению преступления. Уголовно-правовая характеристика содержит сведения о характере преступного поведения, роли виновного в преступной группе, прошлой судимости, назначенном наказании, досрочном освобождении от наказания и т. п. По нашему мнению, названные уголовно-правовые признаки имеют не только узкоюридическое, но и криминологическое значение, в котором они приобретают более глубокое социальное содержание.

Так, например, отдельные криминологические аспекты субъекта преступления позволяют учитывать некоторые существенные моменты (используемые для классификации и типологизации субъектов по определенным признакам).

Изучение абсолютных показателей лиц, совершивших организованные мошенничества, позволяет сделать вывод о том, что уровень ранее судимых лиц, совершивших мошенническое посягательство, изменяется практически пропорционально числу привлеченных к ответственности за данное уголовно наказуемое деяние. В среднем каждый пятый (около 20%), привлеченный к ответственности за мошенничество, ранее был судимым, из них подавляющее большинство были осуждены условно. При этом большинство мошенников (около 85%) были подвержены определенному «своему» способу совершения.

Из последних двух показателей следует, что условное осуждение не в полной мере реализует предупредительные цели уголовного наказания. В связи с этим правоприменителю по делам данной категории, при решении вопроса о назначении в качестве меры государственного принуждения лишение свободы на определенный срок условно, необходимо более тщательно исследовать смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, личность виновного и влияние назначенного наказания на возможность исправления осужденного.

Интересен факт, что практически во всех изученных материалах уголовных дел, связанных с незаконной банковской деятельностью, обвиняемые в мошенничестве, совершенном в составе организованной группы или преступного сообщества, имели положительные характеристики с места работы и места жительства. Совершение преступления впервые, в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, указывалось судами в 97% случаев. Это подтверждается и статистическими данными, согласно которым в организованных видах рассматриваемого деяния удельный вес ранее судимых лиц достаточно низкий и составил всего 3%. Вместе с тем отсутствие прежней судимости не всегда говорит о меньшей общественной опасности лица. Следует учитывать длительность преступной деятельности, размер причиненного ущерба, число потерпевших и т. п.

Организующий и руководящий состав ОПС образуют лидеры (авторитеты) преступной среды. Наличие лидера – один из главных отличительных признаков организованного преступного сообщества. Это наиболее значимая фигура ОПС, пользующаяся непререкаемым авторитетом. Его требования обязательны для всех. На него возлагаются функции руководства остальными членами группы (подбор участников, распределение обязанностей между

ними), определения внутригрупповой дисциплины, принятия решений по организации преступной деятельности, выбора ее стратегии и тактики.

Лидер ОПС, как правило, имеет криминальный опыт, чаще всего судим, знаком с методами деятельности оперативных аппаратов органов внутренних дел. Он является своеобразным генератором преступных идей и взглядов, изобретателен, честолюбив, предприимчив, решителен. Ему присущи волевые качества, быстрота ориентирования и принятия решений в сложных ситуациях. Под маской добродетельности и порядочности часто скрывается жестокость, расчетливость, несправедливость, лживость, мстительность. Он способен оказывать влияние и подчинять своей воле других. Среди них наблюдается нарастающее стремление налаживать контакты с высокопоставленными должностными лицами, деятелями культуры, науки и искусства. Внешне такие лица стараются держать себя «на высоте», вырабатывают определенный имидж, умеют общаться с другими людьми, поддерживать беседу [7; С.157-158].

Таким образом, проведенные нами исследования позволяют несколько расширить квалифицирующие признаки, характеристики личности преступника и ролевые функции преступной деятельности членов преступных групп с учетом особенностей их личных качеств.

Обратим внимание на то обстоятельство, что большинство преступников, являющихся предметом изучения (более 80 %), – это лица, ранее не замеченные в совершении преступлений и правонарушений экономического характера. Ключевой характеристикой личности участников указанных преступлений является корыстная мотивация, обусловленная конечной целью – обогащением незаконным путем. Основными отличительными свойствами личности преступников указанной группы также являются: высокий уровень «интеллектуализации» их деятельности [4; С.82], связанный с высоким образовательным уровнем и социальным статусом, а также доступность к процессу формирования и распределения денежных средств.

Нравственно-психологическая характеристика преступников раскрывается, главным образом, через его отношение к общественной деятельности, семье, нормам морали и права, через изучение его образа жизни, потребностей, интересов, ценностных ориентаций, психологических особенностей.

Результаты экспериментов Дж. Улмана показали, что люди очень часто невольно и неосознанно по далеко не существенным признакам (одежде, внешней атрибутике, манере вести себя, интонации голоса и др.) судят о личностных особенностях других [5; С. 58-59]. Этим зачастую пользуются мошенники. Исследование и анализ материалов уголовных дел показали, что для завлечения граждан и введения их в заблуждение о якобы предполагающейся законной деятельности мошенники приобретают или берут в аренду, как правило, респектабельные офисы, дорогие автомобили, приобретают фирменную одежду Их обставляют должным образом: приобретают дорогостоящую мебель, импортную оргтехнику, используют средства информации и рекламы. Персонал одевается в дорогую и элегантную одежду и обувь. Этими внешними атрибутами мошенники стараются подчеркнуть, что имеют устойчивое финансовое и административное положение в деятельности, которую осуществляют.

Большинство из преступников обладает специальными техническими познаниями. Они владеют несколькими языками программирования всех уровней, в совершенстве знают особенности аппаратной части современных компьютерных систем (не только персональных, но и сетевых систем и специализированных вычислительных комплексов), имеют навыки профессиональной работы с несколькими компьютерными платформами (IBM PC, Apple Macintosh, SUN Microsystems), основными операционными системами (UNIX и клоны, LINUX в различных вариантах, MS DOS, Windows 3.X/NT/9X, OS/2, Novell NetWare/IntranetWare, SUN OS) и большинством пакетов прикладного программного обеспечения специализированного назначения (любое офисное, сетевое программное обеспечение, пакеты разработки приложений и др.), прекрасно информированы об основных системах электронных транзакций (сетевые протоколы, протоколы защищённой связи [биржевые, банковские и правительственные каналы], системах сотовой связи, системах и методах стойкой и супер-стойкой криптографии и успешно используют эти знания в «повседневной деятельности».

Таким образом, успешное предупреждение преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использование банковских карт, возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения. И только комплексное изучение личности преступника, совершившего преступление в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использование банковских карт, позволит в будущем определить приоритетные направления и наиболее действенные меры предупреждения преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использование банковских

карт. Таким образом, при организации профилактической работы особое внимание следует обратить на лиц, имеющих (потенциально имеющих) физический или удаленный доступ к терминалам – администраторов систем электронных платежей, обслуживающий персонал, разработчиков и тестировщиков, специалистов технической поддержки, поскольку именно они могут обеспечить доступ к средствам, находящимся на картах, и обеспечить их беспрепятственное снятие.

Библиографический список

1. *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
2. *Аванесов Г.А.* Криминология. М., 1984.
3. *Алиева Д.Н.* Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический анализ (по материалам Республики Дагестан): Автореф. дис. ..канд.юрид. наук. Махачкала, 2005.
4. *Башьян Н.А.* Организованная легализация доходов от мошенничества: проблемы и пути противодействия. Монография: Под ред. В.Е. Эминова. М.: Проспект, 2007.
5. *Боков С.Н.* Некоторые аспекты психологического портрета лиц, совершающих преступления имущественной направленности // Воронежские криминалистические чтения / Под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2000.
6. *Гнатюк А.Л.* Проблемы социальной профилактики. Типологии личности правонарушителя. М., 2005.
7. *Гриб В.Г.* Характеристика и особенности личности лидеров и участников организованных преступных сообществ, действующих в экономике и других сферах. Ученые записки./ Правотворчество и правоприменительный процесс в современной России. Вып. 1. М.: МФПА; Маркет ДС, 2007.
8. *Ермаков В., Крюкова Н.* Несовершеннолетние преступники в России. М., 2004.
9. Криминология. Учебник / Под ред. В.Д. Малкова.- М.: Юстицинформ, 2011.
10. Криминология. Учебник / Под ред. Долговой А.И. М,. 2002.
11. *Кудрявцев В.Н.* Причины правонарушений. М., 1999.
12. *Сахаров А.Б.* Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. М., 2004.
13. Состояние преступности в России за 2011 год. Сборник ГИАЦ МВД России. М., 2012.
14. *Чуфаровский Ю.В.* Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие. М., Проспект, 2011.

S.V. VASYUKOV

THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE IDENTITY OF THE CRIMINAL MAKING SOCIALLY DANGEROUS ACTS IN THE SPHERE OF CARRYING OUT CLEARING SETTLEMENTS WITH USE OF BANK CARDS

In article on the basis of existing approaches to studying of the identity of the criminal developed in a criminological science, classification of the persons committing crimes in the sphere of carrying out clearing settlements, bank cards made with use is offered. The criminological characteristic of subjects of this category of crimes, proceeding from the analysis of social and demographic signs, the social status of the personality and its moral and psychological properties is given.

Key words: ***identity of the criminal, bank cards, clearing settlements, criminogenic motivation, fraud, prevention.***

Н.С. КУРЫШЕВА
кандидат юридических наук Московского университета МВД России
E-mail: kurisheva_nata@rambler.ru
А.С. АРХИПОВ
адъюнкт кафедры Уголовного процесса Московского университета МВД России
E-mail: aleksey9957@rambler.ru
Тел. 8 910 203 99 08

ПРИНЦИП РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Настоящая статья посвящена проблемам реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на этапе досудебного производства по уголовному делу. Авторами не только определено понятие разумного срока производства по уголовному делу с учетом особенностей практики применения уголовно-процессуальных норм, но и приведены критерии разумности, установленные исходя из решений Европейского суда по правам человека.

Проведен детальный анализ реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела, а именно: в ходе применения статей 144, 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Сформулированы предложения, способствующие оптимизации реализации рассматриваемого принципа на этапе досудебного производства по уголовному делу.

Ключевые слова: ***принцип, разумность, разумный срок, механизм, реализация, досудебное производство, уголовное судопроизводство, следователь, необходимость, исключительность.***

Правило разумного срока уголовного судопроизводства введено в УПК РФ в апреле 2010 года. И на сегодняшний день российская юридическая наука еще не выработала подходов к его определению, а правоприменитель не имеет достаточного опыта для реализации данных правил на различных этапах уголовного процесса.

При определении понятия «разумный срок уголовного судопроизводства» следует учитывать критерии для его определения, вытекающие, прежде всего, из практики Европейского суда по правам человека.

В качестве критериев разумности срока в решениях Европейского судам по правам человека называется ряд критериев, большинство из которых связано со сроками и продолжительностью задержания лица в качестве подозреваемого и последующего его содержания под стражей в качестве обвиняемого, подсудимого. При оценке разумности срока рассмотрения дела судом в решениях Европейского Суда по правам человека суда указываются такие обстоятельства, как сложность дела, поведение заявителя, властей.

Разумный срок уголовного судопроизводства – это не только соблюдение предусмотренных в УПК РФ уголовно-процессуальных сроков на всем протяжении производства по уголовному делу, но и понимание необходимости установить обстоятельства случая и расследовать уголовное дело в такой промежуток времени, который диктуется его особенностями, как-то:

– сложностью устанавливаемого события;

– преодолением возможного противодействия со стороны участников уголовного судопроизводства;

– содержанием и объемом предъявленного обвинения;

– числом обвиняемых, потерпевших, свидетелей по уголовному делу;

– количеством письменных доказательств, предъявляемых сторонами для их непосредственного исследования.

Производство по уголовному делу в разумные сроки – это производство по уголовному делу без неоправданных перерывов, недопустимых законом. Разумный, целесообразный характер производства по уголовному делу должен исключить его затягивание по надуманным основаниям, не предусмотренным законом. Своевременное и законное преодоление препятствий при производстве по уголовному делу не дает возможности ему затянуться и не будет его тормозить.

На наш взгляд, разумный срок досудебного производства по уголовному делу – это сознательно осмысленный, необходимый для производства по уголовным делам период, на всем протяжении которого без промедления, то есть своевременно,

© Н.С. Курышева, А.С. Архипов

принимаются решения о возбуждении уголовного дела, о привлечения лица в качестве обвиняемого, о назначении и производстве судебных экспертиз, о производстве следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права и свободы граждан, и т.д., а результат их проведения обеспечивается надлежащей организационной подготовкой всего производства по уголовному делу.

При этом речь о разумности срока производства по уголовному делу следует вести по отношению не только к подозреваемому, обвиняемому, уголовное дело по обвинению которого должно быть разрешено в разумный срок, но и к пострадавшему, потерпевшему. Они не меньше обвиняемого страдают от волокиты, допускаемой при производстве по уголовному делу. Длительный характер уголовного судопроизводства причиняет ему дополнительные переживания: моральные, нравственные, психические страдания отягчают физическую боль.

Соблюдение «разумности» при производстве по уголовному делу актуально и в ходе досудебного производства, и на судебных стадиях производства по уголовному делу. Сегодня важно не только осуществить «скорый суд» по уголовному делу, но изначально провести предварительное расследование, в ходе которого собрать, проверить, оценить, исследовать и использовать доказательства по уголовному делу:

– в разумные сроки вынести постановление о возбуждении уголовному дела, то есть в разумные сроки осуществить проверку сообщения о преступлении;

– в разумные сроки задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления;

– в разумные сроки избрать меру пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого;

– в разумные сроки определить процессуальный статус лица, изобличаемого в совершении преступления, и предъявить ему обвинение;

– в разумные сроки признать лицо потерпевшим, гражданским истцом по уголовному делу, поскольку от этого зависит выполнение назначения уголовного судопроизводства;

– в разумные сроки и в соответствии с уголовно-процессуальным законом производить следственные действия по уголовному делу, не ссылаясь на случаи «необходимости» и «исключительности»;

– в разумные сроки окончить производство предварительного расследования по уголовному делу в порядке и в форме, предусмотренной законом.

Критерий разумности особенно значим для срока возбуждения уголовного дела. Среди процессуалистов не просто нет единого мнения на то, какой должна быть длительность данной стадии. Существующие позиции варьируются – от одномоментного принятия решения о возбуждения уголовного дела [6, с.53] до тридцатидневного срока рассмотрения для всех сообщений о преступлениях [9]. При этом каждая из имеющихся на данную проблему точек зрения является вполне обоснованной. Обобщение доводов, аргументирующих ту или иную позицию, позволяет сделать вывод, что ученые, придерживающиеся необходимости минимизировать сроки доследственных проверок, исходят из того, что чем ближе начало расследования к моменту совершения преступления, тем шире возможности получения доказательств виновности лица, его совершившего, а значит восстановления прав пострадавшей стороны. Процессуалисты, предлагающие увеличить установленные в настоящее время сроки возбуждения уголовного дела, отдают приоритет всесторонней и полной оценке достаточности оснований для начала осуществления действий, которые могут ограничить права и свободы личности, попавшей в орбиту судопроизводства.

Малышева О.А. справедливо отмечает, что на стадии возбуждения уголовного дела в конкуренции между приоритетом построения оптимальной модели разрешения уголовно-правового конфликта с помощью уголовно-процессуальных средств и приоритетом обеспечения процессуальных гарантий соблюдения прав и свобод личности превалирует последний[4, с.16]. В силу этого, на протяжении всего периода действия УПК РФ прослеживается тенденция удлинения возможного срока принятия решения о возбуждении уголовного дела. Это, конечно, создает дополнительные гарантии защиты личности от незаконного уголовного преследования, но, одновременно с этим, усложняет доступ пострадавшим от преступления к правосудию.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ основанием возбуждения уголовного дела является наличие признаков преступления – отдельных признаков уголовно-наказуемого деяния, которые могли бы дать возможность предполагать его существование, а не всех элементов состава преступления, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Вопреки этому, в настоящее время правоприменительная практика исходит не просто из необходимости установления на стадии возбуждения уголовного дела признаков преступления (его общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость), но требует более точно квалифицировать деяние, то есть определить как минимум весь набор признаков, образующих объективную сторону состава.

Генеральная прокуратура РФ обнаруживает наличие прямой причинно-следственной связи

между законностью принятого на стадии возбуждения уголовного дела окончательного решения и отсутствием возможной необходимости в прекращении данного возбужденного уголовного дела в дальнейшем[8]. Иными словами, следователь или дознаватель для того, чтобы обеспечить законность принятого им решения о возбуждении уголовного дела, не просто должен выполнить требования ст. 140 УПК РФ, но и в рамках доследственной проверки собрать сведения в таком объеме, который позволял бы судить об однозначной судебной перспективе возбуждаемого дела.

Представляется, что позиция, выраженная на достаточно высоком уровне, способна повлиять на правоприменительную практику, формируемую на стадии возбуждения уголовного дела. Зачастую это приводит к невозможности принять решение о возбуждении уголовного дела не то что в трехдневный, но иногда в десятидневный срок. Также имеют место ситуации, когда дознаватель или следователь, установив через несколько часов после поступления сообщения о преступлении основания для возбуждения уголовного дела, вынужден продолжать доследственную проверку, продлевать ее срок только для того, чтобы определить наличие в действиях злоумышленников того или иного квалифицирующего признака. Например, по сообщению о краже для возбуждения уголовного дела, в целях оценки значительности причиненного материального ущерба, руководитель следственного органа или начальник органа дознания зачастую требуют определить уровень доходов потерпевшего. Даже когда удается сделать это в трехдневный или десятидневный срок, временные затраты на установление этого второстепенного признака существенно, в разы превышают период, который необходим для оценки наличия основания (в том виде, в котором оно описано в ст. 140 УПК) и повода к возбуждению уголовного дела.

Казалось бы, выполнение завышенных требований к проверке сообщения о преступлении, если максимально отведенный уголовно-процессуальным законом срок стадии возбуждения уголовного дела не превышен, не может навредить участникам уголовно-процессуальных правоотношений, а лишь служит повышению качества принимаемых решений. Но затягивание доследственной проверки одновременно затрудняет доступ пострадавшего к правосудию. И главная проблема не в том, что судебное рассмотрение уголовно-правового спора будет отсрочено на то количество дней, на которое проверка без соответствующей необходимости будет продлена. Особое опасение вызывает то обстоятельства, что следователь без возбужденного уголовного дела лишен ключевого условия законности проведения абсолютного большинства следственных действий и принятия мер уголовно-процессуального принуждения. В результате следы преступления (как материальные, так и идеальные) могут быть утрачены, а предполагаемый подозреваемый получит возможность препятствовать дальнейшему производству по делу, скрывшись от уголовного преследования. Тем самым доступ пострадавшего к правосудию может быть не просто сложным, но и невозможным.

Для проблемы затягивания срока доследственной проверки нельзя определить основанием дефектность правовой нормы устанавливающий период принятия решения о возбуждении уголовного дела. Трех и десятидневный срок проверки выработан многолетней практикой правоохранительных органов. Обозначенная проблема в большей мере существует на уровне реализации закона, связана с недостаточным развитием правосознания, но, учитывая ее системный характер, нельзя отрицать в качестве одного из условий необоснованного увеличения периода принятия итогового решения на стадии возбуждения уголовного дела недостаточную точность нормативного регулирования. Так, часть третья статьи 144 УПК РФ даже в обобщенном виде не упоминает основания продления срока проверки до 10 суток. Указывает лишь на условие – наличие мотивированного ходатайства следователи (дознавателя). Причем по буквальному смыслу данной нормы, мотивы, приведенные в ходатайстве, могут быть любые. Они, в том числе, могут носить и субъективный характер. Например, связываться с работой тех или иных учреждений. Такой смысл ч. 3 ст. 144 УПК входит в противоречие с содержанием ч. 4 ст. 6.1 УПК, предписывающей при исчислении сроков уголовного судопроизводства принимать во внимание лишь объективные обстоятельства.

Наряду с этим, в ходе досудебного производства по уголовному делу нельзя забывать о необходимости создания гарантий защиты от необоснованного применения мер государственного принуждения при расследовании уголовных дел[7]. Этим обстоятельствам и оправдываются временные затраты на проверку сообщения о преступлении.

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность имеет двуединое назначение. Именно достижение баланса двух целей позволит обеспечить ее выполнение. А поэтому стремление к минимальному либо максимальному сроку доследственной проверки было бы ошибочно. Оптимальный период принятия решения должен определяться для каждого конкретного сообщения о преступлении. Он зависит от того, выполнение какого набора прове-

рочных действий было бы в определенной ситуации разумно достаточным для установления наличия или отсутствия основания и повода к возбуждению уголовного дела. Выполнение других проверочных действий, пусть даже создающих условия для реализации тех или иных полномочий на последующих стадиях процесса, но не необходимых с точки зрения выполнения требований, предусмотренных в ст. 140 УПК, для принятия итогового решения на стадии возбуждения уголовного дела было бы нерациональным. Следовательно, затраченное на их выполнение дополнительное время выходит за рамки разумного срока принятия решения.

Разумная достаточность сведений, собранных об обстоятельствах совершенного преступления, как критерий завершенности уголовно–процессуальной стадии, характерен не только для этапа возбуждения уголовного дела.

Окончание предварительного следствия, например, также определяется моментом, когда собранных доказательств достаточно для составления обвинительного заключения и передачи дела в суд. Эта достаточность также не должна быть чрезмерной, поскольку познавательный процесс на любой стадии неизменно сочетается с применением мер принуждения, делающим недопустимым затрачивание дополнительного времени на получение новых доказательств, когда имеющиеся, обладая необходимыми для них свойствами, в совокупности уже позволяют установить юридическую истину. Процедура определения такой сбалансированной достаточности и соответственно необходимого для этого времени не может быть жестко формализовано правилами уголовно-процессуального закона, а требует расширения свободы для рационального усмотрения правоприменителя. В силу этого, принцип разумности является неотъемлемым для определения срока любой стадии уголовного судопроизводства.

Но на стадии возбуждения уголовного дела руководящая роль данного принципа проявляется в еще большей мере, чем на любой другой стадии, в силу ее характерных особенностей. Дело в том, что наличие оснований для возбуждения уголовного дела может презюмироваться. Для любой другой стадии уголовно-процессуальный закон требует обязательного достоверного установления оснований принятого решения. В соответствии с разумным усмотрением правоприменителя решение о возбуждении уголовного дела может быть обосновано более или менее. В связи с этим, особое значение принцип разумности приобретает в ограничении срока доследственной проверки по сообщениям о безвестном исчезновении людей. Сами по себе такие сведения зачастую не содержат оснований для возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ.

Так, действуя в строгом соответствии с предписаниями глав 19-20 УПК РФ, следователь вынужден продолжать проверку до тех пор, пока не установит обстоятельств, подтверждающих факт совершение убийства в отношении лица, пропавшего без вести. Но в то же время, исходя из потребностей следственной ситуации, зачастую представляется целесообразным возбудить уголовное дело, получив необходимое условие для проведения следственных и иных процессуальных действий, несмотря на слабую его обоснованность. Принимая такое решение, следователь при данных обстоятельствах не может его надлежащим образом мотивировать, что является нарушением УПК. Представляется, что в данной ситуации безотлагательность принятого решения может быть обоснована исходя из необходимости обеспечения разумного срока возбуждения уголовного дела. При этом в постановлении о возбуждении уголовного дела следовало бы в качестве оснований для презюмирования наличия состава преступления указать на невозможность установления предусмотренных статьей 24 УПК РФ обстоятельств в разумный в этой ситуации срок. Такая мотивировка решения о возбуждении уголовного дела данной категории в наименьшей мере ставит под сомнение его законность и обоснованность в случае возникновения в последующем необходимости его отмены вследствие установления благополучной судьбы лица, пропавшего без вести.

Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела могла бы быть достигнута дополнением статьи 144 УПК РФ нормой, предписывающей в рамках уже установленных сроков ограничить время проверки сообщения о преступлении периодом, минимально необходимым для совершения достаточных с точки зрения разумности действий по установлению и проверке наличия либо отсутствия основания и повода к возбуждению уголовного дела. Однако в настоящее время такой нормы не имеется, вследствие чего срок проверки с позиции его разумности может быть урегулирован только на основании правил, сформулированных в ст. 6.1 УПК РФ. Их толкование позволяет сделать относительно реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на первой стадии процесса следующие выводы.

В части первой ст. 6.1 УПК РФ указано, что «уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок» – то есть, требование о разумности срока охватывает всю процессуальную

деятельность. Однако часть 2 ст. 6.1 раскрывает и уточняет содержание части 1 ст. 6.1. При этом требование части второй конкурирует с требованием части первой, как специальная норма с общей.

В части 2 ст. 6.1 УПК РФ сказано, что уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ; их продление допустимо в случаях и порядке, предусмотренных УПК РФ, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок. В данной норме сформулировано распространяющееся на уголовное судопроизводства в целом требование о том, что его необходимо осуществлять в сроки, установленные в соответствии и продлеваемые на основании и в порядке, предусмотренном УПК РФ. Далее из всего производства выделена отдельная его часть, охватывающая «уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования» При этом требование разумности срока распространяется только на эту часть, а не на все производство в целом, как можно сначала подумать, уяснив ч. 1 ст. 6.1 УПК РФ.

Толкование ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ подтверждает ограничение действия принципа разумного срока. Здесь законодателем указано, что данный срок устанавливается на основе определенных обстоятельств, но ограничивается моментом начала и окончания уголовного преследования (его прекращения либо вынесения обвинительного приговора). То есть, принцип разумного срока законодателем распространен только на процедуру осуществления уголовного преследования. Данное понятие по своему объему более узкое, чем категория уголовного судопроизводства.

Стадия возбуждения уголовного дела начинается с момента поступления сообщения о преступлении и заканчивается его разрешением – вынесением постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом. В соответствии с позицией Конституционного суда РФ, изложенной в пункте 4 Постановления от 14 января 2000 года № 1-П по делу «О проверке конституционности отдельных положений уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного суда Российской Федерации» [3], публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием начинается актом возбуждения уголовного дела. То есть, для российского уголовного процесса характерно разделение во времени деятельности по проверке сообщения о преступлении и уголовного преследования.

Это подтверждается и анализом положений УПК РФ. В соответствии с пунктом 55 ст. 5 УПК РФ, понятие уголовного преследования определяется четырьмя признаками: 1) это процессуальная деятельность; 2) она осуществляется стороной обвинения; 3)имеет своей целью изобличение в совершении преступления; 4) направлена в отношении подозреваемого или обвиняемого. Доследственные проверки в полном объеме, включая принятие итогового решения, проводятся дознавателем или следователем, которые являются участниками стороны обвинения. Основная цель их действий – это установление наличия оснований и повода к возбуждению уголовного дела, но когда речь идет о проверке сообщения о преступлении, в котором изначально содержатся сведения о лице, его совершившем, проверочные мероприятии могут быть направлены одновременно и на изобличение данного лица (например, прием заявления от потерпевшего по делам частно-публичного обвинения, установление и опрос очевидцев, которым известно о личности преступника, получения документов, подтверждающих размер причиненного материального ущерба и так далее). Очевидно и то, что по некоторым видам преступлений доследственная проверка скрыта за проведением исключительно в форме оперативно-розыскной деятельности (сбыт наркотиков, получение взятки и т.д.), носящей ярко выраженный изобличительный характер. Видимо, неслучайно законодатель дополнил часть первую статьи 144 УПК РФ, наделив следователя, дознавателя, руководителя следственного органа и орган дознания правом давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий[1].

В то же время, отнесение законодателем уголовного преследования к разновидности процессуальной деятельности вызывает большие сомнения в возможности ее осуществления на стадии возбуждения уголовного дела. Несмотря на то, что одни процессуалисты считают, что проверка сообщения о преступлении бесспорно относится к процессуальной деятельности[11], по мнению других, поскольку уголовно-процессуальная форма свойственна только следственным действиям, первоначальные мероприятия по проверке сообщения о преступлении нельзя рассматривать в качестве процессуальной деятельности[5, с.182]. Третьи действия по приему, рассмотрению и разрешению сообщений о преступлении, реализуемые органами дознания в соответствии с внутренними (ведомственными) нормативными актами предлагают рассматривать в качестве сочетания административных и оперативно-розыскных[13]. Как

бы там ни было, бесспорным остается то, что на рассматриваемой стадии судопроизводства ни подозреваемого, ни, как правило, обвиняемого (кроме случая приобретения им такового статуса в порядке, предусмотренном ч. 7 ст. 318 УПК РФ) не существует. Бесспорное отсутствие в деятельности, осуществляемой до возбуждения уголовного дела хотя бы этого одного обязательного признака уголовного преследования, выводит рассматриваемую стадию за установленные ст. 6.1 УПК РФ пределы действия принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Для решения обозначенной проблемы реализации исследуемого принципа на этапе доследственной проверки необходимо признать, что функция уголовного преследования может осуществляться на стадии возбуждения уголовного дела, то есть до вынесения соответствующего постановления, и изменить содержание п. 55 ст. 5 УПК РФ. Сегодняшнее понимание данной процессуальной функции, как характеризующей деятельность уполномоченных субъектов лишь после возбуждения уголовного дела, представляется ошибочным. Существование уголовного преследования как правового явления, со всем набором его отличительных свойств на стадии возбуждения уголовного дела объективно подтверждается анализом правоприменительной практики и результатами теоретических исследований, которые можно сформулировать следующим образом.

1. По некоторым категориям уголовных дел (получение и дача взятки, коммерческий подкуп, сбыт наркотических средств и др.) основу доказательственной базы составляют легализованные результаты оперативно-розыскной деятельности. Они формируются до возбуждения уголовного дела и появления подозреваемого. В ходе расследования получаются лишь производные доказательства (протоколы осмотров места происшествия, предметов, допросов участников оперативно-розыскного мероприятия и т.д.). Использование на стадии возбуждения уголовного дела результатов оперативно-розыскной деятельности не ставит указанный этап судопроизводство за пределы процессуальной формы. Действительно, цели доследственной проверки достигаются наряду с чисто процессуальными (составление протокола осмотра места происшествия, протокола принятия устного заявления о преступлении), также и административно-правовыми, оперативно-розыскными средствами. Но при этом стадия возбуждения уголовного дела данные виды деятельности в себя не включает, они протекают параллельно, гарантией чему в том числе служит и требование ч. 2 ст. 41 УПК РФ. В рамках доследственной проверки правоприменитель лишь оперирует результатами этих видов деятельности в целях установления наличия основания и проверке достоверности повода к возбуждению дела, правовым основанием чему служит предусмотренная п. 6 ст. 74 УПК РФ возможность использования «иных документов». С учетом этого, содержание первой стадии судопроизводства представляет собой исключительно процессуальную деятельность, в рамках которой может быть начата реализация функции уголовного преследования.

2. Конституционный суд РФ, несмотря на изложенную выше позицию, в своем постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П указывает, что факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность, могут подтверждаться не только актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, но и проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него. Тем самым признается возможность осуществления уголовного преследования в результате совершения изобличительных действий в рамках доследственной проверки.

3. В настоящее время в науке уголовного процесса возможность доказывания на стадии возбуждения уголовного дела практически не оспаривается[11]. Действительно, сформулированное в ст. 85 УПК РФ понятие доказывания не связывает начало данной деятельности с актом возбуждения уголовного дела. Требования ст. 74 УПК РФ, несмотря на исчерпывающий характер содержащегося в ней перечня видов доказательств, не препятствуют получению протокола осмотра места происшествия и «иных документов» в рамках доследственной проверки. Наличие среди обстоятельств, подлежащих доказыванию виновности лица, совершившего преступление, обуславливает необходимость признания возможности уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела. Этой позиции соответствует получившее также широкое распространение мнение о необходимости расширения перечня следственных действий, производство которых допустимо до возбуждения уголовного дела, и разрешения производства на данной стадии судебных экспертиз[10].

4. И, наконец, о наличии в рамках доследственной проверки возможности уголовного преследования наиболее ярко свидетельствует право применения на данной стадии такой меры процессуального принуждения, как задержания подо-

зреваемого. Требования статей 91, 92 УПК РФ это допускают. Данной позиции, в том числе, придерживается Верховный суд РФ[12]. Целесообразность выбора такого момента для задержания может быть продиктовано экстренным характером следственной ситуации, развивающейся на первоначальном этапе судопроизводства.

Новое понятие уголовного преследования может быть сформулировано в УПК РФ аналогично дефинициям, содержащимся в законодательстве некоторых стран СНГ: республики Беларусь, Казахстана и ряда других. Там уголовное преследование определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления общественно-опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответственности (п. 13 ст. 7 УПК Республики Казахстан, п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь) [14]. В таком понимании данная функция может быть распространена на всю стадию возбуждения уголовного дела. В истории российского процессуального законодательства предложенный взгляд на момент начала уголовного преследования не является новым. Исследователи отмечают, что согласно Уложению уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., если уголовное преследование возбуждено полицией или присутственными местами, для следователя не являлось обязательным начинать предварительное следствие[4, с.23]. То есть уголовное преследование предшествовало началу производства по делу.

Предложенный путь решения обозначенной проблемы представляется не только вполне обоснованным, но и наиболее простым, так как не требует существенной переработки действующего уголовно-процессуального законодательства. Он позволяет в частности решить рассмотренную проблему реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела без внесения изменений и дополнений в ст. 6.1 УПК РФ. Новое понимание функции уголовного преследования, в свою очередь, не потребует уточнений каких-либо иных процессуальных институтов. Это распространяется и на институт защиты от уголовного преследования. Обусловленный особенностями доследственной проверки, скоротечный, подготовительный и скрытый характер реализации данной функции на стадии возбуждения уголовного дела не требует дополнительных гарантий охраны прав лица, в отношении которого осуществляются изобличительные действия.

Это утверждение базируется на позиции Европейского суда по правам человека в истолковании п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с которым до тех пор, пока вмешательство органов исполнительной власти в права отдельных лиц остается тайным по законным основаниям, оно не подлежит судебному контролю по инициативе заинтересованного лица и с его участием.

Таким образом, в реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела на сегодняшний день можно говорить о принятии отдельных частных мер на законодательном и подзаконном уровнях, позволяющих контролировать срок доследственной проверки в соответствии с критерием разумности. Часть 2 статьи 123 УПК РФ в редакции Федерального закона № 69 от 30.04.2010 года предусматривает право обжалования нарушений разумного срока уголовного судопроизводства в ходе досудебного производства не только участников процесса, но и «иных лиц», интересы которых затрагиваются указанными нарушениями. Данная формулировка полностью подходит к лицу, в отношении которого осуществляется изобличительная деятельность, но не получившему статус подозреваемого, а также к лицу, пострадавшему от преступления, но не получившему статус потерпевшего, действующим на стадии возбуждения уголовного дела.

Генеральный прокурор РФ в целях обеспечения реализации норм Федеральных законов от 30.04.2010 года № 68-ФЗ и 69-ФЗ, которым в УПК РФ, в том числе, включена ст. 6.1 УПК РФ, предписывает своим подчиненным требовать от правоохранительных органов соблюдения сроков рассмотрения сообщений о преступлениях, предупреждения фактов нарушения разумных сроков на досудебной стадии уголовного судопроизводства; особое внимание обращать на соблюдение процессуальных сроков проведения доследственных проверок, законность и обоснованность их продления[2].

Принятие этих и других частных мер согласуется, но не может предшествовать или заменить собой такое формулирование принципа разумного срока судопроизводства, которое распространило бы его действие на стадию возбуждения уголовного дела.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 года №404-ФЗ[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства»[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. О проверке конституционности отдельных положений уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного суда Российской Федерации. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 года № 1-П[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. *Малышева О.А*. Возбуждение уголовного дела: теория и практика: Монография. М.: Юрист, 2008.-198 с.
5. *Строгович М.С*. Курс советского уголовного процесса, М., 1968, Т. 1-469 с.
6. *Бажанов С.* Оправдана ли так называемая доследственная проверка? Законность 1995; 1:51-54
7. *Быков В.Н.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела. Журнал российского права 2006; 7[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. *Воскобитова Л.А*. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики Уголовное судопроизводство 2010; 2[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. *Газетдинов Н.И.* Некоторые вопросы, связанные с принятием решения о возбуждении уголовного дела. Российский следователь 2009; 7[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. *Дьяконова О.Г.* К вопросу о возможности производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Уголовное судопроизводство 2009; 1[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
11. *Овчинникова О.В., Сергеев А.Б.* Возможность доказывания в стадии возбуждения уголовного дела. Российский следоватетель 2009; 20[Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
12. Задержание подозреваемого в стадии возбуждения уголовного дела. Уголовное право 2010; 1 [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
13. *Чупилкин Ю.Б.* Гарантия прав личности в стадии возбуждения уголовного дела. Российская юстиция 2010; 2 [Электронный ресурс]: Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
14. http://www.spinform.ru/

N.S. KURYSHEVA, A.S. ARHIPOV

THE PRINCIPLE OF A REASONABLE PERIOD OF CRIMINAL PROCEEDINGS: IMPLEMENTATION PROBLEMS IN THE COURSE OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS

The present article deals with the problems of the principle of reasonable period of criminal proceedings at the stage of pre-trial proceedings in criminal cases. The authors not only defines the notion of a reasonable period of criminal proceedings in a criminal case, taking into attention the features of the practice of criminal procedure. The criteria of reasonableness established by the European court of human rights are also given.

The detailed analysis of the principle of a reasonable period of criminal proceedings at the stage of criminal proceedings is mentioned (in the application of Articles 144 and 146 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation).

The authors make proposals to promote optimization of the implementation of the principle at the stage of pre-trial proceedings in criminal cases.

Key words: ***principle of reasonableness, a reasonable time, the mechanism, implementation, pre-trial proceedings, criminal proceedings, hence, the need for, exclusivity.***

С.Г. ГОНТАРЬ
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета
E-mail: vers@inbox.ru
Тел. 8 905 167 47 74

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ – НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается правотворческая деятельность органов местного самоуправления, при реализации которой возникают определенные трудности, связанные не только с низким кадровым уровнем муниципальных служащих на местах, особенно в сельских поселениях, но и с правоприменением норм действующего законодательства, а часто и их отсутствием.

Ключевые слова: ***правотворческая деятельность на местах, орган местного самоуправления, муниципальный нормативный акт.***

В соответствии с Федеральным законом 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [1] органы местного самоуправления осуществляют полномочия по решению вопросов местного значения в рамках действующего законодательства.

В связи с тем, что количество полномочий, которыми наделяются муниципальные образования, постоянно увеличивается, а реализовывать их нужно в соответствии с действующим законодательством, а также путем принятия качественных муниципальных правовых актов, все больше внимания уделяется реализации правотворческой деятельности органов местного самоуправления, которая является важным элементом осуществления местного самоуправления.

Так, согласно Федеральному закону № 131-ФЗ органы муниципальных образований наделены полномочиями по принятию уставов муниципальных образований и иных муниципальных правовых актов. Деятельность органов местного самоуправления по принятию муниципальных актов согласно действующему законодательству является самостоятельной. Органы местного самоуправления независимы от органов государственной власти согласно Конституции Российской Федерации, в том числе и при осуществлении правотворческой деятельности. Но вместе с тем, все принимаемые правовые акты органов местного самоуправления должны соответствовать Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Муниципальные правовые акты могут быть приняты как органами местного самоуправления, так и непосредственно населением (на референдуме, сходе граждан). Независимо от того, каким органом, должностным лицом или населением непосредственно принят акт, он должен содержать какое-либо юридическое предписание, быть логически завершенным, отвечать требованиям юридической техники, соответствовать действующему законодательству.

Предписания в муниципальных правовых актах могут быть нормативно-правовыми (нормативно-правовой акт) либо ненормативными (индивидуального характера).

Муниципальные правовые акты должны быть теми органами, в чьи полномочия входит решение вопроса, содержащегося в акте, ведь в случае, если акт будет принят неуполномоченным лицом, с превышением полномочий, то данный акт не будет соответствовать действующему законодательству.

Заметим, что подобная проблема часто возникает в органах местного самоуправления при осуществлении ими правотворческой деятельности, устранение которой, полагаем, возможно путем разрешения правовых коллизий, важными составляющими которых являются систематизация и классификация муниципальных правовых актов.

Собственно вся муниципальная правовая система нуждается в упорядочении. Муниципальное, региональное и федеральное правотворчество составляют единое правовое пространство, целью которого представляется согласованность и совершенствование актов как в юридическом плане, так и в юридико-техническом на всех уровнях власти.

Вместе с тем проблемы, которые существуют в регулировании местного самоуправления, муниципальными, нормативными правовыми актами разрешить невозможно. Построение правового государства, как считает ряд ученых, связано именно с созданием единой системы правовых актов и обеспечением доступа населения к правовым актам.

Доступ к федеральным и региональным актам

© С.Г. Гонтарь

достаточно свободен. Организация доступа осуществляется посредством государственных и коммерческих информационных систем и средств массовой информации, в том числе с помощью сети Интернет.

Кроме того, с целью организации доступа населения к правовым актам был создан федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. В целях ведения регистра проводится юридическая экспертиза актов и их государственный учет, что в свою очередь призвано обеспечить единую правовую систему Российской Федерации и соответствие регионального законодательства федеральному законодательству.

Согласно статье 43.1 Федерального закона № 131- ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1] муниципальные нормативные правовые акты подлежат включению в регистр муниципальных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, организация и ведение которого осуществляются органами государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. Так, например, уполномоченным органом в Орловской области является Аппарат Губернатора и Правительства Орловской области [2]. На региональном уровне принимаются нормативные правовые акты, регулирующие деятельность по организации и ведению регистра муниципальных нормативных правовых актов. После включения акта в регистр в большинстве регионов предусмотрено проведение юридической экспертизы. Таким образом, уже принятые муниципальные нормативные правовые акты подвергаются юридической экспертизе на соответствие действующему законодательству, что в свою очередь также обеспечивает единую правовую систему Российской Федерации.

Основными принципами ведения регистров правовых актов являются достоверность, общедоступность и актуальность сведений, содержащихся в них. Создание регистров актов – важный этап реализации государственной политики по обеспечению единой правовой системы Российской Федерации. Регистры призваны сделать более доступной и прозрачной систему правовых актов, особенно актов органов местного самоуправления.

Заметим, что при осуществлении деятельности по организации и ведению регистра муниципальных нормативных правовых актов, в ходе проведения юридической экспертизы возникает ряд нарушений, выявленных в принятых актах, которые напрямую связаны с человеческим фактором. Проекты некачественных актов, которые содержат нарушения норм действующего законодательства, приняты с превышением полномочий, имеют нарушения правил юридической техники и т.д. Это объясняется тем, что готовятся они часто сотрудниками органов местного самоуправления, которые не имеют юридического образования. Особенно остро данная проблема стоит в сельских поселениях, где во всей администрации только 3-4 человека, которые не имеют юридического образования.

Более того, если в представительных органах муниципальных образований решение принимается коллегиально и оформляется, как правило, квалифицированными сотрудниками, то в исполнительном – проекты готовятся различными структурными подразделениями и разными должностными лицами (это имеет место в крупных муниципальных образованиях, где имеются структурные подразделения в органах власти).

Федеральный закон № 131-ФЗ поставил серьезные задачи перед органами местного самоуправления, но правотворческая деятельность в муниципальных образованиях малоэффективна, она не может быть эффективной не только по объективным, но и по субъективным причинам, ведь многие специалисты органов власти не имеют достаточного опыта и знаний для квалифицированной подготовки муниципальных правовых актов. В связи с этим органам местного самоуправления необходима действенная помощь в виде модельных актов, представляющих собой максимально понятные, но не подробные инструкции, которые будут представлять работникам органов власти поле для самостоятельной, творческой деятельности.

В первую очередь необходим такой акт, который будет однозначно определять структуру принимаемых документов и описывать требования к техническому их оформлению. В муниципальных образованиях, как правило, имеются регламенты органов местного самоуправления или иные документы, в которых только обозначается правотворческая деятельность, однако представляется необходимым принять именно правовой акт, содержащий правила оформления муниципальных проектов.

Так, с этой целью в Орловской области, например, Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Орловской области совместно с правовым управлением Аппарата Губернатора и Правительства Орловской области (уполномоченным органом по организации и ведению регистра муниципальных правовых актов) разработаны методические рекомендации по оформлению актов органов местного самоуправления, которые были положительно восприняты органами местного самоуправления и в ряде из них взяты за основу при разработке и принятии муниципальных актов,

регулирующих деятельность по принятию и оформлению актов.

Кроме объективных факторов, не позволяющих должным образом реализовывать правотворческую деятельность, есть еще и субъективный – кадровый. Многие муниципальные служащие не имеют высшего юридического образования, не говоря уже о знании правил оформления актов. В высших учебных заведениях на правовых специальностях не предусмотрено такой дисциплины, как «юридическая техника», в настоящее время в процессе обучения юридической технике не уделяется должного внимания. Быстро эта проблема может быть решена путем введения факультативного курса «Юридическая техника» на государственных специальностях.

Однако для преподавания дисциплины «юридическая техника» необходимо еще и федеральное закрепление правил оформления проектов актов. Именно единообразие в подготовке документов позволит специалистам этой области успешно трудиться в различных регионах нашей страны, а также поможет глобальной систематизации муниципальных правовых актов в масштабе всего государства.

Более того, юридико-техническую неграмотность специалистов возможно упреждать уже при приеме на муниципальную службу, при проведении конкурса и в период испытательного срока. Целесообразно внести уточнения именно в эти типовые квалификационные требования, чтобы у специалистов, претендующих на замещение муниципальных должностей, в чьи обязанности входит подготовка проектов актов, имелось юридическое образование.

В свою очередь, изменение квалификационных требований повлечет уточнение должностных инструкций тех специалистов, в чьи обязанности входит подготовка проектов нормативных актов.

Еще один способ получения знаний, который, безусловно, будет способствовать осуществлению правотворческой деятельности органов местного самоуправления – это глобальная информационная сеть «Интернет» [3]. Однако, не все структурные подразделения органов, да и сами органы местного самоуправления имеют доступ в «Интернет», часто отсутствуют и локальные сети в органах. Электронное обеспечение помогало бы решить проблему времени, недостатка информации и опыта, а общение с другими муниципальными образованиями, центрами поддержки местного самоуправления и т.д. помогало бы в реализации полномочий органов власти, в особенности правотворческих, тем более, что в настоящее время возможности сети Интернет резко расширяются.

На эффективность осуществления правотворческой деятельности органов местного самоуправления влияют не только внутренние факторы, касающиеся ее организации и обеспечения, но и внешние, те, которые зависят от опыта, культуры и традиций как самого муниципального образования, так и государства в целом.

На основании изложенного можно сделать вывод, что при осуществлении даже вышеперечисленных путей оптимизации правотворческой деятельности, а также посредством взаимодействия органов местного самоуправления между собой, с органами государственной власти через сеть Интернет, на конференциях и семинарах правотворческая деятельность будет развиваться, а следовательно, и правотворчество в целом, то есть будет повышаться уровень актов и их правоприменения, а вслед за этим и уровень жизни населения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.).

2. Закон Орловской области от 08.12.2008 г. № 847-ОЗ (ред. от 05.09.2012) «О порядке организации и ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов Орловской области» [Электронный ресурс] // В данном виде документ опубликован не был. Размещен в электронной правовой системе «Консультант Плюс».

3. *Лукьянов А.А.* Основные концепции Интернет-права. Информационное право. № 3. 2007. С. 9-11.

S.G. GONTAR

LAW MAKING ACTIVITIES OF LOCAL AUTHORITIES – AN INHERENT ELEMENT OF LOCAL GOVERNMENT

The article deals with local law-making activities, implementation of which in local government has certain difficulties, associated not only with low staffing level of municipal employees, especially in rural areas, but also with the enforcement of legislation, and often with it's absence.

Key words: **local law-making activities, local authorities, local regulation.**

В.И. ОПРЯТОВ
кандидат юридических наук, доцент кафедры
административного и муниципального права
Орловского государственного университета
E-mail:
Тел.

ВНЕДРЕНИЕ БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В ФГБОУ ВПО «ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В статье поднимается вопрос о рейтинговой системе оценивания результатов обучения студентов в Орловском государственном университете, о перспективах и путях её совершенствования.

Ключевые слова: ***качество обучения, болонское соглашение, балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов, дисциплинарный модуль, рубежный контроль, общий рейтинг, рейтинговый балл, добор баллов.***

Важнейшей задачей, стоящей перед российскими высшими учебными заведениями, является повышение качества обучения[1]. Одним из направлений, способствующих решению данной задачи, выступает необходимость перехода на принципы, закрепленные Болонским соглашением[2]. Использование рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов (Continues assessment) наряду с двухуровневой системой подготовки бакалавров и магистров (TLS)[3], системой зачетных единиц-кредитов (ECTS)[4] является наиболее важным, но пока ещё не реализованным шагом к основной цели России. подписавшей Болонское соглашение, – возможности выдавать своим выпускникам вузов европейское приложение к диплому о высшем образовании (Diploma supplement)[5].

Целями балльно-рейтинговой системы является повышение качества обучения за счет интенсификации учебного процесса и комплексная оценка качества учебной работы студентов в процессе обучения по программам высшего профессионального образования.

Основными задачами балльно-рейтинговой системы в вузе являются:

– повышение мотивации студентов к освоению образовательных программ путем более высокой дифференциации оценки их учебной работы;

– активизация работы профессорско-преподавательского состава и студентов по обновлению и совершенствованию содержания и методов обучения;

– усиление регулярного контроля за работой студентов при освоении ими основной профессиональной образовательной программы по специальности (направлению подготовки);

– формирование навыков самоорганизации учебного труда и самооценки у студентов.

В соответствии с рекомендациями Министерства образования, решением Ученого совета университета от 28 июня 2007 г. в 2007-2008 уч.году на юридическом факультете осуществлялся эксперимент по внедрению балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов, а с 1 сентября 2008 г. балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов была внедрена на всех факультетах Орловского государственного университета. Таким образом, в университете уже имеется определенный опыт работы, методическое обеспечение и организационные наработки по реализации балльно-рейтинговой системы[6].

Следует отметить, что балльно-рейтинговая система была вначале введена только на 1 курсах, в следующем учебном году на 2 курсах и так далее, что связано с постепенным переходом к новой системе оценки и адаптацией студентов и преподавателей к новым условиям обучения, и кроме того была сохранена традиционная четырехбалльная система оценок при проведении итогового контроля.

В рамках подготовки к внедрению балльно-рейтинговой системы были проведены заседания Ученого совета университета, научно-методического совета, на которых обсуждались и разрабатывались основные методические аспекты внедрения балльно-рейтинговой системы в учебный процесс (изменение системы компоновки учебного материала по модульной схеме; новые виды учебных и творческих заданий; система их оценки в баллах и ее приведение в соответствие существующей четырёхбалльной шкале и т.д.). Кроме того, неоднократно проводились рабочие встречи с преподавателями, участвующими в эксперименте; собрания групп первого курса, где студентам разъяснялись цели, задачи и перспективы учебы по балльно-рейтинговой системе. Для решения организационных моментов был разработан ряд

© В.И. Опрятов

рабочих документов, облегчающих и упрощающих контроль за проведением занятий, промежуточных и итоговых аттестаций. Со стороны профессорско-преподавательского состава, участвующего в эксперименте, была проведена большая работа по изменению рабочих программ курсов (по модульной схеме), а также системы их оценки в баллах.

В основу разработки балльно-рейтинговой системы положены принципы, в соответствии с которыми формирование рейтинга студента осуществляется постоянно в процессе его обучения в университете. При этом предполагается разделение всего курса на ряд более или менее самостоятельных, логически завершенных блоков (или дисциплинарных модулей). Дисциплинарный модуль – логически связанная и функционально законченная часть учебной дисциплины, которая осваивается студентом в ходе различных видов учебных занятий и самостоятельной работы. Учебная дисциплина состоит из набора модулей. По каждому модулю планируется проведение рубежного контроля. Кафедра устанавливает количество рубежных контролей по каждому дисциплинарному модулю, исходя из следующих условий: по дисциплинам с трудоемкостью менее 20 часов – 1 рубежный контроль; от 21 до 36 часов – 2 рубежных контроля; свыше 36 часов – 3 рубежных контроля.

Шкала баллов по отдельным модулям каждой учебной дисциплины разрабатывается преподавателем и сообщается студентам в начале каждого семестра. Все кафедры после проведения контрольных рубежей передают в деканаты сведения по рейтинговым оценкам студентов и заполняют соответствующую кафедральную форму единой ведомости для текущего контроля и промежуточной аттестации, используемую в течение всего семестра.

Общий рейтинг студента в семестре складывается из баллов, полученных в результате освоения каждого модуля (текущей работы) и сдачи зачетов/экзаменов (промежуточной аттестации). К сожалению, из-за различных подходов к составлению накопительной части индивидуальных рейтинг-планов дисциплин преподавателями разных кафедр пока не представляется возможным составить единый рейтинг всех студентов с учетом успеваемости по всем дисциплинам на конкретном курсе.

В соответствии с действующим положением «О балльно-рейтинговой системе оценки успеваемости студентов в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» 2009 г., усвоение каждой изучаемой студентом за семестр дисциплины максимально оценивается в 100 рейтинговых баллов, которые распределяются по разделам дисциплины в зависимости от их значимости и трудоемкости. За текущую работу студент может получить максимально 60 баллов. За экзамен или зачет – максимально 40 баллов.

Для получения зачета по дисциплине сумма баллов студента по дисциплине должна быть 40 и более баллов при условии прохождения всех контрольных рубежей.

Экзамен проводится по 40-балльной шкале. При этом действует следующая шкала:

- 80-100 баллов – «отлично»
- 60-79 баллов – «хорошо»
- 40-59 баллов – «удовлетворительно»
- менее 40 баллов – «неудовлетворительно».

Преподаватель имеет право по своему усмотрению добавлять студенту до 10 баллов по дисциплине за участие в научно-исследовательской работе, внутривузовских олимпиадах, конференциях и т.д.; за углубленное изучение дисциплины, публикации статей в сборниках научных конференций, выступления на межвузовских конференциях, победы в межвузовских студенческих олимпиадах по предмету – до 15 баллов.

Дисциплина считается изученной, если студент набрал количество баллов согласно установленному диапазону. Если студент не изучил дисциплину, то ему предоставляется возможность добора баллов. Студент обязан отчитаться по задолженностям по отдельным модулям дисциплины до экзамена (зачета) в рамках часов, отводимых на самостоятельную работу с преподавателем.

В целом, введение балльно-рейтинговой системы делает более объективной оценку успеваемости студентов в целом. Она позволяет оценить совокупные академические успехи студента и дать более глубокий анализ результатов обучения, акцентирует внимание студента к наиболее важным видам деятельности и позволяет повысить заинтересованность студента в изучении данной дисциплины.

Но всё же хотелось бы отметить, что только полный отказ от традиционных форм контроля в виде устного (письменного) зачета (экзамена), от практики многоразовых пересдач по ним в случае недобора студентом минимально необходимого (проходного) количества баллов, или хотя бы введение ответственности студентов за невыполнение рейтинг-планов дисциплин и несвоевременный добор баллов, в том числе неявку на дополнительные занятия в виде недопуска к зачету (экзамену), смогут мотивировать систематическую работу всех студентов в процессе обучения и стимулировать активность отстающих в ликвидации своих задолженностей.

Примечания

1. См.: Трайнев В. А. Повышение качества высшего образования и Болонский процесс: обобщение отечественной и зарубежной практики. М.: «Дашков и К°», 2008.
2. Сенашенко В.Г., Ткач Г. Болонский процесс и качество образования. Alma mater. 2003. №8. С. 8-9
3. Абанкина И. В. Двухуровневое образование в России: анализ подготовки бакалавров и магистров. Ректор вуза. 2008. № 6. С. 28-39.
4. См.: Сазонов Б.А. Система зачетных единиц: особенности организации и календарного планирования учебного процесса. Материалы к седьмому заседанию методологического семинара. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005.
5. См.: План мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005 - 2010 годы утв. приказом Минобрнауки РФ от 15.02.2005 № 40 «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации».
6. Приказ Минобразования РФ от 11.07.2002 года №2654 «О проведении эксперимента по введению рейтинговой системы оценки успеваемости студентов вузов».

V.I. OPRYATOV

INTEGRATION OF STUDENTS PROGRESS RATING EVALUATION SYSTEM EVALUATION SYSTEM BASED ON MARKS OR RATING IN THE ORYOL STATE UNIVERSITY

This article is about rating evaluation system applied in the Oryol State University, about perspectives and ways of improving of this system.

Key words: ***Quality of education, Bologna Agreement, students progress evaluation system based on marks or rating, disciplinary module, final control, general rating, marks gain.***

С.А. СИНЕНКО
кандидат юридических наук, доцент, начальник Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: sergei.sinenko@mail.ru
Тел. 8 908 995 06 21

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Статья раскрывает некоторые проблемные вопросы, связанные с применением на практике норм главы 40.1. УПК РФ. Внимание читателей акцентируется на необходимости учета мнения потерпевшего в процессе заключения досудебного соглашения. Предлагаются различные варианты учета мнения потерпевшего по уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: ***потерпевший, досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовное судопроизводство, сделка с правосудием.***

Правовой институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является новеллой российского законодательства. Подобного в его истории не было, хотя аналогичные правовые конструкции достаточно активно используются в законодательстве ряда зарубежных государств. Возможно поэтому, а конкретнее, недоработки законодателя в адаптации зарубежного опыта к российской действительности обусловили возникновение большого числа вопросов со стороны ученых и серьезные затруднения у правоприменителей в части реализации норм, содержащихся в главе 40.1 УПК РФ. Среди активно обсуждаемых в этой связи оказались предписания, касающиеся обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при заключении соглашения с обвиняемым о сотрудничестве. Более того, этот вопрос уже стал предметом рассмотрения высшего органа конституционного контроля России. Однако окончательного разрешения он так и не получил, о чем свидетельствует продолжающаяся в этой части дискуссия[1] и отсутствие единообразия в применении норм главы 40.1 УПК РФ[2].

Нормы рассматриваемого института не содержат упоминаний о потерпевшем и его правах ни при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, т.е. на этапе досудебного производства, ни при разрешении такого дела в суде первой и последующих инстанциях. Исследуя их, ученые в обоснование своей позиции и формулирование подходов к разрешению данной ситуации осуществляют, как правило, именно в этой последовательности. Мы посчитали возможным идти от обратного, т.е. первоначально определиться в том, может ли такое дело быть рассмотрено судом без выяснения мнения потерпевшего, а затем спроецировать данную проблему на досудебное производство.

Часть 1 ст. 317.7 УПК РФ указывает на то, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, с учетом требований ст. 317.7 УПК РФ. Статья 316 УПК РФ, устанавливающая процедуру проведения судебного заседания в особом порядке, предусматривает не только участие в таком заседании потерпевшего, но и выяснение его отношения к происходящему. При отсутствии согласия потерпевшего осуществление судопроизводства в особом порядке невозможно (ч.ч. 1 и 4 ст. 314 УПК РФ). Исходя из этого, ответ на наш вопрос выглядит очевидным: рассмотрение уголовного дела в особом порядке в отношении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, без согласия на то потерпевшего, невозможно.

Такой вывод кажется безупречным при его обосновании положениями ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ. Сомнения в правильности данного суждения начинают возникать при буквальном восприятии иных предписаний указанной статьи. Так, в ч. 2 указывается, что судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника. То есть, дословно воспроизводится текст ч. 2 ст. 316 УПК РФ. А вот последующие положения ст. 316 УПК РФ, которые, в частности, указывают на необходимость выяснения отношения потерпевшего к ходатайству подсудимого, здесь не воспроизведены. Вместо них указано: «Судебное заседание начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, после чего государственный обвинитель подтверждает содействие подсудимого след-

© С.А. Синенко

ствию, а также разъясняет суду, в чем именно оно выразилось». Затем излагаются обстоятельства, которые должны быть исследованы судом, среди которых также не указана необходимость выяснения позиции потерпевшего. Кроме того, ситуацию усугубляет одна из формулировок, содержащаяся в ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ: «Судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор…». Не способствует правильному восприятию закона и редакция ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ: «Особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, применяется, если суд удостоверится, что: 1) государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, 2) досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника». По сути, здесь законодатель указал условия, при наличии которых возможно рассмотрение уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Как видим, выяснение мнения потерпевшего законодателем в указанных нормах не предусмотрено.

Такое изложение нормативного материала привело некоторых правоприменителей и ученых к мнению о том, что потерпевший в рассматриваемом судебном заседании может и не участвовать, а его мнение для суда не является определяющим, как это имеет место при реализации положений главы 40 УПК РФ. Именно так уяснили и применяют рассматриваемые нормы 57% опрошенных нами судей районных судов г. Н.Новгорода и г. Казани.

Мы солидарны с ними лишь в том, что законодательные предписания в данной области должны быть изложены более четко и понятно. Обратим также внимание на то, что законодатель не запретил выяснять мнение потерпевшего о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, он всего лишь умолчал об этом. Что же касается значения позиции потерпевшего при рассмотрении указанных уголовных дел, то здесь наше мнение с респондентами кардинально расходится. На наш взгляд, поскольку речь идет об использовании особого порядка судебного заседания, то здесь должны применяться все общие правила, установленные для этой процедуры. Именно об этом указано в ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ. Кстати, в главе 40.1 УПК РФ не только не упоминается о потерпевшем, но и не изложено большинство иных правил, присущих особому порядку судебного разбирательства. В частности, не говорится о возможности проведения прений сторон, предоставлении последнего слова подсудимому, выяснении мнения подсудимого о возможности рассмотрения дела в особом порядке, исследовании обстоятельств преступления, совершенного подсудимым, обстоятельств, характеризующих его личность и др. Между тем, эти правила устанавливаются главой 40 УПК РФ, в том числе, посредством применения отсылочных норм, и необходимость их исполнения возражений не вызывает.

В разрешение данного вопроса по жалобе ряда граждан вынужден был вступить Конституционный суд РФ. К.Б. Калиновский, являющийся ведущим советником Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда РФ, ссылается на определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1481-О-О по жалобе граждан В.С. Ковальчука и Т.Н.Ковальчук, которое не было опубликовано[3]. В данном документе отражена позиция суда о правах потерпевшего по делу с досудебным соглашением о сотрудничестве обвиняемого со следствием. Высшим органом конституционного контроля констатировано, что нормы главы 40.1 УПК РФ не предусматривают участие потерпевшего в процедуре заключения досудебного соглашение о сотрудничестве и не ставят в зависимость от его волеизъявления саму возможность использования данного соглашения по уголовному делу, в том числе, назначения более мягкого наказания. Конституционный Суд РФ считает, что такое ограничение прав допускается в целях защиты прав и законных интересов других лиц и организаций от преступлений, возмещения причиненного вреда, восстановления нарушенных прав, что соответствует конституционно оправданным целям. Вместе с тем, как отмечается в определении, при проведении судебного заседания в порядке ст. 317.7 УПК РФ потерпевший может отстаивать свою позицию, поскольку он не лишен права возражать против рассмотрения дела в особом порядке. Часть 4 ст. 317.7 УПК РФ не исключает обязанности суда применять общее правило ч. 6 ст. 316 УПК РФ, в соответствии с которым при возражении потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного следствия, уголовное дело рассматривается в общем порядке.

Таким образом, пусть даже и не в категоричной форме, но Конституционный Суд РФ выразил свою позицию – мнение потерпевшего имеет решающее значение при определении порядка рассмотрения уголовного дела, по которому с обвиняемым заклю-

чено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Изложенные нами выше суждения, а также позиция Конституционного Суда РФ позволяют настаивать на внесении в главу 41.1 УПК РФ соответствующей корректировки. Наиболее простым в данном случае нам представляется дополнение ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ после слова «не соблюдены» фразой: «а также при возражении подсудимого, государственного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора в особом порядке» и далее по тексту.

Но, решив таким образом вопрос с потерпевшим, мы можем породить новую проблему. Так, из содержания ст. 316 УПК РФ вытекает, что назначение наказания подсудимому, размер которого не превышает две трети от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, возможно только в рамках особого порядка судебного разбирательства. Если по каким-либо причинам это дело рассматривалось в обычном порядке, то указанное выше правило применяться не должно. Возникает вопрос: а при рассмотрении уголовного дела в общем порядке в отношении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должна ли действовать эта схема? Иными словами, может ли судья при определении наказания руководствоваться положениями ст.ст. 62, 64, 73, 80.1 УК РФ?

В главе 40.1 УПК РФ ответ на этот вопрос не содержится. Однако анализ указанных выше норм материального права позволяет сделать вывод, что их положения могут быть применены вне зависимости от формы, в которой осуществляется судебное разбирательство. То есть, условия досудебного соглашения могут быть выполнены стороной обвинения, независимо от волеизъявления потерпевшего. Вместе с тем, право влиять на порядок судебного заседания у потерпевшего должно быть, поскольку нередко именно его реализация позволяет человеку убедиться в том, что его интересы не оставлены государством без внимания.

Теперь обратимся к участию потерпевшего в процессе заключения досудебного соглашения, который имеет место в досудебном производстве.

Согласно ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ прокурор, приняв решение об удовлетворении ходатайства следователя (согласованного с руководителем следственного органа) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, приглашает следователя, подозреваемого или обвиняемого и его защитника. С их участием прокурор составляет досудебное соглашение о сотрудничестве. Участие потерпевшего в этой процедуре не предусмотрено. Но необходимо ли оно?

Большинство ученых, высказавшихся по этому вопросу, предлагают решить его в пользу потерпевшего. Так, В.М.Быков полагает, что «потерпевший должен иметь право высказать свою позицию еще до подписания прокурором соглашения с обвиняемым о том, как обвиняемый должен быть наказан, заслуживает ли он смягчения наказания, а также знать, как ему, потерпевшему, будет возмещен вред, причиненный преступлением и т.д.»[4]. О.В.Карпов, И.В.Маслов подчеркивают, что «заключение соглашения с подозреваемым, обвиняемым может повлечь существенное нарушение прав и законных интересов указанных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, так как возможность заключения соглашения не ставится в зависимость от возмещения вреда, причиненного преступлением»[5].

Имеют место и более категоричные высказывания по этому вопросу. А.В.Смирнов отмечает, что «принимая во внимание конституционное право на доступ потерпевшего к правосудию, условием заключения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым должно быть согласие потерпевших от преступления»[6]. А.Р. Белкин настаивает на том, что «согласие потерпевшего – необходимое условие заключения досудебного соглашения с подозреваемым, обвиняемым»[7]. О том, что отстранение потерпевшего от процедуры заключения досудебного соглашения является принципиально ошибочной позицией законодателя, говорят и другие авторы[8]. В связи с этим, вносятся предложения по совершенствованию законодательства[9].

Однако, в указанном нами выше Определении Конституционного Суда РФ изложена иная позиция, обоснованием которой явилась необходимость защиты прав и законных интересов других лиц и организаций, потерпевших от преступления. Данное мнение подтверждается рядом ученых. Так, А.С.Александров указывает, что «...законодатель сделал все правильно, поскольку цель института сугубо публично-правовая – раскрытие преступлений, новых, прежде всего. Если ставить достижение этой цели в зависимость от воли потерпевшего, то институт значительно потеряет в своей эффективности»[10]. «Такую позицию можно понять: интересы потерпевшего могут иметь узкоэгоистический характер и ставить достижение публичных задач в зависимость от них нельзя»[11].

Действительно, в правоприменении иногда возникают непростые ситуации. С одной стороны, видится необходимость защитить интересы потерпевшего по делу, которое можно назвать в данном случае основным, с другой – обвиняемый предоставляет информацию, позволяющую рас-

крыть иные преступления, а значит, и защитить интересы других лиц, но с учетом смягчения ему наказания. Это не всегда соответствует интересам потерпевшего по основному делу. Кроме того, в данный процесс вливаются публичные интересы государства. В чью же пользу должна быть разрешена такая ситуация? На наш взгляд, однозначно ответить на поставленный вопрос не представляется возможным. Так же как урегулировать это в законе. Причина тому – многообразие жизненных ситуаций, уникальность каждой из которых не позволяет в данном случае применить императивный метод правового регулирования.

Не имеется однозначного подхода к таким ситуациям и в зарубежном законодательстве. В частности, законодательство США, где сделка о признании вины является достаточно разработанной и применяемой, не содержит категоричных и четких указаний по рассматриваемому вопросу. В отдельных штатах потерпевший лишь уведомляется о сделке, заключенной с обвиняемым, в других – имеет право узнавать результаты примененной сделки, в третьих – перед заключением сделки прокурор должен провести консультации с жертвой преступления. При этом оказать какое-либо серьезное влияние на принятие решения о заключении сделки потерпевший не может[12].

Но, представляется, что приоритеты в этой области расставить необходимо. Вне всяких сомнений, представляется необходимым обеспечить, в первую очередь, интересы потерпевшего по основному уголовному делу. И не только путем выяснения его отношения к возможности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке. Потерпевший должен быть уведомлен еще в ходе предварительного расследования о заключении с обвиняемым соглашении о сотрудничестве. Поскольку эта деятельность является официальной, то ему должно быть предоставлено право знакомиться с соответствующими документами. Однако, при этом необходимо соблюсти условия, обеспечивающие безопасность обвиняемого, заключившего соглашение. На наш взгляд, все это может быть сделано в уведомительном порядке, без выяснения мнения потерпевшего. Но у последнего имеется право в рамках ст. 123 УПК РФ обжаловать данное решение, в том числе и в суд.

Кроме того, устанавливая процедуру заключения соглашения о сотрудничестве, законодатель вовлек в нее достаточно большое число лиц. Это предполагает, что следователь, принимая решение по поступившему ходатайству о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, должен учесть все обстоятельства дела, включая показания потерпевшего и его позицию. Решение следователя о заключении соглашения должен поддержать (или опровергнуть) руководитель следственного органа. И, наконец, само соглашение о сотрудничестве заключается прокурором, призванным осуществлять надзор за соблюдением законности в процессуальной деятельности органов следствия, в том числе, за соблюдением в ходе расследования прав и законных интересов потерпевшего. Эти требования вытекают из норм УПК РФ и отчасти содержатся в ведомственном нормативном акте, регламентирующем указанную деятельность прокурора[13]. Представляется, что если все указанные лица будут исходить из необходимости обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, то спорных ситуаций в правоприменении удастся избежать.

Примечание

1. Среди последних публикаций по этому вопросу см., напр.: Решетова Н.Ю., Конярова Ж.К. Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности: пособие. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. 85 с.; Калиновский К.Б. Потерпевшие тоже могут быть несогласными // Уголовный процесс. 2012. № 1. С. 9; Чабукиани О.А. Гарантии прав потерпевших при заключении стороной обвинения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 35-36

2. Это показало изучение 63 уголовных дел, по которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. 18 из них рассмотрены районными судами Н.Новгорода и Екатеринбурга в 2012 г.

3. См.: Калиновский К.Б. Потерпевшие тоже могут быть несогласными // Уголовный процесс. 2012. № 1. С. 9. Текст данного документа, тем не менее, содержится в Интернет-ресурсах. См., напр.: Определение Кон-ституционного суда РФ от 02.11.2011 № 1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2011

4. Быков В.М. Новый закон о сделке обвиняемого с правосудием: критические заметки // Российский судья. 2009. № 11. С. 4-7.

5. Карпов О.В., Маслов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 6

6. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудниче-

стве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 8.

7. Белкин А.Р. Досудебное соглашение о сотрудничестве нуждается в коррективах // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21-22 декабря 2009 года). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 73-84

8. См., напр.: Николаева Т., Ларкина Е. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2009. № 6. С. 88; Баев М.О., Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: среди мифов и рифов // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21-22 декабря 2009 года). Вып. 6. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 7-15.

9. См., напр.: Парфенов В.Н. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2009. № 11. С. 16.

10. Александров А.С. ФЗ-141 принят, что дальше? // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 12

11. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С.10

12. См.: Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. С. 48, 56, 116, 117.

13. См.: Приказ Генерального прокурора РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. № 6. 2010. С. 35.

Библиографический список

1. *Александров А.С.* ФЗ-141 принят, что дальше? // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21-22 декабря 2009 года). Вып. 6. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 7-15.

2. *Александров А.С., Александрова И.А.* Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3-11.

3. *Баев М.О., Баев О.Я.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: среди мифов и рифов // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21-22 декабря 2009 года). Вып. 6. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 42-47.

4. *Белкин А.Р.* Досудебное соглашение о сотрудничестве нуждается в коррективах // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21-22 декабря 2009 года). Вып. 6. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 73-84.

5. *Быков В.М.* Новый закон о сделке обвиняемого с правосудием: критические заметки // Российский судья. 2009. № 11. С. 4-7.

6. *Калиновский К.Б.* Потерпевшие тоже могут быть несогласными // Уголовный процесс. 2012. № 1. С. 9.

7. *Карпов О.В., Маслов И.В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9. С.3-7.

8. *Кухта К.И., Махов В.Н.* Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. 216с.

9. *Николаева Т., Ларкина Е.* Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2009. № 6. С. 85-88.

10. Определение Конституционного суда РФ от 02.11.2011 №1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

11. *Парфенов В.Н.* Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2009. № 11. С. 15-18.

12. Приказ Генерального прокурора РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. № 6. 2010. С. 35.

13. *Решетова Н.Ю., Конярова Ж.К.* Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности: пособие. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2011. 85 с.

14. *Смирнов А.В.* Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о

сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5-14.

15. *Чабукиани О.А.* Гарантии прав потерпевших при заключении стороной обвинения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 35-36.

S.A. SINENKO

ON THE RIGHTS OF THE VICTIM IN CONCLUSION PRE-TRIAL AGREEMENT COOPERATION

The article analyzes the criminal procedure institute special order the court decision at the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation. The article reveals some of the problematic issues related to the application in practice of the rules of Chapter 40.1. Criminal Procedure Code. The reader's attention is focused on the need to listen to the victim in the process of concluding pretrial agreement. Various options for consideration of the opinion of the victim in a criminal case at the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation.

Key words: ***the victim, the pre-trial agreement on cooperation, criminal proceedings, bargain with justice.***

М.Н. ШИШКИНА
старший помощник прокурора Ленинского района г. Воронежа
E-mail: tryxachev@law.vsy.ru
Тел. 8 920 412 58 82

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАЗУМНЫЙ СРОК

Статья анализирует практику российского уголовного судопроизводства с точки зрения ее соответствия принципу разумности. Раскрываются причины необоснованных задержек при производстве по уголовному делу. Автором вносятся предложения по предупреждению нарушений разумного срока уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: ***уголовное судопроизводство, прокурор, разумный срок производства по уголовному делу.***

Закрепление в УПК РФ принципа разумности уголовного судопроизводства является мощным стимулом для оптимизации уголовно-процессуальных средств осуществления уголовного судопроизводства. Как верно отмечает А.А.Тришева, введение в уголовный процесс нового принципа (имеется ввиду принцип разумного срока уголовного судопроизводства) обязывает пересмотреть нормы и институты УПК с целью приведения их в соответствии с новым принципом[1].

Подчеркнем, что применительно к указанному случаю речь идет о принципе, который в качестве основного, руководящего начала уголовного судопроизводства законодателем выделен впервые.

Рассмотрение правовых средств осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок на досудебных стадиях целесообразно начать с принципиальных положений УПК РФ, а именно с назначения уголовного судопроизводства. В УПК РСФСР 1960г. содержалась норма-принцип, согласно которой задачами уголовного процесса признавались: быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден (ч.1 ст. 2 УПК РСФСР).

Ряд авторов полагает, что невключение в УПК РФ 2001г. положения, согласно которому назначением уголовного судопроизводства является оперативное и полное раскрытие преступлений, следует расценивать как упущение законодателя. Так, З.Д. Еникеев отмечает, что эти важные и крайне необходимые положения не получили законодательного закрепления[2]. В этом мы видим одну из основных причин резкого падения раскрываемости преступлений после введения УПК РФ в действие.

С приведенным мнением следует согласиться. Думается, общественным интересам, а именно эффективному и оперативному противостоянию органов уголовной юстиции преступности будет способствовать закрепление в УПК РФ положения, согласно которому назначением уголовного судопроизводства является защита общественных интересов, заключающихся в незамедлительном и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных в их совершении. По нашему мнению, действующая редакция ст.6 УПК РФ недостаточно отражает общественный, публичный характер уголовного судопроизводства. Оно инициируется осуществляющими уголовное преследование органами в случае совершения преступлений, а существование уголовного судопроизводства обусловливается именно необходимостью борьбы с преступностью. С учетом отмеченных обстоятельств предлагаем изложить ч.1 ст.6 УПК РФ следующим образом:

1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

– защиту общественных интересов, заключающихся в незамедлительном и полном раскрытии преступлений, изобличении виновных в их совершении;

– защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

– защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод…».

В данном случае мы целенаправленно используем термин «незамедлительное раскрытие престу-

1 Тришева А.А. Возращение уголовного дела прокурору и разумный срок уголовного судопроизводства //Законность. 2011. №5. С.3.

2 Еникеев З.Д. Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России //Международное публичное и частное право. 2010. №4. С.18.

© М.Н. Шишкина

плений», ибо термин «быстрота» применительно к уголовному судопроизводству может способствовать его упрощенчеству.

Думается, следует учитывать и мнение практических работников по поводу предлагаемых нами дополнений в ст.6 УПК РФ. Большинство следственных работников (76%); прокуроров (55%); значительная часть судей (39%) положительно оценили указанные предложения.

Отечественное уголовно-процессуальное законодательство традиционно закрепляло обязанность незамедлительного проведения расследования должностными лицами. Так, ст.110 УПК РСФСР 1923г. содержала обязанность следователя, получившего сведения или материалы о совершившемся на его участке преступлении, требующем предварительного следствия, немедленно приступить к производству следствия.

В ст.129 УПК РСФСР 1960г. содержалось положение, согласно которому следователь обязан был немедленно приступить к производству следствия по уголовному делу, которое было либо им возбуждено, либо передано ему. Однако, в действующем УПК РФ в ст.21 «Обязанность осуществления уголовного преследования» требование незамедлительности проведения расследования не упоминается. В ч.2 говорится лишь о том, что в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Не упоминается требование немедленного проведения предварительного следствия и в ст.37-41 УПК РФ, где определяется процессуальный статус участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Для восполнения существующего пробела предлагается изложить ч.2 ст.21 УПК РФ в следующей редакции: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель немедленно принимают предусмотренные настоящим кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления».

Как показали результаты проведенного опроса, большинство практических работников, представляющих сторону обвинения и судей, положительно оценивают приведенное предложение (52% следственных работников, 66% прокуроров, 61% судей).

Предотвращению и снижению уровня необоснованных задержек на досудебных стадиях, по нашему мнению, будет способствовать наделение прокурора правом возбуждать уголовное дело, которого он был лишен Федеральным законом от 5 июня 2007г. № 87-ФЗ. По мнению ряда авторов, лишение прокурора этого права является социально ущербным, так как порождает волокиту с отрицательными последствиями для безопасности личности, общества и государства[3].

Необоснованные задержки в уголовном судопроизводстве, которые в значительной мере происходят вследствие лишения прокурора права возбуждения уголовного дела, чаще всего происходят в следующих случаях:

1. При вынесении прокурором в порядке п. 2 ч. 2 ст.37 УПК РФ мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства.

Следователи и руководители следственных органов, с согласия которых следователи отказывают в возбуждении уголовного дела в таких случаях (в соответствии с ч.1-1 ст.148 УПК РФ), зачастую выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного по незаконным и необоснованным основаниям. При этом следственные работники ссылаются в таких случаях на «отсутствие судебной перспективы», «недостаточность доказательственного материала» и т.д. В таких случаях вместо немедленного возбуждения уголовного дела прокуроры вынуждены вступать в переписку с руководством следственных органов, которая зачастую приобретает длительный характер и возбуждением уголовного дела не заканчивается.

Объективности ради отметим, что иногда прокуроры, настаивая на возбуждении уголовного дела, руководствуются узкопрофессиональными интересами, пытаясь таким образом повысить уровень значимости своей деятельности. Такая ситуация, не носящая систематический характер, но, тем не менее, имеющая место, встречается в ходе общенадзорной деятельности прокуратуры, когда по результатам общенадзорных проверок возбуждается уголовное дело, расследование которого не заканчивается направлением дела в суд. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев прокуроры принимают обоснованные решения об инициировании уголовного преследования[4]. Возвращение

3 Еникеев З.Д. Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России //Международное публичное и частное право. 2010. № 4. С.20.

4 Харебава Г.Д. Возбуждение уголовного дела по результатам общенадзорной деятельности прокуратуры // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. №2. С.60-63.

им права возбуждения уголовного дела не только отвечает интересам борьбы с преступностью, но и непосредственно способствует оперативности уголовного судопроизводства.

2. В случае признания прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных следователем, руководителем следственного органа, органом дознания или дознавателем, незаконными или необоснованными.

В соответствии с ч.6 ст.148 УПК РФ, признав постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, соответствующий руководитель следственного органа отменяет его и возбуждает уголовное дело либо направляет материалы для дополнительной проверки со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения.

В итоге и в этих случаях вместо оперативного возбуждения уголовного дела, в случаях несогласия следственных работников с мнением прокурора, возникает затяжная, нередко конфликтная ситуация, что явно не способствует интересам правосудия.

Отметим также, что в таких случаях возбуждение уголовного дела прокурорами до лишения их этого полномочия являлось эффективным средством борьбы с сокрытием преступлений, допускаемых оперативными и следственными работниками. Преступления скрывались и продолжают скрываться в таких случаях путем вынесения незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела со ссылками на малозначительность совершенных деяний, отсутствии события преступления либо состава преступления и т.д., хотя в материалах проверки содержатся сведения о признаках преступлений.

Как отмечается Генеральным прокурором Российской Федерации, ежегодно прокуроры выявляют свыше 2 миллионов нарушений законов, допущенных органами дознания при рассмотрении сообщений о преступлениях. По-прежнему имеют место факты укрытия преступлений от учета. Так за 9 месяцев 2011 года были зарегистрированы 1 миллион 705 тысяч преступлений. А прокуроры выявили и дополнительно поставили на учет 99978 преступлений. В их числе – 201 убийство, 1494 фактов причинения тяжкого вреда здоровью и 47915 преступлений против собственности[5].

Целями использования такой формы сокрытия преступлений в большинстве случаев являются создание видимости снижения уровня преступности, высокой раскрываемости преступлений на «подотчетной» работникам оперативных и следственных подразделений территориях. Реже мотивацией такого рода сокрытия преступлений является корыстная мотивация, когда преступления скрываются коррумпированными сотрудниками следственных или оперативных подразделений, либо личная заинтересованность.

Не случайно, в своем приказе от 12 июля 2010г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» Генеральный прокурор выдвигает перед нижестоящими прокурорами ряд требований.

В частности, Генеральный прокурор требует во избежание многократных отмен постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и проведения дополнительных проверок по одному сообщению о преступлении, в том числе по результатам рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства. Разработать порядок контроля за разрешением материалов до принятия законного и обоснованного процессуального решения, требуя обеспечения полноты первоначально проводимых проверок.

По фактам нарушения сроков осуществления проверочных мероприятий, принятия решений, вынесения заведомо незаконных и необоснованных решений инициировать проведение служебных проверок с уведомлением прокуроров о принятых к виновным должностным лицам мерах ответственности.

Как показали результаты опроса практических работников, подавляющее большинство прокурорских работников (77%) считает, что наделение прокурора правом возбуждения уголовного дела положительно скажется на оперативности уголовного судопроизводства и обеспечении разумного

5 См.: Интервью с Генеральным прокурором Российской Федерации Ю.Чайкой // Российская газета. 12 января 2012г. Столичный выпуск №5676.

срока уголовного судопроизводства. Так же считает большинство судей (68%) и значительная часть адвокатов (42%). В то же время большинство следственных работников (56%) считает, что наделение прокурора указанным правом не окажет существенного влияния на оперативности уголовного судопроизводства и обеспечении разумности срока уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, осуществлению уголовного судопроизводства без необоснованных задержек будет способствовать законодательное закрепление возможности проведения такого следственного действия как назначение экспертизы. Предложения о необходимости такого законодательного закрепления высказывались рядом авторов на протяжении длительного времени (Г.Н.Мудьюгиным, М. Похисом, Ю.Н. Белозеровым, А.А. Чувилевым; Е.Н. Тихоновым, А.Р. Белкиным, А.В.Хмелевой и другими исследователями.)[6]. Среди основных аргументов называлась, в частности, проблематичность законного и обоснованного возбуждения уголовного дела без проведения экспертизы, решающей вопросы: о принадлежности определенного вещества (предмета) к тем, противоправный оборот которых является уголовно-наказуемым (огнестрельное оружие, наркотические вещества и т.п.); установления причины смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью и т.п.

Противники данного предложения (В.М. Савицкий, В.И. Шиканов, М.Б. Вандер и другие исследователи) также выдвигают ряд аргументов, основу которых составляет недостаточный уровень обеспечения законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства при проведении экспертизы до возбуждения уголовного дела, прежде всего подозреваемых и обвиняемых, который ведет к «размыванию» уголовного процесса[7].

Присоединяясь к мнению первой из указанных групп авторов, считаем необходимым отметить следующие дополнительные, на наш взгляд, аргументы в ее пользу. Назначение и проведение ряда сложных экспертиз, как отмечалось ранее, в том числе на уровне Пленумов высших судебных инстанций, объективно усложняет производство по делу, а их запоздалое назначение и без необходимости длительное проведение нередко приводит к нарушению принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Напомним, что мнение практических работников – участников проведенного нами опроса в отличие от многих иных вопросов не вызвало серьезных разногласий. Большинство из них относит назначение и проведение экспертиз с необоснованными задержками к числу основных причин волокиты в отечественном уголовном судопроизводстве.

Что касается недостаточного уровня обеспечения законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства, то законодатель счел этот уровень приемлемым для осуществления нескольких видов следственных действий: осмотра места происшествия, трупа, освидетельствования. проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела (ч.2 ст.176, ч.4 ст.178, ч.1ст.179 УПК РФ). В качестве дополнительной уголовно-процессуальной гарантии обеспечения прав граждан как один из вариантов можно рассмотреть предложение о возможности проведения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела в отношении физических лиц только с их согласия.

Достаточно эффективным правовым средством предупреждения нарушения разумного срока уголовного судопроизводства явилось бы законодательное закрепление срока проведения экспертиз и условий его продления. Следует согласиться с предложением И.А. Ефремова, согласно которому необходимо определение срока производства судебной экспертизы в Законе о государственной судебно-экспертной деятельности путем установления периода, в течение которого судебная экспертиза должна быть выполнена. Это можно сделать по аналогии с тем, как в этом Законе (ст. 30) определяется срок помещения лица в медицинский стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Правила указанной статьи, по сути, устанавливают и срок производства экспертиз этих видов. Максимальный срок для производства любой экспертизы мог бы быть определен в указанном законе до 30 календарных дней[8].

Как показали результаты проведенного опроса, большинство практических работников положительно оценивают приведенное предложение (69% следственных работников, 74% прокуроров, 62% судей, 68% адвокатов).

Уголовно-процессуальным средством, которое

6 См.: Мудьюгин Г., Похис М. Судебно-медицинскую экспертизу в стадию возбуждения уголовного дела //Соц. законность. 1971. № 9. С. 56–58; Чувилев А.А. Следственные действия по уголовно-процессуальному законодательству СССР и некоторых зарубежных социалистических стран. Лекция. М.,1970.30-36 и другие.

7 См.: Савицкий В. М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? //Сов. государство и пра-во. 1974. № 8. С. 87. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 25; Вандер М.Б. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ, изделий. СПб., 2001. С.30.

8 См.: Ефремов И.А. Сроки производства судебных экспертиз или что нужно делать, чтобы эти сроки соблюдались //Адвокат. 2009. №10. С. 34-40.

способствовало бы снижению необоснованных задержек и осуществлению досудебного производства в разумный срок, по нашему мнению, явилось бы уравнивание на законодательном уровне юридической силы доказательств и сведений, которые были получены в ходе проверки сообщения о преступлении, производимой в порядке ст.144 УПК РФ. Речь идет о полученных объяснениях, материалах документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов[9].

В настоящее время по вопросу о доказательственной силе материалов, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке ст.144 УПК РФ, единство мнений отсутствует. Дискуссии по этому вопросу среди представителей уголовно-процессуальной науки ведутся на протяжении длительного времени. Согласно одной точке зрения сведения, полученные в порядке ст.144 УПК РФ, следует рассматривать в качестве такой разновидности доказательств, предусмотренной ст. 84 УПК РФ, как «иные документы». Согласно иному, более распространенному мнению, сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, кроме тех, что получены в ходе следственных действий, производство которых разрешено до возбуждения уголовного дела, юридической силы доказательств не имеют.

Законодатель по данному вопросу однозначно не высказался. На наш взгляд, следует учитывать, что получение объяснений, проведение документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов и трупов проводятся такими же методами и средствами, что и следственные действия: допросы, судебные экспертизы, а, нередко, одними и теми же субъектами. При этом полученные сведения, так же как и доказательства, имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст.73 УПК РФ.

Важным является то обстоятельство, что сложившееся положение приводит к необоснованному дублированию в работе дознавателей, следователей и экспертов. Для получения легальных доказательств после возбуждения уголовного дела дознаватели и следователи вынуждены вновь вызывать и допрашивать в качестве свидетелей тех лиц, которые уже вызывались и давали объяснения в ходе проверки сообщения о преступлениях. Причем, как правило, от них получается та же информация, что уже была получена в ходе объяснений. Если учесть, что допрос свидетелей, которые до возбуждения уголовного дела опрашивались как очевидцы, является распространенным следственным действием, то выполнение дублирующей работы (изложение уже полученной информации, но на бланке допроса) отнимает у следователей много времени и является одним из факторов, способствующих необоснованному увеличению продолжительности расследования.

Необоснованным задержкам в ходе расследования способствует назначение и проведение судебных экспертиз, которые отвечают на те же вопросы, что были поставлены до возбуждения уголовного дела перед специалистом при получении заключения специалиста. В качестве эксперта, проводящего экспертизу, часто выступает то же лицо (как правило, эксперт по должности), которое давало заключение в качестве специалиста до возбуждения уголовного дела. Причем повторно исследуются объекты (например, оружие, наркотические средства), которые уже были предметом исследования, проводимого специалистом. Если учесть, что необходимость производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов является основанием продления проверки сообщения до 30 суток (ч.3ст.144 УПК РФ.)

Отметим, что вопрос о придании статуса доказательств информации, полученной в ходе проверки сообщения о преступлении, с целью повышения оперативности расследования и избежания дублирования затрагивался в трудах советских криминалистов, однако до настоящего времени положение в данной сфере существенно не изменилось. Между тем, большинство опрошенных нами следователей (63%) и относительно значительная часть прокуроров (29%) положительно высказались за придание статуса доказательств сведениям, полученным в ходе процессуальной проверки сообщения о преступлении.

Переходя к вопросу об оптимизации правовых средств осуществления судебного производства в разумный срок, отметим, что диапазон указанных средств значительно уже используемых в досудебном производстве. Законодатель, осознавая основополагающую роль суда в отечественном уголовном судопроизводстве, который имеет исключительное полномочие на осуществление правосудия (ст.8 УПК РФ), дает судьям большей свободы действий в ходе судебного разбирательства и в меньшей степени связывает процесс судебного разбирательства определенными процессуальными сроками.

Тем не менее, определенные возможности оптимизации процессуальных средств осуществления судебного производства в разумный срок все же имеются. В частности, на наш взгляд, оптимизации осуществления судебного производства

9 См.: Грачев С., Частнов К. О «разумных сроках» предварительной проверки сообщения об экономическом преступлении // Следователь. 2008. №4. С.23-26.

будет способствовать законодательное закрепление в числе общих условий судебного разбирательства его непрерывности. Как отмечалось ранее, необоснованные перерывы в судебном разбирательстве относятся к достаточно распространенному фактору, приводящему к необоснованным задержкам в уголовном судопроизводстве. Верховный Суд Российской Федерации, признавая по конкретным делам нарушение права на судопроизводство в разумный срок, указывал на необоснованные перерывы в судебном разбирательстве как на причину указанного нарушения. В частности, по делу Фахретдинова Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что имелись случаи отложения дела без указания причин[10].

Закрепление в УПК РФ непрерывности в качестве общего условия судебного разбирательства явится фактором, который будет предупреждать временные затраты судей на рассмотрение в ходе судебного производства по конкретному уголовному делу иных дел, в том числе гражданских и административных, а следовательно, способствовать осуществлению производства по делу в разумные сроки. В настоящее время рассмотрение иных дел в перерывах судебного разбирательства уголовного дела рассматривается судами как обстоятельство, оправдывающее длительность производства по этому делу. Так, по делу судьи Мальцева, который решением квалификационной коллегии судей был привлечен к дисциплинарной ответственности за длительное рассмотрение уголовного дела, Судебная коллегия Верхового Суда, в частности указала следующее: « Как видно из материалов дела, уголовное дело поступило в производство судье Мальцеву в 45 томах на 8 лиц, обвинявшихся в совершении 22 эпизодов преступлений, отнесенных к разряду тяжких...»[11]. При этом в перерывах судебного разбирательства судьей рассматривались другие уголовные дела и административные материалы. С учетом этих и некоторых иных обстоятельств Судебная коллегия отменила решение квалификационной коллегии судей о привлечении судьи Мальцева к дисциплинарной ответственности и решение Московского областного суда об отказе в отмене этого решения.

Между тем, обеспечение права подсудимых на судопроизводство в разумные сроки требовало концентрации судьи на рассматриваемом уголовном деле. Подсудимые заинтересованы в обеспечении своего законного права, а не в том, чтобы судья рассматривал иные дела в период уголовного судопроизводства по их делу. Попутно отметим, что подсудимые не были виновными в том, что в 15 случаях разбирательство прерывалось из-за недоставки подсудимых в судебное заседание, вызванной отсутствием возможности их раздельного содержания в камерах ИВС. (По данным квалификационной коллегии судей, по данному делу разбирательство откладывалось или объявлялись перерывы по различным причинам более 100 раз).

В качестве аргумента необходимости закрепления в УПК РФ непрерывности в качестве общего условия судебного разбирательства также отметим, что такое условие закреплено в Гражданском процессуальном кодексе РФ. Согласно ч.3 ст.157 ГПК РФ судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, за исключением времени, назначенного для отдыха. До окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его разбирательства суд не вправе рассматривать другие уголовные, гражданские и административные дела. Думается, такая формулировка вполне приемлема для ее использования в ст. 240 УПК РФ.

Отметим также, что требование непрерывности судебного разбирательства, к тому же выраженное в более категоричной форме, содержится в законодательстве ряда зарубежных государств. Например, в Дании, согласно положениям уголовно-процессуального законодательства при разбирательстве уголовного дела недопустимо объявление перерыва судебного заседания на выходные дни[12].

Согласно результатам проведенного опроса практических работников большинство следователей (56%), прокуроров (63%) и подавляющее большинство адвокатов (94%) положительно отнеслись к необходимости закрепления в УПК РФ непрерывности в качестве общего условия судебного разбирательства. Значительная часть судей (32%), хотя представители судейского сообщества понимают относительную неудобность для них рассматриваемого предложения, также положительно его оценили.

На основании изложенного предлагается внести следующие дополнения в редакцию ст.240 УПК РФ: Изложить наименование ст.240 в следующей редакции «Непосредственность, устность и непрерывность». Дополнить ст.240 УПК РФ п.5 следующего содержания: судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, за исключением времени, предназначенного для отдыха. До окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его разбирательства суд не вправе рассматривать другие

10 Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 14.12.2010 №49-Г10-88 //СПС КонсультантПлюс.

11 Определение Верховного Суда РФ от 22.09.2010 №4Г10-29 //СПС Консультант-Плюс.

12 Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С.18.

уголовные, гражданские и административные дела.

В литературе высказано радикальное предложение, касающееся обеспечения разумного срока судебного разбирательства. Имеется ввиду предложение об установлении в УПК РФ срока рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции. Мнение практических работников по данному вопросу неоднозначно. Большинство следственных работников (69%) и адвокатов (56%) отнеслись к данному предложению положительно. В то же время подавляющее большинство судей (98%) и большинство прокурорских работников (58%) указанное предложение не поддержали.

По мнению некоторых авторов предложения об установлении срока рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, это «может способствовать реальному обеспечению реализации общего условия о непрерывности судебного разбирательства, данная мера позволит также вывести Россию из списка регулярных ответчиков в Европейском суде по факту несоблюдения разумного срока разбирательства уголовных дел»[13].

Обоснованность данного предложения аргументируется следующим образом: «Согласно ст.152 Арбитражного процессуального кодекса дело должно быть рассмотрено арбитражным судом первой инстанции и решение принято в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения суда о назначении дела к судебному разбирательству, если Кодексом не установлено иное. Статья 154 Гражданского процессуального кодекса гласит: Гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, а мировым судьей – до истечения месяца со дня принятия заявления к производству. Соответственно, возникает вопрос, почему этот срок не установлен в УПК? Вряд ли приемлема при этом ссылка на больший по сравнению с гражданскими, арбитражными делами объем уголовных дел, а также на их исключительную сложность»[14].

Противники указанной точки зрения отмечают, что длительность судебного разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции не может быть регламентирована в силу особенностей каждого дела. Иное означало бы загнать судебное производство в прокрустово ложе[15].

На наш взгляд, следует согласиться с последней из приведенных точек зрения. Однако ее аргументация нуждается в уточнении. Дело, видимо ,не в том, что уголовные дела имеют больший по сравнению с гражданскими либо арбитражными делами объем либо исключительную сложность. Что касается объема, то наряду с многотомными уголовными делами, касающимися организованной преступной деятельности или преступлений в экономической сфере и некоторых иных категорий дел, предметом судебного рассмотрения становятся небольшие по объему уголовные дела. Также, видимо, нельзя утверждать, что гражданские или арбитражные дела проще, чем уголовные. Такое сопоставление представляется некорректным, поскольку правоприменители сталкиваются в ходе судопроизводства по уголовным, гражданским либо арбитражным делам с установлением и доказыванием деяний, имеющих различную правовую природу. Соответственно различны и трудности, с которыми приходится сталкиваться правоприменителям в ходе судебного производства по таким делам. В свою очередь, специфичны подходы, методы, тактические приемы, используемые при судебном рассмотрении дел различных категорий.

Трудно согласиться и с тем, что длительность судебного разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции не может быть регламентирована в силу особенностей каждого дела. Особенности присущи и гражданским, и арбитражным, и административным делам. Каждое дело имеет определенную специфику, ибо не существует полностью совпадающих правонарушений или споров, по поводу которых возникает судопроизводство.

По нашему мнению, длительность судебного разбирательства уголовных дел не может быть ограничена в уголовно-процессуальном законодательстве ввиду важности и специфичности уголовно-процессуальных правоотношений. Данные правоотношения возникают по поводу преступлений – общественно опасных деяний, затрагивающих наиболее значимые, зачастую жизненно важные права и законные интересы личности, общества, государства.

Вывод о виновности или невиновности лица в совершении преступления, формируемый в ходе судебного разбирательства, кардинально сказывается на судьбах людей, прямо затрагивает основные права человека. Этот вывод является настолько важным, что процесс его формирования у судей в ходе судебного производства по конкретным делам не может быть ограничен строгими временными рамками. Данный вывод является итоговым в уголовном судопроизводстве. Подчеркнем еще раз: расследование, предшествующее судебному разбирательству, продолжительность которого

13 Васяев А. Соблюдение разумного срока судебного разбирательства // Уголовное право. 2009. №5. С.120.

14 Васяев А. Соблюдение разумного срока судебного разбирательства // Уголовное право. 2009. №5. С.120.

15 Самылина И.Н. «Разумные сроки» в уголовном процессе //Российская юстиция. 2009. №4. С.49.

определена уголовно-процессуальным законодательством, не случайно именуется законодателем «предварительным».

Тезис об исключительной важности судебного производства по уголовным делам подтверждается тем, что основы (принципы) судебного разбирательства уголовных дел закреплены в ряде статей Конституции Российской Федерации.

Таким образом, судья, рассматривающий уголовное дело, ввиду исключительной важности его деятельности не может быть ограничен строгими временными рамками. Каждое обстоятельство, входящее в предмет доказывания по уголовному делу, должно быть проверено с максимальной тщательностью и взвешенностью. При этом судья должен иметь гарантии против формулирования поспешных выводов и принятия поспешных решений, не опасаться нарушения временных барьеров для рассмотрения уголовного дела в целом. Такой гарантией является в настоящее время отсутствие в УПК РФ предельных сроков судебного разбирательства уголовных дел.

Библиографический список

1. *Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М.* Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 560с.
2. *Вандер М.Б.* Криминалистическая экспертиза материалов, веществ, изделий. СПб.: Питер, 2001. -128с.
3. *Васяев А.* Соблюдение разумного срока судебного разбирательства // Уголовное право. 2009. №5. С.117-120.
4. *Гаврилов Б.Я.* Мониторинг УПК РФ в системе Министерства внутренних дел РФ //Уроки уголовного правосудия в России. М.: Юристъ. 2006. С.160-161.
5. *Грачев С., Частнов К.О* «разумных сроках» предварительной проверки сообщения об экономическом преступлении // Следователь. 2008. №4. С.23-26.
6. *Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. М.: Зерцало- М, 2001. 480с.
7. *Еникеев З.Д.* Исследование проблем социальной ценности антикриминального законодательства - важная задача юридической науки //Проблемы социальной ценности антикриминального законодательства. Уфа. РИЦ БашГУ, 2008. С.13-14.
8. *Еникеев З.Д.* Международно-правовые основы быстроты уголовного судопроизводства и проблемы их реализации в современной России //Международное публичное и частное право. 2010. 4. С.18-20.
9. *Ефремов И.А.* Сроки производства судебных экспертиз или что нужно делать, чтобы эти сроки соблюдались //Адвокат. 2009. №10. С. 34-40.
10. Интервью с Генеральным прокурором Российской Федерации Ю.Чайкой // Российская газета. 12 января 2012г. Столичный выпуск №5676.
11. *Мудьюгин Г., Похис М.* Судебно-медицинскую экспертизу в стадию возбуждения уголовного дела // Социалистическая законность. 1971. № 9. С. 56–58.
12. Определение Верховного Суда РФ от 22.09.2010 №4Г10-29 //СПС Консультант Плюс.
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 14.12.2010 №49-Г10-88 //СПС Консультант Плюс.
14. Проблемы обеспечения законности и обоснованности возбуждения уголовного дела. Учебное пособие / Белозеров Ю.Н., Чувилев А.А. М.: НИиРИО ВШ МВД СССР, 1973. 127с.
15. *Савицкий В.М.* Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? //Советское государство и право. 1974. № 8. С. 83-88.
16. *Самылина И.Н.* «Разумные сроки» в уголовном процессе //Российская юстиция. 2009. №4. С.48-53.
17. *Соловьев А.Б.* Подход к принципам уголовного судопроизводства в новом УПК РФ требует уточнения // Прокурорская и следственная практика. 2002. №1-2. С.172-176.
18. *Тихонов Е.Н.* Проблемы назначения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1984. С. 227-228.
19. *Тришева А.А.* Возращение уголовного дела прокурору и разумный срок уголовного судопроизводства // Законность. 2011. №5. С.3.
20. *Харебава Г.Д.* Возбуждение уголовного дела по результатам общенадзорной деятельности прокуратуры // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. №2. С.60-63.
21. *Хмелева А.В.* Вопросы назначения и производства судебных экспертиз по новому УПК РФ //Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2003. С. 311-323.

22. *Чувилев А.А.* Следственные действия по уголовно-процессуальному законодательству СССР и некоторых зарубежных социалистических стран. Лекция. М.: Изд-во Акад. МВД СССР,1970. 36с.

23. *Шиканов В.И.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та 1978. 190с.

M.N. SHISHKINA

OPTIMIZATION OF LEGAL MEANS OF CRIMINAL TRIAL WITHIN A REASONABLE TIME

The article analyzes the practice of the Russian criminal justice system in terms of its compliance with the principle of reasonableness. The reasons of undue delay in the criminal case. The author makes suggestions to prevent violations of a reasonable period of criminal proceedings.

Key words: **criminal trial, the prosecutor, a reasonable time of the criminal proceedings.**

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется на русском языке, а в конце статьи на английском языке. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R,CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание - Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *jpg. должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In»:) и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:

Книги

1. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. *Базыма Б.А*. Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. *Ильин И.А*. Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. *Harding A.E.* The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone,1984
5. *Goldman S.M., Tanner C*. Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. *Ершов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов. Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. *Block W., Karitzky J., Traber F. et al.* Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. *Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al*. The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. http://www.globalreach.com/

В конце статьи обязательно должна быть надпись ***статья публикуется впервые***, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. – (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель центра сравнительно-правовых исследований института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйст-венных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, руководитель НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, заведующая кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических, наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, зав. отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР–МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук.

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета; дейст-вительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член международной ассоциации изобразительных искусств им. И.А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) –доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, деканисторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – кандидат юридических наук, доцент Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета, директор НИИ правовых проблем Орловского государственного университета;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета дополнительного профессионального образования и повышения квалификации,зав. кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук. профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректура: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.10.2012 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём усл. 59,75 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 168
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74 45 08